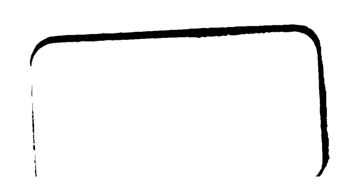
1817
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE



BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΕΜΠΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Α' καὶ Β'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ V.

ВЫП. 1 и 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. K. L. Ricker, Königsstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТДѢЛЪ I.

Христіанство у Аланъ.

I.

Аланы, т. е. предки нынѣшнихъ Осетинъ, были въ X вѣкѣ христіанскимъ народомъ. Свѣдѣніе объ этомъ въ самой ясной и опредѣленной формѣ сохранено Константиномъ Порфиророднымъ въ сочиненіи *De cerimoniis aulae Byzantinae.* Перечисляя формулы оффиціальнаго обращенія византійскаго императора къ властителямъ разныхъ племенъ и народовъ, царственный авторъ приводитъ также и ту, съ которой надлежало обращаться къ властителю Аланіи. Текстъ ея таковъ[1]):

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ὄντος καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς πιστοὶ ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλεῖς Ῥωμαίων πρὸς ὁ δεῖνα ἐξουσιαστὴν Ἀλανίας καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον.

Текстъ этого обращенія, въ особенности если сравнить его съ другими подобными формулами, какъ то: къ кіевскому князю, къ хазарскому кагану, а также къ разнымъ кавказскимъ державцамъ, свидѣтельствуетъ о близкихъ въ ту пору отношеніяхъ между Византіей и Аланами и о томъ значеніи, какое имѣлъ властитель Аланіи въ сферѣ тогдашнихъ политическихъ интересовъ. Не касаясь въ данной связи политической стороны вопроса, мы можемъ извлечь изъ приведенной формулы непреложное свидѣтельство о томъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ въ половинѣ X вѣка, когда писалъ Кон-

1) Const. Porphyr., De cer. II c. 48, I p. 688 B.

стантинъ Порфирородный. Какую-же давность имѣло въ ту пору христіанство у Аланъ и съ какого времени стало оно народной религіей?

Вопросъ этотъ ставилъ и разрѣшалъ его вполнѣ опредѣленно преосвященный Макарій въ своей «Исторіи христіанства на Руси до Владиміра». Во второмъ изданіи этого сочиненія (Спб. 1868) авторъ посвятилъ Аланамъ цѣлую главу, стр. 85—97. Нельзя однако сказать, чтобы преосвященный Макарій разъяснилъ вопросъ; напротивъ, онъ ввелъ въ него цѣлый рядъ неосновательныхъ предположеній и гипотезъ, которыя его скорѣе затемнили, чѣмъ содѣйствовали его разрѣшенію.

Такъ во-первыхъ, преосв. Макарій утверждалъ начало христіанства у прикавказскихъ Аланъ въ IV вѣкѣ, основываясь на томъ, что у Сократа, Кирилла Іерусалимскаго и Іоанна Златоуста есть упоминаніе о христіанствѣ у «Савроматовъ», причемъ авторъ не сдѣлалъ однако попытки выяснить, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ Савроматами въ краткихъ и случайныхъ упоминаніяхъ имени этого народа у названныхъ писателей. Во-вторыхъ, онъ считалъ вполнѣ несомнѣннымъ фактомъ, что аланская епархія существовала въ VIII вѣкѣ, хотя и отмѣтилъ, что первое упоминаніе епархіи этого имени заключается въ росписи каѳедръ, принадлежащей времени Льва Мудраго (887—911),—послѣднее также невѣрно. Въ третьихъ, онъ призналъ вторую аланскую епархію въ митрополіи Вичинской, слѣдуя въ данномъ случаѣ Ле-Кіену, который помѣщаетъ Вичину на Кубани. Такъ какъ притомъ преосв. Макарій вѣрилъ въ тожество Аланъ и Хазаръ, то извѣстный эпизодъ миссіонерской дѣятельности просвѣтителя славянъ, Константина-философа на берегахъ Волги, запутывалъ его въ противорѣчіе съ самимъ собой. Выходъ изъ затрудненія онъ нашелъ довольно простой: онъ допустилъ предположеніе, что христіанство существовало у Аланъ на ряду съ другими «вѣрами», что оно господствовало «только въ верхней половинѣ Аланіи, между Дономъ и Волгой, въ то время, когда въ нижней половинѣ, у Кавказа и Каспійскаго моря, только что вздумали искать себѣ просвѣтителей» (стр. 95).

Признавая изложеніе вопроса о христіанствѣ у Аланъ въ трудѣ преосв. Макарія лишеннымъ всякаго научнаго значенія, такъ какъ оно не основано на тщательномъ анализѣ данныхъ и изобилуетъ ни на чемъ не основанными домыслами, мы не считаемъ нужнымъ входить въ его опроверженіе. Изъ другихъ нашихъ церковныхъ писателей никто, сколько намъ извѣстно, не касался вопроса о томъ, когда

Аланы стали христіанскимъ народомъ; такимъ образомъ, дѣло остается и доселѣ въ томъ невѣрномъ освѣщеніи, какое далъ ему преосв. Макарій.

Въ противуположность утвержденіямъ заслуженнаго историка русской церкви мы съ своей стороны полагаемъ, что христіанство у Аланъ въ пору Константина Порфиророднаго имѣло очень незначительную давность: оно восходило лишь къ началу X вѣка. Показаніе въ этомъ смыслѣ даетъ источникъ, оставшійся неизвѣстнымъ преосв. Макарію, а именно: переписка патріарха Николая Мистика.

Какъ извѣстно, Николай Мистикъ дважды занималъ патріаршій престолъ: отъ 901 до 907 года и отъ 912 до 925. Изъ сборника его писемъ къ интересующему насъ вопросу относятся слѣдующія семь: 46, 51, 52, 118, 133, 134, 135; пять изъ нихъ обращены къ архіепископу Аланіи Петру, а именно: 52, 118, 133, 134, 135, а два остальныя, 46 и 51,—къ властителю Авазговъ, Григорію. Кромѣ того сюда же относится одна замѣтка патріарха въ 9-мъ письмѣ, обращенномъ къ царю болгарскому Симеону. Сообщенія патріарха въ этихъ письмахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что просвѣщеніе Аланъ свѣтомъ христіанства совершилось въ патріаршество Николая Мистика и притомъ, вѣроятно, въ ту пору, когда онъ вторично занялъ патріаршій престолъ[1]); непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ властитель Авазгіи. Излишне быть можетъ напоминать, что христіанство у Авазговъ имѣло въ ту пору почтенную давность: оно существовало со времени имп. Юстиніана Великаго. Обращаемся къ содержанію указанныхъ писемъ.

Въ первомъ изъ нихъ, № 46 Сборника, патріархъ привѣтствуетъ князя Авазгіи съ восшествіемъ на тронъ недавно умершаго отца его, выражаетъ свое сочувствіе его сыновней скорби, хвалитъ доблести почившаго и высказываетъ любезное пожеланіе, чтобы сынъ превзошелъ въ нихъ своего отца; а въ заключеніе письма, отвѣчая, по видимому, князю на его вопросъ относительно содѣйствія «архіепископу Аланіи», патріархъ предоставляетъ дѣло доброжелательному усмотрѣнію князя, выражая полную увѣренность въ томъ, что онъ окажетъ содѣйствіе пастырю сосѣдняго народа, если тотъ, находясь въ чужой

1) Высказываемъ эту догадку на томъ основаніи, что 9-ое письмо (къ царю Симеону) написано послѣ несчастной для Ромеевъ битвы при Ахелоѣ 20 августа 917 года. Въ письмахъ къ князю Авазговъ и архіепископу Петру нѣтъ никакихъ указаній на событія, которыя бы имѣли опредѣленную хронологическую дату.

странѣ, быть можетъ нуждается въ самомъ необходимомъ для жизни [1]).

Во второмъ письмѣ къ тому-же князю (51) патріархъ хвалитъ его за святую ревность въ дѣлѣ просвѣщенія свѣтомъ истины народа Аланъ и продолжаетъ такъ: «отъ разныхъ лицъ, которымъ извѣстно о твоихъ подвигахъ, мы узнали, что ты положилъ съ божьей помощью большое стараніе въ дѣлѣ просвѣщенія князя Аланіи и тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ удостоились святаго крещенія». Въ заключеніе патріархъ благодаритъ князя за гостепріимство и помощь, которыя онъ оказалъ архіепископу-миссіонеру [2]) [3]).

Письма патріарха къ архіепископу Аланіи Петру проникнуты самымъ искреннимъ чувствомъ дружбы и участія къ дѣлателю на новой нивѣ христіанскаго просвѣщенія. Во всѣхъ пяти патріархъ утѣшаетъ и ободряетъ миссіонера, увѣщевая его къ бодрости и энергіи въ сознаніи величія его призванія. Нѣсколько разъ дѣлаетъ онъ замѣчаніе, что крещеніе Аланъ — дѣло недавнее. Такъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ (52) есть такая фраза: «Развѣ ты не разумѣешь, что человѣколюбецъ Спаситель нашъ, уничижившій Себя изъ высоты славы Своея, чтобы спасти погибшее, чтобы ходящихъ во мракѣ нечестія вывести на свѣтъ благочестія, направилъ и тебя на служеніе, которое Самъ избралъ для Себя?... развѣ не считаешъ ты себя самымъ блаженнымъ среди людей»? [4]) Въ концѣ того-же письма патріархъ, давая пастырское разъясненіе на изложенныя въ письмѣ къ нему архіепископа Петра затрудненія водворить христіанскіе нравы въ семейный бытъ новообращенныхъ, выражается такъ: «ты самъ понимаешь, что не легко дается переходъ отъ языческой жизни къ стро-

1) Migne, Patr. Gr. t. CXI, стр. 236. — Αὐτὸς γὰρ συνετὸς ὢν καὶ φρόνιμος καὶ εἰδὼς τὸ ἐκείνου ἔργον .... καὶ συνεπικουρήσεις αὐτῷ καὶ συναντιλήψῃ τῶν πόνων· καὶ εἴ τινος ἐν ἔθνει τοιούτῳ καὶ γῇ ξένῃ τῶν ἀναγκαίων καὶ ἄνεσιν τῇ ζωῇ φερόντων ἐνδεής ἐστι, προθύμως ἐπιχορηγήσεις τοῦ Θεοῦ σοι δύναμιν παρασχόντος. — Ни князь, ни архіепископъ не названы въ этомъ письмѣ по именамъ.

2) Ib. стр. 241. Ἀνεμάθομεν γὰρ ἐκ διαφόρων τῶν ἐπισταμένων τὰ σὰ κατορθώματα, ὡς μετά γε Θεοῦ πολλὴν τὴν πρόνοιαν κατεβάλου εἰς τε τὸν φωτισμὸν τοῦ τῆς Ἀλανίας ἄρχοντος καὶ εἰς τοὺς ὅσοι σὺν αὐτῷ κατηξιώθησαν τοῦ ἁγίου βαπτίσματος.

3) Среди писемъ патріарха Николая есть еще одно, обращенное къ тому-же князю, № 162. Оно не содержитъ въ себѣ ничего относящагося къ нашему вопросу, но оно интересно въ томъ отношеніи, что въ его заголовкѣ князь Авазговъ названъ по имени: Γρηγορίῳ ἐξουσιαστῇ Ἀβασγίας. — Позволимъ себѣ кстати отмѣтить, что тоже самое имя носилъ князь Авазговъ, правившій въ концѣ VII вѣка, какъ извѣстно то изъ письма сосланнаго на Кавказъ поборника православія Анастасія къ пресвитеру Θеодосію въ Ганграхъ, Migne, Patr. Lat., t. 129, стр. 659—664.

4) Ibid. стр. 244.

гости Евангелія». Въ виду этого онъ совѣтуетъ архіепископу Петру дѣйствовать отеческимъ убѣжденіемъ, допускать строгость въ отношеніи простыхъ людей, но соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніи людей знатныхъ и властныхъ, чтобы не отвратить отъ христіанства весь новопріобрѣтенный для церкви народъ[1]).

Въ другомъ письмѣ (133) патріархъ выражается такъ: «народа, которому ты посланъ вождемъ и спасителемъ, вторымъ послѣ перваго Спасителя и Бога нашего» (*καὶ τῆς τοῦ λαοῦ σωτηρίας, οὗ σὺ ὁδηγὸς ἀπεστάλης καὶ σωτὴρ, μετά γε τὸν πρῶτον ἡμῶν Σωτῆρα καὶ Θεόν*). Въ томъ-же письмѣ Аланы названы народомъ, вновь призваннымъ къ благочестію (*τοῦ νεοκλήτου πρὸς τὴν εὐσέβειαν ἔθνους*); а далѣе рѣчь идетъ опять о незаконныхъ бракахъ (*ἄθεσμος γάμος*), причемъ патріархъ опять внушаетъ допускать послабленія въ отношеніи князя страны (*ἡγεμὼν τοῦ ἔθνους*) и людей, уже издавна живущихъ въ такихъ бракахъ[2]).—Изъ контекста письма не видно, какіе то были браки и въ чемъ являлись они незаконными. Не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что, между прочимъ, то было многоженство. Напомнимъ, что доминиканецъ Юліанъ, посѣтившій Матрегу, т. е. Таматарху-Тмутороканъ, около 1235 года сообщилъ, что князь той земли, исповѣдывавшій вмѣстѣ со своимъ народомъ христіанство греческаго исповѣданія, имѣлъ сто женъ[3]).

---

1) Ibid. ep. 52, стр. 245. Περὶ δὲ ὧν ἔγραψας τῶν τε κατὰ γάμον ἐναντιουμένων πραγμάτων τῇ καταστάσει τῆς Ἐκκλησίας, καὶ τῶν ἄλλων ὅσα πρὸς τὸν ἐθνικώτερον τρόπον ὑπάγει τοὺς χρωμένους, οὐκ ἀγνοεῖ σου ἡ σύνεσις, ὅτι οὕτως ἀθρόον ἡ μετάστασις τῆς ἐθνικῆς ζωῆς πρὸς τὴν ἀκρίβειαν τοῦ Εὐαγγελίου τὸ ῥᾴδιον οὐ καταδέχεται. Διὸ τοῦτο χρὴ τὴν μὲν διδασκαλίαν καὶ τὴν πρὸς τὰ καλὰ ὁδηγοῦσαν παραίνεσιν ἀδιαλείπτως πατρικῶς καὶ μετ' ἐπιεικείας προσάγειν· καὶ οἷς μὲν πειθομένοις ἔχεις, εὐχαριστεῖν τῷ διδόντι χάριν τῇ σῇ διδασκαλίᾳ· οἷς δὲ δυσχεραίνοντας ὁρᾷς, ἀνέχεσθαι μακροθύμως καὶ μάλιστα τῶν ἀπειθούντων τῆς ὑψηλοτέρας τάξεως τοῦ ἔθνους ὑπαρχόντων, καὶ οὐ τῶν ἀρχομένων, ἀλλὰ τῶν ἄρχειν λαχόντων.

2) Ibid. стр. 353. Περὶ δὲ τοῦ ἀθέσμου γάμου, εἰ μὲν οἷόν τε, παραινέσει καὶ διδασκαλίᾳ λῦσαι τὴν συζυγίαν, πᾶσα Θεῷ χάρις. Εἰ δ' ἀντιβαίνοι τοῦ πράγματος ἡ δύναμις τέως μηκέτι προκόπτειν τὸ κακόν, μηδ' ἀπὸ τοῦ νῦν ἐπιτρέψειν τοιούτοις γάμοις καταμολύνεσθαι τὸ γένος. Τοῦτο δὲ πράξεις συνήθως τῷ τε ἡγεμόνι τοῦ ἔθνους ὑποτιθέμενος καὶ τῷ ἀνδρὶ, ᾧ συγχωρεῖται τὸ συνοικεῖν διὰ τὴν ἤδη φθάσασαν σύναψιν.

3) Зап. Имп. Одес. Общества Ист. и Древ., т. V, стр. 699 (переводъ документа напечатаннаго въ изд. Theiner'a Vetera documenta historica Hungariae). — Когда въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія грузинскіе и русскіе миссіонеры возстановляли захудавшее христіанство у Осетинъ, то имъ приходилось бороться противъ «обычая женитьбы на женахъ умершихъ братьевъ, на женахъ даже умершихъ сыновей», и миссіонеры прибѣгали къ помощи начальства противъ «секретнаго ложа».—Г. Лавровъ, въ своемъ изслѣдованіи: «Замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ» въ 3 выпускѣ «Сборника для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа» (1883 г.), съ увѣ-

Утѣшая и ободряя просвѣтителя Аланіи въ его трудномъ дѣлѣ и оправдываясь отъ его упрека, будто онъ забытъ въ Константинополѣ, патріархъ имѣетъ случай предостеречь его отъ раздора съ другимъ миссіонеромъ въ тѣхъ странахъ, Евѳиміемъ (письмо 135). Патріархъ хвалитъ Евѳимія, какъ мужа богобоязненнаго, благочестиваго и добродѣтельнаго[1]). Текстъ письма оставляетъ насъ въ неизвѣстности, кто былъ Евѳимій, и на какой почвѣ возникло столкновеніе съ нимъ у архіепископа Петра. Быть можетъ слѣдуетъ искать разъясненія въ томъ упрекѣ, который патріархъ сдѣлалъ Петру въ предшествующемъ (133) письмѣ, а именно: притязаніе на первенство (οὐδὲ τὴν ἀρχὴν ὑπολαμβάνειν ἐχρῆν). Въ письмѣ къ болгарскому царю Симеону (9-ое письмо Сборника) патріархъ Николай, рекомендуя царю своего посланца, сообщаетъ, что онъ былъ миссіонеромъ въ Аланіи, откуда въ настоящее время воротился. Быть можетъ этотъ монахъ, изъ аскетовъ Олимпа (τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν), былъ вторично посланъ въ Аланію на помощь архіепископу Петру и тамъ вышло у нихъ препирательство изъ за первенства въ дѣлѣ просвѣщенія Аланъ свѣтомъ христіанства[2]).

Въ перепискѣ патріарха Николая есть еще одно письмо, которое, быть можетъ, также относится къ занимающему насъ вопросу и заключаетъ въ себѣ указаніе на то лицо, которое призвало вниманіе патріарха къ Аланамъ. Разумѣемъ письмо 106, обращенное къ епископу Херсона[3]). Въ немъ патріархъ воздаетъ адресату хвалу за его заботы о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства какого-то народа, «обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія» (τὸ ἐξηπατημένον ἔθνος καὶ μικροῦ συληθὲν ἐκ τῶν τῆς εὐσεβείας κόλπων ὑπὸ τοῦ πονηροῦ δαίμονος). Онъ предлагаетъ епископу Херсона избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его для посвященія въ Константинополь, причемъ изъ контекста ясно, что на-

ренностью признаетъ въ этомъ обычаѣ вліяніе магометанства (стр. 267). Но быть можетъ этотъ обычай восходитъ къ болѣе давнему времени. Позволимъ себѣ указать на одно сообщеніе о прикавказскихъ «Гуннахъ» въ «Исторіи Агванъ» Моисея Каганкатваци. Пбр. 1861, стр. 194: «также преданные афродитнымъ желаніямъ согласно языческимъ нравамъ своимъ, они брали въ супружество жену отца, у нихъ два брата имѣли одну жену и брали также разныхъ женъ». Рѣчь идетъ о событіяхъ конца VII вѣка.

1) Patr. Gr., t. CXI, стр. 360.

2) Таково истолкованіе, предложенное Hergenröther'омъ въ его изслѣдованіи: Photius, т. I, стр. 538, гдѣ онъ касается вопроса о дѣятельности архіепископа Петра.

3) Patr. Gr. t. CXI, стр. 321, 323.

родъ этотъ не имѣлъ дотолѣ своего пастыря (καὶ πρὸς ἡμᾶς ἐξαποσταλῆναι τοῦ ἐν τῷ παναγίῳ Πνεύματι εἰς τὴν τῆς ἐπισκοπῆς τάξιν προχειρισθῆναι, καὶ εἰς ποιμένα τοῦ τέως ἀποστερημένου τοῦ ποιμαίνοντος ποιμνίου καταστῆναι).—Такъ какъ первымъ епископомъ у Аланъ былъ Петръ, а Евѳимій дѣйствовалъ въ этой странѣ раньше его и оттуда воротился въ Константинополь, то, такимъ образомъ, является весьма вѣроятнымъ, что въ письмѣ патріарха къ епископу Херсона рѣчь идетъ именно объ Аланахъ. Впрочемъ въ перепискѣ патріарха съ архіепископомъ Петромъ ни разу не встрѣчается упоминанія о какихъ либо отношеніяхъ къ Херсонскому епископу; потому мы не можемъ, конечно, настаивать на нашей догадкѣ.

Какъ бы ни обстояло дѣло въ этомъ частномъ вопросѣ, письма патріарха Николая даютъ совершенно ясное и опредѣленное свидѣтельство о томъ, что Аланы вмѣстѣ съ своимъ княземъ были крещены въ началѣ десятаго вѣка, а до тѣхъ поръ были народомъ языческимъ. Давнія сношенія Аланъ съ Византіей, о которыхъ сохранилось не мало извѣстій у византійскихъ писателей (такъ, Прокопій называетъ ихъ друзьями христіанъ и имперіи издавна, ἐκ παλαιοῦ[1]), а равно также ихъ сношенія съ христіанскими сосѣдями, Иверами и Авазгами, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что христіанство не было неизвѣстно издавна въ странѣ Аланъ. Быть можетъ, не рѣдки были случаи обращенія въ христіанство отдѣльныхъ лицъ и семействъ; но то были частные факты, не имѣвшіе большого значенія, и Аланы, какъ народъ, оставались язычниками до начала X вѣка, пока не обратили ихъ въ христіанство монахъ Евѳимій и архіепископъ Петръ, при ближайшемъ участіи къ дѣлу патріарха Николая[2]).

Въ полномъ согласіи съ этимъ положеніемъ стоитъ свидѣтельство, какое можно извлечь изъ списковъ епархій Константинопольскаго престола, Notitiae episcopatuum, τακτικά[3]). Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ по нынѣ документовъ этой категоріи, носящемъ имя Епи-

1) Procop., bell. Pers. II c. 29, p. 288 B.

2) Этому положенію нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что историкъ Готовъ Іорданъ былъ не только христіаниномъ, но и носилъ духовный санъ. Та часть аланскаго племени, къ которой принадлежалъ Іорданъ, была оторвана отъ своей родины еще въ пору гуннскаго нашествія, и ея исторія оканчивается для насъ вмѣстѣ съ поселеніемъ ея въ предѣлахъ нынѣшней Добруджи. Iordan., Get. 50, 266.

3) Parthey, Hieroclis synecdemus et Notitiae graecae episcopatuum. Berolini 1866.—Gelzer, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Lipsiae. 1890.—De Boor, Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum, Zeitschrift für Kirchengeschichte. XII 1891, стр. 303—322.

ѳанія Кипрскаго, Notitia VII въ изданіи Parthey'я, нѣтъ упоминанія объ аланской епархіи. Ученые изслѣдователи хронологіи этихъ памятниковъ, Гельцеръ и Де-Бооръ, пріурочиваютъ этотъ списокъ къ концу VII или началу VIII вѣка. Не значится аланская епархія, далѣе, въ ближайшемъ по времени спискѣ, который недавно былъ опубликованъ Де-Бооромъ и пріуроченъ имъ, на основаніи тщательнаго анализа заключающихся въ немъ данныхъ, ко времени незадолго до седьмого вселенскаго собора, т. е. 787 года[1]). Нѣтъ Аланіи также и въ спискахъ, которые относятся ко времени патріарха Никифора (806—815 годъ), Notitiae V + VI + IX Parthey'я. Нѣтъ ея, наконецъ, и въ томъ спискѣ, который носитъ имя Василія и принадлежитъ, какъ то доказано Гельцеромъ, времени Льва Мудраго[2]). Первое упоминаніе Аланіи содержится въ спискѣ, принадлежащемъ X вѣку, въ которомъ есть уже и Россія, Notitia II Parthey'я. Аланская каѳедра повысилась къ тому времени въ своемъ рангѣ и числится уже не архіепископіей, какъ было при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ пору ея основанія, а митрополіей, занимая по достоинству мѣсто непосредственно вслѣдъ за Россіей, т. е. 61-ое[3]).

Сосѣдняя съ Аланіей, древняя для той поры епархія Авазгійская осталась въ прежнемъ своемъ рангѣ архіепископіи. Причиной возвышенія Аланіи было, по всему вѣроятію, политическое значеніе Аланъ въ ту пору. Оно засвидѣтельствовано въ той формулѣ обращенія византійскаго императора къ властителю Аланіи, которая приведена выше. Тогда какъ остальные кавказскіе династы, помянутые имп. Константиномъ Порфиророднымъ, а именно: у Иверовъ, Авазговъ, Албанцевъ и еще семи племенъ, получали отъ императора «приказъ», κέλευσις[4]), только одинъ властитель Аланіи удостоенъ чести признанія самостоятельнымъ государемъ дружественной державы, котораго императоръ именуетъ своимъ «духовнымъ чадомъ». О роли, которую играли Аланы въ политическихъ отношеніяхъ того времени, сообщилъ намъ тотъ-же Константинъ Порфирородный въ другомъ мѣстѣ своихъ твореній, а

1) De Boor, ib. 519—534; XIV (1894), 578—599.

2) Geltzer, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani, Nova tactica, стр. 60.

3) Parthey, o. c., стр. 96.

4) Const. Porphyr., De cer. II c. 48, I p. 687 B. — Εἰς τὸν κουροπαλάτην Ἰβηρίας. βοῦλλα χρυσῆ δισολδία. «κέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν πρὸς ὁ δεῖνα τὸν ἐνδοξότατον κουροπαλάτην».—Ib. p. 690. Εἰς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας. βοῦλλα χρυσῆ διτολδία. «γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας».

именно: *De admin. imp.*, cap. 42. Аланы были той силой, которая парализовала хазарскую державу и устраняла ея опасность для интересовъ Имперіи: они могли залегать пути въ Саркелъ и недопускать Хазаръ до Крыма. Такимъ образомъ, для дальняго востока значеніе Аланъ было аналогично тому, какое имѣли Печенѣги въ отношеніи Русскихъ, какъ сообщилъ о томъ тотъ-же царственный авторъ въ своихъ совѣтахъ сыну.

II.

Принявъ христіанство въ началѣ X столѣтія, Аланы оставались затѣмъ христіанскимъ народомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Наибольшее число свидѣтельствъ, какими мы располагаемъ въ настоящее время, относится къ XIII столѣтію. Таково, во первыхъ, показаніе доминиканца Юліана, который посѣтилъ Аланію ок. 1235 года на пути въ страну приволжскихъ «Венгровъ», т. е. по видимому, Башкиръ. Юліанъ проникъ въ Аланію изъ Таматархи, совершивъ это путешествіе въ 13 дней. Вѣрованія Аланъ, по его словамъ, представляли смѣсь христіанства съ язычествомъ. Они соблюдали воскресный день, отмѣчая его полной взаимной безопасностью, чтили крестъ, но имѣли самыя смутныя понятія о христіанскомъ ученіи и обычаяхъ[1]). Второй по времени памятникъ — «Аланское посланіе» епископа Ѳеодора отъ 1240 года. Будучи поставленъ Константинопольскимъ патріархомъ въ епископы Аланіи, Ѳеодоръ, аланъ по происхожденію, нашелъ своихъ соотечественниковъ вблизи Херсона въ Тавридѣ, гдѣ и преподавалъ имъ пастырское ученіе. Претерпѣвъ разнаго рода затрудненія, онъ достигъ наконецъ прикавказской Аланіи, гдѣ испыталъ горькое разочарованіе, заставъ свою паству христіанской лишь по имени. Интересно и важно въ его разсказѣ то, что у Аланъ были повсюду священники изъ мѣстныхъ людей; такъ какъ они были поставлены не законно, то епископъ Ѳеодоръ, послѣ долгихъ колебаній, совершилъ надъ ними вторичное рукоположеніе[2]). Близкимъ по времени свидѣтелемъ является западный монахъ Рубрукъ, который совершилъ путешествіе по южнорусскимъ степямъ въ 1253 году, направляясь изъ Солдайи, т. е. Судака, въ мѣстопребываніе хана Золотой Орды. Какъ въ Судакѣ, такъ

1) Записки Одес. Общ. Ист. и Древ., т. V, стр. 699.

2) Mai, Nova Bibliotheca Patrum, VI, 379—397=Migne, Patr. Gr. t. 140, 385—418. Полный переводъ этого интереснаго памятника мы надѣемся представить въ скоромъ времени.

и въ степяхъ на Дону и на Волгѣ встрѣчалъ онъ Аланъ, которые были христіанами греческаго исповѣданія [1]).

Первому десятилѣтію XIV вѣка принадлежитъ интересный эпизодъ, а именно переходъ на службу Имперіи придунайскихъ Аланъ, которые входили въ улусъ «безбожнаго» Ногая. Эти Аланы были христіане и вели свои сношенія съ императоромъ черезъ вичинскаго митрополита Луку. Эпизодъ этотъ мы имѣли случай разбирать въ другомъ мѣстѣ [2]).

О христіанствѣ Аланъ на ихъ прикавказской родинѣ въ 1329 и 1333 году даютъ свидѣтельство сношенія папы съ аланскимъ княземъ Милленомъ, который, повидимому, былъ обращенъ въ католичество, благодаря стараніямъ римскихъ миссіонеровъ [3]). Но дѣло ихъ было не прочно, и въ XV вѣкѣ Аланы оставались христіанами греческаго исповѣданія, какъ о томъ засвидѣтельствовали Іосафатъ Барбаро [4]) и Лаоникъ Халкондилъ [5]).

Не входя здѣсь въ разборъ перечисленныхъ свидѣтельствъ, мы ограничимся утвержденіемъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ отъ начала X и до второй половины XV вѣка [6]).

Аланская епархія, созданная трудами миссіонеровъ Евѳимія и

---

1) Rec. des Voyages, IV, I, стр. 242; 243; 252.

2) Визант. Врем. IV, 324, гдѣ приведены всѣ относящіяся къ этому событію свѣдѣнія.

3) Baronii Annales Ecclesiastici, a. a. 1329 n. 96 и 1333 n. 37.

4) Семеновъ, Библ. иностр. писат. о Россіи, т. I. — Іосафатъ Барбаро не только былъ въ Аланіи, но и занимался тамъ раскопкой кургановъ, Viaggio, cap. 12.

5) Laonic. Chalcond. p. 407 B.—О христіанствѣ сосѣднихъ съ Аланами Черкесовъ, Адиге, отъ 1502 года даетъ свѣдѣніе итальянскій путешественникъ Георгій Интеріанъ (Семеновъ, назв. соч., стр. 123): Circassi in loro proprio linguagio apellat Adiga... loro sacerdoti officiano a suo modo con parole et carattere greche senza intenderle.

6) Христіанство не исчезло въ средѣ аланскаго племени за время татарскаго господства въ южной Россіи, утвердившаго магометанство на Кавказѣ. Возстановленіе христіанства началось по иниціативѣ Грузинъ съ 1746 года. Свѣдѣнія объ этомъ см. «Исторія Грузинской іерархіи съ присоединеніемъ обращенія въ христіанство Осетинъ и другихъ горскихъ народовъ по 1 генваря 1825 года». Изданіе второе. Москва. 1855.—Грузинскій архіепископъ Іоаннъ въ своемъ отчетѣ о посѣщеніи Осетіи въ началѣ нашего вѣка сообщалъ между прочимъ слѣдующее. «Прибывъ въ Гудамакарское ущелье и побесѣдовавъ съ почетными обывателями, я не нашелъ ничего противнаго моему ученію. Потомъ появился человѣкъ, котораго называли: «это нашъ священникъ». Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ священниковъ, которые безъ книги заучили наизусть нѣсколько стиховъ изъ псалтири и учатъ. Произнесши ихъ, онъ ставитъ вино минуты 2—3, и это называется обѣдней, мажетъ углемъ съ произнесеніемъ тѣхъ же стиховъ, и это называется крещеніемъ».—Заимствуемъ это интересное свѣдѣніе у г. Лаврова, «Замѣтка объ Осетіи и Осетинахъ», стр. 265.

Петра, имѣла свою исторію, отъ которой дошли до насъ лишь отрывочныя свѣдѣнія. Какъ было указано выше, епархія эта была митрополіей уже въ концѣ X-го вѣка. Ученый канонистъ половины XII столѣтія, Ѳеодоръ Вальсамонъ, имѣлъ случай встрѣчаться съ митрополитомъ Аланіи, отъ котораго онъ слышалъ жалобы касательно нестроеній въ брачной жизни духовныхъ лицъ въ этой епархіи. Помянувъ объ этомъ, Вальсамонъ сдѣлалъ одно замѣчаніе о положеніи аланской епархіи въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Въ вѣдѣніи патріархата, какъ онъ сообщаетъ, находятся три діоцеза: Азіатскій, Понтійскій и Ѳракійскій. Между ними распредѣляются каѳедры, расположенныя въ странахъ варварскихъ: Аланы принадлежатъ къ Понтійскому діоцезу, а Русскіе — къ Ѳракійскому[1]). Въ концѣ XIII вѣка митрополія аланская является въ соединеніи съ Сотиріупольской (т. е. Авазгійской) и Зикхійской. Замѣститель этихъ трехъ каѳедръ принималъ участіе въ Константинопольскомъ соборѣ, который происходилъ въ первый годъ правленія Андроника старшаго, т. е. въ 1282 году, и его подпись имѣется на соборныхъ актахъ[2]). Такое соединеніе въ одномъ лицѣ представительства трехъ каѳедръ имѣло, по видимому, случайный характеръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи епархіи Зикхійской. Дѣло въ томъ, что въ документѣ, относящемся ко времени того-же императора, а именно къ 1317 — 18 году, помянутъ самостоятельный митрополитъ Зикхіи съ титуломъ Зикхо-Матрахскаго. На него, совмѣстно съ митрополитомъ Аланіи и Вичины, возложено было разобрать распрю, которая возникла между митрополитами готскимъ и сугдейскимъ изъ-за подвѣдомственности пограничныхъ мѣстностей, вновь населившихся въ ту пору послѣ продолжительнаго запустѣнія[3]). Что-же касается до соединенія епархій Аланской и Сотиріупольской, то у Никифора Каллиста есть свѣдѣніе о формальномъ соединеніи этихъ двухъ епархій въ одну въ правленіе имп. Алексѣя Комнина (1081—1118)[4]). Сообщеніе это находится однако въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ данными, которыя заключены въ «Аланскомъ посланіи» епископа Ѳеодора

1) Migne, Patr. Gr. t. 137, p. 485: Ἀλανοὶ τῆς Ποντικῆς εἰσι διοικήσεως, οἱ δὲ Ῥώσιοι τῆς Θρᾳκικῆς. — Тоже замѣчаніе читается у Зонары, ib. p. 489.

2) Le-Quien, Oriens Christianus, I, p. 1349, n. 5.

3) Miklosich et Müller, Acta Patr. Const., I, n. 41.

4) Migne, Patr. Gr., t. 146 p. 1197: Πολλαὶ δὲ καὶ τῶν ἐκκλησιῶν ἥνωνται ὥσπερ ἡ Πάρος καὶ ἡ Νάξια, τά τε Σοῦγδα καὶ τὰ Φοῦλα, ἥ τε Ἀλανία καὶ ἡ Σωτηριούπολις. — Свое изложеніе Никифоръ ведетъ хронологически, и выше у него помянутъ Алексѣй Комнинъ. — Ср. Rally et Potly, Syntagma, стр. 73.

1240 года. Разыскивая путь въ свою епархію, Өеодоръ прибылъ въ Херсонъ и оттуда въ Боспоръ, т. е. Керчь; отсюда онъ хотѣлъ, повидимому, направиться на мѣсто своего пастырскаго служенія. Но тамъ ему не было дозволено высадиться на берегъ. Приставъ затѣмъ гдѣ то на кавказскомъ берегу, еп. Өеодоръ достигъ предѣловъ своей епархіи только послѣ 60-дневнаго очень труднаго пути. Очевидно такимъ образомъ, что ему пришлось проходить черезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ, которые служили для сношеній Аланъ съ побережьемъ, занятымъ Авазгами. Если-бы епархіи Аланская и Авазгійская были въ ту пору соединены, то вмѣсто кружнаго пути черезъ Херсонъ и Боспоръ еп. Өеодору проще и естественнѣе было-бы направиться черезъ Трапезунтъ въ Сотиріуполь, гдѣ была каөедра Авазгійской епархіи, и прибывъ въ этотъ послѣдній городъ [1]), еп. Өеодоръ находился бы уже въ предѣлахъ своей епархіи. Но онъ опредѣленно отмѣчаетъ, что ему удалось достигнуть своей паствы только послѣ 60-дневнаго странствія, сопровождавшагося всевозможными затрудненіями. Въ пору болѣе позднюю соединеніе епархій Аланской и Сотиріупольской было нормальнымъ порядкомъ. Указаніе на это даетъ одинъ документъ Константинопольскаго патріархата отъ 1347 года [2]). Въ немъ сообщается, что предшественникъ патріарха Іоанна Апри назначилъ, по какимъ то соображеніямъ, особаго епископа на каөедру Сотиріупольскую. Митрополитъ Аланскій заявилъ свой протестъ и представилъ документы: синодальное постановленіе и хризовулъ, которыми и было доказано издавна узаконенное соединеніе обѣихъ каөедръ. Изъ протеста митрополита включено въ текстъ акта соображеніе, которымъ было моти-

---

1) О Сотиріуполѣ см. нашу замѣтку въ Археол. Изв. и Зам. 1897, февраль: «Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ»? Городъ Сотиріуполь, какъ каөедра Авазгійскаго архіепископа, впервые помянутъ въ спискѣ епархій, въ принадлежащемъ времени имп. Льва Мудраго (886—911), а въ болѣе раннихъ документахъ этого рода называется въ томъ же значеніи городъ Севастополь, лежавшій на мѣстѣ (или по близости отъ) нынѣшняго Сухума. Въ нашей замѣткѣ мы полагали, что перемѣна въ имени каөедры есть свидѣтельство о перенесеніи ея въ другое мѣсто и что подъ Сотиріуполемъ слѣдуетъ разумѣть Пицунду, древній Питіунтъ. Уважаемый проф. В. В. Болотовъ высказалъ въ частномъ письмѣ къ намъ свое несогласіе такъ понять перемѣну имени каөедры Авазгійской епархіи и привелъ цѣлый рядъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что перемѣнилось только имя Севастополь на Сотиріуполь. Какъ бы то ни было, нынѣшніе приморскіе города Сухумъ и Пицунда были въ предѣлахъ Авазгійской епархіи, имѣли значеніе торговыхъ центровъ на кавказскомъ побережьи въ ту пору и для византійцевъ были доступнѣе изъ Трапезунта, нежели кружнымъ путемъ черезъ Херсонъ.

2) Miklosich et Müller, o. c. I, n. 114.

мотивировано это соединеніе, а именно: «митрополія аланская вовсе не имѣетъ собственной архіерейской каѳедры по той причинѣ, что народъ ея ведетъ пастушескій образъ жизни» (οὐδὲ ἔχει τινὰ ἰδίαν ἀρχιερατικὴν καθέδραν ἡ τοιαύτη μητρόπολις, ἅτε δὴ τοῦ ἔθνους ὄντος νομαδικοῦ). Принимая въ соображеніе такое положеніе дѣла, патріархъ Іоаннъ постановилъ, чтобы на будущее время нерушимо соблюдалось «стародавнее» положеніе о единствѣ этихъ каѳедръ, и Аланскій митрополитъ носилъ также титулъ Сотиріупольскаго (ἄμφω αὗται αἱ μητροπόλεις, ἡ τῆς τῶν Ἀλανῶν καὶ ἡ Σωτηριουπόλεως, εἰς ἓν συναφθήσονται σῶμα, καὶ τὴν ἕνωσιν ἀδιάσπαστον καὶ ἀδιάρρηκτον παντελῶς ἕξουσιν εἰς τοὺς ἑξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους... ὁ τῆς Ἀλανίας καὶ Σωτηριουπόλεως πάλιν κληθήσεται καὶ δύο κατὰ ταὐτὸ τὰς ἐπωνυμίας ἕξει, ὡς ἐπὶ ἑνὸς καὶ τοῦ αὐτοῦ πράγματος)[1]).—Обиженный и затѣмъ возстановленный въ своихъ правахъ митрополитъ, по имени Лаврентій, принималъ участіе въ соборѣ, осудившемъ ересь Варлаама и Акиндина, и подъ соборнымъ рѣшеніемъ подписался такъ: ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης πάσης Ἀλανίας καὶ Σωτηριουπόλεως καὶ ὑπέρτιμος Λαυρέντιος[2]).

Ле-Кіенъ въ своемъ Oriens Christianus (I, 1348—9) сопоставилъ упоминанія о семи аланскихъ митрополитахъ, которые распредѣляются по времени отъ половины XII вѣка и до 1347 г. Ему остался неизвѣстенъ просвѣтитель Аланіи архіепископъ Петръ, а Лаврентій являлся для него послѣднимъ представителемъ этой епархіи. Въ настоящее время можно назвать еще двухъ архіереевъ, которые занимали аланскую каѳедру послѣ Лаврентія. Имена ихъ—Симеонъ и Каллистъ. Они были соперниками и врагами, а время ихъ столкновенія — 1356 годъ. Объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи аланской епархіи мы имѣемъ свѣдѣнія въ двухъ источникахъ: Никифоръ Григора и документы Константинопольскаго патріархата.

У Никифора подъ 1356 годомъ разсказано слѣдующее. — Патріархъ Ѳеоѳей поставилъ на аланскую каѳедру трапезунтскаго грека Симеона. Когда тотъ прибылъ въ свою епархію, то одинъ монахъ, по имени Каллистъ, сталъ обличать его въ симоніи. Симеонъ былъ вызванъ на судъ въ Константинополь. Дѣло затянулось, а между тѣмъ произошла революція: низверженіе Кантакузина. Вслѣдъ затѣмъ устраненъ былъ патріархъ Филоѳей и возстановленъ на престолѣ низвер-

1) Соединеніе этихъ каѳедръ подтверждено также въ документѣ 1364 года, Miklosich et Müller, I, n. 221.

2) Ib. n. 109, p. 255.

женный за два года до того Каллистъ. Къ нему сумѣлъ подойти Симеонъ и плѣнилъ его обѣщаніями щедрыхъ даровъ. Каллистъ, не разбирая имѣвшагося о Симеонѣ дѣла, допустилъ его до сослуженія и участія въ засѣданіяхъ патріаршаго синода, затѣмъ отпустилъ назадъ въ епархію. Обѣщаній своихъ Симеонъ не сдержалъ, а между тѣмъ въ Константинополь явился соименный патріарху обвинитель Симеона, запасшись щедрыми средствами для подкупа патріарха. Предъявивъ синоду свои обвиненія противъ Симеона, онъ просилъ смѣстить его и назначить на аланскую каѳедру его самого, Каллиста. Такъ и поступилъ патріархъ, прельстившись его дарами. Вновь назначенный митрополитъ отправился въ свою епархію и прогналъ оттуда Симеона. Тогда Симеонъ явился въ Константинополь и обратился съ жалобой къ императору, который былъ этимъ крайне возмущенъ и потребовалъ у патріарха объясненій[1]). Чѣмъ и какъ кончилось это дѣло изъ разсказа Григоры не видно.

Въ совершенно иныхъ чертахъ предстаетъ это дѣло въ синодальномъ актѣ 1356 года (Miklosich et Müller, I, n. 162). Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о низложеніи аланскаго митрополита Симеона, причемъ замѣчено, что онъ получилъ митрополію отъ патріарха Исидора[2]). Главными обвинителями Симеона являются священники изъ города Таны (Ταναΐται): протопопъ Михаилъ и пресвитеры Николай и Ѳеодоръ. Они принесли патріарху Филоѳею жалобу на незаконные поборы, которые взималъ съ нихъ митрополитъ. По этому дѣлу патріаршій синодъ судилъ уже раньше Симеона и произнесъ надъ нимъ приговоръ, которому тотъ подчинился, но только для вида. Послѣ суда онъ отправился къ татарскому хану въ Золотую орду, получилъ отъ него «діалихій» (διαλείχιον, ярлыкъ?) и совершилъ затѣмъ цѣлый рядъ безчинствъ и противузаконныхъ дѣяній. На священниковъ въ Танѣ онъ наложилъ запретъ отправлять требы, вслѣдствіе чего дѣти нѣкоторыхъ православныхъ семействъ были окрещены въ армянскую вѣру. Далѣе, онъ самовольно поставилъ архіерея на «кавказскую» каѳедру, дѣяніе, которое патріаршій синодъ призналъ вполнѣ незаконнымъ. Удостовѣрившись въ справедливости свѣдѣній о незаконныхъ поступкахъ Симеона путемъ опроса Константинопольскихъ гражданъ, имѣвшихъ торговыя дѣла въ Танѣ и бывавшихъ тамъ (имена ихъ на-

1) Nic. Greg. 37, 6—18, III p. 532 sq. B.

2) Исидоръ занималъ патріаршій престолъ съ 1347 по 1349 годъ. Его преемникомъ былъ Каллистъ въ первое свое патріаршество.

званы въ документѣ), патріархъ вызывалъ Симеона на судъ въ Константинополь, и когда тотъ не явился, далъ ему отсрочку. Когда-же Симеонъ пренебрегъ этимъ и въ Константинополь не явился, то патріаршій синодъ произвелъ надъ нимъ судъ заочно и отрѣшилъ его отъ сана со снятіемъ съ него и священства.

Изъ одного документа послѣдующаго времени, отъ 1364 года (Miklosich et Müller, I, n. 221), можно усмотрѣть, что приговоръ патріаршаго синода надъ Симеономъ не вошелъ въ силу. Состоялось, правда, назначеніе другого лица на его каѳедру, но оно окончилось тѣмъ, что вновь была расторгнута связь между епархіями Аланской и Сотиріупольской. Первая осталась за Симеономъ, который жаловался на насильственное расторженіе его епархіи на двѣ, и такъ какъ его соперникъ вскорѣ умеръ, то онъ опять соединилъ обѣ каѳедры въ своемъ лицѣ. Документъ этотъ интересенъ также и въ томъ отношеніи, что въ немъ перечислены владѣнія митрополита Аланіи. Къ нимъ относятся: церковь во имя пресвятой Богородицы-Утѣшительницы въ Трапезунтѣ съ клиромъ и принадлежащими этой церкви угодіями, церковь Богородицы Аѳинской въ Сотиріуполѣ и земли «около Аланіи, Кавказіи и Ахохіи(?)» (τὰ περὶ Ἀλανίαν καὶ Καυκασίαν καὶ Ἀχωχίαν)[1]. Лицо, занимавшее въ 1364 году аланскую каѳедру, быть можетъ тотъ самый Симеонъ, было въ ту пору замѣстителемъ митрополіи Мелитинской (въ Арменіи).

Изъ этого документа, какъ и изъ предыдущаго, видно, что собственная Аланія имѣла очень малое значеніе въ епархіи этого имени. Ея представителю принадлежали, правда, какія то земли «около Аланіи», но его реальные интересы были внѣ этой страны, и въ спискѣ владѣній каѳедры на первомъ мѣстѣ названа церковь съ клиромъ и угодіями въ Трапезунтѣ. Митрополитъ Симеонъ самовольно создалъ себѣ права на доходы въ Танѣ, и если въ патріархіи признана была незаконность этого поступка, то «діалихій» (ярлыкъ) золотоордынскаго хана далъ однако полную силу распоряженіямъ митрополита. Въ документѣ нѣтъ указаній на то, на чемъ собственно основывалъ свои притязанія въ Танѣ Симеонъ; но, очевидно, онъ причислялъ этотъ городъ къ своей епархіи, и тамошнее духовенство жаловалось не на это, а на то, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежавшіе ему доходы, хотя и признавало его своимъ митрополитомъ. Позволимъ себѣ по этому по-

---

1) Не есть ли это непонятное имя искаженіе написанія Ἀβασγίαν?

воду высказать догадку, что включеніе Таны въ предѣлы митрополіи Аланской имѣло въ своей основѣ тотъ фактъ, что туземное христіанское населеніе этого города принадлежало къ Аланской національности, а Симеонъ носилъ титулъ «митрополитъ всей Аланіи», какъ прописывалъ его на соборныхъ актахъ митрополитъ Лаврентій. Въ территоріальномъ отношеніи Тана была гораздо ближе къ каѳедрѣ Зикхо-Матрахскаго митрополита, которая имѣла своего представителя какъ въ ту пору, такъ и позднѣе. Если-же она оказывается причисленной къ Аланіи, то на это должны были существовать какія-либо реальныя основанія, которыя мы готовы угадать въ вопросѣ о національности населенія, которое въ тѣхъ мѣстахъ было, или считалось, туземнымъ.

Въ подтвержденіе вѣроятности нашей догадки можемъ указать на слѣдующія данныя.—Если въ актѣ патріаршаго синода отъ 1347 года Аланы характеризованы, какъ пастушескій народъ, то это опредѣленіе относится только къ ихъ кавказской родинѣ. Рубруквисъ во время своего путешествія по Крыму и южно-русскимъ степямъ въ 1253 году встрѣчалъ много христіанъ греческаго исповѣданія, которые по національности были греки, русскіе и аланы. Объ Аланахъ въ частности онъ сообщаетъ, что они не были въ такой степени «схизматиками», какъ греки, и обращались съ нимъ дружественнѣе чѣмъ послѣдніе, относясь съ почтеніемъ ко всякому христіанину[1]). Въ поселеніи, гдѣ жилъ какой-то знатный татаринъ, по имени Скататай, къ которому у Рубруквиса было письмо отъ византійскаго императора, часть населенія составляли Аланы. Въ 1263 году послы египетскаго султана Бейбарса встрѣтили аланскихъ купцовъ въ Солхатѣ, нынѣ Старый Крымъ, которые составляли тамъ часть населенія и были, значитъ, довольно многочисленны[2]). Итакъ, Аланы, оставаясь, быть можетъ, на родинѣ кочевымъ народомъ, выдѣляли, однако изъ своей среды въ XIII вѣкѣ довольно значительный, чтобы быть замѣтнымъ, элементъ торговаго, т. е. тѣмъ самымъ городского населенія, который проживалъ въ Крыму и степяхъ и сближаясь съ русскими и греками, съ которыми связывало ихъ единство исповѣданія вѣры, сохранялъ однако свою національную особность.

Русская лѣтопись позволяетъ намъ пойти дальше въ глубь прошлаго. Разумѣемъ свидѣтельства о существованіи городовъ съ христі-

1) Rec. des Voyages, IV, I, стр. 234.

2) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Золотой орды, I, 63; 192.

анскимъ населеніемъ на Дону въ началѣ XII вѣка. Такъ, подъ 1111 годомъ въ Ипатской лѣтописи въ описаніи похода русскихъ князей на Половцевъ есть между прочимъ слѣдующая подробность: «оттуда (съ Ворсклы) преидоша многи рѣки, в 6 недѣлю поста, и поидоша к Донови во вторникъ. И оболочишася во бронѣ, и полкы изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимеръ приставн попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы креста честнаго и канунъ святой Богородицы. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ Рускымъ, и вынесоша рыбы и вино и перележаша нощь ту. И завътра в среду поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и, а в четвергъ поидоша с Дона» [1]).— Итакъ, русскіе князья, подступая къ Шаруканю, знали, что онъ населенъ христіанами и, выставляя на видъ свое христіанство, оказали тѣмъ воздѣйствіе на единовѣрныхъ съ ними людей. Христіане эти знали о томъ, что въ ту пору былъ постъ, и вынесли русскимъ рыбы [2]). Въ половинѣ XIII вѣка христіане Аланы, съ которыми встрѣчался Рубруквисъ, не имѣли точныхъ свѣдѣній о времени постовъ и приносили ему мясо въ постные дни [3]).

Подъ 1116 годомъ названъ по имени и третій городъ на Дону: «В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка и Давыдъ сына своего Всеволода, на Донъ и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ и Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе себѣ жену красну велми, Яськаго князя дщерь, полонивъ» [4]).

Такимъ образомъ, въ началѣ XII вѣка было на Дону три города, которые состояли подъ властью Половцевъ. Само собою разумѣется, что не Половцы ихъ заложили, какъ не они ихъ и населяли. Христіанское населеніе въ Шаруканѣ засвидѣтельствовано въ событіи 1111 года. Весьма вѣроятно, что и другіе два города имѣли такое-же населеніе. О національности этихъ христіанъ лѣтопись ничего не говоритъ подъ 1111 годомъ, но косвенно утверждаетъ, что это не были русскіе: «выидоша из города и покланишася княземъ *Рускымъ*». Если-бы эти люди обратились къ князьямъ съ русской рѣчью и этимъ, помимо единства религіи, засвидѣтельствовали свою кровную близость, то, вѣ-

1) Ипат. лѣт. (изд. 1871 г.), стр. 192.

2) Догадку В. Ѳ. Миллера объ имени Шаруканъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897. Октябрь, стр. 328, прим. 1.

3) Rec. des Voyages, IV, I, стр. 248.

4) Ипат. лѣт., стр. 204.

роятно, это было-бы упомянуто. — Изъ похода на подонскіе города Ярополкъ привелъ плѣнную красавицу, «Яськаго князя дщерь», которая стала его женой. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что Ярополкъ и Всеволодъ предпринимали походъ въ стану Ясовъ, т. е. Аланъ, далеко за Донъ. Очевидно, дочь аланскаго князя попала въ плѣнъ при взятіи одного изъ названныхъ, подонскихъ городовъ. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что христіанское ихъ населеніе было въ XII вѣкѣ по національности аланскимъ [1]). А сообщенія Рубруквиса свидѣтельствуютъ, что оно удержалось въ тѣхъ мѣстахъ и позднѣе, быть можетъ сохранилось и въ ту пору, когда дѣйствовалъ въ Танѣ послѣдній изъ нынѣ извѣстныхъ аланскихъ митрополитовъ, Симеонъ.

---

1) Проф. Голубовскій: Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Кіевъ. 1884,—предполагаетъ въ подонскихъ городахъ смѣшанное населеніе, «состоящее изъ главнаго славянскаго ядра и тюркской примѣси» (стр. 195), уподобляя его тому, о какомъ говоритъ Атталіота въ городахъ нижняго Дуная. Это предположеніе стоитъ въ связи съ его теоріей, будто Бродники были «общиной, которая выработалась изъ остатковъ *подонскаго* осѣдлаго населенія» (стр. 200). Но перемѣщеніе Бродниковъ съ запада на востокъ мало вѣроятно, и нѣкоторые аргументы проф. Голубовскаго основаны на недоразумѣніи. Такъ, на стр. 195 онъ привлекаетъ показаніе Рубруквиса о «злочестивѣйшихъ христіанахъ» въ средѣ татаръ. Но Рубруквисъ разумѣетъ здѣсь *несторіанъ* и поэтому его сообщеніе никакого отношенія къ этому вопросу имѣть не можетъ. О несторіанахъ см. D'Ohsson, Histoire des Mongols, III, стр. 278 и сл.

Юліанъ Кулаковскій.

21 мая 1897. Одесса.

О рукописяхъ Симеона Логоѳета.

1. Въ своей статьѣ «Парижская рукопись Симеона Логоѳета» мы указали на отличіе редакціи хроники Paris. 854 въ ея послѣдней части, не напечатанной Крамеромъ, отъ общей редакціи Ѳеодосія Мелитинскаго, Логоѳета Московской Синодальной рукописи и Льва Грамматика Paris. 1711.

Во время занятій нашихъ въ Ватиканской библіотекѣ мы встрѣтили одну рукопись, содержащую ту же хронику и въ той же редакціи, какъ и Paris. 854. Это—Vaticanus graecus 1807. По инвентарю Ватиканскихъ рукописей (Vol. IV, сост. Питрою) она значится такъ: Χρονικὰ ἀνωνύμου τινὸς ἕως Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου и отнесена къ XIV в. Рукопись бумажная, in 4°, но сравнительно большого формата и писана въ два столбца.

На первомъ листѣ рукопись озаглавлена Ἀνωνύμου χρονολογία ἄρχεται ἀπὸ τῆς τοῦ κόσμου κτίσεως. На первыхъ двухъ листахъ находимъ оглавленіе, которое начинается: Περὶ τοῦ Ἰνάχου pag. 2 (= fol. 2ᵛ codicis), Περὶ τῶν ἐν Σαμαρείᾳ βασιλευσάντων pag. 6 (= fol. 6ᵛ) и проч., и оканчивается: Ἀνάβασις Ῥωμανοῦ τοῦ γέροντος pag. 77 (= fol. 77ᵛ, гдѣ это заглавіе писано въ текстѣ красными чернилами).

Но ни начало, ни конецъ не обозначены здѣсь съ полною точностью. Начало ркп. fol. 1:... δεκάτη δυναστεία, καθὰ ἐβασίλευον Θηβαῖοι. Θάρα γενόμενος ἐτῶν ἑβδομήκοντα ἐγέννησεν ἐκ γυναικὸς Ἔδνας, θυγατρὸς Αβραάμ, πατραδέλφου αὐτοῦ, τὸν Ἀβραάμ· ὅντινα ἡ μήτηρ ἐκάλεσεν ἐπ' ὀνόματι τοῦ ἑαυτῆς πατρός· ἔφθη γὰρ ἐκεῖνος πρὸ τῆς αὐτοῦ γεν(ν)έσεως καὶ τετελευτηκέναι (= Leo Gr., p. 19,4 sqq. ed. Bonn.).

Мы не имѣли, къ сожалѣнію, достаточно времени для колляціи съ боннскимъ текстомъ Льва Грамматика или также Ѳеодосіемъ Мели-

тинскимъ въ изданіи Тафеля всей хроники по Vatic. 1807. Но нѣсколько примѣровъ покажутъ, что иногда текстъ послѣдней рукописи болѣе исправенъ, чѣмъ текстъ боннскаго изданія. Такъ, p. 26, 18 читается въ Vatic. 1807, fol. 6ᵛ ἄρχει τοῦ λαοῦ κατὰ Μωυσῆν ἔτη εἴκοσι πέντε.

p. 28, 8 Ватик. рукопись возстановляетъ одинъ изъ многочисленныхъ пропусковъ Paris. 854 ex homoiotel. γυνὴ Λαφιδὼθ ἐκ φυλῆς Ἐφραὶμ καὶ δι' αὐτῆς ἡγήσατο τοῦ λαοῦ Βαρὰκ ὁ τοῦ Ἀβιθὲμ ἐκ φυλῆς Νεφθαλεὶμ ἔτη <τεσ>σαράκον<τα>.

p. 48, 4 ἐπιτιθεμένων, 12 αἱ ἑβδομήκοντα ἑβδομάδες ποιοῦσιν ἔτη τετρακόσια ἐν(ν)ενήκοντα.

Тѣмъ не менѣе самая редакція текста Ватик. ркп. и Парижской 854 одна и та же.

Мы находимъ въ Ватик. ркп. тѣ мѣста, коими мы охарактеризовали отличіе редакціи Paris. 854 отъ общей редакціи другихъ текстовъ, вполнѣ сходными съ первою.

Такъ, Vatic. 1807, fol. 57ᵛ: ὑπὸ δὲ τὸ τρίκογχον κάτωθεν διὰ μηχανῆς ἐποίησε τὸ λεγόμενον μυστήριον, ἐν ᾧ ἐν τῇ μιᾷ γωνίᾳ ὃ ἐὰν εἴπῃ τις, ἐν μυστηρίῳ προσκεκυφώς, ἐξακούεται ἐν τῇ ἑτέρᾳ φανερῶς (cf. Georg. ed. Mur. p. 714, 4, Leo Gr. ed. Bonn., 225, 21).

fol. 58: εὑρέθη τις σκαλωτής, ὃς διὰ τοξότου πρῶτον μὲν σχοῖνον λεπτὴν βέλους ἐξαρτήσας, εἶτα δι' αὐτῆς παχεῖαν καὶ δι' ἐκείνης ἔτι παχυτέραν καὶ οἵαν ἀσφαλῶς δύνασθαι φέρειν βάρος ἀνδρός, ὑπὲρ τὴν ἱππότην στήλην (l. τὸν ἵππον τὴν στήλην) ἀναβιβάζει· δι' ἧς σχοίνου καὶ ἀναθέων ἐπὶ τὴν στήλην ἄνεισιν (cf. Georg. p. 715, 23, Leo Gr., p. 227, 5).

fol. 58ᵛ τόδε σῶμα τοῦ Θεοφόβου διὰ τοῦ Βουκολέοντος ἐξαγαγόντες λαθραίως ἀπήγαγον πλησίον τὰ Ναρσοῦ ἐν τῇ νῦν λεγομένῃ τῆς Θεοφοβίας [μονῇ] ὡς ἀπὸ τοῦ Θεοφόβου τοῦ Πέρσου καὶ τοῦτο ἐκεῖσε κατέθηκαν. τὸν δὲ ἀρχιερωσύνης θρόνου κατεῖχεν Ἀντώνιος ἀπὸ Συλαίου καὶ μετ' αὐτὸν Ἰωάννης ὁ σύγγελος ὁ νέος Ἰαννῆς (Georg. p. 717, 7, Leo, 228, 6).

fol. 60 ἦν δὲ ἄρχων Βουλγάρων Βλαδίμερ ἔγγονος Κρούμου (cf. Leo, p. 231,21).

Впрочемъ Vatic. 1807 не раздѣляетъ съ Paris. 854 чтенія μέχρι Βουλγαρίας вмѣсто Μιχαὴλ Βουλγάρου p. 232, 1 Leo, p. 725, 6 sq. Mur. Тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ подозрѣвать въ послѣднемъ чтеніи искаженіе первоначальнаго текста, которое теперь можемъ подтвердить примѣрами изъ cod. Vindobon. hist. graec. № 37 (= Collar. Suppl. № 126). Въ этой рукописи дважды встрѣчаемъ чтеніе μέχρι

вмѣсто Μιχαήλ. Одинъ разъ ошибка исправлена въ рукописи ученымъ справщикомъ, пользовавшимся, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, другою рукописью (Кедрина), на fol. 98: въ текстѣ καὶ εἰσῆλθε Μιχαὴλ Βουλγαρίας, въ поправкѣ надъ текстомъ, вмѣсто Μιχαὴλ, читается μέχρι τῆς (cf. Georg. ed. Mur., p. 772, 21, Leo Gr. p. 268, 1). Въ другомъ мѣстѣ Вѣнской ркп. наблюдается то же невѣрное чтеніе, fol. 89 cf. Mur. p. 743, 11.

За исключеніемъ сейчасъ указаннаго, всѣ разночтенія Vatic. 1807 сходятся съ Paris. 854. Такъ, и здѣсь всюду вмѣсто στρατηλάτης Моск. текста читается στρατηγός.

Vatic. fol. 62 (cf. Leo Gr. p. 238, 21) στρατηγὸς ὢν τῆς ἀνατολῆς Πετρωνᾶς ὁ ἀδελφὸς τῆς Αὐγούστης.

Leo Gr. p. 240, 20 κατὰ τὸ Μαυροπόταμον.

p. 241, 8 τῇ θαλάσσῃ ἄκρῳ προσέβαψαν.

p. 242, 2 (Mur. p. 738, 2) καὶ τοῦτον ἀποκεῖραι ἐκεῖσε μοναχὸν καὶ προσέταξε φρουρεῖσθαι.

p. 244, 5 ὑπῆρχον δὲ ἐν τῇ βουλῇ Μαριανός, ἀδελφὸς αὐτοῦ, καὶ Συμβάτιος καὶ Βάρδας, ἀδελφὸς αὐτοῦ, καὶ Ἰωάννης ὁ Χάλδος. Здѣсь пропускъ переписчика (fol. 63 ᵛ).

p. 244, 9 συντυχὼν Προκοπίῳ, ἀνθρώπῳ τοῦ Καίσαρος.

16 Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαθάριος καὶ Γεώργιος, προσφιλὴς αὐτοῦ ὤν, εἶπεν τῷ Καίσαρι.

p. 249, 3 ἐγεννήθη δὲ Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεὺς ἐκ Μιχαὴλ καὶ Εὐδοκίας τῆς Ἰγγιρίνης.

fol. 65ᵛ Κλύδωνος δὲ ὄντος ἐν τῇ θαλάσσῃ, συναθροισθέντες κατῆλθον μέχρι τοῦ περά(σ)ματος καὶ διαπεράσαντες ἦλθον εἰς τὸν οἶκον Εὐλογίου τοῦ Πέρσου, καὶ τοῦτον ἄραντες ἦλθον εἰς τὰ Μαρίνης. Пропуска, содержащагося здѣсь въ Paris. 854, Ватик. рукопись не раздѣляетъ (Mur. p. 750, 15).

p. 253, 11 καὶ τοῦ μὲν ἑνὸς ποδὸς αὐτοῦ μὴ φθάσαντος τῆς γῆς ἐπιβῆναι, τοῦ δὲ ἑτέρου κτέ.

p. 254, 2 καὶ Μαριανὸς ὁ ἀδελφὸς τοῦ βασιλέως τὸν πόδα συντρίβεται, ἐκ τοῦ ἵππου πεσών, καὶ τοῦ ποδὸς αὐτοῦ διασαπέντος, σκώληκας βρύσαντος τελευτᾷ.

Изъ двухъ отступленій, признанныхъ нами за вставки въ текстѣ Paris. 854, Ватиканская рукопись содержитъ отступленіе о патріархѣ Игнатіѣ, послѣ Leo Gr., p. 240, 15 καὶ λογιωτάτου πάνυ. fol. 62ᵛ οὗ γνώμῃ καὶ βουλῇ ἐστέφθη ὑπὸ Μιχαὴλ Βασίλειος. ὁ δὲ πατριάρχης Ἰγνά-

τιος ὑπὸ Βάρδα καίσαρος, θείου Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως, ἐπειδὴ ἐκώλυεν αὐτὸν τῆς κοινωνίας διά τινα σφάλματα, τῆς ἐκκλησίας ἐξωθεῖ[1]) καὶ βασάνοις ἀνηκέστοις ὑπέβαλεν καὶ τὴν παραίτησιν τῆς πατριαρχίας ἐξεβιάζετο ποιῆσαι ὁ θεῖος ἀνήρ. καὶ παραδίδωσιν αὐτὸν ὁ Βάρδας Θεοδώρῳ τῷ Μωρῷ, κατὰ κλῆσιν, πρὸς δὲ καὶ Γοργονίτην Ἰωάννην καὶ Νικόλαον τὸν Σχουτελώπτην (accus. pro dat.), οἳ καὶ ἐν τῷ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ναῷ ἐν τῇ λάρνακι τοῦ Κοπρωνύμου περικλείουσι τοῦτον, χειμῶνος ὥρᾳ γυμνὸν εἴασαν... μέχρι τῆς ἐκείνων ἐλεύσεως. ὁ δὲ βασιλεὺς κτὲ.

Другого отступленія, портрета императора Василія Македонянина и о родинѣ его, Ватиканская ркп. не имѣетъ.

Ватиканская ркп. доводитъ хронику гораздо далѣе, чѣмъ Paris. 854, а именно до p. 845, 5 Mur. (p. 325, 18 Leo Gr.). Листы ея перепутаны: Царствованіе Льва Мудраго на fol. 70ᵛ доводится до p. 777, 10 (τοῦ Βουκο.... p. 271, 18 Leo), продолженіе читается на fol. 95 (.... λέοντος καταγαγόντες κτὲ). На оборотѣ этого листа текстъ доходитъ до p. 781, 14 Mur. (ἐμποδισ....), продолженіе находимъ на fol. 72 (.... θεῖσα διεχαυνώθη). На fol. 76ᵛ разсказъ доводится до p. 806, 2 (Mur. ὑποστρεψ....). Листъ 77 начинается такъ: Ῥωμανόν. οὗτος εὐθὺς ἔνευ‹σεν αὐ›τοῖς τῇ χειρὶ ἑτοίμοις εἶναι πλησίον ἐλθεῖν = p. 809, 23 Mur. На fol. 78ᵛ текстъ доходитъ до p. 817, 20 Mur. (ἐξωρίσθη....), продолженіе слѣдуетъ на оборотной сторонѣ л. 96-го (....σαν. ἦν δὲ τότε). На этой сторонѣ листа текстъ доходитъ до словъ ἐν τοῖς ταγ..., продолженіе на fol. 96 recto (...μασιν οἷς συνῆν καὶ Ἀλέξιος ὁ πατρίκιος p. 819, 22 Mur.).

По окончаніи этой стороны листа 96-го дальнѣйшее надо читать на fol. 79 (οἱ δὲ συνέθεντο ἑτοίμως p. 821, 18 Mur.). Хроника обрывается въ рукописи на fol. 94, на словѣ βασιλικοῦ.

Мы сличали текстъ Ватик. ркп. 1807 частью съ Моск. ркп. въ изданіи Муральта, частью со Львомъ Гр. боннск. изд. (Paris. 1711) въ предѣлахъ p. 781, 14 Mur. (= p. 275, 12 L.)—p. 804, 5 Mur. (= p. 293, 1 L.), p. 806, 2 (= p. 294, 6)—p. 809, 23 (= p. 297, 18), p. 841—45 (= 323—325).

Вообще надо замѣтить, что текстъ Ватик. ркп., какъ мы указывали уже и относительно Paris. 854, не раздѣляетъ многочисленныхъ и нерѣдко значительныхъ сокращеній у Льва Гр. основного текста, какія обнаруживаются у послѣдняго уже изъ сличенія съ Моск. ркп.

---

1) l. ἐξωθεῖται?

и Өеодосіемъ Мелит. Такъ, въ предѣлахъ p. 841—845 Mur. въ Ватик. ркп. читается p. 842, 7—14, 18—20, p. 843, 23—844, 6, что все опущено у Льва Paris. 1711. Но что касается мелкихъ добавленій въ текстѣ и разночтеній, Ватик. ркп. (какъ и Paris. 854) сходится то со Львомъ Гр., то съ Моск. ркп. и, насколько мы наблюдали, почти всегда тамъ, гдѣ каждый изъ этихъ двухъ текстовъ представляется болѣе исправнымъ.

Въ ниже помѣщаемомъ сводѣ разночтеній будетъ ясно видно такое отношеніе текста Ватик. ркп. 1807 къ Московскому и Боннскому.

Въ предѣлахъ p. 782—787, 2, сличая текстъ Ватик. ркп. со Львомъ Гр., мы находимъ въ варіантахъ ея отъ боннскаго текста совпаденіе съ текстомъ Логоөета Моск. ркп. въ слѣдующихъ мѣстахъ:

p. 782, 8 ὁ σοφώτατος | L. Gr. p. 276, 1 ὁ φιλοσοφώτατος, 10 χυροῦ | L. 3 χυρίου, 15 προεφήτευσε γάρ | L. om. γάρ, ἐπονηρεύσατο | L. 8 ἐπονηρεύθη, 17 ἑορτῆς σου | L. 9 σου om., p. 783, 1 τοῦ Βουτίου, V. (=Vat. 1807) τῶν Βουτίου | L. p. 276, 15 τῶν Βωτίου, 3 ἀνέρχεται | L. 18 ἀνέρχονται, 5 τοῦ πλωίμου | L. 19 τῶν πλωίμων, 8 ὄπισθεν | L. p. 277, 1 ἔμπροσθεν, 10 ἀθυμίᾳ καὶ περιστάσει | L. 2 ἀθυμίᾳ, 12 μὴ τολμῶντα | L. 4 μὴ τολμώντων, p. 784, 4 αὐτῶν | L. 7 αὐτοῦ, Χατζιλακίῳ (L. Χατζιλικίῳ, 10 διερχόμενος δέ | L. 10 διερχόμενος, p. 785,5 αὐτῷ | L. 18 αὐτόν, p. 786, 12 εἰπών | L. p. 278, 21 εἶπεν, p. 787, 2 γυναικός | L. p. 279, 7 γαμετῆς.

Съ другой стороны, сличая текстъ Ватик. ркп. съ Московской ркп. въ предѣлахъ p. 787—803, мы находимъ въ варіантахъ отъ нея чтенія Ватик. ркп. совпадающими со Львомъ Гр. въ слѣдующихъ мѣстахъ:

p. 279, 11 ὃς καθηρέθη | p. 787,9 ὃς καὶ καθηρέθη, 12 εἰς Αὐγούσταν | p. 787, 10 Αὐγούσταν, 21 τοῦτον om. | p. 788, 1 τοῦτον, p. 280, 10 ἕως τρίτου | 13 ἕως τρίτης, p. 281, 7 καὶ τέκνοις—καὶ ἀνδρ. om. | p. 789, 14 καὶ τέκνοις καὶ ἀνδρ., p. 281, 4 Νικόλαος τῆς ἐκκλησίας ἐξεώσθη | p. 790, 1 τῆς ἐκκλ. om., p. 282, 2 μετὰ χρυσοβουλλίου | 12 μετὰ χρυσοβούλλης, p. 282, 5 καὶ δοὺς αὐτῷ δῶρα καὶ χρήματα παρήγγειλε | 16 χρημ. καὶ δ. om., p. 282, 12 ὡς ἀδύνατον | p. 791, 2 ὅτι ἀδύνατον, 18 μόνοι φυγῇ χρησάμενοι | 8 φυγῇ μ. χρ., p. 283, 18 ὑπονοήσας, V. ὑπονοήσας ἀληθὲς εἶναι | p. 792, 18 νοήσας ἀληθὲς εἶναι, 12 Σαμωνᾷ, V. τῷ Σαμωνᾷ | p. 792, 19 Σαμωνᾶν, p. 284, 5 τοῦτον | p. 793, 10 τοῦτο, 10 αὐτός, V. om. | 15 ὁ μητροπολίτης, p. 284, 20 ἐν

ὁσίαις | p. 794, 8 ἐν νοσιαῖς, p. 285, 1 Ἱμερίῳ λογοθέτῃ | 11 Ἱμερίου λογοθέτου, 10 μηνί om. | p. 795, 1 μηνί, 11 τόν αὐτοῦ ἀδελφόν, ὅν | 2 τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ βασιλέα, ὅν, 18 πατριάρχην om. | 12 πατριάρχην, p. 286, 7 ἐν τῇ αὐτοῦ μονῇ ἐν τῇ πόλει τῶν Ψαμαθίου | p. 796, 5 ἐν τῇ αὐτοῦ μονῇ ἐν τῇ πόλει εἰς τὰ Ψαμαθίου, 9 παλατίοις | 8 παλατίου, 14 ὡσαύτως οὖν φασιν καὶ Γαβριλόπουλον | 14 ὡσαύτως καὶ Γαβριηλόπουλον, 16 Βασίλειον | 17 Βασιλίτζην, 18 εὐνοῦχον ποιῆσαι | 18 εὐνουχίσαι, p. 287, 5 στοιχεῖον τὸ ἐν τῷ ἱππικῷ | p. 797, 7 στοιχεῖον, p. 287, 7 ὑπεμφαίνοντες | p. 797, 9 ὑποφαίνοντες, 19 ὁ ἄρχων Βουλγαρίας μηνύων Ἀλεξάνδρῳ τὰ περὶ εἰρήνης, V. ὁ ἄρχων B. περὶ εἰρήνης μηνύων Ἀλ. | p. 798, 4 ὁ ἄρχων Βουλγάρων μηνύων Ἀλεξάνδρῳ τὰ πρός εἰρήνην, p. 289, 17 οὖν ἐκεῖσε | p. 800, 17 ἐκεῖσε om., 19 καὶ μὴ ἐφεστηκότα, V. καὶ μὴ καθεστηκότα | 18 καὶ ἐφεστηκότα, p. 290, 5 ἐκεῖσε | p. 801, 3 ἐκεῖ, τοσοῦτοι | 4 τοσοῦτον, 13 ἐρριμμένον καὶ μεμονωμένον | 11 καὶ μεμον om., 16 τῇ ἁγίᾳ (V. τοῦ) θεοῦ Σοφίᾳ | 16 τῇ ἁγίᾳ τοῦ θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, 18 τοῦ Στουδίου, V. τῶν Στουδίου | 18 τῶν Στουδίων, p. 292, 16 ὡς εἴρηται om. | p. 803, 21 ὡς εἴρηται, ibid. ἀναβιβάζουσιν πάλιν αὐτήν | ἣν καὶ ἀνεβίβασεν πάλιν (22).

Сообщаемъ, далѣе, еще два списка разночтеній, причемъ, какъ и въ первыхъ двухъ, впередъ поставлены чтенія согласныя съ Vatic. 1807. Только въ немногихъ мѣстахъ тутъ же приведены особые варіанты Ватик. ркп. Mur. p. 806, 18 δομεστίκου | L. p. 294, 17 δομεστίκου τῶν σχολῶν, 21 τοῦ Μαλελία, V. τοῦ Μαλελελίας | 20 τῆς Μαλελίας. p. 807, 13 φυγὴ παντελής | φυγή p. 295, 13, p. 808, 10 τοὺς φεύγοντας Ῥωμαίους | p. 296, 9 τοὺς φεύγοντας Ῥωμαίων, 12 Κωνσταντίνου πατρικίου | 10 πατρικίου om., 14 παρὰ τῇ Αὐγούστῃ πολλά | πολλά om., p. 809, 4 καὶ ἐν οἷς | p. 297, 1 καὶ om., 6 γραμματεῖον | 8 γραμμάτιον, 19 προσυπήντησε | 14 προυπήντησε.

L. Gr. p. 295, 3 Μαρούλῃ | p. 807, 3 Μαρούλλου.

p. 297, 17 γενναίους ἐπιτηδείους, V. γενναίους τε καὶ ἐπιτηδείους | p. 809, 22 γενναίους, p. 323, 17 τὰ λοιπὰ δὲ | p. 842, 3 τὰ δὲ λοιπά, 21 (то же p. 324, 20, гдѣ om. L.) ὁ Κουρκούας | 16 ὁ Κροκόας, p. 324, 13 οὐδὲ γάρ | p. 843, 15 οὐ γάρ, 18 ὑποστρέψας | 21 ὑπέστρεψε, p. 325, 20 (послѣ ἰνδ. τρίτης, словъ, у Льва пропущенныхъ) ἥτις καὶ ἐτελεύτησε, ζήσασα ἔτη μετὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς ε´ | p. 845, 1 ζήσασα ἔτη πέντε ἐτελεύτησε.

Такимъ образомъ Ватик. ркп. (и Paris. 854) представляетъ редакцію текста, изъ коей вышли одинаково и Левъ Гр. Paris. 1711 и

Моск. ркп. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ ея чтенія, гдѣ она уклоняется и отъ Моск. ркп., и отъ Льва Гр., которые въ большинствѣ такихъ случаевъ согласны между собою.

L. p. 275 16, Mur. p. 781, 18 καὶ οὐ κατῆλθεν om. V. Слова, дѣйствительно излишнія.

p. 275, 18, p. 782 οὔτε L. Mq.] γάρ V.

p. 275, 19. Ватик. ркп., взамѣнъ чтенія Льва и Моск. ркп. τοῦ δόντος τὸν βασιλέα, даетъ болѣе правильное. Все мѣсто читается такъ: κρατηθεὶς δὲ ὁ πλήξας τὸν βασιλέα καὶ πολλὰς βασάνους καὶ τιμωρίας ὑπομεμενηκώς. Слова καὶ ἐξετασθέντος L. Mq. опускаются въ Ватик. ркп.

p. 275, 22, p. 782, 6 αὐτοῦ om. V.

p. 276, 8, p. 782, 15 ἐχθρός L. Mq.] σου V.

p. 276, 12, p. 782, 19 въ Ватик. ркп. чит. τῇ αὐτῇ καὶ τελευτᾷ, болѣе правильно, чѣмъ чтеніе и Mq. и L.

p. 276, 15 ποιήσαντος, 21 κενοί.

p. 277, 1 Ватик. ближе къ Mq., но уклоняется и отъ послѣдней: καὶ ἦλθεν ἔνδοθεν μέχρι τῆς Ἀβύδου καὶ τοῦ Παρείου.

p. 277, 8, p. 784, 4 καί om. V. Передъ ποιήσας этотъ союзъ, дѣйствительно, лишній.

p. 277, 16, p. 785, 3 вм. καὶ πολλά чит. διὰ τοῦτο πολλά.

Сходясь съ Mq. тамъ, гдѣ Левъ Гр. Paris. 1711 представляетъ сокращенія, Ватик. ркп. въ свою очередь восполняетъ и случайные пропуски Моск. ркп. Такъ, пропускъ ex homoiotel. ἐᾶσαι p. 785, 5 (срв. также p. 809, 22 Mur.).

p. 278, 1, p. 785, 7 Δαματρύι, тоже p. 792, 18.

p. 278, 9, 17 εἰς τὸν Ῥιχάν, ἐν τῷ Ῥιχᾷ.

p. 279, 2 ἀποσυνώψιζε.

p. 279, 7, p. 787, 8 τοῖς ἁγίοις φώτοις.

p. 279, 10, p. 787, 8 ὁ βασιλεὺς καὶ Ζωή. Прочій текстъ, какъ въ Mq.

p. 279, 18, p. 787, 17 ἤρξαντο—чтеніе не безразличное для содержанія. У Льва и въ Mq. одинаково ἤρξατο.

p. 279, 22, p. 788 2 μέχρι Γαλαγγρινῶν σὺν μόχθῳ ἀπήει.

p. 280, 2, p. 788, 4 послѣ σύγγελος читается εἰς πατριάρχην, какъ въ Mq., и затѣмъ слѣдующая вставка, предупреждающая событія (подобно тому какъ еще разъ ниже p. 296, 21 Leo): ὃς καὶ τὸν Πορφυρογέννητον στέφει Κωνσταντῖνον ἐν τῇ τῆς πεντηκοστῆς ἡμέρᾳ (Vatican. fol. 73), срв. p. 792, 6—7.

p. 280, 3 εὐσεβής вм. εὐλαβής.

p. 280, 11, p. 788, 14 δονήσας τὰ θεμέλια τῶν οἰκημάτων καὶ τῶν ἐκκλησιῶν. Чтеніе болѣе точное, чѣмъ въ Mq. и у Льва Гр.

p. 280, 16, p. 788, 19 διὰ τὸ ἐξελθεῖν στόλον. Оборотъ одинаковый въ Mq. и у Льва не такъ хорошо передаетъ смыслъ мѣста.

p. 281, 1, p. 789, 7 κρατηθῇς περί σου τοῦ Ἀμερίου συσκευήν κατεργαζομένου.

3 καὶ τυφλωθῆναι om. V.

p. 281, 5 p. 789, 11 ἐν ἡμέραις.

p. 281, 16, p. 790, 3 πανοικεῖ ἐξεληλυθόσι. (L. Mq. om. πανοικεῖ).

p. 282, 3, p. 790, 12 ἐξελθόντα δὲ τὸν Σαρακηνὸν ἀπὸ τ. βασ. προσκαλεσάμενος ὁ Σαμωνᾶς.

p. 282, 5, p. 790, 15 τὴν ἀπώλειαν τῆς Συρίας ὅλης. καὶ δούς. Очевидно, то первоначальное чтеніе, изъ коего вышли варіанты Льва и Mq.

p. 791, 8 Ἀββάκης.

10 ἐν τῇ Μαγναύρᾳ. ἐκαλλώπισαν δέ и ниже ὑπέδειξαν.

p. 791, 13, 282, 22 опущено излишнее ἦν.

p. 283, 2, p. 792, 1 τῆς ἐκκλησίας вм. τοῦ θεοῦ.

p. 283, 14, p. 792, 15 μετ' ὀλίγον δὲ ἐν τῇ μονῇ τὰ Σπεῖρα ἀνέλαβεν αὐτὸν ὁ Σαμωνᾶς κελεύοντος βασιλέως, ὡς δῆθεν βουλόμενος.

p. 283, 16, p. 792, 17 οὖν] εἰς V.

p. 283, 21, p. 793, 4 ἐπ' αὐτῷ.

p. 285, 6 Μαγναύρᾳ, тоже p. 795, 13 (p. 794, 16).

p. 794, 17 τοῦ τὴν δημηγορίαν λαλῆσαι.

p. 285, 9, p. 794, 19 καὶ ἐκάη τὰ χαρτοθέσια πάντα τῆς σακέλλης. Въ Mq. и Leo одинаковый варіантъ. Впроч. чтеніе Анонима Paris. 1712 приближается къ этому послѣднему (καὶ ἡ σακέλλη).

p. 285, 10 Λέων ὁ σοφώτατος καὶ μέγας βασιλεύς (p. 795, 1).

p. 795, 9 Κωνσταντίνῳ Πορφυρογεννήτῳ.

10 Γαλαγκρηνῶν срв. p. 788, 2.

p. 285, 20, p. 795, 18 καὶ Εὐθύμιον.

p. 796, 3 καὶ ἱερός om.

p. 796, 11 οὐδέν.

14 ὡσαύτως οὖν φασι καὶ Γαβριλόπουλον (Γαβριλόπουλον pass.). cf. Leo.

17 Βασίλειον καὶ βασιλέα ἠβούλετο προχειρίσασθαι ὡσαύτως οἰόμενος διὰ τὸ ἄπαις εἶναι.

p. 286, 20, p. 797, 1 νήπιον] τοῦτον.

p. 286, 20, p. 797, 2 ὡς om. V.

p. 287, 2, p. 797, 4 καλεῖσθαι καὶ αἱματεκχυσίαν (iterum καλεῖσθαι cod.) ὑπὸ πάντων σημαίνειν ἀναφανδῶν ἐν τῇ πόλει. Текстъ Vatic. 1807 нѣсколько извращенъ здѣсь, срв. Vatic. 153 (ap. Mur. s. text.).

p. 797, 7 σῇ (l. σοί) καὶ τῇ σφῶν ζωῇ ἀνάκειται.

p. 797, 18, p. 287, 11 τοῖς ζῴοις τὴν φωταγωγίαν ἐποίησεν

p. 287, 19, p. 798, 4 ὁ ἄρχων Βουλγαρίας περὶ εἰρ. μηνύων Ἀλ. καὶ τοῦ φιλοφρονεῖσθαι.

p. 798, 6 ἐπὶ Λέοντος βασιλέως.

p. 798, 7 κρατηθείς.

p. 798, 11, p. 287, 22 σφαιρίσων.

p. 799, 11 Ἰωάννῃ μαγίστρῳ καὶ αὐτῷ τυγχάνοντι.

p. 288, 18, p. 799, 13 послѣ φροντίδα читается, какъ въ Paris. 1712, πᾶσαν, что опущено одинаково у Льва Гр. и въ Mq.

p. 800, 19 ἐκ τοῦ ἱπποδρόμου.

p. 801, 3 ἔπεσαν.

11 κατέρραξεν.

p. 291,2, p. 802,5 Φιλόθεος ὁ ἔπαρχος ὁ τοῦ Λαμπώδη.

p. 802,9 τοὺς σὺν αὐτῷ πολλοὺς ἀνδρείᾳ κεκοσμημένους.

p. 803,3 καὶ τῶν ὅπλων (cf. Vatic. 153 ap. Mur.) καὶ τῶν περιβόλων. Mq. L. πετροβόλων.

p. 803, 21 ὡς εἴρηται om. V

22 ἦν καί om. V. ἀναβιβάζουσιν πάλιν αὐτήν какъ, у Льва.

p. 804, 5, p. 292, 23 Θεοφύλακτον Δομηνίκου, при чтеніи L. Mq. Θεοφύλακτον Δομήνικον, но срв. Anonym. Paris. 1712.

p, 806, 17 πρὸς τὴν Θρακῴαν γῆν, cf. Anonym.

p. 295, 3, 807, 2 τοῦ δὲ τῶν Ἰκανάτων ὁ τοῦ Μαρούλη υἱός.

p. 295, 18 πατρίκιος, δρουγγάριος ὢν τοῦ πλωΐμου cf. Vatic. (ap. Mur.). Не смотря на кажущуюся незначительность разночтенія, оно характеристично для сравненія текстовъ: Романъ посылается съ флотомъ, потому ὢν должно относиться только къ δρουγγάριος τοῦ πλωΐμου, въ Mq., напротивъ, читается πατρίκιος καὶ δρουγγ. ὢν τ. πλ.

p. 296, 4, p. 808, 5. Текстъ Vatic. 1807 въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пострадалъ. Мы прочли ... τοῦ Βοτ γᾶ, ⟨κα⟩ τ' αὐτ⟨ῶν⟩ ⟨κιν⟩οῦντες καὶ οἱ ἐν τέλει καί.... εἰς τοσοῦτον κίνδυνον τὰ τοῦ δρουγγαρίου. Ῥωμανοῦ περιέστη и предполагаемъ пропускъ переписчика послѣ второго καί (ὁ δῆμος?).

p. 296, 6 ἐξήνεγκαν. Это и предшествующее чтеніе принадлежатъ къ тѣмъ изъ числа приведенныхъ нами, которыя ясно говорятъ въ пользу превосходства редакціи Vatic. 1807 надъ общей редакціей Льва и Mq. Послѣ τῶν ὀφθαλμῶν въ ркп. читается αὐτῶν (l. αὐτόν), что одинаково пропущено въ Mq. и у Льва.

p. 296, 10 ὑποδεξαμένου.

11 ὡς omiss. V.

p. 296, 21, p. 809, 1. Послѣ Λέοντα читается: τὸν Φωκᾶν, τὸν εἰς Γολεοῦντα τυφλωθέντα (срв. Leo, p. 303).

p. 297, 7, p. 809, 10 ᾧ δέει χαιρῷ ποιήσασθαι.

p. 297, 10 ὁ δέ] τούτῳ V.

p. 297, 16, p. 809, 22 γενναίους τε καὶ ἐπιτηδείους.

p. 842, 19 ἐπὶ τὸ αὐτὸ παρὰ τὰ οἰκεῖα πλοῖα.

p. 844, 8 τὸν ἐκ Κωνσταντίνου, τοῦ γαμβροῦ αὐτοῦ, τούτου τὴν θυγατέρα.

13 ἐπὶ χρόνους ἱκανοὺς τὴν εἰρήνην διαφυλαχθῆναι.

2. Акад. В. Г. Васильевскій сообщаетъ въ своемъ изслѣдованіи о «хроникѣ Логоѳета на слав. и греч.» результаты сличенія Венец. ркп. Симеона, предпринятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. В. К. Ернштедтомъ (стр. 7 слѣд.). Во время занятій нашихъ въ Вѣнѣ мы довольно подробно изучили другую рукопись, носящую въ самомъ заглавіи имя Симеона Логоѳета, именно Vindob. histor. graec. № 37 (= Collar. Suppl. № 126)[1]).

Хроника писана въ два столбца. На fol. 40ᵛ, на правомъ столбцѣ читается среди пустой страницы:

Συμεὼν μαγίστρου καὶ λογοθέτου
χρονικὸν ἐφεξῆς συλ[λ]εγὲν ἐκ διαφόρων
χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν.

Ἀρχὴ μὲν ἀπὸ Ἀδάμ[2]). Все это красными чернилами. На fol. 41:

Κύριε εὐλόγησον·

‹Συ›μεὼν μαγίστρου καὶ λογοθέτου χρονικὸν ‹ἐ›φεξῆς συλ[λ]εγὲν ἐκ διαφόρων χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν.

Это второе заглавіе частью подправлено по первоначальному красному тексту черными чернилами, кажется, рукою того же библіотекаря, который приводитъ поправки и варіанты въ разныхъ мѣстахъ рукописи.

1) Другая ркп. имени Логоѳета во время нашихъ занятій была въ Бернѣ.
2) Это напоминаетъ двустишіе, открывающее Anonym. Paris. 1712.

<Ἀ>δάμ, γενόμενος ἐτῶν σλ′, γεννᾷ τὸν Σὴθ καὶ ἔζησεν ὁ αὐτὸς Ἀδὰμ ἔτη ,ψ′.

При ближайшемъ разсмотрѣніи мы легко убѣдились, что эта Вѣнская ркп. представляетъ не что иное, какъ другой экземпляръ той же (сокращенной) редакціи Симеона, съ которой мы были знакомы по Венеціанской рукописи Логоѳета. Такъ же, какъ въ послѣдней, здѣсь сокращена вся ветхозавѣтная исторія, исторія персидскихъ и александрійскихъ царей (до л. 42). Лишь начиная съ Юлія Цезаря текстъ получаетъ ту распространенность, какую онъ имѣетъ у Льва Гр. въ изданіи Крамера и Боннскомъ (Paris. 854), fol. 42ʳ cf. Leo ed. Bonn., p. 54.

Редакторъ самъ указываетъ на сокращеніе первоначальнаго текста въ первой части хроники своими ссылками, fol. 42: Ἀρταξέρξης ὁ Μακρόχειρ ἔτη μα′. τὰ κατὰ τὴν Ἐσθὴρ καὶ τὸν Μαρδοχαῖον ἐπὶ τούτου φησίν, и ниже: τοῦτον ἀνελὼν Ἀλέξανδρος, ὁ Μακεδόνων βασιλεύς, καὶ καθελὼν τὴν τῶν Περσῶν ἀρχὴν ἐβασίλευσεν ἔτη ς′ πρὸ τοῦ καθελεῖν τὸν Δαρεῖον, βασιλεύσας, ὥς φησιν, ἔτη ιβ′. καὶ ἐτελεύτησεν ἐν Βαβυλῶνι, ὥς φησιν[1]), ἐτῶν λε′, ὡς δὲ ἄλλοι εἶπον, λς′, ἐβασίλευσεν δὲ ἔτη ιζ′ ἐτῶν ιζ′, ὡς ἀπαιτεῖ ἡ ἀκολουθία.

Не смотря на свою сокращенность, текстъ въ хронологическихъ данныхъ и въ этой сокращенной части часто представляетъ или прибавки, или болѣе точныя чтенія, чѣмъ Paris. 854. Такъ, L. p. 12, 5 послѣ ἔτη, ,βσμβ′ здѣсь читаемъ: ὡς καὶ ἡ ἀλήθεια ἐπιμαρτυρεῖ. p. 12, 15 Σάλα, γενόμενος ἐτῶν ρλγ′, γεννᾷ τὸν Ἔβερ. p. 18, 13 Σερούχ, γενόμενος ἐτῶν ρλζ′, γεννᾷ τὸν Ναχώρ.

При Птоломеѣ Филадельфѣ, вмѣсто анекдота Leo Gr. p. 50, читаемъ: Ἐπὶ τούτου αἱ παρ᾽ Ἑβραίοις ἱεραὶ βίβλοι εἰς τὴν Ἑλλάδα μετεβλήθησαν φωνὴν καὶ ἐν ταῖς κατὰ Ἀλεξάνδρειαν ἀπετέθησαν βιβλιοθήκαις (fol. 42).

Счетъ лѣтъ отъ Адама находимъ въ слѣдующихъ пунктахъ: отъ Адама до потопа (срв. Leo, p. 12, 5), отъ Адама и отъ потопа до Авраама <ἀπὸ Ἀδὰμ> κατὰ τοὺς ο′ ἔτη ,γτκδ′, ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἕως τοῦ Ἀβραὰμ ἔτη ,αρπβ′ (итогъ не соотвѣтствуетъ p. 12, 5), отъ Авраама, отъ потопа и отъ Адама до исхода συνάγεται ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ μὲν τοῦ πρώτου ἔτους Ἀβραὰμ ἐπὶ τὴν ἐξ Αἰγύπτου πορείαν ἔτη φβ′, ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη ,αφπβ′ ,ἀπὸ δὲ Ἀδὰμ κατὰ τοὺς ο′ ἔτη ,αχπβ′,

1) Срв. подобныя же ссылки въ сокращенной редакціи Малалы Оксф. ркп. p. 389, 17 ed. Bonn. (Sotiriadis, Zur Krit. d. Io. v. Ant., S. 105, Anm. 2) и въ Пасхальн. хроникѣ въ извлеченіяхъ изъ Малалы.

κατὰ δὲ ἄλλους ,γωκθ', отъ исхода до Давида (ἔτη χλ') [1]), отъ Адама до смерти Александра Великаго ὁμοῦ τὰ πάντα — ἔτη ,ερξζ'.

Сходство съ Венец. ркп. начинается еще съ заглавія, которое и здѣсь, въ Vindob. 37, повторено два раза и на разныхъ страницахъ. Хотя мы сами не видали Венец. ркп., но уже на основаніи дальнѣйшихъ сходствъ съ увѣренностью предполагаемъ полное сходство очень краткаго въ этой ркп. обозрѣнія ветхозавѣтной исторіи съ тѣмъ началомъ хроники (до Юлія Цезаря), какое находится въ Вѣнской. Въ самомъ дѣлѣ, все въ дальнѣйшемъ описаніи Венеціанской ркп., не исключая нѣкоторыхъ характеристичныхъ разночтеній, находитъ соотвѣтствіе въ Вѣнской. Послѣ Клеопатры, послѣдней египетской царицы, читаемъ: τῷ τρίτῳ ἔτει ταύτης πρῶτος ἐμονάρχησεν Ῥωμαίων Γάϊος Ἰούλιος Καῖσαρ, ἀφ' οὗ Καίσαρες οἱ ἑξῆς βασιλεῖς προσηγορεύθησαν. Βασιλεία Ῥώμης. ἐβασίλευσε Γάϊος Καῖσαρ (красн. загл.), fol. 42ʳ. Въ текстѣ о Юліѣ Цезарѣ находимъ сходныя съ чтеніями Венец. ркп. чтенія δικάτορ вм. δικτάτωρ и δικατορία вм. δικτατωρία. Въ текстѣ о Карѣ, Каринѣ, Нумеріанѣ — λημικῆς (= λοιμικῆς).

Въ царствованіи Θеодосія III-го въ Вѣнской ркп. находимъ ту же прибавку, какъ въ Венеціанской: ἐν Ἐφέσῳ γὰρ κτέ. (срв. В. Г. Васильевскаго, Хроника Логоθета, стр. 9. Vind. hist. 37, f. 62ʳ), а въ царствованіи Константина Копронима ἐξ ἑτέρας ἱστορίας (Vind. fol. 64ʳ). Въ текстѣ можемъ отмѣтить въ этомъ мѣстѣ сходныя съ Венец. ркп. чтенія Ἀρτάβαδος (вм. Ἀρτάβασδος), два раза, Βύσυρον, Ἀμώριον (вм. Ἀμόριον), γράφη, τόν, послѣднія, какъ и выше цитованное λημικῆς, фонетически, конечно, тождественныя съ правильными чтеніями. Также ниже пропускъ μετά повторяется и въ Вѣнской рукописи (срв. Хрон. Логоθ., стр. 11).

Въ царствованіи Льва Армянскаго можемъ отмѣтить слѣдующій признакъ работы позднѣйшаго редактора. На fol. 77ʳ послѣ p. 679, 16 Mur. ὀρθοδοξίας читается фраза ἀλλὰ γὰρ οὐκ ἔλαθεν τὸν καλὸν ποιμένα — ἐγκεχρυμμένος, какъ мы видѣли въ этомъ мѣстѣ въ Paris. 854. Но затѣмъ слѣдуетъ μετὰ γὰρ β' χρόνους — p. 681, 1 ἀνερρίπισεν (и далѣе: ὁ δὲ νέος Σεναχ. Κροῦμος κτέ.). Въ Paris. 854 это читается уже послѣ p. 681, 3, какъ и въ Paris. 1711, и такой порядокъ болѣе первоначаленъ, потому что такъ, дѣйствительно, читается въ древней Коаленевой ркп. Георгія монаха (срв. у Муральта подъ текстомъ). Но въ

1) Отмѣчаемъ попутно: Ἀναρχίας ἔτη λ' κατὰ δὲ τοὺς ο', κατὰ δὲ τὸ ἑβραϊκὸν ἔτη ν'.

нашей ркп. (Vindob. hist. 37) на л. 78 послѣ p. 681, 1 Mur. ὁ δὲ Λέων тоже читается: μετὰ τὸ ἐξορίσαι τὸν θειότατον πατριάρχην Νικηφόρον καὶ τὸν Κασιτηρᾶν Θεόδοτον χειροτονήσας (l. χειροτονῆσαι), ὡς ἀνωτέρω εἴρηται, ἐφάνη ἀστὴρ κομήτης. Это повтореніе содержанія отрывка p. 679, 14—680, 1 показываетъ, что редакторъ еще читалъ его здѣсь въ своемъ источникѣ и послѣ перестановки его въ другое мѣсто счелъ нужнымъ передать его содержаніе вкратцѣ въ прежней связи разсказа.

Въ царствованіи Ѳеофила конецъ вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ, извѣстнымъ намъ изъ Венец. ркп. Разночтенія очень незначительны. То же можно сказать и о воцареніи Михаила, сына Ѳеофила.

Мы приготовили колляцію Вѣнской ркп. съ Московской въ предѣлахъ отъ царствованія Михаила II-го, p. 694, 5 Mur. до конца лѣтописи[1]). Текстъ Вѣнской ркп. въ предѣлахъ труда собственно

1) Относительно предшествующаго, кромѣ вышеприведенныхъ указаній, мы можемъ упомянуть, что вообще текстъ хроники далеко не всегда сходится со Львомъ Гр. бонннск. изд. Мѣстами онъ полнѣе, не только вслѣдствіе такихъ вставокъ, какъ ἐξ ἑτέρας ἱστορίας въ царствованіи Константина Копронима, но и по болѣе подробной передачѣ главнаго источника—Ѳеофана. Такъ, въ царствованіи Никифора читаемъ о пораженіи царя Болгарами: πρὸ τῆς ἡμέρας, ἐπιδραμόντες κατὰ τῆς Νικηφόρου σκηνῆς, ἀναιροῦσιν τοῦτον οἰκτρῶς, ἐν οἷς ἦσαν πατρίκιοι καὶ ἄρχοντες σὺν ἀπείροις λαοῖς, μεθ' ὧν καὶ ἡ τῶν χριστιανῶν καλλωνὴ διεφθάρη, τά τε ἄλλα ἀπώλοντο καὶ τὰ τῆς βασιλείας σκεύη (cf. Leo, p. 204, Mur. p. 676). Напротивъ въ другихъ случаяхъ текстъ короче Льва. Здѣсь, прежде всего, отмѣтимъ сходство съ Ѳеодосіемъ Мелитинскимъ въ опущеніи портретовъ императоровъ и нѣкоторыхъ другихъ замѣтокъ. Вѣнская ркп. могла бы тѣмъ оправдывать предположеніе В. Г. Васильевскаго о позднѣйшей ихъ вставкѣ въ оригинальный текстъ Логоѳета (Хрон. Логоѳ., стр. 58). Такъ, Vindob. 37 fol. 50 v L. p. 101, 1 οὗτος ἦν—5 om. и послѣ ιϛ' прямо читается τῷ γένει ἦν Ἰσπανός κτέ., fol. 52 v L. p. 113, 12—114, 8 om. (передъ этимъ p. 113, 6—11 κελεύοντι сокращено въ одну фразу: οὓς ὁ βασιλεὺς Λέων ἀνεῖλεν). Въ царствованіи Зинона fol. 53, L. p. 117, 3—8 μεστός om. (и передъ тѣмъ p. 116, 6 ἰνδ. β'—15 сокращено такъ: ὃν ἐπαναστὰς ἐν τῇ Θράκῃ διατρίβων ἔφυγε σὺν Ἀριάδνῃ ἐν Ἰσαυρίᾳ, очень сокращено и L. p. 116, 17—21). Портретъ Юстина fol. 54 тоже опущенъ. Другія замѣтки: объ Аркадіѣ fol. 51 v послѣ L. p. 105, 12 прямо читается 18 τοῦ δὲ Νεκταρίου τελευτήσαντος, также fol. 50 о женѣ Валента опущено (при томъ здѣсь сообщеніе о смерти Валента переставлено на конецъ главы вмѣстѣ съ сообщеніемъ о нападеніи Скиѳовъ—p. 99, 5 μετὰ δὲ τοῦτο—ἐκεῖσε κατεκάη). При бѣгломъ просмотрѣ рукописи мы замѣтили также пропускъ портрета Тиверія II (fol. 56), указаній на мѣста погребенія, напр., для Ираклія (послѣднія слова о царствованіи Ираклія fol. 59 v παρανομωτάτου γάμου L. p. 155, 18), сына его и жены сына (потому царствованіе Константина оканчивается словами οὗτος φαρμάκῳ ὑπὸ τῆς ἰδίας μητρυιᾶς ἀναιρεῖται L. p. 155, 19). Въ царствованіи Константина Погоната послѣ p. 160, 21 ἐπὶ χρόνους τριάκοντα непосредственно слѣдуетъ: ὁ δὲ βασιλεὺς ποδαλγίᾳ πεσὼν καὶ ἐρημήσας κτέ = p. 162, 1 sq. (Vind. fol. 60 v).

Объ этихъ пропускахъ сходныхъ съ Ѳеодосіемъ у Логоѳета Венец. ркп. срв. E. Patzig, Leo Gr. u. seine Sippe (Byz. Ztsch. III, S. 484 f.). Здѣсь—новое подтвержденіе тождества редакціи двухъ списковъ Логоѳета.

Логоѳета (т. е. отъ р. 721, 8) не представляетъ сколько нибудь значительныхъ добавленій къ содержанію хроники. Мы можемъ указать только одну позднѣйшую вставку—р. 747, 1 Mur. = Vind. hist. 37, fol. 90: ἐγεννήθη δὲ Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεὺς ἐκ Μιχαὴλ καὶ Εὐδοκίας τῆς Ἰγκηρίνης ἔτι περιόντος αὐτοῦ Μιχαήλ, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ α', ἰνδ. ιε', ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου (ἔτους—κόσμου cod. bis) ͵ςυνδ'] τοῖς αὐτοῖς δὲ καιροῖς ὁ κουφότατος καὶ ἀλόγιστος ἄναξ Μιχαήλ, νεωτερικαῖς ἐπιθυμίαις κατεφθαρμένος τὸν νοῦν καὶ παίγνια τὰ θεῖα τιθέμενος, μιαρούς τινας ἀνθρωπίσκους καὶ ἀσελγεῖς καὶ εὐτραπήλους ἐπιλεξάμενος καὶ ἐν αὐτοῖς ἀναιδῶς γελωτοποιῶν καὶ βωμολοχῶν καὶ πάντων ἐναγῶν ἐναγέστατον πατριάρχην προχειρισάμενος, μᾶλλον δὲ παιγνιάρχην, τούτοις ἑαυτὸν γέλωτα ἄσεμνον καὶ ἀνακαγχασμὸν ὁ ἀφρονέστατος ἡτοιμάζετο, οἷς ὑβρίζεται μὲν ἡ ἁγία προσφορά, ὑβρίζον‹ται› δὲ καὶ τὰ ἅγια λόγια τοῖς ἀρρήτοις αὐτῶν καὶ ἀκαθάρτοις ἐπιτηδεύμασιν ἐπιλεγόμενα καὶ ἐπιφωνούμενα. τούτων δὲ ἐπίπροσθεν τῆς βασιλικῆς τραπέζης, κατενώπιον ἐπιτελουμένων Φωτίου πατριάρχου καὶ δι' αἰσχίστης μιμήσεως τῶν θείων παιζομένων ὑπὸ τῶν καταφρονητῶν καὶ καταπτύστων ἀνδρῶν, τοσοῦτον ἐκεῖνος ἀπέσχισε τοῦ ἐπιτιμῆσαι καὶ βδελύξαι καὶ τὸ ἀτοπώτατον καταργῆσαι τοῦ ἐπιτηδεύματος, ὅτι καὶ ἐπεκύρωσε μᾶλλον ὁ ἀθέμιτος τὸ ἀθέμιτον ἐπευξάμενος τὸν θεομισῆ Θεόφιλον ἐκεῖνον, ὃν ὁ ἀπαίδευτος ἄναξ ἴδιον πατριάρχην ὠνόμαζεν, ὡς παίζειν εὐστόχως ἐν ἱερατικοῖς ἀμφίοις καὶ λογίοις, καὶ κρότοις ἀποπέρδειν μεγίστοις ἡμιόνων τρόπον, καὶ ποιεῖν ἐξ αὐτοῦ πάντας τοῦτό γε μόνον ἀξίως αὐτοῖς ἐπιφωνεῖν καὶ σαρκησίων μεταλαμβάνει‹ν› μετὰ σινάπυος, καὶ τῷ ὠμοφορίῳ αὐτοῦ ὁ ἀνίερος τῷ ἀνιέρῳ τὴν ἀνιεραρχίαν ἀνιέρως ἐπεσφραγίζετο, ἐν γέλωτι μετ' ἀφρόνων [fol. 90ᵛ] ὁ ἄφρων τὴν αὐτοῦ φωνὴν ἀνυψῶν. ἀλλὰ καὶ ἅμιλλαν μετὰ τοῦ ἀθλίου βασιλέως Μιχαὴλ ὑπὲρ τοῦ τίς ἂν πίοι πλέον ἐνστησάμενος, ιβ' κώθωσιν αὐτὸν ὑπερέβαλε. τοῦ Μιχαὴλ ἐν τοῖς πεντήκοντα πεπληρωμένου οὗτος ὁ Φώτιος ἐνεκαυχᾶτο ἐκπεπτωκὼς ὡς μὴ μεμεθυκώς[1]). ἐποίησε δὲ ἱππικὸν ὁ βασιλεὺς κτέ.

Такъ какъ скачки у св. Мamанта р. 747, 3 sqq. были устроены по случаю рожденія у царя сына (срв. особенно текстъ Ватик. ркп. № 153 οὗ τοῖς γενεθλίοις ἱππικὸν ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ ἁγ. Μ. ἐπετέλεσε), то приведенный отрывокъ слѣдуетъ признать за позднѣйшую вставку, разрушающую связь первоначальнаго текста.

1) Cod. μὴ μεθυκώς (безъ редупликаціи) и, можетъ быть, эту форму надо сохранить, срв. Hatzidakis, Einl. in die neugr. Gramm., S. 75.

Другая вставка сообщена уже по Венеціанской ркп. Симеона Логоѳета въ Предисловіи Муральта къ его изданію хроники Георгія монаха (p. XXV). Это—объясненіе прозвища патріарха Антонія Καυλέας (въ нашей ркп. Καύλας). Текстъ вставки вполнѣ сходится съ Венец. ркп., не исключая и непонятнаго глагола ἴστιεν (послѣ словъ ἐκ δαιμονικῆς ἐπηρείας).

Листы Вѣнской рукописи перепутаны: Царствованіе Михаила II-го читается на fol. 78ᵛ. На fol. 81ᵛ лѣтопись доводится до словъ p. 705, 26 ἐπὶ τούτοις προσδέχεσθέ με. Продолженіе надо читать на fol. 97, который на оборотѣ оканчивается словами καὶ δι' αὐτοῦ p. 710, 15. Продолженіе читается на fol. 82. На fol. 87 текстъ доходитъ до словъ p. 734, 2 καὶ συμβολῆς γενομένης, продолженіе отыскивается на fol. 96 ‹τ›ρέπουσιν τὸν Ἄμερ и на оборотѣ этого листа текстъ кончается словами p. 737, 15 ἠρώτησε τήν. Продолженіе читается на fol. 88 (αἰτίαν ὁ βασιλεύς κτέ.) и на оборотѣ fol. 95 хроника доводится до p. 773, 9 εἰς ἑταιρείαν κρατηθέντες, продолженіе слѣдуетъ на fol. 98 ‹καὶ τὰς ῥίνας αὐ›τῶν κοπέντες. На оборотѣ этого листа текстъ оканчивается словами θυγάτηρ Βαβ‹υλῶνος› p. 776, 12, продолженіе читается уже на fol. 103, текстъ коего въ началѣ особенно пострадалъ ‹ἡ ταλαί›πορος. διεβλήθησαν.... λέοντος ὅτε Μουσικός κτέ. и оканчивается на оборотѣ листа словами p. 780, 6 ἐφ' ᾧ τ‹ετελεύτηκε›[1]). Непосредственнаго продолженія лѣтописи Логоѳета послѣ p. 780, 6 въ Вѣнской ркп. не сохранилось, но на fol. 99—102 находимъ еще нѣкоторую часть ея, отъ словъ ‹τριήρη› εἰσήγαγον p. 810, 5 (Leo, p. 298, 8)—до словъ οὐ θέμις p. 828, 2.

Въ описаніи Венец. ркп., помѣщенномъ въ статьѣ В. Г. Васильевскаго, конецъ отмѣченъ на p. 780, 6 Mur. (ἄρρενα παῖδα, срв. Хрон. Логоѳ., стр. 15), т. е. тамъ, гдѣ въ Вѣнской ркп., дѣйствительно, оканчивается текстъ лѣтописи, если судить по нумераціи листовъ въ рукописи. Такъ какъ Вѣнская и Венец. ркп. представляютъ, какъ мы видѣли, двѣ копіи одного и того же текста, то можно подозрѣвать, нѣтъ ли и въ Венец. ркп. путаницы листовъ. Вѣроятно, и та хроника, которая слѣдуетъ въ Венец. ркп. за Логоѳетомъ, та же, что и въ

1) Этотъ листъ, fol. 103,—послѣдній листъ писанной въ два столбца хроники Симеона Логоѳета. Съ листа 104-го начинается уже другая, писанная во всю страницу.

Скобками ‹ › мы отмѣчаемъ слова и буквы, сильно пострадавшія или почти стершіяся въ ркп.

Вѣнской на fol. 104 sqq. (писанная уже во всю страницу, а не на два столбца).

Въ предѣлахъ послѣдней части хроники Георгія монаха (до p. 721, 2 Mur.) текстъ Вѣнской ркп. представляетъ ту особенность, что въ царствованіи Θеофила и Михаила III распространенія первоначальной редакціи лѣтописи Георгія не смѣшиваются съ этимъ первоначальнымъ содержаніемъ, а всякій разъ (т. е. и для Θеофила, и для Михаила III) слѣдуютъ вслѣдъ за нимъ.

Въ царствованіи Михаила II-го p. 695, 7—11, p. 695, 26 καί— 697, 2 Θωμᾶς, p. 697, 8—699, 4 опущено, правда, согласно со Львомъ Гр. (Paris. 1711) и Paris. 854. Но затѣмъ въ царствованіи Θеофила находимъ сначала все содержаніе Георгія монаха (чего нѣтъ у Льва Гр. и въ Paris. 854, Vatic. 1807)—послѣ p. 700, 1 καὶ θεομισὴς καὶ τῶν ἁγίων ὑβριστὴς καὶ καθαιρέτης читается сперва p. 701, 22 (т. е. съ пропускомъ не-георгіева, отсутствующаго въ Coisl. 310, второго § царствованія Θеофила Моск. ркп.)—702, 14. Далѣе, p. 708, 11 sqq. συμμύστην καὶ σύμμαχον ἔχων τὸν προρρηθέντα Ἰωάννην φατριάρχην τὸν νέον ὄντως Ἀπολλώνιον ἢ Βαλαάμ (§§ 4—16 царствованія Θеофила Моск. ркп., не-георгіевы, отсутствующіе въ Коаленевой ркп., снова опущены здѣсь). Однако послѣ p. 710, 6 Mur. въ Вѣнской ркп. читаемъ и § 2 (p. 700, 3—701, 21) и за нимъ всѣ прочіе §§ (p. 702, 15—708, 10), принадлежащіе распространенной редакціи Георгія, послѣ чего здѣсь непосредственно читается p. 710, 7 sqq. Въ царствованіи Михаила III-го за вступленіемъ, p. 717, 12—17, слѣдуетъ, какъ въ Коаленевыхъ ркп. Георгія монаха, p. 720, 18—721, 2 и затѣмъ p. 718, 9 καὶ γὰρ νήπιος ἐτύγχανε κτὲ.—719, 14 τὴν ὀλέθριον κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων μεθοδείαν ἀνέτρεψεν. Но далѣе читаемъ и тотъ отрывокъ о возстановленіи православія, p. 717, 18—718, 9, который читается у Льва и въ Paris. 854, и послѣ p. 718, 9 εἰρήνευσεν читается p. 721, 8 sqq. (т. е. начало труда собственно Логоѳета). Замѣтимъ еще, что въ принадлежащемъ Георгію содержаніи Логоѳетъ Вѣнской ркп. по самому тексту очень близокъ къ его редакціи въ Коаленевыхъ рукописяхъ[1])

1) Доказываетъ ли вышеприведенный составъ царствованія Θеофила и Михаила III-го что нибудь противъ того мнѣнія, что Логоѳету принадлежатъ только §§, вошедшіе въ позднѣйшую редакцію Георгія монаха? Намъ кажется, нѣтъ. Вѣнская ркп. Логоѳета представляетъ во всякомъ случаѣ не оригинальный текстъ. Съ одной стороны—сокращеніе: въ виду Вѣнской ркп. № 127 по каталогу Коллара и отрывка Paris. 1712 Симеона Логоѳета, о которомъ мы говорили въ статьѣ «Парижская руко-

Большинство этихъ чтеній, гдѣ Вѣнская рук. Лаврентія уклоняется отъ Московской, сходятся съ Ивана Гр. Ватик. [illegible] и Ватик. 854, но Вѣнская рук. не раздѣляетъ многочисленныхъ сокращеній Ивана Гр. [illegible] и Муральта [illegible] обычный пропускъ [illegible]. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ варианты отъ Московской Вѣнской рук. сходятся обыкновенно съ Ватик. 854 или также [illegible] Мелит. Напротивъ нѣкоторыя изъ уклоненій отъ Моск. рук. и Ивана Гр. Вѣнская рук. не раздѣляетъ, какъ напр. и наиболѣе значительныя главныя редакціи Ватик. 854 и [illegible] отъ Моск. рук. Ивана Гр. и [illegible] Мелит. [illegible] Ватик. 854 не подтверждается Вѣнской рук. Тѣмъ не менѣе значительная часть чтеній Ватик. 854 и [illegible], [illegible] отъ Моск. рук. и Ивана Гр. Ватик. [illegible], подтверждается и Вѣнскою рук.

[illegible] Константинопол[illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Гр. [illegible] отъ Моск. рук.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] отъ Моск. рук.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

p. 706, 16 ἀνήγγειλέ τε (L=Mq.).

p. 707, 9 ἀγαθῶν μεγάλων ἀγγελίαν (Paris. 854 ἄγγελον) ἡγησάμενος (om. Leo), χρήμασί τε καὶ ἀξιώμασι ἐφιλοφρονήσατο.

26 φακτουνάριε, Par. 854 φακτονάριε, Mq. L. φακτονάρη.

p. 710, 17 ἐξεῖλκεν (Левъ не сходится съ Моск. ркп.).

p. 711, 7 δεινόν=Paris. 854, Theod. Melit. p. 153 Tafel (L. p. 711, 2—11 om.)

8 μετ' αὐτοῦ ὑπέστρεψεν=Paris. 854. Theod.

p. 712, 4 ἔφη om. 5 ποιησάμενος μετ' αὐτοῦ (L. 4—5 om.).

21 ἐξήλασεν = Paris., Anon. 1712 (Leo ἐξήλατο, Mq. ἐξῆλθεν).

p. 713, 19 οὗτος δὲ ὅστις ὁ Λέων καὶ ποῖος (Theod. ὁποῖος) μαθών, αὐτὸν ἐκεῖνον ἐπεθύμει ἰδεῖν cf. Paris. 854, Theod.

28 послѣ μαθητάς чит. τοὺς εὐφυεστάτους τῶν νέων, слова, которыхъ нѣтъ ни у Льва, ни у Θеодосія и на которыя мы опять уже указывали при характеристикѣ редакціи Paris. 854.

30 μετὰ ταῦτα передъ γέγονε cf. Par. 854, Theod.

p. 714, 4—5, какъ въ Paris. 854.

p. 715, 18 ἐν τῇ ὑπ' αὐτῶν γενομένῃ ὀρθοδοξίᾳ (L = Mq.).

p. 716, 5 φιλοτιμησάμενος ὡς ἔθος ἦν (Leo om. 5—6, 7—22).

9 χρόνον, 10 εἰδυίας μὴ σωφρονεῖν, 11 ὑπ' αὐτοῦ.

16 ξύλου δὲ ἑνὸς (δὲ ἑνός om. Par. 854) ἐν τῷ τρικλινίῳ ἀποσπασθέντος.

p. 718, 3 Ἰωάννην τὸν νέον Ἰαννὴν ἢ καὶ Ἰαμβρήν, σύντεκνον αὐτῆς ὄντα.

7 ἀπό (L. Mq. ὑπό).

9 Послѣ εἰρήνευσε чит. τῇ πρώτῃ κυριακῇ τῶν ἁγίων νηστειῶν. Ἀποστέλλει δὲ Θεόκτιστον τὸν λογοθέτην κατὰ τῆς Κρήτης (cf. p. 721, 8 sqq. Mur.). У Льва, при связи текста одинаковой съ Paris. 854 и Vindob. 37, читается однако такъ же невѣрно τῇ δὲ πρώτῃ и даже ἀποστέλλει Θεόκτιστον, какъ въ Моск. ркп.

p. 722, 12 Αὐγούστης Θεοδώρας (Leo 10—20 om.).

16 ἐν τῇ Αὐγούστῃ, 17 λουτρόν, 17 ἀψῖδι καλουμένῃ (cf. Vatic. 153).

19 φυλακὴν ἰδίαν (cf. Vatic. 153).

723, 16 παρὼν ὁ Θεοφιλίτζης, τῶν νουμέρων τότε καὶ τοῦ τείχους κόμης ὤν, τοῦ βασιλέως εἰπόντος, ὡς «οὐκ ἔχω τινὰ εἰς τοὺς ἵππους ἀνδρεῖον», ἔφη ὁ Θεοφιλίτζης, ὅτι «ἔχω, δέσποτα, νεώτερον κτέ. Срв., кромѣ Paris. 854 (Vatic. 1807), Θеодосія Мелит., Anon. Paris. 1712. Объ этомъ мѣстѣ было тоже сказано въ статьѣ нашей.

p. 724, 28 ἦλθεν (Leo=Mq.).

p. 725, 3 Βλαδήμηρ (L. Mq. Theod. Βαλδίμερ).

15 ἀναλαβέσθαι αὐτοὺς καὶ ἀγαγεῖν (L. Th. ἀναγαγεῖν) ἐν τῇ πόλει. παρευθὺ δέ.

26 ἐφάνη⟨σαν⟩ (L.=Mq.).

p. 726, 18 πάλιν οὖν αὐτῷ (L. 18—20 om.).

p. 727, 18 ἐπίσγουρον (L. Th. Mq. ἐπιάγουρον). Впрочемъ Муральтъ отмѣчаетъ и въ Mq. (cod.) чтеніе ἐπίσγουρον. Ἐπιάγουρον вызвано сличеніемъ съ p. 728, 3, гдѣ и въ Вѣнск. ркп., и въ Парижск. 854 читается ἄγουρον, но p. 727, 18 необходимо возстановить чтеніе рукописей (срв. de Boor, Byz. Ztschr. B. II 297).

p. 728, 9 χουροπαλάτου τοῦ καὶ βασιλεύσαντος (L=Mq.).

19 Βάρδας δὲ ὁ ἀδελφὸς Θεοδώρας Αὐγούστης (L=Mq.).

p. 729, 1 δεξιωσάμενος (L=Mq.).

p. 730, 3 τὰ Σκῦλα (cf. Vatic. 153).

11 οὐ παρηγορεῖτο ἢ κατεπείθετο (L. 10—11 om.).

16 πρὸς τὸ ὡρολόγιον (L=Mq.).

p. 731, 6 καί om.

9 ἑλομένη κοινωνόν (Vind. cod. κοινωνεῖν) σὺν πολλοῖς ἄλλοις καὶ τὸν πρωτοστράτορα τοῦ βασιλέως (cf. Vatic. 153).

p. 732, 2 αἵματος (L=Mq.).

p. 733, 8 Πετρωνᾶς ὁ ἀδελφὸς τῆς Αὐγούστης (L=Mq.).

p. 739, 2 σε om. (L=Mq.) [1]).

18 Βάρδας ἀδελφὸς αὐτοῦ.

p. 741, 6 καὶ ἀπρεπής ἐστίν σοι τοῦ πατρικίου ἀξία (cf. Theod.).

p. 744, 23 ὁ Γοῦβερ (L=Mq.).

p. 745, 19 εἰς συνάντησιν (L=Mq.).

p. 746, 10 ὁλόκληρον вмѣсто ὑγιῆ (L. Th. Mq.).

19 στηθέα (L=Mq.).

p. 747, 1 ἐγεννήθη δὲ Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεύς (cf. «Sym. et cod. a prima manu» Mur.). Вмѣсто Κωνσταντῖνος L. Th. (p. 174 Tafel) Mq. чит. Λέων.

p. 748, 8 βουλήν (L=Mq.).

p. 749, 14 πρός—15 βασιλέως om. (L=Mq.).

1) Однако p. 739, 15 послѣ συντηρεῖσθαι ἑαυτὸν ὑπὸ Βασιλείου въ Vindob. читается: ὁ δὲ Καῖσαρ τῷ βασιλεῖ πάλιν ἐπεφωνεῖτο φείδεσθαι τοῦ Βασιλείου, согласно съ Mq. Leo Theod. (p. 170), а не съ Paris. 854, гдѣ читаемъ: ὁ δὲ Καῖσαρ διεβεβαιοῦτο μὴ ἐξελθεῖν μετ' αὐτοῦ καὶ τοῦ Βασιλείου, варіантъ, повидимому, возникшій подъ вліяніемъ дальнѣйшаго текста, p. 740, 11 sq.

p. 753, 15 καὶ Μαριανὸς ὁ ἐξάδελφος τοῦ βασιλέως ἐκ τοῦ ἵππου πεσὼν καὶ τὸν πόδα συντριβείς, διασαπέντος αὐτοῦ, σκώληξι τελευτᾷ.

p. 757, 8 ἀνδρῷαν (L=Mq.).

p. 759, 9 ἐχχοϊσμοῖς (L=Mq.).

p. 761, 8 ἀπετέθη τὸ σῶμα (L 8—9 om.).

p. 762, 9 τῷ βασιλεῖ om. (L=Mq).

14 κτίσας ἐκεῖσε (L=Th.=Mq.).

p. 763, 2 Μαγναύρᾳ (L=Th.=Mq.).

9 ἐπιδίδως.

p. 764, 17 μετ' αὐτοῦ πολλοί (L=Mq.).

p. 765, 14 καὶ τὴν ζώνην (L=Mq.).

15 ἐκέλευσε τοῦ—ἀποτεμόντος.

p. 767, 4 καὶ τὰς τοῦ πατριάρχου Φωτίου αἰτίας εἰς ἐπήκοον πάντων (cf. Vatic. 153) ὑπαναγνόντες, ὅτι ἐπίβουλος ἐφωράθη. На это мѣсто было указано въ статьѣ о Paris. 854.

p. 772, 20 Νικηφόρον δὲ πατρίκιον καὶ δομέστικον τὸν Φωκᾶν ἀπέστειλε μετὰ τῶν θεμάτων (L=Th=Mq.).

p. 777, 7 ἐξέβαλε (L. Th. Mq. ἐξήγαγε).

p. 778, 11 ἀριστούντων (ἀριστώντων L. Th. Mq.). Форма любопытная для грамматики позднѣйшаго греческаго языка. Несомнѣнно, такъ же читается и въ Vatic. 153, вопреки var. ll. у Муральта. Но и въ другихъ текстахъ (у Льва, Θеодосія и Моск.) вѣроятна поправка дѣйствительнаго чтенія рукописей издателями. Между тѣмъ срв. еще συναντοῦσι p. 734, 2 въ Vindob. Срв. Hatzidakis, Einl. in die neugr. Gramm., S. 394.

17 ὑπεξήγαγεν (L=Th=Mq.).

p. 779, 8 δημεύσας τὴν οὐσίαν αὐτοῦ πᾶσαν. οὕτως (L=Mq.). Paris. 854 прерывается на p. 779, 20, предѣлы же нашей колляціи Vatic. 1807, къ сожалѣнію, совпадаютъ съ частью лѣтописи, несохранившейся въ Вѣнской ркп. Потому мы не можемъ вести далѣе сопоставленія послѣдней съ редакціей текста Логоѳета общей для двухъ выше названныхъ рукописей. Но нашъ списокъ разночтеній общихъ (не касаясь нѣкоторыхъ мелкихъ колебаній, естественно возникающихъ и въ копіяхъ одного и того же текста) для этой редакціи и Вѣнской (а слѣдовательно, вѣроятно, и Венеціанской) ркп. Логоѳета, противъ той редакціи, которая легла въ основу Моск. ркп. Льва Гр. (Paris. 1711) и (правда, въ болѣе отдаленномъ родствѣ, на что указываетъ бóльшая близость иногда къ Вѣнск. ркп. и Paris. 854) Θеодосія Мели-

тинскаго, дастъ новое подтвержденіе нашей характеристикѣ Парижской ркп. № 854, [1]) такъ какъ Вѣнская рукопись представляетъ еще лучшую редакцію текста Логоѳета, чѣмъ всѣ прочіе названные выше изводы его. Это видно будетъ изъ списка тѣхъ разночтеній Вѣнской ркп., гдѣ она даетъ или болѣе исправный, или болѣе полный текстъ сравнительно съ прочими, названными выше.

p. 700, 15 στέφεται δὲ Θεοδώρα καὶ Θεόφιλος ἐν τῷ εὐκτηρίῳ τοῦ ἁγίου Στεφάνου ὑπὸ πάντων, τῆς συγκλήτου καὶ ἀρχόντων καὶ ταγμάτων καὶ τοῦ πατριάρχου Ἀντωνίου, καὶ τῷ τοῦ γάμου καὶ τῷ τῆς βασιλείας στέφει τῇ ἁγίᾳ πεντηκοστῇ· κἀκεῖθεν προῆλθον ἐν τῇ ἁγιωτάτῃ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ φιλοτιμησάμενοι κτέ.

p, 704, 15 ὡς τῆς βασιλείας ἐπαίρεται καὶ μελετᾶται, 17 διαβεβαιοῦται.

p. 706, 1 ἑτοίμως ποιήσω χρήματά τε λαβών.

p. 712, 8 διὰ δαρμοῦ вмѣсто τοῖς προσήκουσι μαγγλαβίοις.

---

1) Мы должны, впроч., теперь видоизмѣнить эту характеристику. Остается вѣрнымъ то положеніе, что Paris. 854 представляетъ редакцію Логоѳета независимую отъ общей редакціи Моск. ркп, Льва и Ѳеодосія. Но качества редакціи Paris. 854 и Vatic. 1807 теперь, по ознакомленіи съ Вѣнскою ркп. и Ватиканскими 153 и 163 (о которыхъ ниже), болѣе подвержены для насъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, что касается бóльшей части Paris. 854, напечатанной Крамеромъ, характеристика редакціи должна быть сдѣлана по сличеніи съ Paris. 854 Ватик. ркп. № 1807, представляющей, на сколько видно уже изъ немногихъ примѣровъ, приведенныхъ въ началѣ настоящей статьи, часто гораздо болѣе исправную копію.

Выводы Патцига въ его изслѣдованіи Leo Gramm. u. seine Sippe, Byz. Ztschr. B. III (1894), гдѣ привлекается и та самая венеціанская ркп. Логоѳета (Cod. Marc. DCVIII), которую сличалъ проф. Ернштедтъ, намъ кажется, значительно поколеблены съ одной стороны отысканіемъ Ватик. ркп., сличеніе съ коею дѣлается теперь вполнѣ необходимымъ прежде, чѣмъ дѣлать какія либо заключенія относительно Льва Гр. боннскаго изданія, съ другой—отличіями Paris. 854 отъ Льва Гр. Paris. 1711. Послѣднія для теоріи Патцига далеко не безразличны, т. к. онъ основывается, между прочимъ, на томъ, что логоѳетовъ текстъ московской ркп. (p. 721—851) согласуется съ Ѳеодосіемъ и тамъ, гдѣ болѣе сжатая печать въ изданіи Муральта указываетъ на уклоненіе отъ Льва. Между тѣмъ, Paris. 854, конецъ которой неправильно замѣненъ въ боннскомъ изданіи текстомъ Paris. 1711, и Vatican. 1807, несомнѣнно той же редакціи, содержатъ весь этотъ напечатанный сжато текстъ Муральта.

Подвергнуть теорію Патцига болѣе тщательному разбору мы не можемъ, такъ какъ наше изученіе рукописей сосредоточивалось главнымъ образомъ на предѣлахъ, отведенныхъ для труда собственно Логоѳета въ Моск. ркп. Георгія. Но полагаемъ, что наши выводы объ отношеніяхъ между различными рукописями Логоѳета не теряютъ отъ того, если мы ограничили сферу сличенія текстовъ. Фактъ существованія въ предшествующей части Paris. 854 цѣлаго ряда сообщеній, систематически опускаемыхъ у Ѳеодосія (и въ Моск. ркп. Георгія), вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему выводу относительно собственно Логоѳетовой части той же рукописи — независимости и (частью) превосходства ея редакціи надъ общей редакціей Ѳеодосія, Моск. ркп. и Paris. 1711.

p. 713, 11 послѣ πρωτοσυμβούλου читается: μετὰ χρονίαν καὶ ζοφώδη κάθειρξιν.

p. 724, 19 ἔπεμψεν εἰς τὸν ἅγιον Μάμαντα καὶ τά τε παλάτια ἐνέπρησε καὶ τὰ ἐκεῖσε χαλκᾶ ἀφείλατο ζῴδια.

p. 726, 5 Λέοντος τοῦ Ἀρμένη καὶ Μιχαὴλ τοῦ Τραυλοῦ βασιλέων.

10—11 ἀνεκλίθη ἔξωθεν τοῦ ἁγίου Διομήδους.

p. 727, 2 καὶ εὑρὼν τὸν Βασίλειον μετὰ πήρας καὶ ῥάβδου κείμενον ἐν τοῖς ὑπολίθοις οἰκοδομήμασιν εἰς ἀνάπαυσιν τῶν διερχομένων εἰσήγαγεν. καὶ τῇ β' ἡμέρᾳ ἤλλαξε τὰ ῥακώδη ἱμάτια καὶ ἐλθὼν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἐποίησεν μετ' αὐτοῦ ἀδελφοποιΐαν.

11 ἀνήγγειλε αὐτῷ πάντα λαθραίως.

20 καὶ παρέδωκεν αὐτὸν (l. αὐτῷ) [1]) τοὺς ἵππους ποιεῖσθαι πρόνοιαν καὶ δουλεύειν.

p. 730, 8 ὁμοίως αὐτὴ ἀπαρηγόρητος ἔμεινε.

p. 740, 6 ἔχοντος τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ τὸ αἷμα καὶ σῶμα τοῦ Κυρίου.

p. 742, 18 Μωροθεόδωρον ἐκεῖνον λεγόμενον, p. 743, 16 δημώταις, p. 744, 7 ἐνέδυσαν καὶ ὑπέδυσαν αὐτὰ τὸν Βασίλειον.

12 καὶ εὐφήμησαν ἅπαντες Μιχαὴλ καὶ Βασιλείου τῶν βασιλέων πολλὰ τὰ ἔτη.

---

1) Винит. пад. вмѣсто дательнаго — очень часто является въ ркп. Логоѳета и было бы интересно выяснить, въ какой мѣрѣ это явленіе позднѣйшаго языка свойственно еще и самому первоначальному автору. Одинъ примѣръ мы уже приводили изъ Vatican. 1807, срв. въ отступленіи о патріархѣ Игнатіѣ, fol. 62v. У Льва Гр. (и въ Моск. ркп.) также можно объяснять выраженіе p. 275, 19 τοῦ δόντος τὸν βασιλέα объ ударившемъ царя (оба примѣра срв. въ нашей I гл.). Любопытно, что это не единственный примѣръ проникновенія винительнаго вмѣсто дательнаго въ самыя изданія. Такъ, еще Leo, ed. Bonn., p. 277, 18 δηλοῖ αὐτόν, гдѣ Mq. Vatic. 1807 читаютъ αὐτῷ. Примѣры изъ Vatic. 1807: p. 792, 10 δουλεύειν Ζωὴν Αὐγούσταν, p. 792, 8 παρήνεσεν αὐτόν, p. 799, 18 τῶν τὴν βασιλείαν ἀνηκόντων, p. 802, 15 εἰπόντες αὐτούς. Примѣры изъ Vindobon. hist. 37: p. 713, 28 παραδοὺς αὐτόν, p. 738, 8 δέδωκεν αὐτόν, 9 διορισάμενος αὐτόν, p. 745, 18 ἐπέδωκαν αὐτόν, p. 811, 11 διηγήσατο αὐτόν, p. 824, 12 ἐπεζήτησεν αὐτόν. Этими примѣрами, конечно, не исчерпываются всѣ случаи употребленія въ двухъ названныхъ ркп. вм. дательнаго винительнаго. (Срв. объ этомъ Hatzidakis, Einl., S. 220 ff.).

Одною изъ важныхъ услугъ, какія окажетъ наукѣ критическое изданіе Георгія монаха и Логоѳета, будетъ, несомнѣнно, установленіе нормы развитія средневѣковаго греческаго языка на основаніи дипломатическаго матеріала, при чемъ требуется большая осторожность въ двухъ направленіяхъ: 1) чтобы не сгладить невѣрнымъ выборомъ среди рукописнаго матеріала или собственными конъектурами характеристическихъ особенностей позднѣйшаго греческаго языка, 2) чтобы не приписать автору нѣкоторыхъ явленій вульгарнаго языка, накопляющихся въ текстѣ въ рукописной его исторіи.

p. 746.16 [illegible]

p. 747.1 [illegible]

[illegible] cf. Sym. ap. Mur. = Paris. 1712. [illegible] Hatzidakis, Einl. S. 75.

p. 748.11 [illegible] cf. Vatic. 153.

p. 749 [illegible] cf. Ambros. Paris. 1712.

[illegible] cf. Vatic.

p. 751.4 [illegible]

[illegible]

p. 754.5 [illegible]

[illegible]

p. 757.11 [illegible]

p. 758.2 [illegible]

p. 761.20 [illegible]

[illegible]

p. 761.8 [illegible]

p. 762.8 [illegible] cf. Ambros. Paris. 1712.

p. 763.19 [illegible] cf. Vatic. 153 ap. Mur.

p. 765.7 [illegible]

[illegible]

p. 767.8 τῆς μεγάλης ἐκκλησίας.

[illegible] cf. Theoph. Cont. p. 114.15 etc.

p. 767.18 [illegible]

p. 768.11 [illegible]

p. 772.13 [illegible]

p. 772.4 [illegible] τῆς πόλεως.

p. 774.4 [illegible] cf. Vatic. 153. Theoph. Contin.

p. 776, 7 παρά τινος κληρικοῦ ⟨τοῦ⟩ παλατίου, ᾧ ἐπίκλην Ἄπης.

p. 778, 6 ἀποστέλλει Χριστοφόρον καὶ τὸν κυαίστορα Λαρδὰν, καὶ ἀνελθόντες.

11 ἀριστούντων δὲ αὐτῶν, κατελθόντος τοῦ κυαίστορος Καλοκύρου καὶ τοῦ Χριστοφόρου.

p. 811, 7 οἱ δὲ αὐτοῦ συγγενεῖς παραυτίκα αὐτὸν τοῦ παλατίου καταβιβάζουσιν.

24 ἐν τούτοις (cf. Vatic. 153).

p. 812, 11 ζωηφόρον τοῦ Κυρίου σταυρόν (cf. Vatic. 153).

p. 813, 1 καὶ δεξάμενος (cf. Vatic. 153 Theoph. Contin.).

2 ἡσύχαζεν. τῇ δὲ ε′ ἑβδομάδι τῶν νηστειῶν, μηνὶ ἀπριλίῳ δίδοται ἀρραβὼν γαμικοῦ συναλλάγματος (cf. Anon. Paris. 1712, Vat. 153. Theoph. Contin. γαμικὸν συνάλλαγμα sing. cf. p. 811, 13).

5 τὸ (cod.) ἀντιπάσχα, τῇ λεγομένῃ Γαλιλαίᾳ.

p. 818, 10 ἐβούλετο (cf. Vat. 153. Contin.).

p. 819, 6 ὁ δὲ Θεοδώρητος καὶ κοιτωνίτης.

p. 821, 3 κεκοσμημένος.

5 τὸ μέγεθος θαυμάσας καὶ τὸν πολυτελῆ κόσμον. καλλωπίσαντες ταύτην καὶ περιστείλαντες (ταύτην Contin.).

9 καὶ ἀληθῶς κατοικίαν εἶναι τῶν ἱερῶν τοῦτον χῶρον εἰπών (τοῦτον Contin.).

13 τοῦ ἁγίου Θεοδώρου. Но всѣ прочія ркп., не исключая и Theoph. Contin. и Anon. Paris. 1712, даютъ τῆς ἁγίας Θεοδώρας.

p. 822, 5 ἐν τῇ τούτου ἰλύι (cf. Contin.).

20 πέπερ τὸ λεγόμενον.

p. 823, 8 στρατηγοῦντος, κρατίστου τὰ πολεμικὰ καὶ περιδεξίου (cf. Contin.), πλείστας δὲ κατὰ Βουλγάρων ἀνδραγαθίας ἐπιδειξαμένου, ὁ Βούλγαρος.

p. 825, 17 δάκρυσι κατέβρεχε τὸ ἅγιον ἔδαφος, τὴν πανάχραντον Θεοτόκον ἀντιβολῶν (cf. Contin.).

p. 827, 10 ἐστίν τε καὶ λέγεται.

18 καὶ ἀνάστασιν νεκρῶν καὶ κρίσιν καὶ ἀνταπόδοσιν (cf. Vatic. 153).

Добавимъ сюда, что пропускъ, сравнительно со Львомъ Гр., Московской ркп. p. 730, 2 послѣ λογοθέτην возстановляется и въ Вѣнской ркп. согласно съ прочими рукописями: ὁ δὲ Βάρδας ἀπεκρίθη· «τῇ κελεύσει τοῦ βασιλέως τοῦτο ποιῶ». Ἀνεφάνη δὲ (καὶ Vatic. 153) ὁ βασιλεὺς τῇ βουλῇ Δαμιανοῦ καὶ τοῦτο ἰδὼν ὁ Βάρδας ἅμα Θεοφάνῃ τῷ Φαργάνῳ (Φαλγάνῳ L. Vat.) ἄραντες τὸν λογοθέτην σφάζουσιν.

3. Въ каталогѣ греческихъ Палатинскихъ рукописей Ватиканской библіотеки Стивенсона подъ № 86-мъ (XVI saec.), fol. 56ᵛ, значится хроника «usque ad romanum imperatorem Constantinum». Здѣсь вкралась опечатка. На самомъ дѣлѣ рукопись озаглавливается на первомъ листѣ: Chronicon a Iulio Caesare incipiens sine authoris nota, Clementis Strom. paedagogus, Augustae Caesareae historiae compendium a Iulio Caesare usque ad Romanum imp. Въ той же замѣткѣ каталога сказано, будто бы хроника составляетъ продолженіе cod. Vatic. 193, содержаніе коего сходится съ Юліемъ Поллуксомъ изданія Біанкони. Тотъ же № Ватик. ркп. помѣченъ и на приложенной къ рукописи Palat. 86 бумажкѣ. На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разумѣть № 163 Ватик. ркп. Такъ же неточно замѣчаніе каталога, будто бы Palat. 86 представляетъ продолженіе Vatican. 163. Хроника Palat. 86, fol. 56ᵛ sqq. есть просто копія съ Vatic. 163[1]) отъ fol. 16ᵛ этой рукописи до конца.

Vatican. 163 служилъ источникомъ для Газе въ примѣчаніяхъ его ко Льву Діакону (p. 418 sqq. ed. Bonn.). Имъ пользовался также проф. Ернштедтъ (срв. В. Г. Васильевскаго Хрон. Логоѳета, стр. 62).—На первомъ вводномъ листѣ читаемъ здѣсь: «Primis foliis quatuor ponitur index graecus exactus utpote qui exarati fuerunt doctissimo et eruditissimo viro concivi meo praeside Leone Alatio». Ниже на этомъ листѣ: Historia Iulii Pollucis (Anonymi зачеркнуто и поправлено) a principio mundi usque ad Romani Constant. Porphyrogenn. filii. Далѣе: initium huius historiae (sive folium primum et secundum) exscriptum est ex codice in Bibl. ex libris Palatini Rheni n° 342 aliis 399 et legitur sub nomine Iulii Pollucis. Дѣйствительно, за № 399-мъ въ каталогѣ Палатинскихъ ркп. Стивенсона (p. XVI в.) имѣется Юлія Поллукса Historia physica in hexaemeron et chronicon (—до Граціана).

Древній текстъ въ Vatic. 163 начинается на fol. 3. Здѣсь вверху отмѣтка λείπεται ἀρχή, φύλλα β'. Начало: καὶ καθίστησιν ἐκεῖ τὸν Ἀδάμ. ἔστι δὲ ἐνταῦθα γενομένου τοῦ λόγου θαυμάσαι τοῦ Θεοῦ τὴν ἄφατον φιλανθρωπίαν. Слова относятся къ одной изъ главъ исторіи міросозданія, въ полномъ видѣ находящейся у Ѳеодосія Мелитинскаго и въ неполномъ (по недостатку начала въ ркп., какъ и въ Vatic. 163) въ Paris.

---

1) Такое отношеніе между Палатинскими ркп. и Ватиканскими наблюдается не разъ. Такъ, намъ извѣстенъ еще примѣръ Palat. 93, копія съ Vatic. 96,—источникъ рукописи Салмазія (Сомеза) Paris. 1763 фрагментовъ Іоанна Антіохійскаго.

854, срв. также Mur., p. 902 sqq., и данное мѣсто p. 907, 11. На fol. 16ᵛ находимъ то мѣсто, откуда начинается хроника въ Palat. 86, fol. 56ᵛ или fol. 1 по особой нумераціи для этой лѣтописи. Послѣ царствованія Клеопатры и ея брата Птоломея слѣдуетъ: Οἱ Ῥωμαίων βασιλεῖς. Ἀναγκαῖον δὲ ἡγησάμην καὶ τῶν χρόνων τῶν ἐν Ῥώμῃ βασιλευσάντων ἐπιμνησθῆναι· ἐν γὰρ τοῖς χρόνοις τοῦ Ἐζεκίου, τοῦ βασιλέως τῶν Ἰουδαίων, ἐβασίλευσαν ἐν Ῥώμῃ Ῥῶμος καὶ Ῥωμύλος, ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, οἱ καὶ τὴν Ῥώμην κτίσαντες ἐν τῇ ἑβδόμῃ ὀλυμπιάδι, ὅθεν καὶ μετεκλήθησαν Ῥωμαῖοι, οἵτινες καὶ τὰ ὅπλα Ἡρακλέους, τοῦ ἐκ γένους τοῦ Πίκου Διός, εὑρηκότες ἀπέθεντο ἐν τῇ παρ' αὐτῶν κτισθείσῃ πόλει Ῥώμῃ, τῇ προλεγομένῃ κώμῃ Βαλεντίᾳ, ἀνανεώσαντες καὶ τὸν βασιλικὸν μέγαν οἶκον τοῦ Πάλ[λ]αντος καὶ ναὸν περιφανῆ κτίσαντες τῷ Διΐ, Καπιτώλιον αὐτὸ ῥωμαϊστὶ ἐπωνόμασαν καὶ τὸ παλλάδιον ξόανον ἀπὸ τῆς πόλεως Σίλβης[1]) μετακομίσαντες κατέθεντο ἐν Ῥώμῃ· μετὰ γὰρ τὸ πορθηθῆναι τὴν Τροΐαν λαβὼν αὐτὸ ὁ Διομήδης μετὰ καὶ τοῦ Ὀδυσσέως δίδωσι τῷ Αἰνείᾳ κἀκεῖνος κτίζει πόλιν Ἀλβάνειαν[2]) λεγομένην καὶ ἀποτιθεῖ ἐν αὐτῇ τὸ Παλλάδιον ξόανον. μετὰ δὲ τοῦτο ἐβασίλευσε τῆς Ἀλβανῶν χώρας Ἄλβας, ὃς ἔκτισε τὴν πόλιν Σίλβην[3]) καὶ τὸ Παλλάδιον ξόανον ἐν ταύτῃ μετήγαγεν. οὗτοι τοίνυν οἱ δύο ἀδελφοὶ ἐν τῷ βασιλεύειν ἔχθραν πρὸς ἀλλήλους εἶχον πολλὴν καὶ φονευθέντος ὑπὸ Ῥώμου τοῦ Ῥωμύλου ἔκτοτε ἐσείετο πᾶσα ἡ πόλις Ῥώμη καὶ πόλεμοι ἐμφύλιοι καὶ στάσεις συνεχεῖς ἐγίνοντο ἐπὶ τῆς τοῦ Ῥώμου βασιλείας, καὶ ἀπελθὼν οὗτος εἰς τὸ τοῦ Ἀπόλλωνος μαντεῖον ἐπηρώτησε· διὰ τί γίνονται ἐπὶ τῆς ἐμῆς μόνης βασιλείας ταῦτα καὶ ἐρρήθη ἐκ τῆς Πυθίας ὁ χρησμὸς οὗτος· εἰ μὴ συγκαθεσθείη[4]) ὁ ἀδελφός σου ἐν τῷ βασιλικῷ θρόνῳ μετά σου, οὐ μὴ στῇ[5]) ἡ πόλις σου Ῥώμη οὔτε μὴν ἡσυχάσει ὁ δῆμος οὔτε ὁ πόλεμος. καὶ ποιήσας ἐν στήλῃ χρυσοῦν ἐκτύπωμα τοῦ προσώπου αὐτοῦ ἔθηκεν ἐν τῷ θρόνῳ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ καὶ οὕτως· ἐπαύσαντο τὰ δεινά. καὶ εἴ τι ἂν ἐκέλευε, «θεσπίζομεν, κελεύομεν» ἔλεγεν, ὡς ἀφ' ἑαυτοῦ καὶ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ. ὅπερ ἔθος ἐξ ἐκείνου κατέσχε παρὰ τοῖς βασιλεῦσι Ῥωμαίων ἕως τοῦ παρόντος. θέλων δὲ διασκεδάσαι τὰς ταραχὰς τοῦ πλήθους τοῦ δήμου Ῥώμης, — ἐστασίαζον γὰρ καὶ ἐπήρχοντο κατ' αὐτοῦ διὰ τὸν τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ φόνον, — ἔκτισεν ἱππικὸν ἐν τῇ Ῥώμῃ καὶ ἐπετέλεσε πρῶτος ἱππο-

1) Въ Palat. буквы Σιλβ подчеркнуты и на полѣ поправлено Ἀλβ.

2) Въ Palat. въ текстѣ Ἀβλάβειαν, исправленное на полѣ.—О Палладіѣ срв. Malal., p. 167—168.

3) Въ Palat. σι подчеркнуто и на полѣ исправлено въ ἄ.

4) Palat. συγκαθεσθῇ.

5) Palat. τῇ.

δρόμιον ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Ῥώμης εἰς ἑορτὴν τοῦ ἡλίου, φησί, καὶ εἰς τιμὴν τῶν τεσσάρων στοιχείων ἐν ἅρμασι τετραπώλοις.

Далѣе разсказывается о похищеніи Сабинянокъ, о другихъ царяхъ римскихъ, объ освобожденіи Брутомъ отъ рабства Виндикія (Pal. fol. 3)[1]), о Юліѣ Кесарѣ (еще на томъ же листѣ), Августѣ и т. д. Послѣ Карина (Vatic. fol. 21, Palat. fol. 10ᵛ—11): καὶ τοῦτον ἀνεῖλεν Διοκλητιανός, δοὺξ τυγχάνων Μυσίας, читаемъ:

Χρονογραφικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν (красн. черн.).

Κόσμου ἔτη πεντακισχίλια ἑπτακόσια ὀγδοήκοντα ἑπτά. Ῥωμαίων βασιλεὺς Διοκλητιανὸς ἔτη εἴκοσιν. ὃς ἐν βασιλικοῖς ὑποδήμασι πρῶτος λίθους τιμίους βάλλεσθαι προσέταξε καὶ τοὺς πόδας φιλεῖσθαι ἐπέτρεψε (cf. Leo Gramm. p. 82, 9 sqq.) и проч. Vatic. fol. 21ᵛ Κόσμου ἔτη πεντακισχίλια ἑπτακόσια ἐννενήκοντα ἑπτά. Κωνσταντῖνος ὁ μέγας ἐβασίλευσεν ἔτη τριάκοντα δύο. Здѣсь, какъ и въ царствованіи Діоклитіана, разныя событія сообщаются подъ опредѣленными годами царствованія: τῷ δὲ πρώτῳ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ, τῷ δὲ δευτέρῳ ἔτει κτὲ—система Кедрина и его источника Paris. 1712, гдѣ также счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра для каждаго новаго царствованія. Для царствованія Константина Великаго Ватик. ркп. 163 приводитъ уже цѣлый рядъ хронологическихъ опредѣленій. Такая хронологическая точность продолжается въ нашей рукописи до царствованія Гераклія, fol. 31. Въ этихъ предѣлахъ мы замѣтили и подробность содержанія, далеко превосходящую Paris. 854 и предполагающую непосредственное пользованіе Өеофаномъ. Такъ мы имѣемъ въ своихъ запискахъ отрывки изъ царствованія Юстиніана Вел.: о возстаніи νίκα, Vatic. fol. 26, Palat. f. 21 = Theoph. p. 283 ed. Bonn., о землетрясеніи въ 31-мъ году царствованія Юстиніана, Vatic. fol. 27, Palat. fol. 23 = Theoph. p. 357, о разрушеніи въ храмѣ св. Софіи Vatic. f. 27ᵛ, Palat. f. 23 = Theoph. p. 360 и проч. Это пользованіе Өеофаномъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тому факту, что позднѣе, въ царствованіяхъ Михаила III и Василія Македонянина, мы встрѣчаемъ въ Vatic. 163 сокращенныя извлеченія изъ извѣстнаго намъ продолженія Өеофана. Очевидно, авторъ имѣлъ передъ собою Өеофана, при томъ съ продолженіемъ.

---

1) Вся эта исторія царскаго періода Рима, начиная съ его основанія, имѣетъ несомнѣнную близость къ Малалѣ p. 169, 20—183 (cf. Cedren. p. 257 sq.).

Въ царствованіи Юстина II конецъ читается такъ: τῷ δὲ ἐνδεκάτῳ ἔτει ἔκτισε Ἰουστῖνος τὸν μέγαν ἀγωγὸν τὸν Οὐαλεντινιανοῦ καὶ ἐχορήγησε τῇ πόλει δαψίλειαν ὕδατος (Theoph. 328, 1—2). παρέδωκε δὲ ψάλλεσθαι ὁ βασιλεὺς Ἰουστῖνος καὶ τὸ Χερουβικόν (Cedr. p. 685, 3—4).

Въ главѣ о Магометѣ находимъ замѣтку о продолжительности владычества арабовъ = Leo Gr. p. 152, 20—153, 3 = Vatic. fol. 30ᵛ. Конецъ царствованія Филиппика еще не вполнѣ сходенъ со Львомъ Гр. p. 170, есть прибавки противъ послѣдняго, для коихъ надо обращаться къ Θеофану, но въ царствованіяхъ Константина VI-го (Vatic. f. 37 cf. Leo, p. 197, 14 ἐγένετο δέ—19 κατέκαυσεν), Никифора (Vatic. f. 37ᵛ cf. Leo, p. 202, 11 ἐξώρισε—14), Льва Арм. (fol. 38ᵛ cf. Leo, p. 208, 2 ἐπὶ τούτῳ—8 ὑπέστρεψεν) выписанные нами отрывки вполнѣ согласуются со Львомъ Гр. Въ царствованіи Михаила II-го находимъ слѣдующее мѣсто о завоеваніи Арабами Крита и его позднѣйшемъ освобожденіи (Vatic. f. 39ᵛ, Palat. fol. 50ᵛ): οἱ καλούμενοι Ἰσπανοί, τοῦ τῶν Ἀγαρηνῶν γένους καὶ αὐτοὶ ὄντες, ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις ἀπὸ τῶν οἰκείων τόπων ἀπάραντες τὴν Κρήτην κατέσχον καὶ ἐπὶ ἑκατὸν πεντήκοντα ὀκτὼ χρόνους ταύτης ἐκυρίευον, πληγὴ τοῖς Ῥωμαίοις ἀνίατος καὶ ἀφόρητος γεγονότες, μέχρι τῆς βασιλείας Ῥωμανοῦ, τοῦ υἱοῦ τοῦ Πορφυρογεννήτου, ὅστις ἀποστείλας τὸν μάγιστρον Νικηφόρον καὶ δομέστικον τῶν σχολῶν τὸν Φωκᾶν μετὰ δυνάμεως πολλῆς τούτους πολέμῳ νικήσας καὶ κρατήσας καὶ αἰχμαλώτους ποιήσας βαρυτάτου κακοῦ τὴν Ῥωμαίων γῆν ἠλευθέρωσε. Срв. Theoph. Contin., p. 474.

Μιχαὴλ δὲ ὁ βασιλεὺς τῇ αἱρέσει τῶν εἰκονομάχων προσκείμενος κτέ.

Такимъ образомъ уже здѣсь подготовляется распространеніе лѣтописи до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ она доходитъ.

Въ царствованіи Θеофила отмѣтимъ, что нѣкоторыя прибавки къ тексту общей редакціи Моск. ркп., Льва Гр. Paris. 1711 и Θеодосія Мелитинскаго раздѣляются и этою рукописью. Такъ, p. 702, 21 sq. (Leo, p. 215), Vatic. 163 f. 40 = Palat. fol. 51ᵛ: ὁ δὲ αὐτὸς Θεόφιλος, φιλόκοσμος ὤν, διὰ τοῦ τῶν χρυσοχόων ἄρχοντος, τοῦ συγγενοῦς Ἀντωνίου πατριάρχου, τό τε πενταπύργιον λεγόμενον κατεσκεύασε καὶ τὰ δύο μέγιστα ὁλόχρυσα ὄργανα ποικίλοις λίθοις καὶ ὑελίοις καταχαλλύνας αὐτά, δένδρον τε χρύσεον, ᾧ στρουθοὶ ἐφεζόμενοι, μηχανικήν τινα τεχνικὴν ἔνδοθεν ἔχοντες, πνεύματος διὰ κρυφίων πόρων εἰσπνεομένου μουσικώτατα ἐκελάδουν. Слова μηχανικὴν—ἔχοντες не находятся въ другихъ, раньше разсмотрѣнныхъ нами текстахъ, срв. и Anon. Paris. 1712 = Sym. Mag. ed. Bonn. p. 627, 10 sqq.

p. 714, 3—5 (Leo, p. 225) ὑποκάτωθεν δὲ τοῦ Τρικόγχου οἶκον ἐξήσκησε τὸν λεγόμενον μυστήριον, μηχανῇ τινι τοῦτον εὐφυῶς τεχνησάμενος. ὃ γάρ τις μυστήριον εἴπῃ τῇ μιᾷ γωνίᾳ προσκεκυφώς, τοῦτο τῇ ἑτέρᾳ φανερῶς ἐξακούεται (cf. Sym. p. 640, 21—641, 2, Theoph. Contin. p. 141).

Но варіантъ Paris. 854 и Vatican. 1807 для p. 715, 21 sqq. (L. p. 227) эта рукопись не раздѣляетъ. Здѣсь читаемъ Vatic. 163 f. 41ᵛ = Palat. fol. 53: καὶ ἡ τοῦ λεγομένου Αὐγουστέως περίχρυσος τοῦφα κατέπεσεν. ἐπεὶ δὲ δυσχερὲς ἐδόκει τὸ ἐκεῖσε ἀνελθεῖν, εὑρέθη τις ἀνὴρ καὶ ἐν τοῖς κεράμοις τοῦ τεμένους τῆς τοῦ Θεοῦ σοφίας ἀνελθών, βέλος μετὰ σχοινίου ἀφῆκε κατὰ τοῦ χαλκοῦ ἱππότου Ἰουστινιανοῦ, καὶ τοῦ βέλους ἐκεῖσε παγέντος αὐτὸς διὰ τῆς σχοίνου διαδραμὼν θάμβος τοῖς ὁρῶσιν ἅπασιν ἐνεποίησε.

Уже эти примѣры обнаруживаютъ въ традиціи текста Логоѳета Vatic. 163 = Palat. 86 рядъ уклоненій отъ другихъ рукописей, уклоненій, которыя возникли не обычнымъ путемъ, а вслѣдствіе намѣренной перефразировки первоначальнаго текста.

Приведемъ еще p. 703, 3 sqq. Δίκαιός τε εἶναι ὑποκρινόμενος ὁ τὴν ὀρθὴν πίστιν προφανέστατα ἀδικήσας, ἐπεὶ γυνή τις χήρα ἐν Βλαχέρναις, ὡς ἔθος ἦν αὐτῷ ἀπιέναι, ἐπεβοᾶτο ὡς ἀδικοῖτο παρὰ τοῦ τῆς Αὐγούστης ἀδελφοῦ Πετρωνᾶ, δρουγγαρίου τῆς βίγλας ὑπάρχοντος, εἰς ὕψος τὰ αὐτοῦ οἰκήματα αἴροντος κτέ. Лучшее подтвержденіе нашему мнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ произвольной перефразировкой текста, мы видимъ въ сравненіи съ тѣмъ текстомъ, который имѣетъ болѣе отдаленное родство съ Логоѳетомъ,—Anon. Paris. 1712,—варіанты характеристичные для редакціи Vatican. 163 не повторяются, а напротивъ текстъ сходенъ въ этихъ словахъ съ прочими рукописями. Такъ, срв. для сейчасъ приведеннаго отрывка Sym. Mag. ed. Bonn., p. 627, 17 sqq.

Vatic. fol. 40ᵛ = Palat. f. 52ᵛ, 53ᵛ, о бѣгствѣ Мануила p. 705, 20 sqq. λάθρα τῆς πόλεως ὑπεξῆλθεν. ἐπεὶ δὲ μέχρι Πυλῶν ἐγεγόνει, τοῖς δημοσίοις ἵπποις ἐπιβὰς μέχρι τῶν ὁρίων Ῥωμαίων τε καὶ Σαρακηνῶν παρεγένετο, τὰς τῶν ἵππων ἀγκύλας ἐκκόπτων. ἐδήλωσε δὲ τοῖς Ἀγαρηνοῖς, ὅτι, εἴ γε μὴ καταναγκάσαιεν αὐτὸν τὴν οἰκείαν πίστιν ἐξομόσασθαι, ἑτοίμως πρὸς αὐτοὺς καταφεύξεται. οἱ δὲ τοῦτο μετὰ πολλῆς πληροφορίας δεξάμενοι ὅρκῳ τὸν Μανουὴλ ἐβεβαίωσαν καὶ ὡς αὐτὸν τὸν βασιλέα Ῥωμαίων τοῦτον κατεδέξαντο. ὃ μαθὼν ὁ βασιλεὺς ἐν πολλῇ ἀθυμίᾳ κατέστη. βουλὴν δὲ μετὰ Ἰωάννου συγκέλλου περὶ τούτου ἐποιεῖτο κτέ. (cf. Sym. ed. Bonn., p. 632).

p. 707,7 sqq. ὁ δὲ Μανουὴλ, προαποστείλας τὸν τῷ βασιλεῖ τὴν αὐτοῦ μηνύσοντα ἄφιξιν, αὐτὸς κατὰ πόδας ἐβάδιζεν. ὁ δὲ βασιλεύς, τὸν σταλέντα ὡς μεγάλων ἀγαθῶν ἄγγελον λογισάμενος, δωρεαῖς τε καὶ ἀξιώμασιν ἐφιλοφρονήσατο καὶ τὸν Μανουὴλ ἀξίως τῆς ἀρετῆς ὑπεδέξατο. Ясно, что при такомъ отношеніи текста Vatic. 163 къ другой редакціи было бы безполезно привлекать его варіанты къ критическому аппарату.

Начиная съ царствованія Михаила III, текстъ Vatican. 163 представляетъ сильно сокращенное извлеченіе изъ продолженія Θеофана (lib. IV, p. 148 sqq.). Начало (на полѣ читается Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρα ἔτη ιδ') Palat. fol. 54ᵛ читается такъ: Μιχαὴλ δὲ ὁ τούτου υἱὸς σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ ἐβασίλευσεν ἔτη δεκατέσσαρα. τελευτῶν δὲ ὁ Θεόφιλος κατέλιπε φροντιστὰς καὶ ἐπιτρόπους τοῦ υἱοῦ καὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Θεοδώρας τόν τε Θεόκτιστον, εὐνοῦχον καὶ τηνικαῦτα κανίκλειον καὶ λογοθέτην τοῦ δρόμου τυγχάνοντα, καὶ τὸν πατρίκιον Βάρδαν, τὸν τῆς Αὐγούστης ἀδελφόν, καὶ Μανουὴλ μάγιστρον ἐξ Ἀρμενίων καταγόμενον, ὃς καὶ θεῖος τῆς δεσποίνης ἀπὸ πατρὸς ὑπῆρχεν. ἔμελλε δὲ καὶ ἡ τῶν θείων εἰκόνων προσκύνησις ἀνακαινίζεσθαι κτέ. Отъ послѣднихъ выписанныхъ нами словъ до словъ: θεσπίσαι ἁπανταχοῦ προσκυνεῖσθαι текстъ дословно=Theoph. Contin. p. 148,16—149,8, съ пропускомъ лишь вставной фразы p. 148,19. Далѣе содержаніе Θеофанова продолженія сильно сокращается, при чемъ, тѣмъ не менѣе, все время сохраняется сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и словахъ: τοῦ δὲ ὑποσχομένου τοῦτο ποιῆσαι τῇ αὐτῶν εὐχῇ καὶ σπουδῇ τῆς νόσου ἀπήλλακτο καὶ τοῖς συνεπιτρόποις ἀνακοινώσας τὰ τῆς βουλῆς (p. 149,9, 14), πρὸς τὴν Θεοδώραν εἰσῄεσαν, τὰ τῆς ὑποθέσεως κοινολογούμενοι (p. 149,16) κτέ. До p. 150,8 παραινέσεσιν списалъ весь текстъ продолженія Θеофана (со вставкою только p. 149,22 имени патріарха—Ἰωάννης). Затѣмъ слѣдуетъ: οὗτος γὰρ ἐστιν ὁ πρῶτος αὐτοῦ διδάσκαλος. εὐθὺς οὖν ἡ Θεοδώρα μετακαλεσαμένη Κωνσταντῖνον πατρίκιον (πατρίκιον om. Theoph. Contin.) καὶ δρουγγάριον τῆς βίγλας τὸν υἱὸν Γενεσίου μαγίστρου (τὸν—μαγ. om. Theoph. Contin.)—οὗτος γὰρ ὁ Κωνσταντῖνος ἦν πατὴρ Θωμᾶ πατρικίου καὶ λογοθέτου τοῦ δρόμου. πάππος δὲ Γενεσίου πατρικίου καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου (πάππος—κανικλ. om. Theoph. Contin.)—δηλοῖ τῷ πατριάρχῃ, ὅτι «εἰ μὲν ὁμόλογος εἶ τούτοις καὶ σύμφωνος κτέ». До слова p. 150,17 γενοῦ сходство затѣмъ полное, а потомъ читается: ὁ δὲ τὴν κατὰ τῶν εἰκόνων αἵρεσιν μὴ ἐξαρνούμενος ἀπηλάθη καὶ τῆς ἐκκλησίας ἐξώσθη. εἰσήχθη δὲ Μεθόδιος ὁ μέγας καὶ τῆς ἐκκλησίας ἀήττητος προ-

μαχος (cf. p. 151, 21—22), καὶ οὕτως ἀνέλαμψεν ἡ τῶν θείων καὶ ἁγίων εἰκόνων μορφὴ (cf. p. 160, 12) ἐν ἔτει τῷ ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ τριακοστῷ ὀγδόῳ (ἐν ἔτει—ὀγδόῳ om. Theoph. Contin.). ὁ δὲ ἄρχων Βουλγαρίας, Γόβαρις οὗτος ἦν, θρασύτερον ἐξεφέρετο γυναῖκα τῆς βασιλείας κρατεῖν διακεχοώς (cf. Theoph. Contin. p. 162, 3)—ἐκστρατεύειν γῆς (p. 162, 6). θεήλατος δὲ ὀργὴ ἐνέσκηψεν εἰς τὴν χώραν αὐτοῦ, λιμὸς δὲ ἦν (p. 163, 9), καὶ τὴν αὐτοῦ ἐπολιόρκει καὶ κατέτριβε γῆν. καὶ τοῦ θεοῦ δεόμενος ἀπαλλαγῆναι τῶν δεινῶν πρὸς θεοσέβειαν μετατίθεται (16)—τῶν πόλεων (19). καὶ οὕτως πᾶσα ἡ Βουλγαρία πρὸς θεοσέβειαν μετερρυθμίσθη (p. 165, 6). ἐπεὶ γοῦν μετετέθη πρὸς θεοσέβειαν (= p. 164, 21)—καλεῖται Ζαγορὰ παρ' αὐτοῖς (p. 165, 6).

Непосредственно вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ (начало труда собственно Логоѳета, по отмѣткѣ въ Моск. ркп. Георгія) Palat. fol. 55—55ᵛ: Ἀποστέλλει δὲ κατὰ Κρήτης τὸν λογοθέτην Θεόκτιστον, ὃς στόλῳ πολλῷ καὶ στρατῷ βαρεῖ ἐκεῖ κατελθὼν κτέ. въ полномъ согласіи съ текстомъ Vatican. 153. *Это сходство съ Ватиканской ркп. № 153* (а слѣдовательно, какъ увидимъ изъ 4-ой главы, и съ Vindob. hist. 40) *въ предѣлахъ труда собственно Логоѳета не прерывается въ Vatic. 163* (Palat. 86) *все время тамъ, гдѣ обѣ компиляціи пользуются Логоѳетомъ*, остальной же ихъ составъ не сходится.

Отмѣчаемъ дальнѣйшія сходства Vatic. 163 съ Vatic. 153. p. 723, 18 Mur. читается въ Vatic. 163: τοῦ δὲ ἵππου θρασυνομένου καὶ ἀναθρώσχοντος ἤχθετο ὁ βασιλεύς, οὐκ ἔχων ἄνδρα ῥώμῃ τοῦ ἵππου περιεσόμενον κτέ, и ниже: Θεοφιλίτζης ἐκεῖνος, κόμης ὢν τοῦ τείχους καὶ τῶν νουμέρων κτέ. Какъ можно видѣть изъ разночтеній Vatic. 153 у Муральта подъ текстомъ, сходство редакціи текста нашей Ватиканской ркп. съ первою несомнѣнно.

Въ разсказѣ о сверженіи кесаремъ Вардою патріарха Игнатія (p. 735 Mur. Palat. fol. 59) читаемъ: ἐπεὶ δὲ μέλλοντα κοινωνεῖν τὸν Βάρδαν ὁ πατριάρχης ἀπώσατο, ὀργῇ πληγεὶς τὴν ψυχήν, τὸν παραινέτην, ὡς ἄνεμόν τινα καὶ φθορέα τῆς ἐκκλησίας, ἐξέωσε καὶ βασάνοις ἀνηκέστοις ὑπέβαλε, παραιτήσασθαι τὴν πατριαρχίαν ἐκβιαζόμενος (f. 59ᵛ). Φώτιον δὲ πατριάρχην χειροτονεῖ ἀντ' αὐτοῦ, πρωτασηκρῆτις ὄντα καὶ λόγῳ κοσμούμενον. ὁ δὲ βασιλεὺς κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐξεστράτευσεν, Ὠορύφαν ἔπαρχον ἐν τῇ πόλει καταλιπών. Так. обр. въ Ватик. ркп. № 163 нѣтъ вставки изъ Генесія, какая находится не только въ Vatic. 153, но и въ представителяхъ другой редакціи, гдѣ Логоѳетъ вообще не компилируется съ какимъ нибудь другимъ источникомъ, — Paris. 854 и

Vatic. 1807. Отмѣчаемъ эту первую вставку Vatic. 153 въ Логоѳета, которой нѣтъ въ Vatic. 163 (1).

Текстъ и въ приведенномъ отрывкѣ, помимо вставки, вполнѣ сходенъ съ текстомъ Vatic. 153. Сходство продолжается и далѣе, но опять въ Vatic. 163 не находимъ вставки (2), объясняющей происхожденіе названія Влахернскаго храма (cf. Mur. ad. p. 737, 1).

p. 740, 16 sqq. Palat.86, fol. 60ʳ βουλὴν ἐποιεῖτο ὁ Βασίλειος τὸν Καίσαρα ἀνελεῖν. συνῆν δὲ αὐτῷ ἐν τῇ τοιαύτῃ βουλῇ Μαριανὸς καὶ Συμβάτιος καὶ Βάρδας, οἱ αὐτοῦ ἀδελφοί, καὶ Ἀσυλέων, ὁ τούτου ἐξάδελφος, καὶ Πέτρος ὁ Βούλγαρος καὶ Ἰωάννης ὁ Χάλδος καὶ Κωνσταντῖνος ὁ Τοξαρᾶς. ὁ δὲ Νεατοχωμίτης Ἰωάννης, ταῦτα διαγνούς, τὴν σκηνὴν κατέλαβε. Полное сходство съ Vatic. 153 (О колляціи Муральта срв. замѣтку В. Г. Васильевскаго, Хрон. логоѳ., стр. 54).

p. 747, 1 sqq. Palat. fol. 63 τῷ δὲ Σεπτεμβρίῳ μηνὶ (v) πρώτῃ τοῦ μηνὸς πεντεκαιδεκάτης ἰνδικτιῶνος, γεννᾶται τῷ Μιχαὴλ υἱὸς Λέων ὁ βασιλεὺς ἐκ τῆς Ἰγγηρίνης Εὐδοκίας cf. Vatic. ap. Mur.

p. 752, 4 sqq. Palat., fol. 63ʳ Βασίλειος ἐβασίλευσε μετὰ Μιχαὴλ ἔτος ἕν, μῆνας τέσσαρας, καὶ μόνος ἔτη ἐννεακαίδεκα. Μονοκράτωρ δὲ γενόμενος τῷ ἐπάρχῳ διεκελεύσατο ἐν τῷ φόρῳ ἀνελθόντι τὴν ἀναγόρευσιν τούτου ποιήσασθαι. καὶ οὗτος μὲν οὕτως (Vatic. ap. Mur. только οὕτως, но по Vindob. 40 мы исправляемъ колляцію согласно послѣдней ркп.) ἐκράτησε καὶ (ἐκράτησε καὶ Vind. 40) ἀνηγόρευτο. При прежнемъ сходствѣ съ Vatic. 153 (=Vind. 40) опять въ Vatic. 163 нѣтъ вставки объ Ооривѣ (3). Далѣе читается: τοὺς ⟨δὲ⟩ συναραμένους αὐτῷ κτέ., какъ въ Vatic. 153.

Послѣ p. 755, 15 τετύχηκε въ Vatic. 163 не находимъ вставки, отмѣчаемой для Vatic. 153 (срв. Vindob. hist. 40, fol. 314ʳ) Муральтомъ подъ текстомъ на стр. 755 и слѣд. (4). Palat. fol. 64ʳ послѣ p. 756, 8 читается: ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις καὶ Φωκᾶς ἦν ὁ ἐκ Καππαδοκῶν, ὃς πρόπαππος τοῦ μετὰ ταῦτα βεβασιλευκότος Νικηφόρου ἐτύγχανεν ὤν, ὅς, ῥωμαλεότητι σώματος καὶ ψυχῆς γενναιότητι τῶν κατ᾽ αὐτὸν διαφέρων ἁπάντων, δῆλος κατέστη τῷ βασιλεῖ κτέ., какъ у Муральта подъ текстомъ p. 756 sq. Разночтенія нашей рукописи частью исправляютъ промахи переписчика Ватик. ркп. 153: νεανίου вм. νεανικοῦ, εὐειδές вм. ἀειδές. Другіе варіанты: ἀγαπητὸν τοῦτον τῷ βασιλεῖ κατεστήσαντο | οἶκον δὲ τούτῳ δωρεῖται | τῷ υἱῷ αὐτοῦ Βάρδᾳ | Νικηφόρου τοῦ ῥηθέντος πρωτοστράτορος | οὗτος τοίνυν ὁ νικηφόρος καὶ στρατηγὸς | τὰ τῆς Ῥωμ. | Τέρεντος (pro Σόρρεντος) | τὸ Ῥήγιον (pro Τοριγία) ἔπειτα

σπάθαις τούτου στρατηγικαῖς | κατεσκήνωσεν | εὐγενεστάτη Δανιηλίνα | τὴν δὲ ἔτι.

Послѣ этого длиннаго отступленія отъ редакціи Моск. ркп. и прочихъ текстовъ той же редакціи, также Paris. 854 и Vindob. List. 37, продолжается текстъ сходный съ Моск. ркп. (и проч.) съ уклоненіями въ подробностяхъ текста одинаковыми съ Vatic. 153: Ἰγνάτιος δὲ κτἑ.—757, 1 sqq.

Palat. fol. 66 послѣ p. 760, 12 читается: οὗτος τοίνυν ὁ βασιλεὺς Βασίλειος, εὑρὼν τοὺς πολιτικοὺς νόμους πολλὴν ἀσάφειαν καὶ σύγχυσιν ἔχοντας, λέγω δὴ τὴν τῶν ἀνῃρημένων κτἑ. Это снова извлеченіе изъ Theoph. Contin. p. 262, 16 sq.—21 ἀνακαθάρας. Далѣе: σὺν οἷς καὶ τὰ πλήθη τῶν αἱρετικῶν καὶ ἐκ μὲν τῆς ἀνατολῆς ἐξήλειψε τὸ μυσαρὸν ἔθνος τῶν Μανιχαίων, ἀπό τε τῆς Ἀφρικῆς (l. Τεφρικῆς) καὶ τὸν ἄρχοντα Καρβέαν, ἐν δὲ τοῖς δυτικοῖς μέρεσι τοὺς ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Καλαβρίας οἰκήσαντας Ἰσμαηλίτας (cf. Theoph. Cont. p. 267 sq. и p. 270; о Карвеѣ cf. p. 165 sq., p. 176, 22; относительно Калавріи p. 305, 3 sqq.). Затѣмъ слѣдуетъ: σεισμοῦ δὲ γενομένου, ὡς προείρηται (cf. p. 754 Mur.), οὐ μόνον πολλοὶ ναοὶ διεῤῥάγησαν (Th. Cont. p. 321, 19—20), ἀλλὰ μὴν καὶ ἡ ἀψὶς τῆς ἁγίας Σοφίας ἡ πρὸς τὸ δυτικὸν μέρος (Th. Cont. p. 322, 6 sqq.), διαῤῥαγεῖσα καὶ πτῶσιν οὐκ εἰς μακρὰν ἀπειλοῦσα, ἣν αὐτὸς ἐμπειρίᾳ τεχνιτῶν περισφίγξας καὶ ἀνανεωσάμενος κτἑ.—13 Πέτρον καὶ Παῦλον. Οὐ μὴν δὲ καὶ τὸν τῶν ἀποστόλων ναὸν τῶν μεγάλων ἀνεκαίνισε καὶ τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον τὴν Πηγὴν (Theoph. Cont. p. 323, 1, 6) καὶ ἑτέρους ναοὺς οὐκ ὀλίγους. ἐκ βάθρων δὲ ἔκτισε τὴν νέαν καὶ τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον τὸν Φόρον. ἀνῳκοδόμησε δὲ καὶ τὸν ἐν τοῖς Χαλκοπρατείοις ναὸν τῆς ἁγίας σοροῦ (Th. Cont. p. 339, 2, 8—9). Послѣ этого читается Mur. p. 760, 13 sqq.

Palat. fol. 67, 764, 11 καὶ ἐν Ταρσῷ κατελθών, αἰσχρῶς ἡττηθείς, πάντας ἀπέβαλε κτἑ. По прежнему текстъ сходенъ съ Vatic. 153, но нѣтъ опять вставки этой рукописи о названіи города Тарса (5).

Palat. fol. 67ᵛ. Послѣ p. 765, 21 читаемъ, какъ въ Vatic. 153 (ap. Mur. p. 765 sq. s. t.), но съ пропускомъ (6) портрета Василія: ὁ δὲ εἰρημένος Νικηφόρος ὁ τοῦ Φωκᾶ, τὴν Ἀμάντειαν καταπολεμῶν κτἑ.

Начиная съ царствованія Льва Мудраго, все содержаніе Логоѳета вошло въ VI книгу продолженія Ѳеофана и при томъ въ той же редакціи текста, какъ и Vatic. 153. Незначительные пропуски и нѣсколько вставокъ изъ другого источника представляютъ единственныя отличія текста изданія Theoph. Contin. отъ текста, сообщеннаго Му-

ральтомъ, p. 766 sqq. подъ текстомъ, изъ Vatic. 153. Редакція Логоѳета, послужившая продолженіемъ Ѳеофана, представляетъ характеристическое явленіе въ византійской литературѣ. Это та искусственная варіація текста, съ распространеніемъ его словами тавтологическими и замѣною выраженій оригинальнаго текста синонимами, часто только вредящею ясности мысли, какую мы одинаково встрѣчаемъ и въ области агіографіи, и въ историческихъ трудахъ[1]). Приведемъ нѣсколько примѣровъ редакціи текста Vatic. 153 изъ царствованія Александра: Mur. p. 795, 15 ἐποιήσαντο τὴν κατ᾽ αὐτοῦ καθαίρεσιν, ἀτίμως ἀποτίλλοντες τοῦ ἱεροπρεποῦς καὶ ἀξιαγάστου ἀνδρὸς τὴν τιμίαν γενειάδα καὶ ἄλλας τινὰς ὕβρεις καὶ ποινὰς αὐτῷ ἐπιφέροντες. Theoph. Contin. p. 378, 4 εὐθὺς δὲ ὥσπερ ἀνήμεροι θῆρες ἐμπεπηδηκότες, τοῦ ἱεροπρεποῦς ἀνδρὸς τὴν σεβασμίαν γενειάδα ἀπέτιλλον καὶ ἐπὶ τράχηλον ὤθουν καὶ ἄλλας ἀνυποίστους ποινὰς τούτῳ ἐπέφερον (то же Vatic. 153 у Муральта).

p. 796, 8 ὑπερωρίσθη, Theoph. Contin. p. 378, 9 ὑπερόριος σταλείς (Vat.). p. 796, 6 διὰ τὰς ὑπονοίας, ἃς ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Λέων εἶχε κατ᾽ αὐτοῦ, Theoph. Cont. p. 378, 19 διὰ τὰς ὑπεροψίας τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ Λέοντος (Vat.). p. 796, 15 σφοδρῶς κατεπλούτησεν ἐκ τῶν τοῦ παλατίου χρημάτων, Theoph. Cont., Vat. σφοδρῶς κατεπλούτισεν καὶ τοῖς τοῦ παλατίου περιήντλησε χρήμασι.

p. 797, 11 τὰς τῶν ἐκκλησιῶν ἐνδυτὰς καὶ πολυκάνδηλα, Theoph. Cont. p. 379, 18 τοὺς ἱεροὺς τῶν ἐκκλησιῶν πέπλους καὶ τοὺς λαμπτῆρας (Vatic.).

p. 798, 5 μηνύων Ἀλεξάνδρῳ τὰ πρὸς εἰρήνην, Theoph. Cont. p. 380, 6 περὶ τῆς εἰρήνης μηνύων ὡς ταύτην ἀσπάζοιτο (Vat.).

p. 798, 11 σφαιρίσαι, Theoph. Contin. p. 380, 13 Vatic. τῇ τῆς σφαίρας χρήσασθαι παιδιᾷ, и проч., и проч.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что тѣ §§ царствованія Ѳеофила, принадлежащіе Логоѳету, въ которыхъ въ Vatic. 163 мы указывали подобную же, явно умышленную, перифразировку оригинальнаго текста (срв. наши выписки съ fol. 40 Vatic. 163), происходятъ изъ той же редакціи, общей для Vatic. 153 (Vindob. hist. 40) и Vatic. 163 и служившей продолжателю Ѳеофана.

Замѣтимъ, впрочемъ, что съ концомъ царствованія Александра эта произвольная переработка текста въ обѣихъ Ватиканскихъ рукописяхъ, а слѣдовательно и въ продолженіи Ѳеофана, прекращается и

1) Срв., напр., обработку краткой редакціи Георгія Акрополита въ ркп. Δ, Heisenberg, Studien zur Textgesch. d. Georg. Akropol., S. 40—44 (var. ll.), S. 45.

дальнѣйшій текстъ представляетъ лишь обычные варіанты къ тексту Московской рукописи.

Опуская царствованія Льва Мудраго и Александра, гдѣ мы не успѣли сличить Ватик. 163 съ Моск. ркп., переходимъ прямо къ царствованію Константина VII, сына Льва. Колляція съ Логоѳетомъ моск. изд. въ предѣлахъ р. 799—809 Mur. показываетъ, что почти всѣ, здѣсь, какъ сказано, уже не такъ значительныя, уклоненія Vatic. 153 и Theoph. Contin. отъ Моск. ркп. сходятся съ такими же уклоненіями отъ нея Vatic. 163 (Palat. 86). Такъ, р. 799, 7 ὧν ἐν ὑποταγῇ, 12 μαγίστρῳ, καὶ αὐτῷ, 16 δομεστίκῳ τυγχάνοντι, p. 800, 8 Κωνσταντίνῳ καὶ μοναχῷ, 17 σὺν ἐκεῖσε, 18 μὴ ἐφεστηκότα, p. 801, 8 ἐκεῖσε, 11 ἐρριμμένον καὶ μεμονωμένον, p. 802, 5 Φιλόθεος, 21 πολλῷ καὶ om., p. 803, 1 πόρτης χρυσῆς, 21 ὡς εἴρηται om., 22 ἀναβιβάζουσιν πάλιν αὐτήν, p. 804, 11 περιποιούμενον καὶ om., 12 οὐ μετὰ πολὺ οὖν, 14 ἐν προφάσει, 15 κατελθόντα, p. 805, 1 Πατζινάκας (cf. p. 805, 2, 4 Πατζινακῶν, p. 808, 2 Πατζινάκαι), 6 δὲ τότε, 19 Στρόβιλον νῆσον μετὰ πλοίων πολεμικῶν καὶ πολλῆς τῆς δυνάμεως, p. 806, 4 τοῦ Ἰούβη, 6 τοῦτον βαλόντες, 8 Ζωὴ ἡ βασίλισσα, 17 τὴν Θρακῴαν γῆν, 19 τὰ ζωοποιὰ καὶ σεβάσμια ξύλα, p. 807, 16 οὐ γέγονε, 25 Λέοντι τῷ Φωκᾷ, p. 808, 8 ἐξήνεγκαν, 11 Ῥωμαίων, 13 Γογγύλη, p. 809, 3 προσλαβέσθαι, 15 τῆς πόλεως ἀποπλεῖν, 23 ἔνευσεν τούτοις.

Ясно, что здѣсь нѣтъ ничего общаго вольной обработкѣ текста въ предшествующемъ изложеніи. напротивъ, многія изъ приведенныхъ разночтеній указываютъ на несовершенство редакціи Моск. ркп. и совпадаютъ съ чтеніями Льва, Ватик. 1807 или Вѣнской c. h. g. 37.

Въ указанныхъ предѣлахъ хроники въ Vatic. 153 опять встрѣчается нѣсколько вставокъ (повторяющихся и въ продолженіи Феофана), которыхъ Vatic. 163 не имѣетъ, а именно послѣ р. 799, 20 ἰχνηλατεῖ, р. 801, 22 κεφαλῇ и р. 805, 15, т. е. три вставки къ прежнимъ пяти, нами пропущеннымъ.

Далѣе мы сличали текстъ Vatic. 163 съ Моск. ркп. въ предѣлахъ р. 845, 9—851, 19. Разночтенія опять сходятся съ Vatic. 153 и Theoph. Contin. [illegible]

γομένῳ, 20 ἐν τοῖς, p. 849, 9 καί om., 11 ἀπέρρηξε, 21 Τορνίκιοι, 22 ηὐτρεπισμένοι, p. 850, 1 κατήγαγον, 2 περιώρισαν καὶ κληρικούς, 4 οὗτοι αἰτησάμενοι, 18 τοῦτον ἐν τῷ παλατίῳ, p. 851, 1 ποτὲ τό, 2 ἐπιθήσουσι, 17 Ἰουλίου μηνός. Но вставки о Νέβριον (Mur. ad p. 850, 9), какъ въ Vatic. 153 и Theoph. Cont., здѣсь опять нѣтъ (10), нѣтъ также двухъ другихъ болѣе мелкихъ добавленій къ тексту, указываемыхъ изъ Vatic. 153 и продолженія Θеофана Муральтомъ на той же страницѣ.

Послѣ p. 851, 19 μονῇ (т. е. окончанія труда Логоθета, по отмѣткѣ въ изданіи Муральта и по окончанію лѣтописи у Льва Гр. Paris. 1711 и у Θеодосія Мелит.)[1]), въ Vatic. 163 fol. 58ᵛ(=Palat. 86, fol. 92ᵛ) читаемъ: ὅσοι δὲ ἔβαλλον χεῖρας ἐν τῇ καταβάσει τοῦ βασιλέως ταῦτα πεπόνθασι· ὁ μὲν μάγιστρος Βασίλειος ὁ Πετεινός, ἐπὶ Ῥωμανοῦ βασιλέως υἱοῦ τοῦ Πορφυρογεννήτου, ὑπό τινων κατηγορηθεὶς τυραννίδα μελετήσας (ἐπὶ—μελετήσας om. Theoph. Cont.), εἰσκομισθεὶς καὶ πομπευθεὶς καὶ ἐν ἐξορίᾳ παραπεμφθείς, στένων καὶ τρέμων ἐκεῖσε ἐτελεύτησεν· ὁ δὲ πατρίκιος Μαριανὸς ὁ ἀπαββᾶς (πατρίκιος, ὁ ἀπαββᾶς om. Theoph. Cont.) γυναικός τινος πλάκα ἀπὸ τοῦ ὕψους ῥιψάσης ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ τῷ μόρῳ τοῦ Ἰούδα ἐχρήσατο. ὁ δὲ Διογένης ὁ στρατηγὸς παρὰ τῶν δύο ἀτζουπάδων τοῦ Μαλείνου τὸν κακὸν θάνατον ἀπετέλεσεν. ὁ δὲ Κουρτίκιος (Theoph. Cont. Κουρτίκης) ἀπερχόμενος εἰς Κρήτην, μετὰ δρόμωνος ποντισθείς, ἐν τῇ θαλάσσῃ ἐλάκισεν, ὡς ὁ Ἰούδας. ὁ δὲ Κλάδων, εὑρεθεὶς εἰς Μοῦλτον ἅμα Φιλίππῳ καὶ Βυζαντίῳ (Theoph. Cont. ὁ Φίλιππος καὶ οἱ λοιποί), ῥινοτομηθέντες ἀπετμήθησαν καὶ τὰ ὦτα αὐτῶν. Срв. Theoph. Cont. p. 438, 10 sqq. (текстъ представляетъ нѣсколько варіантовъ, помимо отмѣченныхъ), о Василіѣ также въ царствованіи Романа II, p. 479, 12—15.

Приведенное сейчасъ сообщеніе о судьбѣ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ низложеніи Романа Лакапина, обѣщано въ общей редакціи Льва Гр. Paris. 1711, Θеодосія Мелит. и Моск. ркп. (cf. Mur. p. 849, 11—13 = Theoph. Contin., p. 436, 18—19[2]); конецъ Логоθета Моск. изд.—Theoph. Cont. p. 441, 14), а также въ Vatic. 153, но на самомъ дѣлѣ не читается въ этихъ текстахъ (срв. В. Г. Васильевскій, Хрон. Логоθ., стр. 56).

Вслѣдъ затѣмъ въ Vatic. 163 читаемъ: ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος ὁ Πορφυρογέννητος, καταλειφθεὶς μόνος μονοκράτωρ, προεχειρίσατο

1) Отмѣтимъ здѣсь, что въ Vatic. 153 послѣднія слова дописаны позднѣйшею рукою (cf. Muralt, Praefatio, p. XXIII).

2) Формула повторяется у продолжателя Θеофана еще разъ—p. 442, 16—17.

Βασίλειον τὸν πρωτοβεστιάριον αὐτοῦ, τὸν ἀπὸ παλλακίδος φυσικὸν υἱὸν Ῥωμανοῦ [Palat. fol. 93], τοῦ πρὸ αὐτοῦ βασιλέως καὶ πενθεροῦ αὐτοῦ, πατρίκιον καὶ παρακοιμώμενον καὶ παραδυναστεύοντα τῆς συγκλήτου. Φιλάνθρωπος δὲ ὢν ὁ βασιλεὺς διενοήθη ἀλλάγιον ποιῆσαι μετὰ τῶν Ταρσιτῶν καὶ τοὺς ἐκεῖσε ὄντας αἰχμαλώτους Ῥωμαίους ἀπὸ τῶν ἀρνητῶν τοῦ Χριστοῦ ἀναρρύσασθαι κτέ. Cf. Theoph. Cont. p. 442, 18 sqq. Текстъ представляетъ нѣкоторые варіанты къ Theoph. Contin. и опускаетъ одну подробность содержанія—о мѣстѣ выкупа плѣнныхъ, Theoph. Cont. p. 443, 9—11. По окончаніи этой главы продолженія Θеофана читается опять согласно съ нимъ слѣдующая глава: ἔναυλον δὲ τὴν μνήμην ἔχων ὁ βασιλεὺς τῶν τε ἀδικιῶν καὶ ζημιῶν, ὧν ὑπέστησαν οἱ ἐλεεινοὶ καὶ ἄθλιοι πένητες παρά τε τῶν στρατηγῶν καὶ τῶν τὰς ἀπαιτήσεις τοῦ δημοσίου ἐτησίως ποιουμένων ἐπὶ τοῦ πενθεροῦ αὐτοῦ Ῥωμανοῦ— τοῖς πένησιν ἐδωρήσαντο. Непосредственно затѣмъ (p. 443, 23) читается: ὁ δὲ πατριάρχης Θεοφύλακτος, ἀρρωστήσας καὶ σχεδὸν τῷ θανάτῳ προσεγγίσαν κτέ — Theoph. Contin. p. 444, 14 sqq. (гл. 11) — до словъ (p. 445, 1) ἀρεταῖς καὶ [Vatic. f., 59] ὀρθοδόξοις δόγμασιν. Дальнѣйшее содержаніе Vatic. 163 соотвѣтствуетъ приблизительно гл. 41 (начало—до p. 459, 18) и 45—49 Θеофанова продолженія. О смерти Константина Порфиророднаго послѣ посѣщенія затворниковъ на горѣ Олимпѣ Vatic. f. 60 = Palat. f. 95ᵛ — 96 читаемъ (срв. Theoph. Cont. p. 465, 20): καὶ τοὺς πολλοὺς ἐλάνθανεν ὡς εἴη νοσῶν, ἔνδον δὲ κατεδαπανᾶτο καὶ κατηνάλωτο ὑπό τε τοῦ κοιλιακοῦ νοσήματος καὶ τοῦ πυρετοῦ. καὶ δὴ καταλαβὼν τὴν Κ. Π., Ῥωμανόν, τὸν υἱὸν αὐτοῦ, αὐτοκράτορα ἀνέδειξεν, ὁρκώσας Ἰωσήφ, πατρίκιον καὶ πραιπόσιτον, τοῦ διαφυλάξαι αὐτὸν τῇ αὐτοῦ ἐντρεχείᾳ καὶ φρονήσει. τελευτήσαντος δὲ αὐτοῦ τὸ σῶμα αὐτοῦ κατετέθη ἐν τῷ ναῷ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, Βασιλείου πατρικίου καὶ παρακοιμωμένου, ὡς ἔθος ἐστί, τοῦτο ἐνταφιάσαντος (cf. Theoph. Cont., p. 468, 7 sqq.). ἔζησε δὲ τὰ πάντα ἔτη πεντήκοντα πέντε (cf. Theoph. Cont., p. 468, 22). Затѣмъ слѣдуетъ царствованіе Романа II. Ῥωμανός, ὁ υἱὸς τοῦ (cod. αὐτοῦ) Πορφυρογεννήτου, καταλειφθεὶς ὑπὸ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἐτῶν εἴκοσι δύο, βασιλεύει ἔτη τρία (Theoph. Cont. p. 469, 9 ἐτῶν εἴκοσι ἑνός и далѣе ἔτη τρία om.) σὺν Βασιλείῳ υἱῷ αὐτοῦ, ἐνιαυσιαίῳ ὄντι, καὶ τῇ μητρὶ αὐτοῦ Ἑλένῃ καὶ Θεοφανώ, τῇ συνεύνῳ αὐτοῦ, μηνὶ νοεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος τρίτης (Theoph. Cont. μηνὶ νοεμβρίῳ ἕκτῃ ἰνδ. ἕκτης). καὶ παρευθὺς τοὺς κοιτωνίτας καὶ ἀνθρώπους τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, πατρικίους καὶ πρωτοσπαθαρίους ποιήσας καὶ ἐν ἑτέροις ἀξιώμασιν ὑπερβιβάσας καὶ δώροις καταπλουτίσας, τῶν βασιλικῶν δόμων

τοῦ παλατίου κατήγαγεν. — И далѣе все содержаніе сходно съ продолженіемъ Θеофана (за исключеніемъ, разумѣется, риторическихъ разсужденій, какъ гл. 3, также 5-ой гл. съ портретнымъ описаніемъ царя).

Объ экспедиціи Никифора Фоки на Критъ (Theoph. Contin. p. 473, 23 sqq.) читаемъ: οἱ γὰρ Κρῆτες πολλὰ δεινὰ καὶ συνεχεῖς αἰχμαλωσίας καθεκάστην εἰς τὴν τῶν Ῥωμαίων ἐποιοῦντο γῆν, ἀφ' οὗ χρόνου τὴν εἰρημένην νῆσον πορθήσαντες ἐκεῖσε κατῴκησαν. ἐπὶ γὰρ Μιχαὴλ, τοῦ ἀπὸ τοῦ Ἀμορίου τοῦ πατρὸς Θεοφίλου, ταύτης [Vatic. f. 60 v] ἐγένοντο ἐγκρατεῖς (срв. нашу выписку Vatic. 163, fol. 39 r) ἀσχολουμένου τοῦ Μιχαὴλ καὶ τῶν στρατευμάτων εἰς τὴν στάσιν καὶ τυραννίδα τοῦ Μωροθωμᾶ, τοῦ συντρόφου τοῦ Μιχαήλ. καὶ γὰρ ἐπὶ τρισὶ χρόνοις—ὡς εἶναι τὴν τούτων διακράτησιν καὶ κατάσχεσιν ἕως τῆς ἡμέρας, ἧς ἐπορθήθη ἡ Κρήτη παρὰ τοῦ μαγίστρου καὶ δομεστίκου Νικηφόρου, ἔτη ἑκατὸν πεντήκοντα ὀκτὼ cf. Theoph. Contin., p. 473, 23—474, 9. Далѣе слѣдуетъ: φήμη δὲ διέτρεχεν, ὅτι δι' οὗ ἡ Κρήτη πορθηθῇ, οὗτος βασιλεύσει καὶ τὰ σκῆπτρα καθέξει τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς (cf. Theoph. Cont. p. 474, 22—475, 1). ὁ δὲ βασιλεὺς τῇ συμβουλῇ τοῦ παρακοιμωμένου Ἰωσὴφ (cf. Theoph. Cont., p. 474, 11), πάντα τῷ θεῷ ἀναθείς, ἐξοπλίσας καὶ ῥογεύσας τὸν στρατὸν (cf. Theoph. Cont. p. 475, 10—14, 16 sqq.) καὶ τῷ μαγίστρῳ χρήματα δούς, ἀπὸ τῆς βασιλίδος ἀπεκίνησε μετὰ τοῦ κοιτωνίτου Μιχαήλ, τοῦ ἐπιστάτου, μηνὶ Ἰουλίῳ ἰνδικτιῶνος πέμπτης. καὶ δὴ ὁ δομέστικος ἐν ὀλίγῳ (послѣ 17 πέμπτης непосредственно 20 ὁ δὲ δομέστικος; пропущено число кораблей) κατέλαβεν ἐν Φυγέλλοις τῶν Θρακησίων (τ. Θραx. om. Theoph. Cont.). καὶ εὐθέως, ταχυδρομωνας γαλέας ἀποστείλας, κατεσκόπησε τὴν Κρήτην καὶ παρ' αὐτῶν μαθών, ὅτι ὁ τῆς Κρήτης ἀμηρᾶς ὁ Κουρουπᾶς καὶ οἱ πρῶτοι τοῦ κάστρου ἔξω εἰσὶν εἰς τὰ οἰκεῖα προάστεια, εὐθὺς δρόμῳ καὶ σπουδῇ κατέλαβε τὴν Κρήτην καὶ τῶν νεῶν <ἀποβὰς χάρακα καὶ> τάφρον βαθεῖαν κατεσκεύασεν καὶ πρὸς κοῦρσον τὸν λαὸν προετρέψατο, μαθὼν τὴν δύναμιν τῶν Κρητικῶν. περιβαλὼν δὲ χάρακα τῷ κάστρῳ, ἤρξατο τοῦτο πολιορκεῖν ἀρξαμένων τῶν ἀγαρηνῶν αὐτομολεῖν πρὸς τὸν μάγιστρον (Theoph. Cont. p. 476, 11). χρονιζούσης δὲ τῆς πολιορκίας τὸ στράτευμα ἤρξατο ὑστερεῖσθαι σιτίων. καὶ δὴ μαθὼν τοῦτο ὁ βασιλεὺς προετρέψατο Ἰωσὴφ παρακοιμώμενον καὶ παρευθὺ τὰ πρὸς χορηγίαν ἀπέστειλεν (cf. Theoph. Cont., p. 480, 18—21). ὁ δὲ πατρίκιος Λέων κτέ.

Весь дальнѣйшій текстъ Vatic. 163 до конца напечатанъ Газе въ примѣчаніяхъ ко Льву Діакону, p. 418, p. 420 (послѣ ἐξέπεμψε въ

концѣ отрывка чит. τοῦ ἐκστρατεῦσαι κατὰ τοῦ ἀθέου Χαμβδᾶ), p. 423, p. 427, p. 431 ed. Bonn. Отрывки p. 418, p. 420 еще сходятся въ содержаніи, частью и въ текстѣ, съ концомъ продолженія Өеофана и фраза, обрывающаяся Theoph. Cont. p. 481, 13, доканчивается въ отрывкѣ на стр. 420 Hase. Небольшое различіе можно бы видѣть только въ опредѣленіи мѣста сраженія Льва съ Гамданомъ: Theoph. Cont. p. 479, 21 εἰς τὸν τόπον Ἀνδρασσὸν λεγόμενον, то же Cedr. Vol. II, p. 341, 10 Bonn., Vatic. 163 (p. 418 Hase) ἐκράτησεν τὴν κλεισοῦραν, τὴν οὕτω καλουμένην Κύλινδρον. Но возможно видѣть здѣсь въ основѣ обоихъ текстовъ одно опредѣленіе, вмѣстѣ географическое и топографическое. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мы не могли указать ни одного противорѣчія между продолженіемъ Өеофана и Vatic. 163, а только бо̀льшую или меньшую полноту содержанія.

Изъ представленнаго обзора Vatic. 163, правда отрывочнаго и неполнаго, можно, тѣмъ не менѣе, сдѣлать нѣкоторые выводы объ отношеніи Vatic. 153 и 163 между собою и объ отношеніи ихъ къ другимъ уже извѣстнымъ въ печати источникамъ нашимъ.

1. Въ основѣ обѣихъ Ватиканскихъ рукописей лежитъ особая обработка первоначальнаго текста Логоөета. Въ одной Vatic. 163 сохраняются главы о царствованіи Өеофила въ этой обработкѣ. Что касается начала царствованія Михаила III-го Leo Gr. ed. Bonn., p. 228, 10—229, 1 (Paris. 1711, срв. также Paris. 854 и Vatic. 1807), то какъ въ Vatic. 163 логоөетово содержаніе замѣнено здѣсь извлеченіемъ изъ Theoph. Contin., такъ въ Vatic. 153 (Vindob. 40 hist.) оно замѣнено извлеченіемъ изъ Генесія: начало царствованія Михаила III читается въ Vatic. 153 (cf. Mur. p. 717 s. t.) и Vindob. hist. 40, fol. 304, такъ—Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρα. Μετὰ δὲ Θεόφιλον Μιχαὴλ, ὁ υἱὸς αὐτοῦ, διιθύνειν καταλιμπάνεται σὺν μητρὶ Θεοδώρᾳ τὰ τῆς βασιλείας σκῆπτρα = Genes. p. 77, 1 sqq. ed. Bonn. Срв. также далѣе у Муральта подъ текстомъ, p. 717, 718, о Мануилѣ—Genes. p. 86, о ссылкѣ патріарха Іоанна — Genes. p. 82 sq. (впрочемъ указаніе на мѣсто ссылки, отсутствующее у Генесія, взято здѣсь у Логоөета), о козняхъ патріарху Меөодію со стороны еретиковъ, Genes. p. 83, 9 sqq.

2. Извлеченія изъ Генесія встрѣчаются въ текстѣ Vatic. 153 и далѣе, какъ это отмѣчено еще Муральтомъ (Mur. p. 730, p. 733, p. 734, p. 736, p. 739, p. 755—756). Въ тѣхъ примѣрахъ, которые мы привели для вставокъ въ Vatic. 153, не раздѣляемыхъ другою Ватик. ркп., и которыми, конечно, мы не думали исчерпать всѣ слу-

чаи такихъ вставокъ, нѣкоторые принадлежатъ именно къ числу вставокъ Vatic. 153 въ Логоѳета изъ Генесія. Такъ, о патріархѣ Игнатіѣ (у насъ подъ номеромъ первымъ) cf. Genes. p. 100 sq., отмѣченная у насъ цыфрою 4, срв. Genes. p. 114, 15 sqq., p. 121 sq., и наша вторая—о названіи Влахернскаго храма, которая, правда, въ самомъ текстѣ Генесія Боннск. изд. отмѣчена скобками (срв. о ней adnot. p. 172). Отсюда ясно, что вообще Генесій вошелъ въ составъ редакціи Логоѳета Vatic. 153 (и Vindob. hist. 40) въ болѣе позднее время, — Vatic. 163 еще не содержитъ ни одной изъ вставокъ Vatic. 153 въ Логоѳета изъ Генесія. Напротивъ, даже Paris. 854 и Vatic. 1807 уже содержатъ вставку изъ Генесія о патріархѣ Игнатіѣ.

Вставками изъ Генесія не ограничивается, однако, распространеніе общей редакціи Vatic. 163 и Vatic. 153, въ послѣдней изъ этихъ рукописей. Кромѣ Генесія, Vatic. 153 содержитъ вставки, тоже не раздѣляемыя Vatic. 163, изъ Anon. Paris. 1712 (срв. объ Оориѳѣ p. 752, портретъ царя Василія Макед., p. 765 sq.).

3. Особый большой классъ представляютъ столь же чуждыя Vatic. 163 вставки Vatic. 153 въ содержаніе Логоѳета начиная отъ царствованія Льва Мудраго, повторяющіяся въ продолженіи Ѳеофана, которое несомнѣнно воспроизводитъ текстъ Vatic. 153 и вставки въ Логоѳета этой рукописи распространяетъ своими, новыми. Такимъ образомъ открываются три ступени въ исторіи текста Логоѳета: 1) первоначальный текстъ въ стилистической обработкѣ общей двумъ Ватиканскимъ рукописямъ и продолженію Ѳеофана, обработкѣ, прерывающейся съ царствованіемъ Александра, 2) текстъ со вставками Vatic. 153, 3) распространеніе послѣдняго въ продолженіи Ѳеофана.

Въ предѣлахъ нашей колляціи мы могли указать рядъ упомянутыхъ вставокъ Vatic. 153, которыхъ нѣтъ въ Vatic. 163. Но мы не сомнѣваемся, что то же оказалось бы и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Мы основываемся здѣсь на самомъ содержаніи вставокъ Vatic. 153, отмѣченныхъ у Муральта, и отношеніи ихъ къ окружающему тексту. Это или особыя версіи преданія (срв. p. 799, 20 Mur. ὡς δέ τινές φασι) [1]), объяснительныя замѣтки миѳологическаго и историческаго характера къ названіямъ мѣстностей (такъ, объ Адріанополѣ p. 805, 15, о Невріѣ p. 850, 9—оба примѣра въ предѣлахъ нашей

1) То же p. 801, 13 τὸ δὲ τοιοῦτον ἐπιχείρημα κατά τινα καὶ ἄλλον τρόπον ἐδεδήλωτο. Оба примѣра въ предѣлахъ нашего сличенія.

колоніи; но то же срв. о Геллеспонтѣ p. 788, о Месемвріи 831), или отдѣльные самостоятельные эпизоды, какіе легко могли быть введены въ любомъ мѣстѣ разсказа, какъ p. 838, и т. под.

Для характеристики того, какъ дѣлались иногда такія распространенія первоначальнаго текста, интересны слѣдующіе два примѣра, относящіеся къ третьей изъ вышенамѣченныхъ нами ступеней распространенія текста Логоѳета.

Theoph. Contin., p. 415 sq. cf. Mur. p. 834 распространеніе текста характеристикой Іоанна Куркуя вызываетъ повтореніе одного и того же дважды, p. 415, 18—21 = p. 416, 18—22, во второмъ случаѣ по первоначальному источнику, срв. Mur. p. 834, 19 sqq. Theoph. Contin., p. 426, 13—429, 15 представляетъ распространеніе первоначальнаго источника (cf. Mur. p. 844, 4 sqq.) новымъ болѣе подробнымъ панегирикомъ и на этотъ разъ не только Іоанну, но (ужь кстати) и брату его Ѳеофилу. Связь разсказа вслѣдствіе того утеряна, но авторъ искуснымъ риторическимъ оборотомъ возвращается къ оставленному пункту изложенія и при этомъ во второй разъ пишетъ слова своего источника, p. 426, 12—13 = 429, 15. Между παύει τῆς ἀρχῆς p. 426 и p. 429 ἐκπίπτει τῆς ἀρχῆς (= Mur. p. 844, 6) вся вставка входитъ какъ въ готовую рамку.

Риторическій элементъ играетъ большую роль въ изложеніи продолжателя Ѳеофана, значительно увеличивая размѣры текста и помимо фактическихъ прибавленій къ содержанію.

4. Любопытный фактъ, что тѣ единичные случаи, на которые мы намекнули выше, и гдѣ распространенія Логоѳета Vatic. 153 сходятся съ Vatic. 163, относятся къ фамильной исторіи рода знаменитаго царя Никифора Фоки, на описаніи подвиговъ коего въ бытность его главнокомандующимъ экспедиціи на Критъ обрывается Vatic. 163. Это—подробности о подобныхъ же подвигахъ дѣда царя—p. 757 Mur. s. t. и p. 766 s. t. Самое завоеваніе Крита подготовляется въ Vatic. 163, какъ мы видѣли, еще въ замѣткѣ при царствованіи Михаила II, по поводу захвата острова арабами.

5. Изъ вставки p. 757 Mur. (Νικηφόρου βασιλέως) ясно, что въ общей редакціи Vatic. 153 и Vatic. 163 лѣтопись доходила во всякомъ случаѣ до воцаренія Никифора Фоки. Панегирическій характеръ всей лѣтописи тамъ, гдѣ разсказъ касается подвиговъ его и его брата, а также его предковъ, позволяетъ предполагать, что она была издана еще во время царствованія его (963—969). Еще болѣе повышенъ

хвалебный тонъ въ описаніи подвиговъ Никифора Фоки (и брата его Льва) въ продолженіи Ѳеофана соотвѣтственно болѣе риторическому стилю изложенія. Здѣсь, кромѣ того, описаніе войны на Критѣ содержитъ много подробностей, которыхъ нѣтъ въ Vatic. 163, что могло бы вызвать предположеніе зависимости послѣдняго источника отъ продолженія Ѳеофана, но въ виду того общаго отношенія между обѣими Ватик. рукописями и продолженіемъ Ѳеофана, на какое мы указали выше, мы болѣе вѣроятнымъ считаемъ распространеніе въ продолженіи Ѳеофана описанія похода на основѣ болѣе древней и краткой редакціи его въ Vatic. 163. (Въ описаніи военныхъ подвиговъ дѣда Никифора Фоки Mur. p. 757, напротивъ, продолженіе Ѳеофана (p. 313) гораздо болѣе кратко).

6. Изъ ссылки Vatic. 153 и трехъ представителей другой редакціи Логоѳета, срв. Mur. p. 849, 11—13, неизбѣжно слѣдуетъ выводъ, что и въ Vatic. 153, и въ этой редакціи читалось сообщеніе о судьбѣ лицъ, участвовавшихъ въ низложеніи Романа Лакапина, какъ въ Vatic. 163; остается загадкою согласное прекращеніе лѣтописи въ Paris. 1711 и у Ѳеодосія Мелит. на p. 851, 19 и отмѣтка здѣсь окончанія труда Логоѳета въ текстѣ Муральта. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что, начиная съ царствованія Константина VII, p. 799, различіе въ стилѣ редакцій текста Vatic. 153 и 163, съ одной стороны, и Моск. ркп. и проч. съ другой — прекращается.

Гл. 4. Мы считаемъ въ этой статьѣ достаточнымъ вкратцѣ охарактеризовать значеніе Вѣнской ркп. cod. hist. gr. 40 [1]) рядомъ съ Ватик. 153 для труда Логоѳета. Хотя колляція Муральта не вполнѣ точна, мы видимъ изъ нея, что Vatic. 153 представляетъ много пробѣловъ или мѣстъ, трудно читаемыхъ по состоянію текста (срв. въ примѣрахъ, нами приведенныхъ, Vatic. fol. 130 r). Очень важно имѣть при такихъ обстоятельствахъ другого представителя той же редакціи. Тамъ, гдѣ Муральту приходилось прибѣгать къ конъектурѣ (p. 717, 20 ἑαυτῆς, p. 721, 13 ἐκπλαγεὶς γενόμενος и т. дал.) или довольствоваться указаніемъ на искаженія текста въ рукописи (p. 722, 18 Vatic. ὑπεριχείη?!, Vind. ὑπάρχειν, p. 726, 3 ὑπὸ τοῦ υῒ γεγονήσας?!, Vind. ὑπὸ τῶν Οὔννων γεγονυίας и т. д.), Вѣнская ркп. даетъ вполнѣ удовлетворительныя чтенія. Она возстановляетъ также пробѣлы и

1) Мы разумѣемъ болѣе древній текстъ этой рукописи fol. 49—314 = Mur. p. 100, 16—756 (см. подъ текстомъ Муральта, до слова Ζωγολόϊνον), той же редакціи, какъ Георгій Монахъ и Логоѳетъ Vatic. 153.

пропуски Ватик. ркп. Мы замѣтили одинъ такой, довольно значительный, во вставкѣ Vatic. 153 изъ Генесія Mur. p. 733 s. t. (если только здѣсь опять не промахъ колляціи). Здѣсь, кромѣ var. l. l. (Vindob. fol. 308) εἶτα χρόνων δύο παριππευσάντων, ниже παρεκβατικώτερον, Вѣнская ркп. даетъ, послѣ словъ τροποῦται ὁ βασιλεύς καί, еще слѣдующее: μόλις πρός τι ὄρος πέτραις τραχέσιν ἀντίτυπον, ὃ Ἀνζῆς κατωνόμασται, κατασχὼν ἐναυλίζεται, ἐν ᾧ περιστοιχισθεὶς παρὰ τῶν ἐναντίων, что все опущено въ Ватик. ркп. (или ея колляціи у Муральта) cf. Genes., p. 92, 9—11.

Слѣдуетъ отмѣтить общій для Vatic. 153 и Vindob. hist. 40 пропускъ всего разсказа о Болгарахъ p. 724, 14—725, 6. Mur. p. 724, 10—11 читается въ Вѣнск. ркп. такъ (fol. 305) ἦν δὲ ὁ αὐτὸς Βασίλειος γενόμενος Μακεδών, πόλεως δὲ Ἀδριανοῦ (Vatic. на этотъ разъ правильнѣе γένος μὲν Μακεδών), εἰκοστὸν δὲ καὶ πέμπτον χρόνον τῆς ἡλικίας ἄγων и затѣмъ непосредственно: μετὰ τὴν τῆς αἰχμαλωσίας τῶν Μακεδόνων ἀποκατάστασιν ὑπὸ τῶν Οὔννων γεγονυίας προσεκολλήθη τῷ στρατηγῷ Μακεδονίας (p. 726, 7 sqq.). Пропускъ этотъ не раздѣляется другой Ватик. ркп., № 163 (Palat. 86). Но тѣмъ не менѣе онъ въ самомъ дѣлѣ возстановляетъ связь разсказа о карьерѣ будущаго императора, которая разрушается вставкою эпизода о Болгарахъ, прикрѣпленнаго очень слабо къ основному тексту. Столь же мало связана съ разсказомъ замѣтка о родствѣ Михаила Рангаве — p. 724, 12—14, также опускаемая въ Вѣнской и Ватик. (153) рукописяхъ. Намъ кажется, слѣдуетъ признать во всемъ указанномъ отрывкѣ хотя очень раннюю, но все же позднѣйшую вставку въ оригинальный текстъ Логоѳета (эпизода нѣтъ и у Anon. Paris. 1712 cf. p. 665, 19—20 ed. Bonn., гдѣ связь разсказа о Василіѣ та же, какъ въ Ватик. 153 и Вѣнской ркп. Георгія — Логоѳета).

Даемъ здѣсь рядъ примѣровъ исправленія Вѣнскою ркп. Ватиканской въ текстѣ у Муральта внизу страницъ изданія: Mur. p. 717, 13 послѣ ἔτη ι' чит. σὺν Βασιλείῳ ἔτος ἕν, p. 717, 14 μαγίστρων | μοναστοῖς καταγώγιον πλὴν ὡς συγκλητικός, 20 ἀσπάζεσθαι вм. σεβάζεσθαι, ниже ἀφ' ἑαυτῆς τὸ δὲ καὶ | Ἰαννήν. На слѣдующей страницѣ: Μεθόδιον διὰ τὸ τὸν Ἰαννὴν—ἐξωσθῆναι | τὸ αἴτιον ἐρεῖν διενίστατο, какъ у Генесія | ἐκινούμην вм. κινούμενος | Послѣ δεηθεὶς τὴν чит. τῇ νυκτὶ ἐπιστάντα τῷ κ. | καταπιέσαι вм. καταπριέσαι (?) | ποιεῖσθαι вм. πτοεῖσθαι.

p. 721, 10 μηδενὸς τοῦτον διώκοντος. 13 πρύμναν ἐκρούετο καὶ πρὸς τὴν πόλιν ἀνέστρεφε. p. 722, 4 καὶ συμβαλὼν οὗτος τῷ Ἄμερ. p. 734,

s. t. Вѣнская возстановляетъ пробѣлъ Ватик. ркп.: послѣ словъ ὃς μὴ πεισθείς чит. πόλεμον συγκροτεῖ μετὰ Π. καὶ παραυτίκα ὁ Ἄμερ. Послѣ ποταμόν чит. διαπεράσαντος. p. 737, 7 πλοῖα διαταράσσουσα καὶ τῇ γῇ προσαράσσουσα καὶ κατεάσσουσα, ὡς ὀλίγα ἐξ αὐτῶν τὸν τοιοῦτον κίνδυνον διαφυγεῖν καὶ ἐπὶ τὰ ἴδια μετ᾽ ἥττης ὑποστρέψαι (Vat. сильно искаженъ). p. 740, 1 послѣ ναῷ чит. μετὰ τὴν τοῦ εὐαγγελίου ἀνάγνωσιν, 5 κατηχουμενίοις. p. 752, 5 καὶ οὗτος μὲν οὕτως ἀνηγόρευτο.

p. 754, 5 σεισμὸς γέγονε μέγιστος καὶ ἐξ ἐκείνης (Vat. ἐξέτεινε) μέχρι μ′ ἡμερῶν.

p. 755, 4 ἐγεννήθη δὲ τῷ βασιλεῖ γνήσιος υἱὸς ἐκ τῆς τοῦ Ἴγγηρος Εὐδοκίας Ἀλέξανδρος.

12 πολλῶν δὲ μετὰ ταῦτα γεγονότων. Послѣ ἐκεῖνος ἐζήτει (Mur. «sequentia legi non possunt») чит. τὸν ἀληθῆ σωτῆρα.

15 εἰς τέλος αὐτοὺς ἐφάνισεν. Ниже στοχασάμενος, затѣмъ εὐμοιρεῖ κυριότητος, какъ у Генесія p. 115, 9, πλεῖστα κατά и проч.

Эти примѣры, взятые наудачу, достаточно показываютъ, какое большое значеніе имѣетъ cod. Vindob. hist. 40 для установленія текста Логоѳета редакціи Ватик. 153. Къ сожалѣнію, рукопись эта содержитъ лѣтопись только до того мѣста царствованія Василія Македонянина, на которое мы указали.

С. Шестаковъ.

Повѣсть объ императорѣ Ѳеодосіи II[1].

Чрезмѣрное влеченіе къ монашеской жизни, характеризовавшее византійское общество съ древняго времени до XIII столѣтія и далѣе, вызывало неоднократный отпоръ со стороны лучшихъ предстоятелей церкви. Сознаніе въ возможности спасенія и въ мірѣ, спасенія съ женами и дѣтьми, среди житейскихъ треволненій, потерянное чуть ли не въ большей части общества, не переставало жить въ умахъ многихъ святителей. Іоаннъ Златоустый (398—404)[2], патр. Геннадій (458—471)[3], Іоаннъ Лѣствичникъ (580—610)[4], Нифонтъ[5], пресвитеръ Косма[6],—всѣ они вооружались противъ крайняго увлеченія монашескимъ житіемъ, выдвигая на первый планъ только богоугодную жизнь, независимо отъ мѣста. Мало того, для подтвержденія общей мысли,

1) Читано въ засѣданіи Нео-филологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ 6 октября 1895 года; отчетъ о рефератѣ (М. И. Кудряшева) въ «Новостяхъ» 1895 № 279. Нынѣ рефератъ является въ переработанномъ видѣ.

2) Макар. Минеи Четіи, сентябрь, 986 (ср. В. Яковлевъ. Измарагдъ. Одесса 1893, стр. 208 и сл.); рук. Имп. Общ. Люб. Др. Письм. F. CLXXXVI л. 178 (болѣе полный текстъ въ «Пам. учительной литер.» подъ ред. А. Пономарева, Спб. 1897, III, 45); анонимное «О иже глаголющихъ не спастися въ мірѣ», съ приписаніемъ иногда Златоустому, у В. Жмакина. Митр. Даніилъ, стр. 488.

3) Рукоп. нашего собранія, XVII в. л. 242 об. — 243.

4) Migne. Patr. graeca, t. LXXXVII. 640 (ср. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1894 годъ. Спб. 1897 стр. 109—110)

5) Ср. В. Жмакинъ, стр. 488. Кромѣ того анонимная повѣсть «О двою брату, имѣюща между собою вражду», по рук. изъ нашего собр. XVII в. л. 280 об.

6) Рук. И. О. Л. Д. П. Q. CCXXXVI л. 99; Прав. Собесѣдникъ 1864, II. 216, 218—219, 310—311; переработка слова въ рук. нашего собр. XVI в. л. 195 об. — 196, XVII в. л. 173 об.—174; Пам. учит. литер. III. 46; Правосл. Собесѣд. 1858, III. 512 и сл.; ср. Яковлевъ, Измарагдъ, 15, 174, 218. Продолженіе слова въ Прологѣ, 10 декабря. Тема эта была перенесена и на русскую почву: аноним. XII в. (Пам. Др. Письм. XCVIII. 17, 27, 30: примѣромъ антитезы представленъ князь Давидъ Святославовичъ, а не св. князь Владиміръ, какъ у Жмакина, стр. 487); анонимъ (Жмакинъ, 488) и анонимъ (Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки, LVI. 302; Пам. учит. лит. III. 44); митр. Даніилъ (Жмакинъ, 495, 498); Максимъ Грекъ (II. 235).

старые писатели прибѣгали къ примѣрамъ и изъ библейскаго міра и изъ Житій святыхъ, точнѣе изъ жизни пустынножителей, въ которыхъ красною нитью проводилась противоположная идея — о святости мірянъ. Вслѣдствіе многочисленности повѣстей на эту тему, не возможно пока охватить ихъ, а по причинѣ анонимности ихъ авторовъ нельзя размѣстить ихъ въ преемственномъ порядкѣ. Вотъ однако нѣсколько такихъ сказаній.

1) «Отшельникъ Пафнутій (конца IV столѣтія) послѣ продолжительнаго подвижничества молилъ Бога открыть ему, кому бы изъ совершенныхъ по святости онъ могъ быть подобенъ. Ангелъ явился ему и сказалъ: ты подобенъ такому-то флейтщику, который живетъ въ городѣ. Поспѣшно отправился Пафнутій къ тому флейтщику и разспрашивалъ его объ образѣ жизни и дѣлахъ. Флейтщикъ сказалъ ему, что онъ человѣкъ грѣшный... Пафнутій сталъ выпытывать у него, что добраго сдѣлалъ онъ когда либо» и затѣмъ прибавилъ: «я славенъ подвижничествомъ, ибо не въ безпечности провелъ жизнь свою; и вотъ Богъ открылъ мнѣ о тебѣ, что ты нисколько не ниже меня по добрымъ дѣламъ». Въ другой разъ Богъ открылъ Пафнутію: «ты подобенъ старшинѣ ближайшаго селенія. Пафнутій немедленно отправился къ нему. Когда онъ постучался къ нему въ дверь, тотъ по обычаю вышелъ и принялъ гостя. Омывъ ему ноги и предложивъ трапезу, онъ просилъ его вкусить пищи. Но Пафнутій сталъ у него разспрашивать о его дѣлахъ, и говорилъ: разскажи мнѣ свой образъ жизни, ибо ты превзошелъ многихъ монаховъ, какъ открылъ мнѣ Богъ. Тотъ отвѣчалъ ему, что онъ человѣкъ грѣшный и недостойный даже имени монаховъ. Однако Пафнутій сталъ настоятельно разспрашивать его, — и онъ отвѣчалъ такъ: Я не имѣлъ нужды разсказывать о своихъ дѣлахъ, но поелику ты говоришь, что пришелъ по повелѣнію Божію, то разскажу тебѣ о себѣ». Наконецъ въ третій разъ Пафнутій оказался подобнымъ купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ [1]).

2) Одинъ великій отецъ просилъ Бога открыть ему, до какой мѣры въ своемъ подвижничествѣ онъ дошелъ. Богъ открылъ ему, что одинъ братъ въ той-же киновіи — лучше его. Старецъ отправился въ киновію и, встрѣченный съ радостію, просилъ показать ему всю бра-

1) Λαυσαϊκόν: Migne. Patr. gr. XXXIV. 1164, 1169, 1170 = Палладія еп. Еленопольскаго Лавсаикъ или повѣствованіе о жизни святыхъ и блаженныхъ отцевъ. Спб. 1873[3], стр. 244—5, 246—7, 249. Разсказъ этотъ (о купцѣ) вошелъ въ Прологъ подъ 23 марта (Синод. изд. 1877 л. 54 об.—55).

тію. Иноки вышли въ полномъ составѣ, за исключеніемъ лишь одного, который былъ лучше его: онъ былъ юродивый и работалъ въ саду. Старецъ пожелалъ его видѣть. Встрѣтившись съ нимъ, онъ поцѣловалъ его и спросилъ: «повѣдай мнѣ, какое твое занятіе?» на что тотъ уклончиво отвѣтилъ: «я человѣкъ юродивый». Послѣ долгаго увѣщанія онъ наконецъ разсказалъ старцу о своемъ великомъ 30-лѣтнемъ терпѣніи. Посѣтитель удивился [1]).

3) Два старца просили Бога открыть имъ, въ какую они пришли мѣру. Голосъ съ неба возвѣстилъ имъ: въ такомъ-то селеніи египетскомъ есть одинъ мірянинъ, по имени Евхаристъ, и жена его называется Маріею; вы еще не пришли въ мѣру ихъ. Старцы отправились въ селеніе и нашли келью Евхариста. Гдѣ твой мужъ? спросили они Марію. Та отвѣтила: онъ пастухъ и пасетъ овецъ. Возвратившись вечеромъ отъ занятій, Евхаристъ приготовилъ имъ трапезу и принесъ воды обмыть ноги ихъ. Старцы говорятъ ему: не вкусимъ ничего, пока ты не разскажешь намъ о своей жизни. Евхаристъ «со смиреніемъ» только и говорилъ имъ: я пастухъ, а это жена моя. Старцы продолжали просить его, но онъ не хотѣлъ говорить. Тогда старцы сказали: Богъ послалъ насъ къ тебѣ. Услышавъ слово сіе, Евхаристъ убоялся и началъ разсказывать имъ: «одну треть отъ прибытка овецъ мы даемъ бѣднымъ, другую треть странникамъ, а остальную удерживаемъ для собственнаго употребленія; «съ того времени, какъ я взялъ себѣ жену, мы не осквернялись, и она доселѣ дѣва; каждый изъ насъ спитъ особо; по ночамъ носимъ мы власяницы, а днемъ свои одежды; до сихъ поръ объ этомъ не зналъ еще ни одинъ человѣкъ. Услышавъ сіе, старцы удивились, и возвратились, славя Бога» [2]).

4) Авва Іорданъ съ другими двумя отшельниками отправились однажды въ потокъ Метасимль къ аввѣ Николаю, жившему въ вертепѣ между св. Елпидіемъ и монастыремъ Странныхъ. У него они встрѣтились съ міряниномъ Ѳеодоромъ. Послѣ бесѣды своей о спасеніи души авва Николай обратился къ Ѳеодору: «рцы намъ и ты слово полезно», на что тотъ отвѣтилъ: «что убо, отче, азъ имамъ вамъ рещи полезно: человѣкъ міряninъ сый, иже и себѣ не могій ползы сотво-

1) Τὸ γεροντικόν: Συναγωγὴ ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν, συναθρ. παρὰ Παύλου τοῦ Εὐεργετινου. Κπολις 1861, I. 120.

2) Apophthegmata patrum: Migne. Patr. gr. LXV. 168—169. = Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ. Спб. 1871 стр. 106—108. Повѣсть эта нашла себѣ мѣсто и въ «Великомъ Зерцалѣ» (гл. 307).

рити. Тогда глагола ему старецъ: всяко рцы, еже имаши. Тогда рече міряниеъ: молитвъ твоихъ ради, отче, имамъ 20 и 2 лѣта кромѣ субботы и недели не видѣ мене солнце ядуща»; 15 лѣтъ подвергался оскорбленіямъ прежняго своего хозяина, но утѣшался надеждою при терпѣніи получить царство небесное; «сохраниxъ же и тѣло мое чисто отъ жены и до днешняго дня. Мы же, таковая слышавше, зѣло ползовахомся» [1]).

Пока этихъ четырехъ древнихъ повѣстей вполнѣ достаточно для нашей первоначальной цѣли,—къ другимъ мы обратимся ниже. Общая тенденція ихъ очевидна: онѣ написаны въ V—VII вѣкахъ съ цѣлью показать, что спасеніе возможно и въ мірѣ, что и мірскіе люди, если они хранятъ заповѣди Господни, могутъ такъ же угодить Богу, какъ и пустынники, — какъ бы отдается предпочтеніе даже мірянамъ. Этими послѣдними были лица разныхъ профессій, начиная съ флейтщика, мелкаго работника, пастуха, кончая купцомъ и сельскимъ старшиною. Добродѣтелями ихъ являются: спасаніе людей отъ погибели и наказанія, защита бѣдныхъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ, нелицепріятность на судѣ, раздача богатства и отшельничество (Лавсаикъ); воздержаніе отъ половаго сношенія съ женою (Лавсаикъ, Apophthegmata, Лугъ), высокая степень терпѣнія (Старчество, Лугъ), страннолюбіе и призрѣніе бѣдныхъ (Лавсаикъ, Apophthegmata), изнуреніе плоти (Apophthegmata) и наконецъ постъ (Лугъ).

Всѣ эти соображенія мы считаемъ не лишнимъ высказать въ виду новаго любопытнаго сказанія, которое по внѣшней, діалогической формѣ, по внѣшнему его содержанію и по руководящей его тенденціи, примыкаетъ къ кругу перечисленныхъ повѣстей и во многомъ можетъ быть ими и объяснено. Это — Повѣсть объ императорѣ Θеодосіи II, издаваемая по тремъ греческимъ и по тремъ славянскимъ спискамъ. Слѣдуя русской системѣ изданій, мы положили въ основу греческаго текста одинъ списокъ — Аθонскаго Аннинскаго скита (А), XVI вѣка, № 20 [2]), подвергшійся нѣкоторому вліянію языка новогреческаго, и подвели къ нему варіанты изъ двухъ списковъ Діонисіева

1) Λειμών: Migne. Patr. gr. LXXXVII. 3021—24 = Цвѣтникъ Духовный, соч. Іоанна Мосха. Кіевъ 1628 гл. 154 л. 120. По аналогіи съ предыдущими повѣстями можно думать, что здѣсь должна была находиться мотивировка поѣздки: желаніе аскетовъ узнать подобнаго себѣ и голосъ съ неба, повелѣвавшій имъ идти къ аввѣ Николаю.

2) Ср. Λάμπρος. Κατάλογος, I. 1. p. 37. Проф. Ламбръ относитъ эту рукопись къ XVIII вѣку.

монастыря, XVIII вѣка № 223 (D^1) и № 260 (D^2) *); равнымъ образомъ для русскаго текста основою послужилъ списокъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности (О), XVI в., № Q. L. л. 264—268, а варіантами къ нему списокъ изъ нашего собранія, XVI вѣка, л. 367 об. — 372 об. (Л), и (неполный) списокъ XVII в. въ антикварной лавкѣ С. Т. Большакова (Б). Нѣкоторая разность между обоими текстами объясняется прежде всего конечно испорченностью текстовъ, вслѣдствіе небрежной ихъ переписки, пропусками, а также неимѣніемъ оригинальнаго греческаго списка, съ котораго переводъ сдѣланъ (ближе подходитъ къ нему D^2). Работу возстановленія текстовъ предоставляемъ досугу филологовъ.

Διήγησις περί τινος γέροντος σημειοφόρου μοναχοῦ, ὅπως[1]) ἀπεκαλύφθη αὐτῷ τὰ περὶ τοῦ βασιλέως Θεοδοσίου[2]).

Γέρων τις ἐκαθέζετο ἐν τῇ ἐρήμῳ[3]), διατρίψας ἐν αὐτῇ ἔτη[4]) τεσσαράκοντα ἐν ἀσκήσει πολλῇ, οὐδὲ[5]) εἶδεν ἄνθρωπον ἐν ὅλοις[6]) τεσσαράκοντα ἔτεσιν, ἀλλὰ θηρίοις συνδιάγων γυμνὸς ἠξιώθη(;) χαρίσματος διορατικοῦ[7]). Παρεκάλει οὖν τὸν θεὸν λέγων· κύριε παντοκράτορ[8]), δεῖξόν μοι, μετὰ τίνος ἔχω μέρος. Καὶ[9]) ἀπεκάλυψεν[10]) αὐτῷ ὁ θεὸς λέγων· μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ἔχεις τὸ[11]) μέρος σου[12])· Ὁ δὲ γέρων ἀκούσας ἐλυπήθη σφόδρα

Слово о нѣкоемъ старцѣ, како моляшесь Богу, кыхъ подобенъ святыхъ.

Благослови отче[1]).

Старецъ нѣкый бѣ[2]) въ пустыни, многими лѣты бывъ, моляшеся Богу, глаголя: «Господи, яви ми, кому[3]) есмь[4]) достоинъ. И явися[5]) ему ангелъ Господень[6]), глаголя, яко «съ Ѳеодосіемъ царемъ едино еси». (Бяше[7]) бо тогда царствующи вторый Феодосіи въ Констяньтине граде). Старецъ же[8]) слышавъ оскорбися зело, глаголя: азъ убо 40 лѣтъ имамъ в пустыни сей, опаляемъ варомъ дневнымъ

*) Существуютъ еще списки: въ Григоріатѣ № 35, XVII в. и въ Дохіарѣ № 113 XVII в. въ переводѣ εἰς κοινήν: Περὶ τοῦ ἀσκητοῦ ὁποῦ ἔκαμε δέησιν εἰς τὸν θεόν, μετὰ τίνος νὰ ἔχει τὸ μέρος ἤγουν νὰ εἶναι ἴσια εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, καὶ τοῦ ἀποκαλύφθη ἄγγελος ἐξ οὐρανοῦ καὶ τοῦ εἶπεν, ὅτι μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως νὰ ἔχει τὸ μέρος, и пр.

1) πῶς D^1. 2) Διήγησις περὶ σημειοφόρου πατρός D^2. 3) *add.* καὶ D^2. 4) ἐπὶ A. 5) *add.* γὰρ D^1D^2. 6) *add.* τοῖς D^1D^2. 7) προορατικοῦ D^2. 8) παντοκράτωρ A. 9) *om.* D^2. 10) *add.* δὲ D^2. 11) *om.* D^2. 12) *om.* D^2.

1) Повѣсть душеполезна нѣкоего старца духовна о цари Ѳеодосіи *Л*; Мѣсяца генваря въ 27 день, житіе и жизнь о царѣ Феодосіе *Б*. 2) *оп.* *Л*. *Б*. 3) с нимъ *Б*. 4) *ирб.* подобенъ і *Л*. 5) яви *Л*. 6) ему Господь *Л*. *Б*. 7) і аще *Б*. 8) *ирб.* сія *Б*.

λέγων· ἐγὼ τοσαῦτα ἔτη ἔχω ἐν τῇ ἐρήμῳ, συγκαιόμενος[1]) τῷ καύσωνι τῆς ἡμέρας καὶ τῷ παγετῷ τῆς νυκτὸς γυμνὸς, ἀνθρώπου χαρακτῆρα μὴ[2]) εἰδὼς[3]), ἄρτου μὴ γευσάμενος[4]) ἀλλ' ἐν λιμῷ καὶ δίψει[5]) νυκτερεύων[6]) ἔτη τεσσαράκοντα, καὶ μετὰ τοσούτους κόπους καὶ μόχθους[7]) μετὰ κοσμικοῦ ἀνθρώπου, ἔχοντος γυναῖκα καὶ ἐν τρυφῇ διάγοντος καὶ δόξῃ, μετ' αὐτοῦ[8]) ἔχω καταταγῆναι; οὐαί μοι. Ἔπεσεν οὖν[9]) ἐπὶ πρόσωπον αὐτοῦ ἐνώπιον κυρίου τοῦ θεοῦ καὶ ἐν κλαυθμῷ μεγάλῳ γέγονεν[10]), συντρίβων[11]) ἑαυτὸν καὶ λέγων· κύριε παντοκράτορ καὶ[12]) παντοδύναμε, μηδαμῶς τοσούτους[13]) κόπους καὶ μόχθους εἰς οὐδὲν λογίσῃ[14]) διὰ τὴν εὐσπλαγχνίαν σου[15]), ἀλλὰ πληροφόρησόν[16]) μοι, μετὰ τίνος ἔχω τὸ[17]) μέρος μου[18]). Καὶ ἦλθεν ἄγγελος[19]) κυρίου πρὸς αὐτὸν καὶ λέγει αὐτῷ· εἶπόν σοι, γέρων[20]), μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ἔχεις μέρος. Ὁ δὲ γέρων ἀναστὰς εἶπεν ἐν ἑαυτῷ· εἰ μετὰ κοσμικοῦ ἀνθρώπου ἔχω μέρος καὶ[21]) ἐπὶ τοσοῦτόν

и мразомъ нощнымъ остужаемъ, наготою[1]), образа человѣча не видѣхъ, ни хлѣба человѣча[2]) не[3]) снедохъ, но гладомъ и жаждею нощь и день пребдевающе[4]), и по толицехъ трудѣхъ и болѣзнехъ съ белцемъ человѣкомъ, имущимъ[5]) жену и славу мира сего и пищу и питание[6]), и[7]) с таковымъ[8]) достоинъ есми еще[9])»? И[10]) удивися убо старецъ и[11]) паде на лици[12]) своемъ, велми плачющися[13]) предъ Богомъ, смиривъ[14]) себе и[15]) глаголя: «Господи Вседержителю, да ни во что же ли[16]) вменилъ еси толикы труды моя и болѣзни дажъ и до и[17]) нынѣ. И паки пришедъ[18]) ангелъ Господень и[19]) глаголя[20]) ему: «Рѣх ти, старче, яко съ Феодосиемъ царемъ имаеши[21]) часть». И въставъ старецъ[22]) рече в[23]) себѣ: «да толико ли[24]) несвершенъ есмь[25]) и непотребенъ предъ Господемь[26]), да убо[27]) аще есть царь благодушенъ и имаеть[28]) добродѣтели и[29]) дѣиства нѣкая[30]), поиду и вижу житие его.

---

1) συγκεόμενος AD^1. 2) οὐκ D^2. 3) εἶδον D^2. 4) ἄρτον οὐκ ἔφαγον D^2. 5) δίψῃ D^1. 6) διανυκτερεύων αἴθριος D^2. 7) μόχους A. 8) μετὰ αὐτοῦ D^1. 9) διάγοντος, τὸ μέρος μου κατετάγη; καὶ ἔπεσεν D^2. 10) πρόσωπον αὐτοῦ ἐν κλαυθμῷ μεγάλῳ ἐνώπιον κυρίου D^2. 11) συντρίβον D^1. 12) *om.* π. κ. D^1D^2. 13) τοὺς τοιούτους D^2. 14) λογήσῃ A, λογήσει D^1. 15) *om.* δ. τ. ε. σ. D^2. 16) πληρωφόρησον A. 17) *om.* D^2. 18) *om.* D^2. 19) ἦλθε φωνὴ D^2. 20) *add.* ὅτι D^1D^2. 21) ἐν ἑαυτῷ· εἰ μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ἔχω μέρος ἢ D^2.

1) (одѣянъ)? *прб.* и *Б.* 2) человѣческа *Б*; *оп. Л.* 3) *оп. Б.* 4) пребывахъ *Л*; пребдѣвая *Б.* 5) імущему *Л.* 6) питие много *Л.* 7) *оп. Л.* 8) *прб.* мужемъ *Л.* 9) достоинъ есмь *Л. Б.* 10) *оп. Л. Б.* 11) *оп. Л. Б.* 12) лице *Л*; лицы *Б.* 13) плачющесь *Л*; плачася *Б.* 14) смири *Л.* 15) *оп. Л. Б.* 16) *оп. Л. Б.* 17) *оп. Л.* 18) пріидетъ *Б.* 19) *оп. Л.* 20) глагола *Л. Б.* 21) імаши *Л. Б.* 22) *прб.* і *Л.* 23) къ *Б.* 24) есмь *Л. Б.* 25) *оп. Л. Б.* 26) Богомъ *Л.* 27) иоу *Л.* 28) иматъ *Л*; имамъ *Б.* 29) *оп. Л.* 30) *прб.* но *Б.*

εἰμι εὐτελὴς καὶ ἀχρεῖος ἐνώπιον κυρίου [1]), ἀπέρχομαι πρὸς αὐτὸν [2]) ἢ πολλάκις ἐκεῖνός ἐστι θαυμαστὸς καὶ ἐνάρετος καὶ πράξεως [3]) ἀγαθῆς ἔμπλεως [4]), ἀπέρχομαι οὖν καὶ θεωρῶ [5]) τὴν πολιτείαν αὐτοῦ.

Καὶ τὴν βακτηρίαν λαβὼν ὁ γέρων ἐν τῇ χειρὶ καὶ τὸ μηλωτάριον [6]), ἐπορεύθη ἐν [7]) Κωνσταντινουπόλει. Καὶ δὴ φθάσας εἰς τὸ παλάτιον τοῦ βασιλέως εἰσῆλθεν [8]). Εὐθέως δὲ ἐμήνυσαν [9]) οἱ σιλεντιάριοι [10]) τὸν βασιλέα [11]) τὴν ἄφιξιν τοῦ γέροντος [12]). Ἐκέλευσε δὲ [13]) ὁ βασιλεὺς εἰσιέναι αὐτόν, ἦν δὲ φιλομόναχος πάνυ ὁ βασιλεὺς [14])· καὶ [15]) ἐξῆλθεν [16]) εἰς ἀπάντησιν τοῦ γέροντος καὶ ἐδέξατο αὐτὸν [17]) μετὰ χαρᾶς. Καὶ ἔβαλον ἀμφότεροι μετάνοιαν ἀλλήλοις [18]), καὶ γενομένης εὐχῆς παρὰ τοῦ γέροντος ἀνέστησαν ἀμφότεροι καὶ [19]) ἔδωκαν [20]) ἀλλήλοις τὸν ἐν Χριστῷ [21]) ἀσπασμόν.

Καὶ κρατήσας ὁ βασιλεὺς τὴν χεῖρα τοῦ γέροντος λέγει πρὸς αὐτόν· πόθεν εἶ, πάτερ, καὶ τίνος χάριν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονας; Ὁ δὲ γέρων εἶπε πρὸς τὸν βασιλέα· ἔγω σοί τι κατ' ἰδίαν εἰπεῖν.

И вземь милотарь свой и [1]) жезлъ свой [2]) в' руку и иде дажъ до Костянтина града. И доспѣвъ пріиде до [3]) царевы полаты. И сказаша [4]) царю о прихоженіи [5]) старчевѣ [6]). И абие повелѣ царь ввести его, понеже и мнихолюбецъ [7]) бѣ царь и зѣло велми [8]) любляше иноческій чинъ. И [9]) изыде въ стретеніе [10]) старцю [11]). И якоже целовашеся [12]) другъ друга.

Рече царь ко старцу: «кия [13]) ради вещи потрудился еси, к' намъ пріиде [14]), честный отче»? Старецъ же рече: «Имамъ на единѣ рещи ти [15])».

1) *add.* ἵνα μετὰ κοσμικοῦ κατασταγῶ D². 2) *om.* ἀ. π. α. D². 3) θαυμαστῆς πράξεως καὶ ἀρετῆς D². 4) ἔμπλεος D¹. 5) θεορῶ A. 6) μιλοτάριον AD¹; ἔλαβεν οὖν τὸ μηλοτάριον αὐτοῦ καὶ τὴν βακτηρίαν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ καὶ D². 7) *add.* τῇ D¹. 8) ἦλθεν D². 9) ἐμύνησαν A, ἐμήνησαν D¹. 10) σελεντάριοι AD¹. 11) τῷ βασιλεῖ D¹D². 12) *add.* καὶ D². 13) *om.* D². 14) *add.* Θεοδόσιος D². 15) *om.* D². 16) *add.* δὲ καὶ αὐτὸς D². 17) ὑπήντησεν αὐτῷ D². 18) *om.* D². 19) *om.* D². 20) *add.* δὲ D². 21) *om.* ἐ. χ. D².

1) *оп. Б.* 2) *оп. Б.*) 3) доспѣ града въ *Б.* 4) сказаше *Л.* 5) прихоженіе *Л.* 6) старче *Л.* 7) мнихолюбивъ *Б.* 8) *оп. Б.* 9) *оп. Л. Б.* 10) царь *Л.* 11) *срб.* входящу в полату *Л*; въ полату *Б.* 12) целовавшу *Б.* 13) и сія *Б.* 14) потрудился пріити къ намъ *Б.* 15) *оп. Б.*

Εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἐν τῷ κουβουχλίῳ λέγει ὁ γέρων τῷ βασιλεῖ[1]· εἰπέ μοι[2]) τὰς πράξεις σου διὰ τὸν κύριον[3]). Λέγει δὲ[4]) πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεύς· ποίας πράξεις σοι ἔχω εἰπεῖν, κοσμικὸς ἄνθρωπος ὤν;

Καὶ λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ γέρων· διὰ τὸν κύριον, τέκνον, εἰπέ μοι ἐν ἀληθείᾳ, πῶς πολιτεύεσαι; Ὁ δὲ βασιλεὺς ὑπέμενε[5]), τῇ ταπεινοφροσύνῃ λέγει[6]) πρὸς τὸν γέροντα· θαυμάζω, πάτερ, πῶς πρᾶξιν[7]) καὶ πολιτείαν ἐπιζητεῖς παρὰ ἀνθρώπου κοσμικοῦ, πράξεις[8]) καὶ πολιτείας[9]) τελείων ἀνδρῶν ἐστιν[10]), οἷος ἦν ὁ ἀββᾶς Ἀντώνιος καὶ[11]) ὁ ἀββᾶς Μακάριος καὶ ὁ ἀββᾶς Παχώμιος καὶ ὁ ἀββᾶς Ποιμὴν[12]) καὶ οἱ ὅμοιοι αὐτῶν· ἐγὼ δέ, πάτερ[13]), ἄνθρωπός εἰμι κοσμικὸς καὶ ἁμαρτωλός· ἰδοὺ γάρ, ὡς ὁρᾷς, βασιλεύς εἰμί.

Καὶ ὁ γέρων εἶπε πρὸς αὐτόν· πίστευσον, τέκνον· ἐγὼ ἔχω διάγων ἐν τῇ ἐρήμῳ πέραν τοῦ Ἰορδάνου ἔτη τεσσαράκοντα σὺν[14]) θηρίοις διάγων[15]) καὶ οὐκ εἶδον πρόσωπον ἀνθρώπου, οὐδὲ ἄρτον ἔφαγον, ἀλλὰ γυμνὸς συγκαιόμενος[16]) τῷ καύσωνι

1) πρὸς τὸν βασιλέα D^1D^2. 2) *add.* τέκνον D^1D^2. 3) *om.* δ. τ. κ. D^1D^2. 4) *om.* D^2. 5) ὑπέμεινε D^1. 6) λέγων D^2. 7) πρᾶξιν D^1. 8) πρᾶξις D^1. 9) πολιτεία D^1. 10) εἰσιν D^2. 11) *om.* D^1. 12) *om.* κ. ὁ. ἀ. Π. D^2. 13) *om.* D^2. 14) *om.* D^2. 15) συνδιάγων D^2. 16) συγκεόμενος καὶ D^1.

Вшедшим же имъ внутреннейшая[1]), глагола старецъ к' нему[2]): «скажи ми, чадо, дѣяния своя». И[3]) рече ему царь: «кая дѣяния имам ти сказати? человѣкъ мирянинъ сый[4])».

И глагола к нему[5]) старецъ: «Господа ради, рци ми по истинѣ и скажи ми житие свое». Царь же[6]) смиренномудриемъ рече[7]) старцю: «Чюжюся, отче святый[8]), како отъ человѣка мирянина ищеши дѣйства и жития, какова любо дѣйства и жития[9]), о[10]) ихже глаголеши[11]) суть съвръшенныхъ мужий[12]) яко[13]) же бѣ авва[14]) Антоній и[15]) авва Макарій[16]) и[17]) авва Пахомий и[18]) авва Пиминъ и подобнии[19]) онимъ[20]); аз же человѣкъ грѣшенъ[21]) сый[22]) и что имамъ глаголати[23])? се бо[24]), яко же[25]) видиши — царь есмь в сей земли».

Старецъ рече к нему: «вѣруй, чадо, якожъ глаголю ти: азъ имамъ[26]) в пустыни обонъ полъ Иердана 40 лѣтъ[27]) съ звѣрми дивими[28]) живущи[29]), и не видѣхъ лица человѣческа[30]), ни хлѣба ядохъ и нагъ прехожю, опаляемъ

1) внутряя *Б*; *прб.* и *Л.* 2) *оп.* *Л.* 3) *оп.* *Б.* 4) есмь *Б.* 5) ему *Л.* 6) *прб.* со *Б.* 7) глагола *Б.* 8) святыни твоей *Л.* 9) к. л. д. и ж. *оп.* *Л.* *Б.* 10) ни *Б.* 11) *прб.* сія *Л.* 12) мужъ *Л*; мужей *Б.* 13) яковъ *Б.* 14) *оп.* *Б.* 15) *оп.* *Л.* 16) *проп. до*: и подобнии *Б.* 17) *оп.* *Л.* 18) *оп.* *Л.* 19) подобьбнымъ *Б.* 20) о немъ *Л.* *Б.* 21) *прб.* в мире *Л.* *Б.* 22) есмь *Б.* 23) *прб.* о себе *Л.* 24) се бо *оп.* *Л.* 25) *оп.* *Л.* 26) есмь *Л.* 27) *оп.* *Л.* 28) дівиими *Л.* 29) живуще *Л.* 30) человѣча *Л.*

τῆς ἡμέρας καὶ τῷ παγετῷ τῆς νυκτός· ἐδεήθην οὖν τοῦ θεοῦ, ἵνα ἀποκαλύψῃ μοι, μετὰ τίνος ἔχω μέρος, καὶ ἀπεκάλυψέ μοι ὁ θεὸς λέγων, ὅτι μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ἔχεις τό [1]) μέρος σου [2])· ἐγὼ δὲ ἀκούσας ἐλυπήθην σφόδρα λέγων· εἰ [3]) μετὰ τοσαῦτα ἔτη καὶ τοσούτους κόπους καὶ τοσαύτην ἄσκησιν μετὰ κοσμικοῦ, ἔχοντος γυναῖκα καὶ διάγοντος ἐν τρυφῇ, τὸ μέρος μου ἔχει καταταγῆναι, ἀλλ' οὐαί [4]) μοι [5]), ὅτι [6]) ἀπωλόμην· ὑπέμεινα [7]) οὖν μετὰ πολλῶν δακρύων δεόμενος τοῦ θεοῦ, ἵνα μοι ἀποκαλύψῃ, μετὰ τίνος ἔχω μέρος, καὶ μεθ' ἡμέρας τρεῖς ἦλθεν ἄγγελος κυρίου πρός μὲ καὶ λέγει μοι· τί οὕτως ἀεὶ ἑαυτὸν [8]) συντρίβῃ [9]), γέρων [10]), εἶπόν σοι, ὅτι μετὰ Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως ἔχεις μέρος· καὶ τοῦτο εἰπών, ὁ ἄγγελος ἀπέστη ἀπ' ἐμοῦ· ἐγὼ δὲ εἶπον ἐν ἑαυτῷ [11])· ὅτι ἐπί [12]) τοσοῦτόν εἰμι ἁμαρτωλὸς καὶ ὁ κόπος τῶν τοσούτων ἐτῶν εἰς μάτην ἐλογίσθην [13]), ἵνα μετὰ κοσμικοῦ ἀνθρώπου [14]) ἔχω μέρος [15])· πάντως ἡ ἀρετὴ τοῦ ἀνδρὸς τελεία ἐστὶ παρὰ κυρίου· ἀπέρχομαι οὖν [16]) καὶ θεωρῶ [17]) τὰ ἔργα [18]) αὐτοῦ· ἰδοὺ οὖν, τέκνον, ἐπληροφόρησά [19]) σε, ὡς εἰδώς, ὅτι ὁ κύριος ἀπέσταλκέ με πρός σέ· μὴ [20])

варомъ дневнымъ и нощнымъ мразомъ остужаемъ, и молихся Богу, да явит ми [1]), с кымъ имамъ часть, и яви ми Богъ, глаголя: яко съ Ѳеодосиемъ царемъ имаеши [2]) часть [3]); аз же се слышавъ, зело оскорбихся, глаголя: яко по толицехъ лѣтехъ и по толицехъ [4]) трудѣхъ и постѣхъ с мирскимъ человѣкомъ, имущимъ [5]) жену и пищу и питание [6]) живущимъ [7]), имамъ часть еще с нимъ [8]), и убо, чадо, се Господь посла мя, да пе уже скрыеши дѣяния своя отъ мене». Царь же, слышавъ се, и вел'ми убояся; поклонися старцю до земля [9]), глаголя: «прости мя, отче».

1) *om.* D^2. 2) *om.* D^2. 3) ὅτι D^2. 4) ἀνάβαλα D^1, ἄβαλαι D^2. 5) ἐμοὶ D^2. 6) *om.* D^2. 7) ὑπέμηνα A, ἐπέμενα D^1, ἔμεινα D^2. 8) *om.* D^2. 9) συντρίβει D^1. 10) *add.* οὐκ D^2. 11) ἐμαυτῷ D^2. 12) ἐπεὶ A. 13) ἐλογίσθη D^2. 14) *om.* D^2. 15) *add.* ἢ D^2. 16) ὃς D^1. 17) θεορῶ D^1. 18) τὸ ἔργον D^1D^2. 19) ἐπληρωφόρησα A. 20) *add.* δὴ D^2.

1) д. я. м. *оп.* *Л.* 2) імаши *Л.* 3) *прб.* и *Л.* 4) л. и п. т. *оп.* *Л.* 5) імущему *Л.* 6) питаньники *Л.* 7) *оп.* *Л.* 8) е. с н. *оп.* *Л.* 9) *прб.* і *Л.*

διακρύψῃς [1]) οὖν [2]) ἀπ' ἐμοῦ τὰς πράξεις σου. Ὁ δὲ βασιλεὺς [3]), ἀκούσας ταῦτα, ἐφοβήθη φόβον μέγαν καὶ ἔβαλε τῷ γέροντι μετάνοιαν λέγων· συγχώρησόν μοι, πάτερ, καὶ εὖξαι διὰ τὸν κύριον.

Καὶ ποιήσαντος εὐχὴν τοῦ γέροντος εἶπεν αὐτῷ ὁ βασιλεύς· ἐγὼ πρὸς τὸ γινώσκειν [4]) σε λέγω [5]), πάτερ· ἔχω ἐν τῇ βασιλείᾳ ἔτη τριανταεννέα [6]) καὶ τριάκοντα ἔτη ἔχω ἔσω φορῶν [7]) κατὰ σάρκα τρίχινον [8]) καὶ [9]) ἔξωθεν [10]) τὴν πορφύραν. Ὁ δὲ γέρων λέγει πρὸς αὐτόν· τοῦτο οὐδέν ἐστιν· ἐὰν ἔχῃς ἄλλο τι [11]), εἰπέ [12]).

Καὶ [13]) ὁ βασιλεύς· ἔχω τριαντα-δύο [14]) ἔτη [15]), οὐκ ἐπλησίασα πρὸς τὴν ὁμόζυγόν [16]) μου, ἀλλ' ἐν ἁγνείᾳ διάγομεν [17]). Καὶ [18]) ὁ γέρων· οὐδὲ τοῦτο [19]), οὐδέν [20]) ἐστιν [21])· ἐὰν [22]) ἔχῃς ἄλλο [23]), εἰπέ.

Ὁ δὲ βασιλεύς [24])· νηστεύω ἡμέρας πέντε [25]), ἔστι δ' ὅτε καὶ διὰ [26]) δύο ἑβδομάδας οὐκ ἐσθίω. Καὶ ὁ γέρων εἶπε πρὸς αὐτόν· οὐδὲ τοῦτό ἐστι τίποτες [27])· ἐὰν ἔχῃς ἄλλο τι [28]),

1) διακρύψας A, κρύψῃς D^2. 2) *om.* D^1D^2. 3) *add.* Θεοδόσιος D^2. 4) γινώσκει D^1. 5) συγχώρησόν μοι, πάτερ, καὶ γεναμένης εὐχῆς παρὰ τοῦ γέροντος εἶπε πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεύς· ἐγὼ D^2. 6) τριάκοντα ἐννέα D^2. 7) ὅτι φορῶ D^2. 8) τὸ κολίκιν D^2. 9) *om.* D^2. 10) *add.* δὲ D^2. 11) τίποτε D^1D^2. 12) εἰπεῖν A. 13) εἶπε δὲ D^2. 14) τριακονταδύο D^2. 15) χρόνους D^1D^2. 16) γυναῖκα D^1D^2. 17) διάγωμεν. AD^1. 18) εἶπε δὲ D^2. 19) *om.* ὁ. τ. D^1. 20) *om.* D^2. 21) *add.* τίποτε D^1D^2. 22) *add.* δὲ D^2. 23) *add.* τίποτε D^2. 24) *add.* εἶπε D^2. 25) ἡμέριον πάντοτε D^2. 26) *om* .D^1. 27) τίποτε D^1. 28) *om.* D^1.

И молитву старецъ сотворивъ, рече царь к нему: «вижь, отче святый, имамъ во царствѣ лѣтъ 39, и в тридесяти лѣтехъ одѣнъ [1]) есми [2]) внутрь вретищемъ, а верху пероиру царскую одевая [3])». Старецъ же рече [4]): «се убо ничтожъ [5]) нѣсть [6]), но глаголи, еже имаеши [7])».

И рече царь: «имамъ 32 лѣта съ женою [8]), не коснухся [9]) ей, но въ чистотѣ пребываемъ оба». И рече старецъ: «и [10]) се ни во чтожъ нѣсть [11]), но рци, еже имаеши [12])».

Царь же рече: «постяся овогда весь день, овогда два дни, овогда три дни, и не снедохъ еще хлѣба отъ царьствия моего [13]), но отъ рукодѣлия своего снедаю хлѣбы [14]):

1) одеянъ *Л.* 2) есмь *Л.* 3) пероирою царьскою одѣянъ *Л.* 4) ст. ж. р. *оп.* *Л.* 5) ни во что же *Л.* 6) есть *Л.* 7) імаши *Л.* 8) *прб.* і *Л.* 9) коснуся *Л.* 10) *оп.* *Л.* 11) есть *Л.* 12) имаши *Л.* 13) своего *Л.* 14) хлѣбъ *Л.*

εἰπέ. Καὶ ὁ βασιλεύς· οὐ[1]) μέμνημαι, ὅτι ἔφαγόν τι[2]) ἐκ τοῦ παλατίου, ἀλλ' ἐκ τοῦ ἐργοχείρου μου[3]) ἐσθίω. ⟨Ὁ δὲ γέρων εἶπε πρὸς αὐτόν· οὐδὲ τοῦτό ἐστι τίποτε· ἐὰν δὲ ἔχῃς ἄλλο τίποτε, εἰπέ.

Εἶπε δὲ πάλιν ὁ βασιλεύς·⟩[4]) ἀπέχομαι[5]) δὲ[6]) λουτρῶν καὶ θυτῶν, καὶ ἐὰν προσέλθῃ μοι[7]) καταπονούμενος, οὐ κενοῦμαι[8]), ἕως[9]) τὸ δίκαιον αὐτοῦ[10]) ἀπονέμω[11])· χηρῶν προΐσταμαι, ὀρφανῶν ὑπερασπίζω καὶ ἑκάστην νύκτα περιέρχομαι τὰς ῥύμας καὶ τοὺς ἐμβόλους καὶ τὰς φυλακὰς τῆς πόλεως καὶ παρέχω πᾶσι τοῖς δεομένοις τὰ πρὸς τὴν χρείαν· καὶ τῶν κακουχουμένων[12]) καὶ λελωβημένων τῷ σώματι[13]) ἰδίαις χερσὶ[14]) λούω καὶ σμήχω[15]) καὶ τὰς ἄλλας χρείας τοῦ σώματος[16]) αὐτοῖς ἐξυπηρετῶ[17]). Εἶπε δὲ πρὸς αὐτὸν ὁ γέρων· καλαὶ μὲν[18]) αἱ πράξεις σου καὶ θαυμασταί, ἀλλ'[19]) ὅμως[20]) πρὸς τὸν σκοπὸν τὸν ζητούμενον παρ' ἡμῖν, οὐδέν εἰσιν[21])· ἐὰν ἔχῃς ἄλλο τίποτε, εἰπέ.

Καὶ[22]) ὁ βασιλεὺς πρὸς αὐτόν[23])· πίστευσον, πάτερ, καθὼς[24]) προεῖπόν

1) διὰ δύο ἡμερῶν ἐσθίω καὶ διὰ τριῶν καὶ διὰ ἑβδομάδος καὶ οὐδὲ D². 2) *om.* D¹D². 3) *om.* D². 4) *ex* D². 5) ἀπήχομαι A. 6) *om.* D². 7) *add.* τις D². 8) *add.* τοῦ τόπου D². 9) *add.* οὗ D¹D². 10) αὐτῷ D². 11) *add.* καὶ D¹. 12) κακουχουμένων D². 13) τὰ σώματα D². 14) *add.* μου D². 15) σμίχω AD¹. 16) *om.* τ.σ. D². 17) ἐξηπερετῶ AD¹. 18) *add.* εἰσιν D². 19) *om.* D². 20) *add.* οὖν D². 21) *add.* δὲ D². 22) εἶπε δὲ D². 23) τὸν γέροντα D². 24) καθὰ D².

пишу̀ книги и пославъ с ними[1]) единого отъ отрочищъ моихъ[2]) продаеть ихъ[3]) и купит' ми яже на потребу телеснуюᵉ. Старец же рече: «и се ни во что жъ бысть[4]), но еще глаголи[5])».

Царь же рече: «егда иду ити в баню[6]), аще слышу нѣкоего обидима человѣка, не движюся отъ мѣста, аще не отрешение сотворя[7]) всякому; и вдовица и сироты[8]) посещающю ми всегда, и нищихъ и убогихъ[9]) по нощемъ[10]) обхожу и[11]) осуженныхъ в' темницю[12]) отъ судища царскаго — сихъ азъ посещаю, приносяще имъ яже на потребу; и прокаженныя же[13]) и стражущая тѣломъ повелѣнием̆ъ, моимъ приходять ко мнѣ, и азъ своима рукама омывая раны ихъ и исцеляя». И рече старецъ къ царю: «вѣрно[14]) убо[15]) добра суть дѣяния сія и блага и чюдна вел'ми, но о нем'же тружаюся и ищу[16]), сия не суть ничтоже ко оному».

И рече паки царь: «повѣм ти[17]) другое, отче святый, яко имамъ

1) и посылаю *I*. 2) *прб.* да *I*. 3) *он.* *I*. 4) есть *I*. 5) *прб.* чадо̀ *I*. 6) іду каио *I*. 7) обидима, скоро отрешение творю *I*. 8) вдовицъ и сиротъ *I*. 9) и н. и у. *повторено* *I*. 10) по н. *он.* *I*. 11) *он.* *I*. 12) темницахъ *I*. 13) *он.* *I*. 14) верна *I*. 15) *прб.* и *I*. 16) ищу *I*. 17) *прб.* і *I*.

σοι [1]), ὅτι εἰμὶ βασιλεὺς ἔτη τριανταεννέα [2]), καὶ ὅταν [3]) γένηται [4]) ἱπποδρόμιον [5]) κατὰ τὸ ἔθος τῆς πόλεως [6]), καθέζομαι ἐγὼ [7]) κατὰ τὸ ἔθος τῶν βασιλέων [8]), φορῶν [9]) τὸ στέμμα [10]) καὶ τὴν πορφύραν, καὶ καλλιγραφῶ· καὶ τῶν δήμων [11]) ἱσταμένων καὶ εὐφημούντων με [12]) καὶ λεγόντων μοι ἐπαίνους, τρεχόντων δὲ [13]) τῶν ἁρμάτων νικώντων [14]) καὶ ἡττωμένων [15]), καὶ εἰς ἀλλήλους διαμαχομένων [16]), τὰς μὲν φωνὰς αὐτῶν [17]) ἀκούω· οὐδέποτε δὲ ἐνικήθην [18]) ὑπὸ τοῦ λογισμοῦ [19]) τοῦ [20]) ἆραι τοὺς ὀφθαλμούς μου καὶ ἰδεῖν, τί πράττουσιν, ἀλλὰ προσέχω τῇ μελέτῃ καὶ τῷ ἐργοχείρῳ [21]), μηδέποτε ἀνανεύων εἰς τὸ παντελές· καὶ ὅτε γίνεται νίκος, ἀποδίδωσί [22]) μοι τοὺς στεφάνους οἱ παριστάμενοι [23]), καὶ [24]) παρέχω βραβεῖα τοῖς νικήσασι, μὴ θεωρῶν [25]) πρόσωπον οὐδέποτε [26]) ἀνθρώπου, ἀλλὰ πάντοτε κάτω νεύων· παρακαλῶ σε οὖν, πάτερ [27]), μὴ σκανδαλισθῇς ἐν ἐμοί· ἄνθρωπος γάρ εἰμι ἁμαρτωλός, δεόμενος τῆς παρὰ τοῦ θεοῦ [28]) ἀντιλήψεως καὶ διὰ τῆς ἀχ-

1) ἔχω D². 2) τριακονταεννέα D². 3) ὅτε D². 4) γίνεται D². 5) ἱπποδρόμην D¹. 6) πολιτείας D². 7) κἀγὼ D². 8) *om.* τ. β. *add.* καὶ D². 9) φορὼν A, φορῶ D². 10) στέφος D². 11) δημίων AD¹. 12) *om.* D². 13) *om.* D². 14) νικόντων AD¹. 15) ἡττομένων AD¹. 16) *om.* κ. ε. ἀ. δ. D². 17) *om.* D². 18) ἐνικήχήθην D¹, ἐνίκησέ με D². 19) ὁ λογισμός μου D². 20) *om.* D². 21) ἐργωχείρῳ D¹. 22) ἐπὰν δίδωτι D². 23) πατρίκιοι D². 24) *om.* D². 25) θεορῶν D¹. 26) *om.* D². 27) ἀββᾶ D². 28) κυρίου D².

въ царстве [1]) семъ [2]) 39 лѣтъ, якожъ рѣх ти преже, да егда быває̀ть сристание кон'ное на подроме во всѣхъ властехъ и воины [3]) яже суть по обычаю царствия, и тако всему народу на позоръ [4]) собравшуся, сѣдя и азъ [5]) на престолѣ своемъ ту посреди [6]), никакожъ не внимающе, ни послушающе [7]) толикыхъ гласъ и громовъ яже во оружии отъ конѣй [8]) сристающихся, и всему народу на побѣдахъ храборьскихъ [9]) онѣхъ мнѣ хвалу воздающе; и сицевымъ всѣмъ бывающимъ, и [10]) мнѣ ту сущу въ проѳире [11]) царской, се твоими молитвами святыми неуклон'но сѣдя умомъ и пишу свое рукодѣлие дѣлающе [12]), и [13]) никакоже мя победи помыслъ [14]) възрѣти на таковая чюдная, яже удивляють всякъ умъ, но внимая себѣ и [15]) молитвѣ своей и своему окаян'ному несоврьшению; да егда будеть подати ми венца побѣдникомъ по закону, тогда убо се вижю в руку моею патрікіемъ

1) царстві *Л.* 2) *оп. Л.* 3) ристаніе коньское і храбрыхъ собранія воинъ і вся *Л.* 4) на п. *оп. Л.* 5) *прб.* по закону *Л.* 6) посреде *Л.* 7) не внимаю, ни послушаю *Л.* 8) конецъ *Л.* 9) храбрьскихъ *Л.* 10) *оп. Л.* 11) переире *Л.* 12) *оп. Л.* 13) *оп. Л.* 14) *зачеркнуто* сребролюбія *Л.* 15) *оп. Л.*

ράντου αὐτοῦ μητρὸς τῆς ἁγίας θεοτόκου ἐλπίζω σωθῆναι. Ὁ δὲ γέρων, ταῦτα ἀκούσας, ἐξέστη τῇ διανοίᾳ [1]) ἐν [2]) ἐκστάσει μεγάλῃ [3]) σφόδρα, καὶ πεσὼν ἐπὶ πρόσωπον εἰς τὴν γῆν, προσεκύνησε τῷ βασιλεῖ λέγων· μακάριος εἶ, τέκνον, ὅτι τοιαύτης χάριτος ἠξιώθης, χάρις δὲ τῷ θεῷ ἐπὶ τῇ ἀνεκδιηγήτῳ αὐτοῦ δωρεᾷ, ὅτι τὸ μέρος μου μετὰ σοῦ [4]) ἐπηγγείλατο [5])· ἐπ' ἀληθείας πεπληροφόρημαι [6]), ὅτι οὐκ ἐπλανήθην, οὔτε ἀπώλεσα τοὺς κόπους μου· ἐγὼ γάρ, τέκνον, μὰ τὴν ἀγάπην, εἰς τὸ μέτρον [7]) τῆς ἀρετῆς ταύτης [8]) οὐκ ἔφθασα, ἀλλ' εὔχου ὑπὲρ ἐμοῦ διὰ τὸν κύριον.

1) *add.* αὐτοῦ D². 2) *om.* D¹D². 3) ἔκστασιν μεγάλην D². 4) *add.* κατατάξαι D². 5) ἐπιγγείλατο AD¹. 6) πεπληρωφόρημαι D¹. 7) μέρος D². 8) *om.* D².

предстоящимъ вдаютмися венца на раздаяние побѣдникомъ [1]), никакожъ не [2]) взирающу ми на лица человѣча, но долу [3]) на землю зрящи [4]), подаю имъ [5]) своима рукама [6]), и молютися уже [7]), отче святый, окаан'ный и грѣшный азъ, да не соблазнишися о многоглаголаніи моемъ, ибо [8]) азъ человѣкъ есмь грѣшенъ, и молюся Господу Богу моему помиловати мя и уповаю спастися молитвами и заступленіемъ пречистыя Матере его». Старецъ же, таковая умная дѣяния его слышавъ и во изступленіи бывъ и в велицемъ [9]) удивленіи, и рече ко царю: «о чадо, божествено есть [10]) дѣяние твое, блаженъ еси, добро тебѣ будеть, яко таковѣй [11]) благодати сподобилъся еси». И тако падъ на земли, старецъ поклонися цареви и рече: «благодарю Господа Бога моего о неисповедаемыхъ [12]) дарѣхъ его, яко часть мою с тобою счинити [13]) обеща, и [14]) по истинне се известихся, яко нѐ прелстихся, ниже погубихъ труды своя [15]), нынѣ же в таковѣй [16]) чести и мире [17]) добродѣтели [18]) толицѣхъ сподобихся азъ [19]); еще моли же [20]) о мнѣ, чадо, Господа ради».

1) д. е. б. п. м. в. п. п. з. т. у. с. в. в. р. м. п. пр. в. в. н. р. п. *оп. Л.* 2) *оп. Л.* 3) доле *Л.* 4) зрящу *Л.* 5) *оп. Л.* 6) руками своими *Л.* 7) *оп. Л.* 8) и *Л.* 9) бывъ велице и *Л.* 10) е *Л.* 11) такове *Л.* 12) неисповѣдимѣхъ *Л.* 13) *оп. Л.* 14) *оп. Л.* 15) *прб.* и *Л.* 16) таковой *Л.* 17) или мѣре *Л.* 18) *прб.* і *Л.* 19) *оп. Л.* 20) *оп. Л.*

Λέγει δὲ [1]) πρὸς τὸν γέροντα ὁ βασιλεύς· αὐτὸς μᾶλλον [2]), πάτερ [3]), ὡς καταλείψας [4]) πάντα τὰ τοῦ βίου καὶ ἀπερισπάστως δουλεύεις [5]) τῷ θεῷ [6]), εὖξαι ὑπὲρ ἐμοῦ, ἵνα [7]) καταξιωθῶ ἐν τῇ ποίμνῃ τοῦ Χριστοῦ εὑρεθῆναι [8]). Ὁ δὲ γέρων ἐπευξάμενος τῷ βασιλεῖ, ὑπέστρεψεν ἐν τῇ ἐρήμῳ [9]), δόξαν ἀναπέμπων Χριστῷ τῷ θεῷ ἡμῶν [10]), ἀμήν.

Глагола ему царь: «ты убо паче инокъ сый [1]), остави [2]) в'се [3]), беспечално молишися Богу, работаеши [4]) Господеви [5]); молися [6]) о мнѣ [7]), яко да [8]) сподобленъ буду въ стадѣ Христовѣ вчинитися [9])». Старецъ же, благословивъ царя, абие во свою пустыню [10]) възвратися, славяще и благодаряще Бога [11]), аминь.

Въ этой Повѣсти діалогическая форма не оригинальна, почти всѣ добродѣтели царя общи вышеназваннымъ мірянамъ (объ остальныхъ скажемъ ниже), тенденція таже, что и выше. Путемъ предыдущихъ сказаній можно отчасти объяснить себѣ появленіе и самыхъ именъ въ нашей Повѣсти: въ Лугѣ авва *Іорданъ* разсказываетъ повѣсть о мірянинѣ *Θеодорѣ*, здѣсь предлагается повѣсть объ *іорданскомъ* аскетѣ и царѣ *Θеодосіи*. Если первое сопоставленіе нагляднымъ образомъ говоритъ о связи между сказаніями, то второе нуждается въ объясненіи, тѣмъ болѣе что является не просто міряниинъ Θеодосій, а именно царь Θеодосій. Поэтому необходимо коснуться личности императора и выяснить вопросъ о томъ, какимъ образомъ и когда царь могъ найти себѣ мѣсто въ агіографической или патериковой литературѣ, другими словами опредѣлить время появленія Повѣсти.

Императоръ Θеодосій, внукъ Θеодосія Великаго, родился въ 401 году, вступилъ на престолъ въ 408-мъ. Питомецъ духовенства и персидскаго евнуха Антіоха, Θеодосій почти всю свою жизнь находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей набожной сестры Пульхеріи, сумѣвшей воспитать брата въ правилахъ религіозной жизни и не сумѣвшей преподать ему науки государственной. Наученный взамѣнъ того манерамъ, какъ держать себя въ различныхъ случаяхъ сообразно своему высокому положенію, онъ пріобрѣлъ кой-какія познанія въ астрономіи и строительномъ искусствѣ, любилъ охоту, стрѣльбу и верховую

---

1) *om.* D². 2) μάλιστα D². 3) καλόγηρε D¹D². 4) καταλίψας AD¹. 5) δουλεύων D². 6) Χριστῷ D². 7) *add.* κἀγὼ D². 8) καταταγῆναι D². 9) εἰς τὴν ἰδίαν ἔρημον D². 10) δοξάζων τὸν θεόν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων D².

1) еси *Л.* 2) оставивъ *Л.* 3) вся *Л.* 4) молися работающи *Л.* 5) *прб.* и *Л.* 6) *прб.* убо *Л.* 7) *прб.* отче *Л.* 8) *прб.* и азъ *Л.* 9) Христовѣхъ овѣцъ *Л.* 10) своя пустыня *Л.* 11) *прб.* о всѣхъ сихъ *Л.*

ѣзду, но совершенно не интересовался дѣлами управленія и подписывалъ бумаги, не читая ихъ. Съ благочестіемъ дѣда Ѳеодосій унаслѣдовалъ неспособность отца, какъ государя, и если его долговременное царствованіе прошло въ сравнительномъ покоѣ, то главнымъ образомъ благодаря искусной политикѣ его генераловъ; достаточно было имѣть во главѣ такихъ опытныхъ государственныхъ людей, какъ Анѳемій, чтобы и внутри имперіи держалось спокойствіе, прерываемое подчасъ лишь догматическими спорами. Самъ по себѣ Ѳеодосій пожалуй бы и не женился, но почти все дѣлавшая за него Пульхерія внушила брату мысль о необходимости женидьбы. Ѳеодосій полюбилъ Аѳинаиду, потому что предварительно полюбила эту блестяще образованную и ученую аѳинянку Пульхерія. Послѣ брака (421 г.) Ѳеодосій оказался въ рукахъ не одной, а двухъ женщинъ, изъ которыхъ каждая желала всецѣло овладѣть слабою волею императора. Потерявъ голову, онъ предоставилъ сестрѣ и женѣ сводить свои счеты и распоряжаться судьбами имперіи. Глухая борьба между женщинами изъ-за власти длилась очень долго. Пульхерія изобрѣла способъ унизить свою соперницу, подсунувъ для подписи императору указъ о переходѣ Аѳинаиды въ служанки къ Пульхеріи; но Аѳинаида не осталась въ долгу и быть можетъ такимъ же способомъ выгнала Пульхерію изъ дворца. Затѣмъ роли перемѣнились: Пульхерія вернулась во дворецъ, а Аѳинаида-Евдокія, заподозрѣнная въ измѣнѣ, принуждена была, подъ видомъ богомолья, идти въ почетную ссылку въ Палестину; Ѳеодосій до самой смерти своей (450 г.) прожилъ полумонахомъ. Онъ обратилъ дворецъ свой въ монастырь и вмѣстѣ съ сестрами проводилъ время въ молитвѣ; любимымъ дѣломъ его была бесѣда съ духовенствомъ и во время разговоровъ царь самъ уподоблялся духовному лицу; подвижниковъ онъ любилъ въ особенности, а мягкостью и правдивостью своего характера превосходилъ будто-бы всѣхъ людей [1]). Такими сторонами своего характера онъ расположилъ къ себѣ современниковъ: Сократъ, Созоменъ восхваляли его и посвящали ему историческія хроники.

Въ таковыхъ общихъ чертахъ представляется личность Ѳеодосія подъ перомъ современниковъ. Въ болѣе поздней литературѣ религіозность его доводится до крайности съ примѣсью сантиментальности. Причиною, почему царь былъ облюбованъ позднѣйшею литературою,

1) *Socrat.* ap. Migne t. 67 col. 785, 832 (повторено Никиф. Каллистомъ, ap. Migne t. 146 col. 1064).

какъ кажется, послужилъ слухъ о невѣрности знаменитой Аѳинаиды. Начиная съ VI и кончая XV вѣкомъ имя это не сходило со страницъ византійской хронографіи, вѣроятно жило и въ народной памяти, отзвуки чего сохранились во французско-нѣмецкихъ поэмахъ XII вѣка, а въ наше время послужило предметомъ цѣлой монографіи (Ф. Грегоровіуса), въ которой мастерски очерчена личность дочери Леонтія въ связи съ умственнымъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ того времени. По мѣрѣ того, какъ вопросъ о невѣрности Аѳинаиды подвигался далѣе, и личность Ѳеодосія становилась все болѣе рельефною. Уже современники объясняли миръ имперіи правдивостью ея государя; въ IX вѣкѣ благочестіе царя представлялось въ такой степени, что по молитвѣ его ангелъ Господень въ видѣ пастыря показывалъ дорогу его полководцу Аспару [1]); отъ X и XI вѣковъ мы имѣемъ повѣсть о немъ, записанную инокомъ Георгіемъ и повторенную Георгіемъ Кедриномъ, изъ которой можно заключить, что царь тяготился у кормила правленія и вздыхалъ о суетѣ земнаго величія, завидуя отшельникамъ и аскетамъ, стоящимъ вдали отъ мірскихъ заботъ. «Царь отправился на охоту, скрылся отъ всѣхъ своихъ провожатыхъ и пришелъ дальнею дорогою въ келлію къ одному монаху, жившему вблизи окрестностей Константинополя. Старецъ узналъ его, но принялъ какъ одного изъ воиновъ. Когда царь отъ пути и зноя почувствовалъ изнеможеніе, старецъ расквасилъ хлѣбъ и влилъ уксусъ и (деревянное) масло; царь ѣлъ и пилъ воду. И говоритъ монаху: Отче, ты знаешь, кто я? Монахъ отвѣтилъ: Богъ тебя знаетъ. И царь сказалъ: Я — царь Ѳеодосій. И возставъ, старецъ поклонился ему. Царь сказалъ: Блаженны вы поистинѣ мнихи, не знающіе заботъ мірскихъ; поистинѣ говорю тебѣ, отче: Я родился во дворцѣ, но никогда не вкушалъ хлѣба и питья съ удовольствіемъ, какъ нынѣ. А народъ спѣшилъ и прежде всего достойно почтилъ старца; и царь повелѣвъ, чтобы всѣ удостоились его молитвы, удалился въ путь свой съ миромъ. И съ того времени царь очень почиталъ его. А старецъ, возставъ, поспѣшно ушелъ и снова прибылъ въ Египетъ» [2]). Что эта Повѣсть не оригинальна, что это есть неудачная компиляція какихъ-то предшествовавшихъ о немъ сказаній, доказывается на личности монаха, который представляется въ началѣ аскетомъ, жившимъ около Константинополя, а въ концѣ — пришедшимъ и снова вернувшимся

1) *Theoph.* Chronogr., ed. de *Boor*, I. 84.
2) *Georg.* ed. *Muralt*, p. 501—502; *G. Cedren.* I. 595—596.

въ Египетъ. Въ XIV вѣкѣ, подъ перомъ Никифора Каллиста, Ѳеодосій представляется уже святымъ, котораго боготворило духовенство

Мнихолюбіе царя и почтительный пріемъ имъ аскета въ Повѣсти описаны по общему типу: такъ принималъ имп. Анастасій св. Савву [1]), такъ принималъ имп. Никифоръ Фока св. Аѳанасія Аѳонскаго [2]). Въ новогреческомъ текстѣ житія св. Аѳанасія по русскому переводу: «Царь, услышавъ, что явился къ нему другъ его, много тому обрадовался, но и стыдился видѣться съ нимъ въ достоинствѣ царя вмѣсто инока. Посему вставъ съ царскаго трона, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу не какъ царь, но какъ частный человѣкъ и встрѣтилъ его со многимъ смиреніемъ. Дружески привѣтствовавъ Аѳанасія, онъ взялъ его за руку и повелъ во внутреннѣйшіе свои чертоги» [3]).

Слѣдующею особенностью императора служитъ его необычная аскеза. Въ повѣсти объ Евхаристѣ мы уже видѣли примѣры подобнаго изнуренія плоти; можно указать еще въ Лавсаикѣ на іерусалимскую дѣвственницу, носившую шесть лѣтъ власяницу, и пр. Такимъ образомъ основнымъ источникомъ для этой части Повѣсти могли быть опять таки патериковыя статьи, но пріуроченныя къ Ѳеодосію не съ достаточнымъ основаніемъ. Сократъ разсказываетъ о немъ анекдотъ: *λέγεται δὲ, ὅτι τοῦ Χεβρῶν ἐπισκόπου ἐν Κωνσταντίνου πόλει τελευτήσαντος, στάγιον (σάγιον) ἐπιζητῆσαι καὶ σφόδρα ἐρρυπωμένον περιβαλέσθαι, πιστεύσας μεταλαβεῖν τι ἐκ τῆς τοῦ τελευτήσαντος ἁγιότητος* [4]). Никифоръ Каллистъ, пересказывая его, выражается, что по смерти одного боголюбиваго епископа Ѳеодосій попросилъ его *σάγιον πολλῷ ῥύπῳ συγκεχωσμένον, καὶ ὑποκάτω τῆς βασιλικῆς χλαμύδος φορεῖν, εὔελπις ὤν, ὥς τι θηράσοι τῆς ἐνούσης τἀνδρὶ ἁγνότητος* [5]). По Сократу, Ѳеодосій только покрывался мантіею, по Никифору — уже носилъ ее подъ царскою порфирою,—это было уже равнозначущимъ власяницѣ. Аналогичный примѣръ мы знаемъ изъ жизни имп. Никифора I, покрывавшагося

---

1) Житіе св. Саввы. соч. Кирилла Скиѳопольскаго, изд. И. В. Помяловскаго. Спб. 1890 стр. 270, 272—274.

2) Житіе преп. Аѳанасія Аѳонскаго, изд. И. В. Помяловскаго. Спб. 1895 стр. 43: ср. *Leo* diaconus, ed. Hase, Paris 1818 p. 30; въ службѣ Никифору Фокѣ: П. Сырку. Визант. повѣсть объ убіеніи имп. Никифора Фоки. Спб. 1883 стр. 64.

3) Аѳонскій патерикъ. Спб. 1860, I. 113.

4) Migne. Patr. gr. t. 67 col. 788.

5) Migne. Patr. gr. t. 146 col. 1064.

мантіею своего друга, св. Георгія Амастридскаго[1]), и имп. Никифора II Фоки, который покрывался мантіею своего дяди, св. Михаила Малеина: ἐπ' ἐδάφους ὑποστρωννύων δέρμα παρδάλεως, καὶ κοκκοβαφῆ πῖλον, ἐπὶ τούτων ἐκάθευδε, μανδύῃ τῷ τοῦ μοναχοῦ Μιχαὴλ καὶ θείου αὐτοῦ, ᾧ Μαλεῖνος ἐπώνυμον, ἄνωθεν ἐπικαλύπτων αὐτοῦ τὸ σωμάτιον[2]). Отсюда позднѣйшія легенды стали передавать, что Никифоръ Фока носилъ ῥάκος τι τρίχινον, ὃ ἐν χρῷ περιέκειτο, τῇ ἔξωθεν αὐτοῦ περιβολῇ καλυπτόμενον[3]),

ὡς τρύχειν τὸ σωμάτιον ἀκανθοκέντρῳ ῥάκει
καὶ τὸν χιτῶνα τὸν σκληρὸν κρύπτειν τῇ πορφυρίδι[4]),

«носилъ золотую порфиру, но на тѣлѣ его была рубаха изъ волны»[5]), «онъ носилъ на голое тѣло власяницу, прикрываемую багряницею, которую онъ одѣвалъ»[6]). На русской почвѣ нѣкоторую параллель Ѳеодосію и Никифорамъ представляетъ князь Николай Святоша (1080—1143), съ тою только разницею, что и самъ онъ, и братъ его Изяславъ носилъ его власяницу до дня своей роковой кончины (1161)[7]). Что касается до датъ, то онѣ не имѣютъ точно-опредѣленнаго характера: если Ѳеодосій царствуетъ 39 лѣтъ, то значитъ, повидимому, что разговоръ его со старцемъ имѣлъ мѣсто въ 447 году; если онъ носитъ власяницу 30 лѣтъ, то выходитъ, что онъ впервые надѣлъ ее въ 417 году; но дальнѣйше изложенныя соображенія противорѣчатъ этому. Что Ѳеодосій 30 лѣтъ носитъ власяницу, этого было недостаточно для сравненія его съ аскетомъ, который въ теченіе 40 лѣтъ подвергалъ себя еще большему изнуренію, живя со звѣрями, опаляемый жарою и остужаемый холодомъ.

Не менѣе любопытно свидѣтельство нашей Повѣсти о чистотѣ, въ которой жилъ Ѳеодосій со своею супругою, будто бы онъ не прикасался къ Аѳинаидѣ. Историческій Ѳеодосій имѣлъ отъ Евдокіи дочь Евдоксію, которую впослѣдствіи выдалъ замужъ за имп. Валентиніана.

---

1) В. Васильевскій. Русско-византійскія изслѣдованія. Спб. 1893, II. 56: λάθρα τὸ ἐκείνου περιβάλλεσθαι χιτώνιον καὶ τριβώνιον καὶ τῆς αὐτοῦ ἡγεῖσθαι τουτο βασιλείας φυλακτήριον καὶ κραταίωμα.

2) Leo Diaconus, ed. Hase, p. 51; ср. G. Schlumberger, p. 315.

3) Zonar., ed. Dindorf. IV. 75.

4) Const. Manass. ed. Bonn. p. 245—246; славянскій пер. у П. Сырку, стр. 72.

5) Михаилъ Мокса, у П. Сырку, стр. 75.

6) Matthieu d'Edesse, y Dulaurier. Chronique, p. 5 (Сырку, 3).

7) В. Яковлевъ. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. Спб. 1872, стр. CIV—CV; ср. Карамзинъ II. 179. Не на этихъ ли древнихъ примѣрахъ основана примѣта: кто получаетъ въ даръ отъ монаха рясу, тотъ скоро умираетъ?

Сократъ говоритъ о немъ только: κρατῶν ἡδονῆς[1]), но отсюда было еще далеко до воздержанія плоти. Источникомъ легенды послужили, безъ сомнѣнія, указанныя повѣсти изъ Лавсаика, Луга и другихъ памятниковъ, цѣль которыхъ—доказать богоугодность воздержанія отъ половаго сношенія съ женою. Мысль эта занимала умы начиная съ давняго времени: въ III в. св. Хрисанѳъ и Дарія проводили брачную жизнь по взаимному соглашенію безъ сообщенія; также поступали: свв. Амунъ, Меланія Младшая, Магна и пр.[2]); пресвитеръ, воздерживавшійся отъ opus conjugale, прославился святостью и былъ освобожденъ изъ заточенія ангеломъ Господнимъ[3]); Халкопратійскій сапожникъ (или кузнецъ), воздерживавшійся отъ сношенія съ женою, творилъ чудеса и церковныя двери передъ нимъ открывались сами собою[4]); константинопольскій вельможа, «работавшій царскія работы и попеченіе имѣвшій о нѣкихъ царскихъ потребахъ», не имѣвшій сношенія съ женою, отличался подобною же святостью[5]); Евстаѳій въ Лавсаикѣ четыре года не сообщался съ женою и наконецъ ушелъ въ монастырь[6]). У насъ на Руси проводили брачную жизнь безъ сообщенія (или, какъ выражается Н. Лѣсковъ, по закону любви совершенной): свв. Макарій Калязинскій, Евфросинія Полоцкая, Юліанія Лазаревская. Кромѣ того черта супружескаго воздержанія могла быть перенесена на Ѳеодосія съ его преемника имп. Маркіана, который, какъ извѣстно, женился на сестрѣ Ѳеодосія Пульхеріи и вступилъ на царство подъ условіемъ несообщенія съ женою; наконецъ черта эта имѣетъ извѣстную аналогію въ отношеніи къ имп. Никифору Фокѣ, который отъ первой жены имѣлъ сына, но овдовѣвъ, хотѣлъ было идти въ монастырь, но затѣмъ, изъ политическихъ видовъ женился на незнатной вдовѣ лакедемонянкѣ Анастасіи (Ѳеофанѣ), бывшей когда-то кабачицею. Современные писатели свидѣтельствуютъ, что онъ былъ или не способенъ къ брачной жизни, или, воздерживаясь отъ употребленія мяса и предаваясь полному воздержанію, не хотѣлъ имѣть сношенія съ женою. По Повѣсти о Никифорѣ Фокѣ, Ѳеофана намекала ему на потребность полового сношенія, но получила отъ него неожи-

1) Migne. Patr. gr. t. 67 col. 785.

2) Палладій, стр. 29, 346, 354.

3) Іоаннъ Мосхъ, гл. 108.

4) Цвѣтникъ.

5) Рук. нашего собранія, XVII в. л. 275—281.

6) Рук. нашего собранія, XVII в., л. 294; у Палладія (стр. 320) повѣсть объ Евстаѳіи иная.

данный отвѣтъ: «мльчи, Θеофано, пожди мало, дондеже иду въ Іерусалимь, и поклонясь за себе и за тебе, да егда пріиду, сътворя себе игумена и тебе игуменицу, и наша душа спасовѣ, а о томъ что будеть намъ» [1])? Аналогія Θеодосія и Никифора Фоки и здѣсь имѣетъ мѣсто по отношенію къ нашему князю Николѣ Святошѣ, съ тою только разницею, что тѣ жили въ мірѣ, удаляясь отъ общенія со своими женами, а Никола, оставивъ жену, дѣтей и княжество, заключился въ монастырѣ.

Θеодосій увѣрялъ іорданскаго аскета, что вотъ уже 32 года онъ живетъ съ женою въ полной чистотѣ, но такое представленіе немыслимо (421 + 32 = 453, Θеодосій † 450) и противорѣчитъ ранѣе указанной датѣ — разговору ихъ въ 39-мъ году царствованія (408 + 39 = 447). Отсюда слѣдуетъ, что или обѣ даты 39 и 32, или одна изъ нихъ (конечно 32) ошибочны. Для объясненія ихъ, быть можетъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ иному толкованію, а именно, что 39 означаетъ число лѣтъ не царствованія, а возраста Θеодосія, а 32 — означаетъ число лѣтъ не супружеской жизни, а царствованія императора. При такомъ толкованіи всѣ даты приводятъ къ единству представленія: Θеодосій бесѣдовалъ съ монахомъ въ 440 году, до этого времени онъ и жилъ съ супругою въ чистотѣ. Впрочемъ заявленіе императора нисколько не удивило аскета, который въ теченіе сорока лѣтъ самъ стоялъ далеко отъ плотскихъ наслажденій.

Къ числу другихъ добродѣтелей Θеодосія относится его воздержаніе отъ пищи и снискиваніе пропитанія посредствомъ рукодѣлья; но и эти черты не поразили пустынника, который самъ поступалъ точно такимъ же образомъ: постился и работалъ. Подобныя качества совершенно въ духѣ Патерика и Лавсаика, гдѣ также находимъ посты, прокармливаніе себя трудами своихъ рукъ, переписку и продажу книгъ и т. д. По Сократу, царь νηστεύειν τε τὰ πολλὰ καὶ μάλιστα τὰς καλουμένας τετράδας καὶ παρασκευὰς ἡμέρας [2]), по легендѣ, онъ постился будто бы отъ одного дня до двухъ недѣль; по Сократу, Θеодосій συνῆγε καὶ τὰς βίβλους τὰς ἱεράς, которыя читалъ, но Манассіи, βίβλοις ἀεὶ σχολάζων [3]), по Никифору, занимался книгами при свѣтѣ искусно устроенныхъ лампъ, по легендѣ, онъ является превосходнымъ писцомъ, получившимъ прозваніе «каллиграфа». Начиная съ XI вѣка Θеодосій ха-

1) П. Сырку, стр. 112.
2) Migne. Patr. gr. t. 67 col. 785.
3) Manasses, Bonn. 1837 p. 117.

рактеризуется какъ πρὸς τὴν γραφικὴν καὶ τὴν πλαστικὴν δεξιῶς εἶχεν[1]), въ XIII вѣкѣ является уже Θεοδόσιος ὁ καὶ καλλιγράφος[2]). О переписке имъ рукописей наша Повѣсть говоритъ только въ славянскомъ переводѣ: въ греческомъ пропускъ, но, какъ кажется, случайный (ср. καλλιγραφῶ). Что въ Византіи въ XIV в. существовала легенда, что нѣкоторыя изъ рукописей писаны имп. Ѳеодосіемъ, доказывается свидѣтельствами съ разныхъ сторонъ. Никифоръ Каллистъ пишетъ: ἔγραφε δὲ καὶ εἰς κάλλος ἐξαίσιον, ὡς καὶ ἐς δεῦρο πολλὰ τῆς ἐκείνου χειρὸς διασώζεσθαι, τὴν τοῦ χρόνου φύσιν ὑπερνικήσαντα. Εὐαγγέλια καὶ ἄλλ' ἄττα χρυσοῖς κατεστιγμένα διόλου τοῖς γράμμασιν, ἐν σταυροῦ σχήματι τὰς σελίδας τῶν γραφομένων διατυπῶν. ἐξ ὧν λόγος πόνοις ἰδίοις καὶ τὸ ζῆν ἐκπορίζεσθαι[3]). Латинскій переводчикъ слово λόγος перевелъ «fama est», но едва ли точно: λόγος — литературный источникъ, а не молва; не назвалъ ли Никифоръ λόγος'омъ разбираемую нами Повѣсть, которая въ томъ спискѣ, который онъ имѣлъ подъ руками, могла быть озаглавлена Λόγος ψυχωφελής. Нашъ русскій паломникъ, діаконъ Игнатій, описывая святыни Константинополя, также замѣчаетъ: «идохомъ въ Пандократорскую церковь и въ сосудохранительницѣ видѣлось святое Евангеліе, писано все златомъ рукою Ѳеодосія царя Малаго»[4]). Синайскіе иноки даже въ 1881 году, показывая писанное золотомъ съ миніатюрами Евангеліе № 204 (X—XI в.) Н. П. Кондакову, сообщали, что оно написано царемъ Ѳеодосіемъ, но прибавляли уже: Ѳеодосіемъ III (716—717); очевидно, память имъ измѣнила, и преданіе о Ѳеодосіи II незамѣтно стало преданіемъ о Ѳеодосіи III, которому поспѣшили дать также эпитетъ Хрисографа[5]). На русской почвѣ нѣкоторую аналогію Ѳеодосію представляетъ опять таки князь Никола Святоша, о которомъ извѣстно, что онъ безмѣрно постился и

---

1) Cedren. I. 587; Zonar. III. 244; Ephraem. p. 37.

2) Joel, ed. Bonn. p. 40. По поводу каллиграфическаго искусства смиренномудраго Ѳеодосія припоминаемъ монашеское правило: ὁ δὲ καλλιγράφος χρείαν ἔχει ταπεινοῦν τὴν καρδίαν· τὸ γὰρ πρᾶγμα ὑψηλοφροσύνην φέρει τοῖς μὴ προσέχουσι (старчество: Παύλου Συναγωγή, II. 24).

3) Migne. Patr. gr. t. 146 col. 1064. Ф. Грегоровіусъ (Athenaïs 1882[2] S. 99) повѣрилъ Никифору и легенду выдалъ за историческій фактъ: «Ѳеодосій писалъ рукописи золотыми буквами такъ чисто и украшалъ миніатюрами такъ искусно, что льстецы и насмѣшники (Spötter) озаботились прозвать его «каллиграфомъ». Еще въ XIII вѣкѣ показывали кодексы, писанные его рукою, именно Евангелія, текстъ которыхъ на каждой страницѣ написанъ въ формѣ креста».

4) И. Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, Спб. 1849, II. 8 стр. 102; Православн. Палест. Сборникъ, вып. XII.

5) Н. Кондаковъ. Путешествіе на Синай. Одесса 1882, стр. 104, 130.

«вся лѣта чернечества его не видѣ никтоже николиже праздна, но рукодѣліе въ рукахъ своихъ...; суть же и книгы его многы и до нынѣ»[1]).

Слѣдующею особенностью характера Θеодосія было заступничество его за обидимыхъ; но это слишкомъ общая черта, чтобы на ней останавливаться. Равнымъ образомъ тоже должно сказать и о его страннопріимствѣ, посѣщеніи имъ вдовъ, сиротъ, нищихъ и заключенныхъ. Въ этомъ случаѣ царь уподоблялся старшинѣ въ извѣстномъ уже намъ разсказѣ Палладія о Пафнутіи, напоминалъ Никомидійскаго архіепископа Θеофилакта (IX в.), о которомъ разсказывается въ его Житіи: ἐν δὲ τῇ ἕκτῃ ἡμέρᾳ τῆς ἑβδομάδος λουτρῷ τούτοις τῶν πόνων τὴν ἴασιν ἐδαψίλευε· λέντιον γὰρ χριστομιμήτως διαζωννύμενος εὐχῆς καὶ ὁλονύκτου ἱκεσίας τελουμένης καὶ φιάλης τῷ λουτρῷ θερμῶν προκειμένης ὑδάτων πάντας τοὺς νόσῳ κατειλημμένους καὶ λώβῃ βαρείᾳ πιεζομένους οἰκείαις χερσὶ προθύμως ἀπέσμηχε[2]); а равно имп. Никифора Фоку, который по словамъ Матвѣя Едесскаго, plein de vertu et de justice, il visitait les veuves et les captifs et nourrissait les orphelins et les pauvres[3]). Менѣе опредѣленно въ литературномъ отношеніи развита черта нашего князя Николая Святоши, который «аще и много имяше, но та вся на потребу страннымъ и нищимъ подаваше»[4]). Эти особенности императора впервые произвели впечатлѣніе на аскета: живя много лѣтъ въ пустыни, старецъ не видѣлъ людей, не могъ входить съ ними въ тѣ или другія отношенія; въ этомъ пунктѣ Θеодосій превзошелъ пустынника.

Наконецъ послѣднею, очень любопытною, особенностью имп. Θеодосія является его полная безучастность къ конскимъ ристалищамъ. И здѣсь въ греческомъ подлинникѣ, повидимому, случайный пропускъ, сохраненный славянскимъ переводомъ. Съ аскетической точки зрѣнія присутствовать на concours hippiques было дѣломъ злаго навожденія. Палладій прямо говоритъ, что юноша Иронъ, которымъ овладѣлъ лукавый демонъ, «сталъ посѣщать зрѣлища и конскіе бѣга», слѣдствіемъ чего было совращеніе его на путь нечистой похоти любострастія[5]).

---

1) Яковлевъ, стр. C—CI.

2) «Визант. Врем.», 1897, IV. 355.

3) Ср. G. Schlumberger. Un empereur byzantin au X-e siècle. Paris 1890 p. 310.

4) Яковлевъ, CI.

5) Палладій, стр. 139; Іоаннъ Златоустъ (Migne, Patr. gr. t. LIX. 567): ἱπποδρόμιον, μᾶλλον δὲ σατανοδρόμιον; 66-е правило VI собора также возбраняетъ вѣрнымъ посѣщать конскія ристанія (А. Павловъ. Номоканонъ при Бол. Требн. М. 1897, стр. 153).

По отношенію къ императору, присутствіе котораго на ристалищахъ было необходимо, вопросъ ставился иначе, и государь могъ заслужить одобреніе аскета, если не интересовался бѣгами, а выполняя церемоніалъ, въ тоже время помышлялъ о Богѣ, каялся въ своихъ грѣхахъ и вообще погружался въ міръ богомыслія. Сократъ, а за нимъ Никифоръ Каллистъ разсказываютъ два случая изъ его пребыванія въ циркѣ: во время охоты въ амфитеатрѣ димы требовали другаго зрѣлища—борьбы со звѣремъ, но царь отклонилъ желаніе народа, замѣтивъ: «развѣ вы не знаете, что мы привыкли смотрѣть человѣколюбиво»? И когда въ циркѣ царя и народъ застигало ненастье, Ѳеодосій обращался къ народу съ рѣчью, предлагая вмѣсто зрѣлища болѣе богоугодное дѣло—молитву; весь городъ обращался въ одну церковь и императоръ въ одеждѣ частнаго человѣка становился посреди народа на молитву[1]. Эти характерные анекдоты помогаютъ намъ отчасти при объясненіи новаго литературнаго сказанія о пребываніи царя въ циркѣ.

Прежде всего греческій текстъ Повѣсти говоритъ о «ристаніи конномъ» (ἱπποδρόμιον), и едва ли не сообщалъ и о «храбрыхъ собраніи воинъ»: первое можетъ означать concours hippiques нѣкогда Олимпійскихъ игръ, второе—турниры или поединки. Цирковыя скачки въ Византіи ведутъ начало изъ глубокой древности: онѣ практиковались и во времена Ѳеодосія, и во времена Никифора Фоки[2]; но относительно турнировъ мы не можемъ подняться выше XII вѣка, временъ извѣстнаго византійскаго западника—имп. Мануила Комнина: любя конскія скачки и зрѣлища[3], онъ, кажется, первый подалъ примѣръ и турнира—между греками и итальянцами въ Антіохіи въ 1156 году. Никита Хоніатъ разсказываетъ объ этомъ такимъ образомъ: «когда начался этотъ безкровавый бой, многіе съ той и другой стороны стремительно нападали другъ на друга, бросая въ противниковъ копья и отклоняя отъ себя удары. Тутъ можно было видѣть, какъ одни опрокидывались и падали внизъ головою и плечами, а другіе, словно мячикъ, вылетали изъ конскаго сѣдла;—одни повергались внизъ лицомъ, другіе падали навзничь, а иные давши тылъ, бѣжали безъ оглядки; одни блѣднѣли, боясь подпасть подъ удары копья, и совсѣмъ закрывались щитомъ, а другіе пламенѣли отъ восторга, видя, что противникъ прячется отъ

1) Migne. Patr. gr. t. 67 col. 785; t. 146 col. 1064—1065.
2) Leo diac., ed. Hase, p. 31, 37.
3) Nicet. Chon. I. 120, 150.

страха. Воздухъ, разсѣкаемый быстрымъ бѣгомъ коней, волновалъ и со свистомъ колебалъ знамена. Всякій, кто посмотрѣлъ бы на это увеселеніе, безъ преувеличенія сказалъ бы, что здѣсь сошлись Венера съ Марсомъ и Беллона съ Граціями: столько въ этихъ играхъ было разнообразія и красоты»[1]). Впрочемъ, турниры не привились, и получили право гражданства въ Византіи только со времени женидьбы Андроника Младшаго на Аннѣ Савойской. Этотъ императоръ особенно любилъ поединки. «Одна игра, разсказываетъ Никифоръ Григора, имѣетъ видъ поединка и у латинянъ называется Justa (Κιντζούστρα = qui justera?). Въ ней сперва раздѣляются на филы, димы и фратріи; потомъ желающіе выходятъ изъ каждой части одинъ на одинъ, закованные съ ногъ до головы въ латы. Далѣе, взявъ по копью съ тремя остроконечіями, стремятся броситься другъ противъ друга и ударяютъ одинъ другаго изо всей силы. Сбившій съ лошади своего противника провозглашается побѣдителемъ... Другаго рода игра называется torneamentum (τορνεμέν = tournoi) Она происходитъ такимъ образомъ. Раздѣляются и здѣсь на филы, димы и фратріи и вооружаются всѣ вмѣстѣ. Потомъ, по жребію, выбирается двое предводителей и каждый изъ нихъ принимаетъ начальство надъ своею стороною. Въ этой игрѣ, которая бывала и прежде[2]), а теперь совершалась часто, участвовалъ и царь...; по условіямъ игры, ранившій или даже убившій другаго не почитается виновнымъ»[3]).

Итакъ мы думаемъ, что выраженіе славянскаго перевода Повѣсти «храбрыхъ собранія воинъ» быть можетъ допустимо въ смыслѣ турнира между избранными вооруженными людьми въ циркѣ. Въ томъ же переводѣ читаемъ: «отъ конѣй (отъ конецъ) сристающихся»; но ни то, ни другое чтеніе не правильно, такъ какъ представляетъ собою искаженіе слова «колесницъ» (ἁρμάτων). Вообще вся картина коннаго ристалища въ разныхъ текстахъ Повѣсти носитъ слѣды пропусковъ, перестановокъ и искаженій. Въ AD¹D² говорится только объ ипподромѣ, — въ ОЛ кромѣ того и о турнирѣ; въ AD¹D² царь представляется въ вѣнцѣ и порфирѣ, — въ ОЛ только въ порфирѣ; о раздачѣ императоромъ вѣнковъ побѣдителямъ ничего не говорится въ Л; ясно,

---

1) Nicet. Chon. I. 143; русск. пер. I. 137—138.

2) πρότερον, полагаютъ: въ вѣкѣ же Андроника, ибо по свидѣтельству Кантакузина (I. 205), византійцы не имѣли понятія о турнирѣ до временъ Андроника; однако Кантакузинъ, кажется, ошибся.

3) Niceph. Gregor., I. 482—483; русск. пер. I. 476—477.

что ни одинъ изъ издаваемыхъ списковъ не отличается полнотою и правильностью. Ѳеодосій не скрываетъ, что картина цирка во время состязанія такова, что удивляетъ всякъ умъ. Среди побѣдъ храбрецовъ весь народъ воздавалъ хвалу императору, но Ѳеодосій вмѣсто того, чтобы самому участвовать въ турнирѣ подобно Мануилу или Андронику, или по крайней мѣрѣ слѣдить за ходомъ состязанія и смотрѣть прямо на людей, потуплялъ глаза въ землю, согласно съ иноческою моралью «долу очи имѣти, а душю горе»[1]), старался не видѣть блеска турнира, ни слышать шума и кликовъ. И когда наставало время присуждать вѣнки побѣдителямъ, Ѳеодосій не отрывался отъ своего занятія—переписки рукописей: бралъ вѣнки отъ окружающихъ его патрикіевъ и передавалъ побѣдителямъ, не глядя на нихъ; онъ весь уходилъ въ созерцаніе божественнаго и каялся въ своихъ грѣхахъ. Что раздача вѣнковъ царемъ въ циркѣ существовала въ Византіи въ древнее время, доказательствомъ тому служитъ свидѣтельство одного памятника, приписаннаго по крайней мѣрѣ въ славянскихъ спискахъ св. Іоанну Златоустому; только здѣсь эта сцена разсматривается съ иной точки зрѣнія, — какъ награда побѣдителю по заслугамъ. Въ поученіи на 5-ю недѣлю поста читаемъ по новогреческому пересказу: Ἀκούσατε τὴν ἐξήγησιν· καθὼς ὅταν κάθεται εἰς τὸν θρόνον του ἕνας βασιλεὺς ἐπίγειος, καὶ γίνεται ἱπποδρόμιον, ἤγουν τρέχουν οἱ στρατιῶται μετ' ἄλογα, καὶ ἀγωνίζονται, τίς νὰ πολεμήσῃ καλλίτερα, νὰ λάβῃ τὸ χάρισμα, ὁποῦ ἔταξεν ὁ βασιλεὺς νὰ δώσῃ ἐκείνου, ὁποῦ περισσεύσει τοὺς ἄλλους εἰς τὴν τέχνην τοῦ πολέμου καὶ δύναμιν, ἐὰν ὑπάγῃ τινὰς φίλος τοῦ βασιλέως, νὰ τοῦ ζητήσῃ ἐκεῖνο τὸ χάρισμα, δὲν ἠμπορεῖ νὰ τοῦ τὸ χαρίσῃ μὲ δικαιοσύνην, ἐπειδὴ ἔταξε νὰ τὸ δώσῃ ἐκείνου, ὁποῦ νικήσει τοὺς ἄλλους εἰς τὸν πόλεμον[2]). Въ русскихъ спискахъ: «яко жъ бо аще бы царь праведенъ сѣделъ на позорищи нѣкоемъ, и предъ нимъ боролися бѣаху нѣціи еже побѣдиті и прияти вѣнца отъ него; таже да быша пришлі къ нему любіміи ему и рѣкли ему: даждь намъ

---

1) Слово св. Василія о наказаніи, рук. изъ нашего собранія, XVII в., л. 237.

2) Βιβλίον καλούμενον Κυριακοδρόμιον, συλλειχθ. παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ ἐκ διαφόρων διδασκάλων. Βενετία 1882 p. 53—54; у Іоанна Златоустаго находимъ только: οἱ βασιλεῖς ἐν ταῖς ἱπποδρομίαις πρὸ τῶν ἀγωνιζομένων στεφάνους καὶ βραβεῖα καὶ ἱμάτια συντιθέασιν (Migne, LVIII. 533) и καθέζεται καὶ βασιλεύς, θεωρεῖ καὶ ἐπινίκιον δῶρον τίθεται (Migne, LIX. 567); въ «Церемоніяхъ» имп. Константина: καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τῆς εὐφημίας ἀποστέλλει αὐτοῖς τοῖς νικηταῖς ἡνιόχοις ὁ βασιλεὺς στεφάνους διὰ τοῦ ἀκτουαρίου καὶ τοῦ δευτέρου, καὶ κατελθόντες, στέφουσι τοὺς ἡνιόχους.... ὁ βασιλεὺς διέρχεται μέσον τῶν τε πατρικίων καὶ στρατηγῶν (Migne, CXII. 640).

вѣнца сия; рѣклъ бы вѣдѣ царь: яко нѣсть сие мое дание, но иже подвигнется и побѣдитъ, оному уготованъ есть вѣнецъ»[1]). Аскетъ, судя по его изступленію, наконецъ удовлетворился словами императора: онъ уподоблялся Θеодосію и въ томъ, что одинъ не видѣлъ человѣческихъ лицъ, а другой не смотрѣлъ на нихъ, но долженъ былъ признать свое полное нравственное сходство съ императоромъ, когда услышалъ, что даже на ипподромѣ, который удивляетъ всякъ умъ, царь думаетъ только о Богѣ; если онъ узналъ теперь, что императоръ проводитъ тамъ время такимъ образомъ, то понялъ, что въ немъ уже не осталось болѣе никакихъ мірскихъ страстей; онъ понялъ теперь, что онъ, безстрастный, дѣйствительно уподобился царю Θеодосію, — поклонился ему въ ноги и возвратился въ свою пустыню.

Безстрастіе, идеалъ нашего аскета, было отличительною чертою ученія исихастовъ. Пустынники появились сначала въ Египтѣ въ IV вѣкѣ и тогда же распространились по Сиріи и Палестинѣ. Уже въ то время они проводили время въ молитвѣ, въ пѣніи псалмовъ, въ тихомъ созерцаніи или сердечной молитвѣ, въ абсолютномъ молчаніи или покоѣ (ἡσυχία) и въ постоянномъ плачѣ о грѣхахъ[2]). Съ теченіемъ времени доктрина безмолвниковъ или такъ называемыхъ исихастовъ получила строго-опредѣленное направленіе, но точно регламентирована была только въ очень позднее время. Извѣстно, что ученіе это собрано было аввою Исаіемъ для монахини Θеодоры Фокаитисы Ангелины (родственницы династіи Ангеловъ), въ XII—XIII вѣкѣ[3]), тогда же оно могло быть и формулировано[4]); тогда же подъ вліяніемъ его могла появиться и Повѣсть о Θеодосіи. Нашъ царь представленъ въ ней совершеннымъ исихастомъ: онъ отличался немногорѣчивостью,—12-е поприще исихаста; изнурялъ свое тѣло,—1-й и 10-й признаки преуспѣянія иси-

---

1) Рук. Имп. Общ. Люб. Др. Письм. F. CCCLVII, XVI в., л. 65. Въ иномъ спискѣ это же мѣсто читается такимъ образомъ: «яко же бо царь нѣкто право судяй при брани приступльшимъ къ нему другомъ его и рекшимъ: дай же намъ вѣнца, то речеть: подвизайтесь: иже бо одолѣеть, тому уготоваеться вѣнецъ» (Е. В. Пѣтуховъ, Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886, стр. 29 = Памятн. древне-русской церк.-учит. литературы. Спб. 1897, III. 191). До сихъ поръ ученые убѣждены въ русскомъ происхожденіи словъ на Четыредесятницу: но переводъ ихъ съ греческаго съ нѣкоторыми передѣлками — теперь очевиденъ.

2) Подробности у O. Zöckler. Askese und Mönchtum. Frankfurt, I. 244 ff.

3) Cod. ms. graec. Petropolit. № 243; Краткій обзоръ собранія рук. преосв. Порфирія. Спб. 1885 стр. 85.

4) Формулировка приведена у Порфирія Успенскаго. Востокъ христіанскій. Исторія Аθона. Кіевъ 1877 III. 1. стр. 134—144; Спб. 1892 III. 2 стр. 211 и сл., 609 и сл.

хаста; избѣгалъ плотской страсти,—7-е поприще и 6-й признакъ преуспѣянія; постился, — 8-е поприще; занимался рукодѣліемъ, — 4-е упражненіе новичка-исихаста; защищалъ невинно осужденныхъ, посѣщалъ вдовъ и сиротъ и омывалъ раны прокаженнымъ,—9-й признакъ преуспѣянія; молился,—1-е упражненіе, 3-е дѣло и 6-е поприще; памятовалъ о своихъ грѣхахъ,—3-е упражненіе и 4—5-е поприще; занимался созерцаніемъ Божества,—совершенное дѣло и основное положеніе исихаста—пребываніе наединѣ съ Богомъ; наконецъ отличался полнымъ безстрастіемъ—5-й признакъ преуспѣянія.

Разбираемая повѣсть о Ѳеодосіи довольно удачно построена по типу памятниковъ IV—VII вѣковъ, хотя нѣкоторыми частями своего содержанія обличаетъ болѣе позднее происхожденіе; сообщаетъ правильныя даты жизни и царствованія императора, хотя и въ своеобразномъ истолкованіи; довольно правильно схватываетъ основныя черты Ѳеодосія, представляя ихъ лишь въ односторонне-преувеличенномъ видѣ. Въ IX и XI вѣкахъ въ византійской литературѣ ея еще не существовало, но уже въ XIV вѣкѣ ею, какъ кажется, пользовался Никифоръ Каллистъ; указаніе въ ней на турниръ, практиковавшійся въ Византіи въ XII и XIV вѣкахъ, свидѣтельствуетъ, что появленіе Повѣсти относится къ періоду времени не ранѣе XII и не позже XIV столѣтія. Быть можетъ, она принадлежитъ къ тому же времени, когда появилась и Повѣсть объ убіеніи Никифора Фоки, то есть къ XII или началу XIII вѣка. Исихастическая тенденція Повѣсти, повидимому, подтверждаетъ эту догадку.

Что касается до времени перевода Повѣсти на русскій языкъ, то и здѣсь не представляется возможнымъ сдѣлать точнаго опредѣленія. Наши старые переводы почти не грѣшатъ противъ чистоты и правильности языка; напротивъ въ XVI вѣкѣ языкъ совершенно портится вслѣдствіе невыдержанности сочетаній словъ: подлежащее въ ед. ч. сочиняется съ глаголомъ мн. ч., дательный самостоятельный обыкновенно неправиленъ, ибо причастіе не согласуется съ именемъ, и т. д. Въ повѣстяхъ, восходящихъ по спискамъ не ранѣе XV—XVI и даже XVII вѣка, встрѣчаются такія сочетанія, какъ святому подающи, Василью поюще, Василью несють (несущу), видѣ бѣса пакости дѣяху, бѣсъ дѣяху, Василіи же приступиша, дьякону же нача, по скончанія[1]), и пр.; въ нашей Повѣсти: человѣкомъ імущему, о прихоженіе, ми взи-

1) Слово о св. «патр. Ѳеостириктѣ»: Пам. Др. письм., 1893, XCIV. 17 и сл.

рающе и т. д. Такая особенность языка обличаетъ позднее происхожденіе перевода, когда книжный церковно-славянскій языкъ подъ вліяніемъ разговорнаго сталъ портиться, когда редакторы и переводчики стали уже терять чутье къ тонкости своего стараго языка. Византійская повѣсть о литературномъ состязаніи Космы Маіумскаго съ Іоанномъ Дамаскинымъ сдѣлалась извѣстною въ Россіи только въ XVI вѣкѣ[1]); русскіе списки Повѣсти о Ѳеостириктѣ также не восходятъ выше XVI вѣка; быть можетъ въ это же время появился и русскій переводъ Повѣсти о царѣ Ѳеодосіи.

Результатъ разсмотрѣнія Повѣсти можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: 1) объ имп. Ѳеодосіи II въ Византіи ходило нѣсколько повѣстей, въ которыхъ царь представлялся преимущественно съ монашескими добродѣтелями; 2) нынѣ отыскалась новая повѣсть такого же характера, не вполнѣ исчерпывающая и односторонне раскрывающая образъ императора; 3) повѣсть эта, помимо ея общей, несомнѣнно исторической основы, приняла въ себя нѣкоторыя черты изъ позднѣйшаго времени, и въ такомъ видѣ герой ея находитъ себѣ нѣкоторую аналогію съ легендарнымъ Никифоромъ Фокою, а на русской почвѣ съ княземъ Николаемъ Святошею; 4) Греческій подлинникъ Повѣсти съ предполагаемымъ заглавіемъ Λόγος ψυχωφελὴς γέροντός τινος πνευματικοῦ περὶ τοῦ βασιλέως Θεοδοσίου можетъ относиться къ концу XII, а русскій переводъ—къ началу XVI столѣтія: подлинникъ этотъ могъ быть извѣстенъ Никифору Каллисту.

1) «Библіографъ», 1888, II. 72.

Хр. Лопаревъ.

Οἱ Πρόδρομοι [1]).

Τὴν περὶ Προδρόμων πραγματείαν εἴχομεν ἑτοίμην κατὰ τὸν παρελθόντα Φεβρουάριον σκοποῦντες νὰ ἀποστείλωμεν αὐτὴν τῇ συντάξει τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν πρὸς ἐκτύπωσιν, ὅτε ὁ. κ. Ρέγελ ἔσχε τὴν εὐγένειαν νὰ ἀνακοινώσῃ ἡμῖν, ὅτι ἀκριβῶς περὶ τοῦ αὐτοῦ θέματος ἐτυποῦτο τότε ἐν τῷ αὐτῷ περιοδικῷ πραγματεία τοῦ κ. Χατζηδάκη καὶ νὰ ἀποστείλῃ ἡμῖν τὰ τυπογραφικὰ δοκίμια τῆς πραγματείας ταύτης. Ἀναγνόντες τὰ ὑπὸ τοῦ κ. Χατζηδάκη περὶ τοῦ ζητήματος γραφόμενα εἴδομεν, ὅτι ἐν πολλοῖς συμπίπτουσι πρὸς τὰ ἡμέτερα ἀποτελέσματα καὶ ἐπιχειρήματα καὶ διὰ τοῦτο ἐδέησε νὰ παραλείψωμεν πολλὰ ὡς περιττά, νὰ περιορισθῶμεν δὲ μόνον εἰς ἐκεῖνα, εἰς ἃ δὲν ἐπέστησε τὴν προσοχὴν ὁ κ. Χατζηδάκης.

Ὅσον ἀφορᾷ τὸ ὑπὸ τοῦ κ. Χατζηδάκη ἐπιτευχθὲν ἀποτέλεσμα, ὅτι τὰ δύο πρῶτα τῶν παρὰ Legrand (bibl. gr. vulg. 38—51) ἐκδεδομένων δημωδῶν ποιημάτων δὲν ἀνήκουσιν εἰς τὸν αὐτὸν ποιητήν, εἰς ὃν καὶ τὰ τελευταῖα (αὐτ. σ. 52—106) οὐδεμία πλέον ἀμφιβολία· εἰς τὸ αὐτὸ ἀποτέλεσμα κατελήξαμεν καὶ ἡμεῖς βασιζόμενοι μόνον ἐπὶ ἱστορικῶν τεκμηρίων· ὁ κ. Χατζηδάκης ὅμως ἔκαμε καί τι περισσότερον προβὰς εἰς ἀξίαν λόγου μελέτην τῶν γλωσσικῶν διαφορῶν, τῶν παρατηρουμένων εἰς τὰ ποιήματα. Ἐπειδὴ ἐν τούτοις κατὰ τὴν ἐξέλιξιν τοῦ ζητήματος ἔχομεν ἔν τισι διάφορον γνώμην, ἂν καὶ μὴ μεταβάλλουσαν κατ' οὐσίαν αὐτὸ τὸ ζήτημα, κρίνομεν ἀναγκαῖον νὰ ἐνδιατρίψωμεν ἐπὶ βραχὺ καὶ εἰς αὐτὸ τὸ τοῦ κ. Χ. θέμα, λέγοντες μόνον ὅ, τι διαφόρως ἡμεῖς ἐκλαμβάνομεν ἢ ὅ, τι παρελείφθη ὑπ' αὐτοῦ, καὶ κατόπιν νὰ προβῶμεν εἰς τὴν περαίτερω ἔρευναν.

Α'.

Ἐν σελ. 101 (Βυζ. Χρον. IV, 1—2) ἐσφαλμένως γράφει ὁ Χ. ὅτι τὰ δύο πρῶτα ποιήματα ἀποτείνονται πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην Κομ-

1) Περὶ τοῦ θέματος τούτου ἐγένετο ἀνακοίνωσις εἰς τὴν συνεδρίαν (τῆς 11 Νοεμβρ.) τοῦ ἱστορικο-φιλολογικοῦ συλλόγου Ὀδησσοῦ.

νηνόν. Μόνον τὸ πρῶτον ἐξ αὐτῶν ἀποτείνεται πρὸς τὸν Ἰωάννην, τὸ δὲ δεύτερον, ἂν καὶ γράφεται κατὰ τοὺς χρόνους τοῦ αὐτοῦ αὐτοκράτορος, ἀποτείνεται ὅμως πρὸς τὸν σεβαστοκράτορα (ἄνευ ὀνόματος) ἤτοι τὸν αὐτοκρατορικὸν πρίγκιπα, ὅπως θὰ ἐλέγομεν σήμερον. Ἀλλὰ τίς οὗτος ὁ σεβαστοκράτωρ; Δὲν εἶναι ἀπίθανος ἡ γνώμη τοῦ E. Miller (ἐν Revue archéolog. tom. 29 p. 59), ὅτι ὡς τοιοῦτον πρέπει νὰ θεωρήσωμεν τὸν δεύτερον υἱὸν τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννου, δηλ. τὸν Ἀνδρόνικον, πρὸς τὴν οἰκογένειαν τοῦ ὁποίου ἀναφέρεται πληθὺς ποιηματίων ἀποδιδομένων εἰς τὸν Πρόδρομον.

Ἐν σελ. 103. στηριζόμενος ἐπὶ τῶν στιχ. ΣΤ′ 270 καὶ 294 ἐξάγει τὸ συμπέρασμα, ὅτι ἔζη ὁ πατὴρ τοῦ ποιητοῦ καὶ ὁ οἶκος αὐτοῦ διετηρεῖτο, ἐν δὲ σελ. 112 ἀπαριθμεῖ καὶ τοὺς λοιποὺς συγγενεῖς αὐτοῦ (μήτηρ, ἀδελφοί). Ἀλλ' ἂν δὲν ἀπατώμεθα, ἡ σκηνὴ τὴν ὁποίαν περιγράφει ὁ Πτωχοπρόδρομος δὲν λαμβάνει χώραν ἐν τῇ οἰκογενείᾳ αὐτοῦ, ἀλλὰ μεταξὺ καλογήρων· ὁ νέος μοναχὸς ἢ δόκιμος ζῇ ὡς ὑποτακτικὸς ἐν τῷ κελλίῳ τοῦ προϊσταμένου του, ὃν κατὰ τὰ μέχρι σήμερον ἐπικρατοῦντα ἔθιμα ὀνομάζει πατέρα του. Ἐν σελ. 104—105 τὸν λόγον ποιούμενος περὶ τῶν στιχ. 36—9 (ΣΤ′)

ὡς πρὸ μικροῦ πεπόνθασι Δαντόνης καὶ Μελίας
καὶ Νουραδῖνος σὺν αὐτοῖς ἐξ ἄκρας τῆς ἀνοίας,
ὥσπερ ἐκεῖνος Νεεμὰν ὁ πρὶν ἀποστατήσας

οὐδένα λόγον ποιεῖται περὶ τοῦ Δαντόνη. Δαντόνης καθ' ἡμᾶς οὐδεὶς ἄλλος δύναται νὰ εἶναι ἢ ὁ παρὰ Νικήτᾳ Δαδούνης (σελ. 152 ἐκδ. Bonn.), εἷς τῶν γαμβρῶν τοῦ Μασούτ, εἰς ὃν οὗτος ἀποθνήσκων ἐκληροδότησε τὴν Καισάρειαν καὶ τὴν Σεβάστειαν· μνείαν αὐτοῦ ποιεῖται ὁ Νικήτας καὶ κατωτέρω (σελ. 159), ὅπου διηγεῖται, τίνι τρόπῳ ὁ Κιλίτζ Ἀρσλὰν ἐξεδίωξεν αὐτὸν τῆς ἀρχῆς· τὰ τελευταῖα ταῦτα γεγονότα ἀποδοτέα εἰς τὸ ἔτος 1159—1160· τί ἀπέγεινε βραδύτερον ὁ Δαδούνης καὶ τί ἐναντίον του κατώρθωσεν ὁ αὐτοκράτωρ, ὥστε νὰ διακαιοῦται ὁ ποιητὴς νὰ συγκαταλέγῃ αὐτὸν μεταξὺ τῶν θυμάτων αὐτοῦ, οὐδαμόθεν γίνεται δῆλον.

Ἐν σελ. 105 ἰσχυρίζεται ὁ Χ. ὅτι ἡ δρᾶσις τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου ἀρχίζει ἀπὸ τὸ ἔτος 1118, βασιζόμενος εἰς τὸ ποίημα αὐτοῦ «μονῳδία εἰς τὸν πορφυρογέννητον καὶ σεβαστοράτορα κύριν Ἀνδρόνικον Κομνηνόν», ὅστις ἐφονεύθη, λέγει, κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο μαχόμενος πρὸς τοὺς Τούρκους. Ἀλλ' ἡ γνώμη αὕτη περὶ τοῦ θανάτου τοῦ Ἀλεξιάδου Ἀνδρονίκου βασίζεται ἐπὶ ἐσφαλμένης ἐκδοχῆς τοῦ χωρίου τῆς Ἄννης Κομνηνῆς (Ἀλεξ. II 282, 7—23)· ἐπισταμένη ἀνάγνωσις ὅμως αὐτοῦ πείθει, ὅτι ἡ Ἄννα διόλου δὲν λέγει ὅτι ἐν ἐκείνῃ τῇ μάχῃ ἐφονεύθη ὁ Ἀνδρόνικος, ἀλλὰ γράφουσα πολὺ βραδύτερον τοῦ ἔτους, καθ' ὃ ἠνδραγάθησεν ὁ ἀδελφός, καὶ ἀναμνησθεῖσα

τοῦ θανάτου αὐτοῦ ἀφιερώνει γραμμάς τινας εἰς μνήμην αὐτοῦ. Ἐν τῇ μονῳδίᾳ τῇ γραφείσῃ ὑπὸ τοῦ Προδρόμου ῥητῶς λέγεται ὅτι ὁ Ἀνδρόνικος οὐχὶ ἐν τῇ μάχῃ ἐφονεύθη, ἀλλὰ κατόπιν ἐκ νόσου ἐτελεύτησε «καὶ μὴν ὁ ἀλαλαγμὸς οὗτος, οὐκ ἀλαλαγμὸς ἔοικεν εἶναι πολέμου καὶ μάχης, οὐδὲ ἀλαλαγμὸς συμπλοκῆς. ἀλλὰ πένθους καὶ θρήνων ἀλαλαγμός, πεσόντος τοῦ μεγάλου σεβαστοκράτορος· οὐκ ἐκ χειρὸς πολεμίου πεσόντος, οὐδὲ σιδήρῳ βληθέντος· τίς γὰρ ἀήττητον εἶχε κτεῖναι; σίδηρος δὲ ποῖος τὸν σιδηροῦν καὶ ἀδάμαντα στρατιώτην ἔκαμψεν ἢ ἐδάμασεν; Πῶς οὖν ἀπῆλθε; νοσήματι χαλεπῷ καὶ φύσει δουλεύσας, ἵνα καὶ Ἀνδρόνικος μετὰ θνητῶν τάττοιτο καὶ ἐλέγχοιτο μεταλαχὼν τῆς ἐπικήρου καὶ θνητῆς φύσεως..» (πρβ. Notic. et Extr. VIII σ. 154). Ἐκ τῆς Προδρομείου μονῳδίας ἐπίσης πείθεταί τις, ὅτι ὁ θάνατος τοῦ Ἀνδρονίκου λαμβάνει χώραν οὐχὶ ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀλεξίου ἀλλὰ ἐπὶ τῆς τοῦ ἀδελφοῦ Ἰωάννου· «ἐγέννησέ σε πατὴρ αὐτοκράτωρ καὶ αὐτοκρατόρων πάντων ὁ μαχιμώτατος καὶ εἰρηνικώτατος, ἀλλὰ τῷ βίῳ ξυναπέθετο καὶ τὰ σκῆπτρα», ὅθεν γίνεται δῆλον ὅτι ὁ Ἀνδρόνικος ἐπέζησε μετὰ τὸν θάνατον τοῦ πατρός (πρβ. αὐτόθ. σ. 153). Τὰ αὐτὰ ἐξαγόμενα πορίζόμεθα καὶ ἐκ ποιήματος τοῦ αὐτοῦ συγγραφέως εἰς ἡρωϊκοὺς στίχους γεγραμμένου «εἰς τὴν βασίλισσαν κυρὰν Εἰρήνην τὴν Δούκαιναν ἐπὶ τῷ θανάτῳ τοῦ σεβαστοκράτορος υἱοῦ αὐτῆς» (αὐτόθ. σ. 170—171), ἔνθα ῥητῶς λέγεται προκειμένου περὶ τοῦ θανάτου τοῦ αὐτοῦ προσώπου, Ἀνδρονίκου τοῦ Κομνηνοῦ

ὦ βασιλεῦ, Σκυθολογέ, μεγασθενὲς Ἰωάννη,
ὤλετο σοι σύμβουλος ἀδελφὸς ἠδὲ μαχητής

ὥστε οὐδεμία ὑπάρχει ἀμφιβολία, ὅτι ὁ θάνατος ἔγεινεν ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰωάννου. ἐκ δὲ τῶν στίχων

Δοιοὺς γάρ τ' ἀπόλεσσας ἅμ' υἷας, ἄγρε Τελχίν.
Ἀνδρονίκοιο βίην, Ἰσαακίου δέ τε ῥώμην·
οὐ μὲν ἐπ' ἀνατολίης μακρὰ πείρατα πλαζομένοιο,
ζωοῦ τεθνειῶτος.

γίνεται δῆλον ὅτι ὁ θάνατος τοῦ Ἀνδρονίκου εἶναι κατά τι μεταγενέστερος τῆς πρὸς τοὺς Τούρκους μεταστάσεως τοῦ ἑτέρου τῶν υἱῶν τῆς Εἰρήνης, Ἰσαακίου Κομνηνοῦ. Δυστυχῶς ὅμως καὶ τοῦ γεγονότος τούτου, τοῦ ἀφορῶντος τὴν δυσαρέσκειαν τὴν ἐπελθοῦσαν μεταξὺ Ἰωάννου καὶ Ἰσαακίου, ὁ χρόνος δὲν εἶναι ἀκριβῶς ὡρισμένος, διότι ὁ μὲν Κίνναμος οὐδαμοῦ περὶ τούτου λέγει τι, ἂν μὴ ἀπατώμεθα, ὁ δὲ Νικήτας (ἐν σελ. 42) κάμνει μὲν μνείαν περὶ τῆς μετανοίας τοῦ Ἰσαακίου καὶ ἐπιστροφῆς εἰς Κωνσταντινούπολιν, ἥτις ἔλαβε χώραν κατὰ τὸ 1128, οὐδαμοῦ ὅμως πρότερον

ἀναφέρει περὶ τῆς φυγῆς αὐτοῦ. ὅπως καὶ ἂν ἔχει τὸ πρᾶγμα, ἀμφότερα τὰ γεγονότα ταῦτα συμβαίνουν κατὰ τὰ πρῶτα ἔτη τῆς βασιλείας Ἰωάννου καὶ δὴ οὐχὶ βραδύτερον τοῦ ἔτους 1126, ἔτους τοῦ θανάτου τῆς βασιλίσσης Εἰρήνης (Muralt σ. 128). Τοῦ λόγου παρεμπεσόντος περὶ τοῦ ποιήματος τούτου ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ ἐπανορθώσωμεν μίαν πλάνην τοῦ La Porte du Theil. Ἐν σελ. 172 βασιζόμενος ἐπὶ τῶν στίχων τοῦ αὐτοῦ ποιήματος

τῷ δ' ἔπι γαμβρὸν ὄλεσσας ἀγακλυτόν, ἐν δ' ἐθεήσω
χήρην παῖδα φίλην, Νικηφόρου ἄλοχον ἐσθλήν

παραδέχεται ὅτι πρὸ τοῦ Ἀνδρονίκου ἀπέθανεν ὁ γαμβρὸς τοῦ Ἀλεξίου, Νικηφόρος ὁ Βρυέννιος, ὅπερ δὲν εἶναι ὀρθόν, καθ' ὅσον ὁ Νικηφόρος Βρυέννιος ἀκολουθεῖ τόν αὐτοκράτορα Ἰωάννην κατὰ τὴν συριακὴν ἐκστρατείαν τοῦ 1837. Ὁ Πρόδρομος ἐνταῦθα ὁμιλεῖ οὐχὶ περὶ τοῦ Νικηφόρου Βρυεννίου ἀλλὰ περὶ τοῦ ἑτέρου γαμβροῦ τοῦ Ἀλεξίου, τοῦ συζύγου οὐχὶ τῆς Ἄννης, ἀλλὰ τῆς Μαρίας, ἤτοι Νικηφόρου τοῦ Κατακάλου.

Ἐν σελ. 106 λέγει, ὅτι ὁ ποιητὴς τοῦ Γ' καὶ Δ' ποιήματος ὀνομάζει ἑαυτὸν Ἱλαρίωνα καὶ εἰς ἀπόδειξιν ὑποδεικνύει τοὺς στίχ. 631—32 (Γ'). χάριν μείζονος ἀκριβείας πρέπει νὰ παραβάλῃ τις καὶ τὸν στίχ. 511 (Δ')

ὀξύνον δότε ἀπὸ τοῦ νῦν χρασὶν τὸν Ἱλαριῶνα (γρ. Ἱλαρίων).

Τὸ δὲ σπουδαιότερον, ὅπερ παρέλειψεν ὁ Χ. ἐν τῷ προκειμένῳ μέρει εἶναι, ὅτι καὶ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ ἑνὸς τῶν ποιημάτων (τοῦ Δ') διέσωσεν ὁ κῶδιξ (bibl. Nat. Manus. Coisl. 382, fol. 148ʳ) τὸ ὄνομα τοῦ Ἱλαρίωνος: «ἕτεροι στίχοι Ἱλαρίωνος μοναχοῦ τοῦ Πτωχοπροδρόμου πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα κύριον μεγαλοπορφυρογέννητον, τὸν Κομνηνόν.

Ἐν σελ. 109 λέγει, ὅτι ὁ μὲν Θεόδωρος κολακεύει μετά τινος μέτρου, τοὐναντίον ὁ Ἱλαρίων πᾶν ὅριον κολακείας ὑπερβάλλει· ἡμεῖς ἔχοντες ὑπ' ὄψιν περισσότερα ἔργα τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου, ἢ εἰς ὅσα ὁ κ. Χ. ἔστρεψε τὴν προσοχήν του, δὲν εὑρίσκομεν μεγάλην τὴν διαφοράν· πρὸς ἀπόδειξιν παραθέτομεν στίχους τινὰς ἐκ τῶν ἐκδοθέντων ἤδη ποιημάτων (Recueil des histor. des crois. — Histor. grecs tom. II)

σελ. 533: Δός μοι, Χριστέ, τῷ δούλῳ σου καὶ ταύτην σου τὴν χάριν
741 στ. 22: Ἀστράρχα σελασφόρε μου, τὸ σέλας προσκυνῶ σου
σέβομαι τὰς ἀκτῖνάς σου, τιμῶ σου τὰς ἐλλάμψεις.
Ἥλιε Ῥώμης, Μανουήλ, λατρεύω τῷ πυρί σου
οὐ περσικῶς, ἀλλ' εὐσεβῶς· ἀπέστω πόρρω Μῶμος!
θεὸς γὰρ σὺ καὶ βασιλεὺς θεῶν τῶν ἐπιγείων.
Ὁρᾶτε φῶς παράδοξον, χρυσάκτινες ἀστέρες·

τοῦτο τὸ κυκλοδρόμημα τοῦ καθ' ἡμᾶς φωσφόρου.
750 στ. 325: τὸν λίθον τε παραζηλῶν τὸν ἀκρογωνιαῖον,
ὡς ἄρα Χριστομίμητος ἢ καὶ Χριστὸς Κυρίου
εἰς ἓν συνάπτεις τοὺς μακρὰν καὶ τοὺς ἀπερρωγότας.
381 λείψανα πλείων ἔκειντο, κἀκεῖνα διερρύη,
ἀλλ' εἶπας, «Γεννηθήτωσαν μονήρεις ἐξ ἐκείνων»,
καὶ παραχρῆμα τὰ νεκρὰ πρὸς εἶδος ἐμορφοῦντο...

(Patrol. Mign. σελ. 1372)

Ταῦτα μὲν γράφε πρὸς ἐμέ, πρὸς δὲ τὸν στεφηφόρον
λέγε καθ' ὥραν, δυσωπῶ, τὰ τῆς ἐμῆς πενίας,
ἧς μοι καὶ μόνος πρόβολος, ἧς κυβερνήτης βίου
ἧς μοι θεὸς μετὰ θεόν, ἧς μοι ζωῆς ταμίας
ὁ Κομνηνὸς ἐκ Κομνηνοῦ, δεσπότης ἐκ δεσπότου

καὶ ἄλλα πολλὰ χωρία δύναται νὰ παραθέσῃ τις ἐκ τῶν ἐκδεδομένων, συντομίας χάριν ὅμως περιοριζόμεθα εἰς ταῦτα μόνον προτιμῶντες νὰ παραθέσωμεν καί τινα ἐκ τῶν ποιημάτων τοῦ Προδρόμου, τὰ ὁποῖα ἔχομεν ἀνὰ χεῖρας. Εἶναι δὲ ταῦτα πέντε τὸν ἀριθμὸν ἐν μέρει μόνον ἐκδοθέντα παρὰ Miller ἢ C. Neumann (ἴδε κατωτέρω) καὶ ἀναφέρονται εἰς τὴν αἴτησιν τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουήλ, ἵνα κατατάξῃ αὐτὸν εἰς τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον· χάριν συντομίας θὰ μᾶς ἐπιτραπῇ νὰ ὀνομάζωμεν ταῦτα ἐν τοῖς ἑξῆς μαγγάνεια.

L στ. 76—81: καὶ τοῦτο νῦν αἰτοῦμαι σέ, τὸν αὐτοκράτορά μου
Θεὸς γὰρ σὺ μετὰ Θεὸν δούλων πληρῶν αἰτήσεις
καὶ πλήν σου κύριος οὐδεὶς εἰς ταύτας τὰς δεήσεις
καὶ παρὰ σὲ τὸν ῥύστην μου Θεὸν οὐκ ἔγνων ἄλλον
Θεὸν δεήσεων πτωχῶν, καὶ κύριον ἐλέους
τὴν θύραν τοῦ ἐλέους σου λοιπὸν ὑπάνοιξόν μοι κ. τ. λ.

160—165: καὶ καταδυσωπήθητι καὶ σῶσόν με, Χριστέ μου·
σὺ γὰρ Χριστὸς ἀπὸ γαστρὸς δεσποινικῆς κοιλίας
ἐκ μήτρας θεοπροβλήτως Αὐσόνων αὐτοκράτωρ
ἀπὸ σπαργάνων ἄρχηγος φρικτὸς βαρβαροκτόνος
καὶ σοὶ προσφέρω δέησιν καὶ σοὶ τὸ γόνυ κλίνω

II 167—69: Θεέ μου, μονοκράτορ μου, προστάτα μου, σωτήρ μου
ὡς δοῦλος δούλων ἔσχατος ὑπέμνησα τολμήσας.

IV 115—130: δός μοι τοὺς εὐεργέτας μου δακτύλους τοὺς γραπτούς σου
ἐνθεῖναί μοι τοῖς χείλεσι καὶ περιφῦναι τούτοις

οὐ μόνον ὀξυγράφοι γὰρ ἀλλὰ καὶ ζωηγράφοι
τοῖς ἀποροῦσι γὰρ ζωῆς πόρον ζωῆς δωροῦνται
ταῖς ζωηραῖς ὑπογραφαῖς καὶ ταῖς ἐνσημασίαις
καὶ ταῖς βραχέσι συλλαβαῖς χαρίζονται μεγάλα
εἴτε χρεῶν ἀποκοπαῖς ἢ δωρεῶν πλημμύραις
καὶ ταύταις συγχαρίζονται πολλάκις καὶ τὸ μεῖζον,
μελῶν ἀποστοιχείωσιν ἐν μετρητοῖς στοιχείοις·
μηδὲ τῶν σχυταλίδων με τούτων ἀποστερήσῃς,
ἀλλὰ καὶ τούτων δίδου μοι καταφιλεῖν ἑκάστης·
αἱ γὰρ ἑπτὰ δηλοῦσί μου τὸν ἑβδοματισμόν μου
καὶ τῶν μακρῶν καμάτων μου παῦσιν βραβεύουσί μοι,
ἐν οἷς σου τὸ φιλάγαθον ἐπικαμφθέν μοι σπλάγχνον
καὶ τὰς ἑπτὰ συνέκαμψεν ἐπὶ τὸν κάλαμόν σου,
τὸν ῥύστην καὶ σωτῆρά μου καὶ ζωοπάροχόν μου....
248: οὐκ εἶδε συμπλεκόμενον Θεὸν μετὰ βαρβάρων
ἐκεῖνος ὁ Διόκλειος ὁ καὶ Θεόπτης λόφος,
ὃν ὑπὲρ Οἴτην ὕψωσας καὶ κορυφὴν Ὀλύμπου
ἡμῶν ὑπερμαχόμενος ὑπὲρ ἐλευθερίας;...
293: τὸν ὑπὲρ φύσιν τὰ φρικτὰ [καὶ] κεκαινοτομηκότα,
κἂν ταῖς ἀνάγκαις πράξαντα παρεμβολῆς ἐν μέσῳ
ὅσα μηδέ τις κατὰ νοῦν τολμήσας ἐφαντάσθη
ὑπὲρ ἑκατοντάχειρα συμβάλλων τοῖς σατράπαις
καὶ μόνος συμπλεκόμενος μυρίοις ἀντιπάλοις...
309: καί μοι τὸ πᾶν μετὰ Θεὸν ἐκ σοῦ καὶ παρὰ σοῦ μοι
ἐπὶ τὴν σὴν γὰρ δεξιὰν ἐκ μήτρας ἐπερρίφην
330: σὺ τοῖς πιστοῖς χαράκωμα καὶ πρόβολος καὶ πύργος
σὺ τοῖς θαρροῦσιν ἐπὶ σὲ καὶ θυρεὸς καὶ θώραξ
κλῆρος ἡμεῖς καὶ λάχος σου καὶ σὴ κληρονομία
σχοίνισμα σὸν ἡ πόλις σου καὶ τὰ περὶ τὴν πόλιν...
337: μνήσθητι τῶν θαυμάτων σου τῶν πρὶν ἐν τῇ θαλάττῃ
κούφισον ὕδωρ ἁλμυρὸν κύρτωσον μέγα κῦμα
καὶ τοὺς διψῶντας ὄλεθρον τῶν δούλων σου καὶ λύμην
χόρτασον ὕδωρ σύνηθες ἐν ᾧ καταχαυχῶνται·
ἔχεις καὶ λίβαν καὶ βορρᾶν καὶ λαίλαπι προστάττεις
ὑπηρετεῖ τῷ νεύματι καὶ τῷ βουλήματί σου
πάσης πνοῆς ἀντίπλοια, θρασκίας, ἀπαρκτίας·
κέλευσον τοὺς ἀνέμους σου πρόσταξον τῇ θαλάττῃ

καὶ καταποντισάτωσαν κυμάτων καταιγίδες
τὸν τῶν ὑδάτων ἄρχοντα, τὸν τῆς ὑγρᾶς δεσπότην...

V 127: σὺ καὶ σοφὸς καὶ Προμηθεὺς καὶ μέγας καινοτόμος·
ὑπόκειται τῷ κράτει σου καὶ τὸ πολὺ στοιχεῖον
οἱ ποταμοὶ δουλεύουσιν οὐκ ἀντιπίπτουσί σοι
καὶ χεὶρ καὶ νοῦς καὶ φρόνησις καὶ ποταμοὶ χρυσίου
ἐθνῶν τραχήλους κλίνουσιν εἰς τὴν στερράν σου βάσιν...

204: οὕτως ἐκύμαινεν ἡμᾶς ὁ λίβας τῆς δειλίας
ἕως αὐτὸς ἀνέτειλεν ὁ χρυσοβόλος γίγας
ὁ κύκλος, ὁ περίβολος, ὁ πρόβολος, ὁ πύργος,
ὁ φοβερὸς ἐν προβολαῖς, ὁ δυνατὸς ἐν μάχαις,
ὁ σκύμνος, ὁ πορφυρανθής, ὁ νῦν τοσοῦτον λέων,
ὁ ταῖς δορκάδων οὔθασιν ἐκγεγαλακτισμένος
καὶ τοῖς βαρβάρων αἵμασιν ὑπερεκτεθραμμένος!

Ἐκ τῶν προτεθέντων χωρίων γίνεται δῆλον ὅτι καὶ ὁ Πρόδρομος οὗτος, ὁ συντάκτης τῶν δύο πρώτων παρὰ Legrand δημωδῶν ποιημάτων κατὰ τὴν κολακείαν, τὴν καὶ μέχρι βλασφημίας χωροῦσαν, δὲν εἶναι μετριώτερος τοῦ Ἱλαρίωνος Πτωχοπροδρόμου.

Ἐν σελ. 127 ὁ Χ. ἀναφέρει, ὅτι ὁ Κοραῆς ἐν Ἀτακτ. Α΄. σελ. ζ΄ περὶ τοῦ πάππου τοῦ Προδρόμου οὐδὲν ἐπαινετικὸν ἐπίθετον ἐκφέρει. Ὁ Κοραῆς ὅμως ὁμιλεῖ ἐκεῖ οὐχὶ περὶ τοῦ πάππου ἀλλὰ περὶ τοῦ πατρὸς τοῦ Προδρόμου.

Β΄.

Ὁ Χατζηδάκης κατώρθωσε νὰ ἀπαλλάξῃ τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον δύο μόνον ἐκ τῶν δημωδῶν ποιημάτων αὐτοῦ, τὰ ὁποῖα οὐκ ὀλίγον συνετέλεσαν εἰς τὸ νὰ ἀμαυρώσωσι τὴν δόξαν αὐτοῦ κατὰ τὰς τελευταίας ἑκατονταετηρίδας. Οἱ ἀρχαιότεροι ἄλλην ὅλως γνώμην εἶχον περὶ τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου, μάρτυρα δὲ τούτου ἔχομεν κατὰ πρῶτον λόγον τὸν Εὐστάθιον Θεσσαλονίκης, ὅστις μεθ' ἱκανοῦ σεβασμοῦ ὁμιλεῖ περὶ τοῦ προσώπου τοῦ Προδρόμου γράφων «εἰ καὶ ὁ ἀοίδιμος ἐν σοφοῖς Θεόδωρος ὁ Πρόδρομος αἰτιολογεῖ σεμνῶς αὐτό, κανόνας ἱεροὺς ἐξηγησάμενος» (A. Mai, Spicil. Rom. tom., V 2, p. 174). Ἐκτὸς δὲ τοῦ Εὐσταθίου, ἂν πρέπει νὰ δώσωμεν βάσιν καὶ εἰς τὰς ἐν τοῖς χειρογράφοις ἐπιγραφάς, βλέπομεν συχνάκις νὰ ὀνομάζηται οὗτος σοφώτατος καὶ φιλοσοφώτατος κ. τ. τ. Ἐπειδὴ ὁ Χ. ὅμως ἐν τῇ πραγματείᾳ δὲν εἶχεν ἀρχῆθεν ὑπ' ὄψει τὸ βιβλίον τοῦ κ. Carl Neumann, Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölf-

ten Jahrhundert, ἐγνώρισε δὲ τοῦτο μόνον ἐν τέλει τῆς πραγματείας του, ἔρχεται μὲν εἰς τὸ συμπέρασμα, ὅτι δικαιούμεθα νὰ ὑποθέσωμεν τὴν ὕπαρξιν καὶ τρίτου Προδρόμου, δὲν λύει ὅμως τὸ ζήτημα τελειωτικῶς, ποῖος εἶναι αὐτὸς ὁ τρίτος Πρόδρομος καὶ κατὰ ποίαν ἐποχὴν ἀκμάζει. Ἡμᾶς εἰς τὴν ἔρευναν τοῦ ζητήματος ὥρμησε κατὰ πρῶτον ἡ πραγματεία τοῦ Neumann καὶ ἰδίως τὸ ποίημα τὸ ὑπ' αὐτοῦ πρῶτον ἐκδιδόμενον (σελ. 46) ἐκ τοῦ βενετικοῦ κώδικος (cod. Marc. XI, 22 fol. 43 rect.). Ἐν αὐτῷ ρητῶς ἀναφέρεται ὡς ἀποθανὼν ὁ Πρόδρομος, ὁ ρήτωρ ὁ περίφημος, ὁ προτεθρυλλημένος, ἡ χελιδὼν ἡ μουσουργός, ἡ λαλιστάτη γλῶσσα, καὶ τούτου ἕνεκα ὁ Neumann ἔρχεται εἰς τὸ ἀναγκαῖον συμπέρασμα, ὅτι ὑπῆρξαν δύο Πρόδρομοι. Ἀλλὰ τὴν γνώμην τοῦ N. ἀποκρούει ὁ Bruno Keil ἐν Wien. Stud. 11 tom. (1889) σελ. 106, λέγων, ὅτι τὸ ποίημα οὐχὶ διὰ τὴν ὁμωνυμίαν ἀλλὰ κατὰ λάθος παρεισέφρησε μεταξὺ τῶν ποιημάτων τοῦ Προδρόμου, κατ' οὐδένα δὲ τρόπον δὲν δύναται νὰ ἀνήκῃ αὐτῷ, τόσῳ μᾶλλον, ὅσῳ καὶ προσῳδιακοὶ λόγοι (χρῆσις μακρῶν φωνηέντων ἀντὶ βραχέων καὶ τἀνάπαλιν) ἀποκλείουσι τὴν τοιαύτην ἐκδοχήν· καταλήγει δὲ εἰς τὸ συμπέρασμα, ὅτι τὸ ποίημα ἀνήκει εἰς ἀνώνυμόν τινα, προσθέτων, ὅτι τὸ ὄνομα τοῦ Προδρόμου ἔγεινε γενικὸν εἰς δήλωσιν παντὸς στιχουργήματος à la Prodromos. Τὸ κυριώτερον ὅμως τῶν ἐπιχειρημάτων τοῦ Keil, οἱ προσῳδιακοὶ λόγοι, εἶναι ὅλως σαθρόν, διότι τὸ ἐν λόγῳ ποίημα δὲν εἶναι προσῳδιακὸν ἀλλὰ τονικὸν καὶ οὐδεὶς λόγος δύναται νὰ γείνῃ περὶ μακρῶν καὶ βραχέων. Δὲν γνωρίζομεν, ἂν τοῦ Keil ἕνεκα ἢ δι' ἄλλους λόγους ἡ γνώμη τοῦ Neumann δὲν ἐλήφθη ἀρκούντως ὑπ' ὄψιν; τοῦτο ὅμως εἶναι βέβαιον ὅτι καὶ ἐν τῇ νέᾳ ἐκδόσει τῆς Byz. Litter.-Gesch. τοῦ κ. Krumbacher ἡ περὶ Προδρόμου γνώμη δὲν μετεβλήθη, ἂν καὶ ὁ κ. Krumbacher (ἐν σελ. 760) κάμνει μνείαν περὶ τοῦ ἐκκρεμοῦς τοῦ ζητήματος, τοῦ ὁποίου τὴν λύσιν περιμένει ἐκ τῆς δημοσιεύσεως τοῦ ὑλικοῦ τοῦ ἐν τοῖς χειρογράφοις σωζομένου.

Ἐκ τῶν προλεχθέντων ἐξηγεῖται, τὸ ἐνδιαφέρον τὸ ὁποῖον διήγειρεν ἐν ἡμῖν τοιοῦτον πολύπλοκον ζήτημα. Ὁρμητήριον καθὼς καὶ ἀνωτέρω εἴπομεν ἐχρησίμευσεν ἡμῖν τὸ ὑπὸ τοῦ Neumann ἐκδοθὲν ποίημα· ἀκριβέστερον εἰπεῖν ὁ Neumann δημοσιεύει μόνον στίχους τινὰς τοῦ ἀνεκδότου ποιήματος, ὅπερ σῴζεται ἐν τῷ βενετικῷ κώδικι ὑπὸ τὴν ἐπιγραφὴν «εἰς τὸν αὐτοκράτορα μὴ πειθομένου τοῦ M. Οἰκονόμου τῶν Μαγγάνων, τοῦ ἁγίου Κασσιανοῦ, τάξαι με εἰς τὸ δωρηθὲν ἀδελφᾶτον παρὰ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως». Ὁ ποιητής, ὡς καὶ ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς τοῦ ποιήματος γίνεται δῆλον, ζητεῖ παρὰ τοῦ αὐτοκράτορος τὴν χάριν νὰ κατατάξῃ αὐτὸν εἰς τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον. Τοῦ λόγου περὶ ἀδελφάτου

συμπεσόντος πρέπει νὰ σημειώσωμεν, ὅτι τοῦτο δὲν συνωνυμεῖ πρὸς τὴν λέξιν μοναστήριον, ἀλλὰ μᾶλλον εἶναι ὀρφανοτροφεῖον, ὅπερ κατὰ τὰ γραφόμενα τῆς Ἄννης Κομνηνῆς, ἥτις περιγράφει τὸ ὀρφανοτροφεῖον τοῦ ἁγίου Παύλου (ed. Reifferscb. II. σ, 290 κ. ἑ), ἠδύνατο ἐνταὐτῷ νὰ χρησιμεύῃ καὶ ὡς γηροκομεῖον. Εἶναι ἀληθές, ὅτι παρὰ τῇ Κομνηνῇ δὲν ἀπαντᾷ ἡ λέξις ἀδελφᾶτον, ἀλλὰ μόνον ὀρφανοτροφεῖον, δὲν παραλείπει ὅμως καὶ αὕτη νὰ ὀνομάσῃ τοὺς ἐν τῷ ὀρφανοτροφείῳ ζῶντας διὰ τοῦ ὀνόματος «ἀδελφῶν» (σελ. 292, 2 «τὸ δ' ἄλλο, ἐκεῖσε μὲν θαῦμα, ὧδε δὲ χορηγία βασιλικὴ τὸ αὔταρκες τοῖς ἀδελφοῖς πορίζουσα»), ὅπερ δίδει ἡμῖν τὴν ἀφορμὴν νὰ ὑποθέσωμεν, ὅτι τὰ εἰς τὸν καιρὸν τῆς Ἄννης ὀρφανοτροφεῖα λεγόμενα ὠνομάζοντο εἰς τὸν καιρὸν τοῦ ποιητοῦ, ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἴσως, ἀδελφᾶτα [1]). Εἰς τοιοῦτον λοιπὸν ἀδελφᾶτον ζητεῖ νὰ καταταχθῇ ὁ ποιητὴς τοῦ ἀποσπάσματος Neumann. Πρὶν ἢ προβῶμεν εἰς κρίσεις περὶ τῆς γνώμης τοῦ Neumann καὶ Keil ἐνομίσαμεν ἀναγκαῖον νὰ λάβωμεν γνῶσιν ὁλοκλήρου τοῦ ποιήματος τούτου, ἐκτὸς δὲ τούτου νὰ γνωρίσωμεν ἐπίσης ὁλόκληρα καὶ ἄλλα ποιήματα περὶ τοῦ αὐτοῦ θέματος πραγματευόμενα, τῶν ὁποίων μόνον ἀποσπάσματα ἀπηντήσαμεν παρὰ Neumann καὶ E. Miller (Hist. des crois.—Hist. grecs, II). Εὐτυχῶς τὴν ἀντιγραφὴν τῶν ποιηματίων τούτων πάνυ εὐγενῶς ἀνέλαβεν ὁ πανοσιολογιώτατος ἀρχιμανδρίτης τῆς ἐν Βενετίᾳ ἑλλην. ἐκκλησίας, κ. Σεβαστιανὸς Νικοκάβουρας, ᾧ μεγάλας ὀφείλομεν χάριτας. Κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον ἔχομεν ἀνὰ χεῖρας 5 ποιημάτια εἰς τὸν Πρόδρομον ἀποδιδόμενα καὶ πραγματευόμενα περὶ τοῦ ζητήματος τῆς προσλήψεως αὐτοῦ εἰς τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον, χάριν δὲ συντομίας, ὡς καὶ ἀνωτέρω ἐλέχθη, ἐν τοῖς ἑξῆς τὸν λόγον ποιούμενοι περὶ αὐτῶν θὰ τὰ ὀνομάζωμεν ἁπλῶς μαγγάνεια· Ἰδοὺ ἡ ἐπιγραφὴ ἑκάστου ἐξ αὐτῶν κατὰ τὴν χρονολογικὴν σειράν, τὴν ὁποίαν κατὰ τὴν γνώμην μας ἔχουσι.

1) Ποίημα εἰς τὸν αὐτὸν αὐτοκράτορα (Μανουήλ)· δεητήριος περὶ τοῦ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτου (cod. Marc. XI, 22· fol. 28 κ. ἑ. — στίχοι 189. — Πρβλ. Miller II σελ. 623 καὶ Neumann σ. 49).

2) Εἰς τὸν αὐτοκράτορα μὴ πειθομένου τοῦ μ. Οἰκονόμου τῶν Μαγγάνων, τοῦ ἁγίου Κασσιανοῦ τάξαι με εἰς τὸ δωρηθὲν ἀδελφᾶτον παρὰ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως (fol. 43—στίχ. 57.—Πρβ. Neumann, σ. 46).

---

1) Πρβλ. Προδρ. μαγγ. I, 178—180:

καὶ βάψον ταύτην εἰς ὑγρὸν πυρόχρουν ἐρυθραῖον
καὶ δώρησαί μοι καὶ σκηνὴν κωλυτικὴν τοῦ ψύχους
καὶ χρονικὴν διατροφὴν στηρικτικὴν τοῦ γήρως.

3) Δεητήριος περὶ τοῦ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτου δωρηθέντος μετὰ συγγράμματος (fol. 25ʳ κ. ἑ.—στίχ. 118.—Πρβ. Neum. σ. 50).

4) Ἕτερος λόγος εὐχαριστήριος εἰς τὸν αὐτοκράτορα ἐπὶ τῇ δωρεᾷ τοῦ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτου (fol. 9 κ. ἑ.—στίχ. 356.—Πρβ. Miller 110).

5) Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτὸν αὐτοκράτορα περὶ τοῦ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτου (fol. 22ᵃ κ. ἑ.—στίχ. 356.—πρβλ. Miller σ. 754 καὶ Neum. σ. 63).

Ὡς ἕκτον τῆς σειρᾶς ταύτης δύναται νὰ θεωρηθῇ ἕτερον ποίημα τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ ἐκδοθὲν παρὰ Miller (II 533) «δεητήριος εἰς τὸν αὐτοκράτορα περὶ ζώσης ἀλώπεκος»· διότι καὶ τοῦτο γράφεται ἀναμφιβόλως, καθ' ὃν καιρὸν ὁ ποιητὴς ἔζη ἤδη ἐντὸς τοῦ ἀδελφάτου. πρβλ. στίχ. 71.

Δός μοι, Χριστέ, τῷ δούλῳ σου καὶ ταύτην σου τὴν χάριν
ἵνα μὴ μάτην ὡς ἀργὸς ἐσθίω σου τὸν ἄρτον,
τὸν ἄρτον, ὅν μοι δέδωκας, τὸν μεμαγγανευμένον...

ἔνθα ἡ τελευταία φράσις τὸν ἄρτον τὸν μεμαγγανευμένον οὐδὲν ἄλλο δύναται νὰ σημαίνῃ ἢ ὅτι ὁ ποιητὴς διαιτᾶται ἐν τῷ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτῳ.

Τὸ πρῶτον τῶν μαγγανείων τούτων ποιημάτων περιέχει τὴν πρώτην αἴτησιν τοῦ ποιητοῦ περὶ τοῦ ἀδελφάτου. Ὅσον δὲ ἀφορᾷ εἰς τὸν χρόνον καθ' ὃν τοῦτο γράφεται, μᾶς δίδουσι νύξιν τινὰ οἱ στίχοι 166—173.

Ναί, πρὸς αὐτῆς τῆς βλάστης σου, ναὶ τῆς μονογεννήτου,
τῆς κόρης τῶν ὀμμάτων σου, τῆς μέσης σου καρδίας,
τῆς ἔτι νῦν ὑπὸ μαζόν, τῆς ἔτι θηλαζούσης,
τῷ βασιλείῳ στέμματι δεσποινικῶς στεφθείσης,
τῆς σταφυλῆς σου τῆς χρυσῆς, τῆς ὑπομφακιζούσης
καὶ φυσικαῖς γλυκύτησιν ὡς ὑποπερκαζούσης
καὶ τοῖς τοῦ κάλλους ἄνθεσι ποικίλως ἐξανθούσης,

ἔνθα ρητῶς ἀναφέρεται, ὅτι οἱ στίχοι γράφονται, καθ' ὃν καιρὸν θηλάζει ἀκόμη ἡ πρωτότοκος θυγάτηρ τοῦ Μανουήλ. Ἀλλὰ καὶ τὸ ζήτημα τοῦ χρόνου, καθ' ὃν ἐγεννήθη αὕτη, εἶναι ἀκόμη ἐκκρεμές, οὐδὲ δύναται νὰ σχηματίσῃ τις ἀκριβῆ ἰδέαν περὶ αὐτοῦ ἐκ τῶν συγχρόνων ἱστορικῶν Νικήτα Χωνιάτου καὶ Κιννάμου· διότι ὁ μὲν τελευταῖος θέτει τὴν γέννησιν τοῦ θυγατρίου ἀμέσως μετὰ τὸν πρὸς Οὔννους πόλεμον (πρβ. Κίνν. 118, 19—21 «ὑπὸ τοῦτον τὸν χρόνον καὶ θυγάτριον αὐτῷ πρώτως ἄρτι ἐκ τῆς Αὐγούστης ἐτέχθη Εἰρήνης, κάλλει διενεγκὸν Μαρία τε ὠνομάσθη καὶ βασιλὶς ἀνεβοήθη»), ἅτινα γεγονότα κατὰ μὲν τὸν Muralt [1]) ἀναφέρονται

1) Essai de chronographie byzantine par Edouard de Muralt, S.-Pétersbourg, 1871.

εἰς τὸ ἔτος 1151, κατὰ δὲ τὸν Fabrotum[1]) εἰς τὸ 1154. Ὁ δὲ Νικήτας κάμνει μνείαν τῆς ἡλικίας αὐτῆς μόνον ὁμιλῶν περὶ τοῦ γάμου αὐτῆς μετὰ τοῦ υἱοῦ τοῦ μαρκησίου τῆς Μόντης Φερράτης (222, 6—14 ἦν οὖν ἡ κόρη πολυμνήστη βασίλεια καὶ κατὰ τὴν Ἀγαμεμνόνειον Ἠλέκτραν ἄλεκτρος ἐπὶ πολὺ τοῖς ἀνακτόροις ἀλύουσα καὶ κατ' ἀγερωΐα ὑψηλὴν ὑψηλὴ καὶ κοίτης ἀνδρώας ἱμειρουσα· συνέζευκτο δ' οὖν ὅμως μετὰ πολλὴν τοῦ βασιλέως προμήθειαν ὕστερον ἑνὶ τῶν τοῦ μαρκεσίου Μόντης Φεράντης υἱῶν, χαρίεντι τὴν ὄψιν καὶ ἰδεῖν ἡλίσκῳ καὶ τὴν κόμην ἠλιῶντι καὶ εὐπρεπεῖ καὶ μήπω φύοντι γένειον, αὐτὴ τὸ τριακοστὸν ὑπεραναβᾶσα ἔτος καὶ ἀνδρικὴ τυγχάνουσα τὴν ἰσχύν)· ἐξ οὗ γίνεται δῆλον, ὅτι τιθεμένου τοῦ γάμου κατὰ τὸ 1179 πρέπει κατὰ τὰ λεγόμενα τοῦ Νικήτα νὰ ὑποθέσωμεν, ὅτι αὕτη ἐγεννήθη κατὰ τὸ ἔτος 1149 ἢ καὶ πρότερον. Εἰς οὐδὲν ὁριστικὸν περὶ τοῦ ζητήματος τούτου κατέληξεν ἡ συζήτησις μεταξὺ Neumann καὶ Keil, ὧν ὁ μὲν Neumann ἐν τῇ προμνημονευθείσῃ πραγματείᾳ (σελ. 51) βασιζόμενος ἐπὶ τοῦ ποιήματος τοῦ Προδρόμου «Ἐπίσμα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίσσης»[2]), στίχ. 55—60:

> Ὦ παραδείσου Κομνηνῶν ἐκλελεγμένε φοῖνιξ,
> ὡς εἰς καλὸν ἐξήνθησας ἐν κύκλῳ τῷ δεκάτῳ·
> κάλλιστον τοῦτο σύμβολον καὶ τέλειος ὁ τύπος,
> ἡ γὰρ δεκὰς ἐν ἀριθμοῖς ὡς τέλος καὶ τελεία
> καὶ τὸ τοῦ κύκλου τέλειον τὸ κράτιστον ἐμφαίνει,
> τὸ δὲ τῆς ὥρας εὐσθενὲς τὴν ὥραν προσημαίνει,

ἐκλαμβάνει τὴν λέξιν κύκλος ἰσοδυναμοῦσαν τῷ ἔτει καὶ ἐννοεῖ δεκάτῳ κύκλῳ· τὸ δέκατον ἔτος τῆς βασιλείας τοῦ Μανουήλ, ἢ τὸ δέκατον ἔτος τοῦ γάμου αὐτοῦ μετὰ τῆς Εἰρήνης, ἤτοι τὰ ἔτη 1153 ἢ 1156, κλίνει δὲ μᾶλλον πρὸς τὸ πρῶτον καθ' ὃ συμφωνοῦν καὶ πρὸς τὴν γνώμην τοῦ Κιννάμου. Ὁ δὲ Bruno Keil καὶ εἰς τοῦτο ἀντιτάσσεται αὐτῷ φρονῶν, ὅτι διὰ τῆς λέξεως κύκλος πρέπει νὰ ἐννοήσωμεν τὸ ἔτος τῆς ἰνδικτιῶνος καὶ ὑπολογίζει ὅτι τὸ πολιτικὸν ἔτος 1146—47, ἤτοι 6655 ἀ. κ. κ., εἶναι τὸ δέκατον ἔτος τῆς ἰνδικτιῶνος, ὥστε κατὰ Μάρτιον τοῦ 1147 θέτει τὴν γέννησιν τῆς πορφυρογεννήτου Μαρίας (δηλαδὴ ἓν ἔτος μετὰ τὸν γάμον [illegible] τοῦ 1146). Ἡ γνώμη αὕτη τοῦ Keil εἶναι ἀληθὴς ὑπάρχουσα συμβιβάζεται μὲ τὴν γνώμην τοῦ Νικήτα, διότι, ἂν ὄντως ἐγεννήθη τὸ ἔτος 1147, τότε κατὰ τὸν καιρὸν τοῦ γάμου της (1179) δὲν ἠδύνατο νὰ λέγηται περὶ αὐτῆς ὅτι τὸ τριακοστὸν ὑπεραναβᾶσα ἔτος. Ἀλλὰ κατὰ τῆς

1) [illegible]
2) [illegible]

γνώμης ταύτης τοῦ Keil δύναται νὰ ἀντιτάξῃ τις, ὅτι κατὰ τὴν ἐπικρατοῦσαν παρὰ Βυζαντινοῖς συνήθειαν ἡ λέξις κύκλος σημαίνει ἢ τὴν ἰνδικτιῶνα αὐτήν, ὁπότε ὁριζομένου τοῦ ἔτους ἡ λέξις κύκλος τίθεται κατὰ γενικὴν πτῶσιν, ἢ ἁπλῶς τὸ ἔτος. Ὁ Δουκάγγιος παρέχει τὰ ἀκόλουθα παραδείγματα (ἐν λ. κύκλος): μέχρι τῆς ὀκταύας ἐπινεμήσεως καὶ αὐτοῦ τοῦ ἐνεστῶτος κύκλου. — μέχρι τῆς δευτέρας ἐπινεμήσεως τοῦ παρῳχηκότος κύκλου.—κατὰ τὴν ιδ' ἐπινέμησιν τοῦ παρελθόντος κύκλου.—τῆς ἕκτης ἐπινεμήσεως τοῦ τηνικάδε κύκλου.—ἐν ταῖς περιόδοις τῶν κύκλων τῶν καλουμένων ἐπινεμήσεων.—ἐπεὶ τέταρτος ἀπ' ἀρχῆς διῆλθε κύκλος (=τέταρτον ἔτος). Θὰ ἐδικαιούμεθα λοιπὸν καὶ ἐν τῷ προκειμένῳ χωρίῳ νὰ παραδεχθῶμεν τὴν ὑπὸ τοῦ Keil διδομένην ἑρμηνείαν, ἂν εἴχομεν ἐν τῷ κειμένῳ γραφὴν «ἐν κύκλου τῷ δεκάτῳ» ἀντὶ «ἐν κύκλῳ τῷ δεκάτῳ», τόσῳ μᾶλλον, ὅσῳ καὶ μέχρι σήμερον ἐπικρατεῖ ἐν τοῖς ἡμερολογίοις ἡ αὐτὴ συνήθεια, καθ' ἥν, ὁριζομένου τοῦ ἔτους, τίθεται ἡ λέξις ἰνδικτιὼν κατὰ γενικήν, π. χ. ἰνδικτιῶνος δ' (ἔτος), ἰνδικτιῶνος ζ' κ. τ. λ. Ἐκτὸς τούτου ὅμως ὑπῆρξαν καὶ ἄλλοι λόγοι, οἵτινες ἔπεισαν ἡμᾶς νὰ καταλήξωμεν εἰς τὸ συμπέρασμα, ὅτι ὀρθότερον ἐννοεῖ τὸ χωρίον τοῦ Προδρόμου ὁ Neumann. ὡς πρὸς τοῦτο δύνανται νὰ μᾶς βοηθήσωσεν οἱ ἄνω μνημονευθέντες στίχοι 58—59:

Ἡ γὰρ δεκὰς ἐν ἀριθμοῖς ὡς τέλος καὶ τελεία
καὶ τὸ τοῦ κύκλου τέλειον τὸ κράτιστον ἐμφαίνει

ἔνθα ὁ κύκλος κατ' οὐδένα τρόπον δὲν δύναται νὰ ἐννοηθῇ ὡς σημαίνων τὴν ἰνδικτιῶνα ἀλλ' ἁπλῶς τὸ ἔτος, διότι τὸ ἔτος 1147 δὲν θὰ ἐδήλου τὸ τέλειον τοῦ κύκλου ἤτοι τῆς ἰνδικτιῶνος· ἐνῷ ἂν ἐκλάβωμεν τὴν λέξιν μὲ τὴν σημασίαν ἔτους καὶ μάλιστα ἔτους τῆς βασιλείας Μανουήλ, τότε ἐννοοῦμεν πληρέστατα τὸ τέλειον τοῦ κύκλου, σημαῖνον τὸ τέλος τοῦ δεκάτου ἔτους τῆς βασιλείας Μανουήλ, καὶ τὸν ὅρον τοῦτον ἐκπληροῖ ὁ Μάρτιος τοῦ 1853, γνωστοῦ ὄντος ὅτι ὁ Μανουὴλ ἀνέλαβε τὰς ἡνίας τοῦ κράτους κατὰ Ἀπρίλιον τοῦ ἔτους 1843. Ὅτι δὲ κατὰ Μάρτιον ἔγεινεν ἡ γέννησις, μαρτυρεῖ ὁ αὐτὸς ποιητὴς ἐν στίχ. 54—55 τοῦ αὐτοῦ ποιήματος:

ἄρτιος μόνος τῶν μηνῶν ὁ μάρτιος ἀρτίως
Κομνηνικὴ γὰρ ἄμπελος ἐξήνθησεν ἐν τούτῳ...

Ἀλλὰ καὶ ἄλλην ἀπόδειξιν δυνάμεθα νὰ φέρωμεν ἐναντίον τῆς γνώμης τοῦ Keil. Ἐν στιχ. 75—80 τοῦ αὐτοῦ ποιήματος ἀναγινώσκομεν:

Πυρσεύει σου τὸ βλάστημα πορφύρα βασιλέων,
ῥίζα βλαστῶν Κομνηνικῶν, αὐτοκρατόρων μαῖα,
ἐξήκμασας, ἐξήνθησας, πάλιν ἀνεκαινίσθης,

ἔνδον λαγόνων ἀρχαιῶν κατεῖχες τὸ φυτόν σου
καὶ νῦν ἀνέδωκας αὐτὸ μετὰ τοσοῦτον χρόνον
ἐπιθυμητικώτερον καὶ μετ' εὐχῶν ἀνθῆσαν

ὁπόθεν, μάλιστα δὲ ἐκ τοῦ στίχου 79, δεικνύεται σαφέστατα, ὅτι ἡ γέννησις τοῦ θυγατρίου τοῦ Μανουὴλ δὲν ἐπῆλθεν ἀμέσως μετὰ τὸν γάμον, ὅπερ ἀναγκαίως ὑπάρχει, ἂν παραδεχθῶμεν ἔτος γεννήσεως τὸ 1147, ἀλλὰ πολὺ βραδύτερον· τὸ γεγονὸς ἄρα προσεδοκᾶτο ἀπὸ πολλοῦ (μετὰ τοσοῦτον χρόνον!), εἰς τοῦτο δὲ ἐφιστᾷ τὴν προσοχὴν ἡμῶν καὶ ὁ Κίνναμος γράφων: πρώτως ἄρτι (=νῦν πρῶτον).

Τὸ ζήτημα ἀναγκαζόμεθα νὰ καταλίπωμεν πρὸς τὸ παρὸν ἐν τούτῳ, καθ' ὅσον κατωτέρω καὶ πάλιν θὰ ἀναγκασθῶμεν νὰ ἐπανέλθωμεν εἰς αὐτό, καὶ νὰ μεταβῶμεν εἰς τὸ δεύτερον τῶν Μαγγανείων.

Τὸ δεύτερον ποίημα ἐγράφη βραδύτερον τοῦ πρώτου, δυστυχῶς ὅμως εἶναι δύσκολον νὰ ὁρίσῃ τις κατὰ πόσον βραδύτερον· ἴσως παρεμπίπτουσι μόνον ἡμέραι τινὲς μεταξὺ τῶν δύο τούτων ποιημάτων, ἴσως δὲ καὶ μῆνες, εἰς πᾶσαν ὅμως περίπτωσιν οὐχὶ περισσότερον. Ὡς καὶ ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς τοῦ ποιήματος φαίνεται, ὁ Μανουὴλ λαβὼν τὴν πρώτην δεητήριον ἐπιστολὴν τοῦ ποιητοῦ, ὥρισε νὰ καταταχθῇ οὗτος εἰς τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον, ἀλλὰ ὁ μέγας οἰκονόμος τοῦ ἀδελφάτου, Κασσιανός, ἀρνεῖται νὰ δεχθῇ αὐτόν, ἴσως στηριζόμενος ἐπί τινων τύπων ἢ διατάξεων τοῦ ἱδρύματος, ἅτινα δὲν ἐλήφθησαν ὑπ' ὄψιν κατὰ τὴν πρώτην ἀπάντησιν εἰς τὴν δεητήριον τοῦ ποιητοῦ, ὅπερ δίδει τόπον καὶ εἰς τὴν ὑπόθεσιν, ὅτι ὁ μέγας οἰκονόμος ἐχθρικῶς πρὸς αὐτὸν διέκειτο. Τούτων ἕνεκα ἀναγκάζεται ὁ ποιητὴς νὰ ἐπαναλάβῃ καὶ πάλιν τὴν παράκλησίν του γράφων τὸ δεύτερον τῶν μαγγανείων καὶ νὰ ζητήσῃ ὥστε τὸ γράμμα νὰ γείνῃ καὶ πρᾶγμα. στίχ. 49—50:

καὶ τούτου χάριν δυσωπῶ λῦσον τὴν αἴτησίν μου
καὶ πρόσταξον γενέσθαι μοι τὸ γράμμα σου καὶ πρᾶγμα.

Ἱστορικὰ γεγονότα ἐν τῷ δευτέρῳ τούτῳ ποιήματι ἀναφερόμενα βλέπομεν ἐν στιχ. 5—8:

καὶ σὺ κατεμαργάρωσας τὸ στέμμα τοῖς τροπαίοις
καὶ τοῦτο κατεκόσμησας αἱματηροῖς λυχνίταις,
ὁπότε πρώτως εἶδέ σε σατράπης Ἰκονίου.
καὶ τοῦτο σάλπιγξ κοσμικὴ κηρύσσει καὶ σαλπίζει.

ἔνθα γίνεται μνεία περὶ τῆς πρώτης ἐκστρατείας τοῦ Μανουὴλ κατὰ τοῦ σουλτάνου Ἰκονίου· τὸ γεγονὸς τοῦτο ἀνάγεται εἰς τὸ γ' ἔτος τῆς βασιλείας

τοῦ αὐτοκράτορος τούτου (1146 κατὰ Muralt), ἀλλ' ἐπειδὴ μόνον παροδικῶς ἀναφέρει (τοῦ λόγου ὄντος περὶ τοῦ στέμματος) κατορθώματα, δι' ὧν πρώτως ἐδοξάσθη τὸ ληφθὲν στέμμα ὑπὸ τοῦ Μανουήλ, δὲν δικαιούμεθα, νομίζω, νὰ προϋποθέσωμεν, ὅτι οἱ στίχοι οὗτοι ἔχουσι σχέσιν τινὰ πρὸς τὸν χρόνον, καθ' ὃν ἐγράφη τὸ ποίημα. Τὸ μόνον, τὸ ὁποῖον μετὰ θετικότητος ἐξάγεται ἀναφορικῶς τοῦ χρόνου εἶναι, ὅτι τοῦτο γράφεται κατὰ τὰς παραμονὰς τῶν Χριστουγέννων, ὡς γίνεται δῆλον ἐκ τῶν στίχ. 51—57:

Ναί, φύσις εὐσυμπάθητε, ναί, φίλοικτε καρδία,
ἀρτιγενὴς ἐπίλυσις ἄρτι μοι βραβευθήτω
ἀρτιγενὲς γὰρ τίκτεται παιδίον ἐν σπηλαίῳ
ὅπερ καὶ σοὶ προώρισε τὰ κράτη καὶ τὸν θρόνον
καὶ δὸς κἀμοὶ χαρμόσυνα συνεορτάσαι πᾶσι·
ἐν γὰρ πανδήμῳ τελετῇ καὶ κρότῳ λαμπροφόρῳ
μόνον ἐμὲ τὸν δοῦλόν σου στυγνάζειν οὐχ ἁρμόζον.

Τὸ σπουδαιότατον ὅμως, τὸ ὁποῖον ἀρυόμεθα ἐκ τοῦ ποιήματος τούτου εἶναι, ὅτι κατὰ τὸ ἔτος, καθ' ὃ γράφεται, δὲν ὑπάρχει ὁ Πρόδρομος, ἐκεῖνος ὁ προδραμὼν (=ὁ προτελευτήσας), ὁ ῥήτωρ ὁ περίφημος, ὁ προτεθρυλλημένος, ἡ χελιδὼν ἡ μουσουργός, ἡ λαλιστάτη γλῶσσα, στίχ. 27—29:

πτοεῖ με γὰρ ὁ Πρόδρομος ὁ προδραμὼν ἐκεῖνος
ὁ ῥήτωρ ὁ περίφημος ὁ προτεθρυλλημένος,
ἡ χελιδὼν ἡ μουσουργός, ἡ λαλιστάτη γλῶσσα,

ἐκ τούτων πείθεται πᾶς τις, ὅτι πρὸ τοῦ γράφοντος ὑπῆρχεν εἷς διάσημος ῥήτωρ (ὁ πραγματικὸς Πρόδρομος), ὃν ὁ ποιητὴς τῶν μαγγανείων ὀνομάζει ὁμότεχνόν του, ὅπερ δύναται νὰ σημαίνῃ ὅτι ἀμφότεροι ἦσαν ῥήτορες, ἢ ποιηταί, ἢ διδάσκαλοι ἁπλῶς ἢ ἐκτὸς τούτων εἶχον καὶ ἕτερόν τι κοινόν, ὅπερ λανθάνει τὴν ἡμετέραν προσοχήν. Δὲν πρέπει δὲ νὰ ἀφήσωμεν ἀπαρατήρητον ἐν τέλει, ὅτι ἐν στίχ. 47:

ταῦτα τὰ προφοιβάσματα τοῦ φίλου μοι Προδρόμου

ὀνομάζει ὁ ποιητὴς τὸν πραγματικὸν Πρόδρομον φίλον του, ὅπερ δηλοῖ ὅτι δὲν δικαιούμεθα νὰ θέσωμεν τὸν πραγματικὸν Πρόδρομον πολὺ μακρὰν τοῦ χρόνου, καθ' ὃν γράφονται τὰ μαγγάνεια, ἀλλ' εἴμεθα κάπως ὑποχρεωμένοι νὰ θεωρήσωμεν αὐτὸν σύγχρονον μὲν τοῦ ποιητοῦ ἀλλὰ προτελευτήσαντα. Ἀλλὰ καὶ τοῦτο τὸ ζήτημα θὰ σαφηνισθῇ κάλλιον ἐν τοῖς κατωτέρω, διότι θὰ ἀναγκασθῶμεν νὰ ἐπανέλθωμεν.

Τὸ τρίτον ποίημα γράφεται ἐπίσης πρὸ τῆς εἰσόδου τοῦ ποιητοῦ εἰς τὸ ἀδελφᾶτον· καὶ πάλιν οὗτος ἀναγκάζεται νὰ ἀποταθῇ εἰς τὸν αὐτοκρά-

τορα, διότι τὸ ζήτημά του δὲν προύχώρησε· καὶ μετὰ τὸ δεύτερον στιχούργημα δὲν κατωρθώθη νὰ εἰσέλθῃ εἰς τὸ ποθούμενον ἀδελφᾶτον, ὡς τοῦτο γίνεται δῆλον ἐκ τῶν στίχ. 92—97:

> δῶρόν μοι λόγου δέδωκας, ἀλλ' οὐχ ὁρῶ τὴν χάριν,
> ἔχω τὸν χάρτην ἐν χερσὶν ἀλλὰ τὸ γράμμα βλέπω
> καὶ προσκυνῶ τὴν ἐρυθρὰν γραφὴν τοῦ καλλιγράφου
> τὸ πνεῦμα δὲ τοῦ γράμματος οὐκέτι κατοπτεύω.
> δὸς πνεῦμα καὶ τῷ γράμματι, γραφήτω καὶ τὸ πνεῦμα,
> ὁ τοῦ χρυσοῦ σου στόματος προστακτικός σου λόγος.

τίς ἀρά γε ἡ αἰτία τῆς τοιαύτης βραδύτητος; δυσμένειαν τοῦ αὐτοκράτορος εἶναι δύσκολον νὰ παραδεχθῇ τις διότι ὁ τρόπος, μὲ τὸν ὁποῖον ἀποτείνεται πρὸς αὐτὸν δεικνύει, ὅτι ἐν ταῖς σχέσεσιν οὐδεμία ἐπῆλθε ριζικὴ μεταβολή· τὸ πιθανώτερον εἶναι, ὅτι καὶ πάλιν τὸ ζήτημα ἦτο περὶ τύπων τινῶν· ἴσως ἐν τῷ γράμματι, ὅπερ ἐδόθη ὑπὸ τοῦ αὐτοκρατορικοῦ γραμματέως, δὲν ὡρίζετο ἀκριβῶς ὁ χρόνος, ἀπὸ τοῦ ὁποίου ἐδικαιοῦτο οὗτος νὰ εἰσέλθῃ εἰς τὸ ἀδελφᾶτον καὶ διὰ τοῦτο ἐδόθη τῷ μεγάλῳ οἰκονόμῳ νέα ἀφορμὴ νὰ δείξῃ τὴν πρὸς τὸν ποιητὴν δυσμένειάν του ἀποκλείων καὶ πάλιν τοῦτον· τοιαύτη τις προϋπόθεσις ἐπιτρέπεται, ἂν βασισθῇ τις ἐπὶ τῶν τελευταίων στίχ. τοῦ ποιήματος 108—112, 114—115.

108: ἐξαπορῶ, μονάρχα μου, λῦσον τὴν ἀπορίαν
καὶ λύσεις καὶ τὴν ὄχλησιν, ἣν συνεχῶς ὀχλεῖται,
τὸ γαληνὸν καὶ φιλοικτον καὶ προσηνές σου κράτος·
ἂν πρόκηται τῷ γράμματι καὶ τῷ προστάγματί σου
αὐτὸ τὸ δύσφημον ῥητὸν τὸ φάσκον ὁπηνίκα...

114: Ἂν δὲ γραφῇ τὸ κάλλιστον τὸ λέγον ἀπ' ἐντεῦθεν
ἔλυσα καὶ τὴν αἴτησιν ἑτοίμως ἀπ' ἐντεῦθεν.

Ὅσον δ' ἀφορᾷ τὸν χρόνον, καθ' ὃν ἐγράφη, καὶ τοῦτο δὲν μᾶς δίδεται οὐδεμία νύξις· οὐδεμία ὅμως ἀμφιβολία ὅτι καὶ τοῦτο χωρίζει ἀπὸ τοῦ προηγουμένου διάστημα ὀλίγων μόνον ἡμερῶν, ὥστε τοῦ δευτέρου γραφομένου κατὰ τὰ Χριστούγεννα, τὸ τρίτον θὰ ἐγράφη ἢ κατὰ τὰς τελευταίας ἡμέρας τοῦ τότε τρέχοντος σωτηρίου ἔτους ἢ κατὰ τὰς ἀρχὰς τοῦ ἀμέσως ἑπομένου.

Τὸ τέταρτον γράφεται ἤδη διαμένοντος τοῦ ποιητοῦ ἐντὸς τοῦ ἀδελφάτου καὶ μάλιστα γράφεται πιθανῶς ἀμέσως μετὰ τὴν εἴσοδον, διότι εἶναι «εὐχαριστήριος εἰς τὸν αὐτοκράτορα ἐπὶ τῇ δωρεᾷ τοῦ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφάτου», ὡς τοῦτο γίνεται κατάδηλον καὶ ἐκ τῶν στίχων 164—65:

οὗτοι κἀμοὶ γεγόνασι τροφεῖς καὶ ζωοβρύται[1])
οὗτοι κἀμὲ τὸν ἄστεγον εἰσῆξαν ἐπὶ στέγην.

Ἐκ τῶν ἀνωτέρω ἕπεται ὅτι καὶ τοῦτο χρονικῶς δὲν πρέπει νὰ εἶναι πολὺ ὑστερογενέστερον τοῦ προηγουμένου, ὥστε καὶ τοῦτο ἀναγκαίως πρέπει νὰ θέσωμεν εἰς τὰς ἀρχὰς τοῦ ἐπομένου ἔτους, ἢ καθ' ὃ ἐγράφησαν τὸ πρῶτον καὶ δεύτερον.

Ἐν τῷ ποιήματι τούτῳ ἱστορικὴν ἴσως σημασίαν θὰ εἶχον οἱ ἀκόλουθοι στίχοι, 241—252:

Τί δ' οὐ καὶ σύ, τρισαριστεῦ, τὴν χεῖρα ρωμαλέος
οὐχ Ἀχιλλεύς τις ἕτερος ἐν ὅλῳ τῷ στρατῷ σου;
οὐ Σολομὼν τὴν σύνεσιν; οὐ σταθερός, οὐχ ἔμφρων;
οὐ παρορῶν ὡς τὰ πολλὰ πολλῶν ἐμπαροινίας;
οὐ παραβλέπων πταίσματα καὶ φέρων ρᾳθυμίας
οὐχ ἄκραν ἐνδεικνύμενός ποτε φιλοσοφίαν
ὑπὲρ ἡμῶν ὑπέφερες καὶ ζώσεις ἀπὸ ξίφους;
οὐχ εἶδε συμπλεκόμενον θεὸν μετὰ βαρβάρων
ἐκεῖνος ὁ Διόκλειος ὁ καὶ θεόπτης λόφος,
ὃν ὑπὲρ Οἴτην ὕψωσας καὶ κορυφὴν Ὀλύμπου
ἡμῶν ὑπερμαχόμενος ὑπὲρ ἐλευθερίας;
καὶ τοῦτο δεῖγμα καθαρᾶς ἀγάπης φιλοσόφου,

καθ' ὅσον ὁ μὲν 244 ἴσως αἰνίττεται τὴν πρὸς τὸν Ἀνδρόνικον συμπεριφορὰν τοῦ Μανουήλ, ὅστις ἠρκέσθη νὰ φυλακίσῃ αὐτόν, δὶς ἀποπειραθέντα δολοφονίαν (1152, πρβλ. Muralt I σ. 163), οἱ δὲ 248—249 ἀναφέρονται πιθανῶς εἰς τὰ ἀνδραγαθήματα τοῦ Μανουὴλ κατὰ τὸν σερβικὸν πόλεμον (1150, πρβ. Muralt I σ. 161). προσέτι δὲ καὶ οἱ στίχοι 280—281:

σὺ δὲ Χριστὸν μιμούμενος ὑπὲρ ἡμῶν ἐπλήττου
οὐ τὰς τυχούσας τῶν πληγῶν ἀλλὰ τὰς θανασίμους,

οἵπερ ἀναφέρονται ἐπίσης εἰς τὸν αὐτὸν πόλεμον, ὅτε ὁ Μανουὴλ ἐπληγώθη ὑπὸ τοῦ ἀρχιζουπάνου Βαχχίνου εἰς τὴν παρειάν. Δὲν πρέπει δὲ νὰ ἀφήσῃ τις ἀπαρατηρήτους καὶ τοὺς στίχους 295—297:

ὅσα μηδέ τις κατὰ νοῦν τολμήσας ἐφαντάσθη
ὑπὲρ ἑκατοντάχειρα συμβάλλων τοῖς σατράπαις
καὶ μόνος συμπλεκόμενος μυρίοις ἀντιπάλοις,

οἵτινες ὅμως φέρουσι γενικὸν μᾶλλον χαρακτῆρα. Τέλος οἱ στίχοι 344—349:

κέλευσον τοὺς ἀνέμους σου πρόσταξον τῇ θαλάττῃ

1) Cod. τροφῆς ζωοβρύτου.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] ..

[illegible] 1150—1152 [illegible] Keil [illegible] 1847. [illegible] 6—7 [illegible].

[illegible] 1—4:

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible].

[illegible] ὁ Miller (II p. 7[illegible], στ. 39—84:

[illegible]
[illegible]
[illegible] Μίδα,

σταγὼν πρὸς μέγαν ποταμὸν καὶ ῥὰξ πρὸς ἀμπελῶνα
πεπλήρωταί σου τοῦ χρυσοῦ σατράπης Ἰκονίου
πεπλήρωται τῶν πέπλων σου καὶ τῶν χρυσῶν ταπήτων
καὶ τῶν περιβλημάτων σου τῶν ἐκ τῆς ἱστουργίας
κατεμαργάρωσας αὐτὸν ἐλάμπρυνας ἐκ λίθων
σφενδόναις κατεκόσμησας ἐκείνου τοὺς δακτύλους.
ἔφθασαν οἱ λυχνῖταί σου καὶ πρός γε τὰς Γαλλίας
τὸν Ῥῆνον περιέλαμψαν τὸν κρίνοντα τὰ νόθα
καὶ πρὸς τὸ δυτικώτερον ἐκεῖσε σελαγοῦσι.
εἶδον οἱ Ῥῆνες θησαυρούς, εἶδον βουνοὺς χρυσίων
καὶ τὴν ὀφρὺν κατέσπασαν τὴν ἐκτετυφωμένην
εἶδον ἐκ παραθέσεως, ἔγνων ἀσύγκριτόν σου
ἀπρόσμαχον τὸ κράτος σου μεγάλην τὴν ἰσχύν σου,
εἶδον ἁδρὰ βαλάντια, κύστεις χρυσίου πλήρεις·
οὐ γὰρ χωροῦσι θάλαμοι πάντα τὸν ἄργυρόν σου
τί πρὸς τοσοῦτο πέλαγος παραμετροῦμαι φρέαρ;
τί δὲ ποσῶς συγκρίνομεν γηλόφους πρὸς αἰθέρα;
ὁ πλοῦτος ὑπὲρ ἀριθμόν, μάτην ἀντιμαχοῦ μοι(?)
λοιπὸν ἀντιμαχούμεθα τοῦ κρείττονος τῶν ἄλλων·
οὕτω μὲν οὖν ἐξέπληξας πλούτῶν τοὺς ἠπειρώτας.
τί δὲ τὰ κατὰ θάλασσαν, τί δὲ τὰ κατὰ νήσους;
οὐχὶ κἀκεῖ σὺ τὸν χρυσὸν ἐκένωσας ὡς ψάμμον;
οὐχ ἥπλωσας τὸν ἄργυρον, ὥσπερ λεπτὴν ψηφίδα;
οὐχ ὅλον κατεχρύσωσας τὸ γένος τῶν Ἑλούρων;
οὐ ῥεῖθρον πίνουσι χρυσοῦν ἀπὸ τοῦ Πακτωλοῦ σου,
ὁπόσοι παρὰ θάλατταν τὸ ναυμαχεῖν ἀσκοῦσι;
οὐκ ἔδειξας χρυσολαμπῆ τὸν ζόφον τῆς ἑσπέρας,
καθ' ἣν οἰκοῦσιν ἀναμὶξ πολυσπερμέα[1]) γένη
καὶ φῦλα τὰ πολύγλωσσα καὶ πᾶσα πανσπερμία;
οὐ γέγονε κατάπληκτος ὁ ῥὴξ Ἀλαμανίας
ὁρῶν ἐπαγγελλόμενον ὅσα Θεοῦ καὶ μόνου
τὸν ἀπὸ γένους γνώριμον καὶ μᾶλλον ἐκ τῆς γλώσσης
τὸν σεβαστὸν ἐν σεβαστοῖς, τὴν ὀξυτάτην φύσιν;
οὐκ ἐκ τῶν παρατρίψεων καὶ τῶν συμπιλημάτων
καὶ τῶν χρυσῶν σου νεφελῶν ἔγνω τὰς ἀστραπάς σου
καὶ πᾶς ὑψαύχην μαχητής, δορύφρων, ὀγκωνίτης;

1) cod. πολυσπερέα.

οὐχ ὁ κλεινὸς τοῦ σεβαστοῦ καὶ πιγκερνάρχου παῖς
ἀπὸ τῶν βαλαντίων σου κεφάλας συνηθροίσας
χρυσῶν ἐκείνας ὑετὸν ἐπόμβρησεν ἀφθόνως
καὶ πάντα καθυπήγαγε τοῦ κράτους σου τῇ ζεύγλῃ
οἰκονομήσας ἄριστα καὶ προπαρασκευάσας
ὅσα προσῆκε κοινωνῷ βασιλικῶν αἱμάτων
δόξαν ὁμοῦ καὶ σύνεσιν καὶ πίστιν εὐτυχοῦντα.

Ἐκ τῶν στίχων τούτων εἰς ἓν καὶ τὸ αὐτὸ γεγονὸς ἀναφέρονται οἱ 47—67 καὶ 78—80, ἤτοι εἰς τὴν ἀποστολὴν τοῦ σεβαστοῦ Μιχαὴλ Παλαιολόγου εἰς δύσιν μετὰ πολλοῦ χρυσίου πρὸς Φρειδέριχον τὸν Α΄ τῆς Γερμανίας, ὅστις ἐπεθύμει νὰ λάβῃ σύζυγον ἐκ τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς (πρβλ. Κίνν. σ. 135 ἄνδρες τῶν ἐπὶ δόξης ἐπιφανοῦς ἐστάλησαν, Μιχαήλ τε ὁ Παλαιολόγος καὶ Ἰωάννης ὁ Δούκας, ἄμφω ἐς τὸ τῶν σεβαστῶν ἀξίωμα ἥκοντε.... ἐνετέλλετο δὲ αὐτοῖς χρήματα μεγάλα πρὸς βασιλέα κομιουμένοις. πρβλ. καὶ Νικήτ. 120, 19—121, 17). τῶν χρημάτων ὅμως τούτων δὲν ἔκαμον οὗτοι χρῆσιν πρὸς τὸν Φρειδέριχον ἀποτυχούσης τῆς ἀποστολῆς των, ἀλλὰ κατελθόντες εἰς τὴν Ἰταλίαν ἐσκόρπισαν ἀφθόνως αὐτὰ πρὸς τὸν σκοπὸν νὰ κατορθώσωσι νὰ ὑποτάξωσι τὴν Ἰταλίαν ὑπὸ τὸ σκῆπτρον τοῦ αὐτοκράτορος, μηδὲν ἄλλο ἐπιτυχόντες διὰ τούτου ἢ τὴν [illegible] τῶν συμμάχων. Τὰ γεγονότα ταῦτα ἀναφέρονται εἰς τὸ ἔτος 1155 (Muralt σ. 166). Πρὸ πάντων ὅμως [illegible] ἔχουσιν οἱ στίχ. 43—47 διότι οὗτοι μεγάλην ἔχουσιν ὁμοιότητα πρὸς τὰ ὑπὸ τοῦ Νικήτα ἱστορούμενα (σ. 154, 19—159· περὶ τῆς [illegible] τοῦ σουλτάνου Ἰκονίου Κιλιτζ Ἀρσλὰν εἰς Κωνσταντινούπολιν καὶ περὶ τῶν δώρων, ἃ παρ' αὐτοῦ ἔλαβε παρὰ τοῦ Μανουὴλ. Νικήτ. σ. 155 «[illegible] δὲ [illegible] ὁ Μανουὴλ καὶ [illegible] τὸν Κιλιτζαρσλὰν [illegible] τῶν [illegible]. ὡς ἡ βασιλεία Ῥωμαίων [illegible], ἐν [illegible] τῶν κατὰ τὸ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] χρυσὸς [illegible] [illegible] εἰς [illegible], καὶ [illegible] [illegible] [illegible] καὶ [illegible] χρυσᾶ καὶ [illegible] [illegible] ἄλλα [illegible]. Ῥωμαίους [illegible] καὶ [illegible] [illegible] δὲ [illegible] [illegible] αὐτοῖς καὶ τὰ [illegible] [illegible]. καὶ Κίνν. 2[illegible]4—2[illegible]). Ἐκ τῆς παραλληλίσεως δὲ τῶν [illegible] στίχων πρὸς τὰ ὑπὸ Νικήτα [illegible] [illegible] [illegible] ὁ [illegible] [illegible] ἄλλο [illegible] ἢ τὴν [illegible] τοῦ Κιλιτζ Ἀρσλάν. [illegible] ἔλαβε χώραν κατὰ τὸ ἔτος 11[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ἢ κατὰ τὸ ἔτος [illegible] ἢ [illegible] [illegible] [illegible] ὅμως δὲν [illegible]-

καιούμεθα νὰ χωρήσωμεν, διότι τότε ἀναγκαίως θὰ παρασύρωμεν εἰς μεταγενέστερον χρόνου σημεῖον ἀφ' ἑνὸς μὲν τὴν γέννησιν τῆς βασιλόπαιδος, ἐρχόμενοι κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον εἰς μεγάλην ἀντίφασιν πρὸς τὸν Νικήταν (ἴδε ἀνωτ. σ. 101), ἀφ' ἑτέρου δὲ τὸν γάμον τοῦ Μανουήλ, ἀπομακρυνόμενοι καὶ αὐτοῦ τοῦ σημείου, εἰς τὸ ὁποῖον κατέληξεν ὁ Neumann, ἤτοι τοῦ ἔτους 1146.

Ἱστορικὴν σημασίαν ἔχουσιν ἐπίσης καὶ οἱ στίχοι 140—210 τοῦ τελευταίου τούτου ποιήματος, ἐκδεδομένοι ἤδη κατὰ μέγα μέρος παρὰ Miller (II 755—756), τῶν ὁποίων παραθέτομεν ἐνταῦθα μόνον τὴν ἀρχὴν καὶ τὸ τέλος, ἅπερ λείπουσι παρ' αὐτῷ.

καὶ νῦν ἡ νέα Ῥώμη σου τοῦ κράτους (σου) τὸ λάχος
τὸ μέγα περιτείχισμα τῆς σῆς κληρονομίας
ὁρῶσα τὸ προτείχισμα τὸ κεκαινουργημένον,
ἔνθα πορθμὸς Ἀβυδηνὸς ὡς τράχηλος στενοῦται
ὥσπερ ὑποσφιγγόμενος δυσὶν ἀκρωτηρίοις,
ᾄδει καὶ μέλπει καὶ σκιρτᾷ καὶ κεφαλήν σοι κλίνει
καὶ ῥύστην ἐπιγράφεται καὶ λυτρωτὴν καλεῖ σε,
οἱ δὲ χρηστοὶ Βυζάντιοι τὸ πλῆθος τῶν χυδαίων
ὁ σύρφαξ ὄχλος καὶ μιγὰς καὶ πᾶς ἀγορανόμος
τὸ ζῆθι πάντως λέγουσι, μονάρχα καινοτόμε,
ὅτι τὸ ῥέγχειν δέδωκας ἡμῖν ἀπερικόπως
ἀλλὰ γὰρ πρόσσχε, δυσωπῶ μηδέ συνάσω ἔνδον (?)
μηδὲ σκοπήσας τό γε νῦν βαθύ τι καὶ λανθάνον
ἀστεῖα γὰρ κ. τ. λ.
μὰ τὴν πορφύραν τὴν σεπτήν, ἥτις ἐβλάστησέ σε
οὐδεὶς ἡμῶν ἀφύπνωττεν ἀπερισπάστως τότε,
ἂν δὲ καὶ παρὰ θάλατταν ἦχει τυμπάνου δέρας,
παλμὸς καρδίας ἔνδοθεν ἀντήχει τῷ τυμπάνῳ
ἡ θρὶξ ὠρθοῦτο τῆς σαρκὸς τῶν πόρων πηγνυμένων
ὁ τῶν ὀδόντων πάταγος φρικῶδες ὑπεψόφει
τὸ δέρας ἀπεψύχετο, συνίζανον αἱ σάρκες,
οὕτως ἀπεψυχόμεθα φόβον δριμεῖ χειμῶνι,
οὕτως ἐκλόνει καταιγὶς πραγμάτων οὐ λαιλάπων,
οὕτως ἐκύμαινεν ἡμᾶς ὁ λίβας τῆς δειλίας
ἕως αὐτὸς ἀνέτειλεν ὁ χρυσοβόλος γίγας,
ὁ κύκλος, ὁ περίβολος, ὁ πρόβολος, ὁ πύργος,
ὁ φοβερὸς ἐν προβολαῖς, ὁ δυνατὸς ἐν μάχαις,
ὁ σκύμνος ὁ πορφυρανθής, ὁ νῦν τοσοῦτον λέων,

ὁ ταῖς δορκάδων οὔθασιν ἐκγεγαλακτισμένος
καὶ τοῖς βαρβάρων αἵμασιν ὑπερεκτεθραμμένος.

Ἡ σχοινοτενὴς αὕτη περιγραφὴ τοῦ φόβου, ὅστις κατεῖχε τοὺς Βυζαντίους, ἀναφέρεται εἰς τὴν θρασεῖαν ἐπιδρομὴν τῶν Νορμαννῶν μέχρι Βλαχερνῶν Κωνσταντινουπόλεως καὶ εἰς τὴν μετὰ ταῦτα ὑπὸ τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ κατασκευὴν σιδηρᾶς γεφύρας ἐν Ἀβύδῳ πρὸς ἀποφυγὴν τοιούτων ἐκπλήξεων. Ἀλλὰ δυστυχῶς καὶ τῶν γεγονότων τούτων ὁ χρόνος δὲν εἶναι ἀκριβῶς ὡρισμένος. Ὁ Neumann (σελ. 64) νομίζει, ὅτι τὰ πράγματα λαμβάνουν χώραν κατὰ τὸ ἔτος 1149 καὶ ἡ γνώμη αὐτοῦ πράγματι συμφωνεῖ πρὸς τὰ ὑπὸ Κιννάμου γραφόμενα (σελ. 101). Κατὰ τὴν διήγησιν ὅμως τοῦ Νικήτα (σελ. 130—131) τὸ γεγονὸς ἀποδοτέον εἰς χρόνον πολὺ νεώτερον· διότι οὗτος ἀναφέρει ρητῶς, ὅτι ἡ ἐπίθεσις τῶν Νορμαννῶν ὑπὸ τὴν ἀρχηγίαν τοῦ κόμητος Μαΐου ἔγεινε κατόπιν τῆς συναφθείσης εἰρήνης μεταξὺ τοῦ ρηγὸς τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μανουὴλ (1156 κατὰ Muralt, 1158 κατὰ Gelzer ἐν Byz. Litteraturgesch. Krumbacher σ. 1026). Πρὸς τὴν διήγησιν τοῦ Νικήτα, ἂν μάλιστα λάβωμεν ὑπ' ὄψιν τὸ ὑπὸ τοῦ Gelzer ὁριζόμενον ἔτος, συμφωνεῖ πληρέστατα καὶ ὁ Πρόδρομος ἐν τῷ παρόντι ποιήματι· διότι ἄλλως δὲν ἐξηγεῖται, διατί τόσον λεπτομερῶς διατρίβει περὶ τοῦ φόβου τῶν Βυζαντίων ὁ ποιητὴς ἐν τῷ προκειμένῳ ποιήματι, παρὰ ἂν λάβωμεν ὑπ' ὄψιν ὅτι αὐτος διηγεῖται πρόσφατα γεγονότα, ἄγνωστα τῷ αὐτοκράτορι· ἐπειδὴ ὁ αὐτοκράτωρ ὁμολογουμένως ἀπουσίαζεν, ὡς μαρτυρεῖ καὶ ὁ Νικήτας (σ. 131 «βασιλέως μὴ παρόντος ἐντός»).

Ἐλέχθη ἀνωτέρω ὅτι ὡς ἕκτον ποίημα τῆς σειρᾶς τῶν μαγγανείων θεωροῦμεν τὸ ὑπὸ Miller (ἐν σελ. 531—533) ἐκδοθὲν καὶ φέρον τὴν ἐπιγραφὴν «δεητήριος εἰς τὸν αὐτοκράτορα περὶ ζώσης ἀλώπεκος». Ἐν αὐτῷ ὁ ποιητὴς ἀπαριθμεῖ πάλιν τὰ βάσανα τὰ ἐκ τῆς ἀσθενείας (ἀρθρῖτις), κατὰ τῆς ὁποίας τὰ ὑπὸ τοῦ νοσοκόμου Στιλβῆ ὁρισθέντα φάρμακα οὐδὲν ἐπέφερον ἀποτέλεσμα· ἐπειδὴ ὅμως εἰπόν τινες τῷ ποιητῇ, ὅτι τὸ δραστικώτερον φάρμακον κατὰ τῆς νόσου εἶναι ζῶσα ἀλώπηξ στίχ. 58:

«ἀλώπηξ μέγα φάρμακον εἰς τὴν ἀρθρῖτιν νόσον,
ἀλώπηξ εὑρεθήτω σοι, ζῶσα δεθήτω ξύλῳ,
καὶ πρὸς παφλάζον ἔλαιον ἀπορριφήτω ζῶσα,
καὶ τούτῳ χρῶ πρὸς ἴασιν ποδῶν σεσαθρωμένων»,

διὰ τοῦτο ἀποφασίζει οὗτος νὰ ἀποταθῇ εἰς τὸν αὐτοκράτορα, παρακαλῶν αὐτὸν (ὡς διάσημον κυνηγόν) νὰ τῷ προμηθεύσῃ ζῶσαν ἀλώπεκα. Τὸ ποίημα τοῦτο εἶναι μεταγενέστερον πολὺ καὶ τοῦ πέμπτου, δῆλον δὲ τοῦτο ἐκ τῶν στίχ. 4—6:

ἀλλ' οὐδ' ὁ πρωτοσέβαστος ἐξεῖπε τὰ τῆς νόσου,
οὐδ' ὁ πανσέβαστος γαμβρὸς τοῦ κραταιοῦ σου κράτους;
οἶμαι, κεκώλυκεν αὐτοὺς τὰ κυνηγέσιά σου.

Ἐκ τῶν δύο μνημονευομένων προσώπων τὸ μὲν πρωτοσέβαστος ἀναφέρεται πιθανώτατα εἰς Ἰωάννην τὸν Κομνηνόν, υἱὸν Ἀνδρονίκου Κομνηνοῦ καὶ ἀνεψιὸν τοῦ Μανουήλ, τὸ δὲ πανσέβαστος γαμβρὸς εἰς τὸν Ἀλέξιον τὸν ἐπὶ θυγατρὶ μνηστῆρα τῆς θυγατρὸς τοῦ Μανουὴλ Μαρίας, ἦτο δὲ οὗτος ὁ τοῦ βασιλέως τῆς Οὐγγαρίας Γεΐζᾶ υἱὸς Βέλας, ὅστις μετὰ τὴν εἰς Κωνσταντινούπολιν ἀποκατάστασίν του μετωνομάσθη Ἀλέξιος. Ὥστε τὸ ποίημα γράφεται μετὰ τὸν γενόμενον ἀρραβῶνα τοῦ Ἀλεξίου μετὰ τῆς Μαρίας, ἤτοι μετὰ τὸ ἔτος 1163 (πρβ. Du Cange, Famil. Byzantin. p. 187).

Γ'.

Πρὶν προβῶμεν εἰς τὴν ἐξαγωγὴν τοῦ γενικοῦ συμπεράσματος ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ προσθέσωμεν ἀκόμη καὶ ἕτερόν τι γεγονός, ὅπερ οὐ μικρὸν θὰ συντελέσῃ εἰς τὸν καθορισμὸν τῆς ἐνδιαφερούσης ἡμᾶς χρονολογίας. Ὁ Κίνναμος (ἐν σελ. 202) τὸν λόγον ποιούμενος περὶ τοῦ θανάτου Εἰρήνης, τῆς συζύγου Μανουὴλ, ἐπιπροσθέτει «αὕτη δυεῖν μὲν ἐγένετο θυγατρίων μήτηρ, ὧν ἡ μὲν πρεσβυτέρα ἐπεβίω τε καὶ τῷ πατρὶ ξυνδιήγαγεν, ἀτέρα δὲ ὀλίγῳ ὕστερον τὸν βίον ξυνεμετρήσατο τέταρτον ἡλικίας ἀνύουσα χρόνον· ἀλλ' ἔτι περιῆν ἡ παῖς τῇ νόσῳ παλαίουσα καὶ ὁ βασιλεύς... ἐπ' ἐκεῖνα ἐχώρει». Ἐκ τοῦ χωρίου τούτου ποριζόμεθα ὅτι ἡ βασίλισσα Εἰρήνη ἀποθανοῦσα (1158) ἀφῆκε δύο θυγατέρας, τῶν ὁποίων ἡ δευτέρα ἀσθενὴς οὖσα κατὰ τὸν θάνατον τῆς μητρὸς ἐτελεύτησε μετ' ὀλίγον διατρέχουσα τὸ τέταρτον ἔτος· ὥστε ἡ δευτέρα αὕτη κόρη, ἡ κατὰ τὸ 1158 διατρέχουσα τὸ τέταρτον ἔτος, θὰ ἐγεννήθη καθ' ἀνάγκην τὸ 1155 ἢ 1154.

Πρὸς ὁρισμὸν λοιπὸν τοῦ χρόνου, κατ' ὃν ἐγράφη ἓν ἕκαστον τῶν μαγγανείων, δυνάμεθα νὰ προβῶμεν, χωροῦντες ὀπισθοδρομικῶς ἀπὸ τοῦ τελευταίου τούτων, διότι τοῦτο κυρίως δίδει ἀρκετὰ διδόμενα ἱστορικά, τὰ ὁποῖα δύνανται νὰ χρησιμεύσωσιν ἡμῖν ὡς βάσις· κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον ἔχομεν τὰ ἑξῆς συμπεράσματα.

1) Τὸ πέμπτον τῶν μαγγανείων ποιημάτων γράφεται κατὰ τὸ ἔτος 1159· πολὺ νὰ ἀπομακρυνθῶμεν τοῦ σημείου τούτου, ὡς καὶ ἀνωτέρω εἴπομεν, δὲν δικαιούμεθα διότι θὰ ἀναγκασθῶμεν νὰ συμπαρασύρωμεν πολλὰ γεγονότα εἰς χρόνου σημεῖον μεταγενέστερον καὶ νὰ πέσωμεν κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον εἰς ἀδιεξόδους ἀντιφάσεις.

2) Τὸ τέταρτον ἄρα τῶν ποιημάτων θὰ ἀνήκῃ εἰς χρόνον κατὰ 3 ἢ 4 ἔτη προγενέστερον (καθ' ὅσον λέγει ὁ ποιητὴς «ἤνυσταί που τρίτον ἔτος»). ὥστε ἡ εἴσοδος τοῦ ποιητοῦ εἰς τὸ μαγγάνειον ἀδελφᾶτον ἀναγκαίως θετέα κατὰ τὸ ἔτος 1156 ἢ 1155, πιθανῶς δὲ καὶ τοῦ τρίτου ποιήματος ὁ χρόνος εἶναι ὁ αὐτός.

3) Τοῦ δευτέρου γραφομένου κατὰ τὴν ἑορτὴν τῶν Χριστουγέννων, ἤτοι κατὰ τὸ τέλος τοῦ σωτηρίου ἔτους, ὁ χρόνος θὰ εἶναι κατὰ ἓν ἔτος προγενέστερος, ὥστε τοῦτο γράφεται κατὰ τὸ ἔτος 1155 ἢ 1154. τὸ δὲ πρῶτον πρέπει νὰ ἐγράφη κατὰ τὸ αὐτὸ ἔτος μὲ τὸ δεύτερον.

Ἐκ τῶν δύο τούτων ὅρων, εἰς οὓς κατελήξαμεν (1155 ἢ 1154), περισσότερον συμβιβάζεται πρὸς τὰ πράγματα τὸ ἔτος 1154, διότι τότε γράφων ὁ ποιητὴς θὰ ἐδικαιοῦτο νὰ λέγῃ περὶ τῆς θυγατρὸς τῆς γεννηθείσης κατὰ τὸ 1153 (μάρτ.).

τῆς ἔτι νῦν ὑπὸ μαζόν, τῆς ἔτι θηλαζούσης

ἐνῷ ἂν λάβωμεν τὸ ἔτος 1155, τότε τοῦτο θὰ ἦτο δυσπαραδεκτότερον, ἐκτὸς ἂν ὑποθέσῃ τις ὅτι τὸ θηλάζειν λέγεται περὶ τῆς ἀνηλίκου κόρης μετὰ τῆς ἐπικρατούσης παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς ἀκριβολογίας. Τὴν τοιαύτην ὅμως παραδοχὴν (1155) ἀποκρούει καὶ τὸ γεγονός, ὅτι κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο ὑπῆρχε καὶ δευτέρα θυγάτηρ τοῦ Μανουήλ, ὁ δὲ ποιητὴς δὲν θὰ ἐδικαιοῦτο νὰ λέγῃ:

ναὶ πρὸς αὐτῆς τῆς βλάστης σου, ναὶ τῆς μονογεννήτου

Ὥστε ἀναγκαίως τὸ πρῶτον ποίημα γράφεται κατὰ τὸ ἔτος 1154.

Ἐκ τῶν προηγουμένων ἄρα συνάγεται ὅτι ἐκ τῶν δύο ὅρων (1153? 1156?), οὓς ἐκδέχεται ὁ Neumann περὶ τοῦ χρόνου τῆς γεννήσεως τῆς πρώτης θυγατρὸς τοῦ Μανουήλ, ὁ μόνος ὀρθὸς εἶναι τὸ ἔτος 1153. Μὲ τὴν παραδοχὴν τοῦ ὅρου τούτου, εἶναι ἀληθές, ἐρχόμεθα εἰς ἱκανὴν ἀντίφασιν πρὸς τὸν Νικήταν, λέγοντα, ὅτι κατὰ τὸν καιρὸν τοῦ γάμου της (1179—1180) ἡ πρωτότοκος αὕτη θυγάτηρ τοῦ Μανουὴλ ὑπερανέβη τὸ τριακοστὸν τῆς ἡλικίας ἔτος. ἀλλ' ἀνωτέρω ἀρκούντως ἀπεδείχθη ὅτι κατ' οὐδένα τρόπον δὲν δυνάμεθα νὰ λάβωμεν ὑπ' ὄψιν τὴν γνώμην αὐτοῦ ἀναφορικῶς τοῦ ζητήματος τούτου, ἄλλως τε καὶ διότι δὲν θὰ εἶναι ἴσως ἡ πρώτη παρ' αὐτῷ ἀπαντῶσα ἀνακρίβεια. Ἐκτὸς τούτου ὅμως κατὰ τὸν ὑφ' ἡμῶν παραδεδεγμένον ὅρον, θὰ ἦτο αὕτη κατὰ τὸν καιρὸν τοῦ γάμου της 26—27 ἐτῶν, εἰς πᾶσαν περίστασιν οὐχὶ νέα, ἦτο δὲ συγχρόνως καὶ ὑψηλὴ τὸ ἀνάστημα καὶ ἀνδρικὴ τὴν ὄψιν, ὥστε θὰ ἐδικαιοῦτο ὁ Νικήτας (καὶ οἱ περὶ αὐτὸν Βυζάντιοι) νὰ μεταχειρίζηται καὶ ποίαν τινα ὑπερβολήν, τόσῳ μᾶλλον,

ὅσῳ ἡ ἀντίθεσις πρὸς τὸν γαμβρόν, δεκαεπταετῆ νεανίαν, ἦτο πάντοτε μεγάλη.

Δ'.

Ἐκ τῶν ἀνωτέρω (σελ. 104) λεχθέντων πείθεται πᾶς τις, ὅτι τὰ μαγγάνεια ποιήματα δὲν ἐγράφησαν ὑπὸ τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου, ἀλλ' ὑπό τινος ἀνωνύμου. Ἡ παραδοχὴ ἀνωνύμου τινὸς νεωτέρου, προστιθεμένου εἰς τὸν μέγαν ἀριθμὸν τῶν ὁμωνύμων συγγραφέων, εἶναι ἀπὸ τὰ συνήθη φαινόμενα. Οὐχ ἧττον προτιμότερον νὰ ἀποφύγωμεν τὸν ἀνώνυμον φροντίζοντες νὰ καταλήξωμεν εἴς τι θετικώτερον. Ἐν πρώτοις ἐγείρεται τὸ ζήτημα, διατί πάντα τὰ μαγγάνεια, ἓξ τὸν ἀριθμόν, ἐν τῷ χειρογράφῳ ἀποδίδονται εἰς τὸν αὐτὸν Θεόδωρον Πρόδρομον, ἂν καὶ ἐν τῷ χειρογράφῳ οὐδὲ κατὰ σειρὰν τοὐλάχιστον ταῦτα εὑρίσκονται. Ἐκτὸς δὲ τούτου εἰς τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον δὲν ἀνήκει σωρὸς ὅλος ποιημάτων (ἴδε κατωτέρω), μετὰ τὸ 1154 γεγραμμένων εἰς πολιτικοὺς στίχους, μεταξὺ δὲ αὐτῶν καί τινα ἰαμβικά· ὅλα ταῦτα δὲν ἀνήκουσιν ἄρα εἰς τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον· θὰ ἀνήκωσι λοιπὸν καὶ ταῦτα εἰς τὸν ἀνώνυμον ποιητὴν τῶν μαγγανείων ἢ εἰς ἄλλον τινὰ ἀνώνυμον. ἀλλὰ καὶ πάλιν ἀκουσίως ὑποβάλλει τις ἑαυτῷ τὴν ἐρώτησιν: διατί λοιπὸν τοσαύτη πληθὺς ποιημάτων, μὴ ἀνηκόντων εἰς τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον, ἀποδίδονται εἰς αὐτὸν καὶ φέρουσι τὸ ὄνομα αὐτοῦ; Δὲν λανθάνομεν, νομίζομεν, ἂν ἀπαντήσωμεν εἰς τὴν ἐρώτησιν ταύτην, Διότι καὶ ὁ μεταγενέστερος οὗτος ποιητὴς ὠνομάζετο ἐπίσης Θεόδωρος Πρόδρομος· μόνον ἡ ὁμωνυμία δύναται νὰ ἐξηγήσῃ τὸ φαινόμενον τοῦτο, ὅτι τὰ προϊόντα τοῦ καλάμου δύο διαφόρων προσώπων ἀναφέρονται εἰς ἓν καὶ μόνον πρόσωπον καὶ ὅτι τὰ δύο ταῦτα πρόσωπα συνεχωνεύθησαν εἰς ἕν. Ἴσως οἱ σύγχρονοι διέκριναν ἀπ' ἀλλήλων τὰ δύο ταῦτα ὁμωνυμοῦντα πρόσωπα, ὀνομάζοντες τὸν μὲν Θεόδωρον Πρόδρομον τὸν δὲ Θεόδωρον Πτωχοπρόδρομον πρὸς διάκρισιν, ἀλλ' ἐν τῷ μετὰ ταῦτα χρόνῳ καὶ τοῦτο δὲν ὠφέλησε, συνέτεινε δὲ μᾶλλον νὰ δωρῆται τὸ ὄνομα τοῦ Πτωχοπροδρόμου καὶ εἰς ἐκεῖνον, ὅστις ἥκιστα ἦτον ἄξιος τοιαύτης προσωνυμίας, εἰς τὸν κυρίως Πρόδρομον. Φαίνεται δὲ ἡμῖν φυσικωτέρα ἡ τοιαύτη ἐξήγησις τῆς γεννήσεως τῆς λέξεως «Πτωχοπρόδρομος» ἢ τὸ λεγόμενον, ὅτι ὠνομάσθη οὕτω διὰ τὴν διηνεχῆ μεμψιμοιρίαν του ἐπὶ πενίᾳ καὶ δυστυχίᾳ. Ἀλλ' ἂν τοῦτο ἦτο ἀληθές, ἔπρεπε πολλοὶ ἐκ τῶν βυζαντινῶν λογίων νὰ τιτλοφορῶνται διὰ τοῦ κοσμητικοῦ πτωχός, ἴσως μάλιστα οἱ πλεῖστοι, διότι τὰ περὶ πενίας παράπονα ἔχουσι σχεδὸν πάντες κοινά, πολὺ δὲ περισσότερον ὁ διακεκριμένος λόγιος, ὁ κατὰ 150 ἔτη σχεδὸν μεταγενέστερος τοῦ Πτωχοπροδρόμου, Μανουὴλ ὁ Φιλῆς, θὰ ἐδικαιοῦτο νὰ ὀνομάζηται Πτωχοφιλῆς.

Ἄλλως τε ἡμεῖς διακρίνοντες ἤδη δύο διάφορα πρόσωπα, Πρόδρομον καὶ Πτωχοπρόδρομον, τὸν πάλιν Πτωχοπρόδρομον δικαιοῦμεν νὰ ἀπολύσωμεν εἰς τὸν κυρίως Θεόδωρον Πρόδρομον, τὸν Πρόδρομον τὸν ἐπαινούμενον ὑπὸ τοῦ Εὐσταθίου Θεσσαλονίκης, ἂν καὶ ἐκ τῶν ἔργων, τὰ ὁποῖα ἀπεδώσαμεν εἰς αὐτόν, δὲν λείπουσι παράπονα κατὰ τῆς πενίας.

Ἂν λάβωμεν λοιπὸν ὑπ' ὄψιν καὶ τὰ ἀποτελέσματα τοῦ κ. Χατζηδάκι, θὰ ἔχωμεν τρία διάφορα πρόσωπα: Θεόδωρον Πρόδρομον Α', Θεόδωρον Πρόδρομον Β' (τὸν καὶ Πτωχοπρόδρομον) καὶ Ἱλαρίωνα Πτωχοπρόδρομον. Χάριν διακρίσεως δὲ τῶν δύο πρώτων θὰ ὀνομάζωμεν τὸν μὲν πρῶτον ἁπλῶς Θ. Πρόδρομον, τὸν δὲ δεύτερον Θ. Πτωχοπρόδρομον.

Κατὰ τῆς τοιαύτης διακρίσεως θὰ εἶχε ἴσως νὰ ἀντιτάξῃ τις, καὶ εὐλόγως, ἀλλὰ διατί τοιαύτη ἐπιμονὴ τοῦ ὀνόματος Πρόδρομος ἐν τόσῳ βραχεῖ χρόνῳ; Ἡ τοιαύτη ἀπορία εἶναι τόσον μᾶλλον φυσική, ὅσον οὐδὲ ὑπάρχουσι δείγματα, ἐπιτρέποντα νὰ ὑποθέσῃ τις, ὅτι τὰ πρόσωπα ταῦτα συνδέονται μεταξύ των διὰ συγγενείας. Τὴν ἀπάντησιν εἰς τὴν ἀπορίαν ταύτην παρέχουσι, νομίζομεν, οἱ ἑξῆς στίχοι τοῦ δευτέρου τῶν Προδρόμων· Legr. Bibl. gr. vulg. σελ. 51· 101—105.

Μὴ σὲ πλανᾷ, πανσέβαστε, τὸ πτωχο-Προδρομάτον
καὶ προσδοκᾷς νὰ τρέφωμαι βοτάνας ὀρεινάδας·
ἀκρίδας οὐ σιτοῦμαι, οὐδ' ἀγαπῶ βοτάνας
ἀλλὰ μονοκύθριν παχὺ καὶ παστομαγειρείαν,
νὰ ἔχῃ [illegible] πολλὰ νὰ ἦναι [illegible]

[illegible]

ἀλλὰ μὰ τὴν ἐνοῦσάν μοι πολλὴν στενοχωρίαν
μὰ τὴν ἐξανεπίληστον[1]) πολλὴν πεζοπορίαν
βαβαὶ τὴν πρὸς παλάτιον μέχρι τῆς ἐκκλησίας

ὅπου ὁ ποιητὴς μνείαν ποιούμενος περὶ πεζοπορίας ἀπὸ τὸ παλάτιον μέχρι τῆς ἐκκλησίας, βεβαίως δὲν ὁμιλεῖ περὶ ἁπλῆς πεζοπορίας λαμβανούσης χώραν χάριν περιπάτου ἢ διασκεδάσεως ἀλλὰ περὶ ὑποχρεωτικῆς πεζοπορίας, ἥτις πιθανῶς καὶ ἐπόριζεν αὐτῷ τὰ πρὸς τὸ ζῆν ἀναγκαῖα· ἐντεῦθεν ἐπιτρέπεται ἡμῖν τὰ παραδεχθῶμεν, ὅτι τὸ προδρομᾶτον συνίστατο εἰς τοῦτο, ὅτι κατὰ τὰς ἐξόδους τοῦ βασιλέως ἐν τῇ πόλει, διὰ νὰ μεταβῇ εἰς ἐκκλησίαν ἢ ἀλλαχοῦ, προέτρεχε τῆς συνοδίας αὐτοῦ πεζὸς ὑπάλληλός τις, ταχὺς τοὺς πόδας, τοῦτο δὲ ἔχων ἔργον, ἴσως διὰ νὰ ἀναγγείλῃ τὴν ἐπικειμένην ἄφιξιν τοῦ βασιλέως. Δυστυχῶς οὐδαμόθεν ἄλλοθεν ἔχομεν πληροφορίαν τινὰ περὶ τούτου· οὐχ ἧττον ὅμως τοιαύτη τις προϋπόθεσις δὲν φαίνεται ἀπίθανος, ἂν λάβῃ τις ὑπ᾽ ὄψιν τοῦτο, ὅτι ὁ Πτωχοπρόδρομος συχνὰ ἀρέσκεται νὰ κάμνῃ λόγον περὶ τῆς ἀρετῆς τῶν ποδῶν του· πρβ. Mill. σελ. 531 (μαγγ. στ΄.)

στ. 3: καὶ γέγονεν ἀκίνητος ὁ πρότερον πτηνόπους.
13: ἀνέμῳ πρὶν συνέτρεχον, ἀνέμῳ συνωμίλουν
καὶ πόδας εἶχον πτερωτούς, ἐρίζοντας ἀνέμοις.

Δὲν πρέπει δὲ νὰ ἀφεθῶσιν ἀπαρατήρητοι καὶ οἱ στίχ. 63—64 τοῦ I τῶν μαγγανείων

Θέλησον οὖν συναγαγεῖν τὸν συνεισάξαντά σε
πρὸς τὴν εὐταῦθα νυμφικὴν τοῦ κράτους σου παστάδα,

οἵτινες θὰ εἶναι ἀκατάληπτοι ἄλλως· ὁ Πρόδρομος δύναται νὰ καυχᾶται ὅτι συνεισήγαγε τὸν αὐτοκράτορα εἰς τὴν νυμφικὴν παστάδα τοῦ κράτους, ἤτοι εἰς τὴν ἀρχήν, καθ᾽ ὅσον ἐξετέλει ἔργα προδρόμου κατὰ τὴν εἰς Κωνσταντινούπολιν πρώτην εἴσοδον τοῦ Μανουὴλ μετὰ τὸν θάνατον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ.

Τοῦ ἀσήμου τούτου ὀφφικίου ὁ ἄνθρωπος ἐλάμβανε φυσικῶς καὶ μισθὸν τακτικὸν ἐκ τῶν ἀνακτόρων, ὡς δῆλον γίνεται ἐκ τῶν στίχ. 63—64 (Legr. 50).

ἐδάρε, μίξον ὁμαδὸν ἅπαντα τὰ λαμβάνω
τὴν ῥόγαν, τὸ μηνιαῖόν μου καὶ τὰς φιλοτιμιάς μου...

συχνάζει εἰς τὸ παλάτιον καὶ ὀνειροπολεῖ μέλλουσαν προαγωγὴν καὶ μεταβολὴν τῆς τύχης του, ὡς γίνεται φανερὸν ἐκ τῶν ἀκολούθων στίχων του,

1) cod. ἐξανεπήλπιστον.

[illegible] 123—134 Legr. σελ. 42 :

[illegible]

[illegible] II σελ. 34.

[illegible]

[illegible] 55—57 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

τέρας ταύτας τὰς ἀπαιτήσεις τοῦ ζητήματος ἐξεπληρώσαμεν. Διὰ ταῦτα πρέπει νὰ θεωρῶνται τὰ ἑπόμενα μόνον ὡς σχεδιογράφημα προερχόμενον ἐκ μερικῆς μόνον γνωριμίας τῶν ἔργων αὐτῶν. Ἀρχίζομεν δὲ ἀπὸ τοῦ τελευταίου.

Ε'.

Εἰς τὸν Ἱλαρίωνα Πτωχοπρόδρομον ἀποδίδομεν μόνον τὰ ὑπὸ Legrand ἐκδιδόμενα 4 τελευταῖα ποιήματα (bibl. gr. vulg. p. 52—124.—κυρίως ταῦτα εἶναι δύο· πρβλ. Χατζηδ. σελ. 113). Εἰς τοῦτο μόνον περιωρίσθη ἡ συγγραφικὴ δρᾶσις τοῦ Ἱλαρίωνος; Ἴσως οὐχί· ἴσως σὺν τῷ χρόνῳ ἀποδειχθῇ ὅτι καὶ ἄλλα ἔγραψεν· ἀλλὰ ἂν βασισθῇ τις εἰς τὴν γνώμην, τὴν ὁποίαν σχηματίζει ἀναγινώσκων τὰ ποιήματα τοῦ Ἱλαρίωνος, τότε δὲν δικαιοῦται βεβαίως νὰ περιμένῃ μεγάλα πράγματα.

ΣΤ'.

Εἰς τὸν Θεόδωρον Πτωχοπρόδρομον ἀποδίδομεν κατὰ πρῶτον τὰ μαγγάνεια, 6 τὸν ἀριθμόν· ἐκτὸς δὲ τούτων εἰς αὐτὸν ἀναγκαζόμεθα νὰ ἀποδώσωμεν κατὰ πρῶτον ἐκεῖνα τῶν εἰς πολιτικοὺς στίχους γεγραμμένων ποιημάτων, ἅτινα εἶναι μεταγενέστερα τοῦ ἔτους 1154, καθ' ὃ δὲν ὑπάρχει ὁ πρῶτος Πρόδρομος· λέγομεν κατ' ἀνάγκην διὰ νὰ μὴ ἀναγκασθῶμεν νὰ παραδεχθῶμεν ἄλλον τινὰ ποιητὴν ἀνώνυμον, ἄλλως τε καὶ τοῦ ὕφους καὶ τῆς γλώσσης μὴ παρουσιαζόντων τοιαύτας διαφοράς, αἵτινες θὰ ἠδύναντο νὰ ἀπαιτήσωσι τὴν ζήτησιν ἄλλου ποιητοῦ. Εἰς αὐτὴν τὴν κατηγορίαν ὑπάγομεν μεταξὺ ἄλλων τὰ ἑπόμενα· 1) «εἰς τὸν αὐτὸν (Μανουὴλ) περὶ τοῦ πρίγκιπος καὶ τῆς κατὰ Ἀντιόχειαν βασιλικωτάτης προπομπῆς» (Mill. II, 305—310.—χρόνος συντάξεως 1156· πρβλ. Muralt σελ. 171), 2) «ἕτερος λόγος εἰς τὸν αὐτὸν αὐτοκράτορα πλατύτερον διεξιὼν τὰ κατὰ Ἀντιόχειαν βασιλικὰ κατορθώματα (Mill. II, 305—310.—γράφεται κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον ἢ καὶ κατά τι βραδύτερον), 3) Θριαμβευτικὴ εἴσοδος εἰς Ἀντιόχειαν (Mill. 319—326), ὅπερ οὐ μόνον διὰ χρονολογικοὺς λόγους πρέπει νὰ ἀποδοθῇ αὐτῷ ἀλλὰ καὶ λόγῳ ὁμοιότητος ὕφους καὶ τὸ κυριώτερον διότι ἐκ τῶν στίχων 334—340:

> Δέξαι καὶ τοῦτο τὸ μικρὸν ἐφύμνιον ὡς μέγα,
> μὴ πρὸς τὸ μέγεθος τῶν σῶν τροπαίων ἀποβλέπων,
> ἀλλὰ πρὸς τὴν ἀδράνειαν καὶ τὴν σαθρότητά μου,
> ἧς μοι καὶ γῆρας πρόξενον καὶ νόσος ἀπὸ ψύχους
> χεῖρας καὶ πόδας δήσασα καὶ πᾶν περιλαβοῦσα

καὶ πλήσασα φλεγματηρᾶς τὰ νεῦρα δυσκρασίας
ἄρθρον τε πᾶν καὶ σύνδεσμον καὶ πᾶσαν ἁρμονίαν

διακρίνομεν αὐτὸν τὸν νοσοῦντα καὶ ποδαλγοῦντα Θεόδωρον Πτωχοπρόδρομον, ὁποῖον βλέπομεν αὐτὸν καὶ εἰς τὰ μαγγάνεια ποιήματά του.

I 43: Ὁρᾷς, ὦ μονοκράτορ μου, πῶς ὑποσκάζω μόλις,
ὁρᾷς μου τὴν ἀσθένειαν, ὁρᾷς τὴν ἀτονίαν
καὶ τὴν ταλαιπωρίαν μου τὴν κατακάμπτουσάν με,
τὴν εἰς τὸ κάταντες ῥοπήν, τὴν εἰς τὸ χεῖρον λύσιν,
τὴν ἐκροήν μου τῶν σαρκῶν, τὸν μαρασμόν, τὴν τῆξιν...
II 13: ἴδε τὸν ἐπαινέτην σου, τὸν λάλον τέττιγά σου
ἤδη τῷ κώλῳ σκάζοντα καὶ κάτω κεκυφότα
ὡς παρειμένον καὶ σαθρὸν καὶ παραλελυμένον.
» 24: Ἰδοὺ τελείως ἤργησα καὶ γὰρ ἐγγωνιάζω
καὶ κλῆρον ἔχω πατρικὸν τοῦτο τὸ νόσημά μου
τρέμω καὶ τὴν ἐκμέτρησιν τοῦ κλήρου τῆς ζωῆς μου...
VI (Mill. 531) 1: Οὐκ ἤκουσας, μονάρχα μου, τοῦ δούλου σου τὴν νόσον,
οὐκ ἔμαθες, οὐκ ἤργησεν ἱέραξ ὑψιπέτης
καὶ γέγονεν ἀκίνητος ὁ πρότερον πτηνόπους;...
15: Ἀλλ' ἐπεπτώκειν εἰς ἰλύν, ἀλλὰ συνεποδίσθην,
ἀλλ' εὗροσάν με συμπλοκαὶ καὶ βρόχοι καὶ παγίδες,
ἀλλὰ συνέσχον με δεσμοὶ στερροὶ ταλαιπωρίας,
ἀλλὰ τοῦ γήρους χάλαζα τὰ νεῦρα καταψύχει,
ἀλλὰ χειμάρρους φλέγματος εἰς ταῦτα καταρρέει,
καὶ τῶν ποδῶν μου τὸ πτερὸν ἐμάρανε τὸ ψῦχος
καὶ περισύρομαι τῇ γῇ βραδύτερον χελώνης...
58 ἀλώπηξ μέγα φάρμακον εἰς τὴν ἀρθρῖτιν νόσον...
77: καὶ στήριξον τοὺς πόδας μου καὶ πῆξόν μου τὰς βάσεις·
οἱ γὰρ ἁρμοί μου σύμπαντές εἰσι σεσαλευμένοι·
83: κἂν βηματίζω στερεῶς, κἂν ἧττον ὑποσκάζω
δραμοῦμαι πρὸς ἐξύμνησιν τῆς σῆς εὐεργεσίας,...

4) ἐπάσματα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς Πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίδος (Mill. 341—343. —χρόν. 1453), 5) «εἰς τὸν αὐτὸν βασιλέα ἐγκώμιον» (Mill. 741). ὁ Miller μόνον ὀλίγους στίχους τοῦ ποιήματος τούτου παραθέτει, ὥστε δὲν εἶναι εὔκολον νὰ μαντεύσῃ τις ἐπὶ τίνι εὐκαιρίᾳ τοῦτο εἶναι γεγραμμένον· οὐχ ἧττον ἐκ τῶν στίχων 40—43 πείθεται πᾶς τις, ὅτι γράφει ὁ πάσχων καὶ γεγηρακὼς Θεόδωρος Πτωχοπρόδρομος·

ὤ πόσος μοι παρέρρευσε μετ' ἀθυμίας χρόνος!
ὤ πόσος κύκλος ἡμερῶν, πόσων ἡλίων δρόμος
παρῆλθεν οὕτως ἀτυχῶς καὶ μάτην παρερρύη·
ἤδη γὰρ γέρων ἔγωγε καὶ πολιά μοι μάρτυς...

6) «εἰς τὸν αὐτὸν βασιλέα περὶ τῆς αὐτῆς ὑποθέσεως» (Mill. 741—747) καὶ ἐν τῷ ποιήματι τούτῳ διαβλέπομεν τὸν αὐτὸν ποιητὴν ἐκ τῶν ἀκολούθων στίχων:

ποῦ μοι πρὸς ταῦτα τὸ πτερὸν ἐκεῖνο τῆς ἀκμῆς μου,
ἐκεῖνο τὸ ταχυπετές, ὑφ' οὗπερ ἀνιπτάμην,
ὅτε γοργοὺς ἐξέτεινον νεότητος ἐλάτας;
τίς δώσει μοι τὰς πτέρυγας τὰς ταχινὰς ἐκείνας;

(σελ. 742) 28: ἀλλ' ἐπειδὴ παρέδραμεν ὁ τῆς ἀκμῆς μου χρόνος
καὶ τὸ πτερὸν ἀφῄρημαι καὶ ῥαθυμῶ καὶ κεῖμαι
μηδ' ἔφιππος δυνάμενος ἱππηλατεῖν ὀξέως.
Ἆρα μὲν οὖν κλινοπετής, ἆρα νωθρὸς φανοῦμαι,
ἆρα τὴν βαθυδίνητον μιμήσομαι χελώνην;

7) «Ἕτερος λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα, ὅτε ἐκ μόνης τῆς αὐτοῦ ἐπιστασίας κατέπληξε τὸν κράλην καὶ νίκην εὗρεν ἀναίμακτον», ὅπου κράλης εἶναι ὁ τῆς Σερβίας ἄρχων Δεσέ (Mill. 748—752).

Ἂν καὶ εἰς μόνα ταῦτα, ὡς βέβαια ἔργα τοῦ Πτωχοπροδρόμου, βασισθῇ τις, θὰ δυνηθῇ εὐκόλως νὰ ἀνακαλύψῃ ὑπάρχουσαν σχέσιν μεταξὺ αὐτῶν καὶ πολλῶν ἄλλων εἰς στίχους πολιτικοὺς γεγραμμένων ποιημάτων καὶ οὐχὶ δυσκόλως θὰ σχηματίσῃ τὴν πεποίθησιν ὅτι σχεδὸν ὅλα τὰ ἐν τῇ Πατρολογίᾳ Migne (σελ. 1339—1392) προτιθέμενα ποιήματα εἶναι ἔργα τοῦ Θεοδώρου Πτωχοπροδρόμου καὶ ὄχι τοῦ Θεοδώρου Προδρόμου. Ἀλλὰ περὶ τοῦ ζητήματος τούτου θὰ διαλάβωμεν λεπτομερέστερον ἄλλοτε· πρὶν ὅμως τελειώσωμεν τὸν περὶ τούτου λόγον, ἀνάγκη νὰ ἀπαντήσωμεν καὶ εἰς τὸ ἐρώτημα: ἔγραψεν ὁ Πτωχοπρόδρομος ποιήματα εἰς μέτρα βάσιν ἔχοντα τὴν προσῳδίαν ἢ ὄχι; Καὶ εἰς τὸ ζήτημα τοῦτο, ἂν καὶ δὲν ἐξηκριβώθη ἀρκούντως ἀκόμη, φαίνεται ὅτι ἁρμόζει καταφατικὴ ἀπάντησις· τοὐλάχιστον τὸν ἰαμβικὸν τρίμετρον φαίνεται, ὅτι μεταχειρίζεται καὶ ὁ Θεόδωρος Πτωχοπρόδρομος καὶ οὐχὶ σπανίως· εἰς αὐτὸν ἀποδοτέα π. χ. τὰ εἰς τὴν γέφυραν τῆς Ἀβύδου ἀναφερόμενα 5 ἰαμβικὰ τρίμετρα, καθ' ὅσον λόγῳ ἡλικίας δὲν δύνανται νὰ ἀποδοθοῦν εἰς τὸν Θεόδ. Πρόδρομον (ἴδ. ἀνωτ. σ. 111). Εἰς αὐτὸν ἀποδίδομεν καὶ τὰ μετὰ τὴν πραγματείαν τοῦ Χατζηδάκη

[illegible]

(Mill. 633): ἔχεις κἀμὲ τὸν Πρόδρομον θερμότατον οἰκέτην
ἐκ τῆς ἐρήμου τῆς σκληρᾶς, τῆς αὐχμηρᾶς πενίας,
τῆς ἐπαράτου λυπηρᾶς νῦν ἐπανήκοντά σοι.
(μαγγάν. I) 68: μηδὲ παρίδῃς γέροντα καὶ ταῦτα ῥήτορά σου
ὑφηγητὴν τῶν ξένων σου καὶ περιφήμων ἔργων
ἄστεγον ἔτι ψύχεσθαι περιπεπλανημένον,
μὴ γεγονὼς κατάψυχρος ὀλέσῃ καὶ τὴν τέχνην
καὶ τὸν ῥητορικώτερον ἀποβαλεῖται λόγον.

Ζ'.

Μεταβαίνομεν νῦν εἰς τὸν περὶ τῶν ἔργων τοῦ Προδρόμου λόγον· βεβαίως καὶ ἐνταῦθα δὲν προτιθέμεθα νὰ κάμωμεν πλήρη ἀπαρίθμησιν καὶ κατάταξιν τῶν ἔργων αὐτοῦ, ἀλλ', ὡς καὶ ἀνωτέρω εἴπομεν, ἁπλοῦν σχεδιογράφημα νὰ δώσωμεν. Τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον γνωρίζει τις ἄριστα ἐκ τῶν ἐπιστολῶν καὶ τῶν ρητορικῶν του ἔργων (πρβ. Mign. 1253 κ. ἑ)· καὶ τὴν βραχυτάτην τῶν ἐπιστολῶν ἂν λάβῃ τις ὑπ' ὄψιν, πείθεται ὅτι ὁ γράψας εἶναι ἄνθρωπος κατὰ βάθος γνωρίζων τὴν κλασικότητα καὶ πολυμαθέστατος. δὲν γράφει γραμμὴν χωρὶς νὰ ὑπαινιχθῇ τι ἐκ τῆς κλασικῆς ἀρχαιότητος ἢ νὰ συσχετίσῃ τὰ λεγόμενα πρὸς τὰ ἄλλοτε ὑπό τινος τῶν ἀρχαίων λεχθέντα ἢ ἐν τῇ Γραφῇ ἀναφερόμενα· ἀρκεῖ νὰ ρίψῃ τις ἓν βλέμμα ἐπὶ τῆς συντόμου διατριβῆς «ὑπὲρ τῆς γλώττης τοῦ Ὀρφανοτρόφου καὶ Νομοφύλακος, κυροῦ Ἀλεξίου Ἀριστηνοῦ» (πρβ. Migne καὶ Notic. et Extr. VI σ. 559 κ. ἑ.), διὰ νὰ πεισθῇ πόσον εὐρὺς εἶναι ὁ κύκλος τῶν γνώσεων τοῦ Προδρόμου· δύναταί τις νὰ ἰσχυρισθῇ ὅτι ἐν τῇ συντόμῳ ταύτῃ πραγματείᾳ αὐτοῦ, σύσσωμος ἡ κλασικὴ ἀρχαιότης κάμνει παρέλασιν πρὸ τῆς φαντασίας καὶ τοῦ καλάμου τοῦ Προδρόμου· ἡ δὲ ἑρμηνεία μόνον μιᾶς ἑκάστης φράσεως αὐτοῦ ἢ ἑκάστου ὀνόματος κατὰ τὸ φαινόμενον ὅλως τυχαίως ριπτομένου θὰ ἀπαιτήσῃ πολὺν χρόνον. Παραθέτομεν μόνον μέρη τινα ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἔργου: (Notic. et. Extr. σελ. 552) «παραπλήσιον ὥσπερ εἰ Θερσίτης Νιρέως ἢ Ἀχιλλέως ἐγκώμιον ἔγραφεν, ἢ Σερίφιος ἄνθρωπος τοὺς Ἀθήνησιν ἀρίστους ἐξύμνει, ἢ Φάλαρις ὑπὲρ Ἀριστείδου ψῆφον εἰσῆγεν, ἢ Δημόφιλος Ὀρφέα τὰ ἐς Μοῦσαν ἐσέμνυνεν, ᾧ τοσοῦτον ἀμουσίας περιεῖναι λέγεται, ὡς καὶ ἐπ' αὐτῷ ταῦτα ποιηθῆναι τὰ ἐλεγεῖα·

Νυκτικόραξ ᾄδει θανατηφόρον· εἰ δέ ποτ' ᾄσει
Δημόφιλος, θνήσκει καὐτὸς ὁ νυκτικόραξ».

.... (σελ. 533) «ταύτῃ (τῇ γλώσσῃ) διαλεκτικοὶ μὲν περὶ παντὸς τοῦ προτεθέντος ἐξ ἐνδόξων περαίνουσι, ῥήτορες δὲ δημηγοροῦσι καὶ πρέσβεις ἀνα-

[illegible]

Κορίνθῳ μὲν εὑρημένον ὑπὸ Ἀρίωνος τοῦ Μηθύμνηθεν, πολὺ δὲ τὸ ἐνθουσιῶδες μετὰ χορείας ἔχον καὶ βακχικόν».... (1242) εἰ δὲ καὶ ἁ χεὶρ τὰν χεῖρα νίζει, τὸ Ἐπιχάρμειον, καὶ τῷ δότῃ δίδωσί τις, τὸ Ἡσιόδειον, καὶ τὸν ξύοντα ἀντιξύειν, τῇ παροιμίᾳ δοκεῖ καὶ χάρις ἐστὶν ἡ τίκτουσα χάριν κατὰ τὴν τραγῳδίαν, πῶς οὐ τὰς Ὁμηρικάς μοι χρησθῆναι γλώσσας εὐξαίμην καὶ περιστήσεσθαί μοι τὴν οἰκονομίαν; ... μή τις καὶ πάλιν Τίμων νεώτερος ἀγαθόν με ψέγειν προσαγορεύσειεν, ὡς ὁ παλαιὸς ἐκεῖνος τὸν Σπεύσιππον... ὑμνῶ γὰρ ἐγὼ κἀκεῖνο τὸ τοῦ Κικέρωνος, ὃ πρὸς τὸν στρατηγικώτατον Κάτωνα, Ῥωμαίω δ' ἄμφω τὼ ἄνδρε, σοφῶς ἀπεφθέγξατο· εἰ καὶ μὴ Κάτων δεῖται Ῥώμης, εἰπών, ἀλλ' ἡ Ῥώμη Κάτωνος. Ὁ μὲν οὖν Ἀθηναῖος φιλόσοφος (οἶδας τὸ τῆς πρεσβυτέρας εὖχος Ἀκαδημίας, τὸν Πλάτωνα) ... (σελ. 1244) σὺ μὲν ὕμνεις τοὺς Μίνως, ἄνθρωπε, καὶ τοὺς Ῥαδαμάνθυας. ...(ἐπιστολ. Μέλητι. Mign. 1248) «εἶτα σύ μοι λέγε τὸν Ὑμηττόν καὶ τὰς Σειρῆνας ἀρίθμει καὶ τὴν Θηβαίαν λύραν προστίθεσο καὶ τὴν κιθάραν Ἀρίωνος... (ἐπιστολ. τῷ ὀρφανοτρ. Mign. σελ. 1253) «καίτοι καὶ Συνέσιον οἶδα τὴν φαλάκραν καλλωπισάμενον καὶ Ἰουλιανόν γε οὐκ ἀγνοῶ τὸν οἰκεῖον, ὡς ἐν προσχήματι ψόγου σεμνύναντα πώγωνα»... (ἐπιστολ. Τραπεζοῦντ. 1254) συλλαβῶν ἐκείνων, ἱερῶν μέν, ἣ τὰ ἐν Δελφοῖς καὶ Πύθια προγράμματα, χρυσῶν δέ, ἣ (τὰ) Πυθαγόρου χρυσᾶ καλούμενα ἔπη, μουσικῶν δὲ ἣ τὰς Σειρῆνας οἱ μῦθοι γράφουσι, γλυκερῶν δὲ ὑπὲρ μέλι ψαλμικῶς καὶ κηρίον, ἀλλὰ μέλι μὲν τὸ Ὑμήττιον, κηρίον δέ γε τὸ Τραπεζούντιον... οὐδ' ἄν μοι πλίνθους ὅλας χρυσοῦ κομιεῖ, καθάπερ τῷ Πυθίῳ τὸν Κροῖσον φασί». Ἐκ πάντων τούτων φαίνεται, ὅτι ὄχι μόνον πολλὰ ἀνέγνωσεν ἀλλὰ καὶ μνήμην ἀπέραντον εἶχε καὶ ἐπιτηδειότητα νὰ κάμνῃ πρόσφορον χρῆσιν τῶν εὐρειῶν γνώσεών του. Κρίνων δέ τις ἐκ τοῦ ὕφους δὲν θὰ διστάσῃ νὰ ἀποδώσῃ τῷ αὐτῷ προσώπῳ καὶ τὰς λοιπὰς ἐπιστολάς, ὧν δύο ἐπιστέλλονται «Θεοδώρῳ», 2 «Λίζικι», 3 «τῷ Μυτᾷ»· ἐν ταῖς πρὸς Λίζικα π. χ. ἐπιστολαῖς διαφαίνεται ὁ αὐτὸς Πρόδρομος (Mign. 1285) «εἰ οὕτω ταχὺ τῶν συντρόφων ἐπιλελήσεσθαι ἔμελλες καὶ καθυπερφρονῆσαι ὅλων Προδρόμων, ἐξ ὧν πολλάκις ἐναργῆ τὰ τῆς φιλίας ἐκομίσω τεκμήρια... Πλὴν ἀλλὰ κἂν σὺ τὴν Λιζικὴν σημασίαν παρώσω, ἄπιστός μοι φίλος γινόμενος ἀλλ' οὐκ ἐγὼ τὴν Προδρομικήν· προτρέχω γὰρ κἀνταῦθα καὶ τὴν παροῦσαν προχαράττω γραφήν... (1286) «ἔχομεν οἷς αὐχήσομεν καὶ ἡμεῖς, τὸν περίπατον, τὴν Ἀκαδημίαν, τοὺς ἐν φιλοσοφίᾳ ἐνθεασμοὺς τῶν βιβλίων, ἅς τε ὠδινηθείσας τοῖς παλαιοῖς ἠγασάμεθα καὶ ἃς ἐκεῖθεν ὠδίναντες ἀπετέκομεν. Ἔστιν ἡμῖν εἰς σεμνολογίαν καὶ Πλάτων θεολογῶν καὶ Ἀριστοτέλης φυσικευόμενος καὶ Ἰταλικὸς διδάσκων καὶ γράφων. Ἔχω βῆμα κἀγὼ πολλῷ τοῦ σοῦ σεμνότερον βήματος, ὅσῳ τὸ

μὲν τὸν περί τε βάρβαρα κατατρίβεται καὶ βαρβάρους ὡς τὸ πλεῖστον ἐκπληροῦται, τὸ δ' ἡμῶν φιλοσόφων τοῖς ἐλλογιμωτάτοις συναναστρέφεται καὶ τὰς τῶν ὄντων φύσεις σκοπεῖ. Εἰς τὸν αὐτὸν συγγραφέα ἀνήκει καὶ ἡ ἐπιστολὴ πρὸς Γρηγόριον μοναχὸν καὶ καθηγούμενον τῆς μονῆς Ὀξείας (1290· ἐν ᾗ δὲ νῦν ἔχει λανθάνουσι..., μᾶλλον δὲ ἀγνοοῦμεν, σοφωτάτη ψυχή, ὁποῖα τῶν σῶν μεμνημένα προσρήσεών τε καὶ ἐντεύξεων ἐπὶ θεοῦ καὶ ἀγγέλων τὴν ζημίαν τὴν κοινὴν ἀπαμφιεννύμεθα, μετρούμεθα τῆς ἀμφοτέρας γλώσσης.

2 Εἰς αὐτὸν ἀποδίδομεν τὸ ποίημα εἰς τὸν Βαρέα, τὸν καταφλυαρήσαντα αὐτοῦ τὸ τοῦ αἱρετικοῦ ὄνομα (Migne σελ. 1405—1416) βασιζόμενοι ἐπὶ τῶν ἑξῆς στίχων:

ἔπειτα πάντων ἀμελήσας τῶν ἄνω
τὰ συμπεπλεγμένα τοῦ θείου πόθου,
ἀλλ' ἐν λόγοις μὲν τοῖς θύραθεν ἐτράφην,
τούτων δὲ τὰ χρήσιμα τῇ πίστει μόνα
ἀναθεὶς ἔθηκα πάντα πρὸς χρέος
ὡς μήτε πλατεῖ τοῖς πολυτρόποις τρόποις
καὶ λαβυρίνθοις συλλογισμῶν ἐμπέσω
μήτε πλουσίως τοῖς λόγοις στωμυλμένοις
παλαίσμασιν ἕδρας ἀπλῶς στρέφων.
Ἐντεῦθεν ἡμῖν αἱ Σταγειρίτου βίβλοι
ἐντεῦθεν αἱ Πλάτωνος ὑψηλαὶ λόγοι.

3 Ἐκ δὲ τῶν ἑπομένων στίχων τοῦ αὐτοῦ ποιήματος
ἐμὲ σταθερῶς τῆς θεοῦ μητρός...
ὡς πλεῖστα μὲν Τριάδος ὑμνεῖν χάριν.
τὸ μικρὸν δ' ἐξ ὀργάνων καὶ πρὸς ἡμέραν
ἐκ τῶν στίχων τὸν λέγοντα τὰ ὠνῶ
ἢ μᾶλλον ἐκ σοῦ, τῆς δὲ νῦν κειμένης...
ὡς τῶν θεῷ σώματα τὸν παῖδα νῦν
καὶ τὸν καθ' ἡμᾶς ἐν στίχοις τετραστίχοις
τετραστίχους εὐχέτιν ἐπηνεγκάμην

βασιζόμενοι ἀποδίδομεν τῷ αὐτῷ Προδρόμῳ ὅλα τὰ τετράστιχα ἰαμβεῖα καὶ ἡρῷα εἰς τὰ κεφαλαιωδῶς ἐν τῇ γραφῇ εἰρημένα. τοιαῦτα δὲ τὰ ἰαμβικὰ εἰς τὸν Ἀβραὰμ ξενίζοντα τὴν ἁγίαν Τριάδα, εἰς τὰς 12 ἑορτὰς τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὰ μονόστιχα ἰαμβεῖα εἰς ὅλους τῶν ἑκάστης ἡμέρας μνημονευομένων ἐν ὅλῳ τῷ ἔτει ἁγίων N. sic. VIII. 192, προσφωνητηρίους εἰς τὸν Παῦλον, τὸν θεολόγον Γρηγόριον, εἰς τὸν μέγαν

Βασίλειον, εἰς τὸν ἅγ. Ἰωάννην τὸν Χρυσόστομον κ. λ. π. (πρβ. Notic. VIII, 208. — δίστιχα ἐλεγειακά), εἰς τὸν ἅγ. Πέτρον σταυρούμενον (ἴαμβοι), καὶ πολλὰ ἄλλα τῶν θρησκευτικῆς ὑποθέσεως βραχυτέρων ἢ μακροτέρων ποιημάτων.

5) Εἰς αὐτὸν λόγῳ ὕφους πρέπει νὰ ἀποδοθοῦν καὶ τὰ περισσότερα τῶν πεζῶν ὡς τὸ πολὺ δὲ ῥητορικῶν ἔργων, τῶν διασωθέντων ὑπὸ τὸ ὄνομα Προδρόμου, οἷον «πρὸς τοὺς διὰ πενίαν βλασφημοῦντας τὴν πρόνοιαν, ἑρμηνεία εἰς τὸ «καὶ αὐτὸς προελεύσεται ἐν πνεύματι καὶ δυνάμει Ἠλίου», «δήμιος ἢ ἰατρός», «ἀμάραντος ἢ γέροντος ἔρωτες», Βίων πρᾶσις, ἐπιθαλάμιος τοῖς εὐτυχεστάτου Καίσαρος υἱοῖς, ἀπόδημος ἢ φιλία, κατὰ φιλοπόρνου γραός, κατὰ μακρογενείου, δοκοῦντος εἶναι διὰ τοῦτο σοφοῦ, Ξενέδημος (διάλογος), περὶ τοῦ μεγάλου καὶ τοῦ μικροῦ καὶ τοῦ πολλοῦ καὶ ὀλίγου (Notic. VIII. 219). Προσέτι δὲ ἡ μονῳδία εἰς τὸν πορφυρογέννητον καὶ σεβαστοκράτορα κ. Ἀνδρόνικον τὸν Κομνηνόν (Notic. VIII. 153), ἡ μονῳδία εἰς τὸν σεβαστὸν καὶ λογοθέτην κ. Γρηγόριον τὸν Καματηρόν (αὐτόθ. 155), μονῳδία εἰς τὸν Ἁγιοθεοδωρίτην κ. Κωνσταντῖνον (αὐτόθ. 156).

6) Αὐτῷ ἀποδίδομεν καὶ τὰ ποιήματα: στίχοι ἡρῷοι εἰς τὴν βασίλισσαν κυρὰν Εἰρήνην τὴν Δούκαιναν ἐπὶ τῷ θανάτῳ τοῦ Σεβαστοκράτορος υἱοῦ αὐτῆς (Notic. 170), τῷ πορφυρογεννήτῳ καὶ βασιλεῖ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ Κομνηνῷ ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Κασταμόνος (ἡρῷοι. — αὐτόθ. 173), «εἰς τὴν σοφωτάτην πορφυρογέννητον καὶ Καισάρισσαν κυρὰν Ἄνναν τὴν Δούκαιναν περὶ τῶν ἑαυτοῦ» (ἡρῷοι. — αὐτόθ. 175), εἰς τὸν μοναχὸν Ἰωαννίκιον (ἡρῷοι. — αὐτόθ. 185), ἔκφρασις διὰ στίχων ἡρωϊκῶν τῆς ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Κασταμόνος προελεύσεως τοῦ αὐτοκράτορος κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ (αὐτόθ. 182), τῷ μεγαλονίκῳ βασιλεῖ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ Κομνηνῷ ἐπὶ τῇ δευτέρᾳ Κασταμόνος ἁλώσει καὶ Γάγγρας (ἡρῷοι. — αὐτόθ. 205) καί τινα ἄλλα μικρότερα ποιήματα, οἷα τὰ κατὰ φθονούντων, κατὰ τῆς νόσου ἡρῷοι, οἱ εἰς τὸν ὀρφανοτρόφον ἀποτεινόμενοι ἡρωϊκοί, ἰαμβικοί, ἐλεγειακοὶ καὶ ἀνακρεόντειοι στίχοι (Notic. VII, 2, σελ. 246—258).

Εἰς αὐτὸν ἀποδοτέα προσέτι 7) τὸ μυθιστορικὸν ποίημα «τὰ κατὰ Ῥοδάνθην καὶ Δοσικλέα», ἡ κατομυομαχία, ἡ σχέδη μυός.

8) Τὸ ἀστρολογικὸν ποίημα καὶ οἱ εἰς τοὺς δώδεκα μῆνας στίχοι.

9) Καὶ τελευταῖον ἡ ἑρμηνεία τῶν κανόνων, ἣν καὶ ὁ Εὐστάθιος, ὡς εἴδομεν ἀνωτέρω, ἀποδίδει αὐτῷ.

Κατόπιν τῆς διαιρέσεως τῶν κυριωτέρων ἔργων τῶν ἀποδιδομένων εἴς τε τὸν Πρόδρομον καὶ Πτωχοπρόδρομον ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ δώσωμεν καί τινα χαρακτηριστικὰ τοῦ βίου καὶ τῆς δράσεως ἑκατέρου τούτων. Καὶ

ἐν τούτῳ θὰ περιορισθῶμεν εἰς [illegible] ὕπαρξιν [illegible] τερον, ἀφοῦ γνωρίσωμεν καλλίτερον [illegible] καὶ [illegible] αὐτόν, νὰ ἐκφέρωμεν τελειωτικὴν κρίσιν περὶ τοῦ ζητήματος καὶ νὰ [illegible] γήσωμεν βαθύτερον τὰς περὶ τοῦ ζητήματος [illegible] μας.

Η'.

Ὁ Θεόδωρος Πρόδρομος εἶναι [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] μας [illegible] [illegible] [illegible] δὲν ὑπάρχει καὶ [illegible] [illegible] [illegible] καὶ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] Μιχαὴλ [illegible] [illegible] [illegible] Φωτίας ἔγραφεν, [illegible] [illegible] Ἀγγελίδης [illegible] Migne 1244· ἡ [illegible] [illegible] τῶν γνώσεών του [illegible] καὶ [illegible] [illegible] ἢ [illegible] [illegible] μᾶλλον, ὅσῳ ἡ [illegible] [illegible] δὲν [illegible] τὴν [illegible] εἰς τὰς πραγματικὰς γνώσεις (realia) ἀλλὰ μόνον εἰς τὴν [illegible]. [illegible] [illegible] χάριν τῆς [illegible] του καὶ τῶν γνώσεών του, ὥστε καὶ [illegible] [illegible] νὰ [illegible], ὡς γνώρισμα [illegible] [illegible] καὶ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] νὰ [illegible] τοῦ Προδρόμου [illegible] [illegible] καὶ [illegible] [illegible] εἰς ὃ δὲν [illegible] [illegible] γνώσεων… Ἂν καὶ [illegible] [illegible] [illegible] ὅμως καὶ [illegible] γνώσεις [illegible] καὶ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] καὶ [illegible] [illegible] [illegible]. ἀλλὰ καὶ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] εἰς τὴν [illegible] τῆς [illegible], εἶναι [illegible] καὶ [illegible] [illegible] [illegible][2]; καὶ [illegible][3] καὶ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] καὶ ἀλλὰ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] εἰς

---

1 [illegible]

2 [illegible] Migne [illegible]

3 [illegible] Migne [illegible]

οἰκειότητα πρὸς Μιχαὴλ τὸν Ἰταλικόν, οὗτινος ἴσως ἦτο καὶ μαθητής[1]), ἔχει εἴσοδον εἰς τὰ ἀνάκτορα[2]), παραπονεῖται ἐπὶ πενίᾳ σπανιώτερον καὶ ἀξιοπρεπέστερον[3])· γράφει εἰς ῥέουσαν γλῶσσαν πεζὰ ἔργα, ἐν τοῖς ποιήμασι κάμνει χρῆσιν κυρίως τῶν ἀρχαίων μέτρων (ἑξάμετρα, ἐλεγειακά, ἰαμβικά, ἀνακρεόντεια) ἀλλὰ (σπανιώτερον) καὶ τοῦ πολιτικοῦ στίχου. εἶναι ὀξὺς σκώπτης φυσικῶν καὶ ἠθικῶν ἐλαττωμάτων[4])· φαίνεται ὅτι εἶναι ἄγαμος καὶ ἐναντίον τοῦ γάμου[5]). ἀκμάζει ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀλεξίου[6]), Ἰωάννου καὶ Μανουὴλ[7]) Κομνηνοῦ, ἡ δὲ κυριωτέρα δρᾶσίς του πίπτει ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰωάννου, φαίνεται ὅτι ἦτο ὡραῖος[8]) καὶ μᾶλλον ὑψηλὸς τὸ ἀνάστημα[9]), εἶχε δὲ καὶ κόμην ὡραίαν[10]). Ἠσθένησε βαρέως ἀπὸ εὐλογίαν καὶ χάνει τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς του[11]). ἂν κατόπιν ἐπανέκτησε τὸ τρί-

1) Ἐν τῇ ἐπιστολῇ πρὸς Λίζικα ἀναγινώσκομεν «ἔστιν ἡμῖν εἰς σεμνολογίαν καὶ Πλάτων θεολογῶν καὶ Ἀριστοτέλης φυσικευόμενος καὶ Ἰταλικὸς διδάσκων καὶ γράφων» (Mign. 1286).

2) Παράβαλε τὸ ἐν τῷ σημειώσει 1 μνημονευόμενον χωρίον.

3) Παράβαλε ἐπιστ. τῷ Τραπεζοῦντος (Mign. 1255).

4) Ἐπιστ. Τραπεζ. «καὶ, ἵνα μὴ τοῖς καθ' ἕκαστον ἐπεξίω, καὶ τὴν ἐπιστολὴν αἰσχύνω τῷ αἴσχει τῆς διηγήσεως, ἀλλόκοτόν τι τέρας... τὴν Βυζαντίδα περίειμι, δίκας ἴσως τιννὺς ὧν εἰς τοὺς γελοίους πολλαχοῦ πεπαρῴνηκα.—οἱ τελευταῖοι στίχοι τοῦ εἰς τὸν Βαρέα ποιήματος ἔχουσι:

ἐξ οὗ πέφευγε καὶ τὸ τῶν τριχῶν γένος
μωρᾷ κεφαλῇ μὴ θελῆσαν ἐμμένειν.—

Περὶ τοῦ ζητήματος τοῦτον παράβαλε καὶ τὰ εἰς Μαχάονα 16 ἐπιγράμματα (Annuaire de l'assoc. pour l'encourag. des étud. Grecques, 17 σελ. 58—63), καὶ τὰ σατυρικὰ αὐτοῦ «κατὰ φιλοπόρνου γραός», «κατὰ μακρογενείου γέροντος» κ. τ. λ.

5) Τὴν γνώμην ταύτην ἐσχηματίσαμεν ἐκ τῆς ἀναγνώσεως τοῦ Ἀμαράντου (Γέροντος ἔρωτες)· τοῦ διαλόγου ἡ σκηνὴ τίθεται κυρίως ἐν Ἀθήναις, ἀλλ' ὁ ἀναγνώστης ταχέως πείθεται, ὅτι τὰ δρῶντα πρόσωπα εὑρίσκονται ἐν Κωνσταντινουπόλει, Ἀμάραντος δὲ εἶναι αὐτὸς ὁ Πρόδρομος, ὅστις ἐκφέρει τὰς κατὰ τοῦ γάμου σκέψεις του καὶ σκοπὸν ἔχει κυρίως νὰ σατυρίσῃ γέροντά τινα ἰατρόν, ὅστις ἐν προβεβηκυίᾳ ἡλικίᾳ νυμφεύεται· ἴσως ἐπὶ τῷ αὐτῷ σκοπῷ ἐποιήθησαν καὶ τὰ εἰς Μαχάονα ἐπιγράμματα.

6) Ὅτι ἡ δρᾶσίς του ἀρχίζει ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀλεξίου ἔχομεν μόνον τινὰ διδόμενα ἀλλ' ἀμφίβολα· καθ' ὅσον δὲν ἠδυνήθημεν ἀκόμη νὰ ἀκριβώσωμεν τὸν χρόνον πολλῶν ἔργων αὐτοῦ· εἰς τὴν ἐποχὴν αὐτὴν νομίζομεν ἀνήκει ἡ μονῳδία εἰς τὸν σεβαστὸν καὶ λογοθέτην κύριν Γρηγόριον τὸν Καματηρόν, ὅστις ἀκμάζει ἐπὶ Ἀλεξίου Κομνηνοῦ (Ἀνν. Κομν.—Ἀλεξ. II σελ. 48,8).

7) Τὸ τελευταῖον μέχρι τοῦδε ὡρισμένης χρονολογίας ἔργον τοῦ Προδρόμου εἶναι ἡ ἐπιστολὴ πρὸς τὸν καθηγούμενον τῆς μονῆς Ὀξείας (1146).

8) Ἐπιστολ. τῷ ὀρφανοτρόφῳ περὶ λοιμώξ. «οὕτω δὴ καὶ αὐτὸς ἕως μὲν ἀγαθῶς εἶχέ μοι τὰ περὶ τὸ σῶμα, καὶ ἁβρῶς μὲν ἡ θρὶξ ἔσταλτο καὶ κομψῶς, συμμέτρως δὲ καὶ οὐ κατὰ φιλοσόφους καθεῖτο τὸ γένειον, πλατὺν μυκτῆρα τῶν ἐν τούτοις δυστυχούντων κατέχεον. Οὐκ ἔστι γὰρ ὅς με φαλακρὸς οὐκ εὐθὺς ἰδὼν ἰλιγγίασεν, οὐκ ἔστι δὲ ὃς μοι βαθυπώγων περιτυχὼν οὐκ ηὔξατό οἱ χανεῖσθαι τὴν γῆν» (Mign. 1253).

9) Τοῦτο εἰκάζομεν ἐκ τοῦ τρόπου καθ' ὃν γράφει περὶ τοῦ βραχέος τὸ ἀνάστημα ἰατροῦ του ἐν ἐπιστ. Τραπεζ. «προσηύξανε δὲ τὴν νόσον καὶ ἄτεχνος ἰατρός, τὴν μὲν ἡλικίαν βραχύ τι τῶν Δημοκριτείων ἀτόμων, ἢ τοῦ σημείου τοῦ γεωμετρικοῦ διενηνοχώς».

10) Ἀνάγνωθι τὰ ἐν σημ. 8 γραφόμενα.

11) Παράβαλε τὰς περὶ τῆς νόσου ἐπιστολάς, τὴν μίαν πρὸς τὸν Τραπεζοῦντος καὶ δύο πρὸς τὸν ὀρφανοτρόφον παρὰ Migne (1249, 1251, 1253).

γνήσιά του εἶναι ζήτημα, ὅπερ θὰ ἐξακριβωθῇ, ἂν ἀποδειχθῇ, ὅτι ἓν τῶν ἔργων αὐτοῦ, εἰς ἃ ὁμιλεῖ κατὰ τῆς φιλαργυρίας, εἶναι μεταγενέστερον τοῦ χρόνου τῆς ἀσθενείας του. Ὀνομάζει ἑαυτὸν Θεόδωρον[1]) καὶ ἀλλαχοῦ Πρόδρομον[2]). Ἀπέθανε πρὸ τοῦ 1154.

Θ'.

Ὁ Θεόδωρος Πτωχοπρόδρομος εἶναι ἀσυγκρίτως ὑποδεέστερος τοῦ προηγουμένου λόγῳ παιδεύσεως, ἀπρόσεκτος περὶ τὴν γλῶσσαν[3]), πολυλόγος, ταυτολόγος, φλύαρος εἰς τὰς διηγήσεις καὶ ὅταν θελήσῃ νὰ σχετίσῃ τὰ λεγόμενα πρός τι ἀρχαῖον παράδειγμα ἀποτυγχάνει οἰκτρότατα[4]), κόλαξ

1) Βλ. ἐπιστολ. πρὸς τὸν καθηγ. τῆς μονῆς Ὀξείας Migne 1289).

2) Βλ. ἐπιστ. τοῦ Ἀἰζικιωτοῦ οὕτω ταχὺ τῶν συντρόφων ἐπιλελῆσθαι· ἔμελλες καὶ καταπεφρονῆσθαι ὅλων Προδρόμων, ἐξ ὧν πολλάκις ἐναργῆ τὰ τῆς φιλίας ἐκομίσω τεκμήρια... Πάλιν ἀλλὰ κἂν σὺ τὴν Ἀἰζικιῶ σημαίαν παρώσω, ἄπιστός μοι φίλος γενόμενος, ἀλλ' οὐκ ἐγὼ τὴν Προδρομικὴν προτείνω γὰρ κἀνταῦθα καὶ τὴν παλαιὰν προχαράττω γραφήν (Migne 1285). Τὸ ὄνομά του ἀναφέρει καὶ εἰς τὰ ἀνακρεόντεια (Notic. VII, 2. σελ. 258).

3) Πολλὰ παραδείγματα τούτου ἠδυνάμεθα νὰ φέρωμεν, περιοριζόμεθα ὅμως πρὸς τὸ παρὸν εἰς βραχέα (Segr. σελ. 39):

23: ἀλλὰ μαχίμου γυναικὸς πολλὴν εὐτραπελίαν
προβλήματα προβάλλουσα καὶ πιθανολογίας
καὶ τὸ δοκεῖν εὐλόγως μοι προφέρεται πλουτάρχως.
(σελ. 45) 208: ἓν καὶ γὰρ ἐκ τῶν παίδων μου ἔπεσεν ἐκ τοῦ ὕψους.

ἀλλ' ἴσως θὰ εἴπῃ τις τὰ δημώδη ταῦτα δὲν πρέπει νὰ λαμβάνωνται ὑπ' ὄψιν. Ἀλλὰ καὶ εἰς τὰ ἄλλα ποιήματά του, εἰς ἃ μεταχειρίζεται γλῶσσαν καθαρωτέραν συχνάκις τὸν διαφεύγουν χυδαϊσμοί, συχνὰ δὲ πλάττει λέξεις αὐτὸς πολὺ κακοζήλους, οἷαι π. χ. μεμαγγανευμένος, πλουτάρχως καὶ ἄλλα τοιαῦτα. ἐκτὸς τούτου χαρακτηριστικοὶ εἶναι καὶ οἱ ἑξῆς στίχοι

(Mill. 758) 149: καὶ Μάμας οὐχ εὑρίσκεται καὶ τοῦ λιμοῦ ψοφοῦσι.
(Μαγγάν. I) 11: μᾶλλον μὲν οὖν τὰ ψύχη μου, διττὰ γὰρ ἔχω χρύη.
163: εἶτα καὶ λίβας καὶ βορρᾶς ὁμοῦ συμπεπνευκότες
ὁ λίβας μὲν ἐλίκμησε τὰ τῆς περιουσίας.
(Μαγγάν. III) 50: καὶ μετακαλεσάμενος τὸν κατεγκεκλημένον.
62: ὑπέροφρυς, ὑπέροπτος, ἀποτετυφωμένος.
114—115 Ἂν δὲ γραφῇ τὸ κάλλιστον τὸ λέγον ἀπ' ἐντεῦθεν
ἔλυσα καὶ τὴν αἴτησιν ἑτοίμως ἀπ' ἐντεῦθεν.
(Μαγγάν. IV) 126 αἱ γὰρ ἑπτὰ δηλοῦσι μοι τὸν ἑβδοματισμόν μου.
227 ουδὲ γυμνοὶ συμπλέκονται τοῖς πάντα καταφράκτοις
οὐδ' ἀσθενεῖς καὶ δείλανδροι τοῖς ὑπερμεγεθέσιν κ. τ. λ.

4) Χαρακτηριστικώτατον ὑπὸ τὴν ἔποψιν ταύτην τὸ τρίτον τῶν μαγγανείων· ὁ ποιητὴς λαβὼν τὸ γράμμα τοῦ αὐτοκράτορος, δι' οὗ ἐνόμιζεν ὅτι θὰ εἰσέλθῃ εἰς τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον, βλέπει ὅτι ἐψεύσθη τῶν ἐλπίδων του. Ἀναγκάζεται λοιπὸν νὰ γράψῃ καὶ πάλιν· ἐν τῷ ποιήματι δὲ τούτῳ διηγεῖται εἰς τὸν αὐτοκράτορα μίαν κρίσιν τοῦ Σολομῶντος, τὴν ὁποίαν πρῶτον παρ' αὐτῷ ἀπαντῶμεν καὶ ἥτις πρέπει νὰ προστεθῇ εἰς τὰ ἀπόκρυφα, τὰ μέχρι τοῦδε γνωστὰ περὶ κρίσεων Σολομῶντος. τὸ διήγημα ἔχει ἐν ὀλίγοις ὡς ἑξῆς· νέος εὔπορος ἠρᾶτο γυναικός, εἰς ἣν ὑπέσχετο μεγάλα δῶρα, ἀγέλας βοῶν καὶ προβάτων· αὐτὴ ὅμως ἄπληστος οὖσα ἀπέρριπτε τὸν ὑλικὸν αὐτοῦ ἔρωτα, θέλουσα νὰ λάβῃ περισσότερα. Μετ' ὀλίγον ὅμως παρατηρεῖ αὕτη ὅτι τὸ αἴσθημα αὐτοῦ ἔσβεσεν καὶ ὁ ἐραστὴς τὴν περιφρονεῖ·

μέχρι ἐξευτελισμοῦ [1]), γράφει κυρίως ποιήματα, ὡς τὸ πολὺ μεταχειριζόμενος τὸν συνήθη πολιτικὸν στίχον, οὐχὶ σπανίως ὅμως μεταχειρίζεται καὶ τὸν ἰαμβικὸν τρίμετρον· παρουσιάζεται κατ' ἀρχὰς ἔγγαμος ἔχων καὶ τέκνα [2]), βραδύτερον βλέπομεν αὐτὸν χῆρον [3]). Εἶναι φαλακρὸς καὶ βραχὺς τὸ ἀνάστημα [4])· προστατεύεται κυρίως ὑπὸ τῆς οἰκογενείας τοῦ σεβαστοκράτορος Ἀνδρονίκου (υἱοῦ Ἰωάννου)· κατὰ τὰ τελευταῖα ἔτη τοῦ βίου του ἀσθενικός, πάσχων ἀπὸ ἀρθρῖτιν καὶ ποδάγραν [5])· ἡ δρᾶσίς του ἀρχίζει ἀπὸ τὰ πρῶτα ἔτη τῆς βασιλείας Ἰωάννου Κομνηνοῦ (1123?) καὶ φθάνει μέχρι τοῦ 1164(?) [6])· ὀνομάζει ἑαυτὸν Θεόδωρον [7]) καὶ Πρόδρομον ἢ Πτωχοπρόδρομον [8]). Χαρακτηριστικὸν αὐτοῦ εἶναι καὶ αἱ ἐπιγραφαὶ τῶν διαφόρων ποιημάτων του, αἵτινες εἶναι μακραὶ καὶ ὡς τὰ πολλὰ ἀσύντακτοι. Φαίνεται δὲ ὅτι καὶ ἐδίδασκε [9]).

διὰ τοῦτο ζητεῖ ἐπιμόνως νὰ μάθῃ τὴν αἰτίαν καὶ τὴν μανθάνει παρ' αὐτοῦ τοῦ ἰδίου. Οὗτος διηγεῖται αὐτῇ ὅτι καθ' ὕπνους ἀπολαύσας, ἀπηλλάγη τοῦ πρὸς αὐτὴν αἰσθήματος. Τότε ἡ γυνὴ καταφεύγει εἰς τὸν σοφὸν Σολομῶντα, διηγεῖται αὐτῷ τὴν ὑπόθεσιν καὶ ἀπαιτεῖ, ἵνα οὗτος τιμωρήσῃ τὸν ἀδικήσαντα αὐτὴν καὶ μὴ ἀποδίδοντα τὸν μισθὸν τῆς φανταστικῆς συνουσίας. Ὁ Σολομὼν ὥρισεν ἵνα παρὰ τὸν ποταμὸν ἀχθῶσι πρωΐαν τινὰ τὰ ποίμνια τοῦ ἐραστοῦ ἐκ τῆς ἀνατολικῆς ὄχθης αὐτοῦ, ὥρισε δὲ καὶ ἄνθρωπον νὰ ἀριθμῇ τὰ παρὰ τὸν ποταμὸν πρόβατα καὶ νὰ χωρίσῃ τὸ ὑποσχεθὲν ποσὸν τῇ ἐρωμένῃ. Ἡ δὲ ἐρωμένη ἱσταμένη ἐκ τῆς ἑτέρας ὄχθης τοῦ ποταμοῦ ἔπρεπε νὰ παραλαμβάνῃ τὰς ἐν τῷ ποταμῷ σκιὰς τῶν προβάτων. Πρὸς τὸ διήγημα τοῦτο νομίζει ὁ Πτωχοπρόδρομος ὅτι ἔχει μεγάλην σχέσιν τὸ γράμμα τὸ δωρητήριον, τὸ ἀφορῶν τὸ ἐν Μαγγάνοις ἀδελφᾶτον, καθ' ὅσον καὶ οὗτος ἔλαβε μόνον σκιάν.

1) Περὶ τοῦ ζητήματος τούτου ἴδε ἀνωτέρω (σελ. 94 κ. ἑ.).

2) Εἰς τὸ πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μαυροϊωάννην ποίημα (Legr. σελ. 38—47).

3) Εἰς ἓν ἀπόσπασμα παρὰ Miller (651).

καὶ τὸ πικρὸν ποτήριον πιοῦσαι τῆς χηρείας
ὅπερ ἐκέρασε κἀμοὶ τὸ πένθος τοῦ θανάτου.

4) Legr. σελ. 43 στίχ. 161: ὡς εἶσαι γέρων καὶ κονδὸς καὶ ὡσὰν ἀδυνατίζεις.

5) Παράβαλε τὰ μαγγάνεια· περὶ τοῦ ζητήματος ἴδε καὶ ἀνωτέρω (σελ. 119).

6) Τὸ τελευταῖον χρονολογικῶς ὁριζόμενον ποίημα τοῦ Πτωχοπροδρόμου εἶναι τὸ περὶ ζώσης ἀλώπεκος, περὶ τοῦ ὁποίου ἐλέχθη ἀνωτέρω ὅτι ἀνήκει εἰς τὸ ἔτος 1163 (ἴδε σελ. 112).

7) Ὅτι ἦτο Θεόδωρος φαίνεται ἐκ τοῦ πρὸς τὸν γραμματικὸν Θεόδωρον τὸν Στυππιώτην (Mign. 1372).

στίχ. 1—2: ὦ βέλτιστε γραμματικῶν καὶ μαθητῶν καὶ φίλων
ὁμώνυμε τοῦ γράφοντος....

8) Τὸ Πρόδρομος ἀπαντᾷ συχνὰ καὶ εἰς τὰ λοιπὰ ποιήματά του, τὸ δὲ Πτωχοπρόδρομος εἰς τὰ παρὰ Legrand δημώδη.

I στίχ. 70: σὺ εἶσαι Πτωχοπρόδρομος κ' ἐγὼ ἤμην Ματζουκίνη.

9) Παράβ. στίχ. πρὸς τὸν γραμματ. Θεόδωρον Στυππιώτην (Mign. 1372).

Ἐν Ὀδησσῷ· Ὀκτωβρ. 1897.

Σ. Παπαδημητρίου.

Хронографы въ русской литературѣ.

Вступительная лекція въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ 16-го сентября 1897 года.

Историческія сочиненія, называемыя вообще хронографами или хрониками, имѣютъ то отличіе отъ нашихъ лѣтописей, что они не даютъ матеріала для нашей исторіи. Они представляютъ матеріалъ для чтенія по всеобщей исторіи и, если позднѣйшіе хронографы и касаются русской исторіи, то мы находимъ простыя заимствованія изъ нашихъ лѣтописей. Первоначально всѣ разсматриваемыя историческія сочиненія были у насъ и у славянъ исключительно переводными, но затѣмъ изъ переводныхъ стали составляться компиляціи какъ у славянъ такъ и у насъ. Что касается названія историческихъ произведеній хрониками или хронографами, то по существу между тѣми и другими не должно бы быть различія, но въ научной литературѣ эти термины обыкновенно употребляются для обозначенія двоякаго рода историческихъ произведеній: подъ хрониками разумѣются обыкновенно хроники переводныя, принадлежащія извѣстному автору, какъ напр. говорятъ «хроника Малалы», «хроника Манассіи» и т. п.; названіе же хронографа присвоивается особому виду хронографической компиляціи, составленной во второй половинѣ XV в. Отъ тѣхъ и другихъ отличается особая компиляція, извѣстная подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца.

Когда явилась у славянъ потребность и охота къ историческимъ сочиненіямъ, къ ихъ услугамъ была богатая византійская литература. Но если мы сравнимъ историческій отдѣлъ византійской литературы съ тѣмъ, что̀ имѣемъ въ славянорусской, то увидимъ, что переведено было очень немногое, хотя переводы дѣлались не одновременно, но на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ. Проф. Крумбахеръ въ своей исто-

рія византійской литературы[1]) дѣлитъ византійскихъ историковъ на два разряда—на собственно историковъ и на такъ называемыхъ хронистовъ. Между тѣми и другими существуетъ большое различіе. Историки даютъ намъ описаніе своего времени или съ прибавленіемъ короткаго предшествующаго періода, хронисты же—всеобщую исторію съ сотворенія міра и оканчивая современностію или немного ранѣе окончившимися событіями. По техникѣ и языку изложеніе историковъ отличается чистотою, будучи назначено для образованнаго круга, для двора, высшаго духовенства и чиновничества; изложеніе же хронистовъ не имѣетъ уже притязанія на искусство: хронисты были по большей части монахи, желавшіе дать малопросвѣщеннымъ людямъ доступное руководство по всемірной исторіи. У византійскихъ историковъ наблюдается историческое чутье и способность къ критикѣ: они стараются получить свѣдѣнія отъ хорошо освѣдомленныхъ людей, а достовѣрность своего изложенія стараются подкрѣпить выдержками изъ грамотъ и писемъ; хронисты же, изображая всемірную исторію, не имѣютъ въ виду прагматическаго изложенія: о внутренней связи событій они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія и заботятся только о передачѣ отдѣльныхъ событій. Большое вниманіе они обращаютъ на нравственныя и физическія качества описываемыхъ лицъ, съ особеннымъ вниманіемъ они останавливаются на различныхъ явленіяхъ природы, какъ кометы, землетрясенія, на постройкахъ, на изображеніяхъ повальныхъ болѣзней. Дѣятельность ихъ чисто компилятивная: за немногими исключеніями они дѣлали большія или меньшія выписки изъ ранѣе составленныхъ хроникъ. Однимъ словомъ, ихъ творенія носятъ церковно-народный характеръ[2]).

Византійскіе историки извѣстны на пространствѣ отъ V до XV в. включительно въ числѣ около тридцати. Славянину былъ предоставленъ, слѣдовательно, большой просторъ для выбора переводовъ. Но ни одинъ изъ историковъ не былъ переведенъ на славянскій или русскій языки; даже Константинъ Багрянородный, сообщавшій нѣсколько свѣдѣній по русской исторіи, не привлекъ къ себѣ вниманія русскаго человѣка. Мы не можемъ, конечно, сказать, какое направленіе приняла бы славянорусская хронографія, если бы переводились творенія византійскихъ историковъ, но сравнивая характеръ этихъ твореній съ тѣмъ, что переводилось, мы можемъ болѣе ясно представлять себѣ степень вліянія

1) Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2-е изд., стр. 219 и слѣд.
2) См. подробнѣе у Крумбахера стр. 219—221, 226—234, 319—323.

исторической переводной литературы. Наоборотъ, византійскія хроники, начало которыхъ относится къ V или, можетъ быть, даже къ концу IV в. и которые тянутся до XII вѣка включительно, дали большой матеріалъ славянамъ для переводовъ. Изъ византійскихъ хроникъ въ славянскихъ переводахъ существуютъ слѣдующія: 1) хроника Іоанна Малалы, 2) Никифора патріарха—хронологическій указатель, 3) хроника Георгія мниха, называемаго также Амартоломъ, 4) хроника Симеона Магистра или Логоѳета, 5) хроника Іоанна Зонары, 6) хроника Константина Манассіи. Сюда же можно отнести хронику Іосифа Флавія. Славяне, а въ частности и въ особенности русскіе воспитывались слѣд. на хроникахъ, отличавшихся вышеуказанными особенностями, интересомъ не къ политической жизни, а къ церковной; изъ нихъ они почерпали свои свѣдѣнія по всеобщей исторіи и на нихъ же вырабатывали взглядъ на историческія событія. Вліяніе византійскихъ хроникъ на настроеніе русскихъ было несомнѣнно; въ подробностяхъ я не могу коснуться этого въ настоящее время, и замѣчу лишь, что, если мы читаемъ напр. у нашего лѣтописца разсужденіе, что знаменія бываютъ къ худу или къ добру, и если замѣчаемъ особенное вниманіе къ этимъ знаменіямъ, то уже понимаемъ, откуда все это идетъ.

Не имѣя возможности прослѣдить исторію каждой хроники, я ограничусь въ настоящій моментъ только двумя—хрониками Іоанна Малалы и Георгія мниха, кратко передавъ то, что въ настоящее время о нихъ извѣстно. Хроника Іоанна Малалы служитъ пробнымъ камнемъ для изслѣдователей византійской хронографіи, такъ какъ она въ томъ видѣ, въ которомъ дошла до насъ, возбуждаетъ множество вопросовъ. О хроникѣ Малалы существуетъ цѣлая литература, взгляды ученыхъ на многіе вопросы совершенно различны. Хроника въ оригиналѣ дошла до насъ въ одномъ только спискѣ, въ которомъ къ тому же недостаетъ ни начала ни конца—это Оксфордскій списокъ. По этому списку она издана въ серіи Боннскаго изданія византійскихъ историковъ. Недостающая въ немъ первая книга въ изданіи замѣнена компиляціей, взятой изъ другой рукописи; компиляція эта неправильно считается за сокращеніе первой книги хроники Георгія мниха. Кромѣ этого списка отрывки хроники Малалы сохраняются, съ одной стороны, въ находимыхъ то тутъ то тамъ фрагментахъ, съ другой—у позднѣйшихъ писателей, которые обильно пользовались хроникой Малалы. Изъ тѣхъ и другихъ отрывковъ видно, что рукопись Оксфордская не представляетъ собою полнаго и чистаго текста Малалы, но отличается

пропусками и переиначиваніями. Послѣднія особенно видны въ томъ, что монофизитическія воззрѣнія Малалы, какъ они выясняются изъ фрагментовъ, въ Оксфордской рукописи редакторомъ ея измѣнены въ православномъ духѣ [1]). Отсюда является необходимость для возстановленія первоначальнаго текста хроники пользоваться ея переводами, между прочимъ и славянскимъ. До недавняго времени первая книга хроники Малалы и существовала только въ славянскомъ переводѣ; изслѣдователи греческаго текста хроники такъ считали важнымъ славянскій текстъ первой главы, что тѣ немногіе отрывки изъ нея, которые были напечатаны въ книгѣ *Попова* — Обзоръ хронографовъ русской редакціи — были переведены стилемъ Малалы на греческій языкъ. Лишь въ недавнее время въ Парижской Національной Библ. нашлась въ полномъ видѣ первая книга хроники Малалы [2]).

Если обратимся къ славянскому переводу хроники Іоанна Малалы, то прежде всего замѣтимъ скудость нашихъ свѣдѣній. До сихъ поръ не появилось сколько-нибудь сноснаго изслѣдованія о переводѣ хроники. До сихъ поръ она лежитъ еще въ рукописяхъ, благодаря чему можно встрѣтить въ литературѣ самыя невѣрныя о ней свѣдѣнія, въ родѣ того, что она гораздо подробнѣе греческаго оригинала, будучи распространена такими напр. памятниками, какъ «Завѣты 12 патріарховъ». Причину подобныхъ замѣчаній нужно искать въ томъ, что славянскій переводъ хроники дошелъ до насъ не въ отдѣльномъ спискѣ, но въ различныхъ компиляціяхъ—въ Еллинскомъ и Римскомъ Лѣтописцѣ и въ историческомъ сборникѣ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Въ Еллинскомъ и Римскомъ Лѣтописцѣ хронику Малалы отъ другой хроники—Георгія мниха—отличить довольно легко, но въ Архивскомъ хронографѣ текстъ ея переплетается со множествомъ крупныхъ и мелкихъ вставокъ изъ другихъ источниковъ, отчего и самое выдѣленіе текста хроники Малалы дѣлается затруднительнымъ. Первая задача, поэтому—издать текстъ хроники. Несомнѣнно, что хроника Малалы была переведена вся, но испытала ту же судьбу, что и въ византійской литературѣ, а именно, войдя въ составъ позднѣйшихъ хронистовъ, она исчезла изъ употребленія.

Что касается времени и мѣста перевода хроники Малалы, то пока относительно этого не существуетъ твердыхъ рѣшеній, хотя у насъ,

1) Krumbacher, 331.

2) См. мою статью — Первая книга хроники Іоанна Малалы въ Запискахъ Имп. Ак. Наукъ VIII сер., по ист. фил. отд. т. I, № 3, 1897 г.

думаю, и есть нѣкоторыя основанія для рѣшенія. Прежде всего, составленіе Архивскаго хронографа, содержащаго часть хроники Малалы, относится къ половинѣ XIII в., но она существовала, конечно, гораздо раньше. Въ этомъ хронографѣ передъ изложеніемъ Троянской войны, составляющей V книгу хроники, находится запись, въ которой говорится о переводѣ пресвитеромъ Григоріемъ какихъ то книгъ ветхаго завѣта, но нельзя разумѣть здѣсь библейскія книги. Нѣкоторые думали видѣть здѣсь указаніе на такъ называемую Палею, другіе видѣли здѣсь указаніе на переводъ книгъ царствъ. Ни то ни другое не можетъ быть принято. Хотя эта запись находится передъ пятой книгой хроники Малалы, однако нужно думать, что пресвитеромъ Григоріемъ сдѣланъ весь переводъ хроники, заглавіе которой было таково: «Изложеніе Іоанна бывшаго отъ Антіохійскаго великаго града Сиріи Малыя о лѣтѣхъ міру»: это было простымъ переводомъ съ греческаго. Дальнѣйшія же подробности, указывающія, что переводъ сдѣланъ при Болгарскомъ царѣ Симеонѣ, добавлены уже переводчикомъ [1]). Будучи переведена въ Болгаріи, хроника Малалы исчезла изъ употребленія, не оставивъ, подобно и многимъ другимъ переводамъ, въ болгарской литературѣ никакого слѣда. Неизвѣстно также, была ли она въ употребленіи у сербовъ. Къ намъ на Русь хроника пришла въ цѣльномъ видѣ, такъ какъ обѣ компиляціи, сохранившія ее въ частяхъ, а во всякомъ случаѣ, одна изъ нихъ—возникли на русской почвѣ. Эти компиляціи, а также хроника Георгія мниха и вытѣснили, очевидно, ее изъ употребленія; но ея текстъ не пропалъ безслѣдно изъ литературнаго обихода: онъ существовалъ еще въ XIII вѣкѣ, такъ какъ онъ послужилъ однимъ изъ источниковъ второй редакціи Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, составленной, какъ увидимъ, не раньше половины XIII вѣка. Изъ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца части хроники Малалы перешли и въ собственно т. наз. хронографъ. Что касается времени появленія хроники у насъ на Руси, то должно сказать, что въ началѣ XII вѣка она уже была: авторъ второй редакціи Лѣтописи, представляемой между прочимъ Ипатскимъ спискомъ, подъ 1114 годомъ приводитъ выдержки изъ хронографа, и часть этихъ выдержекъ оказывается взятой изъ хроники Іоанна Малалы [2]).

---

1) См. мое изслѣдованіе — Александрія русскихъ хронографовъ, стр. 353 и слѣд.

2) См. мою статью—Хронографъ Ипатской лѣтописи подъ 1114 г. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897 г., ноябрь и Шахматова тамъ же въ майской книжкѣ того же года.

Въ противоположность хроникѣ Малалы, хроника Георгія мниха, называемаго Амартоломъ, дошла до насъ въ большомъ количествѣ рукописей. Но не всѣ рукописи представляютъ тождественный текстъ, и первоначальный текстъ хроники еще не выясненъ, хотя уже достаточно выяснено, что хроника существовала въ трехъ редакціяхъ. Первоначальная, стоящая близко къ оригиналу дошла до насъ не болѣе какъ въ трехъ спискахъ. Другая редакція имѣетъ продолженіе отъ 842 до 948 г., заимствованное главнымъ образомъ изъ хроники Симеона Логоѳета. Между той и другой находится третья, средняя редакція. Самой распространенной была редакція, доведенная до 948 года [1]).

Въ славянскомъ мірѣ хроника Георгія мниха была самою распространенною. Помимо многихъ дошедшихъ до насъ полныхъ списковъ, въ рукописяхъ постоянно встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ объемѣ выписки изъ нея. Она легла въ основаніе нѣскольких компиляцій, какъ напр. Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ, она и переведена была на славянскій языкъ два раза. Она имѣла, поэтому, большое значеніе для развитія славянъ вообще и русскихъ въ частности. У насъ на Руси въ древнее время, до XIV вѣка, она была гораздо болѣе распространена, чѣмъ у славянъ, если только тамъ она вообще была извѣстна, и русскіе люди съ глубокой древности почерпали свои историческія свѣдѣнія почти исключительно изъ нея. На ея отличительныхъ качествахъ развивался вкусъ русскаго читателя къ исторіи и получалъ то направленіе, которое проходило чрезъ всю хронику. Вмѣстѣ съ хроникой Малалы она до XIV в. была единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній и тотъ религіозный характеръ взглядовъ нашихъ лѣтописцевъ, который высказывается особенно ясно въ разсказахъ о разныхъ явленіяхъ природы или въ характеристикахъ историческихъ лицъ—этотъ характеръ, несомнѣнно, вырабатывался подъ вліяніемъ чтенія хроникъ Іоанна Малалы и въ особенности—излюбленной хроники Георгія мниха.

Хроника Георгія была переведена на славянскій языкъ два раза. Одинъ переводъ принадлежитъ старому времени, другой—болѣе новому. Старый, первый переводъ былъ сдѣланъ не съ первоначальной редакціи, а съ болѣе новой. Дошедшіе до насъ списки этого перевода принадлежатъ всѣ къ русской редакціи и старѣйшій изъ нихъ относится къ XIII вѣку. Гдѣ былъ сдѣланъ переводъ?—Этотъ вопросъ въ

1) Krumbacher, 356.

настоящее время не можетъ быть рѣшенъ съ достаточной точностью и прежде всего по той причинѣ, что у насъ нѣтъ изданія славянскаго текста хроники. Языкъ хроники еще не изслѣдованъ, а для рѣшенія такихъ вопросовъ единственное средство—разработать хронику со стороны языка. Обыкновенно этотъ переводъ называется «болгарскимъ», но для такого наименованія пока нѣтъ данныхъ. Явился ли переводъ въ Болгаріи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ ни одного болгарскаго списка хроники. Если она и была тамъ, то рано исчезла изъ употребленія. Что касается Сербіи, то точно также намъ ничего неизвѣстно, былъ ли тамъ въ употребленіи первый переводъ хроники. На Руси же онъ явился очень рано: Несторъ въ своей Лѣтописи дѣлаетъ выписки изъ хроники Георгія мниха, называя его при этомъ по имени. — Въ отличіе отъ этого стараго перевода хроники, называющагося въ рукописяхъ обыкновенно «Временникомъ», второй переводъ называется въ рукописяхъ «Лѣтовникомъ». Въ научной литературѣ этотъ второй переводъ извѣстенъ подъ именемъ «сербскаго перевода». Такое названіе присвоивается переводу потому, что всѣ списки его, извѣстные до сихъ поръ, суть списки сербскіе. Списковъ этого перевода дошло до насъ довольно большое количество, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ XIV в.; такъ извѣстны: 1) сп. Синод. Библ. 1386 г., 2) Чешскаго Націон. Музея (въ Прагѣ) 1389 г., 3) Аѳон. мон. св. Павла 1387 г.; кромѣ этого извѣстны еще четыре—пять списковъ XIV—XVI вв. На основаніи большого количества списковъ мы должны заключать, что второй переводъ хроники пользовался большимъ распространеніемъ, но—не въ Болгаріи, а въ Сербіи. Составъ разсматриваемаго перевода и его отношеніе къ греческому оригиналу еще недостаточно извѣстны, но все же можно сказать, что оригиналъ перевода принадлежалъ къ первоначальной, краткой редакціи. Такъ какъ отъ этой редакціи мы имѣемъ два — три списка, то отсюда опредѣляется важность славянскаго перевода для разработки греческаго текста [1].

Я сказалъ, что «Лѣтовникъ» называется обыкновенно «сербскимъ» переводомъ. Этому [illegible] даже мнѣніе, что онъ и происхожденія сербскаго. Но это невѣрно. Хотя всѣ списки этого перевода

1 Въ настоящее время [illegible] Любителей Древней Письменности [illegible] сербской редакціи хроники параллельно съ греческимъ ея оригиналомъ. Жаль только будетъ, если изданіе ограничится перепечаткой [illegible] либо списка.

хроники сербскіе и въ иныхъ дѣлаются указанія на сербскій языкъ, но внимательное разсмотрѣніе указываетъ на болгарскій оригиналъ. Сербскій писецъ, вставляя сербскія глоссы и передѣлывая болгарскій оригиналъ на сербскій языкъ, противъ своей воли оставлялъ нѣкоторые болгаризмы. Напр. въ Пражскомъ и Синодальномъ сп. одинаково читается (Пражск. л. 5^{c}): «именоваше ею капетоль римскы еже ѥ грьскы кефали тис полеως, србскы же гла градоу», въ спискѣ же Аѳонскаго монастыря св. Павла вмѣсто «србскы» стоитъ «словѣньскы» т. е. «по болгарски»[1]). Но за то въ томъ же Пражскомъ спискѣ осталось неизмѣненнымъ названіе «словѣньскы» въ другомъ мѣстѣ (л. 6^{b}); нарѣкь име пиргꙋ Вроумалиоумь еже ѥ римскы, словѣнскы же ѿ тоуждіихь питатисе». Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ спискахъ такія формы, какъ род. п. ед. ч. основъ на а—«ѿ наложницоу свою» и т. п.[2]). На основаніи такихъ случаевъ, наблюдаемыхъ при томъ въ нѣсколькихъ спискахъ, нужно признать, что переводъ сдѣланъ въ Болгаріи. Прямыхъ указаній, когда былъ сдѣланъ переводъ, мы не имѣемъ, но на основаніи отсутствія признаковъ древности надо думать, что переводъ сдѣланъ не рано, а именно въ такъ наз. Тырновскую эпоху, когда возникшее литературное движеніе коснулось и всеобщей исторіи. Но исторія самого перевода хроники Георгія была недолговѣчна. Съ одной стороны, литературное пробужденіе было недолговременно, съ другой—повидимому, болѣе по вкусу пришлась хроника Манассіи, также переведенная на болгарскій языкъ въ половинѣ XIV в. Можетъ быть, одной изъ причинъ, почему хроника Манассіи переписывалась въ Болгаріи чаще, чѣмъ хроника Георгія мниха, было то обстоятельство, что переводчикъ хроники Манассіи снабжалъ свой переводъ замѣтками по болгарской исторіи. Какъ бы то ни было, хроника Георгія мниха въ новомъ переводѣ перешла въ Сербію, гдѣ и получила большое распространеніе. Что касается Россіи, то новый переводъ, повидимому, и здѣсь не былъ распространенъ, хотя и могъ быть извѣстенъ. Причиной этому было то обстоятельство, что въ это время пользовался распространенностью Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, могшій вполнѣ замѣнить хронику Георгія; да къ тому же на Руси былъ извѣстенъ и

1) Лавровъ и Сперанскій, Письма Шафарика къ Бодянскому, XIX (Изъ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1895-й годъ).

2) См. Сперанскій, Рукописи Павла Іосифа Шафарика въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1894 г. кн. I, стр. 40.

старый переводъ хроники. Въ сербской же литературѣ новый переводъ игралъ большую роль: помимо того, что онъ распространялся въ отдѣльныхъ спискахъ, онъ легъ въ основаніе сербскаго собственно такъ называемаго хронографа.

Изъ остальныхъ хроникъ хроника Манассіи извѣстна только въ болгарскихъ спискахъ, начиная съ половины XIV в.; хроника Зонары въ полномъ видѣ существуетъ только въ сербскихъ спискахъ; хроника же Симеона Логоѳета, извѣстная пока лишь въ одномъ спискѣ, еще совершенно неизслѣдована. — Нельзя, конечно, утверждать, что кромѣ перечисленныхъ хроникъ не были извѣстны и еще какія нибудь другія. Можно, впрочемъ, принять, что цѣлыхъ хроникъ кромѣ указанныхъ не было извѣстно; но несомнѣнно, кромѣ цѣлыхъ хроникъ у насъ были извѣстны извлеченія изъ хроникъ, сдѣланныя еще на греческой почвѣ. Въ различныхъ рукописяхъ попадаются отрывки, которые не принадлежатъ ни одной изъ указанныхъ хроникъ и которые указываютъ на существованіе или компиляцій или отрывковъ изъ разныхъ хронистовъ. Обозрѣвая происхожденіе хроникъ, мы видѣли, что для перевода избираются только однѣ монашескія хроники, отличающіяся особымъ характеромъ, интересомъ не къ политической жизни, а къ церковной. Затѣмъ видимъ, что переводы совершаются на пространствѣ X—XIV вѣковъ и при томъ въ различныхъ мѣстахъ—въ Болгаріи, Сербіи и, можетъ быть, на Руси. Однѣ изъ хроникъ, какъ хроники Іоанна Малалы и Георгія мниха, рано стали извѣстны на Руси, другія же если и приходили съ славянскаго юга къ намъ, то не пользовались большою любовью и обращались въ сербскихъ и болгарскихъ спискахъ. Причиной, почему до насъ дошло мало отдѣльныхъ русскихъ списковъ различныхъ хроникъ, было то обстоятельство, что на Руси рано стали составляться самостоятельныя компиляціи изъ готовыхъ уже переводовъ и эти компиляціи замѣняли собою полныя хроники. Такими компиляціями являются всѣ безыменные историческіе сборники, обобщаемые подъ именемъ хронографовъ, но имѣющіе различное происхожденіе. Болѣе другихъ въ настоящее время извѣстны три такихъ сборника: 1) Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, 2) Архивскій историческій сборникъ и 3) собственно т. наз. хронографъ. Къ нимъ можно присоединить нѣсколько другихъ историческихъ сборниковъ, которые, впрочемъ, еще недостаточно изслѣдованы. Наконецъ, Толковая Палея въ своей позднѣйшей редакціи также представляетъ своего рода историческій сборникъ.

Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ называется такъ потому, что такъ озаглавливается сборникъ въ рукописяхъ. Передъ изложеніемъ читается предисловіе, въ которомъ указываются источники. На основаніи того, что, съ одной стороны, указываются такіе источники, изъ которыхъ въ сборникъ ничего не вошло, съ другой—не указываются писатели, дѣйствительно послужившіе источниками—на основаніи этого должно думать, что предисловіе не принадлежитъ составителю Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, а является простымъ переводомъ съ греческаго языка. Раньше составленія Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца существовалъ, очевидно, переводный сборникъ, въ которомъ было указанное предисловіе; славянскій же или русскій редакторъ составилъ свой сборникъ изъ готовыхъ источниковъ на основаніи готоваго образца, но удержалъ старое предисловіе. Подобный же случай мы встрѣчаемъ еще при собственно хронографѣ. Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ. Главное основаніе его составляютъ двѣ хроники—Іоанна Малалы и Георгія мниха. Такъ какъ вторая редакція сохранилась въ спискахъ XV в., то можно сказать, что первая редакція Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца должна была существовать уже въ XIV в., а такъ какъ во второй редакціи вставленъ разсказъ о взятіи Константинополя крестоносцами въ 1204 г., то слѣдовательно она не могла явиться раньше половины XIII в. Нѣтъ никакихъ указаній на то, гдѣ былъ составленъ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ—на Руси или на славянскомъ югѣ. Только принимая во вниманіе, что на Руси подобныя компиляціи составлялись, а относительно славянскаго юга до XIV в. нѣтъ никакихъ указаній, чтобы тамъ происходило нѣчто подобное—на этомъ только основаніи можно думать, что Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ составленъ на Руси.

Если мы обратимся для сравненія къ византійскимъ историческимъ сборникамъ, то и тамъ найдемъ нѣчто подобное. Собственно, всѣ хроники отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ, что и Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ: каждый хронистъ обильно черпалъ у своихъ предшественниковъ, а нѣкоторые переписывали свои источники почти буквально. Но они выставили свои имена, и потому перешли въ исторію литературы какъ авторы хроникъ. Но кромѣ многихъ хроникъ, носящихъ имя автора, въ византійской хронографической литературѣ извѣстенъ цѣлый рядъ анонимныхъ хроникъ различнаго объема, отъ небольшихъ выписокъ до цѣлыхъ книгъ. Такой ано-

нимной хроникой должна напр. считаться та, которая до послѣдняго времени считалась хроникой Симеона Логоѳета[1]), такую анонимную хронику издалъ Саѳа[2]). Большое количество хронографическихъ компиляцій находится еще въ рукописяхъ и извѣстно только по одному указателю. Были ли извѣстны анонимныя хроники у насъ и насколько онѣ вліяли на характеръ составленія нашихъ компиляцій, пока еще недостаточно изслѣдовано, хотя я уже и указалъ, что по нѣкоторымъ основаніямъ на это нужно отвѣчать утвердительно.

Теперь я обращусь къ извѣстному хронографу, хранящемуся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (№ 902—1468) и содержащемъ между прочимъ часть хроники Іоанна Малалы. Такъ какъ этотъ хронографъ былъ совершенно не изслѣдованъ, то о немъ высказывалось не мало невѣрныхъ соображеній. Только когда сталъ извѣстенъ такой же сборникъ Виленскаго Публичнаго Музея (№ 109—147), стало возможнымъ подвергнуть оба хронографа изслѣдованію. Изъ оглавленія, сохранившагося въ Архивскомъ хронографѣ, оказывается, что послѣдній составляетъ только часть цѣлаго сборника. Списокъ принадлежитъ къ XV вѣку, и очевидно, что въ то время кто-то заказалъ для себя составить обширный сборникъ различныхъ произведеній, и главными частями этого сборника были: 1) хронографъ отъ сотворенія міра до взятія Іерусалима Веспасіаномъ, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго и 3) Пчела. Первая часть т. е. хронографъ былъ переписанъ съ болѣе древняго оригинала. По образу другихъ онъ начинается съ Шестоднева, послѣ котораго идетъ библейская исторія, составленная изъ библейскихъ книгъ и хроникъ Іоанна Малалы и Георгія мниха. Съ окончаніемъ извѣстій изъ библейскихъ книгъ [illegible] исторія Іудейской войны Іосифа Флавія, перемѣшивающаяся съ хроникой Іоанна Малалы. Сравнивая Архивскій хронографъ съ Еллинскимъ и Римскимъ Лѣтописцемъ, видимъ, что онъ отличается особымъ характеромъ. Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ представляетъ изложеніе всемірной исторіи безъ какихъ либо опредѣленныхъ тенденцій, тогда какъ въ [illegible]

---

1) [illegible] Временникъ, т. [illegible]

2) [illegible]

Іерусалима включительно. За эту цѣль говорятъ — помѣщеніе хроники Іосифа Флавія, заимствованіе изъ хроники Георгія мниха только эпизодовъ ветхозавѣтной исторіи, изложеніе историческихъ библейскихъ книгъ и, наконецъ, окончаніе хроники какъ разъ повѣствованіемъ о разрушеніи Іерусалима и разсѣяніи евреевъ [1]). Съ такимъ характеромъ изложенія еврейской исторіи встрѣчается еще одинъ хронографъ изъ собранія гр. Уварова (№ 3—18). Этотъ хронографъ состоитъ изъ двухъ главныхъ источниковъ, среди которыхъ встрѣчаются заимствованія изъ какихъ то хроникъ, главное же содержаніе составляютъ библейскія историческія книги и та же хроника Іосифа Флавія, оканчивая сказаніемъ о разрушеніи Іерусалима [2]). Этотъ хронографъ составленъ независимо отъ Архивскаго и, такъ какъ въ немъ находится переведенная съ еврейскаго книга Есѳирь, то онъ не могъ быть составленъ раньше XIII в., ибо и сама книга Есѳирь была переведена не ранѣе XIII в. Что же касается времени составленія Архивскаго хронографа, то давно уже было указано одно мѣсто, изъ котораго видно, что онъ составленъ въ началѣ второй половины XIII в., а относительно мѣста составленія его было указано, что онъ «трудъ русскаго труженика, работавшаго, вѣроятно, въ западной Руси». Въ Виленскомъ спискѣ это видно гораздо лучше, такъ какъ одна легенда, оправдывающая обычай сжигать тѣла умершихъ, озаглавливается—«скажемъ поганскыя прелести быти сицево и въ Литвѣ нашей» [3]).

Находимъ ли мы что-нибудь подобное въ византійской литературѣ? На этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательно. Среди множества извѣстныхъ намъ историческихъ компиляцій нѣтъ ни одной, которая по своему характеру подходила бы къ Архивскому хронографу. Еврейская исторія входитъ какъ часть всеобщей во всякую хронику, которая излагаетъ исторію древняго міра, но центра вниманія она не составляетъ нигдѣ. Слѣдовательно, Архивскій хронографъ вмѣстѣ съ Уваровскимъ составляютъ специфически русское явленіе. Съ тѣмъ и другимъ хронографомъ должно ставить въ связь одинъ очень извѣстный памятникъ древне-русской литературы — Толковую Палею. Толковая Палея есть изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ обличеніями

1) Описаніе въ изсл. Александрія русск. хрон., 317 и слѣд.

2) Ср. описаніе хронографа у Арх. Леонида, Систематическое описаніе славянорусскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова, ч. I, стр. 5—6.

3) См. Александрія стр. 360.

евреевъ, отчего въ рукописяхъ она иногда и надписывается — «Толковая Палея яже на Іудея». До недавняго времени думали, что Толковая Палея происхожденія византійскаго, что она переведена съ греческаго языка, вѣроятно, въ Болгаріи въ цвѣтущую эпоху болгарской литературы т. е. въ X вѣкѣ, и рано перешла къ намъ на Русь, причемъ подверглась дополненіямъ. Древность ея выводили изъ того обстоятельства, что ею будто-бы пользовался Несторъ для Лѣтописи. Но по достаточномъ знакомствѣ съ Толковой Палеей оказывается, что она происхожденія не византійскаго и не южнославянскаго, а русскаго, что Несторъ ею не пользовался и что вообще нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу ея древняго происхожденія. Наоборотъ, есть данныя, что она явилась не ранѣе XIII вѣка [1]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ два вида однородныхъ памятниковъ, явившихся въ одно и то же время — двѣ исторіи еврейскаго народа съ начала до конца его политической жизни и обличеніе еврейскаго ученія. Отсюда мы должны заключать, что въ XIII в. проявился особенный интересъ къ еврейству, въ результатѣ чего и явились указанные памятники [2]). Архивскій хронографъ явился гдѣ-то въ западной Руси; Толковая Палея происхожденія во всякомъ случаѣ не южно-русскаго — слѣдовательно оба памятника явились приблизительно и въ одномъ мѣстѣ. Вопросъ этотъ еще не разработанъ въ подробностяхъ, но нѣкоторыя соображенія заставляютъ думать, что въ XIII вѣкѣ на сѣверо-западѣ Руси происходило еврейское движеніе. Оно у насъ документальными данными пока не засвидѣтельствовано, но извѣстно, что это движеніе происходило въ Польшѣ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что изъ Польши оно перешло и къ намъ, и вотъ для противодѣйствія ему и явились, съ одной стороны, страстное обличеніе еврейскаго ученія,

---

1) Михайловъ, Къ вопросу о текстѣ книги Бытія пророка Моисея въ Толковой Палеѣ — Варшавскія универс. извѣстія 1895 г. кн. IX — 1896, кн. I.; мое изсл. Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи — Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. II (1897 г.) стр. 175—209 и 845—905.

2) Основываясь на показаніяхъ Описателей рукоп. Синод. Библ. я думалъ ставить въ связь съ этимъ движеніемъ и переводъ съ еврейскаго книги Есѳирь (Замѣчанія о сост. Т. П., стр. 209), но въ послѣднее время проф. Соболевскимъ высказанъ новый выводъ, а именно, что первыя главы книги Есѳирь переведены не съ еврейскаго, а съ греческаго; см. Византійскій Временникъ, т. IV, стр. 308; Археологическія Извѣстія, год. V, 204. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было высказано, что переводъ сдѣланъ въ древнее время и гдѣ-нибудь въ Западной Руси. Охотно вѣря ему въ послѣднихъ двухъ выводахъ, мы, однако, подождемъ принимать первое утвержденіе до времени опубликованія доводовъ его: то, что указано въ Арх. Изв. и Визант. Времен., не можетъ пока считаться достаточнымъ.

съ другой — еврейская исторія, доказывающая, что политическая жизнь еврейскаго народа кончилась.

Перехожу теперь къ послѣднему отдѣлу историческихъ компиляцій — къ собственно хронографамъ. Хотя каждая историческая компиляція можетъ быть названа хронографомъ, но въ научной литературѣ это названіе утвердилось за опредѣленнымъ видомъ исторической компиляціи. Особенность хронографа та, что онъ не ограничивается изложеніемъ только древней и византійской исторій, но излагаетъ исторію южныхъ славянъ и русскихъ и свое изложеніе доводитъ до взятія Константинополя турками т. е. до 1453 г. До недавняго времени хронографъ былъ извѣстенъ только въ русскихъ спискахъ, которые представляли его въ нѣсколькихъ редакціяхъ, по крайней мѣрѣ—въ трехъ. Первая редакція принадлежала XVI вѣку и на основаніи одной замѣтки выводился 1512 годъ, какъ годъ пересмотра хронографа. Хронографъ извѣстенъ намъ въ двухъ видахъ — раздѣленный на главы и нераздѣленный. Первый изслѣдователь хронографовъ, А. Поповъ, которому былъ извѣстенъ только одинъ списокъ хронографа, нераздѣленнаго на главы, изъ сравненія того и другого вида вывелъ предположеніе о существованіи южно-славянскаго хронографа, который по составу былъ очень близокъ къ нашей редакціи, но не былъ раздѣленъ на главы, не было въ немъ указанія на 1512 годъ, юго-славянскія статьи были съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ, русскихъ лѣтописныхъ статей вовсе не было, оканчивался же, какъ и нашъ, на взятіи Царьграда турками [1]). Въ настоящее время извѣстны три списка хронографа, нераздѣленнаго на главы, и по нѣкоторымъ основаніямъ должно думать, что хронографы, прежде чѣмъ получили тотъ видъ, въ которомъ дошли до насъ, прошли чрезъ рядъ посредствующихъ обработокъ. Изъ трехъ извѣстныхъ теперь списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка происхожденія южно-русскаго, а это, можетъ быть, указываетъ на дорогу, по которой шелъ хронографъ. Явившись у южныхъ славянъ, онъ на югѣ Россіи подвергся переработкѣ и въ такомъ видѣ распространился тамъ, на югѣ Россіи, а затѣмъ былъ занесенъ на сѣверъ, гдѣ скоро былъ вытѣсненъ другимъ видомъ, вышедшимъ изъ того же источника въ 1512 году [2]).

---

1) Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, II, 25.
2) См. Александрія, 286.

Я сказалъ, что до недавняго времени хронографъ былъ извѣстенъ только въ русскихъ спискахъ, и вопросъ объ его происхожденіи не былъ рѣшенъ. Въ послѣднее время стало извѣстно нѣсколько сербскихъ списковъ хронографа, но рѣшеніе вопроса объ ихъ отношеніи къ русскимъ и о происхожденіи ихъ мало подвинулось впередъ. Правда, можно указать на одну попытку объяснить сербскіе хронографы какъ простое сокращеніе русскаго, но эта попытка еще преждевременна [1]: къ вопросу о происхожденіи хронографовъ должно приступать и съ большею осторожностью и съ большимъ матеріаломъ. Несомнѣнно, что сербскіе хронографы находятся въ связи съ русской редакціей 1512 г., но эту связь должно объяснять иначе. Просматривая тотъ и другой хронографъ, мы видимъ, что связь ихъ между собой увеличивается по мѣрѣ приближенія къ концу, до половины же они совершенно различны. Ихъ различіе состоитъ прежде всего въ различныхъ источникахъ. Тогда какъ главное основаніе русскаго хронографа состоитъ изъ хроники Манассіи съ добавленіями изъ библейскихъ книгъ, хроники Георгія мниха въ старомъ переводѣ, Паралипомена Зонарина, хроники Іоанна Малалы и нѣкоторыхъ другихъ, сербскій хронографъ въ первой половинѣ состоитъ почти исключительно изъ выдержекъ изъ второго болгарскаго перевода хроники Георгія мниха и только въ концѣ встрѣчаются выдержки изъ хроники Манассіи и какого-то [illegible] источника. Въ заглавіи сербскаго хронографа нѣтъ указаній на русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ лѣтописцевъ, хотя въ самомъ хронографѣ свѣдѣнія по славянской исторіи находятся. Это можно объяснить тѣмъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ сербскій хронографъ и не заключалъ въ себѣ славянскихъ извѣстій, а [illegible]

[illegible]

---

[1]) [illegible] 1896, стр. [illegible]

ществовалъ другой, свой хронографъ? Несомнѣнно имѣемъ, хотя этотъ хронографъ и не дошелъ до насъ. Но его слѣдъ сохранился въ румынскомъ хронографѣ. Недавно румынскій ученый Гастеръ опубликовалъ румынскій текстъ Троянской саги, помѣщенной въ одномъ хронографѣ [1]). На основаніи нѣкоторыхъ формъ языка, какъ напр. формы Parisch, объяснимой только изъ сербской «Парижъ», Гастеръ пришелъ къ заключенію, что румынскій хронографъ переведенъ съ сербскаго языка. Къ еще болѣе убѣдительному доводу мы придемъ, если сравнимъ это румынское сказаніе съ двумя греческими, находящимися въ народныхъ греческихъ хроникахъ. Въ румынскомъ сказаніи къ разсказу о Паламидѣ присоединено извѣстное сказаніе объ изобрѣтеніи греческой азбуки, которую изобрѣтало нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и Паламидъ. Это извѣстіе оканчивается такъ: «И такимъ образомъ были изобрѣтены 24 буквы греческаго шрифта а также и сербскаго. Другія же многія, которыя сербы имѣютъ, изобрѣтены святымъ Кирилломъ изъ Палестины, когда онъ по приказанію ангела шелъ въ болгарскую землю, какъ о томъ свидѣтельствуютъ историческія книги». Это извѣстіе должно быть вмѣнено сербскому оригиналу. Съ нимъ нужно сравнить двѣ редакціи народной греческой хроники, въ которыхъ находится оригиналъ изданной Гастеромъ румынской версіи Троянской саги. Въ одной хроникѣ нѣтъ никакого упоминанія объ изобрѣтеніи греческой азбуки, а въ другой, послѣдующей редакціи на томъ же мѣстѣ, что и въ румынской хроникѣ, читается то же извѣстіе объ изобрѣтеніи, которое оканчивается: «и такъ изобрѣтены были 24 буквы» [2]). Одна изъ редакцій этого хронографа и была переведена, очевидно, на сербскій языкъ и переводчикъ-сербъ добавилъ отъ себя нѣсколько словъ и о сербской азбукѣ.

Упоминаніе о двухъ греческихъ хроникахъ приводитъ насъ къ обычному вопросу, можно ли искать въ византійской литературѣ если не оригиналовъ, то по крайней мѣрѣ образцовъ нашихъ хронографовъ. Въ этомъ отношеніи съ нашими хронографами слѣдуетъ сопоставлять анонимныя народныя хроники. Старыя хроники стали дѣлаться мало доступными для пониманія простому народу вслѣдствіе

---

1) Prächter, Das griechische Original der rumänischen Troika въ Byz. Zeitschr. т. IV (1895 г.) стр. 519—546.

2) См. мой Отчетъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896 г. сентябрь, и мои Beiträge zur griechisch-slavischen Chronographie въ Arch. für sl. Phil. т. XVII (1885 г.), стр. 416—429.

измѣнившагося уже языка, и потому онѣ стали переработываться и перекладываться на народный языкъ. Эту судьбу испытали многія хроники, какъ Іосифа Флавія, Георгія мниха, Кедрина, Манассіи и др.; такому-же переиначенію подвергались и другіе памятники, какъ напр. апокрифы. Эти народныя хроники стали извѣстны только въ послѣднее время [1]). Онѣ представляютъ двѣ редакціи: первая редакція, обыкновенно и извѣстная въ настоящее время подъ именемъ народной хроники, представляетъ собой переложеніе хроники Манассіи, но уже въ прозѣ. Она извѣстна теперь уже не менѣе чѣмъ въ десяти рукописяхъ. Заглавіе ея обыкновенно таково: «Историческая книга, начинающаяся съ сотворенія міра и отъ царствованія Мануила Комнина и доходящая до царствованія Никифора Вотаніата», т. е. до того, слѣдовательно, времени, до чего доходитъ и хроника Манассіи. Кромѣ хроники Манассіи она содержитъ въ себѣ заимствованія и изъ другихъ хроникъ, но пока источники послѣднихъ не опредѣлены. Въ своей послѣдующей исторіи она подверглась обработкѣ. Въ связи съ ней находится одна очень извѣстная въ XVII и XVIII вв. народная хроника, ложно приписанная Дороѳею Монемвасійскому и стоящая въ связи съ другой народной хроникой—Николая Малаксы. Связь хроники Дороѳея Монемвасійскаго съ разсматриваемой хроникой не была замѣчена, но теперь нужно сказать, что въ основную часть ея въ первой половинѣ вошла разсматриваемая народная хроника. Дополненная событіями послѣ Никифора Вотаніата народная хроника неоднократно передѣлывалась, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти передѣлки были не только въ XVI в., но и раньше — и до паденія Византіи и послѣ него. Тотчасъ послѣ паденія Византіи стали составляться историческіе сборники на народномъ языкѣ, доводимые до конца византійскаго царства. Въ оригиналѣ такого сборника пока мы не знаемъ, но онъ дошелъ до насъ въ одномъ русскомъ переводѣ XVII вѣка [2]). Такой историческій сборникъ могъ быть переведенъ на сербскій языкъ, а этотъ переводный въ свою очередь былъ переведенъ на румынскій. По образцу переводнаго и греческаго хронографа и въ Сербіи тотчасъ послѣ потери независимости сталъ составляться свой хронографъ,

1) Prächter, Eine vulgärgr. Paraphrase der Chronik des Konstantinos Manasses въ Byzant. Zeitschr. IV и мой Отчетъ — ноябрь. Послѣдняя мои замѣчанія и есть та статья, о которой Крумбахеръ (Geschichte der Byz. Litter., 2-е изд., стр. 400) говоритъ, что она soll demnächst erscheinen.

2) Арх. Леонидъ, Систем. Описаніе сл.-рус. рукописей собранія гр. Уварова, ч. III, стр. 12, № 1308 (670).

въ которомъ статьи по сербской исторіи занимали видное мѣсто. Такой хронографъ пришелъ къ намъ на Русь и здѣсь подвергся переработкѣ, состоящей въ заимствованіи изъ новыхъ источниковъ и въ дополненіи статьями по русской исторіи. Этотъ хронографъ пошелъ по двумъ дорогамъ: съ одной стороны явился хронографъ, не раздѣленный на главы, въ которомъ русскія событія занимаютъ довольно ограниченное мѣсто и который, слѣдовательно, стоитъ ближе къ своему оригиналу; съ другой стороны, тотъ же хронографъ въ 1512 г. потерпѣлъ новую передѣлку, дополнившись еще новыми статьями. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ обратно въ Сербію и тамъ оказалъ вліяніе на существовавшій раньше хронографъ; вліяніе сказалось въ заимствованіи изъ него нѣсколькихъ статей. Такъ произошли извѣстные намъ сербскіе хронографы.

Русскій хронографъ редакціи 1512 г. въ первой половинѣ XVII вѣка два раза подвергался переработкѣ, отчего и различаются еще вторая и третья редакціи, характерную особенность которыхъ составляютъ дополненія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ новыхъ источниковъ, недавно переведенныхъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Но кромѣ этихъ опредѣленныхъ редакцій съ ихъ подраздѣленіями, мы имѣемъ большое количество хронографовъ, которые не подходятъ ни подъ какую изъ указанныхъ редакцій. Хронографы были любимымъ чтеніемъ русскаго человѣка на пространствѣ XVII—XVIII вв. и постоянно при перепискѣ сокращались или дополнялись соотвѣтственно вкусамъ и особымъ цѣлямъ владѣльцевъ или писцовъ. Одни изъ такихъ хронографовъ дошли до насъ съ именемъ автора, другіе — безъ имени; послѣднихъ, разумѣется, гораздо больше. Къ хронографамъ XVII в. относится переводъ упомянутой выше хроники Дороѳея Монемвасійскаго въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вскорѣ послѣ своего появленія переводъ подвергся сокращенію «отъ лѣниваго четца скораго ради обрѣтенія», какъ сказано въ предисловіи [1]).

Сдѣлаю теперь нѣсколько общихъ заключеній о хронографической славяно-русской литературѣ. Мы видѣли, что хроники стали извѣстны на Руси рано; изъ нихъ рано начинаютъ составляться историческія компиляціи въ родѣ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца; жидовствующее движеніе вызываетъ составленіе особаго историческаго

1) Ibid.

сборника. Съ теченіемъ времени на славянскомъ югѣ дѣлаются переводы позднѣйшихъ хроникъ — Манассіи, Зонары, а также во второй разъ переводится хроника Георгія мниха, но, повидимому, эти послѣдніе переводы остаются неизвѣстными древнерусскому книжнику, а если и дѣлаются извѣстны, то не получаютъ распространенія. Причины, по которымъ эти хроники были въ достаточномъ употребленіи у славянъ и неизвѣстны у насъ, были, надо думать, слѣдующія. Первоначальные переводы хроникъ Георгія мниха и Іоанна Малалы исчезли по какимъ-то причинамъ изъ употребленія на славянскомъ югѣ, если только вообще хроника Георгія была тамъ извѣстна. Когда же пробудился интересъ и къ исторіи, то были сдѣланы переводы новѣйшихъ хроникъ, доводившихъ изложеніе почти до XII вѣка — хроники Зонары и Манассіи; въ помощь имъ была переведена во второй разъ хроника Георгія мниха, а хроника Іоанна Малалы къ этому времени у самихъ византійцевъ уже вышла изъ употребленія. На Руси же было какъ разъ наоборотъ. Хроники Георгія мниха и Іоанна Малалы рано стали извѣстны у насъ; съ теченіемъ времени хроника Малалы исчезла изъ употребленія въ отдѣльномъ видѣ, но это случилось во всякомъ случаѣ не раньше конца XIII в., хроника же Георгія мниха продолжала сохраняться во все время. Но исчезновеніе хроники Малалы не было особенно замѣтно русскому читателю, такъ какъ послѣдній имѣлъ обширный историческій сборникъ, какъ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, содержавшій въ себѣ очень многое изъ того, что давали обѣ хроники. Дальнѣйшимъ толчкомъ къ развитію интереса къ исторіи должно было послужить такое событіе, какъ паденіе Византіи и взятіе Константинополя турками въ 1453 году. Ближайшія послѣдствія этого событія должны были обнаружиться въ Византіи. И дѣйствительно, мы видимъ проявленіе нѣкотораго литературнаго движенія, вызваннаго тоской по утраченномъ величіи. Потеря самостоятельности вызвала воспоминаніе о предсказаніяхъ конца Византіи, а такъ какъ въ этихъ предсказаніяхъ конецъ Византіи окружался величіемъ и славою, то византіецъ находилъ въ нихъ утѣшеніе [1]). Съ этимъ вмѣстѣ долженъ былъ развиться интересъ и къ своей исторіи, въ результатѣ чего должны были явиться хроники, доводившія изложеніе до паденія Византіи: старыя хроники не могли

1) См. мое изслѣдованіе — Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія Видѣнія Даніила въ византійской и славянорусской литературахъ, стр. 233—4.

уже удовлетворять, такъ какъ не доводили до конца своего изложенія. И вотъ являются на сцену народныя хроники, въ послѣдующихъ редакціяхъ связанныя съ именемъ Дороѳея Монемвасійскаго. Что такая народная хроника нѣкогда доходила до взятія Константинополя, указываетъ русскій ея переводъ, а если она въ такомъ видѣ не дошла до насъ въ оригиналѣ, то это указываетъ на постоянный интересъ къ ней, въ силу котораго она постоянно добавлялась событіями послѣдняго времени. Народный языкъ хроники указываетъ на ту среду, гдѣ былъ интересъ къ исторіи своей — среду простого народа и монашествующихъ, вышедшихъ изъ народа и искавшихъ себѣ спокойствія въ тиши монастырской: не даромъ большинство списковъ хроникъ хранится на Аѳонской горѣ.

То же самое должно было происходить и на славянскомъ югѣ и прежде всего у сербовъ, какъ народа, наиболѣе сильно отстаивавшаго свою независимость. Но судьба южнославянскихъ государствъ была слишкомъ тѣсно связана съ судьбою Византіи, чтобы послѣднею можно было совершенно не интересоваться, и потому мы и встрѣчаемъ указаніе на какой то переводный хронографъ на сербскій языкъ. О дальнѣйшей судьбѣ сербскаго и русскаго хронографовъ я говорилъ. Русскій хронографъ сталъ распространяться особенно со времени его пересмотра въ 1512 году. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы до насъ дошло много списковъ этого хронографа отъ XVI вѣка. Самъ по себѣ этотъ вѣкъ не былъ особенно благопріятенъ для распространенія хронографіи, не было особенныхъ побужденій къ знакомству съ всеобщей исторіей. Въ этомъ вѣкѣ еще переписываются обѣ редакціи Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, а русскія событія въ хронографѣ были слишкомъ кратки, чтобы изъ-за нихъ переписывать весь хронографъ. Всѣ историческіе сборники этого времени—и хронографъ и Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ — стоятъ еще на старой, византійской основѣ; всѣ источники ихъ идутъ изъ византійскихъ монашескихъ хроникъ и весь кругъ ихъ повѣствованія очерчивается востокомъ съ Византіей въ центрѣ [1]). XVI вѣкъ есть вѣкъ перехода отъ Византіи къ западу, но этотъ переходъ скорѣе предчувствовался, нежели переживался: старое стало надоѣдать, новое еще не приходило. Оттого и замѣчается какая-то вялость въ области хронографіи, тогда какъ въ иныхъ отрасляхъ господствуетъ сильное возбужденіе. Эта вялость быстро проходитъ и

1) См. Поповъ, Обзоръ... II, 76.

замѣняется возбужденіемъ съ наступленіемъ XVII вѣка. Русскій читатель жадно набрасывается на хронографъ, переписываетъ, покупаетъ, перепродаетъ его. До насъ дошло громадное количество хронографовъ отъ XVII вѣка. Какая могла быть причина такого интереса къ исторіи? Разсматривая хронографы, дошедшіе до насъ отъ XVII вѣка, видимъ, что они принадлежатъ почти исключительно къ второй и третьей редакціямъ, а эти редакціи рѣзко отличались отъ первой тѣмъ, что въ нихъ впервые русскій человѣкъ знакомился съ западомъ. Для русскаго человѣка впервые открылся доселѣ невѣдомый ему міръ западной исторіи, географіи, естественной исторіи [1]. Знакомство съ географіей древне-русскаго человѣка ограничивалось тѣми скудными свѣдѣніями, которыя предлагали ему тѣ же хроники; скудны были его свѣдѣнія и по естественной исторіи, притомъ тѣ и другія отличались такимъ же религіознымъ духомъ, какъ и все другое, коренившееся въ Византіи. Въ XVII вѣкѣ обильной струей полился свѣтъ съ запада. Съ одной стороны, переводятся историческіе сборники, рисующіе рыцарскій бытъ западной Европы, съ другой — появляются повѣсти западнаго происхожденія, удовлетворяющія тому же чувству любопытства. При такихъ условіяхъ интересъ къ хронографамъ въ XVII вѣкѣ становится понятнымъ. Тотъ церковно-религіозный духъ, которымъ были пропитаны старыя хроники, постепенно замѣняется рыцарскимъ; рядомъ съ византійскою и южнославянскою исторіями выступаетъ исторія народовъ Запада, а обширныя заимствованія изъ западныхъ космографій привлекаютъ къ себѣ новизною и сказочнымъ элементомъ. Въ новомъ хронографѣ читатель имѣлъ все: и свѣдѣнія по древней исторіи, и по византійской, и по западной, и по русской, доводимой обыкновенно до начала XVII вѣка, и по географіи и по естественной исторіи. Хронографъ былъ своего рода энциклопедіей, и потому-то онъ и нашелъ себѣ такое распространеніе среди читателей, тогда какъ самые источники его — переводныя хроники и космографіи — не пользовались большимъ распространеніемъ: послѣднія имѣли слишкомъ односторонній характеръ, который тяготилъ читателя, только-что пробудившагося и желавшаго утолить свою разнообразную любознательность. Изъ XVII вѣка любовь къ хронографамъ перешла и въ XVIII, и отъ XVIII вѣка дошло до насъ не мало списковъ.

1) Ibid., II, 88.

Для представленія о томъ кругѣ читателей, въ средѣ котораго обращался новый хронографъ, важны записи, находящіяся на большинствѣ списковъ. Записи эти говорятъ намъ или о закащикѣ или о переписчикѣ или о владѣльцѣ. Нерѣдко мы встрѣчаемъ двѣ-три записи на одномъ спискѣ, указывающія, какъ хронографъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Владѣльцами оказываются: 1) духовенство, преимущественно монашествующее, 2) купцы, 3) стольники, 4) посадскіе люди, 5) подъячіе, 6) прикащики. Главная масса падаетъ на людей средняго сословія — на посадскихъ и подъячихъ. Изъ записей же мы видимъ, что хронографъ распространяется повсюду — доходитъ и до Архангельска. Интересъ, слѣдовательно, пробудился повсюду. Въ Москвѣ возникаетъ новая образованность, перенесенная изъ югозападной Руси; Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій пишутъ сочиненія по всѣмъ правиламъ западной схоластики; Іоаннъ Грегори устраиваетъ для царя и его приближенныхъ театральное представленіе «какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла»; бояре начинаютъ открывать свои дома для иноземныхъ гостей. Въ это же время среди грамотнаго средняго сословія само собой, безъ всякаго принужденія, обнаруживается любовь къ свѣтскому чтенію: еще продолжаютъ переписываться старые памятники, какъ Патерики, Прологъ, Златоустъ и т. п., но вмѣстѣ съ ними распространяются и переходятъ изъ рукъ въ руки новыя творенія — хронографы и повѣсти. Хронографы не являются въ собственномъ смыслѣ новостью, но новостью въ нихъ было западное міровоззрѣніе. Этотъ кругъ занимательнаго чтенія средняго сословія переходитъ и въ XVIII вѣкъ. Въ то время какъ основывается университетъ, въ то время какъ высшее сословіе увлекается идеями энциклопедизма, въ то время какъ одинъ за другимъ появляются для занимательнаго чтенія журналы съ сатирическимъ направленіемъ — хронографы не исчезаютъ изъ употребленія: вмѣстѣ съ новыми западными повѣстями и романами они остаются все въ той же средѣ — среди купцовъ, посадскихъ людей, прикащиковъ и т. п. Въ нынѣшнемъ же вѣкѣ хронографъ доходитъ и до крестьянской среды: «Сія книга», говоритъ одна запись на хронографѣ [1]), «принадлежитъ сельца Татарки крестьянину Андрею Ѳедорову, что нынѣ земской, Горемыкину, а подарена оная крестьяниномъ Малой Стуколовки, Андреемъ Михайловымъ въ 1818 году октября четвертаго».

В. Истринъ.

1) Ibid. II, 67.

Часть Равеннскаго диптиха въ собранiи графа Крауфорда.

Посвящается Ивану Васильевичу Помяловскому по случаю 30-лѣтiя его ученой дѣятельности.

Послѣ напечатанiя статьи моей о Строгановской пластинѣ, принадлежащей къ утерянной второй доскѣ равеннскаго диптиха[1]), я получилъ отъ ученаго моего друга Я. И. Смирнова прекрасную фотографiю Соутъ-Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ съ пластины слоновой кости, находящейся въ собранiи графа Крауфорда (earl of Crawford) въ Haigh-Hall въ Англiи. Принося ему мою искреннюю благодарность за сообщенiе фотографiи съ такого интереснаго и важнаго памятника, спѣшу обнародовать его и привести во всеобщее свѣдѣнiе, такъ какъ считаю изученiе подобнаго рода памятниковъ важнымъ не только въ историко-художественномъ отношенiи, но и методологическомъ. Слоновыя рѣзныя кости, разрозненныя и разбросанныя по разнымъ музеямъ и частнымъ собранiямъ Европы, представляютъ значительныя трудности въ ихъ изученiи и опредѣленiи. За исключенiемъ двухъ трехъ попытокъ возсоединенiя частей разрозненныхъ памятниковъ[2]), мнѣ неизвѣстно, чтобы кто нибудь спецiально обратилъ свои взоры на эту сторону предмета, имѣющаго столь важное значенiе при изученiи древне-христiанскаго и ранняго византiйскаго искусства и въ частности особаго отдѣла этого искусства — пластики.

Пластина въ собранiи графа Крауфорда (табл. I) имѣетъ 21, 6 сант. выс. и 11, 5 сант. шир. и повидимому представляетъ центральную часть исчезнувшей доски равеннскаго диптиха. На это указываютъ тонкiе края, обходящiе пластину со всѣхъ четырехъ сторонъ и пред-

---

1) См. Виз. Врем. 1897, № 1 и 2.

2) См. W. Meyer, Zwei antike Elfenbeintafeln d. K. St.-Bibl. in München. 1879. S. 45 ff.

назначающіеся для замыканія желобковъ, врѣзанныхъ въ глубь толщи составныхъ частей, примыкавшихъ къ ней съ четырехъ сторонъ съ цѣлью придать болѣе солидную прочность скрѣпамъ. Такой желобокъ, дѣйствительно, врѣзанъ въ толщу пластины графа Г. С. Строганова. Четыре круглыя дырочки по угламъ крауфордовской пластины служили, какъ и на строгановской пластинѣ, для прикрѣпленія къ доскѣ, пришивавшейся къ оборотной сторонѣ каждой половины диптиха.

Всѣ частности обработки пластины и ея рельефа, равнымъ образомъ, указываютъ на принадлежность ея къ равеннскому диптиху и на ближайшую связь со строгановской пластиной.

Здѣсь мы видимъ такой-же раковинообразный киворій, поддерживаемый витыми колонками, какъ и на равеннской доскѣ. Однообразіе и точность въ исполненіи самой раковины доходятъ до того, что какъ на диптихѣ, такъ и на крауфордовской пластинѣ раковина представляетъ по 18 ложекъ, при чемъ одна крайняя ложка является недодѣланной, какъ на томъ, такъ и на другомъ памятникѣ. Это показываетъ, что чертежъ раковины былъ выполненъ на той и на другой доскѣ по одному и тому же шаблону, заранѣе приготовленному. Въ углахъ, по краямъ киворія пластины изображены точно такіе же два креста, какъ и на диптихѣ, а это служитъ доказательствомъ того, что частности украшенія всей доски были выполнены по одному и тому-же типу, при чемъ выполненіе самой формы крестовъ, воспроизводящихъ голгоѳскій крестъ, и врѣзанныя черты и точки на этихъ крестахъ свидѣтельствуютъ о точномъ и заботливомъ копированіи мельчайшихъ частностей одного и того-же оригинала. На крауфордовской пластинѣ сверхъ того мы видимъ то-же дѣленіе центральной пластины на двѣ части, какъ и на равеннскомъ диптихѣ, т. е. подъ изображеніемъ Богородицы отдѣленъ здѣсь небольшой фризъ, занятый изображеніемъ Рождества, подобно тому, какъ на диптихѣ такой-же фризъ занятъ изображеніемъ трехъ отроковъ въ пещи.

Но еще болѣе интереснымъ является однообразіе въ изобрѣтеніи композицій на равеннскомъ диптихѣ и на крауфордовской пластинѣ, однообразіе, свидѣтельствующее объ одномъ и томъ же художественномъ замыслѣ у мастера, исполнявшаго равеннскій диптихъ и крауфордовскую пластину. Композиція сцены поклоненія волхвовъ на крауфордовской пластинѣ разработана въ связи съ узкимъ и высокимъ пространствомъ, на которомъ она расположена. Она отступаетъ отъ обычныхъ изображеній этого событія на памятникахъ IV, V, VI вѣковъ, гдѣ

волхвы подходятъ къ Святому Семейству слѣва или справа отъ зрителя одинъ за другимъ, а согласуется въ общихъ чертахъ съ ранними прототипами изображеній, извѣстныхъ въ живописи римскихъ катакомбъ и отчасти рельефовъ (Кирхеріанская ваза), на которыхъ волхвы подходятъ справа и слѣва[1]), и гдѣ, поэтому, изображеніе Богородицы является въ три четверти къ зрителю. Этотъ типъ сцены избранъ для замѣщенія квадратнаго пространства на крауфордовской пластинѣ съ цѣлью образовать соотвѣтственную композицію съ центромъ равеннскаго диптиха. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ и здѣсь подъ киворіемъ размѣщено по пяти головъ, при чемъ порядокъ ихъ размѣщенія въ томъ и другомъ случаѣ произведенъ по правилу живописнаго рельефа, т. е. головы и торсы фигуръ стоящихъ сзади расположены въ промежуткахъ между передними и выше ихъ. Центръ композиціи занимаетъ сидящая на тронѣ Богородица съ младенцемъ въ соотвѣтствіи съ изображеніемъ Христа на равеннскомъ диптихѣ, а волхвы и ангелъ представлены въ соотвѣтствіи съ апостолами по сторонамъ Христа.

Кромѣ того на крауфордовской пластинѣ фигуры имѣютъ тѣ-же удлиненныя пропорціи тѣла, ту-же слабую устойчивость сочлененій. Здѣсь до мелочей повторяется фигура и поза Христа, сидящаго на тронѣ въ изображеніи Христа младенца. Повторяется поворотъ головы въ три четверти, шапка кудрявыхъ волосъ, выдвинутый влѣво острый локоть правой руки съ двуперстнымъ благословеніемъ, свитокъ въ правой рукѣ, лежащій на плечѣ край гиматія, планы и складки одеждъ и выставленная правая нога. Здѣсь повторяется также и фигура Іосифа съ остроконечной бородой, продолговатымъ лицомъ и высокимъ жезломъ, одѣтая въ хитонъ и гиматій. Повторяются вверхъ поднятые взгляды, точки, поставленныя на вѣкахъ глазъ, и характеръ миловидныхъ, но уже строгихъ и безжизненныхъ лицъ.

Кромѣ того мы видимъ на крауфордовской пластинѣ тотъ-же тронъ съ тонкими, нѣсколько вздувающимися колонками ножекъ, тѣ-же верхи и основанія этихъ ножекъ въ видѣ ромбоидальныхъ капителей и базъ, ту-же узкую подушку, и ту-же спинку трона, обозначенную въ обоихъ случаяхъ двумя врѣзанными линіями, образующими полукругъ за головами Христа и Богородицы. Подножіе, въ обоихъ случаяхъ различное по формѣ, выполнено, однако, съ тѣмъ-же одинако-

1) Liell, Darstellung Maria. Freiburg im Breisgau. 1887, Taf. III, IV, S. 286, Fig. 58.

вымъ отсутствіемъ техническаго умѣнія. Не будучи въ состояніи совладать съ нормальной постановкой ногъ на ровной плоскости, когда одна нога выставлена впередъ, а другая отодвинута, мастеръ понижаетъ край подножія съ одной стороны и повышаетъ съ другой, впадая въ крайности обратной перспективы. Здѣсь точно также виденъ и другой пріемъ неумѣлой техники, теряющей связи со школьными пріемами античной пластики, который былъ указанъ на равеннскомъ диптихѣ и на строгановской пластинѣ, именно, помѣщеніе у волхвовъ и у Саломеи въ изображеніи Рождества одной ноги noскомъ въ пятку другой.

Равнымъ образомъ на крауфордовской пластинѣ прекрасно сохранилась раскраска, точно такая-же, какъ на строгановской пластинѣ. Лучшая сохранность ея на крауфордовской пластинѣ даетъ возможность сдѣлать болѣе точныя заключенія о ея происхожденіи и свойствахъ и исправить одну ошибку, допущенную въ описаніи раскраски пластины графа Г. С. Строганова.

Что эта раскраска имѣлась въ виду при самомъ изготовленіи памятника, доказывается употребленіемъ ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣняетъ собою рѣзьбу. Такъ, напримѣръ, одежды волхвовъ украшены полосками, трилистниками, орнаментальными нашивками, какія обыкновенно исполняются въ рѣзьбѣ диптиховъ посредствомъ тонкихъ врѣзанныхъ линій. Таковы, напримѣръ, украшенія консульскихъ одеждъ на диптихахъ, украшенія одеждъ стражей, стоящихъ за кресломъ Іосифа въ рельефахъ кресла Максиміана, украшенія подушки, на которой лежитъ Богородица, въ сценѣ Рождества Христова, украшенія одеждъ и предметовъ на диптихѣ Миланскаго собора и на множествѣ другихъ памятниковъ [1]). Этотъ орнаментъ могъ быть выполненъ средствами рѣщика и на равеннскомъ диптихѣ, однако, ни одна часть одеждъ волхвовъ не украшена рѣзнымъ орнаментомъ, а золотомъ. Точно также на подножіи трона, на которомъ сидитъ Богородица, изображена одна тонкая изгибающаяся зигзагомъ линія, указывающая лишь на общее свойство того орнамента, который долженъ былъ расположиться въ углубленіяхъ зигзаговъ. Узкія ножки трона, платье волхвовъ, ихъ шапки и пестрая обувь, головное украшеніе Богородицы и края ея одеждъ все это покрыто такого рода орнаментомъ,

1) W. Meyer, l. c. Taf. I, II, III. Garr. t. 421, 1—4; 422, 1, 2. I. Labarte, Histoire des arts industriels. Paris 1872, pl. I, II. Em. Molinier, Les ivoires, Paris s. a. pl. I, II, III и проч. №№ 3, 5, 9, 17, 29, 33 и проч.

который хотя и могъ быть выполненъ рѣзцомъ, но оставленъ для раскраски.

Съ другой стороны въ выборѣ орнамента и въ самомъ приспособленіи его къ украшенію предметовъ и отдѣльныхъ пространствъ между фигурами или фона видна разумная цѣль, оправдывающая его присутствіе. Дѣло въ томъ, что раскраска была только золотая. Она не была сплошной, а—мѣстами, тамъ, гдѣ этого требовала цѣль иллюминація золотомъ нѣжнаго цвѣта слоновой кости. Поэтому иллюминуются одежды, обувь, предметы, все то, что въ дѣйствительности предполагается драгоцѣннымъ, какъ и въ мозаикахъ и рукописяхъ. Такъ, головной уборъ Богородицы былъ украшенъ золотыми полосками, подражавшими золотымъ нитямъ или кольцамъ, стягивавшимъ волосы, обувь блестѣла золотыми звѣздочками, какъ и въ мозаикахъ S. Maria Maggiore; золотыя нашивки на одеждахъ волхвовъ подражали такимъ-же нашивкамъ вообще въ мозаикахъ. Матерія одеждъ украшена трилистниками, крестиками, завитками, но нигдѣ на одеждахъ не изображено звѣздъ, которыя употребляются только для иллюминаціи фоновъ. Ребра ложекъ книги обведены лишь золотыми полосками и ни одной звѣзды нѣтъ ни на ней, ни на колонкахъ, равно какъ нѣтъ и крестиковъ. Каймы [illegible], украшающія зубцами верхнюю раму фриза, сохранили раскраску изъ трехъ полосъ и напоминаютъ форму античныхъ триглифовъ, а самая рамка фриза получила орнаментацію въ видѣ античнаго гуська. Наконецъ, раскраска, употребленная на тѣлахъ животныхъ (вола и осла), передаетъ посредствомъ золотыхъ штриховъ блестящую шерсть такъ-же, какъ, напримѣръ, въ мозаикахъ Неаполитанской Капеллы св. Януарія или капеллы св. Приска въ Капуѣ передается посредствомъ золотыхъ кубиковъ блескъ шерсти вола или верблюда[1]. Одно изъ лучшихъ указаній на современность раскраски съ самимъ изготовленіемъ памятника представляетъ изображеніе звѣзды надъ младенцемъ Христомъ, лежащимъ въ ясляхъ. Рѣзчикъ забылъ изобразить, а быть можетъ, умышленно пропустилъ обычную въ такихъ случаяхъ звѣзду и изобразилъ ее золотомъ.

Есть еще одинъ орнаментъ, который употребляется по преимуществу для заполненія узкаго пустого пространства, за которымъ не могутъ умѣститься звѣзды. Такой орнаментъ представляетъ длинную вѣточку, строеніе которой показываетъ, что она состоитъ изъ [illegible]

1) См. мое изслѣдованіе: Мозаики IV и V вѣковъ. Спб. 1895, стр. [illegible]

и изъ листиковъ на подобіе ижицы, идущихъ вверхъ и внизъ отъ кружка въ обратныя стороны. Одна такая вѣточка изображена на строгановской пластинѣ справа отъ Ангела, ведущаго подъ уздцы осла, а на крауфордовской пластинѣ изображена два раза слѣва, по сторонамъ ножки трона. Вслѣдствіе порчи раскраски и неяснаго очертанія этой вѣточки на строгановской пластинѣ я считалъ ее за неразборчивую греческую надпись, что и исправляетъ ясная раскраска крауфордовской пластины.

Формы звѣздъ разнообразны: осьмиконечныя и четырехконечныя, пересѣченныя крестомъ. Изображеніе звѣздъ на синихъ фонахъ употребительно въ мозаикахъ не только для изображенія звѣзднаго неба, но также и для украшенія матеріи подушки трона, на которой сидитъ Богородица (Garr. t. 244, 2), а также для украшенія сферы небесной въ погибшей мозаикѣ церкви св. Приска въ Капуѣ (Garr. t. 255). Крестики съ точками на одеждахъ Богородицы, очевидно, подражаютъ дѣйствительности, какъ показываютъ легенды о крестахъ, чудесно являвшихся на одеждахъ, и какъ показываютъ стихи Пруденція о шелковомъ бѣломъ палліумѣ, подаренномъ Григоріемъ Турскимъ церкви св. Креста въ (Турѣ) и украшенномъ крестами[1]).

Такимъ образомъ, золотая раскраска или золотая иллюминація рельефа изъ слоновой кости давала впечатлѣніе блеска на тѣхъ мѣстахъ, которыя требовали или могли имѣть его. Слоновая кость инкрустировалась золотомъ и украшалась имъ и въ христіанское время. Во время Константина Великаго нѣкій риторъ Кипрій поставилъ въ церкви св. Софіи статую св. Елены изъ слоновой кости. Эта статуя уже по самому производству ея должна была быть хризелефантинной, такъ какъ царскія одежды требовали иллюминаціи золотомъ. Эту статую Шеферъ называетъ прямо хризелефантинной. Извѣстно также, что въ церкви св. Софіи по приказанію Юстиніана были устроены двери изъ рѣзной слоновой кости, и пластины составлявшія ее были украшены золотомъ. Нельзя думать, что раскраска эта была сплошная, такъ какъ сама по себѣ слоновая кость считалась матеріаломъ драгоцѣннымъ и издавна въ практикѣ дѣла требовала только иллюминаціи.

---

1) Garr. I, Teorica. p. 155:

Denique sancta crucis haec templa Gregorius offert
Dum pallas coperit signo gerendo crucis.
Serica qua niveis agnava blattea tellis
Et textis crucibus magnificatur opus.

Крауфордовская пластина сохраняетъ слѣды золотой раскраски, столь рѣдкой между памятниками древне-христіанскаго времени и столь свойственной вообще издѣліямъ изъ слоновой кости. Съ ней рядомъ по яснымъ слѣдамъ золотой раскраски можетъ быть поставлена извѣстная «capsa eburnea» въ музеѣ Дармштадта[1]).

Крауфордовская пластина, такимъ образомъ, несомнѣнно принадлежитъ къ утерянной доскѣ равеннскаго диптиха, и можно надѣяться, что въ музеяхъ Европы или въ частныхъ собраніяхъ найдутся и остальныя три недостающія части этой доски.

Въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что крауфордовская пластина оправдываетъ тѣ предположенія, которыя были сдѣланы при разборѣ равеннскаго диптиха и строгановской пластины.

Прежде всего оправдывается предположеніе о томъ, что на затерянной доскѣ равеннскаго диптиха, въ центральной ея части, должно было находиться изображеніе Богородицы въ соотвѣтствіе къ изображенію Христа на первой доскѣ равеннскаго диптиха, а затѣмъ Рождество и Поклоненіе волхвовъ. Все это, дѣйствительно, изображено на пластинѣ. Предположеніе это было сдѣлано на томъ основаніи, что на строгановской пластинѣ изображены три сцены изъ Протоевангелія, группирующіяся на извѣстныхъ намъ диптихахъ вокругъ центральнаго изображенія Богородицы. Таковы диптихи Парижскій, Эчміадзинскій. Это изображеніе Богородицы съ младенцемъ на рукахъ, дѣйствительно, представлено на крауфордовской пластинѣ, но въ такой оригинальной и рѣдкой композиціи, о характерѣ которой никоимъ образомъ нельзя было догадываться, и которая заслуживаетъ подробнаго разбора и сопоставленія съ цѣлымъ рядомъ относящихся къ ней памятниковъ.

Во-первыхъ чрезвычайно интереснымъ является совмѣщеніе монументальнаго и портретнаго, какъ античная статуя, образа Богородицы съ поклоненіемъ волхвовъ, въ то время, какъ на указанныхъ двухъ диптихахъ, на прекрасномъ Берлинскомъ диптихѣ (Garr. t. 451, 2), на мозаикѣ Канакаріи съ острова Кипра[2]), на одной ампуллѣ изъ

---

1) G. Schaefer, Die Denkmäler d. Elfenbein-Plastik des Grossherzoglichen Museums zu Darmstadt. 1872. стр. 15—17 и 33. Относительно статуи см. извѣстія у Анонима Бандури, Кодина и др. J. P. Richter'a, Quellen d. byz. Kunstgesch. Wien 1897 стр. 14, 64; относительно дверей стр. 42, 43. Золотая иллюминація сохранилась на Евангеліаріи Лейпцига (№ 922) X вѣка. См. Repertorium für Kunstwissenschaft 1897, B. XX, Heft 5, S. 407.

2) Я. И. Смирновъ, Христіанскія мозаики Кипра. Виз. Времен. 1897 № 1, 2 Таб. II.

Монцы (Garr. t. 434, 8), на одномъ коптскомъ рельефѣ Булакскаго музея (Gayet, Les monuments coptes du Musée de Boulaq, Paris 1889, pl. VII), это изображеніе дается самостоятельно съ двумя ангелами по сторонамъ. Поза Богородицы малымъ чѣмъ отличается отъ обычнаго типа. Важно указать лишь, что положеніе ея рукъ, придерживающихъ однообразно младенца за оба колѣна, встрѣчается чрезвычайно рѣдко, придаетъ фигурѣ Богородицы особенно напряженный видъ и лишаетъ ее той свободы и жизненности, которая такъ удачно выражена на Берлинскомъ диптихѣ и особенно на Кирхеріанской вазѣ (Garr. 427). На первомъ изъ этихъ памятниковъ правая рука Богородицы лежитъ на плечѣ младенца, на второмъ обнимаетъ его, въ то время какъ лѣвая поддерживаетъ его за колѣно. Даже на Парижскомъ и Эчміадзинскомъ диптихахъ, не смотря на то, что на нихъ повторяется тотъ-же мотивъ придерживанія младенца за оба колѣна, поза Богородицы является болѣе свободной, вслѣдствіе того, что младенецъ сидитъ не на лонѣ ея, а на лѣвой рукѣ (Garr. 458, 2)[1]). Эти однообразно опущенныя руки повторяются на ампуллахъ изъ Монцы, гдѣ вслѣдствіе неясности штемпеля не видно кистей рукъ Богородицы[2]) на одной золотой пластинѣ (Garr. 479, 4), и на мозаикѣ Канакаріи (l. c. табл. II.).

Эти черты различія не измѣняютъ, однако, общаго типа, который всегда дается en face къ зрителю, на тронѣ, съ младенцемъ. Копируя, какъ правильно полагаетъ Стржиговскій, античныя портретныя изображенія царицы или матроны въ видѣ статуи, эти изображенія Богородицы передаютъ и свободную позу такого портретнаго образа, напримѣръ, нѣсколько опущенное правое колѣно, выставленную впередъ правую ногу, отодвинутую лѣвую, а также тронъ и подножіе. Эти черты сохранены на крауфордовской пластинѣ и указываютъ въ немъ на незабытыя еще свойства античнаго образа. Другой рельефъ Солунскаго амвона (Garr. 426, 1), представляющій черты зрѣлаго византійскаго стиля VI вѣка, хотя и повторяетъ ту-же позу en face, тотъ-же мотивъ возложенія правой руки на плечо младенца, однако, передаетъ позу Богородицы еще болѣе неподвижной, съ ногами ря-

1) I. Strzygowski, Byzantinische Denkm. Bd. I; Е. К. Рѣдинъ, Диптихъ Эчміадзинской Библіотеки. СПБ. 1891, отд. оттискъ изъ V кн. Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. стр. 4.

2) Garr. t. 433, 9; 334, 1, 8.

лонѣ поставленными на подножіе, съ едва обозначенными колѣнами, съ округлыми, широкими и слабо выраженными формами тѣла.

Такое-же положеніе ногъ дано Богородицѣ и на мозаикѣ церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, на трехъ ампуллахъ изъ Монцы (Garr. 433, 7, 9, 434, 1) и на упомянутомъ коптскомъ рельефѣ Булакскаго музея, на которомъ сверхъ того повторяется мотивъ держанія Богородицей нимба Христа, какъ и на эчміадзинской миніатюрѣ. Какъ бы слабо, однако, не были выражаемы черты прототипа, все же образъ восходитъ къ нему черезъ посредство своей монументальной сидячей позы и положенія en face къ зрителю. Лучшій примѣръ такого древнѣйшаго и наиболѣе изящнаго образа Богородицы извѣстенъ на Кирхеріанской вазѣ. На крауфордовской пластинѣ сохранены отдаленно такія черты этого оригинала, какъ низко сидящій на лонѣ младенецъ, простой тронъ съ округлой спинкой, обозначенной тремя врѣзанными линіями на плоскости фона, расположеніе ногъ и одеждъ, облекающихъ нижнюю часть фигуры, не говоря уже о позѣ en face, къ которой мы должны еще будемъ вернуться.

Еще важнѣе для насъ тотъ фактъ, что какъ на Кирхеріанской вазѣ, такъ и на крауфордовской пластинѣ этотъ образъ Богородицы, являясь въ композиціи Поклоненія волхвовъ, противуположенъ на обоихъ памятникахъ изображенію Христа, сидящаго на тронѣ посреди апостоловъ. Волхвы на Кирхеріанской вазѣ также подходятъ съ двухъ сторонъ и представляютъ фигуры, симметрически отвѣчающія фигурамъ апостоловъ по сторонамъ Христа, какъ и на крауфордовской пластинѣ. Такое расположеніе сюжетовъ на фризѣ Кирхеріанской вазы зависитъ отъ округлости его. На немъ нѣтъ такой точки, которую можно было бы принять за начальную и исходную, ибо ея нѣтъ въ самой композиціи, расположенной на фризѣ, и потому понятно, что композиція, представлявшая Христа съ апостолами по сторонамъ, обусловила собою и расположеніе волхвовъ по сторонамъ Богородицы по самымъ требованіямъ симметріи и контраста. На двухъ фризахъ мозаикъ церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ наблюдается тотъ-же пріемъ изобрѣтенія композиціи въ зависимости отъ требованій симметріи и контраста, какъ и на Кирхеріанской вазѣ. Въ сценѣ Поклоненія волхвовъ здѣсь представленъ тотъ-же монументальный образъ Богородицы, сидящей на тронѣ съ младенцемъ на лонѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ образомъ Христа на тронѣ, изображеннымъ на противоположномъ фризѣ. И если волхвы подходятъ [illegible]

а не съ обѣихъ сторонъ, то это зависитъ отъ самой компановки сюжета на длинномъ фазѣ, одинъ конецъ котораго занятъ изображеніемъ города, изъ котораго направляются къ Богородицѣ святыя жены, т. е. композиція по самому замыслу имѣетъ лишь одну исходную точку движенія. То-же самое должно сказать и о другомъ фризѣ. Если же на ампуллахъ изъ Монцы мы имѣемъ композицію, представляющую волхвовъ съ одной стороны и пастырей съ другой, то, слѣдовательно, должны предполагать новое изобрѣтеніе такой композиціи, которая соединяла въ себѣ движеніе съ двухъ сторонъ, какъ и на Кирхеріанской вазѣ[1]).

Ближайшее отношеніе къ сценѣ Поклоненія волхвовъ на крауфордовской пластинѣ имѣетъ сирійская миніатюра Эчміадзинскаго Евангелія, изданная Стржиговскимъ (l. c. t. VI). Она изображена на второмъ пергаменномъ листѣ, вшитомъ въ концѣ кодекса (рис. 1). Всѣ четыре миніатюры Стржиговскій не безъ основанія отнесъ къ началу VI в.

1) Что, именно, симметрія и контрастъ, какъ законы художественнаго изобрѣтенія, имѣли несомнѣнное творящее значеніе для древне-христіанскаго и византійскаго искусства, лишній разъ доказываетъ крауфордовская пластина. Если во фрескахъ катакомбъ Домитиллы, Марцеллина и Петра, мы не видимъ еще ясныхъ причинъ, обусловившихъ положеніе волхвовъ по обѣимъ сторонамъ Богородицы, то это значитъ только, что еще мы не вполнѣ знаемъ свойства катакомбной живописи. Причина и тамъ должна быть та же, что и для Кирхеріанской вазы, для равенскаго диптиха и его обратной доски, для мозаикъ Аполлинарія Новаго и т. д., т. е. расположеніе фигуръ зависѣло отъ распланировки сюжета на томъ или другомъ пространствѣ въ зависимости отъ другихъ композицій, аналогичныхъ по своему строенію. Равнымъ образомъ, на Солунскомъ амвонѣ строеніе композиціи всего фриза таково, что предполагаетъ сидящую фигуру по правую сторону амвона въ соотвѣтствіе съ сидящей фигурой Богородицы. На это указываютъ такія данныя самаго фриза, какъ дѣленіе его пополамъ центральной фигурой Добраго Пастыря, а затѣмъ изображеніе съ каждой стороны его по три фигуры волхвовъ, направляющихся постепенно въ обратныя стороны. Какіе бы доводы ни приводилъ Байё, возстановившій и описавшій эти рельефы (Mémoire sur une Mission au Mont Athos, p. 276—281 и сл. par Duchesne et Bayet), нельзя повѣрить, что три фигуры волхвовъ направо отъ Добраго Пастыря изображены въ сценѣ видѣнія ими звѣзды. Отсутствуетъ звѣзда, затѣмъ ни одинъ волхвъ не указываетъ вверхъ, не смотритъ вверхъ и ихъ движенія направлены вправо. Жестъ обращенія руки вправо у крайней фигуры волхва показываетъ на существованіе фигуры, къ которой онъ обращался. Каждая фигура этой стороны амвона скомпанована въ полномъ соотвѣтствіи съ фигурами волхвовъ налѣво, которые, неся дары, однако, сообщаютъ другъ другу нѣчто относительно событія, въ которомъ участвуютъ. Фигура Богородицы требуетъ такой-же сидящей фигуры направо, и это должна быть фигура Ирода, къ которому приходятъ волхвы. Точно такимъ-же образомъ, т. е. на длинномъ фризѣ, идя въ разныя стороны, представлены волхвы въ композиціи Поклоненія и Прихода къ Ироду на Ватиканскомъ диптихѣ (Garr. t. 457,2). Сами собою падаютъ символическія объясненія Байё о томъ, что Добрый Пастырь замѣняетъ собою звѣзду и что онъ велъ волхвовъ.

Поразительное сходство въ строеніи композиціи и нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ пластины и миніатюры приводятъ къ предположенію о существованіи одного общаго оригинала, который они копируютъ, и копируя расходятся.

Въ самомъ дѣлѣ, на миніатюрѣ повторяется одинъ и тотъ-же монументальный образъ Богородицы, сидящей на тронѣ съ младенцемъ, что и на пластинѣ, при чемъ по сторонамъ трона представлены по двѣ фигуры, такъ что въ обоихъ случаяхъ является по пяти фигуръ. Расположеніе фигуръ также приблизительно то-же, какъ на одномъ, такъ и на другомъ памятникѣ, т. е. головы и торсы заднихъ фигуръ

занимаютъ мѣсто въ промежуткахъ между передними, какъ напримѣръ Ангелъ, изображенный на миніатюрѣ между Богородицей и старымъ волхвомъ, что соотвѣтствуетъ положенію третьяго волхва на пластинѣ между Богородицей и вторымъ волхвомъ. Есть, однако, и нѣкоторое весьма поучительное отклоненіе композиціи миніатюры отъ композиціи пластины. Дѣло въ томъ, что на крауфордовской пластинѣ старый волхвъ и ангелъ изображены налѣво, а два другихъ волхва направо отъ зрителя, между тѣмъ какъ на миніатюрѣ эти фигуры расположены въ обратномъ порядкѣ, и Ангелъ со старымъ волхвомъ приходится направо отъ Богородицы. Всматриваясь внимательно въ миніатюру, можно замѣтить далѣе, что у Богородицы вмѣсто праваго колѣна выдвинуто лѣвое, что выставлена впередъ не правая, а лѣвая нога, какъ на одной ампуллѣ изъ Монцы (t. 434,8) правая-же отодвинута назадъ, т. е., слѣдовательно, композиція пластины на миніатюрѣ является въ обратномъ видѣ, перевернутой на обратную сторону для болѣе удобнаго перевода ея на пергаментъ. То-же самое произошло и со штемпелемъ ампуллы, который при изготовленіи былъ выполненъ съ правильнаго образца, а при печатаніи получился въ обратномъ видѣ, какъ это наблюдается во многихъ случаяхъ и иногда бываетъ умышленно. Этимъ обратнымъ расположеніемъ композиціи на миніатюрѣ объясняется и подобіе въ фигурѣ Ангела съ фигурой третьяго волхва, и потому Ангелъ представленъ лицемъ къ зрителю и безъ крыльевъ, которыя негдѣ было размѣстить.

Такимъ образомъ, въ сущности число лицъ и ихъ группировка остаются однѣ и тѣ-же на обоихъ памятникахъ, и источникъ живописной редакціи сцены является намъ въ тѣхъ-же формахъ, которыя въ нетронутомъ видѣ передаетъ крауфордовская пластина. Что въ первоначальной редакціи, или въ прототипѣ обоихъ памятниковъ мы должны предполагать расположеніе фигуръ въ томъ видѣ, какъ на крауфордовской пластинѣ, косвеннымъ образомъ, отчасти, указываетъ еще мозаическое изображеніе этой сцены въ церкви S. Maria Maggiore, гдѣ два волхва подходятъ къ трону, именно, справа. Сирійская миніатюра удерживаетъ еще такія черты этого оригинала, какъ повязка на головѣ Ангела, край покрывала, лежащій на лѣвомъ плечѣ Богородицы, несеніе даровъ безъ подниманія ихъ вверхъ, какъ это изображено на нѣкоторыхъ ампуллахъ изъ Монцы и на эчміадзинскомъ диптихѣ, округлая форма этихъ даровъ, повороты головъ въ три четверти стараго и крайняго молодого волхва. Также точно чувствуется легкій

наклонъ головы и торса стараго волхва, какъ отдаленное воспоминаніе о согбенной позѣ его на крауфордовской пластинѣ.

Всѣ эти черты несомнѣнно были въ томъ оригиналѣ, который копируютъ миніатюра и крауфордовская пластина, но этимъ дѣло еще не ограничивается. Пластина и миніатюра даютъ возможность составить о немъ болѣе полное и ясное представленіе.

Дѣло въ томъ, чно оба памятника копируютъ одинъ общій оригиналъ сообразно требованіямъ рельефной и живописной манеры представленія. Рельефъ крауфордовской пластины доступными ему средствами передаетъ очертанія композиціи и ея составъ, но строго держась правила рельефнаго замѣщенія пространства чрезмѣрно удлиняетъ фигуры сообразно съ высотою остающагося подъ каворіемъ пространства, стискиваетъ и сжимаетъ ихъ рамками квадрата до такой степени, что не остается мѣста для обозначенія нижнихъ частей двухъ фигуръ — Ангела и третьяго волхва и для изображенія ихъ плащей. Вслѣдствіе этого композиція лишена развитаго движенія, волхвы ступаютъ боязливо, маленькими шагами, фигуры ихъ имѣютъ чрезвычайно удлиненныя ноги, короткія руки и узкіе торсы, на которыхъ посажены маленькія сравнительно съ ихъ ростомъ головы.

Наоборотъ миніатюра, хотя и заключена въ такой-же приблизительно квадратъ пергаменнаго листа, относится къ этому правилу болѣе свободно, растягиваетъ композицію, изображаетъ цѣликомъ фигуру третьяго волхва, изображаетъ плащи, скорѣе укорачиваетъ, чѣмъ удлиняетъ фигуры, и что самое главное—замѣщаетъ свободное пространство за трономъ Богородицы большимъ фантастическимъ зданіемъ, которое должно представлять собою домъ Богородицы[1]. Эта деталь дана на миніатюрѣ сообразно съ живописнымъ способомъ представленія задняго плана, въ то время, какъ рельефъ взамѣнъ этой частности удлиняетъ фигуры и занимаетъ ими остающееся свободное пространство. На миніатюрѣ-же, какъ и въ мозаикахъ Солунской церкви св. Георгія, фигуры расположены на фонѣ роскошной архитектоники.

На диптихѣ мы не видимъ этой архитектоники. Форма киворія надъ Богородицей зависѣла отъ формы его, принятой на первой доск въ изображеніи Христа, т. е. отъ формы раковины, принятой д украшенія обѣихъ половинъ диптиха. Однако, если измѣнена раковин

1) Tischendorf, Evangelia apocrypha, Evang. Pseudo-Matthaei, c. XVI: magi... intrantes in domum invenerunt infantem Iesum sedentem in sinu Matris.

то все же оставлены четыре колонки, которыя сообразно скульптурному ихъ типу изображены витыми. Такое вольное отношеніе къ частностямъ и особенно къ украшеніямъ оригиналовъ чрезвычайно распространено на древнихъ памятникахъ, и иногда служитъ точкой отправленія для сужденія о той школѣ, изъ которой вышелъ памятникъ.

Нельзя вмѣстѣ со Стржиговскимъ относить изображеніе этого зданія къ собственной фантазіи рисовальщика. Что это зданіе представлено согласно типу подобнаго рода архитектоники на памятникахъ христіанской древности, т. е. скопировано съ опредѣленнаго образца такого рода строеній, доказывается самимъ зданіемъ. Ему есть прямыя и точныя аналогіи.

Зданіе представляетъ собою четыреугольное сооруженіе съ двумя фронтонами по сторонамъ, лежащими на четырехъ коринѳскихъ колонкахъ или скорѣе пилястрахъ. Въ центрѣ возвышается конха или абсида, въ глубинѣ которой сидитъ Богородица. Эта конха представляетъ типъ скульптурной конхи саркофаговъ и такихъ памятниковъ болѣе позднихъ, какъ Берлинскій диптихъ, коптскій рельефъ, сирійскій кодексъ Евангелія Лаврençіанской Библіотеки 586 года, Солунскій амвонъ и мозаики Равенны. Повторяется и широкое обрамленіе этой конхи и коринѳскія капители и главное поднятыя вверхъ ложки раковины, которыя въ другихъ случаяхъ бываютъ расположены широкими концами внизъ[1]).

Типичность передачи раковины на миніатюрѣ доходитъ до того, что на ней, какъ и на Солунскомъ амвонѣ и на сирійской миніатюрѣ кодекса 586 года (Garr. t. 135), изображено 14 ложекъ. Такая типичность указываетъ несомнѣнно на опредѣленный оригиналъ, съ котораго была скопирована конха[2]). Съ другой стороны и остальныя части зданія были несомнѣнно скопированы съ подобнаго образца, какъ, напримѣръ, мозаика церкви св. Георгія въ Солуни, гдѣ мы видимъ только болѣе роскошный типъ этого зданія, осложненный архитектоническими частностями и изображенный нѣсколько разъ по фризу въ особыхъ пространствахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга гирляндами

---

1) На саркофагахъ Garr. t. 325, 1, 2, 3, 5; 328, 1; 331, 2.

2) Ложки, поднятыя вверхъ, по преимуществу встрѣчаются въ Равеннѣ. Здѣсь встрѣчается 13 ложекъ на саркофагѣ S. Francesco t. 347, 2, и на саркофагѣ Галлы Плацидіи 356, 1; 12 — на 448, 2 — 5; 11 — на саркофагѣ изъ Тулузы равеннскаго стиля 390, 1 — 4.

равеннскаго типа[1]). Здѣсь мы видимъ повтореніе той-же конхи, опирающейся, какъ и на миніатюрѣ, на антаблементъ, поддерживаемый съ каждой стороны двумя колонками коринѳскаго ордена, видимъ тоже широкое обрамленіе конхи, а по бокамъ тѣ-же два фронтона. Колонны, антаблементы, обрамленіе конхи усыпаны такими-же рядами драгоцѣнныхъ камней цвѣтныхъ и бѣлыхъ (жемчугъ?), посаженныхъ по извѣстной опредѣленной схемѣ, какъ и на миніатюрѣ. Бѣлые камни, два и болѣе рядомъ, перемежаются съ большими цвѣтными и отдѣляются отъ нихъ полосочками. Наконецъ, какъ бы для полной аналогіи видимъ завѣсы, отдернутыя внутрь зданія, какъ и на миніатюрѣ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что на миніатюрѣ концы завѣсы переброшены за колонну и протянуты къ другой колоннѣ, мотивъ часто встрѣчающійся на раннихъ византійскихъ памятникахъ[2]). Другая разница въ конструкціи зданія на миніатюрѣ и мозаикѣ заключается въ томъ, что на мозаикѣ оба фронтона отдѣлены отъ конхи и стоятъ рядомъ съ ней, представляя самостоятельныя сооруженія. Такимъ образомъ на мозаикѣ нѣтъ крыши общей для всего сооруженія. Происхожденіе этой крыши на миніатюрѣ легко отгадать. Она представляетъ, какъ и на мозаикѣ, линіи перспективнаго удаленія крыши каждаго фронтона, соединенныя въ одну линію конькомъ. Мозаики VI вѣка Равенны даютъ намъ часто тѣ-же формы этой архитектоники, но разъединенныя, разбросанныя въ разныхъ композиціяхъ. Такъ архитектонику близкую къ солунской и къ архитектоникѣ миніатюры видимъ въ мозаикахъ Православной Крещальни въ Равеннѣ, затѣмъ конхи съ выдвинутыми вверхъ концами, пилястры или колонны съ коринѳскими капителями, подобранныя завѣсы, ряды драгоцѣнныхъ камней въ перемежку съ жемчугомъ и полосочками находимъ въ мозаикахъ церквей св. Виталія, Аполлинарія во Флотѣ, Аполлинарія Новаго, Православной Крещальни Garr. passim: t. 264, 1, 2. 266. 3 ., равно какъ и въ сирійскомъ кодексѣ 586 года. Эти формы не встрѣчаются, однако, въ мозаикахъ мавзолея Галлы Плацидіи. Слѣдовательно разъ этотъ типъ роскошной архитектоники возникъ вообще въ визан-

1) Texier and Pullan. Byzantine architecture. London 1864 p. XXVIII, XXX—XXXV. Smith and Cheetham. Dictionary of christian antiquities. London 1880, II, p. 1326.

2) Напримѣръ на слоновой кости [illegible] Музея во Флоренціи съ изображеніемъ [illegible] 7, а также на консульскихъ диптихахъ. См. [illegible] Album der [illegible] Denkmäler des K. K. [illegible] Wien 1886. Taf. [illegible] и рис. на стр. [illegible]

пріемъ расположенія композиціи въ абсидахъ примѣненъ и для сюжета Поклоненія волхвовъ въ катакомбѣ Марцеллина и Петра, гдѣ небольшой люнетъ занятъ этимъ сюжетомъ, скомпанованнымъ въ три фигуры[1]). Въ другихъ случаяхъ[2]) число волхвовъ возрастаетъ сообразно длинѣ мѣста, и, какъ правильно отмѣтилъ Вильпертъ, зависитъ отъ симметрическаго строенія композиціи. Равнымъ образомъ, форма мѣста обусловливаетъ собою и положеніе центральной фигуры лицемъ къ зрителю, такъ какъ положеніе въ профиль нарушаетъ симметрію. Вотъ почему въ абсидахъ церквей мы постоянно видимъ центральную фигуру лицемъ къ зрителю, въ то время какъ другія фигуры по сторонамъ являются въ три четверти и въ профиль. Ту же черту обнаруживаютъ и кипрскія мозаики и крауфордовская пластина и сирійская миніатюра.

Что эта черта была свойственна ихъ прототипу доказывается тѣмъ, что какъ миніатюра, такъ и пластина постепенно понижаютъ уровень размѣщенія головъ, и выше всѣхъ является голова Богородицы. Это пирамидальное построеніе композиціи въ пять фигуръ исключало въ самомъ замыслѣ ея введеніе фигуры Іосифа, которая иногда изображается въ сценахъ поклоненія волхвовъ за кресломъ Богородицы. Отмѣтимъ на ряду съ этимъ и тотъ фактъ, что въ такихъ торжественныхъ композиціяхъ Поклоненія волхвовъ, какъ въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго, на Кирхеріанской вазѣ, на Солунскомъ рельефѣ, фигура Іосифа также опущена. Нельзя не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ особой черты древне-христіанскаго и византійскаго искусства, которое, опуская фигуру Іосифа въ сценѣ Поклоненія волхвовъ, придаетъ ей торжественный характеръ Поклоненія царей Мессіи. Поэтому и въ мозаикѣ S. Maria Maggiore въ Римѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть сидящую на креслѣ рядомъ съ Христомъ фигуру Іосифа, какъ склоненъ считать, но безъ достаточнаго основанія, Я. И. Смирновъ вслѣдъ за Марріотомъ, а лишь можно предполагать существованіе стоящей фигуры Іосифа слѣва отъ женской фигуры. Фигура Іосифа въ этихъ композиціяхъ опускается не смотря на явное сохраненіе чертъ апокрифа, т. е. двухлѣтняго возраста Христа и его поло-

фигуръ въ церкви св. Андрея и Космы и Даміана въ Римѣ (Garr. 240, 1; 253); наконецъ, въ 13 фигуръ въ церкви св. Лаврентія въ Миланѣ (t. 234) и въ 15 фигуръ въ церкви Пуденціаны въ Римѣ.

1) Liell, l. c. Taf. III.

2) Wilpert, Ein Cyclus christologischer Gemälde aus d. Katacomben d. heil. Marcellinus u. Petrus. Freiburg im Breisgau 1891, S. 21, Bd. V, I.

женія на лонѣ Богородицы. Эти черты событія Поклоненія волхвовъ передаетъ Евангеліе Псевдо-Матѳея, въ которомъ разсказывается рядомъ и о дарахъ, предложенныхъ волхвами Іосифу и Маріи (гл. XVI), а слѣдовательно указывается и его присутствіе во время самаго поклоненія [1]).

---

1) Присутствіе Іосифа или отсутствіе его въ изображеніяхъ Поклоненія волхвовъ можетъ быть выяснено съ достаточной ясностью на основаніи бесчисленнаго количества памятниковъ, которые, однако, распадаются на опредѣленныя и весьма простыя группы. Въ живописи катакомбъ нѣтъ ни одного примѣра Поклоненія волхвовъ съ Іосифомъ. На саркофагахъ и слоновыхъ костяхъ его фигура является довольно рѣдко и въ подчиненномъ положеніи стоящей за кресломъ Богородицы. Въ этихъ случаяхъ мы можемъ предположить съ полнымъ вѣроятіемъ вліяніе апокрифовъ, которые, какъ напримѣръ Евангеліе Псевдо-Матѳея, приписываетъ Іосифу извѣстную роль (см. Е. К. Рѣдинъ, Эчміадзинскій диптихъ стр. 9), такъ какъ онъ также получаетъ дары отъ волхвовъ наравнѣ съ Маріей. Евангелія каноническія не даютъ никакой роли Іосифу въ событіи Поклоненія волхвовъ и онъ остается лишь оберегателемъ и хранителемъ св. семейства. Эта черта Евангелія и выражается торжественными композиціями, совершенно согласно съ громаднымъ большинствомъ памятниковъ, посредствомъ опущенія фигуры Іосифа.

Можно было бы еще, въ виду неполной сохранности композиціи S. Maria Maggiore, предположить существованіе фигуры Іосифа, стоящей слѣва отъ женской фигуры, но нѣтъ никакого основанія посадить его рядомъ съ Маріей и Христомъ на кресло. Такое положеніе въ сценахъ Поклоненія волхвовъ Іосифъ никогда не занимаетъ. Если же онъ сидитъ сзади кресла Богородицы на Эчміадзинскомъ диптихѣ, то это потому, что фигура его опущена въ сценѣ Рождества, и потому, что не было возможности представить его фигуру въ цѣлый ростъ.

Такъ какъ справа въ этой композиціи изображены два волхва, то и можно думать, что въ соотвѣтствіе съ ними слѣва также были изображены двѣ фигуры, т. е. третій волхвъ и Іосифъ, но никакъ не Ангелъ, ибо тогда нарушено было бы принятое для всѣхъ композицій арки число четырехъ Ангеловъ. Эти четыре Ангела изображены уже за трономъ Христа. Что здѣсь слѣва была какая то фигура съ протянутой вверхъ рукой свидѣтельствуетъ рисунокъ Чіампини. Этому рисунку надо было дать болѣе довѣрія, чѣмъ это сдѣлалъ Я. И. Смирновъ по отношенію къ рисункамъ Виндзорскаго и Барберинскаго собраній. Виндзорскій рисунокъ есть плохая копія съ Барберинскаго, а Барберинскій рисунокъ сдѣланъ на большемъ разстояніи съ низу церкви, какъ показываютъ его грубыя ошибки, которыя я и оговорилъ въ тѣхъ случаяхъ, когда искалъ помощи отъ этого рисунка. Самый правильный рисунокъ сдѣланъ былъ для Чіампини, перваго издателя мозаики, нѣкіимъ Фабретти. Для этой цѣли были поставлены лѣса и мозаика арки освобождена отъ досокъ, закрывавшихъ верхнія ея части. Рисунокъ Фабретти былъ провѣренъ Чіампини и изданъ имъ. И вотъ Чіампини ничуть не сомнѣвается, что фигура налѣво отъ Христа, сидящая на тронѣ—женская и представляетъ, по его мнѣнію, Марію: «Maria Mater ejus № 14». (Ср. Vetera Monumenta t. I. p. 208). Для него оставалась непонятной женская фигура, сидящая направо отъ зрителя, и передавая совершенно правильно ея позу и костюмъ онъ все-же принималъ ее за перваго волхва. Для меня совершенно ясно, что п[illegible] къ такому толкованію этой фигуры у Чіампини заключался въ золотомъ плать[illegible] фигуры и въ отсутствіи третьяго волхва. Свидѣтельство этого древнѣйшаго [illegible] стовѣрнѣйшаго рисунка важно потому, что оно болѣе согласуется съ моза[illegible] съ данными историко-художественнаго характера, только что указанными, [illegible] сомнительные рисунки Виндзорскаго и Барберинскаго собраній. Я. И. Сми[illegible]

Такимъ образомъ, врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что крауфордовская пластина представляетъ композицію, которая была извѣстна въ древности, очевидно, какъ опредѣленный образецъ и потому перешла въ побочныя отрасли художественной индустріи — въ миніатюру и рѣзную слоновую кость. Монументальный характеръ сцены не потерялся вслѣдствіе примѣненія композиціи къ мелкому художественному производству. Она сохраняетъ вслѣдствіе своего строенія и сравнительнаго обилія фигуръ центральное положеніе на диптихѣ и по своимъ размѣрамъ, по указаннымъ чертамъ монументальности выходитъ изъ разряда композицій, представленныхъ на строгановской пластинѣ и посвященныхъ Протоевангелію.

Одѣяніе Богородицы состоитъ изъ платья съ пелериной и наброшеннаго на голову, спадающаго на плечи головного покрывала. Подъ покрываломъ видна обычная прическа волосъ, убранныхъ надо лбомъ въ толстый жгутъ. Одѣяніе Богородицы нѣсколько отличаетъ ея фигуру отъ обычныхъ изображеній, гдѣ она является вся укутанной мафоріемъ, и приближаетъ къ женскимъ фигурамъ Вѣнской Библіи и пиксиды изъ Вердена (Garr. 437, 4).

Тонкія ножки трона и ихъ форма сколько извѣстно повторяются въ совершенствѣ на мраморномъ рельефѣ Благовѣщенія въ S. Maria in Porto въ Равеннѣ (фотографія Риччи № 263).

Обычныя одежды волхвовъ не имѣютъ широкой полосы вдоль шароваръ, также точно волхвы не имѣютъ оплечій, застегнутыхъ на груди аграфомъ, какъ напримѣръ въ мозаикахъ S. Maria Maggiore, и только одинъ изъ нихъ, именно третій юный волхвъ имѣетъ плащъ,

---

не обратилъ вниманія на полное сходство фигуры слѣва на рисункѣ Чіампини съ фигурой на мозаикѣ. На Виндзорскомъ и Барберинскомъ рисункахъ изображена вовсе не мужская, *а какая-то* фигура, которую можно считать настолько же за мужскую, какъ и за женскую. Съ другой стороны, придерживаясь мнѣнія Марріотта, которое кажется ему «болѣе вѣроятнымъ», Я. И. Смирновъ въ то-же время говоритъ, что ему почему-то приходится принять объясненіе Шульце, который считаетъ эту фигуру за женскую, и именно за Марію, какъ принималъ уже Чіампини, а другую женскую фигуру направо за Анну. Не оспаривая Шульце, а напротивъ изъ личнаго наблюденія убѣдившись, что фигура налѣво отъ Христа — женская, замѣчу только, что вѣрить Шульце относительно толкованія второй фигуры тоже нельзя. Онъ ошибся, предполагая во второй фигурѣ пророчицу Анну, такъ какъ не разглядѣлъ одеждъ Анны и второй женской фигуры. Первая носитъ коричневую пенулу и розоватый хитонъ, а вторая золотой хитонъ и лиловую паллу или пенулу (Ср. Мозаики VI и V вв. стр. 79 и 89) и держитъ въ рукѣ платокъ. Отсюда вытекаетъ прямое различіе этихъ двухъ фигуръ, такъ какъ, если не обращать вниманія на художественную характеристику типа, то мы потеряемъ всякую руководящую нить въ пониманіи памятниковъ древности.

наброшенный на плечи, но не застегнутый на груди какъ и Ангелъ на Эчміадзинской миніатюрѣ. На ампуллахъ изъ Монцы волхвы также представлены одинъ разъ безъ плащей (t. 344,1), причемъ штемпель явно обнаруживаетъ, что лишь недостатокъ мѣста требовалъ изображенія волхвовъ безъ плащей, какъ и на крауфордовской пластинѣ.

У второго волхва туника имѣетъ подъ мышкой узенькую нашивку, что повторяется въ мозаикахъ S. Maria Maggiore и на нѣкоторыхъ саркофагахъ (Liell, l. c. стр. 259, рис. 35, 266, рис. 41 и 46, также 49, 51, 52, 57). Характеръ этихъ восточныхъ одеждъ, особенно косыя идущія вверхъ полы туникъ, широкіе шаровары, доходящіе до щиколоки, и кожанная съ острыми нòсками обувь хорошо передана на креслѣ Максиміана у стражей Іосифа (Garr. t. 421,3; 422,1).

Дары волхвовъ представляютъ округлые предметы, безъ особой формы, очевидно, представляющіе массы тѣхъ веществъ, которыя они принесли съ собою. Черточки на поверхности ихъ указываютъ на естественный видъ этихъ массъ и должны обозначать ихъ неровную поверхность. Въ такой формѣ дары представлены на другомъ памятникѣ, имѣющемъ ближайшее отношеніе къ равеннской школѣ, на Эчміадзинскомъ диптихѣ, гдѣ они покрыты пересѣкающимися линіями [1]). Плащи, на которыхъ они несутъ эти дары, изображаются какъ въ римской, такъ и въ равеннской школѣ, и извѣстны на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ такъ-же, какъ и на эчміадзинскомъ диптихѣ.

Ангелъ, изображаемый вообще на византійскихъ памятникахъ подводящимъ къ Богородицѣ волхвовъ, здѣсь представленъ въ особомъ движеніи и съ особымъ жестомъ правой руки. Голова его нѣсколько наклонена впередъ, равно какъ и торсъ, крылья раскрыты по сторонамъ, а правой рукой онъ касается спины стараго волхва, какъ бы побуждая его подойти къ Богородицѣ.

Мнѣ не извѣстно другого примѣра, гдѣ бы положеніе Ангела было представлено съ такимъ точнымъ повтореніемъ позы и мѣста, которое онъ занимаетъ, какъ на одной ампуллѣ изъ Монцы (433,7). Здѣсь Ангелъ изображенъ за волхвами съ наклоненной впередъ головой и однимъ распущеннымъ крыломъ. Другого крыла не видно, равно какъ не видно и жеста правой руки, вслѣдствіе сильной порчи центральной части рельефа ампуллы. На сирійской миніатюрѣ эта поза и

1) На саркофагахъ въ рукахъ волхвовъ также встрѣчаются круглые предметы, но вслѣдствіе грубой техники они бываютъ не ясно обозначены. Liell, l. c. 16, 17, 29, 36, 57.

движенiе Ангела исчезли вслѣдствiе оборота на другую сторону всей композицiи. Ангелъ оказался на мѣстѣ третьяго волхва, вслѣдствiе чего и былъ нарисованъ чрезвычайно близко къ фигурѣ этого волхва и потерялъ крылья.

Рождество Христово. Также точно оправдывается предположенiе, что сцены изъ жизни Богородицы на утерянной пластинѣ диптиха шли снизу вверхъ. Это видно изъ того, что на строгановской пластинѣ послѣднее изображенiе представляетъ Путешествiе въ Виѳлеемъ, на крауфордовской-же пластинѣ изображенiе Рождества представлено во фризѣ, который примыкалъ къ верхней части пластины. Изображенiе подобнаго фриза подъ верхней большой композицiей извѣстно на миніатюрѣ Сирiйскаго кодекса 586 года, гдѣ большой квадратъ занятъ Распятiемъ, а нижнiй фризъ подъ нимъ — Воскресенiемъ Христовымъ (Garr. t. 139,1). По происхожденiю своему онъ тотъ-же, что и мозаическiе фризы абсидъ, находящiеся подъ главной композицiей и имѣющiе къ ней извѣстное отношенiе.

Композицiя Рождества представляетъ также дальнѣйшее пользованiе апокрифомъ, такъ какъ въ нее внесена подробность, нѣсколько разъ уже указанная и описанная на памятникахъ современныхъ равеннскому диптиху, именно наказанiе и исцѣленiе бабки Саломеи[1]).

Композицiя расположена аналогично съ извѣстными до сихъ поръ переводами этой сцены, т. е. Богородица лежитъ на большой подушкѣ слѣва отъ зрителя, а ясли съ Младенцемъ, воломъ и осломъ изображены справа. Несоразмѣрно маленькая фигура Саломеи въ опоясанной короткорукавной туникѣ изображена поддерживающей лѣвой рукой свою пораженную правую руку и поднимающей голову вверхъ къ яслямъ. Такъ какъ сообразно съ апокрифомъ прикосновенiе къ Младенцу Христу исцѣлило ея руку, то, слѣдовательно, и движенiе Саломеи вполнѣ понятно. Она приближаетъ свою руку къ яслямъ, чтобы коснуться Младенца или яслей (Προσένεγκε τὴν χεῖρα σοῦ τῷ παιδίῳ καὶ βάσταζον αὐτῷ). Здѣсь нѣтъ, однако, Ангела, который приказалъ ей коснуться Младенца, какъ нѣтъ его и на креслѣ Максимiана въ той-же композицiи. Этотъ Ангелъ изображенъ на пиксидѣ изъ Миндена (Garr. 437,4).

1) Композицiи Рождества, содержащiя эту подробность, собраны Е. К. Рѣдинымъ, въ его статьѣ «Пластинка отъ кресла Епископа Максимiана въ Равеннѣ изъ собранiя графа Г. С. Строганова въ Римѣ» Харьковъ 1893, стр. 6, а также въ сочиненiи Max Schmid, Die Darstellung d. Geburt Christi in d. bildenden Kunst. Stuttgart 1890, стр. 36—42.

Поза Богородицы, равнымъ образомъ, заключаетъ оригинальную черту. Она возлежитъ, подогнувъ правую ногу подъ лѣвое колѣно, и подпираетъ голову ладонью правой руки, въ то время какъ въ другихъ случаяхъ она возлежитъ опирая локоть правой руки о свою подушку и имѣетъ опущенную внизъ кисть руки, какъ напр. на креслѣ Максиміана.

Важно отмѣтить поэтому, что поза Богородицы и положеніе рукъ ея на крауфордовской пластинѣ чрезвычайно близко повторены на указанной пиксидѣ изъ Минцена, только въ обратномъ видѣ, такъ какъ вся сцена Рождества изображена на ней въ обратномъ порядкѣ. Опертая о правую руку ланита Богородицы, какъ извѣстный и распространенный въ древности художественный мотивъ образа, — была повторена въ мозаикѣ VI в. церкви св. Сергія въ Газѣ, какъ свидѣтельствуетъ описаніе Хорикія Газскаго: «Здѣсь волъ и оселъ, ясли и младенецъ, и Дѣва, возлежащая на одрѣ: лѣвую руку подложила она подъ локоть правой, а на правой покоится ланитой» [1].

Поза Іосифа является еще болѣе оригинальной. Онъ изображенъ не сидящимъ или стоящимъ за изголовьемъ Богородицы, а стоящимъ между Богородицей и яслями. Обращаясь къ ней, онъ съ изумленіемъ подымаетъ руку съ открытой ладонью вверхъ. Раннie апокрифы ничего не говорятъ о поведеніи Іосифа во время исцѣленія Саломеи, и потому ближайшая причина обращенія Іосифа къ Богородицѣ и его изумленія остается темной.

Это мѣсто иногда занимаетъ молодой или старый пастухъ на саркофагахъ, также съ изумленіемъ обращаясь къ Богородицѣ (Liell, l. c. Fig 34, 35, 38). На этомъ-же мѣстѣ на пиксидѣ изъ Вердена изображена женская фигура, которую Е. К. Рѣдинъ склоненъ считать за Саломею, также съ изумленіемъ подымающая ладонь правой руки (Garr. 438) [2]. Мнѣ извѣстенъ лишь одинъ памятникъ, болѣе или менѣе современный равеннскому диптиху, на которомъ положеніе Іосифа на право отъ Богородицы повторено чрезвычайно близко къ положенію его на крауфордовской пластинѣ. Это часть деревяннаго триптиха, вывезеннаго В. С. Голенищевымъ изъ Египта. Этотъ памятникъ и-

1 Boissonade. Choricii Gazaei orationes, declamationes, fragmenta. p. 9[illegible]. Сборникъ на 1866 годъ Общества Древне-Русскаго искусства. Отд., стр. [illegible]. Тѣ-же выраженія въ описаніи вифлеемской мозаики Рождества употребляетъ Фока для указанія позы и жестовъ Богородицы. Правосл. Палестин. Сборн. Выпускъ 23, Сказаніе Іоанна Фоки. стр. 32.

2) Пласт. отъ кресла Еписк. Макс. стр. 7.

дается при настоящей статьѣ въ виду его прямого отношенія къ равеннскому диптиху и сирійскимъ миніатюрамъ Эчміадзинскаго кодекса. Здѣсь въ изображеніи Рождества Богородица возлежитъ налѣво отъ зрителя, а направо въ три четверти къ ней изображенъ Іосифъ. Въ изображеніи Іосифа повторяется и типъ его съ остроконечной бородой, различающійся отъ обычнаго его типа съ округлой бородой, какъ напримѣръ на креслѣ Максиміана и на Эчміадзинскомъ диптихѣ.

Быкъ и оселъ изображены въ обычномъ типѣ, т. е. оборачивающими симметрично головы къ яслямъ. Поворотъ головъ въ данномъ случаѣ есть рѣзкая черта византійскаго искусства, такъ какъ имъ особенно ясно выражается вниманіе животныхъ къ божественному Младенцу, лежащему въ ясляхъ. Такъ изображены они и на креслѣ Максиміана и на пиксидѣ изъ Миндена (437,4), при чемъ различіе съ послѣднимъ памятникомъ заключается лишь въ томъ, что поднятая нога, ударяющая копытомъ въ землю, на крауфордовской пластинѣ дана не волу, а ослу. Въ обоихъ случаяхъ повторяется и попона осѣдланнаго осла и его уздечка, что указываетъ на внезапность прибытія св. Семейства къ яслямъ. На креслѣ Максиміана оселъ является уже разнузданнымъ (Рѣдинъ l. c. I). Вялыя, безформенныя туши животныхъ, лишенныя правильнаго рисунка, отдаленно подражаютъ формамъ вола и осла на этомъ замѣчательномъ памятникѣ, но еще въ болѣе близкомъ отношеніи стоятъ они къ формамъ указанной пиксиды изъ Миндена, стиль которой, особенно тонкія съ угловатыми членами тѣла фигуры, очевидно, указываютъ на близкое родство съ равеннскимъ диптихомъ. На этой пиксидѣ равнымъ образомъ повторяется фигура Ангела съ крестомъ въ рукѣ, какъ на равеннскомъ диптихѣ и на строгановской пластинѣ.

Ясли представлены не четыреугольными, а шестиугольными, сложенными изъ большихъ четыреугольныхъ тесанныхъ камней, какъ обычно изображается на памятникахъ византійскаго искусства, но не на саркофагахъ. Младенецъ лежитъ спеленатый, но, какъ кажется, со свободными руками, какъ это иногда изображается.

Крауфордовская пластина, такимъ образомъ, не только возстановляетъ передъ нами центральную часть потерянной доски равеннскаго диптиха, но проливаетъ свѣтъ на существованіе въ раннемъ византійскомъ искусствѣ особой композиціи поклоненія волхвовъ. Эта композиція, очевидно, принадлежала восточному византійскому искусству. Этотъ фактъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ виду того,

что эта композиція является въ своемъ сложившемся типѣ на двухъ памятникахъ, принадлежащихъ по всѣмъ чертамъ стиля востоку, и скорѣе всего Сиріи. Равнымъ образомъ, ближайшая связь этихъ двухъ памятниковъ съ египетской пластиной отъ триптиха изъ коллекціи В. С. Голенищева и съ коптскимъ рельефомъ, нѣкоторыя аналогіи съ палестинскими ампулами, повтореніе чертъ мозаикъ церкви св. Сергія въ Газѣ, все это ведетъ насъ на востокъ въ Сирію и Палестину, какъ и черты описанной ранѣе строгановской пластины и самого равеннскаго диптиха. Нельзя ближайшимъ образомъ пріурочить эту композицію къ какому либо опредѣленному мѣсту или памятнику Сиріи или Палестины въ виду отсутствія точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ историческаго или художественнаго порядка.

Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ востока нѣтъ ни одного, который ближайшимъ образомъ и болѣе рѣшительно указывалъ бы на мѣсто возникновенія нашей композиціи. Ища аналогій сирійской миніатюрѣ, Стржиговскій отмѣтилъ сходство въ строеніи композиціи миніатюры съ палестинскими ампулами, *состоящее* въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ изображеніе Богородицы является центральнымъ, съ фигурами, располагаемыми по сторонамъ *этого образа*[1]). Правда сходство въ этомъ существуетъ, но значительная разница, однако, заключается въ томъ, что на ампулахъ съ *особеннымъ постоянствомъ* изображаются по сторонамъ Богородицы волхвы направо, а пастыри налѣво, на миніатюрѣ-же, какъ и на *строгановской* пластинѣ, *композиція* въ самомъ замыслѣ исключала присутствіе *пастырей*, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ Богородицы изображены *только волхвы*. Я. И. Смирновъ l. c. стр. 91. 2 сопоставилъ съ *композиціями* ампулъ извѣстіе [illegible] 536 года, [illegible] св. Елены внутреннее Виѳлеемскаго храма [illegible] и другихъ [illegible] украшеніе храма съ внѣшней западной стороны мозаикою, представлявшею Рождество Христово, Богородицу съ Младенцемъ и [illegible] волхвовъ[2].

[1]) Byzant. Denkmäler I, p. [illegible]

[2]) [illegible]

Онъ полагаетъ, что если посланіе не упоминаетъ пастырей, то это «не можетъ препятствовать предположенію о зависимости отъ виѳлеемской мозаики изображеній на ампуллахъ». Однако, доводъ Я. И. Смирнова, что авторъ посланія не упоминаетъ о пастыряхъ потому, что ему «не для чего было упоминать» о нихъ, допускаетъ въ толкованіи извѣстія чрезвычайную широту и при такомъ взглядѣ на дѣло оно теряетъ свой настоящій смыслъ, такъ какъ мы можемъ предположить цѣлую серію тѣхъ изображеній, о которыхъ ему не было нужды говорить, и которыя находились на фасадѣ. Между тѣмъ настойчивое изображеніе на ампуллахъ пастырей и съ другой стороны существованіе такой композиціи, которая исключала самымъ строеніемъ своимъ изображеніе пастырей, придаютъ особый интересъ извѣстію соборнаго посланія 836 года, которое, упоминая о волхвахъ, ничего не говоритъ о пастыряхъ. Дѣло въ томъ, что если извѣстіе 836 года говоритъ о существованіи мозаикъ на фасадѣ, то другое извѣстіе конца VIII или начала IX вѣка заставляетъ насъ думать о существованіи изображенія этихъ пастырей въ той-же церкви, но въ другомъ мѣстѣ именно въ вертепѣ Рождества. Паломникъ Епифаній выражается объ украшеніяхъ этого вертепа, состоящаго изъ двухъ пещеръ, такъ:.. *τὰ δύο σπήλαια ὁμοῦ· εἰσὶ δὲ περιχρυσομένα καὶ εἰκονισμένα καθὼς ἐγένετο*[1]). Такъ какъ къ вертепу Рождества съ давнихъ временъ пріурочивались всѣми паломниками и писателями только событія Рождества Христова, Поклоненія волхвовъ и Поклоненія пастырей[2]), то и естественно думать, что Епифаній видѣлъ изображенными здѣсь, именно, указанныя событія. Въ виду этого спеціальнаго значенія пещеры она и въ XII вѣкѣ имѣла такую-же роспись, возникновеніе которой Фока приписываетъ императору Мануилу Комнину. Фока риторически, въ выраженіяхъ какъ бы прямо заимствованнныхъ у Хорикія Газскаго, описываетъ въ абсидѣ пещеры Рождество, Поклоненіе волхвовъ и Приходъ пастырей[3]). Равнымъ образомъ и русскій паломникъ Варсоно-

---

числилъ всѣ мозаики фронтона, ибо для чуда надо было лишь упомянуть о поклоненіи волхвовъ.

1) В. Г. Васильевскій, Повѣсть Епифанія, Прав. Пал. Сборн. выпускъ II, стр. 8 и 124.

2) Интересны слова блаженнаго Іеронима, который былъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ паломницей Павлой: «me audiente, говоритъ онъ, jurabat cernere se oculis fidei infantem pannis involutum, vagientem in presepe Dominum, magos adorantes, stellam fulgentem desuper, matrem virginem, nutritium sedulum, pastores venientes. Tobler, Itinera Hierosolymitana I, p. 33, ср. также ibid. p. 292 извѣстіе Виллибальда.

3) Правосл. Палест. Сборн.

фій[1]) упоминаетъ въ пещерѣ мозаику Рождества: «подписано Рождество Христово *дъяніемъ*», т. е. какъ на извѣстныхъ намъ византійскихъ иконахъ, соединяющихъ Рождество съ поклоненіемъ пастырей и поклоненіемъ волхвовъ. Въ виду этихъ фактовъ извѣстіе 836 года должно быть разсматриваемо, какъ особое, совершенно оригинальное извѣстіе о мозаикахъ фасада Виѳлеемской базилики, и если палестинскія ампулы изображаютъ постоянно пастырей въ связи съ поклоненіемъ волхвовъ, то это обстоятельство можно связывать съ указанными мозаиками виѳлеемской пещеры.

Штемпеля ампулъ часто мѣняютъ частности композиціи въ связи съ тѣмъ пространствомъ, на которомъ изображается данная сцена. Такимъ образомъ, волхвы и пастыри являются то стоя прямо, то съ колѣнопреклоненнымъ третьимъ волхвомъ и возлежащимъ пастыремъ; ангелы то изображаются, то нѣтъ въ связи съ тѣмъ оставляется-ли вверху отрѣзокъ свободнымъ, или заполняется надписью (t. 434, 1). Въ связи съ этимъ сокращаются въ нижнемъ отрѣзкѣ и изображенія скота, пасущагося въ разныхъ живыхъ положеніяхъ. Эти послѣднія изображенія относятся именно къ видѣнію пастырями звѣзды и благовѣстію Ангеловъ и Фока распространяется вслѣдъ за Хорикіемъ изъ Газы о разныхъ положеніяхъ овецъ, изображенныхъ въ видѣнной имъ мозаикѣ. Овцы, очевидно, перенесены изъ верхней сцены въ нижній отрѣзокъ вслѣдствіе недостатка мѣста и для того, чтобы не нарушать симметріи всей композиціи. Въ виду этихъ обстоятельствъ и центральная сцена не можетъ считаться прямой копіей съ мозаики, а, напротивъ, композиціей, приспособленной къ центральной части ампулъ. Монументальный типъ этихъ композицій, положеніе Богородицы лицемъ къ зрителю, затѣмъ расположеніе по сторонамъ ея симметричныхъ группъ волхвовъ и пастырей, заставляютъ думать о такомъ помѣщеніи ея, которое соотвѣтствовало самому строенію. Я. И. Смирновъ не безъ основанія предположилъ, что это могъ быть фронтонъ, въ мѣстѣ съ этимъ композиція могла быть расположена и въ абсидѣ. Фока видѣлъ въ вертепѣ Рождества три сцены имъ описанныя, именно въ абсидѣ[2]. Видѣлъ-ли и монахъ Епифаній видѣлъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ приписываемыя Фокой Мануилу Комнину мозаики самой церкви и вертепа были. [illegible]

---

1. Правосл. Палест. Сборникъ, выпускъ 45, стр. XXXI и 32.

2. l. c. стр. [illegible] и проч.

видно, только реставраціей ихъ. Въ существованіи мозаикъ въ базиликѣ ранѣе IX вѣка не сомнѣвается и В. Г. Васильевскій[1]).

Арабская хроника патріарха Евтихія говоритъ, что арабы во время перваго своего нашествія на Палестину видѣли церковь Богородицы въ Виѳлеемѣ, украшенной «de fsefysa (ψηφῖσι)[2]). Слѣдовательно здѣсь были мозаики ранѣе 614 года[3]). Патріархъ Софроній, жившій въ VIII вѣкѣ, въ своемъ описаніи Виѳлеемской базилики говоритъ о прекрасныхъ мозаикахъ, украшавшихъ ее (μούσης καλλίτευκτον ἔργον[4]). Изображеніе на ампуллахъ изъ Монцы сюжетовъ, очевидно, находившихся среди этихъ мозаикъ, указываетъ на то, что и нефъ былъ украшенъ мозаиками. Въ извѣстіяхъ болѣе позднихъ писателей о Виѳлеемской базиликѣ мы находимъ перечисленія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ изображеній въ мозаикахъ ея, которыя ранѣе изображаютъ ампуллы[5]).

Такимъ образомъ, свидѣтельство соборнаго посланія 836 года есть пока единственный своего рода показатель того факта, что композиція поклоненія волхвовъ была изображена на фасадѣ церкви Богородицы въ Виѳлеемѣ, т. е. слѣдовательно была представлена въ монументальныхъ формахъ. Находился-ли въ этихъ мозаикахъ образъ Богородицы въ центрѣ, какъ на сирійской миніатюрѣ, крауфордовской пластинѣ и палестинскихъ ампуллахъ, съ точностью сказать нельзя, хотя самъ по себѣ напрашивается утвердительный отвѣтъ. Посланіе упоминаетъ среди этихъ мозаикъ еще и изображеніе Рождества Христова, но мы не можемъ сказать, какъ было оно тамъ представлено. Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ памятниковъ лишь одна крауфордовская пластина соединяетъ въ одной композиціи, предназначавшейся для украшенія центральной доски диптиха, тѣ сцены, о которыхъ говоритъ посланіе, но это обстоятельство не является рѣшающимъ, такъ какъ изъ описанія мозаикъ въ посланіи мы не можемъ понять, каковъ былъ порядокъ размѣщенія сценъ на фасадѣ Виѳлеемской базилики. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи композиціи крауфордовской пластины рѣшитъ будущее. Нельзя не видѣть, однако, что она возбуждаетъ интересные и важные вопросы византійской иконографіи и искусства

---

1) l. c. стр. 124.

2) Didron, Manuel d'iconographie, p. 4.

3) О нашествіи 614 года см. Vogüé, Les églises de la terre Sainte, p. 120, 1. Періоды пережитые святой землей см. у Васильевскаго, l. c. p. 34, 35. Salzmann, Jerusalem. Étude et reproduction de monuments de la ville sainte. Paris 1856, p. 60.

4) В. Г. Васильевскій, l. c. p. 124,

5) Tobler, Bethlehem in Palästina. 1849, p. 115 ff.

V, VI вѣка: о происхожденіи оригиналовъ тѣхъ композицій, которыя встрѣчаются на памятникахъ подчиненныхъ по своему положенію художественныхъ индустрій, каковы рѣзная слоновая кость и миніатюра V—VI вѣка, и о существованіи монументальныхъ мозаическихъ композицій поклоненія волхвовъ, примѣнявшихся въ росписяхъ церквей на востокѣ.

Недостающія три пластины затерянной доски равеннскаго диптиха должны были имѣть верхній фризъ съ двумя викторіями, несущими вѣнокъ, и двумя архангелами. Двѣ боковыя пластины должны были заключать четыре сцены, какъ и на сохранившейся доскѣ равеннскаго диптиха. Какія это были сцены назвать затруднительно въ виду участія апокрифа и оригинальности размѣщенія сценъ. Очевидно, однако, онѣ не выходили изъ общеизвѣстнаго цикла изображеній по Протоевангелію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Пластина отъ коптскаго триптиха изъ собранія В. С. Голенищева[1]).

По чертамъ стиля и по составу композицій эта пластина представляетъ большую близость къ сирійскимъ миніатюрамъ VI вѣка Евангелія Рабулы, Эчміадзинскаго кодекса, равно какъ и къ равеннскому диптиху. Особенно же интересна она по отношенію къ крауфордовской пластинѣ, такъ какъ на ней находится та-же подробность, что и на послѣдней въ сценѣ Рождества (табл. II).

Пластина была вывезена В. С. Голенищевымъ изъ Египта и добыта, если не ошибаюсь, въ развалинахъ одной заброшенной и необитаемой деревушки. Она представляетъ одну изъ створокъ деревяннаго, расписаннаго красками триптиха, котораго обыкновенный типъ такъ распространенъ въ византійскомъ и древне-русскомъ искусствѣ[2]). Принадлежность ея къ лѣвой (отъ зрителя) сторонѣ триптиха доказывается существованіемъ вверху и внизу пластины двухъ круглыхъ шпиньковъ, которые, вращаясь въ круглыхъ дырочкахъ выступовъ

---

1) Приношу искреннюю благодарность В. С. Голенищеву за дозволеніе снять съ его пластины копію и издать ее. Копія была сдѣлана мною въ 1890 году акварелью. Фотографія съ нея предлагается при настоящей замѣткѣ.

2) Ср. Schlumberger. L'Epopée Byzantine MDCCCXCVI, p. 128.

центральной части, давали возможность открывать и закрывать створочки и предохранять изображенія отъ порчи, давать складню удобную форму для перевозки, при путешествіяхъ и проч. Триптихъ, или складень, такимъ образомъ, принадлежалъ къ роду портативныхъ византійскихъ иконъ.

Какъ показываютъ нѣкоторыя опавшія части живописи на этой пластинѣ, она первоначально была покрыта слоемъ штукатурки (или левкаса), а затѣмъ на этой поверхности уже клеевыми красками изображены были двѣ сцены—Рождества и Крещенія ,отдѣленныя другъ отъ друга полоской краснаго цвѣта.

Сцены, распредѣленныя въ узкихъ и высокихъ пространствахъ пластины, какъ и на диптихахъ изъ слоновой кости, представлены въ сокращенномъ видѣ и подчинены архитектоникѣ мѣста. Такъ въ изображеніи *Рождества* ясли съ лежащимъ въ нихъ Младенцемъ являются надъ головами Богородицы и Іосифа, приблизительно такъ, какъ въ рѣзьбѣ рельефа той же сцены на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ (417, 4) и на Эчміадзинскомъ диптихѣ[1]), гдѣ ясли также находятся вверху надъ изображеніемъ Богородицы. Въ силу этого обстоятельства и головы вола и осла, помѣщенныя первая налѣво, вторая направо отъ зрителя, едва обозначены. Мѣсто ихъ то-же, что и на указанныхъ ранѣе памятникахъ. Тѣло спеленатаго Младенца представляетъ также сокращенную форму съ острымъ концемъ и все покрыто золотомъ. Голова Младенца окружена золотымъ нимбомъ съ перекрестьемъ. Головы Богородицы и Іосифа также окружены золотыми нимбами. Богородица возлежитъ, какъ на большей части памятниковъ V и VI вѣка и на крауфордовской пластинѣ, налѣво отъ зрителя, помѣщаясь на большой округлой подушкѣ. Ея поза скорѣе напоминаетъ сидячую фигуру Богородицы въ сирійскомъ Евангеліи Рабулы 586 года, чѣмъ позу на крауфордовской пластинѣ. Сравнительно съ указанной фигурой Евангелія Рабулы, фигура на египетской пластинѣ представляетъ лишь незначительныя отклоненія въ положеніи рукъ (Garr. 130, 2). Именно, лѣвая рука Богородицы лежитъ на правой и пальцы обѣихъ рукъ сложены въ двуперстіе. На миніатюрѣ Евангелія Рабулы также лѣвая рука лежитъ на правой, но она упирается въ нее локтемъ и упирается въ подбородокъ, воспроизводя позу на упомянутой мозаикѣ церкви св. Георгія въ Газѣ. Двуперстный жестъ правой руки Богоро-

1) Byz. Denkm. I. Taf. IV; Рѣдинъ, Эчм. дипт. стр. 4.

дицы, очевидно, указываетъ на разговоръ ея съ Іосифомъ, двуперстное же сложеніе пальцевъ лѣвой руки я объяснить не умѣю. Іосифъ съ сѣдыми (сѣрыми) волосами и бородой находится направо отъ Богородицы и, очевидно, обращается къ ней, такъ какъ лице его изображено въ три четверти къ Богородицѣ. Типъ головы его съ остроконечной бородой повторяетъ типъ на крауфордовской пластинѣ, равно какъ и поза въ три четверти къ Богородицѣ—та-же, что и на указанной пластинѣ.

Богородица одѣта въ коричневую пенулу и платье красновато-коричневаго цвѣта, а Іосифъ въ красный хитонъ. Видна справа его опущенная внизъ лѣвая рука и плечо. Жезла онъ не имѣетъ.

Ниже изображено *Крещеніе Христово.* Слѣва отъ зрителя стоитъ во весь ростъ Іоаннъ Креститель въ красномъ хитонѣ и коричневомъ гиматіонѣ. У него длинные черные волосы и довольно большая остроконечная борода. Правую руку онъ возлагаетъ на голову Христа, а лѣвую держитъ опустивъ внизъ къ колѣну съ двуперстнымъ сложеніемъ пальцевъ. Христосъ изображенъ по грудь. У него длинные темно-каштановые волосы, раздѣленные на лбу и падающіе на плечи. Небольшая нераздвоенная бородка опушаетъ щеки и подбородокъ. За Христомъ изображенъ Ангелъ, держащій платъ. Часть крыла его видна справа, обозначенная темнымъ контуромъ. Онъ одѣтъ также въ красный хитонъ. Платъ его свѣтло-коричневый. У всѣхъ трехъ—золотые нимбы, но у Христа онъ крестчатый. Вверху между нимбами изображены неясно десница или облако. Голубь отсутствуетъ. Воды Іордана по сторонамъ Христа—мутно зеленыя.

Интересна полная аналогія въ типѣ Іоанна Крестителя, въ его позѣ, положеніи рукъ и въ одеждахъ съ типомъ на сирійской миніатюрѣ Эчміадзинскаго кодекса (Byz. Denk. I. Taf. VI, 2), изданной Стржиговскимъ. Единственную аналогію къ этой миніатюрѣ онъ могъ указать лишь въ сирійскомъ Евангеліи Рабулы 586 года (Garr. 130. 2). Дѣйствительно, сходство въ фигурѣ Іоанна Крестителя и въ погрудномъ изображеніи Христа на этихъ двухъ памятникахъ выдѣляетъ ихъ изъ числа остальныхъ, а сходство съ эчміадзинской пластиной объединяетъ всѣ три памятника въ особую группу. Черная большая борода и большіе черные волосы, падающіе на плечи, хитонъ и гиматій Іоанна Крестителя, равно какъ и положеніе его рукъ повторяются на всѣхъ трехъ памятникахъ. Изображеніе Христа погрудь повторено также на всѣхъ трехъ памятникахъ, однако типъ его раз-

нится отъ безбородаго типа Эчміадзинской миніатюры и сближается съ сирійскимъ типомъ, имѣющимъ бороду. Въ то-же время онъ отличается отъ обоихъ своими длинными волосами.

Изображеніе Ангела приближаетъ эту композицію къ типу равеннскихъ, несомнѣнно заимствованныхъ съ востока, и отличаетъ отъ древнѣйшихъ композицій, извѣстныхъ еще въ древне-христіанскихъ катакомбахъ, напримѣръ, въ катакомбѣ Марцеллина и Петра[1]). На одной ампуллѣ изъ Монцы въ композиціи Крещенія также представленъ Ангелъ, держащій одной рукой платъ, а другой указывающій вверхъ (Garr. 433,8). Среди равеннскихъ памятниковъ и связанныхъ съ ними римскихъ, мы не находимъ этого жеста подниманія руки вверхъ, и Ангелъ, какъ и на египетской пластинѣ, обѣими руками держитъ платъ. Такъ въ изображеніяхъ двухъ Ангеловъ на креслѣ Максиміана (Garr. 418,2) повторяется и положеніе Ангела направо отъ зрителя, и платъ въ его рукахъ, и что особенно интересно для типичности фигуры Ангела, повторяется наклоненная влѣво голова— знакъ почтенія. Очевидно, что композиція однородная съ той, которая изображена на креслѣ Максиміана, легла въ основаніе фрески VII вѣка въ римской катакомбѣ Понціана (Garr. 86,3). Здѣсь повторяется и ангелъ съ платомъ и наклонъ его головы и одежда Іоанна (милоть), какъ и на креслѣ Максиміана, но Ангелъ изображенъ одинъ, какъ на ампуллѣ изъ Монцы и на египетской пластинѣ, и вся композиція расположена въ обратномъ порядкѣ, что зависѣло отъ обратнаго употребленія шаблона. Въ мозаическомъ изображеніи сцены Крещенія въ равеннской православной крещальнѣ также повторенъ мотивъ держанія плата, но не Ангеломъ, а Іорданомъ, который также изображенъ справа отъ зрителя[2]). Въ виду присутствія этого мотива на памятникѣ восточнаго происхожденія, врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ прямомъ воздѣйствіи искусства востока на равеннскую школу. Это лишній разъ подтверждается аналогичнымъ мотивомъ, воспроизводимымъ египетской пластиной на ряду съ равеннскими памятниками.

Этой чертой, однако, и ограничивается сходство египетскаго памятника съ памятниками Равенны, такъ какъ въ одѣяніи Іоанна Крестителя, въ его фигурѣ и положеніи рукъ въ изображеніи Христа въ ростъ, равеннскія сцены Крещенія значительно различаются по

1) Wilpert, Ein Cyclus d. christologischen Gemälde aus d. Hl. Marcellinus u. Petrus, Taf. III — IV, p. 7.

2) Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей. СПБ. 1896, стр. 22 и сл.

композиціи отъ изображеній на египетской пластинѣ, и на двухъ сирійскихъ указанныхъ ранѣе миніатюрахъ[1]).

Исполненіе живописи на нашей пластинѣ и стиль ея отличаются нѣкоторыми особенностями. Большіе, широко раскрытые, глаза съ точкой повторяются въ сирійскихъ миніатюрахъ Евангелія Рабулы и сирійскаго Евангелія Париж. Нац. Библ. VI вѣка. Особенно типично исполненіе лика Богородицы, съ длиннымъ оваломъ и удлиненнымъ подбородкомъ, представляющимъ чрезвычайную близость къ нѣкоторымъ женскимъ типамъ въ мозаической картинѣ съ изображеніемъ выхода Θеодоры въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ. Этотъ типъ здѣсь является въ шаблонной ремесленной передачѣ, съ преувеличеніями и неправильностями, зависящими отъ спѣшности работы. Моложавость и свѣжесть лицъ особенно интересна въ изображеніи круглаго личика Младенца Христа съ каштановыми волосами и въ головѣ Ангела. Послѣдняя напоминаетъ цвѣтущія лица античной живописи. Красновато-каштановые волосы, обрамляющіе голову Ангела, еще не имѣютъ повязки, носъ прямой, исполненіе губъ отличается чрезвычайной правильностью. Ангелъ одѣтъ въ красную тунику, что не имѣетъ себѣ аналогій среди раннихъ византійскихъ памятниковъ, и единственный извѣстный до сихъ поръ примѣръ изображенія красныхъ одеждъ у Ангела можно указать въ мозаикахъ VI вѣка Аполлинарія Новаго въ композиціи «отдѣленія овецъ отъ козлицъ», гдѣ двумъ Ангеламъ по сторонамъ Христа придано особое спеціальное значеніе[2]). Впослѣдствіи, однако, розовыя и голубыя одежды у Ангеловъ—явленіе самое обычное.

Располагая свои сюжеты на пластинѣ, мастеръ соблюдалъ довольно строгую симметрію не только въ расположеніи фигуръ, но и въ распредѣленіи красокъ. Такъ въ верхней и въ нижней сценахъ являются по двѣ головы рядомъ, окруженныя нимбами, соединяющимися въ одну общую фигуру, заполненную золотомъ и окруженную толстымъ краснымъ контуромъ, какъ въ грубой перегородчатой эмали. Планамъ одеждъ Богородицы соотвѣтствуетъ въ нижней композиціи фигура Христа. Верхній квадратъ длиннѣе нижняго, что указываетъ на заботливость въ первоначальномъ распланированіи сюжетовъ, вызванную особенной сложностью композиціи Рождества сравнительно съ

1) Болѣе поздніе примѣры сценъ Крещенія, соединяющіе тѣ и другія черты, см. у Fleury, Evangile I pl. XXIV, XXVI.

2) Е. К. Рѣдинъ, Моз. рав. ц. стр. 101, 102 и прим. 1.

композиціей Крещенія. Въ послѣдней сценѣ мастеръ неудачно и неуклюже сократилъ фигуру Іоанна Крестителя. Она является самой неудачной фигурой на всей пластинѣ, но все же и въ своей неуклюжести передаетъ типичность позы Іоанна Крестителя. Исполненіе его фигуры въ ростъ доказываетъ, что въ принятомъ мастеромъ оригиналѣ Христосъ былъ изображенъ, именно, погрудь. Время изготовленія нашего памятника въ виду чертъ его композицій, стиля и самаго исполненія, еще говорящаго о цвѣтущемъ времени ранняго византійскаго искусства, не можетъ представлять затрудненій. Аналогіи съ такими памятниками, какъ крауфордовская пластина, сирійское Евангеліе 586 года, кресло Максиміана рѣшаютъ этотъ вопросъ категорически. Пластина не можетъ быть позднѣе конца VI вѣка, такъ какъ на ней изображенъ Ангелъ безъ повязки, но не можетъ быть и ранѣе этого времени, такъ какъ всѣ лица имѣютъ нимбы, какъ и на эчміадзинскихъ миніатюрахъ VI вѣка, и если Стржиговскій въ этой чертѣ видитъ различіе отъ миніатюры сирійскаго Евангелія Рабулы, то только потому, что не замѣтилъ нимба у Христа въ изображеніи Крещенія.

Д. Айналовъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа Константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. *По аѳонскимъ рукописямъ издалъ* **А. Пападопуло-Керамевсъ.** С.-Петербургъ, 1896. XVI + 130 стр. 8°.

Sanctissimi Patriarchae Photii, Archiepiscopi Constantinopoleos, Epistolae XLV. E codicibus montis Atho nunc primum edidit *A. Papadopulos-Kerameus.* Petropoli. 1896.

[Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть 41].

Вышеозначеннымъ изданіемъ значительно дополняется собраніе писемъ Фотія, такъ что число всѣхъ доступныхъ намъ его писемъ доходитъ теперь до 311. Новонайденныя письма (45 числомъ) взяты изъ двухъ аѳонскихъ рукописей, изъ которыхъ одна находится въ Иверскомъ монастырѣ (№ 684, XVI вѣка, 21 письмо), а другая въ монастырѣ св. Діонисія (№ 163, XVII вѣка, 24 письма). Замѣчательно, что въ послѣдней сохранились слѣды прежней нумераціи [illegible] въ ней нумеруется 733-мъ, [illegible]—737-мъ и одиннадцатое—[illegible]-мъ. Если эти цифры вѣрны, въ чемъ сомнѣваться нѣтъ основанія, то окажется, что корреспонденція св. Фотія была значительно обширнѣе, нежели какъ то думали до сихъ поръ, и что до насъ дошло едва ли одна треть всѣхъ его писемъ. Но можетъ-быть, не будетъ слишкомъ смѣло надѣяться, что и остальныя сохраняются еще гдѣ-нибудь въ тѣхъ многочисленныхъ библіотекахъ Востока и что счастливая находка откроетъ ихъ когда-нибудь. Не надо удивляться [illegible] переписки св. Фотія [illegible] [illegible] писемъ. [illegible] [illegible] что эти письма [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

мудраго наставленія. Впрочемъ, между письмами, взятыми изъ Иверскаго списка, есть и три отвѣта, обращенные къ Фотію Тарасіемъ, братомъ его[1]).

Кромѣ писемъ въ разсматриваемомъ изданіи помѣщено и два небольшихъ приложенія. Первое изъ нихъ даетъ намъ отрывки изъ толкованій Фотія на евангеліе отъ Луки, взятые изъ другого списка Иверскаго монастыря (№ 371, XII вѣка), а второе представляетъ канонъ Фотія, состоящій изъ восьми ямбическихъ пѣсенъ (ᾠδαί); онъ находится въ одной пергаментной рукописи X вѣка, принадлежащей великой лаврѣ св. Аѳанасія, и снабженъ музыкальными знаками. Этотъ канонъ разъ уже изданъ въ журналѣ Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια 1895 года аѳонскимъ монахомъ Александромъ Лаврскимъ, но безъ обозначенія разночтеній рукописи.

Тексты, опубликованные г. П.-Керамевсомъ, представляютъ собою цѣнный вкладъ въ науку. Жаль только, что они во многихъ мѣстахъ искажены переписчикомъ, такъ что пока мы не разъ отказывались отъ надежды на вѣрное возстановленіе подлинной ихъ редакціи. Кромѣ того, и слогъ Фотія самъ по себѣ имѣетъ много затруднительнаго. Поэтому, было бы весьма желательно, если бы наши филологи усердно занялись новооткрытыми письмами, чтобы соединенными силами довести критическую разработку этого важнаго и интереснаго текста до возможно большаго завершенія. Желая и съ своей стороны содѣйствовать этой цѣли, мы распространимся на слѣдующихъ страницахъ обстоятельнѣе о нѣкоторыхъ мѣстахъ возстановленнаго издателемъ текста, гдѣ, по нашему мнѣнію, удалось намъ исправить испорченное чтеніе рукописи, или защитить чтеніе, не нуждающееся въ измѣненіи, или же перемѣнить интерпунктуацію, мѣшающую вѣрному пониманію смысла автора.—На стр. 1,1 читается: Εἰ ἀλλάξεται Αἰθίοψ τὸ δέρμα αὐτοῦ καὶ πάρδαλις τὰ ποικίλματα αὐτῆς, — ἀλλὰ γὰρ οὐκ ἂν ἡδέως εἴποιμι τὸ λοιπόν. Въ подстрочной выноскѣ издатель говоритъ, что эта пословица взята Фотіемъ изъ 130-го письма св. Василія. Это не вѣрно: оба, и Фотій и Василій, заимствовали эту извѣстную фразу изъ кн. Іереміи (13,23): εἰ ἀλλάξεται... ποικίλματα αὐτῆς, καὶ ὑμεῖς δυνήσεσθε εὖ ποιῆσαι, μεμαθηκότες τὰ κακά. Въ настоящемъ случаѣ вѣрное

1) Во время печатанія нашей рецензіи мы познакомились съ одной брошюрой г. П.-Керамевса, вышедшей въ 1897 г. подъ заглавіемъ: Φωτιακά (ἐν Πετρουπόλει, 16 стр. 8⁰). Въ ней авторъ даетъ неожиданное сообщеніе о томъ, что 24 письма, изданныя имъ по Діонисіатскому списку № 163, не принадлежатъ Фотію. Въ виду того, что эти письма слѣдуютъ въ названной рукописи за тремя уже извѣстными письмами Фотія, а сами не имѣютъ особаго заглавія, было весьма правдоподобно приписать и эти безыменныя письма Фотію; но одинъ начитанный аѳонскій монахъ Александръ Лаврскій нашелъ, что они принадлежатъ извѣстному писателю V-го вѣка Исидору Пелусіоту и давно уже напечатаны (у Migne т. 78; см. журналъ Νέα Ἐφημερίς 16-го января 1897 г.). Лишь одно письмо, а именно въ изданіи П.-Керамевса 18-ое, не встрѣчается въ обширной перепискѣ Исидора, содержащей болѣе двухъ тысячъ отдѣльныхъ писемъ. Итакъ, число подлинныхъ Фотіевыхъ писемъ доходитъ теперь лишь до 287, или точнѣе сказать—284, если исключить отвѣты Тарасія.

указаніе источника этой фразы важно и для пониманія слѣдующихъ за нею словъ Фотія: ἀλλὰ γὰρ οὐκ ἂν ἡδέως εἴποιμι τὸ λοιπόν. Св. Василій позволилъ себѣ замѣнить послѣднія слова Іереміи другимъ болѣе подходящимъ для его цѣли предложеніемъ (οὔτε ὁ ἐν διαστρόφοις δόγμασι συντραφεὶς ἀποτρίψασθαι δύναται τὸ κακὸν τῆς αἱρέσεως), на которое Фотій, конечно, и не думалъ ссылаться.—На стр. 1,11 сл. напечатано: τὸ γὰρ λόγῳ πειρᾶσθαι τὰς αἰτίας λύειν, τῶν ἔργων ἀντιφθεγγομένων, οὐ μόνον οὐκ ἔστιν ἀποσκευάζεσθαι τὰ δίκαια ὀνείδη, ἀλλὰ καὶ προστίθεται ἕτερα. Καὶ ‹τοῦ› τὸ κάλλιστον τῶν ἐν ἡμῖν χρημάτων εἰς τὸ κάκιστον ἀλλασσομένου καὶ καταφυγὴν ἁμαρτημάτων καὶ ἀπάτης ὄργανον ἀποφαίνοντος τὸν λόγον καὶ οὐκ ἔχοντος οὐδ' ἂν ποτε μεταβολὴ γένηται τῶν τρόπων· δι' οὗ μηδ' ἐπ' αὐτῇ τῇ ἀληθείᾳ λύσῃς τὰς ὠδῖνας τῆς γλώσσης, μὴ λίαν ἀσχημόνως καὶ ἐπισφαλῶς. Эти предложенія въ томъ видѣ, въ которомъ они представляются въ изданіи, непонятны и нуждаются въ слѣдующихъ измѣненіяхъ. Во-первыхъ, прибавленіе члена τοῦ излишне, какъ доказываютъ слѣдующіе примѣры: οὐ ζητοῦντός ἐστιν αἰτίαν, ἀλλὰ τὴν ἀληθεστάτην ...παρορῶντος Photii ep. ed. Valetta p. 420,1; ibid. p. 556,13; οὐκ ἐπιτάττοντός ἐστιν, ἀλλ' ἀποτρέποντος μᾶλλον καὶ κωλύοντος Photii scholia in Matth. ed. P.-Kerameus p. 129,4; ibid. p. 129,17. Во-вторыхъ, нужно измѣнить искаженное въ рукописи слово προετίθεντο (вмѣсто котораго издатель предложилъ προστίθεται) въ προστιθέντος и поправить форму λύσῃς въ λύσῃ. Въ-третьихъ, приходится выбросить точку послѣ ἕτερα, поставить запятую послѣ ἔχοντος, замѣнить надстрочную точку послѣ τρόπων запятою и выкинуть запятую послѣ γλώσσης. Такимъ образомъ все становится понятнымъ и уже никій въ состояніи перевести слова автора: «Пытаться оспаривать какое-нибудь обвиненіе лишь посредствомъ словъ, несогласующихся съ фактами, это значитъ не только не сваливать съ плечъ основанный на правдѣ упрекъ, но поступать такъ есть обычай человѣка, прибавляющаго къ прежнему еще и другое обвиненіе (противъ самого себя) и дѣлающаго то, что у насъ самое лучшее (т. е. рѣчь) самымъ худшимъ и представляющаго рѣчь убѣжищемъ грѣховъ и органомъ обмана и не [illegible], если даже онъ [illegible] и [illegible] свой нравъ [illegible] словъ, который могъ бы даже и при всей справедливости своего дѣла, выказать [illegible] стыда и [illegible]».—На стр. 2,5 сл. Фотій, [illegible] эту тему, [illegible], [illegible]

поступковъ и убѣжденъ, что онъ останется неуличеннымъ, — что этотъ съ бо̀льшею дерзостью рѣшится на еще худшіе поступки и, полагая, что и здѣсь обманетъ людей, ободритъ себя къ пріобрѣтенію съ подобной же ловкостью имени человѣка, славящагося своею добродѣтелью, и такимъ образомъ, коротко говоря, ни откажется отъ худшаго ни повернется къ лучшему». — На стр. 4,21: τῆς εὐσεβείας ὁ λόγος μηδενὶ περιθολούμενος πάθει μηδ' αἱρετικῇ διαλυγαζόμενος δόξῃ... Нѣтъ сомнѣнія, что въ формѣ διαλυγαζόμενος скрывается ничто иное какъ слово διηλυγαζόμενος = затмѣваемый. Изъ сложныхъ формъ глагола ἠλυγάζω (ἠλύγη = тма) до сихъ поръ извѣстна была лишь форма ἐπηλυγάζω. — На стр. 5,2 напечатано: ὁ δὲ τῆς δευτέρας τάξεως διωκέτω τὸ κρύφιον, μυστικαῖς ἐργασίαις ἑαυτὸν οἰκοδομῶν καὶ καταρτιζόμενος καὶ τὸ συνιέναι μὴ δυνατὸς εἶναι διδάσκειν ἄλλους ἑαυτὸν περιστέλλων... Слова τὸ συνιέναι не имѣютъ ни конструкціи, ни смысла. Читать требуется τῷ συνιέναι (въ смыслѣ дательнаго причины = потому что знаетъ, см. 47,25 τῷ κρείττους εἶναι). Авторъ говоритъ: «Кто принадлежитъ ко второму разряду (т. е. не въ состояніи учить другихъ), тотъ должевъ, сознавая этотъ свой недостатокъ, тайкомъ и наединѣ заботиться о спасеніи своей собственной души».—На стр. 5,7 сл. значится, что слово Божіе приказываетъ намъ переносить кротко личную обиду, но негодовать на всякое поруганіе, нанесенное Богу и благочестію: ὅτι δὲ πρὸς μὲν τὴν οἰκείαν ὕβριν ἐπιεικῶς ἔχειν ὁ δεσποτικὸς παρεγγυᾶται λόγος, οὐχὶ δὲ τοὺς προσπλησιάζοντας τὴν εὐσέβειαν ἀνεπαχθῶς καὶ ἀλύπως φέρειν, τεκμηριώσαιτ' ἄν τις καὶ τούτοις. ὁ Χριστὸς φραγελλίῳ τοὺς ἱεροκαπήλους... ἀπήλαυνε. καὶ Παῦλος τὸν ἐμποδὼν αὐτοῖς ἱστάμενον Ἐλύμαν τὸν μάγον... πλυνόν τ' ἐποίει καὶ ὕβρεσιν ἔβαλλε καὶ τὸ φῶς τῶν ὀμμάτων ἐξέκοπτε. καὶ τὸν ἐπὶ διαβολῇ πάλιν τοῦ θείου διδάγματος τύπτειν αὐτὸν ἐπαρθέντα, τὴν Ῥωμαίων αὐτῷ πολιτείαν ἐπισείσας, τὸ θράσος εἰς δέος συνέστειλεν, οὐκ αὐτὸ τοῦτο ἐξέλκων μαστίγων, τοῦ δόγματος δὲ τὴν ἐπιβουλὴν ἐκλύων. Во-первыхъ, съ глаголомъ προσπλησιάζω τι (προσπλησιάζω τινί = приближаюсь къ кому-нибудь) никакъ не сладить; это по значенію и по конструкціи здѣсь неумѣстное слово должно быть измѣнено въ προπηλακίζοντας (= топтать въ грязь, срамить). Во-вторыхъ, слова ἐξέλκων μαστίγων непонятны и сомнительны. Въ этомъ случаѣ уже чрезъ простое измѣненіе удареній получается удовлетворительный смыслъ; писать слѣдуетъ ἐξελκῶν, μαστιγῶν (= partic. praes. отъ глаголовъ ἐξελκόω раню и μαστιγόω ударяю плетью). «Тысяченачальника, который увлекся бичеваніемъ апостола Павла, послѣдній привелъ въ ужасъ, сообщивъ ему о своемъ римскомъ гражданствѣ. Апостолъ на этотъ разъ не ранилъ своего противника, какъ прежде волхва Елиму, и не употребилъ бича, какъ Христосъ при изгнаніи изъ храма торговцевъ. Этимъ сообщеніемъ онъ уже устранилъ устроенныя противъ христіанскаго ученія козни». Относительно винительнаго п. въ фразѣ οὐκ αὐτὸ τοῦτο (= не такимъ-же образомъ) см. K. W. Krüger, Griech. Sprachlehre § 46, 3, 3.—На стр. 6,2: ἔχω δὲ καὶ τὰς ἐμὰς ψήφους οὐχ ὅτι πάσας αἰτίας ἀφειμένας, ἀλλὰ καὶ τὰ κάλλιστά τε καὶ

λυσιτελέστατα θεμένας. Само собою разумѣется, что слово πάσας испорчено изъ πάσης, т. е. «Мое мнѣніе оправдано и освобождено ото всякаго обвиненія».—На стр. 6,18: καὶ τῶν θείων λογίων, φασίν, τοὺς νόμους παρορᾷς καὶ τῆς ἡμετέρας συμβουλίας ὀλιγωρεῖς. εὔχομαι μὲν ἐκφῆναι ταῦτα φθόνου... Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очевидной опиской: ἐκφῆναι вмѣсто подлинной формы ἐκφῦναι. Фотій желаетъ, чтобы нехорошая молва, слышанная имъ объ адресатѣ, происходила лишь отъ зависти людей.—На стр. 10,1 сл. Это письмо обращено Фотіемъ къ одному изъ его знакомыхъ, который, несмотря на свои обѣщанія, оказывался ненадежнымъ. Поэтому, Фотій и возвращаетъ ему тѣ документы, въ которыхъ тотъ прежде написалъ свои ложныя увѣренія въ дружбѣ: εἰ ταῦτα οὐκ ἴσχυσαν ἐγκολάψαι τῷ πίνακι τῆς <σῆς> ψυχῆς τὴν ἡμετέραν καθαρὰν ἀγάπην..., λῆρος ἂν εἴη μακρὸς ἐπὶ χόρτῳ καὶ καλάμῳ καὶ μέλανι τὴν ἀληθινὴν ἡμῶν ἀγάπην ἐλπίζειν τῇ σῇ ποτε διαχαραχθῆναι ψυχῇ (ἄμεινον δ' ἂν εἴη καὶ φθάσαι καιρούς, οὓς οἱ σοὶ διαλογισμοὶ ταῖς μελέταις ποιοῦντες ἐκείνοις τῶν συνθηκῶν τὴν ἐπιζήτησιν ταμιεύονται) καὶ προλαβεῖν γνώμην ἐνασχημονεῖν γνωρίμῳ μέλλουσαν, τὴν αἰτίαν προαφελομένῳ· οὕτω γὰρ ἡμεῖς καὶ τοῖς οὐ φιλοῦσι προφερόμεθα. Уже Heisenberg въ своей рецензіи разбираемаго здѣсь изданія (въ нѣмецкомъ журналѣ Berliner Philol. Wochenschrift 1897, № 33—34) указалъ на незамѣченную издателемъ описку въ рукописи: χόρτῳ (трава) вмѣсто χάρτῃ (бумага). Но и въ другихъ отношеніяхъ мы не соглашаемся съ издателемъ при возстановленіи этого мѣста. Въ мѣстоименіи σῆς, имъ вставленномъ, нѣтъ особой нужды, хотя оно употреблено авторомъ въ 5-ой строкѣ; см. Krüger § 50 2,3. Скобки, заключающія слова ἄμεινον δ' — ταμιεύονται, мѣшаютъ пониманію, такъ какъ раздѣляютъ слова προλαβεῖν и ἄμεινον δ' ἂν εἴη, тѣсно связанныя между собою; по уничтоженіи этихъ скобокъ, мы должны поставить точку послѣ ψυχῇ и запятую послѣ ταμιεύονται. Возстановленіе первоначальнаго вида непонятныхъ словъ ταῖς μελέταις ποιοῦντες ἐκείνοις намъ не удалось; ἐκείνοις, вѣроятно, испорчено изъ ἐκείνων, а въ другихъ словахъ скрывается, кажется, какая-то фраза съ значеніемъ глагола «позаботиться, безпокоиться». Далѣе, въ рукописи читается: γνώμην ἐνασχημονεῖν γνωρίμου μελλούσης τὴν αἰτίαν προαφελόμενον. Изъ разныхъ вышенапечатанныхъ измѣненій, которыми издатель надѣялся разъяснить эти невразумительныя чтенія, одно лишь можемъ считать удачнымъ, а именно γνωρίμῳ (вм. γνωρίμου), остальныя же не заслуживаютъ вниманія. По нашему мнѣнію, текстъ нуждается еще только въ измѣненіи формы γνώμην, испорченной переписчикомъ изъ γνώμης, при чемъ слова γνώμης — μελλούσης не относятся къ предыдущему προλαβεῖν (это слово тождественно съ глаголомъ φθάσαι въ 6-ой строкѣ и здѣсь не имѣетъ особаго дополненія), а къ слѣдующему προαφελόμενον; поэтому, нужно выкинуть запятую послѣ μέλλουσαν (resp. μελλούσης) и прибавить таковую послѣ προλαβεῖν. Наконецъ, измѣнить приходится форму προφερόμεθα въ προσφερόμεθα. На основаніи вышеизложеннаго, мы переводимъ весь длинный періодъ слѣдующимъ образомъ: «Если это (т. е. мои прежнія услуги) не

могло запечатлѣть въ твоемъ сердцѣ чистую любовь ко мнѣ, то было бы пустою болтовней надѣяться на то, чтобы истинная любовь ко мнѣ запечатлѣлась въ твоемъ сердцѣ изъ-за бумаги, пера и чернилъ (т. е. изъ-за твоихъ письменныхъ увѣреній въ дружбѣ). Кромѣ того, было бы лучше предупредить то время, на которое простираются твои замыслы, позаботившись о разслѣдованіи обѣщаннаго тобою дружественнаго союза, и предотвратить, отнявъ сначала каждый поводъ у твоего намѣренія поступить неприлично съ знакомымъ. Я такъ обхожусь даже съ недругомъ».—На стр. 11,24. Это письмо совѣтуетъ воздержаніе отъ пьянства, упоминая объ одной баснѣ Эзопа, по которой у виноградной лозы есть три кисти, изъ коихъ первая принадлежитъ Діонисію, вторая—Афродитѣ, а послѣдняя—Ὕβρει, т. е. богинѣ необузданности: ὃς δὲ μήτε τῇ τοῦ δευτέρου λύμῃ σωφρονέστερος γέγονεν, ἀλλὰ δέον φεύγειν δυνάμει πάσῃ καὶ τὸν δεύτερον, ὁ δὲ καὶ τὸν τρίτον προσφέρεται,—οὗτος ὡς ἀληθῶς Ὕβρεως ποιεῖ ἑαυτὸν παίγνιον. Извѣстная конструкція: δέον (accus. absol.)... ὁ δέ, весьма принятая у византійскихъ писателей (напр. Nikeph. Bryennios 75,15 Bonn. ὁ τὴν οὐραγίαν πεπιστευμένος δέον βοηθεῖν, ὁ δὲ τὰς δυνάμεις ἀναλαβὼν ὑπεχώρει), нерѣдко встрѣчается и у Фотія, напр. 54,14: δέον ἐξαλεῖψαι τὰ οἰκεῖα καὶ τὸν κοινὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι συντριμμῷ καρδίας καὶ μεταμελείᾳ, ὁ δὲ φυσηθεὶς κατὰ τοῦ πλησίον κριτοῦ ἀξίωμα ἐνέδυ. Издатель не припомнилъ этой конструкціи и счелъ нужнымъ перемѣнить ὁ δὲ въ ὃς δὲ, что перепутываетъ весь періодъ.—На стр. 12,7 имѣется въ рукописи: οὐ γὰρ δεσποτικὴν οὗτος (т. е. ὁ Αἰσώπειος μῦθος) ἔφερε ψῆφον τῷ κράτει τῆς ἐξουσίας τὸ φερὸν ἐπιφέρουσαν. Чтеніе φερόν непонятно. Съ поправкою Heisenberg'а τὸ φέρον (= das Fortreissende) также нельзя примириться. По нашему мнѣнію, въ φερόν скрывается φοβερόν. Смыслъ предложенія—слѣдующій: «Миѳъ, выдуманный человѣкомъ, не можетъ произвести такое впечатлѣніе, какъ слово Божіе, которое вслѣдствіе всемогущей власти Бога приводитъ съ собою страхъ».—На стр. 15,3 читается: δυσφορεῖς ἐφ' ᾧ τὸ θεῖον τοῦτο μὲν ὑφορώμενόν σου τῶν νῦν ἐχόντων οὐχ ὅμοια, τοῦτο δὲ καὶ τῶν ἐχθρῶν, οἷα τὰ ἀνθρώπινα, τοιαῦτα ζητούντων ἰδεῖν (ἐξ ὧν τοῦ φθόνου ῥαΐζουσι)..., μηδέτερα μὲν τούτων προελθεῖν παρεχώρησεν... Непонятная форма ὑφορώμενον должна уступить мѣсто родительному п. ὑφορωμένου. Такъ получимъ два genitivi absol.: τοῦτο μὲν ὑφορωμένου σου и τοῦτο δὲ τῶν ἐχθρῶν ζητούντων. Кромѣ того, нужно выкинуть скобки, заключающія слова ἐξ ὧν—ῥαΐζουσι; онѣ мѣшаютъ вѣрному пониманію смысла, раздѣляя мѣстоименіе относительное (ἐξ ὧν) отъ того слова, къ которому оно относится (τοιαῦτα). Теперь смыслъ періода вполнѣ ясенъ: «Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, ты самъ подозрѣвалъ нѣчто противоположное нынѣшнему положенію дѣлъ (т. е. несчастіе), а, съ другой стороны, твои враги (какъ водится на свѣтѣ) желали видѣть такія дѣла, которыми они могли бы удовлетворить свою зависть,—Богъ не допустилъ ни того ни другого».—На стр. 25,21 значится: τί οὖν φησιν; «ἆρ', ἐπειδὴ οὕτω τὰ κατ' ἐμὲ συνηνέχθη, ἀκερδής μοι λοιπὸν ἡ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν καταφυγή, οὐδ' ἀνάκτησις

ἔσται τοῦ σφάλματος, οὐδὲ σωτηρίας ἐλπίς;» καὶ μάλιστα ἂν φαίην ἔγωγε. ἀλλὰ πῶς, τῶν ἄλλων πλέον καὶ σφοδρότερον μισήσαντι τὴν στάσιν καὶ τὸ σχίσμα καὶ τὴν δόξαν, ἐν ᾗ σε λοιπόν τινες... προκατέλαβον; т. е. «А что же?» говоритъ онъ; «развѣ, такъ какъ это случилось со мною, мое присоединеніе къ церкви въ будущемъ безкорыстно для меня? и развѣ нѣтъ никакого средства загладить мой проступокъ и никакой надежды на спасеніе?» На это я отвѣчалъ бы: «непремѣнно! но какимъ образомъ? Если ты больше и сильнѣе другихъ будешь ненавидѣть ссору и расколъ и т. д.». Вышеизложенный смыслъ, однако, получается лишь тогда, если измѣнимъ ошибочную интерпунктуацію издателя и напишемъ: «Τί οὖν;» φησίν· «ἆρ' ἐπειδή, — ἐλπίς;» «Καὶ μάλιστα» ἂν φαίην ἔγωγε· «ἀλλὰ πῶς; τῶν ἄλλων κτλ., съ устраненіемъ вопросительнаго знака послѣ προκατέλαβον. — На стр. 31,1 Фотій обстоятельнѣе распространяется о пріемѣ прежде еретическихъ христіанъ, намѣревающихся нынѣ присоединиться къ православной церкви, и между прочимъ говоритъ еще слѣдующее: οὕτω ⟨δεῖ⟩ διακεῖσθαι περὶ τὴν ὑποδοχὴν καὶ φιλοφροσύνην τῶν οὕτω μάλιστα προσιόντων, πᾶσαν σπουδὴν κεχρεωστήκαμεν συνεισάγειν... Непониманіе конструкціи привело издателя къ вставкѣ излишняго глагола δεῖ; онъ упустилъ изъ виду, что неопредѣленное накл. διακεῖσθαι зависитъ отъ фразы σπουδὴν συνάγειν, какую конструкцію встрѣчаемъ у Фотія довольно часто, напр. 4,17 ἐργασίαν ποιεῖσθαι τὸ θεῖον δόγμα τιμᾶν, ib. 4. 24; Photii epist. p. 541, 9 Val. ψυχῶν σωτηρίαν τῆς ἀκρατείας ἐνδεῖξαι φροντίδα ἐποιεῖτο и т. д.—Тотъ же самый недосмотръ попадается и на стр. 36,10 сл., гдѣ напечатано: [illegible] Фотій говоритъ, что двѣ причины могутъ побуждать людей къ [illegible], или ожиданіе небеснаго вознагражденія, или страхъ кары Божіей. [illegible]

[illegible]

συγγεγραφέναι должна быть замѣнена надстрочною точкою.—На стр. 42,1 Фотій сравниваетъ сребролюбіе со звѣровидной женщиной, имѣющей безчисленныя руки съ когтями: δοκεῖ... ἐοικέναι... γυναικὶ... ἐχούσῃ... μυρίας χεῖρας ὄνυξι κομώσας. Издатель въ текстѣ оставилъ чтеніе рукописи κομώσας нетронутымъ, а потомъ одумался и въ своихъ Addenda счелъ нужнымъ измѣнить это слово въ κομμώσας. Глаголъ κομμόω значитъ «украшаю, наряжаю», а фраза «руки, наряжающія когтями» лишена всякаго смысла. Не видимъ, почему бы не могло быть удержано чтеніе рукописи. Глаголъ κομᾶν (= имѣть длинные волосы) довольно часто употребляется въ переносномъ смыслѣ = «красоваться, изобиловать чѣмъ-нибудь», напр. ἡ γῆ φυτοῖς κομῶσα Aristot.; ὁ λειμὼν ἐκόμα πολλοῖς ἄνθεσιν Achill. Tat.; ἄμπελος τοῖς φύλλοις κομῶσα Chrysost.; ἄμπελος βότρυσι κομῶσα Orac. ap. schol. Eur.; τράπεζα παντοίοις ὄψοις καὶ ἡδύσμασι κομῶσα Isidor. Pelus. — На стр. 43,30 напечатано: καὶ τὰ κομιδῇ νήπια τῶν μὲν ὄντως φανερῶν οὐδένα ποιεῖται λόγον, ἀλλὰ καὶ πυρὶ πολλάκις ἐπαφίησι τὰς χεῖρας, πρόσωπα δὲ διάκενα καὶ μορμολύκεια θεώμενα δεδίττεται καὶ τρέμει. τούτοις κινδυνεύουσιν ἐοικέναι καὶ οἱ τῆς πλεονεξίας ἐρασταί, πενίαν μὲν δεδιότες, ἥτις οὐκ ἔστι φοβερά,... πλοῦτον δὲ ἄδικον περὶ πολλοῦ ποιούμενοι, ὅστις πυρός ἐστι φοβερώτερος. Рукопись даетъ πρόσωπει διὰ δὲ διάκενα и не трудно возстановить подлинныя слова автора лишь посредствомъ болѣе вѣрнаго сочетанія слоговъ: προσωπίδια δὲ διάκενα. Кромѣ того, неумѣстное слово φανερῶν должно быть измѣнено въ φοβερῶν (см. 44,3 и 5). Теперь получается слѣдующій смыслъ: «Алчные люди, которые боятся бѣдности, не имѣющей ничего страшнаго, и высоко цѣнятъ несправедливое богатство, хотя оно страшнѣе огня,—похожи на маленькихъ дѣтей, которые, не заботясь о вещахъ дѣйствительно страшныхъ и часто протягивая руки даже въ огонь, дрожатъ передъ пустыми личинами и пугалами». — На стр. 44,20: εἰ δὲ μή, κἀνταῦθα ⟨μὲν⟩ ἀβίωτον βιώσεις βίον, κἀκεῖσε δὲ πικρὰς ὑφέξεις εὐθύνας. Издатель вставилъ здѣсь μέν. При этомъ онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, что оба предложенія уже соединены между собою посредствомъ καί—καί. Намъ не удалось найти другой примѣръ этого страннаго и нелогичнаго сопоставленія соединительныхъ союзовъ съ противительными (καὶ μέν — καὶ δέ). Относительно сочетанія καὶ δέ см. Madvig, Syntax der griech. Sprache § 185, Anm. 2. — На стр. 45,10 читается въ рукописи: δέον τοίνυν ταῦτα πάντα ἐννοοῦντας τὴν μὲν ἀποστραφῆναι ὡς θηριόμορφον καὶ ὀφιώδη, τὴν δὲ ἀσπάσασθαι ὡς θείαν καὶ ὑπερκόσμιον, τοὐναντίον ποιοῦσι, τὴν πόρνην ἀντὶ τῆς σώφρονος αἱρούμενοι γυναικός, т. е. «Между тѣмъ какъ людямъ слѣдовало бы, соображаясь со всѣми этими обстоятельствами, отворачиваться отъ одной (т. е. Κακία), какъ отъ звѣровидной и змѣиной, другую же (т. е. Ἀρετή) ласково встрѣчать, какъ божественную и неземную, они поступаютъ противоположнымъ образомъ, предпочитая блудницу цѣломудренной женщинѣ». Все, какъ доказываетъ и нашъ переводъ, находится въ самомъ лучшемъ порядкѣ и нѣтъ основанія предположить вмѣстѣ съ издателемъ пропускъ (ante τοὐναντίον lacunam indicavi).

Къ вышеприведеннымъ примѣрамъ мы прибавимъ еще второй рядъ, при чемъ, однако, воздержимся отъ обстоятельныхъ разъясненій и ограничимся простымъ сообщеніемъ нашихъ поправокъ. На стр. 2,22 необходимо поставить знаки препинанія немного иначе, а именно такъ: καὶ τί δεῖ λέγειν ἐνδεῖν. ἀλλὰ μὴ σὺν [illegible] μηδ'... — На стр. 4,15: [illegible] ἐπιστρέψειν αὐτούς... Чтеніе рукописи [illegible] (т. е. [illegible], см. строку 14), которое издатель измѣнилъ въ [illegible], безупречно. — На стр. 8,23 и 25 чтенія [illegible] ὑμᾶς [illegible] и [illegible] напрасно отвергнуты издателемъ и исправленія его ἡμᾶς (вм. ὑμᾶς) и ἡμῶν (вм. ὑμῶν) нарушаютъ смыслъ: изъ словъ Фотія узнаемъ, что получатель письма предлагалъ дружбу, на что Фотій объявилъ свое согласіе [illegible]. — На стр. 124 послѣ [illegible] неумѣстна запятая, раздѣляющая [illegible] [illegible] — На стр. 12[illegible] [illegible] Смыслъ требуетъ читать [illegible] (вм. [illegible]). — На стр. 13[illegible] [illegible]

[illegible]

дящій смыслъ получается только въ томъ случаѣ, если поправимъ разстановку знаковъ препинанія, а именно такъ: μηδὲν αὐτούς, ὧν ἀξιοῦμεν τοὺς φιλτάτους, ὑστερήσωμεν, т. е. «Не лишимъ ихъ никакой изъ тѣхъ услугъ, которыми мы удостаиваемъ нашихъ закадычныхъ друзей».—На стр. 29,29 писать приходится: ὧν οὐδεμία ἴασις ἔξωθεν, ἀλλ' ἣ (вм. ἡ) μετά γε τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν ἡ ἐξ αὐτοῦ τοῦ ὑποδεξαμένου ποιμένος σοφή τε καὶ φιλάδελφος μέθοδος.—На стр. 31,26: οἱ... συμφοραῖς ἀλλοτρίαις τὸ ζῆν αὐτοῖς (вм. αὑτοῖς) καπηλεύοντες. — На стр. 33,5 пониманіе смысла затрудняется вслѣдствіе ошибочной интерпунктуаціи. Мы должны устранить вопросительный знакъ послѣ πρόσοδον и поставить его въ слѣдующей строкѣ послѣ μετάστασιν. — На стр. 33,25 слѣдуетъ читать: ἄμεινον μὲν οὖν... μήτε πεσεῖν μήτε παθεῖν μήτε τὸ ἀνδρεῖον οἷς ἐγκαρτερεῖ (вм. ἐγκαρτερεῖν) παρασχεῖν.—На стр. 34,25 вопросительный знакъ послѣ ποιῆσαι долженъ уступить мѣсто запятой, такъ какъ періодъ оканчивается только 30-ой строкой. Мы приводимъ здѣсь скелетъ этого длиннаго періода, какой нерѣдко встрѣчаешь у Фотія: σὺ δὲ... εἰ μὴ... ὑποδέξῃ..., εἰ μὴ... ἐπίδῃς, εἰ μὴ... λογίσῃ, εἰ μὴ πάντα καὶ πράξῃς καὶ εἴπῃς, ὅσα ψυχὴν... δύναται... θυμηδίας ἔμπλεων ποιῆσαι, ἀλλὰ... ἐπαναγκάσεις καὶ... συστρέψεις... καὶ... προτρέψῃ,—πῶς οὐχὶ σαυτὸν φονέα περιφανῆ τοῦ ἀδελφοῦ διελέγχεις καὶ ἀντὶ μὲν ποιμένος λύκον,... ἀντὶ δὲ σωτῆρος λυμεῶνα;—На стр. 36,18 читать нужно: ὁ μὴ τὰ τοῦ πλησίον πάθη ἑαυτοῦ τιθεὶς καὶ τὴν ἴσην αὐτῷ (вм. αὑτῷ) κἀκείνῳ, ὥσπερ συγγένειαν, οὕτω δὴ νέμων καὶ συμπάθειαν.—На стр. 37,1: ἀλλὰ τοῦτο μὲν ἐκείνοις (вм. ἐκεῖνος) ἀπερρίφθω, οἷς καὶ τὸ ἄσβεστον, οἴμοι, πῦρ... διηπείληται. — На стр. 37,5: οἷός σοι (вм. σε) στέφανος δόξης, ἂν ἐθελήσῃς μόνον, διαπλέκεται. — На стр. 38,18: οὐ ταῖς πρὸς τὸν κοινὸν καὶ σωτῆρα καὶ διδάσκαλον καὶ πρῶτον ἀρχιερέα ἀκαταισχύντοις (вм. ἀκαταίσχυντα, cod. ἀκαταίσχυντοι) πρεσβείαις καὶ ποιμαίνειν καὶ ποιμαίνεσθαι κατὰ μίμησιν ἀξιωθείημεν, см. Ioann. Damasc. II p. 910 (о мученицѣ Варварѣ): πρέσβυς ἀκαταίσχυντος πρὸς τὸν πανάγαθον Χριστόν. — На стр. 39,10: ἐπαγγέλληται вм. ἐπαγγέληται.—На стр. 40,28 напечатано въ изданіи: εἰ τοίνυν ἕπεσθαι βούλει τοῖς δόγμασιν αὐτοῦ (ἔψῃ δὲ πάντως), εἰ τὸ ἀσκεῖν θέλεις, χαλίνωσον τῆς γλώσσης τὸ τραχύ. Само собою разумѣется, что вторая скобка должна быть поставлена послѣ θέλεις (вм. послѣ πάντως). — На стр. 42,30: κολάζει καὶ τιμωρεῖται (scil. ἡ φιλαργυρία) τοὺς ἁλόντας... μηδὲ μικρὸν ἀναπνεῦσαι συγχωροῦσα, ἀλλὰ τῶν εἰς τὰ μέταλλα τὴν χαλεπωτάτην ἐκείνην τινόντων κόλασιν πικροτέραν ἐπάγουσα (вм. ἐπάγουσαν) τὴν δίκην. — На стр. 43,12: εἰ δὲ καὶ ἁλῶμεν συντείνοντες ἑαυτούς, καὶ τὴν θείαν καλέσαντες συμμαχίαν... παυσώμεθα. Такъ какъ фраза συντείνειν ἑαυτούς значитъ: напрягать всѣ силы, то мы должны поставить запятую послѣ ἁλῶμεν (вм. послѣ ἑαυτούς). — На стр. 44,12 читать требуется: ἔρως... παρακμὴν οὐκ οἶδε, κόρον ὑβρίζει (вм. οὐκ οἶδε κόρον ὑβρίζειν), εὐφροσύνην οὐκ ἐπίσταται κτλ. — На стр. 45,1: ἡ μὲν τῆς κακίας ἡδονὴ ῥᾳδίως σβέννυται, ἡ δὲ τῆς ἀρετῆς εὐφροσύνη ἀΐδιός ἐστι (вм. ἀοίδιμός ἐστι) καὶ ἀθάνατος. — На стр. 46,15: εἰ γὰρ πρώην τινὰ παρήκουσε (вм. παρηκολούθησε). Рѣчь идетъ о разныхъ слу-

чаяхъ, гдѣ Моисей оказался непослушнымъ велѣнію Божію. Поэтому, глаголъ παρακολουθεῖν τινί (=слѣдовать за кѣмъ-ниб.) здѣсь никакъ не у мѣста.—На стр. 46,28: τῇ μὲν γὰρ φύσει ἔλαττον ἦν ἐκείνων τοῦτο τὸ πταῖσμα, τῷ δὲ (вм. τὸ δὲ) μετὰ τῆς ἑτέρων κραθῆναι βλάβης οὐ μόνον ἐκείνων, ἀλλὰ καὶ συγγνώμης μεῖζον ἐγένετο, т. е. «Самъ по себѣ этотъ проступокъ Моисея былъ незначительнѣе прежнихъ, но вслѣдствіе того, что онъ былъ связанъ съ ущербомъ для другихъ людей, давая народу случай къ соблазну, онъ сдѣлался не только важнѣе прежнихъ, но и слишкомъ большимъ, чтобы могъ получить извиненіе».—На стр. 47,26: οἶδά τινας... τὰ ἀδόμενα γέρα μὴ προσιεμένους, οὐ τῷ κρείττους εἶναι κερδῶν..., ἀλλὰ τῷ (вм. τῶν) μειζόνων ἐφίεσθαι. — На стр. 48,11 имѣется въ рукописи: ὁ γὰρ τριχοφόρος βαπτιστής и издатель такъ и напечаталъ. Но слово τριχοφόρος, попадающееся лишь въ Glossae въ значеніи «щетинистый», представляетъ собою эпитетъ, подходящій къ кабану и т. п., а не къ св. Іоанну Предтечѣ. Послѣдній былъ τριχινοφόρος, какъ повѣствуетъ еванг. отъ Матоея (3,4): «Самъ же Іоаннъ имѣлъ одежду изъ верблюжьяго волоса» [1]).—На стр. 51,18 говорится о пастухахъ, которымъ ангелъ Господень возвѣстилъ рожденіе Спасителя: [illegible] Βηθλεὲμ [illegible] [illegible]. Вмѣсто [illegible] и по конструкціи и по смыслу глагола [illegible] мы предлагаемъ [illegible] т. е. «Городъ Виолеемъ былъ удостоенъ къ истинѣ спасительнаго рожденія и въ основательности небеснаго свидѣтельства».

Въ предисловіи къ своей книгѣ (на стр. V) П.-Керамевсъ, давая подробное описаніе Иверской рукописи, упоминаетъ и о двухъ приписках[illegible], въ ней попадающихся, и приводитъ ихъ вмѣстѣ съ русскими переводами: 1) [illegible] [illegible]; 2) [illegible] Іоанна патріарха [illegible] [illegible] [illegible].

Въ приложеніи издатель [illegible] [illegible] [illegible]

---

[1]) [illegible]

вить и дополнить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ настоящаго изданія; напр., на стр. 54,2: ἂν ὁ κρίνων καὶ ἐπιπλήττων [καὶ] φιλῶν καὶ στέργων, ἀλλὰ μὴ διασύρων τοῦτο ποιῇ. — 54,12: ἄν τε ἐλάττονα ‹αὐτοῦ› ἡμαρτηκότα κατακρίνῃ τις. — 54,14: μείζονα αὐτὸς ἡμαρτηκὼς ‹καὶ προσθεὶς τούτοις τὸ καὶ ἑτέρους κατακρίνειν· ὁ δὲ μείζονα ἁμαρτήσαντα κρίνων καὶ αὐτὸς κατέκρινεν ἑαυτόν›, ὅτι δέον ἐξαλεῖψαι τὰ οἰκεῖα καὶ τὸν κοινὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι κτλ.

Издатель составилъ и Index proverbiorum. Въ этомъ его собраніи пословицъ, употребленныхъ Фотіемъ въ новоизданныхъ письмахъ, недостаетъ пословицъ ἄνω καὶ κάτω πάντα γεγόνασιν (7,1) и ἱερὰ ἄγκυρα (40,11). А, съ другой стороны, помѣщена тамъ одна фраза, которую нельзя считать пословицею. На стр. 9,24 значится: ἵνα μή... ὡς ἀστραγάλοις οἱ παῖδες, οὕτω καὶ ἡμεῖς τοῖς ἔργοις δόξωμεν ἐξαπατᾶσθαι, ὡς ἄν τις ἐκ Μακεδονίας βάρβαρος ἢ Λακωνικὸν ὄνειδος... ἀλαζονεύσοιτο. Издатель (на стр. 58,8) того мнѣнія, что слова Λακωνικὸν ὄνειδος представляютъ собою новую покуда неизвѣстную пословицу. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Фотій намекаетъ на извѣстное изреченіе лакедемонскаго царя Лизандра: τοὺς μὲν παῖδας ἀστραγάλοις δεῖ ἐξαπατᾶν, τοὺς δὲ ἄνδρας ὅρκοις (Ps.-Plut. Apophth. Lacon., см. и Apostol. XII, 98). Этого Лизандра подразумѣваетъ Фотій подъ словомъ Λακωνικὸν ὄνειδος (= лакедемонскій срамникъ), а подъ словомъ τὶς ἐκ Μακεδονίας βάρβαρος—македонскаго царя Филиппа, который имѣлъ подобныя Лизандру воззрѣнія на клятвы и договоры. Изъ вышесказаннаго также ясно, что слово ἔργοις въ текстѣ Фотія испорчено и должно быть исправлено въ ὅρκοις.

П.-Керамевсъ приложилъ въ концѣ книги указатель всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ изданныхъ имъ нынѣ текстахъ, при чемъ нѣкоторыя формы невѣрно размѣщены: ἔχεις, acc. plur. отъ ἡ ἔχις = ἔχιδνα (41,30), помѣщено подъ ἔχω; συλλήψει, dat. sing. отъ ἡ σύλληψις, подъ συλλαμβάνω; πλεονεκτῶν, gen. plur. отъ ὁ πλεονέκτης, подъ πλεονεκτέω; προσιέμενους подъ πρόσειμι; προεῖδεν подъ προβλέπω; εὐδοκιμοῦντι подъ εὐδοκέω; вмѣсто ἀπατέω приходится писать ἀπατάω, а вмѣсто неупотребительныхъ формъ ἐμαυτός, ἑαυτός слѣдовало бы поставить ἐμαυτοῦ, ἑαυτοῦ.

Э. Курцъ.

Рига, 1-го сентября 1897 г.

W. R. Lethaby *and* **Harold Swainson:** *The Church of Sancta Sophia Constantinople. A Studyof Byzantine Building.* London & New York. Macmillan & Co. 1894.

Уже за десять лѣтъ тому назадъ Н. П. Кондаковъ въ своемъ изслѣдованіи о Византійскихъ церквахъ (Труды VI археол. съѣзда. Одесса. 1887, стр. 111) выразилъ необходимую потребность современной христіанской археологіи для св. Софіи «свести всѣ данныя вмѣстѣ въ одномъ сочиненіи и провѣрить критически общіе взгляды, установившіеся на архитектуру св. Софіи». Величайшее твореніе византійской архитектуры все

еще остается для насъ болѣе или менѣе загадочнымъ въ смыслѣ историческаго явленія не только въ отношеніи своей несравненной конструкціи, но и касательно многихъ частностей своего первоначальнаго сложенія и устройства, равно какъ и относительно своего постепеннаго видоизмѣненія. Означеннаго рода вопросы должны быть достаточно освѣщены, прежде чѣмъ удастся открыть всѣ нити, соединяющія это на первый взглядъ исключительное произведеніе искусства съ архитектурою какъ предшествовавшихъ такъ и послѣдовавшихъ вѣковъ. Сообразно съ этимъ вышедшій въ 1894 г. совмѣстный трудъ двухъ англійскихъ ученыхъ ставитъ себѣ высокую цѣль всесторонне изслѣдовать храмъ до самой детали церковной обстановки и найти всему объясненіе въ живомъ византійскомъ бытѣ. Предисловіе книги указываетъ на долю работы каждаго изъ авторовъ — Свэнсонъ выполнилъ такъ сказать филологически антикварную часть задачи, Летэби задался анализомъ и иллюстраціею постройки, но такъ какъ отсюда трудно узнать въ точности, насколько общіе выводы принадлежатъ одному или другому, то для удобства мы всегда будемъ говорить объ авторахъ какъ объ одномъ лицѣ.

Если спросить, въ чемъ заключаются тѣ требованія, исполненіе которыхъ мы были въ правѣ ожидать отъ подобнаго предпріятія, то какъ главныя условія успѣха необходимо признать: во первыхъ возможно полное пользованіе всѣми источниками традиціи, равно какъ цѣлою литературою, накопившеюся о св. Софіи, а во вторыхъ самостоятельное археологическое обслѣдованіе памятника. Удовлетворяетъ-ли новое сочиненіе этимъ требованіямъ, мы увидимъ разобравшись въ главномъ содержаніи книги. Для этого однако неизбѣжно вступить до извѣстной степени въ подробности нѣсколькихъ вопросовъ, разборъ которыхъ впрочемъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ представлять собою въ сжатомъ видѣ, надѣюсь, не совсѣмъ безполезный обзоръ настоящаго состоянія науки вообще по отношенію къ св. Софіи, такъ какъ мы постараемся расчитаться въ тоже время и съ результатами новѣйшей русской литературы, оставленной авторами въ сторонѣ.

I. Первая глава представляетъ въ началѣ краткій разборъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о состояніи города и въ особенности интересующей насъ мѣстности до Юстиніана. Слѣдуя въ топографическихъ вопросахъ преимущественно Мордтманну, авторъ разграничиваетъ регіоны вполнѣ ясно, за одною оговоркою. Въ отношеніи такъ называемаго Августеона все еще предстоитъ будущему времени опредѣлить въ точности мѣстоположеніе или вѣрнѣе пространство этой площади, хотя изслѣдователь въ общемъ несомнѣнно правъ, помѣщая ее согласн[illegible] ученыхъ на югѣ отъ св. Софіи. Обращаясь к[illegible] кѣмъ была основана церковь (въ видѣ базилики[illegible] разногласіе источниковъ здравою критикою. Онъ[illegible] стройка была заложена Константиномъ Великимъ,[illegible]

щеніе храма относитъ къ Констанцію на основаніи нашего лучшаго свидѣтеля Сократа. Касательно традиціи, которую передаетъ Кодинъ и за которую высказался Кондаковъ (Труды VI арх. съѣзда III, стр. 109 и сл.), о превращеніи языческаго храма въ христіанскую церковь авторъ съ одной стороны ограничивается догадкою, что послѣдняя была сооружена на мѣстѣ греческаго святилища, съ другой старается выяснить, какого собственно, и приводитъ два обстоятельства въ пользу алтаря Аѳины, стоявшаго, какъ мы это знаемъ, на высотѣ акрополя. Во первыхъ аналогію Парѳенона, обратившагося одинаково въ церковь св. Премудрости, что дѣйствительно могло бы разрѣшить вопросъ, почему именно церковь была посвящена св. Софіи (ср. Кондакова Ib. p. 109). Во вторыхъ тотъ фактъ, что она оріентирована къ восходу солнца въ день его зимняго поворота. Эта замѣчательная оріентировка заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что св. Софія имѣетъ правильное расположеніе къ главной оси Ипподрома, построеннаго Северомъ при возобновленіи города, которое, по справедливому замѣчанію автора, несомнѣнно произошло на основаніи регулярнаго плана (съ Миліемъ въ центрѣ), подобно тому, какъ на Востокѣ вообще основывались города со времени Діадоховъ. А при этомъ Северъ, вѣроятно, долженъ былъ сообразаться съ направленіемъ встрѣченныхъ здѣсь древнѣйшихъ святилищъ. Такимъ образомъ извѣстная теорія оріентировки древнихъ храмовъ могла-бы способствовать гипотетическому разрѣшенію вопроса. Однако все это не выходитъ изъ области, хотя-бы остроумныхъ, догадокъ. За то безусловно можно согласиться съ выводами автора въ изъясненіи исторіи базиличной церкви. Отождествленіе пожара, будто-бы постигшаго ее по свидѣтельству Анонима Бандури при Ѳеодосіи Великомъ, съ ея поджогомъ при Аркадіи приверженцами свергнутаго Іоанна Златоуста не можетъ подлежать сомнѣнію. Да и самое разнорѣчіе свидѣтельствъ не трудно объяснить: Анонимъ Бандури очевидно сдѣлалъ невѣрное заключеніе на основаніи найденнаго въ своемъ источникѣ извѣстія, что церковь была реставрирована при Ѳеодосіи II (415), смѣшивая имена и хронологію. Относительно устройства базилики авторъ доказываетъ многими примѣрами древнехристіанскаго обычая вѣроятность положенія апсиды на Западѣ. Если-же онъ отсюда старается произвести конструкцію Юстиніановской церкви, то это мнѣ представляется болѣе остроумнымъ aperçu, чѣмъ удовлетворительнымъ объясненіемъ. Даже предположеніе двойной апсиды, которое впрочемъ въ данномъ случаѣ ничѣмъ не обосновано, не придаетъ такому соображенію бо́льшей убѣдительности. Наконецъ, иной взглядъ мнѣ придется высказать и на счетъ малой ротонды на сѣв. вост. углу св. Софіи, въ которой авторъ усматриваетъ баптистерій и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный остатокъ древнѣйшей церкви.—II. Въ слѣдующей главѣ сведены всѣ извѣстія о сооруженіи новаго храма Юстиніаномъ, послѣ того какъ древній сгорѣлъ при возстаніи партій цирка (532), равно какъ о перестройкѣ второго въ его-же царствованіе послѣ паденія купола вслѣдствіе землетрясенія

558 года. Совершенно справедливо разсказъ Анонима о подобныхъ событіяхъ при Юстинѣ II принимается за простой дублетъ. Напрасно даже Бѣляевъ вѣрилъ этой традиціи. У Анонима, явно, опять все спутано. Его свидѣтельство о разрушеніи амвона соотвѣствуетъ подробностямъ, сообщаемымъ Θеофаномъ и другимъ о поврежденіи храма при Юстиніанѣ, а описаніе возстановленнаго по его словамъ Юстиномъ амвона подходитъ наиболѣе къ тому-же самому, который описывается у Павла Силентіарія. Да и само по себѣ повтореніе въ такое короткое время того-же самаго бѣдствія невѣроятно въ виду основательной поправки Юстиніана. Главныя свидѣтельства, относящіяся къ постройкѣ послѣдняго, сообщаются въ полномъ англійскомъ переводѣ, требующемъ однако для точности постояннаго сличенія съ греческимъ текстомъ, такъ какъ онъ нѣсколько свободенъ и содержитъ дополненія въ смыслѣ толкованія автора, не всегда поставленныя въ скобкахъ. Первымъ свидѣтелемъ по времени является Прокопій, молчаніе котораго о паденіи купола и реставраціи ясно доказываетъ, что его описаніе передаетъ намъ тотъ видъ церкви, какой она имѣла до землетрясенія. По отношенію къ видоизмѣненному вслѣдствіе перестройки храму мы имѣемъ во первыхъ важное своими измѣреніями свидѣтельство Евагрія, во вторыхъ замѣчательный разсказъ Агаѳіи, на который мы еще должны ниже обратить вниманіе.—III Но главнымъ образомъ и совершенно правильно изслѣдователь положилъ въ основу своего анализа архитектуры и устройства св. Софіи поэму Павла Силентіарія. Она даетъ намъ самыя богатыя и самыя точныя свѣдѣнія въ поэтически оживленномъ описаніи. Правда, съ другой стороны нѣкоторая напыщенность и тяжелость слога въ ней представляетъ своего рода затрудненія. По этому я не могу вездѣ согласиться съ изложеннымъ въ переводѣ способомъ пониманія смысла. Въ постороннемъ вопросѣ я тоже не согласенъ съ взглядомъ автора, что будто бы стихотвореніе, написанное для торжества вторичнаго освященія храма (24 дек. 564 г.), было произнесено не всецѣло въ одной авдиторіи, но съ перерывомъ отчасти во дворцѣ, отчасти въ домѣ патріарха. Если вообще повѣрить указаніямъ поэта, то сцена мѣняется гораздо чаще, чтó собственно и обличаетъ фиктивность всѣхъ этихъ указаній, за которую уже высказался Зальценбергъ.—IV. Разсматриваніе внутренняго устройства церкви начинается съ попытки возстановить видъ амвона по описанію Силентіарія. Я не могу считать этотъ отдѣлъ особенно удачнымъ, но отдаю предпочтеніе реставраціи Зальценберга. Верхняя платформа амвона явно имѣла овальную форму (ср. ст. 56 сл.), а не такую сложную, какую придаетъ ей новый изслѣдователь. Затѣмъ Зальценбергъ [illegible]
шенно правъ, предполагая, что лѣстницы на З. и на В. [illegible]
базисъ, «темпьетто», образуемый внизу колоннадою [illegible]
который окружалъ гротту протопсалтовъ, помѣщенную [illegible]
платформою. Иначе не находило-бы простого объясне[illegible]
Павла Силентіарія о томъ, что къ послѣдней ступени во[illegible]

примыкалъ ведущій къ алтарю огражденный ходъ (солея). Тому-же самому обстоятельству отвѣчаетъ постоянное раздѣленіе въ описаніи нижней постройки на два полукруга (ср. ст. 131 и 164), равно какъ мѣстоположеніе дверей самаго темпьетто, — ибо ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ всходами амвона — а именно одной на С., другой повидимому возлѣ восточной лѣстницы (для Φαέθοντα ср. ст. 109). Вѣрнымъ объясненіемъ относящихся сюда стиховъ (ст. 173 сл. и 178 сл.) самъ авторъ исправляетъ одну несомнѣнную ошибку Зальценберга. Что-же касается мѣста цѣлаго амвона, то онъ вѣроятно (въ виду ст. 51 сл.) былъ немного выдвинутъ къ серединѣ храма (ср. Бѣляева: Byz. II, стр. 110), какъ насъ уже заставляетъ думать цѣлованіе народомъ св. Евангелія въ рукахъ идущаго по солеѣ священника (ср. ст. 249 сл.). Но заключая въ себѣ протопсалтовъ, амвонъ опять-таки не могъ быть слишкомъ отдаленнымъ отъ побочныхъ нишъ алтаря, гдѣ стояли хоры пѣвчихъ. Все то, что авторъ сообщаетъ о дальнѣйшихъ судьбахъ амвона св. Софіи, позволяетъ предполагать, что онъ остался на мѣстѣ, хотя-бы въ реставрированномъ видѣ, до грабежа крестоносцевъ, и не оправдываетъ догадки Рого де Флёри, что будто-бы послѣ паденія купола въ 945 г. онъ былъ замѣненъ другимъ, изображеніе котораго Флёри видитъ въ одной миніатюрѣ Ват. Менологія. V-ая глава затрагиваетъ уже самые важные вопросы топографіи храма, обсужденіе которыхъ производится съ осмотрительностью и здравымъ смысломъ, хотя оно не вездѣ доведено до рѣшительнаго заключенія и не достигаетъ опредѣленности выводовъ Бѣляева. Просмотримъ-же отдѣльные пункты. Ограниченіе алтаря восточною малою апсидою сообща съ примыкающимъ къ ней коробовымъ сводомъ согласно общепринятому взгляду заслуживаетъ одобренія. Ошибочность мысли де Флёри (основанной на I-омъ изд. Дюканжа), что будто-бы Святая Святыхъ занимала все пространство до главной арки средняго квадрата, явствуетъ уже изъ неимовѣрной длины, какую въ такомъ случаѣ имѣлъ-бы иконостасъ. Но съ другой стороны тоже невозможно съ авторомъ помѣщать алтарную преграду какъ разъ передъ послѣднимъ восточнымъ отдѣленіемъ храма, а престолъ за нею подъ его коробовымъ сводомъ. Изъ свидѣтельствъ Ѳеофана и др. о разрушеніи въ 558 г. престола (съ амвономъ и солеею) паденіемъ купола вслѣдствіе сокрушенія восточной главной арки, мы должны заключать, что престолъ, хотя-бы немного, выступалъ изъ-подъ означеннаго свода. А такъ-какъ иконостасъ всетаки по словамъ Павла (ст. 374/5) равно какъ по описанію обрядовъ Конст. Порфиророднаго отдѣлялъ алтарь, гдѣ стояли священники, отъ находящихся въ побочныхъ конхахъ пѣвчихъ, то одно и другое совмѣщается не иначе какъ въ выводѣ Бѣляева, что иконостасъ въ планѣ долженъ былъ представлять ломаную линію. Слѣдовательно онъ имѣлъ три стороны, на что даже есть прямыя указанія у Конст. Порфиророднаго. Остальныхъ-же заключеній Бѣляева я не раздѣляю, не видя необходимости предполагать для земныхъ поклоновъ священнослужащихъ такую

значительную ширину всѣхъ трехъ окружавшихъ престолъ ступеней, что сѣдалища синтрона не могли-бы продолжаться черезъ полукругъ апсиды вдоль прямыхъ стѣнъ алтаря. За это напротивъ говоритъ не только аналогія св. Ирины, гдѣ боковые выходы изъ алтаря проходятъ подъ ними, но и воспроизведенная авторомъ миніатюра Ватиканскаго менологія, изображающая поклоненіе цѣпямъ ап. Петра, насколько и мнѣ представляется, не въ притворѣ, гдѣ онѣ хранились, но въ святѣйшемъ мѣстѣ храма. Престолъ здѣсь стоитъ передъ сѣдалищами и огражденъ спереди низкою балюстрадою, какая въ дѣйствительности точно также могла примыкать къ нимъ, разъ онъ выступалъ немного въ большое отдѣленіе, крытое полукуполомъ. Слѣва выставленъ налой съ цѣпями, которыя цѣлуетъ священникъ, а еще больше налѣво очевидно изображенъ иконостасъ. Невѣрная перспектива картинки не мѣшаетъ тому, что-бы она намъ давала въ общемъ вѣрное понятіе о самомъ предметѣ, тѣмъ болѣе что подобное устройство алтаря въ высокой степени соотвѣтствуетъ древнехристіанскому обычаю. Но если мы относительно алтарной преграды приходимъ къ убѣжденію, что она имѣла изгибы, слѣдовательно была длиннѣе, чѣмъ предполагаетъ авторъ, то мы и не можемъ допустить, чтобы ея двѣнадцать колоннъ были разставлены, какъ авторъ воображаетъ, двойнымъ рядомъ въ парномъ сочетаніи. Болѣе удачнымъ, чѣмъ его догадки по поводу иконостаса, является опытъ яснѣе изобразить помощью извлеченныхъ изъ различныхъ источниковъ данныхъ и сравненіемъ соотвѣтствующихъ памятниковъ убранство самаго престола и киворія и прослѣдить ихъ исторію. За то я опять не могу вполнѣ согласиться съ авторомъ въ слѣдующемъ важномъ вопросѣ топографіи храма: какія собственно помѣщенія служили жертвенникомъ и діаконникомъ? По справедливости авторъ отказывается предполагать ихъ въ внѣшнихъ пристройкахъ, но, слѣдуя аналогіямъ церквей св. Сергія и Вакха въ К—полѣ и св. Виталія въ Равеннѣ, отводитъ имъ мѣсто въ побочныхъ придѣлахъ алтаря. Однако онъ напрасно ограничиваетъ ихъ смежною съ послѣдним частью каждаго помѣщенія. Полное молчаніе Павла Силентіарія объ угловыхъ отдѣленіяхъ храма яснѣйшее для насъ свидѣтельство того, что послѣднія всецѣло были предоставлены священному употребленію, а съ другой стороны описаніе у паломниковъ въ діаконникѣ равно какъ въ жертвенникѣ многочисленныхъ мощей и другихъ предметовъ заставляетъ усматривать въ обоихъ просторныя комнаты. И въ сущности нѣтъ препятствія признавать такое назначеніе за цѣлыми угловыми помѣщеніями. Не иначе судитъ Бѣляевъ (Byz. II стр. 119), который на основаніи показаній паломниковъ въ лѣвомъ отдѣленіи (отъ алтаря) видитъ жертвенникъ, а въ правомъ діаконникъ, допуская что въ древнѣйшую эпоху въ качествѣ того и другого могли служить въ особенности примыкающія ниши, не смотря на присутствіе въ нихъ лѣстницъ. — Обращаясь къ другимъ частямъ храма, изслѣдователь относительно св. кладезя приходитъ къ тому же результату какъ Бѣляевъ,

т. е. что кладезь сначала находился въ особенномъ притворѣ на ю. сторонѣ церкви, а послѣ X в. былъ перенесенъ въ діаконикъ.—Царскій метаторій авторъ помѣщаетъ въ ю. нефѣ, не рѣшаясь всетаки опредѣлить его мѣсто въ точности, потому что онъ относитъ всѣ свидѣтельства къ одному и тому-же помѣщенію. Между тѣмъ самая этимологія слова, вполнѣ оправдавшаяся (ср. Бѣляева, Byz. II, стр. 130), отъ «mutare» въ смыслѣ переоблаченія царей при вступленіи въ храмъ, могла-бы привести его къ заключенію, что въ св. Софіи имѣлось нѣсколько мутаторій. Если же одному главному и принадлежало первостепенное значеніе и обыкновенно рѣчь идетъ объ этомъ, то его мѣстоположеніе можно выяснить довольно точно именно благодаря различенію отъ него другихъ. Подъ царскимъ метаторіемъ спеціально разумѣли цѣлый рядъ комнатъ: молельню, покой, триклинъ и др., изъ коихъ одинъ—лишь такъ наз. паракиптикъ (молельня)—входилъ въ составъ церкви, другіе-же находились въ особой пристройкѣ. Относительно перваго я не совсѣмъ согласенъ съ Бѣляевымъ, помѣщая его не въ діаконикѣ, но въ среднемъ отдѣленіи южнаго нефа. Ссылка Бѣляева на Силентіарія, который упоминаетъ мѣсто царя огражденное «какою-то стѣною» (т. е. только ея подобіемъ) въ южномъ нефѣ, настолько противорѣчитъ его собственному выводу, что напротивъ подтверждаетъ наше опредѣленіе. Разъ мы узнали, что Силентіарій описываетъ только среднее отдѣленіе той и другой стороны, какъ легко убѣдиться изъ самаго описанія, то всякая другая возможность исключается. Свидѣтельства Константина Порфиророднаго (I, p. 16 B.) и Кодина (p. 78 B.) о близости (не о принадлежности) метаторія къ діаконику вполнѣ примиряются съ означеннымъ положеніемъ молельни. Относительно остальныхъ частей метаторія тогда естественно являются слѣдующія соображенія. Лѣстница, которая вела въ принадлежащее къ нему отдѣленіе второго этажа (Конст. Порф. I, p. 548 B., ср. Бѣляева: Byz. II, стр. 134), вѣроятно таже самая, что и существовавшая нѣкогда въ юговосточномъ столбѣ южной стѣны. Здѣсь можно предполагать и выходъ въ пристроенныя снаружи помѣщенія. Искать послѣднія поближе къ среднимъ вратамъ южной стѣны, а не на юговост. углу храма, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, меня убѣждаетъ и то обстоятельство, что царь переходилъ изъ триклина непосредственно въ св. кладезь, составлявшій какъ-бы паперть названныхъ воротъ. Наконецъ съ этимъ совпадаетъ и свидѣтельство Анонима Бандури о томъ, что метаторій былъ близокъ къ Баптистерію, который лежитъ уже противъ югозап. угла церкви (p. 69 Par. 1711). Такимъ образомъ съ означеннымъ мѣстоположеніемъ можно соединить всѣ указанія, если только не вмѣшивать, какъ это сдѣлалъ авторъ, относящихся къ другому метаторію, съ которымъ мы встрѣтимся дальше. Замѣчанія автора по поводу солеи требуютъ только нѣкоторыхъ дополненій и одной легкой поправки. Подъ солеею правильно разумѣется у негоповершенное восточнымъ полукуполомъ пространство, которое однако получило свое наименованіе отъ вышеупомянутаго хода отъ алтаря къ амвону (ср.

Holtzinger; Altchristl. Arch. p. 171). Оно — вѣроятно по устраненіи этого хода—составляло какъ-бы открытую часть алтаря, по убѣдительному толкованію у Бѣляева (Byz. II, стр. 111) не столько Силентіарія и Прокопія, сколько Евагрія. Тѣмъ не менѣе солея въ этомъ широкомъ смыслѣ навѣрно еще въ X вѣкѣ отдѣлялась отъ остального храма лишь нѣсколькими ступенями, серебряную же ограду Анонима Бандури (р. 78 Par.) авторъ относитъ сюда по недоразумѣнію.—Примѣрами памятниковъ и обильными свѣдѣніями освѣщается планъ мраморнаго пола церкви, крестообразно раздѣлявшагося полосами зеленаго мрарора, изображающими Райскія рѣки. Изъ далѣе слѣдующихъ антикварныхъ розысканій о различныхъ предметахъ, какъ о купели Оттоманскаго музея (будто-бы происходящей изъ Софіи), о крестахъ освященія на колоннахъ, о чудныхъ мраморахъ, иконахъ, могилахъ и т. д. наиболѣе заслуживаютъ вниманія во первыхъ замѣчанія на счетъ двухъ огромныхъ мраморныхъ вазъ, донынѣ стоящихъ въ западныхъ боковыхъ конхахъ, съ которыми сопоставляется подобный сосудъ византійской работы на островѣ Мурано; во вторыхъ отдѣлъ, касающійся употребленія занавѣсей, встрѣчаемыхъ напр. въ Равеннскихъ мозаикахъ, и также ковровъ въ древнехристіанскихъ храмахъ. Достаточнаго основанія напротивъ лишено предположеніе мѣста соборовъ въ извѣстномъ огражденномъ отдѣленіи южныхъ катехуменій. Въ заключеніе главы говорится о числѣ и составѣ принадлежавшаго къ св. Софіи духовенства и наконецъ о торжественныхъ хожденіяхъ въ ней съ честнымъ крестомъ. Новыхъ и болѣе значительныхъ выводовъ однако не сдѣлано изъ сведенныхъ здѣсь данныхъ, которыми для топографіи храма отчасти Бѣляевъ уже воспользовался основательнѣе. VI Ограничимся немногими краткими замѣтками о разнообразномъ содержаніи шестой главы, трактующей о мощахъ, сокровищахъ и подобныхъ предметахъ. Такъ авторъ напр. доказываетъ шестиконечную форму честнаго креста изъ описанія Аркульфа (VII в.) и соотвѣтствующаго типа другихъ крестовъ, содержавшихъ частицу животворящаго древа. Сообщая затѣмъ литературныя свидѣтельства или въ полномъ переводѣ (разсказъ Антонія Новгородца), или въ сокращеніи, онъ даетъ обзоръ существовавшихъ нѣкогда въ св. Софіи священныхъ вещей и старается, пользуясь въ особенности указаніями гр. Ріана (Exuviae Cpolitanae), отыскивать сохранившіяся изъ нихъ и разсѣянныя вслѣдствіе грабежа крестоносцевъ по всей Европѣ.—Особенный, весьма интересный отдѣлъ занимается средствами и устройствомъ освѣщенія церкви. Автору удалось найти въ разныхъ мѣстахъ и изображеніяхъ для всякаго рода извѣстныхъ освѣтительныхъ снарядовъ по одному или нѣсколько соотвѣтствующихъ экземпляровъ. Такимъ путемъ доказывается, что византійскіе [illegible] ([illegible]) имѣютъ свое подобіе въ употребляемыхъ донынѣ въ турецкихъ мечетяхъ [illegible], [illegible] [illegible] а также [illegible] фаросы для [illegible] въ [illegible] въ извѣстныхъ [illegible] въ [illegible] и въ Гальберштадтѣ. Крестообразныя и корабле[illegible]

люстры, отдѣльныя лампады и канделабры сохранились, если не въ въ истинномъ видѣ (какъ то въ особенности въ ризницѣ св. Марка), то по крайней мѣрѣ въ изображеніяхъ (мозаикъ въ Паренцо, Ватиканскаго Менологія и въ др.). Но всего любопытнѣе выводъ, что порядокъ развѣшиванія паникадилъ, лампадъ и др. кругами и рядами, чарующій еще въ настоящее время посѣтителя св. Софіи въ праздникъ Рамазана, ведетъ свое происхожденіе отъ византійскаго обычая.—VII. Разсматривая дальнѣйшую исторію храма, авторъ сообщаетъ изъ Евхологія Гоара важное извѣстіе о сооруженіи въ 865 г. колокольни при св. Софіи. Не имѣя этой книги на рукахъ, я предполагаю, что оно основано въ сущности на замѣчаніи Баронія (Ann. Eccl. ad a. 865), ссылающагося на Венеціанскихъ лѣтописцевъ, что въ 865 г. императору Михаилу III были посланы колокола отъ дожа и что тогда возникло ихъ употребленіе у грековъ. Насколько все это подтверждается другими свидѣтельствами увидимъ дальше.—Первой реставраціи при Василіѣ I, который возстановилъ свалившуюся западную арку, авторъ приписываетъ неуклюжія пристройки нартекса на Ю. и на С. и находящіеся возлѣ нихъ всходы къ катихуменіямъ. Но у Конст. Порфиророднаго я не нахожу ясныхъ указаній на первыя, тѣмъ болѣе, что такихъ не приведено. Эти прибавленія къ нартексу скорѣе могли-бы явиться при тѣхъ обширныхъ измѣненіяхъ, какія вѣроятно послѣдовали на западной сторонѣ послѣ паденія этой части свода въ 975 г. и которымъ авторъ напрасно придаетъ меньше значенія. Что-же касается всходовъ, то естественнѣе всего предполагать, что они построены въ ту пору, когда служившія прежде для доступа къ катихуменіямъ лѣстницы въ большихъ столбахъ главныхъ стѣнъ снаружи были загорожены массивными пирамидальными контрфорсами. Изъ послѣднихъ изслѣдователь принимаетъ сѣверные и восточные за такъ называемыя пирамиды, сооруженныя по свидѣтельству Никифора Григоры (I р. 273 В.), Андроникомъ II для укрѣпленія стѣнъ. Два остальные контрфорса (южной стороны) довольно сходны съ ними. Остается развѣ считаться еще съ послѣдней реставраціею, которая произошла при Іоаннѣ Кантакузинѣ и при Іоаннѣ Палеологѣ, послѣ того какъ значительная часть кровли и одна прилегающая къ алтарю «стоя» были разрушены землетрясеніемъ. Различить работу всѣхъ этихъ неоднократныхъ прибавленій есть требованіе неудобоисполнимое при настоящихъ условіяхъ обслѣдованія св. Софіи, а поэтому и не исполненное изслѣдователемъ, но предстоящее будущему времени.—Турецкое владычество кромѣ минаретовъ, изъ которыхъ одинъ (на Ю.В.) построенъ немедленно послѣ занятія К—поля, остальные же въ концѣ XVI в., повидимому прибавило не многія и незначительныя пристройки, но совершенно измѣнило всю ближайшую окрестность. Чтобы разъяснить процессъ постепеннаго замѣненія прежнихъ дворовъ и зданій вокругъ церкви новыми, нѣкоторыя указанія даютъ извѣстія путешественниковъ, восходящія до послѣднихъ временъ византійской имперіи. Въ этомъ отношеніи авторъ обладалъ богатымъ и отчасти свѣ-

нихъ матеріаловъ. Особенно любопытно извѣстіе, извлеченное имъ изъ описанія поѣздки кавалера de la Broquière въ 1433 г., свидѣтельствующее о трехъ окружавшихъ св. Софію дворахъ съ колоннами и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно сильное разногласіе означеннаго рода источниковъ между собою (напр. относительно поврежденія мозаикъ) возбуждаетъ вопросъ о достовѣрности каждаго изъ нихъ, которымъ авторъ къ сожалѣнію не занимается.—Въ концѣ съ излишнею полностью воспроизводится въ переводѣ весь легендарный разсказъ Анонима Бандури о сооруженіи храма, хотя авторъ держится вѣрнаго принципа изъ его указаній признавать основательными только тѣ, которыя относятся къ современному самому писателю состоянію церкви. Значеніе послѣдняго источника возвышается, благодаря новѣйшей датировкѣ Анонима въ XI вмѣсто XII или XIV вѣка (ср. Preger. Beitr. zur Textgesch. der Πάτρια. München. 1895). Что же касается легендарныхъ сказаній, то автору удалось установить интересный фактъ, что они возникаютъ большею частью въ эпоху Василія I, а отчасти даже самого Юстиніана.—VIII. Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію храма съ технической стороны, авторъ знакомитъ насъ съ принятыми въ послѣднее столѣтіе мѣрами для его упроченія, которыя сопровождались первою дѣльною попыткою его всесторонняго обслѣдованія. Реставрація Фоссати 1847 г., о которой я говорю, излагается краткими словами: она состояла въ возобновленіи поврежденныхъ частей, въ починкѣ кровли и въ замѣненіи четырехъ поддерживавшихъ куполъ тяжелыхъ арокъ двойными желѣзными поясами. О дальнѣйшихъ измѣненіяхъ, какъ о потерѣ нѣкоторыхъ существовавшихъ еще до 1875 г. остатковъ (б. ч. отъ атрія), нѣкоторыя свѣдѣнія были получены отъ покойнаго англійскаго пастора Куртиса. Главнымъ источникомъ нашего знанія о сложеніи храма все еще остается составленное во время упомянутой реставраціи описаніе св. Софіи Зальценберга. Сколько ни есть недостатковъ въ этомъ изданіи съ настоящей точки зрѣнія, [illegible] же никогда и никому съ тѣхъ поръ не представлялась возможность для такого близкаго осмотра всѣхъ частей церкви, какимъ онъ могъ воспользоваться. Пока не будетъ повторенъ этотъ опытъ, всѣ отдѣльныя поправки могутъ быть внесены въ его трудъ. Въ главныхъ основаніяхъ тѣмъ авторъ и основывается главнымъ образомъ на изслѣдованіи Зальценберга, которое онъ воспроизводитъ въ резюме, прибавляя нѣсколько критическихъ замѣтокъ. Насколько ему удалось дополнить и исправить результаты этого труда, посмотримъ дальше. Если-же я съ одной стороны нахожу вполнѣ правильнымъ такое отношеніе къ предмету и къ наиболѣе важному единственному изслѣдователю св. Софіи, то съ другой нельзя одобрить пренебреженія трудами другихъ ученыхъ, хотя и не могшихъ изучить весь памятникъ такъ же основательно, но все же прибавившихъ нѣкоторыя новыя данныя къ его разъясненію. Трудъ Кондакова, какъ вообще русскую литературу, авторъ совсѣмъ оставляетъ въ сторонѣ. Между тѣмъ мы были бы ему весьма благодарны, еслибъ

онъ далъ намъ возможно полный обзоръ работъ своихъ предшественниковъ.—IX Съ девятой главы начинается самостоятельный археологическій анализъ изслѣдователя. Отправляясь отъ настоящаго состоянія храма онъ выводитъ на основаніи всего собраннаго матеріала свои послѣднія заключенія о первоначальномъ составѣ и дальнѣйшемъ видоизмѣненіи св. Софіи въ теченіе византійской эпохи. Исходную точку онъ беретъ въ ея окрестности, а именно касается вопроса объ устройствѣ Большого дворца. Изъявляемое здѣсь требованіе, чтобы сначала была написана исторія послѣдняго, легче было поставить, чѣмъ исполнить въ широкомъ смыслѣ. Само по себѣ оно справедливо, и авторъ ясно различаетъ главныя степени постепеннаго нароста. Къ сожалѣнію онъ здѣсь игнорируетъ работу Бѣляева, хотя I часть Byzantina во всякомъ случаѣ не осталась ему неизвѣстной. Ссылка на Бѣляева встрѣчается въ одномъ второстепенномъ вопросѣ по поводу Ипподрома, который также подвергается краткому, но удовлетворительному обзору. Относительно Августеона и Милія авторъ приходитъ (повидимому независимо отъ второй части Byzantina) къ тому же самому какъ Бѣляевъ заключенію, что Милій, аналогіи котораго указываются въ Пальмирѣ и Латтакіэ, находился на западной (точнѣе на С.-З.) сторонѣ перваго. Согласно съ этимъ Орологій помѣщается имъ на южной (т. е. Ю.-З.) сторонѣ храма, хотя не достигнуто такого точнаго опредѣленія, какое содержитъ доводъ Бѣляева, что онъ примыкалъ собственно къ атрію (Byz. II стр. 95). Далѣе сходство взглядовъ прекращается и авторъ по моему тотчасъ впадаетъ въ ошибку въ своемъ розысканіи о Крестильницахъ. Напрасно онъ относитъ къ сохранившемуся до сихъ поръ на югозападномъ углу св. Софіи въ видѣ турецкой тюрбе Баптистерію мѣста изъ церемоній Конст. Порфиророднаго, говорящія о Большой Крестильницѣ. Бѣляевъ наоборотъ доказалъ, что только свидѣтельства о Малой примѣнимы къ нему (Byz. II стр. 148). Непримѣнимость названія Большой Крестильницы къ этому Баптистерію явствуетъ уже изъ топографическихъ соображеній. Въ тѣхъ-же самыхъ обрядахъ у Конст. Порфиророднаго идетъ рѣчь о придѣлѣ св. ап. Петра, какъ о находящемся въ самой близи, если не примыкающемъ къ Большой крестильницѣ. А этотъ придѣлъ самъ авторъ помѣщаетъ на В. или С.-В. церкви, отождествляя его совершенно справедливо съ приписываемымъ другими и особенно позднѣйшими свидѣтелями св. Николаю. Паломники тутъ дѣйствительно описываютъ какой-то Батпистерій съ мозаическими изображеніями. Правда, авторъ тоже предполагаетъ такой на сѣверовосточномъ углу церкви, а именно въ небольшой ротондѣ, которую онъ, какъ выше сказано, считаетъ остаткомъ древней базилики и въ которой онъ усматриваетъ Малую крестильницу, хотя уже Зальценбергъ, единственный обслѣдовавшій ее очевидецъ, выразилъ сильныя сомнѣнія въ подобномъ назначеніи этой постройки. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія видѣть въ ней столь древній остатокъ. Наружный видъ съ маленькими четырехугольными оконцами

вовсе не обличаетъ такого стариннаго происхожденія ея (а что она сначала была безоконная, какъ думалъ Зальценбергъ, и служила сосудохранильницей, въ этомъ трудно убѣдиться). Но вотъ является другая мысль, если принять во вниманіе два свидѣтельства, оставленныя въ сторонѣ до настоящаго времени. Первое, которое сообщаетъ самъ авторъ изъ итальянской рукописи 1611 года въ Брит. Музеѣ, говоритъ, что на обращенной къ Сералю сторонѣ церкви кромѣ сохранившейся отчасти обители клира осталась только ризница и мѣсто (очевидно съ остовомъ) Баптистерія, архитектура котораго была удивительная съ тройнымъ сводомъ и шестью углами (все это никоимъ образомъ не подходитъ къ ротондѣ). Во вторыхъ Грело въ 1680 г. изображаетъ на своемъ планѣ приблизительно на мѣстѣ послѣдней, хотя немного ближе къ храму, восьмиугольное зданіе значительныхъ размѣровъ съ разставленными внутри въ кругу колоннами, которое онъ сравниваетъ съ S. Stefano rotondo въ Римѣ и объясняетъ въ качествѣ ризницы. Если допустить, что въ одномъ изъ этихъ свидѣтельствъ (вѣроятно въ первомъ) есть маленькій недосмотръ относительно числа угловъ, то они сходятся между собою и подтверждаютъ, что на означенномъ мѣстѣ нѣкогда существовало строеніе вполнѣ соотвѣтствующее весьма распространенному типу баптистерій и вмѣстѣ съ тѣмъ названію Большой Крестильницы. Ибо предположеніе Грело, что это была ризница, чистая догадка. Въ его бытность тамъ находилась кладовая, а такъ какъ ротонда донынѣ служитъ такому-же назначенію, то естественно предполагать, что пострадавшая чѣмъ нибудь постройка была передѣлана въ послѣднія столѣтія можетъ быть съ сохраненіемъ купола. Но даже въ томъ случаѣ, если будущее обслѣдованіе внутренности не подтвердитъ этого, трудно объяснить столь близкое совпаденіе приведенныхъ описаній иначе какъ исчезновеніемъ такъ называемой Большой Крестильницы. Ближайшій выходъ въ этотъ баптистерій находился вѣроятно въ восточной стѣнѣ слѣва отъ алтаря на мѣстѣ дверей, предоставленныхъ теперь одному Султану, которыя по словамъ Зальценберга замѣнили византійскую паперть. Это слѣдуетъ изъ того, что Крестильница, какъ выше сказано, сообщалась, по свидѣтельству Книг. Порфиророднаго, съ придѣломъ св. Петра или Николая, лежащимъ внѣ церкви налѣво отъ алтаря. За послѣднимъ такъ называемые переходы св. Николая обходили всю восточную сторону церкви (ср. Виз. II, стр. 113). Уже до Зальценберга все здѣсь значительно измѣнилось, но еще гораздо болѣе вслѣдствіе реставраціи Фоссати. Въ сохранившейся соотвѣтствующей паперти юговосточнаго угла храма также много передѣлано, въ особенности ведущая наружу лѣстница со сводомъ, поддерживаемымъ шестью различными колоннами. Изъ заложенныхъ по свидѣтельству Зальценберга пяти дверей, которыми та и другая паперть сообщались съ бывшими патріаршими помѣщеніями, въ настоящее время видна только одна въ той-же самой второй. Внутри церкви также [illegible] справа отъ алтаря осталась въ стѣнѣ [illegible] двери, которая вела непосредственно

въ означенныя пристройки, между тѣмъ какъ сѣверная часть стѣны отъ алтаря до входа Султана на мѣстѣ соотвѣтствующаго входа, предполагаемаго Зальценбергомъ, сплошь покрыта мраморною облицовкою. По всему сказанному, если вообще можно достигнуть большей ясности въ относящихся сюда вопросахъ, то развѣ только кропотливымъ растолкованіемъ всѣхъ данныхъ, имѣющихся въ литературѣ, сообща съ старыми планами. Главнымъ образомъ до сихъ поръ слишкомъ пренебрегали и въ другихъ случаяхъ рисунками Грело, обвиняя ихъ безъ послѣдовательной критики въ произвольности. Хотя новѣйшій изслѣдователь ими тоже пользуется мало, но въ одномъ вопросѣ всетаки съ выгодою. Замѣчая, что въ видахъ Грело предѣлы св. Софіи совершенно совпадаютъ съ теперешними, онъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что они и тождественны съ византійскими.—Обращаясь затѣмъ къ атрію, онъ хорошо толкуетъ о его устройствѣ (съ лутиромъ въ серединѣ мраморнаго пола, изображающаго Райскія рѣки). Напротивъ, сильное сомнѣніе возбуждаютъ дальнѣйшіе его выводы, что будто-бы въ западной стѣнѣ атрія никогда не было входа, но только въ сѣверной и въ южной, и что торжественные выходы царей въ св. Софію вовсе не происходили черезъ атрій, только служившій въ качествѣ какъ-бы преддворія, но черезъ главныя ворота храма, всегда находившіяся на южномъ концѣ нартекса. Все это идетъ въ разрѣзъ съ убѣдительными результатами Бѣляева, доказавшаго вопреки прежнимъ изслѣдователямъ (Byz. II, стр. 99 и 106), что въ извѣстные праздники цари изъ храма выходили съ крестнымъ ходомъ черезъ лутиръ, т. е. атрій, въ такъ называемый аѳиръ, т. е. незапертый дверьми (но имѣвшій открытыя ворота) западный портикъ передъ атріемъ. Что же касается главныхъ воротъ церкви и выходовъ царей въ торжественные дни, то Бѣляевъ предлагаетъ опять совершенно иное разрѣшеніе этого не совсѣмъ простого вопроса. Для временъ Конст. Порфиророднаго онъ выясняетъ путь царей изъ описанія его слѣдующимъ образомъ: черезъ Орологій въ атрій, затѣмъ въ такъ называемый Пропилей, гдѣ они переоблачались въ отдѣленномъ занавѣсью (маломъ) метаторіи, отсюда наконецъ въ нартексъ черезъ такъ называемыя красныя врата, мѣстоположеніе которыхъ по всѣмъ аналогіямъ надо предполагать напротивъ внутреннихъ царскихъ вратъ нартекса. Что на самомъ дѣлѣ въ серединѣ фасада или точнѣе прилегающаго къ нему портика атрія, гдѣ Бѣляевъ помѣщаетъ Пропилей, находилась постройка въ родѣ монументальнаго портала, за это говорятъ сохранившіеся здѣсь донынѣ четыре столба. Разъ ихъ нельзя считать съ Зальценбергомъ за пьедесталы конныхъ статуй, для чего дѣйствительно недостаетъ основанія, то происхожденіе ихъ естественно объясняется тѣмъ, что они составляли тройныя ворота. Если авторъ въ разнообразности карнизовъ на этихъ столбахъ видитъ признакъ позднѣйшаго происхожденія ихъ съ употребленіемъ древняго матеріала, то его наблюденіе не оправдывается тщательнымъ осмотромъ. Въ сущности орнаментъ обоихъ крайнихъ равно какъ и

среднихъ соотвѣтствуетъ другъ другу вполнѣ. Выломанные куски и грубыя поправки только доказываютъ, что карнизы сначала были совершенно подходящей длины, а такъ какъ ихъ мотивы находятъ свое полное подобіе въ орнаментальной архитектурѣ внутренняго храма, то нечего сомнѣваться въ принадлежности всѣхъ четырехъ столбовъ въ цѣльности къ постройкѣ Юстиніана. По всему этому предлагаемая авторомъ въ рисункѣ реконструкція фасада въ его первоначальномъ видѣ также не можетъ быть принята. Превращеніе означеннаго портика въ закрытый внѣшній нартексъ и сооруженіе надъ его кровлею поддерживаемыхъ контрфорсами арокъ для подпоры западной главной стѣны храма едва-ли произошло раньше чѣмъ во время реставрацій въ концѣ X вѣка. Однако, непримиримымъ съ взглядомъ Бѣляева могло-бы казаться другое обстоятельство, котораго мы выше уже коснулись, — постройка колокольни въ 875 году. Она повидимому должна была-бы заграждать Пропилей, черезъ который по словамъ Конст. Порфиророднаго еще входили цари. Ибо въ ея существованіи на томъ-же самомъ мѣстѣ не позволяютъ сомнѣваться виды св. Софіи Грело. Чтобы разрѣшить это противорѣчіе, кажется необходимымъ или подозрѣвать Грело въ выдумкѣ или согласиться съ Кондаковымъ, который видитъ въ башнѣ построенную Турками набатную. Однако въ изображеніи она имѣетъ весьма подходящій къ вышеприведенному о ней свидѣтельству видъ Романской постройки. Далѣе прямое отрицаніе у Антонія Новгородца (ср. Кондакова, стр. 120) употребленія колоколовъ у грековъ по моему скорѣе говоритъ въ пользу, чѣмъ противъ колокольни. Иначе трудно понять, чѣмъ оно собственно вызвано, если не встрѣченною паломникомъ башнею, не служащею больше своему прежнему назначенію. И такъ остается искать другого исхода, а такой представляетъ мысль, что колокольня поднималась, какъ это довольно часто бывало съ башнями Романскихъ церквей, надъ самымъ порталомъ или Пропилеемъ. Это допускаютъ и рисунки Грело и настоящее состояніе фасада св. Софіи. Да и въ сущности не мыслимо въ равной мѣрѣ, чтобы средній входъ изъ атрія въ храмъ совершенно былъ задѣланъ, сколько съ другой стороны невѣроятно отсутствіе такого входа съ самаго начала. Но въ виду неудобствъ онъ, должно быть, въ позднѣйшія времена дѣйствительно потерялъ свое значеніе. Ошибка автора именно произошла вслѣдствіе примѣненія къ болѣе древней эпохѣ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя въ самомъ дѣлѣ указываютъ главныя врата церкви на югозападномъ углу въ южной пристройкѣ къ нартексу. Отсюда вошелъ, можетъ быть, уже Стефанъ Новгородецъ, но во всякомъ случаѣ Клавихо, въ описаніи котораго точная оріентиро[illegible] позволяетъ ясно узнавать всѣ отдѣленія предхрамія. На неоднокра[illegible] измѣненія послѣдняго есть не мало указаній. Между тѣмъ какъ Кла[illegible] видѣлъ деревянный потолокъ въ внѣшнемъ нартексѣ, этотъ т[illegible] имѣетъ кресчатый сводъ. Арки надъ его кровлею различны между [illegible] и отчасти навѣрно турецкія, но врядъ-ли всѣ, какъ думалъ Зальценб[illegible]

По всему этому вопросу я однако долженъ ограничиться сдѣланными замѣтками, въ которыхъ постарался раскрыть всѣ возникающія затрудненія и предложить опытъ для ихъ разрѣшенія, изъ котораго, надѣюсь, явствуетъ по крайней мѣрѣ, сколько здѣсь и впредь все еще остается разъяснить. — Другая, совсѣмъ еще нетронутая область, ожидающая изслѣдованія,—цистерны, надъ коими св. Софія частью построена. На этотъ счетъ мы имѣемъ совсѣмъ недостаточныя свѣдѣнія. Наиболѣе подробное описаніе авторъ извлекъ изъ рукописи Ковеля 1676 г. въ Британскомъ Музеѣ, видѣвшаго собственными глазами своды и нѣсколько рядовъ четыреугольныхъ столбовъ, что особенно любопытно, такъ какъ византійскія цистерны съ начала V в. всегда содержатъ колонны. О пространствѣ и положеніи резервуара путешественникъ тоже сообщаетъ только смутные слухи. — X. Разсматривающій самую архитектуру отдѣлъ книги представляетъ на мой взглядъ наиболѣе цѣнный вкладъ въ изслѣдованіе св. Софіи. Если наблюденія изслѣдователя и не приносятъ окончательнаго разрѣшенія каждаго вопроса, всетаки-же они всегда освѣщаютъ свой предметъ новымъ свѣтомъ. Въ объясненіи возникновенія византійскаго зодчества приняты во вниманіе всѣ факторы историческаго развитія. Характеризуя этотъ процессъ какъ преобразованіе римской строительной системы введеніемъ восточныхъ техническихъ пріемовъ, авторъ воздерживается отъ установленнаго Шуази преуменьшенія значенія римской архитектуры на Востокѣ. Какъ отличительныя черты новаго стиля онъ по справедливости выставляетъ рядомъ съ усовершенствованіемъ кирпичной техники (съ цѣлью избавленія ея, согласно доводамъ Шуази, отъ всякихъ вспомогательныхъ снарядовъ) примѣненіе мраморной облицовки и мозаики и главнымъ образомъ оживленіе орнаментальной архитектуры новыми формами и мотивами. Въ зачаткахъ мы можемъ прослѣдить отдѣльные элементы отчасти до глубокой древности, но созрѣваніе перваго и послѣдняго, т. е. самыхъ существенныхъ и сліяніе всѣхъ въ одно цѣлое происходитъ уже послѣ Конст. Вел. и усиливается особенно со временъ Ѳеодосія Вел., гдѣ по моему естественно можно видѣть цезуру. Пятый вѣкъ, принадлежащій уже всецѣло къ византійской эпохѣ, всетаки еще обогащая искусство, пользуется нововведеніями съ большею свободою, приводя ихъ только постепенно въ систему.—Приступая спеціально къ св. Софіи авторъ доказываетъ несомнѣнными примѣрами, что разрѣшенная въ ней проблема сооруженія купола надъ квадратнымъ планомъ помощью парусовъ уже съ II в. по Р. Хр. въ малыхъ размѣрахъ поддавалась архитекторамъ Востока. Напротивъ, интересная попытка доказать болѣе раннія образцы свойственнаго храму смѣшенія базиличнаго плана съ типомъ центральной церкви не достигаетъ полнаго успѣха. Въ особенности нельзя относить сюда св. Софію Солунскую. Удовлетворительное возстановленіе той-же самой надписи, изъ которой авторъ старается вывести для нея болѣе древнюю дату, чѣмъ было принято, (а именно 495 г.), заставляетъ насъ наоборотъ считать ее въ настоящемъ

видѣ за произведеніе первой полов. VII в. по Р. Хр. (ср. J. Laurent: Byz. Zeitschr. IV, p. 431). Но если общее положеніе автора и не оправдывается приведеннымъ матеріаломъ, оно всетаки-же заключаетъ въ себѣ вѣрную мысль. Стремленіе придать купольному храму большее протяженіе сказывается, какъ цѣль архитектурнаго движенія эпохи Юстиніана, и въ св. Иринѣ, гдѣ только для достиженія того служитъ другое средство, удвоеніе цѣльнаго купола. Съ другой стороны геніальное разрѣшеніе этой задачи въ св. Софіи путемъ прибавленія полукуполовъ къ одному куполу преобразовано въ конструкціи церкви св. Сергія и Вакха въ К—полѣ, въ которой для расширенія восьмиугольнаго плана къ отдѣльнымъ сторонамъ примыкаютъ конхи. Правда, до упрощенія и примѣненія этой конструкціи въ видѣ и въ размѣрахъ св. Софіи оставался одинъ крайне смѣлый шагъ, который сдѣлать стоило генія. Но этотъ подвигъ нисколько не уменьшается отысканіемъ движущаго мотива, а такимъ для историка искусства гораздо вѣроятнѣе является соебразная реальная конструкція, чѣмъ предполагаемое въ вышеупомянутой догадкѣ автора послѣдственное вліяніе одной западной или двухъ апсидъ древней базилики. Раздѣляя его общій взглядъ о происхожденіи плана св. Софіи отъ предшествующихъ типовъ христіанскаго храма, я далѣе не могу согласиться съ нимъ въ томъ, что будто-бы кромѣ базиличнаго и центральнаго въ ея составъ вошелъ еще крестообразный типъ, потому что послѣдній не выражается для непосредственнаго созерцанія, но узнается только размышленіемъ.

Говоря объ архитекторахъ св. Софіи, авторъ сводитъ и принимаетъ безъ затрудненія всѣ имѣющіяся о нихъ свидѣтельства. Однако на этотъ счетъ я долженъ замѣтить слѣдующее. Анѳимій и Исидоръ встрѣчаются дважды у Прокопія, но оба раза въ разсказѣ, носящемъ совсѣмъ анекдотическій и даже легендарный характеръ. Въ другомъ мѣстѣ писатель упоминаетъ Исидора младшаго какъ племянника старшаго. Агаѳія, который сообщаетъ намъ наиболѣе богатыя свѣдѣнія объ Анѳиміѣ, приводитъ только его въ качествѣ строителя св. Софіи, а какъ реставратора Исидора младшаго (ὁ νέος). Возникаетъ вопросъ, противопоставляетъ-ли онъ послѣдняго старшему Исидору, о которомъ онъ, пожалуй, только умолчалъ, или-же умершему Анѳимію въ качествѣ его пережившаго помощника. Общая связь рѣчи меня скорѣе убѣждаетъ въ послѣдней мысли. Въ виду этого заслуживаетъ вниманія: во первыхъ, что у Павла Силентіарія возможно устранить Исидора безъ всякаго нарушенія стиха или смысла выдѣленіемъ двухъ цѣлыхъ и двухъ полустрокъ, имѣющихъ видъ интерполяціи и не мало мѣшающихъ ясной послѣдовательности описанія; во вторыхъ, то обстоятельство, что найденная заново поэма Константина Родія о храмѣ св. Апостоловъ относительно строителя оставляетъ двоякую возможность между Анѳиміемъ или *младшимъ* Исидоромъ, изъ чего опять слѣдуетъ совмѣстность обоихъ лицъ. Положимъ, что у Родія неточность въ употребленіи источниковъ не исключается,—однако все вмѣстѣ возбуждаетъ сомнѣніе, насколько мы можемъ вѣрить Прокопію. Во всякомъ

случаѣ взаимное отношеніе этихъ именъ еще нельзя считать совершенно яснымъ. — Замѣтки автора по поводу организаціи византійскаго строительнаго мастерства, въ которой онъ узнаетъ нѣчто въ родѣ артели, въ сущности совпадаютъ съ выводами Шуази. Если-же онъ приходитъ къ заключенію, что каменотесы Проконнизскихъ островов снабжали самыя отдаленныя мѣста восточной имперіи мраморными капителями и другими частями орнаментальной архитектуры, то первенство этого открытія принадлежитъ другимъ, Стржиговскому и Бертье де Лагардъ (ср. Мат. по арх. Россіи. № 12, Раскопки Херсонеса, стр. 23 сл.).—За то изслѣдователь съ успѣхомъ возобновляетъ вопросъ о перестройкѣ храма при самомъ Юстиніанѣ и предлагаемымъ объясненіемъ несомнѣнно подходитъ къ истинѣ гораздо ближе, чѣмъ Зальценбергъ. Любопытно во первыхъ его замѣчаніе, что по убавленіи вышины купола приблизительно настолько, сколько ему было прибавлено, по свидѣтельствамъ писателей, при реставраціи, становится возможнымъ приложить одинъ и тотъ-же тангенсъ къ очертанію купола, полукупола и алтарной конхи, другими словами—получается несравненно бо́льшая соразмѣрность всего строя снаружи. Дальнѣйшее разсужденіе основывается съ одной стороны на сдѣланныхъ Шуази наблюденіяхъ, съ другой отправляется отъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ у Агаѳіи. Касательно послѣдняго я не могу вполнѣ согласиться съ авторомъ, а потому и всецѣло принять его соображеній по вопросу, въ чемъ собственно состояла перестройка подкупольной архитектуры. Какъ извѣстно, въ св. Софіи главныя арки сѣверной и южной сторонъ служатъ подпорою свода только для вида, на самомъ же дѣлѣ тягость его лежитъ на меньшихъ аркахъ, которыя виднѣются только снаружи, а внутри застроены стѣнами, выполняющими большія фиктивныя арки и пробитыми окнами. Если Агаѳія говоритъ, что постройкѣ, сооруженной надъ кривизною (κύρτωμα) сѣверной и южной арокъ, дали большее растяженіе внутрь (παρατείναντες) и что этимъ получилась бо́льшая соразмѣрность сторонъ, то очевидно онъ не можетъ разумѣть здѣсь перемѣщеніе оконныхъ стѣнъ, какъ авторъ понимаетъ дѣло. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что эти стѣны только тогда были возведены надъ самымъ антаблементомъ верхней колоннады, между тѣмъ какъ раньше вѣроятно онѣ были поставлены немного дальше, т. е. надъ вторымъ, поддерживающимъ сводъ катихуменій, разрядомъ колоннъ. Такимъ образомъ дѣйствительно исключалась бы въ первоначальной постройкѣ та потеря пространства, которую Шуази порицаетъ въ позднѣйшей конструкціи. Но мы должны точнѣе объяснить слова Агаѳіи, и все намъ разъяснится, если мы поймемъ ихъ, какъ естественно и нельзя иначе, въ томъ смыслѣ, что настоящая чрезвычайная ширина малыхъ арокъ собственно есть результатъ реставраціи, второстепеннымъ слѣдствіемъ которой было перемѣщеніе выше означенныхъ стѣнъ и сооруженіе надъ ними большихъ фиктивныхъ арокъ. Но тогда мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что повершенное прежнимъ куполомъ пространство было шире чѣмъ то, которое покрываетъ новый, слѣдовательно, что пер[illegible]

куполъ имѣлъ не совсѣмъ круглое, но овальное очертаніе. А это вполнѣ подтверждаютъ слова Агаѳіи о выравненіи сторонъ и достиженіи полной симметріи вмѣстѣ съ сокращеніемъ всего объема. Новый куполъ получилъ по его свидѣтельству болѣе прямое положеніе (въ отличіе отъ поперечнаго прежняго) и сталъ болѣе сжатымъ и крутымъ, чему конечно способствовало и возвышеніе его, на которое однако писатель здѣсь даже не обращаетъ вниманія. Вся старая конструкція, разсуждаетъ онъ вполнѣ справедливо, въ сравненіи съ новою отличалась смѣлостью, но уступала послѣдней значительно въ прочности. За то всетаки она и не имѣла съ художественной точки зрѣнія указанныхъ выше недостатковъ. Найти ея слѣды въ настоящей постройкѣ задача будущихъ розысканій. Пока изъ обслѣдованія Шуази явствуетъ лишь одно, что въ квадратномъ базисѣ купола есть болѣе позднія прибавленія. Въ виду происшедшаго во всей купольной архитектурѣ видоизмѣненія нельзя еще отвергать безусловно даже не совсѣмъ вѣроятныхъ извѣстій Кедрина о пристройкѣ большихъ витыхъ лѣстницъ (κοχλίαι) или разсказъ Ѳеофана и Анонима Бандури о передѣлкѣ главныхъ столбовъ купола. Впрочемъ, если я не ошибаюсь, то послѣдній остатокъ древней конструкціи исчезъ довольно поздно. Мнѣ думается, что бывшій въ прежней постройкѣ подъ куполомъ свободный ходъ надъ антаблементомъ колоннады, по перенесеніи оконной стѣны сюда, отчасти превратился въ ту наружную, невысоко крытую галлерею, которую мы замѣчаемъ въ внѣшнихъ видахъ Грело съ ея рядомъ небольшихъ оконъ, хотя авторъ несомнѣнно правъ, что во внутренности храма нельзя принимать за соотвѣтствовавшія имъ внутреннія окна этой галлереи семь заложенныхъ арокъ, которыя могли открываться только въ самыя катихуменіи. Но за достовѣрность рисунковъ Грело говоритъ еще слѣдующее обстоятельство. У него считается выше въ стѣнѣ только восемь оконъ согласно описанію Павла Силентіарія вмѣсто двѣнадцати теперешнихъ. Изъ всего этого явствуетъ, что мы должны считаться съ видоизмѣненіемъ только что разсмотрѣнныхъ частей еще въ теченіе послѣднихъ столѣтій.— Не иначе обстоитъ дѣло съ пристройками къ нартексу. Изъ настоящаго вида крыши, которая покрываетъ прибавленную къ нему паперть и примыкающій позднѣйшій всходъ къ катихуменіямъ, никакъ нельзя вывести болѣе древняго происхожденія первой. Состояніе, о которомъ свидѣтельствуетъ видъ Грело, показываетъ въ отличіе отъ нынѣшняго порядка верхушку крыши надъ папертью, а единственное окно, нарушающее симметрію остальныхъ, въ стѣнѣ помѣщенія лѣстницы, слѣдовательно говоритъ въ пользу болѣе поздняго прибавленія послѣдней.—По поводу сохранившейся тутъ-же (Малой) Крестильницы сдѣлано нѣсколько хорошихъ наблюденій. Сравненіемъ уровня, который въ ней ниже чѣмъ въ церкви, равно какъ оріентировки авторъ приходитъ къ тому-же, что и Кондаковъ на основаніи архитектуры, результату, т. е. онъ считаетъ Баптистерій древнѣе самого храма. Самый древній остатокъ онъ усматриваетъ въ прилегающемъ къ первому съ С. маленькомъ портикѣ, такъ какъ уровень послѣд-

няго лежитъ еще глубже, предполагая въ немъ передѣланную часть бывшаго здѣсь нѣкогда удлинненнаго портика, къ которому онъ относитъ одну пересѣкаемую стѣною церкви арку. — Повѣрку слѣдующаго за симъ чисто техническаго отдѣла я долженъ предоставить болѣе свѣдующимъ въ такихъ вопросахъ. Скажу лишь, что предполагаемое авторомъ объясненіе конструкціи, судя апріорно, передъ теоріею Шуази имѣетъ преимущество простоты. Спеціально византійскій типъ сооруженнаго надъ квадратнымъ планомъ свода объясняется изъ обычныхъ на Востокѣ отчасти донынѣ пріемовъ. Еще въ другомъ случаѣ отступленія отъ Шуази нельзя не признавать большей естественности взгляда, гдѣ авторъ устанавливаетъ употребленіе, хотя-бы только висячихъ, снарядовъ для того, чтобы замкнуть сводъ. Далѣе онъ доказываетъ противъ Шуази одновременное происхожденіе желѣзныхъ скобъ между колоннами и стѣною съ находящимися наряду рѣзными изъ дерева.—Наконецъ сообщаются изъ рукописи Ковеля интересныя данныя о приготовленіи византійскаго цемента.—XI Предметъ предпослѣдней главы составляетъ мраморная часть архитектуры. Это весьма основательное съ технической стороны изслѣдованіе не вполнѣ удовлетворяетъ историка искусства. — Обдѣлка означеннаго матеріала совершалась, какъ авторъ естественно предполагаетъ, одновременно съ возведеніемъ постройки изъ кирпича, по окончаніи и утвержденіи которой прикладывалась облицовка, вставлялись косяки дверей, оконъ и т. п. Въ изученіи всякихъ употребленныхъ породъ камня и примѣненіи къ нимъ древнихъ названій, отвѣчающихъ теперешнимъ, расширены опредѣленія прежнихъ изслѣдователей при содѣйствіи спеціалиста. Композиція облицовки хорошо уясняется,—недостаетъ только очень желательнаго, въ виду вопроса о неоднократныхъ реставраціяхъ, послѣдовательнаго описанія настоящаго ея состоянія во всѣхъ ея частяхъ. Отдѣлъ о капителяхъ колоннъ, въ которомъ главное вниманіе существенно обращается на созданные заново византійскимъ искусствомъ типы, принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся всей книги. Подвергая различные четыре вида такъ называемой кемпферной капители прекрасному анализу, авторъ отлично освѣщаетъ изобрѣтательность византійскихъ зодчихъ, сумѣвшихъ разрѣшить съ такою разнообразностью одну и ту-же проблему постепеннаго переведенія круга колонны въ четвероугольный планъ арочныхъ отростковъ лежащей надъ ними стѣны. Единственно попытка историческаго произведенія новаго типа не можетъ удовлетворить, потому что тутъ оперируется какъ съ несомнѣннымъ фактомъ съ вышеустановленною для св. Софіи Солунской, равно какъ съ общепринятою до сихъ поръ для св. Димитрія въ Солуни, датою (V в. по Р. Хр.). Но такъ какъ оба храма вновь построены въ VII в., то отправляться отсюда нельзя, хотя и возможно (а для извѣстныхъ примѣровъ даже вѣроятно), что капители въ нихъ относятся отчасти къ болѣе древней эпохѣ (ср. Laurent: B. Z. IV p. 423). И такъ невозможно прослѣдить за VI вѣкъ и самаго простого кемпфернаго типа. Въ общемъ, кажется, правъ

Стржиговскій, который предполагаетъ его возникновеніе вовсе не въ каменной, но въ чисто практической архитектурѣ, гдѣ искаженіе классической капители и преобразованіе кимпфера весьма понятно. Если же Стржиговскій принимаетъ древнѣйшіе извѣстные примѣры новаго типа, капители въ цистернѣ Биръ-бирь-дирекъ (528 г.) за древнѣйшіе изготовленные экземпляры вообще, то авторъ справедливо возражаетъ противъ этого, что мы уже въ церкви св. Сергія и Вакха (527 г.) находимъ другой производный видъ ея. Такъ же является неправымъ и тотъ типъ, который у автора фигурируетъ какъ четвертый, а третій вовсе не встрѣчается прежде, чѣмъ въ св. Софіи, въ которой мы скорѣе можемъ усмотрѣть вмѣстѣ съ авторомъ его возбужденіе. Отсюда [illegible] формы архитектуры распространяются въ ней и на орнаментальную часть. Вообще ясно, что украшеніе [illegible] въ архитектурѣ VI в. слѣдуетъ изъ общаго стремленія къ болѣе опредѣленной конструкціи храма. Историческое развитіе въ совокупности [illegible] [illegible]

царскихъ дверей, лишенныхъ нынѣ своихъ полей. Бронзовый косякъ царскихъ вратъ, который несомнѣнно надѣтъ на мраморный, пострадавшій, можетъ быть, отъ землетрясеній, изслѣдователь считаетъ не безъ вѣроятности одновременнымъ съ мозаикою наддвернаго люнета. Оспаривая установленную Куртисомъ по эпиграфическимъ соображеніямъ дату (X в.), онъ отнонитъ его къ реставраціи Василія I, за портретъ котораго онъ принимаетъ (въ далѣе слѣдующемъ разборѣ мозаикъ) поклоняющагося Спасителю царя въ извѣстной композиціи люнета. Напротивъ, съ Куртисомъ согласуется взглядъ Кондакова (стр. 115), видѣвшаго здѣсь по словамъ Антонія Новгородца имп. Льва Мудраго. Но для меня, признаюсь, крайне сомнительно, говоритъ-ли Антоній въ сущности о единой иконѣ Спаса и царя или-же о двухъ различныхъ изображеніяхъ и къ тому находящихся внутри храма. Въ пользу Василія I сверхъ того можно привести возобновленіе имъ-же другихъ близкихъ мозаикъ западной главной арки. Авторъ относится чрезвычайно критически къ мозаической росписи вообще, не считая ни одного лицевого изображенія древнѣе IX—X вѣковъ. Изъ его аргументовъ первому доводу, что составъ и распредѣленіе композицій вполнѣ соотвѣтствуютъ памятникамъ означеннаго періода, нельзя придавать слишкомъ много значенія, потому что мы уже не можемъ выяснить первоначальнаго состава картинъ, а между сохранившимися или по крайней мѣрѣ извѣстными прибавленія несомнѣнны. Кромѣ того сколь ни скудно наше знаніе древне-византійскаго искусства, оно всетаки нисколько не исключаетъ возможности общаго согласія въ распредѣленіи росписи VI и IX вѣковъ. Другое, болѣе внушительное возраженіе общепринятому взгляду основано на извѣстіяхъ объ удаленіи, если не уничтоженіи, образовъ во всѣхъ Константинопольскихъ церквахъ во время иконоборства. Но при тѣхъ препятствіяхъ, какія представились-бы систематическому разрушенію мозаикъ, защищенныхъ своимъ высокимъ мѣстонахожденіемъ, трудно вообразить, чтобы оно было совершеннымъ. Такая судьба безъ сомнѣнія постигла въ высшей степени отдѣльныя и передвижныя иконы, чѣмъ стѣнную роспись. Если авторъ наконецъ находитъ подтвержденіе своему взгляду въ молчаніи какъ Прокопія такъ и Павла Силентіарія о всякихъ изображеніяхъ, то у перваго краткость описанія и сосредоточеніе интереса на конструкціи объясняетъ это достаточно, а относительно Силентіарія тутъ есть извѣстный недосмотръ. Текстъ поэмы вѣдь имѣетъ-же нѣсколько пробѣловъ, а одинъ изъ этихъ какъ разъ могъ-бы содержать описаніе главнѣйшей композиціи самаго купола. Другому предмету врядъ-ли могли бы быть отведены цѣлыя тридцать строкъ (стр. 480—509), такъ какъ объясненіе архитектуры и безъ нихъ является полнымъ. Сохранившіяся еще отдѣльныя слова скорѣе говорятъ въ пользу, чѣмъ противъ такого предположенія. Во первыхъ между ними прямо встрѣчается терминъ ψηφίς, а далѣе слѣдующія слова отлично подходятъ къ образу Христа Вседержителя и Судіи, возсѣдающаго на радугѣ и окруженнаго ангелами,

которую Клавихо видѣлъ въ куполѣ. Правда, Силентіарій говоритъ немного выше, что строитель на куполѣ изобразилъ крестъ, что нашъ авторъ находитъ неудобо понятнымъ иначе, какъ въ смыслѣ мозаическаго украшенія. Однако это мѣсто повидимому относится совсѣмъ не къ внутренности, но къ внѣшнему виду купола, какъ явно понимали дѣло и другіе толкователи, объяснявшіе здѣсь выраженіе ἔγραψε въ болѣе общемъ значеніи. Если-же противъ такого соображенія въ данномъ случаѣ можно сослаться на Грело, который въ центрѣ купола рисуетъ крестъ, то нельзя забывать во первыхъ послѣдовавшей послѣ Клавихо реставраціи Іоанна Палеолога, а во вторыхъ того обстоятельства, что мозаики несомнѣнно были заштукатурены турками уже до временъ Грело, который разузналъ ихъ лишь отчасти и не вездѣ совсѣмъ вѣрно, какъ мы сейчасъ увидимъ снова. Къ эпохѣ Юстиніана должны относиться по разнымъ соображеніямъ еще нѣкоторыя другія, сохранившіяся до реставраціи Фоссати и воспроизведенныя Зальценбергомъ, мозаики. Такъ напр. изображенные въ древнѣйшемъ иконографическомъ типѣ херувимы, въ особенности если они дѣйствительно представляли собою потерянныхъ впослѣдствіе въ искусствѣ шестикрылыхъ Евангелистовъ, какими изображаетъ ихъ распространенный политипажъ (*Любке*), *вѣроятно*, на основаніи свидѣтельства Дюканжа. Сюда же слѣдуетъ присоединить рано сложившуюся композицію Богородицы съ младенцемъ на престолѣ (въ апсидѣ) между двумя ангелами (на коробовомъ сводѣ), *которыхъ* всегда признавали за произведеніе VI вѣка (*хотя только на основаніи* Зальценберга). Грело невѣрно передаетъ ихъ въ видѣ *покрывающихъ* тѣло крыльями. Между окнами междуарочныхъ стѣнъ *по всей* вѣроятности всегда находились изображенія святыхъ, хотя по однимъ рисункамъ Зальценберга трудно судить о нихъ точнѣе. На сводѣ южныхъ катихуменій сцена Сошествія св. Духа уже Кондаковымъ причислена къ древнѣйшимъ мозаикамъ на основаніи строгой композиціи. Такъ какъ авторъ увеличиваетъ число извѣстныхъ картинъ изъ рукописи Ковеля Крещеніемъ и Преображеніемъ, то очевидно получается цѣлый циклъ Евангельскихъ событій. О таковомъ мы знаемъ теперь и въ другомъ храмѣ Юстиніана изъ описанія Конст. Родія храма св. Апостоловъ (ср. Изв. Русскаго Археол. Инст. въ Константинополѣ. 1896), что еще болѣе способно [illegible] взглядъ автора о [illegible] всей мозаической росписи св. Софіи [illegible] и [illegible] она конечно не разъ испытывала. Къ позднѣйшей реставраціи Іоанна Палеолога [illegible] свой портретъ на восточной аркѣ, можетъ [illegible] и [illegible] образъ и [illegible] [illegible] на тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ [illegible]. Объ остальныхъ [illegible] авторъ [illegible] изъ оставленнаго Фоссати матеріала въ виду краткости [illegible] возможность [illegible] болѣе [illegible].

Сдѣланный нами разборъ позволяетъ для общей оцѣнки книги сказать слѣдующее.

Мы останемся благодарными авторамъ за многое. Главная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они даютъ въ распоряженіе науки огромный, собранный со всѣхъ сторонъ матеріалъ. Впредь къ нимъ придется обращаться во всѣхъ отдѣльныхъ вопросахъ для первой справки. Но прибавимъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ возможно будетъ этимъ удовлетвориться. Мы могли убѣдиться, какъ достигнутые результаты не разъ отставали отъ тѣхъ, къ которымъ пришелъ Бѣляевъ благодаря болѣе основательной разработкѣ источниковъ. Если трудъ его и не сдѣлался извѣстнымъ авторамъ въ цѣлости до окончанія ихъ работы, всетаки-же незнаніе русской литературы вообще отразилось невыгодно на ихъ розысканіяхъ. Кромѣ того самый матеріалъ еще не совсѣмъ исчерпанъ ими и критическое обсужденіе его оставляетъ не мало желать (напр. по отношенію къ Грело). Не разъ выводы оказались недостаточно обоснованными. Въ частности самую большую пользу приноситъ на мой взглядъ во первыхъ трактовка предметовъ церковной обстановки, во вторыхъ техническій анализъ отдѣльныхъ частей архитектуры. Но тѣмъ болѣе должно сожалѣть, что обслѣдованіе цѣлой постройки не достигаетъ того интимнаго знакомства съ памятникомъ, какое необходимо для окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ этой области. Хотя оба автора и посѣтили св. Софію, какъ сказано въ предисловіи, обслѣдованіе храма всетаки не имѣетъ надлежащей полности и послѣдовательности. Вотъ почему и пришлось въ сильной степени основываться на розысканіяхъ прежнихъ изслѣдователей Зальценберга и Шуази. Не забудемъ однако, какъ трудно до сихъ поръ произвести удовлетворительный осмотръ св. Софіи и что проникнуть во всѣ ея части или пристройки даже прямо невозможно. Пока это не измѣнится, нѣтъ надежды на достиженіе послѣдней цѣли изобразить храмъ съ удовлетворяещею равно требованіямъ науки, какъ его художественному достоинству ясностью и подробностью, подобно тому какъ храмъ св. Марка въ Венеціи воспроизведенъ въ изданіи Ongania или соборъ въ Monreale въ сочиненіи Gravina. Весьма желательное въ такомъ смыслѣ возобновленіе работы Зальценберга предстоитъ будущему времени. Всетаки-же въ разсмотрѣнномъ нами трудѣ для облегченія этой задачи сдѣланъ предварительный опытъ и составленъ необходимый сводъ всего историческаго матеріала.

О. Вульфъ.

Charles Diehl. *L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique* (533—709). Ouvrage couronné par l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris, Ernest Leroux. 1896. 8°. Стр. XV + 644.

Въ 1894 году Французская Академія надписей предложила на конкурсъ слѣдующую тему: изучить на основаніи историческихъ текстовъ,

[illegible] господства въ Афинѣ. Представленіе [illegible] хорошо [illegible] своими [illegible] было [illegible] [illegible]

[illegible]

въ восточной и иллирійской префектурахъ. На этотъ высокій постъ рескриптомъ 534 года былъ назначенъ казначей находящагося въ Африкѣ экспедиціоннаго корпуса Архелай, въ руки котораго перешло законодательство, администрація, судъ и финансы. Весь сложный механизмъ константинопольскаго управленія былъ перенесенъ въ Африку. Ближайшими помощниками префекта преторія по судопроизводству являлись consiliarii и cancellarii. Внутреннимъ управленіемъ страны завѣдывало состоявшее изъ 396 лицъ officium, гдѣ чиновники дѣлились на двѣ категоріи: съ одной стороны чиновники, служившіе въ канцеляріяхъ — scrinia и называвшіеся scriniarii, съ другой стороны различныя вспомогательныя корпораціи — scholae, члены которыхъ назывались cohortales. Такихъ scrinia было въ Африкѣ десять; изъ нихъ четыре, во главѣ которыхъ стоялъ numerarius, занимались общимъ финансовымъ управленіемъ страны; канцелярія primiscrinius'а наблюдала за исполненіемъ приказаній префекта; двѣ канцеляріи commentariensis и ab actis редактировали акты и смотрѣли за архивами; канцелярія libelli принимала просьбы и жалобы префекту; scrinium operum и scrinium arcae вѣдали общественныя работы и денежныя средства префектуры.

Другая часть служащихъ, которая состояла чиновниками для письма или большею частью исполнителями приказаній префекта, распадалась на девять схолъ. Большинство этихъ чиновниковъ занималось финансовымъ управленіемъ страны. Шестьдесятъ exceptores и пятьдесятъ chartularii распредѣляли расходы и вели денежные счеты; пятьдесятъ mittendarii занимались сборомъ податей, тридцать cursores удовлетворяли нуждамъ правительственной корреспонденціи, двѣнадцать nomenclatores были при судѣ, десять praecones должны были обнародовать эдикты и другія распоряженія. Кромѣ того пятьдесятъ singularii составляли родъ почетной стражи префекта, десять draconarii сопровождали его кортежъ и шесть stratores смотрѣли за его лошадьми, а, можетъ быть, занимались поставкой лошадей и на армію. При дворѣ префекта находилось также пять докторовъ, два grammatici и два sophistae oratores. Всѣ чиновныя лица, начиная съ consiliarii и кончая послѣднимъ strator, назначались и смѣщались волею префекта.

Во время Юстиніана Африка дѣлилась на семь областей: Proconsularis съ гор. Кареагеномъ, Byzacena, Tripolitana во главѣ правленія которыхъ стояли Consulares, и Нумидія, Мавретанія первая или Sitifensis, Мавретанія вторая (Caesariensis и Tingitana) и причисляемый къ африканскимъ владѣніямъ островъ Сардинія, управляемые черезъ praesides. Consulares и praesides, находясь подъ контролемъ префекта преторія, держали въ своихъ провинціяхъ также громадное число различныхъ чиновниковъ, какъ и онъ самъ. Страшныя злоупотребленія правителей и чиновничества заставляли Юстиніана неоднократно напоминать имъ объ ихъ обязанностяхъ. Говоря о такомъ возстановленіи гражданскаго управленія въ Африкѣ, Диль замѣчаетъ: «тогда какъ въ большей части провинцій импе-

раторъ имѣлъ намѣреніе въ это время соединить въ однѣхъ рукахъ гражданскую и военную власть, надо удивляться тому, что въ недавно покоренныхъ странахъ онъ наоборотъ возстановилъ прежнее раздѣленіе властей» (p. 116). Но уже съ начала 535 года африканская префектура находилась въ рукахъ Саломона, который былъ въ тоже время главнымъ начальникомъ африканскаго войска; такимъ образомъ magister militum соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ власти. Здѣсь уже видны первые симптомы той великой реформы, которая впослѣдствіи преобразовала весь строй византійской имперіи» (p. 117—118).

Вторая часть второй книги озаглавлена «La réorganisation militaire de l'Afrique byzantine» (p. 119—298).

Двѣ главныя цѣли преслѣдовалъ Юстиніанъ въ своей военной африканской политикѣ: защиту уже покоренныхъ частей провинціи противъ берберовъ и завоеваніе Африки въ тѣхъ предѣлахъ, которые были подчинены Риму. Юстиніанъ, понимая всю важность предпринятой экспедиціи, старался самъ лично руководить дѣйствіями Велизарія, самъ составилъ опредѣленный планъ занятія военныхъ пограничныхъ областей, самъ требовалъ свѣдѣній о количествѣ и состояніи войска, такъ что, если приведенное въ исполненіе дѣло достигло нѣкоторыхъ результатовъ, то эту честь, по словамъ Диля, надо приписать настолько же императору, насколько и генералу (p. 120).

Во главѣ всѣхъ военныхъ силъ Африки стоялъ magister militum Africae съ резиденціей въ Карѳагенѣ. Съ точки зрѣнія военной обороны Африка дѣлилась на четыре округа: Триполитану, Бизацену, Нумидію и Мавретанію, во главѣ которыхъ стояли дуксы (duces), окруженные многочисленнымъ штатомъ подчиненныхъ. Особенно сильно заботился Юстиніанъ объ охранѣ границъ: для этого по всему протяженію африканской границы (limes) были расположены войска milites limitanei, которые, получая земли и извѣстное содержаніе, должны были обрабатывать свои земельные участки, а въ случаѣ войны выступать на защиту границы; они не имѣли права покинуть limes или оставлять военную службу; въ послѣднемъ случаѣ они лишались своихъ участковъ. Здѣсь интересно упомянуть о мнѣніи, что недавно французскій генералъ Barat... въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [illegible] планъ защиты алжирской границы во всей полнотѣ воспроизводитъ систему защиты Юстиніана (у Barat мы находимъ ту же систему, [illegible] своей цѣлью защиту и колонизацію, тѣ же принципы, тотъ же образъ жизни» (p. [illegible]). Въ слѣдующихъ главахъ Диль подробно излагаетъ систему обороны въ византійской Африкѣ. [illegible] при Юстиніанѣ. [illegible] въ гораздо большемъ объемѣ и [illegible]

[illegible] обыкновенно [illegible] военныхъ [illegible] укрѣпленный [illegible], квадратный [illegible], большую [illegible] которыя обыкновенно [illegible]

ный городъ (castellum) и рядъ менѣе значительныхъ укрѣпленій (burgi и clisurae).

Большое число пограничныхъ укрѣпленій на югѣ, на берегу Средиземнаго моря и въ срединѣ страны должно было содѣйствовать безопасности завоеваннаго края. Диль въ своей книгѣ подробно говоритъ о способахъ византійскихъ военныхъ построекъ; приводимые имъ примѣры и приложенные въ изобиліи планы и рисунки поясняютъ трудныя для усвоиванія подробности византійскаго строительнаго искусства.

Всѣ эти различныя группы укрѣпленій образовали изъ себя три большіе ряда, почти параллельные другъ другу, которые отъ границы шли въ глубь страны.

Третья глава II части посвящена подробному перечисленію и описанію всѣхъ извѣстныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ византійской Африки (p. 228—298). Между прочимъ Диль замѣчаетъ, что южный предѣлъ византійскихъ владѣній въ провинціяхъ Бизаценѣ и Нумидіи не простирался далѣе предѣловъ римскаго владычества въ первый вѣкъ Имперіи (p. 249). Въ западной части Мавретаніи, въ такъ называемыхъ Mauretania Caesariensis и Tingitana, Византія владѣла только нѣкоторыми прибрежными пунктами. Интересна судьба далекаго Септума въ Mauretania Tingitana (Septum, теперь Цеута въ Гибралтарскомъ проливѣ). Когда отъ обширной монархіи, о которой мечталъ Юстиніанъ, у византійцевъ отъ Триполитаны до Мавретаніи не осталось ни одного куска земли, этотъ городъ затерянный на далекомъ Западѣ, одинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давалъ прекрасное убѣжище послѣднимъ представителямъ императорской власти (p. 267). Къ этой главѣ Дилемъ приложены двѣ хорошія географическія карты Нумидіи и Центральнаго Туниса. Въ третьей части второй книги Диль даетъ живой очеркъ сношеній Византіи съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ (p. 298—330).

Третья книга носитъ заглавіе «L'Afrique byzantine vers le milieu du VI siècle». Обширные замыслы и сооруженія Юстиніана къ Африкѣ не повели къ желаннымъ результатамъ. Многочисленныя укрѣпленія, построенныя наскоро въ слишкомъ короткое время, не представляли достаточной защиты; многія изъ нихъ не были даже окончены. Находящагося въ Африкѣ войска далеко было недостаточно для охраны всѣхъ укрѣпленій. Византійская дипломатія не оказалась на высотѣ своей задачи и не умѣла пользоваться частыми роздорами туземныхъ племенъ. Дисциплина въ войскѣ пала. Въ 543 г. чума страшно опустошила ряды византійскаго войска. Среди такихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ въ 544 г. вспыхнуло сильное возстаніе туземныхъ племенъ, которыя, разбивъ на голову византійцевъ, въ 545 г. овладѣли Карѳагеномъ; послѣдніе потеряли убитымъ Соломона.

Только успѣшныя дѣйствія новаго magister militum Іоанна Троглита въ 546—547 годахъ возстановили престижъ Византіи, которая въ тече-

ніе 14 лѣтъ до 562 года пользовалась въ Африкѣ относительнымъ миромъ и спокойствіемъ (p. 333—381). Первая глава 2-й части, озаглавленная «L'Etat matériel de l'Afrique Byzantine», говоритъ, что сѣверная Африка въ царствованіе Юстиніана, не смотря на большіе налоги и на произведенныя продолжительными войнами опустошенія, находилась въ хорошемъ состояніи относительно земледѣлія, торговли, наукъ, просвѣщенія и искусствъ, что кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ (p. 382—407). «Первою заботою Юстиніана было по возможности исправить бѣдствія вандальскаго періода и облегчить прежнимъ римскимъ собственникамъ полученіе обратно утерянныхъ земель» (p. 394). «Одною изъ первыхъ заботъ императора на слѣдующій день побѣды было образовать въ Карѳагенѣ учрежденіе для высшаго образованія (une sorte de haut enseignement), и можно думать, что по примѣру столицы и въ другихъ городахъ были общественныя школы грамматики и риторики (p. 392—393). Вторая глава 2-й части даетъ живой очеркъ церковныхъ африканскихъ отношеній въ VI вѣкѣ, особенно по поводу спора о трехъ главахъ, и описываетъ церковное управленіе Африки (p. 408—449).

IV книга носитъ заглавіе «L'exarchat d'Afrique». Энергія и дѣятельность Юстиніана къ концу правленія замѣтно ослабли. Его преемники Юстинъ II и Тиберій управляли Африкой по системѣ Юстиніана. Но правленіе имп. Маврикія (582—602) было временемъ крупныхъ преобразованій въ византійской Африкѣ. Относительно географіи страны произошли слѣдующія перемѣны: Триполитана отошла къ Египетскому діоцезу; за то на крайнемъ Западѣ крѣпость Septem, Балеарскіе острова и испанскія владѣнія византійцевъ (Corduba, Carthago Spartaria и др.) составили провинцію Mauretania secunda. И такъ, къ концу VI вѣка византійская Африка заключала слѣдующія земли: 1) provincia Proconsularis, 2) Byzacena, 3) Numidia, 4) Mauretania Prima, въ которую вошли Mauretania Sitifensis и оставшаяся въ рукахъ Византіи незначительная часть Мавретаніи Caesariensis, 5) Mauretania Secunda и 6) Сардинія съ Корсикой. Съ другой стороны, непрерывныя войны съ туземцами, отдаленность отъ императорской власти, упадокъ дисциплины и нѣкоторыя другія причины мало по малу привели къ усиленію въ Африкѣ центральной военной власти, что выразилось учрежденіемъ новой должности — экзарха, соединявшаго въ своихъ рукахъ какъ военное, такъ и гражданское управленіе. Учрежденіе экзархата относится ко времени имп. Маврикія. «Въ теоріи управленіе Юстиніана еще существуетъ почти въ цѣлости: въ концѣ VI в., какъ въ 534 году, въ византійской Африкѣ встрѣчаютъ іерархію гражданскихъ правителей, префекта преторія въ Карѳагенѣ, praesides въ провинціяхъ, но въ этихъ провинціяхъ военные начальники постоянно посягаютъ на аттрибуты гражданскихъ властей, и въ Карѳагенѣ главный правитель, экзархъ, является настоящимъ начальникомъ префекта» (p. 477). Подобнаго соединенія обѣихъ властей въ рукахъ экзарха нельзя отмѣтить опредѣленною хронологическою датою: онъ

произошло силою обстоятельствъ, мало по малу; правительству пришлось признать то, что уже случилось само собою раньше.

Вторая часть IV книги, озаглавленная «L'exarchat d'Afrique à la fin du VI siècle», (p. 483—516) имѣетъ своею цѣлью показать преобладаніе военной власти съ экзархомъ во главѣ надъ гражданской, которое установилось въ Африкѣ въ концѣ VI вѣка, и указать на интересное историческое явленіе, а именно, какимъ образомъ церковь мало по малу стала оказывать все бóльшее вліяніе на администрацію и въ концѣ концовъ получила какъ бы право контроля надъ дѣйствіями общественной власти. «Въ концѣ VI в.», говоритъ Диль, «мы можемъ замѣтить въ провинціи страшные симптомы глубокой административной дезорганизаціи. На всѣхъ ступеняхъ іерархіи византійскіе чиновники стремятся освободиться отъ слишкомъ далекой императорской власти; народности, находящіяся подъ жестокимъ гнетомъ администраціи, перестаютъ сочувствовать имперіи, которая ихъ раззоряетъ, и привязываются къ церкви, которая обезпечиваетъ имъ нѣкоторую защиту; наконецъ, эта церковь, которая все болѣе и болѣе подпадаетъ римскому вліянію, медленно замѣняетъ въ администраціи своимъ вліяніемъ вліяніе центральной власти и кончаетъ тѣмъ, что сгибаетъ пружины и безъ того уже расшатанной правительственной машины. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и эти зародыши разложенія принесли свои плоды» (p. 515—516).

Пятая и послѣдняя книга «La chute de la domination byzantine (641—709)» описываетъ послѣдній періодъ византійскаго владычества въ Африкѣ, борьбу съ арабскими полчищами, которыя, пройдя по всей сѣверной Африкѣ вплоть до Атлантическаго океана, взяли въ 709 году послѣдній оплотъ Византіи на далекомъ Западѣ—Септемъ (Цеуту).

Существуетъ мнѣніе, говоритъ Диль въ заключеніи своей книги, не было ли вторичное завоеваніе Африки Юстиніаномъ, не смотря на блестящій успѣхъ этой смѣлой экспедиціи, причиною слабости монархіи. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ надо сознаться, что забота о дѣлахъ Запада неоднократно заставляла императоровъ пренебрегать болѣе серьезными опасностями, которыя имъ грозили, и что гордое притязаніе собрать воедино все наслѣдіе древняго Рима имѣло своимъ слѣдствіемъ чрезмѣрную трату жизненныхъ силъ имперіи. Однако исторія византійскаго владычества въ Африкѣ заслуживаетъ, не смотря на это основательное замѣчаніе, серьезнаго интереса. Африка, какъ Италія, пережила періодъ преобразованія византійской администраціи, процессъ реформы, откуда вышелъ режимъ ѳемъ. Когда наступило время упадка, тѣже причины, которыя разрушили зданіе императорской власти на Западѣ въ Италіи, дѣйствовали съ рѣдкой очевидностью и въ Африкѣ. Поэтому изученіе византійскаго господства въ Африкѣ можетъ пролить яркій свѣтъ на общую исторію византійскаго правленія въ VI и VII вѣкахъ. Но это не все. Въ теченіе двухъ вѣковъ императоры поддерживали въ африканскихъ провинціяхъ послѣдній отблескъ римской цивилизаціи; безъ Юстиніана слабое

вандальское королевство быстро уступило бы мѣсто берберской дикости (sauvagerie). Императоры замедлили на два вѣка катастрофу, которая уничтожила послѣдніе слѣды римской культуры. Въ теченіе двухъ вѣковъ Византія продолжала и нѣкоторымъ образомъ подвинула впередъ дѣло Рима; и этого одного было бы достаточно для того, чтобы она заслуживала нѣкотораго уваженія. Вошло въ привычку преувеличивать большія услуги, оказанныя Римомъ Африкѣ; но въ нѣкоторомъ отношеніи нужно воздать должное и византійцамъ, которые хвалились тѣмъ, что они еще римляне; включивъ Африку въ среду имперіи, они возобновили традицію, прерванную вандальскимъ завоеваніемъ, и были не только по имени, но на самомъ дѣлѣ наслѣдниками и продолжителями Цезарей (Conclusion, p. 593—595).

Въ концѣ книги Диля находится appendice, гдѣ приводится списокъ всѣхъ извѣстныхъ африканскихъ префектовъ преторія, magistri militum и экзарховъ (с. 596—600), довольно большія additions et corrections (p. 601—614) и нѣсколько хорошо составленныхъ указателей.

Интересъ и новизна содержанія, громадная эрудиція автора, прекрасное знакомство его со всевозможными источниками и умѣнье ими пользоваться,—все это позволяетъ признать трудъ Диля за выдающееся явленіе въ исторической наукѣ. Если въ чемъ можно упрекнуть автора, то это въ его чрезмѣрной довѣрчивости показаніямъ арабскихъ хроникъ относительно процвѣтанія Африки въ византійское время, что уже и отмѣчено въ небольшой, но благопріятной рецензіи, появившейся въ Revue Historique 1897 г. (Mars—Avril, p. 325—328). См. также рецензію Millet въ той же Revue Historique Mai — Juin 1897, p. 140—144). Въ послѣднее время въ Byzantinische Zeitschrift (B. VII, 1898, H. 1, S. 181—188) появилась хвалебная рецензія Гельцера.

А. Васильевъ.

Г. Халатьянцъ. *Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ.* Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы, Москва 1896, стр. X + 347 + 80 + Синоптическая таблица важнѣйшихъ источниковъ Моисея Хоренскаго. Цѣна 3 р.

> Не могъ онъ относиться къ нашему автору (Моисею Хоренскому) съ достаточною трезвостью и должнымъ безпристрастіемъ.
> Г. Халатьянцъ, *op. c.*, стр. 288.

По странному недоразумѣнію, наша работа объ Анонимѣ [1]) была истолкована въ томъ смыслѣ, что какъ будто мы имѣемъ что-либо пр цпіально противъ отрицательнаго отношенія къ Моисею Хоренско что мы выступаемъ защитниками традиціонныхъ взглядовъ объ его мени и писательскомъ авторитетѣ. На самомъ дѣлѣ не было ничего по

1) Византійскій Временникъ, 1895, I, стр. 264—306.

наго. Мы оспаривали лишь рискованные пріемы новѣйшей критики въ обслѣдованіи одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древне-армянской литературы. Намъ казалось, и при такомъ убѣжденіи остаемся по сейчасъ, что трудно мириться съ обобщеніями, въ основѣ которыхъ лежатъ единичные факты, выхваченные изъ памятника, съ неустановленнымъ критически текстомъ, и вдобавокъ толкуемые отчасти произвольно; что не слѣдуетъ игнорировать компилятивный характеръ труда, авторъ котораго, М. Хоренскій, не можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за погрѣшности источниковъ; что, безспорно, отношенія Хоренскаго къ источникамъ должны быть выяснены со всею строгостью современной намъ научной критики, но въ оцѣнкѣ писателя отнюдь не должна быть нарушена историческая перспектива, и судъ надъ Хоренскимъ не можетъ быть произведенъ иначе, какъ съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ его время научныхъ и литературныхъ пріемовъ; что, наконецъ, нельзя *Исторію* Хоренскаго обособлять въ нѣчто исключительное и выдвигать изъ V столѣтія, разлучивъ ее съ другими памятниками, разъ послѣдніе являются произведеніями того же V вѣка лишь на основаніи той традиціи, легендарность и совершенную безпочвенность которой въ вопросѣ о Хоренскомъ признаютъ стоящею внѣ всякаго сомнѣнія. Если нарушенія подобныхъ, какъ намъ кажется, основныхъ требованій здравой критики вызывали съ нашей стороны оговорки, то это еще не значитъ, что мы не хотѣли признать справедливости мыслей, для скорѣйшаго торжества которыхъ допускались эти, по нашему мнѣнію, безцѣльныя и даже вредныя нарушенія.

На нашъ [1]) взглядъ, въ древне-армянской литературѣ, какъ извѣстно, исключительно духовно-схоластической, замѣтны три направленія, представляющія три слѣдовавшія другъ за другомъ эпохи: миссіонерскую при полномъ господствѣ сирійской образованности, философско-схоластическую съ преобладаніемъ греческаго вліянія и, наконецъ, національную по возникновеніи мѣстныхъ по духу школъ и традицій.

Понятное дѣло, *Исторія* Хоренскаго, съ ярко очерченной физіономіею патріота-автора, никакъ не можетъ быть отнесена ни къ сирійской — миссіонерской эпохѣ, ни къ моменту перваго увлеченія греческою схоластическою наукою. Если послѣдній моментъ, какъ вѣроятно, совпадаетъ съ VI—VII вѣкомъ, то дошедшая до насъ *Исторія* Хоренскаго по нашему могла явиться въ ея окончательной формѣ не ранѣе VII вѣка, но возможно и позднѣе.

Въ этомъ смыслѣ можно вполнѣ сочувствовать всѣмъ изслѣдованіямъ, устанавливающимъ болѣе позднее, чѣмъ было принято, происхожденіе

---

1) Взглядъ этотъ вскользь высказывался и раньше (Merx, Conybeare), хотя не съ тою опредѣленностью, съ какою мы это себѣ представляемъ. На сколько же у насъ есть основанія, чтобы высказываться съ указываемою нами опредѣленностью, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

дошедшей до насъ редакціи *Исторіи* Хоренскаго, слѣдовательно, сочувствовать и работѣ г. Халатьянца.

Предложенное опредѣленіе направленій въ древне-армянской литературѣ можетъ быть невѣрнымъ; но изслѣдователю, по нашему мнѣнію, предварительно слѣдуетъ дать представленіе о характерѣ главнѣйшихъ литературныхъ теченій у армянъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, и лишь въ связи съ ними устанавливать даты литературныхъ произведеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые сильно проникнуты духомъ времени. Всякое иное построеніе намъ кажется зданіемъ, возведеннымъ на шаткой почвѣ, въ лучшемъ случаѣ остроумною комбинаціею, которую можно принять, но можно и не принять. На трудъ г. Халатьянца мы смотримъ какъ на опытъ такого рода комбинаціи. Предварительно нѣсколько замѣчаній чисто формальнаго свойства.

Въ фактической части труда, наиболѣе цѣнной, г. Х-цъ часто зависитъ отъ работъ предшественниковъ, что онъ и указываетъ постоянно. Но указанія эти могли бы быть болѣе точными. Такая точность нужна не только во избѣжаніе нареканій, но и въ видахъ простой отчетливости. На стр. 55 г. Халатьянцъ пишетъ:

«Къ Сивиллѣ слѣдуетъ прибавить и *Епифанія Кипрскаго* (IV в.), на «котораго ссылается Хоренскій въ той же главѣ (I, 6), и армянскимъ «переводомъ котораго онъ, быть можетъ, пользовался. Я говорю армян-«скимъ переводомъ, ибо» и т. д.

Но объ этомъ говорилось уже въ цитуемомъ г. Х-цемъ трудѣ о. І. Дашяна, стр. 89—90, гдѣ, опровергая о. Г. Зарбаналяна, о. Іаковъ уже указываетъ на сообщаемый г. Х-цемъ фактъ и заключаетъ словами: «Не подлежитъ спору, что Хоренскій видѣлъ *Книгу обличеній* «и, быть можетъ, въ армянскомъ переводѣ» [1]).

На стр. 55, говоря о знакомствѣ Хоренскаго съ Епифаніемъ, свидѣтельствуемаго армянскимъ переводомъ «Каноновъ» этого писателя, г. Халатьянцъ цитуетъ *Catalogue* etc. о. Г. Зарбаналяна, стр. 499. На этой страницѣ въ *Каталогѣ* нѣтъ ни слова, имѣющаго интересъ для отношенія Хоренскаго къ *Канонамъ* Епифанія [2]).

Дѣло въ томъ, что цитата эта взята г. Х—цемъ изъ Міабана, *Armeniaca*, стр. 5, гдѣ она имѣетъ значеніе, а между тѣмъ эта цитата у г. Х—ца стоитъ на первомъ мѣстѣ, а къ своему непосредственному источнику онъ направляетъ словомъ «сравни».

На стр. 146, г. Халатьянцъ, указывая на то, что другіе также сближали описаніе Хоренскимъ построекъ Семирамиды съ Діодоровскимъ, перечисляетъ въ примѣчаніи ученыхъ, но опускаетъ St. Martin'a:

---

1) *Խնդիր չկայ ուրեմն որ Խորենացի տեսած է Հերձուածոց գիրքը, եւ թերեւս Հայերէն թարգմանութեամբ*, І. Дашянъ, l. c.

2) Въ каталогѣ читаемъ: *Կանոն տեառն Եպիփանու. «Եպիսկոպոս կամ երէց կամ սարկաւագ որ առնուիցին անիցի ի տան ըստ Հեթանոսական սովորութեանց՝ լուծցին յիւրաքանչիւր յաստիճանէ.»*

онъ еще въ 1828 году, въ Journal Asiatique, вмѣстѣ съ Діодоромъ указываетъ и на Масуди [† 345 г. Гиджры], въ повѣствованіи котораго главные походы Семирамиды пріурочены къ центру Арменіи [Maçoudi, *Les prairies d'or*, Paris 1863, II, стр. 94], какъ и у Хоренскаго. Кстати, не безъинтересно замѣтить, что тамъ же Масуди на первомъ планѣ упоминаетъ о борьбѣ армянъ и ассирійцевъ съ перемѣннымъ счастіемъ, причемъ послѣдніе двадцать государей Ниневіи выставляются данниками армянскихъ царей (*op. c.*, стр. 95).

На стр. 223 г. Х-цъ пользуется *Задачникомъ* Ананіи Ширакскаго по рукописи Вѣнскихъ Мхитаристовъ и дѣлаетъ изъ него выписку *Ես ի Մարմէտ էի* и т. д.; для обстоятельности слѣдовало бы упомянуть, что существенная часть этой выписки уже напечатана у о. Алишана въ 1890 г. *Այրարատ*, стр. 60, прим. 2: «*Ես ի Մարմէտ էի, յոստանի կամսարականաց և երթեալ յեզր գետոյն, որում Ախուրեան կոչեն, տեսի երամ ձկանց*».

На стр. 228 г. Х-цъ говоритъ, что *ճամբար* слово персидское и ссылается на *Словарь* Вуллерса, но искать ли у Вуллерса подъ چ или подъ ج: соотвѣтствіемъ армянскаго ճ можетъ быть въ перс. и چ и ج.

Было бы болѣе цѣлесообразно, если бы вм. Вуллерса г. Х—цъ сослался на *Матеріалы для армянскаго словаря* К. Патканова (Вып. II, стр. 2), гдѣ оговорено все то, что г. Х-цъ говоритъ, болѣе ясно [1]).

На стр. 285 г. Х-цъ даетъ вѣрный переводъ фразы *Զայս արար Մաժան քէն պահելով վասն Սմբատայ* (II, 55) *Такъ поступилъ Мажанъ въ отмщеніе за Смбата*, при чемъ въ примѣчаніи онъ указываетъ на то, что переводчики не понимали этого мѣста, и даетъ образчики невѣрныхъ переводовъ, но ничего не говоритъ о тѣхъ, которые перевели это такъ же, какъ г. Х—цъ: такъ перевелъ Tommasèo (1850, стр. 200: Magiano così fece per vendetta di Sempad), причемъ въ особомъ примѣчаніи итальянскій переводчикъ даетъ такое же по существу объясненіе, какъ г. Х-цъ. Такъ перевелъ то же мѣсто и Хорэнъ Степанэ въ своемъ трудѣ (С.-Пб., 1889, стр. 168), подробно разобранномъ (Араксъ, 1890, I, стр. 113—151) г. Х—цемъ: *Այս արեց Մաժանը, քէն պահելով Սմբատի պատճառով, որովհետև իրան ևս նա էր մեծացրել.*

На стр. 291 г. Х—цъ пишетъ:

«Одинъ изъ изслѣдователей, на основаніи очень поздней и плохой «рукописи, предлагалъ даже читать вм. *կունդ ոմն* — *կատար ոմն*, *կատարումն*, *կատար*, въ значеніи «верховный» или «совершенный». На са«момъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ни персидскаго слова, ни какого либо искаженія. «*Կունդ* — слово армянское и значитъ «плѣшивый».

---

1) Теперь впрочемъ лучше обращаться къ Hübschmann'у, *Armenische Grammatik*, I, 1895, стр. 186—187, 367.

Цитуемый г. Х—цемъ одинъ изъ изслѣдователей—это Міабанъ; однако онъ не только не оспариваетъ, но первый указалъ (*Խորենացու պատմութեան ուսումնասիրութիւն*, Ա, стр. 5—6), что употребленное въ данномъ мѣстѣ слово *կունդ* значитъ *плъшивый* (*քաչալ*, *ճաղատ* и т. п.) и подкрѣплялъ это толкованіе цитатами, какъ и г. Х-цъ изъ *Библіи*, да еще указаніемъ на то [Зарбаналянъ, Հ. Հ. Գ., стр. 597 = Հ. Հ. Գ.², стр. 615], что *կունտ*'омъ, т. е. *плъшивымъ* былъ прозванъ вардапетъ Саргисъ, толкователь *Евангелія* [1]).

Но обратимся къ существвенному.

Извѣстнымъ довѣріемъ къ такой комбинаціи, какая предлежитъ въ трудѣ г. Халатьянца, можно проникнуться, но лишь тогда, когда ученый филологъ возводитъ ее на критически установленномъ текстѣ и по возможности избѣгаетъ сомнительныхъ или двусмысленныхъ фактовъ и произвольныхъ сужденій.

О качествѣ текста изслѣдуемаго памятника едва-ли могутъ существовать два мнѣнія: *Исторія* Хоренскаго предлежитъ въ значительно искаженномъ и заплатанномъ видѣ. Между тѣмъ изъ труда г. Халатьянца читатель можетъ вынести впечатлѣніе, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно; лишь въ Положеніяхъ, сопровождающихъ *Изслѣдованіе*, мы находимъ сдержанное признаніе автора, что пока мы не имѣемъ «вполнѣ научнаго критическаго изданія». Однако этого мало, такъ какъ отсутствуетъ не только «вполнѣ научное критическое изданіе», но вообще критическое изданіе *Исторіи* Хоренскаго; болѣе того, пока не общеизвѣстны и не обслѣдованы даже матеріалы, которые могли бы быть использованы для критическаго установленія текста. Пока имѣемъ лишь обстоятельное знакомство съ единичными списками *Исторіи* и болѣе или менѣе бѣглыя указанія на общій характеръ десятковъ другихъ списковъ. Въ этихъ же Положеніяхъ г. Халатьянцъ впрочемъ какъ будто считаетъ не существеннымъ для дѣла отсутствіе критическаго изданія, выражаясь его словами «вполнѣ научнаго критическаго изданія». Онъ пишетъ: «вопросъ о состояніи текста «Исторіи Арменіи», несмотря на отсутствіе вполнѣ научнаго критическаго изданія его, не можетъ служить препятствіемъ къ изученію источниковъ армянскаго историка». Эта неосторожная фраза имѣетъ то достоинство, что въ ней откровенно высказывается, какія условія не только были терпимы, но считались и даже считаются нормальными въ арменовѣдѣніи. Намъ дѣлалось возраженіе, что и въ другихъ областяхъ востоковѣдѣнія отсутствіе критическаго текста не смущаетъ ученыхъ оріенталистовъ и не мѣшаетъ имъ обсуждать основанные на такомъ текстѣ вопросы и оцѣнивать сами памятники. Но если бы это и было такъ, то въ такихъ случаяхъ ничего хорошаго и примѣрнаго мы не видѣли бы, и мириться съ ними, какъ съ нормаль-

---

1) Что г. Х—цъ для [illegible] текста находитъ замѣчанія Міабана не подходящими, это совсѣ[illegible] толкованіе [illegible] насъ не удовлетворяетъ.

ными явленіями, едва ли имѣлось бы основаніе. Поучительнѣе то, что и въ востоковѣдѣніи — тамъ, гдѣ серьезно подвергалась сомнѣнію подлинность произведенія и принадлежность его тому или иному вѣку, напр. въ исторіи библейскихъ книгъ,—критика текстовъ составляла и продолжаетъ составлять основу и первое условіе всякой научной работы.

Если ученые спокойно относятся ко всякимъ изслѣдованіямъ вѣнца персидскихъ эпическихъ поэмъ — *Книги царей*, хотя текстъ памятника далеко не можетъ считаться установленнымъ, то рано или поздно этотъ основной пробѣлъ существенно долженъ быть восполненъ, пока же такое положеніе лишь терпится, и терпится тѣмъ легче, что никто не возбуждалъ еще сомнѣнія въ дѣйствительномъ существованіи поэта Фирдусія и въ подлинности его произведенія и никто не доказывалъ, что эпопея относится не къ X—XI вѣкамъ, а къ XVI-му столѣтію [1]).

Наиболѣе древнимъ авторомъ, подтверждающимъ подлинность дошедшаго до насъ текста *Исторіи* Хоренскаго, г. Х—цъ, конечно, признаетъ католикоса Іоанна, писателя IX—X вѣка. Но развѣ Іоаннъ буквально и цѣликомъ воспроизводитъ текстъ Хоренскаго? Конечно, нѣтъ. Г. Х—цъ можетъ сказать, что Іоаннъ подтверждаетъ вульгатный текстъ Хоренскаго въ общемъ: это совсѣмъ другое дѣло. Но и то не совсѣмъ вѣрно. Не говоря о томъ, что Іоаннъ католикосъ даетъ лишь краткій конспектъ произведенія нашего историка, онъ иногда расходится съ чтеніемъ вульгатнаго некритическаго текста Хоренскаго; такъ напр. у Хоренскаго читаемъ (I, 12): «Армаисъ строитъ себѣ жилище на одномъ холмѣ у берега рѣки и называетъ его своимъ именемъ Армавиромъ, а рѣку называетъ Ерасхомъ по имени своего внука Араста». Іоаннъ же намъ говоритъ (Моск. изд., стр. 12): «Армаисъ на равнинѣ обстраиваетъ одинъ холмъ на берегу рѣки Ерасха какъ городъ и какъ мѣсто для своего пребыванія, возводя чудныя постройки изъ камней erastoy» [2]) и т. д. Такимъ образомъ въ текстѣ Іоанна исчезаетъ внукъ Арастъ и появляются «камни-ерасты», о чемъ рѣчи нѣтъ у Хоренскаго.

Хорошо то подтвержденіе, которое находитъ текстъ Хоренскаго у католикоса Іоанна и въ другихъ случаяхъ, напр. въ замѣткѣ о такъ называемыхъ болгарахъ (II, 9). Въ *Исторіи* Хоренскаго читаемъ, что во дни Аршака «въ поясѣ великой горы Кавказа, въ странѣ Булѓар'ской, было великое смятеніе, и многіе изъ нихъ [значитъ—булѓаръ] выселились, пришли въ нашу страну и поселились подъ Колою, въ плодоносной и бога-

1) Въ самой персидской литературѣ мы имѣемъ теперь яркій образчикъ того, до какихъ поразительныхъ парадоксовъ можно договариваться, когда въ основаніи сужденія лежитъ не критическій текстъ, какъ это, оказывается, случалось съ изслѣдователями Омара Хайяма (см. В. Жуковскій въ Сборникѣ المظفّرية, С.-Пб. 1897, стр. 325—326 и сл.).

2) Оставляемъ это слово երաստոյ, названіе особаго рода камней, безъ перевода; по К. П. Патканову, *Матер. для арм. словаря*, I, стр. 15, это персидское رست *твердый, крѣпкій*. Слово это встрѣчается у Агаѳангела, Филона и др., см. *Слов.* Мхх.

той хлѣбомъ мѣстности», а Іоаннъ (стр. 18) говоритъ, что во дни Аршака «нѣкоторые изъ евреевъ [1]), жившихъ въ Булкарахъ, что въ ущельяхъ Кавказа, пришли поселиться подъ Колою».

Кто-же подтверждаетъ подлинность вульгатнаго текста Хоренскаго? Ѳома Арцруни? Но онъ, по мнѣнію г. Халатьянца (стр. 151), обыкновенно не только повторяетъ Хоренскаго, но «и передѣлываетъ его, не безъ собственныхъ фантастическихъ прибавленій». Асогикъ? Но у Асогика, какъ заявляетъ г. Халатьянцъ (стр. 26), нѣтъ совершенно помину о первой книгѣ Хоренскаго, чуть ли не главномъ предметѣ настоящаго изслѣдованія г. Х-ца.

Во фразѣ о родѣ Іэреевъ г. Халатьянцъ вноситъ въ текстъ глоссу [illegible], означающую «не знаю, почему», хотя, во первыхъ глосса сама себя выдаетъ: «она подозрительна», по признанію самого же г. Халатьянца (стр. 26), и Баумгартнеръ довольно убѣдительно доказалъ, что она внесена впослѣдствіи. Г. Халатьянцъ, вспомнивъ на предпослѣдней 348 страницѣ про Баумгартнера, въ отвѣтъ на единственно пока возможные доводы говоритъ, что доводъ Баумгартнера — отсутствіе этого выраженія въ большинствѣ рукописей Хоренскаго и у католикоса Іоанна — «не представляется ему убѣдительнымъ». О, если бы у насъ въ армяновѣдѣніи приводились по крайней мѣрѣ всегда такіе убѣдительные доводы!

[illegible] не въ этой безспорной глоссѣ. На стр. 2[illegible] фразу [illegible] г. Халатьянцъ переводитъ «[illegible] [illegible] Хамамъ [illegible] Гатуни» [2].

Съ одной стороны г. Халатьянцъ такъ [illegible] въ переводѣ, что даже мѣстоименіе «онъ» ставитъ въ скобкахъ, а съ другой стороны даетъ [illegible] переводъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Х-цъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

1) [illegible]

2) [illegible]

Эта параллель въ переводѣ гласитъ — «Вағаршакъ (назначаетъ) себѣ вооруженныхъ тѣлохранителей изъ потомства һАйкида Хора». Еще другія параллели спорной фразы въ переводѣ гласятъ: «Надъ царскими охотами назначаетъ (Вағаршакъ) Дата изъ потомства Гарника» или «Надъ табунами (назначаетъ) нѣкоего Габала» и т. п. По шаблону этихъ параллелей и построена первая спорная фраза, дословно означающая: «одѣвателями (при) себѣ (Вағаршакъ назначаетъ) Дзереевъ изъ потомства Хананеевъ».

Ձեռէք dereq въ значеніи *перчатокъ*[1]) въ армянскомъ языкѣ не извѣстенъ. Слово ձեռէք derēq однако существуетъ: оно встрѣчается въ церковныхъ канонахъ (*Слов.* Мхх. = ընձեռէք, *Церковные каноны*, ст. 292, рп. Спб. Унив. библ., стр. 139—140, но здѣсь же стр. 10 ձեռէք), и означаетъ «*порцію* (ման-մասունքն см. *Церковные каноны*, ст. 630, рп. Спб. Унив. библ., стр. 269), которую священники имѣли обыкновеніе уносить съ поминокъ». Но въ данномъ мѣстѣ слово Ձեռէք Derēq, собственно Ձեռէ Derē, есть названіе княжескаго рода, и первая фраза не можетъ быть истолкована иначе какъ: «одѣвателями (при) себѣ (Вағаршакъ назначаетъ) Дзереевъ изъ потомства Хананеевъ»[2]). Остается вторая фраза: անուն կոչէ ազգին Գնթունիս, что въ переводѣ значитъ — «имя даетъ этому роду Гнтуни».

Вслѣдъ за нѣкоторыми другими г. Х-цъ открываетъ (стр. 260—261) связь между названіемъ Гнтуни и guanto, gant и «γάντιον», означающимъ *перчатку*, т. е. г. Х-цъ хочетъ сказать, что, по Хоренскому, Гнтуни получаютъ свое названіе отъ Вағаршака потому, что съ одной стороны этимъ князьямъ поручается, по его (Х-ца) переводу, должность «надѣвателей перчатокъ», а съ другой — слово Гнтуни по такъ называемой народной или, вѣрнѣе, схоластической этимологіи можно признать образованнымъ отъ gant *перчатка*.

Въ этомъ обстоятельствѣ за «проницательнымъ Ла-Крозомъ» и г. Х-цъ признаетъ «новое доказательство болѣе поздняго составленія «Исторіи Арменіи», чѣмъ V вѣкъ» (стр. 261), такъ какъ съ «γάντιον» Хоренскій, по г. Х-цу, могъ быть знакомъ[3]) въ VIII—IX вѣкѣ (стр. 259).

1) Въ древне-армянскомъ въ значеніи перчатокъ употребляется թաթպան (Մաղ. Ջահկ (XIV в.) въ *Слов.* Мхх.), а ձեռնոց отсутствуетъ.

2) Этимологизація собственныхъ именъ—излюбленный пріемъ у нашего историка, и, быть можетъ, «одѣватели» царя названы Дзереями не безъ «этимологическаго» умысла, но въ такомъ случаѣ мы рѣшаемся утверждать, что, называя фамилію Ձերէ Derē (мн. ч. Ձերէք Derēq), Хоренскій о ձեռն dern *рука* и тѣмъ болѣе ձեռնոց dernoc̣ вовсе и не думалъ, а имѣлъ въ виду совсѣмъ другое слово, именно զրեհ zěreh (изъ *zěrēh), перс. زره, زراده (Rückert, *Aus Dschâmi's Liebesliedern*, ZDMG, XXV, стр. 594), сир. זרד (также перс., см. Lag., *GA*, стр. 44, 112) = груз. ზარადი zaradi, которое означаетъ *латы*, слѣдовательно, для воина того времени обычное и существенное *одѣяніе*.

3) Г. Халатьянцъ въ этомъ мѣстѣ даетъ слѣдующую темную аргументацію: «если и не окажется достаточно указаній въ византійской литературѣ о знакомствѣ

Но дѣло въ томъ, что должность «надѣвателей перчатокъ» порождена невѣрнымъ переводомъ, какъ это мы видѣли: въ текстѣ рѣчь о надѣвателяхъ вообще. Независимо отъ этого связь, усматриваемая между [illegible] и Գնթունի, не имѣетъ значенія для подлиннаго текста *Исторіи Арменіи*, такъ какъ названіе Գնթունի находится въ такой фразѣ, которая и безъ того не терпима въ текстѣ Хоренскаго, и вотъ на какомъ основаніи. Изъ спорной фразы узнаемъ, что Вагаршакъ называетъ интересующій насъ княжескій родъ Гнтуни, и называетъ такъ потому, какъ г. Халатьянцъ думаетъ, что Хоренскій видѣлъ въ Гнтуни слово, произведенное отъ [illegible]. Между тѣмъ въ 19 гл. I кн. читаемъ, что князья Гнтуни происходили отъ [illegible] Канеты или Гнеты [illegible], [illegible] [illegible], и Хоренскій тутъ [illegible] названіе князей Гнтуни также на [illegible] [illegible] отъ слова [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Гнтуни [illegible] Хоренскій въ своей *Ист.*, а Гнтуни происходитъ отъ [illegible] Гнеты [illegible] Хо-

---

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ренскій въ той же *Исторіи* тоже самое слово не могъ производить отъ «греческаго слова γάντιον», онъ вообще не могъ сказать, что далъ это имя впервые князьямъ Гнт̆уни Ваг̆аршакъ, разъ они, по мнѣнію же Хоренскаго, назывались такъ по имени своего предка [1]).

О подлинности отдѣльныхъ мѣстъ Хоренскаго долго пришлось бы разсуждать, но достаточно и сказаннаго, чтобы убѣдиться въ неустановленности текста и, слѣдовательно, въ необходимости предварительно окончательнаго приговора выяснить, что̀ единственно должно служить основаніемъ для нашихъ сужденій о Хоренскомъ. Никакія остроумныя комбинаціи, никакія подкупающія гипотезы не устранятъ неизбѣжности этой простой, но основной работы, и если изслѣдователи недѣлали ея своевременно, то этотъ основной пробѣлъ нужно восполнить теперь, нужно во что бы то ни стало заполучить изслѣдователямъ фундаментъ, тѣмъ болѣе, что говоря словами Маккіавелли: «chi non fa i fondamenti prima, li potrebbe con una gran virtù fare dipoi, ancora che si facciano con disagio dell'architettore e pericolo dell'edificio».

Разъ такъ плохо установленъ текстъ Хоренскаго и разъ такъ не совершенно современное пониманіе даже этого, критически неустановленнаго, текста, то и на выводы, построенные на нихъ, нельзя вполнѣ полагаться. Едва ли кто будетъ оспаривать, что при такой зыбкой почвѣ изслѣдователю нужно проявить большую осмотрительность въ сужденіяхъ и необычайную разборчивость въ доводахъ, чтобы вообще-то заслужить какое нибудь довѣріе [2]).

Но еще два слова о переводѣ. Щепетильная точность перевода намъ нужна не только во имя «искусства для искусства», но и для обстоятельнаго и реальнаго пониманія памятника, такъ напр. на стр. 256 у г. Халатьянца читаемъ фразу: «*право* ѣсть золотою ложкою и вилкою (sic) и *пить изъ золотыхъ чашъ*» Подтвержденіе sic поставлено самимъ г. Х-цомъ за словомъ «вилкою», хотя переводъ въ общемъ вольный. Подлинникъ гласитъ (II, 47):

տարգալ ունել ոսկի և պատառաքաղ [право] имѣть золотую ложку и *և ոսկեղինաւք ըմպել նուագաւք*. pataṛaqağ и пить изъ золотыхъ чашъ.

За словомъ pataṛaqağ въ ново-армянскомъ установилось значеніе «вилки», но въ древне-армянскомъ это слово пока извѣстно лишь изъ

1) Въ *Исторіи* Асог̆ика находимъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 33) сплетенными оба преданія, но мы не рѣшимся сказать, что интерполяція съ Գնթունի въ текстѣ Хоренскаго относится еще къ X—XI вѣку, разъ и текстъ Асог̆ика не установленъ.

2) Лично мы сомнѣваемся въ необходимости поднимать такъ называемые большіе вопросы армянской филологіи, когда разработка нужныхъ для рѣшенія ихъ матеріаловъ и по сей часъ находится въ зачаточномъ состояніи, когда въ отношеніи дѣйствительно научныхъ изслѣдованій наша область представляетъ мерзость запустѣнія. Трезвое поколѣніе арменистовъ — дай Богъ, чтобы оно было ближайшее,—съ правомъ будетъ повторять о каждомъ изъ насъ, «рѣшающемъ» подобные вопросы, слова англійскаго романиста Th. Hardy объ одномъ своемъ героѣ: «his dreams were as gigantic as his surroundings were small».

цитованнаго мѣста, и потому рискованно *ուտել* *имѣть* переводить через *кушать*: можетъ оказаться, что pataŗaqag̃ не означаетъ вовсе принадлежности столоваго прибора, по крайней мѣрѣ тождественнаго по назначенію съ нашею вилкою [1]).

На стр. 102 г. Х. пишетъ:

«Касательно перваго пункта [т. е. искаженій въ текстѣ Анонима] «нужно замѣтить, что, за исключеніемъ, быть можетъ, начальныхъ двухъ «строкъ Вступленія и двухъ трехъ строкъ въ описаніи столпотворенія «(стр. 2), которыя [*реценз.*: строки?] могутъ быть приняты за неясность «изложенія,—все остальное не представляетъ, по моему мнѣнію, никакихъ «особенныхъ *искаженій*, могущихъ служить серьезнымъ препятствіемъ «къ точному пониманію текста».

Мы, конечно, не согласны съ тѣмъ, что текстъ *Исторіи* Анонима внѣ оговоренныхъ г. Х-цемъ мѣстъ свободенъ отъ искаженій, и даже «особенныхъ» искаженій, но Анонима мы здѣсь не будемъ по существу касаться, такъ какъ готовимъ особое его изданіе. Мы только укажемъ на то, что въ пониманіи *искаженій* мы расходимся съ г. Х-цемъ. Такъ на стр. 56 г. Х-цъ даетъ Паткановскій переводъ двухъ, трехъ «строкъ въ описаніи столпотворенія» Анонима:

«Когда отъ великихъ мукъ *столпотворенія*, какъ бы отъ *родовъ*, произошло то, что *разсѣялся* многочисленный народъ въ великой пустынѣ, «въ мѣстахъ недоступныхъ шуму, тогда поднялъ на *товарищей* своихъ «*мечъ* свой *Титанъ*, *который* первый *царствовалъ на землѣ*»...

«Мѣста недоступныя шуму» это—мѣсто подлинника, недоступное пониманію, такъ какъ здѣсь во фразѣ *որ ի կայս անլուրս ձայնից* недостаетъ покрайней мѣрѣ трехъ строкъ, а быть можетъ, цѣлыхъ десяти, съ которыми и отсутствуетъ смыслъ фразы. Само слово *կայս* kays, переводимое черезъ «мѣста», есть, по всей вѣроятности, остатокъ совсѣмъ другого

1) На стр. 173 г. Халатьянцъ *առոյգաբարին* переводитъ выраженіемъ «съ крутыми икрами», но развѣ *առոյգ* значитъ *крутой*? Повидимому, г. Халатьянцъ подъ *крутыми* понимаетъ *мощный* (ср. стр. 187: «Гохтенскіе пѣвцы, воспѣвавшіе, по увѣренію нашего историка,... красоту ногъ и *мощь икръ* Тиграна»), но вѣдь *առոյգ* слово рѣдко употребительное и темнаго происхожденія, и гадательный его переводъ черезъ *мощный*, *крутой* и т. п. непремѣнно долженъ быть оговариваемъ. На стр. 250 *իբր տարփանաց Սաթինկան* г. Халатьянцъ переводитъ «будто страстная любовь царицы Сатиникъ», но въ текстѣ нѣтъ слова «царицы»: не имѣющій возможность свѣрить цитаты г. Халатьянца съ армянскимъ текстомъ можетъ подумать, что и въ самомъ дѣлѣ въ подлинной народной пѣсни Сатѣника названа *царицею* (къ Сатѣникѣ прилагается въ другомъ мѣстѣ титулъ *տիկին* *госпожа*, но и тамъ это слово не можетъ быть передано черезъ *царица*, разъ мы не имѣемъ возможности удостовѣрить, что Сатѣника, по представленію народныхъ пѣвцовъ, а не въ толкованіи Хоренскаго, есть царица). Можно бы замѣтить еще относительно неточности нѣкоторыхъ мелочей но г. Х-цъ, если не ошибаемся, самъ признаетъ ихъ, напр. не только неточност принятой имъ транскрипціи, но и невыдержанность ея, такъ армянское հ обыкновенн онъ передаетъ русскимъ х, напр. Аждахакъ=Աժդահակ, а иногда совсѣмъ опускаетъ напр. Тигрануи = Տիգրանուհի (стр. 173, строка 4 и 2 снизу).

слова *սկայս* skays, означающаго «великановъ, титановъ», исторія которыхъ и описывается въ отрывкѣ; но оставимъ коньектуры: въ подлинникѣ стоитъ *ի վերայ առն ընկերի другъ на друга*, очевидно, рѣчь о «непрерывной» (*անդադար*) междоусобной войнѣ, по всей вѣроятности титанидовъ, воспользовавшись которою и воцарился (*թագաւորեաց*) Титанъ. Въ переводѣ, предлагаемомъ г. Халатьянцемъ, междоусобица (*ի վերայ առն ընկերի*) и непрерывность (*անդադար*) войнъ умолчаны, и откуда-то появляются «товарищи».

Когда стараемся перевести во что бы то ни стало такія искаженныя мѣста и не хотимъ признать въ нихъ «серьознаго препятствія къ точному пониманію текста», то мы сами увеличиваемъ размѣры искаженій.

На стр. 172 у автора находимъ прекрасныя слова: «намъ нужно предварительно ознакомиться съ этими главами [отъ 24-ой до 30-ой] со словъ «самого автора, ибо сокращенный пересказъ ихъ лишилъ бы насъ воз«можности прослѣдить своеобразное изложеніе Хоренскаго». Но тутъ же, съ 173 страницы, г. Халатьянцъ даетъ въ переводѣ лишь извлеченія, искусно подобранныя, и не хорошо то, что у г. Халатьянца различные знаки для указанія допущенныхъ имъ въ переводѣ пропусковъ, то многоточіе, то тире (такъ тире означаетъ на стр. 173 пропускъ періода: *Մթերս ոսկւոյ և արծաթոյ* и т. д.).

Разработка вопросовъ объ источникахъ въ разбираемомъ изслѣдованіи, на нашъ взглядъ, односторонняя. Мы не будетъ останавливаться на той сторонѣ дѣла, что всѣ древне-армянскіе историки, всѣ древне-армянскіе литературные памятники занимаютъ то или другое мѣсто лишь по традиціи, а не на основаніи критическаго изученія, между тѣмъ изъ изслѣдованія г. Х-ца читатель можетъ вывести заключеніе, что все обстоитъ благополучно, и только единый Хоренскій занимаетъ шаткое положеніе. Коснемся двухъ другихъ обстоятельствъ.

Опредѣленіе стилистическихъ особенностей и литературныхъ пріемовъ писателей имѣетъ громадный интересъ для опредѣленія эпохи даннаго памятника, но слогъ писателя, у армянъ въ значительной степени обусловленный школою, не долженъ сбивать насъ въ опредѣленіи источника, откуда заимствуетъ авторъ не форму, а содержаніе. Г. Х-цъ, кажется, не различаетъ вліянія того или другого памятника на стиль автора и на содержаніе.

На стр. 56, сличивъ выписки о столпотвореніи изъ Евсевія (стр. 55—56), г. Х-цъ основательно отмѣчаетъ общность съ ними у Хоренскаго ряда «характерныхъ словъ и выраженій» и заключаетъ о непосредственной зависимости, въ данномъ мѣстѣ, Хоренскаго отъ *Хроники* Евсевія, и такъ какъ факты излагаются не согласно, то г. Х-цъ утверждаетъ о «намѣренныхъ измѣненіяхъ со стороны армянскаго историка», къ числу которыхъ относитъ «и то, что борьба происходитъ не между Кроносомъ и *Титаномъ*, а между Хайкомъ и Бэломъ-*Титанидомъ*». Но вѣдь это измѣненіе имѣется уже въ Анонимѣ, котораго г. Халать-

янцъ самъ признаетъ тутъ же (стр. 56) источникомъ Хоренскаго и который, дѣйствительно, и есть настоящій его источникъ, а Евсевій могъ дать Хоренскому лишь нѣсколько выраженій для болѣе риторичнаго изображенія столпотворенія.

Если бы придавалъ г. Халатьянцъ самостоятельное значеніе слогу, пріемамъ, научнымъ терминамъ и вообще начитанности Хоренскаго, если бы г. Халатьянцъ интересовался имъ прежде всего, какъ писателемъ армянскимъ, а не исключительно историкомъ Арменіи, то въ трудѣ его мы имѣли бы рѣшеніе вопроса, если не окончательное, то подготовляющее таковое. Г. Х-цъ тогда и не замкнулся бы въ памятникахъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ исторіи, а выяснилъ бы несомнѣнное вліяніе на Хоренскаго между прочимъ такого памятника, какъ Սահմանք Давида Непобѣдимаго. На этотъ памятникъ, какъ источникъ одного сообщенія Хоренскаго (I, 2) о различныхъ наукахъ, уже указывали. Г. Х-цъ прекрасно могъ бы утилизовать начитанность Хоренскаго въ этомъ трудѣ въ подтвержденіе своего же взгляда. Уже въ вступительной главѣ Хоренскаго встрѣчаемъ мы фразу, обличающую въ немъ знакомство съ Давидомъ: առաքինութիւն բանականին է իմաստականութիւն говоритъ Хоренскій, и періодъ заключаетъ фразою զարդարեա զբանն (I, 1). Всѣ характерныя слова этихъ фразъ, да и всю фразу одну онъ, очевидно, заимствовалъ изъ философскихъ трактатовъ, вѣроятнѣе, Давида Սահմանք, гдѣ читаемъ: արդ է զի բարբանջիւք մատն հոգւոյ ի բանական զարդարել առաքինութեամբ. ասաց բան իմաստականութեամբ զարդարեալ [illegible] стр. 175, и въ-второмъ. Аристотеля Ստորոգուառաքինութեանց [illegible] гдѣ читаемъ: բանականին առաքինութիւն իմաստութիւնն է [illegible] и է իմաստութիւն առաքինութիւն բանականին.

[illegible]

[illegible] Սահմանք [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Но что это за аллегорія? Отвѣтъ на это находимъ опять таки въ Սահմանք'ѣ Давида, гдѣ читаемъ: «миѳологи говорятъ, что Прометей «нѣкогда похитилъ у боговъ огонь и далъ людямъ, но это аллегорія, такъ «какъ Прометей на самомъ дѣлѣ раньше всего открылъ раздѣлительный «(διαιρετικός) способъ, а раздѣлительный способъ подобенъ огню, и потому «говорятъ о Прометеѣ, что онъ далъ людямъ огонь» (стр. 134). Хоренскій, повторивъ, что сказаніе о Прометеѣ есть аллегорія, опустилъ толкованіе самой аллегоріи.

Строгое разграниченіе вопроса о слогѣ отъ вопроса о содержаніи важно въ томъ отношеніи, что только такимъ путемъ можно порѣшить съ вопросомъ: не имѣемъ ли въ *Исторіи* М. Хоренскаго позднюю редакцію, при томъ не первую, древняго памятника. Г. Х-цъ вопроса о редакціи и не поднимаетъ вовсе.

Г. Х-цъ вообще ведетъ дѣло такъ, какъ будто не можетъ быть сомнѣнія насчетъ того, что *Исторія* Хоренскаго сочинена въ буквальномъ смыслѣ слова однимъ лицомъ въ одно время отъ начала до конца на основаніи указываемыхъ имъ первоисточниковъ [1]), между тѣмъ какъ ввиду существованія до Хоренскаго литературныхъ обработокъ извѣстныхъ эпизодовъ армянской исторіи (Анонимъ, Арташэсіада), можно было серьозно заняться вопросомъ, не имѣемъ ли въ *Исторіи* Хоренскаго компилятивную работу, автору которой принадлежитъ главнымъ образомъ честь спаянія отдѣльныхъ готовыхъ уже книжныхъ сказаній, а послѣднему редактору честь внесенія нѣкоторыхъ подробностей въ частностяхъ и сильнаго патріотическаго духа въ цѣломъ. Къ отдѣльнымъ сказаніямъ относится прежде всего трудъ Анонима. Г. Х-цъ также признаетъ за нимъ на стр. 56 «первостепенную важность для изученія источниковъ Хоренскаго», и обѣщаетъ «выяснить его сущность и значеніе». Но пріемы его привели къ тому, что на стр. 56 г. Х-цъ пишетъ: «Анонимъ, во всякомъ случаѣ древнѣе Хоренскаго, который и поль«зовался его произведеніемъ», а на стр. 105 онъ же подсказываетъ, что «едва-ли, впрочемъ, будетъ смѣло принимать выраженія знаменитаго нѣ«мецкаго критика [рѣчь о замѣчаніи Гутшмида, который судилъ по «плохому переводу] и въ прямомъ ихъ значеніи, то есть—что «Отры«вокъ» [онъ же Исторія Анонима] принадлежитъ перу того же Моисея, «какъ предварительный эскизъ его «Исторіи Арменіи». Во всякомъ случаѣ «современность обоихъ произведеній (VIII—IX в.) и, въ особенности, общіе «обоимъ авторамъ... *пріемы*, *замыслы* и *тенденціи*, слишкомъ вѣскія данныя, «чтобы можно было ими пренебрегать».

И такъ Анонимъ во всякомъ случаѣ предшественникъ Хоренскаго, и тотъ же Анонимъ, можно полагать, есть современникъ Хоренскаго. На стр. 142 г. Х-цъ предлагаетъ не удивляться этому, но при всемъ желаніи мы не можетъ подавить въ себѣ чувства удивленія.

---

1) Лишь въ прим. 2) на стр. 129—130 высказываетъ г. Х.-цъ повидимому нѣчто иное.

Характеръ аргументацій въ разбираемомъ трудѣ обнаруживаетъ въ его авторѣ большую дозу пристрастія и придирчивости къ писательской физіономіи Моисея Хоренскаго.

На стр. 53 г. Х-цъ пишетъ:

«Весьма характернымъ для пріемовъ Хоренскаго является тотъ «фактъ, что, широко пользуясь Хроникою Кесарійскаго епископа, онъ ни «разу во всемъ своемъ сочиненіи не упоминаетъ о ней».

Однако принято-ли у древнихъ армянскихъ писателей цитовать всѣ источники?

a) цитуетъ ли напр. Езникъ Епифанія Кипрскаго, у котораго онъ беретъ добрую часть своего сочиненія?

b) цитуетъ ли историкъ Лазарь Парпскій *Исторію* Егишэ, которую цѣликомъ эксцерпировалъ Лазарь Парпскій, какъ это доказывалъ [1]) г. Х-цъ (Ղազար Փարպեցի» Москва 1883, стр. 75)?

c) цитуетъ ли Ананія Ширакскій, этотъ компиляторъ, страннымъ образомъ обращенный въ аргументаціяхъ г. Х-ца въ оригинальнаго писателя, цитуетъ ли онъ Василія Кесарійскаго, когда повторяетъ его съ ребяческою наивностью?

Нѣтъ! Значитъ этотъ пріемъ—умолчаніе объ источникахъ—общій армянскимъ писателямъ.

Къ числу источниковъ, открытыхъ г. Х-цомъ, (стр. 180) принадлежитъ неизвѣстный авторъ, у котораго Свида (изд. Bernhardy, II, 2, col. 668) заимствуетъ слѣдующую, какъ г. Х-цу кажется, безподобную характеристику одного армянскаго аршакида, по имени Санатрука: «Будучи *роста* средняго, онъ имѣлъ влеченіе *ко всему великому*; онъ былъ «*первымъ въ дѣлахъ военныхъ, строгимъ блюстителемъ правосудія* и такимъ «*воздержнымъ въ жизни*, какъ лучшіе изъ грековъ и римлянъ».

Г. Х-цъ признаетъ въ этомъ отрывкѣ источникъ, откуда Хоренскій заимствовалъ характеристику Тиграна, такъ какъ Хоренскій также говоритъ о величіи, о военной доблести, о правосудіи, о воздержной жизни и даже о ростѣ Тиграна!

На стр. 196 г. Х-цъ отрицаетъ существованіе Гоѓтанскихъ пѣвцовъ на томъ основаніи, что кромѣ Хоренскаго никто не говоритъ о нихъ и еще потому, что г. Х—цу кажется страннымъ, какъ эти пѣсни могли храниться въ Гоѓтанѣ, и только въ Гоѓтанѣ? Хоренскій по мнѣнію г. Х—ца долженъ былъ сообщать только то, что говорятъ другіе современные ему или позднѣйшіе историки, и тогда г. Х-цъ сказалъ бы, что Хоренскій списывалъ изъ нихъ и жилъ позже ихъ.

Но не было ли въ самомъ дѣлѣ особыхъ условій въ области Гоѓтанъ, которые могли способствовать сохраненію народныхъ пѣсенъ? Б… они г. Х-цу извѣстны (стр. 197). Народныя пѣсни являлись въ

1) Մանաւանդ քննադատութիւն զայս ինչ բերէ ի յայտնութիւն, թէ ամենայն… բայ Ղազարանց պատմութիւն ծայրէ ի ծայր յԵղիշեայ գողովել քաղեալ, որոտ թէ… կամ կարեւոր տեղեկութիւնս ոչ մատակարարէ Եղիշեայ պատմութեան (стр. 75).

Арменіи, понятно, наслѣдіемъ язычества. Фаустъ (III, 13) прямо указываетъ на то, что армяне все еще были пристрастны въ его время къ языческимъ обычаямъ и пѣснямъ народнымъ, языческимъ, конечно. Съ другой стороны, Корюнъ сообщаетъ, что Гоѓѓанцы дольше держались язычества и, понятно, дольше хранили языческія пѣсни.

Справка историческая, повидимому, говоритъ въ пользу Хоренскаго; но г. Х-цъ все же заключаетъ, что Хоренскій выдумалъ гоѓѓанскихъ пѣвцовъ, и въ данномъ случаѣ выдумалъ потому, что имѣлъ основаніе выдумать[1]).

На стр. 216 г. Халатьянцъ пишетъ:

«Что касается перемѣны русла Аракса и удаленія рѣки якобы отъ «прежней столицы, Армавиръ, этотъ фактъ констатируется даже нынѣш-«ними путешественниками. Но когда именно произошло это удаленіе, не «извѣстно; по крайней мѣрѣ никто изъ древнихъ историковъ не сооб-«щаетъ объ этомъ явленіи; а потому пріурочиваніе его ко времени именно «Ерванда кажется мнѣ произвольнымъ».

Все это разсужденіе намъ кажется произвольнымъ. Какіе историки кромѣ Хоренскаго писали древнюю исторію Арменіи? Ни одинъ историкъ армянскій не говорилъ и о перемѣнѣ русла Араксомъ, но вѣдь это фактъ.

Вообще г. Халатьянцъ смотритъ на армянскую историческую литературу черезчуръ оптимистически: ему какъ будто кажется, что минувшая армянская жизнь у армянскихъ историковъ нашла полное и реальное изображеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, если исключить Хоренскаго, то въ нашихъ рукахъ не имѣется ни одной цѣльной самостоятельной попытки описать прошлую жизнь Арменіи; если же нѣкоторые эпизоды и находятъ своихъ описателей, то они у нихъ получаютъ тусклое, тенденціозно-церковное освѣщеніе, и настоящая жизнь въ нихъ едва-едва отражается.

Культурно-политическая жизнь Арменіи, нужно-ли говорить, была и богаче, и разнообразнѣе, и интереснѣе, и ярче чѣмъ тотъ отблескъ, который проникалъ въ тѣсныя кельи обращенныхъ къ міру спиною монаховъ-писателей. Отрицать все то, о чемъ умалчиваютъ армянскіе историки[2]), только потому, что армянскіе историки молчатъ, это значитъ отказаться отъ работы на пользу главной задачи арменовѣдѣнія, отказаться отъ мысли когда-либо возсоздать исторію подлинной армянской жизни.

Доводы ex reticentia только тогда и имѣютъ силу, когда намъ не

1) Года два тому назадъ какъ разъ въ области Гоѓѓанской найденъ глиняный *идолъ*, въ 30 сант. высотою (Дѣло Имп. Археол. Коммиссіи, 1896, № 16): послѣ Анійской, около Камаха, въ Турціи, находки части бронзовой статуетки, это первый случай находки идола въ предѣлахъ сѣверной Арменіи. Систематическое археологическое изслѣдованіе этого края во многихъ отношеніяхъ особенно желательно.

2) Армянскіе писатели не словоохотливы и, какъ извѣстно, рѣдко говорятъ даже о своей братіи; потому намъ кажется болѣе, чѣмъ страннымъ, когда въ числѣ доводовъ позднѣйшаго происхожденія *Исторіи* Хоренскаго приводятъ то обстоятельство, что никто не цитуетъ ее раньше католикоса Іоанна (IX) (M. A. Carrière, *La légende d'Abgar*, стр. 358).

[illegible]

Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе, если впрочемъ изслѣдователь не имѣлъ въ виду сказать, что Моисей Хоренскій былъ изъ рода Мурацанъ!

На стр. 205 пѣснь о Ваhагнѣ г. Халатьянцъ предлагаетъ понять, какъ описаніе восхода солнца, и затѣмъ на стр. 208 г. Х-цъ отмѣчаетъ ту несообразность, что по его толкованію, «само солнце имѣетъ еще глаза— словно два солнышка!».

«Эта несообразность, по моему мнѣнію», пишетъ г. Х-цъ тутъ же (стр. 208)—указываетъ на искусственность интересующей насъ пѣсни или, по «крайней мѣрѣ, на ея литературную переработку со стороны армянскаго «историка».

На дѣлѣ, отмѣченная г. Х—цемъ, несообразность сразу отпадаетъ, разъ откажемся отъ его толкованія.

По г. Халатьянцу (стр. 249—250), Хоренскій переноситъ «поздніе «сассанидскіе военные обычаи» «въ Арменію и пріурочиваетъ ихъ къ I в. «по Р. Хр.» (стр. 250).

Какіе это поздніе обычаи?

Это раздѣленіе войска на четыре «спарапетства» или воеводства. Слѣдовательно, одинъ «поздній сассанидскій военный обычай». «Поздній сассанидскій» характеръ этого обычая г. Х-цъ усматриваетъ изъ того, что Табари приписываетъ установленіе этого обычая Хосрою Ануширвану (531—579), но Хоренскій даже, по вычисленію г. Х-ца, на сто лѣтъ древнѣе Табари († 923); Хоренскій пишетъ не про Персію, а про Арменію, и, наконецъ, зачатки этого установленія онъ указываетъ значительно раньше перваго вѣка по Р. Хр.: еще при первомъ армянскомъ аршакидѣ, по Хоренскому (II, 7), царская гвардія была раздѣлена на четыре полка.

На стр. 215 г. Халатьянцъ пишетъ:

«Фавстъ Византійскій, перечисляя армянскіе города, захваченные и разоренные персами въ срединѣ IV в. по Р. Хр., упоминаетъ въ числѣ «другихъ и о «великомъ городѣ Ервандашатѣ» (кн. IV, гл. 55, [стр. 146]), «въ которомъ было до 20,000 армянъ и 30,000 евреевъ, переселенныхъ «сюда еще знаменитымъ современникомъ Помпея, Тиграномъ Великимъ. «Отсюда ясно», пишетъ г. Халатьянцъ: «что существовавшій еще въ I в. «до нашей эры городъ Ервандашатъ не могъ быть построенъ Ервандомъ, современникомъ Веспасіана и Тита, какъ утверждаетъ Хоренскій».

Есть ли у Х-ца въ данномъ случаѣ основаніе, позволяющее принять свѣдѣніе Фауста, какъ достовѣрное сообщеніе?

Затѣмъ, изъ словъ г. Х—ца (тамъ-же) выходитъ, что Тигранъ переселилъ 30,000 евреевъ въ Еровандашатъ, но Фаустъ этого не говоритъ: Фаустъ (Пет. изд., стр. 146—147 = Венец. изд., стр. 177—178) говоритъ, что Тигранъ переселилъ изъ Палестины въ Арменію несмѣтное количество евреевъ и размѣстилъ ихъ въ свое время, въ свой вѣкъ по городамъ

Арменіи [1]), но Фаустъ не говоритъ, что въ то время, т. е. во время Тиграна Великаго, существовалъ городъ Ерowандашатъ: это говоритъ г. Халатьянцъ. И г. Х—цъ это говоритъ не случайно: дѣло въ томъ, что на стр. 234—235 у г. Х—ца читается — «я полагаю, что основаніе или, «по крайней мѣрѣ, наименованіе ихъ», т. е. Ервандашата, Ервандуника и др. «восходятъ къ эпохѣ Ахеменидскихъ сатраповъ V—IV вѣковъ, и «именно «сатраповъ восточной Арменіи, въ районѣ которой и встрѣчаются приведен«ныя названія. Неразъ упоминаемые между этими сатрапами *Оронты* — «'Ορόντης и 'Ορόντας [2])—и есть персидскій *Арвандъ* и армянскій *Ервандъ* [3])».

Вотъ для чего г. Х—цу нужно было приписать Фаусту сообщеніе о томъ, что Ервандашатъ существовалъ до I в. по Р. Хр.

На стр. 232—233 у Х—ца читаемъ:

«Что при описаніи Ервандакерта-Мармэта историкъ нашъ, дѣйстви«тельно, принимаетъ въ соображеніе позднія условія мѣстности, видно «изъ свидѣтельства надписей XIII вѣка. Въ нихъ упоминается *Мармэтъ* «въ качествѣ селенія, лежавшаго, какъ и у Хоренскаго, на р. Араксѣ, «и съ давнихъ поръ богатаго виноградниками».

Если условія эти были съ давнихъ поръ, то ихъ нельзя назвать поздними. Ссылка г. Х-ца на надпись XIII в. можетъ однако смутить не спеціалистовъ: почему въ самомъ дѣлѣ Мармэтъ появляется въ надписяхъ лишь съ XIII-го вѣка? Потому что это имя пока попадается лишь въ дарственныхъ надписяхъ, а дарственныя надписи стали систематически высѣкать армяне на стѣнахъ церквей лишь съ конца XII вѣка. Да, и вообще древне-армянскихъ надписей до X—XI в. всего извѣстно едва десятокъ и въ нихъ нѣтъ напр. помина о Двинѣ, а этотъ городъ, несомнѣнно, существовалъ до X в..

Одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ въ аргументаціяхъ г. Х—ца, это то, что желательныя ему положенія, которыя слѣдовало бы предварительно доказать, онъ принимаетъ, какъ аксіомы, а затѣмъ, понятно, изъ общихъ положеній сами собою вытекаютъ всѣ невыгодныя для Хоренскаго послѣдствія.

Такъ на стр. 280 г. Х-цъ говоритъ, что объ еврейской колоніи въ Арташатѣ Хоренскій могъ знать только изъ Фауста: это—аксіома субъективная.

Тамъ же, ниже, изъ словъ г. Х—ца выходитъ, что объ языческихъ святилищахъ Хоренскій могъ знать только изъ Агаѳангела. Все это еще нужно доказать доводами, а не тѣмъ, что кажется.

«Фактическіе» доводы г. Х-цъ большею частью мотивируются фразами «мнѣ кажется», «какъ я полагаю», «быть можетъ» и «повидимому».

---

1) Բնակեցոյց ի քաղաքն Հայոց յիւրում գաւառում ի ժամանակին.

2) Judeich, *Kleinas. Stud.*, стр. 221 и сл., Justi, *Iran. Namenbuch*, стр. 234—5. Прим. Х.

3) Hübschmann, Arm. Gram., I Theil, Armen. Etymologie, Leipzig 1895, стр. 41. Прим. Х.

Такъ напр. со страницы 219-ой на стр. 219 и 294 («какъ я полагаю», жрецъ Ервазъ выдуманъ потому, что существовало селеніе Ерēзъ, съ языческимъ храмомъ!), 222 («мнѣ кажется»), 224 («мнѣ кажется»), стр. 225 («кажется мнѣ»), 233 («можетъ означать»), 234—235 («я полагаю»), 247 (значеніе у алановъ красной кожи «кажется мнѣ сомнительнымъ»), стр. 287—290 («мнѣ сдается», «нужно полагать», «какъ мнѣ кажется» и т. п.), 297 («навѣяно, я полагаю» и «кажется»), стр. 299 («перенято, повидимому, у Евсевія»).

Съ такими доводами, по нашему мнѣнію, съ которымъ, быть можетъ, согласится и авторъ, трудно вселить въ читателя убѣжденіе въ устойчивость научнаго построенія.

Лингвистическіе и филологическіе доводы, приводимые г. Халатьянцемъ въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ, иногда, быть можетъ, и вѣрныхъ положеній, очень часто сами по себѣ совершенно несостоятельны.

На стр. 8 у г. Халатьянца читаемъ:

«Во всякомъ случаѣ, если *aprsam* Хоренскаго и не заимствовано у «Іосифа Горіонида, то слово это все-же не древнее: оно не встрѣчается «ранѣе VIII вѣка, между тѣмъ какъ balsamon (բալսամոն) восходитъ къ «V вѣку».

Основная мысль этой тирады невѣрна: aprsam и balsamon (вост. balasan) суть двѣ формы одного и того же слова, и какъ разъ aprsam есть болѣе древняя форма, которая извѣстна и въ сирійскомъ (см. de Lagarde, *GA*, стр. 17,30).

На стр. 181 г. Халатьянцъ вдается въ филологическія изслѣдованія словъ *խարտեաշ*, *անձնեայ* и *խորագէտ*: *Словарь* Мхитаристовъ указываетъ на употребленіе этихъ словъ въ *Библіи*, а перваго изъ нихъ и у Евсевія, и на этомъ основаніи г. Халатьянцъ заключаетъ, что эти слова взяты Хоренскимъ изъ *Библіи* и Евсевія. Мы не будемъ спорить, дѣйствительно-ли эти эпитеты эпическіе или нѣтъ, но почему этихъ армянскихъ словъ Хоренскій не могъ употребить независимо отъ переводныхъ памятниковъ, разъ г. Халатьянцъ, конечно, не думаетъ, что классическій армянскій языкъ сочиненъ переводчиками.

Считаемъ лишнимъ останавливаться на всѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователь примѣняетъ къ дѣлу этотъ крайне оригинальный пріемъ (такъ на стр. 194 и сл. по поводу словъ *երգ*, *վէպ*, *վիպասան*, *երգք ցցուց և պարուց* и *բամբիռն*).

Бываютъ случаи, когда у Хоренскаго оказываются слова, аналогичныя по образованію со словами, употребленными въ другихъ памятникахъ, напр. въ *Библіи*, и г. Халатьянцъ (стр. 181) увѣряетъ, что въ такихъ случаяхъ Хоренскій составлялъ слова по образцу *библейскихъ* словъ или иному, напр. такъ составлены, по мнѣнію г. Халатьянца [1]), эпитеты

1) Будто по образцу չարակն, արագոտն и յաղթահասակ (кн. Притч. XXIII, 6, XXIV, 34; Чис. XIII, 33) и առոյգագունակ (Л. Парпскій, стр. 23: матеріалъ взятъ

մեղուակն [будто бы означающій] *красивоглазый*, *գեղեցկոտն* *красивоногій*, *քաջահասակ* и *առոյգաբարձն*. Но развѣ могли иначе звучать армянскія сложныя слова, каковы перечисленные эпитеты, если бы они восходили къ народному эпосу или были бы употреблены Хоренскимъ самостоятельно? Какимъ путемъ могъ избѣгнуть Хоренскій или народный пѣвецъ отмѣчаемой г. Халатьянцемъ аналогіи, разъ и Хоренскій, и армянскій народный пѣвецъ пользовались армянскимъ языкомъ?

На стр. 181 *առոյգաբարձն* г. Халатьянцъ хочетъ признать составленнымъ по образцу *առոյգագաւակ* Л. Парпскаго (стр. 23): у Л. Парпскаго въ цитуемомъ имъ текстѣ не *առոյգագաւակ*, а *առոգագաւակ*. Дѣло не въ томъ: что̀ г. Халатьянца заставляетъ предполагать, будто Хоренскій при описаніи героя-царя эпитетъ *առոյգաբարձն* составилъ по образцу эпитета *առոգագաւակ*, который Лазарь Парпскій прилагаетъ къ осламъ и дикимъ животнымъ (*զանթիւ արաւտականս ընդանի իշանց և զանհամբոյր բոյլս վայրենի էրէոցն յաւղուցեալ... առոգագաւակս են*)?

Но бываетъ и такъ, что Хоренскій употребляетъ такое слово, которое, судя по *Словарю* Мхиṫаристовъ, у другихъ писателей, по крайней мѣрѣ древнихъ, не встрѣчается; тогда г. Халатьянцъ увѣряетъ, что это слово сочинено Хоренскимъ? Такъ на стр. 181—182 *գունեան* *румяный* ему кажется необычнымъ: «мнѣ такъ сдается», пишетъ г. Халатьянцъ, «что историкъ замѣнилъ имъ извѣстное ему изъ *Хроники* Евсевія *կարմրայտն*», означающее *румянолицый* [буквально: *краснощекій*] и употребленное Евсевіемъ примѣнительно къ египетской царицѣ Нитокрисѣ.

Въ данномъ случаѣ *Словарь* Мхиṫаристовъ ввелъ г. Халатьнца въ заблужденіе: слово *գունեան* имѣется въ классическомъ армянскомъ переводѣ *Шестоднева* Василія В., Венец. 1830, стр. 85: *զուարթ երեսաւք գունեան գունով* говорится у Василія о здоровомъ человѣкѣ. Но, пожалуй, г. Халатьянцъ теперь будетъ утверждать, что Хоренскій заимствовалъ это необычное слово изъ армянскаго перевода *Шестоднева* Василія.

И что за уродливый образъ въ представленіи г. Халатьянца этотъ Хоренскій, если описывая красоту доблестнаго по его мнѣнію, дорогого ему царя, историкъ рисуетъ его румянымъ потому, что у Евсевія прочелъ объ алыхъ ланитахъ египетской царицы и прилагаетъ къ нему спорный эпитетъ *առոյգագաւակ* потому, что подобнымъ же эпитетомъ другой историкъ Лазарь характеризуетъ ословъ и вообще животныхъ, вскормленныхъ Араратскою равниною!?

также изъ *Словаря* Мхиṫаристовъ (*առոյգագաւակ* подъ *առոյգաբարձ* непосредственно).

«Слово *թիկնաւէտ* «плечистый», по моему крайнему разумѣнію», утверждаетъ г. Халатьянцъ (стр. 182): «грѣшитъ противъ законовъ армян-«скаго языка, такъ какъ суффиксъ *աւէտ* показываетъ изобиліе и мно-«жество чего нибудь въ отношеніи *количественномъ*, будетъ ли то пред-«метъ, или отвлеченное понятіе, напр. *հացաւէտ*, *կոհակաւէտ*, *շահաւէտ*, «*ուրախաւէտ*».

Если есть какое либо слово, подлежащее изгнанію, какъ искусственное образованіе, такъ это приводимое г. Халатьянцемъ въ назиданіе Хоренскому *ուրախաւէտ*: этого слова, встрѣчающагося лишь у такихъ стилистовъ, какъ неизвѣстный переводчикъ *Хрій*, котораго традиція видитъ опять таки въ Хоренскомъ, не могъ образовать ни одинъ армянинъ въ классическій періодъ. Интересующій насъ суффиксъ присоединяется къ именамъ существительнымъ, а не прилагательнымъ, и съ этой стороны *թիկնաւէտ* Хоренскаго грамматически вполнѣ правильное образованіе [1]).

На стр. 195—196, по поводу непонятнаго слова *բամբիռն*, названія музыкальнаго инструмента, у г. Халатьянца читаемъ, что «или Хо-«ренскій переиначилъ *փանդիռն*, желая тѣмъ избѣгнуть обычнаго вы-«раженія (?!) и создать нѣчто новое, своеобразное, или это искаженіе «надо отнести къ переписчикамъ, или же, наконецъ, нужно признать, что «*բամբիռն* слово позднее, не восходящее ранѣе IX вѣка».

Такое объясненіе по крайней мѣрѣ безвредно, хотя книга, конечно, выиграла бы отъ его отсутствія.

На стр. 277 г. Халатьянцъ утверждаетъ, что «въ I в. по Р. Хр. и даже при сассанидахъ» глаголъ *приходить* на персидскомъ долженъ былъ звучать не amat, а только mat.

Это однако невѣрно. Въ пеhлеви рядомъ съ mat существовало и āmat, и это какъ разъ самая обычная форма (C. Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift... zu St.-Petersburg*, стр. 78, послѣдняя строка; J. Darmesteter, *Études iraniennes*, 1883, I, стр. 202; Horn, *Grundriss der neup. Etymolog.* 1893, стр. 11,48). Г. Халатьянцъ ссылается на одно примѣчаніе Nöldeke (Tabari, стр. 9,2), но въ данномъ случаѣ, объясняя *Հրամատար* Елисея, маститый ученый привелъ исключительно форму matan только потому, что въ другой формѣ — ā-matan — не было надобности.

1) Кстати, замѣтимъ и то, что суффиксъ самъ вовсе не звучитъ *աւէտ*, а лишь *ւէտ*. Г. Халатьянцъ, повидимому, смѣшиваетъ этотъ суффиксъ съ прил. *յաւէտ*, но на дѣлѣ это двѣ различныя вещи. Гласное *ա* въ *թիկնաւէտ*, какъ и въ *խոտաւէտ* (М. Хор. II, 6), есть такъ называемый соединительный гласный звукъ, безъ котораго и обходятся, когда основа сама по себѣ гласная, напр. *գինեւէտ* отъ *գինի* (*գինաւէտ* есть позднѣйшее образованіе по аналогіи). Если бы въ *աւէտ* мы имѣли прилагательное *յաւէտ*, то въ сложеніи съ существительными *գինի*, *թէկն* и пр. мы имѣли бы несуществующія формы **յաւետագինի*, **յաւետաթէկն*.

Мы, быть можетъ, менѣе, чѣмъ кто либо другой, вѣримъ въ возможность безукоризненнаго выполненія большого научнаго изслѣдованія въ нашей спеціальности. На промахи и иногда неизбѣжное нарушеніе строгихъ научныхъ пріемовъ обрекаетъ заранѣе себя каждый, кто имѣлъ неосторожность взяться за рѣшеніе сколько нибудь обширнаго вопроса по арменовѣдѣнію. Однако не ясное ли дѣло, что вмѣсто торжества авторъ готовитъ большое испытаніе своей основной мысли и дискредитируетъ ее, если для ея подтвержденія прибѣгаетъ къ такимъ, какъ указанные, малонадежнымъ доводамъ. Развѣ такъ уже невѣрно дѣло, чтобы хвататься, точно утопающій за соломинку, за первые подвернувшіеся подъ руки факты и за первыя пришедшія въ голову соображенія? Не ущерба ли больше дѣлу въ этомъ, чѣмъ пользы? Но есть и другая опасность. Накопленіе доводовъ, мало обоснованныхъ, а подчасъ и вовсе ни на чемъ не основанныхъ, грозитъ создать новую атмосферу ложныхъ представленій о прошломъ армянъ, которая, застоявшись и пустивъ корни, можетъ оказаться болѣе пагубною для успѣховъ арменовѣдѣнія, чѣмъ традиціонный ошибочный взглядъ на историческій трудъ и личность Моисея Хоренскаго.

Обратимся теперь къ постановкѣ вопроса, которому, если вѣрить заглавію, посвященъ весь трудъ г. Халатьянца. Надо знать, какъ высоко ставилъ, еще недавно, развѣнчиваемаго отца армянской исторіи авторъ предлежащей работы, чтобы понять ту страстность, съ которою пытается онъ вкоренить въ читателѣ свое новое діаметрально противоположное мнѣніе о томъ же писателѣ, основанное на болѣе близкомъ и болѣе самостоятельномъ его изученіи.

«Хоренскій и какъ писатель, и какъ историкъ занимаетъ въ армян-«ской литературѣ первостепенное мѣсто. Его возвышенный слогъ и бога-«тый языкъ вмѣстѣ съ научнымъ мѣткимъ лаконизмомъ, его развитой «вкусъ, начитанность и наконецъ умѣніе писать изящно и плѣнительно «представляютъ неоспоримыя литературныя достоинства. Какъ историкъ, «Хоренскій не имѣетъ равнаго себѣ уже потому, что онъ первый началъ «мысль написать исторію Арменіи съ древнѣйшихъ временъ... Его глу-«бокое пониманіе исторіи и тонкій художественный вкусъ съ особымъ «блескомъ обнаруживаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ, проникая въ глубь «армянской древности, стремится возсоздать давно минувшія событія на «основаніи обрывковъ чуднаго національнаго (армянскаго) эпоса и преданій «старины [1])».

Для кумира, поставленнаго на такой высотѣ, какъ оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи, незаслуженно, разочаровавшійся въ немъ ученый не находитъ лучшаго мѣста, какъ позорный столбъ, у котораго и выставляется Моисей Хоренскій, въ качествѣ единственнаго въ своемъ

1) Гр. Халатьянцъ, Մովսէս Խորենացու Հայոց Պատմութիւնն խորէն Ե. Վ. Ստեփանէի թարգմանութեամբ, Араксъ, 1890, I, стр. 115—116 = отд. отт., стр. 3—4.

родѣ изобрѣтателя... въ области фальсификаціи и поддѣлыванія научныхъ документовъ.

По крайней мѣрѣ въ настоящее время тотъ же ученый обстоятельно знакомитъ насъ съ подробностями своихъ взглядовъ на вопросъ и доказываетъ, что у того же Хоренскаго вмѣсто слѣдовъ чуднаго національнаго (армянскаго) эпоса или преданій старины, вмѣсто научнаго мѣткаго слога и тонкаго художественнаго вкуса оказываются разныя далеко не научныя и весьма грубыя «художества», и что Хоренскій, выдающій-де себя за писателя V-го вѣка, на самомъ дѣлѣ работалъ въ концѣ восьмого или даже въ началѣ IX-го вѣка [1]).

Заглавіе труда, повидимому, относится къ тому времени, когда г. Халатьянцъ исповѣдывалъ теорію покойнаго Эмина объ эпосѣ у Хоренскаго, точно воплощенную истину; съ того времени г. Халатьянцъ успѣлъ измѣниться, но почему-то счелъ лишнимъ измѣнить сообразно и заглавіе. Въ настоящемъ трудѣ по существу рѣчи нѣтъ объ армянскомъ эпосѣ, имѣющемся у М. Хоренскаго: онъ критикуетъ главнымъ образомъ тотъ «чудный армянскій эпосъ», который навязывали Хоренскому остроумные филологи.

Вопросъ о заглавіи дѣло вкуса, поскольку дѣло касается его редакціи, т. е. степени полноты, мѣткости и тѣмъ болѣе красоты заглавія. Но совсѣмъ другое дѣло, когда содержимое книги и выставленное на заглавной страницѣ названіе представляютъ двѣ несоразмѣримыя величины. Вопросъ о заглавіи въ данномъ случаѣ сводится къ постановкѣ вопроса, а научно рѣшать невѣрно поставленный вопросъ это все равно, что стрѣлку нарочно цѣлиться мимо мишени.

Конечно, спорить по существу съ кѣмъ бы то ни было о происхожденіи армянъ и объ эпосѣ, долженствующемъ отражать эту изначальную исторію, мы не можемъ. Для г. Халатьянца, какъ и для большинства, армяне — арійцы, исключительно съ тѣми или другими арійскими преданіями, чуждые совершенно семитическому міру. Для насъ же въ армянахъ, какъ и въ армянскомъ языкѣ стародавняя основа вовсе не арійская, какъ ни плотенъ въ нихъ арійскій слой; даже въ языкѣ армянскомъ, казалось бы вконецъ аріизованномъ, многое наиболѣе характерное для армянскаго, оказывается неарійскимъ, хотя и армянскимъ. Весьма цѣнные элементы доарійскаго армянскаго удается намъ выдѣлить изъ

1) Представляя изъ себя трудъ, написанный въ VIII или IX вѣкѣ, притомъ, допустимъ, составленный на основаніи поголовно недостовѣрныхъ источниковъ, развѣ *Исторія Арменіи* Хоренскаго не могла бы сохранить за собою славу литературнаго памятника, изложеннаго «мѣткимъ слогомъ» и составленнаго съ «тонкимъ художественнымъ вкусомъ»? Могла бы, конечно, но, судя по исторіи возникновенія разбираемаго памятника, какъ ее рисуетъ намъ г. Халатьянцъ, текстъ его долженъ представлять такую мозаику фальсификацій, такое пестрое нищенское рубище, сшитое изъ всевозможныхъ негодныхъ лохмотьевъ, что не можетъ быть рѣчи ни о какомъ вообще слогѣ, ни о какомъ вкусѣ нашего историка. Но такъ ли это?

армянскаго языка сличеніемъ съ грузинскимъ языкомъ. Болѣе того, грузинскій языкъ вмѣстѣ съ доарійскимъ армянскимъ языкомъ и съ нѣкоторыми другими языками, какъ уже выяснили мы себѣ, составляютъ одну лингвистическую семью, которая оказывается въ несомнѣнномъ родствѣ съ семитическою семьею языковъ. Понятно, ученый имѣетъ полное право игнорировать все, что еще не напечатано, но у г. Халатьянца есть сужденіе, которое намъ кажется крайне рискованнымъ. Именно на страницѣ 111 онъ пишетъ:

«Исторію Урартійцевъ (Урарту — Араратъ), древнѣйшаго народа, «населявшаго географическую Арменію [а какая еще есть негеографическая «Арменія?] и принимаемаго нѣкоторыми учеными за прото-армянъ, нужно «въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ, вслѣдствіе спорности и запутан«ности вопроса объ языкѣ Ванскихъ надписей, равно какъ и объ націо«нальности начертившаго эти надписи племени. Гораздо важнѣе для насъ «та эпоха въ жизни армянъ, которую застаетъ достовѣрная исторія и т. д.».

Но развѣ у насъ есть какія либо данныя въ пользу того, что прото-армяне не оказали вліянія на армянъ-арійцевъ и, слѣдовательно, прото-армянскія преданія не могли отразиться на эпосѣ позднѣйшихъ армянъ, впослѣдствіи арійзованныхъ и иранизованныхъ? Конечно, нѣтъ

Можно ли, слѣдовательно, въ настоящее время судить въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлается, о подлинности эпоса, собственно обрывковъ эпоса, преподносимыхъ намъ Хоренскимъ въ литературной обработкѣ?

На стр. 112—113 у г. Халатьянца читается:

«Вопреки всѣмъ .... неоспоримымъ даннымъ, вопреки историческимъ, «можно сказать, законамъ, начальная лѣтопись армянъ—*индоевропейцевъ* «по происхожденію и *иранцевъ* по культурѣ—явилась въ сильной *семити«ческой* окраскѣ, благодаря вліянію библейско-христіанскихъ, книжныхъ «представленій эпохи; а это обстоятельство ясно указываетъ, во первыхъ, «на ея искусственность и, во вторыхъ, на болѣе позднее ея составленіе, «чѣмъ V и VI вѣка».

Законы и неоспоримыя данныя до сихъ поръ не могутъ быть установлены даже относительно армянской лингвистики, по которой имѣются хоть какія ни есть научныя работы.

Никакихъ «неоспоримыхъ данныхъ», никакихъ даже такъ сказать «историческихъ законовъ» не существуетъ по отношенію къ армянскому эпосу, долженствующему отражать начальную исторію Арменіи, такъ какъ самъ этотъ эпосъ пока является спорною величиною, какъ это ясно прежде всего изъ попытки самого г. Халатьянца, вовсе отрицающаго армянскій эпосъ.

Стараясь разрѣшить то, что нашему пониманію пока недоступно, г. Халатьянцъ высказываетъ мысли въ сущности ни на чемъ не основанныя вродѣ того, что будто «библейскіе или апокалипсическіе мотивы чужды воззрѣніямъ языческихъ армянъ» (стр. 183).

Но допустимъ вѣрность сужденія, что «семитическая окраска», какъ утверждаетъ г. Халатьянцъ, тѣхъ или другихъ сказаній есть результатъ исключительно позднѣйшихъ въ Арменіи «библейско-христіанскихъ [1]), книжныхъ представленій», развѣ этимъ обстоятельствомъ уничтожается значеніе армянскаго эпоса или опровергается существованіе армянскаго эпоса?

Г. Халатьянцъ, конечно, согласится съ нами, что древне-армянская литература исключительно церковно-схоластическая; что она совершенно чужда романтизма и мірской поэзіи, всѣхъ тѣхъ литературныхъ родовъ, отъ которыхъ по мнѣнію армянскихъ писателей, могли пострадать добрые христіанскіе нравы читателей. Литература армянская, вызванная къ жизни и продолжавшая питаться иностранными источниками, была однако закрыта для иностранной изящной литературы, и это, конечно, исключительно потому, что представители ея боялись всего нехристіанскаго не только языческаго, но и мусульманскаго. Равнымъ образомъ умалчиваютъ армянскіе писатели о родномъ folk-lore'ѣ: народныя сказки и пѣсни для древнихъ армянскихъ писателей предметъ омерзѣнія; отъ нихъ они открещиваются, какъ отъ дьявольскаго навожденія. Езникъ упоминаетъ о нихъ мимоходомъ, какъ о предметѣ, не заслуживающемъ вѣры. Армянскіе писатели по своему существу не могли ни интересоваться народнымъ эпосомъ, ни охотно воспроизводить его на бумагѣ.

Между тѣмъ на стр. 203 *Изслѣдованія* читаемъ:

«Неужели можно вѣрить тому, что авторъ нашъ имѣлъ подъ рукою «цѣлую эпопею о Вахагнѣ и привелъ изъ нея лишь крошечный обрывокъ?» «Могъ ли», спрашиваетъ г. Халатьянцъ въ концѣ длинной тирады, могъ «ли такой писатель (т. е. Хоренскій) имѣть въ своемъ распоряженіи «обширный народный эпосъ, грандіозную поэму о Вахагнѣ и не пользо«ваться ею по возможности полнѣе? Очевидно, нѣтъ», спѣшитъ онъ самъ отвѣтить.

«Очевидно, да», скажетъ всякій, кто рѣшеніе этого частнаго вопроса будетъ ставить въ зависимость отъ общаго характера армянской литературы.

Такой же смыслъ имѣетъ слѣдующее замѣчаніе г. Халатьянца на стр. 205:

«Не лишне замѣтить, что для такого важнаго момента въ исторіи «армянъ, какъ борьба ихъ, въ лицѣ Вахе, съ Великимъ Македоняниномъ, «съ именемъ котораго связано такъ много сказаній на Востокѣ, Хоренскій «довольствуется двумя строчками! Чѣмъ это объяснить, какъ не отсут«ствіемъ вообще какихъ бы то ни было мѣстныхъ, армянскихъ источни«ковъ по древней исторіи, либо по эпосу армянъ».

Нѣтъ, не отсутствіемъ источниковъ армянскаго эпоса, а тѣмъ враждебнымъ чувствомъ, которое армянскіе книжники питали къ родному

1) Кстати, слѣдовъ христіанскаго вліянія въ армянскомъ эпосѣ Хоренскаго абсолютно нѣтъ.

эпосу, приходится объяснять скудость народныхъ мотивовъ въ армянской литературѣ. Это явленіе впрочемъ наблюдается не исключительно въ армянской литературѣ; по поводу русскаго богатырскаго эпоса извѣстный знатокъ древне-русской литературы говоритъ: «Въ старину, наша народная поэзія такъ усердно преслѣдовалась и проклиналась, что у книжниковъ не было мужества взяться за ея воспроизведеніе; позднѣе, для этого прошло время, потому что и самый народъ началъ забывать былину,—какъ на западѣ забыли свой народный эпосъ, только гораздо раньше» (Вѣстникъ Европы, 1897, мартъ, стр. 394).

Чтò особенно поучительно, такъ это то, что на стр. 338—339 труда авторъ самъ, незамѣтно для себя, противорѣчитъ себѣ, такъ какъ пишетъ:

«Историкъ армянскій въ области народной поэзіи гнушается, какъ «мы видѣли, всѣмъ, что носитъ иранскій, восточный характеръ [1]), пред«почитая ему художественные миѳы эллиновъ. Если даже и были у на«шего автора какія нибудь народныя сказанія, онъ старался тщательно «передѣлывать ихъ» и т. д.

Посмотримъ на то, какъ г. Х-цъ обращается съ вопросомъ о народномъ армянскомъ эпосѣ у Хоренскаго, избранномъ предметѣ его диссертаціи.

Этотъ вопросъ въ данной работѣ его не интересуетъ по существу. Онъ пользуется имъ лишь какъ орудіемъ для того, чтобы возбудить въ читателяхъ охватившее его чувство полнаго недовѣрія къ Хоренскому, какъ писателю. Для этого г. Х-цъ не считается съ подлиннымъ эпосомъ у Хоренскаго, а создаетъ себѣ излишнее препятствіе.

Препятствіе это—теорія покойнаго Эмина; эта теорія со стороны ученаго переводчика Хоренскаго была остроумною, но неудачною попыткою поднять значеніе *Исторіи* Хоренскаго, какъ источника для исторіи, ссылкою на народное происхожденіе всѣхъ легендъ, сообщаемыхъ въ этомъ памятникѣ. Эмину хотѣлось доказать, что устами Хоренскаго сказываютъ намъ сами рапсоды армянскіе; Эминъ возводилъ непосредственно къ народнымъ пѣвцамъ такія страницы Хоренскаго, которыя еще до Хоренскаго вращались въ болѣе примитивной версіи въ армянской литературѣ и которыя въ обработкѣ Хоренскаго во всякомъ случаѣ должны быть разбираемы уже, какъ позднѣйшіе книжные изводы. Если бы г. Халатьянцъ велъ полемику съ Эминымъ, то намъ едва ли что пришлось бы возражать.

Дѣло однако въ томъ, что теорію Эмина г. Халатьянцъ не опровергаетъ, какъ нѣчто, навязанное Хоренскому [2]), а какъ нѣчто такое,

1) По мнѣнію г. Халатьянца, подлинный народный армянскій эпосъ долженъ носить именно иранскій характеръ; слѣдовательно, и самъ г. Халатьянцъ признаетъ, что Хоренскій гнушается армянскимъ эпосомъ.

2) Только на стр. 257 упоминаетъ г. Халатьянцъ, что опровергая, какъ онъ думаетъ, достовѣрность 47 гл. II кн. Хоренскаго, онъ опровергаетъ теорію на-

въ созиданіи чего принималъ участіе самъ Хоренскій. Этимъ способомъ г. Х-цу весьма искусно удается кругомъ опутать Хоренскаго цѣлою сѣтью обвиненій. Опровергнувъ блестяще теорію Эмина, которую г. Халатьянцъ исповѣдывалъ еще недавно, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ, какъ ему кажется, всякое присутствіе подлиннаго народнаго эпоса въ *Исторіи Арменіи* Хоренскаго. Свой взглядъ по этому предмету совершенно ясно выражаетъ г Х-цъ на стр. 270:

«Онъ, Хоренскій, а никакъ не народные пѣвцы, и есть по преиму-«ществу авторъ всего романическаго, всего аллегорическаго *и всего эпиче-«скаго* [курс. рец.], заключающихся въ его *Исторіи*».

Если намъ удастся убѣдить читателя, быть можетъ, и автора, въ непрочности сужденія г. Х-ца о древне-армянскомъ народномъ эпосѣ и объ *Исторіи* Хоренскаго, насколько оно зависитъ отъ оцѣнки нашимъ изслѣдователемъ армянскаго народнаго эпоса у этого историка, то главная цѣль настоящей статьи будетъ достигнута.

Въ основѣ оцѣнки г. Халатьянца лежатъ два пріема, которые даютъ, какъ я полагаю, превратное представленіе объ эпическомъ элементѣ, внесенномъ въ *Исторію* Хоренскаго.

Хоренскій не сочувствовалъ народнымъ разсказамъ, и если обращалъ вниманіе на народныя сказки и пѣсни, то лишь постольку, поскольку онѣ поддавались его изощренному, искусственному толкованію. Толкованіе это, конечно, не могло раскрыть дѣйствительнаго смысла народныхъ сказаній, эпическихъ или иныхъ, которыя порою могли въ самомъ дѣлѣ отражать стародавнюю жизнь всего края. Было бы мало основательно требовать отъ Хоренскаго научнаго въ нашемъ смыслѣ слова изслѣдованія народнаго эпоса Арменіи; толкованія Хоренскаго также научны, но съ точки зрѣнія господствовавшей въ древней Арменіи схоластической науки; пріемомъ иносказательнаго пониманія вещей, усвоеннымъ въ школѣ при изученіи греческихъ риторовъ, Хоренскій воспользовался при составленіи своей *Исторіи* и съ такимъ орудіемъ въ рукахъ онъ кое-гдѣ и привлекъ къ дѣлу народныя сказанія для «оправданія» своихъ книжныхъ разсказовъ.

Есть ли въ самой связи повѣствованія Хоренскаго звенья, дѣйствительно восходящія къ народному эпосу, мы изъ самого памятника не знаемъ; одни хотѣли было думать, что не одно звено происходитъ изъ народнаго эпоса, г. Халатьянцъ въ общемъ сводитъ къ нулю вліяніе эпоса въ *Исторіи* Хоренскаго [1]), мы же, считаемъ этотъ вопросъ по существу преждевременнымъ; самъ Хоренскій всюду ставитъ на видъ свою зависимость отъ писанныхъ источниковъ и нигдѣ не говоритъ, что

родно-эпическаго ихъ происхожденія. Но эта свѣтлая мысль исчезаетъ безслѣдно во всѣхъ другихъ тождественныхъ случаяхъ, гдѣ за несостоятельность Эминовской теоріи авторъ привлекаетъ къ отвѣтственности невиннаго въ этомъ отношеніи Хоренскаго.

1) Стр. 200 и сл.

та или другая эпоха описана имъ на основаніи народныхъ преданій; Хоренскій не прочь мѣстами въ подтвержденіе правдивости своей книжной *Исторіи* сослаться на народныя сказанія, но онъ ихъ понимаетъ аллегорически, и потому для насъ цѣнны лишь сами отрывки изъ эпоса, а нисколько не толкованія Хоренскаго. Чтобы быть понятыми вполнѣ и не арменистами, мы укажемъ на отрывокъ персидскаго эпоса у Хоренскаго: въ концѣ первой книги приводится вкратцѣ изъ персидскихъ сказокъ (*ի պարսից առասպելեաց*) сначала само сказаніе о Бюраспѣ Аждаhакѣ и hРуденѣ, т. е. персидскомъ Феридунѣ, а затѣмъ толкованіе этого сказанія; толкованіе Хоренскаго, видящаго во всемъ лишь аллегорію, ни съ чѣмъ несообразно и безусловно произвольно, но сказка персидская дѣйствительно существовала.

По той же причинѣ ясно, что если аллегорическія толкованія Хоренскаго, нужныя ему для чего либо, оказываются невѣрными, то армянскій эпосъ въ этомъ неповиненъ [1]).

Между тѣмъ напр. на стр. 193—194, признавъ несостоятельность историческихъ свѣдѣній Хоренскаго о легендарномъ Тигранѣ Арташэсѣ и Артаваздѣ, г. Халатьянцъ пишетъ: «Такимъ образомъ, авторъ «Исторіи Арменіи» хотѣлъ установить искусственную цикдизацію вообра«жаемаго армянскаго эпоса вокругъ такихъ, по его мнѣнію, выдающихся «личностей, какъ Тигранъ и Арташесъ».

Допустимъ, что тутъ имѣемъ дѣло съ какою-либо циклизаціею—и, конечно, искусственной—эпоса, развѣ мы тѣмъ самымъ получаемъ основаніе называть самый эпосъ воображаемымъ? Намъ кажется, нѣтъ.

На стр. 279—280 по поводу разсказа Хоренскаго (II, 49) о построеніи Арташэсомъ города Арташата г. Халатьянцъ говоритъ:

«Всего какихъ-нибудь 4—5 строкъ, уже ничего эпическаго въ себѣ не заключающихъ», [а именно] «на мѣстѣ, гдѣ сливаются Араксъ и Мецаморъ, говоритъ Хоренскій, Арташэсъ строитъ городъ и называетъ по своему имени Арташатъ. Араксъ снабжаетъ его сосновымъ лѣсомъ»". «Вотъ и все»! восклицаетъ г. Халатьянцъ. Во-первыхъ, слова «снабжаетъ его сосновымъ лѣсомъ» поармянски гласятъ «*ձեռնտու լինի նմա և փայտիւք մայրից*» и эта фраза имѣется готовая уже въ *Книгѣ царствъ* (III, 9,11): (*Քիրամ արքայ Տիւրոսի*) *ձեռնտու էր Սողոմոնի* (*եղևնափայտիւք*) *և փայտիւք մայրից.*

Но дѣло въ томъ, что эта фраза и вся цитата [2]) взята изъ той части

1) Повидимому, то же самое говоритъ г. Халатьянцъ самъ на стр. 199: «Отсюда, я думаю, ясно, что» и т. д. Но тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что эта безусловно вѣрная мысль не помѣшала ему за несостоятельность схоластическихъ толкованій Хоренскаго привлекать къ отвѣтственности армянскій эпосъ.

2) Изъ Хоренскаго не видно, что народные пѣвцы Арташэса, строителя Арташата, считали Арташэсомъ Вторымъ, современникомъ Домиціана, Траяна и Адріана (87—117 гг.) (Гр. Хал., стр. 278—279).

49-ой главы (II кн. Хор.), въ которой завѣдомо рѣчи не можетъ быть о самомъ эпосѣ. Въ ней дается лишь толкованіе, аллегорическое толкованіе народнаго эпоса, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ предваряющихъ словъ самаго Хоренскаго. Разсказавъ кое-какъ народныя сказанія о народномъ героѣ Арташэсѣ въ началѣ 49-ой главы, Хоренскій пишетъ — «Все это, какъ мы уже говорили, тебѣ извѣстно по пѣснямъ «випасановъ» (бардовъ, пѣвцовъ), но упомянемъ и мы вкратцѣ и оправдаемъ иносказательный смыслъ ихъ», и затѣмъ Хоренскій предлагаетъ оправданіе иносказательно понимаемыхъ имъ народныхъ пѣсенъ, т. е. свое искусственное толкованіе на основаніи исторій, извѣстныхъ ему изъ другихъ, книжныхъ, источниковъ.

Но г. Халатьянцъ все же настаиваетъ на своемъ, будто вся исторія о царѣ Арташэсѣ Хоренскимъ выдается за прямое заимствованіе изъ армянскаго эпоса, и на стр. 243 опять таки заявляетъ, что «съ точки зрѣнія .... дѣйствительно эпическаго ея происхожденія и характера, она не выдерживаетъ критики».

Болѣе того, произвольно принимая часть того же книжнаго толкованія Хоренскаго касательно божествъ за часть, подлиннаго-де по словамъ Хоренскаго, эпоса, г. Халатьянцъ, понятно, открываетъ противорѣчіе и обличаетъ въ немъ опять таки Хоренскаго на стр. 281, гдѣ Х-цъ пишетъ — «Хоренскій впадаетъ въ странное противорѣчіе съ са«мимъ собою: выходитъ такъ, что армянскіе пѣвцы, пѣснями которыхъ «онъ, согласно его увѣренію, пользуется въ данномъ случаѣ, національ«ныхъ своихъ боговъ называли чуждыми имъ, греческими именами!».

Хоренскій ничего подобнаго не увѣряетъ. Такъ могли увѣрять послѣдователи Эминовскій теоріи, съ ея зиждителемъ во главѣ.

На стр. 250 и слѣдующихъ г. Халатьянцъ подвергаетъ сомнѣнію существованіе въ глубокой древности рода Мурацанъ и доказываетъ себѣ, что этого рода не было въ древности. Положимъ. Но такъ какъ въ своей Исторіи Хоренскій разсказываетъ о враждѣ Артавазда въ Аргаму Мурацану, то г. Халатьянцъ на стр. 251 сомнѣвается «въ достовѣрности Моисеева разсказа» о несуществовавшемъ въ глубокой древности княжескомъ родѣ Мурацанѣ. Это — по крайней мѣрѣ понятно, но г. Х-цъ тутъ же за разъ сомнѣвается «и въ подлинности приводимой историкомъ народной пѣсни», хотя въ этой пѣсни рѣчи нѣтъ о Мурацанахъ, хотя Аргамъ Мурацанъ упоминается лишь въ толкованіи Хоренскаго, а не въ самихъ пѣсняхъ.

Резюме по этому вопросу на стр. 262 заслуживаетъ прочтенія, какъ характеризующій діалектическіе пріемы ученаго въ настоящемъ изслѣдованіи:

«Резюмируя все сказанное о княжествѣ Мурацанъ, мы видимъ, что «существованіе его въ Арменіи въ столь отдаленную эпоху, а равно и «приписываемая ему первенствующая роль въ государствѣ болѣе, чѣмъ «сомнительны. Если это заключеніе не безъосновательно, тогда и повода

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ренскому искусственнымъ толкованіемъ пѣсенъ и сказокъ обогатить свою связную исторію какими либо новыми эпизодами, или онъ довольствуется совпаденіемъ именъ народныхъ сказаній и своей книжной исторіи, когда онъ ссылается на армянскій эпосъ, какъ на оправдательный документъ. Что Хоренскій не былъ очень требователенъ въ этомъ отношеніи, видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая.

Разсказавъ о войнѣ императора Домиціана съ Арташэсомъ, Хоренскій вспоминаетъ изъ народныхъ пѣсенъ имя Дометъ, и повидимому еще борьбу съ этимъ Дометомъ Арташэса, и говоритъ (II, 54):

«Нашу (*դայս* букв. *эту*) исторію и желаютъ воспѣть въ сказкахъ «(пѣвцы), когда сказываютъ о прибытіи какого-то Домета, который есть «самъ императоръ Домиціанъ (*Դոմետիանոս*); однако онъ не приходилъ «сюда (въ Арменію), но (пѣвцы) аллегорически (*այլաբանելով*) его приказаніе и его войска назвали его именемъ».

Если Хоренскій сочинялъ бы самъ «народный эпосъ» въ качествѣ оправдательнаго документа, то онъ находилъ бы въ такомъ «эпосѣ» больше поддержки, и во всякомъ случаѣ имъ же сочиненный эпосъ не противорѣчилъ бы его же *Исторіи*.

Но вѣрный своему методу, г. Халатьянцъ и въ этотъ разъ за несостоятельностью аллегоріи, принадлежащей исключительно Хоренскому, и народную пѣснь о Дометѣ называетъ на стр. 305 «мнимою».

Иногда Хоренскій цитуетъ одно и то же народное произведеніе въ двухъ мѣстахъ, такъ какъ ему удается двояко истолковать его. Такъ, кончивъ книжную исторію Тиграна и мидійскаго царя Аждаһака, означающаго поперсидски *драконъ*, онъ ссылается на Гоӷтанскія пѣсни, такъ какъ въ нихъ упоминается о *Маракертѣ*, т. е. *Мидоградѣ* [или, по искусственной этимологіи, *Змѣеградѣ*, такъ какъ «мар» по персидски означаетъ *змѣю*], и *драконахъ* (I, 30), но тѣ же пѣсни, цитуемыя къ сожалѣнію обрывочно въ нѣсколькихъ стихахъ, Хоренскій въ 49 гл. II кн. толкуетъ, какъ оправдательный документъ своей книжной исторіи царя Арташэса на томъ основаніи, что въ нихъ названы Арташэсъ — Артавваздъ, Сатеникъ и Аргаванъ, въ которомъ онъ признаетъ своего Аргама [1]).

Но этотъ схоластическій пріемъ Хоренскаго г. Халатьянцъ на стр. 243 хочетъ объяснить желаніемъ историка «выставить на видъ пространный объемъ армянскаго эпоса». Съ одной стороны, Хоренскій, представитель армянской аскетически строгой литературы, съ презрѣніемъ упоминающій о народныхъ пѣсняхъ, и, съ другой, желаніе выставить на видъ пространный объемъ армянскаго эпоса, вѣдь это два взаимно исключающихъ другъ друга явленія! Не только выставить на видъ, но даже сочинить съ успѣхомъ «пространный объемъ армянскаго эпоса» съумѣли лишь новѣйшіе филологи, но все это пошло прахомъ, такъ какъ оно было основано на произвольномъ толкованіи текста.

1) *Այս Արգամ է, որ յառաջապելին Արգաւանն անուանի* (II, 51).

Истолкованіе, «аллегорія» завѣдомо, со словъ самого Хоренскаго, принадлежитъ ему—Хоренскому, между тѣмъ г. Халатьянцъ добрую часть своего труда посвящаетъ тому, чтобы доказать то, что не нуждается въ доказательствѣ. Г. Халатьянцъ постоянно выражается такъ, какъ будто Хоренскій аллегоріи приписывалъ народнымъ пѣвцамъ, но вотъ г. Халатьянцъ уличаетъ Хоренскаго. Такъ на стр. 247 доказавъ, что дважды два четыре, именно что армянскимъ пѣвцамъ не могло принадлежать аллегорическое толкованіе пѣсни объ Арташэсѣ, г. Халатьянцъ заключаетъ:

«Ясно, что самъ Хоренскій имъ это приписываетъ: другими словами — «аллегорія», на которую такъ часто ссылается нашъ историкъ, «принадлежитъ ему самому» [1]).

На стр. 245 Халатьянцъ пишетъ:

«По смыслу словъ Хоренскаго выходитъ такъ, что ....*всякая аллегорія* въ его Исторіи принадлежитъ народнымъ пѣвцамъ, которые, будто, «поэтизировали извѣстныя имъ и даже имъ современныя историческія событія по своему представленію».

Хочетъ ли этимъ сказать г. Халатьянцъ, что аллегорическое пониманіе народныхъ пѣсенъ, по мнѣнію Хоренскаго, принадлежитъ народнымъ пѣвцамъ?

Аллегорическое пониманіе есть школьное пріобрѣтеніе Хоренскаго; это достаточно выяснено. Но укажемъ еще на одно мѣсто (въ I, 30), гдѣ самъ Хоренскій съ гордостью говоритъ объ этомъ своемъ умѣніи:

«Не правда-ли, — пишетъ онъ Саhаку Багратиду — здѣсь ты не можешь вдоволь надивиться нашей правдивой исторіи, именно тому, какъ «мы истолковали сокровенный смыслъ разсказовъ о драконахъ, что на «свободномъ Масисѣ» [2]).

Вина, я скажу болѣе — преступленіе Хоренскаго не въ томъ, что онъ сочинялъ пѣсни, а въ томъ, что, гнушаясь народныхъ «мужицкихъ» (*գեղջուկ*) языческихъ разсказовъ, довольствуется, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, намеками на тѣ или другіе эпизоды и пространно излагаетъ самодѣльныя, съ современной намъ точки зрѣнія «quasi-научныя», ихъ толкованія. Но въ этомъ преступленіи, т. е. въ замалчиваніи родного folklore'а повинна вся древне-армянская литература.

Есть еще другой путь, выбранный г. Халатьянцомъ, повидимому, для того, чтобы дать читателю желательное ему представленіе объ армянскомъ народномъ эпосѣ у Хоренскаго; этотъ путь состоитъ въ томъ, что г. Халатьянцъ относитъ въ область подлинныхъ эпическихъ сказаній или приписываетъ эпосу такіе отрывки, которые, и по заявленію самого Хоренскаго, не имѣютъ никакаго отношенія къ эпосу.

1) Такое же по существу открытіе дѣлаетъ г. Х-цъ на стр. 305: «Для насъ важно отмѣтить, что не армянскіе пѣвцы» и т. д.

2) Եւ *արդ ո՞չ առաւել աստանօր զարմանայցես ի վերայ մերոյ ճշմարտապատմութեանս, թէ որպէս յայտնեցաք զանյայտ իրս վիշապաց, որք են յազատն ի վեր ի Մասիս.*

На стр. 174 г. Халатьянцъ цитуетъ Хоренскаго (I, 26) въ такихъ словахъ: «Въ тѣ дни, говоритъ (Эпосъ), немалой опасностью угрожалъ Аждахаку, что изъ Мар'овъ, союзъ Кира съ Тиграномъ» и т. д.

Г. Халатьянцъ «говорящій эпосъ» заимствовалъ изъ Эмина, именно изъ второго перевода Эмина, исправленнаго согласно съ взглядами покойнаго армениста на роль эпоса въ *Исторіи* Хоренскаго. Въ прежнемъ переводѣ Эминъ не упоминалъ объ «Эпосѣ» [1]), и, главное, въ армянскомъ подлинникѣ рѣчи нѣтъ о «говорящемъ *Эпосѣ*».

Я вовсе не хочу сказать, что недостатки новаго Эминовскаго перевода г. Халатьянцу неизвѣстны; напротивъ, на стр. 338 предлежащаго труда г. Халатьянцъ пишетъ по поводу легенды объ Арцруни: «Отрывокъ этотъ, отличающійся сжатостью, свойственною тщательно выработанной прозѣ Моисея, привожу я не по новому, а по первому переводу «Исторіи Арменіи Н. Эмина (1858 г.), гдѣ въ передачѣ легендарныхъ разсказовъ на русскій языкъ нѣтъ еще со стороны ученаго переводчика «тенденціи подлаживаться подъ эпическія формы предполагаемой народной пѣсни».

Слѣдовательно, г. Халатьянцъ признаетъ, что новый переводъ Эмина не свободенъ отъ тенденціозныхъ вольностей, а между тѣмъ до послѣдней страницы передъ русскими читателями онъ критикуетъ Хоренскаго по этому именно новому русскому переводу [2]).

На стр. 209 у г. Халатьянца читаемъ:

«Исторію этой эпохи, обнимающую главы отъ 37 до 67 второй книги, «Хоренскій черпалъ, по его словамъ, изъ «Храмовой исторіи жреца «Анійскаго храма, Улюпа», изъ народнаго «Армянскаго эпоса» и изъ «Персидскихъ книгъ».

Затѣмъ —

«Что касается .... эпохи послѣ Арташеса и его сыновей, т. е. отъ 67

---

1) Въ переводѣ Эмина 1858 года таже фраза читается: «Въ тѣ дни, говоритъ историкъ, не малою опасностію угрожалъ» и т. д.

2) Поучительно однако то, какъ г. Халатьянцъ зависитъ въ своихъ сужденіяхъ о переводѣ Эмина отъ мимолетнаго теоретическаго настроенія; 24 апрѣля 1893 года онъ самъ въ предисловіи посмертнаго изданія новаго перевода Эмина писалъ, стр. VI:

«Въ отличіе отъ перваго изданія той же Исторіи, вышедшаго въ 1858 г...., настоящій переводъ названъ новымъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ «совершенно новую обработку перваго перевода, а въ отношеніи *безукоризненной точности* [курс. рец.] и художественнаго воспроизведенія Отца армянской исторіи на «русскомъ онъ выполненъ мастерски, превосходя, по нашему мнѣнію, существующіе «до сихъ поръ переводы этого сочиненія на латинскомъ, французскомъ, итальянскомъ «и нѣмецкомъ языкахъ».

Нечего говорить, что г. Эминъ, подлаживавшійся подъ эпическія формы предполагаемой народной пѣсни въ томъ размѣрѣ, въ какомъ представляла ее Эминовская теорія, конечно, не могъ дать точнаго до безукоризненности перевода, какъ это ясно доказываетъ и самъ г. Халатьянцъ своимъ предпочтеніемъ перваго перевода Эмина тогда, когда ему нужно точно передать текстъ Хоренскаго.

«главы до 92-ой главы книги второй и всей третьей книги, — то она не «имѣетъ прямого отношенія къ эпосу».

И такъ, судя по этимъ словамъ г. Халатьянца 30 главъ, начиная 37-ою и кончая 66-ою, имѣютъ прямое отношеніе къ эпосу.

Но сначала выяснимъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Хоренскій слово զրոյց zroyč, безъ ближайшаго опредѣленія?

Слово это означаетъ у Хоренскаго вообще *разсказъ, исторію*, а не исключительно *народный разсказъ*. Когда Хоренскій употребляетъ его въ примѣненіи къ эпосу, то пишетъ (I, 6) անգիր զրոյց *не писанный*, т. е. *устный разсказъ*, допуская слѣдовательно и существованіе *письменнаго* или *книжнаго* զրոյց'а.

Что безъ ближайшаго опредѣленія զրոյց у Хоренскаго обыкновенно означаетъ книжную *исторію, разсказъ* [1]), видно изъ слѣдующихъ случаевъ: въ I, 3 Хоренскій, упоминая о документахъ касательно княжескихъ, частныхъ и общихъ, тяжебъ по наслѣдованію, называетъ эти документы անբաւ զրուցաց մատեանք *книги безконечныхъ разсказовъ*, а не *народныхъ сказокъ*; въ II, 74, упомянувъ объ отцѣ Григорія Просвѣтителя, Хоренскій говоритъ: զմնացեալսն ի զրուցացս ուսուցանէ քեզ Ագաթանգեղոս *остальные разсказы поучаетъ тебѣ Агаѳангелъ*, разсказы же Агаѳангела никакъ нельзя назвать *народнымъ эпосомъ* [2]).

Отъ զրոյց въ смыслѣ *исторіи* Хоренскій образуетъ զրուցաբան *историкъ*, синонимъ պատմաբան'а: въ I, 2 Յունաց զրուցաբանս онъ называетъ *греческихъ историковъ*, а не *греческихъ народныхъ поэтовъ*.

Слѣдовательно, во фразѣ Хоренскаго (II, 37) ունին զրոյցք յաղագս նորա այսպէս *содержатъ разсказы о немъ* (Ерованде) *слѣдующее*, подъ разсказами мы не имѣемъ никакого основанія подразумѣвать *народныя сказанія*, между тѣмъ г. Халатьянцъ пишетъ (стр. 213), будто «историкъ нашъ увѣряетъ, что подробности эти [т. е. 37 главы] онъ черпаетъ изъ армянскихъ сказокъ». На стр. 285—286 самъ г. Халатьянцъ допускаетъ, что 60-ую главу Хоренскій передаетъ со словъ Аристона изъ Пеллы. Дѣйствительно, 60-ую главу Хоренскій цѣликомъ возводитъ если не непосредственно къ Аристону, то во всякомъ случаѣ къ книжному источнику, и эта глава къ эпосу не имѣетъ никакого отношенія.

67-я глава II кн. Хоренскаго посвящена Агаѳангелу, именно тому, какъ этотъ историкъ, по мнѣнію Хоренскаго, лаконичнѣнъ въ исторіи Хосроя и сородичей. Эта глава къ эпосу не имѣетъ никакого отношенія, какъ признаетъ и г. Х—цъ.

---

1) Въ II, 8 мы имѣемъ զրոյցք въ смыслѣ *«сказки эти»*, такъ какъ здѣсь (II, 8) изъ другихъ словъ видно, что рѣчь о народномъ эпосѣ; id. II, 74.

2) Въ смыслѣ *книжной исторіи, разсказа* употребляетъ это слово Хоренскій и въ другихъ случаяхъ, такъ напр. I, 9.

Шестьдесятъ шестую главу Хоренскій цѣликомъ посвящаетъ Бардецӑну Едесскому, который будто бы между прочимъ составилъ *Исторію Арменіи*. «Изъ этой исторіи мы заимствовали и повторили» (*առեալ երկրորդեցաք*), пишетъ Хоренскій въ концѣ той же главы: «отъ цар«ствованія Артавазда до главы (*արձանն*) [1]) о Хосроѣ»; слѣдовательно, главы 61, 62, 63, 64 и 65 составлены на основаніи книжнаго источника, апокрифическаго или достовѣрнаго, это вопросъ другой, который впрочемъ не перестаетъ быть открытымъ вопросомъ и послѣ заявленія г. Халатьянца на стр. 296, что онъ всю эту исторію съ Бардецӑномъ считаетъ «намѣренно» придуманною.

И такъ изъ названныхъ г. Халатьянцемъ главъ подлежатъ исключенію восемь (37, 60—66), не имѣющихъ никакого отношенія къ эпосу.

Но и въ отношеніи оставшихся 22-хъ главъ (отъ 38-й до 59-й) говоритъ ли Хоренскій, что онѣ [2]) составлены на основаніи народнаго армянскаго эпоса?

Нисколько.

Говоритъ ли гдѣ-либо Хоренскій, что 46 гл. II книги написана имъ на основаніи народнаго эпоса?

Нѣтъ.

Между тѣмъ, указавъ на мнимые или подлинные книжные источники Хоренскаго въ этой 46-й главѣ, г. Халатьянцъ на стр. 231 пишетъ: «важно то, что заимствуя у греческаго писателя цѣлые отрывки, отно«сящіеся совершенно къ другой эпохѣ и другимъ лицамъ, Моисей прино«равливаетъ ихъ къ Арменіи, выдавая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ за эпизоды «армянскаго народнаго эпоса!»

Правда, въ 48 гл. II кн. Хоренскій пишетъ [3]):

Եւ զայս մեզ ստուգապէս պատմէ Ողիւպ քուրմ Անւոյ, գրող մեհենական պատմութեանց, և զայլ բազում գործս, զոր ասել կայ մեզ առաջի, որում և պարսից մատեանքն վկայեն և հայոց երգք վիպասանաց։

[Все] это доподлинно намъ разсказываетъ Улюпъ, жрецъ hАни, авторъ *Исторій капищъ* [или *Храмовой исторіи*]; онъ же [повѣствуетъ] и о многихъ другихъ дѣлахъ, которые разсказать предстоитъ въ дальнѣйшемъ. Это же подтверждаютъ персидскія книги и пѣсни армянскихъ пѣвцовъ.

Хоренскій говоритъ лишь то, что его исторію, основанную на книжномъ источникѣ, подтверждаютъ между прочимъ пѣвцы, но мы видѣли, что значитъ въ устахъ Хоренскаго такое подтвержденіе.

---

1) Въ переводѣ опущено слово *արձան*, но само мѣсто это г. Халатьянцъ цитуетъ на стр. 286.

2) О главахъ 49, 50 и 53 см. выше, стр. 255, и ниже, стр. 263.

3) Переводъ этого мѣста у г. Халатьянца, стр. 285.

Г. Халатьянцъ впрочемъ подтвержденіе книжной исторіи схоластическимъ толкованіемъ эпоса хочетъ понять такъ, какъ будто, по Хоренскому, народныя пѣсни въ самомъ дѣлѣ представляли изъ себя историческіе анналы, и сообразно съ такимъ взглядомъ на стр. 281 г. Халатьянцъ, выясняя по своему вопросъ о существованіи *Храмовой исторіи* Улюпа[1]) и другихъ однородныхъ источниковъ, утверждаетъ, будто эти источники, по словамъ Хоренскаго, «не чужды... армянскаго эпоса». Этого безусловно нигдѣ нѣтъ! Это—вымыселъ, измышленіе, несмягчаемое нисколько ограниченіемъ, тутъ же выраженнымъ въ связи съ подлинными словами Хоренскаго.

Доказавъ себѣ несостоятельность сообщеній Хоренскаго касательно языческой религіи армянъ, г. Халатьянцъ на стр. 299 опять заявляетъ, что «выдаваемое Хоренскимъ за заимствованія изъ такъ называемой «*Храмовой исторіи* Улюпа и подобныхъ источниковъ, имѣвшихъ, якобы «связь и съ народнымъ армянскимъ эпосомъ» и т. д.

Для насъ тутъ интересно опять произвольное притягиваніе эпоса къ дѣлу: г. Халатьянцъ этимъ способомъ, повидимому, хочетъ отъ времени до времени напоминать, что онъ не забылъ про армянскій эпосъ у Хоренскаго, избранный предметъ его изслѣдованія.

Относительно 53 гл. II книги г. Х-цъ самъ признаетъ на стр. 249, что «изъ изложенія Хоренскаго не видно, откуда онъ черпаетъ свой «разсказъ, изъ эпоса ли, или изъ другихъ источниковъ», слѣдовательно, нечего и намъ привлекать эту главу къ эпосу.

Я думаю, достаточно

Конечно, г. Халатьянцъ касается со вниманіемъ и того армянскаго эпоса, который цитуетъ самъ Хоренскій, народное происхожденіе которыхъ удостовѣряетъ самъ историкъ. Пріемъ у Хоренскаго при ссылкѣ на армянскій эпосъ двоякій: или онъ сообщаетъ вкратцѣ, что про такое то лицо имѣются пѣсни, или при этомъ онъ приводитъ образчики отъ двухъ до десяти стиховъ.

Со страницы 246 г. Халатьянцъ подвергаетъ критикѣ отрывокъ пѣсни объ Арташэсѣ, но безъ критики текста, хотя самъ г. Х-цъ не можетъ «согласиться съ тѣмъ, чтобы мы имѣли передъ собою подлинныя слова пѣсни» (стр. 246). Не очевидно-ли, что прежде чѣмъ осуждать армянскій народный эпосъ, надлежало разобраться въ текстѣ Хоренскаго, есть ли что̀ въ послѣднемъ подлинно народнаго и, если есть, то что̀ восходитъ къ народнымъ пѣвцамъ и что̀ къ Хоренскому? Но послѣдуемъ за критикомъ.

Въ пѣснѣ объ Арташэсѣ упоминается «арканъ», и въ г. Халатьянцѣ (стр. 247) сейчасъ «возбуждаетъ подозрѣніе Іосифовъ разсказъ, «въ которомъ, помимо многихъ другихъ сходныхъ мотивовъ[2]) съ Моисе-

1) См. еще касательно Улюпа, стр. 295.

2) Не безъинтересно взглянуть на страницы *Изслѣдованія* (244—245), гдѣ трактуется объ этихъ «другихъ сходныхъ мотивахъ». Вслѣдъ за бр. Вистонами и

«вымъ повѣствованіемъ, *арканъ* играетъ такую же роль, какъ и въ эпи-«зодѣ Арташэса. По этому, заимствованія Хоренскимъ, а не эпосомъ «этого мотива объ *арканѣ*, по мнѣ, едва ли подлежитъ сомнѣнію».

Арканъ у воинственныхъ племенъ всегда служилъ для ловли живой добычи—звѣрей или людей. «Мотивъ объ арканѣ», какъ г. Халатьянцъ изысканно называетъ прямое назначеніе аркана, по армянской народной пѣснѣ, тяготѣетъ для объясненія не къ *Іудейскимъ древностямъ* Іосифа Флавія, а къ иранскому эпосу, въ которомъ арканъ (كمند или شست) служитъ обычнымъ оружіемъ національныхъ героевъ.

Еще Геродотъ (VII, 85) упоминаетъ о томъ, что арканъ былъ обычнымъ оружіемъ у иранскаго племени Сагартіевъ.

Но г. Халатьянцъ находитъ еще другой такого же характера источникъ народной армянской пѣсни, представленной у Хоренскаго всего на всего въ нѣсколькихъ стихахъ. Указаніе на этотъ источникъ составляетъ одну изъ цѣнныхъ страницъ диссертаціи г. Халатьянца, хотя толкованіе самому факту, мы думаемъ, можетъ быть дано различное. Дѣло касается совпаденія нѣкоторыхъ мотивовъ книжной исторіи Арташэса по Хоренскому съ мотивами библейской книги Есѳирь. Но основанная на этихъ совпаденіяхъ непосредственная зависимость Хоренскаго отъ армянскаго перевода *Библіи*, если этотъ выводъ и окажется вѣрнымъ, не касается нисколько армянскаго народнаго эпоса, разъ этого эпоса не будемъ смѣшивать произвольно съ *Исторіею* Хоренскаго,

---

Гарагашяномъ, и г. Халатьянцъ признаетъ связь между 50 главою II кн. Хоренскаго касательно Арташэса и между разсказомъ Іосифа Флавія о Тиридатѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что, оспаривая Хоренскаго въ этой части, г. Халатьянцъ по недоразумѣнію предполагалъ, что касается армянскаго эпоса у Хоренскаго. Но г. Халатьянцъ утверждаетъ, что Хоренскій въ этомъ мѣстѣ зависитъ отъ Іосифа Флавія; весьма возможно, что онъ правъ; но мотивировка его настолько же мало убѣдительна, насколько характерна для пріемовъ нашего изслѣдователя въ настоящей работѣ. Такъ на стр. 245 онъ пишетъ:

«Вмѣсто Іосифова Тиридата, Моисей [Хоренскій] выводитъ здѣсь [,т. е. въ «критикуемой главѣ] армянскаго царя Арташеса и видоизмѣняетъ самый разсказъ «о войнѣ съ аланами до неузнаваемости».

И такъ изслѣдователь находитъ возможнымъ отожествить разсказы, по его же мнѣнію, различные «до неузнаваемости», и это потому, что онъ все же открываетъ рядъ «одинаковыхъ мотивовъ въ повѣствованіяхъ Іосифа и Хоренскаго», именно—

a) у нихъ, у обоихъ, *аланы производятъ нашествіе на Арменію, съ цѣлью грабежа*,

b) и тутъ, и тамъ говорится объ *отступленіи*, по еврейской исторіи—мидійскаго царя Пакора, по Моисею—царя алановъ,

c) у обоихъ историковъ упоминается о *захватѣ въ плѣнъ*, у Іосифа—мидійской царицы, у Хоренскаго—аланскаго царевича,

d) въ обоихъ случаяхъ *уплачивается большой выкупъ*, въ Іосифовой исторіи за плѣнную Мидійскую царицу, въ Моисеевой—за аланскую царевну,

e) наконецъ, и тутъ, и тамъ не маловажное значеніе имѣетъ *арканъ*, тотъ *арканъ*, о которомъ рѣчь у насъ въ текстѣ. Да, дѣйствительно сходные мотивы—настолько же сходные, насколько, по всей вѣроятности, Моисей Хоренскій походилъ наружностью на Іосифа Флавія.

основанною на книжныхъ, въ значительной степени неизвѣстныхъ намъ, источникахъ и еще, какъ мы не разъ указывали, на искусственномъ толкованіи эпоса, извѣстнаго намъ лишь по жалкимъ обрывкамъ. Изъ указываемыхъ г. Халатьянцемъ совпаденій для армянскаго народнаго эпоса, извѣстнаго намъ лишь по нѣсколькимъ стихамъ, имѣли бы значеніе два сопоставленія, если бы не было призрачно въ обоихъ случаяхъ подобіе, усматриваемое г. Халатьянцемъ:

Во первыхъ, то (стр. 267 d), что *подобно* тому, какъ персидскій царь «*простираетъ золотой* скипетръ къ Есѳири, которая, поднявшись съ мѣста, «уходитъ въ опочивальню» (սենեակ), и въ народной пѣсни Хоренскаго «армянскій царь метнулъ[1]) арканъ съ золотымъ кольцомъ, «которымъ тотъ, обхвативъ станъ аланской царевны, увозитъ ее въ свою «ставку». Но гдѣ тутъ подобіе?!

Во вторыхъ, по догадкѣ г. Халатьянца (стр. 268—269), Сатеникъ, имя героини народной пѣсни, должно считать заимствованіемъ изъ книги *Есѳирь*, такъ какъ это имя кажется видоизмѣненіемъ библейскаго имени Астинь, но такая догадка при отсутствіи иного основанія ничего не доказываетъ; иначе легко было бы доказать, что имя популярнаго въ Арменіи божества «Анаід» (класс. Anahit) есть видоизмѣненіе имени богини «Діана», прочитаннаго съ конца.

Имя «Сатиникъ» г. Халатьянцу кажется выдумкою хитраго историка конца VIII-го и начала IX-го в., измѣненіемъ библейскаго имени Астине; но къ какому времени г. Халатьянцъ относитъ *Житіе святыхъ Сукіаса и его учениковъ? Житіе* же это начинается такъ: «Герои (Նահատակք), «послѣдовавшіе за госпожею Сатеникъ изъ аланскаго двора въ Арме«нію» и т. д. Католикосъ Іоаннъ обстоятельно и съ нѣкоторыми новыми подробностями приводитъ (стр. 22—23) то же самое мѣсто. Слѣдовательно, *Житіе*, по г. Халатьянцу, можетъ быть написано въ промежуткѣ между концомъ VIII и концомъ IX-го вѣка. Но дѣло въ томъ, что задолго до этого момента предполагается разъединеніе армянской и грузинской церкви. Между тѣмъ на грузинскомъ языкѣ существуетъ древній переводъ этого же *Житія*[2]): появленіе армянскихъ святыхъ у грузинъ относится къ тому времени, когда армяне и грузины, а также исчезнувшіе албанцы составляли одну церковь. Затѣмъ извѣстно, что существуетъ въ армянской литературѣ отдѣльное сказаніе объ Арташэсѣ и аланской царевнѣ. Указаніе на это сказаніе имѣется у историка прошлаго столѣтія, отца Чамчяна (I, стр. 341 и сл.). Сказаніе это имѣется въ Ճառընտիր'ѣ. Въ этомъ сказаніи оказываются подробности, которыхъ нѣтъ у Хоренскаго.

1) ձգել значитъ *бросать* въ средневѣковомъ армянскомъ и новомъ, а въ классическомъ—только *тянуть*, въ какомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ и въ стихѣ изъ народной пѣсни: ձգեալ (*потянувъ*) զոսկէաւղ շիկափոկ պարան ընկէց (*бросилъ*).

2) А. Цагарели, Свѣдѣнія, Вып. I, 1886, стр. 5 (груз. текста), № 38.

Хоренскій, повидимому, лишь сокращаетъ готовое сказаніе, сложившееся или сочиненное до него, и изслѣдователю Хоренскаго слѣдовало бы считаться съ этимъ сказаніемъ.

Между прочимъ по этому сказанію аланскій царевичъ носитъ имя Սաթէն saϑēn, образованное по обычному типу древне-армянскихъ мужскихъ именъ на էն, какъ то Փառէն (Фаустъ, Вен. изд., стр. 44), Տահէն (op. c., стр. 29), Կիշկէն (ib., 106), Վրկէն (ib.), Մրշէն (Лаз. П., 222 и др.), Մոզէն (ib., стр. 467), Բարկէն (ib., 255), Խորէն (ib., стр. 125), Վազգէն (ib., 358), Վրէն (ib., стр. 126 и т. д.).

Въ женскомъ имени аланской царевны имѣемъ ту же форму съ ласкательнымъ окончаніемъ իկ: Սաթենիկ (вульг. Սաթինիկ, ср. Г. Халатьянцъ, стр. 269 [1]), и библейское Астине тутъ ни при чемъ [2]).

Изъ указываемыхъ г. Халатьянцемъ параллелей къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ пѣснѣ о Bahagнѣ имѣетъ для насъ значеніе лишь стихи изъ книги Іова (41, 8—18), I кн. *Царств.* (17, 42) и *Откровенія* (11, 2, 17; 21, 11—15 и 10, 2): въ этихъ книгахъ также употреблены слова *խարտեաշ պատանեակ бѣлокурый отрокъ*, *բոց пламя*, *ծուխ дымъ*, глаголъ *ելանել выходитъ* съ предлогомъ *ընդ* и *աչք глаза*, да еще при изображеніи грознаго, величаваго божества у Іова упоминается о пламенникахъ, исходящихъ изъ пасти, и о дымѣ, выходящемъ изъ ноздрей!

Въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ одинъ цитуемый г. Халатьянцемъ стихъ Іова (41, 12) буквально можетъ быть такъ переведенъ, что онъ будетъ стоять, пожалуй, еще ближе къ фразѣ Хоренскаго—«по отверстію тростника выходилъ дымъ», именно цитованный стихъ Іова можно перевести такъ:

«Изъ ноздрей его выходитъ дымъ, точно это пылающее горнило и точно это *тростникъ* [3])» Но все же нѣтъ возможности установить непосредственную связь по содержанію между этимъ и другими стихами [4]) *Библіи* съ одной стороны и пѣснею о Bahagнѣ, въ извлеченіи приведенной у Хоренскаго, съ другой [5]).

---

1) Не имѣетъ ли это имя общую основу (saϑ=سات) съ персидскимъ словомъ ساتگين или ساتگی, означающимъ *любимый*?

2) Можно впрочемъ указать на то, что имя Astīnā носитъ персидская царица, жена Шапура II, но по роману *Iulianos der Abtrünnige* (сир. текстъ изд. Hoffman, стр. 216 и сл.), и тутъ заимствованіе имени изъ *Библіи* вѣроятно.

3) אַגְמֹן обыкновенно значитъ *тростникъ*.

4) Армянскій этнографъ Ер. Лалаянъ и о. I. Дашянъ ту же пѣснь сличаютъ со стихами въ *Исходѣ* (Ազգագրական Հանդէս, Шуша, 1895/6, I, стр. 22—23).

5) Если же признать не случайной общность отдѣльныхъ штриховъ, то объясненіе ея, по нашему, останется внѣ компетенціи современной филологической науки, признающей армянъ въ корнѣ чуждыми семитическому міру. Во всякомъ случаѣ ни Хоренскій, ни его книжные источники, ни даже арійскій слой Арменіи тогда не будутъ ни при чемъ.

«За подлинность четырехъ первыхъ стиховъ [пѣсни о Ваһагнѣ] говорятъ — пишетъ г. Х-цъ на стр. 207 — замѣчаемые въ нихъ правильный «ритмическій тактъ и 7-ми сложный размѣръ, которые въ остальныхъ «стихахъ той же пѣсни совершенно нарушаются, и мы имѣемъ строки, «состоящія то изъ 6-ти, то изъ 8-и и 9-и, то и изъ 10-и и 12-и слоговъ».

Но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ остальныхъ строкахъ Хоренскаго мы имѣемъ дипломатическое воспроизведеніе подлиннаго текста народной пѣсни: процитовавъ нѣсколько стиховъ буквально, онъ потомъ напоминаетъ читателю на удачу отдѣльныя мѣста. Г. Х-цъ включилъ (II ч., стр. 51) въ стихъ даже слова *ապա թէ*, которыя принадлежатъ, по всей вѣроятности, Хоренскому, а не народнымъ пѣвцамъ: *ապա թէ* въ текстѣ Хоренскаго имѣетъ смыслъ *ապա* [*ասեն վիպասանք*] *թէ*, т. е. *потомъ еще* [*сказываютъ пѣвцы*,] *что*... Относительно критикуемыхъ г. Халатьянцемъ строкъ пѣсни вопросъ о размѣрѣ подлежитъ совершенно иной постановкѣ, именно части какого размѣра можно усматривать въ этихъ случайныхъ обрывкахъ? При томъ нельзя упускать изъ виду, что Хоренскій кое-что, необходимое въ размѣрѣ, могъ и измѣнить въ своей прозаической *Исторіи*.

Взгляды г. Халатьянца на армянскую прозодію неопредѣленны:

«Я склоненъ, пишетъ г. Х-цъ на стр. 205,—видѣть въ ней [, т. е. въ «пѣснѣ о рожденіи Ваһагна] искусственно подобранные мотивы, пригнанные не всегда, впрочемъ, удачно, подъ *внѣшнюю форму поздней эпохи*» [курс. рец.].

Подъ внѣшнею формою поздней эпохи г. Х-цъ называетъ (на стр. 207, прим. 1) семи- и восьми-сложные размѣры, примѣняемые между прочимъ и Григоріемъ Нарекскимъ (X в.). Но почему эти размѣры признаетъ г. Х-цъ излюбленными въ VIII и IX вѣкахъ? Почему признаетъ поздними? Есть ли у него данныя на то, что эти размѣры не могли быть извѣстны раньше въ Арменіи? У насъ есть фактъ совершенно обратнаго значенія.

Семисложный размѣръ могъ появиться въ Арменіи вмѣстѣ съ потокомъ иранской культуры и затѣмъ арменизоваться: на присутствіе семисложнаго размѣра въ иранскомъ указалъ еще въ 1886 году академикъ Залеманъ въ *Mittelpersische Studien* (стр. 248—249); для насъ особенно интересно то, что это семисложіе входитъ въ размѣръ (одиннадцатисложный), который употребителенъ, по замѣчанію академика Залемана, во всемъ Иранѣ въ качествѣ народнаго. Но допустимъ, что это не народный размѣръ—хотя для этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній,—то позднимъ его во всякомъ случаѣ нельзя признать. Семисложными стихами[1]) писали лучшіе церковные писатели сирійцевъ (Ефремъ Сиринъ, Нарсесъ) если не раньше, то уже въ IV вѣкѣ, и, конечно, армяне могли

1) Восьмисложные въ свою очередь представляютъ пару четырехсложныхъ стиховъ, обычнаго размѣра въ сирійскихъ мадрāшахъ или гимнахъ.

усвоить спорные размѣры тогда же, если бы было дѣйствительно доказано, что они не были свойственны армянской народной поэзіи.

Впрочемъ въ своей теоріи г. Х-цъ самъ колеблется: на стр. 207—208 въ примѣчаніи самъ же пишетъ, что Нарекскій поэтъ размѣры восьми- и семисложный, народность которыхъ онъ подвергаетъ сомнѣнію, примѣняетъ въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, «которыя имѣютъ народный колоритъ [1])».

Изъ нашихъ замѣчаній достаточно ясно вытекаетъ, что армянскій эпосъ въ *Исторіи Арменіи* Моисея Хоренскаго въ трудѣ г. Халатьянца получилъ ложное освѣщеніе, и основанная на такомъ освѣщеніи критика источниковъ армянскаго историка, конечно, не могла увѣнчаться научно обоснованными прочными результатами. Но это лишь одна сторона дѣла. Книга г. Халатьянца въ арменовѣдѣніи представляетъ все же крупное явленіе, почему мы такъ долго и остановились на разборѣ ея тѣневой, на нашъ взглядъ, стороны: авторъ пока не успѣлъ обставить убѣдительными доводами свои взгляды, но за нимъ остается та заслуга, что онъ далъ чрезвычайно интересную и во многихъ отношеніяхъ поучительную работу.

Не спеціалистамъ едва ли извѣстно, что въ основѣ датированія историческихъ сочиненій армянской литературы до послѣдняго времени лежало удивительно наивное разсужденіе. Если данный памятникъ заключаетъ исторію пятаго вѣка, то слѣдовательно, авторъ—пятаго вѣка, если исторія касается седьмого вѣка, то значитъ, авторъ ея седьмого вѣка и т. д.

При такомъ способѣ датированія у армянъ оказывались историки четвертаго вѣка, тогда какъ армянское письмо изобрѣтается лишь въ началѣ пятаго вѣка.

Правда, почти каждый историческій трудъ снабженъ предисловіемъ, но дѣло въ томъ, что или это предисловіе автора, имя котораго апокрифично, какъ напр. Агаѳангелъ, или въ предисловіи обѣщается то, чего не находимъ въ самомъ трудѣ, какъ напр. у Фауста, или авторъ знакомитъ насъ съ сюжетомъ и числомъ книгъ своего сочиненія, а въ сочиненіи оказывается цѣлая лишняя книга, какъ у Еғише, или само предисловіе такъ перемѣшано, что нельзя разобраться гдѣ начало, гдѣ продолженіе и гдѣ окончаніе, и принадлежатъ ли всѣ части одному автору, какъ напр. у Лазаря Парпскаго и т. д. и т. д. Подобные недохваты и перехваты выясняютъ фактъ какого-то переворота, такъ или иначе задѣвшаго всѣ армянскіе историческіе труды, посвященные вопросамъ древней національной и церковной жизни. Причину этого всеобщаго переворота едва ли основательно видѣть въ случайномъ умыслѣ частнаго характера одного или нѣсколькихъ лицъ; болѣе вѣроятно, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ болѣе общимъ историко-литературнымъ явленіемъ съ остро-тенденціозною окраскою, вызваннымъ политическою и церковною

---

1) Здѣсь какъ будто г. Халатьянцъ подвергаетъ сомнѣнію древность, а не народность.

жизнью Арменіи, и сбивающимъ насъ въ изысканіяхъ, и безъ того трудныхъ за гибелью многихъ памятниковъ, а особенно за необслѣдованностью также многихъ рукописныхъ и нерукописныхъ матеріаловъ.

При такомъ положеніи дѣла древне-армянскіе историки являются какими-то сфинксами, а Моисей Хоренскій среди нихъ сфинксъ-колоссъ, ярко отражающій въ себѣ цѣлую эпоху армянской умственной жизни, наиболѣе національной, и потому обратившійся въ національнаго кумира. У армянъ давно пустилъ корни культъ Хоренскаго; о немъ, точно о миѳическомъ лицѣ, сложились священныя преданія; *Исторія Арменіи* этого писателя для многихъ и теперь святыня, и въ обсужденіи памятника традиціонные взгляды составляютъ отправную точку. Попытки поколебать установившійся авторитетъ дѣлались давно, и не безъ извѣстнаго успѣха, но попытки эти, принадлежавшія преимущественно не армянамъ, были направлены по существу противъ исторической достовѣрности сообщеній Хоренскаго, основывались на разсмотрѣніи одного или нѣсколькихъ эпизодовъ и исходили отъ лицъ, не вполнѣ усвоившихъ языкъ оригинала или вовсе его не знавшихъ. Г. Халатьянцъ, въ совершенствѣ владѣющій древне-армянскимъ языкомъ и недавно еще проникнутый завѣтнымъ благоговѣніемъ къ «отцу армянской исторіи», рѣшился порвать съ дорогими ему традиціями и взялъ на себя трудъ всесторонне изслѣдовать памятникъ съ иной точки зрѣнія; если читатель не всегда согласится послѣдовать за нимъ, книга однако не преминетъ вселить въ немъ убѣжденіе, что традиціонному пониманію значенія Хоренскаго насталъ конецъ, что настоитъ потребность въ установленіи болѣе основательныхъ взглядовъ, и это уже большая заслуга; въ этомъ отношеніи книга имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для не спеціалистовъ. Спеціалисты же съ удовольствіемъ найдутъ въ ней матеріалы для исторіи критическаго изученія Хоренскаго, рядъ новыхъ фактовъ историко-литературнаго значенія, часто извлеченныхъ изъ рукописей, не мало остроумныхъ сужденій о различныхъ мѣстахъ въ *Исторіи* Хоренскаго и удачныхъ сопоставленій съ другими памятниками, безукоризненно отдѣланную монографію объ Артаваздѣ и т. п. и, наконецъ, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ, тщательное сличеніе параллельныхъ текстовъ во второй части труда, представляющей весьма желательное справочное пособіе. За все это спеціалисты скажутъ автору большое спасибо.

Н. Марръ.

Jean Paul Richter. *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit.* Begründet von Rudolf Eitelberger von Edelberg, fortgesetzt von Albert Ilg. Neue Folge. VIII Band. Quellen für Byzantinische Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel. Wien, Graeser 1897. LIII + 433 стр. 8°.

Восьмой томъ изданія, полное заглавіе котораго выписано выше, по-

священъ спеціальному обзору зданій К—поля на основаніи главнѣйшихъ извѣстій средневѣковыхъ писателей.

Важность появленія подобнаго рода книги, какъ справочнаго пособія, въ которомъ были бы собраны данныя относительно историческихъ сооруженій К—поля, ясна сама по себѣ, и особенно въ настоящее время, когда интересъ къ византійскому искусству и археологіи обнаруживается въ разныхъ спеціальныхъ областяхъ исторической науки. Съ особеннымъ удовольствіемъ должно поэтому привѣтствовоть этотъ новый томъ, посвященный византійскому искусству и археологіи. Какъ справочное изданіе эта книга сослужитъ несомнѣнно большую службу всякому спеціалисту по Византіи, хотя съ другой стороны нельзя не видѣть, что это изданіе очень скоро потребуетъ новыхъ пополненій, новыхъ болѣе научныхъ сопоставленій текстовъ и ихъ переводовъ. Но это общая судьба всѣхъ справочныхъ книгъ.

Тексты, собранные въ этой книгѣ, представляютъ въ большей своей части матеріалы для исторіи византійскаго искусства, собранные покойнымъ Унгеромъ. За смертью Унгера первый томъ «*Источниковъ византійскаго искусства*» (Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte) былъ изданъ въ 1878 году въ Вѣнѣ Эдуардомъ Хмеларцъ. Этотъ томъ былъ посвященъ извѣстіямъ о византійскомъ строительномъ искусствѣ вообще и К—поля въ особенности и стоялъ въ полной связи съ намѣченнымъ вторымъ томомъ, который Унгеръ предполагалъ посвятить извѣстіямъ о церковныхъ и общественныхъ зданіяхъ К—поля. Эта вторая задача нашла своего исполнителя въ лицѣ Ж. П. Рихтера, неоднократно уже выступавшаго съ работами по византійскому искусству. Цѣлью его было обнародованіе матеріаловъ Унгера съ нѣкоторыми добавленіями и уже подъ измѣнившимся угломъ зрѣнія (Vorwort, p. V). Рихтеръ нашелъ, что при изданіи подобнаго рода матеріала, хотя бы и представляющаго лишь избранные тексты писателей, необходимо принимать въ разсчетъ и ученыя изслѣдованія, посвященныя изученію искусства, архитектуры и топографіи К—поля. Среди упоминаемыхъ имъ именъ ученыхъ, каковы Кондаковъ, Паспати, Реберъ, Мордтманъ, мы не встрѣчаемъ имени Д. Ѳ. Бѣляева, котораго два тома «Byzantina» и рядъ статей трактуютъ въ широкихъ размѣрахъ разные вопросы константинопольской топографіи и исполнены многихъ указаній на архитектуру различныхъ сооруженій. Авторъ, однако, ничуть не уклоняется отъ изслѣдованія русскихъ ученыхъ, такъ какъ на стр. 152 онъ цитируетъ статью извѣстнаго ученаго Н. Ѳ. Красносельцева.

Матеріалъ расположенъ у Рихтера въ болѣе нормальномъ и болѣе научномъ порядкѣ, чѣмъ у Унгера, который придерживался исключительно хронологическихъ данныхъ. Рихтеръ избралъ топографическое распредѣленіе его по поясамъ (Zonen) Константинополя, что ничуть не помѣшало соблюденію и хронологической послѣдовательности въ расположеніи матеріала, относящагося къ каждому поясу. Нѣсколько необхо-

...ныхъ приложеній предшествуютъ [illegible]

[illegible]

τῷ 114-ῳ κώδικι τῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου· ἀλλ' οὗτος ὁ κῶδιξ ἐγράφη τῇ 16-ῃ ἑκατ., καὶ ἔχει ἐν ἑαυτῷ τὸ κείμενον τοῦ Σπανέα διῃρημένον εἰς κεφάλαια ἐπιγεγραμμένα καὶ ἠριθμημένα (α΄-ια΄ καὶ λγ΄-μδ΄), διακεκριμένον ἔχοντα καὶ τὸν πρόλογον καὶ τὸν ἐπίλογόν των· κατ' ἐξαίρεσιν δὲ εἶναι γεγραμμένος μετὰ ὀλίγων σφαλμάτων, ἅτινα ὁ ἐκδότης ἀνέγραψεν ἐν ἀκριβείᾳ μεγάλῃ· ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ αὐτὸ κείμενον ἐκ τοῦ αὐτοῦ κώδικος ἀντεγράφη καὶ δι' ἐμὲ ὑπό τινος γυμνασιακοῦ φοιτητοῦ, ὀνόματι Ἰωαννίδου, ὅστις ἐγένετο ἔμπειρος τῆς ἀναγνώσεως παλαιῶν ἑλληνικῶν χειρογράφων, νομίζω ὅτι δὲν εἶναι ἀσύμφορον καὶ τὰ ἐκ τῆς δευτέρας ταύτης ἀντιγραφῆς ποριζόμενα ὀλίγα διαφέροντα ἀναγνώσματα νὰ γίνωσι φανερὰ τοῖς σκοπὸν ἔχουσι νὰ μελετήσωσι κατ' ἰδίαν τὸ ἐν τῷ Δοχειαρίῳ τοῦ Σπανέα ἀξιόλογον ἀπόγραφον· εἶναι δὲ ταῦτα: Ἐν τῇ ἐπιγραφῇ ἀντὶ τοῦ Σπανέα ὁ Ἰωαννίδης βεβαιοῖ, ὅτι εἶναι γεγραμμένον τὸ Πανέα. — Στίχ. 12 κουφησμὸν || 27 οὐκ || 28 καρδίαν || 37 αὐτὰ || 42 ὑπορῶ || 43 σφραγισμένη || 46 πεντάρφανος || 94 ὑπορέσεις || 97 ὅπῶς || 101 πολιπραγμόνει || 107 τῖποτε || 129 σε] σου || 136 κρατύνουνται || 140 γενολόγιον καλοὺς || 152 λάλει] πάλει || 170 ἤφερεν κ. εἷς || 208 ἄτυχων || 213 φύλασσε || 215 εἷς || 233 λ. ἐὰν ἀκούσης || 250 μᾶς· οὕτω καὶ ἑξῆς || 261 φρονιμότεροι || 276 κὲπαρεκάλει || 278 ὀλίγον || 283 ἐπαίδευσαίσας δ. δραμοῦ || 295 καὶ] νὰ || 300 τῶν πτωχῶν· ὅπερ ἀνάγκη νὰ τηρηθῇ ἐν τῷ κειμένῳ· πρβλ. στίχ. 309 || 307 αὐτοὶ || 322 παιδεύσει || 324 ἐφθαίσασιν || 328 ἄφινε || 331 τίποτα || 338 τίποτα || 345 μητὸ || 346 ἐσὺ || 347 ἀπολισμόνα--ἔβγαλτὰ || 348 εἶναι χρὴ, σίμον || 349 καρδήας || 350 ἄνσε
εις
πανέλθη || 351 μὴν τὸ || 353 εἷς || 354 χαρίσης || 364 τίποτα || 392 τζακίζειν--καρπόν της || 386 μὴ δὲ ἄνω || 404 κρατήσεις.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Два неизданныя произведенія Николая, епископа мееонскаго, писателя XII вѣка. Греческій текстъ и русскій переводъ.* Новгородъ. 1897. Стр. 116.—Большая часть произведеній мееонскаго епископа Николая давно извѣстна въ печати и лишь немногія изъ нихъ хранятся въ рукописномъ видѣ въ различныхъ библіотекахъ Востока и Запада. И въ рукописныхъ кодексахъ Московской Синодальной библіотеки имѣются творенія знаменитаго византійскаго богослова, два изъ коихъ и вошли въ составъ разсматриваемаго новаго изданія ревностнѣйшаго русскаго ученаго, епископа кирилловскаго Арсенія. Первое изъ вновь опубликованныхъ имъ произведеній мееонскаго епископа (стр. 5—49) имѣетъ такое заглавіе: Ἀπομνημονεύματα ἐκ τῶν ἐν διαφόροις λόγοις γεγραμμένων κατὰ Λατίνων περὶ τῆς εἰς Ἅγιον Πνεῦμα βλασφημίας. Оно извле-

чено изъ сборника сочиненій противъ латинянъ отъ XIV вѣка, помѣщеннаго въ каталогѣ архимандрита Владиміра подъ № 239 (л. 1—8). Сочиненіе написано Николаемъ по просьбѣ одного изъ друзей, который желалъ имѣть всѣ его слова о Святомъ Духѣ, составленныя противъ латинянъ; не нашедши подъ руками такой книги, Николай наскоро изложилъ то, что припомнилъ, и послалъ это произведеніе другу (стр. 49). Въ немъ авторъ излагаетъ въ полемическомъ тонѣ православное ученіе о Св. Духѣ. Представивъ сначало общее ученіе Священнаго Писанія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, Николай приводитъ затѣмъ семь возраженій, которыя обычно дѣлались латинянами его времени противъ этого ученія, и опровергаетъ ихъ.

Второе находящееся въ разсматриваемомъ изданіи, сочиненіе Николая (стр. 51—116) носитъ такое заглавіе: Τοῦ αὐτοῦ λόγος πρὸς λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων. И этотъ византійскій памятникъ извлеченъ изъ того же рукописнаго сборника [1]). Онъ написанъ Николаемъ для одного «почтеннаго латинянина» и направленъ противъ латинскаго ученія объ опрѣснокахъ. Въ сочиненіи излагается на основаніи Священнаго Писанія православное ученіе по этому вопросу и рѣшаются представляемыя латинянами противъ него возраженія.

Епископъ Арсеній, издавши въ подлинникѣ два новые памятника полемической византійской литературы XII вѣка, снабдилъ ихъ прекраснымъ русскимъ переводомъ, а въ предисловіи (стр. 3—4) указываетъ извѣстныя ему печатныя изданія (до 14) твореній Николая меѳонскаго и отчасти литературу о византійскомъ писателѣ. Трудъ епископа Арсенія несомнѣнно представляетъ интересную научную новость.

Архимандритъ Порфирій Успенскій, *Путешествіе въ Метеорскіе и Оссоолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею П. А. Сырку.* С.-Петербургъ. 1896. Стр. XXX + 614.—Громадный трудъ приснопамятнаго русскаго византолога, епископа Порфирія Успенскаго, посвященъ совершенно не разработанной въ наукѣ исторіи Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастырей, которые покойный путешественникъ посѣтилъ въ 1859 году. Сочиненіе, изданное по завѣщанію автора Императорской Академіей Наукъ, имѣетъ форму дневника въ который составитель заносилъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, собранныя во время путешествія. Оно состоитъ изъ двухъ частей и приложеній. *Первая* часть (стр. 1—257) имѣетъ шестнадцать главъ и описываетъ путь епископа Порфирія отъ Аѳона до Метеорскихъ монастырей, совершенный чрезъ Солунь, Воло, Новую Димитріаду, Лариссу, Зарку и Трикку, а затѣмъ — и пребываніе и научныя его изысканія въ Метеорскихъ монастыряхъ. Нашъ паломникъ или лично посѣщалъ Метеорскіе монастыри и производилъ здѣсь историко-археологическія изслѣдо-

1) Онъ имѣется и въ другомъ московскомъ полемическомъ сборникѣ отъ XIV вѣка, подъ № 240 по каталогу архимандрита Владиміра (л. 267 и д.).

ванія, или же знакомился съ ихъ прошлою жизнью на основаніи представленныхъ для его пользованія документовъ и сообщеній своихъ спутниковъ-очевидцевъ. Такимъ образомъ, въ своей книгѣ онъ сообщаетъ историко-археологическія свѣдѣнія о слѣдующихъ Метеорскихъ монастыряхъ: св. архидіакона Стефана, св. Троицы, Метеоропреображенскомъ, Срѣтенскомъ, Димитріевскомъ, Всесвятскомъ на столпѣ Варлаама, Русанскомъ, Филаки, Анапавсійскомъ, Агіа Мони, Предтеченскомъ, Ипсилотерскомъ и Стагонскомъ скитѣ. Общая исторія метеорскаго монашества кратко имъ изложена въ слѣдующихъ чертахъ. Монашество въ Өессаліи, близъ Трикки и Стагона, возникло въ XI вѣкѣ и центральнымъ монастыремъ въ первое время былъ монастырь Дупіанійскій, съ храмомъ во имя Успенія Богоматери, около котораго въ пещерахъ и въ отдѣльныхъ кельяхъ подвизались монахи-анахореты и въ который они сходились въ воскресные и праздничные дни для богослуженія; начальствовали надъ ними стагонскій епископъ и protъ. Въ XIV вѣкѣ въ предѣлахъ Стагоно-Метеорскихъ появились столпники. Въ 1334 году прибыли на Метеорскіе утесы первые подвижники Аөанасій и Варлаамъ, ушедшіе съ Аөона, въ 1358 году на Стефановскомъ утесѣ поселился Антоній Кантакузинъ; около того же времени (1358—1363 г.) возникли на скалахъ монастыри Срѣтенскій, Димитріевскій и Святотроицкій, а протъ Нилъ, оберегая пещерниковъ и келліотовъ отъ разбойниковъ, построилъ въ утесахъ монастыри Георгіевскій, Святодуховскій, св. Модеста и Алиссо (1358—1367 г.). Въ XIV вѣкѣ построены и обители св. Георгія, св. Антонія и св. Николая въ долинѣ между Пиксари и Амбарія-Бадова, а также монастыри — Пантократорскій въ пещерѣ Дупіанійскаго утеса (1320—1350 г.), Предтеченскій (1380 г.) и Ипсилотерскій. Въ XV вѣкѣ къ этимъ монастырямъ были прибавлены монастыри Русанскій и Николо-Анапавсійскій. Въ первой половинѣ XVI-го вѣка іоаннинскіе монахи Өеофанъ и Нектарій Апсарады построили монастырь Всесвятскій на Варлаама утесѣ. Съ 1526 года, по смерти прота Акакія, Метеорскія обители стали приходить въ упадокъ, главнымъ образомъ отъ внутреннихъ раздоровъ. Въ XVI вѣкѣ ихъ однако существовало четырнадцать, въ XVII — двѣнадцать, а въ 1859 году епископъ Порфирій нашелъ только семь монастырей, да и тѣ были «полумертвые», по его словамъ, а именно: Стефановскій, Святотроицкій, Метеоропреображенскій, Всесвятскій на столпѣ Варлаама, Русанскій, Николо-Анапавсійскій и Агіа-Мони.

Во *второй* части книги епископа Порфирія (стр. 261—378) описывается его путешествіе въ Оссоолимпійскіе монастыри. Здѣсь излагается исторія монастырей: Икономіонъ или Кономие на горѣ Оссѣ, возникшаго въ 1492 году, св. Діонисія на Олимпѣ, основаннаго въ XVI вѣкѣ, Рождества Богородицы, прозываемаго Канáли и возникшаго, по преданію, въ XI вѣкѣ, Олимпійской Богородицы близъ Елассона, построеннаго въ XII вѣкѣ, и Влантіонъ-Чаушскаго въ Өессалоникѣ, первое извѣстіе о которомъ относится къ 980 году.

Къ книгѣ епископа Порфирія приложены обширныя *прибавленія* (стр. 351—556), заключающія въ себѣ подлинные документы, послужившіе автору матеріаломъ для исторіи Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастырей. Въ составъ ихъ вошли: надписи, открытыя въ различныхъ храмахъ и монастыряхъ, выписки изъ ларисссо-трикккскаго кодекса отъ 1688 года, царскіе хрисовулы и приказы, патріаршіе сигилліи и грамоты и вообще разныя дѣеписанія, относящіяся къ исторіи монастырей, приписки на рукописяхъ и книгахъ, каталогъ замѣчательныхъ рукописей, находящихся въ Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастыряхъ, и т. п. Всѣ эти приложенія и добавленія имѣютъ весьма важное научное значеніе какъ въ силу своей многочисленности, разнообразія, богатства содержанія и подлинности текста, такъ и въ виду новизны и оригинальности, такъ какъ большая часть ихъ издается въ книгѣ епископа Порфирія впервые, и лишь немногіе документы извѣстны въ другихъ, не всегда лучшихъ, редакціяхъ. Не вдаваясь въ подробный обзоръ и этой половины книги епископа Порфирія, такъ какъ интересующіеся могутъ найти обширную рецензію на это сочиненіе въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898 г., мартъ, стр. 177—216, скажемъ въ заключеніе, что новоизданный трудъ епископа Порфирія вполнѣ оправдываетъ упрочившуюся за нимъ славу знаменитаго византолога и нескоро будетъ замѣненъ другимъ, лучшимъ.

И. Тимошенко, *Литературные первоисточники и прототипы трехъ-сотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ.* Кіевъ. 1897. Стр. XXV + 170. — Книга г. Тимошенко имѣетъ своею задачею изслѣдовать прототипы и оригиналы 300 русскихъ пословицъ, находящіеся въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, а также въ сборникахъ древнихъ и средневѣковыхъ пареміографовъ. Дѣло въ томъ, что пословицы, хотя и служатъ выразительницами народнаго характера и живыми памятниками религіозно-нравственнаго и юридическаго народнаго быта, однако не самобытны по своему происхожденію и заключаютъ въ себѣ элементы, привнесенные извнѣ. Выдѣленіе этихъ элементовъ и вообще указаніе и объясненіе тожественныхъ, или даже только сходныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ пословицахъ у разныхъ народовъ, представляетъ для историка большой интересъ, такъ какъ можетъ пролить новый свѣтъ на международныя связи и сношенія, о которыхъ исторія имѣетъ неясныя или недостаточныя свѣдѣнія. При этомъ особенно важно сходство пословицъ не только въ содержаніи, но и въ формѣ или способѣ выраженія, потому что такое двойное сходство не можетъ быть объяснено случайнымъ совпаденіемъ, но имѣетъ свои корни въ международныхъ сношеніяхъ, въ культурныхъ вліяніяхъ и литературныхъ связяхъ. Наибольшее сходство русскія пословицы имѣютъ съ древне-греческими и византійскими. Это явленіе объясняется частыми и разнообразными сношеніями древней Руси съ Византіей и знакомствомъ русскихъ съ произведеніями духовной и свѣтской литературы грековъ; вліяніе Византіи на русскій міръ

отразилось не только въ области религіи, духовной литературы и искусства, но и на произведеніяхъ народнаго духа—на народныхъ сказаніяхъ, пѣсняхъ и на пословицахъ. Несомнѣнна связь русскихъ пословицъ и съ латинскими proverbia. Выяснить генисисъ русскихъ пословицъ изъ греческихъ и латинскихъ источниковъ и указать ихъ связь съ аналогичными произведеніями греко-латинской литературы — представляетъ безспорный научный интересъ. Между тѣмъ на русскомъ языкѣ по этому предмету имѣется лишь одна и притомъ устарѣвшая книга Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ. Москва. 1831). Г. Тимошенко и занимается въ разсматриваемой книги сравненіемъ русскихъ и отчасти славянскихъ пословицъ съ древнѣйшими ихъ прототипами, находящимися въ греческой и римской литературахъ, надѣясь прочно установить тотъ фактъ, что многія русскія пословицы и поговорки представляютъ или буквальный переводъ или передѣлку греческихъ (преимущественно византійскихъ) и латинскихъ изреченій. При этомъ онъ не даетъ въ своей книгѣ отвѣтовъ на вопросы, какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной, или литературной передачи, прямо ли отъ грековъ, или чрезъ посредство другихъ народовъ, находя невозможнымъ дать опредѣленный отвѣтъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ изложеніи матеріала авторъ держится хронологическаго порядка, находя его болѣе естественнымъ и удобнымъ въ книгѣ, посвященной исторіи русскихъ пословицъ.

Книга г. Тимошенко состоитъ изъ предисловія и введенія (стр. I—XVI), гдѣ онъ выясняетъ задачу, значеніе и методъ своего труда и даетъ краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографахъ (Аристотель, Ѳеофрастъ, Дидимъ александрійскійскій, Плутархъ, Зиновій и Діогеніанъ (II в. по Р. Х.), Григорій Кипрскій, патріархъ константинопольскій (1283—1289 г.), Макарій Хрисокефалъ, митрополитъ филадельфійскій (XIV в.), Михаилъ Апостолій (XV в.) и его сынъ, архіепископъ Арсеній, Максимъ Планудъ, (изданія Куртца и К. Крумбахера и др.), и—самого изслѣдованія. Въ изслѣдованіе (стр. 1—170) онъ держится такого порядка: предлагаетъ ту или другую русскую пословицу изъ собранія Даля и указываетъ ея первоисточникъ въ греческой или римской литературѣ, дѣлая и нѣкоторыя поясненія историко-филологическаго свойства. Такимъ образомъ онъ изслѣдуетъ исторію трехъ-сотъ русскихъ пословицъ, указывая для нихъ 82 первоисточника въ греческой и латинской литературѣ, къ которымъ у него относятся: Гомеръ, Гезіодъ, Солонъ, Езопъ, Пиѳагоръ, Пиндаръ, Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Геродотъ, Ѳукидидъ, Аристофанъ, Платонъ, Аристотель, Менандръ, Ѳеокритъ, Плавтъ, Теренцій, Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Овидій, Сенека, Плутархъ, Лукіанъ, Діогенъ Лаертскій, блаженные Іеронимъ и Августинъ, Глика (3 пословицы), Никита Хоніатъ (1), Планудъ и кодексы Крумбахера (39), Апостолій и Арсеній (7), схоластическія пословицы и другіе.

Книга г. Тимошенко посвящена предмету малоразработанному и за-

служиваетъ вниманія ученыхъ по своей новизнѣ и старательному сопоставленію паремiографическаго матеріала.

X. Лопаревъ, [illegible] (*Synopsis rerum Byzantino-Russicarum*). *Греки и Русь. Оглавленіе приготовленнаго къ печати полнаго собранія историко-литературныхъ и археологическихъ данныхъ для сужденія о характерѣ русско-византійскихъ отношеній въ хронологическомъ порядкѣ съ древнихъ временъ до 1453 г. Изданіе первое.* С.-Петербургъ. 1898. Стр. 43.— Въ предисловіи къ настоящей брошюрѣ г. Лопаревъ пишетъ (стр. 6): «Для рѣшенія принципіальнаго вопроса: какую выгоду получила Византія отъ Руси и Русь отъ Византіи, приготовляется (г. Лопаревымъ), такъ сказать Мраморная Книга, долженствующая представить на трибуналъ исторіи всѣ оправдательные документы съ обѣихъ сторонъ. Мало того, вызваны свидѣтели съ Запада, съ береговъ Норвегіи и съ Востока — изъ Сиріи, Арменіи и Грузіи; приглашены дать показаніе и космополиты— евреи; собраны свѣдѣнія о вещественныхъ доказательствахъ связей между двумя государствами, словомъ не должно быть оставлено безъ вниманія ни одно показаніе. Всесторонность и полнота свидѣтельства должна стоять на первомъ мѣстѣ: этого требуетъ и важность вопроса, и нравственный долгъ нашъ, и достоинство Россійской имперіи, ибо имѣющій выйти сводъ есть національное, государственное дѣло». Необходимость въ такомъ трудѣ сознается всѣми, кому приходится такъ или иначе касаться взаимныхъ отношеній Византіи и Руси, и первые опыты въ этомъ направленіи или очень устарѣли (Stritter, Memoriae populorum. 1774), или односторонни (E. de Muralt, профессора Ф. Терновскій и В. Иконниковъ). Въ виду этого сборникъ матеріаловъ по означенному вопросу, приготовляемый къ печати г. Лопаревымъ, имѣетъ громадное научное значеніе и вызываетъ глубокій интересъ. Но «страшно, пишетъ трудолюбивый собиратель, отвѣтственно приступать къ печати сборника въ неувѣренности, что все собрано и исчерпано! Поэтому, выпуская настоящее изданіе prospectus'а (далеко не послѣднее) въ видѣ справочной брошюры, я обращаюсь къ знатокамъ исторіи, литературы и искусства Византіи и древней Руси съ самою горячею просьбою помочь дополненіями случайно и по невѣдѣнію пропущенныхъ данныхъ и исправленіями хронологическихъ датъ. Археологическій отдѣлъ наиболѣе страдаетъ неполнотою. Кому дороги интересы науки и историческаго самопознанія, тотъ откликнется» (стр. 8—9). Отъ души желаемъ почтенному автору довести свое предпріятіе до благополучнаго конца. Его новый трудъ однимъ своимъ оглавленіемъ способенъ заинтересовать всякаго, занимающагося исторіей Руси и Византіи. Въ брошюрѣ представлены указанія на многочисленныя и разнообразныя связи Византіи и Руси, начиная съ темныхъ и легендарныхъ временъ Руси и оканчивая 1454 годомъ, причемъ опредѣляется годъ всякаго событія и указывается источникъ, откуда свѣдѣніе заимствовано. Въ общемъ г. Лопаревымъ собрано громадное количество историко-археологическихъ матеріаловъ.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. II. Одесса. 1897. Стр. 44 + 192 + 34 + 82.

Составъ означенной книги таковъ:

1. *Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ въ 1896-мъ году* (стр. 1—44). См. Византійскій Временникъ, томъ IV, вып. 1 и 2, приложеніе.

2. **Ѳ. И. Успенскій,** *Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Итала въ ереси* (стр. 1—66).—Статья составлена на основаніи весьма любопытнаго документа, извлеченнаго Ѳ. И. Успенскимъ изъ cod. 120 f. 711 въ монастырѣ св. Діонисія на Аѳонѣ и представляющаго судебный процессъ, который былъ веденъ попеременно свѣтской и духовной властью противъ Іоанна Итала, весьма извѣстнаго въ Константинополѣ лица, имѣвшаго обширныя связи при дворѣ и въ высшемъ обществѣ и бывшаго профессоромъ высшей правительственной школы. Аѳонскіе акты по дѣлу Іоанна Итала разрѣшаютъ не одинъ темный вопросъ, не только спеціальнаго, но и общаго характера. Въ спеціальномъ смыслѣ актами разрѣшается, напримѣръ, хронологическій вопросъ касательно соборнаго отлученія Іоанна Итала отъ церкви; изъ нихъ ясно открывается, что формальное дѣло объ Италѣ поднималось дважды, сначала при Михаилѣ VII Дукѣ и патріархѣ Космѣ I въ 1077 году, а затѣмъ при Алексѣѣ I Комнинѣ и патріархѣ Евстратіи Гаридѣ въ 1082 году. Въ смыслѣ общемъ—акты вводятъ читателя въ обычаи судебной процедуры по дѣламъ вѣры, знакомятъ съ формами дѣлопроизводства и рисуютъ отношенія правительства къ наукѣ. Въ разсматриваемой статьѣ Ѳ. И. Успенскій и занимается анализомъ только тѣхъ сторонъ памятника, которыя привносятъ новыя данныя въ исторію византійской школы. Въ началѣ 1082 года царю Алексѣю Комнину былъ поданъ Михаиломъ Каспаки доносъ на профессора и ипата философовъ Іоанна Итала съ тяжкими противъ него обвиненіями въ томъ, что онъ внушаетъ своимъ слушателямъ превратныя теоріи и еретическія мнѣнія, осужденныя св. церковію и противныя священному писанію и преданію, что онъ не чтитъ святыхъ иконъ, не признаетъ Дѣву Марію Богородицей и, наконецъ, что онъ нанесъ оскорбленіе иконѣ Христа. Царь Алексѣй приказалъ произвести дознаніе по поводу обвинительныхъ пунктовъ на Итала, а потомъ ученіе Итала разсмотрѣно было во всѣхъ подробностяхъ въ смѣшанномъ судѣ, состоявшемъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Протоколы этой части дѣла не сохранились въ подлинникѣ, но включены въ особый актъ, препровожденный патріарху и цѣликомъ сохранившійся въ дѣлопроизводствѣ. Изъ него видно, что смѣшанный судъ не постановилъ окончательнаго рѣшенія по разобранному дѣлу, но лишь удостовѣрилъ фактъ виновности Итала и все дѣло передалъ на разсмотрѣніе духовному суду патріарха. Актъ передачи дѣлопроизводства церковной власти заканчивается слѣдующими словами: «Да будетъ же извѣстно всѣмъ православнымъ, что отъ настоящаго времени воспрещается принимать къ себѣ ради преподаванія какъ Итала,

такъ и тѣхъ его учениковъ, которые завѣдомо слушали его уроки продолжительное время и заразились его ученіемъ. Всякій, кто приметъ въ собственномъ домѣ Итала или его учениковъ, или кто будетъ посѣщать ихъ дома ради ученія, немедленно подвергается изгнанію изъ царствующаго города на вѣчныя времена, причемъ всякій имѣетъ право доносить на такихъ лицъ царству моему». Свѣтскимъ судомъ дѣло Итала разбиралось въ началѣ марта 1082 года, 13-го марта, въ недѣлю православія, онъ былъ отлученъ отъ церкви, а 20-го марта открылось церковное судопроизводство объ ученикахъ Итала. На засѣданіе собора были приглашены только три діакона, указанные самимъ Италомъ; соборъ отнесся къ нимъ въ высшей степени гуманно и, признавъ ихъ непричастными нечестиваго ученія Итала, разрѣшилъ ихъ благочестиво учить желающихъ и проповѣдывать слово истины.

Въ изложенномъ дѣлопроизводствѣ эпизодъ церковнаго отлученія Итала выступаетъ въ новомъ освѣщеніи. Формальная сторона дѣлопроизводства дѣлаетъ честь византійской администраціи. Свѣтская власть не переступаетъ предѣлы своей компетенціи, духовный судъ не обнаруживаетъ нетерпимости и готовъ покрыть милосердіемъ нѣкоторыя ошибки. Самъ Италъ выступаетъ на судѣ въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ какъ рисуетъ его Анна Комнина. Но представленный эпизодъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ страничка изъ исторіи просвѣщенія и вскрываетъ весьма малоизвѣстный вопросъ о византійской высшей и средней школѣ, такъ какъ въ лицѣ Итала выступаетъ профессоръ, стоящій во главѣ цѣлаго учрежденія и преподающій высшую науку людямъ зрѣлаго возраста, а въ званіи его учениковъ на судѣ предстали люди съ виднымъ общественнымъ положеніемъ и проч. Это обстоятельство даетъ поводъ Ѳ. И. Успенскому сдѣлать экскурсъ въ исторію византійскихъ высшихъ учебныхъ учрежденій. Высшая наука была утверждена въ столицѣ Восточной имперіи еще въ первой половинѣ IV-го вѣка, какъ видно изъ законовъ 326-го и 333-го годовъ (Cod. Theod., p. 1321. Editio Haenel, 1842). Въ 425 году было положено начало константинопольскому университету и даны нѣкоторыя привилегіи новому учрежденію (ibid.). Университетъ существовалъ и въ VI вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Ѳеофилактъ Симокатта (διάλογος), а затѣмъ и въ эпоху иконоборства. Его существованіе при послѣднихъ иконоборческихъ царяхъ—внѣ всякаго сомнѣнія (Генесій, продолжатель Ѳеофана). Кесарь Варда благоустроилъ высшую школу, а при Фотіи, который былъ профессоромъ, университетъ процвѣталъ. Но особенно важное значеніе для исторіи высшаго просвѣщенія въ Византіи имѣетъ новелла императора Константина Мономаха, изданная около 1045 года по случаю избранія и утвержденія въ должности номофилакса Іоанна Ксифилина. Это есть единственный актъ изъ категоріи уставовъ, рисующій жизнь учебнаго заведенія, знакомящій съ правительственными взглядами на значеніе правовѣдѣнія, и т. д. Замѣтимъ, что отрывки изъ новеллы были впервые сообщены въ статьѣ В. Г. Васильевскаго (въ Журн.

Мин. Нар. Просв. 1882 г. т. 222, стр. 397); за тѣмъ ея содержаніе было изложено у проф. Скобалановича (Византійская наука и школа XI вѣка. Христіанское Чтеніе 1884, стр. 367), а также у проф. Остроумова (Введеніе въ Православное Церковное право. Харьковъ 1893. I, 66—68, 535). Ѳ. И. Успенскій предлагаетъ эту новеллу въ полномъ и точномъ по возможности переводѣ.

Что касается самого документа, то онъ помѣщенъ въ подлинномъ текстѣ съ русскимъ переводомъ и необходимыми филологическими и историко-литературными объясненіями. Составъ «протоколовъ» таковъ: указъ царя Алексѣя Комнина патріарху Евстратію о преданіи церковному суду Іоанна Итала, опредѣленіе константинопольскаго синода о дѣйствительности и законности анаѳематствованія Итала, царскій указъ о судѣ надъ Италомъ съ его исповѣданіемъ вѣры и съ подробнымъ разсмотрѣніемъ «еллинскихъ и безбожныхъ догматовъ» этого еретика и соборное постановленіе объ ученикахъ Итала.

3. **В. К. Ернштедтъ,** *Греческая рукопись «Болгарскаго Книжевнаго Дружества» № 6* (стр. 67—72). Рукопись писана не ранѣе X вѣка и содержитъ отрывокъ схолій на риторическое сочиненіе Гермогена περὶ εὑρέσεως; на поляхъ рукописи почеркомъ XIII—XIV в. написаны эксцерпты изъ риторическаго сочиненія Элія Аристида περὶ πολιτικοῦ καὶ ἀφελοῦς λόγου. Текстъ схолій на Гермогена напечатанъ Вальцемъ въ седьмомъ томѣ Rhetores Graeci. Софійская рукопись имѣетъ сходство съ cod. Venetus 433, Saec. XIII, но древнѣе ея и исправнѣе. Г. Ернштедтъ указываетъ нѣкоторые варіанты Софійской рукописи сравнительно съ редакціей схолій на Гермогена у Вальца, а затѣмъ описываетъ извлеченія изъ Аристидовой риторики, находящіяся на поляхъ рукописи.

4. **Г. Джеффри,** *Остатки Константиновой базилики въ Іерусалимѣ* (стр. 73—76). Статья написана по поводу трехъ таблицъ остатковъ Базилики, построенной императоромъ Константиномъ Великимъ въ 333 году въ Іерусалимѣ, въ мѣстности Гроба Господня и Голгоѳы. Южная часть этихъ остатковъ находится внутри зданія русской церкви во имя св. Александра Невскаго, а остальную часть можно нѣсколько прослѣдить къ сѣверу. На основаніи этихъ остатковъ, помѣщенныхъ на приложенныхъ таблицахъ, Г. Джеффри старается по возможности возстановить планъ Константиновой Базилики.

5. **П. Д. Погодинъ и О. Ф. Вульфъ,** *Никомидія. Историко-археологическій очеркъ* (стр. 77—184). Городъ Никомидія, нынѣ Измидъ, представляетъ большой историко-археологическій интересъ, а между тѣмъ до послѣдняго времени не привлекалъ къ себѣ въ достаточной степени вниманія изслѣдователей. Члены константинопольскаго археологическаго института гг. Погодинъ и Вульфъ трижды производили розысканія въ этомъ городѣ и результаты своихъ изслѣдованій представили въ настоящей статьѣ. Здѣсь прежде всего довольно подробно обозрѣвается исторія Никомидіи. Городъ былъ основанъ въ 264 году до Р. Х. виѳинскимъ царемъ Никомидомъ I

и первоначально былъ заселенъ жителями сосѣдняго города Астака, разрушеннаго Лисимахомъ. Около 74 года Никомидія была сдѣлана столицей Виѳинской провинціи и получила стройную внутреннюю организацію, которая и описывается въ статьѣ. Въ первую эпоху христіанства о Никомидіи встрѣчаются отрывочныя и случайныя извѣстія. При Діоклетіанѣ Никомидія сдѣлалась излюбленнымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора и нѣкоторое время переживала періодъ разцвѣта, а въ 303 году видѣла страшное и жестокое гоненіе на христіанъ. Когда императоръ Константинъ перенесъ столицу въ Византію, Никомидія пошла на убыль. Въ 358 году ее постигло страшное землетрясеніе, отъ котораго она не вполнѣ оправилась и при Юстиніанѣ. Послѣ Юстиніана значеніе Никомидіи сильно понизилось; Константинъ Порфирородный прямо недоумѣваетъ, какъ такая скудная тема можетъ называться темою оптиматовъ. Алексѣй I Комнинъ построилъ въ 1083 году близъ Никомидіи крѣпость, а въ 1337 году Никомидія была взята турками, не смотря на попытки императоровъ спасти ее отъ опасности. О былыхъ судьбахъ города напоминаютъ и многочисленные вещественные остатки древности. Къ нимъ прежде всего относятся надписи, которыхъ въ статьѣ представлено двадцать четыре (24). Однѣ изъ нихъ проливаютъ свѣтъ на устройство и бытъ города, а другія даютъ матеріалъ для приблизительнаго опредѣленія состава никомидійскаго населенія. Всѣ надписи обстоятельно описываются въ статьѣ. Кромѣ надписей, въ Никомидіи открыты многіе археологическіе памятники. На западномъ холмѣ обслѣдованы развалины части городской стѣны, въ которой различается двоякая постройка—древнѣйшая, изъ огромныхъ блоковъ (opus quadratum) сѣраго известняка, восходящая ко времени Діоклетіана, и византійская, интересная въ стратегическомъ и техническомъ отношеніи. Любопытны также остатки различныхъ сооруженій, снабжавшихъ древній городъ водою. Такіе существуютъ въ двухъ мѣстахъ. Во первыхъ, поднимающаяся на востокъ за византійскою стѣною гора Бачъ сохранила разрушенную цистерну отъ IV-го или V-го вѣка, а у подошвы горы открыты слѣды древняго зданія, которое служило началомъ водопроводныхъ каналовъ. Второй монументальный водопроводъ лежитъ къ сѣверу отъ Бача и имѣетъ уже турецкую архитектуру, но матеріалъ древній. Кромѣ того на западномъ концѣ Измида тянется крѣпкая стѣна изъ кирпича, высотой 7—8 метровъ, заключающая въ себѣ цѣлую систему каналовъ; постройка ея относится къ IV—V вѣкамъ. На западъ отъ города между армянскимъ кладбищемъ и берегомъ открыто загадочное кирпичное зданіе (но не церковь) довольно сложнаго плана, засыпанное вѣковымъ наносомъ земли. Найдены и мелкіе археологическіе остатки, какъ античные, такъ и византійскіе, въ видѣ капителей, карнизовъ, колоннъ и т. п. Всѣ эти памятники, какъ крупные, такъ и мелкіе, весьма подробно описываются въ статьѣ, хорошо освѣщающей византійскую эпоху Никомидіи и представляющей въ этой своей

части глубокій интересъ для спеціалистовъ. Статья снабжена 9 рисунками и глазомѣрнымъ планомъ мѣстности и развалинъ древней Никомидіи.

М. Параника, Περὶ τοῦ πολιτικοῦ στίχου τῶν Βυζαντινῶν (стр. 185—190). Профессоръ Параника доказываетъ въ своей статьѣ, что такъ называемый политическій пятнадцатислоговой стихъ издавна былъ извѣстенъ византійцамъ и употреблялся у нихъ не только въ свѣтской, но и въ церковной поэзіи, какъ видно изъ кондаковъ Романа Сладкопѣвца, покаянныхъ тропарей (Τῆς μετανοίας ἄνοιξόν μοι πύλας, ζωοδότα) и т. п. ексапостиларіевъ Константина Порфирогенета.

7. **Отъ редакціи.** *Къ статьѣ Е. М. Придика: «Надписи въ Θессаліи», помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Извѣстій»* (стр. 191—192). Исправляются ошибки и опечатки, допущенныя въ означенной статьѣ.

8. **Хроника** (стр. 1—34). Въ составъ хроники вошли слѣдующія сообщенія:

а) *Исторія Византійской литературы* (стр. 1—4). Рецензія на книгу г. профессора Карла Крумбахера: Geschichte der byzantinischen Litteratur von Iustinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). Zweite Auflage. München. 1897.

б) *Новооткрытая графическая карта Палестины* (стр. 4—8). См. Византійскій Временникъ, томъ IV, вып. 3 и 4, стр. 763. Срав. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1897, апрѣль, стр. 224—232.

в) *Вновь найденная куфическая надпись въ Іерусалимѣ* (стр. 8—9). Въ Іерусалимѣ, близъ Коптскаго монастыря, найденъ камень съ куфическою надписью слѣдующаго содержанія: «Во имя Бога всемилосерднаго и милостиваго изданъ высочайшій приказъ его величества въ пользу охраненія сего мѣста поклоненія и благоустроенія его, и дабы никто изъ подданныхъ (зиматъ) не вступалъ въ него ни за подать, ни за что иное, и да будетъ не нарушенъ и соблюденъ этотъ приказъ». Надпись относится, вѣроятно, ко времени Саладина; подъ подданными здѣсь разумѣются либо христіане, либо евреи. Особенно важно то, что камень съ этою надписью вполнѣ сходенъ съ тѣми, изъ которыхъ построена древняя стѣна въ русской постройкѣ.

г) *Библіотека Александрійской патріархіи* (стр. 10—11). Кратко описывается александрійская патріаршая библіотека, вообще небогатая рукописями. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить Константина Манасси, Льва Мудраго, Кантакузина, Νομικὴ Юстиніана, Ἱστορία τῆς ἐπιστροφῆς τῶν Ῥώσσων εἰς τὸν Χριστόν (№ 142), пергаменныя мѣсячныя минеи за январь, май и ноябрь мѣсяцы съ великолѣпными миніатюрами отъ XII вѣка и другія.

д) *Описаніе греческой рукописи принадлежащей митрополиту амассійскому* (стр. 10—13). Описывается греческая рукопись XIII—XIV в., пріобрѣтенная Анѳимомъ, митрополитомъ амассійскимъ, и содержащая 28 статей агіографическаго и патрологическаго содержанія.

е) **П. Погодинъ,** *Сѣверная Болгарія* (стр. 13—22). Описываются археологическіе и литературные памятники, открытые г. Погодинымъ во время

путешествія по сѣверной Болгаріи. Такъ, около села Типченицы онъ обозрѣвалъ развалины старинной церкви или монастыря, остатки агіасмы съ источникомъ и развалины древнихъ болгарскихъ укрѣпленій на горахъ Крешто и св. Петра. Во Вратцѣ видѣлъ у г. Димитріева пять листовъ болгарскаго евангелія X—XI вѣка, а въ ризницѣ соборной церкви нашелъ рукописное евангеліе 1612 года съ изображеніями, серебряный крестъ 1611 года, тканую плащаницу 1623 года, епитрахиль 1613 года и др. Кромѣ того, г. Погодинъ осмотрѣлъ нѣсколько пещерныхъ церквей и монастырей, напримѣръ, на горѣ Липи, близъ села Кунина и другія, и описалъ сохранившіяся въ нихъ росписи. Нѣкоторые памятники найдены имъ въ Габровѣ и Филиппополѣ.

ж) *Надпись изъ Коніи* (стр. 23—24). Анализируется греческая надпись, отрытая въ Преображенской церкви въ Коніи. Надпись содержитъ моленіе о спасеніи души валашскаго воеводы Петра III († 1569 г.), сына Мирча III.

з) *Потребникъ Московской печати* (стр. 24—26). Описывается старопечатный требникъ на славянскомъ языкѣ неизвѣстнаго года, имѣющій любопытныя записи.

и) **Г. Ласкинъ,** *О колоннѣ Константина Великаго и о «Судьбѣ города»* (стр. 27—28). Въ первой части своего сообщенія г. Ласкинъ ссылкою на снимокъ одной монеты въ трудѣ Фаррара «Жизнь апостола Павла» подтверждаетъ справедливость вывода г. Вульфа о томъ, что статуя Геліоса, поставленная на колоннѣ Константина, изображаетъ Спасителя, а не императора (Изв. рус. археол. инст. въ К—лѣ, т. I, стр. 41), а во второй половинѣ, вопреки Стржиговскому, утверждаетъ, что Константинъ Великій дѣйствительно посвятилъ Константинополь Богородицѣ, и указаніе на это находитъ и въ наименованіи Богородицы «Ἀνθοῦσα — Неувядаемый цвѣтъ», въ коемъ язычники видѣли лишь тайное жреческое имя «Судьбы города (ἡ τύχη τῆς πόλεως)», аналогичное съ именемъ римской Флоры.

і) **Г. Ласкинъ,** *По поводу остатковъ древности на холмѣ Топчиларъ* (стр. 29). По предположенію автора, на холмѣ Топчиларъ (Пушечномъ), недалеко отъ Эгри-Капу, гдѣ существуютъ слѣды агіазмы съ образомъ Спасителя и греческою надписью, нѣкогда стоялъ монастырь Харисъ, упоминаемый Ѳеофаномъ въ исторіи царствованія Константина Копронима, а ворота Эгри-Капу, можетъ быть, назывались воротами Χαρισίου.

к) **Г. Ласкинъ,** *О пути къ св. Мокію и храму Божіей Матери «Живоноснаго Источника»* (стр. 30—31). Высказываются нѣкоторыя догадки о храмѣ св. Анисима, лежавшемъ на пути къ св. Мокію, и вообще о направленіи этого пути, а также о пути изъ дворца къ церкви «Живоноснаго Источника», который совершался византійскими императорами въ день Вознесенія.

л) **Г. Ласкинъ,** *Гдѣ пролегала сѣверная граница дворцовыхъ зданій* (стр. 31—33)? Авторъ принимаетъ за сѣверную границу дворцовыхъ зданій лощину между дворцовымъ холмомъ (Вуколеономъ) и холмомъ Акрополя.

9. **М. Г. Попруженко,** *Синодикъ царя Бориса* (Приложеніе, стр. 1—82). Синодикъ царя Бориса признается памятникомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ и давно интересуетъ изслѣдователей славянской старины. Печатнаго изданія этого памятника однако не было, а онъ извѣстенъ въ рукописяхъ и при томъ только въ двухъ редакціяхъ, одна изъ коихъ (XIV в.) находятся въ Софійской Народной Библіотекѣ, а другая (XVI в.) — въ частномъ владѣніи профессора Дринова. Ѳ. И. Успенскій, во время недавняго своего путешествія по Болгаріи, позаботился объ изготовленіи снимка (факсимиле) этого памятника по Софійскому списку и передалъ его для изслѣдованія г. Попруженко, который въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій» и печатаетъ текстъ Синодика по Софійской редакціи, дополняя его дефекты изъ списка профессора Дринова. Подъ строкою напечатанъ греческій текстъ Синодика, подобранный по изданію Ѳ. И. Успенскаго («Синодикъ». Одесса. 1893) и по Τριῴδιον κατανυκτικόν... ἐν Βενετίᾳ. 1856. Для ознакомленія съ характеромъ рукописи въ концѣ изданія помѣщенъ снимокъ 26-го листа Синодика. Въ особомъ изслѣдованіи г. Попруженко надѣется дать всѣ необходимыя свѣдѣнія о Синодикѣ царя Бориса, имѣющемъ не малое значеніе для исторіи славянской и византійской.

Никодимъ, епископъ далматинскій, *Православное церковное право. Составлено по общимъ церковно-юридическимъ источникамъ и частнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ автокефальныхъ церквахъ. Переводъ съ сербскаго Милана Петровича.* С.-Петербургъ. 1897. Стр. XIX+708.—Книга епископа Никодима представляетъ первую попытку систематически изложить православное церковное право, какъ обязательное для всей православной церкви, такъ и дѣйствующее въ частныхъ, нынѣ существующихъ церквахъ, имѣющихъ свое самостоятельное управленіе, именно: въ константинопольской, александрійской, антіохійской, іерусалимской, русской, кипрской, карловацкой, синайской, черногорской, новогреческой, сибинской, буковино-далматинской, сербской, румынской и болгарской. Свою задачу ученый епископъ исполнилъ слѣдующимъ образомъ. Во *введеніи* (стр. 1—37) авторъ уясняетъ общія основы церковнаго права, при чемъ ведетъ рѣчь о церкви, ея задачѣ и правѣ, о положеніи церковнаго права въ общей системѣ права, о церковномъ правѣ, какъ наукѣ, отношеніи его къ другимъ наукамъ, общей системѣ и литературѣ православнаго церковнаго права. Самую систему церковнаго права авторъ дѣлитъ на пять отдѣловъ. Въ *первомъ* отдѣлѣ (стр. 38—222) обозрѣваются источники и сборники церковнаго права. Здѣсь авторъ сперва разсуждаетъ объ источникахъ церковнаго права вообще (священное писаніе, священное преданіе, церковное законодательство, обычное право, гражданскіе законы и каноническое право) и примѣненіи правовыхъ источниковъ, а затѣмъ переходитъ къ обзору самыхъ источниковъ церковнаго права. Послѣдніе онъ дѣлитъ на общіе и частные; въ свою очередь общіе источники подраздѣляются на основные (свящ. писаніе, св. преданіе и каноны), дополнительные (каноническія постановленія патріаршихъ синодовъ) и

вспомогательные (мнѣнія авторитетныхъ канонистовъ и церковно-гражданіе законы); частные источники церковнаго права принадлежатъ различнымъ автокефальнымъ православнымъ церквамъ. Послѣ обзора источниковъ разсматриваются сборники церковнаго права, исторія составленія которыхъ дѣлится на три періода: первый — отъ начала церкви до миланскаго эдикта 313 года, второй—время вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ до 883 года, когда былъ составленъ номоканонъ въ XIV тутулъ, и третій—послѣ изданія этого номоканона; составленные въ эти періоды церковно-правовые сборники, имѣющіе различное содержаніе, и обозрѣваются во второй части перваго отдѣла. *Второй* отдѣлъ книги епископа Никодима (стр. 223—422) посвященъ описанію устройства церкви. Отдѣлъ раздѣляется на три части. Въ первой изъ нихъ разсматриваются общія основы церковнаго устройства (о церкви вообще, церковная власть и церковный организмъ), во второй — рѣчь идетъ о церковной іерархіи (воспитаніе и научная подготовка клириковъ, рукоположеніе и составъ іерархіи), а въ третьей части опредѣляются органы церковной власти (церковная область, устройство помѣстныхъ церквей, епархіальное устройство — епископы, центральныя правительственныя учрежденія въ епархіяхъ, приходское духовенство). Отдѣлъ *третій* (стр. 423—559) обозрѣваетъ церковное управленіе, выражающееся во власти ученія, священнодѣйствія и пастырства (церковное законодательство, церковный судъ и имущественное право церкви). Отдѣлъ *четвертый* (стр. 560—665) разсматриваетъ различныя стороны церковной жизни, а именно: вступленіе въ церковь, церковно-богослужебную жизнь, бракъ, монашество, церковныя братства и проч. Наконецъ, *пятый* отдѣлъ (стр. 666—708) трактуетъ объ отношеніи церкви къ государству и къ лицамъ, принадлежащимъ къ другимъ религіознымъ обществамъ.

Таково, въ краткихъ и общихъ чертахъ, содержаніе книги епископа Никодима. Написанная научно и въ спокойно-серьезномъ тонѣ, проникнутая глубокою любовью къ православной церкви и въ возможной полнотѣ обозрѣвающая право не только церкви вселенской, но и помѣстныхъ автокефальныхъ церквей, книга сербскаго ученаго имѣетъ важное научное значеніе и появленіе ея въ русскомъ переводѣ должно привѣтствовать, какъ явленіе весьма отрадное.

В. Истринъ, *Откровеніе Мефодія (sic) Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. Изслѣдованіе и тексты.* Москва. 1897. Стр. IV+329+210. — Желательна рецензія спеціалиста.

Comentationes philologicae. *Сборникъ статей въ честь Ивана Васильевича Помяловскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, къ тридцатилѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности—отъ учениковъ и слушателей.* С.-Петербургъ. 1897. стр. 224.

Въ означенный сборникъ вошли слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ византологіи:

1. **X. Лопаревъ**, *«Животный совѣтъ» во всеобщей литературѣ. Библіографическая замѣтка* (стр. 21—24). «Животный совѣтъ» есть особаго рода аллегорическій пріемъ въ памятникахъ народной литературы, посредствомъ котораго въ полушутливомъ, въ полусерьезномъ тонѣ, но во всякомъ случаѣ рельефно, обрисовываются жгучіе вопросы и различныя теченія современной жизни. Указавъ на возникновеніе «Животнаго совѣта» и его развитіе въ литературѣ разныхъ народовъ, г. Лопаревъ касается и Византіи. На почвѣ Византіи вліяніе Стефанита и Ихнилата, проникнувъ въ народное міросозерцаніе, сказалось въ двухъ памятникахъ народной словесности: Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων (1365 года) и Πουλολόγος (вѣроятно XIV вѣка) Въ это время особенную силу забрали въ Византіи торговыя итальянскія колоніи, подъ видомъ дружбы высасывавшія изъ имперіи ея матеріальные соки; народъ видѣлъ зло «франковъ» и сочинилъ «Дѣтскую исторію», въ которой изобразилъ войну великихъ и малыхъ звѣрей, борьбу за существованіе; попутно осмѣялъ обычаи римской церкви и евреевъ. Въ XIV-же вѣкѣ особенно ярко обнаружился недостатокъ въ природной византійской знати, наводненіе служилыхъ людей иностраннаго происхожденія; народъ видѣлъ зло и сочинилъ «Птичникъ», въ которомъ подъ великими и малыми птицами, переругавшимися на свадьбѣ царскаго сына, осмѣялъ, «родовитость» византійскихъ бояръ, попрекавшихъ одинъ другого происхожденіемъ изъ Рима, отъ «франковъ», болгаръ, валаховъ, сарацинъ, хозаръ и татаръ; попутно осмѣялъ человѣческія слабости, затронулъ церковныя и политическія отношенія (Wagner, Carmina graeca. Lipsiae. 1874).

2. **И. Ждановъ**, *Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ* (стр. 81—96). Авторъ обращаетъ вниманіе читателей на два произведенія греческой литературы, одно изъ коихъ можетъ служить образцомъ книжнаго византійскаго стихотворства, а другое принадлежитъ къ числу стихотвореній на библейско-легендарную тему. Первое изъ этихъ произведеній составляютъ стихи о двѣнадцати мѣсяцахъ, причемъ каждый мѣсяцъ представляется олицетвореннымъ и характеризующимъ себя. Эти стихи извѣстны и въ древне-русской литературѣ и неоднократно были изданы (Пыпинымъ, Тихонравовымъ). Оригиналомъ ихъ служитъ греческое стихотвореніе плодовитѣйшаго византійскаго писателя XII-го вѣка Ѳеодора Продрома. Для уясненія взаимнаго отношенія оригинала и перевода авторъ помѣщаетъ рядомъ тексты славянскій (по рукописи Троицкой лавры № 762) и греческій (по изданію Keil'я). Изъ текстовъ видно, что въ составъ календарныхъ описаній, внесенныхъ въ стихотвореніе Ѳеодора Продрома, вошли разнородные и разновременные элементы; а именно: а) неясныя отголоски миѳологическихъ преданій, б) упоминанія христіанскихъ праздниковъ, в) бытовыя картины и г) гигіеническія правила. Сложеніе и объединеніе всѣхъ этихъ календарно-бытовыхъ подробностей совершалось, конечно, постепенно, путемъ медленнаго накопленія разнородныхъ элементовъ. Поэтому было бы напрасно искать въ стихо-

творенія Ѳеодора Продрома никакихъ либо слѣдовъ оригинальнаго творчества, даже въ литературной формѣ и въ художественномъ замыслѣ, такъ какъ въ византійской литературѣ извѣстно нѣсколько иныхъ изображеній мѣсячнаго цикла, независимыхъ отъ стихотворенія Ѳ. Продрома, но сходныхъ съ нимъ по содержанію и формѣ. Славянскій переводъ стихотворенія Ѳеодора Продрома свидѣтельствуетъ о томъ, что и наши предки были знакомы съ византійскимъ мѣсяцесловнымъ цикломъ и даже съ лицевымъ его изображеніемъ, но эти стихи не имѣли у насъ значительнаго распространенія, такъ какъ мало соотвѣтствовали направленію и характеру нашего народнаго творчества. Второе греческое произведеніе, разсмотрѣнное г. Ждановымъ, называется «Авраамовица»: оно представляетъ драму въ стихахъ съ сюжетомъ изъ книги Бытія (глава XXII). Въ сербской редакціи Авраамовица была издана Безсоновымъ, который считалъ ее произведеніемъ народнаго творчества, передѣланнымъ на книжный ладъ подъ вліяніемъ русской юго-западной школярности. Но, по разысканію г. Жданова, книжность въ Авраамовицѣ объясняется иными, не русскими вліяніями. Дѣло въ томъ, что драматическая Авраамовица представляетъ сходство съ однимъ изъ произведеній поздне-греческой письменности: Ἡ θυσία τοῦ Ἀβραάμ, которое неоднократно было издано между 1555 и 1694 годами (перепечатано и у Legrand: Bibliothèque grecque vulgaire t. I), а за всѣми этими довольно поздними изданіями изслѣдователи предполагаютъ болѣе древній византійскій оригиналъ.

5. **В. Регель,** *О городѣ Плотинополѣ* (стр. 147—151). Городъ Плотинополь во Ѳракіи былъ основанъ императоромъ Трояномъ. О немъ вообще сохранилось весьма мало извѣстій. Изъ византійскихъ авторовъ о немъ говорятъ историкъ Сократъ, Прокопій, Константинъ Багрянородный и древнѣйшіе епископскіе списки. Впослѣдствіи названіе Плотинополя совершенно исчезаетъ. Надо полагать, что городъ довольно рано пересталъ существовать. Изъ новѣйшихъ путешественниковъ и изслѣдователей Пококъ опредѣляетъ мѣстоположеніе Плотинополя на рѣчкѣ Кызылъ-дере выше Демотики. Шафарикъ отождествляетъ Плотинополь съ нынѣшнимъ Пловдивомъ на правомъ берегу Марицы, выше Демотики, а Карлъ Миллеръ говоритъ, что Плотинополь находился на правомъ берегу Марицы и тождественъ съ нынѣшнимъ Блудиномъ, недалеко отъ Демотики. В. Э. Регель, во время своего путешествія по Ѳракіи въ 1886 году, пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что городъ Плотинополь находился на холмѣ Ἅγιος Πέτρος, у впаденія рѣчки Кызылъ-дере въ Марицу; обломки его стѣнъ впослѣдствіи были употреблены при сооруженіи стѣнъ и башенъ въ сосѣднемъ византійскомъ городѣ Дидимотихѣ. Основанія для такого заключенія представлены слѣдующія: 1) существованіе черепковъ, кирпичей и черепицъ на всемъ пространствѣ холма Ἅγιος Πέτρος, а также стѣнъ—ясно доказываетъ существованіе тамъ древняго города; 2) сохранившіеся остатки стѣнъ на вершинѣ холма и близъ

рѣчки Кызылъ-дере указываютъ на происхожденіе этихъ построекъ до византійскаго времени, вѣроятнѣе всего въ римскій періодъ; 3) форма буквъ въ найденной здѣсь надписи несомнѣнно указываетъ на II—III вв. по Р. Х.; 4) у города пролегла большая римская дорога изъ Траянополя въ Адріанополь; 5) по указанію Itinerarium'а Antonini, Плотинополь находился на большой дорогѣ изъ Траянополя въ Адріанополь, въ 64 миляхъ отъ перваго и въ 21 милѣ отъ второго, а этому соотвѣтствуетъ настоящее разстояніе сосѣдняго города Демотики, въ 15 часовъ отъ Траянополя и въ 5 часовъ отъ Адріанополя.

4. **М. Крашенинниковъ,** *Къ рукописному преданію* «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» *Прокопія Кесарійскаго* (стр. 191—193). Ученый I. Гаури, производя—въ своей статьѣ о «рукописяхъ Прокопія» (Sitz.-Ber. d. Münchener Akad. 1895) —сравнительную оцѣнку значенія двухъ разрядовъ рукописей «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» для критики текста, отдаетъ предпочтеніе флорентійско-парижскому прѣданію (*y*) предъ ватиканскимъ (*z*), объявляя первое болѣе важнымъ и болѣе близкимъ къ ихъ общему архетипу. Г. Крашенинниковъ уже имѣлъ случай въ рецензіи на книгу Компаретти доказать неосновательность взгляда Гаури (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1895, ноябрь, критика, стр. 132 и д.) и высказать убѣжденіе въ полномъ превосходствѣ ватиканскаго преданія. Въ настоящей статьѣ авторъ еще разъ заявляетъ о справедливости своего воззрѣнія, которое возникло на почвѣ непосредственнаго ознакомленія съ деталями обоихъ преданій, при чемъ къ разбору вопроса г. Крашенинникову удалось привлечь десять новыхъ рукописей, имѣющихъ значеніе для критики текста, но оставшихся неизвѣстными какъ Гаури, такъ и Компаретти, а именно: Vaticanus gr. 73 (палимпсестъ X вѣка), Ambrosianus № 135 sup., Angelicus 25, Bruxellenses 11301—16 и 11317—21, Monacenses 267 и 185, Vaticanus gr. 1353, Vat. Ottob. 192, Paris. Suppl. gr. 607 A (s. X). Этотъ новый рукописный матеріалъ, въ связи съ детальнымъ пересмотромъ прежняго, даетъ возможность автору установить внѣ всякихъ сомнѣній одинъ новый и весьма любопытный фактъ, окончательно рѣшающій вопросъ о томъ, какое преданіе ближе къ архетипу. Такимъ фактомъ является значительная интерполированность флорентійской рукописи L (= Laurent. 69, 8),— нѣсколько примѣровъ коей г. Крашенинниковъ и приводитъ въ своей статьѣ.

5. **В. Ернштедтъ,** Ἀκοῆς κρείσσων. *Къ Өеодору Петрскому и къ Өукидиду* (стр. 195—199). Өеодоръ Петрскій (VI в.), въ своемъ похвальномъ словѣ палестинскому киновіарху Өеодосію, по поводу одного чудеснаго событія въ жизни святого восклицаетъ:... διὰ ταῦτα λαμπρὸς καὶ ἀκοῇ θαυμαστὸς καὶ κρεῖσσον ἀκοῆς εἰς πεῖραν ἐρχόμενος (Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos, herausg. v. H. Usener. Leipzig. 1890, s. 32). Смыслъ словъ κρεῖσσον ἀκοῆς и т. д. неясенъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянской редакціи слова (рукопись Общества Любителей Древней Письменности, F. VII, XVI в., л. 193[2]). По мнѣнію В. К. Ернштедта, вмѣсто

[illegible]

[illegible] Может быть это слово было [illegible] [illegible] Годомъ составления слова [illegible] Константина Багрянородный [illegible] [illegible] с греческимъ оригиналомъ [illegible] [illegible] Въ дополнение къ тексту въ Парижской рукописи [illegible] онъ указываетъ разночтения [illegible] рукописи [illegible] несколько [illegible] Слово [illegible] такъ [illegible]

[illegible] Тураевъ. [illegible] представлены въ русскомъ переводе следующие богослужения коптской церкви: [illegible] литургия въ день субботы радости, [illegible] служба въ ночь на воскресенье, [illegible] чинъ литургии славной Пасхи и [illegible] чинъ вечерни на пресвятый день Воскресения. Источниками для автора служили: коптская рукопись № [illegible] Азиатскаго музея Императорской Академии Наукъ, «пасхальная книга»—рукопись библиотеки Института восточныхъ языковъ при Министерстве Иностранныхъ делъ (Collections Scientifiques, VI, [illegible] 127) и кодексы Парижской Национальной Библиотеки №№ 86 и [illegible]

Епископъ Арсений. [illegible] слово св. Фотия [illegible] греческий текстъ и русский переводъ. Новгородъ. 1897. Стр. 85.—Византийский памятникъ, изданный епископомъ Арсениемъ въ настоящей брошюре, заимствованъ изъ греческаго сборника Московской Синодальной Библиотеки

№ 390 (по каталогу архимандрита Владиміра), написаннаго отчасти въ XII, отчасти въ XIII столѣтіи и принадлежавшаго прежде Иверскому монастырю на Аѳонѣ. Этотъ памятникъ уже былъ извѣстенъ занимающимся византологіей по описанію и извлеченіямъ, сдѣланнымъ академикомъ В. Г. Васильевскимъ (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886, ноябрь, стр. 96—101). Характеризуя его, В. Г. Васильевскій пишетъ слѣдующее: «какъ Предисловіе, такъ и самый разсказъ о дѣяніяхъ святого, изложены весьма длинно и многословно, въ обычномъ стилѣ похвалъ, безъ особеннаго искусства, но также и съ умѣренными притязаніями на краснорѣчіе и ученость. Прибавимъ, что авторъ обнаруживаетъ и плохое знаніе исторіи не слишкомъ отдаленнаго прошлаго, называя Романа II, отца Василія Болгаробойцы, Лакапиномъ, то-есть, смѣшивая его съ Романомъ I. Фотій, о которомъ въ словѣ идетъ рѣчь, принадлежитъ спеціально Солуни, есть мѣстный угодникъ; потому самому онъ не оставилъ послѣ себя долгой памяти въ обще-церковныхъ книгахъ (минеяхъ); житіе его въ рукописяхъ встрѣчается весьма рѣдко и доселѣ оставалось неизданнымъ и даже совсѣмъ неизвѣстнымъ. Между тѣмъ Фотію Солунскому въ составленной *неизвѣстнымъ авторомъ* похвалѣ приписывается важная роль не только духовная или церковная, но и политическая» (стр. 97). Фотій, намъ сообщается въ словѣ, родился въ Ѳессаліи отъ богатыхъ и почетныхъ по общественному положенію родителей, рано сдѣлался инокомъ и удалился въ монастырь святыхъ безмездныхъ врачей Космы и Даміана въ Солунѣ, гдѣ и подвизался подъ руководствомъ великаго аскета Власія, хорошо извѣстнаго византійскому императору Роману II (959—963 г.), который послѣ приблизилъ къ себѣ и Фотія. Удалившись изъ монастыря Космы и Даміана, Фотій нѣкоторое время подвизался въ окрестностяхъ холма Хортаита близъ Солуня, а потомъ воздвигъ здѣсь монастырь во имя архистратига Михаила. Когда византійскій престолъ занялъ Василій Болгаробойца (976—1025 г.), Фотій сдѣлался извѣстенъ и ему, какъ молитвенникъ за царя и его побѣдоносное войско въ борьбѣ съ мисами (болгарами). Фотій имѣлъ весьма важное значеніе и въ исторіи солунскаго монашества: онъ построилъ нѣсколько монастырей и храмовъ, собралъ много иноковъ, составилъ для нихъ уставъ и завѣщаніе и вообще имѣлъ сильное нравственно-аскетическое вліяніе на современное общество (Похвальное слово, стр. 29—30). Епископъ Арсеній, издавши въ греческомъ подлинникѣ этотъ интересный для византологовъ памятникъ, снабдилъ его прекраснымъ русскимъ переводомъ и небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ привелъ сужденіе о словѣ нашего авторитетнаго византолога В. Г. Васильевскаго.

Д. Кобеко, *Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда.* С.-Петербургъ. 1897. Стр. 18.—Академикъ Л. Н. Майковъ опубликовалъ въ 1890 году интересный памятникъ древней русской письменности подъ заглавіемъ «Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Царяграда», гдѣ епископъ венединскій или ренедійскій разсказываетъ нѣкоему

царю о святыняхъ Константинополя. По мнѣнію академика Майкова, находящіеся въ Бесѣдѣ разсказы о Царѣградѣ написаны русскимъ паломникомъ, посѣтившимъ Константинополь приблизительно около 1300 года. Покойный Г. С. Дестунисъ отнесъ описаніе ко времени между 1332 и 1417 годами, а профессоръ И. Е. Троицкій полагаетъ, что неизвѣстный авторъ повѣсти былъ въ Константинополѣ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Г. Кобеко въ свою очередь занялся изученіемъ сказанія о Царѣградѣ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) повѣсть о Царѣградѣ, включенная въ текстъ Бесѣды, составлена новгородскимъ паломникомъ въ первой половинѣ XIV вѣка; 2) составленіе ея можетъ быть приписано новгородскому священнику Григорію Калѣкѣ, впослѣдствіи (1329—1352) архіепископу Василію; 3) текстъ бесѣды долженъ быть расположенъ въ такомъ порядкѣ: часть первая—стр. 12—19, часть вторая—стр. 22—27, часть третья—стр. 19—22 и часть четвертая—стр. 27 до конца; 4) Бесѣда въ предложенномъ чтеніи представляетъ лучшее изъ русскихъ описаній святынь и достопамятностей средневѣковаго Константинополя. Въ приложеніи къ брошюрѣ перечислены церкви и монастыри Царяграда, упоминаемые въ Бесѣдѣ, и указаны встрѣчающіяся здѣсь имена святыхъ.

Д. Кобеко, *Дополнительная замътка къ статьъ: «Опытъ исправленія текста Беспды о святыняхъ Царяграда».* С.-Петербургъ. 1897. Стр. 8.—Въ дополнительной замѣткѣ къ своей первой статьѣ г. Кобеко, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ Бесѣды, сообщаетъ, что новгородскій священникъ Григорій, коему онъ приписываетъ составленіе описанія святынь Царяграда, находился въ Константинополѣ, вѣроятно, въ 1321—1323 годахъ; это предположеніе г. Кобеко не противорѣчитъ догадкѣ профессора А. С. Павлова о бытности Григорія въ Константинополѣ при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ (1315—1320), такъ какъ Іоаннъ, по отреченіи въ 1320 году отъ патріаршества, жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ Константинопольскихъ монастырей.

А. Дмитріевскій, *Архіепископъ елассонскій Арсеній (суздальскій тожъ) и его вновь открытые историческіе мемуары* (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1898, январь, стр. 3—74).

Профессоръ А. А. Дмитріевскій открылъ въ трапезунтскомъ Сумелійскомъ монастырѣ новые историческіе мемуары елассонскаго митрополита Арсенія, долгое время жившаго въ Россіи и описавшаго значительный промежутокъ изъ эпохи «смутнаго времени», именно — отъ вступленія на царство послѣдняго изъ Рюриковичей, Ѳедора Ивановича, сына царя Ивана Васильевича Грознаго, до восшествія на русскій престолъ перваго царя изъ династіи Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича. На основаніи этихъ весьма любопытныхъ мемуаровъ проф. Дмитріевскій описываетъ жизнь и дѣятельность архіепископа Арсенія въ связи съ тѣми событіями изъ русской исторіи, въ которыхъ греческій іерархъ принималъ то или иное участіе. Архіепископъ Арсеній родился въ концѣ первой или въ на-

чалѣ второй половины XVI столѣтія въ деревнѣ Калоріана, близъ ѳессалійскаго города Трикки, въ семьѣ священника. Онъ учился сперва подъ руководствомъ своего брата, стагонстаго епископа Іоасафа, потомъ въ школѣ города Трикки, гдѣ изучилъ грамматику, піитику и риторику, а затѣмъ подвизался въ обители Христа Спасителя τῶν Μεγάλων Πυλῶν или τοῦ Δουσίκου близъ Ѳермопилъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка Арсеній былъ уже епископомъ города Елассона, а когда при патріархѣ Ѳеолиптѣ (1585—1586) въ Константинополь прибылъ съ подарками отъ московскаго царя Ѳеодора Ивановича апокрисіарій Борисъ Благово, то патріархъ, въ благодарность за щедрую милостыню, послалъ въ Москву особое посольство изъ Арсенія, епископа елассонскаго, и Паисія, епископа диррахійскаго. Въ началѣ 1586 года посольство прибыло въ Москву, было принято здѣсь ласково и отправилось съ подарками назадъ въ Константинополь. На обратномъ пути посольство прибыло во Львовъ, гдѣ Арсеній и остался, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, въ званіи преподавателя греческаго и церковно-славянскаго языковъ въ тамошней братской школѣ. Плодомъ его занятій въ этой школѣ была книга: Ἀδελφότης. ГРАММАТІКА ДОБРОГЛАГОЛИВАГО ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКАГО ѦЗЫКА (Львовъ. 1591). Когда въ Россію пріѣзжалъ вселенскій патріархъ Іеремія для сбора милостыни, Арсеній сопровождалъ его въ Москву и пользовался большимъ вниманіемъ со стороны Ѳеодора Ивановича. Арсеній принималъ участіе и въ переговорахъ между патріархомъ Іереміею и Борисомъ Годуновымъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, а потомъ и въ избраніи и нареченіи патріарха Іова 23 января 1589 года. Въ маѣ 1589 года Іеремія отправился въ Константинополь, а Арсеній остался въ Москвѣ. Въ первые годы своего здѣсь пребыванія (1590—1593) архіепископъ Арсеній, находясь временно не у дѣлъ, написалъ поэтическій трудъ подъ заглавіемъ: Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου· γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχοβίας, гдѣ воспѣлъ все, что видѣлъ въ Москвѣ во время торжествъ по поводу учрежденія патріаршества, а также щедрость и благочестіе царя Ѳеодора Ивановича и его супруги, переговоры царя съ патріархомъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и роль патріарха Іереміи въ этомъ важномъ дѣлѣ и т. д. Поэма Арсенія была неоднократно издана и имѣется въ русскомъ переводѣ. Отъ царя Ѳеодора Ивановича архіепископъ Арсеній получилъ въ даръ деревни, на доходы съ которыхъ пріобрѣлъ въ Кремлѣ домъ и устроилъ въ немъ храмъ во имя св. Димитрія Солунскаго, а затѣмъ по повелѣнію царя и патріарха, былъ опредѣленъ къ Архангельскому московскому собору съ титуломъ «архіепископа архангельскаго», обязанностью коего было «безотступно жить у царскихъ гробовъ» и «служить завсегды по родителѣхъ государскихъ». Послѣ этого Арсеній принималъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ, а потомъ и гражданскихъ событіяхъ русской жизни вплоть до воцаренія въ 1613 году Михаила Ѳеодоровича, при чемъ въ смутное время онъ испыталъ много физическихъ несчастій и душев-

ныхъ страданій. Около 1613 года Арсеній титулярно былъ назначенъ архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ, а въ 1615 году былъ перемѣщенъ на каѳедру архіепископа суздальскаго и тарусскаго; однако, до 1621 года онъ жилъ въ Москвѣ, принимая дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, а потомъ отправился въ Суздаль, гдѣ и скончался, по мнѣнію г. Дмитріевскаго, 13 апрѣля 1626 года. Свыше сорокалѣтняя дѣятельность архіепископа Арсенія въ Россіи выражалась главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: 1) въ заботахъ объ устройствѣ церквей и ихъ благоукрашеніи и 2) въ щедрой благотворительности монастырямъ и церквамъ православнаго Востока и нашимъ русскимъ. Сумелійская рукопись пространно разсказываетъ, какія именно церкви устроилъ и украсилъ архіепископъ Арсеній въ Москвѣ и другихъ городахъ, а на Востокѣ памятники его благотворенія сохранились въ монастыряхъ Метеорскихъ, на Синаѣ, въ Іерусалимѣ, въ константинопольской патріархіи и другихъ мѣстахъ.—Статья не окончена.

Д. Айналовъ, *Отчетъ о заграничной командировкѣ на Аѳонъ.* Казань. 1897. Стр. 8.—Дается краткій отчетъ о занятіяхъ г. Айналова лѣтомъ 1896 года въ аѳонскихъ монастыряхъ: св. Пантелеимона, св. Аѳанасія, Иверскомъ, Кутлумушскомъ, Ксенофскомъ, Дохіарскомъ, Ксиропотамскомъ, Ватопедскомъ, Протатѣ, Пантократорскомъ и русскомъ Андреевскомъ скитѣ.

В. Г. Васильевскій, *Синодальный кодексъ Метафраста* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, іюнь, 332—404).

Въ настоящей статьѣ академикъ В. Г. Васильевскій еще разъ обращается къ вопросу о времени жизни и о трудахъ Симеона Метафраста (Ж. М. Н. П., 1879, декабрь). Свое изслѣдованіе почтенный ученый начинаетъ съ обозрѣнія предшествующей литературы, возникшей послѣ и по поводу первой его статьи, и прежде всего разсматриваетъ небольшое разсужденіе о времени жизни Метафраста, принадлежащее одному ученому греку, Ѳеофилу Іоанну, издателю весьма полезнаго сборника житій святыхъ — подъ заглавіемъ: Μνημεῖα ἁγιολογικὰ νῦν πρῶτον ἐκδιδόμενα ὑπὸ ἱεροδιακόνου Θεοφίλου Ἰωάννου. Ἐν Βενετίᾳ. 1884. Въ предисловіи къ этому сборнику (стр. 8—16) издатель ведетъ рѣчь о личности и о времени жизни Метафраста, считаемаго авторомъ стоящаго во главѣ сборника житія св. Ѳеоктисты и заключающихся въ немъ автобіографическихъ воспоминаній. Іеродіаконъ Ѳеофилъ въ своихъ разсужденіяхъ исходитъ изъ того наблюденія, что житіе Ѳеоктисты въ двухъ редакціяхъ, отличающихся между собою почти только особымъ у каждой вступленіемъ и заключеніемъ, а затѣмъ только частными варіантами, носитъ не одинаковыя надписанія авторскаго имени. Одна изъ редакцій житія Ѳеоктисты, начинающаяся словами: ἐπαινεῖν μὲν τὰ χρηστά, ставитъ въ заглавіи имя *Никиты*, всехвальнѣйшаго *магистра* (συγγραφεὶς ὑπὸ Νικήτα τοῦ πανευκλεεστάτου μαγίστρου) вмѣсто Симеона Метафраста, котораго считаютъ авторомъ единственной прежде извѣстной редакціи житія, начинающейся словами: εἰκόνες καὶ στῆλαι. Вмѣсто того, чтобы предположить двухъ авто-

3) Житіе преподобнаго Сампсона страннопріимца (начало: Ἅμα μὲν χάριτος ἔργον).

4) Память святыхъ апостоловъ Петра и Павла (начало: Καὶ τῶν τεχνῶν οὐ μόνον τοὺς ἐξ ἀρχῆς πατέρας ἀποδεχόμεθα).

5) Мученіе великомученика Прокопія (начало: Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ τὴν βασελείαν ἰθυνόντων ἀρχήν).

6) Мученіе св. Пантелеимона (начало: Τῆς εἰδωλικῆς ἀχλύος διὰ πάσης διασκεδασθείσης τῆς οἰκουμένης).

7) Мученіе св. Каллиника (начало: Τῆς εἰδωλικῆς μανίας ἐπικρατούσης).

8) Житіе Евдокима Праведнаго (начало: Εὐδοκίμου τοῦ κατὰ Θεὸν φερωνύμως εὐδοκιμήσαντος).

9) Повѣсть Іосифа о мученіи святыхъ Маккавеевъ (начало: Φιλοσοφώτατον λόγον).

10) Слово, обнимающее житіе Богородицы отъ честнаго рождества Ея и воспитанія до Рождества Христова и жизненосной ея кончины, а также о явленіи честной Ея ризы и о томъ, какъ это великое богатство досталось въ сокровище христіанамъ (начало: Ἐχρῆν ἀληθῶς τὴν παρθένον...).

11) Константина во Христѣ вѣчномъ царѣ императора ромэевъ повѣсть отъ различныхъ исторій о посланномъ къ Авгарю нерукотворенномъ образѣ Христа Бога нашего и о томъ, какъ онъ изъ Едессы былъ перенесенъ въ Константинополь.

12) Слово о рождествѣ, воспитаніи и усѣкновеніи св. Крестителя Іоанна и обрѣтеніи главы его (начало: Ἰωάννην τὸ μέγα κλέος τῆς οἰκουμένης).

Всѣ указанныя статьи синодальнаго кодекса Метафраста весьма подробно и разносторонне анализируются академикомъ В. Г. Васильевскимъ и по поводу каждой изъ нихъ ставится и рѣшается вопросъ объ авторствѣ Симеона Логоѳета. Въ виду большой сложности и тонкости аналитическихъ изысканій академика В. Г. Васильевскаго, мы не входимъ въ подробный ихъ обзоръ и отсылаемъ интересующихся къ самой статьѣ. Заключительныхъ сужденій въ статьѣ еще нѣтъ, такъ какъ она неокончена.

В. Сокольскій, *Греко-римское право въ уложеніи грузинскаго царя Вахтанга VI. Очеркъ по исторіи распространенія византійскаго права на Востокѣ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, сентябрь, стр. 56—93).—Въ своей статьѣ г. Сокольскій обосновываетъ слѣдующіе главные тезисы: 1) Греческіе законы грузинскаго уложенія не только заимствовали въ значительной степени свои положенія изъ Властаря, но они суть не что иное, какъ сокращеніе синтагмы Властаря, пополненное изъ Арменопула и другихъ источниковъ. 2) Сокращеніе это составлено не въ Грузіи, а въ самой Греціи, на что указываетъ распредѣленіе матеріала въ порядкѣ греческаго алфавита, а также и то обстоятельство, что епитоматоръ синтагмы Властаря, легшей въ основу грузинскаго уложенія, не только сокращалъ ее, но и пополнялъ извлеченіями изъ Арменопула и другихъ источниковъ, чего грузинскій компиляторъ сдѣлать не могъ. 3) Сокращеніе это, или подобное ему, было весьма распространено

въ Московской Руси, гдѣ оно имѣло авторитетъ наравнѣ съ великокняжескими и царскими законами. 4) Греко-римское право содержится не только въ томъ отдѣлѣ уложенія царя Вахтанга, который озаглавливается «законы греческіе», но и въ отдѣлѣ, отмѣченномъ какъ «законы армянскіе». Находящіяся въ армянскомъ отдѣлѣ первыя 150 статей представляютъ переводъ армянской редакціи сирійско-римскаго юридическаго сборника, составленнаго въ концѣ V вѣка при императорѣ Василискѣ.— Такимъ образомъ изученіе грузинскаго уложенія царя Вахтанга,—названнаго г.Сокольскимъ Epitome Syntagmatis Matthaei Blastaris ad Hexabilium Harmenopuli mutati (по терминологіи, установленной для памятниковъ византійскаго права знаменитымъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталемъ), — дало возможность нашему автору раскрыть одну изъ темныхъ страницъ въ исторіи вліянія Византіи на Грузію.

Б. Меліоранскій, *Новооткрытыя* Λόγια Ἰησοῦ, *какъ церковно-историческій источникъ* (Ж. М. Н. П., 1897, декабрь, стр. 447—465).—Рѣчь идетъ о тѣхъ Λόγια Ἰησοῦ, которыя открыты англійскими учеными Grenfell'емъ и Hunt'омъ на клочкѣ папируса, найденнаго въ Египтѣ, близъ деревни аль-Бахнаса, на югъ отъ Каира, въ мѣстности, гдѣ нѣкогда стоялъ цвѣтущій городъ Оксиринхъ. Подвергнувъ историческому анализу находящіяся здѣсь изреченія, г. Меліоранскій пришелъ къ выводу, что первое изъ нихъ стоитъ въ позднѣйшей редакціи Евангелія отъ Луки (VI, 42), остальныя новы; изъ нихъ одно іудаистично до отсутствія почти всего христіанскаго, другое по содержанію и способу выраженія тѣсно примыкаетъ къ Евангелію отъ Іоанна; третье носитъ явный характеръ гностическаго пантеизма, а два послѣднихъ представляютъ комбинацію или независимую традицію синоптическихъ изреченій, пригодныхъ и для православныхъ, и для сектантовъ. Словомъ, изреченія представляютъ выборку изъ разныхъ евангельскихъ писаній, принадлежащихъ не только разнымъ авторамъ, но и разнымъ сектамъ,—составленную, быть можетъ, и не христіаниномъ.

А. Шахматовъ, *Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ* (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1897, апрѣль, стр. 463—482).—Въ статьѣ изслѣдуются хронологическія данныя слѣдующихъ русскихъ лѣтописей: 1) Начальнаго свода, 2) Первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ и 3) Второй редакціи тойже Повѣсти. Авторъ сначала выясняетъ источники каждой хроники, а затѣмъ разсматриваетъ, на какихъ именно данныхъ основана та или другая хронологическая дата до 6453 (945) года. Составитель Начальнаго свода имѣлъ для хронологическихъ опредѣленій два источника: а) русскія данныя о числѣ лѣтъ княженія того или другого князя и б) греческую хронику Амартола. Составитель первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ для той же цѣли пользовался: а) Начальнымъ сводомъ, б) сказаніемъ о Кириллѣ и Мееодіѣ, в) договорами съ греками и г) хроникою Амартола. Наконецъ, составитель второй редакціи той же Повѣсти дополнилъ ее на основаніи «Никифорова лѣтописца

вскорѣ» (Νικηφόρου πατριάρχου Χρονογραφικὸν σύντομον). Подвергнувъ изслѣдованію хронологическія данныя лѣтописей, г. Шахматовъ пришелъ къ заключенію, что въ древней исторіи Руси (до 945 года) достовѣрными могутъ быть признаны лишь слѣдующіе годы: 907—договоръ Олега съ греками, 912 — тоже, 914—походъ Игоря на грековъ, 945—договоръ Игоря съ греками и смерть Игоря.

В. Истринъ, *Хронографъ Ипатскаго списка лѣтописи подъ 1114 годомъ* (Ж. М. Н. П., ноябрь, стр. 83—91). Г. Истринъ доказываетъ въ своей статьѣ, что составитель второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, къ которой (редакціи) относится и Ипатскій списокъ, былъ знакомъ не только съ хроникою патріарха Никифора, какъ утверждаетъ въ вышеизложенной статьѣ г. Шахматовъ, но и съ хрониками Георгія Монаха и Іоанна Малалы; значитъ, хроника Іоанна Малалы была извѣстна на Руси во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XI вѣка, на что до сихъ поръ у ученыхъ не было никакихъ указаній.

А. И. Кирпичниковъ. *Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери* (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1897, іюль, стр. 45—72).— Статья профессора А. И. Кирпичникова представляетъ публичную лекцію, прочитанную въ Москвѣ 19 апрѣля 1897 года на выставкѣ «Изображеній Богоматери», въ Обществѣ Поощренія Художествъ,—въ качествѣ историческаго комментарія къ собранному на выставкѣ матеріалу. Лекторъ сообщаетъ, что отъ эпохи образованія въ Римѣ первой христіанской общины изображеній Богоматери извѣстно очень мало и типъ Ея въ этихъ изображеніяхъ далекъ отъ опредѣленности. Древнѣйшимъ (II в.) несомнѣннымъ Ея изображеніемъ въ настоящее время считается жена съ младенцемъ изъ катакомбы св. Присциллы, такъ какъ надъ этой группой находится звѣзда, на которую, повидимому, указываетъ юноша въ палліумѣ (пророкъ Исаія). Слѣдующая по времени композиція есть поклоненіе волхвовъ, число коихъ бываетъ иногда два, иногда четыре. И здѣсь въ изображеніи Богоматери наблюдается неопредѣленность типа, хотя художники, а потомъ и писатели первыхъ вѣковъ христіанства, и старались вдохнуть въ Ея изображеніе величіе и задушевность христіанскаго идеала. Послѣ 313 года христіанская религія сдѣлалась государственной, и это обстоятельство немедленно и наглядно отражается и на изображеніяхъ Богоматери. Въ IV вѣкѣ появились уже *иконы* Богоматери и сталъ опредѣляться типъ Ея, какъ величественной и строгой Царицы небесной. Послѣ осужденія ереси Несторія на вселенскомъ соборѣ 431 года, почитаніе Богоматери пріобрѣло на Востокѣ особенное значеніе: во имя Ея строились церкви, въ томъ числѣ храмъ Богородицы Влахернской въ Константинополѣ, и монастыри, Ея иконы помѣщались всюду — и на мачтахъ кораблей, и въ тюрьмахъ, были тогда изготовлены и многія классически прекрасныя статуи Богоматери, барельефы, изображавшіе событія изъ Ея жизни и украшавшіе саркофаги, диптихи, оклады евангелій и пр. Въ изображеніяхъ Богоматери, появившихся въ періодъ отъ эфес-

скаго собора 431 года до иконоборства, наблюдаются такія подробности, которыя заимствованы изъ апокрифическихъ сказаній о земной жизни Богородицы; именно: Рождество Богородицы, Введеніе Ея во храмъ, обрученіе Іосифу, Предблаговѣщеніе или Благовѣщеніе у кладезя, воспроизведеніе котораго въ искусствѣ встрѣчается съ V—VI вѣка, и Успеніе Богородицы: эти событія изображались даже въ миніатюрахъ рукописей, въ фрескахъ и мозаикахъ. И евангельскія событія, касающіяся Богородицы, служили обильнымъ источникомъ вдохновенія для восточныхъ художниковъ разсматриваемаго времени. Такъ, Благовѣщеніе было общеизвѣстнымъ иконописнымъ сюжетомъ еще, вѣроятно, до эфесскаго собора; рано встрѣчаются и изображенія свиданія Богоматери съ Елизаветою (съ V вѣка), путешествія Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ, Рождества Христова, Срѣтенія Господня, Распятія Христова, Вознесенія Господня; нѣкоторыя характерныя изображенія этихъ событій, дополненныя иногда апокрифическими чертами, и описываются профессоромъ Кирпичниковымъ. Къ нимъ онъ присоединяетъ и такъ называемый *деисусъ* (δέησις), подъ которымъ разумѣется трехчленная икона съ изображеніемъ Спасителя по срединѣ и Богородицы и Іоанна Предтечи—по сторонамъ; появленіе такой иконы относится къ VII вѣку. Такимъ образомъ, всѣ главные моменты иконографіи Богоматери были намѣчены почти непосредственно послѣ побѣды православія надъ несторіанствомъ въ единственномъ тогдашнемъ центрѣ цивилизаціи—въ византійской имперіи; въ VI и VII в. установлено и нѣсколько новыхъ праздниковъ въ честь Богоматери и тогда же, именно въ 626 году, былъ составленъ патріархомъ Сергіемъ акаѳистъ въ честь Ея. Но въ половинѣ VIII вѣка въ Византіи возникла иконоборская ересь, направленная спеціально противъ церковнаго искусства и волновавшая церковь болѣе ста лѣтъ. Во время ея погибло множество памятниковъ христіанской древности, и умами многихъ овладѣлъ религіозный индиферентизмъ. Однако иконографія и почитаніе Богородицы и въ это время не погибли, но сильно развились, какъ доказываютъ творенія св. Іоанна Дамаскина и окрѣпшее сказаніе объ иконѣ Богоматери, написанной евангелистомъ Лукою. Послѣ побѣды иконопочитанія, въ IX—X столѣтіяхъ въ Византіи окончательно установились типичныя композиціи въ изображеніяхъ Богоматери, нерушимо сохранившіяся въ православіи и впослѣдствіи. Когда же (въ концѣ X вѣка) совершился сильный переломъ въ духовной жизни Европы, передовая роль въ искусствѣ перешла отъ востока къ западу, который, не стѣсняясь церковнымъ преданіемъ, создалъ новыя формы христіанскаго искусства, тѣсно связанныя съ новой христіанской поэзіей на родномъ языкѣ.

А. Лопухинъ, *Незаписанныя въ Евангеліи изреченія Христа Спасителя и новооткрытыя изреченія Его* (Христіанское Чтеніе, 1897, октябрь, стр. 488—505).—Разсказывается объ открытіи Λόγια Ἰησοῦ, выясняется его значеніе въ исторіи вопроса о происхожденіи каноническихъ евангелій

и высказывается общій православно-русскій взглядъ на значеніе подобныхъ памятниковъ.

В. Поповъ, *Ученіе св. Іоанна Златоуста о воспитаніи дѣтей* (Христіанское Чтеніе, 1897, ноябрь, стр. 339—354). Ученіе излагается по твореніямъ св. Отца.

Х. Лопаревъ, *Краткій отчетъ о поѣздкѣ на Аѳонъ лѣтомъ 1896 года* (Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1897, февраль, стр. 22—59).—Разсказывается о занятіяхъ г. Лопарева въ Аѳонскихъ монастыряхъ и сообщаются нѣкоторые результаты этихъ занятій, имѣющіе отношеніе къ Іерусалиму и Синаю. Именно анализируется житіе св. Лазаря Галисійскаго (см. Византійскій Временникъ, томъ IV, вып. 3—4, стр. 364 — 378) и описываются два іерусалимско-синайскихъ путника XVI вѣка, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о святыняхъ Іерусалима и Виѳлеема, о палестинскихъ монастыряхъ, Египтѣ, Синаѣ и другихъ мѣстахъ православнаго Востока. Представлены и небольшія извлеченія изъ этихъ путниковъ на греческомъ языкѣ.

*** **Извѣстія** *о подлинномъ видѣ пещеры св. Гроба и ложа Господня* (тамъ же, стр. 98—101). Послѣ реставраціи крестоносцами храма Воскресенія, разрушеннаго и опустошеннаго въ 1009 году египетскимъ султаномъ Хакимомъ, встрѣчаются за весь періодъ восьми вѣковъ, до нашего времени, лишь два описанія очевидцами св. гробницы Господней, изсѣченной въ скалѣ, и камня, служившаго Богочеловѣку трехдневнымъ смертнымъ ложемъ. Первое, болѣе подробное и полное, описаніе принадлежитъ латинскому епископу Бонифацію Стефану Рагузскому, жившему въ XVI вѣкѣ, а второе—греческому архимандриту Максиму съ острова Симы, жившему въ XVIII вѣкѣ. Оба эти описанія и приводятся въ статьѣ.

*** **Раскопки** *доктора Блисса у Силоамскаго источника* (Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества, 1897, апрѣль, стр. 195—200). Археологъ Блиссъ открылъ у Силоамскаго источника, между прочимъ, остатки христіанскаго храма, построеннаго, по его предположенію, послѣ 333 года и разрушеннаго до 670 года; постройку онъ приписываетъ императрицѣ Евдокіи, женѣ Ѳеодосія II, которая послѣдніе десять лѣтъ своей жизни провела изгнанницей въ Іерусалимѣ и скончалась въ 460 году.

*** **Хожденіе** *новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ въ 1163—1168 годахъ* (тамъ же, стр. 499—502). Сообщаются двѣ записи отъ 1163 и 1329 годовъ о хожденіи, въ началѣ второй половины XII вѣка, сорока новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ,—заимствованныя изъ лѣтописнаго отрывка въ сборникѣ XVI—XVII в., находящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

А. Лепорскій, *Ученіе св. Іоанна Златоуста о совѣсти* (Христіанское Чтеніе, 1898, январь, стр. 89—102).—Излагается ученіе о совѣсти по твореніямъ св. отца.

А. Кычигинъ, *Праздникъ Рождества св. Іоанна Предтечи* (тамъ же,

стр. 30—52). Въ статьѣ даются немногія свѣдѣнія о чествованіи дня рожденія св. Іоанна Предтечи и въ греко-восточной церкви.

, **Завоеваніе** *Іерусалима персами въ 614 году* (Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества, 1897, октябрь; стр. 598—614). О завоеваніи и разореніи Іерусалима въ 614 году полчищами персовъ подъ предводительствомъ Хозроя извѣстно лишь въ общихъ чертахъ, поэтому всякій новый матеріалъ, а тѣмъ болѣе исходящій непосредственно отъ очевидца событія, имѣетъ особую цѣнность. Таковъ разсказъ объ этомъ событіи, написанный однимъ монахомъ изъ монастыря св. Саввы и сохранившійся въ арабскомъ рукописномъ сборникѣ отъ начала XV вѣка въ Парижской Національной библіотекѣ (№ 262). Подлинный текстъ этого разсказа съ французскимъ переводомъ былъ уже напечатанъ въ Revue de l'Orient latin (1897, p. 143—164), откуда онъ и заимствованъ изданіемъ И. Православнаго Палестинскаго Общества, при чемъ русскій переводъ разсказа сдѣланъ съ арабскаго подлинника г. Мѣдниковымъ. Разсказъ сообщаетъ немало новыхъ подробностей о печальномъ событіи завоеванія и опустошенія Іерусалима.

А. Лопухинъ, *Седьмой вселенскій соборъ по взгляду англійскаго журнала* (Христіанское Чтеніе, 1897, сентябрь, стр. 285—314). Предлагается въ русскомъ переводѣ статья изъ журнала «Church Quarterly Review» (1896), въ которой разсказывается исторія Седьмого вселенскаго собора (787 г.) и на основаніи научныхъ церковно-историческихъ доводовъ доказывается его вселенское значеніе.

А. Лопухинъ, *Православный грекъ на каѳедрѣ архіепископа кэнтерберійскаго* (тамъ же, стр. 365—372). Рѣчь идетъ объ архіепископѣ Ѳеодорѣ Философѣ, родомъ изъ Тарса, занимавшемъ кэнтерберійскую каѳедру въ 668—690 годахъ.

, **Византійская** *эпопея* (Новый Журналъ Иностранной Литературы, Искусства и Науки, 1897, № 1 (іюль), стр. 19—30). Статья составлена по книгѣ Schlumberger «L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Paris 1896». Здѣсь разсказывается о воцареніи Никифора Фоки, а потомъ Іоанна Цимисхія, о нападеніи на Византію руссовъ, о смерти Іоанна Цимисхія и евнуха Василія.

Б. Тураевъ, *Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики* (Записки Восточнаго Отдѣленія И. Русскаго Археологическаго Общества, т. X, вып. 1—4, стр. 79—82). Приводится въ коптскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ надпись на плитѣ, хранящейся въ Гизэскомъ музеѣ подъ № 313; надпись представляетъ надгробную элегію, начертанную на заупокойномъ жертвенникѣ Космы Зига, умершаго 3-го марта 786 года. По поводу ея авторомъ высказано нѣсколько замѣчаній.

Протоіерей Петръ Смирновъ, *Состояніе православной церкви въ имперіи греческой во время владычества латинянъ въ Константинополѣ* (Сочиненія, выпускъ II, Спб., 1897, стр. 54—90). Въ статьѣ разсказывается объ утвержденіи латинскаго владычества въ Константинополѣ и о водвореніи

латинской іерархіи въ различныхъ областяхъ греческой церкви послѣ ихъ завоеванія. Источниками для автора служили: исторія Никиты Хоніата, хроники Вильгардуэна, Альберика и Гунтера, письма папы Иннокентія III и Oriens christianus (t. 3) Le Quien'a. Статья впервые была напечатана въ 1857 году, но не потеряла значенія и теперь.

Д. Анучинъ, *Археологическое значеніе «Мономаховой шапки» по мнѣнію Н. П. Кондакова* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897, № 5—6, стр. 163—165). — Въ своемъ трудѣ о русскихъ кладахъ домонгольскаго періода профессоръ Кондаковъ объясняетъ, между прочимъ, археологическое значеніе извѣстной Мономаховой шапки, этого «важнѣйшаго, по его словамъ, памятника древне-русскаго великокняжескаго чина». Разсмотрѣвъ мнѣнія по этому вопросу гг. Прозоровскаго, Филимонова и Регеля, профессоръ Кондаковъ доказываетъ византійское происхожденіе шапки, основываясь прежде всего на высокой техникѣ сканныхъ золотыхъ узоровъ, украшающихъ шапку. «Мы, говоритъ г. Кондаковъ, признаемъ Мономаховъ вѣнецъ абсолютно византійскимъ памятникомъ, но полагаемъ, что онъ былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ, словомъ, гдѣ византійское искусство въ XI—XII вѣкахъ соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ, и, по нѣкоторымъ мелкимъ деталямъ техники, считаемъ необходимымъ относить его къ XII вѣку». Далѣе, признавая, что «шапка Мономахова—не императорская стемма (вѣнецъ), не королевская корона», г. Кондаковъ высказываетъ мнѣніе, что она легко могла быть «кесарскимъ» шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ «кесаря», владыки «христіанскаго народа по ту сторону Дуная», какъ говорили въ Византіи. Конечно, шапка эта не была уже собственно шлемомъ или шишакомъ, что доказывается ея уборомъ, но она всетаки могла походить на восточный шишакъ, въ особенности, если предположить, что мѣховой опушки у нея первоначально не было, а вмѣсто нея былъ «ободъ или обручъ, украшенный также сканью и рано отнятой по неизвѣстной причинѣ», а верхнее звѣздообразное отверстіе прикрывалось восьмиконечнымъ конусомъ, поверхъ котораго былъ шарикъ и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или вмѣсто шарика жемчужина или драгоцѣнный камень. Впослѣдствіи, въ XV или XVI вѣкѣ, изъ этого шлема сдѣлали царскую корону, а потому и прибавили къ ней крестъ. Восточный характеръ первоначальнаго шлема нисколько не говоритъ, по мнѣнію г. Кондакова, противъ его византійскаго происхожденія, такъ какъ Византія въ XI—XII вѣкахъ усвоила себѣ рядъ восточныхъ головныхъ уборовъ, которые, улучшенные въ византійскихъ мастерскихъ, раздавались императорами въ качествѣ подарковъ и регалій властителямъ многочисленныхъ смежныхъ государствъ. Изложивъ мнѣніе профессора Кондакова, г. Анучинъ признаетъ, что оно не разрѣшаетъ окончательно вопроса. Во первыхъ, является нѣсколько натянутымъ утвержденіе г. Кондакова, что первоначально Мономахова шапка была кесарскимъ шлемомъ, такъ какъ она

никогда не называлась ни шлемомъ, ни шишакомъ, и никакихъ слѣдовъ бывшаго у нея добавочного золотаго обода не имѣется. Во вторыхъ, если Византія усвоила себѣ въ XI—XII вѣкахъ рядъ восточныхъ головныхъ уборовъ, въ томъ числѣ и шлемовъ или шишаковъ, то почему этотъ шлемъ, «не бывшій уже собственно шлемомъ», не могъ быть изготовленъ въ самой Византіи, а происходилъ откуда то изъ Малой Азіи, съ Кавказа и т. д., и почему онъ не могъ составлять дара именно Владиміру Мономаху, внуку византійскаго императору? Въ третьихъ, если Мономахова шапка по техникѣ скани и характеру узоровъ сходна съ издѣліями кавказскими, персидскими и отчасти золотоордынскими, то почему не допустить восточнаго и нѣсколько болѣе поздняго ея происхожденія? Въ четвертыхъ, если шапка Мономаха есть безусловно византійскій памятникъ XII вѣка, то почему о ней нѣтъ свидѣтельства, идущаго изъ кіевской Руси, и сохранилось лишь позднее упоминаніе изъ временъ московской Руси?

Д. Айналовъ, *Равеннская пластинка слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строгонова въ Римъ* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897, № 10, стр. 305—309). Описывается рѣзная пластинка изъ слоновой кости съ изображеніемъ апостола Петра, держащаго правою рукою большой и высокій крестъ... По мнѣнію автора, пластинка представляетъ одинъ изъ памятниковъ той эпохи и школы, которая процвѣтала въ Равеннѣ въ V—VI вѣкахъ и которая соединяла въ себѣ богатое античное греческое художественное наслѣдіе съ совершенно зрѣлымъ и ясно выраженнымъ характеромъ искусства византійскаго.

А. Соболевскій, *Куда дѣлась библіотека послѣднихъ византійскихъ императоровъ* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897, № 10, стр. 314)? Указавъ на разсказъ князя Курбскаго о «книжной духовной газофилакіи» византійскаго императора Константина («Предисловіе на Новый Маргаритъ». Сказанія кн. Курбскаго, стр. 274) и на сообщеніе митрополита халкидонскаго Гавріила отъ 1654 года о «царской палатѣ, идѣже суть сохранены вся книги...» (Христ. Чтеніе, 1882 г., стр. 39), профессоръ Соболевскій обращается къ свѣдущимъ людямъ съ вопросомъ, какія еще имѣются данныя о библіотекѣ послѣднихъ византійскихъ императоровъ.

С. Бѣлокуровъ, *Монастыри константинопольскіе и авонскіе въ 1582 году* (по русскимъ извѣстіямъ) [Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1897, т. III, отд. IV (смѣсь), стр. 22—25].— 30-го марта 1582 года изъ Москвы выѣхалъ Иванъ Мишенинъ, посланный царемъ Иваномъ IV къ восточнымъ патріархамъ съ милостынею по царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ. Мишенинъ былъ съ милостынею у патріарха Іереміи, а затѣмъ, согласно данному приказу, роздалъ царскую милостыню и въ слѣдующіе константинопольскіе монастыри: Іоанна Предтечи (два женскіе), великомученика Георгія «у Кологорья», Іоанна Предтечи «у Болацкихъ воротъ»; монастыри Пресвятой Богородицы и Николая Чудо-

творца близъ Константинополя оказались пустыми. Кромѣ того, Мишенинъ послалъ милостыню въ халкидонскіе монастыри Богородицы, Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца. Изъ Константинополя Мишенинъ отправился на Аѳонъ, посѣтилъ всѣ тамошніе монастыри для раздачи милостыни и въ своемъ отчетѣ сообщаетъ подробно, какіе именно монастыри онъ посѣтилъ на Святой Горѣ, сколько въ каждомъ изъ нихъ состоитъ монаховъ и кто управляетъ монастыремъ и какую сумму онъ пожертвовалъ каждому изъ нихъ отъ имени своего царя. Свѣдѣнія сообщены г. Бѣлокуровымъ по греческому статейному списку № 2 (л. 68—75) Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

А. Натроевъ, *О варіантахъ грузинской Библіи* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1897, № 20, стр. 15—23). Въ помѣщенной здѣсь части статьи авторъ приводитъ различныя мнѣнія грузинскихъ ученыхъ по вопросу о томъ, когда, гдѣ, кѣмъ и съ какого языка первоначально былъ сдѣланъ переводъ грузинской библіи. — Статья не окончена.

Священникъ С. Петровскій, *Очерки по исторіи христіанскаго законоучительства. Византійское законоучительство* (Странникъ, 1897, октябрь, стр. 254—270, ноябрь, стр. 453—474, декабрь, стр. 668—678).—Авторъ пытается рѣшить вопросъ, кто и какъ училъ Закону Божію въ византійскихъ школахъ, а попутно говоритъ о состояніи просвѣщенія вообще въ Византіи, о школахъ различнаго типа и разряда, въ ней существовавшихъ, и о византійской наукѣ и ученыхъ. Авторъ жалуется на недостатокъ матеріала для освѣщенія поставленныхъ вопросовъ, но онъ не занимался самостоятельнымъ изученіемъ византійской литературы, въ которой можно найти нескудныя свѣдѣнія и по малоразработанному въ византологіи вопросу о византійскихъ школахъ, а взамѣнъ того написалъ свой очеркъ на основаніи немногихъ русскихъ и отчасти иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи.

П. Цвѣтковъ: *1) Стихиры св. Романа Сладкопѣвца на Рождество Христово. Переводъ съ греческаго подлинника* (Радость христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, 1898, кн. I, стр. 14—35). Предлагается русскій переводъ стиховъ, сдѣланный по изданію кардинала Питры (Analecta sacra, t. I, p. 222 и слѣд.); въ предисловіи переводчикъ доказываетъ подлинность этихъ стихиръ и излагаетъ ихъ содержаніе. 2) *Стихиры на Срѣтеніе Господне. Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи. Переводъ съ греческаго подлинника* (тамъ-же, кн. II, стр. 139 — 144). Подлинный текстъ этихъ стихиръ изданъ Питрою (t. I, p. 412 и слѣд.), который приписываетъ ихъ Николаю, пѣснописцу IX-го вѣка, хотя преданіе греко-восточной церкви этого не подтверждаетъ. Стихиры содержатъ рядъ лирическихъ картинъ, относящихся къ празднику Срѣтенія Господня, и сходны со стихирами св. Романа Сладкопѣвца на Рождество Христово въ мысляхъ, построеніи и въ слововыраженіи. Переводчикъ предварилъ русскій текстъ этихъ стихиръ небольшимъ предисловіемъ.

И. Андреевъ, *Св. Германъ, патріархъ константинопольскій* (715—730 г.)

Богословскій Вѣстникъ [illegible]

Продолженіе [illegible] константинопольскаго [illegible] Исторія [illegible] Андреевъ [illegible] Константино[illegible]

[illegible] Богословскій Вѣстникъ [illegible]

[illegible] Предтеченскій [illegible] Николая [illegible] Анны [illegible] Палестины [illegible] православныхъ [illegible]

ріальной помощи обѣднѣвшему въ постоянной изъ-за нихъ борьбѣ іерусалимскому патріархату.

Г. Муркосъ, *Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1897, іюль, стр. 286—308, августъ, стр. 597—613, сентябрь, стр. 172—189, октябрь, стр. 785—800, декабрь, стр. 565—585 и отдѣльно).

Въ *шестой* книгѣ этого замѣчательнаго памятника описывается пребываніе патріарха Макарія въ городѣ Коломнѣ, а въ *седьмой* и *восьмой*— въ Москвѣ.

Д. Гусевъ, *Изъ чтеній по патрологіи. Христіанская апологетическая литература II вѣка* (Православный Собесѣдникъ, 1897, іюнь, стр. 732—755). Выясняется вопросъ о происхожденіи древне-христіанской апологетики.

В. Бушъ, *Св. Іоаннъ Златоустъ, его жизнь и время. Переводъ съ англійскаго* (Странникъ, 1897, май, 2—23, сентябрь, стр. 3—24, октябрь, стр. 181—245, ноябрь, стр. 387—445, декабрь стр. 623—652).

А. Пономаревъ, *Изъ древне-русскихъ поученій. На Преображеніе Господне поученіе св. Климента Болгарскаго* (Странникъ, 1897, августъ, стр. 459—460). Настоящее поученіе, заимствованное проф. Пономаревымъ изъ рѣдкаго пергаминнаго пролога XIV вѣка, принадлежащаго Спасо-Прилуцкому монастырю, приписывается св. Клименту, ученику первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, скончавшемуся въ 916 году, и замѣчательно по своей простотѣ и сердечности. Поученіе издано съ выведеніемъ словъ изъ-подъ титлъ и съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

И. Корсунскій, профессоръ Московской духовной Академіи. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіевъ Посадъ. 1897. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1898, № 6, прибавленія, стр. 249—252.

Житіе Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Майумскаго V-го вѣка. Грузинскій подлинникъ издалъ, перевелъ и предисловіемъ снабдилъ Н. Марръ. Спб. 1896. Рецензія г. **В. Р.** въ запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. X, вып. 1—4, стр. 199—202.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIX. Одесса. 1896. Рецензія г. **С. Ж.** въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. IX, вып. 3 и 4, стр. 347 (Спб. 1897).

Г. Церетели, Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. Спб. 1896. Рецензія г. **С. Ж.** въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. IX, вып. 3 и 4, стр. 345—347 (С.-Петербургъ. 1897).

Н. Тихомировъ, Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣ-

дованіе. Спб. 1896. Рецензія профессоровъ **В. Ключевскаго и Н. Заозерскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, январь, стр. 49—55 (приложеніе).

Эмэ Пюшъ, Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Сочиненіе удостоено преміи французской академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ. Переводъ съ французскаго А. Измайлова. Спб. 1897. Рецензія протоіерея **П. Лебедева** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, № 42, стр. 1525—1533.

В. Грибовскій, Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. С.-Петербургъ. 1897. Рецензіи: г. профессора **В. Латкина** въ Журналѣ Юридическаго Общества при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1897, май, стр. 44—66 (Замѣтки и извѣстія) и г. **Лазаревскаго** въ Новомъ Словѣ, 1897, сентябрь. Отвѣтъ на послѣднюю рецензію см. въ Журналѣ Юридич. Общ. при Имп. С.-Петерб. унив., 1897, ноябрь, стр. 87—92.

Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenicae. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit Aemilianus Kalužniacki. Vindobonae. 1896. Рецензія г. **Е. Карскаго** въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1897, № 3—4, стр. 338—342.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte, IV H., 1896. Рецензія г. **Е. Рѣдина** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1897, № 9, стр. 298—299.

Bulletino della Commissione archeologica communale di Roma. 1897, Fasc. I. Рецензія тамъ же, стр. 299—300.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Томъ. I. Одесса. 1896. Рецензія: въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1897, № 7—8, стр. 271—272, г. **Л. Мсеріанца** въ Русской Мысли, 1897, апрѣль, стр. 49—61 и г. **С. Ж.** въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. IX, вып. 3 и 4, стр. 347—350.

Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа Константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. По аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. С.-Петербургъ. 1896. Рецензія **И. С.** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, № 25, прибавленіе, стр. 868—869.

Епископъ Арсеній, Георгія Схоларія, впослѣдствіи Геннадія, патріарха Константинопольскаго, разговоръ. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1896. Рецензія **И. С.** тамъ же, стр. 869—870.

Г. Ф. Герцбергъ, Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. Москва. 1897. Рецензія г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, іюль, стр. 264—267.

Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Н. Кондакова, заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ первый. Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами. Спб. 1896. Рецензія г. **Д. Айналова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, іюль, стр. 159—172.

А. Ф. графъ фонъ-Шаккъ, Исторія норманновъ въ Сициліи. Пере-

водъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. С.-Петерб. 1896. Рецензія г. **Я.** тамъ же, стр. 180—182.

Brightam, Liturgies Eastern and Western. Eastern Liturgies. Oxford. 1896. Рецензія г. **А. Петровскаго** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1897, іюль, стр. 146—149.

Устройство управленія румынской православной церкви (со времени ея автокефальности). Историко-каноническое изслѣдованіе В. Колокольцева. Казань. 1897. Рецензія г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, августъ, стр. 578—581.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки Епископа Порфирія Успенскаго. Часть III, съ 1 января 1849 по 20 марта 1850 года. Часть IV, съ 18 марта 1850 по 3 апрѣля 1853 года. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніи Имп. Православнаго Палестинскато Общества подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1896. Рецензіи: профессора **И. Корсунскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1897, августъ стр. 176—192, и **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, октябрь, стр. 348—374.

М. Соловьевъ, Проповѣди Никифора Θеотоки. Кіевъ. 1897. Рецензія г. **Г.** въ Богословскомъ Библіографическомъ Листкѣ, 1897, вып. 10 и 11, октябрь—ноябрь, стр. 209—210.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ третій. Изданіе журнала «Странникъ» подъ редакціей профессора Пономарева. С.-Петербургъ. 1897. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, августъ, стр. 590—591.

Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dix-septième siècle. Par Emile Legrand. Tome quatrième. Paris. 1896. Рецензія г. **А. Соболевскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, ноябрь, стр. 231—233.

Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Съ приложеніями къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ». Изданіе второе. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1897. Рецензія г. **С.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, ноябрь, стр. 678—680.

И. Андреевъ, Св. Германъ, патріархъ Константинопольскій (715—730 гг.). Сергіевъ Посадъ. 1897. Рецензія г. Σ. тамъ же, стр. 684.

Проф. А. И. Алмазовъ, Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Опытъ внѣшней исторіи. Изслѣдованіе преимущественно по рукописямъ. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Спеціальные уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса 1894. Критическій этюдъ проф. **А. А. Дмитріевскаго** въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1897, ноябрь, стр. 419—452, декабрь, стр. 623—638.

Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи. Издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. Томъ первый. Спб. 1897. Рецензія г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, декабрь, стр. 1041—1043.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

Byzantinische Zeitschrift, *herausgeg. v. K. Krumbacher. Band VI, Heft 1.* Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—165) помѣщены слѣдующія изслѣдованія:

Paolo Orsi. *Chiese bizantine del territorio di Siracusa* (стр. 1—28). См. ниже «Италія».

Paolo Orsi. *Incensiere bizantino della Sicilia* (стр. 29). См. ниже «Италія».

L. Correra. Un' iscrizione greca di Terra d'Otranto (стр. 30—31). См. ниже «Италія».

E. W. Brooks. The London Catalogue of the Patriarchs of Constantinople (стр. 33—39). См. ниже «Англія».

C. de Boor. *Der Bericht des Georgios Monachos über die Paulikianer* (стр. 40—49). — Проф. Фридрихъ (въ Sitzungsberichte der philos.-histor. Klasse der k. bayerischen Akademie d. W. 1896, стр. 67 и сл. Der ursprüngliche bei Georgios Monachos nur teilweise erhaltene Bericht über die Paulikianer) считаетъ источникомъ всѣхъ византійскихъ извѣстій о павликіанахъ статью, находящуюся у Георгія Монаха, и именно ту ея пространную редакцію, которую представляетъ ркп. Scorialensis I—Ф—1. По его мнѣнію статья эта внесена въ хронику не самимъ Георгіемъ, такъ какъ Георгій вообще не показываетъ къ павликіанской сектѣ интереса, говоритъ о ней, помимо этой статьи, лишь разъ, и то выписывая Өеофана; а потому и хронологія основателя секты, слѣдующая изъ текста наличной хроники, хронисту не принадлежитъ. Де-Бооръ критикуетъ это построеніе на основаніи данныхъ рукописей Георгія и приходитъ къ отрицательному результату. Нѣтъ доказательствъ, что упоминаніе о павликіанахъ (Муральтъ 642, 11 и сл.) выписано изъ Өеофана; невѣрно, что статья о павликіанахъ стоитъ въ разныхъ рукописяхъ Георгія на разныхъ мѣстахъ: во всѣхъ рукп., кромѣ Coisl. 305, она стоитъ въ концѣ разсказа о царствованіи имп. Константа, и легкое уклоненіе московскаго Георгія — дѣло редактора этой рукописи. Значитъ нѣтъ основаній думать, что статья эта внесена въ хронику послѣ Георгія. Далѣе, ркп. Scorialensis вообще не представляетъ самостоятельной вѣтви преданія Георгія: она тѣсно примыкаетъ къ Coisl. 310 и 134, особенно къ послѣдней, а чрезъ нее — къ такъ называемой редакціи V (Vindobon. graec. hist. XL, Vatic. 153 и позднѣйшія рукописи). Остается слабая возможность, что вставка именно статья о павликіанахъ сохранена въ Scorialensis въ полномъ и первоначальномъ видѣ; но Coisl. 305 заставляетъ отказаться и отъ этой мысли, такъ какъ и эта послѣдняя ркп. имѣла передъ собою оригиналъ краткой статьи, и не представляетъ ни одной изъ характерныхъ прибавокъ Scorialensis. Словомъ, Scorialensis даетъ интерполированный текстъ, и нельзя на основаніи этой рукописи опредѣлять отношеніе между Георгіемъ и Петромъ Игуменомъ. Карапетъ Теръ-Мкртчіанъ указалъ на три мѣста,

доказывающія, по его мнѣнію, оригинальность Петра; де-Booръ указываетъ на два мѣста, гдѣ нѣкоторыя рукописи Георгія и Петръ Игуменъ содержатъ слова, которыхъ нѣтъ въ другихъ рукописяхъ Георгія, а также и у Фотія, что указываетъ на зависимость Петра отъ нѣкоторой редакціи Георгія, дававшей статью о павликіанахъ въ интерполированномъ видѣ. Впрочемъ въ одномъ мѣстѣ у Петра сохранено выраженіе, стоящее изъ рукописей Георгія только въ Coisl. 305, съ редакціей котораго Петръ вообще не имѣетъ никакихъ признаковъ связи; такъ что это чтеніе говоритъ скорѣе за независимость Петра отъ Георгія. Вопросъ такимъ образомъ окончательно не разрѣшается.

Ἀ Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Περὶ τῆς ἐπισκοπῆς Διαυλείας (стр. 50—56). Сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія къ статьѣ J. von den Gheyn о діавлійской епископской каѳедрѣ, помѣщенной въ Byz. Zeitschr. VI, 1, 92—95.

Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου, Ἐκδρομὴ εἰς τὴν βασιλικὴν καὶ πατριαρχικὴν μονὴν τῆς ἁγίας Ἀναστασίας τῆς Φαρμακολυτρίας τὴν ἐν τῇ Χαλκιδικῇ (стр. 57—82). Авторъ описываетъ путь изъ Солуни чрезъ Каламарію въ монастырь св. Анастасіи на Халкидикѣ. Онъ вкратцѣ излагаетъ исторію этого монастыря, которая представляется довольно темною потому, что во время греческаго возстанія 1821 г. погибли ея архивъ, богатая библіотека и многочисленные памятники искусства. Авторъ даетъ краткое описаніе сохранившихся мощей—7, рукописей—20, сообщаетъ текстъ или содержаніе сохранившихся грамотъ митрополитовъ—3 (1531, 1541 и 1631 гг.), патріарховъ—8 (1542, 1546, 1565, 1797, 1832, 1843 и 1873 гг.), грамотъ молдавскихъ — 2, русскихъ — 2 и турецкихъ—2, и издаетъ 3 надписи (1529, 1573 и 1623 гг.).

D. Kaufmann, *Ein Brief aus dem byzantinischen Reiche über eine messianische Bewegung der Judenheit und der zehn Stämme aus dem Jahre 1096* (стр. 83—90). — Дается точный переводъ съ еврейскаго на нѣмецкій письма какой-то еврейской общины, возвѣщающаго о явленіи въ царствѣ десяти колѣнъ Мессіи, о чудесахъ и явленіяхъ Иліи въ Солуни и Абидосѣ и пр., и приглашающаго всѣхъ евреевъ къ выселенію къ десяти колѣнамъ; движеніе возникло въ связи съ появленіемъ въ византійскихъ предѣлахъ передовыхъ нѣмцевъ-крестоносцевъ въ 1096 году. Письмо отыскано въ «Генизѣ» древнѣйшей синагоги въ Каирѣ и напечатано въ оригиналѣ А. Нейбауеромъ въ Jewish Quarterly Review IX, 27—29.

G. Wartenberg, *Noch einmal Skylitzes über den Kornwucher des Nikephoros Phocas* (стр. 90). — Авторъ находитъ, что указанные Laurent (см. Byz. Ztschr. т. VI, стр. 318 и слѣд.; Виз. Врем. т. IV, стр. 713) доводы противъ его пониманія финансовой мѣры Никифора Фоки не опровергаютъ его, такъ какъ, по его мнѣнію, цѣна, по которой Никифоръ продавалъ хлѣбъ, была вдвое выше нормальной; это давало современникамъ поводъ упрекать его въ корыстолюбіи, но не мѣшаетъ намъ думать, что

эта цѣна была всетаки ниже, чѣмъ установившаяся въ то голодное время на рынкѣ.

J. Stiglmayr S. J., *Zur Lösung «Dionysischer Bedenken»* (стр. 91—110).— Подробный разборъ статей Дрэзеке: «Dionysische Bedenken» (въ Theol. Studien u. Kritiken 1897, стр. 381—409) и «Des Prokopios v. Gaza Widerlegung des Proklos», имѣвшихъ цѣлью съ разныхъ сторонъ подорвать тезисъ Стигльмайра, что псевдо-Діонисій возникъ не раньше 482—500 г. Рѣчь идетъ объ отношеніи Areopagitica къ александрійскому собору 362 года, и къ твореніямъ св. Григорія Богослова; затѣмъ о мнѣніяхъ авторитетовъ: Гарнака (который въ 1896 г. поставилъ вопросительный знакъ къ датировкѣ Діонисія концомъ IV вѣка—см. Gesch. der altchristl. Litteratur 1 Teil, 2 Hälfte, 781), Лангена (указавшаго до 18 мѣстъ изъ свв. Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, псевдо-Кесарія, Василія Великаго, Григорія Нисскаго и Дидима, гдѣ есть нѣкоторое соприкосновеніе съ идеями и языкомъ псевдо-Діонисія), Гиплера (принявшаго теперь тезисъ Стигльмайра) и Яна.

E. Patzig, *Der angebliche Monophysitismus des Malalas* (стр. 111—128).— Статья обращена противъ мнѣнія, что въ наличномъ текстѣ первыхъ семнадцати книгъ Малалы (болѣе всего въ 15—17 книгахъ) есть слѣды монофизитства (Фрейндъ, Гельцеръ, Крумбахеръ), и въ особенности противъ Глейе (см. Byz. Ztschr. V, стр. 422—464; Виз. Врем, т. III, стр. 698—699), видящаго въ Малалѣ монофизитскую переработку Іоанна Ритора. Авторъ приводитъ полностью тексты, на основаніи которыхъ названные ученые видѣли въ Малалѣ монофизита, и находитъ, что ни изложеніе, ни терминологія Малалы не даютъ права на такой выводъ: Νεστοριανός и ὀρθόδοξος первыхъ 17-ти книгъ у Малалы—историческіе термины, изъ которыхъ слѣдуетъ только то, что этотъ отдѣлъ писанъ, когда въ Антіохіи господствовали монофизиты. Самъ Малала (по Патцигу, подлинный авторъ всѣхъ 18-ти книгъ) принадлежалъ къ партіи несторіанствующихъ православныхъ, главнымъ представителемъ которыхъ въ Антіохіи былъ патріархъ Ефремъ; у него впервые мы находимъ разсказъ о чудесной кончинѣ имп. Анастасія, посланной въ кару за гоненія на православныхъ; на Виталіана онъ смотритъ не какъ на защитника православія, а какъ на бунтовщика, наводившаго на имперію варваровъ, и съ этой точки зрѣнія радуется его пораженію. Онъ — излюбленный источникъ позднѣйшихъ православныхъ хронистовъ; а въ средѣ монофизитовъ Іоаннъ Ефесскій переиначиваетъ его разсказъ о попыткѣ имп. Анастасія ввести «распныйся за ны» въ Трисвятое, а Іоаннъ изъ Никіу называетъ его еретикомъ. «Весь вопросъ о Малалѣ сводится для меня къ тому, отличенъ ли отъ Малалы авторъ замѣтокъ по константинопольской исторіи, присоединившій внѣшне 18-ую книгу къ 17-ти прежнимъ. Возвратить въ эти границы вопросъ о Малалѣ была главная цѣль настоящей статьи» (стр. 128).

Th. Preger, *Die angebliche Chronik des hl. Kyrillos und Georgios Pisides*

(стр. 129—133).—Авторъ разсмотрѣлъ три рукописи такъ называемой хроники Кирилла Александрійскаго и Георгія Писида, и нашелъ, что это — компиляціи изъ Георгія Монаха и пр., снабженныя именами мнимыхъ авторовъ извѣстнымъ Андреемъ Дармаріемъ; предположеніе, что имъ же составлена самая компиляція, авторъ считаетъ маловѣроятнымъ.

J. B. Bury, The Παράδεισος of Ioannes Geometres (стр. 134—137). См. «Англія».

N. Γ. Πολίτης, Δημώδεις παροιμίαι ἐν τοῖς στίχοις τοῦ Μιχαὴλ Γλυκᾶ (стр. 138—165). Въ дополненіе къ собранію средневѣковыхъ пословицъ, изданныхъ авторомъ въ Ἐπετηρίς филологическаго общества «Парнассосъ» (I, 212 сл.), онъ сообщаетъ собраніе пословицъ изъ Михаила Глики и сравниваетъ ихъ съ другими извѣстными намъ византійскими пословицами и стихами.

P. Wendland, *Zu Krumbachers Geschichte der Byzantinischen Litteratur² S. 600* (стр. 166—168). — Указывается, что ἐκλογαί, приписываемыя Максиму Исповѣднику, не источникъ, а извлеченіе изъ Ἱερὰ παράλληλα, приписываемыхъ Іоанну Дамаскину; Максимъ не можетъ быть ихъ авторомъ, такъ какъ ἐκλογαὶ цитуютъ Фотія, и никакихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ за авторство Максима неизвѣстно. Напротивъ, Ἱερὰ παράλληλα суть древнѣйшій дошедшій до насъ христіанскій florilegium, и въ авторствѣ Іоанна Дамаскина, утверждаемомъ преданіемъ, нѣтъ причинъ сомнѣваться; K. Holl (Die Sacra Parallela des Johannes Damascenus, Leipzig 1896) представилъ, напротивъ, вѣскія доказательства въ пользу его.

Второй отдѣлъ (стр. 169—206) состоитъ изъ рецензій на книги:

Haury, *Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Procopius von Cäsarea.* München, 1896. Рец. *Ch. Diehl* (стр. 169—170).

Max Brückner, *Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Procopius von Cäsarea.* Ansbach 1896. Рец. *J. Haury* (стр. 170—173).

Cosimus Stornajolo, *Codices Urbinates Graeci Bibliothecae Vaticanae descripti praeside Alfonso Card. Capecelatro.* Romae 1895. Рец. *Ludwig Voltz* (стр. 173—175).

E. Kuhn, *Barlaam und Joasaph.* Abhandlungen der philos.-hist. Classe der k. bayerisch. Akademie der Wissenschaften, Band 20, Abteilung 1. München 1894 и

J. Jacobs, *Barlaam and Josaphat. English Lives of Buddha.* London, David Nutt. 1896. Рец. *H. Moritz* (175—179).

Basil Ščurat, *«Bittschrift Daniels des Verbanntem», ein Denkmal der altruthenischen Litteratur aus dem Ende des Mittelalters.* Записки наукового товариства імени Т. Шевченка, 1896, т. IX, 1—28 и отдѣльно, Львів 1896 и

А. Лященко, *О моленіи Даніила Заточника.* Въ *«Jahresbericht» der Reformirten Kirchenschule für 1895/6.* Спб. 1896. Рец. *А. Семенова* (стр. 179—181).

Charles Diehl, *L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique* (533—709). Paris, E. Leroux, 1896. Рец. *H. Gelzer* (стр. 181—188).

Kraitschek, *der Sturz des Kaisers Maurikios* (im Bericht über das VI. Vereinsjahr des akad. Vereins deutscher Historiker in Wien, Wien 1896). Рец. *O. Adamek* (стр. 188—190).

Παῦλος Καλλίγᾶς, Μελέται Βυζαντινῆς ἱστορίας ἀπὸ τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἁλώσεως 1205—1453. Athènes, Charles Beck 1894. Рец. *H. Gelzer* (стр. 190—193).

Georg Stuhlfauth, *Die altchristliche Elfenbeinplastik* (Archäologische Studien zum christlichen Altertum u. Mittelalter, herausgeg. v. Joh. Ficker, Heft II). Freiburg i. Br. und Leipzig, Mohr 1896. Рец. *Jos. Strzygowski* (стр. 193—196). См. также рецензіи: *H. Graeven*, Göttinger Gelehrte Anzeigen 1897, стр. 50—79, и *Friedrich Wiegand*, Theologisches Litteraturblatt 1897, №№ 24—25.

Dr. Nikodim Milaš, *Das Kirchenrecht der morgenländischen Kirche.* Uebersetzt vom Dr. **Alexander R. v. Pessić.** Zara 1897.—Рец. *Stengel* (стр. 196—198).

Jean Paul Richter, *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte.* Wien 1897. Рец. *Theodor Preger* (стр. 198—201). См. также рец. *J. Strzygowski* въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 45, стр. 1785—6.

Joseph Thúry, *A magyaroknak Szavarti-aszfali neve* (Századok 1897 стр. 317—327, 391—403) и

Karl Fiók, *Megint a Sabartoiasfaloi névröl.* Századok 1897, стр. 611—617, 699—706). Рец. *W. Pecz* (стр. 201—202).

Лѣтопись ист.-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. VI. Византійское Отдѣленіе III. Одесса 1896. Рец. *Ed. Kurtz* (стр. 202—206).

Изъ отдѣла III-го (стр. 207—264) заимствуемъ указанія на слѣдующія статьи и книги:

По литературѣ и языку:

Eudociae Augustae, Procli Lycii Claudiani carminum Graecorum reliquiae. Accedunt Blemyomachiae fragmenta. Recensuit **Arthurus Ludwich.** Leipzig, Teubner 1897.—Тщательное критическое изданіе текстовъ и сводъ извѣстій о потерянныхъ текстахъ значащихся въ заголовкѣ писателей.

Ioannis Laurentii Lydi liber de ostentis et calandaria graeca omnia. Iterum edidit **Curtius Wachsmuth.** Leipzig, Teubner 1897.—Обѣщана рецензія.

Paul Sakolowski, *Fragmente des Stephanos von Byzantium.* Philol.-hist. Beiträge, C. Wachsmuth zum 60. Geburtstage überreicht, Leipzig, Teubner, 1897, стр. 107—113.—По мнѣнію автора, Стефанъ Византійскій окончилъ свое сочиненіе до 530 года; существующая же ἐπιτομή изъ него возникла не при Юстиніанѣ, а значительно позже.

Iohannis Philoponi De opificio mundi libri VII. Rec. **Gualterus Reichard.** Leipzig, Teubner 1897.— Обѣщана рецензія.

K. Krumbacher, *Kasia.* Sitzungsberichte der philos.-philol. u. der historischen Classe der bayerischen Akademie 1897, Heft 3, стр. 305—370 и

Arthur Ludwich, *Animadversiones ad Cassiae sententiarum excerpta.* Königsberg, Hartung 1898.— Въ работѣ проф. Крумбахера дается списокъ существующихъ поэтическихъ произведеній Касіи, и впервые напечатаны ея κανὼν ἀναπαύσιμος εἰς κοίμησιν, и эпиграммы (т. е. свѣтскаго содержанія стихотворенія), сохранившіяся въ трехъ сборникахъ (всего они содержатъ 261 стихъ). К. Крумбахеръ полагаетъ, что въ видѣ такихъ сборниковъ сама поэтесса издавала свои стихотворенія; А. Людвигъ видитъ въ нихъ эксцерпты, и полагаетъ, что каждое стихотвореніе первоначально состояло изъ 12-ти стиховъ, такъ что гдѣ ихъ больше или меньше, тамъ виновато преданіе.— См. рецензію того-же A. Ludwich'a на работу Крумбахера въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 47, стр. 1852—3.

Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII—XVIII. Ed. **Theodorus Büttner-Wobst.** Bonnae 1897.— Обѣщана рецензія.

Otto Immisch, *Theophrasts Charaktere* herausgegeben, erklärt und übersetzt von der philologischen Gesellschaft zu Leipzig. Leipzig, Teubner 1897.— Высказывается м. пр. предположеніе, что такъ называемое corpus Monacense (собраніе ораторовъ, содержащее также «Характеры» Θеофраста) составлено Планудой.

W. Kroll, *Antiker Volksglaube.* Rhein. Mus. 52 (1897), стр. 338—347.— По поводу діалога «Гермиппъ» говорится м. пр. о вѣрованіи въ «духовъ власти воздушныя» (мытарства).

D. C. Hesseling, *Charos.* Ein Beitrag zur Kenntnis des neugriechischen Volksglaubens. Leiden u. Leipzig, O. Harrassowitz (1897).—Харосъ—новогреческая форма античнаго Харонъ; настоящая статья, въ своей оригинальной третьей главѣ, показываетъ смѣну трехъ представленій о немъ: древне-античное (Харонъ — перевозчикъ въ преисподней) было смѣнено позднѣйшимъ античнымъ и средневѣковымъ (Харонъ=Танатосъ), а послѣднее — новогреческимъ (Харосъ—луконосецъ-охотникъ), возникшимъ подъ вліяніемъ итальянскихъ воззрѣній на смерть.

Karl Alois Kopp, *Petrus Paulus Vergerius der Aeltere.* Ein Beitrag zur Geschichte des beginnenden Humanismus. Histor. Jahrb. der Görresgesellschaft 1897, стр. 274—310 и 533—571.—Эта сама по себѣ любопытная статья объ одномъ изъ раннихъ (1370—1445) гуманистовъ особенно интересна для насъ потому, что ея герой—ученикъ Мануила Хризолора.

G. B. Winers, *Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms.* 8 Auflage, neu bearbeitet von **Paul Wilh. Schmiedel.** II Teil: Syntax. Erstes Heft. Göttingen, Vandenhoeck u. Ruprecht 1897 (отдѣлъ содержитъ синтаксисъ опредѣленнаго члена и начало главы о мѣстоименіяхъ).

Wilhelm Schmid, *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius*

von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus. Registerband. Stuttgart, Kohlhammer, 1897.

Alb. Thumb, *Die Aussprache des Griechischen.* Indogermanische Forschungen 1897, стр. 188—197.— Преимущественно о египетской транскрипціи придыхательныхъ звуковъ и υ, и ихъ предположительномъ произношеніи.

Heinr. Moritz, *Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern u. Chronisten.* I Teil. Progr. des k. Gymnasiums. Landshut 1897.—Обѣщана рецензія.

По богословію:

C. Häberlin, *Griechische Papyri* (окончаніе). Centralblatt für Bibliothekswesen 1897, 473—499.— О папирусныхъ отрывкахъ нѣкоторыхъ классическихъ св. отцовъ и житій.

G. Nathanael Bonwetsch, *Die Apokalypse Abrahams. Das Testament der 40 Märtyrer.* Leipzig, Deicherts Nachf. 1897. (Studien zur Geschichte der Theologie u. Kirche herausgeg. von N. Bonwetsch u. R. Seeberg, I Band, 1 Heft). — Дается нѣмецкій переводъ славянскаго текста «Апокалипсиса Авраама» изъ Сильвестрова кодекса Московской синодальной типографіи, отрывка этого апокрифа южнославянской сокращенной редакціи, и греческій и славянскій тексты «завѣщанія сорока мучениковъ», съ разъясненіями и замѣчаніями о подлинности и значеніи памятника.

Otto Seeck, *Die Urkunden der Vita Constantini.* Zeitschrift für Kirchengeschichte 1897, стр. 321—345.— Письма Константина, его эдикты и рѣчь къ собору святыхъ отцовъ, находящіеся въ «жизни Константина» Евсевія Кесарійскаго, авторъ считаетъ, вопреки Crivelucci, Шульце и Моммзену, можетъ быть интерполированными, но въ существѣ подлинными произведеніями Константина, или, лучше, его канцеляріи.

Wilhelm Streitberg, *Zum Todesjahr Wulfilas.* Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache u. Litteratur 1897, стр. 567—570.— Въ пользу мнѣнія Сиверса, что Ульфила скончался не въ 381, а въ 383 году, приводятся примѣчанія къ актамъ собора въ Аквилеѣ (3 сент. 381) изъ cod. lat. 5809 Парижской Національной Библіотеки.

Simon Weber, *Abfassungszeit und Echtheit der Schrift Ezniks: «Widerlegung der Irrlehren».* Theologische Quartalschrift 1897, стр. 367—398.—По автору, названное сочиненіе принадлежитъ Эзнику Колобскому (не пресвитеру Эзнику VII-го вѣка), и составлено между 441—449 годами.

A. Ehrhard, *Forschungen zur Hagiographie der griechischen Kirche vornehmlich auf Grund der hagiographischen Handschriften von Mailand, München u. Moskau.* Römische Quartalschrift, 1897, стр. 67—205.—Вотъ главнѣйшія положенія Эргарда въ изложеніи C. W(eyman')a. Всѣ существующіе агіографическіе сборники календарнаго порядка, т. е. такіе, тексты которыхъ расположены примѣнительно къ церковному календарю, можно раздѣлить на метафрастовскіе и дометафрастовскіе. Первые — двухъ родовъ: 1) полные—цѣльныя книги подлиннаго произведенія Метафраста; 2) сокращенные и смѣшанные, дающіе метафрастовы тексты въ сокращеніяхъ и

вперемежку съ болѣе древними, неметафрастовыми: послѣднее явленіе рѣдко и замѣчается лишь съ XIII вѣка. Собранія дометафрастовыхъ текстовъ, относящихся къ эпохѣ до 600 г., также можно раздѣлить на полныя и сокращенныя минологіи. Послѣдній отдѣлъ весьма многочисленъ и разнообразенъ. Остающіеся сверхъ принадлежащихъ къ этимъ рубрикамъ агіографическіе сборники, въ которыхъ выборъ и расположеніе текстовъ вовсе не зависитъ отъ календарнаго порядка, авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть особо. Ко всѣмъ устанавливаемымъ классамъ указываются мѣстонахожденія и №№ рукописей, служащихъ, по мнѣнію автора, ихъ типичными представителями.—Къ результатамъ Эргарда слѣдуетъ относиться покамѣстъ весьма осторожно, такъ какъ о московскихъ рукописяхъ онъ судитъ только по «Описанію» архим. Владимира; а разсмотрѣніе подлинной Mosq. 382 (въ которой Эргардъ видитъ цѣльную 10-ю книгу первоначальнаго Метафраста, и которая была для него исходной точкой для всего изслѣдованія) не привело ак. В. Г. Васильевскаго къ полному согласію съ Эргардомъ, сколько можно судить по его неконченной статьѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, іюнь, стр. 332—404.

K. Krumbacher, *Eine neue Vita des Theophanes Confessor*. Sitzungsberichte der K. bayerisch. Akademie, philos.-philol. u. hist. Classe 1897, стр. 371—399.—Текстъ печатаемаго житія взятъ изъ ркп. Моск. Син. Библ. № 183, XI в. (онъ повидимому имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ первоначальное житіе Ѳеофана, писанное патр. Меѳодіемъ); въ предисловіи проф. Крумбахеръ опредѣляетъ отношеніе этого текста къ четыремъ текстамъ житія Ѳеофана де-Боора. Наиболѣе самостоятельнымъ сравнительно съ меѳодіевымъ житіемъ и текстомъ Mosq. 183 оказывается 2-й текстъ де-Боора (Никифора, см. изданіе Ѳеофана де-Боора, т. II, стр. 13 и сл.).—См. рец. A. Ludwich'a въ Deutsche Litteraturzeitung, 1897, № 47, стр. 1852—3.

Anton Baumstark, *Das Kirchenjahr in Antiocheia zwischen 512 und 518.* Römische Quartalschrift 1897, стр. 31—66. — Объ этой статьѣ дадимъ отчетъ по ея окончаніи.

По исторіи:

J. Miller, *Ist Byzanz eine megarische Colonie.* Philologus 1897, стр. 326—333.—Указывается, что за это распространенное мнѣніе нѣтъ никакихъ рѣшительныхъ данныхъ.

Otto Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt.* Erster Band. Zweite vermehrte u. verbesserte Auflage. Berlin, Siemenroth u. Troschel 1897. — Второе изданіе этого труда является неполные три года послѣ перваго. Границей античнаго міра авторъ полагаетъ объявленіе христіанства государственной религіей; впервые сильно подчеркивается и доказывается важное значеніе и вліяніе семитическаго элемента на духовную жизнь греко-римскаго міра съ I вѣка нашей эры.

N. Nilles S. I., *Das Patriarchat von Alexandrien, die Kirche der Märtyrer* κατ' ἐξοχήν. *Seine aera martyrum.* Zeitschrift für kathol. Theologie 1897, стр. 732—736.—О происхожденіи александрійской эры Діоклетіана.

J. Langen, *Das nicaeno-konstantinopolitanische Glaubensbekenntniss.* Revue internationale de théologie 1897, стр. 480—485.—Защита авторитета символа и доводы противъ мнѣнія Раушена, что второй вселенскій соборъ вовсе не занимался догматомъ о св. Духѣ.

Eberhard Nestle, *Die Statuten der Schule von Nisibis aus den Jahren 496 u. 590, nach dem von I. Guidi herausgegebenen syrischen Text übersetzt.* Zeitschr. f. Kirchengesch. 1897, 211—229.—Важный источникъ для внутренней исторіи несторіанскихъ церквей—статуты низибійской школы временъ Нарсеса съ дополненіями и утвержденіями до 590 года, заимствуемые изъ восточнаго сирскаго Синодика—дается здѣсь въ переводѣ съ сирскаго на нѣмецкій.

По географіи и этнографіи:

C. Jireček, *Das christliche Element in der topographischen Nomenclatur der Balkanländer.* Sitzungsberichte d. kais. Ak. d. Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Classe, Band 136, № XI.—Обѣщана рецензія.

Rich. Loewe, *Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere.* Halle, Max Niemeyer 1896.—Обѣщана рецензія. См. также рецензію Ferd. Wrede въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 49, стр. 1942—45.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Franz Xaver Kraus, *Geschichte der christlichen Kunst. II Band: Die Kunst des Mittelalters, der Renaissance u. der Neuzeit. I Abt.: Mittelalter.* Freiburg im Breisgau, Herder 1897.—Референтъ Byz. Ztschr. J. S(trzygowski) называетъ сочиненіе Крауса осново-положительнымъ (grundlegend) и монументальнымъ, и обѣщаетъ дать подробную оцѣнку его по выходѣ въ свѣтъ заключительнаго тома.

Friedrich Schneider, *Mittelalterliche Goldfiebeln. Ein Fund aus dem Boden von Mainz.* Jahrbuch der königlichen preussischen Kunstsammlungen 18 (1897) стр. 170—180.—Фибулы, найденныя въ 1896 г. у западныхъ воротъ Майнцскаго собора, Шнейдеръ считаетъ произведеніями чисто византійскими (единственно аналогичны имъ въ зап. Европѣ *византійскія* фибулы собранія барона Макса Гейля въ Дармштадтѣ), и болѣе древними (с. 1200 г.), чѣмъ домашній алтарь Андрея III-го (1290—1301), находящійся въ бернскомъ музеѣ.

Dr. Franz Bock, *Die byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung Dr. Alex. von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk.* Archäologisch-kunstgeschichtliche Studie. Als Manuscript gedruckt. Aachen 1896. Eigentum und Selbsterlag von Dr. Alex. von Swenigorodskoi.—Дается въ дополненіе къ сочиненію проф. Н. П. Кондакова «Византійскія эмали» описаніе многихъ, находящихся въ западной Европѣ памятниковъ византійской эмали, вовсе не описанныхъ или лишь кратко описанныхъ Н. П. Кондаковымъ, съ многими автотипическими репродукціями (32 таблицы); въ этомъ главное значеніе и интересъ книги.

A. Berendts, *Studien über Zacharias-Apokryphen und Zacharias-Legenden*. Рец. **E. Klostermann**, Theologisches Litteraturblatt 1897, № 42, стр. 503—505.

Franz Kampers, *Mittelalterliche Sagen vom Paradiese u. vom Holze Christi*. Köln 1897. Рец. **P. Schwieger**, Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 39, стр. 1523—1526.

Gustav Hirschfeld, *Aus dem Orient*. Рец. Prof. **Otto Kern**, Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 42, стр. 1661—63.

Б. Меліоранскій.

ФРАНЦІЯ.

Conrotte. *Isocrate et S. Grégoire de Nazianze.* Напечатано въ Le Musée Belge, I (1897), p. 236—240.— Авторъ, сравнивая Похвальное Слово Григорія Назіанзина въ честь св. Василія съ рѣчью Исократа Эвагоръ, приходитъ къ заключенію, что Григорій, хотя и подражалъ аттическому оратору, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ его. Недавно появилось обработанное изданіе двухъ названныхъ рѣчей: *Sterpin* и *Conrotte* въ Collection de classiques grecs comparés, publiée sous la direction de M. l'abbé Guillaume, 1897 года. — См. Byzantinische Zeitschrift. VII (1898), H. 1, S. 207.

<H. Delehaye>. *Catalogus codicum hagiographicorum graecorum bibliothecae Chisianae de urbe.* Напечатано въ Analecta Bollandiana, 16 (1897), p. 297—310. — Всѣмъ извѣстно, какъ много услугъ оказали Болландисты изученію греческой агіографіи; они продолжаютъ дѣятельно работать въ этомъ направленіи, чему служитъ доказательствомъ недавно изданный Delehaye каталогъ библіотеки князя Chigi въ Римѣ; послѣдняя содержитъ среди многихъ рукописей, важныхъ для свѣтской литературы, нѣсколько греческихъ Житій Святыхъ, большею частью, пергаментовъ XI—XII вѣка. Delehaye даетъ ихъ точное описаніе, сообщаетъ начало и конецъ рукописей или указываетъ на извѣстное изданіе Болландистовъ Bibliotheca Hagiographica.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, (1898), H. 1, S. 219.

Mgr. de Groutars. *Les Italo-Grecs. Leur langue et leur origine.* Напечатано въ Le Musée Belge, I (1897), p. 218—235. — Эта работа, служа продолженіемъ къ упомянутому уже въ Византійскомъ Временникѣ (T. IV, 1897, стр. 716—717) очерку того же автора, сообщаетъ переводы и анализъ итало-греческихъ народныхъ пѣсенъ, наблюденія надъ отдѣльными формами языка итало-греческихъ діалектовъ. Недостаточное знакомство автора съ литературой вопроса и съ прочими новогреческими діалектами не позволяютъ ему придти къ новымъ, положительнымъ выводамъ. Можно отмѣтить значеніе кипрскаго будущаго времени ἐννὰ λύω изъ ἔχω νὰ λύω. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 224.

Rubens Duval. *Notes sur la poésie syrique.* Напечатано въ Journal Asiatique, IX. Série 10 (1897), p. 57—73. — Эта статья представляетъ изъ

себя очеркъ развитія сирійской поэзіи отъ Бардесана до Сергія, т. е. съ начала до XVII вѣка. Жаль, что авторъ не занялся вопросомъ о взаимномъ вліяніи сирійской и греческой метрики. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 224.

T.-J. Lamy. *Les commentaires de S. Éphrem sur le prophète Zacharie.* Напечатано въ Revue biblique, 6 (1897), p. 380—395. — Авторъ даетъ французскій переводъ схолій Ефрема къ пророку Захаріи на основаніи одной рукописи Британскаго Музея; эти схоліи подробнѣе ватиканскихъ, которыя были привлечены къ изданію Ефрема въ Римѣ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 229.

Germain Morin. *Les monuments de la prédication de Saint Jérome.* Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses, I (1896), p. 393—434. — Авторъ думаетъ, что греческіе отрывки объясненія псалмовъ въ Bibl. nat. Coislin. 80 (Pitra, Anall. 3, 518), приписываемые Іерониму, должны относиться къ знаменитому отцу церкви, который также проповѣдовалъ и погречески, а не къ Іерониму, который, по мнѣнію Батиффоля (*Batiffol*, Revue des questions historiques, 39, 248 sq.), жилъ въ половинѣ VIII столѣтія (стр. 429, пр. 1). — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 229.

J.-B. Chabot. *Trois homélies de Proclus évêque de Constantinople, éditées pour la première fois dans la version syriaque d'après les mss. de la Bibliothèque Vaticane.* Напечатано въ Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Serie V, vol. 5 (1896), p. 178—197. — Три изданныя на сирійскомъ языкѣ гомиліи Прокла, латинскій переводъ которыхъ былъ уже напечатанъ Маи въ четвертомъ томѣ его Spicilegium Romanum, говорятъ 1) о Рожденіи Христа, 2) о епископѣ и мученикѣ Климентѣ Анкирскомъ и 3) о догматѣ Воплощенія. Сирійскій текстъ изданъ на основаніи рукописей Ватиканской Библіотеки 1) и 2) Vat. 368 s. VIII, а 3) Vat. 369 s. VII. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 230.

P. Ladeuze. *Les diverses recensions de la vie de S. Pakhôme et leur dépendance mutuelle.* Напечатано въ Le Muséon, 16 et 1 (1897) p. 148—171 (продолженіе слѣдуетъ). — В (изданное житіе полатыни у Сурія) есть извлеченіе изъ С (греческое житіе у болландистовъ, Mai, III p. 25) + P (разсказы ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Παχουμίου, ibidem p. 51), изъ которыхъ первое заимствовало только часть житія Пахомія. Повидимому, В опустило всѣ разсказы, гдѣ Пахомій не играетъ главной роли. А (житіе, сохранившееся только въ латинскомъ переводѣ Діонисія Exiguus) въ свою очередь опустило многіе изъ разсказовъ В. Взятые же имъ разсказы изложены въ болѣе подробномъ видѣ; по крайней мѣрѣ, мы таковыми ихъ находимъ въ переводѣ Діонисія. Мнѣніе болландистовъ справедливо: если мы сравнимъ А съ В, то В окажется rebus arctior, verbis amplior. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 234.

<Hippolyte Delehaye>. *Les ménologes grecs.* Напечатано въ Analecta Bol-

landiana, 16 (1897), p. 311—329. — Работа извѣстнаго болландиста появилась вскорѣ послѣ труда Эргарда (*Albert Ehrhard*) Forschungen zur Hagiographie der griechischen Kirche vornehmlich auf Grund der hagiographischen Handschriften von Mailand, München und Moskau въ Römische Quartalschrift, 11 (1897), p. 67—205 (См. Byz. Zeitschr. B. VII, 1898, H. 1, S. 231—233), съ результатами котораго Delehaye не всегда соглашается. Въ своей работѣ ученый болландистъ даетъ интересный очеркъ болѣе раннихъ попытокъ возстановить твореніе Метафраста (Lipomani, L. Allatius, Hancke, Nessel, Fabricius, Migne) и считаетъ вѣроятнымъ, что собраніе сочиненій Метафраста, какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, первоначально появилось въ анонимномъ видѣ. Сборники дометафрастовскіе, или отъ Метафраста независимые подраздѣляются у Delehaye на 1) большіе или настоящіе менологіи, 2) сокращенные менологіи и 3) синаксари. Большіе менологіи подраздѣляются по своему внѣшнему виду на полные и фрагментарные и по своему составу на восточные (Константинополь) и западные (Италія). О сокращенныхъ менологіяхъ, т. е. βίοι ἐν συντόμῳ, нельзя сказать чего нибудь вполнѣ опредѣленнаго; во всякомъ случаѣ, подобные менологіи Москвы и Іерусалима скорѣе независимы отъ коллекціи Метафраста и, до доказательствъ противнаго, принадлежатъ къ эпохѣ болѣе древней. Синаксари происходятъ изъ большихъ менологіевъ и содержатъ болѣе дометафрастовскаго, чѣмъ метафрастовскаго матеріала. Задача, связанная съ именемъ Метафраста настолько трудна, что для ея рѣшенія нужно помнить выраженія Симмаха: «uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum». — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 233—234.

L. Parmentier. *Le roi des Saturnales.* Напечатано въ Revue de philologie, 21 (1897) p. 143—149. — Эта статья представляетъ изъ себя дополненіе къ извѣстной уже намъ работѣ F. Cumont, Les Actes de S. Dasius въ Analecta Bollandiana, 16 (1897) p. 1—16. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 235.

V. Scheil. *La vie de Mar Benjamin. Texte syriaque.* Напечатано въ Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, 12 (1897), p. 62—96.— Маръ Веніаминъ, монахъ, анахоретъ и основатель монастыря «près de Dougan, au-dessous de Mardin», былъ современникомъ гоненія императора Юліана. Авторъ его біографіи, которая сохранилась въ рукописи Якобитской патріаршей библіотеки Мардина и въ cod. Add. 14733 Британскаго Музея, жилъ во время Веніамина или немного позже.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 236.

J.-B. Chabot. *Rapport sur la mission en Italie.* Напечатано въ Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires. Choix de rapports et instructions publié sous les auspices du ministère de l'instruction publique et des beaux arts, t. 7 (Paris, Imprimerie Nationale 1897. 8°) p. 475—584. — Въ началѣ своей работы (p. 475—483) авторъ вкратцѣ говоритъ о просмотрѣнныхъ имъ сирійскихъ рукописяхъ Рима, Флоренціи, Венеціи

и Милана, а затѣмъ сообщаетъ (р. 485—584) содержаніе и полный сирійскій текстъ біографіи св. Іисуса-Сабрана (Iesus-Sabran), которая написана третьимъ несторіанскимъ патріархомъ Іисусомъ-Ябомъ изъ Адіабены (Iesus-Jab, † 657/58 или 660) и находится въ сирійской рукописи 161 Ватиканской библіотеки. Эта біографія представляетъ интересъ какъ литературное произведеніе, такъ и «à cause de l'exposé des doctrines du magisme et du nestorianisme que l'auteur met dans la bouche de ses personnages». — См. E. Nestle въ Theolog. Literaturzeitung, 1897 № 20, S. 540 sq. — Byz. Zeitschr. B. VII (1898) H. 1, S. 236.

L. Duchesne. *Origines du culte chrétien. Étude sur la liturgie latine avant Charlemagne.* Deuxième édition revue et augmentée. Paris, Fontemoing, 1898. 2 табл. VIII + 535 стр. 8°. — Второе изданіе этой превосходной книги мало чѣмъ отличается отъ перваго, появившагося въ 1889 году; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить отдѣльныя измѣненія и указанія на новѣйшую литературу и нѣк. др. Спеціальный интересъ для насъ имѣютъ главы 2 «la messe en Orient», 4 «formules et livres liturgiques», 8 «les fêtes chrétiennes», 9 § 3 «les rites de l'initiation dans les églises orientales» и 10 § 5 «les ordinations en Orient». — Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 236.

L. Néret. *La liturgie grecque de Saint Jean Chrysostome.* Etude comparative de la messe grecque et de la messe latine. Paris, Retaux, 1896, 80 стр. 8°. — Родъ популярнаго изложенія. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 237.

D. G. Morin. *Le «De Psalmodiae bono» de l'évêque saint Nicéta: rédaction primitive, d'après le ms. Vatic.* 5729. Напечатано въ Revue Bénédictine, 14 (1897) p. 385—397.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 237—238.

François Jacobé. *L'origine du Magnificat.* Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses, 2 (1897) p. 424—432.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 238.

D. C. A. *Le développement historique du culte de Saint Joseph.* Напечатано въ Revue Bénédictine, 14 (1897), p. 104—114, 146—155, 201—209.— См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 238.

Edmond Bouvy. *La fête de l'Εἴσοδος ou de la présentation de la vierge au temple dans l'église grecque.* Bessarione, 1 (1897) p. 555—562.— Соблюдаемый въ настоящее время на востокѣ и западѣ 21 ноября праздникъ въ память легендарнаго введенія трехлѣтней Маріи въ Іерусалимскій храмъ былъ введенъ въ палестинской церкви, вѣроятно, въ концѣ VIII столѣтія, а у прочихъ грековъ въ IX вѣкѣ. Сергій Агіополитъ, Георгій Никомидійскій, Левъ Магистръ и Василій Пегоріотъ составили по случаю этого праздника литургическія пѣснопѣнія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 238.

Paul Allard. *La jeunesse de l'empereur Julien.* Напечатано въ Revue des questions historiques, 62 (1897), p. 353—410.— Авторъ въ этой работѣ говоритъ о семьѣ Юліана, о началахъ его воспитанія и его про-

долженіи въ Каппадокіи (въ Macellum) и о пребываніи Юліана въ Константинополѣ, Малой Азіи и Аѳинахъ. — Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 241.

A. Carrière. *Sur un chapitre de Grégoire de Tours relatif à l'histoire d'Orient.* Напечатано въ Annuaire de l'École pratique des Hautes-Études, 1898. Paris, Imprimerie Nationale 1897, p. 5—23.— Авторъ разбираетъ происхожденіе и даетъ историческую оцѣнку извѣстій о правленіи Юстина II, помѣщенныхъ въ 40-й главѣ четвертой книги Франкской Исторіи Григорія Турскаго. Такъ какъ послѣдняя книга составлена около 576 года, то Григорій является для времени Юстина II древнѣйшимъ источникомъ. Каррьеръ особенно останавливается на фактѣ отпаденія «персармянъ» отъ Персіи въ 571 году.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1899), H. 1, S. 242.

Le Comte Couret. *La prise de Jérusalem par les Perses en 614.* (См. Визант. Временникъ, T. IV, вып. 3—4, 1897, с. 718—719).— Появилась рецензія *I.-B. Chabot* въ Revue de l'Orient latin, 4 (1896) p. 633—635.

Fr. J. Rhétoré O. P. *La prise de Jérusalem par les Perses.* Напечатано въ Revue biblique, (1897) p. 458—463.— Авторъ разбираетъ изданный французомъ Couret арабскій текстъ (см. Виз. Времен. IV, вып. 3—4, 1897, стр. 718—719 и предыдущую замѣтку) съ топографической точки зрѣнія. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, (1898), H. 1, S. 242.

Ernst Mercier. *La population indigène de l'Afrique sous la domination romaine, vandale et byzantine.* Recueil des notices et mémoires de la société archéologique du departement de Constantine 30 (1895—1896) p. 127—211.— На страницѣ 180—191 идетъ разсказъ о времени византійскаго господства. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, (1898), H. 1, S. 242—243.

N. Jorga. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle.* Напечатано въ Revue de l'Orient latin, 4 (1896), p. 503—622.— Эта работа служитъ продолженіемъ труда, отмѣченнаго уже на страницахъ Византійскаго Временника (T. IV, вып. 3—4, стр. 719) и содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ интересныхъ подробностей для исторіи византійско-турецкихъ отношеній въ началѣ XV вѣка. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, (1898), H. 1, S. 243.

A. d'Avril. *Les églises autonomes et autocéphales.* Напечатано въ Revue des questions historiques, Tome 57 (1895), p. 149—195.—Эта работа представляетъ изъ себя обзоръ всеобщей исторіи отдѣленія православной церкви отъ римской, распаденія единой православной церкви на различныя мѣстныя церкви и католической іерархіи на Востокѣ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 245.

Minas Tchéraz. *L'église arménienne, son histoire, ses croyances.* Напечатано въ Le Muséon, 16 (1897), p. 222—242.—Первая часть популярнаго очерка.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 245.

E. Tachella. *Les anciens Pauliciens et les modernes Bulgares catholiques de la Philippopolitaine.* Напечатано въ Le Muséon, 16 (1897), p. 113—129;

209—223. — Это есть продолженіе и окончаніе статьи, отмѣченной въ Византійскомъ Временникѣ (Т. IV, 1897, стр. 280).

C. Enlart. *Notes sur le voyage de Nicolas de Martoni en Chypre.* Напечатано въ Revue de l'Orient latin, 4 (1896), p. 623—632. — Итальянскій нотарій Николай Мартони оставилъ описаніе своего хожденія въ 1394—1395 годахъ въ Іерусалимъ, которое было издано въ Revue de l'Orient latin 3 (1895), p. 566—669. Enlart на основаніи своего собственнаго путешествія на Кипръ даетъ родъ комментарія къ относящимся къ Кипру мѣстамъ хожденія Николая.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 246.

<H. Omont>. *Très anciens manuscrits grecs bibliques et classiques de la bibliothèque nationale* présentés à Sa Majesté Nicolas II, empereur de tous les Russes, et à Sa Majesté l'impératrice Alexandra Féodorowna lors de leur visite à Paris octobre 1896. Paris, 1896. 20 свѣтовыхъ печатныхъ таблицъ in Folio.—Это только въ 25 экземплярахъ появившееся роскошное изданіе содержитъ въ себѣ между прочимъ 6 таблицъ съ миніатюрами псалтыря 139 и одну таблицу псалтыря 20.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 248.

Wladimir de Bock. *Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée.* Напечатано въ Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France, t. 56 (1897) съ 21 изображеніями въ текстѣ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 248—249.

P. M. Léjourné. *L'Elianê de Madaba.* Напечатано въ Revue biblique, 6 (1897), p. 648—657. — Léjourné издаетъ греческія надписи отъ 490 и 502 го́довъ, которыя найдены въ развалинахъ церкви Мадаба у Бейрута.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 255.

Paul Collinet. *Deux papyrus gréco-égyptiens d'Angleterre.* Напечатано въ Nouvelle Revue historique du droit français et étranger, 21 (1897), p. 533—542.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 255.

G. Millet въ Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Études 1898, Paris 1897, p. 79—85, даетъ краткій отчетъ о своихъ работахъ въ Мистрѣ и на Аѳонѣ.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

C. O. Zuretti. *Per la critica del Physiologus greco.* Напечатано въ Studi italiani di filologia classica, V (1897), p. 113—218. — Zuretti издалъ въ этой работѣ 59 главъ греческаго Физіолога въ различныхъ редакціяхъ на основаніи Codd. Ambros. E. 16 sup., saec. XII, Ambros. C. 255 inf., saec. XVI, Taur. B. VI, 39 (C. 1. 2), saec. XII, Vallicell. F. 68, saec. XV—XVI. Какъ относительно исторіи передачи Физіолога, такъ и относительно языка работа Zuretti имѣетъ очень большое значеніе.—См. Byz. Zeitschr. VII (1898), H. 1, S. 209.

E. Rostagno. *De generatione hominis.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, V (1897), p. 98.—Авторъ этой замѣтки прибавляетъ къ при-

веденнымъ Крумбахеромъ (Sitzungsberichte der kön. bayer. Akademie, philos.-philol. und hist. Cl. 1892, S. 343 sq.) и Вителли (Vitelli въ Studi ital. di filol. class. II, p. 138) рукописямъ трактата Περὶ γενέσεως ἀνθρώπου еще одну и самую древнюю изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ рукописей: Cod. Laur. 4, 10 saec. XI и сравниваетъ ее съ изданіемъ Крумбахера.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 209.

E. Rostagno. *Scolii di Olobolo all' Ara di Dosiade.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, V (1897), p. 287 sq.—Rostagno издаетъ на основаніи Codex Laur.-Ashburnh. 1174, saec. XV, текстъ объясненій довольно извѣстнаго византійскаго писателя XIII вѣка Оловола (Μανουὴλ ὁ Ὀλόβολος или Ὀλόβωλος) къ Жертвеннику Досіада; новый изданный текстъ значительно отличается отъ текста, напечатаннаго у C. Haeberlin въ Carmina figurata graeca (Hannover, 1887, p. 85 sq.).—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 214.

Al. Olivieri. *Tre Epigrammi dal cod. Viennese 341 (Nessel), 127 (Lambecio).* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 5 (1897), p. 515—518. — Оливьери издаетъ въ этой публикаціи три греческія эпиграммы, къ которымъ проф. Pietro Tosi приложилъ латинскій стихотворный переводъ. Первыя двѣ эпиграммы относятся къ человѣку, сидящему на колесѣ счастья (Εἰς τὸν ἐπὶ τοῦ τροχοῦ καθήμενον); третья представляетъ изъ себя родъ басни въ видѣ разговора между совой и подругой. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 214.

Gius Jorio. *L'epistolario di Demetrio Cidone.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 5 (1897), p. 257—286.—Это весьма содержательное и важное изслѣдованіе касается писемъ извѣстнаго византійскаго писателя эпохи Палеологовъ Димитрія Кидони (Δημήτριος ὁ Κυδώνης), жившаго въ XIV столѣтіи и бывшаго нѣкоторое время даже министромъ при Іоаннѣ VI Кантакузинѣ. Не считая многочисленныхъ теологическихъ и риторическихъ его произведеній, самымъ интереснымъ является собраніе писемъ Кидони ко многимъ выдающимся дѣятелямъ той эпохи: къ императору Мануилу II Палеологу, къ историку Никифору Григорѣ, къ монаху Варлааму, къ патріарху Филоѳею и къ другимъ. Итальянецъ Jorio даетъ въ своей работѣ перечисленіе и подробное описаніе всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ рукописей писемъ Димитрія Кидони, дѣлитъ ихъ на два различныхъ класса, сообщаетъ замѣчанія къ изданнымъ письмамъ и, наконецъ, приводитъ полный указатель 382 извѣстныхъ писемъ съ обозначеніемъ кодексовъ и ихъ начала. Надо пожелать автору успѣшно окончить его планъ полнаго сборника писемъ Кидони, которыя, какъ извѣстно, во всемъ объемѣ еще до сихъ поръ не были изданы.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 214—215.

Seraf. Rocco. *Il mito di Caronte nell' arte e nella letteratura.* Torino, Carlo Clausen, 1897. 124 стр. 8°.—Итальянецъ Рокко, уже ранѣе извѣстный своимъ изслѣдованіемъ о миѳѣ Харона, расширилъ свои занятія въ этой области, результаты которыхъ и представилъ въ настоящемъ томѣ.

Надо замѣтить, что одновременно съ его работою въ Голландіи появился на ту же тему трудъ *Гесселинга (D. C. Hesseling)* Charos. Ein Beitrag zur Kenntnis des neugriechischen Volksglaubens. Leiden, S. C. Van Doesburgh; Leipzig, O. Harrassowitz, 1897, 64 стр. 8⁰. Подобно голландскому ученому Рокко слѣдитъ за исторіей миѳа о Харонѣ съ древнѣйшаго времени до настоящаго. Но, тогда какъ Гесселингъ разсматриваетъ появленіе Харона въ среднегреческой народной литературѣ и народныя представленія о смерти въ Италіи въ связи съ новогреческимъ Харономъ, Рокко удѣляетъ все свое вниманіе судьбѣ древняго Харона въ итальянской литературѣ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, особенно у Данте, въ діалогахъ Понтано, Франко, Gozzi и др. Въ заключеніи Рокко говоритъ о народной фигурѣ новогреческаго Харона.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S, 216—217.

Bessarione. *Pubblicazione periodica di studi orientali.* Roma-Siena, Tipografia S. Bernardino in Siena 1897. Anno II (1897), № 13—14.—Въ этихъ двухъ тетрадяхъ второго года изданія Вессаріона для византійскаго времени имѣютъ значеніе слѣдующія статьи: «Del luogo del martirio e del sepolcro dei Maccabei» (окончаніе; стр. 9—23), гдѣ рѣчь идетъ о выстроенной въ честь Маккавеевъ во второй половинѣ IV вѣка антіохійской церкви; «La liturgia al tempo di S. Giustino Martire» (стр. 23—30); Bizanzio ed Alessandria nella storia del Giacobitismo» (продолженіе; стр. 31—47); Отчетъ о русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ; «Il pane di domani nel Paternoster Copto» (стр. 125—129); «La supremazia della sede Romana considerata nei monumenti dei primi secoli» (стр. 130—142, гдѣ говорится о надписи Аверкія и объ одномъ христіанскомъ саркофагѣ Латеранскаго музея). — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 217.

Ach. Cosattini. *Index codicum graecorum bibliothecae archiepiscopalis Utinensis.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 5 (1897), p. 395—399. — Архіепископская библіотека города Удино имѣетъ, какъ видно изъ этого каталога, 12 греческихъ рукописей: сочиненія Аристотеля и комментаріи къ нимъ, басни Эзопа, нѣкоторыя сочиненія Георгія Хиробоска, рѣчи св. Василія и Іоанна Златоуста, житіе св. Маріи Египетской Софронія, церковныя пѣснопѣнія съ замѣтками и др.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 219.

Gius. Fraccaroli. *Catalogo dei manoscritti greci della biblioteca universitaria di Messina.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica. 5 (1897), p. 329—336.—Университетская библіотека Мессины владѣетъ 12-ю греческими рукописями, изъ которыхъ, на основаніи каталога Фраккароли, можно отмѣтить слѣдующія: сочиненія Эвклида, Псевдокаллисѳенъ, сочиненія Григорія Нисскаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста, Леонтія Кипрскаго, схоліи Цеца къ Гезіоду, Тріодь канноновъ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 219.

Gius. Fraccaroli. *Dei codici greci del monastero del. SS. Salvatore che si*

conservano nella biblioteca universitaria di Messina. Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 5 (1897), p. 487—514.—Университетская библіотека Мессины владѣетъ довольно богатой библіотекой монастыря S. Salvatore, полный катологъ которой долженъ былъ издать Фраккароли. Неожиданный переводъ его въ Туринъ помѣшалъ этому. Вмѣсто полнаго каталога авторъ настоящаго труда дѣлаетъ сообщеніе объ исторіи этой библіотеки, о новыхъ работахъ, касающихся ея рукописей и даетъ обзоръ ихъ содержанія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 220.

Al. Olivieri. *Indicis codicum graecorum Magliabechianorum supplementum.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 5 (1897), p. 401—424.— Новый каталогъ Оливьери служитъ дополненіемъ къ каталогу этой библіотеки, составленному Вителли (Vitelli). Каталогъ послѣдняго заключалъ въ себѣ только 24 нумера; дополненіе содержитъ 49 нумеровъ; итого, всего 73 рукописи. Нумера дополненія, большею частью, суть рукописи XVI—XVIII столѣтія; впрочемъ одинъ написанный на пергаментѣ менологій относится къ XI вѣку (№ 53). Изъ рукописей дополненія, весьма разнообразныхъ по содержанію, можно отмѣтить сочиненія Платона, Аристотеля, Пселла, Николая Меѳонскаго, Ѳеофилакта Болгарскаго, Георгія Пахимера, Іоанна Педіасима, менологіи и пр.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 220.

Aug. Mancini. *Due codici greci a Livorno.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 4 (1896), p. 541 sq. — Первая рукопись XIV вѣка заключаетъ въ себѣ редакцію Плануда Эзоповыхъ басенъ; вторая представляетъ изъ себя томъ «di scrittura varia e molto recente».—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 220.

Dom. Bassi. *Notizie di codici greci nelle biblioteche italiane.* Напечатано въ Rivista di filologia e d'istruzione classica, 25 (1897), p. 265—276; 445 sq. — Авторъ прежде всего даетъ результаты колляціи шести писемъ Максима Плануды, которыя находятся въ Cod. Ambros. G. 14 sup.; далѣе онъ сообщаетъ о четырехъ оставшихся неизвѣстными Фольтцу рукописяхъ писемъ ѳессалійскаго монаха первой половины XIV вѣка Георгія Лакапина и Андроника Зариды—Ζαρίδας (См. *L. Voltz.* Die Schriftstellerei des Georgios Lakapenos въ Byz. Zeitschr. B. II, 1893, S. 221—234); тутъ же Басси издаетъ текстъ одного письма Андроника Зариды къ Георгію Лакапину, находящагося среди писемъ Плануды въ упомянутомъ амброзіанскомъ кодексѣ. Въ заключеніи (ст. 445 sq.) Басси говоритъ о пятомъ кодексѣ амброзіанской библіотеки (E. 81 sup.), который содержитъ нѣкоторыя объясненія къ письмамъ Лакапина.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 220—221.

Franc. Bancalari. *Sul trattato greco De vocibus animalium.* Напечатано въ Studi italiani di filol. classica, 1 (1893) p. 75—96; 512; 4 (1896) p. 224.— Авторъ даетъ, какъ дополненіе къ книгѣ W. Studemund Anecdota varia graeca I 202 цѣнныя свѣдѣнія о словарѣ звѣриныхъ словъ и его изданіе

съ хорошимъ критическимъ аппаратомъ; къ работѣ приложены два рукописныхъ дополненія.—См. Byz. Zeitschr. VII (1898), H. 1, S. 223—224.

Domenico Bassi. *Epitheta deorum.* Напечатано въ Bollettino di filologia classica, 4 (1897), № 2, p. 32—34.—Басси издаетъ на основаніи Cod. Ambros. A. 63 sup. текстъ «Ὀνόματα θεῶν», какъ дополненіе къ извѣстному изданію *Studemund* «Anecdota varia graeca», I p. 270—283.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 224.

Augustus Mancini. *Lexicographicum.* Напечатано въ Studi storici, 6 (1897), p. 291—292.—Манчини хочетъ, безъ достаточныхъ основаній, читать въ рѣчи Константина in sanct. coet. 4, 1 вмѣсто «γάμου παιδοσπορίαι τε»— «γάμοι παιδοποιίαι τε».—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 227.

Augusto Mancini. *Sul de martyribus Palaestinae di Eusebio di Cesarea.* Напечатано въ Studi italiani di filologia classica, 5 (1897), p. 357—368.— Манчини разсматриваетъ отрывокъ, который помѣщенъ за восьмой книгой Церковной Исторіи Евсевія, какъ не принадлежащій ему; по его мнѣнію, этотъ отрывокъ частью взятъ изъ Евсевія, частью изъ сочиненія De mortibus persecutorum и, можетъ быть, исходитъ отъ того интерполятора, который въ Vita Constantini Евсевія вставилъ oratio Constantini.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 227.

Anonymus. *Il libro di Eusebio de Martyribus Palaestinae.* Напечатано въ La civiltà cattolica. Serie 16, vol. 12 (1897), quad. 1135, p. 56—65 и 1136, p. 177—188.—Авторъ говоритъ о содержаніи этого сочиненія Евсевія, о его сирійскомъ переводѣ и о его греческихъ отрывкахъ болѣе подробной редакціи.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 227—228.

Giovanni Mercati. *I martiri di Palestina d'Eusebio di Cesarea nel codice Sinaitico.* Напечатано въ Rendiconti del R. istituto Lombardico di scienze e lettere, Serie II, vol. 30 (1897), 20 стр. 8°.—Синайскій кодексъ gr. 1183, XI вѣка, содержитъ въ себѣ сочиненіе Евсевія о палестинскихъ мученикахъ въ болѣе краткой редакціи, но за то съ болѣе правильнымъ чтеніемъ и нѣкоторыми схоліями; этотъ кодексъ находится въ близкомъ родствѣ съ обоими Laurentiani plut. 70, 7 s. X и 70, 20 s. XI. Меркати даетъ полную колляцію текста по изданію Lämmer'а.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 228.

A. Mancini. *Della composizione della historia ecclesiastica di Eusebio Cesariense.* Напечатано въ Studi storici, 6 (1897), p. 269—290.—Авторъ старается доказать, что первоначальная, вѣроятно, не обнародованная редакція Церковной Исторіи Евсевія заключала въ себѣ кромѣ первыхъ семи книгъ и большую часть теперешней восьмой книги.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 228.

Lumbroso. *Nozze Lumbroso-Besso.* Roma, Forzani e C. tipografi del Senato (1897), 8 стр. 8°.—Авторъ указываетъ на одно до сихъ поръ незамѣченное мѣсто хрониста Глики (Mich. Glycae annales. Bonn. p. 447), гдѣ говорится, что папа Григорій Великій молился усердно за упокой души

императора Траяна, потому что послѣдній выстроилъ въ Римѣ каменный мостъ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 245.

Enrico Stevenson. *Di un insigne pavimento in musaico esprimente la geografia dei luoghi santi scoperto in una basilica cristiana di Madaba nella Palestina.* Напечатано въ Nuovo Bullettino di archeologia cristiana, Anno 3 (1897), p. 45—102. — Авторъ занимается разборомъ отмѣченной въ Византійскомъ Временникѣ (Т. IV, вып. 3—4, стр. 763) географической мозаики, найденной въ гор. Мадебѣ въ декабрѣ 1896 года. Объ этой мозаикѣ см. *M. J. Lagrange*, La mosaïque géographique de Mâdaba въ Revue biblique 6 (1897), p. 165—184, Jérusalem d'après la mosaïque de M., ibidem p. 450—458. *L. Fonck S. J.* Die zu Mâdaba entdeckte Karte des Heiligen Landes въ Stimmen aus Maria Laach 53 (1897), S. 390—399. Въ концѣ своей работы Stevenson сообщаетъ найденныя Клеофою въ Мадебѣ греческія надписи.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 245.

<H. Grisar>. *S. Anastasia e l' «Anastasis» di Gerusalemme e di Costantinopoli.* Напечатано въ Civiltà cattolica, 1896, t. 3 p. 727—732. — Статья эта обращаетъ вниманіе на то, что какъ церковь св. Анастасіи въ Константинополѣ, такъ и иногда называемый соборъ св. Анастасіи въ Равеннѣ первоначально были посвящены Воскресенію Христа (Anastasis), т. е. какъ и іерусалимскій храмъ Воскресенія. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 247.

<H. Grisar>. *I monumenti del sacro pallio nell' esposizione Orvietana....* L'omoforio o pallio sacro di Grottaferrata. La discesa al limbo, l'ascensione e la pentecoste sul pallio bizantino di Grottaferrata. Напечатано въ Civiltà cattolica, 1897, t. 1, 215—226 съ пятью изображеніями. См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. I, S. 247.

<H. Grisar>. *Una imitazione dell' Apostoleion di Costantinopoli a Roma nel VI secolo....* Le Tre Fontane, luogo della decapitazione di San Paolo, e i monaci greci introdottivi nel VI secolo. Напечатано въ Civiltà cattolica, 1897, t. 2 p. 467—479. — Здѣсь можно обратить вниманіе на то, что прежняя апостольская церковь въ Римѣ была построена «in similitudinem crucis», т. е. этимъ самымъ приближается къ извѣстному храму Апостоловъ въ Константинополѣ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 247.

<H. Grisar>. *Il muro aureliano di Roma e le croci bizantine sulle porte.* Напечатано въ Civiltà cattolica, 1896, t. 3 p. 201—206.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898). H. 1, S. 247.

H. Grisar S. J. *Note archeologiche sulla mostra di arte sacra antica a Orvieto.* Напечатано въ Nuovo Bullettino di archeologia cristiana, Anno 3 (1897) p. 5—44. — См. Byz. Zeitschr, B. VII (1898), H. 1, S. 247—248.

Orazio Marucchi. *Una nuova scena di simbolismo sepolcrale cristiano.* Напечатано въ Nuovo Bulletino di archeologia cristiana, Anno 2 (1897) p. 103—112. — Авторъ привлекаетъ изображеніе на одномъ саркофагѣ базилики San Valentiano (Павелъ въ видѣ рулевого) къ объясненію испорченнаго и неполнаго стиха въ надписи Аверкія «Παῦλον ἔχων ἐπο...» и

высказывается противъ чтенія Дитериха (Dieterich) «ΝΗΣΤΙΣ» вмѣсто «ΠΙΣΤΙΣ» — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 252.

Paolo Orsi. *Chiese Bizantine del territorio di Siracusa.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, 1—28. — Авторъ этой работы директоръ Археологическаго Музея въ Сиракузахъ занимается собственно изученіемъ доэллинской и эллинской цивилизаціи въ Сициліи; но при своихъ работахъ онъ отмѣчаетъ и памятники византійской эпохи, изъ которыхъ нѣсколько и послужили темою для настоящей статьи. Орси даетъ тщательное описаніе: I—II) церквей близъ S. Croce въ Камеринѣ; III) церкви въ мѣстности Maccari на юго-востокъ отъ города Noto; IV) церкви города Rosolini; V) церкви и монастыря св. Марка около Noto; VI—VII) византійскихъ церквей и деревень горы Pantalica на западъ отъ Сиракузъ. Авторъ всѣ эти остатки византійскаго искусства относитъ къ эпохѣ до арабскаго завоеванія, считая послѣднее, вопреки Амари, гибельнымъ для искусства. Къ этой статьѣ приложены снимки и планы церквей.

Paolo Orsi. *Nuovo incensiere bizantino della Sicilia.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, S. 29.

L. Correra. *Un' inscrizione greca di Terra d'Otranto.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, S. 30—31. — Рѣчь идетъ объ открытой въ одной башнѣ замка Carpignano въ области Отранто греческой надписи, гдѣ говорится, что эта башня была построена по приказанію Paolo Sulliano и Felice въ 1378 году.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

A. N. Jannaris. ***An historical greek grammar chiefly of the Attic dialect, as written and spoken from classical antiquity down to the present time.*** London, Macmillan and Co. 1897. XXXVIII+737 с. 8°. Ц. 25 ш.—Историческая грамматика аттическаго діалекта Яннариса является серьезной, основательной работой. Ея авторъ, урожденный Критянинъ, въ настоящее время лекторъ неклассическаго и новогреческаго языка при шотландскомъ университетѣ St. Andrews, уже извѣстенъ своими многими трудами; ему принадлежатъ древне-греческій словарь для грековъ, новогреческо-англійскій словарь, нѣмецко-новогреческій словарь, новогреческая грамматика для нѣмцевъ, сборникъ критскихъ народныхъ пѣсенъ съ нѣмецкимъ переводомъ и нѣкоторыя другія работы. Планъ и содержаніе его новой книги заключается въ слѣдующемъ: въ ясно написанномъ введеніи авторъ даетъ обзоръ исторіи аттическаго греческаго діалекта и его продолженій; эту исторію онъ дѣлитъ на слѣдующіе періоды: аттическій (500—300 до Р. Хр.), эллинистическій (300—150 г. до Р. Хр.), грекоримскій (150 до Р. Хр. до 300 послѣ Р. Хр.), переходный періодъ (300—600 послѣ Р. Хр.), новогреческій періодъ (600—1900 послѣ Р. Хр.).

Послѣ введенія Яннарисъ приступаетъ къ ученію о звукахъ, причемъ особенно останавливается на произношеніи древнегреческаго языка. Вторая часть заключаетъ въ себѣ морфологію именъ, прилагательныхъ и нарѣчій, мѣстоименій, числительныхъ и глаголовъ. Въ третьей части Яннарисъ разбираетъ главныя явленія синтаксиса. Три содержательныхъ указателя заключаютъ его книгу. Большою заслугою этой грамматики является ея сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясное изложеніе. Если въ работѣ Яннариса и встрѣчаются иногда нѣкоторыя неясности и пробѣлы, тѣмъ не менѣе она представляетъ изъ себя безусловно весьма полезное руководство. — См. отзывъ проф. Крумбахера въ Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 221—223.

H. J. Lawlor. *Early citations from the book of Enoch.* Напечатано въ The Journal of Philology 25 (1897), p. 164—225. — Эта работа представляетъ изъ себя перечень цитатъ и заимствованій изъ эѳіопской книги Еноха, нѣкоторыя части греческаго текста которой сохранились благодаря Георгію Синкеллу, другія же были открыты съ евангеліемъ Петра и апокалипсисомъ Петра. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 225.

Fred. C. Conybeare. *Protevangelium Jacobi.* Напечатана from an Armenian manuscript in the library of the Mechitarists in Venice въ The American Journal of Theology, 1 (1897) p. 424—442. — Армянскій текстъ протоевангелія Іакова оказывается болѣе подробнымъ, чѣмъ греческій, и содержитъ отрывки, встрѣчающіеся въ одномъ арабскомъ евангеліи. Его основнымъ текстомъ служитъ сирійскій, которымъ, вѣроятно, уже пользовался Ефремъ. Conybeare перевелъ на англійскій языкъ армянское протоевангеліе до XIII главы. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 225.

W. H. Kent O. S. C. *Eastern devotion to St. Joseph.* Напечатано въ The Dublin Review, 116 (1895) p. 245—256. — Авторъ говоритъ о почитаніи св. Іосифа на Востокѣ и сообщаетъ сирійскій канонъ, два коптскихъ гимна, одинъ эѳіопскій и одинъ армянскій въ англійскомъ переводѣ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 238.

J. B. Bury. *The Nika riot.* Напечатано въ Journal of the Hellenic studies, 17 (1897), p. 92—119. — Извѣстный византинистъ подвергаетъ остроумному и тщательному анализу источники, хронологію и топографію возстанія Ника. Въ первой главѣ онъ изслѣдуетъ и сравниваетъ дошедшія до насъ свидѣтельства комиса Марцеллина, Прокопія, Іоанна Лида, Виктора Tonnennensis, Ѳеодора Лектора, продолженія Захаріи Митилинскаго, Малалы, Пасхальной хроники, Ѳеофана, Кедрина и Зонары; общій интересъ имѣютъ въ этой главѣ соображенія автора объ отношеніи Пасхальной хроники и Ѳеофана къ Малалѣ. Во второй главѣ Bury изслѣдуетъ хронологію событій возстанія Ника и приходитъ къ болѣе точнымъ результатамъ, чѣмъ его предшественники. Третья глава, къ которой приложенъ планъ, разбираетъ нѣкоторые топографическіе вопросы, связанные съ разсказомъ о возстаніи Ника. Здѣсь авторъ слѣдуетъ главнымъ образомъ Д. Ѳ. Бѣляеву, труды котораго по топографіи

Константинополя онъ вообще ставитъ на первое мѣсто; сверхъ того онъ удѣляетъ большое вниманіе статьямъ проф. Н. Θ. Красносельцева и Г. А. Ласкина. Въ началѣ упомянута извѣстная статья Θ. И. Успенскаго «Партіи цирка и димы въ Константинополѣ» (Виз. Врем., Т. I, 1894, стр. 1—16).— См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 241—242.

J. B. Bury. *The Turks in the Sixth Century.* Напечатано въ The English Historical Review, 12 (1897) p. 417—426. — Работа Bury служитъ необходимымъ дополненіемъ къ двумъ изслѣдованіямъ синолога Паркера (E. H. Parker) о происхожденіи турокъ, появившимся въ The English Historical Review (іюль, 1896) и въ The Academy (21 декабря 1895). Принимая главные результаты Паркера относительно того, что турки около 543 года послѣ Р. Хр. свергли иго Геуговъ, что они въ первой половинѣ VI вѣка послѣ Р. Хр. приняли имя турокъ и т. д., Bury исправляетъ многія его заключенія, почерпнутыя Паркеромъ изъ вторыхъ рукъ, особенно изъ плохо имъ понятыхъ византійскихъ источниковъ, Менандра Протектора и Θеофилакта. Bury даетъ важныя объясненія и хорошую историческую оцѣнку тѣхъ мѣстъ этихъ историковъ, которыя говорятъ о туркахъ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 242.

Luke Rivington. *Papal suprematy at the Council of Ephesus.* Напечатано въ The Dublin Review, 116 (1895), p. 375—395. — Рѣчь идетъ о положеніи и авторитетѣ римскаго епископа Целестина на третьемъ Вселенскомъ Соборѣ въ Эфесѣ въ 431 году, гдѣ его представителями были легаты. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 244.

Luke Rivington. *The Acacian troubles.* Напечатано въ The Dublin Review, 114 (1894) p. 358—380. — Статья эта направлена противъ книги *F. W. Puller*, The primitive saints and the see of Rome, London, 1893 (объ этой книгѣ см. *L. Duchesne*, Bulletin critique, 1895 № 33 p. 641—646) — См. Byz. Zeitschr. B, VII (1898), H. 1, S. 244.

Henry Huntington Swain. *The church fathers on the nature of property.* Напечатано въ Bibliotheca sacra, 67 (1897) p. 677—687. — Авторъ говоритъ на стр. 680—686 о нѣкоторыхъ выраженіяхъ Іоанна Златоуста. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. 1, S. 256.

E. W. Brooks. *The London Catalogue of the Patriarchs of Constantinople.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, S. 32—39.— Въ Британскомъ Музеѣ (Add. MS. 19, 390 fol. 23) находится каталогъ константинопольскихъ патріарховъ, находящійся непосредственно передъ историческимъ произведеніемъ (ἱστορία σύντομος) Никифора и поэтому приписываемый нѣкоторыми ему. Этотъ каталогъ доходитъ до патріаршества Антонія (821—836); но у него существуетъ продолженіе, написанное другою рукою и доходящее до времени Поліевкта (956—970). Весь этотъ каталогъ и изданъ Бруксомъ. Авторъ предполагаетъ, что онъ составленъ вскорѣ послѣ смерти императора Романа II въ 963 году.

J. B. Bury. *The* Παράδεισος *of Ioannes Geometres.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, S. 134—137.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

Эпаминондъ Θ. Киріакидисъ (Ἐπαμεινώνδας Θ. Κυριακίδης), Βιογραφίαι τῶν ἐκ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ αὐτὴν χώρας ἀπὸ τῆς ἁλώσεως μέχρις ἡμῶν ἀκμασάντων λογίων· μετὰ σχεδιάσματος ἱστορικοῦ περὶ τοῦ ἑλληνικοῦ φροντιστηρίου τῶν Τραπεζουντίων. Ἐν Ἀθήναις 1897, 8°. Стр. Ζ′ + 262.— Авторъ этой книги изъ любви къ своей родинѣ, г. Трапезунту, взялъ на себя трудъ познакомить насъ съ происходившими оттуда образованными греками съ 1461 г. до нашего времени. Прежде всего онъ сообщаетъ свѣдѣнія о знаменитомъ кардиналѣ Виссаріонѣ (стр. 12—26), о сторонникѣ его Георгіѣ Трапезунтскомъ, объ Амаруцѣ, умершемъ мусульманиномъ послѣ взятія Трапезунта и о вселенскомъ патріархѣ Симеонѣ Трапезунтскомъ. Изъ XVI вѣка авторъ сообщаетъ свѣдѣнія относительно 5 ученыхъ трапезунтійцевъ, а изъ XVII в. онъ говоритъ о многочисленныхъ такихъ ученыхъ. Самымъ выдающимся изъ послѣднихъ былъ основатель Трапезунтской гимназіи Севастъ Киминитъ, филологъ, богословъ и философъ. Кромѣ того, Киминитъ былъ усерднымъ изслѣдователемъ также и византійской литературы, по которой онъ оставилъ много неизданныхъ трактатовъ. Но гораздо больше ученыхъ изъ Трапезунта вышло въ XVIII и въ нынѣшнемъ вѣкахъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ послѣднихъ былъ Константинъ Ксанѳопулъ, директоръ разныхъ греческихъ гимназій въ Турціи, въ особенности же Евангелической школы въ Смирнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и авторъ замѣчательныхъ педагогическихъ, философскихъ и филологическихъ трудовъ. Свое сочиненіе г. Киріакидисъ заключаетъ однимъ историческимъ очеркомъ о греческой гимназіи въ Трапезунтѣ. Въ общемъ это сочиненіе полезно для историковъ, занимающихся новогреческой литературой, но въ частности есть въ немъ много такого, что нуждается въ исправленіи. Надѣюсь, что я найду время для составленія подробнаго отзыва о немъ, тѣмъ болѣе что онъ желателенъ и самому г. Киріакидису.

Костисъ Г. Пассаянни (Κωστῆς Γ. Πασσαγιάννης), Τὰ πρῶτα παραμύθια. Ἐν Ἀθήναις 1894. 8°, стр. 88. — Въ этой брошюрѣ г. Костисъ Пассаянни собралъ свои повѣсти и разсказы, написанные на простонародномъ новогреческомъ нарѣчіи. Сюжетъ всѣхъ названныхъ разсказовъ заимствованъ изъ новогреческой исторіи, начиная съ XVII в. и главнымъ образомъ изъ исторіи Мани (въ Пелопоннисѣ). Языкъ, употребляемый г. Пассаянни въ отношеніи конструкціи (синтаксиса) рѣчи, по моему мнѣнію, во многихъ мѣстахъ очень непріятенъ, потому что, вмѣсто настоящей народной конструкціи, до сихъ поръ никѣмъ не изслѣдованной, онъ очень часто употребляетъ обычную конструкцію такъ называемой γλώσσης καθαρευούσης, т. е. литературнаго языка книгъ и газетъ, съ тою только разницею, что употребляемыя имъ слова и формы дѣйствительно

простонародны. Такая конструкція, употребляемая въ простонародномъ нарѣчіи, дѣлаетъ рѣчь трудно читаемою и очень утомительною. Напротивъ, простонародная конструкція, рѣдко употребляемая авторомъ, очень пріятна и тѣ, которые сумѣли въ точности держаться ея въ своихъ произведеніяхъ, сдѣлались вслѣдствіе этого любимыми писателями. Къ сожалѣнію, это удалось очень немногимъ. Хотя новое произведеніе г. Пассаянни не имѣло прямого отношенія къ нашему журналу, такъ какъ содержаніе его состоитъ изъ повѣстей и разсказовъ, но тѣмъ не менѣе мы упомянули здѣсь о немъ только потому, что текстъ разсказовъ г. Пассаянни и въ настоящемъ своемъ видѣ служитъ лингвистическимъ матеріаломъ византинистамъ, занимающимся исторіей новогреческаго языка. Въ немъ есть довольно обильная простонародная фразеологія, которая, употребляемая въ рѣчи, показываетъ значеніе многочисленныхъ обычныхъ или рѣдкихъ простонародныхъ словъ, а въ словаряхъ, которые обыкновенно употребляютъ эллинисты, значеніе этихъ словъ или неудобопонятно или даже совершенно не ясно. Кромѣ того, въ употребляемомъ г. Пассаянни нарѣчіи можно видѣть настоящее простонародное произношеніе новогреческихъ словъ и дѣйствительныя грамматическія формы ихъ.

Амалія К. Папаставру (Ἀμαλία Κ. Παπασταύρου), Ἡ Ζίτσα· γεωγραφικὴ καὶ ἱστορικὴ περιγραφὴ τῆς κωμοπόλεως ταύτης τῆς Ἠπείρου. Ἐν Ἀθήναις 1895. 8°, стр. ϛ'+61.—Авторомъ этой топографической книжки является образованная женщина, родившаяся въ городкѣ Зицѣ въ Эпирѣ. Г-жа Папаставру изъ любви къ своей родинѣ посвятила много времени собиранію историческихъ свѣдѣній о ней, результатомъ чего явилась названная книжка. Въ этой книжкѣ говорится о мѣстоположеніи г. Зицы, находящейся на сѣверо-западѣ отъ г. Янины на разстояніи 4 часовъ въ горной равнинѣ, а затѣмъ объ исторіи ея, о находящихся въ ней древностяхъ и о монастыряхъ и храмахъ ея. Кромѣ того, здѣсь включены и нѣкоторыя мѣстныя новогреческія народныя пѣсни и приложенъ изящный фотолитографическій видъ г. Зицы, а также приложена географическая карта окружающей её мѣстности. О происхожденіи названія этого городка здѣсь приводится народное преданіе, по которому оно произошло отъ сокращенія имени одной женщины, называемой Зоицею и открывшею тамъ одинъ извѣстный источникъ воды. Однако, г. Амалія Папаставру скорѣе склонна думать, что это имя славянское. Г. Зицу прославилъ въ своихъ пѣсняхъ лордъ Байронъ.

⁂ Περὶ Λυκίας καὶ Λυκίων, περὶ Μάκρης καὶ Λειβισίου [Ξενοφάνης· σύγγραμμα περιοδικὸν τοῦ Συλλόγου τῶν Μικρασιατῶν. Ἀθήνησι 1896, т. I, стр. 86—93].—Это небольшая анонимная статейка о греческихъ городкахъ Макрѣ и Ливисіи въ Малой Азіи въ древней Ликіи. Въ церковномъ отношеніи они подлежатъ Писидійской митрополіи.

М. И. Кефала (Μ. Ἰ. Κεφάλας), Ἡ θύραθεν βυζαντινὴ φιλολογία [Ξενοφάνης, 1896, т. I, стр. 113—129].—Это—изложенная популярно характеристика свѣтской (не богословской) византійской литературы и краткій

историческій очеркъ ея на основаніи Gesch. d. byz. Litteratur Krumbacher'a.

Аѳанасій А. Гавріилидисъ (Ἀθανάσιος Ἀ. Γαβριηλίδης), Περὶ τῆς ἐπαρχίας Νεοκαισαρείας, ἰδίᾳ δὲ τῆς Θεοδωρουπόλεως (Σαφρανπόλεως) καὶ τοῦ Παρθενίου [Ξενοφάνης, 1896, т. I, стр. 129—141]. — Въ этой статьѣ г. Гавріилидисъ говоритъ о Неокесарійской митрополичьей епархіи въ Малой Азіи, сообщая подробныя статистическія свѣдѣнія о живущихъ въ ней православныхъ христіанахъ, которые всѣ — греки, хотя многіе изъ нихъ говорятъ только на одномъ турецкомъ языкѣ. Въ особенности же авторъ говоритъ о мѣстоположеніи и исторіи гор. Сафранполя, а также и о гавани его Парѳеніи на Черномъ морѣ. Въ г. Сафранполѣ живутъ 3000 православныхъ христіанъ. По мнѣнію жителей этого города и согласно преданію Неокесарійской митрополіи, которой они подчинены, этотъ городъ въ древности назывался Ѳеодорополемъ и такъ называется и теперь христіанами. Здѣсь существуетъ церковь св. первомученика Стефана, и въ ней хранится византійскій ящикъ съ мощами св. Стефана, на которомъ есть греческая надпись изъ шести ямбическихъ стиховъ.

Никостратъ Ѳ. Каломенопулъ (Νικόστρατος Θ. Καλομενόπουλος), Κρητικά, ἤτοι τοπογραφία καὶ ὁδοιπορικὰ τῆς νήσου Κρήτης. Ἐν Ἀθήναις 1894, 8°, стр. η′ + 360. — Въ введеніи вкратцѣ излагается исторія Крита до возстанія 1889 г. Самая книга раздѣляется на три части. Въ первой части (стр. 35—66) г. Каломенопулъ говоритъ о климатѣ, народонаселеніи и объ административномъ и церковномъ раздѣленіи острова. Затѣмъ онъ говоритъ о существующихъ географическихъ картахъ острова съ исторической точки зрѣнія, о геологическомъ его состояніи, о земледѣліи и плодахъ земли его и, наконецъ, о минералахъ острова. На о. Критѣ находится одинъ митрополитъ, которому подчинены девять епископій (Аркадійская, Херрониссская, Авлопотамская и Реѳимнская, Лампійская, Кидонійская, Іеросітійская, Петрская и Кисамская). Мусульманское населеніе острова доходитъ до 73.234 человѣкъ. Родной языкъ всѣхъ мусульманъ— греческій. Православныхъ христіанъ на Критѣ 205.010, католиковъ только 253, евреевъ 647, лютеранъ 13 и армянъ 8.—Во второй части (стр. 67—312) авторъ подробно занимается топографіей острова. Въ описаніи своемъ онъ руководствуется естественнымъ раздѣленіемъ острова горами его. Такъ напр. онъ описываетъ гористыя мѣста Ситія и склоны ихъ, Іерапетрскій перешеекъ, гористыя мѣста Дикты, неровную мѣстность Ираклія, Идійскія горы (нынѣ Ψηλορείτης), гористую мѣстность Реѳимны, Бѣлыя горы Сфакіи и, наконецъ, гористую мѣстность Киссама-Селина. Съ такимъ подраздѣленіемъ описанъ весь островъ съ его городами, городками, селами, долинами и рѣками. Авторъ вездѣ приводитъ современныя названія мѣстностей острова. Въ третьей и послѣдней части (стр. 313—355) описываются всѣ главныя дороги острова. Хотя книга г. Каломенопула носитъ характеръ стратигическій, но она составляетъ важнѣйшее пособіе для интересующихся топографіей о. Крита. Къ сожалѣнію, здѣсь

не приложено алфавитнаго указателя многочисленныхъ названій мѣстностей острова.

Παρνασσός, ἤτοι ἀπάνθισμα τῶν ἐκλεκτοτέρων ποιημάτων τῶν νεωτέρων ἑλλήνων ποιητῶν. Ἐν Σμύρνῃ, τυπογραφεῖον «Ἀμαλθείας» 1894—1896. Τόμοι 3, 8°, стр. 800+572+1063.—Въ Греціи и въ Турціи издавались въ разное время подъ заглавіемъ «Парнассъ» сборники избранныхъ стихотвореній греческихъ поэтовъ, жившихъ съ начала настоящаго столѣтія. Наиболѣе богатый и лучшій изъ таковыхъ сборниковъ былъ сборникъ въ одномъ томѣ Матаранги. Нынѣ издатели Смирнской газеты «Амалѳіи» подъ вышеназваннымъ заглавіемъ дали намъ сборникъ избранныхъ новогреческихъ стихотвореній въ трехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ въ общемъ 2435 страницъ. Во избѣжаніе преслѣдованія со стороны неумолимой турецкой цензуры въ этомъ сборникѣ не напечатаны героическія (патріотическія) пѣсни, не исключая даже тѣхъ, въ которыхъ просто упоминается одно имя Грецiя или грека. Грековъ, живущихъ въ Турціи, турки называютъ *Ромеями* (римлянами); греками же турки считаютъ только *Юнановъ*, т. е. жителей маленькой свободной Эллады. Такимъ образомъ въ «Парнассѣ» издателей «Амалѳіи» содержатся только любовныя, сатирическія, вакхическія, философскія, религіозныя и т. п. стихотворенія. Сборникъ раздѣляется на 4 части. Въ 1-й части помѣщены стихотворенія поэтовъ нынѣшняго вѣка, уже умершихъ. Первымъ изъ нихъ поставленъ Іоаннъ Вилара, а послѣднимъ К. Кристали. Всѣхъ же ихъ 45 чел. Во второй части содержатся стихотворенія 75 современныхъ поэтовъ, изъ коихъ 2 женщины. Въ 3-й части помѣщены стихотворенія не-грековъ, писавшихъ хорошія пѣсни на новогреческомъ, и даже на простонародномъ языкѣ. Такихъ поэтовъ 4, а именно Gustave Laffon изъ о. Кипра, итальянецъ Николай Томазео и мусульмане изъ Албаніи Наимъ-бей Фрассари, членъ совѣта турецкаго министерства народнаго просвѣщенія, и Абединъ паша Дино, губернаторъ о. Хіоса. Наконецъ, въ 4-й части помѣщены избранныя стихотворенія 22 современныхъ поэтовъ изъ Смирны. Такимъ образомъ, въ новомъ стихотворномъ сборникѣ «Парнассъ» представлены образцы 144 поэтовъ XIX вѣка съ нѣкоторыми необходимыми біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Это изданіе не можетъ удовлетворять во всѣхъ отношеніяхъ занимающихся исторіей литературы и новогреческимъ языкомъ. Въ виду строгости турецкой цензуры въ этомъ сборникѣ совершенно не видна дѣятельность грековъ, какъ націи. Здѣсь греки представлены только, какъ любезничающіе, насмѣшники, выпивающіе, веселящіеся, философствующіе и т. д. За то новый сборникъ драгоцѣненъ въ лингвистическомъ отношеніи, потому что изъ него можно видѣть, какимъ путемъ шло развитіе современнаго греческаго литературнаго языка, до чего оно дошло въ нынѣшнемъ вѣкѣ и какъ противъ него борется живой разговорный языкъ народа. Въ новомъ сборникѣ собрано очень много и очень выра-

зительныхъ образцовъ послѣдняго рода языка изъ стихотвореній разныхъ умершихъ и живыхъ поэтовъ.

Хрисостомъ архидіаконъ (Χρυσόστομος ἀρχιδιάκονος), Καπουλῆ-Παναγία, ἤτοι ὁ μακρὰν τῶν ἐρειπίων τῆς Ἐφέσου ἀνακαλυφθεὶς ὑπὸ τῶν καθολικῶν [= Λατίνων] οἶκος τῆς Θεομήτορος. Ἐν Ἀθήναις [читай: Ἐν Σμύρνῃ] 1896. 8°, стр. 148. — Далеко отъ развалинъ древняго Ефеса найдены развалины одной церкви, называемой мѣстными жителями *Капулй-Панаяґ*. Нѣкоторые католическіе монахи изъ Смирны, купивъ себѣ это мѣсто, распространили слухъ, что это будто и есть гробъ Пресвятой Богородицы, и это открытіе разнеслось во всей Италіи и Франціи. По этому вопросу возникло много споровъ и представлено много серьезныхъ возраженій; къ сожалѣнію, счастливые обладатели развалинъ церкви никакъ не хотятъ убѣдиться въ ложности своего мнѣнія, а напротивъ и до сихъ поръ стараются цѣлыми книгами и статьями распространять это ложное мнѣніе, неправильно объясняя древнія свидѣтельства относительно мѣста, гдѣ скончалась Богородица. Странно, что ни Ватиканъ, ни латинскій епископъ въ Смирнѣ не прекращаютъ эту болтовню владѣльцевъ Капулй-Панаѧ́, когда извѣстно, что, по преданію, въ Ефесѣ скончалась не Богоматерь, а Марія Магдалина; она положена въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи воздвигнутъ былъ извѣстный въ исторіи храмъ Маріи, въ которомъ созванъ третій вселенскій соборъ. Споръ по этому вопросу между прочимъ былъ и въ Смирнскихъ газетахъ, гдѣ со стороны православныхъ сдѣланы нѣкоторыя возраженія, главнымъ образомъ архидіакономъ Ефесской митрополіи о. Хрисостомомъ (нынѣ протосинкелломъ вселенской патріархіи). Въ книгѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ о. Хрисостомъ перепечаталъ свои статьи изъ Смирнскихъ газетъ, гдѣ онъ доказываетъ, что по историческому преданію гроба Богородицы въ Ефесѣ не было и быть не могло.

Трифонъ Е. Евангелидъ (Τρύφων Ε. Εὐαγγελίδης), Κοσμᾶς Αἰτωλὸς ὁ ἰσαπόστολος (1714 — 1779). Βίος καὶ ἔργα αὐτοῦ. Ἐν Ἀθήναις 1897. 12°, стр. 38. — Въ новыхъ греческихъ Четьи-Минеяхъ подъ 24 августа отмѣчена память священномученика Косьмы Этоліица. Существуютъ и отдѣльныя брошюры, гдѣ излагаются акаѳистъ и житіе его. Этотъ акаѳистъ составленъ Сапфиромъ Христодулидомъ. Первое изданіе его было въ Венеціи въ 1814 г. Два раза акаѳистъ изданъ въ Кефалоніи въ 1850 и въ 1894 гг., а въ Керкирѣ (Корфу) онъ изданъ въ 1869 г., житіе же св. Косьмы напечатано и въ Большомъ Синаксарѣ Константина Дукаки подъ 4 августа.—Память св. Косьмы празднуется въ особенности въ Этоліи, Акарнаніи, Эпирѣ и Албаніи, т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ процвѣталъ и дѣйствовалъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка въ качествѣ учителя и іерокирикса. Мученичество его совершено было турками черезъ повѣшеніе его въ Албаніи, въ селѣ Калику́нтаси, близъ Дураццо. Эпирскій паша Али, хотя онъ и былъ мусульманиномъ, однако питалъ большое почтеніе къ мученику Косьмѣ и на мѣстѣ его мучени-

чества между гг. 1813—1814 воздвигъ на свои средства монастырь для православныхъ христіанъ. Св. Косьма учился на Аѳонской горѣ и онъ извѣстенъ, какъ основатель многихъ школъ. Г. Евангелидъ въ вышеназванной своей брошюрѣ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ составилъ біографію его, приложивъ также и нѣкоторыя письма св. Косьмы.

Ригасъ Н. Камиларисъ (Ῥήγας Ν. Καμηλάρις), Γρηγορίου Κωνσταντᾶ βιογραφία, λόγοι, ἐπιστολαί· μετὰ περιγραφῆς τῶν Μηλεῶν καὶ τῆς σχολῆς αὐτῶν. Ἐν Ἀθήναις 1897. 8° стр. 160. — Діаконъ Григорій Константа является однимъ изъ потрудившихся съ пользою для просвѣщенія и духовнаго возрожденія грековъ, однимъ изъ возставшихъ въ 1821 г. противъ Турціи и своими трудами способствовавшихъ устройству новой Греціи. Онъ родился въ Милеяхъ въ Ѳессаліи и учился въ Вѣнѣ въ концѣ XVIII в. До 1821 г. на родинѣ его существовала полная гимназія, въ которой онъ былъ директоромъ и которая служила однимъ изъ мѣстъ, гдѣ члены «Филики Этерія» рѣшали вопросы о способѣ возстанія противъ турокъ. Компатріотъ Гр. Константы г. Камилари въ вышеназванной книгѣ собралъ изъ рукописей всѣ извѣстныя свѣдѣнія о немъ съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ его трудовъ, напр. писемъ и словъ. Кромѣ того, авторъ присовокупилъ и хорошее описаніе городка Милеи, а также и историческій очеркъ мѣстной старой школы, зданіе и библіотека которой и до настоящаго времени существуютъ. Въ этой библіотекѣ, основанной и устроенной Гр. Константою и Анѳимомъ Гази, я нашелъ въ 1896 году свыше 100 греческихъ рукописей, составилъ описаніе ихъ и намѣренъ напечатать ихъ въ «Византійскомъ Временникѣ.

Василій, архіепископъ Смирнскій (Βασίλειος ἀρχιεπίσκοπος Σμύρνης)· Ὑπόμνημα περὶ ἐκκλησιαστικοῦ ἀφορισμοῦ κατὰ τοὺς θείους καὶ ἱεροὺς κανόνας καὶ τὴν διδασκαλίαν τῶν θεηγόρων πατέρων τῆς Ὀρθοδόξου καθολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1897. 8° стр. 81.—Церковное отлученіе, начало, исторія и свойства его относятся къ церковному праву. Въ своемъ спеціальномъ трактатѣ о немъ митрополитъ смирнскій Василій сначала говоритъ о сущности, характерѣ и цѣли отлученія, а затѣмъ о началѣ его и о ложномъ пониманіи и злоупотребленіи имъ въ новѣйшее время. Насъ интересуетъ историческая сторона сочиненія объ отлученіи почтеннаго іерарха. По мнѣнію послѣдняго существующія въ евхологіяхъ разрѣшительныя молитвы на отлученіе относятся ко времени позже XIV вѣка. Злоупотребленіе же отлученіемъ со стороны вселенской патріархіи, часто въ совершенно не важныхъ случаяхъ, появляется съ начала XVII вѣка. Митрополитъ Василій въ своемъ трактатѣ нападаетъ на это злоупотребленіе, примѣры котораго онъ приводитъ съ хронологическими датами и рекомендуетъ совершенное его прекращеніе.

Хрисостомъ А. Пападопулъ (Χρυσόστομος Ἀ. Παπαδόπουλος), Περὶ τοῦ τάφου τῆς κοιμήσεως τῆς Θεοτόκου ἱστορικὸν σημείωμα. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1896. 8°, стр. ε′+21.—Объяснивъ причину составленія этой брошюры, авторъ разсматриваетъ вопросъ о гробѣ Богородицы съ исторической

точки зрѣнія. Изъ приведенныхъ имъ свидѣтельствъ видно, что Богородица не была и не умерла въ Ефесѣ, а умерла она въ Сіонѣ и погребена въ Геѳсиманіи, согласно историческому преданію.

Н. Г. Политисъ (N. Г. Πολίτης), Δημώδεις παροιμίαι ἐν μεσαιωνικοῖς ἑλληνικοῖς ποιήμασι. Ἐν Ἀθήναις 1896. 8°, стр. 17.—Въ этой брошюрѣ профессоръ Политисъ, сказавъ нѣсколько словъ объ извѣстныхъ уже византійскихъ народныхъ пословицахъ, старается увеличить ихъ число народными византійскими стихотвореніями. Такого рода пословицъ онъ собралъ больше десяти изъ Спанея, Физіолога и другихъ стихотвореній. Чтобы найти смыслъ этихъ византійскихъ пословицъ г. Политисъ обратился между прочимъ и къ новогреческимъ пословицамъ. Дѣйствительно, здѣсь онъ нашелъ тѣ же самыя византійскія пословицы, кромѣ одной, почти дословно сохранившимися въ устахъ греческаго народа.

Τὸ ἐν χρήσει συνταγμάτιον τῶν ὑπὸ τὸν Οἰκουμενικὸν Θρόνον μητροπολιτῶν καὶ ἐπισκόπων, μετὰ καταλόγου τῶν ἱερῶν Σταυροπηγιακῶν Μονῶν καὶ περιληπτικοῦ Συνταγματίου τῶν λοιπῶν Πατριαρχικῶν Θρόνων καὶ τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς Κύπρου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1896. 8°, стр. 18.—Византійская литература сохранила намъ оффиціальные списки восточныхъ патріархатовъ, а также и подчиненныхъ имъ митрополичьихъ и епископскихъ каѳедръ. Эти списки (изданія Parthey и Gelzer) полезны по многимъ вопросамъ, относящимся къ византійской исторіи и географіи. Такіе списки не прекращались и послѣ взятія Константинополя Турками. Восточныя патріархіи, отъ времени до времени смотря по перемѣнамъ въ географическомъ положеніи ихъ, возобновляли эти списки. Вселенская патріархія составила и издала новый списокъ въ 1896 г. при патріархѣ Анѳимѣ VII. Заглавіе этого списка (Συνταγμάτιον) мы привели выше цѣликомъ. Изъ этого списка видно современное географическое состояніе православныхъ церковныхъ митрополій въ Турціи. Въ настоящее время подъ властью вселенской патріархіи находятся 77 митрополій. Изъ числа послѣднихъ епископіи находятся только въ митрополіяхъ Ефесской, Ираклійской, Солунской, Критской и Смирнской. Порядокъ митрополій сдѣланъ согласно классу, который занимала каждая изъ нихъ въ византійскія времена. Въ спискѣ отмѣчены также титулы каждаго изъ митрополитовъ и имена ихъ. Кромѣ того, здѣсь приложены и списки митрополій остальныхъ патріархій. Въ Александрійской патріархіи согласно этому новому списку есть три только митрополіи; очевидно по ошибкѣ составителями списка пропущена Пентапольская митрополія въ Египтѣ, митрополитомъ которой въ настоящее время состоитъ Нектарій Кефала. Въ Антіохійской патріархіи 14 митрополій, а въ патріархіи Іерусалимской 3 митрополіи и 7 архіепископій безъ епископовъ. Наконецъ въ автокефальной архіепископіи Кипрской есть 3 митрополіи. Сравнивая этотъ новый списокъ съ византійскими списками можно видѣть постепенный упадокъ и малолюдность православной церкви подъ владычествомъ турокъ. Къ списку приложенъ также перечень 70-и

ставропигіальныхъ монастырей, существующихъ въ Турціи и подчиненныхъ непосредственно вселенской патріархіи съ 5-ю экзархіями.

Клеопасъ М. Кикилидъ (Κλεόπας Μ. Κοικυλίδης). Ὁ ἐν Μαδηβᾷ μωσαϊκὸς καὶ γεωγραφικὸς περὶ Συρίας, Παλαιστίνης καὶ Αἰγύπτου χάρτης. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1897. 8°, стр. 26.—Открытая въ Мадебѣ въ Палестинѣ мозаическая географическая карта уже достаточно извѣстна. Но мы должны упомянуть здѣсь о первомъ трудѣ о ней, написанномъ по гречески и изданномъ въ Іерусалимѣ. Здѣсь авторъ разсказываетъ объ открытіи этой карты и представляетъ свѣдѣнія о ней съ описаніемъ и объясненіемъ ея и съ приложеніемъ 6-и надписей, изъ коихъ 3 онъ нашелъ въ Мадебѣ, одну въ Ходжевѣ, одну въ Севастіи и одну на Элеонской горѣ. Послѣдняя надпись существуетъ на гробѣ, содержащемъ въ себѣ кости одного неизвѣстнаго святого Ѳеогена.

Г. Доминнъ (Г. Δομνηνός). Γεωγραφία τοῦ Πόντου μετὰ παραρτήματος πινάκων. Ἐν Τραπεζοῦντι 1896. 8° стр. 93+(94—98).—Эта книга, изданная въ Трапезунтѣ съ разрѣшенія турецкаго министерства народнаго просвѣщенія, предназначена для греческихъ школъ Трапезунтской области. Здѣсь сообщаются краткія топографическія и статистическія свѣдѣнія о названной области, которая подраздѣляется на 4 округа (Трапезунтскій, Амисскій, Лазестанскій и Гюмусханскій). По свѣдѣніямъ этой книги всѣхъ православныхъ грековъ, населяющихъ эту область, 157,191 чел., мусульманъ 869,731, григоріанскихъ армянъ 42,755, армянъ-католиковъ 1,298 и лютеранъ 501. Достойна вниманія въ этой книгѣ мѣстная номенклатура полезная для объясненія названій мѣстъ, встрѣчаемыхъ въ Трапезунтской хроникѣ Панарета и въ другихъ извѣстныхъ текстахъ, относящихся къ исторіи Трапезунтской имперіи. Къ книгѣ приложена также хромолитографическая карта областей Кастамонской, Трапезунтской, Анкирской, Севастійской, Эрзерумской и Мамурет-ул-Азизской. Карта издана въ большомъ форматѣ и напечатана на греческомъ языкѣ въ турецкой литографіи.

Мелиссинъ Христодулъ (Μελισσηνὸς Χριστοδούλου), Ἡ Θρᾴκη καὶ αἱ Σαράντα-Ἐκκλησίαι, μετά τινων διοικητικῶν ἐκκλησιαστικῶν ζητημάτων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1897, 8° стр. 15+287.—Въ этой книгѣ, раздѣленной на 2 неравныя части, сообщаются нѣкоторыя, весьма скудныя, свѣдѣнія о населенныхъ въ настоящее время мѣстахъ Ѳракіи (стр. 6—57), затѣмъ свѣдѣнія о церковномъ дѣленіи Ѳракіи въ древнее и въ настоящее время (57—83) и, наконецъ, свѣдѣнія о формахъ древнихъ ѳракійскихъ монетъ (стр. 108—128). Вторая часть книги посвящена исключительно очень подробному описанію города Σαράντα-Ἐκκλησίαι и окрестностей его. О древностяхъ въ этой книгѣ встрѣчается очень мало свѣдѣній; къ сожалѣнію, она написана не сжато и не систематично.

Илья Дассаритъ (Ἠλίας Δασσαρήτης), Περὶ τῆς Κορυτσᾶς (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. τεῦχος 17. τόμ. 5, 1896, стр. 123—158). — Здѣсь г. Дассаритъ подробно говоритъ о г. Корицѣ въ

Эпирѣ. Сначала онъ говоритъ о мѣстоположеніи этого города и окрестностей, его съ приложеніемъ двухъ некрасивыхъ картъ, а затѣмъ онъ занимается исторіей его, обычаями и языкомъ жителей, а также и происхожденіемъ названія города съ филологической точки зрѣнія. Послѣ сего, авторь дѣлаетъ историческій очеркъ о церковномъ его управленіи и о митрополіи, которая до 1767 г. подчинялась автокефальной архіепископіи Охридской, а съ 1767 г. до сего времени находится подъ властью вселенской патріархіи. Наконецъ, къ статьѣ приложенъ списокъ Корицкихъ митрополитовъ съ 1670—1896 гг.

С. П. Ламбросъ (Σ. Π. Λάμπρος), Ταβουλλαρικὸν γράμμα τοῦ ιδ' αἰῶνος (Δελτίον и пр. стр. 159—160). — Здѣсь г. Ламбросъ напечаталъ текстъ одного монемвасійскаго документа 1326 г., найденнаго имъ въ кодексѣ 3067 Національной Парижской библіотеки. Этотъ документъ, относящійся къ воздѣлыванію монастырскихъ пустошей, сдѣланъ у присяжнаго Монемвасійскаго нотаріуса Димитрія Комніата іеромонахомъ Симеономъ игуменомъ царской обители Таксіарха, именуемой Контостефана.

Max. Treu, Περὶ Εὐθυμίου Νέων Πατρῶν τοῦ Μαλάκη (Δελτίον и пр. Τεῦχος 18, т. 5, 1897, стр. 197—218). — Евѳимій Малаки былъ однимъ изъ школьныхъ товарищей и другомъ знаменитаго Солунскаго архіепископа Евстаѳія. Впослѣдствіи Евѳимій сдѣлался митрополитомъ Ново-Патрасскимъ (съ 1166 г.). Онъ умеръ послѣ 1192 г. Когда умеръ Евстаѳій, то Евѳимій почтилъ его надгробнымъ словомъ, изданнымъ Tafel'емъ (De Thessalonica ejusque agro, стр. 394—400). Кромѣ этого труда, изъ сочиненій Малаки до сихъ поръ извѣстны были одно церковное письмо и одно письмо его къ Михаилу Хоніату. Теперь г. Трей увеличиваетъ наши знанія о трудахъ его изъ Берлинскаго Codex Philippicus 1480, напечатавъ оттуда другое его письмо къ Михаилу Хоніату, а также и отрывокъ одного похвальнаго слова къ императору Мануилу Комнину, произнесеннаго въ присутствіи послѣдняго, какъ думаетъ г. Трей, въ 1175 г. Г. Трей помѣстилъ также подробный списокъ неизданныхъ писемъ Евѳимія Малаки.

С. П. Ламбросъ (Σ. Π. Λάμπρος), Δύο ἐκθέσεις περὶ Ἀθηνῶν περὶ τὰ τέλη τοῦ δεκάτου ἑβδόμου αἰῶνος (Δελτίον, τεῦχος 18, 1897, стр. 219—227). — Здѣсь г. Ламбросъ помѣстилъ одинъ любопытный итальянскій рапортъ 1687 г. (изъ кодекса Марціанской библіотеки Cl. VI, 656), въ которомъ, между прочимъ, говорится и объ Аѳинскихъ и Коринѳскихъ древностяхъ. Рапортъ озаглавливается такъ: «Relatione dell' operato dell' armi Veneti doppo la sua partenza da Corinto, e della presa d'Atene. Relatione della città d'Atene».

С. П. Ламбросъ (Σ. Π. Λάμπρος), Ἡ περὶ Πελοποννήσου ἔκθεσις τοῦ Βενετοῦ προνοητοῦ Γραδενίγου (Δελτίον, 1897, стр. 228—251). — Ѳаддей Градениго былъ чрезвычайнымъ проведиторомъ Венеціанской республики (1699—1692) въ Пелопоннисѣ, находившемся подъ властью ея въ XVII в. Въ 1692 г., по окончаніи своего управленія, Градениго составилъ по

итальянски рапортъ о тогдашнемъ состояніи этой страны, который и напечатанъ теперь г. Ламбросомъ безъ греческаго перевода и примѣчаній. Рапортъ озаглавливается такъ: «Relatione del n. s. ser Tadio Gradenigo ritornato di Provveditor estraordinario di Morea».

Ахиллесъ Діамантара (Ἀχιλλεὺς Διαμαντάρας), Ὀλίγα περὶ τῆς ἐν Μεγίστῃ μονῆς τοῦ ἁγίου Γεωργίου (Δελτίον, 1897, стр. 252—258). — На островѣ Кастеллоризо (древ. Μεγίστη) близъ южнаго берега Малой Азіи существуетъ монастырь св. Георгія. Тамошній житель г. Діамантара сообщаетъ факсимиле одной надписи, изъ которой видно, что храмъ этого монастыря обновленъ былъ въ 1759 г., и весь текстъ одного патріаршаго сигиллія о томъ же монастырѣ, составленнаго синодально въ 1761 г. при вселенскомъ патріархѣ Іоанникіѣ.

Н. К. Х. Кости (Ν. Κ. Χ. Κωστῆ), Ἀνέκδοτοι ἐπιστολαὶ Κοραῆ καὶ πρὸς Κοραῆν (Δελτίον 1897, стр. 263—276). — Послѣ изданныхъ многочисленныхъ писемъ Кораи, занимающихъ не мало томовъ, г. Кости изъ Смирны сообщаетъ еще два неизданныхъ письма этого великаго филолога, два отвѣта знаменитаго Смирнскаго протопсалта Димитрія Лотоса къ Кораи и одинъ отвѣтъ послѣднему Кумы.

Адамантій А. Адамантіу. (Ἀδαμάντιος Ἀ. Ἀδαμαντίου), Τηνιακά [Δελτίον 1897, стр. 277—326 и въ отдѣльной брошюрѣ]. — Подъ заглавіемъ Τηνιακά г. Ад. Діамантіу даетъ намъ большое собраніе сказокъ (παραμύθια), сдѣланное имъ на о. Тиносѣ. Онъ утверждаетъ, что собралъ тамъ 300 такихъ сказокъ. Въ настоящее время онъ напечаталъ начало своего собранія съ интереснымъ введеніемъ о задачѣ сказки, о способѣ и времени, въ которомъ жители о. Тиноса разсказываютъ ихъ, о способѣ, которымъ онъ (Діамантара) приготовилъ свой сборникъ и, наконецъ, о раздѣленіи сказокъ по видамъ ихъ. Затѣмъ г. Діамантара сообщаетъ текстъ одной сказки и 4 варіаціи его. Все это сообщено имъ на современномъ нарѣчіи жителей Тиноса съ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями и, въ особенности, съ сравнительнымъ изслѣдованіемъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ сходнымъ сказкамъ.

Симосъ Менарду (Σῖμος Μενάρδου), Κυπριωτικὰ τραγούδια [Δελτίον, 1897, стр. 327—346]. — Г. Менарду, ученикъ г. Хаджидаки, извѣстенъ уже по статьямъ, напечатаннымъ въ Ἀθηνᾶ, о современномъ нарѣчіи греческаго языка, на которомъ говорятъ Кипріоты. Здѣсь онъ сообщаетъ собранныя имъ любовныя кипрскія двустишія, въ числѣ 664 стиховъ, безъ какого-нибудь предисловія или примѣчаній. Всѣ эти стихи написаны согласно точному произношенію кипріотовъ. Г. Менарду помѣстилъ небольшой указатель, изъ котораго можно видѣть, какъ должно произносить нѣкоторыя буквы (по кипрскому).

Д. М. Сарросъ (Δ. Μ. Σάρρος), Λείψανα τῆς λατρείας τοῦ Λίνου καὶ Ἀδώνιδος ἐν Ἠπείρῳ [Δελτίον 1897, стр. 347—351]. — Въ этой замѣткѣ г. Сарросъ сообщаетъ свѣдѣнія объ одномъ обычаѣ женщинъ и дѣвушекъ, существующемъ въ Загорійской мѣстности въ Эпирѣ. Весною женщины

и дѣвушки собираются въ пустошахъ и кустарникахъ, чтобы «поиграть Зафира» (διὰ νὰ παίζουν τὸ Ζαφείρη). Вызванная по жребію дѣвушка ложится на травѣ, какъ покойница (γίνεται Ζαφείρης), а остальныя дѣвушки прикрываютъ эту мнимую покойницу листьями и цвѣтами (τὸν φκιάνουν Ζαφείρη). Затѣмъ онѣ садятся вокругъ нея и плачутъ и ударяютъ себя въ грудь. Здѣсь г. Сарросъ помѣщаетъ текстъ похоронной пѣсни, по окончаніи которой дается сигналъ и мнимая покойница мгновенно воскресаетъ. Тогда раздаются радостныя восклицанія и смѣхъ и всѣ дѣвушки и молодыя женщины бѣгаютъ по полямъ и рощамъ, преслѣдуемыя Зафиромъ. Первая, пойманная имъ, обязана въ слѣдующую весну сдѣлаться Зафиромъ, покойницею. Этотъ обычай, говоритъ г. Сарросъ, сходенъ съ миѳомъ о Линѣ и Адонисѣ.

Анѳимъ Алексудисъ (Ἄνθιμος Ἀλεξούδης), Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς ἱεραῖς ἐκκλησίαις τῆς συνοικίας Κάστρου, πόλεως Βερατίου τῆς μητροπόλεως Βελεγράδων, εὑρισκομένων ἀρχαίων χειρογράφων [Δελτίον 1897, стр. 352—369]. — Здѣсь досточтимый митрополитъ Амасійскій описываетъ 49 древнихъ греческихъ рукописей, находящихся въ православныхъ церквахъ города Берата въ Албаніи, въ кварталѣ Кастро. Рукописи эти главнымъ образомъ духовнаго содержанія. Подъ № 4 описывается евангеліе 1013 года, написанное пресвитеромъ Іаковомъ по побужденію Григорія, архипресвитера и затворника (ἔγκλειστος) обители св. Евстаѳія Кріента. Подъ № 10 помѣчено бумажное евангеліе, написанное въ 1413 г. Георгіемъ Сидерокастритомъ на счетъ Никифора Лувра, деспота г. Велеграда (Бератъ), для храма св. Марины. Другой кодексъ (№ 14) содержитъ Дѣянія Апостольскія и написанъ въ 1158 г. Кодексъ подъ № 15, содержащій четвероевангеліе XII столѣтія, подаренъ былъ обители Милующей (Ἐλεούσης) Божіей Матери Іоанномъ Ангеломъ, по принятіи монашества переименованномъ Каллиникомъ, дядею Эпирскаго деспота Ѳеодора Комнина Ласкариса. Друдой кодексъ (№ 26), содержащій Постную и Цвѣтную Тріоди, въ 1438 году былъ собственностью епископа Главеницкаго и Велеградскаго Ѳеодосія. Одно Четвероевангеліе (№ 27) написано въ 1171 году діакономъ Іоанномъ, а другое четвероевангеліе (№ 45) написано въ 1416 году. Одна январская минея (№ 46) написана между 1428—29 гг. Наконецъ, надо замѣтить, что подъ №№ 41 и 43 есть двѣ копіи съ писемъ Максима Маргунія.

А. П.-Керамевсъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Матовъ, Книгописъ по этнографията на Македония. *Изъ книжата на † Д. Матовъ,* въ Български Прегледъ. Год. IV, кн. V—VI. (Библіографія этнографіи Македоніи. Изъ бумагъ † Д. Матова). София. 1897.—Это посмертный трудъ Д. Матова, извлеченный его почитателями изъ его бумагъ, какъ заслуживающій полнаго вниманія и до сего времени единственный. Составитель этой библіографіи собиралъ ее посте-

пенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; онъ ее оставилъ еще неготовою къ печати, и къ тому же библіографія далеко неполна. Въ ней не отмѣчено многихъ старыхъ трудовъ по Македоніи; но за то почти все выдающееся, что вышло въ свѣтъ за послѣдніе 10—15 лѣтъ по этнографіи Македоніи, здѣсь приведено; въ ней находимъ иногда довольно рѣдкія изданія, мало доступныя публикѣ и даже спеціалистамъ, въ особенности тѣ, которыя изданы были на востокѣ, въ Константинополѣ. Есть, однако, нѣкоторыя изданія, о которыхъ составитель могъ знать, но которыя имъ не отмѣчены; это—изданія Фаверіаля, монаха-француза, лазариста, недавно умершаго, долго жившаго въ Македоніи, въ Битолѣ и написавшаго много главнымъ образомъ о македонскихъ румынахъ и другихъ народностяхъ Македоніи. Къ сожалѣнію, сочиненія этого француза мало извѣстны не только читающей публикѣ, но и ученымъ. Въ библіографіи Матова указаны далеко не всѣ византійцы, говорящіе о Македоніи или объ этнографическихъ ея элементахъ. Тѣмъ не менѣе эта библіографія и въ нынѣшнемъ ея видѣ представляетъ не малый интересъ и будетъ далеко небезполезна тѣмъ, которые занимаются этнографіею Македоніи.

Маханъ, Малко хореография изъ Ломско и Видинско (Кое-что изъ хореографіи въ Ломскомъ и Видинскомъ округахъ),—въ Български Прегледъ. Год. IV, кн. VII, 1897.—Г. К. Маханъ такъ начинаетъ свои замѣтки: «При томъ большомъ значеніи, какое имѣетъ хореографія для исторіи и фольклора каждаго народа, нельзя, однако, сказать, что она пользуется вниманіемъ со стороны этнографовъ, а еще меньше со стороны музыкантовъ; и тѣ, и другіе смотрятъ на нее какъ будто сквозь пальцы. И совсѣмъ понятно. Этнографъ интересуется употребленіемъ игръ (или танцевъ) въ отдѣльныхъ областяхъ, музыкантъ—напѣвомъ; остается одинъ историкъ, который долженъ заниматься подробно хореографіею, потому что это для него цѣнный камень въ построеніи исторіи человѣческаго духа. По разнымъ видамъ игръ онъ можетъ судить о вкусахъ и обычаяхъ извѣстныхъ слоевъ общества прошлаго времени; по сравнительной хореографіи онъ можетъ изслѣдовать вліяніе одного народа на другой и до нѣкоторой степени и уровень культуры и разныя настроенія у извѣстнаго народа, потому что игры никогда не возникаютъ случайно, но являются выраженіемъ духа времени: насколько политическая и культурная сторона извѣстнаго народа глаже, настолько онѣ тише и однообразнѣе».

Авторъ разсматриваетъ игры или танцы только въ Шоплукѣ, т. е. въ западной части Болгаріи и главнымъ образомъ въ сѣверной ея части. Прежде всего онъ объясняетъ значеніе словъ или названій, употребляемыхъ нынѣ у болгаръ: хоро и игра. Первое происходитъ отъ греческаго слова χορός. Это названіе употребляется у всѣхъ южныхъ славянъ. У болгаръ оно употребляется въ широкомъ смыслѣ и означаетъ всякій танецъ вообще, но у сербовъ и хорватовъ только такіе, которые танцуются при обрядахъ и при торжествахъ. Названіе игра Маханъ производитъ отъ

глагола играю (= играѭ), хотя можно сказать наоборотъ, и затѣмъ описываетъ самый танецъ у дѣтей, но не объясняетъ, означаетъ ли это слово какой-либо танецъ для взрослыхъ. Танцы въ Ломскомъ и Видинскомъ округахъ онъ опредѣляетъ чрезъ сравненіе съ танцами въ восточной Болгаріи. Танцы обоихъ этихъ мѣстъ отличаются по игрѣ; въ восточной Болгаріи въ нихъ соблюдается трезвенность, простота, сухая проза, какъ выражается г. Маханъ, въ Шоплукѣ—огонь, буйность, поэзія; въ восточной Болгаріи всякій танецъ въ то же время и народная пѣсня, т. е. всякая мелодія имѣетъ свой текстъ; въ Шоплукѣ такіе танцы большая рѣдкость, здѣсь они положены на инструментальную музыку, имѣютъ болѣе изящную, болѣе быструю мелодію, ихъ объемъ шире. Существуетъ еще одно различіе между обѣими этими частями; тогда, какъ въ восточной Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи встрѣчаются немного названій танцевъ, въ Шоплукѣ почти каждое село имѣетъ свои особенные танцы, нѣкоторые появляются и затѣмъ забываются чуть ли не каждый годъ; есть и общіе танцы, но они большею частію обрядные, тѣсно связаны съ какимъ-нибудь старымъ обычаемъ и не измѣняются. Довольно часто два, три и болѣе танцевъ имѣютъ одно и то же названіе, хотя мелодія и способъ танцовать различны. Бываетъ, однако, и обратное; одинъ и тотъ же танецъ въ разныхъ селахъ носитъ разныя названія. Иногда нѣсколькими, совершенно разными лицами выдумывается новый, болѣе сложный танецъ, или же новый является только варіантомъ другого, распространеннаго въ сосѣднемъ селѣ танца; совершенно, однако, новыхъ танцовъ не является.

Затѣмъ г. Маханъ описываетъ разные роды танцевъ съ указаніемъ на время и случаи, когда они танцуются. Наконецъ онъ даетъ таблицу одиннадцати танцевъ съ обозначеніемъ въ нотахъ текста и ритма и приведеніемъ описанія ихъ.

Нѣкоторые танцы сербскаго и румынскаго происхожденія.

Вообще статья г. Махана весьма содержательна и въ высшей степени интересна. Слѣдовало бы сравнивать эти танцы съ греческими.

Судя по танцамъ можно сказать, что жизнь населенія западной части Болгаріи гораздо живѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ болгарской территоріи.

Шарски, Градъ Скопие (Городъ Скопія), — въ Български Прегледъ. Год. IV, кн. VII.—Г. Шарскій въ своемъ небольшомъ очеркѣ указываетъ на выгодное географическое положеніе и торговое значеніе города Скопіи въ нынѣшнее и прежнее время; но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ не особенно отрадное нынѣшнее состояніе города и причины этому. Не безъинтересны также его замѣтки по состояніи школъ въ городѣ, а затѣмъ о роли, какую городъ играетъ въ сербско-болгарскомъ спорѣ.

В. Кънчевъ, Станимака и Бачковскиятъ манастиръ (тамъ же).

Въ различныя времена Византійской имперіи Станимакъ (Στενήμαχος) игралъ не маловажную роль въ особенности въ исторіи войнъ съ славя-

нами и главнымъ образомъ съ крестоносцами и болгарами; въ XIV столѣтіи этотъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то къ болгарамъ, то къ византійцамъ. Но и раньше этого времени болгары владѣли имъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этому служила славянская надпись, поставленная Іоанномъ Асѣнемъ II въ 1231 г. на утвержденной имъ на скалѣ крѣпости; къ сожалѣнію, эта надпись въ настоящее время уничтожена греками-фанатиками. Но, конечно, этимъ они не могутъ изгладить память объ этомъ событіи изъ исторіи.

Станимакъ и въ настоящее время служитъ яблокомъ раздора и борьбы между греками и болгарами, изъ которыхъ послѣднимъ онъ нынѣ принадлежитъ. Вмѣстѣ съ городомъ примѣшанъ въ этой борьбѣ и Бачковскій монастырь, которымъ нынѣ владѣютъ также болгары или, вѣрнѣе, болгарскіе монахи. Монастырь основанъ во время императора Алексѣя I Комнина, въ концѣ XI в., двумя грузинами-дворянами изъ рода Вакурани (греч. Пакуріаны), которые оставили монастырю ктиторскій уставъ, недавно изданный г. Мусеусомъ, и одарили его, т. е. монастырь, большими помѣстіями въ Родопахъ и дорогою утварью, отъ которой въ настоящее время осталось очень немногое, такъ какъ значительную часть унесли греки и въ прежнее и въ наше время.

Г. Кънчевъ, указавъ на прежнее значеніе Станимака, изображаетъ нынѣшнее состояніе города со стороны населенія, школьнаго дѣла и отношеній болгаръ и грековъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на положеніе монастыря и его значеніе для мѣстнаго населенія прежде и теперь и сообщаетъ данныя о состояніи ризницы монастырской, въ настоящее время довольно бѣдной, и говоритъ нѣсколько словъ о достопримѣчательностяхъ монастыря.

Къ статьѣ приложенъ рисунокъ скалы Асѣновой крѣпости съ видомъ уничтоженной староболгарской надписи по фотографическому снимку д-ра Н. Брайкова.

Ив. Кеповъ, Показалецъ на материялите по българска история, обнародовани въ българските списания (Кеповъ, Ив. Указатель матеріаловъ по българской исторіи, обнародованныхъ въ болгарскихъ періодическихъ изданіяхъ). — Указатель г. Кепова заключаетъ въ себѣ перечень статей, помѣщенныхъ въ болгарскихъ періодическихъ и отчасти непе{p}ріодическихъ изданіяхъ, начиная съ 50-хъ годовъ. Указатель неполонъ; но тѣмъ не менѣе, кромѣ болгарской исторіи, онъ представляетъ немало интересныхъ указаній и для византійской исторіи.

Д. Шестаковъ, Рукописныя собранія Аѳона (Историко-библіографическій очеркъ),—въ Ученыхъ Запискахъ Импер. Казанскаго университета. Годъ LXIV, 1897, кн. 12-я.—Проф. Д. Шестаковъ возъимѣлъ прекрасную мысль написать по поводу изданія 1-го тома составленнаго проф. Спир. Ламбросомъ Каталога Аѳонскихъ греческихъ рукописей, вышедшаго въ Кембриджѣ въ 1895 г., цѣлый, краткій, но очень содержательный очеркъ историко-библіографическо-литературно-культурный

на основаніи приписокъ, заключающихся въ аѳонскихъ и отчасти не аѳонскихъ рукописяхъ. Работа его вышла весьма интересной. Весь очеркъ раздѣляется на четыре отдѣла. Въ 1-мъ изображается исторія или судьба аѳонской рукописи; въ 2-мъ онъ разсуждаетъ о каллиграфическомъ искусствѣ аѳонцевъ, ихъ тенденціяхъ, выразившихся между прочимъ и въ отраженіи традицій классической древности въ миніатюрахъ и вообще орнаментаціяхъ рукописей, а также и въ припискахъ. 3-й отдѣлъ чисто этическаго характера. Авторъ желалъ представить намъ душевное настроеніе писца или сочинителя аѳонскаго, его отношеніе къ дѣлу писанія и къ тѣмъ, для кого писались рукописи, и вообще къ людямъ. Наконецъ 4-й отдѣлъ совсѣмъ мало имѣющій отношенія къ аѳонскимъ рукописямъ, описаннымъ проф. Ламбросомъ,—это—отношенія аѳонцевъ къ Россіи, составленный только отчасти на основаніи замѣтокъ на книгахъ, а большею частію на основаніи замѣтокъ и характеристики лицъ, имѣвшихъ близкое или далекое отношеніе къ Аѳону. Проф. Шестаковъ замѣчаетъ здѣсь, что «характерно и поразительно съ самаго начала, что отношенія къ Россіи запечатлѣлись у аѳонскихъ отцовъ болѣе въ архивахъ, чѣмъ въ библіотекахъ, болѣе въ связкахъ оффиціальной переписки, чѣмъ въ свиткахъ и пергаментахъ историческаго содержанія». Въ своемъ очеркѣ проф. Шестаковъ не рѣдко ссылается на сочиненія еп. Порфирія Успенскаго, проф. Дмитріевскаго, Мейера и др.

П. Сырку.

Др. Владан Ђорђевић, *Грчка и српска просвета.* Српска Краљевска Академија. Београд. Штампано у државној штампарији Краљевине Србије. 1896.

Васа Вујић, *Грци и Срби.* У Новоме Саду. Штампарија српске књижаре браће М. Поповића 1897 (Прештампано из Летописа «Матице Српске»). 80 стр.[1]).

Процвѣтаніе византиновѣдѣнія оказываетъ большое вліяніе также и на историческую литературу у сербовъ, такъ какъ пониманіе политической исторіи Сербіи, исторіи ея культуры, литературы и церкви и основательная разработка ея требуетъ знакомства съ Византіей. Въ новѣйшее время появилось нѣсколько работъ, въ которыхъ изучается вопросъ объ отношеніяхъ Сербіи къ Византіи. Однако, изслѣдованія съ такою широкою темою весьма естественно не могли привести къ опредѣленному результату, съ одной стороны потому, что сербская наука не могла еще выяснить запутанныя даты сербской исторіи, а съ другой потому, что изученіе византійскихъ отношеній далеко еще не закончено.

Авторъ первой изъ вышеуказанныхъ книгъ собственно намѣревался только говорить о Кораи и о Досиѳеѣ Обрадовичѣ и между этими двумя

1) О первомъ трудѣ мы помѣстили отзывъ въ Бѣлградскомъ журналѣ «Дело» (августъ 1896), рецензія на вторую книжку будетъ помѣщена тамъ же (въ маѣ).

дѣятелями просвѣщенія начала нашего столѣтія провести параллель, которую нельзя не признать весьма неудачною. Онъ несомнѣнно сдѣлалъ ошибку, которая заключается въ томъ, что въ введеніи къ своему изслѣдованію онъ весьма подробно говоритъ о состояніи литературы и культуры въ Византіи и въ средневѣковой Сербіи. Изложеніе этихъ отношеній весьма слабое. Авторъ не владѣетъ предметомъ; для византійской литературы онъ пользуется исторіей литературы Крумбахера (по первому изданію), а для сербской—книгою Шафарика (писанной въ 1830—31 гг.), ограничиваясь однимъ извлеченіемъ изъ нихъ. Кромѣ этихъ книгъ авторъ пользуется весьма немногими; онъ не знакомъ со всѣми результатами сербской науки въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ послѣ труда Шафарика, вслѣдствіе чего у него встрѣчаются большіе пробѣлы и грубыя ошибки. Самое изслѣдованіе также слабое, особенно относительно Досиѳея Обрадовича. Вся книга не имѣетъ научнаго значенія.

У автора второй книжки нельзя не признать эрудиціи, однако сейчасъ замѣтно, что онъ не историкъ: онъ постоянно прибѣгаетъ къ логикѣ. Историческая наука не можетъ основываться на однихъ логическихъ выводахъ; кромѣ того, какъ часто видно у автора, можно прійти къ ошибочнымъ результатамъ. Авторъ слишкомъ увлекается древними греками; изложеніе ихъ вліянія на міровую культуру у него лучше, чѣмъ изложеніе византійскаго вліянія, съ которымъ онъ знакомъ несомнѣнно хуже. Въ доказательство того, насколько авторъ увлекается древними греками, мы ограничимся только указаніями на то, что онъ приписываетъ древнимъ грекамъ заслугу не только открытій XVI в., англійскаго возрожденія, великой французской революціи и т. д., но даже нѣмецкой реформаціи. Автору не показалось труднымъ констатировать вліяніе греческаго духа на всѣ отрасли древняго сербскаго государственнаго и народнаго быта. Однако, авторъ не даетъ здѣсь ничего новаго, но ограничивается только извлеченіемъ изъ разныхъ книгъ (преимущественно Новаковича, Флоринскаго и Бошковича) для того, чтобы доказать вліяніе византійцевъ на сербовъ. Это оказывается совершенно лишнимъ, такъ какъ это намъ извѣстно и не требуется болѣе доказательствъ того, что такое вліяніе существовало; но мы желаемъ идти дальше, чего не сдѣлалъ авторъ этой книжки. Однако, авторъ и здѣсь нерѣдко ошибается; напр. несомнѣнно можно признать преувеличеніемъ, когда по случаю сербскаго возстанія 1804 года онъ вспоминаетъ о древнихъ греческихъ герояхъ, и даже въ сербской народной поэзіи повидимому предполагаетъ греческое вліяніе. Книжку можно признать удовлетворительною для сербской публики, но она не имѣетъ научнаго значенія.

Episkop Nik. Ruzitschitsch, Gross-Zupan Stephan Nemanja und seine Bedeutung für den serbischen Staat und die serbische Kirche. Jena, Druck von Bernh. Engan. 1897. 100+XII стр.

Эта книжка ниже всякой критики; авторъ не имѣетъ никакого понятія объ исторіи, объ историческомъ изслѣдованіи и историческомъ изло-

женія. Она отличается субъективнымъ, наивнымъ изложеніемъ, которое часто лишено всякаго основанія по отношенію къ историческимъ источникамъ, и къ тому же тенденціознымъ шовинизмомъ. Весьма естественно, что авторъ не писалъ по источникамъ; онъ даже не пользовался ни однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. Было бы весьма печально, если бы кто либо по этому изслѣдованію судилъ о положеніи сербской исторической науки, которая руководствуется твердыми принципами и, пользуясь полнымъ научнымъ аппаратомъ, объективно проложила себѣ опредѣленный путь.

Ст. Станоевичъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

А. Павловъ. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями. Новое, отъ начало до конца переработанное изданіе. Москва. 1897. 8°. XVI + 520 стр. Цѣна 3 руб.

Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь Ивана Васильевича Помяловскаго профессора Имп. С.-Петербургскаго университета къ 30-лѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности отъ учениковъ и слушателей. Спб. 1897. 8°. VI + 224 стр.

Греки и Русь. Оглавленіе приготовленнаго къ печати полнаго собранія историко-литературныхъ и археологическихъ данныхъ для сужденія о характерѣ русско-византійскихъ отношеній въ хронологическомъ порядкѣ съ древнихъ временъ до 1453 года. Изданіе первое. С.-Петербургъ. 1898. 8°. 43 стр.

И. И. Срезневскій. Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги. Съ приложеніемъ фототипическаго снимка изъ Ефремовской Кормчей. С.-Петербургъ. VIII + 207 стр. 8°.

Сборникъ статей учениковъ профессора Барона Виктора Романовича Розена ко дню 25-лѣтія его первой лекціи. С.-Петербургъ. 1897. VI. 363 стр. 8°.

Otto Seeck. Geschichte des Unterganges der antiken Welt. 2-te vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, Siemenroth und Troschel 1897. VIII + 2 + 328 стр. 8°.

Franz Xaver Kraus. Geschichte der christlichen Kunst. Bd. II. Die Kunst des Mittelalters, der Renaissance und der Neuzeit. 1 Abth.: Mittelalter. XI + 512 стр. 8°. Mit Titelbild in Heliogravüre und 306 Abbildungen im Texte. Freiburg i/B., Herder 1897. Цѣна 14 марокъ.

Reinhold Röhricht. Geschichte des Koenigreiches Jerusalem (1100—1291). Innsbruck, Wagner 1898. 8°. XXVIII + 1105 стр.

Dr. Franz Bock. Die byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung Dr. Alex. von Swenigorodskoï und das darüber veröffentlichte Prachtwerk.

Archaeologisch-kunstgeschichtliche Studie. Als Manuscript gedruckt. Aachen 1896. 8°. XIII + 448 S. Mit 32 Tafeln.

J. J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter. I, 2. Byz. Psalterillustrationen. Отд. отт. изъ Acta societatis scientiarum Fennicae 4°. Mit 3 Tafeln und 50 Textillustrationen.

Adolf Harnack. Ueber die jüngst entdeckten Sprüche Jesu. Freiburg i/B., I. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 1897. 8°. 36 S.

Friedrich Blass. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Goettingen, Vandhoeck u. Ruprecht. 1896. XII + 329 стр. 8°. Цѣна 5 м. 40 пф.

G. Owsepian. Die Entstehungsgeschichte des Monotheletismus nach ihren Quellen geprüft und dargestellt. Inaug.-Dissert. Leipzig. 1897. 57 стр. 8°.

Albert Harrent, Les écoles d'Antioche. Essai sur le savoir et l'enseignement en Orient au IV-e siècle (après J. C.). Paris, Albert Fointemoing. 1898. 288 стр. 8°. Цѣна 3 фр. 50 с.

Hugues Le Roux. Les amants byzantins. Roman. Paris, Calmann Lévy 1897. 8°. VII + 296 стр.

Albert Ballu. Le monastère byzantin de Tébessa. Paris, Ernest Leroux. 1897. in fol. (avec dessins, phototypie et planches en couleur). Цѣна 50 фр.

A. N. Jannaris. An historical greek grammar chiefly of the Attic Dialect as written and spoken from classical antiquity down to the present time. Founded upon the ancient texts, inscriptions, papyri and present popular greek. London, Macmillan and C°. 1897. XXVIII + 737 стр. 8°.

Τρύφων Ἐ. Εὐαγγελίδης. Ἱστορία τῆς Τραπεζοῦντος ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς (756 π. Χρ.—1897). Ἐν Ὀδυσσῷ, ἐκδότης Π. Ζερβάτης Περάκης. 1898. 8°. 279 стр. Цѣна 1 р. 50.

Θρᾳκικὴ ἐπετηρίς. Ἐτήσιον δημοσίευμα τῆς ἐν Ἀθήναις Θρᾳκικῆς ἀδελφότητος. Ἔτος πρῶτον. 1897. Ἐν Ἀθήναις, Ἀνέστης Κωνσταντινίδης. 1897. 8°. 328 стр. Цѣна 2 фр.

Ν. Γ. Πολίτης. Ἑρμηνευτικὰ εἰς τὰς βυζαντινὰς παροιμίας. Ἐν Ἀθήναις. 1898. 8°. 59 стр. Отд. отт. изъ Ἐπετηρὶς τοῦ Παρνασσοῦ.

Σπυρ. Π. Λάμπρος. Κατάλογος τῶν ἐν τῇ κατὰ τὴν Ἄνδρον μονῇ τῆς Ἁγίας κωδίκων. Ἐν Ἀθήναις. 1898. 8°. 111 стр. Отд. отт. изъ Ἐπετηρὶς τοῦ Παρνασσοῦ.

Ξ. Ἀ. Σιδερίδης. Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ Σωτῆρος τοῦ Φιλανθρώπου καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἁγιάσματος καὶ ἁγίων λειψάνων. Ἐν Κ/πόλει 1898. 8°. 80 стр. Отд. отт. изъ Ἐκκλησιαστὴ Ἀλήθεια.

Βίοι ἁγίων τοῦ μηνὸς Δεκεμβρίου ἢ μέγας συναξαριστής. Ἐν Ἀθήναις, ἐκδότης Κωνσταντῖνος Δουκάκης. 1896. 8°.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина издава Министерството на народното просвѣщение. Книга XIV. София 1897. 8°. VI + 732 + 224 стр. Съ 9 таблицами и прилож.

ОТДѢЛЪ III.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Въ нынѣшнемъ году по случаю волненій военнаго времени Институтъ не предпринималъ большихъ экскурсій, какъ это было въ прошломъ году. Къ тому же въ истекшую осень личный составъ Института, по случаю перехода Ученаго Секретаря на службу въ Россію, состоялъ изъ одного Директора. Занятія Института сосредоточивались на обработкѣ пріобрѣтеннаго ранѣе матеріала и на изданіи II тома «Извѣстій», который на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ. Въ него входятъ 6 статей, отчетъ Института за 1896 г. и Хроника.

Относительно новостей, занимающихъ Институтъ въ настоящее время, можемъ сообщить слѣдующее. Во первыхъ открытъ интересный отрывокъ части сочиненія Константина Порфиророднаго de Cerimoniis въ новомъ спискѣ, во-вторыхъ найдена весьма интересная надпись на колоннѣ, опредѣляющая границы Византійскаго и Болгарскаго Государства при императорѣ Львѣ Мудромъ и царѣ Симеонѣ.

23-го ноября состоялось засѣданіе Института, въ которомъ выслушаны были слѣдующія два сообщенія:

Ѳ. И. Успенскій говорилъ на тему «Древній Константинополь и его обитатели». Содержаніе сообщенія состоитъ въ слѣдующемъ. Въ древнемъ Константинополѣ административная, судебная и полицейская власть сосредоточивалась въ рукахъ епарха города, который считался первой особой послѣ царя и на котораго переходила вся полнота власти въ случаѣ отсутствія царя изъ города. Разсмотрѣніе административныхъ, судебныхъ и полицейскихъ правъ епарха города даетъ ключъ къ ознакомленію съ политическими правами гражданскаго населенія столицы. Ораторъ указалъ, что извѣстные четыре *дима* подчинены были епарху и отъ него же зависѣли и городскія торговыя и промышленныя ассоціаціи или цехи, при чемъ дана была характеристика организаціи этихъ послѣднихъ. Затѣмъ выяснялась судебная власть епарха и указывались подчиненныя ему судебныя учрежденія. Дѣла политическія, проступки по нарушенію

общественнаго спокойствія относились спеціально къ вѣдомству епарха. Наконецъ, опредѣлялось значеніе *табели о рангахъ* въ de Cerimoniis Константина Порфиророднаго для выясненія государственнаго устройства Византіи.

О. Вульфъ говорилъ на тему «Новыя изслѣдованія о св. Софіи». Сообщеніе имѣло цѣлью ознакомить аудиторію съ главными результатами вышедшихъ въ свѣтъ новѣйшихъ изслѣдованій о св. Софіи: Lethaby and Swainson, The church of S. Sophia и проф. Д. Бѣляева Byzantina III. Статья О. Вульфа по этому предмету помѣщена въ настоящей книжкѣ «Виз. Временника».

Геор. П. Беглери.

Сообщеніе въ Имп. Русскомъ Археологическомъ Обществѣ. Въ засѣданіи 12 января 1898 г. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе: «Новая редакція (въ отрывкѣ) сочиненія Константина Порфиророднаго «De cerimoniis».

Сочиненіе Константина Порфиророднаго «De cerimoniis» сохранилось лишь въ одномъ спискѣ XI в., принадлежавшемъ Уффенбаху и перешедшемъ въ Лейпцигскую Городскую Библіотеку. Списокъ хорошъ, но имѣетъ дефекты, вслѣдствіе которыхъ въ текстѣ является путаница. Въ кн. II гл. 52 сочиненія Константина помѣщается табель о рангахъ. Это перечень чиновъ и должностныхъ лицъ, удостоиваемыхъ приглашенія къ царскому столу, составленный главнымъ стольникомъ при царѣ Львѣ Мудромъ, протоспаѳаріемъ и прототриклиномъ Филоѳеемъ (въ 900 г.). Въ табели названо около 250 разныхъ чиновъ и должностей.

Ѳ. И. Успенскій указалъ на то, что эта табель о рангахъ, кромѣ упомянутаго списка Лейпцигской библіотеки, сохранилась еще въ рукописи Іерусалимской Патріаршей Библіотеки (по каталогу Пападопуло-Керамевса, т. I, стр. 115, рукопись № 39). Въ этой рукописи сохранился списокъ именно той части сочиненія «De Cerimoniis», которую представляетъ собою табель о рангахъ; это новый списокъ 10 страницъ этого сочиненія по Боннскому изданію (fol. 181 v.—183 v. и 192 r.—194 рукописи = p. 726—736 ed. Bonn.). Списокъ представляетъ значительныя разночтенія въ сравненіи съ первымъ спискомъ.

На fol. 194 r.—195 v. той же рукописи Іерусалимской Патріаршей Библіотеки помѣщается: Τακτικὸν ἐν ἐπιτόμῳ γενόμενον ἐπὶ Μιχαὴλ τοῦ φιλοχρίστου δεσπότου καὶ Θεοδώρας τῆς ὀρθοδοξοτάτης καὶ ἁγίας αὐτοῦ μητρός. Это новый списокъ IX в., въ которомъ перечисляется 215 византійскихъ чиновъ и должностей. Разночтенія отъ первоначальнаго списка Лейпцигской Библіотеки и отъ вышеприведеннаго списка той же рукописи Іерусалимской Патріаршей Библіотеки довольно значительны.

Въ заключеніе своего реферата Ѳ. И. Успенскій говорилъ о значеніи должности епарха Константинополя и о подчиненныхъ ему димахъ и городскихъ цехахъ.

Двѣнадцатый интернаціональный конгрессъ оріенталистовъ. На послѣднемъ конгрессѣ оріенталистовъ въ сентябрѣ 1897 года въ Парижѣ было объявлено, что слѣдующій конгрессъ соберется въ Римѣ. Въ субботу 23 октября совѣтъ Азіятскаго Итальянскаго Общества собрался во Флоренціи, гдѣ и было рѣшено, что конгрессъ будетъ имѣть мѣсто въ Римѣ въ 1899 году. Его Величество король Италіи согласился принять конгрессъ подъ свое покровительство.

Бюро конгресса будетъ состоять изъ слѣдующихъ лицъ:

Президентъ, профессоръ графъ Angelo de Gubernatis, почетный президентъ Итальянскаго Азіятскаго Общества; вице-президенты: профессоръ Fausto Lasinio, президентъ Итальянскаго Азіятскаго Общества; профессоръ Celestino Schiaparelli; общій секретарь, профессоръ графъ Francesco Lorenzo Pullé, вице-президентъ Итальянскаго Азіятскаго Общества.

Имена членовъ организаціоннаго комитета:

Секція I: Арійскіе языки и литературы, — a. Индо-иранская группа: профессора E. Teza, M. Kerbaker, P. E. Pavolini, J. Pizzi, J. de Vincentíis, Tagliabue, G. Donati; — b. Лингвистика: профессора Fumi, Ceci, Scerbo, Lattes, Pezzi, Parodi, Ettore Pais и Milani.

Секція II: семитическіе языки и литературы.—a. Еврейско-сирійская группа: профессоръ D. Castelli, аббатъ Perreau, профессоръ A. Ceriani, докторъ S. Minocchi, профессоръ F. Scerbo; — b. Арабская: профессора C. Schiaparelli, L. Buonazia, C. A. Nallino;—c. Ассиріологія: профессоръ Bruto Teloni;—d. Финикійскій языкъ и археологія: профессора Astorre Pellegrini, B. Lagumina.

Секція III: Языки и литературы восточной и центральной Азіи: профессора A. Severini, Puini, Nocentini, E. Teza, Bonelli.

Секція IV: Египтологія и африканскіе языки.—a. Древній Египетъ: профессоръ E. Schiaparelli, Orazio Marucchi, P. C. De Cara, S. J.;—b. Африканскіе языки: G. Beltrame, профессоръ G. de Gregorio, докторъ C. Conti Rossini, профессора Colizza и Gallina.

Секція V: Греція и Востокъ.—Князь Odescalchi, профессора Comparetti, Vitelli, Puntoni, Festa, Halbherr, E. Piccolomini и Giulio Beloch.

Секція VI: Географія и этнографія Востока.—Графъ de Sermoneta профессора Mantegazza, Marinelli, dalla Vedova, Sergi.

Секція VII: Исторія религій и фольклоръ Востока.—Профессора Puini, Castelli, Chiappelli, Vignoli, докторъ S. Minocchi.

Надѣются, что почетнымъ предсѣдателемъ конгресса будетъ сенаторъ Graziadio Ascoli.

(См. Journal Asiatique, IX série, Tome X. Novembre—Décembre, 1897 p. 544—546).

А. Васильевъ.

Новое изданіе памятниковъ византійскаго искусства. Ernest Leroux приступаетъ къ изданію Monuments de l'art byzantin, о чемъ было упомянуто въ Византійскомъ Временникѣ въ отчетѣ объ одиннадцатомъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ (Т. IV, вып. 3—4, стр. 762). Это изданіе будетъ представлять изъ себя Collection de volumes in-4°, illustrée d'un grand nombre de dessins et de planches. I. Le Monastère de Daphni. Histoire, Architecture, Mosaïques, par M. *Gabriel Millet* (печатается) 25 фр. II. Le Monastère de Saint-Luc en Phocide, par M. *Ch. Diehl*, professeur à la Faculté des lettres de Nancy. (En préparation.) III. Les Mosaïques de Kahrié Djami, par M. *Ch. Diehl.* IV. Mistra, Histoire, Architecture et Peinture, par M. *Gabriel Millet.* V. Les Eglises du Péloponnèse, par M. *Laurent.* VI. Les Peintures du Mont Athos, par M. *Gabriel Millet.*

А. Васильевъ.

Византійскія надписи изъ Кади-кёй. Въ К-польской газетѣ Moniteur Oriental напечатана пространная замѣтка Г. П. Беглери по поводу археологическихъ открытій въ Кады-кёѣ (Халкидонѣ) и его окрестностяхъ, описанныхъ членомъ католической миссіи въ Кады-кёѣ о. Germer-Durand'омъ, извѣстнымъ своими усердными археологическими работами въ Палестинѣ. Къ сожалѣнію статьи Germer-Durand'a, напечатанной въ той же газетѣ 27 іюля 97 г. и во французскомъ журналѣ «Cosmos» редакція «Виз. Врем.» не имѣетъ. Одна надпись VII—VIII в. Ἐνθάδε κατάκειται ὁ τῆς μακαρίας μνήμης Τρόφιμος вызываетъ замѣчаніе Г. Беглери, что она найдена именно на мѣстѣ мученія св. Трофима, Халкидонскаго мученика, упоминаемаго у Morcelli (Calendarium Eccl. Constantinop.) I, p. 190, хотя намъ кажется, что далеко не всякій «блаженной памяти» можетъ считаться святымъ или блаженнымъ.

Другая надгробная надпись XI в., происходящая съ полуострова Іерея (Фанараки, Каламисси): Ἐνθάδε κατάκειται Ἰωάννης πιστὸς υἱὸς Στεφάνου ὑποκείμενος τοῦ θείου παλατίου τῶν διαιταρίων—дала поводъ Г. Беглери къ пространному разсужденію о «діэтаріяхъ». Справедливо признавъ ошибочность пониманія надписи этой Germer-Durand'омъ, который нашелъ въ ней указаніе на неизвѣстный дотолѣ «дворецъ діэтаріевъ», Г. Беглери основательно считаетъ этотъ родительный падежъ родительнымъ раздѣлительнымъ (gen. diaereticus), относящимся къ слову «ὑποκείμενος», а не къ «θείου παλατίου». Въ дворцѣ же этомъ г. Беглери видитъ, исходя изъ мѣста находки надписи, извѣстный, построенный Юстиніаномъ дворецъ Іерея. Терминъ διαιτάριος Germer-Durand объяснялъ, какъ «un officier de la bouche du prince», г. Беглери же пространно доказываетъ цитатами изъ различныхъ византійскихъ писателей, особенно же конечно Константина Багрянороднаго, что имя діэтаріевъ носила дворцовая стража; напрасно только приводитъ онъ многія цитаты по латинскому переводу, которому особенно довѣряться, какъ извѣстно, нельзя. Въ заключеніе г. Беглери сообщаетъ, что античный саркофагъ съ надписью XII или

XIII в. съ именемъ «Maras ipovoleus [ὑποβολεύς?] de la Grande Eglise», находящійся въ саду при станціи ж. д. Гайдаръ-Паша, перевезенъ туда изъ Никомидіи.

С.

Къ сказаніямъ о св. Убрусѣ. Въ «Commentationes Philologicae», Сборникѣ статей учениковъ и слушателей проф. И. В. Помяловскаго. Спб. 1897 стр. 214—219 мною издано «Слово X вѣка о томъ, какъ чтился образъ Спаса на Убрусѣ въ Эдессѣ» по рк. Парижской Національной Библіотеки. Къ сожалѣнію мой списокъ—ошибоченъ, а потому я считаю долгомъ сообщить здѣсь нижеслѣдующія поправки, любезно сообщенныя мнѣ А. А. Васильевымъ, сличившимъ по моей просьбѣ изданный мною текстъ съ рукописью.

Парижская рк. оказывается почти согласной съ вѣнскою и шесть изъ указанныхъ мной разночтеній происходятъ лишь отъ ошибочности моей копіи—по этому въ началѣ текста слѣдуетъ читать согласно съ вѣнскою рк. αἰτήσαντος, διακονησάντων, βίβλοις, μεγίστων, θεοπνεύστως (стр. 214 и 215) и выпустить τὸ (214 послѣдняя строка). Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ исправить μιμὴ (216 стр. 5) въ τιμὴ, εἰσιέναι τι (216 стр. 2 снизу) въ εἰσιέναι τε, ψυχᾶς (217 стр. 4) въ ψυχῆς, χειλέων (218 стр. 6) въ χείλεσιν, и дополнить пропуски словъ καὶ φρικωδεστέραν τὴν послѣ слова φοβερωτέραν (218 стр. 8) и κατὰ передъ πάντων (218 стр. 11) и вмѣсто προχαττομένη (219 стр. 9) читать προχαραττομένη· Въ заключеніи согласно съ С. слѣдуетъ вычеркнуть τοῦ передъ Χριστοῦ (219 стр. 16) и исправить τὸν αἰῶνα въ τοὺς αἰῶνας (219, послѣдняя строка); наконецъ написаніе парижской рк. εἰ δόξα (219 стр. 2 снизу) должно быть понимаемо,—какъ пишетъ мнѣ А. А. Васильевъ,—какъ ἡ δόξα.

Къ числу сказаній объ Эдесскомъ образѣ, указаннымъ мною въ прим. 1, слѣдовало бы прибавить еще одно армянское изданное проф. Н. Я. Марромъ въ «Сборникѣ Статей учениковъ проф. В. Р. Розена». Спб. 1897 стр. 82 сл. и носящее заглавіе: «Сочиненіе владыки Іоанна Златоустаго о нешвенномъ хитонѣ, свыше сошедшемъ, и исторія Авгаря, царя Армянъ». Это сказаніе приписанное Іоанну Златоустому, конечно, безо всякаго основанія, имѣется въ рк. 1439 года и восходитъ къ сирійскому источнику, вѣроятно болѣе древнему чѣмъ XII—XIII в. (см. Н. Я. Марра. l. с. стр. 81 и 96).

Относительно Нерукотвореннаго Образа сказаніе это излагаетъ лишь исторію происхожденія его и принесенія къ Авгарю: чудесному отпечатлѣнію образа на льняномъ полотенцѣ предшествовала неудачная попытка, упоминаемая и въ другихъ сказаніяхъ, нарисовать образъ «красками на бумагѣ», но въ армянскомъ сказаніи попытку эту дѣлаютъ не посланцы Авгаря, а, повидимому, апостолы: «Онъ приказалъ ученикамъ: «рисуйте подобіе Моего образа» (l. с. стр. 89). Эта особенность сказанія напоминаетъ многія сказанія, явившіяся въ эпоху иконоборства, гдѣ апостолы являются также въ роли иконописцевъ, дабы доказать «апостоль-

ское» происхожденіе иконъ и ихъ почитанія, а потому къ той-же эпохѣ могутъ восходить и источники этого сказанія.

Двѣ другія подробности въ немъ явно свидѣтельствуютъ объ эдесскомъ происхожденіи сказанія или его источниковъ. Авгарь поклонившись св. Убрусу «выкопалъ колодезь, омылъ свое тѣло, затѣмъ облобызалъ образъ Спасителя и исцѣлился самъ и многіе другіе съ нимъ» (стр. 90).

Это омовеніе водою изъ того самаго, очевидно, колодца, который и вырылъ Авгарь, напоминаетъ цѣлебную воду въ изданномъ нами словѣ (l. c. стр. 217), колодезь же, очевидно,— тотъ самый, который и понынѣ показываютъ близь Эдессы (см. наше прим. 10 и упоминаніе, очевидно, о немъ же у Buckingham'a: Travels in Mesopotamia. London. 1827. т. I, стр. 131, который посѣтилъ Орфу въ 1816 году).

«Послѣ этого — продолжаетъ армянское сказаніе стр. 90,— онъ (Авгарь) построилъ церковь и съ великою честью помѣстилъ божественный образъ въ ней на святую трапезу: многіе приходили, увѣровали и поклонялись». Эта подробность, столь характерно отличающаяся, какъ отъ показанія «Ученія Аддая» (см. мое прим. 2) о помѣщеніи Авгаремъ образа «съ великою честью въ одномъ изъ дворцевыхъ зданій», такъ и отъ греческихъ сказаній о томъ, что Убрусъ поставленъ былъ надъ воротами Эдессы,— ясно указываетъ на то, что, во время написанія армянскаго сказанія или его сирійскаго оригинала, св. Убрусъ хранился въ древней церкви Эдессы въ алтарѣ на престолѣ. Это было, очевидно, ранѣе X-го вѣка, когда, по свидѣтельству изданнаго нами слова, св. Убрусъ хранился обыкновенно въ ризницѣ и изрѣдка лишь выставляемъ былъ для поклоненія въ алтарѣ, но не на престолѣ, а позади его на особомъ высокомъ столѣ: отсюда опять можно заключить о бо́льшей древности армянскаго сказанія или его источника, нежели греческихъ «сказанія» и «слова», написанныхъ около 945 года. Но съ какого именно времени св. Убрусъ стали хранить въ ризницѣ, намъ неизвѣстно: имѣется указаніе лишь на перенесеніе его въ баптистерій, возобновленный въ концѣ VII-го вѣка нѣкіимъ богатымъ эдессяниномъ Аѳанасіемъ (см. Duval'я Journal Asiatique XIX стр. 78), причиной этого перемѣщенія святыни можно предполагать землетрясеніе 679 года, разрушившее «старую» церковь (см. наше прим. 7). Необходимости отодвигать возникновеніе армянскаго сказанія ко времени ранѣе этого перенесенія однако нѣтъ, такъ какъ св. Убрусъ и послѣ этого могъ нѣкоторое время снова храниться на престолѣ въ старой, возобновленной, церкви.

Во всякомъ случаѣ источникъ армянскаго сказанія надо искать въ Эдессѣ ранѣе X-го вѣка, такъ какъ едва ли можно предполагать, чтобы одну изъ двухъ копій, оставшихся въ Эдессѣ послѣ уноса св. Убруса въ Константинополь, эдессяне могли считать подлиннымъ Убрусомъ.

Я. И. С.

† **L. de Mas-Latrie.** 3 января 1897 года въ Парижѣ умеръ одинъ изъ старѣйшихъ ученыхъ нашего времени Louis de Mas-Latrie. Онъ родился въ Castelnaudary 9 августа 1815 года и на протяженіи всей своей восмидесяти двухлѣтней жизни оставался неутомимымъ работникомъ преимущественно въ наиболѣе имъ любимой области исторіи Латинскаго Востока. Кипръ, латинскія княжества въ Мореѣ, въ Архипелагѣ и Святой Землѣ были тѣ страны, около которыхъ вращались изслѣдованія Мас-Латри. На долю этого ученаго выпалъ счастливый, рѣдкій удѣлъ до самого момента своей смерти находиться въ полной силѣ духа и тѣла; въ послѣдніе годы, какъ и раньше, друзья его находили въ немъ ту же бодрость, туже любовь къ работѣ и выносливость, прежній умъ, прежнее увлеченіе въ бесѣдахъ. Послѣ его смерти оказалось, что онъ имѣлъ еще въ виду очень важныя работы.

Первые труды Мас-Латри появились въ его очень молодые годы. Двадцати двухъ лѣтъ въ 1837 году онъ издалъ Chronologie des papes et des conciles, которая въ 1841 году вышла уже вторымъ изданіемъ. Работы Мас-Латри обратили скоро на него вниманіе, и въ 1838 году, въ бытность его еще ученикомъ Ecole des Chartes, Министръ Народнаго Просвѣщенія далъ ему порученіе изслѣдовать архивы l'Aude, la Haute-Garonne, les Bouches-du-Rhône и Vaucluse; эта первая ученая миссія повлекла за собою другія въ 1839 и 1842 годахъ, когда Мас-Латри занимался собираніемъ документовъ, относящихся къ сношеніямъ южной Франціи съ сѣверной Африкой въ средніе вѣка.

Первымъ выдающимся трудомъ Мас-Латри былъ рукописный мемуаръ объ Исторіи Кипра подъ владычествомъ Лузиньяновъ, за который онъ получилъ премію отъ Академіи Надписей. Эта работа собственно и дала направленіе всей его послѣдующей ученой дѣятельности, которая съ этихъ поръ была направлена почти исключительно на исторію Латинскаго Востока.

Въ то время когда Франція думала, что «Histoire des Croisades» Мишо (Michaud) представляетъ изъ себя послѣднее слово науки, Мас-Латри далеко не былъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и, видя въ ней только описательное, неполное, а иногда даже невѣрное изображеніе событій, пришелъ къ тому убѣжденію, что истинаго смысла событій нужно искать въ дипломатическихъ документахъ. Съ этой цѣлью онъ занялся изслѣдованіемъ архивовъ приморскихъ городовъ южной Европы, исторія которыхъ въ средніе вѣка была такъ тѣсно связана съ христіанскимъ Востокомъ. Ватиканскіе архивы въ то время еще не были доступны наукѣ. Желая на мѣстѣ ознакомиться съ тѣми странами, исторіей которыхъ Мас-Латри занимался, ученый предпринялъ путешествіе, посѣтилъ Константинополь, Смирну, островъ Родосъ, берега Сиріи и Палестины, нижній Египетъ и островъ Кипръ, на которомъ онъ оставался около года (1844—1845).

По возвращеніи во Францію его отчеты Министру, разсказы, напеча-

танные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, о его путешествіи, открытіяхъ возбудили всеобщій интересъ.

Наконецъ, послѣ новыхъ разысканій въ архивахъ Италіи, Испаніи и Мальты Мас-Латри въ 1852 и 1855 годахъ издалъ II и III томы своей Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, въ которыхъ заключались различные документы, касающіеся исторіи Кипра; первый же томъ, излагающій событія до 1291 года, появился въ 1861 году. Въ 1862 году къ этому труду была приложена карта съ объяснительной запиской, которая и до сихъ поръ еще служитъ лучшимъ топографическимъ перечнемъ для Кипра. Живѣйшимъ желаніемъ автора было довести исторію острова до конца; для этой цѣли онъ даже издалъ двѣ новыхъ серіи документовъ, обнимающихъ періодъ отъ XIII по XVI вѣкъ. Но Мас-Латри не суждено было выполнить своего намѣренія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1860 году онъ написалъ Essai de classification des continuateurs de Guillaume de Tyr, который былъ перепечатанъ въ 1871 году въ его изданіи Chronique d'Ernoul et de Bernard le Trésorier, продолжателей Вильгельма Тирскаго.

Трудно перечислить всѣ многочисленныя работы этого неутомимаго ученаго (о нихъ см. Revue de L'Orient Latin IV, 1896, p. 468—469). Его появившійся въ 1889 году Trésor de chronologie, d'histoire et de géographie представляетъ изъ себя удивительный образецъ трудолюбія и знанія и надолго останется необходимой справочной книгой для ученыхъ различныхъ областей. Въ послѣднее время Мас-Латри особенно много работалъ въ извѣстномъ изданіи Recueil des historiens des croisades, гдѣ онъ впрочемъ былъ однимъ изъ первыхъ сотрудниковъ, работая еще въ 1841—43 годахъ вмѣстѣ съ Beugnot надъ изданіемъ Іерусалимскихъ Ассизовъ. Не смотря на свой преклонный возрастъ Мас-Латри принималъ дѣятельное участіе въ недавно основанномъ Revue de l'Orient Latin.

Историческая наука, сожалѣя о постигшей ее утратѣ, будетъ помнить, что Мас-Латри далъ ей все, что могъ; его имя не умретъ въ лѣтописяхъ историческаго знанія.

А. Васильевъ.

† **Carlo Castellani.** 7 октября 1897 года умеръ въ Венеціи профессоръ Карлъ Кастеллани, директоръ библіотеки св. Марка. Родившись въ Римѣ 27 іюля 1822 года, онъ получилъ тамъ свое образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго Padre Rezzi. Въ 1848 году онъ принималъ участіе въ римской революціи и въ защитѣ города противъ французовъ, вслѣдствіе чего принужденъ былъ покинуть Римъ и переселиться въ Лондонъ. По возвращеніи въ Италію Кастеллани въ 1864 году былъ назначенъ въ одинъ изъ лицеевъ профессоромъ латинской и греческой литературъ. Въ 1870 году правительство назначило его для управленія библіотекой Виктора Эммануила въ Римѣ. Съ 1885 года Кастеллани стоялъ во главѣ библіотеки св. Марка въ Венеціи.

Въ свои молодые годы онъ издавалъ итальянскіе переводы различныхъ произведеній латинской и греческой литературы и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько важныхъ библіографическихъ трудовъ. Византійской литературой онъ сталъ заниматься только въ Венеціи; изъ его небольшихъ, но важныхъ трудовъ мы отмѣтимъ: 1) Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Teodora Comnena e Giovanni Contostefano (греческій текстъ изъ Cod. Marc. Append. Cl. XI 22 съ итальянскимъ переводомъ и комментаріемъ). Венеція 1888. 2) Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Giovanni Comneno e... Taronita (греческій текстъ съ итальянскимъ переводомъ и комментаріемъ). Венеція 1890. 3) La Novella di Ruggiero I Re di Sicilia e di Puglia sulle successioni, въ «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti», Serie VII, tomo 6 (1894—1895) p. 345—351 (исправленное новое изданіе греческаго текста по Cod. Marc. 172). 4) Pacomio Rusano, grammatico greco del sec. XVI, e i manoscritti autografi delle sue opere, въ «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze lettere ed arti», Serie VII, tomo 6 (1894—1895) p. 903—910» (См. Византійскій Временникъ, т. III (1896), стр. 201). 5) Къ сожалѣнію большой задуманный Кастеллани трудъ, касающійся греко-византійской литературы, не могъ быть имъ доведенъ до конца; это его подробный каталогъ греческихъ рукописей, которыя поступили въ библіотеку Марка съ 1740 года. До сихъ поръ появился лишь первый томъ: Catalogus codicum graecorum qui in bibliothecam S. Marci Venetiarum inde ab anno MDCCXL ad haec usque tempora inlati sunt. Venetiis 1895.

Кромѣ византійской литературы Кастеллани посвящалъ свои занятія исторіи гуманизма въ Италіи и судьбамъ библіотеки св. Марка. Сюда относятся слѣдующіе его труды: 1) Angelo Poliziano ristauratore degli studi classici, Carrara 1868. 2) Pietro Bembo, bibliotecario della libreria di S. Marco in Venezia (1530—1543) въ «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti», Serie VII, tomo 7 (1895—1896) p. 862—898. 3) Il prestito dei codici manoscritti della biblioteca di S. Marco in Venezia nei suoi primi tempi e le conseguenti perdite dei codici stessi, въ «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti», Serie VII, tomo 8 (1896—1897) p. 311—377 (См. Византійскій Временникъ, т. IV, 1897, стр. 722—723).—См. Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. 1, S. 263—264.

А. Васильевъ.

† **Діонисій Θеріаносъ.** Въ Тріестѣ 3/(15) марта 1897 г. скончался на 63-ьемъ году жизни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей современнаго эллинства Діонисій Θеріаносъ (Θεριανός): уроженецъ Закинθа, ученикъ по гимназіи въ Корфу Іо. Икономида, постоянный (съ 1850 г.) житель Тріеста и австрійскій подданный, служилъ онъ въ страховомъ обществѣ и, не принимая никакого личнаго участія въ шумной политической жизни Греціи, онъ лишь, какъ публицистъ, дѣйствовалъ по мѣрѣ силъ на общественное мнѣніе эллинства, и, какъ ученый, всю жизнь

свою посвятилъ всестороннему изученію прошедшаго и настоящаго своего народа. Хотя Θеріаносъ и не прошелъ университетскаго курса и могъ быть называемъ самоучкою, но его обширныя и разностороннія знанія и критическое отношеніе къ явленіямъ прошлаго и настоящаго не только въ литературныхъ и научныхъ трудахъ приводили его къ строгимъ научнымъ выводамъ, но, что гораздо труднѣе, дали ему ясный и твердый взглядъ и на современныя ему событія и на самый характеръ Грековъ.

Во множествѣ газетныхъ статей откровенно обличалъ онъ недостатки современнаго эллинства: чрезмѣрное самомнѣніе, дилетантство во всѣхъ областяхъ, пролазничество бездарностей, погоню за личными интересами депутатовъ и близорукое политиканство,—которые и привели Элладу на край гибели, вызвавъ столь неудачное вмѣшательство великихъ державъ. Въ предсмертной агоніи Θеріаносъ говорилъ объ этихъ печальныхъ событіяхъ прошлаго года и послѣдними словами его, обращенными къ товарищу были: «Что дѣлать? Державы не хотятъ! Ждалъ ли ты этого отъ Россіи?».

Въ своей публицистической дѣятельности Θеріаносъ стоялъ во внутренней политикѣ Эллады за укрѣпленіе консервативныхъ идей, за усиленіе королевской власти, за борьбу съ охлократическими тенденціями, а во внѣшней за скрѣпленіе и объединеніе національныхъ силъ всего эллинства и за братское единомысліе и согласныя дѣйствія съ другими порабощенными народностями Анатоліи. Такое направленіе находило себѣ, конечно, рѣзкое противорѣчіе въ большинствѣ аѳинскихъ газетъ, но искренность и продуманность убѣжденій покойнаго устраняли обычныя въ подобныхъ случаяхъ подозрѣнія.

Консерваторомъ былъ Θеріаносъ и по отношенію къ языку: онъ упорно отстаивалъ «чистоту» литературнаго языка отъ вліянія народной рѣчи и писалъ на этомъ искусственномъ, якобы древнемъ языкѣ, умѣя, какъ филологъ, и на немъ выражаться съ легкостью и живостью.

Рѣдкая въ журналистахъ,—и не только греческихъ,—начитанность и любовь къ научному обсужденію всѣхъ усвоенныхъ фактовъ исторіи и жизни греческаго народа имѣли результатомъ множество, по большей части анонимныхъ, статей и замѣтокъ по различнымъ вопросамъ греческой филологіи, литературы, искусства, языка, исторіи и этнографіи, изъ которыхъ иныя основанныя на тщательныхъ изысканіяхъ и по характеру и по объему являются научными изслѣдованіями напр. «περὶ τοῦ πολιτικοῦ καὶ ἐθνικοῦ βίου τῶν Ἑλλήνων», «ἡ φυσιογνωμία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους». Знаніе языковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго, давало ему возможность во множествѣ рецензій знакомить своихъ соплеменниковъ съ иностранными книгами, касавшимися эллинства. Эти многочисленныя мелкія и крупныя статьи разсѣяны въ издававшихся въ Тріестѣ греческихъ газетахъ Ἡμέρα, въ которой Θеріаносъ работалъ съ 1855 г., Κλειώ, которую издавалъ онъ вмѣстѣ съ Λιβαδᾶ, считаемымъ лучшимъ новогреческимъ стилистомъ, съ 1860 до 1883 г., и Νέα Ἡμέρα, дѣятельнымъ

сотрудникомъ которой былъ онъ съ самаго основанія ея въ 1883 г. до своей смерти. Наряду съ этими газетными статьями, а отчасти и изъ нихъ, Ѳеріаносъ издалъ рядъ научныхъ книгъ столь же разнообразнаго содержанія, какъ и газетныя статьи его.

Νύξεις περὶ τοῦ Ὁμηρικοῦ ζητήματος 1866 г. доставили ему въ 1869 г. степень доктора философіи Фрейбургскаго университета. Книга его Φιλολογικαὶ ὑποτυπώσεις 1885 г. (ок. 400 стр.) содержитъ, напечатанныя сперва въ Νεα Ἡμέρα, изслѣдованія о политическомъ и литературномъ развитіи древнихъ Грековъ (περὶ τῆς παραλλήλου πολιτικῆς καὶ φιλολογικῆς ἀναπτύξεως τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων), объ исторіи слова и понятія эллинизма отъ древности до нашихъ дней (περὶ τοῦ Ἑλληνισμοῦ κατὰ λεκτικὴν καὶ πραγματικὴν ἔννοιαν) и біографію высокочтимаго имъ учителя Іо. Н. Икономида. Обширная біографія Адамантія Кораи (три тома 1889 — 1890) помимо самой біографіи замѣчательна очеркомъ греческой образованности съ XV до XVIII в., въ которомъ сказались обширныя и разностороннія свѣдѣнія автора, за что она была по достоинству оцѣнена Курціусомъ, Джеббомъ, Христомъ, Вилламовицемъ и Крумбахеромъ. Изслѣдованіе по исторіи древней философіи, Διάγραμμα τῆς στωϊκῆς φιλοσοφίας 1892 г., вызвало предложеніе Ѳеріаносу каѳедры профессора философіи Аѳинскимъ университетомъ, который избралъ его почетнымъ докторомъ.

Смерть помѣшала осуществить два предположенныхъ изслѣдованія изъ двухъ различныхъ эпохъ греческой исторіи: о личности и дѣятельности Ѳемистокла и о сущности иконоборства.

Уже одно крайнее разнообразіе темъ ясно указываетъ на широту интереса покойнаго ко всѣмъ проявленіямъ греческой жизни; познанія его были равно удивительны во всѣхъ областяхъ греческой исторіи, литературы и жизни. Богатую библіотеку свою, образовавшуюся при столь широкихъ штудіяхъ и заключающую около 6000 томовъ и 1500 брошюръ, Ѳеріаносъ завѣщалъ Городской Библіотекѣ Тріеста, а почти все состояніе, около 280,000 франковъ, оставилъ онъ Баварской Академіи Наукъ: проценты съ этого капитала должны идти на преміи за сочиненія и на субсидіи научнымъ предпріятіямъ по изученію исторіи, языка, литературы и искусства Грековъ отъ древности до паденія Византіи, но пользоваться ими могутъ ученые лишь изъ Грековъ и Баварцевъ. Такое завѣщаніе не понравилось, конечно, греческой прессѣ, но оно ясно свидѣтельствуетъ, что главнымъ интересомъ въ жизни для Ѳеріаноса было научное изученіе судебъ греческаго народа. [Karl Krumbacher, Dionysios Therianos въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1897 № 106. Byz. Zeitschr. VI (1897) 472. Νέα Ἡμέρα № 1162, 1897 г. 7/(19) марта; Κωνσταντινούπολις 1897 № 55, марта 10 и № 59 марта 14].

С.

ЧАСТЬ РАВЕННСКАГО ДИПТИХА ВЪ СОБРАНІИ ГРАФА КРАУФ

ПЛАСТИНА ОТЪ ЕГИПЕТСКАГО ТРИПТИХА
ИЗЪ СОБРАНІЯ В. С. ГОЛЕНИЩЕВА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΚΑΙ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ $12^1/_2$ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsstrasse 20, Leipzig.

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἑξῆς βιβλιοπώλαις·

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης-ἐκδότης, Γαλατᾶς.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης-ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = $12^1/_2$ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1898 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΕΜΠΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Γʹ.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ V.

ВЫП. 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. K. L. Ricker, Inselstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою **5** рублей для Россіи и **12½** германскихъ марокъ или **16** франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТДѢЛЪ I.

О времени мозаикъ св. Софіи Солунской.

22 августа 1890 года страшный пожаръ, истребившій значительную часть Солуня, опустошилъ и главную мечеть города, сохранившую по нынѣ прежнее имя Святой Софіи и хорошо извѣстную всѣмъ занимающимся христіанскими древностями Востока. До послѣдняго времени церковь эту считали, хотя и безъ положительныхъ доказательствъ, постройкою Юстиніана и называли, явно ошибочно, копіей св. Софіи Константинопольской. Только знаменитый Zachariä von Lingenthal еще въ 1837 году пришелъ, не приводя впрочемъ тому доказательствъ, къ заключенію о позднѣйшемъ происхожденіи церкви этой[1]), да недавно J. Laurent, на основаніи новыхъ открытій въ св. Софіи, доказывалъ (Byzantinische Zeitschrift. IV. 1895 стр. 431—433) принадлежность церкви этой къ VII вѣку (ок. 645 г.). Въ виду интереса окончательнаго рѣшенія этого хронологическаго вопроса представляются нижеслѣдующія страницы, гдѣ установляется время уцѣлѣвшей мозаичной росписи св. Софіи; вопросъ же о времени сооруженія самого зданія остается открытымъ по неимѣнію авторомъ необходимыхъ для рѣшенія его матеріаловъ.

Въ Августѣ 1895 года я нашелъ величественное зданіе это стоящимъ среди пустыря пожарища, который застраивался уже вновь домами евреевъ, обитателей этого квартала; не только снаружи, но и

1) Къ сожалѣнію книга его Reise in den Orient. Heidelberg. 1840 осталась мнѣ не доступной и я знаю о мнѣніи его лишь изъ компиляціи, иногда очень не внимательной, аѳинскаго профессора Димитцы: Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις etc. etc. ὑπὸ Μαργαρίτου Γ. Δημιτζᾶ, καθηγητοῦ. Ἀθήνησιν. 1896. стр. 414 пр. 3.

внутри видны были страшные слѣды пожара: кровля, окна и двери отсутствовали совершенно; отъ жилищъ, окружавшихъ большой дворъ къ З. отъ мечети, очевидно древній атрій церкви, уцѣлѣли лишь ничтожныя развалины стѣнъ и входныхъ тройныхъ, очевидно византійской еще постройки, воротъ. Внутри зданія, гдѣ, по разсказамъ, загорѣлись пожитки, натащенные въ мечеть обитателями сосѣднихъ кварталовъ, не только всѣ своды почернѣли отъ дыма, но даже потрескались мраморныя колонны, поддерживающія своды на хорахъ; пышная аканоовая листва капителей ихъ пообвалилась, въ помощь утоньшившимся и растрескавшимся стволамъ поставлены были мѣстами деревянныя подпорки; только каменная эстрада для чтецовъ по срединѣ мечети и мимбаръ въ восточной части стояли неповрежденными; на стѣнахъ же и сводахъ штукатурка мѣстами отвалилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ поосыпалась мѣстами и турецкая замазка съ мозаикъ купола и сводовъ вимы (ἁγ. βήματος) и абсиды. Однако жаръ повредилъ и мозаикамъ: съ высокихъ сводовъ время отъ времени падали на полъ тонкія, квадратныя пластинки стекла съ золотыми листиками въ срединѣ, а въ бинокль можно было разсмотрѣть, что всѣ мозаики испещрены теперь свѣтлыми пятнышками, означающими мѣста такихъ попорченныхъ кубиковъ.

Двери и окна нижняго этажа были загорожены досками; а съ хоръ при помощи деревянной лѣстницы, лежавшей тамъ, сторожъ мечети далъ возможность мнѣ и моимъ спутникамъ[1]) подняться на свинцовую кровлю сводовъ и разсматривать мозаики купола изъ самыхъ оконъ его.

Ассигнованная на реставрацію мечети сумма оказалась недостаточной и работы до 1895 г., да, вѣроятно, и до нынѣ, ограничились лишь очисткою зданія отъ мусора сгорѣвшихъ частей его, установкой необходимыхъ подпорокъ, да загражденіемъ досками оконъ и дверей нижняго яруса. Эти работы и, особенно, доступность запустѣлой мечети для любопытства гяуровъ повели къ ряду открытій, которыми значительно дополнились свѣдѣнія, сообщавшіяся ранѣе о св. Софіи многочисленными путешественниками и немногими изслѣдователями солунскихъ древностей.

Арестантами, очищавшими минаретъ, найдена была надгробная

---

1) Благодаря любезному содѣйствію россійскаго генеральнаго консула Н. А. Иларіонова, я имѣлъ возможность осмотрѣть мечети Солуня пользуясь незамѣнимымъ сопутствіемъ И. П. Ковачевича.

надпись солунскаго архіепископа Георгія Куталы († 1336)[1]); въ одномъ изъ зданій на сѣверной сторонѣ двора около св. Софіи оказалась небольшая церковка съ фресками, довольно хорошо сохранившимися подъ опавшей послѣ пожара штукатуркою[2]); къ востоку отъ св. Софіи подъ теперешнимъ уровнемъ почвы открыты были три сводчатыхъ помѣщенія также съ фресками X—XI вѣка по мнѣнію П. Папагеоргіу, но входъ туда я нашелъ уже засыпаннымъ и застроеннымъ новымъ домомъ[3]); важнѣе, чѣмъ эти позднѣйшія пристройки, было изданіе тѣмъ же ревностнымъ солунскимъ археологомъ мозаичныхъ надписей, которыя даютъ возможность установить время исполненія мозаикъ св. Софіи[4]).

Къ сожалѣнію однако Папагеоргіу не издалъ мозаичной надписи между монограммами, извѣстной по неполнымъ копіямъ уже давно, которою, какъ увидимъ ниже, опредѣляется время мозаикъ алтаря св. Софіи.

Правда нѣкоторыя изъ надписей этихъ замѣчаемы были и раньше, но турецкая закраска не позволяла прочесть ихъ вполнѣ; возможностью ясно увидать ихъ П. Папагеоргіу обязанъ былъ изслѣдованію св. Софіи пенсіонеромъ Императорской Академіи Художествъ В. Н.

---

1) См. статью П. N. Παπαγεωργίου, Θεσσαλονίκης πρόσφατον ἀρχαιολογικὸν εὕρημα въ аѳинскомъ иллюстрированномъ журналѣ Ἑστία 1892 № 25, т. I стр. 394—395, и дополненія къ ней А. Пападопуло Керамевса въ Византійскомъ Временникѣ I 1894 стр. 448. Надпись эта переиздана подъ № 697 на стр. 582 въ упомянутой выше компиляціи Димитцы.

2) Въ абсидѣ ея обычная съ XI вѣка композиція Причащенія 12 Апостоловъ двумя Христами; сводовъ этой церкви не сохранилось и нижняя часть ея засыпана; теперешній полъ, дѣлящій ее на два этажа, повидимому позднѣйшаго происхожденія.

3) Планъ и часть фресокъ (фигура архангела близко напоминающая извѣстнаго архангела св. Софіи Константинопольской) этой часовни я видѣлъ въ 1894 г. въ Аѳинахъ у В. Н. Боброва. Объ изображеніи между Христомъ и Богоматерью ктитора, нѣкоего Γεωργίου τ(οῦ. . . .) ιορέμη, упоминаетъ П. Папагеоргіу въ Byzant. Zeitschrift. I. 1892. стр. 483, 485, 486. Димитца повторяетъ надписи и нѣкоторыя подробности о часовнѣ этой (см. l. c. стр. 587—588, а также 583; надписи №№ 698, 699=(!) 704, 705, 706), по статьѣ П. Папагеоргіу, въ иллюстрированномъ журналѣ Ἑστία за 1892 годъ № 27 т. II стр. 13—14: Βυζαντινὸν ὑπόγειον προσκυνητήριον ἐν Θεσσαλονίκῃ, и добавленія его же т. II стр. 94—95. Надѣемся, что рисунки В. Н. Боброва будутъ когда нибудь изданы.

4) Объ «открытіи» ихъ Папагеоргіу сообщилъ сперва въ К—польской газетѣ Νεολόγος 1891 № 6648 и 1892 № 141 (мнѣ недоступной), а затѣмъ издалъ ихъ въ журналѣ Ἑστία за 1893 г. № 40 т. II, стр. 218—219: въ статьѣ Τῆς ἁγίας Σοφίας τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ τρεῖς ἀνέκδοτοι ψηφιδωταὶ ἐπιγραφαί, къ которой послѣ замѣтки Сп. Ламброса (ibidem № 41, II стр. 239) сдѣлалъ еще добавленіе тамъ же № 46 т. II стр. 317—318. См. Византійскій Временникъ I 1894 стр. 449 и Byzantinische Zeitschrift III, 1894, стр. 430. Надписи перепечатаны у Димитцы подъ №№ 700, 701 и 702.

Бобровымъ, который отчистилъ надписи отъ копоти и краски. Результатомъ продолжительныхъ работъ его въ опустошенной пожаромъ, а потому и доступной для тщательнаго изслѣдованія, мечети былъ рядъ архитектурныхъ чертежей, фотографій и эстампажей, которые и были представлены имъ, какъ «отчетъ» въ Академію Художествъ. Что касается до конечныхъ выводовъ изслѣдователя о времени сооруженія самого зданія, поскольку извѣстны они мнѣ изъ бесѣдъ съ В. Н. Бобровымъ въ 1894 г. и краткихъ замѣчаній П. Папагеоргіу, то разбирать ихъ до появленія предполагавшагося подробнаго труда самого изслѣдователя я не считаю умѣстнымъ. Эстампажи съ надписей, начерченныхъ по сырому цементу въ прослойкахъ между кирпичами стѣны одного изъ помѣщеній около купола (юго-западнаго), установятъ, вѣроятно, время постройки св. Софіи или по крайней мѣрѣ этой части ея, когда факсимиле ихъ будутъ изданы и подвергнутся сужденію спеціалистовъ-палеографовъ. Къ сожалѣнію объ изданіи В. Н. Бобровымъ результатовъ его четырехмѣсячныхъ работъ въ св. Софіи Солунской до сихъ поръ ничего не слышно. Чертежи его не были даже пріобрѣтены для архитектурнаго класса Академіи Художествъ, гдѣ собрано уже столько матеріаловъ, — къ сожалѣнію остающихся по большей части неизданными, — по византійской архитектурѣ: по крайней мѣрѣ наши справки тамъ имѣли результатомъ лишь сообщеніе, что все присланное В. Н. Бобровымъ было возвращено ему обратно. Подобная же судьба постигла и результаты изслѣдованія св. Софіи Солунской также послѣ пожара двумя англійскими архитекторами Schultz'емъ и Barnsley'емъ: предполагавшееся обширное изданіе ихъ рисунковъ съ памятниковъ византійской архитектуры въ Греціи не состоялось по недостатку подписчиковъ и результаты ихъ работъ въ св. Софіи остаются намъ неизвѣстными; появившееся же было извѣстіе объ открытіи въ абсидѣ ея посвященія, датированнаго 535 годомъ, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, ничѣмъ не подтвердилось[1]), а потому можно, кажется,

1) См. проспектъ изданія «Byzantine Architecture in Greece», разсылавшійся фирмою Macmillan and C°. Ср. Revue Archéologique 1893, II, стр. 225 (= S. Reinach, Chroniques d'Orient. 2 série. стр. 205) и Byzantinische Zeitschrift. III, 1894, стр. 223. О работахъ ихъ кратко упоминаетъ S. Reinach въ Revue Archéol. 1892. I стр. 105 и II стр. 412 (= Chron. d'Orient. II стр. 41 и 109), гдѣ онъ указываетъ на Report of British School at Athen. 1891. стр. 14 слл. и письмо Schultz'a и Barnsley'a въ журналѣ The Academy 1890 т. II стр. 482, гдѣ они описываютъ дѣйствія пожара въ св. Софіи. Онъ же (Chr. d'Or. 108) сообщаетъ, не указывая ближайшимъ образомъ источника, извѣстіе, что «dans l'abside on a découvert une dédicace datée de 535 après J. C.».

предполагать, что основано на чьемъ либо истолкованіи все тѣхъ же мозаичныхъ надписей, которыя разбираются въ настоящей статьѣ.

Въ ожиданіи опубликованія В. Н. Бобровымъ собранныхъ имъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ мы позволимъ себѣ коснуться лишь вопроса о времени исполненія мозаикъ, украшающихъ св. Софію, для рѣшенія котораго работы В. Н. Боброва, а именно очистка имъ мозаичныхъ надписей, доставили прочныя данныя, отчасти подвергавшіяся уже обсужденію и прежде, но, какъ увидимъ ниже, не всегда правильному.

Мозаичная роспись[1]) церкви уцѣлѣла, какъ извѣстно, въ Софіи Солунской въ куполѣ и на потолкѣ восточной части церкви: въ коробовомъ сводѣ вимы (ἁγ. βήματος) и въ конхѣ абсиды. Къ сожалѣнію до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, единственнымъ изданіемъ ихъ остаются таблицы XL, XLI и XXVI Fig. I въ книгѣ Texier и Pullan'a Byzantine Architecture. London. 1864 г., таблицы, которыя уже съ перваго взгляда поражаютъ своимъ безобразіемъ, а между тѣмъ доселѣ продолжаютъ воспроизводиться въ различныхъ руководствахъ. Снятыя мною въ 1895 году фотографіи не настолько удачны, чтобы быть изданными, а потому остается ожидать, что мозаики Солуня дождутся наконецъ достойнаго ихъ изданія; для промывки и фотографированія мозаикъ св. Софіи надо пользоваться временнымъ ея запустѣніемъ послѣ пожара, такъ какъ, если мечеть эта будетъ реставрирована, то можно опасаться, что и мозаики Софіи Солунской постигнетъ таже участь, какъ и мозаики Софіи Константинопольской, съ тою лишь разницей, что рисунки Тексье и Пуллана еще менѣе могутъ удовлетворять археологовъ, чѣмъ рисунки Зальценберга.

Мозаики св. Софіи Солунской были описаны въ свое время съ

---

1) Подъ турецкою штукатуркой сохранилась мѣстами и древняя фресковая роспись церкви: такъ въ сводѣ надъ средними дверями нартекса на голубомъ фонѣ на сѣверной сторонѣ видно изображеніе Моисея, получающаго скрижали, или Авраама, заколающаго Исаака, а на южной трехъ отроковъ въ пещи. Въ сводѣ перваго (съ Запада) окна южной стѣны нартекса на фонѣ, подражающемъ облицевкѣ пестрыми мраморами, изображенъ кругъ съ золотымъ, украшеннымъ цвѣтными камнями, монограмматическимъ крестомъ ⳩ внутри его на голубомъ же фонѣ. Голубой фонъ фресокъ виденъ и въ одномъ изъ проходовъ изъ нартекса въ церковь. Въ другомъ окнѣ на синемъ же фонѣ изображены двое святыхъ, изъ которыхъ голова одного, сѣдого съ острою бородой и торчащими ушами, напоминаетъ характерные типы V—VI вѣка и позднѣйшихъ имъ подражаній. На В. стѣнѣ внутри церкви подъ куполомъ замѣтны круги, повидимому, съ лицами внутри ихъ. На сѣверной стѣнѣ южной галлереи хоръ—рядъ святыхъ на голубомъ фонѣ, а въ окнахъ хоръ—орнаменты.

достаточною тщательностью Bayet[1]), теперь онѣ стали отчасти виднѣе, отчасти доступнѣе для изученія, но не имѣя возможности дать надлежащаго изданія ихъ, я ограничусь въ настоящей статьѣ лишь разсмотрѣніемъ вопроса о времени ихъ, такъ какъ полное изученіе ихъ требовало бы и очистки ихъ отъ турецкой закраски и разсмотрѣнія болѣе тщательнаго и болѣе продолжительнаго, чѣмъ мое краткое пребываніе въ Солунѣ въ 1895 г.

Такъ какъ мозаики св. Софіи сохранились въ двухъ разныхъ частяхъ зданія: на сводахъ алтаря и въ куполѣ, и такъ какъ въ обѣихъ частяхъ находятся надписи, опредѣляющія время исполненія мозаикъ, то разсматривать ихъ должно отдѣльно, тѣмъ болѣе, что еще Bayet (Recherches p. 92) замѣтилъ между ними разницу въ работѣ, но, будучи убѣжденъ въ принадлежности мозаикъ алтаря къ VI вѣку, ограничился замѣчаніемъ, что мозаика купола не можетъ быть моложе мозаикъ алтаря.

I.

Мозаики алтаря.

Мозаичная роспись на сводахъ сохранилась почти цѣликомъ и ясно видѣть ее препятствуетъ лишь копоть пожара и мѣстами турецкая закраска.

Въ коробовомъ сводѣ вимы по срединѣ вверху на золотомъ фонѣ изображенъ радужный кругъ, внутри котораго на серебряномъ фонѣ видны сквозь новѣйшую закраску части простого равноконечнаго креста, +, золотого съ красной каймой по контуру, безъ обычныхъ цвѣтныхъ камней. Нижнія части коробоваго свода примѣрно до половины высоты его заполнены характернымъ орнаментомъ, общее представленіе о которомъ даетъ XXVI таблица изданія Texier и Pullan'а; но тамъ чередующіяся поля съ крестами и листьями размѣщены ошибочно: въ дѣйствительности они приходятся не во всѣхъ шести рядахъ другъ надъ другомъ, а размѣщены подобно каменной кладкѣ, такъ что надъ срединой каждаго квадрата одного ряда приходится рамка, отдѣляющая другъ отъ друга квадраты слѣдующаго ряда. Ниже этихъ орнаментовъ находится полоса съ монограммами и надписями, о кото-

1) Въ Archives des Missions Scientifiques III серія, III томъ (1876 г.), стр. 521—528. Ср. его же Recherches pour servir à l'histoire de la peinture etc. Paris. 1879, стр. 91 сл.

рыхъ рѣчь будетъ ниже (см. стр. 375 рис. 1, на которомъ схематически передана и система орнаментаціи).

Конха абсиды украшена изображеніемъ Божіей Матери; арка конхи, какъ всегда, нѣсколько ниже и уже коробоваго свода вимы и потому между ними образуется узкая дугообразная полоса наличника, занятаго крупной мозаической надписью; другая надпись идетъ горизонтально по нижнему краю конхи на той же примѣрно высотѣ, какъ и надписи на сѣверной и южной стѣнахъ вимы. Изображеніе Б. М. разбирается теперь съ большимъ трудомъ вслѣдствіе копоти и того, что оно, повидимому, было чѣмъ то заклеено сверху и закрашено. Лица Б. М. и Христа уничтожены вовсе; сохранились однако большой нимбъ Б. М. и меньшій, кресчатый — Христа. Видно, что одежды Б. М. — синія обычнаго на изображеніяхъ Ея покроя, ясно различается нижній край одежды около ногъ; тронъ, на которомъ сидитъ Б. М.,—безъ спинки и стоитъ на обычномъ золотомъ, украшенномъ цвѣтными камнями подножіи. Вдоль нижняго края конхи примѣрно на высотѣ ногъ Б. М. идетъ широкая горизонтальная полоса земли, такъ что вышеупомянутая надпись, на которую я къ сожалѣнію стоя передъ мозаикой не обратилъ надлежащаго вниманія, не можетъ быть, какъ говоритъ Папагеоргіу, прерываема ногами Б. М., такъ какъ она находится, конечно, еще ниже полосы земли [1]). Равнымъ образомъ напрасно Папагеоргіу назвалъ изображеніе это типомъ «Πλατυτέρας λεγομένης Παναγίας», такъ какъ обычныя въ позднѣйшей греческой росписи церквей изображенія Б. М. съ надписаніемъ «ἡ πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν» представляютъ Ее обыкновенно съ воздѣтыми горѣ руками, въ типѣ нашего «Знаменія» [2]).

Тщетно стараясь разсмотрѣть въ деталяхъ фигуру Б. М., я замѣтилъ странное различіе однихъ золотыхъ кубиковъ фона отъ другихъ: нѣкоторые изъ нихъ казались темнѣе прочихъ и самое положеніе ихъ отличалось нѣсколько отъ сосѣднихъ, что естественно было объяснять реставраціей части золотаго фона. Но эти отличные отъ прочихъ кубики образуютъ однако не одно пятно, какъ то было бы при реставраціи осыпавшейся части мозаики, а идутъ двумя одинаково узкими полосами въ стороны отъ фигуры Б. М., немного ниже плечей Ея,

1) См. нѣкоторыя неотмѣченныя мною подробности въ описаніи Bayet l. c. стр. 524—525. Новѣйшій изслѣдователь св. Софіи J. Kurth (Athenische Mittheilungen 1897, стр. 468) говоритъ, что надпись прерывается скамьею подъ ногами Б. М.

2) Didron, Manuel d'iconographie, стр. 428.

причемъ полосы эти съ каждой стороны соединяясь образуютъ одинаковый рисунокъ, сразу напомнившій мнѣ расширяющіяся къ краямъ концы креста весьма обычной и характерной формы, хорошо извѣстной по множеству изображеній на различныхъ памятникахъ. Такой же выступъ, очерченный золотыми кубиками, выдѣляющимися отъ фона, оказался и надъ головою и нимбомъ Божіей Матери, а внизу ниже подножія трона ясно видна пересѣкающая полосу земли, на которой поставленъ тронъ, вертикальная полоса, расширяющаяся книзу двумя вогнутыми боковыми линіями и тождественная съ тонкими основаніями нѣкоторыхъ изъ крестовъ этой формы. Такимъ образомъ во всѣ четыре стороны отъ Б. М. на золотомъ фонѣ конхи видны контуры четырехъ концевъ большого креста съ расширяющимися концами, напоминающаго ближайшимъ образомъ крестъ въ конхѣ св. Ирины въ Константинополѣ[1]). Контуры эти теперь образуются золотыми же кубиками, но отличными нѣсколько отъ кубиковъ прочаго золотаго фона; отличіе это ясно было мнѣ не только въ самой мозаикѣ, но я вижу его и теперь на моихъ фотографіяхъ абсиды, къ сожалѣнію не достаточно удачныхъ, чтобы быть изданными.

Золотое же поле креста внутри этой полоски контура показалось мнѣ сходнымъ съ золотымъ фономъ, такъ что у меня явилось предположеніе, что при замѣнѣ большого креста, украшавшаго прежде конху, обычнымъ изображеніемъ Б. М. мозаичисты, исполнявшіе эту работу, ограничились замѣною золотыми кубиками прежнихъ цвѣтныхъ кубиковъ, служившихъ контуромъ креста, золотые же кубики средины его оставили нетронутыми, почему отъ фона и отличается только контуръ креста, а не всѣ передѣланныя такимъ образомъ концы его сплошь. Средняя же часть креста и прилегающая часть фона были вынуты вовсе и заполнены новымъ изображеніемъ Б. М., обычнымъ на этомъ мѣстѣ въ позднѣйшей византійской схемѣ церковной росписи.

Наблюденіе это можетъ быть провѣрено надписью идущей по низу

1) См. Византійскій Временникъ, II, 1893, табл. II, но здѣсь не было повидимому особыхъ, подобныхъ овальнымъ жемчужинамъ, прибавокъ на расширенныхъ концахъ креста. Подобную приблизительно форму имѣетъ крестъ на сферѣ съ надписью Ἰησοῦ σῶσον Λέοντα (Исавра, Хазара или Армянина?) δέσποτα на одномъ рѣзномъ камнѣ, изданномъ въ книгѣ Palaeographia Critica auctore Vlr. Fr. Kopp. Pars III Mannheimii. 1829, на стр. 265 (Въ C. I. Gr. надпись не переиздана, но ср. № 9100). Ср. также крестъ на сферѣ съ монограммою, въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ I, 1895, рис. на стр. 77.

конхи: Папагеоргіу говоритъ, что она раздѣляется пополамъ ногами Б. М.; такъ какъ основаніе креста значительно ўже основанія трона Б. М., то при замѣченной мною передѣлкѣ средняя часть надписи должна была быть также разобранной, если надпись идетъ на высотѣ ногъ Б. М., если же она идетъ ниже, то она должна была сохраниться вполнѣ, но дѣлитъ ее пополамъ основаніе креста, а не ноги Б. М. Къ сожалѣнію въ бытность мою въ Солунѣ я не обратилъ вниманія на это обстоятельство и не провѣрялъ копіи этой надписи, изданной Папагеоргіу, а потому теперь ожидаю провѣрки своихъ наблюденій со стороны будущихъ изслѣдователей св. Софіи.

Надпись эту, тянущуюся по нижнему краю конхи, списалъ отчасти еще Texier, но весьма ошибочно и прочелъ по этому невѣрно [1]). Правильно, хотя и не вполнѣ, разобрана она была еще въ 1859 году нашимъ изслѣдователемъ христіанскихъ древностей Востока, покойнымъ архим. Антониномъ [2]), который прочелъ и понялъ ее гораздо лучше, чѣмъ Bayet и Duchesne въ 1874 г. [3]); полностію прочелъ и издалъ надпись эту П. Папагеоргіу [4]):

⳩ Κ(ύρι)ε ὁ Θ(εό)ς τῶν π(ατέ)ρων ἡμῶν στερέωσον τὸν οἶκον τοῦτον ἕως τῆς συντελε[. . . . .]τον πρὸς δόξαν σὴν καὶ τοῦ μονογενοῦ(ς) σου υ(ἱο)ῦ καὶ τοῦ παναγίου σου πν(εύματος).

Эта нижняя надпись начинается такою же монограммою ⳩, какъ и надпись, опредѣляющая время мозаикъ, на сѣверной стѣнѣ вимы, а потому, очевидно, современна ей и принадлежитъ къ первоначальной отдѣлкѣ конхи, до замѣны креста Божіей Матерью. Самое содержаніе

---

1) См. копію его въ Byzantine Architecture, стр. 145: † Κύριε ὁ Θεὸς τῶν ὑμετέρων βίων στερέωσον τὸν οἶκόν μου. У Texier и Pullan'а вездѣ ὑμετέρων вм. ἡμετέρων и ὑμῶν вм. ἡμῶν!

2) Въ анонимно изданной имъ въ 1864 году въ Кіевѣ книгѣ «Замѣтки поклонника Святой Горы», стр. 15: «Въ навѣсѣ алтарнаго углубленія по всеобщему обычаю православной церкви изображена сѣдящая на престолѣ Божія Матерь, теперь едва угадываемая подъ слоемъ краски. Внизу сего изображенія по карнизу идетъ ясно различаемая надпись: *Господи Боже отцевъ нашихъ! Утверди домъ сей до скончанія... святаго твоего имени*». Средина надписи сбита, предположительно дополняется словами: *вѣка, во славу*». Греческій текстъ переданъ въ примѣчаніи 4 на той же стр. съ опечатками.

3) Archives des Missions l. c. стр. 525. Въ копіи ихъ эта «inscription liturgique» соединена вмѣстѣ съ историческими надписями на стѣнахъ вимы. Димитца повторяетъ ихъ копію подъ № 719.

4) Ἑστία 1893, II стр. 219 и 317. Димитца переиздалъ ее подъ № 702, не замѣтивъ тождества ея со средней частью № 719 (см. выше). Чтеніе Папагеоргіу исправлено нами по копіи Kurth'а (Ath. Mitth. 1897, стр. 468 и табл. XV, 3).

этой надписи обращенной къ Пресв. Троицѣ лучше подходитъ къ изображенію креста, нежели Б. М. съ Христомъ Младенцемъ[1]).

Другая надпись, идущая по наличнику конхи подъ коробовымъ сводомъ вимы, оставалась вовсе не замѣченною до изданія ея Папагеоргіу[2]): она взята изъ 64 псалма (стихъ 5: πλησθησόμεθα ἐν τοῖς ἀγαθοῖς τοῦ οἴκου σου, ἅγιος ὁ ναός σου, θαυμαστὸς ἐν δικαιοσύνῃ) и, хотя сама по себѣ и не содержитъ ничего, что могло бы служить къ опредѣленію времени мозаики, но можетъ быть привлекаема для рѣшенія вопроса этого въ виду тождества съ одною изъ двухъ мозаичныхъ надписей, помѣщенныхъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ церкви св. Ирины въ Константинополѣ, гдѣ текстъ псалма продолженъ нѣсколько далѣе[3]). Это совпаденіе вмѣстѣ съ указаннымъ выше сходствомъ креста, украшавшаго первоначально конху св. Софіи Солунской, съ крестомъ, изображеннымъ на томъ же мѣстѣ въ св. Иринѣ Цареградской[4]), естественно наводитъ на предположеніе о принадлежности мозаичныхъ росписей алтарей обѣихъ церквей къ одному приблизительно времени. Но какого времени мозаики св. Ирины? Положительнаго отвѣта историческія данныя о церкви св. Ирины не даютъ: извѣстно лишь о томъ, что она пострадала отъ землетрясенія 26 октября 740 года, послѣ чего слѣдуетъ, разумѣется, предполагать реставрацію.

Дм Ѳ. Бѣляевъ склоняется, повидимому, къ мысли о принадлежности сохранившихся мозаикъ св. Ирины ко временамъ иконоборства[5]),

1) Интересную, хотя и довольно отдаленную по времени, аналогію этой надписи представляетъ Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων Діонисія Фурнаграфіота, предписывающая на капителяхъ столбовъ купольной церкви написать: εἰς τὸ πρῶτον· τοῦτον τὸν οἶκον ὁ πατὴρ ᾠκοδόμησεν· εἰς τὸ δεύτερον· τοῦτον τὸν οἶκον ὁ υἱὸς ἐστερέωσεν· εἰς τὸ τρίτον· τοῦτον τὸν οἶκον τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἀνεκαίνισεν· εἰς δὲ τὸ τέταρτον· τριὰς ἁγία δόξα σοι (по аѳинскому изданію 1885 г. § 530, стр. 250).

2) Ἑστία 1893, II, стр. 218 сл.; у Димитцы № 701; у Kurth'a табл. XV. 1.

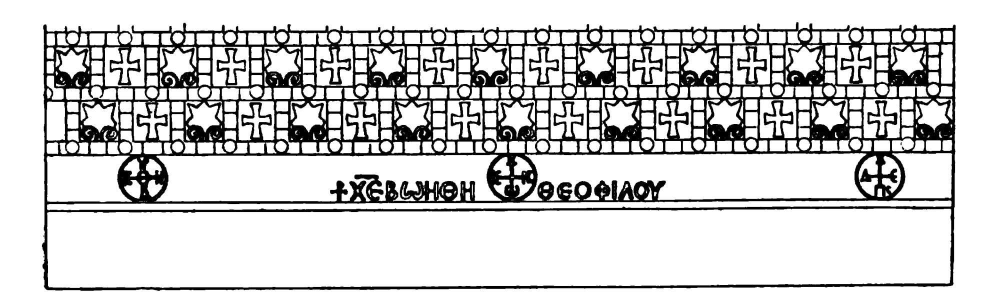
3) См. Византійскій Временникъ I, 1894, стр. 781. Объ открытіи мозаикъ св. Ирины въ 1866 г. см. замѣтку въ журналѣ: Древности. Археологическій Вѣстникъ, изд. Москов. Археол. Общ., т. I, 1867—68 г., стр. 44 (= Die Dioskuren. 1867, № 2).

4) По нижней части конхи тамъ идетъ такая же широкая полоса земли, какъ и въ св. Софіи Солунской.

5) Византійскій Временникъ I, 1894, стр. 783: «Принимая во вниманіе, что послѣдняя передѣлка храма произошла при иконоборческомъ царѣ, можно думать, что никакихъ изображеній или иконъ кромѣ крестовъ тамъ не было сдѣлано при послѣдней реставраціи.... Даже относительно св. Софіи трудно сказать, кому принадлежитъ въ ней мозаичная роспись: Юстиніану или позднѣйшимъ его преемникамъ и какимъ именно. Еще менѣе можно сказать что нибудь о св. Иринѣ, такъ какъ ни остатковъ ея росписи, ни свидѣтельствъ о нихъ средневѣковыхъ писателей у насъ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется и мы пока лишены возможности говорить о ней. Остается

допускавшаго въ церковной росписи изображенія лишь одного креста. Но однихъ такихъ соображеній не достаточно, чтобы относить мозаики алтарей св. Ирины и св. Софіи Солунской ко временамъ иконоборства, такъ какъ и ранѣе на ряду съ фигурными изображеніями въ алтарной конхѣ могъ быть изображенъ одинъ лишь крестъ, хотя бы слѣдуя наставленіямъ св. Нила († ок. 440) «ἐν τῷ ἱερατείῳ μὲν κατὰ ἀνατολὰς τοῦ θειοτάτου τεμένους ἕνα καὶ μόνον τυπῶσαι σταυρὸν, δι' ἑνὸς γὰρ σωτηριώδους σταυροῦ τὸ τῶν ἀνθρώπων διασῴζεται γένος, καὶ τοῖς ἀπελπισμένοις ἐλπὶς πανταχοῦ κηρύσσεται» [1]). Однако сохранившіяся въ абсидахъ церквей V и VI вв. мозаики всѣ представляютъ сложныя историческія или символическія композиціи и если въ нѣкоторыхъ центральное мѣсто въ композиція и занимаетъ крестъ, но около него находятся и фигуры, да и самъ св. Нилъ для украшенія прочихъ частей церкви совѣтовалъ изображенія изъ Св. Исторіи. Въ Святой же Софіи Солунской и своды вимы, какъ видѣли мы выше, заняты лишь орнаментальной, изобилующей крестами, росписью.

Это, являющееся при сравненіи мозаикъ алтаря св. Софіи Солунской съ мозаиками св. Ирины, предположеніе объ исполненіи ихъ во времена иконоборства находитъ себѣ документальное подтвержденіе въ надписяхъ на стѣнахъ вимы, къ разсмотрѣнію которыхъ и пора перейти [2]).



Чертежъ нижней части мозаики на сѣверной стѣнѣ вимы и полоса съ надписью на южной стѣнѣ.

только изображеніе креста, которое одно допускалось иконоборцами для украшенія храмовъ». Ср. Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale von Konstantinopel, стр. 113—115.

1) Migne, т. 79, стр. 578, по А. Павловскому, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, стр. 41, прим. 1. Ср. Айналовъ, Мозаики IV и V вв., стр. 178.

2) Издаваемый здѣсь рисунокъ ихъ нарисованъ мною по моимъ копіямъ съ нихъ,

Надписи эти издавна привлекали вниманіе хронологическимъ значеніемъ ихъ, но, насколько мнѣ извѣстно, полнаго и правильнаго объясненія ихъ до сихъ поръ не дано.

Texier и Pullan, давая рисунокъ лишь начала надписи на сѣверной стѣнѣ (табл. XXVI fig. 1), предлагали совершенно невозможное чтеніе двухъ первыхъ монограммъ [1]), изображенныхъ на ихъ рисункѣ довольно вѣрно.

Съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ я, что архимандритъ Антонинъ [2]) еще въ 1859 г. разобралъ монограммы обѣихъ надписей совершенно правильно; надписи по сторонамъ среднихъ монограммъ видны были тогда плохо и онъ не замѣтилъ имени Θεοφίλου и, разобравъ лишь конецъ слова ταπεινοῦ, возстановилъ его ошибочно именемъ Κωνσταντίνου, т. е. впалъ въ ту же ошибку, какъ позднѣе Bayet.

Къ сожалѣнію арх. Антонинъ, правильно прочтя монограммы и вѣрно понимая значеніе ихъ, какъ хронологическаго опредѣленія лишь мозаикъ вимы, на стѣнахъ которой онѣ находятся, былъ смущенъ титуломъ «деспота» и, отказавшись отъ знаменитой Ирины и сына ея Константина VI, полагалъ болѣе правильнымъ считать монограммы эти именами позднѣйшихъ властителей Солуня XIV вѣка [3]). Но про-

---

причемъ для надписи на сѣверной стѣнѣ помогла мнѣ отчасти и фотографія. Первая монограмма на сѣверной стѣнѣ послѣ пожара осыпалась и нарисована по копіи Bayet; неразобранная мною верхняя часть третьей монограммы южной стѣны оставлена пустою, а средина слова «ταπεινοῦ», которой я не могъ разсмотрѣть въ оригиналѣ, возстановлена по памяти о рисункѣ В. Н. Боброва, причемъ однако я не ручаюсь, было ли тамъ ΤΑΠΕΙΝΟΥ или ΤΑΠΙΝΟV. Копія Kurth'a (Ath. Mitth. 1897, т. XV, 2) даетъ написаніе ΤΑΠΙΝΟV и болѣе полные рисунки монограммъ; см. подробности въ дополненіи къ нашей статьѣ.

1) Byzantine Architecture, стр. 145: первая монограмма = «χύριε θεὸς ὑμετέρων βίων», вторая = χύριε Σωτὴρ ὑμῶν!!

2) Замѣтки Поклонника Святой Горы. Кіевъ. 1864, стр. 15: «..... древняя греческая надпись, сдѣланная черными буквами по золотому полю. На сѣверной сторонѣ различаются три монограммы въ кругахъ, размѣщенныя въ началѣ, срединѣ и концѣ карниза (см. пл. № 4). Нѣсколько ниже ихъ читается надпись: *Христе помоги* (χ̄ε βοήθη .... χωνσταντίνου ἐπισχόπου). Другія три монограммы въ такомъ же порядкѣ размѣщены по карнизу южной стороны, а подъ ними надпись: *Константину епископу*. Послѣднее слово читается весьма хорошо, а первое съ помощію догадки. Монограммы списаны и передаются нами, какъ есть: разборъ же ихъ мы предоставляемъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ людямъ. Думаю, что онѣ могутъ быть прочтены такъ: χύριε βοήθει χωνσταντίνου δεσπότου ..... εἰρήνης δεσπύνης». Къ сожалѣнію указываемаго рисунка при книгѣ не оказывается.

3) *Архим. Антонинъ*, Поѣздка въ Румелію. СПБ. 1879 г. (писано въ 1865 году) стр. 144: «Личностью этою (сыномъ к—польскаго императора Андроника II Старшаго Палеолога, Константиномъ временно управлявшимъ Солунемъ см. l. c. стр. 143) мы болѣе надлежащаго занимаемся потому, что надѣемся отыскать въ ней прочитанное

тивъ столь поздняго времени ясно говорятъ какъ монограммы ⳩ въ началѣ надписей, такъ и самая форма буквъ, которая, насколько мы можемъ о томъ судить, слишкомъ разнится отъ буквъ многочисленныхъ надписей XIII—XIV вѣковъ. Титулъ деспота можетъ быть объясняемъ въ его первоначальномъ общемъ смыслѣ, а не въ позднѣйшемъ значеніи правителя «деспотата» и надписи даютъ много примѣровъ приложенія этого выраженія къ лицу царствующаго императора [1]).

Если бы арх. Антонинъ могъ разобрать имя Θеофила на сѣверной стѣнѣ, то онъ, несомнѣнно, остановился бы на отвергнутомъ имъ единственномъ правильномъ объясненіи именъ Константина и Ирины.

Bayet въ разсужденіи, сопровождаемомъ довольно вѣрными копіями монограммъ и надписей, насколько можно было ихъ разсмотрѣть въ 1874 году [2]), три монограммы надписи на сѣверной стѣнѣ прочелъ безъ колебанія: «Κύριε βοήθει Κωνσταντίνου τοῦ δούλου σου» и ошибка его въ чтеніи послѣдней изъ нихъ объясняется тѣмъ, что ему не удалось разсмотрѣть буквы П на нижнемъ концѣ креста. Первую монограмму на южной стѣнѣ онъ замѣтилъ (стр. 526), но ничего разобрать не могъ, отъ чтенія же двухъ другихъ — отказался. Къ сожалѣнію удачно начавъ чтеніе надписи онъ испортилъ конецъ предположеніемъ, что «les monogrammes devaient être la reproduction à peu près exacte des mots de l'inscription historique écrits en toutes lettres»: исходя изъ этого ошибочнаго предположенія, въ подтвержде-

---

ваніи въ мозаической монограммѣ на алтарной стѣнѣ Солунской св. Софіи имя Константина Деспота и Ирины Деспины. Имена эти конечно самыя общія и частыя въ византійской исторіи и отлично приходятся къ знаменитой Иринѣ, возстановительницѣ иконопочитанія, и ея сыну Константину V (780—802), но приставной титулъ, «δεσπότης» выноситъ какъ бы монограмму въ позднѣйшіе вѣка. Жаль, что у историковъ не встрѣчается имя первой жены солунскаго правителя, дочери Музалона. Можетъ быть она звалась Ириною. Монограммы тѣ не говорятъ, конечно, о времени постройки Софійской церкви, но онѣ могутъ указывать на украшеніе алтарной стѣны мозаикою или на возобновленіе сей послѣдней, сдѣланное усердіемъ Деспота Константина. Другое подходящее имя мы едва-ли отыщемъ, хотя и сознаемся, что кратковременное пребываніе нашего Константина въ Солунѣ и образъ жизни его вообще мало говорятъ въ пользу нашего предположенія. Развѣ остановиться на упомянутомъ выше Константинѣ «порфирородномъ» и женѣ его Иринѣ, изъ дома Раулей». (О нихъ см. Антонина стр. 137 сл. и Е. Σ. Βυζαντίου Ἡ Κωνσταντινούπολις. Ἀθήνησιν. 1862 стр. 378—379).

1) C. I. Gr. №№ 8658, 8659, 8707, 8708, 8715, 8789, 8791, 8792, 8797 и др. и ранѣе (два первыхъ №№) и позднѣе конца VIII вѣка.

2) Archives des Missions scientifiques. III серія т. III. 1876 стр. 525—526; повторено у Димитцы подъ № 719.

ніе котораго онъ не привелъ никакихъ примѣровъ,—да едва-ли и могъ привести, такъ какъ такое двойное повтореніе одного и того же было бы по меньшей мѣрѣ излишне [1]) — Bayet ищетъ въ надписяхъ имени Константина, правильно имъ найденнаго во второй монограммѣ, и, какъ и Антонинъ, находитъ его въ словѣ Τ...ΙΝΟΥ, средины котораго тогда, какъ и теперь, разсмотрѣть было невозможно, а такъ какъ начало слова ЄΠΙСΚΟ(που) читалось и тогда, то онъ пришелъ къ выводу, что мозаиками украсилъ церковь св. Софіи нѣкій солунскій епископъ Константинъ, время же его Bayet опредѣлялъ, основываясь на нахожденіи въ началѣ этой надписи, какъ и упомянутой выше, монограмматическаго креста. На основаніи собранныхъ имъ (стр. 527) примѣровъ онъ конечнымъ предѣломъ употребленія такой формы его полагаетъ конецъ VI в., такъ какъ на тирской мозаикѣ 575 г. крестъ въ началѣ надписи не монограмматическій, монограммы же на монетахъ Ираклія нѣсколько иной формы. Но появленіе простого креста не исключаетъ возможности употребленія наряду съ нимъ креста монограмматическаго; опредѣлять же крайній предѣлъ употребленія монограмматическихъ крестовъ формы ⳩ весьма рискованно, такъ какъ онъ легко можетъ быть отодвинутъ первою находкой съ точною датою: указывали уже примѣры употребленія такой монограммы и въ VII вѣкѣ [2]), а теперь оказывается, что монограмма этой формы употреблялась и въ концѣ VIII-го вѣка, къ каковому времени должно относить, какъ увидимъ ниже, разсматриваемыя надписи на мозаикахъ вимы св. Софіи Солунской.

Что касается имени предполагаемаго епископа Константина, то, не находя его среди извѣстныхъ солунскихъ епископовъ VI вѣка, Bayet предполагаетъ, что епископъ такого имени могъ быть въ промежуткѣ между 549 и 582 годами, гдѣ въ спискѣ Le Quien'а могли быть пропуски [3]). Несмотря на указанные недостатки разсужденій

---

1) Впрочемъ на выходномъ листѣ извѣстнаго календаря 354 года (см. J. Strzygowski, Die Calenderbilder des Chronographen vom J. 354. Taf. III) слова Valentine floreas in Deo являются транскрипціей весьма сложной монограммы.

2) Kraus, Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer т. II стр. 232.

3) Archives l. c. стр. 528. Bayet выставлялъ гипотезу свою очень осторожно: si donc on ne saurait affirmer d'une manière absolue qu'un évêque du nom du Constantin vécut à ce moment et fit décorer l'église de Sainte-Sophie, tous les renseignements s'accordent du moins à le faire suppóser. Но затѣмъ взгляды его повторяются, какъ вполнѣ доказанныя. Папагеоргіу гипотезу его называетъ «ἐκ πολλῶν σημείων γενομένην» и ради ея вноситъ даже этого предполагаемаго епископа въ списокъ солунскихъ іерарховъ, а Н. В. Покровскій (Очерки памятниковъ православной иконогра-

Bayet его взгляды повторялись до послѣдняго времени, когда Laurent выступилъ съ новымъ опредѣленіемъ времени св. Софіи VII-мъ вѣкомъ на основаніи надписей въ куполѣ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Только послѣ пожара 1890 и послѣ очистки этихъ надписей па сводѣ вимы В. Н. Бобровымъ стало возможнымъ прочтеніе ихъ полностію и правильное объясненіе, но таковаго до сихъ поръ, на сколько мнѣ извѣстно, опубликовано не было.

П. Д. Папагеоргіу этихъ важнѣйшихъ надписей алтарной части св. Софіи почему-то не издалъ и ограничился лишь обѣщаніемъ сдѣлать это, но, судя по его упоминаніямъ объ этихъ надписяхъ, онъ, какъ и Bayet, имя Константина, прочтенное въ монограммѣ, считалъ именемъ епископа[1]), хотя для него, видѣвшаго всю надпись по очищеніи ея В. Н. Бобровымъ, должна бы была быть ясна ошибочность предположенія Bayet.

Имѣя теперь полную копію надписей, читая монограммы отдѣльно отъ помѣщенныхъ около нихъ словъ и соединяя послѣднія въ одну надпись, мы полагаемъ, что надписи эти могутъ читаться только однимъ и несомнѣннымъ образомъ:

☧ Χριστὲ βοήθει Θεοφίλου ταπεινοῦ ἐπισκόπου,

а монограммы: сѣверной стѣны: Κύριε βοήθει Κωνσταντίνου δεσπότου,

и южной: Κύριε βοήθει Εἰρήνης δεσποίνης.

Нѣкоторыя сомнѣнія могутъ возникать лишь при разрѣшеніи послѣдней монограммы, гдѣ не видно буквъ Ε и Ν, что-же касается отсутствія Ο, то оно легко объясняется возможностью написанія вмѣсто ΔΕСΠΟΙΝΗС — ΔΕСΠΗΝΗС. Впрочемъ моя копія этой монограммы сдѣлана не съ полной увѣренностью: на копіи Bayet (l. c. 525) на верхнемъ концѣ вертикальной черты стоитъ Υ, съ чѣмъ согласуется и чтеніе арх. Антонина (см. выше) ΔΕСΠΥΝΗС, а буква на правомъ концѣ горизонтальной черты похожа у Bayet на Ν. Если же вмѣсто δεσποίνης предполагать δεσπότιδος, то устраняется нужда въ буквѣ Ν, но является необходимымъ Ο и Τ, впрочемъ послѣднее, хотя и съ натяжкой, можно усмотрѣть въ лигатурѣ Π и С. Всего же вѣрнѣе оставить окончательное чтеніе монограммы этой

фіи и искусства стр. 139 прим.) говоритъ: «Баэйе указываетъ... надпись, въ которой встрѣчается имя еп. Константина 549—582».

1) Въ замѣткѣ въ газетѣ Κωνσταντινούπολις т. XXXVI 1892 № 141, указываемой А. Пападопуло-Керамевсомъ въ Визант. Времен. I. 1894 стр. 450,—и въ журналѣ Ἑστία 1892 т. № 25 т. I стр. 395 и 1893 № 40 т. II стр. 219.

тому, кто разсмотритъ ее лучше меня: искомыя буквы могутъ найтись на верхнемъ концѣ вертикальной черты, разглядѣть котораго мнѣ не удалось. [См. ниже Дополненіе о новѣйшей копіи Kurth'a и его заключеніяхъ].

Какъ бы ни читать этой монограммы, однако аналогіи послѣдней монограммы сѣверной стѣны, гдѣ ясно читается δεσπότου, достаточно, чтобы предполагать аналогичное слово и въ этой; а ясно различаемая C позволяетъ предполагать здѣсь родительный падежъ женскаго рода.

Такимъ образомъ время украшенія сводовъ вимы и конхи св. Софіи Солунской мозаическою росписью опредѣляется двояко: правленіемъ Константина и Ирины и именемъ епископа, конечно солунскаго, Ѳеофила.

Имена Константина и Ирины могутъ относиться только къ Константину VI и матери его, знаменитой аѳинянкѣ Иринѣ[1]), о которыхъ, какъ видѣли мы выше, догадывался еще арх. Антонинъ. Мы не беремся судить о томъ, могла ли быть названа Ирина наряду съ Константиномъ во время устраненія ея отъ власти между октябремъ 790 и 15 января 792 года (Muralt l. c. стр. 380 и 382), но во всякомъ случаѣ смерть Константина 15 іюля 797 года (ibid. 385) будетъ крайнимъ предѣломъ времени, опредѣляемаго монограммами разсматриваемой надписи. Именемъ же епископа Ѳеофила указывается 785 годъ, ранѣе котораго надпись не могла быть сдѣлана, т. к. въ этомъ году солунскій архіепископъ Ѳома возведенъ былъ въ патріархи Александріи (Muralt стр. 377). Ѳеофилъ былъ, вѣроятно, преемникъ Ѳомы и подъ дѣяніями VII вселенскаго собора (787 г.) находимъ мы подпись его: Θεόφιλος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Θεσσαλονίκης.

Такимъ образомъ будучи приведены ко временамъ второго никейскаго собора мы не удивимся присутствію въ мозаикѣ этой отмѣченныхъ выше чертъ, возбуждавшихъ предположеніе объ иконоборческомъ характерѣ ея, какъ и мозаики св. Ирины въ Царьградѣ. Всего проще было бы, конечно, относить изготовленіе мозаикъ алтаря св. Софіи къ 785—787 годамъ, когда не были еще отмѣнены постановленія иконоборческаго собора 754 года, но нельзя утверждать, чтобы послѣ никейскаго собора всѣ и всюду принялись украшать церкви фигур-

1) Константина V Копронима (741—775) и жену его Ирину, дочь хазарскаго хагана, умершую въ 752 г. (Muralt, Essai de chronographie byzantine de 395 à 1057. St.-Pétersbourg. 1855 стр. 718.) видѣть тутъ не позволяетъ, какъ убѣдимся ниже, имя епископа Ѳеофила.

ными композиціями: послѣдующая исторія показала, что иконоборческія идеи прекращены соборными постановленіями не были, и изъ нахожденія подписи Өеофила подъ соборными дѣяніями не слѣдуетъ еще, чтобы онъ и послѣ собора не могъ избрать для декораціи алтаря своей каѳедральной церкви одни только кресты. Что работы эти произведены были, если не на его именно счетъ, то при его ближайшемъ участіи, о томъ ясно свидѣтельствуетъ помѣщеніе наряду съ царскими именами въ молитвенномъ обращеніи ко Христу и его имени. Изъ нахожденія же въ той же надписи именъ царя и царицы дѣлать заключенія и объ ихъ участіи въ украшеніи св. Софіи Солунской можно лишь съ меньшей увѣренностью. Наконецъ является весьма вѣроятная догадка, что эти дорогія работы въ солунскомъ соборѣ находились въ нѣкоторой зависимости отъ обузданія въ 783 году патрикіемъ Ставракіемъ славянъ Македоніи, осаждавшихъ въ 782 году Солунь [1]).

Какъ и чѣмъ украшены были своды алтаря ранѣе, отвѣтить на это могли бы, да и то едвали, лишь тщательныя изслѣдованія въ самой св. Софіи. Больше надеждъ можно возлагать на рѣшеніе вопроса о томъ, когда крестъ въ конхѣ замѣненъ былъ, вышеописаннымъ способомъ, изображеніемъ Богоматери: если когда нибудь это изображеніе будетъ отчищено, то стиль его опредѣлитъ приблизительно время этой передѣлки, быть можетъ, непосредственнаго результата постановленій собора 787 года, передѣлки, которою нѣсколько сгладилось рѣзкое отличіе мозаической росписи въ иконоборческомъ духѣ въ алтарѣ церкви отъ обширной композиціи Вознесенія, украшавшей куполъ храма, быть можетъ, съ самой его постройки.

II.

Мозаика купола.

И для опредѣленія времени мозаики въ куполѣ св. Софіи Солунской имѣются эпиграфическія данныя, открытыя также послѣ пожара 1890 года. Въ верхней части купола выше сводовъ оконъ, пробивающихъ его въ нижней части, находится большая и прекрасно сохранившаяся мозаичная композиція Вознесенія Господня, достаточно извѣстная по описанію Bayet (Arch. des Missions l. c. стр. 522 сл. и

1) См. J. Laurent'a въ Byzantinische Zeitschrift. IV 1895 стр. 430 и 431.

Recherches стр. 91 сл.) и весьма неудовлетворительно передаваемая рисунками въ изданіи Texier и Pullan'а (таблицы XL и XLI). Мы тоже не имѣемъ возможности представить хорошаго изданія ея, такъ какъ на фотографіяхъ рисунокъ мозаики сильно затемняется остатками деревьевъ, нарисованныхъ турками поверхъ человѣческихъ фигуръ; довольно будетъ сказать, что эта композиція весьма близка къ древнѣйшимъ изображеніямъ того же содержанія въ сирійскомъ Евангеліи Рабулы (586 г.) и на извѣстныхъ свинцовыхъ флаконахъ, занесенныхъ изъ Іерусалима въ Монцу, но здѣсь композиція эта весьма удачно примѣнена къ декораціи купола: вверху, въ центрѣ его, Христосъ, несомый въ радужномъ ореолѣ двумя ангелами, а ниже, на кольцѣ нижняго края мозаики, размѣщены кругомъ 12 апостоловъ и Богородица, помѣщенная между двухъ ангеловъ[1]), пространство между отдѣльными фигурами удачно заполняютъ деревья и также сближаютъ композицію эту съ различными композиціями V—VI в. На золотомъ фонѣ надъ головой Б. М. находится мозаичная надпись въ четыре строки: ἄνδρες Γαλιλαῖοι τί ἑστήκατε ἐμπλέποντες εἰς τὸν οὐρανὸν и т. д. (= Дѣянія Ап. I. 11.), которая прочтена была уже давно[2]); можетъ быть она и дала бы для палеографовъ какія либо хронологическія указанія на время исполненія мозаики, но до сихъ поръ она, какъ и вся мозаика, достаточно точно не издана[3]). Нижнюю часть мозаики купола образуетъ гирлянда изъ листьевъ и цвѣтовъ, раздѣленная въ четырехъ мѣстахъ[4]) парами горизонтальныхъ полосъ, перевязанныхъ накрестъ узкими полосками, чѣмъ имѣлоск въ виду, вѣроятно, обозначить концы гирляндъ съ ихъ лентами. Поверхъ этой мозаичной гирлянды въ позднѣйшее время написаны были красною и черною краской какія то греческія надписи, отъ которыхъ теперь уцѣлѣли лишь отдѣльныя буквы: я могъ разобрать только одинъ небольшой отрывокъ надписи красными буквами: ЄC ΔЄΗCΙCΤΟΥCᾹΙΟ.; можно кажется думать, что по обычаю позднѣйшихъ временъ тутъ написанъ былъ какой либо текстъ изъ св. писанія.

1) Сообщеніе Bayet (Archives l. c. стр. 523 и Recherches стр. 92) о томъ, что одинъ изъ ангеловъ (правый) держалъ сферу съ иниціалами IC. XC.—ошибочно: Bayet, смотря снизу, принялъ за сферу гроздь финиковъ, нарисованную поверхъ лѣвой руки ангела, когда фигуру его зарисовывали изображеніемъ пальмы: ангелъ этотъ держитъ въ лѣвой рукѣ наклонно только скипетръ, какъ и другой ангелъ.

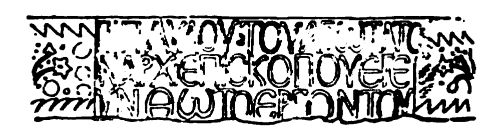
2) Texier, Description de l'Asie Mineure т. III стр. 74; C. I. Gr. № 8936; [арх. Антонинъ] Замѣтки поклонника св. Горы. стр. 16; Texier and Pullan l. c. стр. 145; Δημιτζᾶς l. c. № 612.

3) Теперь см. копію J. Kurth'а l. c. т. XV. 5.

4) На Востокѣ (подъ ногами Б. М.), Западѣ, Сѣверѣ и Югѣ.

Очевидно объ этихъ именно буквахъ упоминали арх. Антонинъ[1]) и Bayet[2]). Между тѣмъ теперь послѣ пожара видно, что цвѣточная гирлянда дважды (подъ ногами обоихъ ангеловъ) прерывается во всю ширину ея темными полями, на которыхъ ясно видны бѣлыя буквы мозаичныхъ надписей, издаваемыхъ здѣсь въ рисункѣ съ моихъ фотографій и копій.

Надпись въ куполѣ:
† Μηνὶ Νοεμβρίῳ ἰνδικτίονι τετάρτῃ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ς[ΡΝΔ].



Надпись въ куполѣ:
[ἐ]πὶ Παύλου τοῦ ἁγιωτάτο[υ ἡμῶ]ν ἀρχιεπισκόπου ἐγέ[νετο σ]ὺν Θ(ε)ῷ τὸ ἔργον τοῦ[το].

Обѣ надписи имѣютъ съ обѣихъ сторонъ прямыя вертикальныя края цвѣточной гирлянды и въ эти рамки онѣ какъ бы втиснуты. У первой надписи не хватаетъ лишь въ послѣдней строкѣ числа сотенъ и единицъ: все же остальное, начиная съ обычнаго креста въ началѣ надписи, безъ перерыва умѣщено въ полѣ, отведенномъ для надписи. Неполность интереснѣйшаго для насъ: числа годовъ, не могла, конечно, входить въ расчетъ составителя надписи, такой пропускъ могъ быть сдѣланъ лишь невѣжественнымъ или небрежнымъ исполнителемъ ея. Поэтому мы представляемъ себѣ дѣло такъ: въ гирляндѣ, составлявшей нижнюю часть мозаики, оставлены были два равныхъ поля для

1) Замѣтки поклонника св. Горы. стр. 16: «ниже сего изображенія, по окраинѣ купола тянется надпись, густо закрашенная, изъ коей можно прочесть только 7 или 8 буквъ, не дающихъ никакого смысла».

2) Archives l. c. стр. 524:... une guirlande de fleurs et de fruits. Ces ornements auraient plus tard disparu pour faire place à une inscription. Malheureusement il est impossible de la déchiffrer. On n'en voit que quelques lettres détachées, fort éloignées les unes des autres, n'offrant aucun sens et ne permettant aucune restitution.

помѣщенія въ нихъ надписей, поэтому мозаичисту, набиравшему надпись по лежавшему, вѣроятно, предъ нимъ шаблону, и плохо расчитавшему при посадкѣ кубиковъ въ цементъ разстоянія между буквами нижней строки, выйдти изъ предѣловъ назначеннаго для надписи поля было не возможно, и потому онъ, замѣтивъ свою ошибку, сузилъ три послѣднія буквы, но этимъ дѣла не исправилъ и интереснѣйшія для насъ буквы онъ опустилъ вовсе (буквы эти, какъ увидимъ ниже, были, вѣроятно, ΡΝΔ). Еще проще объяснится его нерасчетливость, если предположить, что данная ему для помѣщенія въ оставленномъ полѣ надпись написана была въ одну строку. Очевидно, далѣе, что если бы обѣ части надписи исполнялъ самъ составитель ихъ, то онъ могъ бы буквы, не умѣстившіяся въ одномъ полѣ, перенести въ другое, но тутъ, очевидно, самая надпись ранѣе уже раздѣлена была ея составителемъ, сообразна двумъ полямъ, на двое: первая половина содержала дату, вторая имя епископа; можно предполагать поэтому, что и вторая также должна была начинаться крестомъ. Но она оказывается урѣзанной съ обѣихъ сторонъ, такъ что объясненіе предложенное для первой—къ ней не приложимо. Возможно лишь одно,—сознаемся,—весьма смѣлое предположеніе: исполнитель второй надписи имѣлъ шаблонъ, написанный въ три строчки, и, видя, что онъ въ отведенное мѣсто не умѣщается, разсудилъ передать его съ одинаковыми, легко дополняемыми къ тому же всякимъ, пропусками съ обѣихъ сторонъ.

Быть можетъ, при внимательномъ изученіи мозаикъ найдутся иныя, болѣе состоятельныя, предположенія для объясненія столь досадной для насъ урѣзки надписей рабочимъ-мозаичистомъ, пока же въ этомъ можно видѣть лишь спѣшность и небрежность работы, которыя проявляются и въ самихъ фигурахъ этой громадной композиціи, исполненной въ отношеніи стиля гораздо хуже извѣстныхъ намъ мозаикъ VI-го вѣка.

Обѣ эти надписи замѣчены были П. Н. Папагеоргіу[1]) еще въ 1889 году, но ясно прочелъ онъ ихъ лишь послѣ пожара, когда внутренность св. Софіи благодаря изчезновенію турецкихъ пристроекъ и

1) О своемъ открытіи Папагеоргіу поспѣшилъ сообщить сперва въ К-польской газетѣ Νεολόγος 1891 № 6648 и 1892 № 141 (намъ къ сожалѣнію теперь недоступной). Къ изданію имъ надписей въ Ἑστία 1893 т. II стр. 218—219, послѣдовала критическая замѣтка Сп. Ламброса (тамъ же стр. 239), и новая статья Папагеоргіу (тамъ же стр. 317). Δημιτζᾶς переиздавая надпись (подъ № 700) повторяетъ лишь мнѣнія Папагеоргіу въ первой статьѣ. См. теперь и новую копію Kurth'a l. c. т. XV. 4.

ковъ стали extrite, а работы В. Н. Бобрина позволили ему разобраться ближе въ самыхъ надписяхъ. Полная сохранность и ясность надписей этихъ позволили ему вѣрно издать ихъ; восстановленіе недостающихъ буквъ трудности не представило, но хронологическое опредѣленіе затруднялось тѣмъ роковымъ обстоятельствомъ, что отъ числа лѣтъ видно только лишь число тысячъ, которое, конечно, могло бы быть опредѣлено и безъ всякой надписи. Ошибка въ копіи надписи Папагеоргіу состояла въ томъ, что онъ послѣ числа тысячъ S 6 усмотрѣлъ свободное мѣсто для одной лишь буквы, тогда какъ на оригиналѣ видно, что такъ называемаго свободнаго мѣста parte нѣтъ вовсе; заполняя эту предполагаемую пустоту одною буквою и выбирая ее сообразно съ указаніемъ надписи на 4-й годъ индиктіона, Папагеоргіу сперва остановился на 571 году, считая его вѣроятнѣйшимъ по согласію его съ опредѣленіемъ времени мозаикъ Bayet. Но послѣ замѣтки Ламброса, выбравшаго изъ предположенныхъ Папагеоргіу годовъ 6004=495 по Р. Х., и Папагеоргіу согласился во второй замѣткѣ съ Ламбросомъ, при чемъ однако повторилъ утвержденіе, что въ надписи имѣется мѣсто лишь для одной буквы, и окончательно призналъ, что годомъ изготовленія мозаикъ купола былъ 495-й г., очевидно отстоящій отъ двухъ первыхъ третей VI в., которыя опредѣлены были учеными Тексье и Байе на основаніи какъ иныхъ доказательствъ, такъ и монограмматическаго креста въ св. нишѣ (Ἑστία 1894. II. стр. 318).

Относительно же называемаго надписью епископа Павла Папагеоргіу полагалъ, что солунскій еп. Павелъ, упоминаемый въ 649 г.[1], не можетъ быть Павломъ этой надписи, далѣе же неполные списки солунскихъ епископовъ VI вѣка Павла не называютъ; изъ этихъ заключеній и утвержденій видно, сколь вліяли на Папагеоргіу гипотезы Байе, основывавшіяся на надписяхъ ниши. Папагеоргіу не могъ даже допустить, что мозаики купола могутъ быть другого времени, чѣмъ мозаики ниши, хотя на это указывалъ и самъ Байе (Recherches стр. 92) и сами надписи купола, называющія еп. Павла, а не Константина, имя котораго находили въ нишѣ. Однако мнѣніе Папагеоргіу о времени мозаикъ купола св. Софіи было принято[2] и не встрѣ-

1) См. Muralt, Essai de chronographie byzantine 395—1057. стр. 298.

2) Byzant. Zeit. III. 1894. стр. 490 K. K.: ... definitiv das Jahr 495 festgestellt ist. Sittl. Archäologie der Kunst. стр. 755 прим. 6. А. Пападопуло-Керамевсъ Виз. Врем. I, 1894, стр. 450 указалъ на печать солунскаго архіеп. Павла C. I. Gr. № 9087.

чало возраженій до краткой, но рѣшительной критики его J. Laurent'омъ (Byzantinische Zeitschrift. IV, 1895, стр. 431—433): въ ней авторъ прежде всего отвергъ 495 г., указавъ на извѣстія, что архіепископъ солунскій въ этомъ году назывался Андрей (l. c. стр. 432). Затѣмъ, указавъ на ошибочность расчетовъ Папагеоргіу, онъ призналъ невозможнымъ, чтобы въ надписи послѣ числа тысячъ нехватало одной лишь буквы, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы спуститься до 7009 (1400) года, и наконецъ указалъ, что ранѣе VII вѣка счисленіе лѣтъ отъ сотворенія міра въ надписяхъ неупотребляется, а потому и полагаетъ, что надпись эта можетъ быть начала VII вѣка, когда (въ 649 г.) и называется дѣйствительно епископъ солунскій Павелъ, отвергнутый Папагеоргіу, вслѣдствіе приверженности къ выводамъ Байе и ошибочныхъ расчетовъ. Изъ 630, 645 и 660 гг. (четвертыхъ годовъ индиктіона) J. Laurent избираетъ, конечно, 645 (6154 отъ С. М.), — какъ ближайшій къ 649, — и считаетъ его «наиболѣе вѣроятной датою для нашей надписи и слѣдовательно для окончанія св. Софіи Солунской» (l. c. стр. 432).

Это мнѣніе Laurent'а должно быть принято, очевидно, какъ окончательное; можно лишь, пожалуй, возразить противъ отождествленія времени исполненія мозаики со временемъ построенія самого зданія. Самое выраженіе надписи: ἐγένετο σὺν Θεῷ τὸ ἔργον τοῦτο, имѣетъ въ виду, какъ видно то по смыслу иныхъ аналогичныхъ надписей [1]), лишь мозаику, а не все зданіе, которое могло быть и древнѣе. Я слышалъ, что В. Н. Бобровъ открылъ подъ мозаиками купола остатки фресковой живописи; если это вѣрно, въ чемъ однако можно сомнѣваться [2]), то между сооруженіемъ церкви и украшеніемъ купола ея мозаикой могло пройти неопредѣленное время; но болѣе естественно, конечно, предположеніе, что мозаичная роспись купола была послѣдней работою при постройкѣ всего зданія и потому 645 годомъ опредѣляется, быть можетъ, и время самой церкви. «Преданіе» о постройкѣ церкви Юстиніаномъ, и даже тѣми-же архитекторами, которые строили Св. Софію въ Константинополѣ, никакой цѣны не имѣетъ и основано, вѣроятно, лишь на сходствѣ именъ обѣихъ церквей; одного

1) См. C. I. Gr. №№ 8648, 8649, 8666, 8822, 8825 (Синайская мозаика), 8827, 8837, 8872.

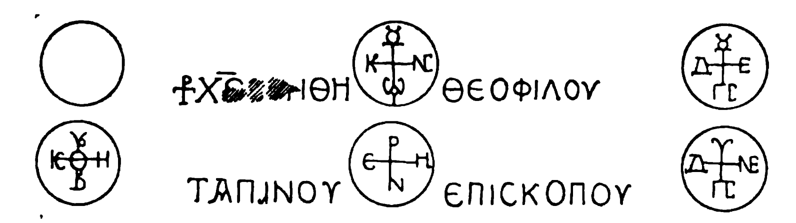
2) Въ виду значительнаго вѣса стеклянной мозаики мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы цементъ, связывающій ее съ куполомъ, положенъ былъ поверхъ слабой штукатурки фресокъ: онъ долженъ лежать непосредственно на кирпичахъ свода.

взгляда на планы ихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что ни о какомъ подражаніи (которое допускаетъ и Laurent l. c. стр. 433) не можетъ быть и рѣчи.

Впрочемъ для рѣшенія вопроса о постройкѣ Св. Софіи Солунской, нужны, какъ говорили мы выше, особыя изслѣдованія на мѣстѣ, нашею же цѣлью было выяснить вопросъ о времени лишь мозаикъ ея, которыя, надѣемся, дождутся наконецъ достойнаго ихъ изданія.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Когда наша статья уже печаталась, получена была въ С.-Петербургѣ послѣдняя книжка Mittheilungen des K. deutschen Instituts. Athenische Abtheilung за 1897 г., въ которой напечатана (стр. 463—472) статья J. Kurth'a: die Mosaikinschriften von Salonik, поэтому лишь въ примѣчанія возможно было внести указанія на это новѣйшее изданіе разсматриваемыхъ надписей, которое сдѣлано Kurth'омъ въ сотрудничествѣ съ J. и A. Mordtmann'ами по отчисткѣ ими мозаичныхъ надписей въ декабрѣ 1897 года (l. c. табл. XV).



Надписи на стѣнахъ вимы по рисунку J. Kurth'a 1897 г.

Эти новыя, полныя копіи надписей исправляютъ и дополняютъ то, чего я не могъ разсмотрѣть въ 1895 году: на южной стѣнѣ вимы написано ΤΑΠΙΝΟV, а не ΤΑΠΕΙΝΟV, какъ на моемъ чертежѣ; обѣ крайнія монограммы той же стѣны списаны полнѣе, чѣмъ могъ разсмотрѣть ихъ я, но новыя копіи лишь подтверждаютъ правильность чтенія монограммъ этихъ архим. Антониномъ: первая монограмма оказывается почти тождественной съ первою же монограммой сѣверной стѣны: въ центрѣ не О, какъ на моемъ рисункѣ, а Θ, внизу B, а послѣдняя на верху имѣетъ Y, справа же лигатуру NE, что вполнѣ подтверждаетъ чтеніе «δεσποίνης», точнѣе ΔΕΠΥΝΙϹ, ΔΕϹΠΥΝΗϹ или ΔΕϹΠΥΝΥϹ. Относительно точности передачи двухъ надписей

въ нижней части купола мною и Kurth'омъ (l. c. табл. XV № 4 a. b.), судить будутъ другіе предъ оригиналами или послѣ автотипическаго изданія мозаикъ.

Но если J. Kurth и издалъ копіи надписей болѣе полныя, чѣмъ наши, то объясненія его даютъ поводъ къ ряду возраженій, хотя въ общемъ онъ пришелъ къ тому же выводу о принадлежности мозаикъ алтаря VIII-му вѣку.

J. Kurth, а также и J. и A. Mordtmann'ы, впали въ ту же коренную ошибку, что̀ и Texier, Bayet, Папагеоргіу: читая надписи на стѣнахъ вимы они также соединяють вмѣстѣ монограммы и слова въ одну и ту же надпись. На копіи первой изчезнувшей теперь монограммы Kurth не обратилъ вниманія и ограничивается предположеніемъ, что въ ней «было имя Іисуса»; разсужденіе его о томъ, было ли написано X̅Є̅ ΒΟΗΘΗ или X̅Є̅ ΒѠΗΘΗ разрѣшается остатками самой надписи, гдѣ я ясно могъ разсмотрѣть ѡ. Среднюю монограмму Kurth читаетъ (Κωνσταντίνου) и понимаетъ («Kaisername») правильно; но слѣдующее слово ΘЄΟΦΙΛΟV онъ принимаетъ за эпитетъ, прибавленный къ имени императора, третью же монограмму читаетъ правильно (δεσπότου). Такимъ образомъ вся надпись сѣверной стѣны читается имъ: ⳨ Χριστὲ βωήθει Κωνσταντίνου θεοφίλου δεσπότου.

J. Kurth не замѣчалъ ни странной тавтологіи, если прибавить въ началѣ сохраненную рисунками Texier и Bayet монограмму: Κύριε βοήθει, ни того, что крестъ передъ словомъ X(PICT)Є разрывалъ бы предполагаемое единство надписи. Первую монограмму южной стѣны J. Kurth вмѣсто Κύριε βοήθει[1]) хочетъ читать Ἰησοῦ βοήθει, полагая что лигатура вверху ея означаетъ OY, а не YP, и усмотрѣвъ, очевидно слѣва, лигатуру IHC («die Ligatur IHC scheint mir gesichert» l. c. стр. 466); но противъ перваго аргумента ясно говоритъ иной способъ изображенія OY въ двухъ монограммахъ сѣверной стѣны, а второе предположеніе вызвано очевидно изображеніемъ буквы K въ видѣ стоящихъ рядомъ буквъ IC[2]), но такая форма скорѣе можетъ на мой взглядъ

---

1) Такое чтеніе Bayet первой монограммы сѣверной стѣны Kurth (l. c. стр. 466) считаетъ чтеніемъ первой монограммы южной стѣны, тогда какъ Bayet этой монограммы не могъ разглядѣть вовсе (см. Archives l. c. стр. 526), впрочемъ въ виду тождества монограммъ эта ошибка Kurth'a осталась безъ послѣдствій.

2) На моемъ рисункѣ K въ этой монограммѣ передано, быть можетъ, не точно, но именно такъ, какъ на рис. Kurth'a, нарисовано оно въ первой монограммѣ сѣверной стѣны по копіи Bayet.

объясняться желаніемъ яснѣе выразить букву Є, а считать за Н узкое пространство между I и С, пересѣкаемое горизонтальной чертой монограммы, едва ли возможно. Слова ΤΑΠΙΝΟV и ЄΠΙСΚΟΠΟV не представляли, конечно, никакихъ затрудненій, но въ находящейся между нимъ монограммѣ Kurth «по аналогіи царскому имени на сѣверной стѣнѣ» предположилъ, не найденное имъ въ своемъ мѣстѣ, имя епископа и прочелъ ее, съ одобренія A. Mordtmann'а, Εἰρηνέου; такое чтеніе однако невозможно, какъ по отсутствію О и Υ, такъ и по присутствію справа двухъ выступающихъ точекъ,—изъ которыхъ Kurth замѣтилъ впрочемъ лишь одну нижнюю,—образующихъ букву С, лишнюю при предлагаемомъ чтеніи. Послѣдней монограммы Kurth прочесть не могъ и ограничился предположеніемъ, что она содержитъ или имя города[1]), откуда происходилъ епископъ, или же какой либо титулъ, аналогичный «деспоту» сѣверной стѣны. Такимъ образомъ предполагаемое Kurth'омъ чтеніе надписи на южной стѣнѣ: Ἰησοῦ βοήθει ταπεινοῦ Εἰρηναίου ἐπισκόπου....., кажется мнѣ совершенно несостоятельнымъ, и заключеніе: «Irenaios also ein bisher unbekannter Bischof hat unter einem Kaiser Konstantin die Mosaiken, wenigstens die der Apsis gestiftet» (l. c. стр. 466)—оказывается на половину ошибочнымъ: Kurth и Mordtmann'ы имѣли полную копію надписи, ходили очень близко отъ истины, но не дошли до нея. Имя «Константина деспота» привело къ вѣрному въ общемъ заключенію о принадлежности мозаикъ алтаря VIII-му вѣку, но просмотрѣвъ имена «Өеофила епископа» и «Ирины деспины», они остановились на Константинѣ Копронимѣ. A. Mordtmann приводитъ слѣдующія доказательства принадлежности мозаикъ ко временамъ иконоборства: только иконоборцы замѣняютъ формулу Θεοτόκε βοήθει формулой Χριστὲ βοήθει; формула Θεοφίλου δεσπότου указываетъ на времена ранѣе имп. Өеофила, при которомъ является формула φιλοχρίστου βασιλέως; титулъ δεσπότης также древній, о чемъ свидѣтельствуетъ капитель съ надписью Ираклія[2]), форма буквы В и родительный падежъ вмѣсто дательнаго въ

---

1) Не ясно кому принадлежитъ чтеніе «Δρυνοπόλεως» вмѣсто «Ἀδριανουπόλεως» которое A. Mordtmann счёлъ только за «невѣроятное», хотя оно просто невозможно по отсутствію въ монограммѣ буквы Р, О, Δ и ω, и нелѣпо, такъ какъ воображаемый Ириней, украсившій солунскій соборъ, оказался бы тогда епископомъ не Солуня, а какого то иного города.

2) J. H. Mordtmann указываетъ, что капитель эта изображена въ книгѣ Curtis, Broken bits of Byzantium II № 37; намъ книга эта недоступна; новѣйшее изданіе и изслѣдованіе капители этой Стржиговскимъ см. въ Jahrbuch der Königlich Preussi-

зависимости отъ βοήθει указываютъ на самое раннее время иконоборства (l. c. 467). Провѣрка и полная оцѣнка этихъ мотивовъ съ одной стороны завела бы очень далеко, съ другой—намъ не подъ силу, а главное ненужна, какъ какъ наши заключенія о времени надписи по всей видимости правильны и окончательны и эти утвержденія, если даже и всѣ они справедливы, измѣнить ихъ не могутъ.

J. Kurth предположенія A. и J. Mordtmann'овъ о принадлежности надписи Константину V Копрониму принимаетъ тѣмъ охотнѣе, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ его взгляду, — въ разсматриваемой статьѣ не доказываемому, — «dass die Mosaiken mindestens noch in das achte Jahrhundert gehören» (l. c. 467). Kurth упоминаетъ, что этотъ Константинъ могъ бы быть и Константиномъ VI, т. е., какъ нѣкогда и арх. Антонинъ (см. выше стр. 377), называетъ именно то имя, на которомъ и слѣдовало бы остановиться, но затѣмъ оговаривается совершенно бездоказательной фразой: «Indessen ist ein Kirchenbau unter dem bis zur Einigungssynode in Nicaea September 787 noch unmündigen, unter der Vormundschaft seiner Mutter Eirene stehenden Kaiser nicht so wahrscheinlich, wie unter seinem Grossvater» (l. c. 467): почему это невѣроятно, чтобы солунскій епископъ украшалъ свой соборъ мозаиками въ правленіе несовершеннолѣтняго царя, Kurth не объясняетъ, но добавляетъ лишь: «aber ein abschliessendes Resultat wage ich hier noch nicht zu geben». Мнѣ кажется страннымъ, что приписывая исполненіе алтарныхъ мозаикъ Константину Копрониму, ярому иконоборцу, Kurth не сообразилъ, что такому предположенію явно противорѣчитъ изображеніе Божіей Матери въ конхѣ; слѣдовъ же креста, находившагося первоначально на ея мѣстѣ и столь прекрасно подходящаго къ предположенію объ иконоборческомъ происхожденіи мозаикъ, Kurth не замѣтилъ, судя по его молчанію объ этомъ интереснѣйшемъ обстоятельствѣ. Равнымъ образомъ, говоря о мозаикахъ купола и о принадлежности ихъ иному времени, нежели мозаики абсиды, Kurth отмѣчаетъ разницу въ формахъ буквъ (l. c. стр. 469), хотя уже самая многофигурная композиція Вознесенія исключаетъ возможность принадлежности ея къ эпохѣ иконоборства. Замѣчаніе его, что

---

schen Kunstsammlungen, т. XIV. 1893 стр. 73—75. Относительно надписи ὁ θ(εὸ)ς τῶν ἁγίων βοήθι Ἡραχλίῳ τῷ δεσπότι J. H. Mordtmann замѣчаетъ, что δεσπότης встрѣчается и въ болѣе позднихъ надписяхъ, но, насколько онъ помнитъ, только въ метрическихъ: однако память его въ этомъ случаѣ несомнѣнно обманываетъ.

послѣднія буквы числа лѣтъ разрушены (стр. 468), — не вѣрно, такъ какъ, какъ говорено выше, ихъ, вѣроятно, никогда и не было.

Статья Laurent'а осталась повидимому Kurth'у неизвѣстной: иначе онъ принялъ бы 645 годъ, опредѣляемый указаніемъ надписи, за четвертый годъ индикта, и не относилъ бы мозаику купола «*приблизительно* къ 650 году». Неправильно отождествляетъ онъ время постройки купола и абсиды со временемъ исполненія украшающихъ ихъ мозаикъ: мозаики сами по себѣ не могутъ опредѣлять времени стѣнъ, на которыхъ онѣ сидятъ: въ прежнія времена новыми мозаиками украшались сплошь и рядомъ древнія стѣны, а теперь иногда древнія мозаики переносятся на новѣйшія стѣны. Поэтому и предположеніе о «постройкѣ абсиды», позднѣе купола, несмотря на указываемую аналогію въ церкви св. Георгія въ Солунѣ же [1]), нуждается въ иныхъ, почерпнутыхъ изъ изслѣдованія самихъ стѣнъ, доказательствахъ, а такъ какъ мозаики вимы украшаютъ подпружную арку купола, то предположеніе это для вимы явно не возможно.

Признавъ тождество Павла, называемаго надписью въ куполѣ, съ еретикомъ-монофелитомъ VII вѣка, Kurth жестоко ошибается думая, что «надписи купола исполнены послѣ смерти этого епископа, можетъ быть, съ умышленнымъ противорѣчіемъ противъ Рима, во времена перваго иконоборца» (т. е. Льва Исавра): къ такому, совершенно невѣроятному само по себѣ, предположенію привело Kurth слово «ἁγιωτάτου»! Онъ не знаетъ, очевидно, ни современнаго титула «Его Святѣйшества», ни того, что на Востокѣ и понынѣ говорятъ о живыхъ епископахъ «ὁ ἅγιος τῶν Σερρῶν», «ὁ ἅγιος τῆς Φιλιπποupόλεως» и т. д., ни, наконецъ, многочисленныхъ древнихъ надписей, именующихъ такъ епископовъ, очевидно живыхъ, а не мертвыхъ, напр. С. I. Gr. №№ 8635, 8638, 8641, 8668 и т. д. (ср. №№ 8625, 8646, 8649 съ эпитетомъ ὁσιώτατος). Послѣ столь неудачнаго заключенія странно зву-

1) l. c. 469, что абсида его «sicher erst später durch die Wand des grossen Rotundenbaues durchgebrochen worden ist», Kurth пока ничѣмъ не доказываетъ. То же самое мнѣніе о позднѣйшей пристройкѣ абсиды къ ротондѣ св. Георгія находимъ у посѣтившихъ Солунь V. Schultze (Archäologie der altchristlichen Kunst. стр. 204) и Н. В. Покровскаго (Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства, стр. 137); послѣдній приводитъ сообщеніе покойнаго Н. С. Ястребова, что «при реставраціи 1888 года мѣстные археологи замѣчали, что кладка абсиды дѣйствительно отличается отъ кладки корпуса зданія».

Но интересный вопросъ о времени первоначальнаго построенія ротонды и ея перестройкахъ требуетъ, конечно, новыхъ, тщательныхъ архитектурныхъ изслѣдованій.

читъ слѣдующая фраза «Dies ist vielleicht die beste Lösung der scheinbaren Widersprüche»! При такихъ способахъ рѣшеній кажущихся противорѣчій J. Kurth едва-ли убѣдитъ многихъ въ вѣрности своихъ заключеній.

На копіи Kurth'а надписи, идущей по низу конхи (см. выше стр. 373) относительная длина средней лакуны, занимаемой теперь подножіемъ Богоматери, не ясна; но, такъ какъ послѣ нея на этой копіи слѣдуетъ... τον πρὸς δόξαν и т. д., а не.. ων πρὸς δόξαν и т. д., какъ на копіи Папагеоргіу, то возстановленіе разрушенной части надписи, предлагаемое послѣднимъ, принято быть не можетъ. Мнѣ кажется поэтому вѣроятнымъ, что по другую сторону прежняго креста надпись имѣла другой глаголъ и читалась приблизительно такъ: Κ(ύρι)ς ὁ ϑ(εό)ς τῶν π(ατέ)ρων ἡμῶν στερέωσον τὸν οἶκον τοῦτον ἕως τῆς συντελε[ίας τοῦ αἰῶνος || καὶ σῶσον αὐ]τὸν πρὸς δόξαν σῆν καὶ τοῦ μονογενοῦ<ς> σου υἱοῦ καὶ τοῦ παναγίου σου πν(εύματος). Впрочемъ сужденія объ измѣненіяхъ въ этой надписи при замѣнѣ креста изображеніемъ Богоматери требуютъ новыхъ наблюденій надъ самою мозаикой.

Такимъ образомъ разобранная статья не только не измѣняетъ сдѣланныхъ нами заключеній о времени мозаикъ св. Софіи Солунской, но даетъ недостававшія намъ подробности. Обѣщаніе же J. Kurth'а издать мозаики св. Георгія и вернуться къ мозаикамъ св. Софіи поселяютъ надежду, что скоро появится новое и, вѣроятно, хорошее изданіе солунскихъ мозаикъ, которое замѣнитъ, наконецъ, безобразныя таблицы Texier и Pullan'а и за которое всѣ, занимающіеся христіанскимъ искусствомъ, будутъ весьма благодарны г-ну J. Kurth'у, а пока онъ удивитъ, вѣроятно, многихъ историковъ искусства своимъ замѣчаніемъ о чудесныхъ мозаикахъ св. Георгія, якобы «die Darstellung ist so ohne jede Analogie, dass sie aus ihrer Kunst heraus nur sehr ungefähr einer bestimmten Zeit zugeschrieben werden kann, und wir sind fast ganz auf die Inschriften angewiesen» (l. c. стр. 472). Довольно точныя копіи этихъ надписей Kurth даетъ на табл. XVI, но палеографическое разсмотрѣніе ихъ (стр. 470—472) пока не заключается столь желаннымъ хронологическимъ выводомъ. Каково будетъ оно, мы не знаемъ, формы буквъ для насъ нѣмы, но сами мозаики ясно говорятъ о принадлежности ихъ V-ому или, можетъ быть, даже IV-ому вѣку.

Я. Смирновъ.

Еще къ вопросу о Вичинѣ.

Въ пору появленія въ печати моей статьи о Вичинской епархіи Константинопольскаго патріархата (Визант. Врем. IV, 3—4, стр. 315—336) мнѣ оставалось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ изслѣдованіе проф. Томашка: *Zur Kunde der Hämus-Halbinsel*, помѣщенное имъ въ 113 томѣ изданія Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe Вѣнской Академіи. Почтенный авторъ обозрѣваетъ въ этой работѣ данныя для топографіи Балканскаго полуострова, сохраненныя въ трудѣ арабскаго географа Эдризи (Идризи), привлекая для ихъ уясненія матеріалъ изъ византійскихъ писателей, который онъ собралъ въ большомъ обиліи. Что касается въ частности до Вичины, то г. Томашекъ помѣстилъ этотъ городъ на нижнее теченіе Дуная, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Мачинъ. Такая локализація основана не на непосредственномъ свидѣтельствѣ Эдризи, а на поправкѣ его текста. Въ обозрѣніи подунайскихъ городовъ отъ впаденія въ Дунай Моравы и до моря Эдризи называетъ имена: Bideni, Best Castrova, Deristra, Berisklawa, Desina, Armocastro (*Géographie d'Edrisi*, trad. par *Jaubert*, Paris, 1836. t. II, p. 386), давая повсюду разстоянія между названными городами. На основаніи колляціи рукописей, сохранившихъ намъ текстъ Эдризи, г. Томашекъ свидѣтельствуетъ, что пятое изъ этихъ именъ читается въ написаніяхъ: *Disîna*, *Desîna*, *Dîsîna*, и *Dêsîna*, которыя онъ и исправляетъ на чтенія: *Bisîna*, *Besîna* или *Fesîna*, признавая въ этомъ имени Вичину, Βιτζίνα, византійцевъ.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что написаніе этого имени, сохраненное въ рукописяхъ Эдризи, не подлежитъ никакому исправленію относительно своей начальной буквы и что наиболѣе близкое къ истинѣ написаніе есть *Disîna*, ибо эта форма болѣе всего соотвѣтствуетъ той, въ какой знали имя этого города наши предки въ тѣ давнія времена.

Напомнимъ свидѣтельство нашей лѣтописи подъ 1160 годомъ: «Посла Ростиславъ ис Кыева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на берладники, оже бяхуть Олешье взяли; и постиже ѣ у Дциня избиша ѣ и полонъ взяша»[1]). Этотъ самый *Дцинъ* подъ именемъ *Дичинъ* является въ спискѣ «градомъ русскымъ» Воскресенской лѣтописи, гдѣ онъ названъ между Дрествиномъ, т. е. Дристрой, и Киліей, т. е. устьемъ Дуная. Такъ какъ Эдризи окончилъ свой трудъ въ 1153 году, то его свидѣтельство почти современно первому упоминанію имени этого города въ нашей лѣтописи.

Основаніемъ для поправки текста у Эдризи послужило для г. Томашка то обстоятельство, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ значится на нижнемъ Дунаѣ городъ *Veçina*, *Vesina*, *Visina*, *Bicina*, *Bucina* и подлѣ города островъ съ именемъ: *isola Veçinae*. Картъ этихъ г. Томашекъ не называетъ за исключеніемъ одной, самой поздней изъ нихъ, а именно Juan de la Cosa 1500 года. Мы лишены возможности провѣрить показаніе картъ, но далеки отъ мысли подвергать сомнѣнію справедливость утвержденія г. Томашка. А если свидѣтельство картъ таково, то нельзя не признать, что городъ *Дичинъ* былъ переименованъ средневѣковыми итальянцами въ Вичину или Вечину. Это положеніе нисколько однако не противорѣчитъ ни нашей локализаціи Вичины на побережьи Чернаго моря южнѣе Варны, ни принятію отстаиваемаго нами чтенія въ текстѣ Эдризи. Приморское положеніе Вичины, кромѣ тѣхъ аргументовъ, которыми мы уже воспользовались, подтверждается еще слѣдующимъ свидѣтельствомъ путешественника XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти. Въ своемъ сочиненіи: Pratica della mercatura, написанномъ ок. 1335 г., Пеголотти даетъ между прочимъ такое свѣдѣніе: «grani di Verna e di tutta la Zagorra e di Vezina e di Sizopoli, tutti vanno a uno progio, e altri grani non ha in Romania da nome»).—Проф. Томашекъ, приводя это свидѣтельство, полагаетъ, что подъ *Vezina* слѣдуетъ разумѣть здѣсь городъ на Дунаѣ, Дезину Эдризи, нынѣшній Мачинъ, и находитъ въ этомъ подтвержденіе справедливости своей поправки чтенія имени у Эдризи. Но свидѣтельство Пеголотти можетъ служить напротивъ опроверженіемъ предложенной имъ поправки текста. Дѣло въ томъ, что территорія, на которую указываетъ Пеголотти, совершенно ясна: это — побережная полоса отъ Варны до Сизополя и при-

---

1) Ипат. лѣтоп. стр. 346.
2) Цитату см. у Томашка, o. c., p. 302.

лежащая область предгорій Балкана. Положеніе Варны, древняго Одисса,—извѣстно. *Sizopoli* есть городъ Σωζόπολις, христіанское переименованіе древней греческой колоніи Аполлоніи[1]); нынѣ городъ этотъ называется Сизоболь. Что касается имени *la Zagorra*, то подъ нимъ разумѣется округъ древней римской колоніи *Деульта* или *Девельта*. То была спорная между Болгарами и Византіей территорія, отъ которой отказалась имперія въ пользу Болгаріи послѣ крещенія Бориса. Позволимъ себѣ привести свидѣтельство продолжателя Θеофана: καὶ δέδωκεν ἐρήμην οὖσαν τηνικαῦτα τὴν ἀπὸ τῆς Σιδηρᾶς ταύτης δὲ τότε ὅριον τυγχανούσης Ῥωμαίων τε καὶ αὐτῶν ἄχρι τῆς Δεβελτοῦ, ἥτις οὕτω καλεῖται Ζάγορα παρ᾽ αὐτοῖς[2]).

Итакъ, подъ Загорьемъ разумѣлась область къ югу отъ Желѣзняка, южные склоны восточнаго конца Балкана и равнины нынѣшняго Бургаса.—Ясно, что имя *Vezina*, которое является въ сосѣдствѣ именъ: Варна, Сизополь и Загорье, не можетъ имѣть никакого отношенія къ подунайскому Дичину и принадлежитъ городу приморскому, какими являются Варна и Сизополь. *Vezina*, названная между ними, и есть очевидно та самая пристань, гдѣ останавливались русскіе въ своихъ походахъ на Царьградъ, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, т. е. мы должны искать ее на устьи рѣки Вичины или Дичины, какъ называетъ ее царственный авторъ. На итальянскихъ мореходныхъ картахъ этотъ городъ носитъ имя *Viça*, *Laviza*, *Laviça*. Въ одной поэмѣ византійскаго поэта Мануила Фила, относящейся къ началу XIV вѣка, его имя дано въ написаніи Βύτζα, т. е. Вича, или въ греческомъ произношеніи *Вица*[3]). То обстоятельство, что у Пеголотти онъ названъ *Vezina*, позволяетъ предполагать, что въ устахъ мѣстнаго населенія, съ которымъ имѣли дѣло купцы, городъ назывался тѣмъ же именемъ, что и рѣка, на устьѣ которой онъ стоялъ, т. е. *Вичина*.

Если, такимъ образомъ, итальянцы знали приморскій городъ Вичину, то перенесеніе имени *Вичина* на городъ нижняго Дуная, что засвидѣтельствовано мореходными картами XIV—XV вѣковъ, ука-

1) Томашекъ, o. c., p. 305.

2) Theophan. contin., p. 165 B. — Тоже свидѣтельство дано у Скилицція, Кедрина и Зонары.

3) Ἔπειτα Βύτζαν εἷλε τὴν δωρᾶς δίχα
Πλακεῖσαν ὑγραῖς τῷ Θεῷ διεξόδοις
Ἱππεὺς ἀγαθὸς εὑρεθεὶς εἰς τὰ πρόσω.

vv. 180—182. Хр. Лопаревъ, Виз. поэтъ Мануилъ Филъ. Спб. 1891, стр. 51.

зываетъ на существованіе смѣшенія въ географической номенклатурѣ того времени. Слѣды этого смѣшенія есть и у Эдризи. Три раза въ своемъ изложеніи онъ обозрѣваетъ портовые города западнаго побережья Чернаго моря и каждый разъ не проходитъ этой линіи цѣликомъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ (Jaubert, II, p. 397) онъ называетъ три пункта: Aghâthôbolî, Kirkisia (Qorqisîa), Desina, указывая разстояніе между ними въ 1 день пути. Такъ какъ первое изъ этихъ именъ есть несомнѣнно Ἀγαθόπολις, нынѣ Ахтеболъ, а второе— мысъ Κόραχες близь Сизополя, то *Desina* придется на устье Камчика[1]). Но такъ какъ тотъ же Эдризи назвалъ въ другомъ мѣстѣ городъ того же имени, какъ лежащій на нижнемъ Дунаѣ, то и здѣсь онъ замѣчаетъ: «De Desina lieu situé non loin de l'embouchure du Danube, à la mer 40 milles». Очевидно Эдризи не сумѣлъ разобраться съ тожествомъ именъ двухъ различныхъ городовъ, о которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія отъ своихъ источниковъ, т. е. византійскихъ и итальянскихъ купцовъ.

Ту же самую линію берега Эдризи слѣдитъ полнѣе въ двухъ другихъ мѣстахъ: II p. 385 и 394. Во второмъ изъ нихъ названы слѣдующіе пункты отъ Константинополя къ сѣверу: Ablougis, Amidia, Aghathopolis, Basilico, Sizeboli, Akhiolou, Eïmen, Varna, Armokastro.—Между всѣми этими пунктами указано равное (и прибавимъ— обычное у Эдризи) разстояніе — 25 миль, только между *Eïmen* (Эминехъ-бурунъ) и Варной указано двойное разстояніе, т. е. 50 миль. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что это увеличеніе разстоянія объясняется тѣмъ, что Эдризи намѣренно опустилъ здѣсь одинъ портовый городъ на протяженіи этой части береговой линіи, но сохранилъ слѣдъ этого пропуска тѣмъ, что показалъ двойное разстояніе. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ ему приходилось назвать Вичину; но такъ какъ онъ самъ не отличалъ этого города отъ подунайскаго Дичина, какъ видно то изъ приведеннаго выше мѣста, то онъ и предпочелъ опустить его имя здѣсь вовсе, а свою точность географа засвидѣтельствовалъ удвоеніемъ разстоянія между двумя конечными пунктами.

На этомъ мы можемъ закончить оправданіе своей локализаціи Вичины. А въ заключеніе повинимся въ одной оплошности: подунайскій

1) Томашекъ, o. c. p. 323, самъ призналъ въ этой Дезинѣ Камчикъ; но за то объявилъ все это мѣсто испорченнымъ и закончилъ замѣчаніемъ: Verlassen wir diesen Irrweg.

Дичинъ лежалъ на мѣстѣ не Диногетіи, какъ мы позволили себѣ предположить: такъ какъ несомнѣнно, что Дичинъ русской лѣтописи продолжаетъ свое существованіе подъ именемъ Мачинъ, то, значитъ, имя древнѣйшаго его предшественника есть *Arrubium* (имя, сохраненное въ Notitia Dignitatum, Tabula Peutingeriana и итинераріяхъ).

Юліанъ Кулаковскій.

Левъ Мудрый, или Левъ Исавръ былъ авторомъ „Тактики“?

Въ III томѣ журнала *Byzantinische Zeitschrift* (1894) Цахаріэ фонъ-Лингенталь помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6 bis zum Anfang des 10 Jahrhunderts (стр. 437—457). Заслуженный авторъ, писавшій эту свою работу уже на склонѣ своихъ дней, выставилъ и старался обосновать положеніе, что сочиненіе дошедшее до насъ подъ заглавіемъ: Λέοντος ἐν χριστῷ τῷ θεῷ αὐτοκράτορος τῶν ἐν πολέμοις τακτικῶν σύντομος παράδοσις, —для котораго онъ предложилъ названіе: *Tactica Leonis*, принадлежитъ не Льву Мудрому, а Льву Исавру. Исходя изъ того положенія, что «занятіе военнымъ искусствомъ мало соотвѣтствуетъ характеру» имп. Льва Мудраго, Цахаріэ фонъ-Лингенталь привелъ въ доказательство своего положенія лишь то обстоятельство, что въ 8 главѣ Тактики (трактующей о наказаніяхъ солдатъ за разныя провинности) совершенно игнорируются «Прохиронъ» и «Базилики». Это положеніе принялъ въ полной его силѣ Шенкъ и въ своей работѣ: Kaiser Leons III Walten im Innern, помѣщенной въ V томѣ того же журнала (1896 г., стр. 257—301), и старался устранить затрудненія въ такомъ рѣшеніи вопроса объ авторствѣ и хронологіи Тактики, на которыя указалъ самъ Цахаріэ въ своей статьѣ. Крумбахеръ, во второмъ изданіи своей «Исторіи Византійской литературы» (1897 г.), воспроизвелъ положеніе Цахаріэ. Онъ выразился впрочемъ довольно осторожно, а именно: «Новѣйшія изслѣдованія сдѣлали вѣроятнымъ, что подъ имп. Львомъ слѣдуетъ разумѣть Льва Исавра». Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ авторитету Цахаріэ, мы позволяемъ себѣ однако думать, что лишеніе имп. Льва Мудраго правъ авторства на «Тактику» есть лишь недоразумѣніе, весьма легко устранимое. Въ текстѣ этого произведе-

нія даны указанія не только на то, что его написалъ имп. Левъ Мудрый, но и на то время, когда оно вышло въ свѣтъ.

Цахаріэ фонъ-Лингенталь въ своей статьѣ по этому вопросу имѣлъ въ виду только 8 главу «Тактики», которую онъ сличалъ съ соотвѣтственнымъ текстомъ «Стратегики» Маврикія[1]. Первое сочиненіе имѣетъ въ своемъ цѣломъ 20 главъ, эпилогъ и приложеніе. Трудно предположить, чтобы такой авторитетный ученый, какъ Цахаріэ, рѣшился поднять вопросъ объ авторѣ, не ознакомившись съ сочиненіемъ въ его цѣломъ. Но будучи въ ту пору уже ветхимъ старцемъ — статья эта писана имъ въ годъ его смерти,—онъ понадѣялся, вѣроятно, на свою память, которая ему, очевидно, измѣнила въ данномъ случаѣ. Что же касается до Шенка, который поспѣшилъ принять и подтвердить гипотезу Цахаріэ, то онъ, очевидно, не видалъ ни «Тактики» имп. Льва, ни «Стратегики» Маврикія. Какъ извѣстно, единственное изданіе Маврикія принадлежитъ Шефферу и вышло въ Упсалѣ въ 1664 году. Книга эта составляла библіографическую рѣдкость уже въ прошломъ вѣкѣ, и знаменитый Гиббонъ всю свою жизнь разыскивалъ ея экземпляръ и не имѣлъ въ этомъ успѣха. Шенкъ цитуетъ это изданіе; но если бы онъ имѣлъ его въ рукахъ, то врядъ ли бы онъ могъ позволить себѣ странное утвержденіе, будто «Тактика» имп. Льва есть *извлеченіе* (Auszug) изъ «Стратегики» Маврикія. Авторъ «Тактики» хорошо былъ знакомъ съ Маврикіемъ, усвоилъ отчасти его планъ, сдѣлалъ изъ него много заимствованій, но его твореніе превосходитъ по размѣрамъ «Стратегику» Маврикія почти вдвое и уже поэтому одному не можетъ быть названо «извлеченіемъ», какъ сдѣлалъ это Шенкъ.

Не останавливаясь на аргументаціи Цахаріэ, а тѣмъ болѣе Шенка, мы укажемъ непосредственно на факты, устраняющіе возможность какого бы то ни было сомнѣнія въ томъ, что авторомъ «Тактики» былъ имп. Левъ Мудрый.

Въ XVIII главѣ «Тактики», которая соотвѣтствуетъ по общей мысли XI книгѣ «Стратегики» Маврикія (и въ значительной части представляетъ дословное ея воспроизведеніе), авторъ обозрѣваетъ военные обычаи тѣхъ народовъ, съ которыми приходится Византіи вести войну. Въ этомъ изложеніи онъ имѣетъ случай назвать нѣсколько историческихъ именъ и указать на нѣкоторыя событія. Менѣе чѣмъ о другихъ народахъ ему приходится говорить о Славянахъ (въ про-

1) Сохраняемъ старое обозначеніе автора, хотя сомнѣніе Шеффера относительно того, что «Стратегика» принадлежитъ Урбикію, врядъ ли основательно.

тивоположность Маврикію). Для ихъ характеристики онъ извлекаетъ кое что изъ Маврикія, но даетъ также сообщеніе, что они приняли христіанство, находятся подъ вліяніемъ византійской культуры и служатъ византійскимъ политическимъ интересамъ. Онъ называетъ и виновника этого переворота — ὁ ἡμέτερος ἐν θείᾳ τῇ λήξει γενόμενος πατὴρ καὶ Ῥωμαίων αὐτοκράτωρ Βασίλειος (XVIII, 101) [1]. Итакъ, авторъ «Тактики» есть сынъ имп. Василія, т. е. Левъ Мудрый.

Въ своихъ немногихъ сообщеніяхъ о Болгарахъ, авторъ поминаетъ объ одномъ событіи, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, какъ верховный руководитель византійской политики. Мѣсто это — § 42 той же XVIII главы.

«Такъ какъ я упомянулъ о Туркахъ, то не излишне будетъ разъяснить, какъ строятъ они свой боевой порядокъ и какъ нужно намъ выступать противъ нихъ. Мы имѣли случай узнать ихъ, когда Болгары нарушили мирный договоръ и сдѣлали набѣгъ на ѳракійскія мѣстности. Ихъ (т. е. Болгаръ) постигло отмщеніе за нарушеніе клятвы предъ Христомъ Господомъ, царемъ міра. Ибо такъ какъ наши силы были заняты войной съ Сарацинами, Божественный Промыслъ ополчилъ на Болгаръ вмѣсто Ромеевъ Турокъ. Флотъ нашего царскаго величества (τῆς ἡμῶν βασιλείας) переправилъ ихъ черезъ Истръ и оказывалъ имъ содѣйствіе. Злѣополчившееся на христіанъ болгарское войско они разбили въ трехъ битвахъ, будучи посланы словно Божіимъ Промысломъ, чтобы христіане-Ромеи не осквернились противъ воли кровью христіанъ-Болгаръ». — Такъ излагаетъ объ этомъ событіи авторъ «Тактики» и въ дальнѣйшемъ даетъ опредѣленное свидѣтельство о томъ, что между Византіей и Болгарами установились, послѣ этого «испытанія», миръ и любовь: — Ἀλλὰ Βουλγάρων τὴν ἐν Χριστῷ εἰρήνην ἀσπαζομένων καὶ κοινωνούντων τῆς εἰς αὐτὸν πίστεως Ῥωμαίοις, μετὰ τὴν ἐκ τῆς παρορκίας πεῖραν οὐχ ἡγούμεθα κατὰ αὐτῶν χεῖρας ὁπλίζειν, ἐπὶ τὸ Θεῖον ἤδη τὰ κατὰ ἐκείνων ἀναρτῶντες στρατηγήματα (XVIII, 44).

Наказаніе Болгаръ при помощи Турокъ, т. е. Мадьяръ, которое, по мнѣнію автора Тактики, образумило ихъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ установленіе прочнаго мира, относится къ 889 году. Эвфемизмъ автора понятенъ. Злоупотребленія отца его возлюбленной Зои, ставшей вскорѣ его супругой, вызвали обиду царя Симеона, который

1) Полнѣе и подробнѣе разсказалъ намъ объ этихъ событіяхъ внукъ имп. Василія, Константинъ Порфирородный, *de adm. imp.* c. 29, p. 129 B.

старался сначала уладить дѣло путемъ дипломатическихъ сношеній съ императоромъ и лишь послѣ неуспѣха переговоровъ поднялъ оружіе и нанесъ тяжкое пораженіе византійской арміи, выступившей противъ него. За деньги куплена была помощь Мадьяръ изъ за Дуная, которые своимъ вторженіемъ въ Болгарію отвлекли вниманіе и силы Симеона на сѣверъ. Временный успѣхъ, или, правильнѣе сказать, лишь облегченіе, авторъ, очевидно, приписалъ своей политической мудрости и потому выразился такъ благочестиво въ своемъ изложеніи. Въ подробныхъ изложеніяхъ объ этомъ событіи, которыя мы имѣемъ у Льва-грамматика (р. 266—269 В.), Кедрина (II, р. 254—256) и Зонары (XVI, 12, Migne, P. Gr. t. 135, p. 68), вина императора, слабость Византіи и окончательный успѣхъ Симеона выступаютъ въ истинномъ свѣтѣ. Для нашей цѣли было бы излишне останавливаться на выясненіи событій 889 года въ сообщаемыхъ нашими источниками подробностяхъ; но важно указать на то, что авторъ «Тактики» высказываетъ увѣренность въ наступленіи прочнаго мира съ Болгарами. Симеонъ, справившись съ Мадьярами, отомстилъ Византіи страшнымъ пораженіемъ ея арміи при Булгарофигѣ въ 892 году. Трудно допустить, чтобы царственный авторъ, вопреки истинѣ, свидѣтельствовалъ, что испытаніе и кара Божія въ видѣ Турокъ образумили Болгаръ. Мы полагаемъ, что «Тактика» вышла въ свѣтъ въ ту пору, когда Левъ Мудрый еще могъ вѣрить въ свой успѣхъ, т. е. не только раньше пораженія при Булгарофигѣ, но и до того времени, когда онъ былъ вынужденъ выдать Симеону выкупленныхъ имъ за деньги у Мадьяръ болгарскихъ плѣнниковъ. Возможно, такимъ образомъ, предположить, что «Тактика» была написана въ 890 или 891 году.

Въ подтвержденіе такой датировки «Тактики» можно указать на то, что авторъ сообщаетъ о Туркахъ. По его свидѣтельству, припонтійскія степи на сѣверъ отъ нижняго Дуная заняты Турками. Онъ даетъ очень полныя и живыя сообщенія объ образѣ жизни, военныхъ обычаяхъ и боевомъ снаряженіи Турокъ (XVIII, 45—76), дословно воспроизводя при этомъ изложеніе Маврикія, XI, с. 3, — объ Аварахъ[1]); ему лично принадлежатъ лишь вставки о Болгарахъ, §§ 61 и 75, а также заключительное замѣчаніе о томъ, что Турки не являются «ни врагами, ни сосѣдями» Имперіи и обнаруживаютъ склонность ока-

1) Авторъ «Тактики» отступаетъ отъ дословности лишь въ передачѣ нѣкоторыхъ терминовъ вооруженія, какъ замѣняетъ онъ латинскія слова команды греческими въ другихъ мѣстахъ своего изложенія.

зывать покорность императору (*καὶ μᾶλλον ὑπήκοοι Ῥωμαίοις σπουδάζουσιν ἀναδείκνυσθαι*). Имени Аваровъ нѣтъ въ «Тактикѣ», не знаетъ авторъ также никакихъ другихъ варваровъ въ припонтійскихъ степяхъ и земля Турокъ начинается для него за Истромъ, т. е. Дунаемъ. Между тѣмъ въ непосредственной связи съ дѣяніемъ «Божьяго Промысла», покорившаго Болгаръ за ихъ «клятвопреступничество», стояло событіе чрезвычайной важности въ судьбѣ какъ Мадьяръ, такъ и припонтійскихъ степей, и отдаленной отъ этихъ мѣстъ Моравіи, и самой Византіи. Разумѣемъ вытѣсненіе Турокъ на Тису и появленіе на правомъ берегу Днѣпра Печенѣговъ. Связь этихъ событій разъяснилъ намъ сынъ автора «Тактики», Константинъ Порфирородный. Справившись съ Турками, которыхъ оставила Византія послѣ ихъ первыхъ успѣховъ въ Болгаріи, Симеонъ перешелъ самъ въ наступленіе, разорилъ ихъ кочевья за Дунаемъ и соединившись съ Печенѣгами, которыхъ Хазары оттѣснили на западъ отъ своихъ предѣловъ, прогналъ Турокъ въ степи Тисы и средняго Дуная[1]). Въ 895 году это переселеніе было уже совершившимся фактомъ[2]). Если авторъ «Тактики» не обнаруживаетъ никакихъ свѣдѣній о столь важныхъ результатахъ своей «мудрой» политики 889 года, то, очевидно, его сочиненіе слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда онъ еще могъ гордиться своимъ временнымъ успѣхомъ въ столкновеніи съ Симеономъ.

Полагаемъ, что принадлежность «Тактики» Льву Мудрому не можетъ быть подвергнута сомнѣнію, и недоразумѣніе, въ которое былъ введенъ почтенный авторъ «Исторіи Византійской Литературы» авторитетомъ Цахаріэ, подлежитъ устраненію. Въ заключеніе укажемъ еще на одно имя, которое называетъ скупой на историческія указанія авторъ «Тактики». Имя это — Никифоръ. Оно названо четыре раза: XI, 24; 25; XV 38 и XVII 83, каждый разъ съ приложеніемъ: ὁ

---

1) Const. Pophyr., de adm. imp. c. 40. Μετὰ δὲ ταῦτα παρὰ Λέοντος τοῦ φιλοχρίστου καὶ ἀοιδίμου βασιλέως προσκληθέντες διεπέρασαν, καὶ τὸν Συμεὼν πολεμήσαντες κατὰ κράτος αὐτὸν ἥττησαν... Μετὰ δὲ τὸ πάλιν τὸν Συμεὼν μετὰ τοῦ βασιλέως τῶν Ῥωμαίων εἰρηνεύεσθαι καὶ λαβεῖν ἄδειαν, διεπέμψατο πρὸς τοὺς Πατζινακίτας, καὶ μετ᾽ αὐτῶν ὡμοφώνησε τοῦ καταπολεμῆσαι καὶ ἀφανίσαι τοὺς Τούρκους... Οἱ δὲ Τοῦρκοι ὑποστρέψαντες, καὶ τὴν χώραν αὐτῶν οὕτως εὑρόντες ἔρημον καὶ κατηφανισμένην, κατεσκήνωσαν εἰς τὴν γῆν εἰς ἣν καὶ σήμερον κατοικοῦσι, τὴν ἐπονομαζομένην κατὰ τὴν ἀνωτέρω, ὡς εἴρηται, τῶν ποταμῶν ἐπωνυμίαν... Οἱ δὲ ποταμοί εἰσιν οὗτοι, ποταμὸς πρῶτος ὁ Τιμήσης, ποταμὸς δεύτερος Τούτης, ποταμὸς τρίτος ὁ Μορήσις, τέταρτος ὁ Κρίσος, καὶ πάλιν ἕτερος ποταμὸς ἡ Τίτζα.

2) Подробное разсмотрѣніе вопроса о хронологіи этого событія см. у Грота, Моравія и Мадьяры. Спб. 1881, стр. 303 и сл.

ἡμέτερος στρατηγός. Авторъ разумѣетъ Никифора Фоку, заслуженнаго слугу имп. Василія въ его войнахъ на востокѣ и въ Италіи[1]), военными талантами котораго пользовался въ первые годы своего правленія и Левъ Мудрый. Никифоръ стоялъ противъ Симеона, пока не подоспѣли съ сѣвера Турки. Въ эту пору онъ изобрѣлъ оригинальную военную машину, которую авторъ «Тактики» подробно описываетъ (XI, 25), чтобы сохранить свѣдѣніе о ней для будущаго. Какъ сообщаетъ Кедринъ, Никифоръ состоялъ тогда въ званіи δομέστικος τῶν σχολῶν и пользовался большимъ расположеніемъ императора (р. 256). Такъ какъ, по сообщенію того же Кедрина, Никифоръ былъ вскорѣ лишенъ этого званія по интригамъ отца Зои, то любезное упоминаніе его имени въ текстѣ «Тактики» можетъ служить само по себѣ подтвержденіемъ предлагаемой нами хронологической даты этого произведенія[2]).

Юліанъ Кулаковскій.

15 февраля 1898.
Кіевъ.

---

1) Cedr. II, 256; Zonar. XVI, 11.

2) По свидѣтельству Льва грамматика, p. 269, — Симеонъ отважился выступить противъ Византіи только по *смерти* Никифора.

Славяне въ Греціи.

Когда въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія вся Европа была охвачена чувствомъ глубокой симпатіи къ грекамъ, поднявшимъ знамя возстанія противъ турецкаго ига, когда послѣ упорнаго, геройскаго сопротивленія эти бойцы за свободу съумѣли отстоять свою самостоятельность, и 3 февраля 1830 года европейскими державами было признано независимое греческое государство, когда увлеченное европейское образованное общество въ этихъ герояхъ видѣло сыновъ древней Эллады и узнавало въ нихъ черты Леонида, Эпаминонда, Филопемена, — въ это время изъ небольшого, малоизвѣстнаго города Ландсхута «раздаде охладителенъ мефистофелски гласъ» [1]), который заявлялъ пораженной Европѣ, что въ населеніи новаго греческаго государства нѣтъ ни капли настоящей эллинской крови, что весь великодушный порывъ Европы помочь дѣлу дѣтей священной Эллады являлся лишь пустымъ призракомъ, что древне-греческій элементъ давно уже исчезъ и смѣнился новыми, совершенно чуждыми этнографическими элементами, и преимущественно—славянскимъ и албанскимъ.

Человѣкъ, рѣшившійся открыто выступить въ такой моментъ со своей новой, потрясающей до основанія вѣрованія тогдашней Европы теоріей, былъ профессоръ всеобщей исторіи ландсгутскаго лицея Яковъ Филиппъ Фалльмерайеръ.

Возставъ противъ господствующаго въ то время мнѣнія относительно того, что славяне не представляютъ изъ себя всемірно-историческаго народа, что они являются только какою-то дополнительною частицей, большей энклитикой человѣческаго рода безъ собственнаго внутренняго значенія, что славяне, по выраженію Гегеля, который, какъ извѣстно, даже не счелъ ихъ достойными быть предметомъ сво-

1) Д. Матовъ. Гръцко-български студии. София. 1893. С. 18.

ихъ философскихъ разсужденій, есть «Mittelwesen zwischen europäischem und asiatischem Geist»,—Фалльмерайеръ первый взялся за изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Византіи, до него нетронутаго, почти незамѣченнаго, — это именно вопроса о значеніи и вліяніи славянскаго элемента въ Греціи [1]).

Если его теорія объ истребленіи греческой національности парадоксальна, иногда прямо произвольна и, конечно, не можетъ въ своемъ цѣломъ выдержать серьезной, ученой критики, тѣмъ не менѣе значеніе ея въ послѣдующихъ трудахъ ученыхъ, значеніе ея какъ причины появленія того интереса, который ввелъ ученыхъ въ изученіе совершенно новой области византійской исторіи, — интереса, который открылъ новые горизонты, расширилъ кругъ историческаго знанія,— это одно значеніе теоріи Фалльмерайера настолько глубоко и важно, что можетъ оправдать наше желаніе еще разъ собрать свѣдѣнія изъ источниковъ, упоминающихъ о славянахъ въ Греціи, напомнить въ большихъ или меньшихъ подробностяхъ его теорію и прослѣдить последующее развитіе ученыхъ споровъ и мнѣній до настоящаго времени.

Насколько-же вопросъ о славянскомъ вліяніи въ Византіи важенъ, это блестяще доказали позднѣйшіе труды по византійской исторіи, — труды, разбирающіе этотъ вопросъ уже съ точки зрѣнія гораздо болѣе общей, именно — вліянія славянскаго элемента не только на Грецію, но и на все византійское государство; труды знаменитаго германскаго юриста Цахаріэ-фонъ-Лингенталя и русскихъ ученыхъ В. Г. Васильевскаго и Ѳ. И. Успенскаго показали, насколько славянскій элементъ, славянская община вліяли на соціальный строй византійской имперіи, и тѣмъ самымъ еще разъ подтвердили то значеніе славянскаго племени, въ которомъ ему такъ долго и такъ несправедливо отказывали.

I.

Обзоръ историческихъ свѣдѣній о славянахъ въ Греціи.

При обзорѣ источниковъ, упоминающихъ о славянахъ въ Греціи, прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что почти всѣ они сообщаютъ свѣдѣнія о славянахъ въ Пелопоннисѣ и ничего не го-

1) Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient. 2 Auflage von Thomas. Stuttgart 1877. S. 479.

ворятъ о славянахъ въ Средней Греціи. Это объясняется тѣмъ, что славянскія племена на югѣ Греціи были гораздо многочисленнѣе, самостоятельнѣе славянскихъ поселеній Средней Греціи; слѣдствіемъ чего и было то, что славяне Пелопонниса по преимуществу и оставили свой слѣдъ на страницахъ византійскихъ анналовъ [1]).

Впервые имя славянъ, какъ этнографическій терминъ славянскаго племени, встрѣчается въ теологическихъ вопросахъ и отвѣтахъ Кесарія Назіанзина, который, по утвержденію патріарха Фотія [2]), долженъ быть братомъ знаменитому Григорію Назіанзину Богослову. Кесарій въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ называетъ племя Σχλαυηνοί [3]). Надо замѣтить, что это мѣсто Кесарія съ древнѣйшимъ упоминаніемъ имени славянъ оставалось неизвѣстнымъ Шафарику въ его «Славянскихъ Древностяхъ» [4]), почему мы здѣсь и рѣшились о немъ напомнить.

Нападенія славянъ на провинціи, лежащія къ югу отъ Дуная, могутъ быть документально засвидѣтельствованы со времени вступленія на престолъ Юстиніана I, т. е. съ 527 года, и затѣмъ эти нашествія идутъ почти непрерывно на всемъ протяженіи VI столѣтія [5]).

Трудно предполагать, чтобы славяне, извѣстные уже, на основаніи словъ Кесарія, въ IV вѣкѣ по близости отъ Дуная, не участвовали въ болѣе раннихъ нападеніяхъ, хотя для утвержденія этого нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ въ источникахъ. Но византійскіе писатели вообще, а того времени въ частности, такъ произвольно, такъ неопредѣленно называли тѣ или другія народности, что всегда оставляли мѣсто сомнѣнію и позволяли дѣлать различныя предположенія.

---

1) Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart. 1889. B. I, S. 137.

2) Photii bibliotheca. Cod. 210. Migne. Patr. Gr. T. 103, p. 689: εἶναι δέ φασι Γρηγορίου, οὗ τὸ Θεολόγος ἐπώνυμον, τὸν συγγραφέα ἀδελφόν.

3) Вопросы и отвѣты Кесарія изданы іезуитомъ Ducaeus въ Bibliotheca veterum patrum. Parisiis. 1624. T. I и въ Magna bibliotheca patrum. T. XI. Parisiis.1654; четыре діалога Кесарія изданы въ патрологіи Миня (Migne Patr. Gr. T. 38). Вотъ текстъ этого мѣста: πῶς δ'ἐν ἑτέρῳ τμήματι ὄντες οἱ Σχλαυηνοὶ καὶ Φυσωνῖται, οἱ καὶ Δανούβιοι προσαγορευόμενοι, οἱ μὲν γυναικομαστοβοροῦσιν ἡδέως, διὰ τὸ πεπληρῶσθαι τοῦ γάλακτος, μυῶν δίκην τοὺς ὑποτίτθους, ταῖς πέτραις ἐπαράττοντες, οἱ δὲ καὶ τῆς νομίμης καὶ ἀδιαβλήτου κρεωβορίας ἀπέχονται; (Ducaeus p. 614 = Migne. T. 38, p. 985).

4) Впервые это мѣсто указано Мюлленгофомъ. Müllenhoff. Donau-Dunavъ-Dunaj въ Archiv für slavische Philologie. B. I, 1876, S. 290—298; позднѣе эта статья вошла въ его большой трудъ «Deutsche Altertumskunde». B. II. Berlin. 1887. S. 362—372; приведенное мѣсто о славянахъ на стр. 367.

5) Procopii Historia Arcana. C. 18 p. 108: Οὖννοί τε καὶ Σχλαβηνοὶ καὶ Ἄνται σχεδόν τι ἀνὰ πᾶν καταθέοντες ἔτος, ἐξ οὗ Ἰουστινιανὸς παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν, ἀνήκεστα ἔργα εἰργάσαντο τοὺς ταύτῃ ἀνθρώπους. См. также Procopii De Bello Gothico. III, 14, p. 331; III, 40, p. 450.

Такъ хронистъ VI вѣка комисъ Марцеллинъ, сообщающій о первыхъ болгарскихъ нашествіяхъ на Византію въ концѣ V-го и началѣ VI-го вѣковъ, въ своихъ разсказахъ называетъ скиѳовъ, болгаръ, гетовъ.

Особеннаго вниманія съ нашей точки зрѣнія заслуживаетъ здѣсь имя гетовъ, которыхъ византійскій писатель начала VII вѣка Ѳеофилактъ отождествляетъ со славянами, говоря, что геты есть болѣе древнее имя этихъ варваровъ [1]).

Марцеллинъ упоминаетъ гетовъ нѣсколько разъ во время царствованія императора Анастасія I (491—518). Въ 505 году былъ отправленъ противъ отложившагося отъ Византіи гета Мундона начальникъ войска Сабиніанъ [2]). Во время возстанія Виталіана противъ Анастасія византійскій начальникъ Кириллъ былъ зарѣзанъ гетскимъ ножемъ [3]). Въ 517 году гетскіе всадники опустошили Македонію, Ѳессалію и дошли до Ѳермопилъ и древняго Эпира [4]). Въ 530 году, уже въ царствованіе Юстиніана, Мундо разбилъ гетовъ, которые давно опустошали Иллирію [5]).

Во всѣхъ четырехъ приведенныхъ мѣстахъ Марцеллинъ пользуется именемъ гетовъ довольно неопредѣленно. Нельзя въ Мундонѣ, напримѣръ, видѣть славянина; уже самое его имя указываетъ на германское происхожденіе. Но кромѣ того, историкъ Іорданъ причисляетъ его къ соплеменникамъ Атиллы [6]), т. е. къ гуннамъ, а Еннодій въ своемъ панегирикѣ Теодериху къ болгарамъ [7]). Ничего опредѣленнаго

---

1) Theophylacti Simocattae Historia. III, 4, 7. De-Boor p. 116—117: τὸ δὲ Γετικόν, ταὐτὸν δ᾽εἰπεῖν, αἱ τῶν Σκλαυηνῶν ἀγέλαι, τὰ περὶ τὴν Θρᾴκην ἐς τὸ καρτερὸν ἐλυμαίνοντο.

2) Marcellini Comitis Chronicon ad a. 505 (Chronica Minora ed. Mommsen. Vol. II. 1893, p. 96): idem Sabinianus Sabiniani Magni filius ductorque militiae delegatus contra Mundonem Getam arma construxit.

3) Marcellini Chron. ad a. 514: Cyrillum... repperit dormientem eumque abstractum mox cultro Getico jugulavit (Mommsen. Chr. Min. II. 99).

4) Marcellini Chron. ad a. 517: duae tunc Macedoniae Thessaliaque vastatae et usque Thermopylas veteremque Epirum Getae equites depraedati sunt (Mommsen. Chr. Min. II, p. 100).

5) Marcellini Chron. ad a. 530: Mundo Illyricianae utriusque militiae ductor Getis Illyricum discursantibus primus omnium Romanorum ducum incubuit eosque haud paucis eorum interemptis fugavit (Mommsen. Chr. Min. II, p. 103).

6) Iordanis Getica, c. 58 ed. Mommsen, p. 135: nam hic Mundo de Attilanis quondam origine descendens.

7) Ennodi. Panegyricus dictus Theoderico, ed. Vogel 1885, въ Monum. Germ. Hist. p. 210—211: per foederati Mundonis adtrectationem Graecia est professa discordiam, secum Bulgares suos in tutela deducendo.

не представляетъ изъ себя выраженіе Марцеллина culter geticus. Но если сопоставить послѣднія два извѣстія Марцеллина съ данными Прокопія относительно непрерывныхъ нападеній гунновъ (болгаръ), антовъ и славянъ, то можно придти къ заключенію, что геты у Марцеллина являются понятіемъ собирательнымъ для славянъ и болгаръ вмѣстѣ [1]); нѣкоторые-же ученые признаютъ ихъ даже настоящими славянами [2]). Такимъ образомъ, вѣроятно, что Славяне, участвуя въ походахъ болгаръ конца V и начала VI вѣковъ, дѣйствительно въ 517 году уже проникали до Θермопилъ.

Возможно, что славянскія племена были въ Греціи еще раньше съ толпами готовъ, геруловъ и другихъ народностей, опустошавшихъ Балканскій полуостровъ до самаго юга; но эти нашествія были преходящими: варвары въ Греціи не оставались. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ прямо говоритъ, что во время отъ 250 до 270 года готы, герулы и разныя славянскія племена переходили Истмъ, грабили Коринθъ, Аргосъ, Тегею, Спарту и исчезали со своею добычей туда, откуда приходили [3]).

Наконецъ, какъ извѣстно, Дриновъ возводитъ начало заселенія Балканскаго полуострова славянами даже къ концу II вѣка [4]).

Итакъ, первое достовѣрное извѣстіе о славянахъ къ югу отъ Дуная представляетъ изъ себя вышеприведенное свидѣтельство Прокопія.

Отъ нашествій первой половины VI вѣка неоднократно страдала и Греція. Въ 539 году болгары, разграбивъ Иллирію и Θессалію, осадили сильно укрѣпленныя Θермопилы, но, найдя обходную тропинку, проникли въ Среднюю Грецію и удалились, перебивъ почти всѣхъ грековъ кромѣ пелопоннисцевъ [5]). Среди населенія Греціи былъ введенъ

1) См. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde. B. II, S. 384.

2) См. напр. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Москва. 1873. С. 92.

3) Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. Petermann's Mitteilungen. B. 36 (1890). S. 2.

4) Дриновъ, op. cit. с. 135. Мнѣніе его имѣетъ теперь сторонниковъ; см. напр. новѣйшую болгарскую работу Шишманова «Славянски селища въ Критъ и на другите острови». София. 1897. С. 18 (Отпечатъкъ отъ Български Прегледъ. 1897. Кн. III). Работа Шишманова, сообщая полную новѣйшую библіографію по вопросу о славянствѣ въ Греціи, представляетъ изъ себя прекрасно составленный обзоръ исторіи вопроса о славянскомъ вліяніи на островахъ Эгейскаго и Адріатическаго морей.

5) Procopii De Bello Persico. II, 4, p. 168: οὕτω τε σχεδὸν ἅπαντας Ἕλληνας, πλὴν Πελοποννησίων, διεργασάμενοι ἀπεχώρησαν. См. также Procopii De Aedificiis. IV, 3. p. 276.

особый налогъ на содержаніе гарнизона въ Ѳермопилахъ, защита которыхъ раньше лежала на отвѣтственности мѣстныхъ обитателей, чего теперь въ виду частыхъ варварскихъ нашествій считалось уже недостаточнымъ [1]). Но тюркскіе болгары вскорѣ были уничтожены новымъ пришлымъ народомъ—аварами, которые точно также направили свои дикія толпы па византійскія области.

Не останавливаясь подробно на почти ежегодныхъ однообразныхъ нашествіяхъ сѣверныхъ варваровъ въ предѣлы византійскаго государства, мы перейдемъ къ извѣстіямъ о славянахъ въ собственной Греціи.

Первое большое вторженіе славянъ въ Грецію было въ 577 году въ царствованіе Юстина II (565—578), когда соправителемъ его былъ уже третій годъ Тиберій. Современный церковный писатель Іоаннъ Эфесскій, монофизитъ, писавшій на сирійскомъ языкѣ, бывшій въ теченіе тридцати лѣтъ довѣреннымъ лицомъ императора Юстиніана, преслѣдуемый при Юстинѣ II и умершій приблизительно въ 585 году [2]), даетъ интересныя свѣдѣнія объ этомъ славянскомъ вторженіи. Славяне прошли всю Грецію, Ѳессалію и Ѳракію, опустошая страну, овладѣвая городами и крѣпостями, обращая населеніе въ рабство; они сдѣлались господами всей страны и жили въ ней безъ страха, какъ въ своей собственной. Такъ прошло четыре года, въ которые императоръ былъ занятъ войною съ персами (до 582 года) и долженъ былъ почти всѣ свои войска отправить на Востокъ. Славяне въ это время, «насколько Богъ имъ это позволялъ» [3]), и свои нападенія и гра-

---

1) Procopii Historia Arcana. C. 26, p. 147—148.

2) Land. Iohannes Bischof von Ephesus, der erste syrische Kirchenhistoriker. Leyden. 1856. Wright. Syriac Litterature въ Encyclopedia Britannica. T. 22, p. 835; отдѣльное изданіе — Wright. A short History of Syriac Litterature. London. 1894. p. 102—107.

3) Полный сирійскій текстъ Іоанна Эфесскаго изданъ Ландомъ. Land. Anecdota Syriaca. T. II. 1868. Не владѣя сирійскимъ языкомъ, мы пользовались англійскимъ переводомъ Payne Smith. The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus. Now first translated from the original syriac. Oxford. 1860, гдѣ эти слова переведены такъ: as far as God permits them (p. 432). Существуетъ также нѣмецкій переводъ этой части — Schönfelder. Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus, aus dem Syrischen übersetzt. München. 1862, гдѣ эти слова переведены такъ: bis Gott sie hinauswarf, что принято Гопфомъ (Griechische Geschichte. B. 85 въ Энцикл. Эрша и Грубера S. 89) и нѣкоторыми другими. Но нѣмецкій переводъ невѣренъ: онъ противорѣчитъ послѣдующимъ словамъ: «ибо сегодня они еще живутъ тамъ»; это противорѣчіе еще было замѣчено Гутшмидомъ въ его рецензіи на книгу Гопфа въ *Literarisches Centralblatt*. 1868. S. 241 = Gutschmid. Kleine Schriften, herausg. v. Rühl. B. V. Leipzig. 1894. S. 433.

бежи производили до самой Константинопольской стѣны; цѣлые табуны императорскихъ лошадей были угнаны. «И до сегодня, т. е. до года 895 (=584 по Р. Х.), они еще живутъ тамъ безъ всякаго страха»; они стали богаты, имѣютъ много золота, серебра, табуны лошадей и оружіе и научились сражаться лучше самихъ римлянъ, между тѣмъ какъ раньше они со своими дротиками не смѣли выходить изъ лѣсовъ [1]).

По краткому сообщенію Менандра объ этомъ нашествіи, 100,000 славянъ грабило Өракію и многія другія мѣстности [2]). Изъ другого отрывка Менандра видно, что въ это время Греція также была опустошаема славянами [3]).

Императоръ Тиберій (578—582) долженъ былъ за помощью обратиться къ аварскому хану Баяну, который, взявъ съ императора 80,000 золотыхъ, очень плохо держалъ свое слово и велъ относительно Византіи весьма коварную политику [4]). Договоръ постоянно нарушался. Каганъ, пользуясь тѣмъ, что императоръ долженъ былъ большую часть своихъ войскъ отправить противъ персовъ, и будучи недоволенъ тѣмъ, что его послы, несмотря на императорское прикрытіе, попали въ руки славянъ, послалъ свои войска на Византію.

Современный хронистъ, жившій въ Константинополѣ съ 558 по 575 годъ, Іоаннъ, аббатъ биклярійскаго монастыря, отмѣчаетъ подъ 576 и 577 годами своей хроники нападенія славянъ и аваровъ на Өракію, достигающія длинной стѣны, а подъ 579 годомъ сообщаетъ о занятіи нѣкоторыхъ частей Греціи и Панноніи аварами [5]). Императоръ долженъ былъ уступить послѣднимъ Сирміумъ.

---

1) Payne Smith, op. cit. p. 432—433.

2) Menandri Fragmenta. Bonn. p. 327 = Historici Graeci Minores. II, p. 98: κατὰ δὲ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρι που χιλιάδων ἑκατὸν Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι.

3) Menandri Fragm. B. p. 404 — Hist. Gr. Min. II, 98: ὅτι κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἁπανταχόσε ἀλλεπαλλήλων αὐτῇ ἐπηρτημένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβέριος... πρεσβεύεται ὡς Βαϊανόν.

4) Hopf. Griechische Geschichte. S. 89. Groh. Die Kämpfe mit den Avaren und Longobarden unter der Regierung Iustins II. Inaugural Dissertation. Halle. 1889. S. 30; эта диссертація вошла въ его книгу — Geschichte des oströmischen Kaisers Iustin II. Leipzig. 1889. S. 87.

5) Iohannis Abbatis Monasterii Biclarensis Chronicon въ Mon. Germ. Hist. Chronica Minora. 1893. V. II: Sclavini in Thracia multas urbes Romanorum pervadunt, quas depopulatas vacuas reliquere (p. 214); Avares Thracias vastant et regiam urbem a muro longo obsident (p. 215); Avares a finibus Thraciae pelluntur et partes Graeciae atque Pannoniae occupant (p. 215). Паннонія есть, вѣроятно, испорченное имя Пелопонниса. См. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München. 1837, S. 625.

Въ первые годы правленія Маврикія (582—602) авары, не смотря на договоры, страшно опустошали византійскія области, требовали громадной контрибуціи и угрожали даже такимъ городамъ, какъ Филиппополь и Адріанополь [1]). Когда сами авары хотѣли отдохнуть отъ постоянныхъ войнъ, они высылали на византійскія области славянъ, которые почти всегда въ качествѣ союзниковъ находились въ ихъ войскѣ [2]). По этому при разсказахъ о нашествіяхъ аваровъ за это время всегда возможно среди послѣднихъ предполагать славянъ.

Къ 587 или 589 году относится нападеніе аваровъ, о которомъ сообщаетъ извѣстное мѣсто Евагрія, послужившее, какъ мы увидимъ ниже, главнымъ основаніемъ теоріи Фалльмерайера; въ этотъ походъ, по словамъ Евагрія, авары опустошили Сингидонъ, Анхіалъ и всю Грецію [3]).

О послѣднемъ фактѣ говоритъ также такъ называемая Монемвасійская хроника, о которой мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Впервые хроника περὶ τῆς κτίσεως Μονεμβασίας была издана въ 1749 году на основаніи очень плохой туринской рукописи Пасини [4]). Въ новѣйшее время греческій ученый Ламбросъ нашелъ на Аѳонѣ двѣ новыхъ рукописи этой хроники — одну въ монастырѣ Кутлумушѣ, другую въ Иверскомъ — и издалъ ихъ съ приложеніемъ текста Пасини и изслѣдованія объ источникахъ и значеніи хроники [5]).

Разсказъ ея въ спискахъ туринскомъ и кутлумушскомъ распадается на три отдѣльныя части: 1) разсказъ о поселеніи аваровъ Юстиніаномъ около города Доростола или Дристры и о нападеніи ихъ на византійскія области до времени императора Маврикія, т. е. 582 года; 2) разсказъ о нападеніи аваровъ и славянъ при Маврикіѣ на Пело-

---

1) Hopf, op. cit. S. 89—90.

2) Въ византійскихъ источникахъ существуетъ очень много указаній на союзныя дѣйствія славянъ съ аварами. См. напр. Theophyl. Simoc. De Boor p. 52, 226, 289 и нѣк. др. Nicephori breviarium. De Boor p. 18. Theophanis Chronogr. De Boor V. I, p. 254, 270, 274, 282; послѣдній заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этомъ у Ѳеофилакта.

3) Evagrii Hist. Eccles. VI, 10. Migne. Patr. Gr. T. 86_2 p. 2860; текстъ этого мѣста и разборъ его будутъ приведены ниже.

4) Pasinus. Codices manuscripti bibliothecae Taurinensis Athenaei recensuerunt Iosephus Pasinus, Antonius Rivautella et Franciscus Berta. Taurini. 1749. fol. Pars prima complectens Hebraicos et Graecos. Греческій текстъ на стр. 417—418; латинскій переводъ на стр. 418—420.

5) Λάμπρος. Ἱστορικὰ μελετήματα. Ἐν Ἀθήναις. 1884. σ. 97—128. Въ послѣднее время Монемвасійская хроника вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

поннисъ, о выселеніи пелопоннисцевъ въ Сицилію и на сосѣдніе острова, объ основаніи частью жителей Лаконіи у восточныхъ береговъ Пелопонниса укрѣпленнаго города Монемвасіи, о покореніи славянъ византійскимъ стратегомъ при Никифорѣ Геникѣ (802—811), объ обращеніи варваровъ въ христіанство и возведеніи архіепископства Патръ въ митрополію при томъ-же императорѣ; 3) свѣдѣнія о митрополитахъ Монемвасіи и Лакедемона въ позднѣйшія времена[1]). Иверскій списокъ отличается гораздо большими подробностями, а иногда даетъ даже новыя свѣдѣнія сравнительно съ первыми двумя списками; но онъ за то заключаетъ въ себѣ только двѣ первыя части разсказа послѣднихъ.

Результаты изслѣдованія Ламброса сводятся къ тому, что основаніе хроники, составленной въ Монемвасіи, носитъ историческій характеръ и должно быть отнесено къ древнимъ временамъ. Между началомъ X и концомъ XI вѣка для прославленія побѣдъ византійскихъ императоровъ въ Пелопоннисѣ надъ славянами и въ виду торжества православной церкви надъ ними былъ составленъ изъ сообщеній различныхъ византійскихъ писателей—Менандра, Евагрія[2]), Өеофилакта, Өеофана и другихъ — синаксарь, въ который мало-по-малу, вѣроятно къ концу XIII вѣка, вошли различныя свѣдѣнія о церквахъ Лакедемона и Монемвасіи; въ это же время, а можетъ быть и гораздо позднѣе, къ первоначальному синаксарю примѣшались легендарные разсказы о выселеніи пелопоннисцевъ[3]). Таково происхожденіе, по мнѣнію Ламброса, настоящаго текста хроники. Очевидно ея показаніями надо пользоваться съ большою осторожностью.

Относительно интересующаго насъ нападенія на Грецію хроника говоритъ, что на шестомъ году правленія Маврикія, т. е. въ 587 году, аварскій каганъ покорилъ всю Өессалію, всю древнюю Грецію, Эпиръ, Аттику и Эвбею; другая же часть аваровъ покорила Пелопоннисъ и, уничтоживъ населеніе, поселилась въ немъ[4]).

Итакъ, показанія Іоанна Эфесскаго, Менандра, Іоанна Бикларійскаго, Евагрія и отчасти Монемвасійской хроники, показаній которой

1) Λάμπρος op. cit. σ. 114.

2) Объ Евагріѣ, какъ источникѣ свѣдѣній объ аварахъ, прямо говоритъ иверскій текстъ хроники: καθὼς ὁ Εὐάγριος λέγει ἐν τῷ πέμπτῳ αὐτοῦ λόγῳ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας (Λάμπρος. σ. 98). См. Evagrii V, 1. Migne. Patr. Gr. T. 86_2, p. 2789—2791. Λάμπρος на стр. 115 сопоставляетъ оба текста.

3) Λάμπρος op. cit. σ. 127—128.

4) Λάμπρος op. cit. σ. 103 (Иверскій текстъ), 99—100 (туринскій и кутлумушскій).

нельзя, конечно, принимать слово въ слово, даютъ возможность утверждать, что въ концѣ VI вѣка Греція была уже знакома со славянами, которые неоднократно вторгались въ нее; и первыя славянскія поселенія въ Греціи, поселенія небольшія, разбросанныя должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены уже къ этому времени.

Къ концу VI вѣка славяне своими нападеніями уже заставляли говорить о себѣ даже Западъ, и папа Григорій Великій въ 600 году въ письмѣ къ Максиму, епископу Салоникскому, говоритъ, что онъ сильно скорбитъ и смущается славянскимъ племенемъ, которое угрожаетъ грекамъ; но я смущаюсь и тѣмъ, прибавляетъ папа, что славяне черезъ Истрію начали уже подступать къ Италіи[1]).

Кровавое правленіе Фоки (602—611) и первая половина царствованія Ираклія не позволяли византійскому правительству заниматься дѣлами Греціи. Войны съ Персіей и аварами раззоряли государство; враги угрожали столицѣ; упавшій духомъ Ираклій уже рѣшилъ покинуть Константинополь и удалиться въ Карѳагенъ.

Въ это время, когда всѣ силы государства были направлены на Востокъ къ столицѣ, славянамъ открывался свободный доступъ въ Грецію. Можно съ увѣренностью сказать, что въ первую половину правленія Ираклія колонизація славянами Греціи сдѣлала большіе успѣхи. Современникъ Ираклія Исидоръ, епископъ Севильскій († въ 636 году), человѣкъ извѣстный своими обширными, разносторонними познаніями, авторъ многочисленныхъ сочиненій[2]), въ своей хроникѣ между прочимъ пишетъ слѣдующее: въ началѣ пятаго года правленія Ираклія славяне отняли у римлянъ Грецію, Персы—Сирію, Египетъ и многочисленныя провинціи[3]). Съ этимъ извѣстіемъ можно сопоставить другое современное свидѣтельство, принадлежащее, вѣроятно, Ѳомѣ Пресвитеру, якобитскому писателю VII вѣка[4]), который говоритъ:

1) Sancti Gregorii Magni epistolae. Lib. X. Indict. III, ep. 36. Migne Patr. Lat. T. 77, p. 1092—1094: et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, et affligor vehementer et conturbor. Affligor in his quae jam in vobis patior; conturbor, quia per Istriae aditum jam ad Italiam intrare coeperunt (Migne. T. 77, p. 1092).

2) Объ Исидорѣ и его сочиненіяхъ см. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. V Auflage. B. I. Berlin. 1885, S. 81—84.

3) Isidori Hispalensis episcopi Chronicon. Migne. Patr. Lat. T. 83, p 1018—1058: Heraclius dehinc quintum agit imperii annum. Cujus initio Sclavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syriam et Aegyptum plurimasqne provincias (Migne. T. 83, p. 1056).

1) Land. Anecdota syriaca. T. I. Lugduni Batavorum. 1862. Libri Chalifarum p. 103—21;1 въ предисловіи Ландъ говоритъ: Librum Chalifarum quamvis a stultissimo

въ 623 году славяне напали на Критъ и прочіе острова; тамъ были захвачены благочестивые мужи изъ извѣстнаго якобитскаго монастыря около сирійскаго города Кинесрина, изъ которыхъ около двадцати было убито[1]).

Такимъ образомъ современникъ Исидоръ считалъ Грецію во власти славянъ, которые, по словамъ Ѳомы, нападали на Критъ и прочіе острова,—другими словами имѣли уже флотъ. Отсюда только и можно заключить, что Греція была уже довольно густо заселена въ началѣ VII вѣка чуждыми элементами, которыми въ данномъ случаѣ являлись славяне; послѣдніе въ 623 году были уже настолько сильны, настолько освоились со своимъ новымъ мѣстопребываніемъ, что завели даже флотъ, на которомъ пускались грабить сосѣдніе острова. Въ 642 году славяне уже нападали на южную Италію[2]).

До царствованія Льва III Исаврянина, т. е. до 717 года, о Греціи нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ теченіе цѣлаго столѣтія о ней какъ бы забыли.

Подъ 657 годомъ въ правленіе Константа II есть замѣтка о томъ, что императоръ выступилъ въ походъ противъ Склавиніи, захватилъ много плѣнныхъ и подчинилъ страну[3]); но здѣсь подъ Склавиніей трудно предполагать Грецію, и, по всей вѣроятности, этотъ походъ относится къ славянамъ, живущимъ у Ѳессалоники и осаждавшимъ ее въ это время[4]).

Но въ теченіе VII столѣтія и въ началѣ VIII-го постепенная колонизація славянами Греціи, включая сюда и Пелопоннисъ, продолжалась. Какихъ либо отдѣльныхъ фактовъ объ этомъ, упоминаній источники намъ не сохранили; но это можно предположить изъ словъ жизнеописанія епископа эйхштадтскаго Виллибальда, которое соста-

---

homine congestum propterea descripsi, quia fragmenta historica offert minime contemnenda, excerpta, *nisi fallor*, praesertim e Thoma Presbytero, saeculi VII Scriptore Jacobita (Praefatio, p. IX).

1) Land op. cit. p. 115: Anno 934 (A. D. 623) Slavi Cretam ceterasque insulas invasere; atque illic pii viri Kenesriuenses comprehensi sunt, quorum fere viginti interfecti.

2) Pauli Diaconi Historia Longobardorum IV, 44. Mon. Germ. Hist. Scriptores rerum longobordarum et italicarum. 1878, p. 135: qui Aio cum jam annum et mensibus quinque Beneventanorum ducatum regeret, venientes Sclavi cum multitudine navium, non longe a civitate Seponto castra posuerunt.

3) Theophanis Chron. De Boor. I, p. 347: Τούτῳ τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν ὁ βασιλεὺς κατὰ Σκλαυινίας καὶ ἠχμαλώτευσε πολλοὺς καὶ ὑπέταξεν. Cedrenus. I. 761.

4) Hopf op. cit. S. 94.

влено въ половинѣ VIII вѣка одной монахиней еще при его жизни[1]). Виллибальдъ, отправляясь на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ въ 723—728 годахъ, изъ Сиракузъ черезъ Адріатическое море прибылъ къ городу Манафасіи (Монемвасіи), который, по его словамъ, находился въ славянской землѣ[2]). Это современное свидѣтельство жизнеописанія Виллибальда только указываетъ на то, что славяне уже настолько населяли Грецію, что на западѣ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ называли всю страну славянской землей.

Во время правленія Льва III въ 727 году населеніе Греціи (Ἑλλαδικοί) и Цикладскихъ острововъ подняло возстаніе, не желая подчиняться эдикту императора, направленному противъ почитанія иконъ. Греческій турмархъ Агалліанъ и Стефанъ стали во главѣ войска и снарядили большой флотъ. Какой-то Козьма былъ провозглашенъ императоромъ. Ихъ флотъ направился къ столицѣ, но 15 апрѣля былъ разбитъ и сожженъ императорскими войсками. Очень многіе, въ томъ числѣ и Агалліанъ, въ отчаяніи бросились въ море; остальные попали въ плѣнъ. Козьма и Стефанъ лишились головы[3]).

Здѣсь интересно отмѣтить новый терминъ для обозначенія жителей Греціи: они не названы Ἕλληνες, а Ἑλλαδικοί; послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, должно указывать на то, что сами византійцы уже признавали въ то время происшедшую перемѣну въ населеніи греческаго полуострова, почему и не могли его называть прежнимъ именемъ[4]).

Въ этомъ мѣстѣ мы хотимъ упомянуть объ апокрифическомъ житіи перваго епископа сицилійскаго города Таормины Панкратія[5]).

---

1) Willibaldi episcopi Eichstetensis Vita. Mon. Germ. Hist. SS. T. 15 p. 81.

2) Willibaldi Vita. MGH. SS. T. 15, p. 93: venerunt Saracusam urbem in ipsa regione et inde navigantes venerunt ultra mare Adria ad urbem Manafasiam in Slawinia terrae.

3) Nicephori Breviarium. De Boor. p. 57—58. Theophanis Chron. De Boor. I p. 405. Cedrenus. I p. 796.

4) Другого мнѣнія держится о значеніи слова Ἑλλαδικοί англійскій ученый Bury; онъ думаетъ, что въ VIII вѣкѣ Helladikoi назывались жители ѳемы Эллады, которая составляла только часть Греціи; пелопоннисцы не были Helladikoi; послѣднее имя образовано по аналогіи съ Armeniakoi и Anatolikoi и имѣетъ чисто административное, а не національное значеніе. Населеніе же всѣхъ трехъ греческихъ ѳемъ — Эллады, Пелопонниса и Никополя — называлось, какъ и прочіе подданные византійской имперіи, *ромеями*. Имя *эллины* въ VIII вѣкѣ не имѣло значенія извѣстной національности; оно обозначало язычниковъ въ противоположность христіанамъ. См. Bury. The Helladikoi въ *The English Historical Review*. T. VII (1892), p. 80—81.

5) Въ извлеченіяхъ греческій текстъ житія изданъ и снабженъ богатымъ ученымъ комментаріемъ проф. А. Н. Веселовскимъ. Изъ Исторіи Романа и Повѣсти. Ма-

Это житіе, составленное Евагріемъ, вѣроятно, въ началѣ иконоборческаго періода, приблизительно до 730-хъ годовъ[1]), было уже извѣстно въ первой половинѣ IX вѣка таорминскому епископу Ѳеофану Керамевсу, который въ одной изъ своихъ проповѣдей, произнесенной въ день св. Панкратія, по всей вѣроятности, въ первый періодъ завоеванія мусульманами Сициліи и возстанія Евфимія, упоминалъ на основаніи житія Евагрія о дѣятельности Панкратія на островѣ[2]). Въ житіи, гдѣ дѣйствуетъ и апостолъ Петръ, Панкратій приплываетъ къ Сициліи, обращаетъ въ христіанство игемона Вонифатія (Βονιφάτιος), разрушаетъ идоловъ, насаждаетъ Христову вѣру. Однажды Вонифатій возвратился изъ побѣдоноснаго похода. Панкратій, встрѣтивъ его на берегу благословеніемъ, совершилъ въ станѣ литургію; послѣ чего обратился къ игемону съ вопросомъ, къ какой національности принадлежали его плѣнники. Оказалось, что это были авары, нечестивый народъ, говорящій не на греческомъ языкѣ и живущій у Диррахіума и Аѳинъ[3]). Спрошенные черезъ толмача плѣнные отвѣчали: мы народъ авары и почитаемъ какъ боговъ изображенія различныхъ пресмыкающихся и четвероногихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы совершаемъ возліянія огню, водѣ и нашимъ мечамъ. Увидя во время войны, что ваше оружіе блеститъ въ вашихъ рукахъ, какъ свѣтъ факеловъ, мы отступили; думая, что это ваши боги, и мы, пославъ въ храмы, привели нашихъ наиболѣе извѣстныхъ боговъ и поставили противъ васъ; когда же они увидѣли, что впереди васъ идетъ огонь, они растаяли, какъ воскъ[4]). Панкратій крестилъ плѣнныхъ, ставилъ епископовъ и діаконовъ.

теріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. Греко-византійскій періодъ. С.-Петербургъ. 1886 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XL, № 2). II. Эпизодъ о Таврѣ и Меніи въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія, стр. 65 сл.

1) Веселовскій, стр. 67.

2) См. Amari. Storia di Musulmani della Sicilia. T. I. Firenze. 1854, p. 493. Веселовскій, стр. 66—67. Гомилію Ѳеофана Керамевса см. у Migne. Patr. Gr. T. 132, p. 1000—1001.

3) ἔθνος μιαρόν, μηδόλως γλώσσης ἑλληνίδος μετέχον· παράκειται δὲ παρὰ τὰς τοῦ Διρραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίας (Веселовскій op. c. стр. 90).

4) ἡμεῖς ἔθνος ἐσμὲν Ἀβαρικὸν καὶ θεοὺς σεβόμεθα παντοίων ἑρπετῶν καὶ τετραπόδων ὁμοιώματα. Σὺν τούτοις ἅπασι τῷ τε πυρὶ καὶ ὕδατι καὶ ταῖς μαχαίραις ἡμῶν σπένδομεν. ἰδόντες οὖν ἡμεῖς ἐν τῷ πολέμῳ τὰ ὅπλα ὑμῶν ἀστράπτοντα ἐν ταῖς χερσὶν ὑμῶν ὡς φῶτα λαμπάδων, ἐξέστημεν καὶ νομίσαντες ὅτι οἱ θεοὶ ὑμῶν εἰσι. πέμψαντες εἰς τοὺς ναοὺς ἠγάγομεν καὶ ἡμεῖς τοὺς ἐπισημοτέρους ἡμῶν θεοὺς καὶ ἐστήσαμεν κατέναντι ὑμῶν· οἵτινες ἡνίκα ἐθεάσαντο ἔμπροσθεν ὑμῶν τὸ πῦρ προπορευόμενον, ὥσπερ κηρὸς διελύθησαν (Веселовскій, стр. 90). Здѣсь же у Веселовскаго извлеченъ этотъ текстъ въ древнеславянскомъ переводѣ (стр. 90, пр. 1).

Въ существующемъ ново-греческомъ переводѣ житія Панкратія мѣсто объ аварахъ, взятыхъ въ плѣнъ Вонифатіемъ, читается такъ: ἤφεραν δὲ καὶ σκλάβους πολλοὺς 'Αβάρους ἀπὸ τὸν πόλεμον[1]).

Итакъ, какъ видно изъ житія, имя аваровъ не было забыто въ Греціи въ VIII вѣкѣ. Мы уже выше имѣли случай говорить объ аваро-славянскихъ нападеніяхъ на Грецію и придерживались того мнѣнія, что среди аваровъ, нападавшихъ въ VI вѣкѣ на Грецію, можно было всегда видѣть и славянъ. Имя аваровъ оставило такой глубокій слѣдъ въ исторіи Греціи, что даже въ XI вѣкѣ, какъ мы увидимъ ниже, патріархъ Николай II въ своемъ посланіи къ Алексѣю Комнину называютъ аварами славянъ, осаждавшихъ Патры. Поэтому въ аварахъ житія Панкратія нужно видѣть лишь новое указаніе на существованіе аваро-славянскихъ или даже, можетъ быть, просто славянскихъ поселеній у Дирраxіума и Аѳинъ[2]).

Въ царствованіе Константина V Копронима (741—775), преемника Льва III, византійскую имперію постигло страшное бѣдствіе. Въ 746 году въ Греціи и на близь лежащихъ островахъ распространилась эпидемія, занесенная изъ Сициліи и Калабріи. Особенно пострадалъ изъ греческихъ городовъ извѣстный уже городъ Монемвасія, который, будучи уже тогда значительнымъ торговымъ центромъ, имѣлъ коммерческія сношенія съ Италіей[3]). Эпидемія шла быстро на Востокъ и поразила столицу, гдѣ лѣтомъ 747 года произвела необыкновенныя опустошенія; желая пополнить уничтоженное чумой населеніе, Константинъ переселилъ въ Константинополь жителей изъ многочисленныхъ провинцій.

Къ этому времени и относится знаменитое мѣсто Константина Багрянороднаго: ославянился весь Пелопоннесъ и сдѣлался варварскимъ, когда чума распространилась по всей вселенной[4]).

---

1) Ἀγάπιος μοναχός. Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρίνη. 'Ενετίησιν. 1801. Τοῦ ἐν Ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου 'Επισκόπου Ταυρομενίας. p. 191. См. Παπαδόπουλος Βρετός. Νεοελληνικὴ Φιλολογία. Μέρος Α. 'Εν Ἀθήναις, 1854, p. 137. № 370.

2) Припомнимъ, что о покореніи Аттики аварами говоритъ *Монемвасійская хроника*. Λάμπρος. 'Ιστ. Μελετ. σ. 103 (иверскій текстъ), 99—100 (туринскій и кутлумушскій).

3) Tozer. The Franks in the Peloponnese. III. Topographical Notices. p. 233 въ The Journal of Hellenic Studies. V. IV. 1883.

4) Constantini Porphyrogeniti De Thematibus. Lib. II p. 53 — 54: ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος, ὅτε ὁ λοιμικὸς θάνατος πᾶσαν ἐβόσκετο τὴν οἰκουμένην, ὁπηνίκα Κωνσταντῖνος ὁ τῆς κοπρίας ἐπώνυμος τὰ σκῆπτρα τῆς τῶν 'Ρωμαίων διεῖπεν ἀρχῆς. Въ латинскомъ переводѣ боннскаго изданія слово ἐσθλαβώθη переведено in servitutem redacta, что, конечно, невѣрно. Въ слѣдующихъ строкахъ Константинъ говоритъ, что грамматикъ Евфимій составилъ слѣдующую ямбическую эпиграмму на

Такимъ образомъ, Пелопоннисъ половины VIII вѣка въ глазахъ самихъ византійцевъ уже былъ славянскимъ; къ этому времени надо отнести приливъ новыхъ поселеній въ Грецію на мѣсто жителей или погибшихъ во время чумы, или отозванныхъ императоромъ для заселенія столицы. Не было ничего естественнѣе, говоритъ Гопфъ, что при опустошеніяхъ, которыя чума произвела въ странѣ, стримонскіе славяне и ихъ уже жившіе въ Θессаліи у Пагасейскаго залива соплеменники, пощаженные эпидеміей, тѣснимые къ тому же болгарами, бросились въ пустынную страну и возлѣ греческихъ городовъ и деревень, которые были не тронуты чумой, строили свои селенія и хижины на равнинахъ [1]).

Въ правленіе Ирины и ея несовершеннолѣтняго сына Константина (780—797) мы впервые слышимъ объ экспедиціи, направленной прямо противъ славянъ, живущихъ въ Греціи. Причины этого похода неизвѣстны; можетъ быть, славяне сдѣлались настолько уже сильными, что казались опасными государству при его частыхъ придворныхъ революціяхъ; можетъ быть, изъ колонистовъ превратившись во владѣльцевъ, славяне грозили образовать въ Греціи со временемъ свое отдѣльное славянское государство [2]).

Источники сообщаютъ, что въ 783 году Ирина, заключивъ миръ съ арабами, отправила Ставракія, патриція и логоѳета дрома, съ большимъ войскомъ противъ славянскихъ племенъ. Войско особеннаго

одного пелопонниснца Никиту, который гордился благородствомъ, или, лучше сказать, неблагородствомъ своего происхожденія: γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη. Латинскій переводъ боннскаго изданія этой эпиграммы «vieta facies in servitutem redacta» одинаково невѣренъ. Прилагательное γαρασδοειδὴς объясняютъ теперь отъ славянскаго корня «гораздъ» въ смыслѣ «хитрый» и греческаго εἰδής. Miklosich. Die Slavischen Elemente im Neugriechischen въ Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philog.-hist. Cl. B. 63 (1869) S. 542; онъ переводитъ этотъ стихъ такъ: o du verschmitzt aussehendes Slavengesicht! По русски это можетъ быть передано черезъ «о хитрое славянское лицо!» См. Hopf op. cit. S. 96. Фалльмерайеръ переводитъ этотъ стихъ или «ein runzliches Slaviergesicht» (Gesch. der Halb. Morea. B. I. S. 340) или «ein verschmitztes Slaviergesicht» (Fragmente aus dem Orient. 1877. S. 497—498). Финлей произвольно читаетъ γαιδαροειδής—ослиный. Къ удивленію, вѣрнымъ старому неправильному переводу остается Тафель, который говоритъ, что ἐσθλαβωμένη idem est, quod in servitutem redacta, non Slavinizata, quod posterius aliunde notum est; γαρασδοειδὴς онъ переводитъ такъ: facies nobilis cujusdam vafritiem servilem (ἐσθλαβωμένην) prae se ferens. Tafel. Constantinus Porphyrogenitus. Epistola Critica. Tubingae. 1846. p. IX. Грекъ Саѳа производитъ ἐσθλαβωμένος изъ албанскаго языка. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire du Moyen-Age. T. I. Paris. 1880, p. XXII.

1) Hopf op. cit. S. 96.

2) Hopf op. cit. S. 97. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen. B. I. S. 129.

сопротивленія не встрѣтило: оно прошло черезъ Θессалонику въ Грецію, подчинило жителей и сдѣлала ихъ данниками. Проникнувъ въ Пелопоннисъ, Ставракій захватилъ много плѣнныхъ, богатую добычу и уже въ январѣ слѣдующаго 784 года съ тріумфомъ возвратился въ столицу [1]).

Въ девяностыхъ годахъ VIII столѣтія греческіе славяне заявили себя участіемъ въ заговорѣ противъ Ирины.

Извѣстно, что въ 797 году она, безжалостно ослѣпивъ своего сына Константина, устранила его отъ правленія. Но ее тревожили еще ранѣе ослѣпленные сыновья Константина Копронима, которыхъ она изгнала въ свой родной городъ Аθины. Въ мартѣ мѣсяцѣ 799 года славянскій начальникъ Вельзитій (ὁ τῶν Σκλαυινῶν τῆς Βελζητίας ἄρχων) въ южной Θессаліи [2]) Акамиръ (Ἀκάμηρος), побуждаемый населеніемъ Греціи (ὑπὸ τῶν Ἑλλαδικῶν), задумалъ освободить сыновей Константина и одного изъ нихъ провозгласить императоромъ. Ирина, узнавъ объ этомъ, послала спаθарія Θеофилакта съ извѣщеніемъ къ начальнику Аθинъ патрицію Константину Серантапиху (Σεραντάπηχον). Участники были схвачены и ослѣплены, чѣмъ этотъ заговоръ и кончился [3]).

Раздоры въ императорской семьѣ, тяжелыя войны съ арабами и болгарами не позволяли правительству внимательно слѣдить за Пелопоннисомъ. Дѣйствительно, двадцать лѣтъ спустя послѣ похода Ставракія, уже во время правленія преемника Ирины Никифора I Геника (802—811), въ Пелопоннисѣ вспыхнуло сильное возстаніе. Славяне, вѣроятно, воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Византіи въ виду возрастающихъ успѣховъ болгарскаго правителя Крума.

Главнымъ событіемъ этого возстанія и вообще однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ внутренней исторіи собственной Греціи является осада славянами города Патръ, разсказъ о которой сохранился въ сочиненіи Константина Порфиророднаго «De Administrando Imperio» [4]).

1) Theophanis Chron. De Boor. I, p. 456 — 457. Cedr. II, p. 21. См. Φοροπούλου Εἰρήνη ἡ Ἀθηναία, αὐτοκρατόρισσα Ῥωμαίων (769—802). Μέρος Ά. (769—788). Lipsiae 1887, p. 55—56.

2) Это есть имя современнаго города Велестино. Tafel. De Thessalonica ejusque agro. Berlin. 1839, S. LXXVIII. Gregorovius op. cit. B. I, S. 131. См. Schafarik. Slavische Alterthümer, v. Wuttke. Leipzig, B. II, 1844, S. 193, который считаетъ Вельзитію мѣстечкомъ въ Македоніи.

3) Theophanis Chr. De Boor. I p. 473—474. Cedr. II p. 27—28. Zonaras. XV, 13. ed. Dindorf. Vol. III p. 367.

4) Constantini Porphyr. De Admin. Imperio, p. 217—220. Объ исторіи города Патръ существуетъ спеціальное сочиненіе St. Thomopulos Ἱστορία τῆς πόλεως Πατρῶν. Ἀθῆναι, 1888; мы этого сочиненія въ рукахъ не имѣли.

Славяне, возставъ при Никифорѣ, вначалѣ опустошали и разрушали сосѣднія греческія поселенія, а потомъ, занявъ окружающую Патры равнину, приступили къ осадѣ этого города. Славянамъ помогали арабы (Ἀφρικοί καί Σαρακηνοί). По прошествіи долгаго времени, когда жители Патръ стали чувствовать недостатокъ въ водѣ и пищѣ, они задумали вступить въ переговоры со славянами и, взявъ съ нихъ слово въ томъ, что они имъ не причинятъ никакого вреда, сдать городъ. Но у осажденныхъ была надежда на начальника крѣпости Коринѳа, который былъ уже раньше предувѣдомленъ о походѣ славянъ на Патры. Поэтому, прежде чѣмъ сдаться, жители рѣшили отправить въ лежащія на Востокъ отъ Патръ горы верхового развѣдчика, который бы наблюдалъ за тѣмъ, не появится ли коринѳскій стратегъ; въ случаѣ, если бы онъ увидалъ приближающагося стратега, онъ долженъ былъ махать флагомъ; если же стратега не будетъ, развѣдчикъ долженъ былъ флагъ держать спокойно. Увидѣвъ, что никого нѣтъ, развѣдчикъ уже возвращался къ городу. Въ это время по повелѣнію свыше, на помощь осажденнымъ явился апостолъ Андрей. Лошадь развѣдчика поскользнулась; самъ онъ упалъ, и отъ этого флагъ пришелъ въ движеніе. Осажденные, будучи увѣрены въ томъ, что это знакъ приближенія помощи изъ Коринѳа, открыли ворота, смѣло вышли на славянъ и воочію узрѣли Первозваннаго Апостола, сидящаго на конѣ и нападающаго на варваровъ, которые, увидѣвъ непобѣдимаго гоплита, стратега, таксіарха, побѣдоноснаго Апостола, обратились въ бѣгство и бросились въ его святой храмъ. Когда на третій день послѣ пораженія славянъ прибылъ въ Патры стратегъ и узналъ о побѣдѣ апостола, онъ сообщилъ императору о славянскихъ опустошеніяхъ и грабежахъ въ Ахаіѣ, объ осадѣ Патръ и о побѣдоносномъ вмѣшательствѣ апостола. Императоръ, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ: такъ какъ побѣда была дана апостоломъ, то подобаетъ, чтобы вся военная добыча была отдана также ему. Послѣ этого Никифоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы славяне, осаждавшіе Патры, со всѣми своими семьями, родственниками и имуществомъ были посвящены храму апостола въ митрополіи Патръ, гдѣ Первозванный ученикъ Христа стяжалъ свой мученическій вѣнецъ. По этому случаю императоръ далъ Патрской митрополіи особую грамоту (σιγίλλιον). Съ этого времени принадлежавшіе митрополіи славяне должны были содержать стратеговъ, императорскихъ чиновниковъ и всѣхъ ἐξ ἐθνῶν ἀποστελλομένους πρέσβεις ὡς ὁμήρους, между тѣмъ какъ сама митрополія на это

ничего не давала; славяне доставляли все необходимое, сами раздѣляя эту повинность между собою. Позднѣе императоръ Левъ Мудрый издалъ хрисовуллъ, гдѣ онъ точно опредѣлялъ тѣ повинности, которыя обязаны были нести крѣпостные митрополіи (ἐναπογραφόμενοι), и запрещалъ требовать съ нихъ больше положеннаго [1]).

Какъ видно изъ приведеннаго разсказа, Константинъ Порфирородный не даетъ года для этого важнаго событія. Гопфъ, а за нимъ большинство позднѣйшихъ ученыхъ относятъ осаду Патръ къ 807 году на томъ основаніи, что въ разсказѣ Константина упомянуты арабы, какъ союзники славянъ; между тѣмъ извѣстно, что въ 807 году флотъ халифа опустошалъ островъ Родосъ [2]). Но очевидно, что въ данномъ случаѣ толкованіе Гопфа слишкомъ проблематично. Рецензентъ его Гутшмидъ съ бо́льшимъ правомъ относитъ это событіе къ 805 году [3]). Муральтъ опредѣленной даты не даетъ [4]).

Разсказъ Константина объ осадѣ Патръ и о чудесномъ вмѣшательствѣ апостола Андрея имѣетъ своимъ источникомъ живое преданіе. Интересно, что ни въ одномъ изъ современныхъ источниковъ нѣтъ упоминанія объ этомъ событіи. Но за то мы находимъ указаніе на осаду Патръ въ синодальномъ посланіи патріарха Николая II (1084—1111) къ императору Алексѣю Комнину (1081—1118), гдѣ говорится о томъ, императоръ несправедливо хочетъ лишить патрскую митрополію ея привилегій, дарованныхъ ей еще императоромъ Никифоромъ по случаю чудеснаго избавленія Патръ отъ аваровъ, которые въ теченіе 218 лѣтъ владѣли Пелопоннисомъ и не признавали римской власти, такъ что во все это время ни одинъ римлянинъ не смѣлъ туда показаться. Въ награду за побѣду Никифоръ возвелъ патрское епископство въ митрополію и подчинилъ ей епископовъ Меѳоны, Лакедемона и Короны; эти привилегіи неоднократно были подтверждаемы послѣдующими императорами [5]).

1) Этотъ хрисовулъ, повидимому, не сохранился. См. Zachariä von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Pars III. Lipsiae. 1857, p. 224: Nov. CXVII (императора Льва Мудраго), De Archiepiscopatu Patrensi bulla aurea. Non extat.

2) Hopf op. cit. S. 99.

3) Gutschmid. Kleine Schriften v. Rühl. B. V, S. 432.

4) Muralt. Essai de Chronographie Byzantine. S.-Pétersbourg. 1855, p. 393.

5) Ioannis Leunclavii Iuris graeci-romani tam canonici quam civilis tomi duo. Francofurti. 1596. T. I, p. 278—279. Ῥάλλη καὶ Πότλη. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. T. V, Ἀθήνησιν, 1855, p. 72. См. Le-Quien. Oriens Christianus. V. II p. 179. Это посланіе не датировано; по этому относить его къ 1081 году, какъ то дѣлаютъ Фалльмерайеръ, Цинкейзенъ, ошибочно. Разборъ этого свидѣтельства учеными будетъ изложенъ ниже.

Надо замѣтить, что эта патріаршая грамота называетъ враговъ Патръ не славянами, а аварами.

О рѣшительной побѣдѣ византійскаго стратега изъ рода Склировъ надъ славянами во время правленія Никифора Геника упоминаетъ и Монемвасійская хроника[1]). Трудно сказать, что именно тутъ хроника имѣетъ въ виду; можетъ быть, подъ стратегомъ Склиромъ нужно подразумѣвать Коринѳскаго стратега Константина Багрянороднаго.

Побѣда византійцевъ подъ Патрами составляетъ эпоху въ исторіи славянскихъ поселеній въ Греціи, или, лучше сказать, въ Пелопоннисѣ; съ этихъ поръ эти поселенія мало по малу уже подпадаютъ подъ власть Византіи и перестаютъ быть господствующимъ этнографическимъ элементомъ.

Существуетъ извѣстіе, что императоръ Никифоръ въ 810 году приказалъ войскамъ изо всѣхъ ѳемъ, продавъ свое имущество, переселиться въ Склавинію, что для нихъ было нелегче плѣна; это переселеніе продолжалось съ сентября мѣсяца до самой Пасхи[2]). Надо полагать, что въ Пелопоннисъ были отправлены тоже такіе поселенцы[3]). Можетъ быть, въ связи съ этой колонизаціей находится назначеніе императоромъ Михаиломъ Рангави въ 811 году стратегомъ въ Пелопоннисъ какого-то Льва, сына Склира[4]). Этотъ Склиръ, по всей вѣроятности, есть тотъ самый стратегъ, который упоминается, какъ мы видѣли выше, въ Монемвасійской хроникѣ.

Послѣ покоренія сѣверныхъ ахейскихъ славянъ въ началѣ IX вѣка главную роль въ Пелопоннисѣ играли два славянскихъ племени—милинги (Μιληγγοί, Μελίγγοι и т. д.) и езериты (Ἐζερῖται), жившіе по склонамъ Тайгетскаго хребта, на которыхъ мы преимущественно и будемъ останавливаться, опуская извѣстія о тѣхъ племенахъ, происхожденіе которыхъ оспаривается, какъ напр. чаконцевъ[5]), майно-

1) Λάμπρος. Ἱστορικὰ Μελετήματα, p. 105—106 (Иверскій текстъ): Εἷς δὲ τῶν ὑπὸ τοιούτων στρατηγῶν ὁρμώμενος μὲν ἀπὸ τῆς μικρᾶς Ἀρμενίας, φατριᾶς δὲ τῶν ἐπονομαζομένων Σκληρῶν συμβαλὼν τῷ Σθλαβηνῷ ἔθνει πολεμικῶς εἷλέ τε καὶ ἠφάνισε εἰς τέλος καὶ τοῖς ἀρχῆθεν οἰκήτορσι ἀποκαταστῆναι τὰ οἰκεῖα παρέσχεν; p. 102—текстъ туринскій и кутлумушскій. Въ текстѣ туринской рукописи имя стратега передано невѣрно черезъ Σελήρός (Pasinus. Codices. I p. 417. Λάμπρος, p. 102).

2) Theophanis Chron. De Boor. I p. 486. Cedr. II, p. 37.

3) Hopf, op. cit. S. 98—99.

4) Scriptor Incertus de Leone Bardae F. p. 336: Λέοντα τὸν ἐπιλεγόμενον τοῦ Σκληροῦ καὶ ἐποίησεν αὐτὸν στρατηγὸν εἰς Πελοπόννησον. (Въ боннскомъ изданіи въ одномъ томѣ со Львомъ Грамматикомъ).

5) Шафарикъ считаетъ чаконцевъ остатками древняго пелазгическаго населенія Пелопонниса (Slav. Altert. II, S. 230). Гопфъ окончательно считаетъ ихъ чи-

товъ [1]). Кромѣ милинговъ и езеритовъ славянскія поселенія оставались еще въ Аркадіи, которая въ средніе вѣка называлась Мезареей; страна, занимаемая здѣсь славянами, простиралась отъ развалинъ Олимпіи до источниковъ Ладона и большой аркадійской равнины и называлась Скорта [2]). Но это племя не было такъ извѣстно, какъ милинги и езериты, и, въ то время какъ послѣдніе дожили до турецкаго владычества на полуостровѣ, аркадійскіе славяне, скортинцы, исчезли со времени франкскаго завоеванія въ XIII вѣкѣ [3]).

Въ послѣдніе годы правленія Ѳеофила (829—842) пелопоннисскіе славяне снова отложились, подняли возстаніе и раззоряли страну. Это не были уже, вѣроятно, славяне, приписанные къ патрской митрополіи, а другіе, платившіе Византіи извѣстную подать. Противъ нихъ былъ отправленъ съ большимъ войскомъ уже въ правленіе Михаила III (842—867), сына Ѳеофила, протоспаѳарій Ѳеоктистъ, въ качествѣ стратега пелопоннисской ѳемы; въ составъ его войска входили ѳракійцы, македоняне и жители другихъ западныхъ ѳемъ. Походъ былъ удаченъ. Ѳеоктистъ подчинилъ всѣ славянскія племена кромѣ двухъ— езеритовъ и милинговъ, которые жили въ неприступной мѣстности по склонамъ горы Тайгета (Πενταδάκτυλος) около Лакедемона и Гелоса; однако и они обязались платить византійскому правительству

стыми славянами (Hopf op. cit. B. 85, S. 119; B. 86, S. 184). Дриновъ считаетъ вопросъ нерѣшеннымъ (Заселеніе Балк. полуостр. стр. 174). Иречекъ Исторія Болгаръ въ переводѣ Бруна и Палаузова, стр. 154. Финлей говоритъ, что чаконскій языкъ представляетъ изъ себя болѣе древній типъ, чѣмъ современный греческій (Finlay. A. History of Greece, ed. by Tozer. v. IV, p. 34). Саѳа считаетъ чаконцевъ греками (Sathas. Documents inédits. I p. XX). Въ новѣйшее время противъ мнѣній Гопфа и Саѳы выступилъ Alb. Thumb. Die ethnographische Stellung der Zakonen (Indogermanische Forschungen. IV, 1894, S. 195—213). См. Krumbacher. Geschichte der byzant. Litteratur. 2 Auflage. S. 1103. См. также Const. Porphyr. De Cerem. p. 696; комментарій къ нему Рейске, p. 821. Никифоръ Григора (I, p. 98) и Пахимеръ (I, p. 309) считаютъ имя чаконцевъ за народную испорченную форму лаконцевъ.

1) Вѣроятно майноты представляютъ изъ себя смѣсь грековъ со славянами. Schafarik. II, S. 229. Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. S. 5 въ Petermann's Mitteilungen. B. 36 (1890). Иречекъ думаетъ, что майноты скорѣе славяне, чѣмъ греки (Ист. Болгаръ, стр. 154). Дриновъ считаетъ вопросъ о майнотахъ нерѣшеннымъ (Заселеніе, стр. 174). Саѳа считаетъ ихъ, какъ и чаконцевъ, греками (Documents. I p. XX). Константинъ Порфирородный называетъ майнотовъ не славянами, а думаетъ, что они происходятъ ἐκ τῶν παλαιοτέρων Ῥωμαίων (De Adm. Imperio p. 224).

2) Finlay. A. History of Greece, ed. by Tozer. Oxford. 1877, Vol. IV, p. 21—22 Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. S. 3, 5 (Petermann's Mitt. B. 36).

3) Philippson op. cit. S. 4.

дань: милинги 60 золотыхъ (νομίσματα), езериты 300 [1]). Уже на основаніи незначительности дани можно предполагать, что оба эти племени не были покорены, и что византійскіе легіоны не могли овладѣть горными проходами Тайгета [2]).

Надо полагать, что аркадійскіе славяне были покорены во время этого похода Өеоктиста.

Параллельно съ успѣхами византійскаго оружія шли успѣхи и церковной пропаганды среди пелопоннисскихъ славянъ.

Со времени правленія Никифора I славяне сѣвернаго Пелопонниса были уже, вѣроятно, подчинены духовному авторитету Патрской митрополіи и приняли христіанство еще въ началѣ IX вѣка [3]). Милинги же и езериты, по всей вѣроятности, были крещены во время Василія I (867—886) [4]). Въ его правленіе славяне-язычники, дольше другихъ племенъ хранившіе завѣты своей прежней религіи благодаря недоступной мѣстности, гдѣ они жили, просили императора окрестить ихъ [5]).

Въ X вѣкѣ славяне не были спокойны. Въ правленіе Романа Лекапина (919—944) өессалоникскіе славяне, т. е. тѣ, которые были покорены раньше другихъ, не задумались напасть на оффиціальное лицо, на отца извѣстнаго Ліудпранда, ѣхавшаго къ византійскому императору въ качествѣ посла короля Гугона; посолъ отбилъ нападеніе, взялъ въ плѣнъ двухъ главарей и представилъ ихъ императору [6]). Если уже өессалоникскіе славяне рѣшались нападать на императорскаго посла, то пелопоннисскіе, защищаемые недоступностью мѣстности, конечно, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выказать свою самостоятельность.

Дѣйствительно во время того же Романа Лекапина произошло возстаніе милинговъ и езеритовъ. Пелопоннисскій стратегъ прото-

---

1) Const. Porphyr. De Administ. Imperio. p. 220—221. Считая номисму на русскія деньги около 4 рублей, мы получили для милинговъ около 240 руб., для езеритовъ—около 1200 руб. О византійскихъ деньгахъ см. Васильевскій. Матеріалы для внутр. ист. виз. государства. Журн. Мин. Нар. Просв., августъ, 1880 г.

2) Rambaud. L'Empire Grec au dixième siècle. Paris. 1870, p. 269.

3) См. Монемвасійскую хронику. Λάμπρος, p. 106, 102—103.

4) Rambaud op. cit. p. 276. Hopf op. c. S. 127.

5) Const. Porphyr. De Adm. Imperio, p. 129.

6) Liudprandi Antapodosis. Lib. III, 21, Mon. G. Hist. SS. III, p. 307: dum praefatus genitor Tessalonicam venisset, Sclavorum quidam, qui rebelles Romano imperatori extiterant terramque ejus depopulabant, super eum irruerunt. Verum Dei actum est pietate, ut duo eorum principes viri, nonnullis mortuis, caperentur.

спаѳарій Іоаннъ Протей (Πρωτεύων) доносилъ императору, что эти два славянскихъ племени не повинуются ни стратегу, ни императорскому повелѣнію и держатъ себя вполнѣ самостоятельно, не признавая назначеннаго къ нимъ стратегомъ правителя, отказываясь отбывать воинскую повинность и платить подати. Но раньше, чѣмъ это донесеніе дошло до Романа, стратегомъ въ Пелопоннисъ былъ назначенъ протоспаѳарій Кринитъ Аротрасъ (Κρινίτης ὁ Ἀροτρᾶς), извѣстный своими хорошими отношеніями и дружбой съ фокидскимъ отшельникомъ того времени Лукой Младшимъ[1]). Получивъ донесеніе прежняго стратега, императоръ приказалъ Криниту усмирить возстаніе. Походъ Кринита, сопровождавшійся выжиганіемъ полей и пашень, продолжался съ марта мѣсяца 941 года[2]) по ноябрь. Повстанцы, видя полную невозможность далѣе сопротивляться, подчинились и просили прощенія за прежніе проступки. Побѣдитель Кринитъ увеличилъ ихъ дань, такъ что съ этого времени оба племени должны были платить по 600 золотыхъ. Но положеніе грековъ скоро ухудшилось. Кринитъ былъ переведенъ въ ѳему Элладу, и его преемникъ въ Пелопоннисѣ Варда Платиподъ (Πλατυπόδης) не могъ ужиться съ другими начальниками, между которыми завязались распри; протоспаѳарій Левъ Агеластъ даже былъ изгнанъ сторонниками Варды изъ ѳемы. Въ это время славяне (Σκλαβησιανοί) начали угрожать новымъ возстаніемъ. Воспользо-

1) Разсказъ объ отношеніяхъ Кринита къ Лукѣ Младшему находится въ житіи послѣдняго. Migne. Patr. Gr. T. 111, p. 465—470. Κρέμος. Φωκικά, § 59, p. 162—163. См. Ch. Diehl. L'église et les mosaïques du couvent de Saint-Luc en Phocide. Paris. 1889, p. 3 въ Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. T. 55. Въ первый разъ неполный греческій текстъ житія Луки Младшаго съ приложеніемъ латинскаго перевода изданъ былъ Комбефизомъ въ его Historia Haeresis Monothelitarum. Parisiis. 1648, p. 970—1018 (=2-й томъ Bibliothecae Patrum Novum Auctarium). Полный латинскій текстъ изданъ подъ 7 февраля въ *Acta Sanctorum* II, p. 83—100. Полное изданіе греческаго текста появилось въ Аѳинахъ въ 1874 году. Κρέμος. Φωκικά. Προσκυνητάριον τῆς ἐν τῇ Φωκίδι μονῆς τοῦ ὁσίου Λουκᾶ τοὐπίκλην Στειριώτου. Τόμος πρῶτος, ἐν ᾧ ἡ ἀσματικὴ ἀκολουθία καὶ ὁ βίος αὐτοῦ. Дополненія къ греческому тексту Комбефиза изданы Мартини въ *Analecta Bollandiana*. T. XIII (1894), p. 81—121: Supplementum ad acta S. Lucae Junioris edidit E. Martini. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca. Bruxelles. 1895, p. 70.

2) Этотъ годъ опредѣляется почти точно пророчествомъ Луки Младшаго объ обратномъ завоеваніи византійцами острова Крита отъ арабовъ; житіе говоритъ: σχεδὸν γὰρ εἴκοσι πρότερον χρόνοις προλέγει περὶ αὐτῆς (т. е. Κρήτης), ὅτι τε ἁλώσεται, καὶ ἐπὶ τίνος ἡ ἅλωσις ἔσται, οὕτω καθαρῶς εἰπών· Ῥωμανὸς Κρήτην χειρώσεται. Migne, P. Gr. T. 111, p. 469. Κρέμος. Φωκικά, 60 p. 164. Извѣстно, что Критъ былъ обратно завоеванъ Никифоромъ Фокой при Романѣ II въ 961 году. Вычитая отсюда двадцать лѣтъ пророчества Луки, ученые получаютъ 941 годъ. См. Hopf op. cit. S. 136. Diehl op. cit. p. 3—4. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen. I S. 144—145. Муральтъ относитъ походъ Кринита къ 922 году. Muralt. Essai. p. 5[illegible].

зовавшись такими затрудненіями, милинги и езериты отправили къ императору ходатайство о томъ, чтобы имъ было разрѣшено платить дань въ прежнемъ объемѣ. Романъ, боясь, чтобы эти два сильныхъ племени не соединились съ прочими славянами, уважилъ ихъ просьбу и хрисовулломъ постановилъ, чтобы они платили дань въ прежнемъ размѣрѣ, т. е. милинги 60 золотыхъ, езериты—300[1]).

Въ донесеніи протоспаѳарія Іоанна Протея императору указаны три рода обязанностей, которыя должны были нести подчиненные имперіи славяне: 1) признавать начальниковъ, назначенныхъ византійскимъ стратегомъ; 2) отбывать военную службу; 3) платить извѣстную подать.

Но далеко не всѣ славянскія племена несли одинаковыя повинности. Сумма подати должна была значительно мѣняться въ зависимости отъ количества населенія. Политическое положеніе славянскихъ племенъ также не было одинаковымъ. Такъ, сакулаты, жившіе въ окрестностяхъ Ѳессалоники, и племена Тайгета повиновались своимъ національнымъ вождямъ; византійскій стратегъ только утверждалъ ихъ выборъ. Другія племена, менѣе значительныя и хуже защищенныя природою мѣстности, подчинялись вождямъ, завѣдомо преданнымъ византійскому правительству и, вѣроятно, избраннымъ послѣднимъ. Были племена, подчиненныя прямо византійскимъ начальникамъ. Но надо полагать, что въ наихудшемъ, самомъ тяжеломъ положеніи находились ахейскіе славяне, которые послѣ патрскаго пораженія потеряли не только политическую, но и личную свободу, превратившись въ крѣпостныхъ ахейской митрополіи[2]).

О славянскихъ племенахъ въ Пелопоннисѣ въ X вѣкѣ сохранились еще указанія въ житіи св. Никона, жившаго во второй половинѣ этого столѣтія, но житіе котораго составлено настоятелемъ Лакедемонскаго монастыря около 1142 года[3]). Этотъ Никонъ, происходившій изъ Арменіи, долгое время странствовалъ, насаждая слово Божіе, по Криту

1) Const. Porphyr. De Administ. Imperio. p. 221—224.

2) Ramband op. cit. p. 270—271.

3) Греческій подлинникъ житія Никона еще не изданъ. Cod. Athos 3283. См. Lambros. Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos, Vol. I. Cambridge. 1895, p. 297: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Νίκωνος τοῦ Μετανοεῖτε, τοῦ ἐξ Ἀρμενίας καὶ ἐν τῇ περιφήμῳ Λακεδαιμονίᾳ τελειωθέντος. Латинскій переводъ Сирмонда напечатанъ у Martène et Durand, Veterum Scriptorum et Monumentorum amplissima collectio. T. VI. Parisiis. 1729, p. 837—886. Сокращенный латинскій текстъ житія находится въ греческой патрологіи Миня (Migne. Patr. Gr. T. 113, p. 975—988).

и по всей Греціи; онъ былъ въ Аѳинахъ, гдѣ видѣлъ храмъ Богородицы[1]), на Эвбеѣ, въ Ѳивахъ, Коринѳѣ, Аргосѣ, Навпліи и окончательно поселился въ Лакедемонѣ, гдѣ и умеръ.

Изъ этого житія видно, что милинги въ то время жили, управляемые безбожнымъ дуксомъ Антіохомъ[2]), который вопреки завѣщанію Никона, напавъ на принадлежавшее монастырю имѣніе, расположился въ немъ и предавался разгулу, за что ночью явившійся передъ нимъ святой нанесъ ему смертельный ударъ въ бокъ. Антіохъ сейчасъ же отдалъ приказъ своимъ слугамъ схватить Никона, но этотъ исчезъ. Тогда Антіохъ, понявъ, что это былъ святой, покинулъ беззаконно захваченное имѣніе, но, не доѣзжая до Лакедемона, умеръ на дорогѣ[3]). Во время же пребыванія Никона въ Лакедемонѣ, кровожадные разбойники милинги, которые такъ называются мѣстными жителями вмѣсто мирмидонцевъ, угнали принадлежавшихъ монастырю овецъ и козъ. Обрадованные успѣхомъ набѣга, они съ большой добычей возвратились домой. Но въ ту же ночь разбойникамъ во снѣ явился самъ Никонъ съ двумя собаками, которые бросились на нихъ и искусали; мало того, святой самъ ихъ побилъ. Проснувшись отъ ужасной боли, милинги увидали, что все это было на самомъ дѣлѣ. Раскаявшись, они просили друзей пойти въ монастырь и испросить у Никона прощенія; угнанный скотъ они обѣщали возвратить. Послѣ исполненія послѣдняго обѣщанія разбойники получили исцѣленіе[4]).

Другое чудо Никона, вѣроятно, тоже должно относиться къ милингамъ[5]). Какіе то сосѣди монастырской земли, по обычаю варваровъ преданные грабежу и убійству[6]), однажды ночью ворвались въ одинъ крестьянскій домъ и увели дѣвушку, намѣреваясь ее продать. Крики дѣвушки разбудили ея родителей и сосѣдей, которые съ образомъ св. Никона въ рукахъ стали пѣть «Господи помилуй!». Никонъ вступился за похищенную дѣвушку. Не успѣли разбойники отойти,

---

1) Ubi praeclarum Dei Matris templum situm est (Martène et Durand. VI, § 26, p. 855).

2) Praeerat is (Antiochus) ducis potestate ethnicorum regioni, Mart.-Dur. VI, § 67, p. 877; подъ *ethnici* надо разумѣть милинговъ. См. ниже: Maligni quidam spiritus quosdam ex *ethnicorum* gente, quos indigenae Milingos pro Myrmidonibus vocant (§ 69, p. 879).

3) Martène-Durand. VI, § 67, p. 877—878.

4) Mart.-Durand. VI, § 69, p. 879.

5) Mart.-Durand. VI, § 78, p. 883.

6) Accolae quidam praedii illius, quod saepe memoravimus, latrociniis ac caedibus barbarorum in morem dediti. Mart.-Dur. VI, p. 883.

какъ вдругъ они ослѣпли. Охваченные ужасомъ, они обѣщали возвратить дѣвушку. Прозрѣвъ, разбойники вопреки своему обѣщанію удержали плѣнницу и направились дальше, но въ это время вторично ослѣпли. Тогда, познавъ свое злодѣяніе, они обратились со слезами ко святому, прося простить ихъ и обѣщая на этотъ разъ дѣйствительно возвратить дѣвушку. Послѣ того какъ послѣдняя была возвращена родителямъ, разбойники снова прозрѣли.

Эти разсказы представляютъ изъ себя, конечно, легенду. Но въ нихъ важно упоминаніе имени милинговъ и ихъ нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей: они въ X вѣкѣ являются храбрымъ народомъ, который имѣетъ своего правителя, чувствуютъ себя настолько сильными и независимыми, что не задумываются нападать на византійскія владѣнія.

Интересныя данныя для нашего вопроса можно почерпнуть изъ житія Петра, епископа аргивскаго, жившаго въ началѣ X вѣка[1]).

Довольно долго въ ученой литературѣ Петра Аргивскаго соединяли въ одно лицо съ Петромъ Сицилійскимъ; но дѣятельность послѣдняго относится къ болѣе раннему времени. Это былъ тотъ Петръ Сицилійскій, который около 830 года при видѣ завоеванія мусульманами Сициліи бѣжалъ съ острова на востокъ въ Константинополь и пользовался большимъ вліяніемъ у императора Василія Македонянина и его сыновей; онъ былъ отправленъ около 870 года въ армянскій городъ Тефрику для обмѣна плѣнныхъ, гдѣ познакомился съ ученіемъ манихеянъ, послѣ чего и написалъ свою исторію манихейской ереси[2]).

Между тѣмъ послѣднія дѣянія Петра Аргивскаго относятся къ 920 году. Поэтому теперь признано, что это были два различныхъ лица[3]). Петръ Аргивскій, будучи родомъ изъ Константинополя, былъ поставленъ въ епископы извѣстнымъ патріархомъ Николаемъ Мистикомъ. Его братъ Павелъ былъ епископомъ Коринѳскимъ[4]). Живя долгое время въ монастырѣ въ Греціи, Петръ занимался составле-

---

1) См. J. Cozzi-Luzi. Patrum Nova Bibliotheca Ang. Mai. T. IX, Romae, 1888, гдѣ изданъ греческій текстъ и латинскій переводъ житія Петра Аргивскаго (T. IX, pars. III, p. 1—17). Указаніемъ на это житіе мы обязаны проф. В. Г. Васильевскому, за что мы и приносимъ ему нашу искреннюю благодарность.

2) См. Mai Patrum Nova Bibliotheca. T. IV, pars II, p. 3—12; Migne. Patr. Gr. T. 144, p. 1231—1238. Amari. Storia dei Musulmani di Sicilia. V. I. Firenze, 1854, p. 509—511.

3) Cozza-Luzi. P. X. Bib. IX, p. XXIII—XXVII.

4) Cozza-Luzi. IX, p. XXVIII—XXIX.

ніемъ духовныхъ пѣснопѣній[1]); изъ его рѣчей особенно извѣстна эпитафія въ память Аѳанасія, епископа Меѳонскаго въ Сициліи[2]).

Во время пребыванія Петра въ Пелопоннисѣ страна подвергалась частымъ нападеніямъ критскихъ пиратовъ и какихъ то *варваровъ*. Подъ первыми разумѣются, конечно, арабы, владѣющіе въ то время Критомъ, которые, по словамъ житія, ежегодно производили опустошительные набѣги на прибрежныя страны, убивая и уводя въ рабство населеніе; въ житіи разсказывается случай чудеснаго избавленія одной похищенной критскими пиратами женщины[3]).

Но кромѣ пиратовъ страна подвергалась нападеніямъ варваровъ, которые разрушали жилища, такъ что Петръ Аргивскій неоднократно долженъ былъ изъ собственныхъ средствъ помогать раззоренному населенію[4]). Часть этихъ варваровъ, услышавъ о добродѣтеляхъ Петра, отреклась отъ вѣры своихъ предковъ и крестилась[5]). Но это не избавило страну отъ дальнѣйшихъ нападеній. Однажды, по словамъ житія, во снѣ Петру явился любимый ученикъ Христа Іоаннъ и предсказалъ раззореніе Пелопонниса. Дѣйствительно, немного времени спустя варвары въ теченіе трехъ лѣтъ владѣли полуостровомъ, перебивъ много населенія, раззоривъ мѣстность, уничтоживъ[6]) совершенно слѣды былого благосостоянія и благоустройства.

Кто же были эти варвары? Предполагать въ нихъ болгаръ мы не можемъ. Послѣдніе послѣ побѣды царя Симеона въ 893 году надъ греками при Болгарофигѣ жили въ мирѣ съ Византіей до 911 года. Военныя дѣйствія слѣдующихъ лѣтъ происходили у Константинополя, Адріанополя и подъ Балканами (сраженіе при рѣкѣ Ахелоѣ у Месемвріи) и никогда не заходили на югъ въ Грецію. Въ 924 году былъ

1) Vita § 9, p. 6.

2) Cozza-Luzi. IX, p. XXX—XXXI. Amari. Storia, I p. 507—509.

3) Vita § 14, p. 10 и § 15, p. 10—11.

4) Vita § 12, p. 8: ἔστι οὓς καὶ τῆς οἰκείας ἀπαναστάντας ἐφόδοις βαρβαρικαῖς, πᾶσι μὲν αὐτάρκως τὰ χρειώδη παρεῖχε.

5) Vita § 14, p. 10: ταῦτα θρυλλούμενα σχεδὸν ἀνὰ τὴν ὑπουρανὸν ὑπηγάγετο καὶ βαρβάρους· οἱ κατὰ κλέος τῆς αὐτοῦ ἀρετῆς ἀφικνούμενοι ἐξώμνυντο μὲν τὰ πάτρια καὶ τὴν ἐκ προγόνων θρησκείαν, τῇ δὲ ἡμετέρᾳ μετάττοντο καθαιρόμενοι καὶ μεταπλαττόμενοι τῷ θείῳ λουτρῷ.

6) Vita § 19, p. 13: τῶν βαρβάρων μετὰ μικρὸν κατασχόντων τὴν νῆσον ἐφ' ὅλοις ἔτεσι τρισὶ καὶ τοὺς πλείους διεργασαμένων καὶ πάντα ληϊσαμένων τὰ αὐτῆς καὶ πεδίων ἀποφανάντων ἀφανισμοῦ, ὡς μηδ' ἔτι τῆς παλαιᾶς εὐδαιμονίας ἴχνη ἐκεῖσε ὁρᾶν ἢ τῆς τῶν τότε ἀνθρώπων εὐταξίας καὶ καταστάσεως.

заключенъ миръ съ Византіей[1]). Болгары проникли въ Грецію только послѣ смерти Іоанна Цимисхія, т. е. 976 года, во время возстанія Варды Склира, что не можетъ уже по времени относиться къ нашему житію[2]).

Для варваровъ, по нашему мнѣнію, остаются только славяне, которые, какъ мы видѣли выше изъ другихъ источниковъ, въ IX и X вѣкахъ не разъ заявляли о себѣ въ Пелопоннисѣ военными дѣйствіями. Кромѣ того, упоминанія житія о крещеніи варваровъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ изложеннымъ выше успѣхамъ распространенія христіанства среди пелопоннискихъ славянъ при Василіѣ Македонянинѣ. Эти данныя житія еще разъ подтверждаютъ, насколько силенъ былъ славянскій элементъ въ Греціи въ началѣ X вѣка.

Такимъ образомъ въ X вѣкѣ славяне играли еще большую роль въ Пелопоннисѣ. Въ X вѣкѣ грамматикъ Евѳимій произнесъ свою извѣстную эпиграмму на пелопоннисца Никиту, выдавшаго замужъ свою дочь Софію за Христофора, сына императора Романа Лакапина, и гордившагося своимъ благороднымъ происхожденіемъ: γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη — хитрое славянское лицо[3]).

Анонимный византійскій географъ, эпитоматоръ географіи Страбона[4]), жившій, вѣроятно, въ концѣ X вѣка въ правленіе императора Василія Болгаробойцы[5]), писалъ, что въ его время скиѳы-славяне населяли почти весь Эпиръ, Элладу, Пелопоннисъ и Македонію[6]); въ другомъ мѣстѣ въ разсказѣ объ Элидѣ эпитоматоръ пишетъ, что въ его время нѣтъ уже болѣе Писатовъ, Кавконовъ и Пилійцевъ; все это населяютъ скиѳы[7]), которые, по его мнѣнію, какъ мы видѣли выше, въ данномъ случаѣ являются славянами.

---

1) Hilferding. Geschichte der Serben und Bulgaren. Aus dem Russischen. I. Bautzen, 1856, S. 83. Irecek. Geschichte der Bulgaren. Prag. 1876, S. 164—169.

2) Hilferding op. cit. II, 1864, S. 26. Irecek op. c. S. 191—192.

3) Const. Porphyr. De Thematibus. Lib. II, p. 53—54. См. выше.

4) Müller. Geographi Graeci Minores. T. II. Parisiis, 1861. *Excerpta ex Strabone.* p. 529—636. Χρηστομαθεῖαι ἐκ τῶν Στράβωνος γεωγραφικῶν.

5) О времени его жизни см. старинную диссертацію Додвелля (Dodwell) «Dissertatio sexta. De Strabonis Excerptore et aetate qua vixerit», напечатанную въ *Geographiae Veteris Scriptores Graeci Minores.* Vol. II. Oxoniae, 1703, p. 168—191. Разсужденія Додвелля, подкрѣпляемыя многочисленными текстами, нуждаются, можетъ быть, теперь въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Саѳа думаетъ, что эпитоматоръ Страбона жилъ не позже 803 года. Sathas. Documents inédits. V. I. Préface. p. XV.

6) Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἤπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκύθαι Σκλάβοι νέμονται. Müller. Geographi Graeci Min. T. II. Ex Strabonis libro VII, p. 574.

7) Νῦν δὲ οὐδὲ ὄνομά ἐστι Πισατῶν καὶ Καυκώνων καὶ Πυλίων· ἅπαντα γαρ ταῦτα Σκύθαι νέμονται. Müller. op. cit. T. II. Ex Strabonis libro VIII, 21, p. 583.

Рамбо, говоря въ своей «Исторіи Россіи» о войнѣ Святослава съ Византіей во второй половинѣ X вѣка, замѣчаетъ, что основаніе крупнаго славянскаго государства вблизи Константинополя являлось еще болѣе опаснымъ вслѣдствіе этнографическаго состава полуострова. Древняя Ѳракія и Македонія были населены славянскими племенами; Ѳессалія, Аттика и Пелопоннисъ были заняты этими поселенцами, которые становились подданными имперіи. На знаменитомъ Тайгетѣ въ Лаконіи жили два славянскихъ еще не покоренныхъ племени — Милинги и Езериты. Это великое племя простиралось почти безъ перерыва отъ Пелопонниса до Новгорода [1]).

Послѣ этого свѣдѣнія о пелопоннисскихъ славянахъ совершенно прекращаются до начала XIII вѣка; на протяженіи двухъ столѣтій источники молчатъ.

За то XII вѣкъ въ исторіи Средней Греціи ознаменованъ появленіемъ такой выдающейся личности, какъ аѳинскій митрополитъ Михаилъ Акоминатъ, сочиненія котораго пролили новый свѣтъ на темную и скудную источниками исторію Аѳинъ въ Средніе Вѣка [2]).

Михаилъ Акоминатъ, старшій братъ извѣстнаго византійскаго историка Никиты Хоніата, ученикъ геніальнаго Евѳстаѳія Ѳессалоникскаго, сдѣлался во второй половинѣ XII вѣка аѳинскимъ митрополитомъ. Для ученика Евстаѳія, горячаго поклонника греческой древности, что могло быть привлекательнѣе митрополіи на акрополѣ! Михаилъ смотрѣлъ на городъ и на его населеніе глазами современника Платона, почему онъ такъ и ужаснулся той громадной пропасти, которая отдѣляла современныхъ жителей Аѳинъ отъ древнихъ эллиновъ. Какъ идеалистъ, Михаилъ въ первый моментъ не обратилъ должнаго вниманія на историческій совершившійся во всей Греціи процессъ измѣненія греческой народности; его идеальныя представленія тотчасъ же столкнулись съ грустной дѣйствительностью.

Блестящая вступительная рѣчь Михаила, произнесенная имъ передъ собравшимися въ Парѳенонѣ аѳинянами, образецъ, по словамъ

1) Rambaud. Histoire de la Russie. Paris 1878, p. 51—52. См. Schlumber L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Paris. 1896, p. 45—46.

2) Послѣ отрывочныхъ изданій нѣкоторыхъ произведеній Михаила Акоми Тафелемъ и Елиссеномъ editio princeps можетъ считаться изданіе его сочин Ламбросомъ. Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. 2 тома. Аѳины. 18 80. Болѣе подробныя свѣдѣнія см. Krumbacher. Geschichte der Byz. Litterat 2 Auflage. 1897. S. 470. Превосходную характеристику дѣятельности Михаила да Грегоровіусъ въ своей Geschichte der Stadt Athen. B. I. S. 204—349

автора, простоты слога, гдѣ онъ напоминалъ слушателямъ о быломъ величіи города, матери краснорѣчія и мудрости, высказывалъ твердую увѣренность въ непрерывномъ генеалогическомъ продолженіи аѳинскаго народа съ древнихъ временъ по его время, убѣждалъ аѳинянъ соблюдать благородные нравы ихъ предковъ, приводилъ въ примѣръ Аристида, Аякса, Діогена, Перикла, Ѳемистокла, — эта рѣчь, составленная въ возвышенномъ стилѣ, наполненная античными и библейскими цитатами, пересыпанная метафорами и тропами, осталась чуждой и темной слушателямъ новаго митрополита; рѣчь его была выше пониманія аѳинянъ XII вѣка [1]).

И это Михаилъ понялъ. Съ какою горечью онъ въ одной изъ слѣдующихъ проповѣдей говоритъ: «О городъ Аѳины! Матерь мудрости! До какого невѣжества ты опустился!... Когда я обращался къ вамъ со вступительною рѣчью, которая была такъ проста, безыскусственна, то оказалось, что я говорилъ о чемъ то непонятномъ или на чужомъ языкѣ, персидскомъ или скиѳскомъ [2])». Быстро ученый Акоминатъ отказался видѣть въ современныхъ ему аѳинянахъ непосредственныхъ потомковъ древнихъ эллиновъ. Сохранилась, пишетъ онъ, самая прелесть страны, богатый медомъ Гиметъ, тихій Пирей, нѣкогда таинственный Элевзисъ, Мараѳонская равнина, Акрополь, — но то любящее науку ученое поколѣніе исчезло, и его мѣсто заняло поколѣніе невѣжественное, бѣдное умомъ и тѣломъ [3]). Михаилъ, окруженный въ Аѳинахъ варварами, самъ боялся огрубѣть и превратиться въ варвара [4]); онъ жалуется на порчу греческаго языка, сдѣлавшагося какимъ то варварскимъ нарѣчіемъ, которое понимать Акоминатъ былъ въ состояніи только черезъ три года послѣ своего прибытія въ Аѳины [5]). До самаго начала XIII вѣка Михаилъ оставался въ Акрополѣ. Послѣ покоренія Греціи франками онъ долженъ былъ уступить

---

1) Λάμπρος. Μιχαὴλ 'Ακομινάτου τὰ σωζόμενα. Т. I p. 93—106: Εἰσβατήριος ὅτε πρῶτον ταῖς 'Αθήναις ἐπέστη. См. Gregorovius. Gesch. der St. Athen. B. I, S. 215—218.

2) ἔναγχος γάρ, τὰ εἰσιτήρια ὑμῖν προσφθεγξάμενος σχέδιά τινα καὶ ἀπέριττα πάνυ τι καὶ ἀφιλότιμα, ὅμως ἔδοξα μὴ συνετὰ λέγειν ἢ ἄλλως ὁμόγλωττα, ἀλλ' ὡς ἀπὸ διαλέκτου περσικῆς ἢ σκυθικῆς Λάμπρος op. c. T. I, p. 124.

3) ἡ δὲ φιλόλογος ἐκείνη γενεὰ καὶ περιττὴ τὴν σοφίαν οἴχεται, ἐπεισῆλθε δὲ ἡ ἄμουσος, πτωχὴ τὸν νοῦν, πτωχὴ τὸ σῶμα. Λάμπρος. T. II, p. 12.

4) βεβαρβάρωμαι χρόνιος ὢν ἐν 'Αθήναις. Λάμπρος. T. II, p. 44.

5) οἱ πάλαι ἀττικισταὶ νῦν βαρβαρισταί, ὡς μόλις τῶν τριῶν τούτων ἐνιαυτῶν τὴν διαλέκτου σύνεσιν μελετῆσαι. Λάμπρος. T. II, p. 44. См. Gregorovius, op. cit. B. I, S. 224—225.

свое мѣсто латинскому епископу и послѣднюю часть своей жизни провелъ на небольшомъ островкѣ Кеосѣ, гдѣ и умеръ въ 1220 году.

Въ этомъ варварствѣ, окружающемъ Аѳины, въ порчѣ языка нельзя не видѣть слѣдовъ славянскаго вліянія. Мало того, нѣкоторые ученые, на основаніи сочиненій Михаила Акомината, утверждаютъ существованіе въ XII вѣкѣ около Аѳинъ такого важнаго явленія во внутренней исторіи Византіи, какъ славянскихъ общинъ, свободнаго крестьянскаго землевладѣнія [1]).

Вотъ что говоритъ профессоръ Успенскій о Михаилѣ и о значеніи его трудовъ.

По справедливости сообщеніямъ Михаила Акомината принадлежитъ первое мѣсто послѣ знаменитыхъ новеллъ X вѣка. Михаилъ раскрываетъ передъ нами исторію борьбы властелей съ мелкимъ крестьянствомъ въ XII вѣкѣ и даетъ ключъ къ уразумѣнію смысла той же борьбы въ послѣднее время. Онъ первый своими извѣстіями позволяетъ поставить теперь вопросъ о связи соціальныхъ реформъ и соціальныхъ движеній въ Византіи съ вопросомъ о значеніи славянскаго элемента въ имперіи. Сочиненія Михаила Акомината показываютъ, что царствованіе Андроника Комнина сопровождалось какимъ то небывалымъ движеніемъ среди крестьянства. Поднятъ былъ вопросъ о размежеваніи земель, о реформахъ въ податной системѣ; крестьяне избираютъ отъ себя представителей и посылаютъ ихъ въ Константинополь. Изъ сочиненій Михаила Акомината оказывается, что около Аѳинъ въ XII вѣкѣ жили славянскія другиі — общины. Поэтому соціальное движеніе конца XII вѣка должно быть названо славянскимъ движеніемъ [2]).

Ко времени установленія господства франковъ въ Мореѣ въ началѣ XIII вѣка можно назвать четыре этнографическихъ элемента, населявшихъ полуостровъ:

1) остатки древне-греческаго населенія, смѣшавшагося со славянами въ Майнѣ и Чаконіи;

2) византійскіе новогреки или ромеи въ городахъ и особенно по берегу моря;

3) говорящіе по новогречески славяно-греки, народъ смѣшанный изъ славянъ и грековъ;

---

1) Успенскій. Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія. 1883. Т. 225, стр. 30—97.

2) Успенскій. Къ исторіи крест. землев. въ Византіи. Стр. 85—86.

4) почти чистые славяне въ Аркадіи и по склонамъ Тайгета [1]).

Въ моментъ появленія франковъ въ Пелопоннесѣ Милинги пользовались еще большою самостоятельностью, и западнымъ завоевателямъ неоднократно приходилось сталкиваться со славянскими племенами.

Такъ, когда въ 1205 году франки завоевали городъ Каламату, милинги въ качествѣ пѣхоты вмѣстѣ съ византійцами участвовали въ несчастной битвѣ при Кундурѣ, въ которой франки одержали рѣшительную побѣду [2]). Позднѣе, когда Вильгельмъ, четвертый франкскій правитель въ Греціи (1246—1277), послѣ покоренія Коринѳа и Монемвасіи рѣшилъ перезимовать въ Лакедемонѣ, то мѣстные жители указали ему на сильное, гордое племя милинговъ, живущее въ горахъ, которое не признаетъ императора [3]). Задумавъ ихъ подчинить своей власти, Вильгельмъ построилъ около Тайгетскихъ горъ двѣ сильныя крѣпости—Мистру (Μιζιθρᾶ) и Маину (Μαίνην). Когда предводители милинговъ увидѣли это, они собрали совѣтъ относительно того, какъ имъ поступить. Богатые начальники предлагали стоять твердо и не подчиняться; большая же часть племени [4]) совѣтовала сдаться, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы сохранить свои привилегіи и не признавать Вильгельма своимъ властителемъ, какъ то дѣлаетъ населеніе, живущее внизу, на равнинѣ; «намъ нѣтъ возможности, такъ какъ крѣпости насъ окружаютъ, спуститься внизъ за пропитаніемъ; а жить въ горахъ намъ нельзя безъ этого». Начальники племени, видя, что почти все населеніе желаетъ сдаться, не могли противодѣйствовать и отправили пословъ къ Вильгельму, которые выставили условіе, чтобы онъ сохранилъ ихъ независимость, не облагалъ ихъ податью и не былъ для нихъ сеньеромъ, чего и предки ихъ никогда не видали; но они согласны служить ему оружіемъ точно также, какъ раньше они слу-

1) Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. Petermann's Mitteilungen. B. 36 (1890), S. 5.

2) Buchon. Recherches Historiques sur la Principauté Française de Morée et ses hautes baronnies. T. II. Paris. 1845. Βιβλίον τῆς Κουγκέστας, p. 65, vers 386: ἐκ τῶν ζυγῶν τῶν Μελιγῶν ἦλθαν τὰ πεζικά τους.

3) Buchon op. cit. T. II, p. 111, vers 1666–1668:

Ὅτι ὁ ζυγὸς τῶν Μελιγγῶν ἔνι γὰρ δρόγγος μέγας,
Καὶ ἔχει κλεισούραις δυναταῖς, χώραις γὰρ καὶ μεγάλαις,
Ἀνθρώπους ἀλαζονικούς, κ' οὐ σέβονται αὐθέντην.

4) Buchon op. cit. T. II, p. 112, vers 1686:

Οἱ δὲ, τὸ πλῆθος τοῦ λαοῦ καὶ τὸ κοινὸν τὸ ὅλον.

[illegible] византійскаго [illegible]. [illegible] согласился на ихъ требованія и [illegible] грамоту съ приложеніемъ печати. [illegible] держать племя въ повиновеніи, [illegible] крѣпость близь Цистерны, [illegible]. Послѣдняя вмѣстѣ [illegible]. Позднѣе [illegible] противъ Вильгельма [illegible] византійскаго плѣна, [illegible] Михаилу Палеологу [illegible] Маину. [illegible] къ соглашенію [illegible] дѣйствій [illegible] [2]. [illegible] [3], [illegible] [4]. [illegible].

[1] [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

[4] [illegible]

[5] [illegible]

Интересный фактъ о взятіи Каламаты, города на югѣ Мореи, славянами въ концѣ XIII вѣка сообщаетъ французскій текстъ Морейской хроники[1]).

Въ 1293 году два богатыхъ славянина изъ Яницы Lianort и Fanari, замѣтивъ, что городъ Каламата плохо защищенъ, съ отрядомъ въ 50 человѣкъ овладѣли имъ. Сейчасъ же къ нимъ на помощь пришли еще 600 славянъ. На приказаніе франковъ очистить городъ, они отвѣчали отказомъ, а византійскій стратегъ Мистры далъ франкамъ отвѣтъ, который прекрасно рисуетъ положеніе славянъ въ то время: славяне не подчиняются его волѣ; они живутъ какъ самостоятельный народъ; поэтому онъ ничѣмъ не можетъ помочь франкамъ[2]).

Всѣ эти извѣстія показываютъ, что еще въ XIII вѣкѣ славянскія племена Тайгета пользовались большимъ значеніемъ и самостоятельностью.

Четырнадцатый вѣкъ въ исторіи Греціи ознаменованъ наплывомъ новыхъ албанскихъ поселенцевъ, занявшихъ большую часть мѣстностей греческаго полуострова, опустошенныхъ безконечными распрями, которыя почти не прекращались на священной почвѣ Эллады со времени появленія франкскихъ завоевателей.

Когда распалась могущественная сербская держава Душана, албанцы въ 1358 году въ сраженіи при Ахелоѣ положили конецъ владычеству Ангеловъ въ Эпирѣ, проникли въ Θессалію и въ постоянной борьбѣ съ каталонцами, владѣвшими въ XIV вѣкѣ Аθинами, дошли до Сперхія. Франкскіе и византійскіе правители въ Греціи по обѣ стороны Истма охотно приглашали въ безлюдныя области этихъ новыхъ поселенцевъ. Въ Пелопоннисѣ первый, кто пригласилъ албанцевъ для поселенія, былъ деспотъ Мануилъ Кантакузинъ, а за нимъ его преемникъ Θеодоръ. Албанцы проникли въ Эвбею, заселили мало-помалу Саламинъ, Эгину, Гидру, Поросъ, Спецію и другіе острова, которые и до сихъ поръ остались албанскими, какъ Элевзисъ и Мараθонъ и какъ вся Аттика до самыхъ Аθинъ[3]).

---

1) Buchon. Recherches Historiques. T. I. Le Livre de la Conqueste, p. 335 sq. Греческій копенгагенскій текстъ доходитъ только до 1292 года.

2) Buchon op. cit. T. I, p. 337: car li Esclavon n'estoient mie obéissant à lui, ne ce qu'il firent n'estoit par son seu ne par son conseil; ains sont une gent de voulenté; et tienent parmy eaux Seignorie par thiranie.

3) Hopf op. cit. B. 86, S. 185. Gregorovius op. cit. B. II. S. 229. Библіографію объ албанскомъ вопросѣ въ Греціи см. у Krumbacher. Gesch. der Byzant. Litteratur. 2 Auflage. S. 1104.

Албанцы теперь еще представляютъ въ Пелопоннисѣ изъ себя солидную цифру въ 92,500 душъ, т. е. 12,6 процентовъ всего населенія[1]).

Это новое племя, занявшее первостепенное мѣсто въ Греціи, устранило славянъ, свѣдѣнія о которыхъ съ этихъ поръ почти совсѣмъ прекращаются.

Сохранилось извѣстіе, что въ концѣ XIV вѣка, именно въ 1389 году, Венеція, воспользовавшись несогласіями, возникшими въ Пелопоннисѣ, купила себѣ города Навплію и Аргосъ; греческій деспотъ Мистры Θеодоръ, не смотря на это, занялъ Аргосъ. Тогда Венеція назначила большія суммы денегъ, чтобы склонить его возвратить Аргосъ; въ случаѣ же его отказа, она велѣла своему представителю вступить въ сношенія со «славянскими племенами въ Майнѣ», чтобы при помощи ихъ подѣйствовать на Θеодора[2]).

Современникъ императора Мануила Палеолога (1391—1425) Мазарисъ, писатель, одинъ изъ самыхъ слабыхъ подражателей Лукіана, въ своемъ Діалогѣ изъ Царства Мертвыхъ говоритъ о чрезвычайно смѣшанномъ населеніи Пелопонниса и замѣчаетъ, что въ его время тамъ еще говорили пославянски[3]).

О славянахъ, живущихъ въ горахъ Тайгета и у Тенарона, упоминаетъ въ томъ же XV вѣкѣ Лаоникъ Халкокондилъ, называющій ихъ трибаллами[4]).

Венеція еще въ концѣ XV вѣка называла нѣкоторыя области Пелопонниса Склавоніей. Такъ изъ одного изъ документовъ, издан-

---

1) Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. Peterm. Mitteilungen, B. 36 (1890), S. 35. Сравнительно съ 200,000 албанцевъ, которые жили въ Пелопоннисѣ въ началѣ XV вѣка и составляли по крайней мѣрѣ половину населенія, современное ихъ число не должно уже казаться особенно великимъ.

2) Hopf op. cit. B. 86, S 50.

3) Mazari. Διάλογος νεκρικός. Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἅιδου. Изд. у Boissonade. Anecdota Graeca. Vol. III. Parisiis. 1831, p. 174: ἐν Πελοποννήσῳ, ὡς καὶ αὐτὸς οἶδας, ξεῖνε, οἰκεῖ ἀναμὶξ γένη πολιτευόμενα πάμπολλα, ὧν τὸν χωρισμὸν εὑρεῖν νῦν οὔτε ῥᾴδιον, οὔτε κατεπεῖγον· ἃ δὲ ταῖς ἀκοαῖς περιηχεῖται, ὡς πᾶσι δῆλα καὶ κορυφαῖα, τυγχάνει ταῦτα· Λακεδαίμονες, Ἰταλοὶ, Πελοποννήσιοι, Σθλαβῖνοι, Ἰλλυριοὶ, Αἰγύπτιοι καὶ Ἰουδαῖοι (οὐκ ὀλίγοι δὲ μέσον τούτων καὶ ὑποβολιμαῖοι) ὁμοῦ τὰ τοιαῦτα ἐπαριθμούμεθα ἑπτά. Существуетъ еще позднѣйшее изданіе Мазари съ нѣмецкимъ переводомъ и комментаріемъ Elissen. Analekten der Mittel- und Neugriechischen Litteratur. 4 Theil. Leipzig. 1860.

4) Laonici Chalcocondyli. De Rebus Turcicis. Bonn. p. 35: ὡς μέντοι διέσπαρται ἀνὰ τὴν Εὐρώπην, πολλαχῇ ᾤκησαν, ἄλλῃ τε δὴ καὶ ἔν τινι τῆς Πελοποννήσου χώρας τε τῆς Λακωνικῆς ἐς τὸ Ταΰγετον ὄρος καὶ ἐς τὸ Ταίναρον ᾠκημένον.

ныхъ Саѳою и помѣченныхъ 1485 годомъ, гдѣ говорится между прочимъ о венеціанской монополіи на доставку соли въ Чаконію, послѣдняя все еще признается Венеціей славянской землей [1]).

1) Sathas Documents inédits. T. I. Cancellaria Secreta 1485, die X Maii. p. 298: item observabis, quod nullus Venetus, vel fidelis noster possit portare salem de Clarentia, vel aliunde ad partes Zachonie vel Sclavonie, et de Romania, nisi solum salem nostri dominii, vel de Corono et Methono sub pena perdendi salem, vel illud quod venderetur. Ср. Hopf op. cit. B. 86. S. 184.

А. Васильевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ критикѣ текста второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» Прокопія Кесарійскаго.

ВВЕДЕНІЕ.

Краткій обзоръ рукописнаго преданія и стемма рукописей.

Критическому разбору наиболѣе важныхъ мѣстъ изъ второй половины (кн. V—VIII = т. наз. De bello Gotthico libri IV) крупнаго историческаго труда, — которому мы возвращаемъ названіе, данное ему самимъ Прокопіемъ[1]), — считаемъ необходимымъ предпослать возможно краткое обозрѣніе всѣхъ вообще источниковъ рукописнаго преданія вмѣстѣ со стеммой рукописей. Считаемъ это необходимымъ не только какъ исполненіе conditionis sine qua non методической кри-

1) Ср. Procop. De aedific. p. 171,6 (ed. Bonn.) ὥσπερ μοι λεπτολογουμένῳ ἐν τοῖς ὑπερ τῶν πολέμων δεδήλωται λόγοις, и въ такомъ же родѣ p. 173,9. 202,2. 210,4. 246,9. 249,19. 261,12. 327,1. 331,17. Полное заглавіе — Προκοπίου Καισαρέως ὑπὲρ τῶν πολέμων, οὓς Ἰουστινιανὸς ὁ Ῥωμαίων βασιλεὺς πρὸς βαρβάρους διήνεγκε τούς τε ἑῴους καὶ ἑσπερίους (λόγοι ὀκτώ) — получаемъ путемъ комбинаціи вышеуказанныхъ мѣстъ съ начальными строками самого труда (vol. I p. 10 ed. Bonn.). — Спорадически встрѣчаемъ правильное обозначеніе («De bellis») всего этого сочиненія въ совокупности у нѣкоторыхъ ученыхъ прежняго времени, при случаѣ употребляющихъ и спеціальныя обозначенія «De bello Persico», «De b. Vandalico», «De b. Gotthico» для соотвѣтствующихъ отдѣловъ, но теперь это «De bellis», очевидно, вышло изъ моды, уступая мѣсто названію «Ἱστορίαι», якобы заимствованному Прокопіемъ у Геродота. Не входимъ теперь въ детали, потому что думаемъ посвятить особую статью разъясненію этого вопроса, въ недавнее время затронутаго, но неправильно рѣшеннаго Компаретти въ предисловіи (p. X) къ первому тому его изданія (La guerra Gotica di Procopio di Cesarea, testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di *Domenico Comparetti*, vol. I, Roma 1895; vol. II, 1896) и почему то обойденнаго Крумбахеромъ (Gesch. der Byzantin. Litteratur[2] p. 231: «das grosse Geschichtswerk in 8 Büchern: Ἱστορικὸν ἐν βιβλίοις ὀκτώ, Photios, cod. 63.»). — Тутъ же мимоходомъ упомянемъ, что, по нашему мнѣнію, и традиціонное названіе «Περὶ τῶν τοῦ δεσπότου Ἰουστινιανοῦ κτισμάτων» едва ли восходитъ къ самому автору и скорѣе должно уступить мѣсто новому — «Ὑπὲρ τῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλέως οἰκοδομημάτων (ср. De aedif. p. 265, 17; *ib*. p. 244,6. 265,18. 266,3 и особенно p. 344,4) или οἰκοδομιῶν (ср. *ibid*. p. 244,10; 264,3. 5; 309,4).

тики текста, но и потому, что по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ мы расходимся во взглядахъ съ Гаури, авторомъ послѣдняго по времени изслѣдованія о рукописномъ преданіи Прокопія [1]), и сверхъ того, съ одной стороны, указываемъ не мало такихъ рукописей, которыя имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе для критики текста Прокопія, но почему то остались неизвѣстными какъ Гаури [2]), такъ и новѣйшему издателю, Компаретти, — а съ другой стороны, упрощаемъ извѣстное и имъ рукописное преданіе путемъ исключенія нѣкоторыхъ рукописей, лишенныхъ самостоятельнаго значенія.

Намѣреваясь посвятить — въ виду обширности и сложности предмета — особую статью болѣе или менѣе подробному описанію прокопіевскихъ рукописей и детальному выясненію ихъ взаимныхъ отношеній, мы, во избѣжаніе повтореній, ограничимся въ настоящемъ случаѣ лишь сообщеніемъ главныхъ результатовъ нашихъ изслѣдованій въ сферѣ даннаго вопроса.

Въ противоположность Гаури, который разсматриваетъ и группируетъ рукописи второй половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» вмѣстѣ съ рукописями первой, мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ разъединить рукописное преданіе обѣихъ этихъ половинъ въ виду его неоднородности [3]).

Обращаясь теперь къ обозрѣнію рукописнаго преданія второй половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», прежде всего дадимъ возможно полный перечень всѣхъ болѣе или менѣе близко извѣстныхъ намъ источниковъ текста, причемъ не будемъ брезговать и мелочами въ родѣ *O* P^1 U^1. Обозначенія этихъ источниковъ текста мы сначала приведемъ въ алфавитномъ, а затѣмъ и въ систематическомъ порядкѣ, причемъ изъ рукописей отмѣтимъ звѣздочками тѣ, которыя не упоминаются ни у Компаретти [4]), ни у Гаури.

1. *A* = Ambrosianus *A* 182 sup., съ 4 строки снизу fol. 177^r до

---

1) J. Haury, Ueber Prokophandschriften въ Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akademie der Wiss. zu München, 1895 p. 125—176.

2) Ausser den bis jetzt besprochenen Prokophandschriften, говоритъ онъ *l. c.* p. 176, gibt es noch andere, die aber zum grössten Teil nicht den geringsten Wert haben. Ueber diese werde ich später kurzen Bericht erstatten.

3) Мимоходомъ замѣтимъ, что изъ рукописей первой половины Гаури (*l. c.* p. 127) отводитъ въ общей стеммѣ, на нашъ взглядъ, неправильное мѣсто какъ *парижской* (Parisinus 1702), такъ и *оттобоніанской* (Vaticanus Ottobonianus 82); ср. по этому поводу сказанное ниже подъ п. 28, стр. 450.

4) Ср. въ предисловіи къ первому тому его изданія отдѣлъ «Descrizione dei manoscritti» p. XXII — XXXIV; это описаніе рукописей сдѣлано Э. Ростаньо (*Enr. Rostagno*).

fol. 181 (включительно) = p. 609,16 *στρατιὰν* — p. 628,13 *αὐτοῦ*[1]); XV вѣка[2]). Писана на бумагѣ (какъ и всѣ тѣ изъ нижеуказываемыхъ рукописей, при которыхъ не упоминается о матеріалѣ, на какомъ онѣ писаны). Эту рукопись мы сличали въ Амброзіанской библіотекѣ въ 1894 и 1897 годахъ; дополнительными или провѣрочными сличеніями нѣкоторыхъ частей ея мы обязаны любезности помощника прэфекта библіотеки, д-ра Джованни Меркати (Dr. Giovanni Mercati), которому считаемъ долгомъ выразить и здѣсь нашу искреннюю благодарность за его любезное содѣйствіе нашей работѣ.

*2. *a* = Romanus Angelicus 25 (прежняя сигнатура — C. 4. 3); XVI вѣка. Къ Прокопію относятся fol. 235—242[3]): здѣсь мы находимъ 15 писемъ, извлеченныхъ изъ разныхъ мѣстъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», и кромѣ того три другихъ извлеченія изъ первой[4]), пятой и седьмой книгъ того же труда Прокопія. Принимая въ соображеніе аналогичный характеръ Константиновскихъ извлеченій περὶ γνωμῶν, мы склоняемся къ мысли, что въ вышеуказанныхъ листахъ этой рукописи (или, по крайней мѣрѣ, въ fol. 235—240^v) можно признать частицу соотвѣтствующаго отдѣла (περὶ ἐπιστολῶν) тѣхъ же извлеченій. Эту рукопись мы сличали въ Римѣ лѣтомъ 1897 года.

3. 𝔄 = Ambrosianus *A* 182 sup., *fol. 1—8, 25—177^r* (см. выше п. 1) *и 184—187*, т. е. — за исключеніемъ *A* (п. 1) и *a* (п. 4) — вся та часть рукописи, которая относится къ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»[5]); эта часть рукописи писана въ XIV вѣкѣ; ее мы сличили лѣтомъ 1897 года.

4. 𝔞 = Ambrosianus *A* 182 sup., *fol. 188^r* = p. 642,9 (θανα)τῶσιν — p. 643,4 *συνέγραψεν*; XVI вѣка. Эта часть рукописи была нами сличена въ 1894 году.

---

1) Вездѣ въ этой главѣ мы цитуемъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» по боннскому изданію (vol. II, Bonnae 1833).

2) Къ XV вѣку относитъ эту часть рукописи и Гаури l. c. p. 148; сомнѣваемся, чтобы правъ былъ Ростаньо (l. c. p. XXX), относящій ее («certamente») къ XVI вѣку.

3) За обзоромъ прочаго содержанія этой рукописи отсылаемъ читателя къ *P. Franchi de' Cavalieri* въ Studi italiani di filologia classica, IV (Firenze-Roma 1896) p. 52 sq.

4) Именно p. 17, 22 (vol. I ed. Bonn.) λέοντά ποτε — p. 18,5 ποδοστράβην ἠσόμενον (sic). Спеціально упоминаемъ этотъ отрывокъ (fol. 242^r; онъ зачеркнутъ позднѣйшею рукой) потому, что Франки де Кавальери не распозналъ, что и этотъ «fabulae fragmentum» извлеченъ изъ Прокопія.

5) Кромѣ второй тетрады «De bellis» эта рукопись содержитъ «De aedificiis» и «Anecdota»; нѣкоторые листы послѣднихъ при переплетѣ рукописи попали въ «De bellis»; ср. *Rostagno* l. c. p. XXIX sq. и нашу статью «О рукописномъ преданіи Тайной Исторіи Прокопія» въ *Визант. Временникѣ* 1895 стр. 417, а также Haury l. c. p. 147 sq.

*5. *B* = Bruxellensis 11301—16 [1]); XVI вѣка. Содержитъ Excerpta de legatis Romanorum ad exteras gentes, т. е. одинъ изъ отдѣловъ [2]) Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων. Къ Прокопію относятся *fol. 103ᵛ — 138ᵛ*: «περὶ πρέςβεων ἐθνικῶν πρὸς ῥωμαίους — читай: περὶ πρ. Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς [3]) — ἐκ τῆς ἱστορίας προκοπίου καισαρέως». Извлеченія изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ *fol. 121ʳ*. Мы пользовались сличеніями Жюстиса (l. c. p. 90—95), на котораго и слагаемъ отвѣтственность за могущія оказаться въ нихъ неточности и ошибки.

*6. *b*=Barberinianus II 2; XVI вѣка. Содержитъ на fol. 43ʳ—47ʳ то же самое, что *a* (n. 2) на своихъ fol. 235 — 240, т. е. 15 писемъ, извлеченныхъ изъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» и (послѣ перваго письма) отрывокъ изъ пятой книги того же труда (p. 34,15 Θευδάτος εἰς ἀπιστίαν— p. 35,1 πεπραγμένων). На остальныхъ листахъ эта рукопись содержитъ письма Эсхина, Алкифрона, Димитрія Кидонскаго, патріарха Фотія, Θеодора митрополита Никейскаго, Николая патріарха Константинопольскаго, еще Алкифрона и еще кого то. Эту рукопись мы сличали осенью 1897 года.

*7. β = Lexicon Vindobonense.

*8. 𝔅ᴵ = Bruxellensis 11317—21 [4]); XVI вѣка. Содержитъ Excerpta de legatis gentium ad Romanos (περὶ πρέςβεων ἐθνῶν πρὸς ῥωμαίους ὑπὸ διαφόρων), т. е. другой отдѣлъ Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων. Отъ прочихъ рукописей того же содержанія эта отличается тѣмъ, что даетъ извлеченія изъ Полибія въ сильно сокращенномъ видѣ. Извлеченія изъ Прокопія (περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς ῥωμαίους ἐκ τῆς ἱστορίας προκοπίου καισαρέως) занимаютъ fol. 147ᵛ— 178ᵛ, причемъ извлеченія изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ fol. 159ʳ. Мы пользовались сличеніями Жюстиса (l. c. p. 100—106).

---

1) По каталогу Омона — n. 97 (*H. Omont* Catalogue des mss. Grecs de la biblioth. royale de Bruxelles, Gand 1885 p. 30 sq.). Самое подробное описаніе этой рукописи вмѣстѣ съ колляціями нѣкоторыхъ частей даетъ *Ш. Жюстисъ* (Anecdota Bruxellensia, III: Le «codex Schottanus» des extraits «de legationibus», par *Ch. Justice*, Gand 1896 p. 9 sqq.); ср. также предисловіе *Буассевэна* къ первому тому его изданія Кассія Діона (Berol. 1895) p. XXV sq.

2) *Вторымъ* отдѣломъ считаютъ его Буассевэнъ (p. XXII not. 2) и Жюстисъ (p. 24 not. 1), а мы предпочитаемъ отвести ему *первое* мѣсто.

3) Эта ошибка повторяется и въ *C* (n. 10) и въ *D* (n. 11).

4) Подробное описаніе этой рукописи (по каталогу Омона — n. 98) вмѣстѣ съ колляціями нѣкоторыхъ частей даетъ *Жюстисъ* l. c.; ср. также *Boissevain* l. c. p. XXVI sq.

*9. $\mathfrak{B}^{II}$ = (Bavaricus) Monacensis 185; XVI вѣка. Содержитъ то же, что̀ и $\mathfrak{B}^{I}$, — περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς ῥωμαίους ὑπὸ διαφόρων ἱστορικῶν — но только даетъ *всѣ* извлеченія изъ Полибія. Извлеченія «ἐκ τῆς ἱστορίας προκοπίου καισαρέως» занимаютъ fol. 290—320 [1]). Колляціи этихъ извлеченій у насъ не было, но степень цѣнности данной рукописи для критики текста Прокопія намъ удалось опредѣлить на основаніи чужихъ сличеній другихъ ея частей, а именно Hultsch'евской колляціи извлеченій изъ Полибія, мендельсоновской колляціи извлеченій изъ Аппіана, шѣлевской — извлеченій изъ Зосима (въ изданіи Мендельсона, Lps. 1887), и др.

*10. *C* = Monacensis 267; XVI вѣка. Содержитъ то же, что̀ и *BD*. Извлеченія изъ Прокопія содержатся на fol. 169ᵛ—228ᵛ [2]); извлеченія изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ fol. 200ᵛ. Эту рукопись мы сличали весною нынѣшняго года въ Юрьевѣ, куда она была выслана дирекціею Мюнхенской королевской библіотеки по ходатайству Александра Петровича Извольскаго, Императорскаго русскаго министра-резидента при дворѣ короля Баварскаго. Исполняемъ пріятный долгъ, публично свидѣтельствуя свою искреннѣйшую благодарность А. П. Извольскому и дирекціи упомянутой библіотеки за ихъ просвѣщенное вниманіе и содѣйствіе нашей работѣ.

*11. *D* = Vaticanus Palatinus 413 [3]); XVI вѣка. Содержитъ то же, что *BC*. Извлеченія изъ Прокопія занимаютъ fol. 109ʳ—144ᵛ; извлеченія изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ fol. 126ᵛ.—Не мѣшаетъ упомянуть, что эта рукопись, какъ и $\mathfrak{Q}\mathfrak{Q}^{I}\mathfrak{Q}^{II}$, нѣкогда принадлежала нѣкоему Юлію Paccio de Beriga (Julius Pacius) и вмѣстѣ съ $\mathfrak{Q}$ $\mathfrak{Q}^{I}$ $\mathfrak{Q}^{II}$ была имъ продана въ 1591 году гейдельбергскому университету, по свидѣтельству Зильбурга (Sylburgius) въ cod.

1) Ср. Hardt Catalogus codicum mss. bibliothecae regiae Bavaricae, II, Monachii 1806, p. 235 sqq.

2) Ср. Hardt III, p. 117 sqq., а также C. Bauer Handschriftliches zu Prokop въ Abhandlungen aus dem Gebiet der klass. Altertums-Wissenschaft W. v. Christ . . . dargebracht, München 1891, p. 418 sq.

3) Ср. H. Stevenson senior Codices mss. Palatini graeci bibliothecae Vaticanae, Romae 1885, p. 268 sq. — Эта рукопись — подобно другимъ ватикано-палатинскимъ $\mathfrak{Q}\mathfrak{Q}^{I}\mathfrak{Q}^{II}$ — ускользнула отъ вниманія Жюстиса, Шульце и Буассевэна. E. Schulze, De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnae 1866, p. 37, упоминаетъ *D* со словъ Зильбурга и, разбирая сообщенные послѣднимъ варіанты *D* въ извлеченіяхъ изъ Діонисія Галикарнасскаго (Dionys. Halic. ed. Fr. Sylburgius, Francof. 1586), приходитъ къ (невѣрному) выводу, что *D* слѣдуетъ отожествить съ мюнхенскою рукописью *C* (p. 42 sq.).

Vatican. Palatinus lat. 429 bis, part. II fol. 110 [1]). Эту рукопись мы сличали зимою 1897 года.

12. 𝔇 = Ambrosianus A 52—55 s u p. (четыре тома, писанныхъ Дармаріемъ); XVI вѣка. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» [2]).

•* 13. *E* = Parisinus 1038 (Medic.-Reg. 2913), fol. 186—190; XIV вѣка. Въ этой сборной рукописи [3]) на только что указанныхъ листахъ содержатся «Ἐπιστολαί Προκοπίου Καισαρέως», а именно 1) «Ἰουστινιανὸς Ἀμαλασούνθῃ. Τὸ ἐν Λιλυβαίῳ φρούριον» и проч. (p. 19, 9—14 vol. II ed. Bonn.); 2) «Ἀμαλασούνθα Ἰουστινιανῷ. Βασιλέα μέγαν» и проч. (p. 19, 15—20, 21); 3) «Ἰουστινιανὸς Φράγγοις. Γότθοι Ἰταλίαν τὴν ἡμετέραν» и проч. (p. 27, 10—15); 4) «Θευδάτος Ἰουστινιανῷ. Οὐ γεγόναμεν (*sic*) βασιλιχῆς (*sic*)» и проч. (p. 31, 13—32, 7), послѣ чего идутъ тѣ же письма и въ томъ же порядкѣ, что̀ и въ вышеупомянутыхъ рукописяхъ *a* и *b* (пп. 2 и 6). Свѣдѣніями о содержаніи этой рукописи,—которую мы не колеблемся отнести, подобно *a* и *b*, къ остаткамъ Константиновскихъ извлеченій περὶ ἐπιστολῶν,—мы обязаны молодому французскому ученому, г. Видье (Vidier), при любезномъ посредничествѣ М. И. Ростовцева. Къ сожалѣнію, г. Видье не сообщилъ намъ, чѣмъ именно заканчивается fol. 190 этой рукописи, и потому мы не знаемъ, содержитъ ли она кромѣ писемъ тѣ три извлеченія изъ первой, пятой и седьмой книгъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», какія сохранились въ *a* (п. 2).

* 14. *e* = Vaticanus 1353; XV вѣка. Къ Прокопію относится fol. 220, содержащій «ἐπιστολὴ βελισαρίου πρὸς τὸν βασιλέα ἰουστιανὸν (*sic*)», а именно p. 114, 5 Ἀφίγμεθα — p. 116, 8 τελευτὴ φέρει (*sic*). Эта рукопись—«χωνσταντίνου λασχάρεως καὶ πόνημα καὶ κτῆμα», какъ гласитъ помѣтка на fol. 242^v—содержитъ собраніе писемъ Фаларида, Абарида, Пиѳагора, Анахарсида и многихъ другихъ—съ предпосланными этому собранію разсужденіями о томъ, что̀ такое—письмо, и о разныхъ типахъ писемъ вообще. Эту рукопись мы сличали зимою 1897 года.

14[a]. ε = Etymologicum Magnum. Къ Прокопію относится: Βολω-

---

1) Ср. H. Stevenson iunior Codices Palatini latini biblioth. Vaticanae, I, Romae 1886, p. 129.

2) Подробное описаніе этой рукописи см. у Rostagno l. c. p. XXX sqq.

3) Ср. Omont Inventaire sommaire des mss. Grecs de la Biblioth. Nationale I, p. 209.

σία, ἡ Εἰλείθυια· βολὰς γὰρ τὰς ὠδῖνας ὠνόμαζον, ср. (Ὑπὲρ τῶν πολέμων 8, 22) p. 576, 15—17.

15. 𝔉 = (Florentinus) Laurentianus 9, 32; конца XIV вѣка. Въ этой рукописи, подробно описанной у Бандини[1]), на fol. 212 (211)ᵛ—218 (217)ᵛ, которыя мы и обозначаемъ буквою 𝔉,—содержится 6 извлеченій изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»[2]). Кромѣ того, изъ относящагося къ Прокопію находимъ въ этой рукописи два извлеченія изъ первой тетрады[3]) и «De aedificiis» въ сокращенной редакціи. За деталями внѣшняго описанія отсылаемъ къ Бандини (p. 443) и Ростаньо (p. XXIX).—Гаури ограничился бѣглой замѣткой объ этой рукописи въ самомъ концѣ своей статьи (p. 176). Эту рукопись мы сличали въ 1894 и 1897 годахъ.

*16. *G* = Ambrosianus N 135 sup.; XVI вѣка. Содержитъ (подобно 𝔅^II) Excerpta de legatis gentium ad Romanos, причемъ извлеченія изъ Прокопія занимаютъ fol. 490ʳ—539ᵛ (περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς ῥωμαίους: ἐκ τῆς ἱστορίας προκοπίου καισαρέως). Извлеченія изъ второй половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ fol. 509ʳ.—Въ самомъ концѣ рукописи, на отдѣльномъ листѣ (fol. 710ʳ) приписано рукой Дармарія слѣдующее: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου υἱοῦ γεωργίου· εἴληφε σὺν θεῷ τέλος, ἐν τῷ ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ͵αφοδ [1574]· αὐγούστου κδ′ ἐν τῇ μονῇ[4]) τοῦ ἁγίου λαυρεντίου τοῦ σκουριαλίου, ὑπὸ[5]) τῆς βα-

1) Bandini Catalogus codicum graecorum bibliothecae Laurentianae, I, p. 442 sqq.

2) Цифры въ скобкахъ относятся къ *верхней*, а передъ скобками — къ *нижней* пагинаціи этой рукописи. Нижняя пагинація моложе верхней (по которой обыкновенно цитуютъ), но правильнѣе ея, а потому мы отдаемъ ей предпочтеніе передъ верхней и ниже будемъ цитовать по ней.

3) Одинъ отрывокъ (fol. 211ᵛ: προκοπίου ῥήτορος ἐκ τοῦ τῶν λιβυκῶν πρώτου λόγου· περὶ τοῦ τῶν ῥωμαίων κράτους = vol. I ed. Bonn. p. 309, 9 τὸ ῥωμαίων κράτος — p. 312, 14 κεῖσθαι) восходитъ къ одному архетипу (Vorlage) съ ватиканскою рукописью gr. 152 (fol. 1—141ʳ) и венеціанскою cod. Marcian. 398. Другой,—обнимающій 22 и 23 главы II книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» (fol. 208ᵛ—211ᵛ: περικοπὴ ἀπὸ τοῦ β^ου′ λόγου τῆς χρονογραφίας τῶν περσικῶν ἰουστινιανοῦ βασιλέως· τοῦ ῥήτορος προκοπίου περὶ τοῦ κατὰ τοὺς χρόνους ἐκείνους γενομένου λοιμοῦ = vol. I ed. Bonn. p. 249, 7 Ὑπὸ — p. 259, 12 ἅπαντας),—по всей вѣроятности, списанъ съ cod. Vaticanus 1001.

4) Не μόνῃ, какъ сообщается у Justice p. 21.—Мимоходомъ отмѣтимъ еще двѣ-три неточности, касающіяся этой же рукописи: 1) со словъ проф. Пармантье (Parmentier) Жюстисъ p. 20 сообщаетъ, что въ *G* fol. 276ʳ читается «Ἐκ τῆς ἱστορίας δουξίππου (sic) ἀθηναίου λόγος», тогда какъ тамъ стоитъ слѣдующее: ἐκ τῆς ἱστορίας δεξίππου (правильно!) ἀθηναίου· λόγος ῑ^ος′; 2) въ извлеченіяхъ изъ исторіи Кассія Діона (vol. I p. 325, 5 ed. Boissevain) *G* fol. 340ᵛ совершенно ясно даетъ ὡμολογημένων (такъ на основаніи своей конъектуры предложилъ читать Kuiper), а не ὁμολογησαμένων, какъ сообщаетъ Буассевэнъ.

5) Вѣроятно, это — lapsus calami Дармарія вмѣсто ἀπὸ.

σιλικῆς βιβλιοθήκης βασιλέως ἱσπανῶν αὐτοκράτορος κυρίου φιλίππου. Эту рукопись мы сличали лѣтомъ 1897 года.

Остается пояснить, что букву *G* для обозначенія этой рукописи мы избрали потому, что считаемъ послѣднюю архетипомъ всѣхъ прочихъ дошедшихъ до нашего времени рукописей Константиновскихъ извлеченій de legatis gentium ad Romanos (ср. ниже n. 33, стр. 455).

*17. Γ = Vaticanus 73; пергаменная рукопись (палимпсестъ) X вѣка. Содержитъ такъ называемыя Excerpta de sententiis (ἐκλογαὶ περὶ γνωμῶν), входя въ составъ вышеупомянутыхъ «Константиновскихъ извлеченій». Къ Прокопію относятся шесть листовъ, fol. 59. 77. 83. 100. 113. 168 = pag. 117 sq. 153 sq. 165 sq. 199 sq. 225 sq. 335 sq.): извлеченія изъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», являющіяся *весьма цѣннымъ* источникомъ текста нашего историка. Полная колляція вышеупомянутыхъ листовъ этого палимпсеста впервые была сдѣлана нами, осенью 1897 года.

*18. *H* = (Hispanus) Escurialensis R. III. 14; XVI вѣка. Содержитъ то же, что̀ и *BCD*, за исключеніемъ лишь извлеченій изъ Θеофилакта Симокаттскаго. Въ концѣ этой рукописи, послѣ извлеченій изъ Менандра, читается слѣдующая subscriptio [1]): ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου υἱοῦ γεωργίου τοῦ ἐπιδαυρίου, εἴληφε τέρμα σὺν θεῷ ἐν τῷ ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ͵αφοδʹ ἰουνίου κζʹ, ἐν μαδριλλίῳ. τέλος σὺν θεῷ τοῦ πρώτου τόμου τοῦ περὶ πρέςβεων ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς ὑπὸ διαφόρων. О нѣкоторой сомнительности указываемой здѣсь даты (27 іюня 1574 года) и о вытекающихъ отсюда заключеніяхъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Колляцій этой рукописи, равно какъ и рукописей 𝔥 и 𝔥ᴵ, мы не имѣемъ.

*19. 𝔥 = Escurialensis R. III. 13; XVI вѣка. Содержитъ Константиновскія извлеченія de legatis gentium ad Romanos (περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους) — изъ Геродота, Θукидида, Агаθія, Менандра, Θеофилакта, Прокопія, Арріана, Аппіана, Мальха, Приска и Евнапія [2]), т. е. часть того, что содержится напр. въ *G*.

Тутъ же упомянемъ и о третьей эскуріальской рукописи извлеченій περὶ πρέσβεων, хотя она и не содержитъ, по легко понятной причинѣ, извлеченій изъ Прокопія. Это —

𝔥ᴵ = Escurialensis R. III. 21; тоже XVI вѣка. Она является

1) Приводимъ ее въ копіи Миллера (E. Miller Catalogue des mss. grecs de la Bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848) p. 28 sq.

2) Ср. Miller l. c. p. 27

связующимъ звеномъ между вышеупомянутыми *H* и $\mathfrak{H}$, содержа извлеченія περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς изъ Ѳеофилакта Симокаттскаго, которыхъ не хватаетъ въ *H* [1]), а затѣмъ περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους изъ Полибія, Іосифа Флавія, Зосима, Дексиппа, Сократа (историка церкви), Петра патриція, Діодора и Діона Кассія [2]), и такимъ образомъ дополняетъ $\mathfrak{H}$. Не мѣшаетъ упомянуть, что Гро [3]) p. 326 sq. не безъ основанія считаетъ первоначальнымъ владѣльцемъ всѣхъ этихъ трехъ рукописей *H* $\mathfrak{H}\mathfrak{H}^{I}$ одного изъ испанскихъ гуманистовъ XVI вѣка, Антонія де Коваррувіасъ.

20. *L* = Laurentianus 69, 8 — за исключеніемъ съ одной стороны fol. 3^r (см. ниже Λ), съ другой fol. 32^v и 33^r (см. ниже *M*); пергаменная рукопись XIV вѣка. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», за исключеніемъ p. 609, 16 στρατιὰν — p. 628, 13 αὐτοῦ. За деталями внѣшняго описанія отошлемъ читателя къ Бандини II p. 627, Ростаньо p. XXVIII и Гаури p. 131 sqq. Эту рукопись (вмѣстѣ съ Λ и *M*, конечно) мы начали сличать въ 1894 году, затѣмъ продолжали сличеніе лѣтомъ 1896 года и закончили эту работу лѣтомъ 1897 года во Флоренціи, а сверхъ того зимою 1897 года имѣли случай произвести провѣрочныя сличенія въ Римѣ, — въ Biblioteca Casanatense, куда по ходатайству русскаго посольства эта рукопись была выслана изъ Лауренціанской библіотеки. Отмѣчаемъ послѣдній фактъ съ цѣлью публично засвидѣтельствовать свою глубокую признательность русскому посольству въ Римѣ въ лицѣ его главы, г. Нелидова, а также русскому консулу въ Римѣ, А. Г. Сальвіати, за ихъ любезное содѣйствіе моей работѣ.

21. Λ = Laurentianus 69, 8,—fol. 3^r; писанъ тою же самою рукою (XIV вѣка), что̀ и *L*. Содержитъ заглавіе и первыя восемь строкъ V книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», заканчиваясь словами (p. 6, 8) σκίρους (sic) τε καὶ ἄλα (sic) [4]), причемъ часть этой страницы осталась неисписанною и на ней (какъ и на срединѣ — оставленнаго пустымъ — fol. 2^v) чьею то рукой впослѣдствіи была сдѣлана помѣтка οὐδὲν ἐλλείπει. Сличая рукопись Laur. 69, 8 для Компаретти, Ростаньо оставилъ безъ вниманія Λ, а между тѣмъ и эта страница — несмотря на незначительность размѣровъ ея содержанія — не лишена нѣкотораго

1) Эти извлеченія изъ Ѳеофилакта мы обозначимъ буквой Ѳ.

2) Ср. Miller l. c. p. 50 sq.

3) Ch. Graux Essai sur les origines du fonds grec de l'Escurial, Paris 1880.

4) Не «σχίρους καὶ», какъ сообщаетъ Ростаньо l. c. p. XXVIII.

значенія для критики текста Прокопія, будучи написана нѣсколько внимательнѣе, чѣмъ соотвѣтствующія строки L: такъ р. 6, 8 она, какъ и ватиканское преданіе (W), правильно даетъ σκίρους вмѣсто σκίρρους L, а р. 6, 2 ὑπειπὼν (какъ предложилъ читать и Диндорфъ) вмѣсто ошибочной вульгаты ἐπειπὼν (WL).

22. 𝔏 = Leidensis, legat. Scaligeriani 5; XVI вѣка. Содержитъ всѣ 8 книгъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»: «Procopii Caesariensis Historiarum libri per tetradas distincti, quorum postremus est Τῆς πρώτης τετράδος τῶν κατ' αὐτὸν ὀκτὼ ἱστοριῶν ἡ τετάρτους [читай: τετάρτη]. Post quem sequitur, Ἱστορία τῶν Γοτθικῶν πολέμων ἐν τέτταρσι τόμοις διῃρημένη etc. Ipsius Scaligeri [Іосифа] chirographo, et ut videtur, Vulcanii correcta. Etiam in charta nitide scripti, et fere eadem manu», какъ сообщаетъ одинъ старинный каталогъ [1]). Мы пользовались Geel'евской колляціей этой рукописи, сообщенною въ критическомъ аппаратѣ боннскаго изданія.

23. M = (Mediceus) Laurentianus 69, 8 — fol. 32ᵛ и 33ʳ (= р. 77, 8 ἀπὸ τοῦ προτέρου — 82, 11 σαλώνων). Эти листы писаны тою же рукою (XIV вѣка), что̀ и L, но только болѣе мелкимъ и убористымъ почеркомъ.

24. 𝔐 = Monacensis 87; XVI вѣка. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» (fol. 1—249ʳ), кромѣ того произведенія Синесія и Никифора Григоры [2]). Мы пользовались колляціей Ростаньо, сообщаемой въ критическомъ аппаратѣ изданія Компаретти.

*25. N = Neapolitanus II C 32 [3]); по мнѣнію проф. Мартини, скорѣе XIV чѣмъ XV вѣка [4]). Содержитъ (fol. 337 sq.) извлеченія изъ разныхъ мѣстъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» [5]). Предметомъ извлеченій являются различныя сентенціи Прокопія (первая: ἀγὼν γὰρ εἰ μὴ ἐκ τοῦ ἀντιπάλου συσταίη, οὐδὲ τὴν νίκην εὐπρεπῆ φέρει — р. 19, 18 vol. II ed. Bonn.; послѣдняя: τοῖς μὲν γὰρ ἐπταικόσιν, τὸ μεταμέλειν ἀνόνητον

---

1) W. Senguerdius, Iac. Gronovius, Ioh. Heyman, Catalogus librorum tam impressorum quam mss. biblioth. publ. universitatis Lugduno-Batavae, Lugduni apud Batavos 1716, p. 339.

2) Ср. Hardt I p. 485 sq. и Rostagno l. c. p. XXXII.

3) Не 33, какъ говоритъ въ своемъ каталогѣ Чирилло (Salv. Cyrillus) Codices graeci mss. regiae bibliothecae Borbonicae, II, Neapoli 1832) p. 5.

4) Къ XV вѣку относитъ эту рукопись Чирилло.

5) «(Excerpta) ex Procopio de rebus Gothicis», неточно говоритъ Чирилло (l. c. p. 6), очевидно, принявъ во вниманіе только начальный заголовокъ (fol. 337ʳ): Ἐκ τῶν γοτθικῶν προκοπίου καισαρέως, и упустивъ изъ виду вторую помѣтку (fol. 338ʳ): ἀπὸ τοῦ πρώτου βιβλίου.

πρὸς (sic) δὲ τῶν ξένων, τὸ μεταμανθάνειν ἀπεδίδοσαν — p. 356, 7 vol. I ed. Bonn.: не мѣшаетъ упомянуть, что ни съ однимъ изъ прочихъ собраній прокопіевскихъ сентенцій *Го* и мадридская рукопись reg. 116, — см. ниже подъ n. 52: это неаполитанское не находится въ генетической связи. Сличеніемъ этой рукописи мы обязаны любезности нашего добраго знакомаго, директора библіотеки неаполитанскаго университета, г. Эмидіо Мартини (Prof. Dr. Emidio Martini), которому и выражаемъ здѣсь свою искреннюю благодарность.

26. 𝔐 = Monacensis 513, fol. 350ʳ—699ʳ: XVI вѣка. Содержитъ — на только что указанныхъ листахъ — вторую половину «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»[1], за исключеніемъ p. 609, 16 στρατιὰν — 628, 13 αὐτοῦ. Эту лакуну (fol. 691ʳ) пополняетъ

27. m = Monacensis 513, fol. 700—711: тоже XVI вѣка[2]. — Эта мюнхенская рукопись (𝔐m) была положена въ основу изданія Гёшеля (Procopii historiarum sui temporis libri VIII. ed. D. Hoeschelius Aug. Vindelic. 1607): ср. кромѣ того коллацію Ростаньо въ изданіи Компаретти.

28. *O* = Vaticanus Ottobonianus 82; XIV вѣка. Изъ этой рукописи лишь нѣсколько строкъ относятся ко второй половинѣ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»: она содержитъ историческій трудъ Агаѳія[3], за которымъ слѣдуютъ — съ fol. 85ʳ (69 по оригинальной пагинаціи) — третья и четвертая книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», причемъ третья книга начинается лишь съ p. 331, 15 (vol. I ed. Bonn.) ἐπιβουλήν, а четвертая заключается фразой[4]: τὰ μὲν οὖν ἐν λιβύη πραχθέντα (sic) τῇδε ῥωμαίοις ἐχώρησεν· ἐγὼ δὲ ἐπὶ τὸ (sic) πόλεμον τὸν γοτθικὸν εἶμι, — обыкновенно помѣщаемой въ началѣ слѣдующей (пятой) книги (p. 6, 1 sq. vol. II) и оставленной безъ вниманія какъ Гаури

---

1) Ср. Rostagno p. XXXIV и Hardt *l. c.* V p. 261 sq.

2) Ср. Rostagno l. c.

3) «In dem gedruckten Katalog der Ottoboniana steht: Agathius, non si sa se sia stampato», не безъ ироніи замѣчаетъ Гаури p. 148, но если онъ имѣетъ въ виду каталогъ Ферона и Батталъини (вышедшій въ свѣтъ за три года до его статьи), то онъ иронизируетъ надъ самимъ собою, не уразумѣвъ замѣтки этого каталога (p. 51): «Folium *a* praeter Altaempsiana: n. 68—*Agathii scholastici historiae Romanae*, atque italice: *non si sa se sia stampato*».

4) Fol. 145ᵛ; не мѣшаетъ впрочемъ отмѣтить, что этотъ *145* листъ въ сущности является *144-мъ*: дѣло въ томъ, что авторъ этой (*не* оригинальной) пагинаціи помѣтилъ *100-мъ* листъ, слѣдующій за *98-мъ*. Это обстоятельство, повидимому, ускользнуло отъ вниманія Гаури и авторовъ печатнаго каталога.

(p. 148 sq.), такъ и Компаретти [1]). — Рукопись *O* писана тою же самою рукою, что̀ и Ambrosianus A 182 sup. (именно 𝔄 + A), и нѣкогда составляла съ амброзіанскою рукописью одно цѣлое, что̀ констатировалъ уже Гаури (p. 149) на основаніи кватерніонныхъ помѣтокъ; это цѣлое первоначально содержало слѣдующее: сперва шла первая тетрада «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», затѣмъ вторая (т. е. 𝔄 + A), наконецъ Агаѳій. Не слѣдуетъ однако же изъ факта (прежняго) соединенія рукописей *O* и 𝔄 + A въ одномъ томѣ или изъ факта написанія ихъ однимъ и тѣмъ же писцомъ заключать, какъ это поторопился сдѣлать Гаури (p. 127), — повторяя ту же ошибку и относительно *L* и P^{I}, — будто рукописи эти восходятъ къ одному (частному) архетипу *y*, который имъ противополагается архе́типу (*z*) ватикано-венеціанскаго преданія [2]). Детальное сравненіе варіантовъ соотвѣтствующихъ рукописей не совсѣмъ подтверждаетъ это мнѣніе Гаури [3]), а въ данномъ случаѣ оно опровергается уже сопоставленіемъ вышеприведенной фразы изъ *O* съ тою же фразою въ редакціи L𝔄: τὰ μὲν οὖν ἐν λιβύῃ πράγματα τῇδε ῥωμαίοις ἐχώρησεν. ἐγὼ δὲ ἐπὶ πόλεμον τὸν γοτθικὸν εἶμι; что же касается редакціи P^{I}, то и она разнится отъ *L𝔄*, давая ῥωμαίων вмѣсто ῥωμαίοις и въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ ватиканскимъ преданіемъ (*W*); послѣднее въ свою очередь имѣетъ (едва ли случайную) точку соприкосновенія съ *O*, а именно даетъ ἐπὶ τὸν πόλεμον τὸν γοτθικόν, по поводу чего слѣдуетъ припомнить ἐπί πὶ *O*.

Детальное изученіе рукописнаго преданія первой половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» подтвердитъ мысль, что уже на основаніи варіантовъ разбираемой фразы, при всей ея краткости, могутъ быть намѣчены основные контуры общей стеммы рукописей всѣхъ 8 книгъ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Не вдаваясь въ подробности, ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что на нашъ взглядъ, въ этой *общей стеммѣ* предложенное Гаури распредѣленіе прокопіевскихъ рукописей на два отдѣла *y* и *z* должно быть признано неправильнымъ и уступить мѣсто *новой классификаціи*, а именно слѣдующей:

---

1) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что послѣдній вовсе не упоминаетъ разбираемой рукописи.

2) Условная оговорка Гаури (p. 148 not. 1) — «Einige Momente sprechen dafür, dass der cod. Ambros. von dem Laurent. abgeschrieben ist. Einen absolut sicheren Beweis konnte ich aber bis jetzt nicht finden», — само собою разумѣется, ничуть не измѣняетъ сути дѣла.

3) Объ этомъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

1) неинтерполированное преданіе, которое можно назвать, по его главнѣйшимъ представителямъ (*VWP*[1]) *ватикано-парижскимъ*, и

2) интерполированное — *флорентійское*, ограничивающееся лишь второю тетрадою «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» и имѣющее своимъ представителемъ *L*[1]).

Въ виду несомнѣнной важности затронутаго здѣсь вопроса надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это уклоненіе въ сторону. — Остается упомянуть, что рукопись *O* мы сличали лѣтомъ 1896 года, причемъ закончили ея сличеніе уже послѣ оффиціальнаго закрытія Ватиканской библіотеки на время лѣтнихъ вакацій; этотъ сверхсрочный доступъ, съ любезнаго согласія прэфекта (sottobibliotecario) библіотеки, монсиньора Франца Эрле (Monsignore Fr. Ehrle), былъ разрѣшенъ намъ статсъ-секретаремъ Ватиканскимъ, кардиналомъ Рамполлой (S. Em. Rampolla), по ходатайству Александра Петровича Извольскаго, занимавшаго въ то время постъ министра-резидента при Ватиканскомъ дворѣ. Исполняемъ пріятный долгъ, публично свидѣтельствуя свою глубокую признательность за это всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ, а равно и теперешнему министру-резиденту при Ватиканскомъ дворѣ, г. Чарыкову, и секретарю Ватиканской миссіи, С. Д. Сазонову, за двукратное исходатайствованіе для насъ въ 1897 и 1898 гг. подобнаго же сверхсрочнаго доступа въ Ватиканскую библіотеку.

*29. *o* = Ottobonianus 192, fol. 198 (196)[r] — 200 (198)[v]; XV/XVI вѣка. Только что указанные листы[2]) этой сборной рукописи содержатъ собраніе различныхъ сентенцій «Προκοπίου κεσαρέως (sic)», извлеченныхъ изъ второй половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Изъ этихъ сентенцій первою является Οὐ γὰρ ἐστὶν ἀνδρεῖον — ἑπομένους (sic) βιῶναι (p. 518, 10—13), а послѣднею — Ὁποῖα γὰρ ἂν — ὄνομα φέρεσθαι (p. 372, 14 sq.). Ни съ Константиновскими извлеченіями περὶ

1) За рядомъ несомнѣнныхъ доказательствъ значительной интерполированности *L*, ускользнувшей однако отъ вниманія всѣхъ нашихъ предшественниковъ, отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ: «Къ рукописному преданію Ὑπὲρ τῶν πολέμων Прокопія Кесарійскаго» въ «Commentationes philologicae. Сборникъ статей въ честь проф. И. В. Помяловскаго къ тридцатилѣтней годовщинѣ его ученой и педагогической дѣятельности, отъ учениковъ и слушателей. Санктпетербургъ 1897», стр. 194 и слѣд.

2) Цифры въ скобкахъ относятся къ *верхней* (оригинальной) пагинаціи, а передъ скобками — къ *нижней*, по которой цитуютъ и Феронъ съ Баттальини, авторы печатнаго каталога оттобоніанскихъ рукописей (см. далѣе въ текстѣ).

γνωμῶν [1]), ни съ неаполитанскимъ собраніемъ прокопіевскихъ сентенцій [2]), ни съ мадридскою рукописью аналогичнаго содержанія [3]) собраніе *o* («γνῶμαι καὶ ἀποφθέγματα τινῶν θεολόγων καὶ φιλοσόφων ἀνδρῶν κατ' ἐκλογὴν») вовсе не имѣетъ генетической связи.—Для ознакомленія съ прочимъ содержаніемъ этой оттобоніанской рукописи отсылаемъ читателя къ каталогу Ферона и Баттальини (E. Feron et F. Battaglini, Codices mss. graeci Ottoboniani biblioth. Vaticanae, Romae 1893, p. 109—113). Эту рукопись мы сличали лѣтомъ 1897 года.

*30. *P* = Parisinus Suppl. gr. 607 A; X вѣка. Эта пергаменная рукопись содержитъ на fol. 31ʳ—37ʳ и 40ᵛ—42ʳ нѣсколько извлеченіи изъ второй половины «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», большею частью *въ пересказѣ* своими словами неизвѣстнаго эксцерптора; послѣднее обстоятельство, естественно, въ значительной степени понижаетъ цѣнность этой рукописи, какъ источника текста Прокопія, но при всемъ томъ нельзя не признать за ней весьма важнаго значенія въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ, — именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эксцерпторъ перестаетъ быть пересказчикомъ и приводитъ подлинныя слова историка безъ собственной амальгамы. Иллюстраціей можетъ послужить напр. тотъ фактъ, — уже констатированный К. Шенклемъ, хотя и не совсѣмъ точно [4]), — что лишь изъ *P* мы извлекаемъ болѣе правильное названіе Везувія Βέσβιος—вмѣсто единогласнаго чтенія другихъ рукописей — Βέβιος, ставшаго вульгатой несмотря на свою безпримѣрность [5]). — Все, что содержитъ *P*, было издано М. Треемъ въ одной гимназической программѣ, которою мы и пользовались [6]); кое-что — и въ томъ числѣ два первыхъ извлеченія изъ Прокопія: περὶ Βεσβίου ὄρους (p. 162, 14—163, 19) и περὶ Βριττίας νήσου (p. 559, 10—568,

1) См. выше Γ (n. 17).

2) См. выше *N* (n. 25).

3) См. ниже n. 52.

4) K. Schenkl Jahresbericht üb. die späteren griech. Geschichtsschreiber. 1873 — 1884 (въ Bursian-Müller's Jahresber. üb. die Fortschr. der class. AW., XXXVIII p. 258: «So heisst der Vesuv daselbst Βέσβιος, wofür Βέβιος in den codd. nur eine Corruptel ist»,— но (по изданію Трея p. 22, 20 sq.) соотвѣтствующій отрывокъ начинается такъ: Περὶ Βεσβίου ὄρους Προκόπιος. Βέσβιον ὄρος ἐστὶν и т. д.

5) Авторитетенъ ли однако *P* настолько, чтобы безусловно отрѣшиться отъ конъектуры Βεσούϊος (resp. Βεσύϊος), это — по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, — остается еще открытымъ вопросомъ.

6) Excerpta anonymi Byzantini ex codice Parisino Suppl. gr. 607 A edidit Max. Treu, Ohlau 1880.

23),—издалъ нѣсколькими годами раньше Трея Вешеръ въ приложеніяхъ къ своему изданію Діонисія Византійскаго [1]).

31. P^I = Parisinus 1702; XIV вѣка. Эта (пергаменная) рукопись содержитъ первую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», но въ концѣ IV-ой книги (fol. 190ʳ) стоитъ фраза: τὰ μὲν οὖν ἐν λιβύῃ πράγματα τῇδε ῥωμαίων (sic) ἐχώρησεν· ἐγὼ δὲ ἐπὶ πόλεμον τὸν γοτθικὸν εἶμι,— обыкновенно относимая, какъ мы уже упоминали выше (п. 28), къ V-ой книгѣ и тоже оставленная безъ вниманія какъ Гаури, такъ и Компаретти. Эту рукопись вмѣстѣ съ рукописью 𝔓 (п. 34) мы сличали въ 1895 году въ Петербургѣ, куда онѣ были высланы Парижскою Національною библіотекою по ходатайству Историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета. Считаемъ своимъ долгомъ выразить по этому поводу свою искреннюю признательность дирекціи Національной библіотеки и упомянутому факультету.

*32. π = Escurialensis I. Θ. 4 (первоначальная сигнатура I. В. 4). Эта—къ сожалѣнію, не дошедшая до нашего времени—пергаменная рукопись (приблизительно X—XII вѣка) содержала—«Ἰωάννου Κωνσταντινουπόλεως Περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους καὶ Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς, ἐκ τῆς ἱστορίας Πολυβίου, Ἰωσήπου, Ζωσίμου Ἀσκαλωνίτου, Δεξίππου Ἀθηναίου, Σωκράτους, Πέτρου πατρικίου καὶ μαγίστρου, Διοδώρου Σικελιώτου, καὶ ἑτέρων, ἑλλ.» [2])—какъ гласитъ рукописный каталогъ эскуріальской библіотеки, составленный въ концѣ XVI-го или началѣ XVII-го вѣка [3]). Она является архетипомъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени рукописей Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων. Прежде она принадлежала извѣстному испанскому гуманисту Хуану Paez de Castro, затѣмъ перешла въ эскуріальскую библіотеку, гдѣ и погибла вмѣстѣ съ 4000 другихъ рукописей въ 1671 году, когда въ Эскуріалѣ случился большой пожаръ [4]).

*33. π = Escurialensis IIII. H. 6—8 (первоначальная сигнатура III. Г. 1—3) [5]); XVI вѣка. Эта рукопись, прежде принадлежав-

1) Dionysii Byzantii de Bospori navigatione quae supersunt... edidit Car. Wescher, Parisiis 1874.

2) Это ἑλλ., вѣроятно, значитъ Ἑλληνιστί.

3) Ср. Graux l. c. p. 96.—За только что приведенной выпиской слѣдуютъ сигнатуры I. В. 4; I. Θ. 4, изъ которыхъ первая зачеркнута, а далѣе—съ новой строки—Ἔτι ἐν τρισὶ τόμοις. IIII. Г. 1/2/3/; IIII. H. 6/7/8/., причемъ первая сигнатура также зачеркнута. Эта помѣтка, по совершенно правильному предположенію Гро, относится къ трехтомной рукописи, о которой будетъ рѣчь ниже (п. 33).

4) Ср. Graux p. 319 sq.

5) См. выше прим. 3.

шая Антонію Агустину, содержала — въ трехъ томахъ, которые въ отдѣльности мы будемъ при случаѣ обозначать π^{I}, π^{II}, π^{III}, — «Ioannis Constantinopolitani de legationibus gentium ad Romanos, selecta ex historiis Petri Patricii et Magistri, Georgii Monachi, Ioannis Antiocheni, Dionysii Halicarnassei, Polybii Megalopolitani, Zosimi Ascalonitae, Iosephi, Diodori Siculi, Dionis Cocceii, Procopii Caesariensis, Prisci rhetoris, Malchi sophistae, Menandri Protictoris, et Theophylacti, et alior. — Volumina tria descripta, ut dicitur in extremo libro, ex bibliotheca regia sancti Laurentii M. D. LXXIV, in charta forma quadrati», — какъ гласитъ Bibliotheca manuscripta graeca Antonii Augustini (Tarragona 1586), выписку изъ которой мы заимствуемъ у Гро [1]). Какъ видно изъ этой выписки, π являлась копіей П (п. 32). Фактъ принадлежности π самому Агустину въ связи съ датой этой рукописи и нѣсколькими строками изъ корреспонденціи Агустина [2]) дѣлаетъ не-

---

1) Graux p. 96.

2) Въ письмѣ, посланномъ изъ Лериды къ Фульвію Орсини, и помѣченномъ 26 сент. 1574 года, Агустинъ говоритъ между прочимъ: «In un certo luogo di Spagna si è trovato un libro Greco, dove si trovano bellissimi fragmenti d'historici antiqui, di quali hò già una gran parte nelle mani, et si copia il resto tuttavia. Se fossero tante perle, rubini, ò diamanti non li stimarei tanto. Il più antico è Polybio, il quale scrisse XL. libri; sapete quanti pochi libri habbiamo intieri, et fragmenti d'altri fin al XVII. questi mi arrivano al 38. et oltre» (Antonii Augustini archiepiscopi Tarraconensis opera omnia, vol. VII, Lucae 1772, p. 256 col. 2). Уже изъ послѣднихъ словъ видно, что рѣчь идетъ объ извлеченіяхъ περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς, гдѣ послѣдніе полибіевскіе фрагменты относятся къ «λόγος λη̄» (ср. напр. *Justice* l. c. p. 35; напротивъ, въ извлеченіяхъ περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους послѣдній полибіевскій фрагментъ относится къ λόγος λστ, ср. *Justice* p. 119), и дальнѣйшія сообщенія Агустина вполнѣ подтверждаютъ это (p. 256 sq.): «Hò trovato nel detto libro 38. di Polybio quel proverbio τὰ μὶν διδόμενα del *Epist. ad Atticum* .... Vengo a Dionysio .... Trà le altre cose narra la legatione di C. Fabricio al Rè Pyrrho, et la risposta del Rè .... Si trova ancora un fragmento di Diodoro Siculo, dove parla del Rè Prusia, tutto quello che dice Livio haver scritto Polybio, è bella cosa, et ve la manderò presto presto. Ancora, di Dione Cocciano sono altri belli fragmenti dell' historie Romane, avanti Cesare ..... Di Appiano hò alcuni fragmenti delli libri *Italici*, et *Celtici*, et Samnitico, et altri che non havemo. Il resto intenderete di mano in mano ..... V(ostra) S(ignoria) farà le sue diligenze, et di questi thesori, ò carboni, havrà presto una buona parte in contracambio del suo Dione». Въ postscriptum прибавлено (p. 257): «Mando con questa tutti li fragmenti con certe postille mie in margine ..... L'altra parte di fragmenti aspetto presto, et vi mandarò la parte vostra». Въ другомъ письмѣ, написанномъ въ Таррагонѣ 13 ноября того же 1574 года, Агустинъ говоритъ (l. c. p. 257): «Sig(nor) Fulvio Sing(olarissimo). La disgratia mia non vole che habbia le vostre lettere, ne V. S. le mie; pure vi hò scritto molte volte, et mandato li *Fragmenti historici* con l'ultima mia un presente singular, et hora vi aviso, come ho in mano l'altra parte di detti *fragmenti*, la quale si copia per la S. V. continuando certi quinterni mandatimi, li quali io dissi, che mi pareano fragmenti di Polibio, et la mia opinione fu vera verissima, secondo che si trova alla fine di questi fragmenti. Io parlo di quelli, che cominciano καθόλον τῇ περὶ τὰ

сомнѣннымъ предположеніе, что π является самою раннею копіей П, если вообще допустить, что съ П (непосредственно) были списаны и другія рукописи Константиновскихъ извлеченій. — Въ настоящее время ни одного тома π нѣтъ въ эскуріальской библіотекѣ, въ которую π перешла по смерти Агустина [1]),—и обыкновенно предполагаютъ, а Гро (p. 95), которому слѣдуютъ Буассевэнъ (l. c. p. XXIV) и Жюстисъ (p. 13 sq.), даже объявляетъ категорически, что всѣ эти три тома подобно массѣ другихъ эскуріальскихъ рукописей стали жертвой пожара 1671 года [2]). Повидимому, однако представляется не невозможнымъ воскресить изъ пепла хотя часть этой драгоцѣнной рукописи: принимая въ соображеніе дату рукописи *G* (п. 16) и сопоставляя съ вышеприведенными отрывками изъ писемъ Агустина, а также съ выпиской изъ таррагонскаго каталога рукописей этого гуманиста, мы находимъ весьма правдоподобною мысль, что въ *G* мы имѣемъ второй и третій томы ($\pi^{II} + \pi^{III}$) древнѣйшей копіи рукописи П. Что же касается π^{I}, то, повидимому, всего естественнѣе было бы отожествить этотъ первый томъ π съ *H*,— рукописью, оконченной *27 іюня 1574 года,* — ͵αφοδʹ, ἰουνίου κζʹ, какъ гласитъ ея subscriptio (см. выше п. 18),—но разныя соображенія, съ которыми читатель познакомится въ концѣ настоящей главы, дѣлаютъ такой выводъ довольно сомнительнымъ.

λάφυρα, et finiscono διὰ τοὺς πολεμίους πρότερον ..... In altri fragmenti di Appiano, et Dione si fa gran guadagno, li quali ancora vi mandarò. Di molti altri historici, sono fragmenti parte noti, parte ignoti. Noti antiqui come Herodoto, Tucidide, Arriano, Josepho, Procopio. Ignoti ma moderni, Prisco rethore (*sic*) il quale è citato da Jornandes scrittore Gotho, Theophylatto, Menandro, Petro Patricio, Malcho Sophista, Joanne Antiocheno, Zosimo». Объ орсиніевскихъ рукописяхъ — Vatican. 1418 и Neapolitan. III B 15 — ср. *Boissevain* l. c. p. XXX sq. и *Justice* p. 22 sq.; вторую часть отрывковъ (т. е. неаполитанскую рукопись) Агустинъ послалъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ послать Орсини изъ Лериды 28 февраля 1575 года, ср. его Lettera 48 (l. c. p. 257 col. 2), а также письма Орсини къ Пинелли, цитуемыя Нольякомъ (*P. de Nolhac* La bibliothèque de Fulvio Orsini, Paris 1887, p. 47 not. 3).

1) Ср. выше стр. 453 прим. 3.

2) Особнякомъ стоитъ мнѣніе Шульце (*E. Schulze* De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnae 1866 p. 28), который высказываетъ предположеніе, что Агустинъ подарилъ Шотту свои копіи эскуріальской рукописи П,—т. е., иными словами, отожествляетъ π съ брюссельскими рукописями *B* и 𝔅ᴵ. Это мнѣніе опровергается какъ разъ тѣмъ каталогомъ агустиновскихъ рукописей, въ которомъ Шульце искалъ подтвержденія своей гипотезы (p. 29: Quod si in Schotti possessione hos libros fuisse censemus, illud quoque explanatur, quomodo factum sit, ut inter Augustini libros, quorum catalogus Tarracone a. 1586 typis describebatur, repetebatur in operum volumine VII, cum p. 31—66 libri graeci mss. positi sint plurimi, excerptorum mentio fiat nulla»): см. выписку изъ этого каталога, приведенную нами выше (стр. 454). Ср. и *Justice* p. 18 + not. 3.

34. 𝔓 = Parisinus 1703; XIV и XV вѣка. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», но безъ конца: послѣдній листъ этой рукописи заканчивается словами (fol. 165ᵛ) κατὰ τὴν σικελίαν (p. 636, 20). По характеру текста и по письму 𝔓 распадается на двѣ слѣдующихъ части:

1) 𝔓ᴵ — первая половина (fol. 1—88) до слова νεάπολιν (p. 328,3) включительно, писанная одною рукой въ концѣ XIV вѣка, и

2) 𝔓ᴵᴵ — вторая половина (fol. 89—165), начиная съ εἶλον (p. 328, 3), писанная другою, болѣе позднею, рукой, не моложе середины XV вѣка.

*35. 𝔭 = *такъ называемый fragmentum Pithoeanum* («Procopii Caesariensis Rhetoris ex lib. VIII. Hist. locus de Gothorum origine qui in exemplaribus editis hactenus desideratur»), изданный «ex bibliotheca Petri Pithoei» въ «Codicis legum Wisigothorum libri XII. Isidori Hispalensis episcopi de Gothis Wandalis et Svevis Historia sive Chronicon» (Parisiis 1579) и обнимающій p. 474, 8 Ὕπερθεν δὲ — 480, 14 πρότερον (по боннскому изданію). Мы сочли не безполезнымъ включить въ свой списокъ и этотъ отрывокъ, тѣмъ болѣе, что онъ упоминается въ критическомъ аппаратѣ боннскаго изданія и, по всей вѣроятности, не избѣгнетъ той же (незаслуженной) чести и въ третьемъ (нынѣ печатающемся) томѣ изданія Компаретти.

*36. 𝔔 = Vaticanus Palatinus 410; XVI вѣка. Содержитъ часть Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους, а именно изъ Полибія (fol. 1ʳ—161ᵛ) — но не всѣ[1]), — затѣмъ изъ Іосифа Флавія (fol. 163ʳ—185ᵛ), Θеофилакта Симокаттскаго (fol. 186ʳ—205ᵛ), наконецъ изъ Прокопія (fol. 206ʳ—257ᵛ): «περὶ πρέςβεων ἐθνικῶν πρός ῥωμαίους: ✢ ἐκ τῆς ἱστορίας προκοπίου καὶ σαρέως» (*sic*). Извлеченія изъ второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» начинаются съ fol. 225ʳ.

𝔔, какъ мы уже замѣтили, содержитъ лишь часть извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους; остальными частями того же цѣлаго являются двѣ другихъ ватикано-палатинскихъ рукописи, которыя намъ придется тоже помѣстить въ (частной) стеммѣ именно въ виду

1) Съ Ὅτι κατὰ τοὺς αὐτοὺς καιροὺς ἧκον (p. 1095, 28 ed. Hultsch.) до ταῦτα ἔδωκαν (p. 1325, 16); fol. 161ᵛ заключается словами τέλος τῆς ἱστορίας πολυβίου καὶ ἀπιανοῦ (!), — которыя находятся и въ 𝔅ᴵ (fol. 120ʳ), — а далѣе (fol. 162ʳ) читается помѣтка: τέλος τοῦ α͞ου τόμου τοῦ περι (безъ ударенія) πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς ῥωμαίους.

ихъ тѣсной связи съ Ω по содержанію, а потому находимъ необходимымъ упомянуть и ихъ въ данномъ контекстѣ, хотя, по понятной причинѣ, въ нихъ и не содержится извлеченій изъ Прокопія. Одна изъ этихъ рукописей—

Ω^{I} = Vaticanus Palatinus 411,—тоже XVI вѣка, какъ Ω и Ω^{II},—содержитъ извлеченія περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους изъ Арріана, Аппіана, Мальха, Приска, Евнапія и ту часть извлеченій изъ Полибія, которой не хватаетъ въ Ω, а именно (fol. 174^{r}—265^{v}) съ (κα)θόλου τῇ περὶ τὰ λάφυρα πλεονεξίᾳ τῶν αἰτωλῶν p. 1001, 16 ed. Hultsch.—до ποιήσειν ῥοδίοις τὸ προςταττόμενον p. 1092, 15 [1]). Другая рукопись—

Ω^{II} = Vaticanus Palatinus 412—содержитъ такія же извлеченія изъ Зосима, Дексиппа, Сократа (историка церкви), Петра патриція, Діодора, Діона Кассія, Геродота, Θукидида, Агаѳія и Менандра.

Совокупность этихъ трехъ рукописей (Ω^{I} + Ω + Ω^{II}) какъ по содержанію, такъ и по распредѣленію упомянутыхъ извлеченій является почти двойникомъ мюнхенской рукописи $\mathfrak{B}^{II}$ (n. 9); брюссельская $\mathfrak{B}^{I}$ (n. 8) отличается отъ нихъ только тѣмъ, что содержитъ лишь весьма незначительную часть извлеченій изъ Полибія; миланская *G* совпадаетъ съ тріадой Ω^{I} + Ω + Ω^{II} по составу, но содержитъ извлеченія въ нѣсколько иномъ порядкѣ; наконецъ, совокупность эскуріальскихъ рукописей $\mathfrak{H}^{I}$ и $\mathfrak{H}$ является двойникомъ *G*, если исключить изъ $\mathfrak{H}^{I}$ отрывки Θеофилакта Симокаттскаго (ср. выше n. 19).—Рукописи Ω Ω^{I} Ω^{II} мы сличали зимою 1897 года.

37. $\mathfrak{R}$ = Parisinus 1699. Эта рукопись (= «Regius» Мальтрэ), писанная въ первой половинѣ XV вѣка [2]), по своему составу распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая—

$\mathfrak{R}^{I}$—(fol. 1—188) содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», а вторая—

$\mathfrak{R}^{II}$—(fol. 189—339) обнимаетъ первую тетраду того же произведенія, причемъ конца IV-й книги не хватаетъ [3]).—Эта рукопись

1) Далѣе идетъ приписка τέλος σὺν θεῷ, заключающая собою fol. 265v, а на слѣдующей страницѣ (fol. 266r) читаемъ: τέλος τοῦ περὶ πρέςβεων ἐθνῶν πρὸς ῥωμαίους δευτέρου τόμου.—Мимоходомъ упомянемъ, что въ каталогѣ Стевенсона p. 267 въ цифру листовъ этой рукописи вкралась опечатка (256).

2) Ср. Haury l. c. p. 141 sq.

3) Ср. Omont Inventaire sommaire des mss. grecs de la Bibl. Nationale, II (Paris 1888) p. 126.

𝔑 была положена въ основу изданія Мальтрэ; весьма тщательнымъ сличеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ второй тетрады мы обязаны любезности Вяч. Ив. Иванова.

38. 𝔯 = Mazarinus 1297, *fol. 172*^{r}; XVI вѣка. Содержитъ «de bello Gothico libri I initium», по сообщенію Омона[1]),—т. е., вѣроятно, ту самую фразу, которую мы привели изъ P^{I} выше подъ n. 31.

39. Σ = Suidas.

40. 𝔖 = Vaticanus Reginae Suecorum 84; XVI вѣка. Содержитъ всю пятую и часть шестой книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»: послѣдній листъ (fol. 40^{r}) заканчивается словами p. 150, 20 ἄνδρα πέρσην да еще въ нижнемъ правомъ углу приписано καὶ βού[2]), что̀ служитъ переходомъ къ началу новаго кватерніона (καὶ βούχαν). За подробностями описанія отсылаемъ къ Ростаньо l. c. p. XXVII sq.[3]) и каталогу Стевенсона[4]). Эту рукопись мы сличали зимою 1897 года.

*41. 𝔗 = Parisinus 1701; XVII вѣка. Содержитъ всю вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Писанъ Пьеромъ Шабаннемъ (P. Chabanne)[5]).

42. *U* = Vaticanus 152, *съ fol. 312*^{r} *по fol. 316*^{r}, а именно съ p. 609, 16 στρατιὰν до p. 628, 13 αὐτοῦ, т. е. то же самое, что обнимаетъ *A* (n. 1). Эта часть рукописи писана въ XV вѣкѣ. Мы сличали ее весной 1897 года.

43. U^{I} = Vaticanus 152, *fol. 1—2 и 137—141*^{r}; XVI вѣка. Эти листы содержатъ начало (до χῶρόν τινα (включительно) p. 17, 3 ed. Bonn. vol. I) и конецъ (съ p. 521, 15 τῆς σωτηρίας) *первой* тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», пополняя такимъ образомъ W^{I}, т. е. промежуточные fol. 3—136 той же рукописи (p. 17, 3 ὄνπερ—p. 521, 15 ὑπὲρ), писанные, какъ и *W* (n. 46), въ XIV вѣкѣ. Детальное изученіе варіантовъ U^{I} приводитъ насъ къ заключенію, что эта часть рукописи по характеру преданія однородна съ OP^{I} и съ cod. Marcian. 398, а

1) Omont l. c. III p. 349 not. 13.—Остальная часть рукописи (fol. 1—172^{v}) содержитъ первую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Гаури p. 150 почему то цитуетъ эту рукопись подъ n. 4462.

2) Не καὶ ῥοῦ, какъ сообщаетъ Rostagno l. c. p. XXVII.

3) Въ описаніе Ростаньо вкрались нѣкоторыя неточности, которыя мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ.

4) H. Stevenson senior Codices reginae Suecorum et Pii papae II graeci, Romae 1888 p. 65.

5) Ср. H. Omont Inventaire sommaire des mss. Grecs de la Bibliothèque Nationale II (Paris 1888) p. 127.

слѣдовательно однородна и съ W^1, которая примыкаетъ къ только что упомянутымъ рукописямъ. Поэтому, хотя заключительная фраза C^1 (fol. 141ʳ): τὰ μὲν οὖν ἐν Λιβύῃ πράγματα τῇδε Ῥωμαίοις ἐχώρησεν· ἐγὼ δὲ ἐπὶ πόλεμον τὸν γοτθικὸν εἶμι[1]), и дается здѣсь въ той же самой редакціи, что и въ LSL,—не слѣдуетъ отсюда заключать объ органической связи C^1 съ преданіемъ, представителями котораго являются эти LSL.— Мы сличали C^1 весной 1897 года.

44. *u* = **Vaticanus** 152. *fol. 222, 229*[2]), *309—312ʳ* и 316ᵛ—319ᵛ, т. е. p. 274, 3 καθίστασθαι—281, 2 γὰρ αὐτοῦ; p. 303, 9 ἐπιτηδείων—307, 4 γεγενῆσθαι συμβέβηκεν; p. 592, 15 βασιλεὺς—609, 16 ἦν αὐτῷ и наконецъ съ p. 628, 13 ἄτρακτος до конца второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Эти листы писаны тою же рукой (XV вѣка), что и *U*: по характеру преданія *u* и *U* восходятъ къ разнымъ архетипамъ, соединеніе которыхъ произошло уже въ той (не сохранившейся до нашего времени) рукописи, съ которой и были списаны *u* + *U* для дополненія *W* (n. 46). Мы сличали *u* осенью 1897 года.

45. *V* = **Vaticanus** 1690; XIII вѣка[3]). Эта драгоцѣнная рукопись, писанная (въ два столбца) на пергаменѣ, содержитъ вторую половину «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», но, къ сожалѣнію, не только безъ начала и конца, но и съ нѣсколькими лакунами въ серединѣ[4]). Начинается она съ p. 29, 9 αὐτῷ, καὶ στέρνον[5]), причемъ надо принять къ свѣдѣнію, что вторая ея тетрадь (терніонъ: fol. 7—12) при переплетѣ[6]),— а, можетъ быть, и нѣсколько раньше, но во всякомъ случаѣ уже послѣ того, какъ съ *V* была списана *W*,—была помѣщена послѣ третьей (терніонъ: fol. 1—6). Кончается эта рукопись (fol. 188ᵛ) словомъ προβεβλημένα p. 600, 11: προβεβλη- заканчиваетъ собою послѣднюю строку втораго столбца только что указанной страницы рукописи, и потому μένα,—которое, къ слову сказать, проглядѣли какъ Ростаньо (l. c. p. XXII) такъ и Гаури (p. 152), хотя читается

1) Ср. выше n. 28.

2) Гаури (l. c. p. 155) не замѣтилъ, что и эти два листа (222 и 229) писаны тою же рукой, что и fol. 309—319.

3) Ростаньо (l. c. p. XXII) относитъ эту рукопись къ началу XIII вѣка, а Гаури (p. 151) къ началу XIV-го. На нашъ взглядъ, истина посрединѣ: *V*—врядъ ли старше половины XIII вѣка.

4) Эти серединныя лакуны мы перечислимъ ниже, когда коснемся вопроса о значеніи *W* (n. 46) для критики текста.

5) Ошибочно замѣчаетъ Гаури (p. 151), что въ *V* текстъ начинается съ p. 29, 8 (ed. Bonn.).

6) Мы имѣемъ въ виду именно теперешній переплетъ, сдѣланный въ XVII вѣкѣ, судя по гербу Барберини.

оно совершенно ясно, несмотря на нѣкоторую стертость даннаго мѣста,—принуждено было помѣститься подъ προβεβλη- ; переносить его на слѣдующую страницу (fol. 188ᵛ) писецъ, какъ видно, не хотѣлъ,—быть можетъ, потому, что и та рукопись, съ которой онъ списывалъ *V*, обрывалась на томъ же самомъ словѣ. — Эту рукопись мы сличали въ 1896 и 1897 годахъ.

46. *W* = Vaticanus 152, *fol. 150—308* (за исключеніемъ однако fol. 222 и 229, относящихся къ области *u*); XIV вѣка. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» до p. 592, 15 διόπερ (включительно). Писаны вышеупомянутые листы двумя разными почерками: одинъ писецъ писалъ до fol. 238ʳ (p. 339, 4 ὅτι πλείστας, включительно), второй остальное — съ fol. 238ʳ [1]). Эту рукопись мы сличали въ 1896 и 1897 годахъ.

47. 𝔚 = Vaticanus 1301; не старше первой половины XV вѣка [2]). Содержитъ всю вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» и писана разными почерками. За подробностями внѣшняго описанія отсылаемъ къ Ростаньо p. XXVI sq. — Эту рукопись мы сличали (не всю, но только отдѣльныя ея части) въ 1897 году; полную ея колляцію, сдѣланную Ростаньо, даетъ Компаретти въ своемъ изданіи Прокопія.

* 48. ζ = [Ioannis Zonarae] lexicon.

Къ этимъ 49 источникамъ текста, которые будутъ размѣщены въ общей стеммѣ, считаемъ небезполезнымъ присоединить списокъ и тѣхъ рукописей, о которыхъ свѣдѣнія наши слишкомъ малы и неопредѣленны для того, чтобы можно было и ихъ включить въ стемму. Таковы —

* 49. Basileensis D. IV. 6 или D. VI. 6 [3]), прежняя сигнатура

---

1) Повидимому, этимъ же вторымъ писцомъ писаны и fol. 3—186 (*W*[1]), относящіеся къ первой тетрадѣ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Ср. описаніе рукописи у Ростаньо l. c. p. XXIV sq.

2) Гаури p. 161 относитъ эту рукопись къ концу XIV вѣка, а Ростаньо (l. c. p. XXVI) къ началу XVI вѣка («del principio forse del secolo XVI»); несомнѣнно ошибается итальянскій ученый, такъ какъ рукопись 𝔓[11], *списанная съ* 𝔚, не моложе середины XV вѣка.—Мимоходомъ исправимъ собственную ошибку такого же рода: въ *Визант. Временникѣ* 1895 г. стр. 418 мы отнесли *cod. Ambrosianus G 14 sup.* къ XV вѣку, а теперь, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія этой рукописи лѣтомъ прошлаго года, видимъ, что она *не моложе средины XIV вѣка.*

3) Эта рукопись стоитъ подъ n. 81 въ каталогѣ Омона (H. Omont Catalogue des Mss. Grecs des Bibliothèques de Suisse, Leipzig 1886), который на стр. 4 указываетъ въ качествѣ сигнатуры D. *VI. 6*, а на стр. 33—D. *IV. 6*; гдѣ опечатка, не знаемъ.

E. III. 9; XVI вѣка, а именно, какъ гласитъ subscriptio: *αφοδ'* [1574], *μαΐου κγ' ἐτελειώθη*. Содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων»: «Procopii Caesariensis de bellis Gotthicis, per Belisarium, Iustiniani imperatoris ducem, gestis, 4°. (Graece)»,—какъ сообщаетъ въ своемъ каталогѣ Гэнель[1]). Не думаемъ, чтобы эта рукопись имѣла значеніе для критики текста: вѣроятно, она является копіей какой либо изъ вышеуказанныхъ рукописей.

*50. Escurialensis Υ. I. 13; XVI вѣка. Содержитъ (fol. 24—112) пятую и шестую книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», причемъ «de premier (livre) est incomplet»,—по словамъ Миллера[2]), не сообщающаго болѣе точныхъ указаній. Эта рукопись прежде принадлежала[3]) извѣстному испанскому гуманисту XVI столѣтія, леридскому епископу, а затѣмъ тарраговскому архіепископу, Антонію Агустину (Agustin, Augustinus) и, повидимому, была по его собственному заказу списана съ одной изъ итальянскихъ рукописей (съ *W*?).

*51. Matritensis regius 38[4]); XVI вѣка. Эта рукопись, писанная (на бумагѣ) Антоніемъ Калосиномъ (Calosynas), содержитъ вторую тетраду «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», причемъ «les *inc.* et *des.* ne concordent pas avec ceux des editions de Paris et de Bonn», по словамъ Мартена[5]). Общее заглавіе таково: *προκοπίου καισαρέως ἱστορία τῶν γοτθικῶν πολέμων, ὧν διὰ τοῦ βελισαρίου στρατηγοῦ ὁ ἰουστινιανὸς βασιλεὺς συνεστήσατο, ἐν τέταρσι τόμοις διῃρημένη.*

«A la fin du II livre Готской войны, т. е. VI книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» говоритъ Мартенъ l. c., «le copiste ajoute de son cru: Ὅρα τὴν Βελισαρίου μεγαλοψυχίαν καὶ [illegible] γνώμην καὶ πίστιν πρὸς Ἰουστινιανὸν βασιλέα, καὶ ὅτι ἐν πέντε ἔτεσιν ἤνυσεν τὰ κατὰ Ἰταλίας καὶ Ὀστρογότθους[6] κατορθώματα». Эту фразу Калосинъ прибавилъ, очевидно, не совсѣмъ «de son cru», такъ какъ ее же (съ незначительными варіантами) находимъ и въ *L* (съ ея копіями) и въ *v*.

---

1 G. Haenel Catalogi librorum mss. qui in bibliothecis Galliae, Helvetiae, Belgii, Britanniae M., Hispaniae, Lusitaniae asservantur. Lps. 1830. col. 982 (онъ цитуетъ эту рукопись подъ ея прежней сигнатурой, *E. III. 9*).

2 E. Miller l. c. p. 159 sq.

3 Cp. Graux l. c. p. 46[illegible]. 4[illegible].

4 Нынѣ хранится въ библіотекѣ королевскаго дворца въ Мадридѣ.

5 Ch. Graux et A. Martin Notices sommaires des mss. grecs d'Espagne et de Portugal — въ Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires. II Paris 1892 p. 2[illegible].

6 Вѣроятно, [illegible] — опечатка вмѣсто Ὀστρογότθους.

«Le III livre parait incomplet à la fin, et, dans la dernière partie, est resumé à grands traits», читаемъ тамъ же, но, говоря такъ, Мартенъ, быть можетъ, имѣетъ въ виду фразу: Γερμανὸν δὲ τὸν ἀνεψιὸν τὸν αὑτοῦ[1]) ἄνδρα πατρίκιον, ἐπὶ Τουτίλαν[2]) τε καὶ Γότθους ξὺν στρατῷ ἔπεμψεν, ἄλλους τε ἄρχοντας ἕπεσθαί[3]) οἱ κελεύσας καὶ τὸν Βιταλιανοῦ ἀδελφιδοῦν καὶ αὑτοῦ κηδεστὴν Ἰωάννην,—которою заключается эта 7 книга «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» и въ вышеупомянутыхъ рукописяхъ *VL* съ ихъ копіями; эта фраза, какъ мы показали въ другой статьѣ[4]), является стариннною интерполяціей общаго архетипа прокопіевскихъ рукописей изъ Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους.

На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, излагать которыя теперь считаемъ излишнимъ, мы полагаемъ, что эта мадридская рукопись была списана съ *L*, или же, что̀ не такъ вѣроятно, съ той рукописи, съ которой была списана *u*.

*52. Matritensis regius 116; XV вѣка, «chartaceus, foliorum 116, charta satis candida ac tersa, totus Constantini Lascaris manu et Mediolanii, et Messanae exaratus», по словамъ Иріарте[5]). «Fol. 2 averso Γνωμικὰ προκοπίου καισαρέως. Procopii Caesariensis sententiose dicta (sive Sententiae). Incipit: Ἀπονοίας γὰρ μανιώδους τινὸς ἡγοῦμαι εἶναι διερευνᾶσθαι τὴν τοῦ θεοῦ φύσιν ὁποία ποτ' ἐστὶν [*p. 17, 16 ed. Bonn. vol. II*]. Desinit: οὐ γάρ ἐστιν οὐκ ἐστὶ τὸν ἀδικοῦντα καὶ βιαζόμενον, ἐν τοῖς ἀγῶσιν εὐδοκιμεῖν [*p. 312, 1*]». «De hoc Procopii Opusculo», продолжаетъ Иріарте, «silent altum Bibliothecae; forsan vero non sunt hujusmodi Sententiae ab illo digestae, et in unum collectae; sed ex ejus scriptis ab eodem Lascari vel ab alio excerptae».—Далѣе идутъ письма разныхъ авторовъ,—Фаларида, Аполлонія Тіанскаго, Діонисія Антіохійскаго, Прокопія Газскаго и другихъ,—«ἐπιστολαὶ διαφόρων .... ἃς κωνσταντῖνος ὁ λάσκαρις ἑαυτῷ καὶ τοῖς φιλολόγοις ἐξέγραψε· τὰς μὲν ἐν μεδιολάνῳ· τὰς δ' ἐν μεσσήνῃ τῆς σικελίας».—Это собраніе сентенцій изъ Прокопія не находится въ генетической связи ни съ Г (п. 17), ни съ *N* (п. 25), ни съ *o* (п. 29). Если выборка ихъ произведена была

1) τὸν αὐτοῦ *V G fol. 527r*: βασιλεὺς *L*.
2) τούτιλάν *G*, τουττίλαν *V*, τωτίλαν *L*.
3) ἔσεσθαί *L*.
4) Commentationes philologicae (въ честь проф. И. В. Помяловскаго), Спб. 1897, стр. 192.
5) Ioannes Yriarte Regiae bibliothecae Matritensis codices graeci mss., vol. I, Matriti 1769, p. 466 col. 1.

самимъ Константиномъ Ласкарисомъ и тоже въ Миланѣ, то онъ могъ это сдѣлать напр. по cod. Ambrosianus A 182 sup.

*53. Parisinus 1310; XV вѣка. Эта сборная рукопись содержитъ (съ fol. 408ᵛ) «Procopii fragmentum de vermibus sericis»[1]), т. е. p. 546, 17 sqq. (vol. II ed. Bonn.). Этотъ отрывокъ находимъ и въ 𝔊.

*54. Venetus, olim bibliothecae ecclesiae S. Antonii[2]), содержитъ—или содержалъ—«Iustiniani et Bellissarii epistolae», какъ гласитъ (ἐκλογὴ βιβλίων) τῶν ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ ἁγίου ἀντωνίου, найденная Гейбергомъ[3]) въ одной ватиканской рукописи XVI вѣка (cod. Vaticanus gr. 2240, fol. 57ᵛ). Если эта рукопись не пропала, что̀ всего вѣроятнѣе, то, можетъ быть, находится подъ спудомъ въ венеціанской Bibliotheca Marciana. Отожествить ее съ *E* (n. 13) представляется дѣломъ довольно таки сомнительнымъ.

Здѣсь же укажемъ нѣсколько рукописей, о которыхъ свѣдѣнія наши еще незначительнѣе нежели о пп. 49—54 и которыя, *быть можетъ*, относятся ко второй тетрадѣ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», но могутъ относиться и къ первой. Таковы —

(*55). Cantabrigiensis 949. Въ этой сборной рукописи находится, между прочимъ (n. 8), «Procopii Rhetoris *oratio* et explicatio Sanctae Sapientiae», по сообщенію одного стариннаго каталога[4]).

(*56). Oxoniensis (collectanea Richardi Jamesii) 30. Эта сборная рукопись (in folio) содержитъ, по сообщенію того же каталога (I p. 263 col. 1), между прочимъ извлеченія «ex Zonarae Annalibus, p. 45. Ex Cedreno, p. 48. Ex Nicephoro Gregora, p. 50. Ex Laonico Calcocondyla, p. 53. Ex Nicetae Annalibus, p. 54. Ex Agathiae Historia, p. 57. Ex Theodoreto, p. 58. Ex Procopio, p. 63. Nota de dimensionibus Ecclesiae S. Pauli ex MS. p. 65», и т. д. Къ Кесарійскому ли Прокопію относятся эти извлеченія или къ какому другому, не знаемъ.

(*57). Venetus, olim bibliothecae ecclesiae Sancti An-

1) Ср. H. Omont Inventaire sommaire des mss. grecs de la Bibl. Nationale, I p. 296. — Съ fol. 410 идутъ Aesopi fabulae.

2) Въ старинномъ, сохраненномъ Томазини (I. Ph. Tomasini Bibliothecae Venetae manuscriptae publicae et privatae, Utini MDCL, p. 1—19: Sancti Antonii Libri mss.) каталогѣ этой библіотеки, основанной кардиналомъ Доменико Гримани, этой рукописи не упоминается.

3) I. L. Heiberg Bibliotheksnotizen (въ Philologus 1896) p. 748.

4) Catalogi librorum mss. Angliae et Hiberniae in unum collecti, cum indice alphabetico (Oxoniae 1697), II, p. 115 col. 1.

tonii. Эту рукопись упоминаютъ какъ вышеупомянутый каталогъ, найденный Гейбергомъ,—«Procopii Caesariensis historia» [1]), такъ и приводимый у Томазини,—«Procopij Historia, (in) 4, ch(artaceus)» [2]). Какія книги «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» содержала эта рукопись, неизвѣстно, какъ неизвѣстна и ея собственная судьба. Отожествленіе ея съ cod. Marcianus 398 (первая тетрада «Ὑπὲρ τῶν πολέμων») [3]) едва ли можетъ быть признано правдоподобнымъ.

Вышеприведенный перечень источниковъ текста второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» намъ остается дополнить еще слѣдующими замѣчаніями.

1) Такъ называемую «Пчелу» [4]) мы сочли излишнимъ включать въ число источниковъ текста Прокопія: въ изданіи Миня (Patrologia Graeca, vol. XCI) кромѣ изреченій—(col. 910) Προκοπίου σοφιστοῦ· τὸ ἐλπισθὲν ἀγαθὸν εἰς τοὐναντίον περιπεσὸν ἀπαραμύθητον ἔχει τὸ πάθος и (col. 919) Προκόπιος· βίου μῆκος προσδοκηθὲν μὲν πολὺ, παραδραμὸν δὲ πέφυκεν ὀνείρου καὶ σκιᾶς ἀμυδρότερον εἶναι, — относящихся не къ нашему Прокопію, читаемъ (col. 1009): Προκοπίου ῥήτορος· μὴ τιμωμένης ἀρετῆς ἡ κακία παρρησιάζεται. Въ какомъ мѣстѣ высказываетъ эту сентенцію Прокопій, не припомнимъ въ данный моментъ; мало того, мы даже сильно сомнѣваемся въ ея принадлежности именно Кесарійскому Прокопію, а не какому либо иному (напр. Газскому). Другихъ «прокопіевскихъ» сентенцій въ изданіи Миня мы не нашли. — Въ одной флорентійской рукописи XI/XII вѣка — Laurent. 7,15, — которую г. Михайловъ (l. c. стр. 37) относитъ къ лучшимъ послѣ cod. Parisin. Coislin. 171 спискамъ перваго (болѣе древняго и полнаго) извода греческаго текста «Пчелы»,—подъ именемъ Прокопія приводятся три сентенціи: одна, съ помѣткой προκοπ(ίου), fol. 37/38: βαρὺ διήγησις περισπομένη ψυχῇ· μᾶλλον ἐχούσῃ τὸν λογισμὸν· περὶ τὸ μεμεριμνημένον, и двѣ, съ помѣтками προκοπίου σοφιστοῦ, — что были уже приведены

1) Heiberg l. c. p. 748.

2) Tomasini l. c. p. 17 col. 2 (plut. XX n. 6).

3) Очевидно, этотъ cod. Marcianus 398 и упоминается въ каталогѣ рукописей кардинала Бессаріона, приводимомъ у Томазини p. 41 col. 1 (plut. XIX, n. 4 съ конца: «Procopij Historia, in papyro»).—Мимоходомъ замѣтимъ, что Гаури вездѣ въ своей статьѣ даетъ этой венеціанской рукописи ошибочную сигнатуру — 498.

4) Обзоръ рукописнаго преданія ср. въ статьѣ А. В. Михайлова: Къ вопросу о греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, январь) стр. 23—39, а также въ предисловіи Буассевэна къ I тому его изданія Кассія Діона, p. XLI—LI.

нами выше изъ Миня: (fol. 200^{r}) Τὸ ἐλπισθὲν ἀγαθὸν· εἰστουναντίον περιστὰν· ἀπαραμύθητον ἔχει (sic) τὸ πάθος, и (fol. 207^{r}) Βίου μῆκος· πρόσδοκισθὲν (sic) μὲν и проч. Такимъ образомъ въ этой флорентійской рукописи не находимъ ни одной сентенціи изъ Прокопія Кесарійскаго.

То же самое слѣдуетъ сказать и о рукописи болоньскаго университета (cod. Bonon. biblioth. universit. 2911, olim 172), которая, по каталогу А. Оливьери (въ Studi Italiani di filologia classica, III, p. 425), содержитъ (fol. 118^{r}): «Προκοπίου, Μὴ τιμωμένης ἀρετῆς—κακία παρρησιάζεται [1]); τοῦ αὐτοῦ, Ἀφόρητος γίνεται κακία—ἐπανουμένη [2]), и (fol. 119^{r}): ὅτι εὔκολος ἡ κακία и проч.; эта рукопись, какъ видно изъ ея πίναξ (fol. 3) носитъ названіе Ποικίλων γνωμῶν πολλῶν θεολόγων καὶ φιλοσόφων [3]).

Наводить справки въ другихъ рукописяхъ «Пчелы», а равно и въ рукописяхъ другихъ антологій, напр. въ Ἰωνιὰ συνθήκη Арсенія Монемвасійскаго [4]) мы не имѣли времени.

2) Равнымъ образомъ мы сочли излишнимъ включать въ списокъ источниковъ текста Прокопія и ту рукопись Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων, которая нѣкогда принадлежала Франсуа Питу и упоминается Исаакомъ Казобономъ въ нѣсколькихъ его письмахъ [5]). Дѣло въ томъ, что за утратой этой рукописи нельзя опредѣлить, содержала ли она какія либо иныя (и между прочимъ прокопіевскія) извлеченія кромѣ фрагментовъ Полибія, о которыхъ говоритъ Казобонъ [6]). Съ π^1, отожествить эту рукопись Питу, повидимому, нельзя.

3) Въ своемъ каталогѣ эскуріальскихъ рукописей Миллеръ [7]) ука-

---

1) Ср. объ этомъ изреченіи выше, стр. 464.

2) Опечатка?

3) Ср. Olivieri l. c. p. 419.

4) Ср. Boissevain l. c. p. LI sq.—Въ указателѣ каталога Бандини III. col. 568, подъ рубрикой Procopius Caesariensis говорится: «Citatur) in floriieg. sententiar. I, 254 [тутъ разумѣется рукопись 7,15, о которой мы только что разсуждали выше] et in violar. compos. 549 [т. е. въ рукописи Арсенія, plut. 4,26]», но, что касается первой замѣтки, въ томъ же каталогѣ I p. 254 col. 2 цитуется правильно: «Procopius Sophista, p. 37 *b*. 200 *b*. 207».

5) Ср. E. Schulze De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnae 1866, p. 26.

6) Мимоходомъ упомянемъ, что прежде считавшаяся утраченною рукопись Ту (I. A. de Thou) теперь справедливо отожествлена Буассевэномъ (l. c. p. XXV not. 2) съ cod. Parisin. 2463, гдѣ находимъ (fol. 110—123) «Constantini Porphyrogeniti excerpta de legationibus, initium tantum» (Omont Invent. sommaire II p. 265 sq.). Жюстисъ l. c. p. 23 проглядѣлъ этотъ фактъ, почему и продолжаетъ считать упомянутую рукопись потерянною.

7) E. Miller l. c. p. 186.

зываетъ Υ — I — 8: «in fol. en papier et du XVIe siècle; manuscrit provenant de la bibliothèque de Hurtado de Mendoza. Guerre des Goths, en quatre livres, par Procope», — но на самомъ дѣлѣ эта рукопись содержитъ не вторую, а *первую тетраду* «Ὑπὲρ τῶν πολέμων», что уже было отмѣчено Гро [1]). Попутно замѣтимъ, что самостоятельнаго значенія для критики текста Прокопія эта рукопись не имѣетъ, являясь, по всей вѣроятности, копіей венеціанской Marcian. 398.

4) Въ вышеупомянутомъ старинномъ каталогѣ виссаріоновскихъ рукописей, сохраненномъ Томазини, значится между прочимъ еще (изъ plut. XX) «Procopij Historia. Item Asclepij in Nicomachi Arithmeticam. in perg(amena)» [2]). Въ венеціанской библіотекѣ св. Марка, куда перешли рукописи Виссаріона, такой рукописи не имѣется, и отсюда естественнѣе всего, повидимому, было бы заключить, что она пропала. Нельзя было бы тогда не горевать объ утратѣ этой *пергаменной* рукописи Прокопія, — но, къ счастью, мы можемъ избавить византинистовъ отъ этой скорби: въ вышеуказанный старинный каталогъ, очевидно, вкралась ошибка: вмѣсто «Procopij» въ немъ, безъ сомнѣнія, должно было читаться «Theophylacti Simocattae» [3]), какъ слѣдуетъ заключить изъ факта существованія въ bibliotheca Marciana виссаріонской рукописи—cod. Marcian. 397 [4])—«in 4, *membranaceus*, foliorum 226, saeculi circiter XV», содержащей «Theophylacti Simocattae *Historiarum* libri VIII, praefixo dialogo Philosophiae et Historiae. *Habentur et Asclepii Tralliani scholia in Arithmeticam Nicomachi*. Init. Πλατωνικὸς ὢν ὁ πατὴρ τοῦ βιβλίου τούτου» [5]).

---

1) Graux l. c. p. 383 not. 6.

2) Tomasini l. c. p. 41 col. 2.

3) Было бы интересно навести справку, повторяется ли эта ошибка въ «Index librorum utriusque linguae, quos Bessario Cardinalis et patriarcha CPolitanus Basilicae beati Marci Venetiis dicavit» (cod. Oxoniensis Bodl. misc. 127, fol. 70—118; эта рукопись, вѣроятно, списана съ венеціанской, на основаніи которой и опубликовалъ Омонъ только что упомянутый каталогъ; книжки Омона (Omont Inventaire des mss. grecs et latins donnés a S. Marc de Venise par le card. Bessarion, Paris 1894) мы не могли достать ни въ Римѣ, ни въ Юрьевѣ.

4) Не мѣшаетъ напомнить, что въ *слѣдующей* рукописи (cod. Marcian. 398), о которой у насъ уже была рѣчь выше, содержится какъ разъ «Procopii Historia».

5) Ср. (A. M. Zanetti et A. Bongiovanni) Graeca D. Marci bibliotheca codicum manu scriptorum per titulos digesta. Praeside et moderatore Laurentio Theupolo, Equite ac D. Marci Proc(uratore). Iussu Senatus. MDCCXL, p. 195. — Мимоходомъ отмѣтимъ по поводу замѣтки A. Gercke въ Pauly-Wissowa Real-Encycl. II, 2 (Stuttg. 1896), col. 1697, 55: «Er (Asklepios aus Tralles) soll einen Commentar zu Nikomachos Arithmetik verfasst haben, der in Scholienform noch vorhanden sein soll (Theon Smyrn. ed. ill. a Bullialdo Paris 1644 p. 212. Ast Ad theol. Arithm. 299)», — что оба его «soll»

5) Въ сборной парижской рукописи XIV вѣка, — cod. Parisin. 2022 (Fontebl.-Reg. 3073), — fol. 83ᵛ имѣется между прочимъ «Procopii epistola», по сообщенію Омона [1]), не опредѣляющаго однако, какого именно Прокопія тутъ надо разумѣть. Любезности вышеупомянутаго французскаго ученаго, г. Видье, — чрезъ посредничество М. И. Ростовцева — мы обязаны указаніемъ, что это письмо (fol. 83ᵛ—84) τοῦ προκοπίου начинается словами: Σὺ μὲν ὡς ἐν ὀνείδει и кончается: καὶ φιλήσειν ἔτι κατεπήγγελται, — откуда ясно, что письмо это принадлежитъ не Кесарійскому Прокопію.

6) Въ одной (бумажной) гейдельбергской рукописи (cod. Heidelbergensis Palatin. 129) XV вѣка среди прочихъ «Ἐκλογαὶ ἐκ διαφόρων συγγραφέων σποράδην καὶ ἀτάκτως» значатся извлеченія изъ какого то Прокопія, какъ видно изъ одного стариннаго каталога [2]), цитуемаго Э. Гро [3]): «Cod. CXXIX, Chartac. in-8°, constans, p. 131, exaratus saec. XV. Continet Excerpta varia ex Aeliano, Aeschylo, Aristide, Gregorio Nysseno, Demosthene, Diogene Laertio, Diodoro Siculo, Dione, Euripide, Herodoto. Themistio, Theognide, Theodoreto, Thucydide, Ioba, Hippocrate, Iosepho Flavio, Libanio, Luciano, Maximo Tyrio, Xenophonte, e Proverbiis, Platone, Plutarcho, Procopio, Strabone, Synesio, Philostrato, Philone et Origene». Нѣсколько подробнѣе и точнѣе описываетъ эту рукопись Газе (Hase: «Codex in-8° Chartaceus, foliis 141 [4]) constans, fine mutilus. In eo continentur graeci alicujus, quantum ex scriptura intelligitur satis literati, Collectanea ex magno auctorum numero, nullo ordine conquisita. Titulus cod. variis manibus, in folio non numerato praefixo, scriptus est ejusmodi: C. 17 № 129. Excerpta ex variis authoribus. 129. Sequuntur Excerpta: Ex Herodoto Halicarnassensi, fol. 1 recto: Xenophonte, fol. 3 recto . . . . Dione Chrysostomo, fol. 31 recto . . . . Dione Cassio, fol. 53 recto: Aeliano, fol. 55 recto . . . Dione Cassio, fol. 119

упраздняетъ только что указанная венеціанская рукопись, къ которой мы можемъ прибавить еще парижскую 2376 (ср. Omont Invent. somm. II p. 249) и оксфордскую Bodleian. Barocc. 113 (ср. H. O. Coxe Catalogi codicum mss. bibl. Bodleianae pars I, Oxonii 1853, col. 196).

1) Omont Inventaire sommaire II, p. 91.

2) Recensio manuscriptorum Codicum, qui ex universa bibliotheca Vaticana selecti jussu Pii VI Pont. Max. prid. Id. Iul. Ann. 1797, jure belli, seu pactorum induciarum ergo et initae pacis, traditi fuere. Lipsiae, impensis Paul. Gotthelf. Kummeri. 1803.

3) Histoire Romaine de Dion Cassius, trad. en français etc. par E. Gros, vol. I, Paris 1845, p. L.

4) Очевидно, это — опечатка или описка вмѣсто 131.

verso; Iosepho, fol. 122 recto; Thucydide, fol. 124 recto; Luciano, ibid.; Aristide, ibid. verso; Iosepho iterum, fol. 125 recto; Philone, fol. 127 verso; Diodoro Siculo, ibid.; Plutarcho, fol. 128 verso. Terminatur Codex collectione sententiarum ex scriptoribus ecclesiasticis desinente imperfecte, in hunc modum, fol. 131 verso: Ἐμὲ δὲ πλέον ὅτι καὶ γνωρίμων ἔργα τὰ πάθη τοῦ πένητος ἐπυνθανόμην· ἀνίατα νοσεῖς καὶ χρείττων εἶ διορθώσεως· ταῦτα πράττων εἰς μὴ ἐστιν» [1]), — но и отсюда еще не вполнѣ уясняется вопросъ, къ какому Прокопію относятся помѣченныя этимъ именемъ извлеченія. — Въ заключеніе считаемъ не безполезнымъ привести замѣтку Гро (l. c. p. LIII): «Les variantes [извлеченій изъ Діона Кассія] que j'ai recueillies sont peu importantes. M. Kramer n'a pas été plus heureux pour les fragments de Strabon».

Теперь, покончивъ съ алфавитнымъ перечнемъ, можемъ приступить и къ систематическому обозрѣнію вышеуказанныхъ источниковъ текста.

Они распадаются на четыре главныхъ отдѣла, а именно:

I. Прокопіевскія рукописи.

1) *A* + 𝔄 + 𝔞; 𝔇; *L* + Λ + *M*; 𝔏 𝔐; 𝔑 + 𝔫; 𝔓 𝔑[1] 𝔖 𝔗 *V*; *W* + *U* + *u*; 𝔚; nn. 49. 50. 51. Въ этихъ рукописяхъ дается *болѣе или менѣе цѣльный текстъ* второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων».

2) *OP*[I] r *U*[I]—здѣсь имѣемъ ту фразу, которая соединяетъ первую тетраду со второй.

3) *a* (fol. 240ᵛ—242) *e* 𝔉 *NP* 𝔭 и nn. 52. 53. 54.—Здѣсь имѣемъ лишь отдѣльные отрывки изъ второй тетрады. Сюда же, быть можетъ, слѣдуетъ отнести и второй отдѣлъ слѣдующей рубрики.

II. Рукописи Константиновскихъ извлеченій.

1) περὶ γνωμῶν: Г.

2) περὶ ἐπιστολῶν (?): *a* (fol. 235—240ᵛ) *b E*.

3) περὶ πρέσβεων: Ππ

α) περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς: *BCDH*.

β) περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους: 𝔅[I] 𝔅[II] *G* 𝔥 𝔒.

1) Gros l. c. p. LI.

III. Рукописи антологій.

1. Γνῶμαι καὶ ἀποφθέγματα τῶν θεολόγων καὶ φιλοσόφων ἀνδρῶν κατ' ἐκλογήν: o.

[2. «Пчела»: ср. выше].

IV. Лексикографическія пособія.

1. Свида: Σ.

2. Lexicon Vindobonense: β.

3. Пселлъ-Зонара: ζ.

4. Etymologicum Magnum: ε.

Тутъ же [illegible] два слова [illegible]

Мы [illegible] «Mediceum [illegible] scriptura [illegible] Mediolanensis [illegible]

[illegible]

mutilas partes explent, ulcera vero depravatissima quaeque nullo fuco reliquerunt illita, his ducibus ut criticus et debeat et possit cum eventus prosperi fiducia Suidam emendare. Iam etsi praestantiam utriusque vel mediocriter Graece doctus agnoscat, accedit tamen etiam incorrupta vox ipsius antiquitatis, qua luculentior suffragatio fingi non potuit: quicquid enim veterum ac proborum codicum in iis scriptorum fontiumve locis extat, unde Suidas profecerat, eximie cum nostris *A. V.* consentit. Ceterum longe praestat alteri Parisinus *A.* qui non modo princeps huius lexicographi liber est, sed inter reliquorum etiam grammaticorum optimos excellit. Huic igitur cum omnium integerrimam et purissimam scripturam ubique servet, libenter obtemperavi, nec facile sprevi, sicubi tot inter dubitationes et suspectas dicendi formulas res fide testium magis quam liquidis rationibus ageretur», — только мы предложили бы подставить вмѣсто лейденской рукописи *ватиканскую* — Vatican. 1296 [1]), — съ которой, повидимому, и были списаны какъ эта лейденская, такъ и оксфордская [2]). Затѣмъ, что касается именно прокопіевскихъ отрывковъ въ свидовскомъ преданіи, — можемъ засвидѣтельствовать на основаніи детальнаго изученія варіантовъ рукописей Свиды, что при изданіи Прокопія совершенно достаточно принимать въ соображеніе варіанты только парижской рукописи (*A*).

Покончивъ съ систематизаціей, приступимъ къ стемматизаціи вышеуказанныхъ источниковъ текста. При этомъ, ради болѣе легкой и удобной оріентировки, сначала дадимъ три частныхъ стеммы источниковъ, сгруппированныхъ въ первой, второй и четвертой рубрикахъ [3]), а затѣмъ установимъ и одну общую стемму.

---

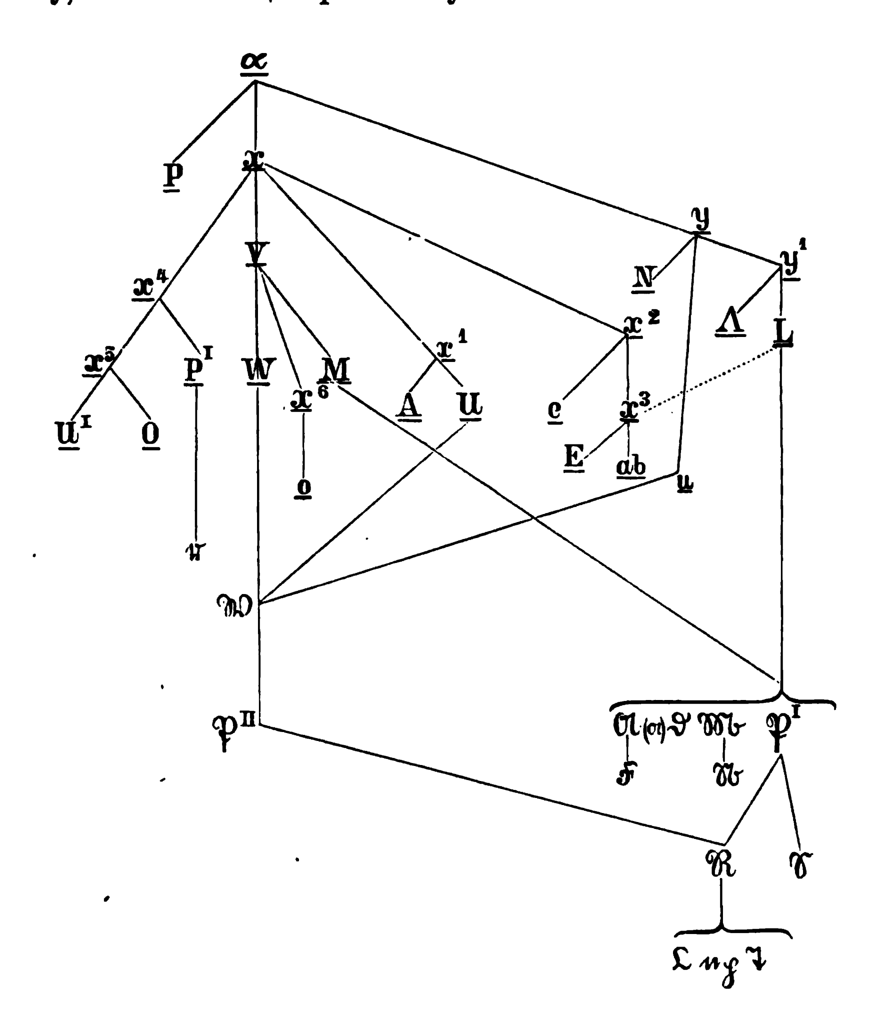
1) Эта трехтомная рукопись (in fol., bombycin.), въ которой мы сличили рядъ отрывковъ изъ Прокопія, была закончена въ 1205 году, какъ видно изъ subscriptio (fol. 551[r]): + ἡ βίβλος αὕτη σαββάτω σχοῦσα τέλος δέδωκεν ἡμῖν σαββατισμόν τοῦ πόνου εἰστὰς ἤχωσι τοῦ μηνὸς τοῦ αὐγούστου, ἰνδικτιῶνος ὀγδόης ἱσταμένης, ματθαῖος ὁ γράψας γὰρ τὴν βίβλον ταύτην οἱ ἀναγινώσκοντες εὔχεσθαι πάντες ὅτι ὁ γράφων καὶ πάλιν παραγράφει. ἐτῶν γὰρ συντρεχόντων ἐν οἷς (!) ἐγράφη ἓξ χιλιάδων ἑπτὰ ἑκατοντάδων συν (!) τοῖς τρισὶ καὶ δέκα. τῷ θεῷ δόξα, ἀμήν.

2) *C* у Гайсфорда и Бернгарди (ср. *l. c.* p. LXXXVIII); уже Гайсфордъ понялъ, что «utrumque (codicem, т. е. *C* и *V*) ex eodem archetypo derivari».

3) Въ третьей рубрикѣ, какъ видитъ самъ читатель, стемматизировать нечего.

I. Стемма прокопіевскихъ рукописей.

Для прокопіевскихъ рукописей мы предлагаемъ слѣдующую стемму, обозначая общій архетипъ буквой *α*.



Считаемъ не лишнимъ пояснить въ этой стеммѣ два слѣдующихъ пункта, изъ которыхъ одинъ требуетъ для себя объясненія вслѣдствіе условности обозначенія, а другой, будучи ясенъ самъ по себѣ, можетъ показаться читателю нѣсколько темнымъ вслѣдствіе сложности и громоздкости самой стеммы.

1) Повидимому, утраченная нынѣ рукопись x^3, къ которой восходятъ *ab E*, подверглась, по нашему мнѣнію, поправкамъ, сдѣланнымъ на основаніи текста интерполированной рукописи *L*. Такое взаимо-

отношеніе данныхъ источниковъ текста мы и обозначили точечной линіей.

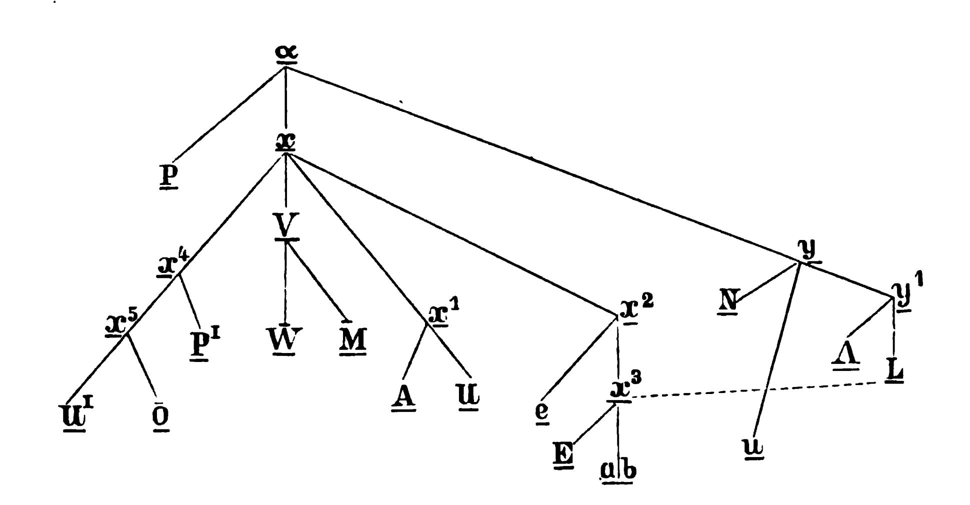
2) 𝔚 списана съ $W + U + u$;

𝔓^{I} списана съ $L + M$,

𝔑 списана съ 𝔓^{I} + 𝔓^{II}.

Все остальное въ стеммѣ, надѣюсь, понятно даже для странныхъ ученыхъ.

Если выдѣлить элементы несамостоятельнаго преданія,— имѣющаго лишь посредственное значеніе для критики текста, т. е. такое же, какъ конъектуры, — то вышеуказанная стемма упрощается слѣдующимъ образомъ:



Необходимо пояснить при этомъ, что *W* имѣетъ самостоятельное значеніе для критики текста лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рукопись восполняетъ лакуны *V*, съ которой она была списана, къ счастью, еще въ то время, когда *V* была въ болѣе полномъ видѣ, нежели теперь. Такихъ лакунъ — пять, а именно:

1) съ начала второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» до πέμψει δὲ (включительно) p. 29,9 ed. Bonn.[1]) = p. 40,3 ed. Comparetti (vol. I);

2) съ p. 45,7 βοηθεῖν до p. 47,19 ἑταιρισάμενον = p. 64,13 — p. 68,10 ed. Comparetti (vol. I);

---

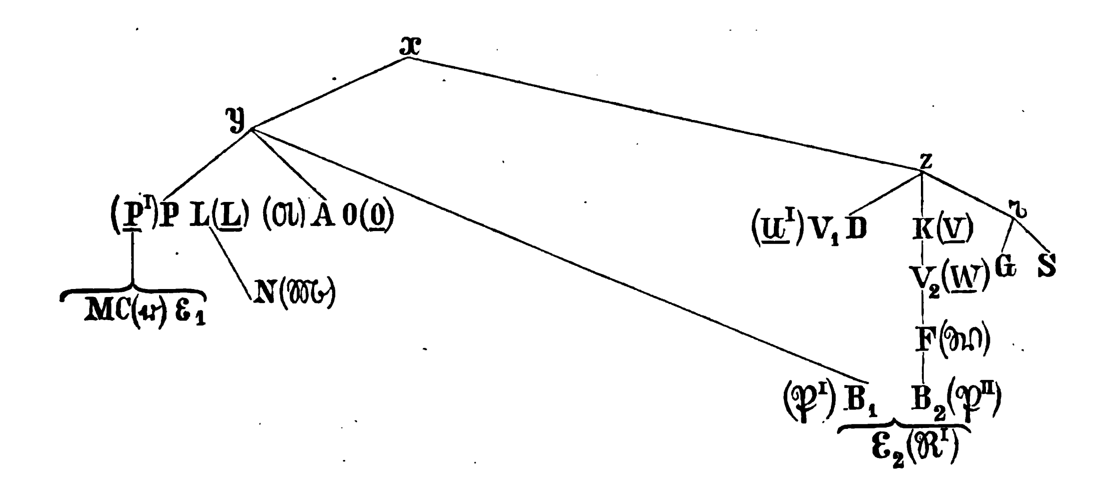
1) Объ ошибочномъ сообщеніи Гаури (l. c. p. 151) мы уже говорили выше.

3) съ p. 63,17 καὶ πολιτείαν до p. 83,20 πυθέσθαι = p. 93,3 — p. 124,14 ed. Comparetti (vol. I);

4) съ p. 397,19[1]) ποταμὸν до p. 400,14 μαντείας = p. 383,4 — p. 387,1 ed. Comparetti (vol. II), и наконецъ

5) съ p. 418,2 (πό)λεμον до p. 441,1 ἀγαθὸς = p. 412,3 — p. 445,10 ed. Comparetti (vol. II).

Для сравненія съ вышеприведенными нашими стеммами находимъ не безъинтереснымъ привести тутъ и стемму, предложенную Гаури (l. c. p. 127), причемъ, въ интересахъ оріентировки, присоединимъ (въ скобкахъ курсивомъ) и наши обозначенія тѣхъ рукописей, которыя относятся ко второй тетрадѣ «Ὑπὲρ τῶν πολέμων».



Слѣдуетъ впрочемъ еще принять къ свѣдѣнію слѣдующія дополненія и оговорки, сдѣланныя Гаури по поводу этой стеммы въ разныхъ мѣстахъ его статьи.

1) [*A*, n. 1, и 𝔄, n. 3]. «Der Schreiber (des cod. Ambros. A 182 sup.) hatte dieselbe Vorlage, wie der Schreiber des cod. Laurent. 69,8. Der cod. Ambros. hatte deshalb II 609 bis II 628 dieselbe Lücke, wie der cod. Laurent. (Einige Momente sprechen dafür, dass der cod. Ambros. von dem Laurent. abgeschrieben ist. Einen absolut sicheren Beweis konnte ich aber bis jetzt nicht finden) . . . . Das Fehlende wurde aus einem Codex nachgetragen, welcher der Handschriftenklasse *z* angehörte», — p. 148 + not. 1.

1) У Гаури p. 152 — опечатка или lapsus calami.

2) [𝔉, n. 15]. «Ausser den Bauwerken finden sich in dem Codex (Laurent. 9,32) auch einige Abschnitte aus den Historien, die auf Handschriften der Klasse *y* zurückgehen», — p. 176.

3) [*M*, n. 23]. «Fol. 32ᵛ und Fol. 33 a vom cod. Laur. 69,8 . . . der Schreiber . . . . aus einem Codex der Handschriftenklasse *z* ergänzte» — p. 131.

4) [$𝔓^I$, n. 34]. «Von dem ersten Teil (des cod. Paris. 1703) kann ich, da mir die Zeit mangelte eine genaue Untersuchung vorzunehmen, nicht mit Bestimmtheit sagen, ob er von dem cod. Laur. 69,8 oder von derselben Vorlage, wie jene Handschrift abgeschrieben ist. Davon konnte ich mich aber überzeugen, dass er nichts Bemerkenswertes bietet», — p. 137 sq.

5) [*U*, n. 42, и *u*, n. 44] «Noch im 14. Jahrhundert wurde der fehlende [въ *W*] Teil des Gotenkrieges, Fol. 309 bis 319 incl. aus einem Codex nachgetragen, welcher der Klasse *y* angehörte, selbst aber in der gleichen Weise, wie der cod. Ambros. A sup. von II 609 bis II 628, wo die Klasse *y* eine Lücke gehabt hatte, aus einer Handschrift der Klasse *z* ergänzt war», — p. 155.

Сравнивая нашу стемму прокопіевскихъ рукописей съ предложенною Гаури, читатель можетъ безъ труда замѣтить крупное разногласіе между нами и нѣмецкимъ ученымъ по двумъ вопросамъ первостепенной важности.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ касается *построенія общей стеммы рукописнаго преданія обѣихъ тетрадъ* «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» *вмѣстѣ* — путемъ выясненія отношеній парижско-ватиканскаго преданія x^4 ($P^I\,O\,U^I$, у Гаури — POV_1) [1] съ одной стороны къ ватиканскому *V* (у Гаури *K*), съ другой—къ флорентійскому *L*. Гаури возводитъ къ одному архетипу (*y*) — *PLO* (по нашему обозначенію P^ILO), къ другому (*z*) — V_1K (наши U^IV), тогда какъ мы относимъ къ одному архетипу P^IOU^IV, къ другому — *L*, квалифицируя это послѣднее (флорентійское) преданіе *интерполированнымъ*. Откладывая детальное опроверженіе вышеупомянутыхъ построеній Гаури до спеціальнаго изслѣдованія, которое намѣреваемся посвятить рукописному преданію «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» Прокопія, теперь мы позволимъ себѣ отослать читателя къ тому, что было нами сказано по данному во-

1) V_1 Гаури = нашимъ $U^I + W^I$, но мы уже отмѣтили однородность преданія U^I и W^I (см. выше п. 43).

просу выше (п. 28), а также къ упомянутой тамъ же статьѣ нашей («Къ рукописному преданію Ὑπὲρ τῶν πολέμων Прокопія Кесарійскаго») въ Commentationes philologicae (въ честь проф. Помяловскаго) стр. 192 и слѣд.

Второй вопросъ, тѣсно связанный съ предыдущимъ, ближайшимъ образомъ касается именно *второй* тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων». Тутъ дѣло идетъ о качественной оцѣнкѣ обоихъ главнѣйшихъ преданій — ватиканскаго (*V*) и флорентійскаго (*L*). Гаури (l. c. p. 128) черезчуръ поторопился отдать пальму первенства флорентійскому преданію, опираясь при этомъ на единственный — крайне странный (чтобы не сказать, наивный или легкомысленный) — аргументъ, разсмотрѣнный нами въ рецензіи на первый томъ изданія Компаретти[1]). *Въ полнѣйшемъ фіаско этого скороспѣлаго сужденія Гаури и въ неизмѣримомъ превосходствѣ ватиканскаго преданія предъ флорентійскимъ можетъ убѣдить читателя рядъ грубыхъ интерполяцій, указанныхъ нами изъ L въ вышеупомянутой статьѣ: «Къ рукописному преданію* Ὑπὲρ τῶν πολέμων *Прокопія Кесарійскаго».*

Остается сказать еще нѣсколько словъ о новѣйшемъ издателѣ, Компаретти. Почтенный итальянскій ученый въ общемъ правильно оцѣнилъ значеніе ватиканскаго преданія[2]), но, какъ критическій издатель, не оказался на высотѣ своей задачи, на что мы уже имѣли случай указать въ своей рецензіи[3]). Въ очень многихъ мѣстахъ онъ при помощи ватиканскаго преданія возстановилъ подлинную рѣчь Прокопія, но, съ другой стороны, въ еще большемъ количествѣ случаевъ, пренебрегая этою солидною помощью, остался при вульгатѣ, которая, должно быть, слишкомъ импонировала ему своимъ мнимымъ авторитетомъ. Для надлежащей оцѣнки послѣдняго факта не-

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1895, ноябрь, отд. критики и библіографіи, стр. 182 и слѣд.

2) «Il più antico e autorevole dei codici Vaticani è *V*, ... non contiene che la seconda tetrade e corrisponde per bontà al membranaceo Parigino 1702, ... che contiene la prima tetrade e pare appartenga alla stessa famiglia. Segue *v* (у насъ *W*) cartaceo del secolo XIV, che è copia di *V* e supplisce per quanto in questo manca; . . . . . il più scadente e di minor valore è *W* (у насъ 𝔚) . . . . . Questi codici offrono una lezione, non solo più corretta in gran parte, ma anche più completa di tutti gli altri. . . . . ma assai mende sono anche in essi e se nella somma totale può affermarsi che per bontà di lezione superano di gran lunga tutti gli altri, deve anche riconoscersi che in molti luoghi la lezione da essi fornita non è buona e quella degli altri è da preferire; talchè dare il testo intieramente quale risulta da questi codici, non si potrebbe», говоритъ онъ въ предисловіи къ I тому своего изданія, p. XVII sq.

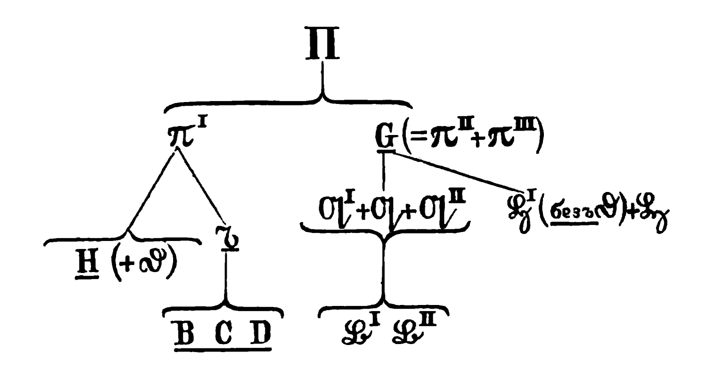
3) L. c. стр. 142 и слѣдующія.

обходимо принять въ соображеніе, что вульгата второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» опирается съ одной стороны на 𝔐𝔐, т. е. на дочку и внучку *L*, съ другой — на 𝔑, которая приходится, какъ видно изъ вышеприведенной стеммы, праправнучкой *V* и въ то же время внучкой *L*.

Нельзя также пройти молчаніемъ, что точность и полнота сдѣланныхъ Ростаньо колляцій какъ *VL*, такъ и другихъ рукописей оставляютъ еще желать весьма и весьма многаго[1]).

II. Стемма рукописей Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων.

Не мало ученыхъ такъ или иначе имѣли дѣло съ рукописями Константиновскихъ извлеченій περὶ πρέσβεων, но до сихъ поръ еще никто не рѣшился дать ихъ общей стеммы. Рукописи, перечисленныя нами выше, мы стемматизуемъ слѣдующимъ образомъ:



При этомъ слѣдуетъ однако сдѣлать оговорку по поводу размѣщенія эскуріальскихъ рукописей *H* и 𝔥 + 𝔥I, которое за отсутствіемъ достаточно полныхъ свѣдѣній о текстѣ этихъ рукописей, естественно, не претендуетъ на безусловную правильность.

Что касается 𝔥 + 𝔥I (безъ ϑ), то онѣ могли быть списаны и не прямо съ *G*, но съ какой либо копіи этой послѣдней рукописи; во всякомъ случаѣ однако онѣ не были списаны съ 𝔒I + 𝔒 + 𝔒II, какъ 𝔅I и 𝔅II: въ этомъ насъ убѣждаетъ уже расположеніе отдѣльныхъ извлеченій (по авторамъ): *G* даетъ извлеченія (περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους) въ слѣдующемъ порядкѣ авторовъ: 1) Полибій, 2) Іосифъ

1) Ср. нашу вышеупомянутую рецензію, l. c. стр. 129—131.

Флавій, 3) Зосимъ, 4) Дексиппъ, 5) Сократъ, 6) Петръ патрицій, 7) Діодоръ, 8) Діонъ Кассій, 9) Геродотъ, 10) Θукидидъ, 11) Агаθій, 12) Менандръ, 13) Θеофилактъ, 14) Прокопій, 15) Арріанъ, 16) Аппіанъ, 17) Мальхъ, 18) Прискъ, 19) Евнапій, — и въ такомъ же порядкѣ даютъ ихъ и ℌ[I] (пп. 1 — 8) + ℌ (пп. 9 — 19), только въ ℌ[I] этимъ извлеченіямъ еще предпослано 𝔈, т. е. извлеченія περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς изъ Θеофилакта, которыхъ не хватаетъ въ *H*. Напротивъ, въ 𝔅[I] 𝔅[II] порядокъ такой: пп. 15 — 19. 1. 2. 13. 14. 3 — 12, совершенно соотвѣтствующій 𝔔[I] (пп. 15 — 19. 1) + 𝔔 (пп. 2. 13. 14) + 𝔔[II] (пп. 3 — 12)[1]). Къ этому краснорѣчивому аргументу присоединяется другой, не менѣе убѣдительный: отсутствіе въ ℌ[I] + ℌ — какъ и въ *G* — такихъ помѣтокъ, какъ напр. «τέλος τῆς ἱστορίας πολυβίου καὶ ἀππιανοῦ (sic)», которая читается послѣ извлеченій изъ Полибія въ 𝔔 ℌ[I] ℌ[II].

Предполагать, что ℌ[I] + ℌ были списаны непосредственно съ π, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Затѣмъ, что касается *H*, то на основаніи даты этой рукописи, сообщаемой въ ея subscriptio (,αφοδʹ, ἰουνίου κζʹ, см. выше п. 18), какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, — казалось бы, прямо слѣдуетъ отожествить *H* съ π[1]. И въ самомъ дѣлѣ, эта дата недурно вяжется съ датой леридскаго письма Агустина (26 сентября 1574 г.), которое въ выдержкахъ мы привели выше: рукопись *H*, оконченную 27 іюня, Агустинъ могъ получить приблизительно въ концѣ іюля[2]) и затѣмъ мѣсяца два или полтора могъ разбираться въ ея содержаніи, прежде чѣмъ собрался увѣдомить о важной находкѣ своего пріятеля Орсини.

Этому доводу *pro* мы можемъ противопоставить слѣдующіе *contra*.

1) Довольно страннымъ представляется фактъ, засвидѣтельствованный тою же subscriptio, что *H* писана *въ Мадридѣ* (ἐν Μαδριλλίῳ),

---

1) Не мѣшаетъ однако отмѣтить, что 𝔔 (fol. 1[r]), имѣетъ помѣтку τόμος αος' (ср. также fol. 162[r]: τέλος τοῦ αου τόμου τοῦ περὶ (!) πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς ῥωμαίους), 𝔔[I] — τόμος βος', 𝔔[II] — τόμος γος; слѣдовательно, извлеченія шли въ такомъ порядкѣ (𝔔 + 𝔔[I] + 𝔔[II]): пп. 2. 13 — 19. 1. 3 — 12. — По вопросу о мотивахъ подобныхъ нарушеній архетипнаго порядка извлеченій весьма правдоподобную догадку высказали *Boissevain* (l. c. p. XXIII, not.) и *Justice* p. 25.

2) Напомнимъ для сравненія, что, какъ видно изъ postscriptum того же письма, Агустинъ *26 сентября* еще не получилъ («l'altra parte di fragmenti aspetto presto») рукописи *G*, оконченной *24 августа* (см. выше п. 16).

а не въ Эскуріалѣ, какъ G[1]). Не мѣшаетъ принять по этому поводу въ соображеніе, что уже *въ мартѣ того же года* мы видимъ Дармарія (писавшаго GH) списывающимъ *въ Эскуріалѣ* рукописи для того же Агустина[2]).

2) Тѣсная и врядъ ли случайная связь H съ $\mathfrak{H}^{I} + \mathfrak{H}$: въ H непосредственно за извлеченіями περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς изъ Менандра слѣдуетъ вышеупомянутая subscriptio, кончающаяся, какъ читатель уже знаетъ (см. выше п. 18) словами: τέλος σὺν θεῷ τοῦ πρώτου τόμου τοῦ περὶ πρέςβεων ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς ὑπὸ διαφόρων, а $\mathfrak{H}^{I}$ озаглавлена περὶ πρέσβεων ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς τόμος β′ и, очевидно, является продолженіемъ H, начинаясь извлеченіями περὶ πρέσβεων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοὺς изъ Θеофилакта Симокаттскаго, которыхъ не хватаетъ въ H. Въ виду такой, можно сказать, органической связи H съ $\mathfrak{H}^{I} + \mathfrak{H}$ было бы естественно предположить, что если H слѣдуетъ отожествить съ π^{I}, то $\mathfrak{H}^{I} + \mathfrak{H}$ являются тожественными съ $\pi^{II} + \pi^{III}$, но послѣднее предположеніе безусловно невозможно,—слѣдовательно, крайне сомнительно и первое. Наоборотъ, зная, что $\mathfrak{H}^{I}$ (безъ ϑ) $+ \mathfrak{H}$ являются копіями $\pi^{II} + \pi^{III}$ (т. е. G) и что, какъ это весьма правдоподобно предполагаетъ Гро, H и $\mathfrak{H}^{I} + \mathfrak{H}$ были списаны Дармаріемъ для Антонія де Коваррувіасъ,—въ высшей степени вѣроятнымъ признаемъ предположеніе, что и H ($+ \vartheta$) является именно копіей π^{I}, а не самою этою рукописью[3]). — Фактъ отнесенія извлеченій изъ Θеофилакта ко второму тому находитъ себѣ весьма естественное объясненіе въ предположеніи, что Дармарій не желалъ начинать этого

---

1) Ср. замѣтку каталога агустиновскихъ рукописей (выше п. 33): «*Volumina tria descripta*, ut dicitur in extremo libro, *ex bibliotheca regia sancti Laurentii* M. D. LXXIV».

2) Ср. subscriptiones въ cod. Vatican. gr. 1187: ,αφοδ′, μαρτίῳ δ′, εἴληφε τέρμα σὺν θεῷ ἡ παροῦσα βίβλος τῶν πραχτιχῶν χωνσταντινουπόλεως καὶ ἕτερα συναθροίσματα, ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου υἱοῦ γεωργίου, ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου λαυρεντίου τοῦ ἐν τῷ [σχο]ρια[λ]ίῳ, ἀπὸ τῆς βασιλιχῆς βιβλιοθήχης, δαπάνῃ καὶ ἀναλώματι τῷ (!) θεοφιλεστάτῳ ἐπισχόπῳ χυρίῳ ἀντωνίῳ τῷ αὐγουστίνῳ ἐπισχόπῳ λέρδου (Graux l. c. p. 303 not. 2)— и въ cod. Escurialensis Ω. IV. 21: ὑπὸ τοῦ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου, υἱοῦ γεωργίου, εἴληφε τέρμα σὺν θεῷ ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου λαυρεντίου τοῦ σχουριαλίου, ἐχ τῆς βασιλιχῆς βιβλιοθήχης, δαπάνῃ καὶ ἀναλώματι τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισχόπου χυρίου ἀντωνίου αὐγουστίνου, ἐπισχόπου λέρδου· ἐν τῷ ἔτει ,αφοδ′, μαρτίου λ′ (Graux p. 300).

3) Ср. subscriptio въ cod. Matritensis regius 28: ἐν ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρχου οἰκονομίας τοῦ χυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ,αφο′ ἰανουαρίου δ′, ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου, ἐχ τῆς βιβλιοθήχης χυρίου ἀντωνίου αὐγουστίνου ἐπισχόπου λέριδος, χάριν τῷ χοβαρουβίῳ ἐπισχόπου (sic) συγοβίας (sic) τῷ θεοφιλεστάτῳ, εἴληφε τέρμα σὺν θεῷ и аналогичную этой въ cod. Matrit. regius 25 (,αφο′, ἰουνίου ιδ′); см. Graux p. 292, not.

втораго тома извлеченіями изъ Полибія, такъ какъ начало ихъ было утрачено (уже въ π).

3) Текстъ *H*, если бы эта рукопись была тожественна съ π^1 и, слѣдовательно, являлась бы архетипомъ остальныхъ дошедшихъ до нашего времени рукописей (*BCD*, орсиніевской и др.), долженъ былъ бы, естественно, отличаться большею полнотою и вообще лучшимъ качествомъ сравнительно съ текстомъ *BCD* и другихъ (подобно тексту *G* сравнительно съ $\mathfrak{B}^{I}$ $\mathfrak{B}^{II}$ $\mathfrak{H}$),—но вотъ что читаемъ у Буассевэна по поводу извлеченій изъ Кассія Діона (l. c. p. XXX: «Fragmenta Dionea quinque (tria in cod. R—III—21 [т. е. въ $\mathfrak{H}^{I}$]: duo in cod. R—III—14 [т. е. въ *H*]) benigne in meum usum examinavit vir doctissimus O. Cuntz: cum tamen nihil novi hos codices praebere cognovissem, ut tota pars Dionea in iis conferretur necessarium non duxi». Не отрицаемъ, что этотъ аргументъ имѣетъ лишь относительное значеніе, но думаемъ, что и онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія—хотя бы только въ подкрѣпленіе двухъ первыхъ.

Другія соображенія, подкрѣпляющія вышеприведенные доводы противъ отожествленія *H* съ π^1, мы укажемъ въ иномъ мѣстѣ, а здѣсь, ограничиваясь только что сопоставленными, замѣтимъ, что на основаніи ихъ намъ лично кажется несомнѣнною неправильность такого отожествленія, но все же мы оставимъ данный вопросъ открытымъ—въ ожиданіи тщательной провѣрки чтенія разбираемой subscriptio въ *H* и, что̀ еще болѣе необходимо для окончательнаго рѣшенія вопроса, — возможно болѣе полнаго сличенія текста *H* и извлеченій изъ Θеофилакта въ $\mathfrak{H}^{I}$.

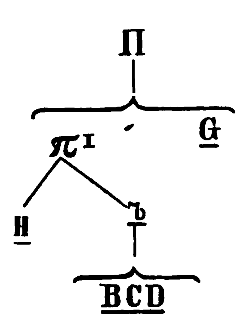
Не знаемъ, провѣрялъ ли Кунцъ для Буассевэна текстъ разбираемой subscriptio и, если провѣрялъ,—достаточно ли тщательно сдѣлана была имъ эта провѣрка, но слѣдуетъ пожалѣть, что ни у Гро въ его изслѣдованіи, посвященномъ исторіи собиранія греческихъ рукописей эскуріальской библіотеки, ни у Гро и Мартена[1]) этой subscriptio не приводится. На точность сличеній Миллера не всегда можно полагаться[2]), и потому, при условіи, что *H*—не π^1, а только ея копія, мыслимо предположеніе, что цифру года (͵αφοζ) въ разбираемой subscriptio Миллеръ прочелъ неправильно: за ͵αφοζ онъ очень легко

1) Ch. Graux et A. Martin Notices sommaires des mss. grecs d'Espagne et de Portugal.

2) Ср. напр. Graux l. c. p. 323 not. 4, p. 327 not. 2, p. XXVIII (къ p. 145), гдѣ указываются разныя неточности копій Миллера.

могъ принять напримѣръ ,αφοζ' [1]) или же, что̀ однако не такъ вѣроятно, — ,αφοϑ' [2]). Если же въ рукописи дѣйствительно стоитъ ,αφοδ', то—при вышеупомянутомъ условіи—остается лишь видѣть въ этой цифрѣ (вольную или невольную) описку самого Дармарія.

Возвращаясь къ стеммѣ, замѣтимъ, что путемъ выдѣленія элементовъ несамостоятельнаго преданія, а также тѣхъ, что̀ не имѣютъ отношенія къ Прокопію (ϑ), она упрощается слѣдующимъ образомъ:



Изслѣдованіе текста *H* покажетъ, можно ли эту рукопись отожествить съ *r*; въ противномъ случаѣ, мыслимо отожествленіе *r* съ (утраченною нынѣ) рукописью Питу [3]), но настаивать на этомъ послѣднемъ предположеніи, разумѣется, нельзя.

Остается замѣтить, что эта стемма дѣйствительна какъ для второй, такъ и для первой тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων».

---

1) Ср. напр. subscriptiones въ мадридскихъ рукописяхъ reg. 39: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου σὺν θεῷ εἴληφε τέρμα· αφοζ ἰουλίῳ κδ, ἐν μαδριλλίῳ,—reg. 47: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου υἱοῦ γεωργίου εἴληφε τέρμα, ἐν τῷ ἔτει αφοζ αὐγούστῳ κη ἐν μαδριλλίῳ τῆς ἰσπανίας (Graux-Martin l. c. p. 105. 119), или въ эскуріальской У. III. 12: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου σὺν θεῷ εἴληφε τέρμα ἐν τῷ ἔτει αφοζ' σεπτεμβρίῳ ιγ', ἐν μαδριλλίῳ τῆς ἰσπανίας (Graux l. c. p. 53).

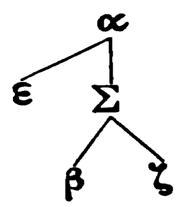
2) Ср. subscriptiones въ одной сарагосской рукописи (Graux p. 53): ὑπὸ ἀνδρεου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου υἱοῦ γεωργίου ἐν τῷ ἔτει ,αφοϑ' μαρτίῳ ϛῃ πέρας εἴληφεν ἡ βίβλος σὺν θεῷ ἐν πόλει τῆς ἰσπανίας μαδριλλίῳ, и въ cod. Vatican. Palatinus 404: ὑπὸ ἀνδρέου δαρμαρίου τοῦ ἐπιδαυρίου εἴληφε τέρμα ἐν τῷ ἔτει ,αφοϑ' ὀκτωβρίῳ δεκάτῃ ἐν μαδριλλίῳ τῆς ἰσπανίας и проч. (H. Stevenson senior, Codices mss. Palatini graeci biblioth. Vaticanae, Romae 1885, p. 263).

3) См. выше стр. 465.

4) Соображенія, указанныя выше, дѣлаютъ въ нашихъ глазахъ не особенно вѣроятнымъ предположсніе (могущее кому либо придти въ голову), что *H* списана съ *r* подобно *BCD*,

III. Стемма лексикографическихъ пособій.

Эта стемма не отличается сложностью, представляясь намъ въ слѣдующемъ видѣ:

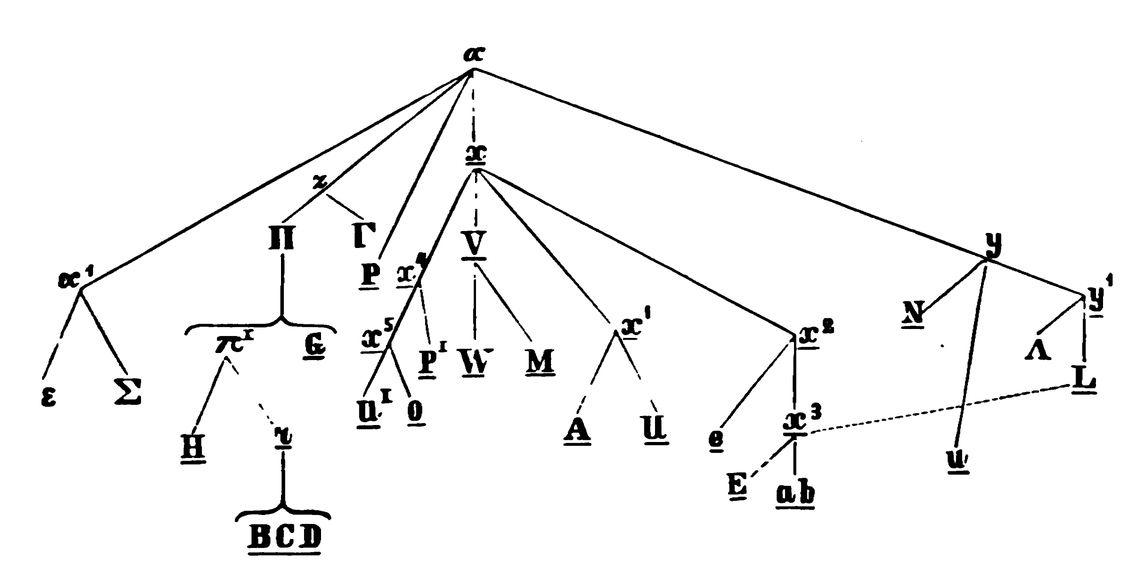


Выбрасывая β и ζ, какъ элементы несамостоятельнаго преданія, получимъ данную стемму въ упрощенномъ видѣ.

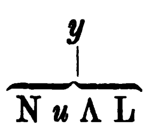
Теперь остается только подвести итоги вышеизложенной стемматизаціи, т. е. соединить въ одну общую стемму всѣ три частныя и присоединить къ ней элементы, не вошедшіе въ послѣднія.

Во избѣжаніе излишней громоздкости этой общей стеммы мы приведемъ частныя стеммы въ ихъ упрощенномъ видѣ, предоставляя самому читателю возсоздать общую стемму во всей ея совокупности, что̀, разумѣется, будетъ вовсе не трудно исполнить.

Итакъ общая стемма рукописнаго (и лексикографическаго) преданія второй тетрады «Ὑπὲρ τῶν πολέμων» рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ:



Остается замѣтить, что можно, пожалуй, обойтись и безъ предположенія особой рукописи y^1, — представляя преданіе y въ слѣдующемъ видѣ:



М. Крашенинниковъ.

Ἀθωΐτις Στοά.

Ὑπὸ τὸν τίτλον τοῦτον ἄρχομαι δημοσιεύειν διὰ τῶν «Βυζαντινῶν Χρονικῶν» ἔγγραφά τινα, περιεκτικὰ διαφόρου ἱστορικῆς ὕλης, τέως ἀνέκδοτα, ἀντιγραφέντα δὲ πάντα ἐκ τῶν ἀρχείων τῶν ἱερῶν μονῶν Ἁγίου Ὄρους Ἄθω. Τῶν ἐγγράφων τούτων ἡ χρονολογικὴ σειρὰ δὲν ἐτηρήθη ἐνταῦθα, διότι ἅπαντα ταῦτα ἐτάχθησαν ἀναμὶξ καὶ ἄλλα μὲν αὐτῶν ἀφορῶσι πρὸς τὴν ἱστορίαν τῶν μονῶν, ἄλλα δὲ πρὸς τὴν τῶν μετοχίων αὐτῶν, καί τινα πάλιν πρὸς τὴν ἱστορίαν τῶν πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως. Ἐν τέλει ἑκάστου ἐγγράφου προσέθηκα σημειώσεις τινὰς χρησίμους.

1.

Δικαστικὴ ἀπόφασις Σαμωνᾶ πρωτοσπαθάρου καὶ ἀσηκρήτου Θεσσαλονίκης.

Καὶ τὰ καλῇ πίστει ἀπεμπολούμενα, καὶ τὰ εὐλόγως καὶ δίχα τινὸς ἐναντιώματος δωρούμενα, ἄμαχον ἔχει τὴν ἰσχύν, καὶ οὐδεμίαν εἴωθε λαμβάνειν ἀνατροπήν· ὡσαύτως καὶ τὰ περὶ τὴν προκειμένην ὑπόθεσιν. ὁ γὰρ καταγόμενος κληρικὸς Δαβὶδ παρὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Θεοδώρας ἐργαστηρίου κατασκευὴν ἐπιτήδειον, μετὰ καὶ χωραφιαίων τόπων αὐτῶν τῇ θαλάσσῃ γειτνιούσης [1]). εἰς κληρονομίαν ἀναδεξάμενος, καθὼς ἡ ἀρχῆθεν αὐτοῦ διακράτησις καταφαίνεται, πρὸς τὸν μοναχὸν Στέφανον καὶ ἡγούμενον δι' ἐγγράφου πράσεως ἐν ταὐτῷ καὶ χαριστικῆς δύναμιν ἐχούσης ἀπέδοτο, τὸ μὲν ἐργαστήριον ἐπὶ καταβολῇ χρυσίνων τριῶν πεπρακώς, τὴν δὲ καθέδραν καὶ τοὺς πρὸς γεωργίαν ἐπικαίρους τόπους προῖκα παρασχόμενος ἐπ' αὐτὴν αὐτῶν δεσποτείαν ἀναφαιρέτως κεκληρωμένην· ἡ γὰρ δηλωθεῖσα μήτηρ αὐτοῦ Θεοδώρα ἀπὸ τῆς τοῦ Κωνσταντίνου Φεκίνου γαμετῆς, Καλλῆς προσονομαζομένης, τῆς καὶ αὐτὴν υἱοθετησάσης, ἐπὶ προῖκα ταύτῃ κατεβάλετο [2])· κατὰ διαδοχὴν δὲ τῷ γνησίῳ πάλιν υἱῷ Δαβίδ, τῷ καὶ πρὸς τὸν δηλωθέντα μοναχὸν Στέφανον ἀποδόντι (κατὰ τὴν δύναμιν τῆς παρ' αὐτοῦ πρὸς τὸν μοναχὸν γενομένης ἐγ-

---

1) γειτνιούντων? *Red.* 2) ταῦτα κατελάβετο? *Red.*

γράφου πράσεως, τῆς καὶ δωρεᾶς δύναμιν ὑποφαινούσης), ταῦτα προσῆλθον. τούτων τῆς δεσποτείας τῶν γειτόνων τινὲς ἀποστερῆσαι τὸν μοναχὸν Στέφανον ἐπειρῶντο, ἐξ ὧν εἷς ἦν καὶ ὁ ἀπὸ δρουγγαρίων Ἰωάννης, βιαίως αὐτῷ ἐπιτιθέμενος καὶ παρὰ πᾶσαν δικαιολογίαν ἐξῶσαι τοῦτον ἐκεῖθεν μηχανώμενος. ἀλλ' ἀμφοτέρων πρὸς τοῦ δικάζοντος παραστάντων, καὶ τῆς ὑποθέσεως οὐκ ἄλλο τι λέγειν εἶχεν ὁ Ἰωάννης, ἢ τόπου δούλευσιν βασιλικοῦ ἀποκαταστῆσαι, ὅπερ εἰ καὶ εἰς ἔργον προέβη, πρὸς τὸ μηδεμίαν ὄνησιν φέρειν τῷ δημοσίῳ, μεγάλης ἂν πρόξενον λύμης τοῖς προσοίκοις πένησιν ἐγεγόνει. ἐπεὶ οὖν ἐκ τριῶν πλευρῶν τινες ἐδείκνυντο τῶν δυνατῶν προσκαθήμενοι, δίκαιον δὲ προτιμήσεως οὐδέτερος ὢν πένης εὕρισκεν πρὸς τὸ δηλωθὲν κεραμεῖον μόνον ἐξαγοράσαι, τούτου ἕνεκα μετὰ τῆς τῶν ἄλλων ἀναγραφομένων δωρεᾶς ἐκρίθη νομίμως καὶ τὴν τούτων ἐξώνησιν τὸν μοναχὸν ποιήσασθαι Στέφανον. εἰ δὲ νομικαῖς βοηθείαις ἄλλως ἐπερείσασθαί τις βουληθῇ, ὑπὸ τοῦ τετραμεροῦς ἀποκλείεται χρόνου καὶ τοῦ τῆς προτιμήσεως δικαίου παντελῶς ἀλλοτριοῦται. διὸ οὐδὲ χώραν ἔσχεν ἡ τῆς προτιμήσεως πρότασις, ἀλλ' οὐδὲ σχεῖν ἔτι δυνήσεται ἡ τοιαύτη τῶν διαμαχομένων ἀγωγή, πανταχόθεν τὸ ἀσθενὲς ἔχουσα. ὅθεν μετὰ τῆς δοκιμασίας καὶ τῇ τῆς οἰκείας χειρὸς γραφῇ καὶ τῇ διὰ μολύβδου σφραγῖδι ὁ τῆς ὑποθέσεως ἐξεταστὴς ἐβεβαίωσεν ἐν ἔτει ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἐννενηκοστῷ ἕκτῳ, μηνὶ Νοεμβρίῳ, ἰνδικτιῶνος ια'.

+ Σαμωνᾶς πρωτοσπαθάρης καὶ ἀσηκρήτης Θεσσαλονίκης βεβαιῶν τὰ ἀνωτέρω ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

Σημείωσις. Ἔχει ἀπῃωρημένην τὴν μολυβδίνην σφραγῖδα, φέρουσαν ἀφ' ἑνὸς τὸν Τίμιον Σταυρὸν, καὶ ἀφ' ἑτέρου τὸ ὄνομα «Σαμωνᾶς» κ. τ. λ.

2.

Περὶ πωλήσεως γῆς κατὰ τὴν Παλλήνην· πρᾶξις Θωμᾶ Κάσπακα ἀσηκρήτου καὶ ἐπόπτου Θεσσαλονίκης.

Θωμᾶς Κάσπακας ἀσηκρήτης, ἐπόπτης τε καὶ ἀπογραφεὺς Θεσσαλονίκης. κατὰ θείαν πρόσταξιν τῶν εὐσεβεστάτων καὶ ἐκ θεοῦ ἐστεμμένων εἰρηνοποιῶν βασιλέων ἡμῶν Ῥωμανοῦ, Κωνσταντίνου, Στεφάνου καὶ Κωνσταντίνου, τὴν παρακελεύουσαν ἀπεμπωλεῖσαι τὴν γῆν τῆς χερσονήσου Παλλήνης, τῆς καὶ Κασανδρίας λεγομένης, τοῖς βουλομένοις οἰκήτορσι τοῦ θέματος Θεσσαλονίκης, ὡς κλασματικῆς αὐτῆς τυγχανούσης, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἀποσταλέντος εὐσεβοῦς χρυσοβούλλου τῶν βασιλέων ἡμῶν τῶν ἁγίων περὶ τῆς τοιαύτης γῆς, διέπρασα ὑμῖν Νικόλαε

τοῦ Ἀγάθωνος γῆν κειμένην ὑπὸ τὸν ἀγρὸν τὸν λεγόμενον Πρόκοιλον, διαχωρισθεῖσαν καὶ ἀριθμηθεῖσαν ὡσεὶ μοδίων ἑκατόν, λαβὼν τὴν ὑπὲρ αὐτῆς τιμὴν παρὰ σοῦ τοῦ εἰρημένου Νικολάου χρυσοῦ νομίσματα δύο· ἃ καὶ ὀφείλουσιν εἰσκομισθῆναι παρ᾽ ἐμοῦ τῷ μέρει τοῦ δημοσίου, συμβάλλειν δὲ σὲ καὶ τὸ ὑπὲρ τῆς τοιαύτης γῆς δημόσιον εἰς τὴν καταβολὴν τῶν δώδεκα νομισμάτων, κατὰ τὸ ἀνῆκόν σοι καὶ ἀναλογοῦν· μὴ κωλύεσθαί σε δὲ παρά τινος τῶν ἐξωνησαμένων τὴν γῆν τῆς νήσου Παλλήνης, εἴτε εἰς κοπὴν ξύλων, εἴτε δαδίων, εἴτε εἰς τὴν βοσκήν· ὡσαύτως μὴ δυναμένου μήτε σοῦ κωλύειν τοῖς βουλομένοις νέμεσθαι εἰς τὴν παρὰ σοῦ ἐξωνηθεῖσαν χέρσον γῆν· οὕτωσὶ γὰρ ὡρίσθη καὶ ἐτυπώθη, ἑκάτερον μόνον τὰ σπειρόμενα ἴδια χωράφια ἐξουσιάζειν· τὴν δὲ παλαιὰν νομὴν τῆς νήσου, καθὼς εἴρηται, εἶναι εἰς ἀμφοτέρους κοινήν, οὐ μόνον εἰς τοὺς ἐξωνησαμένους τὴν τοιαύτην γῆν, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς μὴ ἐξωνησαμένους καὶ διὰ τὴν τῶν ἐθνῶν περίστασιν καὶ ἐπιδρομὴν καταφεύγοντας. διὸ καὶ πρὸς ἀσφάλειαν ὑμῶν ἐγράφη καὶ τῇ οἰκειοχείρῳ ὑποσημειώσει, καὶ τῇ ὑποβολῇ τῆς σφραγῖδος βεβαιωθὲν ἐπεδόθη μηνὶ Αὐγούστῳ, ἰνδικτιῶνος τέσσαρες καὶ δεκάτης, ἔτους ἑξάκις χιλιοστοῦ τετρακοσιοστοῦ τεσσαρακοστοῦ ἐννάτου (941).

+ Θωμᾶς Κάσπακας ἀσηκρήτης ἐπόπτης Θεσσαλονίκης δι᾽ αὐτογράφου ὑπογραφῆς τῆς ἐμαυτοῦ σφραγῖδος ἐτυπωσάμην μηνὶ καὶ ἰνδικτιῶνος τῇ προγεγραμμένῃ.

Σημείωσις. Ἡ ἀπῃωρημένη μολυβδίνη σφραγὶς φέρει ἀφ᾽ ἑνὸς τὴν εἰκόνα τοῦ ἁγίου Δημητρίου καὶ ἀφ᾽ ἑτέρου τὸ «Θωμᾶς Κάσπακας ἀσηκρήτης Θεσσαλονίκης».

3.

Διαχωρισμὸς τῶν ὁρίων τοῦ Ἄθω καὶ τῶν ὁρίων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ.

Τῶν βασιλέων ἡμῶν τῶν ἁγίων ἐδεξάμεθα πρόσταγμα, ἵνα ἅμα Γρηγορίῳ τῷ ἁγίῳ ἀρχιεπισκόπῳ Θεσσαλονίκης (α) καὶ Ζωήτῳ Κάσπακος ἐπὶ τοῦ οἰκείου καὶ κριτοῦ τοῦ θέματος ἐξέλθωμεν ἐπιτοπίως ἐν τῇ ἐνορίᾳ τοῦ Ἱερισσοῦ, καὶ διαχωρίσωμεν τὴν γῆν τῶν τε μοναχῶν τῶν ἐν τῷ Ἄθωνι προσκαρτερούντων καὶ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ, κατὰ τὴν πρᾶξιν Θωμᾶ Κάσπακος καὶ ἐπόπτου τοῦ μειροκοβούλου, καὶ ἔνδον ἀποσταλείσης πρὸς ἡμᾶς τῆς ψήφου Κοσμᾶ τοῦ πανευφήμου μαγίστρου. τοῦτο δὲ καὶ πεποιήκαμεν, καὶ γενόμενοι κατὰ τόπον ἅμα τοῖς εἰρημένοις, ἤτοι τῷ ἀρχιεπισκόπῳ καὶ τῷ δηλωθέντι Κάσπακι, συμπαρόντων ἡμῖν Ἰωάννου τοῦ ὁσιωτάτου ἐπισκόπου Ἐρκούλων, Παρίλου Κάσπακος, καὶ ἐπὶ

τῶν οἰκειακῶν Στεφάνου, καὶ ἔγγιστα τῆς οἰκειακῆς τραπέζης Ἀναστασίου Κάσπακος, καὶ πρὸς τῆς πόρτης Θεσσαλονίκης Ἀνδρέου Κάσπακος καὶ χαρτουλαρίου τοῦ θέματος, Κωνσταντίνου κληρικοῦ καὶ κουβουκλησίου, Θεοδώρου κληρικοῦ καὶ οἰκονόμου τῆς ἁγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Θεσσαλονίκης, Εὐθυμίου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου τῆς μονῆς τῶν Περιστερῶν (β), Γρηγορίου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου μονῆς τοῦ Ὀρφανοῦ, Ἀνδρέου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου μονῆς τοῦ Σπηλαιώτου, Στεφάνου Κάσπακος τοῦ Βαρδανοπούλου, Νίκου Ἀμανδύτου, Δημητρίου δειχ. τῶν Βημαρίων, καὶ ἐπὶ αὐτῶν διεχωρίσαμεν τὴν γῆν ἀμφοτέρων τῶν μερῶν, ἤτοι τῶν Ἀθωνίτων καὶ τῶν οἰκητόρων Ἱερισσοῦ, ποιήσαντες τὴν κατ' ἀρχὴν ἀπὸ τὸ μέρος τῆς νοτίας θαλάσσης (γ), ἤγουν ἀπὸ τὴν κατ' ἀρχὴν τοῦ κόλπου τῆς Ἀμμουλιανῆς (δ). καὶ ἔστιν ὁ διαχωρισμὸς οὕτως· ἀπάρχεται μὲν ἀπὸ τὸν βαθὺν ῥύακα τὸν κατέναντι κείμενον τῶν λεγομένων παλαιῶν παλατίων τῆς Ἀμμουλιανῆς καὶ ἀνατρέχει ὡς πρὸς τὰ χωράφια τῆς μονῆς τῆς ἁγίας Χριστίνης, ἐν ᾧ τόπῳ καὶ λιθοσωρεία ἵσταται ἐκ πολλῶν λίθων συγκειμένη, καὶ ὑποκάτω τῆς λιθοσωρείας ὡς πρὸς τὴν ἀνατολὴν ἵστανται δρύες καθεξῆς λαυρατωμένοι (ε), καὶ ἀποδίδει τῇ ἰσότητι μέχρις ἑτέρου ῥύακος· καὶ ἀπὸ τὸν ῥύακα ὑπερβαίνει τὸ Ῥαχῶνι καὶ κατέρχεται εἰς τὴν Γλομπουτζίστα (ϛ), καὶ πέραν τοῦ ῥύακός εἰσι δρύες καὶ πτελέαι λαυρατωμένοι, καὶ καθεξῆς τῇ ἰσότητι ὡς πρὸς τὴν θάλασσαν ἀποδίδει εἰς τὸ παλαιὸν γυστέρνιν· ἀνακάμπτει πρὸς τὸ παρακείμενον αὐχένιν, ἐν ᾧ ἐστι τὸ λιθομάνδριον τὸ ἀρχαῖον τοῦ Κολοβοῦ, ὅπερ ἔστιν ἔσωθεν τοῦ περιορισμοῦ τῆς γῆς τῶν Ἀθωνίτων· καὶ ἀπὸ τὸ αὐχένιν ἀποδίδει εἰς πεδινὸν τόπον, ἐν ᾧ εἰσι βρουλέαι· καὶ ἀπὸ τῶν τοιούτων τόπων καθεξῆς ἀνακάμπτει πρὸς τὸ ἀντικείμενον αὐχένιν καὶ κατέρχεται τῇ ἰσότητι μέχρι τῆς θαλάσσης τῆς βορεινῆς (ζ). οὕτω διαχωρίσαντες καὶ σύνορα πήξαντες, καθὼς καὶ ὁ τόπος διεχώρισεν αὐτοῖς, καὶ ἐγγράφως τὴν πρᾶξιν ἡμῶν ἀποσημειωσάμενοι ἐπιδεδώκαμεν ἀμφοτέροις τοῖς μέρεσι—κατέχουσι δὲ οἱ αὐτοὶ μοναχοὶ τοῦ Ἄθωνος καὶ τὴν καθέδραν τῶν Γερόντων (η), καθὼς καὶ προκατεῖχον αὐτήν—κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ χρυσοβούλλου αὐτῶν, σφραγίσαντες διὰ μολύβδου τῇ συνήθει σφραγῖδι ἡμῶν, μηνὶ Αὐγούστῳ, ἰνδικτιῶνος α, ͵ϛτλ'.

+ Καταχαλῶν Κάσπαξ στρατηλάτης Θεσσαλονίκης.

+ Γρηγόριος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης.

+ Εὐθύμιος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τῆς μονῆς Περιστερῶν καὶ οἱ λοιποί.

Σημειώσεις.

Τοῦ ἐγγράφου τούτου μνείαν ποιεῖται Νικόδημος ὁ Ἁγιορείτης ἐν τῷ Πηδαλίῳ (ἐκδ. Β'. Ἐν Ἀθήναις 1841) σελ. 479 οὕτω· «. . . . Διὰ τοῦτο

ἐστοχάσθην νὰ σημειώσω, ὅσα ἔφθασα νὰ ἀναγνώσω εἰς κώδικας ἀρχαίους βασιλικῶν χρυσοβούλλων ἢ ἄλλων σιγιλλίων, πρὸς εἴδησιν τῆς ἀρχαιότητος τῶν ἐν αὐτῷ μοναχῶν. ἐν πρώτοις φέρεται ἓν σιγίλλιον, τὸ ὁποῖον ἔγινε διὰ προσταγῆς τοῦ βασιλέως Βασιλείου Μακεδόνος διὰ τὰ ὁροθέσια τοῦ τόπου, ὅπου ὁ Ξέρξης ὁ βασιλεὺς Περσίας ἀπέρασε τὰ πλοῖά του κατὰ τῆς Ἑλλάδος, ὅστις ἤδη λέγεται Πρόβλακας. εἰς αὐτὸν τὸν τόπον διὰ προσταγῆς βασιλικῆς ἦλθεν ὁ ἀρχιστράτηγος Θεσσαλονίκης καὶ ἐθεώρησε τὴν διαφορὰν τῶν Ἁγιορειτῶν καὶ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ, καὶ γράφει ὅτι εἶδεν ἐκ παλαιγενῶν χρόνων καὶ ἀμνημονεύτων (μὲ τὰς ἰδίας λέξεις!) γράμματα διάφορα, ὅτι ὁ τόπος ἐκεῖνος ἦτο τῶν μοναχῶν τοῦ Ἄθωνος».

Σὺν τούτοις προσθετέον καὶ ὅσα ὁ κ. Μ. Γεδεὼν γράφει (Ἄθως, σελ. 78)· «Μετὰ τοὺς χρόνους, καθ' οὓς ὁ Γενέσιος ἀναφέρει μοναχοὺς Ἀθωΐτας παρουσιάζοντας ἐν τῇ ἐπὶ τῇ ἀναστηλώσει τῶν ἁγίων εἰκόνων τῷ 842 γενομένῃ συνόδῳ, εἰδήσεις τινὲς εἰς τὴν βασιλείαν Βασιλείου τοῦ Μακεδόνος ἀναφερομένας, διδάσκουσιν ἡμᾶς ὅτι ἔρις τις ἀναφυεῖσα μεταξὺ τῶν κατοίκων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ καὶ τῶν μοναχῶν τοῦ Ἄθω ἠνάγκασε τὸν Βασίλειον ὅπως διατάξῃ τὸν στρατηγὸν Θεσσαλονίκης νὰ καθορίσῃ τὰ κατὰ τὰς κτήσεις τῶν μοναχῶν καὶ τῶν κατοίκων τῆς Ἱερισσοῦ».

Τὸ ἐν λόγῳ τοίνυν ἔγγραφον τοῦ διαχωρισμοῦ ἀντεγράφη ἐκ τῶν ἀρχείων τῆς ἁγίας μονῆς Μ. Λαύρας.

(α) Τὸ πρῶτον ἤδη γνωρίζεται οὗτος, ὡς μὴ ἀναφερόμενος ἐν τοῖς καταλόγοις τοῦ Σ. Μητροπολίτου Ἀμασείας κ. Ἀνθίμου.

(β) Ἡ μονὴ τῶν Περιστερῶν ἀνηγέρθη ὑπὸ τοῦ ὁσίου τούτου Εὐθυμίου ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου ͵ϛτοθ', τῆς δὲ θείας σαρκώσεως ͵ωοθ', ἐπὶ τῆς αὐτοκρατορίας Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου τῶν αὐγούστων (ἔτος τέταρτον, ἰνδ. ε'). Τὴν μνήμην τοῦ ὁσίου τούτου ἡ ἐκκλησία γεραίρει τὴν 14 Ὀκτωβρίου μηνός· τὸν βίον του σωζόμενον ἐν τῇ ἱερᾷ μονῇ τῆς Μ. Λαύρας ἔγραψεν ὁ χρηματίσας μαθητής του ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης Βασίλειος, ὃν ἐπίσης ἡ ἐκκλησια μνημονεύει τὴν 1 Φεβρουαρίου. Ἱστορικὴν περιγραφὴν τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν Περιστερῶν δημοσιεύσω διὰ τῶν «Βυζαντινῶν Χρονικῶν» προσεχῶς.

(γ) Τοῦ Σιγγιτικοῦ κόλπου.

(δ) Νήσου καλουμένης πάλαι Διαπόρου καὶ κατεχομένης ἤδη ἁπάσης ὑπὸ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου.

(ε) Σεσημασμένοι· λαυράτον λέγεται τὸ ὁροθετικὸν σημεῖον.

(ϛ) Νῦν Κομίτζα.

(ζ) Στρυμονικοῦ κόλπου.

(η) Νῦν Προσφόριον, μετόχιον τῆς ἱερας μονῆς Βατοπεδίου.

4.

Σιγίλλιον Συμεὼν πρωτοσπαθαρίου Θεσσαλονίκης καὶ Στρυμόνος περὶ τῶν παροίκων τῆς Λαύρας.

Ἐπειδήπερ διὰ τιμίου πιτακκίου τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως ἐδεξάμην ἵνα ἐρευνήσω περὶ τῶν στρατειῶν καὶ τῶν προσωδιαρίων τῶν δημοσιαρίων καὶ καταφυγόντων εἴς τε τὰ ἀρχοντικὰ πρόσωπα καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν, καὶ ὅπου ἂν ἐφεύρω ὅτι εἰσὶ δημοσιάριοι ἵνα ἀναρρύσωμαι τούτους καὶ προσωδιάζω καὶ εἰσκομίζω πρὸς τὴν κραταιὰν καὶ ἁγίαν αὐτοῦ βασιλείαν, καὶ κατὰ τὴν θείαν πρόσταξιν τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας οὕτω καὶ ἐποίησα. καὶ ἐλθὼν εἰς τὸ κάστρον τὸν Ἐρισσὸν ἀνεγραψάμην καὶ ὅσους ἂν εὕρω ἀνερρυσάμην αὐτοὺς καὶ ἀπήτησα, κατὰ τὴν προσταγὴν τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου. τοὺς δὲ λοιποὺς τοὺς μὴ ὄντας δημοσιαρίους κατέλειπον εἰς τὴν τοιαύτην μονὴν τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου, κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ χρυσοβουλλίου τοῦ τε μακαρίτου ἀποιχομένου βασιλέως δοθέντας αὐτοῖς λʹ παροίκους. καὶ δὴ καταλιπόντες αὐτοὺς εἴς τε τὰ κατὰ τὸν Ἐρισσὸν καὶ εἰς νομερίστας καὶ εἰς διάφορα προάστεια τοὺς τοιούτους τὸν ἀριθμὸν τριάκοντα παροίκους, ὧν τὸ κατ' ὄνομα ἔστιν οὕτως· Ἰωάννης ὁ Βαγλάης· Λέων ὁ Ἀμιδινός· Κωτιστράνης· Ἀμήτριος τοῦ Μειζοτέρου· Λέων ἀδελφὸς αὐτοῦ· Βασίλειος τοῦ Λουνίου· Νικήτας τοῦ Μακελλᾶ· Στέφανος ὁ Ῥοβικός· Βασίλειος ὁ Πανικός· Βασίλειος τοῦ Θερῆ· Γεώργιος τοῦ Κοναρίτου· Κουβουκελλάρης· Νίκος τοῦ Κοπρίτου· Καλυτᾶς τοῦ Μαλδῆ· Εὐστάθιος οἰκοδόμος· Ἰωάννης Χαλκεύς· Στέφανος τοῦ Μειζοτέρου· Ἀμήτριος ὁ Μικίλης· Πασχάλης τοῦ Ὀρφοῦ· Κωνσταντῖνος ὁ Σουνβλίτζης· Κανάκης τοῦ Σαχαροπούλου· εἰσὶ καὶ οἱ νομέτεροι Δαμιανὸς καὶ ὁ Σιπιώτης· Δατῆγος τοῦ Ἡλία· Θεόδωρος τοῦ Παφλαγῶνος· Στρατῆς ὁ Κοψοχείλης· Κύριλλος τοῦ Παύλου· Κυριλλιάτος· Περδάνος· διὸ παρεγγυώμεθα πάντας καὶ ἐξασφαλιζόμεθα, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, τοῦ μηδένα τῶν ἁπάντων ἐπάγειν ἐπήρειαν, ἢ ἀγγαρείαν, ἢ ἀπλῆκτον, ἢ μιτάτου καινοτομίαν, ἢ ζημίαν παρασκευάσαι τῇ εἰρημένῃ μονῇ καὶ τοὺς παροίκους τοὺς τριάκοντα. βουλόμεθα γὰρ αὐτοὺς ἐξκουσεύεσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας καὶ ἀμετόχους διαμένειν, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, καὶ ἔστω ὁ τοιοῦτος ἀριθμὸς τῶν παροίκων καὶ δεσπόζεσθαι παρὰ τοῖς μοναχοῖς, ἐν ᾧ ἂν τόπῳ βούλοιντο καὶ θελήσωσι, καὶ ἀμετόχους διατηρεῖσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας, ὑφορουμένου τοῦ κατατολμῶντος ἐναντίον τι διαπράξασθαι, καὶ οὐ μόνον ζημίας ὑποβληθήσεται, ἀλλὰ καὶ τῆς τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου

ἡμῶν βασιλέως ἀγανακτήσεως ὑποστῶσιν. διὸ καὶ τὸ παρὸν σιγίλλιον τῇ συνήθει ἡμῶν βούλλῃ σφραγίσαντες ἐπιδεδώκαμεν τῇ μεγάλῃ λαύρα τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου.

Ἐν μηνὶ Σεπτεμβρίῳ. ἰνδικτιῶνος γ΄.

5.

Ἔγγραφον τοῦ πρώτου τοῦ ἁγίου ὄρους Ἄθω πρὸς τοὺς κτίτορας τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν Ἰβήρων.

Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος.

Θωμᾶς μοναχὸς πρῶτος καὶ οἱ μεθ' ἡμῶν ἡγούμενοι οἱ τοὺς τιμίους σταυροὺς ἰδιοχείρως πήξαντες, τουτέστι προτάξαντες καὶ ὑποτάξαντες σὺν τοῖς ὀνόμασιν ἡμῶν, τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ἀσφάλειαν καὶ ἀπ' ἐντεῦθεν ἤδη διάλυσιν τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν οἰκείᾳ ἡμῶν τῇ γνώμῃ καὶ αὐτοπροαιρέτῳ βουλῇ, καὶ οὐκ ἔκ τινος ἀνάγκης ἢ βίας ἢ χρείας ἢ μετὰ δόλου, ἀλλ' ὅλως οἰκείᾳ προθέσει καὶ βουλήσει πάντων τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν, εἰς ὑμᾶς τὸν εὐλαβέστατον μοναχὸν καὶ ἡγούμενον τὸν κύριον Ἰωάννην τὸν Ἴβηρα, καὶ πρὸς τὸν μοναχὸν καὶ πρεσβύτερον Εὐθύμιον τὸν υἱόν σου, καὶ εἰς τοὺς μετὰ ταῦτα διαδόχους ὑμῶν, τοὺς μέλλοντας εἰς τὴν συνεργίᾳ θεοῦ ποιηθεῖσαν μονὴν ἡγουμενεύειν, τὴν ἐπ' ὀνόματι τῆς παναγίας θεοτόκου ἱδρυμένην καὶ λεγομένην τοῦ Κλήμεντος, ἐπὶ ὑποθέσει τοιάδε.

Ἐπειδὴ εἰς τὸ τοῦ Κολοβοῦ μοναστήριον εἶχον ἀρχῆθεν συνήθειαν οἱ ἐν τῷ ὄρει διατελοῦντες μοναχοί, ὅτε παντελῶς ὀλίγοι ὑπῆρχον, ἐξερχόμενοι εἰς Ἱερισσὸν σπανίως διά τινα χρείαν ἀναγκαίαν, παραβαλεῖν ἐν αὐτῷ καὶ μένειν ἐνίοτε καὶ ἐσθίειν, καὶ τοῦτό τινες ἐξ αὐτῶν τῶν ὀλίγων καὶ εὐαριθμήτων, καὶ οὐχὶ βουλόμενος ἕκαστος, ἀλλὰ πρόσωπά τινα ἐμφανῆ τῶν ἀρχαίων γερόντων (διὸ καὶ γογγυσμὸς πολλάκις καὶ φιλονεικία μεταξὺ τῶν μοναχῶν ἐκινεῖτο, πειρωμένων καὶ ἑτέρων παραβαλεῖν καὶ μὴ συγχωρουμένων, ὡς ἤδη καὶ τοῦ κρατοῦντος ἡγουμένου τὴν μονὴν μὴ βουλομένου), εἶτα καὶ εἰς πλῆθος ἐπεκτανθέντων τῶν ἐν (τῷ) ὄρει μοναχῶν ἐγόγγυζον οἱ τῆς μονῆς καὶ εἰς αὐτοὺς ἐκείνους τοὺς μοναχοὺς τοὺς διὰ τὴν πρὸς αὐτοὺς τοῦ ἡγουμένου φιλίαν παραβάλλοντας ὀλιγάκις τῇ μονῇ διὰ τοῦ χρόνου (καὶ ὅμως ἀπεκόπησαν καὶ αὐτοὶ καὶ οὐδ' ἄλλος παρέβαλε τῇ μονῇ μοναχὸς ἐκ τοῦ ὄρους μέχρι τοῦ νῦν, πλέον τῶν ὀκτὼ ἢ δέκα ἐτῶν παραλελυθότων, ἐξ ὅτου δηλονότι οὐδεὶς τῶν ἀρχαίων, οὔτ' ἐξ ἡμῶνὶ τῶν νῦν περιόντων), ἔτυχεν ἐν τῇ μονῇ οἱασδήποτε ἀναπαύσεως, ἐπ

4.

Σιγίλλιον Συμεὼν πρωτοσπαθαρίου Θεσσαλονίκης καὶ Στρυμόνος περὶ τῶν παροίκων τῆς Λαύρας.

Ἐπειδήπερ διὰ τιμίου πιτακκίου τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως ἐδεξάμην ἵνα ἐρευνήσω περὶ τῶν στρατειῶν καὶ τῶν προσωδιαρίων τῶν δημοσιαρίων καὶ καταφυγόντων εἴς τε τὰ ἀρχοντικὰ πρόσωπα καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν, καὶ ὅπου ἂν ἐφεύρω ὅτι εἰσὶ δημοσιάριοι ἵνα ἀναρρύσωμαι τούτους καὶ προσωδιάζω καὶ εἰσκομίζω πρὸς τὴν κραταιὰν καὶ ἁγίαν αὐτοῦ βασιλείαν, καὶ κατὰ τὴν θείαν πρόσταξιν τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας οὕτω καὶ ἐποίησα. καὶ ἐλθὼν εἰς τὸ κάστρον τὸν Ἐρισσὸν ἀνεγραψάμην καὶ ὅσους ἂν εὕρω ἀνερρυσάμην αὐτοὺς καὶ ἀπήτησα, κατὰ τὴν προσταγὴν τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου. τοὺς δὲ λοιποὺς τοὺς μὴ ὄντας δημοσιαρίους κατέλειπον εἰς τὴν τοιαύτην μονὴν τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου, κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ χρυσοβουλλίου τοῦ τε μακαρίτου ἀποιχομένου βασιλέως δοθέντας αὐτοῖς λ΄ παροίκους. καὶ δὴ καταλιπόντες αὐτοὺς εἴς τε τὰ κατὰ τὸν Ἐρισσὸν καὶ εἰς νομερίστας καὶ εἰς διάφορα προάστεια τοὺς τοιούτους τὸν ἀριθμὸν τριάκοντα παροίκους, ὧν τὸ κατ' ὄνομα ἔστιν οὕτως· Ἰωάννης ὁ Βαγλάης· Λέων ὁ Ἀμιδινός· Κωτιστράνης· Ἀμήτριος τοῦ Μειζοτέρου· Λέων ἀδελφὸς αὐτοῦ· Βασίλειος τοῦ Λουνίου· Νικήτας τοῦ Μακελλᾶ· Στέφανος ὁ Ῥοβικός· Βασίλειος ὁ Πανικός· Βασίλειος τοῦ Θερῆ· Γεώργιος τοῦ Κοναρίτου· Κουβουκελλάρης· Νίκος τοῦ Κοπρίτου· Καλυτᾶς τοῦ Μαλδῆ· Εὐστάθιος οἰκοδόμος· Ἰωάννης Χαλκεύς· Στέφανος τοῦ Μειζοτέρου· Ἀμήτριος ὁ Μιχίλης· Πασχάλης τοῦ Ὀρφοῦ· Κωνσταντῖνος ὁ Σουνβλίτζης· Κανάκης τοῦ Σαχαροπούλου· εἰσὶ καὶ οἱ νομέτεροι Δαμιανὸς καὶ ὁ Σιπιώτης· Δατῆγος τοῦ Ἠλία· Θεόδωρος τοῦ Παφλαγῶνος· Στρατῆς ὁ Κοψοχείλης· Κύριλλος τοῦ Παύλου· Κυριλλιάτος· Περδάνος· διὸ παρεγγυώμεθα πάντας καὶ ἐξασφαλιζόμεθα, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, τοῦ μηδένα τῶν ἁπάντων ἐπάγειν ἐπήρειαν, ἢ ἀγγαρείαν, ἢ ἀπλῆκτον, ἢ μιτάτου καινοτομίαν, ἢ ζημίαν παρασκευάσαι τῇ εἰρημένῃ μονῇ καὶ τοὺς παροίκους τοὺς τριάκοντα. βουλόμεθα γὰρ αὐτοὺς ἐξκουσεύεσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας καὶ ἀμετόχους διαμένειν, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, καὶ ἔστω ὁ τοιοῦτος ἀριθμὸς τῶν παροίκων καὶ δεσπόζεσθαι παρὰ τοῖς μοναχοῖς, ἐν ᾧ ἂν τόπῳ βούλοιντο καὶ θελήσωσι, καὶ ἀμετόχους διατηρεῖσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας, ὑφορουμένου τοῦ κατατολμῶντος ἐναντίον τι διαπράξασθαι, καὶ οὐ μόνον ζημίας ὑποβληθήσεται, ἀλλὰ καὶ τῆς τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου

ἡμῶν βασιλέως ἀγανακτήσεως ὑποστῶσιν. διὸ καὶ τὸ παρὸν σιγίλλιον τῇ συνήθει ἡμῶν βούλλῃ σφραγίσαντες ἐπιδεδώκαμεν τῇ μεγάλῃ λαύρα τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου.

Ἐν μηνὶ Σεπτεμβρίῳ. ἰνδικτιῶνος γ΄.

5.

Ἔγγραφον τοῦ πρώτου τοῦ ἁγίου ὄρους Ἄθω πρὸς τοὺς κτίτορας τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν Ἰβήρων.

Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος.

Θωμᾶς μοναχὸς πρῶτος καὶ οἱ μεθ' ἡμῶν ἡγούμενοι οἱ τοὺς τιμίους σταυροὺς ἰδιοχείρως πήξαντες, τουτέστι προτάξαντες καὶ ὑποτάξαντες σὺν τοῖς ὀνόμασιν ἡμῶν, τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ἀσφάλειαν καὶ ἀπ' ἐντεῦθεν ἤδη διάλυσιν τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν οἰκείᾳ ἡμῶν τῇ γνώμῃ καὶ αὐτοπροαιρέτῳ βουλῇ, καὶ οὐκ ἔκ τινος ἀνάγκης ἢ βίας ἢ χρείας ἢ μετὰ δόλου, ἀλλ' ὅλως οἰκείᾳ προθέσει καὶ βουλήσει πάντων τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν, εἰς ὑμᾶς τὸν εὐλαβέστατον μοναχὸν καὶ ἡγούμενον τὸν κύριον Ἰωάννην τὸν Ἴβηρα, καὶ πρὸς τὸν μοναχὸν καὶ πρεσβύτερον Εὐθύμιον τὸν υἱόν σου, καὶ εἰς τοὺς μετὰ ταῦτα διαδόχους ὑμῶν, τοὺς μέλλοντας εἰς τὴν συνεργίᾳ θεοῦ ποιηθεῖσαν μονὴν ἡγουμενεύειν, τὴν ἐπ' ὀνόματι τῆς παναγίας θεοτόκου ἱδρυμένην καὶ λεγομένην τοῦ Κλήμεντος, ἐπὶ ὑποθέσει τοιάδε.

Ἐπειδὴ εἰς τὸ τοῦ Κολοβοῦ μοναστήριον εἶχον ἀρχῆθεν συνήθειαν οἱ ἐν τῷ ὄρει διατελοῦντες μοναχοί, ὅτε παντελῶς ὀλίγοι ὑπῆρχον, ἐξερχόμενοι εἰς Ἱερισσὸν σπανίως διά τινα χρείαν ἀναγκαίαν, παραβαλεῖν ἐν αὐτῷ καὶ μένειν ἐνίοτε καὶ ἐσθίειν, καὶ τοῦτό τινες ἐξ αὐτῶν τῶν ὀλίγων καὶ εὐαριθμήτων, καὶ οὐχὶ βουλόμενος ἕκαστος, ἀλλὰ πρόσωπά τινα ἐμφανῆ τῶν ἀρχαίων γερόντων (διὸ καὶ γογγυσμὸς πολλάκις καὶ φιλονεικία μεταξὺ τῶν μοναχῶν ἐκινεῖτο, πειρωμένων καὶ ἑτέρων παραβαλεῖν καὶ μὴ συγχωρουμένων, ὡς ἤδη καὶ τοῦ κρατοῦντος ἡγουμένου τὴν μονὴν μὴ βουλομένου), εἶτα καὶ εἰς πλῆθος ἐπεκτανθέντων τῶν ἐν (τῷ) ὄρει μοναχῶν ἐγόγγυζον οἱ τῆς μονῆς καὶ εἰς αὐτοὺς ἐκείνους τοὺς μοναχοὺς τοὺς διὰ τὴν πρὸς αὐτοὺς τοῦ ἡγουμένου φιλίαν παραβάλλοντας ὀλιγάκις τῇ μονῇ διὰ τοῦ χρόνου (καὶ ὅμως ἀπεκόπησαν καὶ αὐτοὶ καὶ οὐδ' ἄλλος παρέβαλε τῇ μονῇ μοναχὸς ἐκ τοῦ ὄρους μέχρι τοῦ νῦν, πλέον τῶν ὀκτὼ ἢ δέκα ἐτῶν παραλελυθότων, ἐξ ὅτου δηλονότι οὐδεὶς τῶν ἀρχαίων, οὔτ' ἐξ ἡμῶνὶ τῶν νῦν περιόντων), ἔτυχεν ἐν τῇ μονῇ οἱασδήποτε ἀναπαύσεως, ἐπ

4.

Σιγίλλιον Συμεὼν πρωτοσπαθαρίου Θεσσαλονίκης καὶ Στρυμόνος περὶ τῶν παροίκων τῆς Λαύρας.

Ἐπειδήπερ διὰ τιμίου πιτακκίου τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως ἐδεξάμην ἵνα ἐρευνήσω περὶ τῶν στρατειῶν καὶ τῶν προσωδιαρίων τῶν δημοσιαρίων καὶ καταφυγόντων εἴς τε τὰ ἀρχοντικὰ πρόσωπα καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν, καὶ ὅπου ἂν ἐφεύρω ὅτι εἰσὶ δημοσιάριοι ἵνα ἀναρρύσωμαι τούτους καὶ προσωδιάζω καὶ εἰσκομίζω πρὸς τὴν κραταιὰν καὶ ἁγίαν αὐτοῦ βασιλείαν, καὶ κατὰ τὴν θείαν πρόσταξιν τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας οὕτω καὶ ἐποίησα. καὶ ἐλθὼν εἰς τὸ κάστρον τὸν Ἐρισσὸν ἀνεγραψάμην καὶ ὅσους ἂν εὕρω ἀνερρυσάμην αὐτοὺς καὶ ἀπήτησα, κατὰ τὴν προσταγὴν τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου. τοὺς δὲ λοιποὺς τοὺς μὴ ὄντας δημοσιαρίους κατέλειπον εἰς τὴν τοιαύτην μονὴν τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου, κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ χρυσοβουλλίου τοῦ τε μακαρίτου ἀποιχομένου βασιλέως δοθέντας αὐτοῖς λʹ παροίκους. καὶ δὴ καταλιπόντες αὐτοὺς εἴς τε τὰ κατὰ τὸν Ἐρισσὸν καὶ εἰς νομερίστας καὶ εἰς διάφορα προάστεια τοὺς τοιούτους τὸν ἀριθμὸν τριάκοντα παροίκους, ὧν τὸ κατ' ὄνομα ἔστιν οὕτως· Ἰωάννης ὁ Βαγλάς· Λέων ὁ Ἀμιδινός· Κωτιστράνης· Ἀμήτριος τοῦ Μειζοτέρου· Λέων ἀδελφὸς αὐτοῦ· Βασίλειος τοῦ Λουνίου· Νικήτας τοῦ Μακελλᾶ· Στέφανος ὁ Ῥοβικός· Βασίλειος ὁ Πανικός· Βασίλειος τοῦ Θερῆ· Γεώργιος τοῦ Κοναρίτου· Κουβουκελλάρης· Νίκος τοῦ Κοπρίτου· Καλυτᾶς τοῦ Μαλδῆ· Εὐστάθιος οἰκοδόμος· Ἰωάννης Χαλκεύς· Στέφανος τοῦ Μειζοτέρου· Ἀμήτριος ὁ Μικίλης· Πασχάλης τοῦ Ὀρφοῦ· Κωνσταντῖνος ὁ Σουνβλίτζης· Κανάκης τοῦ Σαχαροπούλου· εἰσὶ καὶ οἱ νομέτεροι Δαμιανὸς καὶ ὁ Σιπιώτης· Δατῆγος τοῦ Ἡλία· Θεόδωρος τοῦ Παφλαγῶνος· Στρατῆς ὁ Κοψοχείλης· Κύριλλος τοῦ Παύλου· Κυριλλιάτος· Περδάνος· διὸ παρεγγυώμεθα πάντας καὶ ἐξασφαλιζόμεθα, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, τοῦ μηδένα τῶν ἁπάντων ἐπάγειν ἐπήρειαν, ἢ ἀγγαρείαν, ἢ ἀπλῆκτον, ἢ μιτάτου καινοτομίαν, ἢ ζημίαν παρασκευάσαι τῇ εἰρημένῃ μονῇ καὶ τοὺς παροίκους τοὺς τριάκοντα. βουλόμεθα γὰρ αὐτοὺς ἐξκουσεύεσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας καὶ ἀμετόχους διαμένειν, κατὰ τὴν δύναμιν τῶν χρυσοβουλλίων, καὶ ἔστω ὁ τοιοῦτος ἀριθμὸς τῶν παροίκων καὶ δεσπόζεσθαι παρὰ τοῖς μοναχοῖς, ἐν ᾧ ἂν τόπῳ βούλοιντο καὶ θελήσωσι, καὶ ἀμετόχους διατηρεῖσθαι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας, ὑφορουμένου τοῦ κατατολμῶντος ἐναντίον τι διαπράξασθαι, καὶ οὐ μόνον ζημίας ὑποβληθήσεται, ἀλλὰ καὶ τῆς τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου

ἡμῶν βασιλέως ἀγανακτήσεως ὑποστῶσιν. διὸ καὶ τὸ παρὸν σιγίλλιον τῇ συνήθει ἡμῶν βούλλῃ σφραγίσαντες ἐπιδεδώκαμεν τῇ μεγάλῃ λαύρα τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου.

Ἐν μηνὶ Σεπτεμβρίῳ. ἰνδικτιῶνος γ'.

5.

Ἔγγραφον τοῦ πρώτου τοῦ ἁγίου ὄρους Ἄθω πρὸς τοὺς κτίτορας τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν Ἰβήρων.

Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος.

Θωμᾶς μοναχὸς πρῶτος καὶ οἱ μεθ' ἡμῶν ἡγούμενοι οἱ τοὺς τιμίους σταυροὺς ἰδιοχείρως πήξαντες, τουτέστι προτάξαντες καὶ ὑποτάξαντες σὺν τοῖς ὀνόμασιν ἡμῶν, τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ἀσφάλειαν καὶ ἀπ' ἐντεῦθεν ἤδη διάλυσιν τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν οἰκείᾳ ἡμῶν τῇ γνώμῃ καὶ αὐτοπροαιρέτῳ βουλῇ, καὶ οὐκ ἔκ τινος ἀνάγκης ἢ βίας ἢ χρείας ἢ μετὰ δόλου, ἀλλ' ὅλως οἰκείᾳ προθέσει καὶ βουλήσει πάντων τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν, εἰς ὑμᾶς τὸν εὐλαβέστατον μοναχὸν καὶ ἡγούμενον τὸν κύριον Ἰωάννην τὸν Ἴβηρα, καὶ πρὸς τὸν μοναχὸν καὶ πρεσβύτερον Εὐθύμιον τὸν υἱόν σου, καὶ εἰς τοὺς μετὰ ταῦτα διαδόχους ὑμῶν, τοὺς μέλλοντας εἰς τὴν συνεργίᾳ θεοῦ ποιηθεῖσαν μονὴν ἡγουμενεύειν, τὴν ἐπ' ὀνόματι τῆς παναγίας θεοτόκου ἱδρυμένην καὶ λεγομένην τοῦ Κλήμεντος, ἐπὶ ὑποθέσει τοιάδε.

Ἐπειδὴ εἰς τὸ τοῦ Κολοβοῦ μοναστήριον εἶχον ἀρχῆθεν συνήθειαν οἱ ἐν τῷ ὄρει διατελοῦντες μοναχοί, ὅτε παντελῶς ὀλίγοι ὑπῆρχον, ἐξερχόμενοι εἰς Ἱερισσὸν σπανίως διά τινα χρείαν ἀναγκαίαν, παραβαλεῖν ἐν αὐτῷ καὶ μένειν ἐνίοτε καὶ ἐσθίειν, καὶ τοῦτό τινες ἐξ αὐτῶν τῶν ὀλίγων καὶ εὐαριθμήτων, καὶ οὐχὶ βουλόμενος ἕκαστος, ἀλλὰ πρόσωπά τινα ἐμφανῆ τῶν ἀρχαίων γερόντων (διὸ καὶ γογγυσμὸς πολλάκις καὶ φιλονεικία μεταξὺ τῶν μοναχῶν ἐκινεῖτο, πειρωμένων καὶ ἑτέρων παραβαλεῖν καὶ μὴ συγχωρουμένων, ὡς ἤδη καὶ τοῦ κρατοῦντος ἡγουμένου τὴν μονὴν μὴ βουλομένου), εἶτα καὶ εἰς πλῆθος ἐπεκτανθέντων τῶν ἐν (τῷ) ὄρει μοναχῶν ἐγόγγυζον οἱ τῆς μονῆς καὶ εἰς αὐτοὺς ἐκείνους τοὺς μοναχοὺς τοὺς διὰ τὴν πρὸς αὐτοὺς τοῦ ἡγουμένου φιλίαν παραβάλλοντας ὀλιγάκις τῇ μονῇ διὰ τοῦ χρόνου (καὶ ὅμως ἀπεκόπησαν καὶ αὐτοὶ καὶ οὐδ' ἄλλος παρέβαλε τῇ μονῇ μοναχὸς ἐκ τοῦ ὄρους μέχρι τοῦ νῦν, πλέον τῶν ὀκτὼ ἢ δέκα ἐτῶν παραλελυθότων, ἐξ ὅτου δηλονότι οὐδεὶς τῶν ἀρχαίων, οὔτ' ἐξ ἡμῶν ἢ τῶν νῦν περιόντων), ἔτυχεν ἐν τῇ μονῇ οἱασδήποτε ἀναπαύσεως, ἐπ

τούτῳ δὴ προσυπεμνήσαμεν τοὺς εὐσεβεῖς ἡμῶν βασιλεῖς δοθῆναι εἰς ἐξουσίαν καὶ (τὴν) τοιαύτην μονὴν τῷ καθ' ἡμᾶς ὄρει. καὶ ἐπὶ μὲν τοῦ κῦρ Ἰωάννου τοῦ βασιλέως (α) προσυπέμνησεν ὅ τε μοναχὸς ὁ Στουδιτῶν καὶ ὁ μοναχὸς Ἀθανάσιος ὁ τῆς λαύρας τῶν Μελανῶν ἡγούμενος, καὶ ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς ὁ Ἴβηρ, ἀξιώσαντες δοθῆναι ἡμῖν τὴν εἰρημένην μονὴν, καὶ οὐ κατεδέξατο ὁ βασιλεύς. καὶ πάλιν ἐπὶ τοῦ κῦρ Βασιλείου τοῦ νῦν εὐσεβῶς βασιλεύοντος ἀπεστείλαμεν μετὰ γραμμάτων δεητικῶν τὸν μοναχὸν Θωμᾶν τὸν Πιθαρᾶν, καὶ τὸν μοναχὸν Σάββαν τὸν Μαλινᾶν, αἰτησάμενοι περὶ τῆς εἰρημένης μονῆς, καὶ οὐδὲ τότε ὁ βασιλεὺς κατένευσεν εἰς τὴν αἴτησιν ἡμῶν. ὡς δὲ καὶ πάλιν μετὰ τοῦτο ἐγράψαμεν διὰ Γεωργίου τοῦ λεγομένου Χελανδάος (β) πρὸς τὸν εἰρημένον βασιλέα καὶ πρὸς τὸν παρακοιμώμενον (καὶ) οὐδόλως ἠκούσθημεν, ἀπελπίσαμεν παντελῶς τῆς τοιαύτης ὑποθέσεως, καὶ οὐδεὶς ἐν τῇ τοιαύτῃ μονῇ παρέβαλεν ἔκτοτε. τούτου δὲ γενομένου καὶ τῆς ἀμυδρᾶς ἐκείνης συνηθείας ἐκκοπείσης, διὰ τὸ πληθυνθῆναι τοὺς μοναχοὺς, ὡς εἴρηται, καὶ διὰ τὸ οὐκ ἔκ τινος εὐλόγου ἢ ἐξουσίας γεγενῆσθαι τὴν συνήθειαν ἐκείνην ἀλλὰ φιλίας, τοῦ καθηγουμένου νεύοντος τῆς μονῆς (ᾧγε καὶ ἀφ' ὅτου παρέλαβεν αὐτὴν ὁ μοναχὸς Στέφανος καὶ ἡγούμενος, οὐδὲ κἂν ἐν τῷ πυλῶνι συνεχώρησε παρακύπτειν τινὰ ἐξ ἡμῶν, καὶ ἐφρόντιζεν ἕκαστος αὐτῶν, καθὼς ἠδυνάμεθα, ὅτε διὰ χρείαν εἰς Ἱερισσὸν παρεβάλλομεν, ὡς μηδεμίαν πρόφασιν εὔλογον ἔχοντες τὸν ἡγούμενον ἐπηρεάζειν οὐδὲ ἕως ψιλοῦ ῥήματος), μετὰ δὲ ταῦτα πάντα τὰ εἰρημένα οἰκονομήσαντος τοῦ θεοῦ ἐδόθη ἡ μονὴ αὕτη εἰς τελείαν κυριότητα καὶ ἀναφαίρετον δεσποτείαν καὶ προσεκυρώθη δι' εὐσεβοῦς χρυσοβούλλου τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κῦρ Βασιλείου τῇ ὑμετέρᾳ εὐαγεστάτῃ μονῇ, τῇ λεγομένῃ τοῦ Κλήμεντος. εἶτα καὶ ἐξόδους πολλὰς καταβαλόντες καὶ κόπους ὑποστάντες καὶ εἰς ἐμφάνειαν καὶ εὐπορίαν αὐτὴν καταστήσαντες ἀνοικοδόμησαν εὔπορον αὐτὴν ἀπεργάσασθαι. καὶ ἐπεὶ συνήργησεν ὁ θεὸς ὑπὸ τὴν ὑμετέραν ἐξουσίαν καὶ δεσποτείαν γενέσθαι αὐτὴν, θαρρήσαντες τῇ ὑμῶν ἀγάπῃ καὶ εὐλαβείᾳ καὶ ἀρετῇ πρὸς τῇ πρὸς τὸν θεὸν εὐποιίᾳ καὶ ἁπλότητι ὑμῶν ᾐτησάμεθα πάντες ὁμοῦ ἐκ συμφώνου ὅ τε μοναχὸς Θωμᾶς ὁ πρῶτος καὶ οἱ ἡγούμενοι δοθῆναι ἡμῖν παρὰ τῆς ὑμῶν ἁγιωσύνης καταγώγιον ἐν τῷ κάστρῳ τῆς Ἱερισσοῦ καὶ προνοεῖσθαι τῆς ἡμῶν ταπεινώσεως, ἵνα ὅτε ἐξέλθῃ τις ἐκ τοῦ ὄρους παραβάλλειν καὶ μένειν ἐν τῷ τοιούτῳ καταγωγίῳ, ὑμεῖς δὲ οὐχὶ εἰς τοῦτο μόνον εἴξατε τῇ ταπεινώσει ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ ἄλλα μείζονα, ἅπερ οὐκ ἠλπίζομεν, πεποιήκατε καὶ ἐδωρήσασθε ἡμῖν, πρῶτον μὲν αὐλὴν καὶ οἰκήματα πολλά τε καὶ κάλλιστα, ἅπερ ἐκ τοῦ Νικηφόρου τοῦ πρωτοπαπᾶ ἐξωνήσασθε εἰς λϛ' ὑπέρπυρα, ἐν οἷς καταμένοντες, ὅτε παρεβάλομεν διὰ χρείαν ἐν τῷ κάστρῳ,

καὶ ἀναπαυόμενοι ὑπερευχόμεθα τῆς ὑμῶν ὁσιότητος· ἔπειτα δὲ κατανυγέντες ἐκ τοῦ θεοῦ καὶ τὴν ἀνάπαυσιν ἡμῶν ὡς οἰκείαν λογιζόμενοι σωτηρίαν ψυχῆς ἐδωρήσασθε καὶ ἀμπελῶνα κάλλιστον καὶ εὔφορον, ὑπάρχοντα μὲν τῆς μονῆς, καλλιεργηθέντα δὲ καὶ φυτευθέντα παρ' ὑμῶν μετ' ἐξόδων καὶ κόπων οὐ τῶν τυχόντων, ὄντα πλινθία ὡσεὶ τριάκοντα, σὺν τῷ τοῦ παλαιοῦ ἀμπελῶνος καὶ τοῦ παρ' ὑμῶν φυτευθέντος ἐκτιμηθεὶς διὰ χρυσοῦ χαράγματος λίτρας ε΄. διὸ εὐχαριστοῦντες ἐπὶ τούτοις πᾶσι καὶ ὑπερευχόμενοι τῆς ὑμῶν ἐν Χριστῷ ἀρετῆς καὶ ἁγιότητος, ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τῆς παρούσης ἡμέρας μὴ ἔχειν ἐξουσίαν καὶ ἄδειάν τινα τῶν ἁπάντων εἴτε ἐξ ἡμῶν τῶν νῦν περιόντων εἴτε τῶν μεθ' ἡμᾶς ἐν τῷ ὄρει καταλιμπανομένων ἢ ἐλευσομένων κίνησιν ἢ ἀγωγὴν, οἱανδήποτε πρόφασιν ἐχόντων εὔλογόν τε καὶ ἄλογον, ποιεῖσθαι περὶ τῆς εἰρημένης μονῆς, ὑπὲρ ἧς οὐδὲ ταῦτα γράφειν εὔλογον ἦν, ἀλλὰ διὰ τὴν συνήθειαν, ἣν οἱ ἀρχαῖοι καὶ ὀλιγοστοὶ εἶχον ἐν τῇ μονῇ παραβάλλειν, τοῦ κατὰ τὴν ἡμέραν ἡγουμένου διὰ φιλίαν καὶ θεσμὸν ἀγάπης ἀποδεχομένου αὐτούς. καὶ ἐάν τις φωραθῇ οὐ μόνον κινῶν[1]) περὶ τῆς τοιαύτης ὑποθέσεως, ἀλλὰ καὶ ἕως ψιλοῦ ῥήματος ἐνοχλεῖν ἢ παραπικραίνειν εἴτε ὑμᾶς αὐτοὺς εἴτε τοὺς ὑμετέρους διαδόχους, τῆς τοιαύτης ἕνεκα ὑποθέσεως, ἵνα ἔχῃ τὴν κατάραν τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν τῶν ἀπ' αἰῶνος εὐαρεστησάντων τῷ κυρίῳ, καὶ μὴ ἀκούεσθαι τοῦτον ἢ παρ' ἐκκλησιαστικῶν κανόνων, ἢ παρὰ πολιτικῶν νόμων, ἀλλὰ διώκεσθαι αὐτὸν ἐκ παντὸς κριτηρίου, ὡς ἀχάριστον καὶ ἀγνώμονα καὶ ἀρνητὴν τοῦ υἱοῦ τοῦ θεοῦ. καὶ οὐ μόνον δὴ τοῦτο, ἀλλὰ καὶ ὅσας εὐεργεσίας καὶ εὐποιίας εἰργάσασθε εἰς ἡμᾶς ἐπιστρέφεσθαι δίχα νόμου καὶ ἐρωτήσεως πρὸς ὑμᾶς, καὶ τὸ καθ' ἡμᾶς μέρος μετὰ τῶν εἰρημένων οἰκημάτων καὶ τοῦ ἀμπελῶνος, καὶ εἶθ' οὕτως ἰσχυρὰν καὶ βεβαίαν καὶ ἀρραγῆ καὶ ἀκίνητον εἶναι τὴν παροῦσαν ἡμῶν ἔγγραφόν τε καὶ ἐνυπόγραφον ἀσφάλειαν, ὡς ἅτε ἐκ συμφώνου παρὰ πάντων ἡμῶν γεγονυῖαν μετὰ προθέσεως καὶ ἀγάπης καὶ εὐχαριστίας τῆς προσηκούσης. ἐὰν δὲ γένηταί ποτε καιρῷ ἢ χρόνῳ τὴν εἰρημένην μονὴν, ὅπερ ἐστὶν ἀδύνατον, ἐξ ὑμῶν ἀφαιρεθῆναι καὶ τῇ βασιλικῇ σακέλλῃ προσκυρωθῆναι, ἢ εἰς ἕτερον σεκρέτον, ἤ τινα πρόσωπον, τότε καὶ οἱ τοῦ ὄρους μοναχοὶ σὺν τῷ πρώτῳ δίχα πάσης εὐλόγου ἢ ἀλόγου δικαιολογίας, ἢ οἱασδήποτε προφάσεως, ἵνα ἀποστρέψωσι τὰ προειρημένα οἰκήματα, ἅπερ ἐκ τοῦ πρωτοπαπᾶ ἐξωνήσασθε καὶ ἐδωρήσασθε ἡμῖν, πρὸς τὸ καθ' ὑμᾶς μέρος καὶ τὴν εὐαγεστάτην ὑμῶν μονὴν, τὴν λεγομένην τοῦ Κλήμεντος, ὡς ἂν μετὰ εἰρηνικῆς καταστάσεως καὶ ἀγάπης πνευματικῆς συζῶμεν ἀλλήλοις καὶ συνδιαρκούμενοι ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς ὄρει, ἐκποδὼν γενομένων

1) λόγον κινῶν? *Ред.*

πάσης φιλονεικίας καὶ οἱασδήποτε ἔχθρας καὶ γογγυσμοῦ πρὸς ἀλλήλους. περὶ δὲ τῶν κτηνῶν τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ, ὡς ἔκπαλαι τῶν χρόνων εἶχον ἔθος τοῦ νέμεσθαι ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς ὄρει, τὴν αὐτὴν συνήθειαν θέλομεν φυλάττεσθαι καὶ εἰς τὸν ἀεὶ χρόνον, μὴ ἔχοντός τινος ἐξουσίαν καταλύειν τὸ ἔθος τοῦτο. καὶ ταῦτα μὲν περὶ τούτων.

Ἐπεὶ δὲ καὶ εἰς τὴν λεγομένην Γαλιάγραν (γ), τουτέστιν εἰς τὸν ὅρμον τῆς Μέσης (δ), ὅπερ ἐστὶ κοινοτόπιον πάντων ἡμῶν τῶν ἐν τῷ ὄρει, ἠθελήσατε ὑμεῖς οἱ πατέρες καὶ ἀδελφοὶ ἡμῶν οἴκημα λόγῳ καταγωγίου οἰκοδομῆσαι, ὡς πλησίον διακειμένου τοῦ εἰρημένου ὅρμου τῆς εὐαγεστάτης ὑμῶν μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, τῆς λεγομένης τοῦ Κλήμεντος, τούτῳ πάντες ἐκ συμφώνου χαίροντες ὑπηκούσαμεν τῆς εὐλαβείας ὑμῶν, οὐχ ὡς χαριζόμενοι ὑμῖν, ἀλλ' ὡς χάριν μᾶλλον παρ' ὑμῶν εἰληφότες, ὡς αὔτη[1]) κοινοῦ ὄντος τοῦ τόπου καὶ ἐχόντων καὶ ὑμῶν ἐξουσίαν ἐν αὐτῷ, ὥσπερ καὶ τῶν λοιπῶν ἁπάντων, καὶ θέλομεν οἰκοδομηθῆναι παρ' ὑμῶν οἴκημα, οἷον αὐτὸ βούλεσθε καὶ εἰς ὃ ἀναπαύεσθε, τοῦτο μόνον κωλύοντες, οὐ μόνον τὴν ὑμῶν ἁγιωσύνην, ἀλλὰ καὶ τοὺς λοιποὺς ἅπαντας, τοῦ μὴ ἰδιοποιεῖσθαι τόπον ἐκ τῆς τοιαύτης κοινότητος κατὰ τὴν Γαλιάγραν, εἴτε εἰς χωράφια εἴτε εἰς ἀμπελῶνας. ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ λιμένος αἰτούμεθα ὑμᾶς ἵνα, εἰ ἔστι πρὸς δύναμιν ὑμῶν, κατασκευάσητε, καθόσον ἐνδέχεται, πρὸς ἀνάπαυσιν καὶ σωτηρίαν πάντων ἡμῶν καὶ τῶν παραβαλλόντων πλοιαρίων ἐκεῖσε, ὡς ἂν ἐκ τοῦ θεοῦ πολυπλάσιον λήψεσθε τὸν μισθὸν καὶ ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι. τοῦτο γὰρ ἐν χάριτος αἰτούμεθα μέρει καὶ παρακαλοῦμεν γεγενῆσθαι παρὰ τῆς ὑμῶν ὁσιότητος, καὶ ἐάν τις εὑρεθῇ εἴτε διὰ ματαιολογίας εἴτε δι' ὑποβολῆς δαιμονιώδους καταφλυαρῶν περὶ τοῦ τοιούτου ἔργου καὶ ἀφορμὴν παρέχων καὶ ὀκνηροτέρους παρασκευάζων εἰς τὴν τοιαύτην ἐπιχείρησιν, ἢ ἓν καὶ μόνον ῥῆμα τῶν ἀνωτέρω γεγραμμένων ἀνατρέπειν πειρώμενος, ἐχέτω τὸ ἀνάθεμα ἀπὸ θεοῦ κυρίου παντοκράτορος, καὶ ἵνα διωχθῇ παρ' ἡμῶν καὶ ἐκ τοῦ καθ' ἡμᾶς Ἁγίου Ὄρους. ταῦτα συνεφωνήθη καὶ ἐγράφη καὶ ἀνεγνώσθη κατενώπιον ἡμῶν κατὰ Ἰαννουάριον μῆνα τῆς ιγ' ἰνδικτιῶνος· καὶ ἀποδεξάμενοι καὶ ἀρεσθέντες κατὰ πάντα προετάξαμεν καὶ ὑπετάξαμεν τοὺς τιμίους σταυροὺς σὺν τοῖς ὀνόμασιν ἡμῶν ἰδιοχείρως, μηνὶ καὶ ἰνδικτιῶνι τῇ προγεγραμμένῃ· γραφεῖσαν διὰ χειρὸς Φαντίνου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου μονῆς Λουκᾶ τοῦ Σικελοῦ ἐν ἔτει ,ϛυϞγ'.

+ Θωμᾶς μοναχὸς καὶ πρῶτος.

+ Ἀθανάσιος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τῆς Λαύρας.

---

1) ὡς ἅτε? *Ред.*

+ Ἰωάννης μοναχὸς ὁ Φακηνός.
+ Ἰωάννης μοναχὸς καὶ ἡγούμενος ὁ Ἀρτζιγιάνου.
+ Ἰωάννης μοναχὸς καὶ ἡγούμενος Ξηροκάστρου.
+ Στέφανος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τοῦ Κάτζαρη
καὶ λοιποί.

Σημειώσεις.

(α) Ἰωάννου τοῦ Τζιμισκῆ.

(β) Μήτοι οὗτος κατῴκει ἐν τῇ τοποθεσίᾳ, ἔνθα ἱδρύθη ἡ μονὴ Χιλανδαρίου καὶ ἔλαβεν αὕτη ἐξ αὐτοῦ τὴν ἐπωνυμίαν ταύτην;

(γ) Καλὴν ἄγραν· κοινοτόπιον πρὸς ἁλιείαν, νῦν δὲ νεώριον καὶ ἀμπελὼν τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Κουτλουμουσίου.

(δ) Αὕτη ἐκλήθη καὶ Καθέδρα τῶν Γερόντων, Πρωτάτον, Μεγάλη Μέση, Μέση ἁπλῶς, Σύναξις, Γερουσία καὶ Κοινότης, τουρκιστὶ δὲ Λούτζα. Ἐνταῦθα ἑδρεύουσιν αἱ ἀρχαὶ τοῦ τόπου· ἑκάστη δὲ τῶν ὀνομασιῶν τούτων ἔχει καὶ τὸ ἱστορικόν της, περὶ ἧς ἀνάγνωθι τὸ ὑπ' ἐμοῦ ὑποβληθὲν τῷ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικῷ Φιλολογικῷ Συλλόγῳ καὶ βραβευθὲν διὰ πενταλίρου ἀμοιβῆς «Λεξιλόγιον Ἄθω», ὅπερ καὶ ἐνεκρίθη ἄξιον καταχωρίσεως ἐν τοῖς Μνημείοις τοῦ Ζωγραφείου Ἀγῶνος.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Gustave Schlumberger. *L' Epopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Jean Tzimiscès. Les jeunes années de Basile II le Tueur de Bulgares.* (969—989). Paris. Hachette et C-ie. 1896. Prix 30 fr. VI + 799 стр.

Имя академика Густава Шлумбергера давно уже заняло почетное мѣсто среди ученыхъ, трудящихся въ области византійской исторіи. Въ зрѣломъ возрастѣ, имѣя уже степень доктора медицины, онъ заинтересовался нумисматикой, издалъ большой трудъ о монетахъ латинскаго Востока, то есть государствъ, основанныхъ франками въ Палестинѣ, Сиріи и Греціи въ періодъ крестовыхъ походовъ (Numismatique de l'Orient latin, увѣнчана преміей Института въ 1878 г.), затѣмъ перешелъ собственно къ византійской имперіи и обнародовалъ капитальное и драгоцѣнное сочиненіе о *печатяхъ* византійскихъ (Sigillographie de l'empire Byzantin), занялся византійской археологіей, а затѣмъ обратился къ всестороннему изученію византійской исторіи во второй половинѣ X столѣтія.

Изученіе монетъ и печатей имѣло своимъ результатомъ появленіе капитальнаго труда, положившаго прочное основаніе ученой извѣстности г. Шлумбергера «Sigillographie de l'Empire Byzantin» Paris. 1884. Первымъ плодомъ его занятій въ области византійской исторіи X вѣка былъ появившійся въ 1890 году въ Парижѣ обширный трудъ о царствованіи императора Никифора Фоки (963—969) «Nicéphore Phocas». Часть многочисленныхъ публикацій г. Шлумбергера, касающихся византійской археологіи и появлявшихся въ различныхъ журналахъ, была собрана авторомъ и издана отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ «Mélanges d'archéologie byzantine». Première série. Paris. 1895.

Всѣ эти труды, доказывающіе живую ученую дѣятельность автора, его замѣчательное трудолюбіе, усидчивость и любовь къ наукѣ, нашли въ свое время справедливую оцѣнку съ указаніемъ какъ ихъ достоинствъ, такъ и недостатковъ.

Новый объемистый трудъ г. Шлумбергера, озаглавленный имъ «Византійская эпическая поэма», представляетъ изъ себя продолженіе его сочиненія о царствованіи Никифора Фоки; онъ заключаетъ въ себѣ время императора Іоанна Цимисхія и первые тринадцать лѣтъ общаго правленія Василія II Болгаробойцы и Константина VIII, т. е. періодъ византійской исторіи съ 10 декабря 969 года до момента крещенія Руси и отправленія въ Кіевъ царевны Анны въ 989 году [1]).

Г. Шлумбергеръ не собирается остановиться на этомъ и хочетъ продолжать свои изысканія.

«Слѣдующій томъ, рукопись котораго уже почти окончена, говоритъ авторъ въ предисловіи, доведетъ читателя до конца общаго правленія Василія и Константина, т. е. до 1025 года, излагая ему безконечныя перипетіи болгарской войны, которая продолжалась болѣе сорока лѣтъ, окончательное подавленіе этой національности и царской династіи Шишманидовъ, затѣмъ присоединеніе къ имперіи княжествъ армянскаго и грузинскаго; поражающіе походы Василія въ Сиріи; первыя столкновенія съ норманнами въ Италіи и, наконецъ, военное величіе византійской имперіи во время этого знаменитаго императора-воина. Если Богъ дастъ мнѣ жизни, я разскажу послѣ этого, въ одномъ или двухъ томахъ, короткое правленіе Константина VIII послѣ смерти его брата Василія, столь странныя и смутныя царствованія его дочерей Зои и Θеодоры и супруговъ и любовниковъ первой изъ этихъ царевенъ до отреченія стараго Михаила VI Стратіотика въ 1057 году. Этотъ годъ возведенія на престолъ Исаака Комнина обозначаетъ конецъ блестящей династіи императоровъ македонскаго рода. Такимъ образомъ, я издамъ анналы за цѣлый вѣкъ византійской исторіи со времени вступленія на престолъ Никифора Фоки до вступленія другого не менѣе доблестнаго полководца, какимъ былъ первый изъ императоровъ Комниновъ,—за цѣлый вѣкъ, которымъ до сихъ поръ занимались лишь на столько, чтобы описать его на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ, какъ это сдѣлалъ Лебо. Тогда я передамъ перо будущему историку эпохи Комниновъ» (Introduction, p. II).

Для своего новаго сочиненія г. Шлумбергеру приходилось считаться съ громадными трудностями. Дѣйствительно, какъ ни странно, время императора Василія Болгаробойцы, время славы, блеска и могущества Византіи, принадлежитъ къ періодамъ наиболѣе бѣднымъ источниками; по поводу весьма важныхъ и интересныхъ событій приходится довольствоваться нѣсколькими словами, неопредѣленными указаніями, намеками. Кромѣ того, этотъ періодъ византійской исторіи принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ европейской ученой литературѣ, и только вопросъ о русско-византійскихъ войнахъ и вообще о русско-византійскихъ

1) На этотъ трудъ г. Шлумбергера появилось нѣсколько отзывовъ въ иностранныхъ журналахъ. Изъ русскихъ рецензій намъ извѣстна благопріятная рецензія проф. Θ. Успенскаго «Византійская эпическая поэма». Москва, 1897; у насъ въ рукахъ находится отдѣльный оттискъ.

отношеніяхъ за это время имѣетъ довольно обширную русскую литературу, которою, какъ мы увидимъ ниже, весьма добросовѣстно воспользовался авторъ разбираемаго труда.

«Я перечелъ, говоритъ г. Шлумбергеръ въ другомъ мѣстѣ предисловія, то немногое, что написано о Василіѣ II и его времени. Я перебралъ сотни томовъ и мемуаровъ, чтобы отыскать въ нихъ иногда указаніе въ три строчки или, что случалось чаще всего, чтобы ничего не найти. Я тщательно изучилъ всѣ источники, какъ греческіе, такъ латинскіе, арабскіе, армянскіе, грузинскіе и славянскіе. Я не пренебрегалъ никакими источниками: рукописями, миніатюрами, надписями, монетами, печатями, остатками архитектуры. Я просмотрѣлъ житія святыхъ и рѣдкія произведенія современной поэзіи. Опираясь на превосходные труды Рамзая по географіи Анатоліи, я возстановилъ во всѣхъ подробностяхъ маршруты азіатскихъ походовъ Варды Склира. Терпѣливо, съ картою въ рукахъ, я сдѣлалъ то же самое для столь многочисленныхъ болгарскихъ кампаній. Этой работы еще никогда не предпринимали. Что касается Болгаріи, то въ этомъ отношеніи особенно будутъ въ состояніи меня судить во второмъ томѣ. Благодаря новымъ указаніямъ, сообщаемымъ частью драгоцѣнной сирійской хроники Яхъи, переведенной и такъ замѣчательно объясненной барономъ Розеномъ, я самъ написалъ главы, почти цѣликомъ неизданныя, о войнахъ ратниковъ Василія въ Сиріи противъ африканскихъ войскъ египетскихъ Фатимидовъ и ихъ вассаловъ. Этотъ кропотливый мозаичный трудъ мнѣ стоилъ громадныхъ усилій, потребовалъ тысячъ часовъ работы, въ которой не усумнятся тѣ, кто сдѣлаетъ честь меня прочитать. Я счелъ бы себя вполнѣ вознагражденнымъ за мою работу, если бы нѣкоторые голоса спеціалистовъ признали, что этотъ большой трудъ будетъ полезенъ для разъясненія еще столь темной восточно-европейской исторіи въ концѣ X вѣка. (Introd. p. III—IV)».

Книга г. Шлумбергера не представляетъ изъ себя настоящаго строго ученаго изслѣдованія. Написанная живымъ, увлекательнымъ языкомъ она разсказываетъ, повѣствуетъ о событіяхъ и тѣмъ самымъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ требованіямъ большой читающей публики, для которой она, вѣроятно, преимущественно и предназначалась. Помѣщенные въ текстѣ, прекрасно выполненные рисунки еще болѣе оживляютъ чтеніе. Надо замѣтить, что г. Шлумбергеръ при выборѣ предметовъ, изображаемыхъ на рисункахъ его книги, по мѣрѣ силъ старался, чтобы они принадлежали эпохѣ, современной описываемымъ имъ событіямъ. Для пополненія своихъ свѣдѣній и для большаго богатства рисунковъ г. Шлумбергеръ предпринялъ путешествіе въ Россію: — былъ на развалинахъ древняго Херсонеса въ Крыму и проѣхалъ русскую Арменію до знаменитыхъ развалинъ Ани, столицы династіи Пагратидовъ во время Василія II. «Если бы трудъ Шлумбергера, говоритъ проф. Успенскій, появился двумя мѣсяцами позднѣе, то онъ могъ бы увеличить иллюстраціи той части, которая трактуетъ о русско-византійскихъ отношеніяхъ, новымъ, недавно

[illegible] въ научное обращеніе матеріаломъ. Въ роскошномъ изданіи проф. Кондакова «Русскіе клады», изданномъ въ Петербургѣ въ 1896 г., указано на рукопись [illegible] ... четыре миніатюры [illegible] ... передъ русскими князьями» [1].

Книга г. Шлумбергера распадается на [illegible] главъ.

Первая глава (стр. 1—[illegible]) излагаетъ событія, слѣдующія тотчасъ за насильственной смертью Никифора Фоки [illegible] декабря 969 года, и доводитъ ихъ до пораженія русскихъ при Адріанополѣ въ 970 году. [illegible] ... г. Шлумбергеръ даетъ [illegible] описаніе начала правленія Іоанна Цимисхія, къ которому относится весьма [illegible]. Въ чемъ можно упрекнуть автора, это въ [illegible] ... при чтеніи его труда и при желаніи провѣрить его сообщенія бываетъ весьма трудно справляться съ источниками; въ этой главѣ встрѣчается весьма немного точныхъ ссылокъ.

На стр. [illegible] въ третьемъ примѣчаніи г. Шлумбергеръ пишетъ: [illegible] est seul à dire par erreur que Jean Tzimiscès épousa Théophano après le meurtre de Nicéphore. Какъ очень [illegible] ... говоритъ объ этомъ бракѣ. Арабскій [illegible] упоминаетъ о бракѣ Іоанна Цимисхія не съ Феодорой, а не съ Феофано [2]. Можетъ быть, это опечатка [illegible]. Впрочемъ надо [illegible], что въ дальнѣйшемъ изложеніи подобные темные ссылки встрѣчаются рѣже.

Здѣсь можно указать на одну особенность изложенія г. Шлумбергера. Увлекаясь иногда драматическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, онъ рисуетъ цѣлыя картины изъ своего воображенія и [illegible], который [illegible] не подходитъ къ историческому ученому труду. Для примѣра мы приведемъ текстъ автора, слѣдующій за описаніемъ удаленія Іоанномъ Цимисхіемъ [illegible] Василія и Константина Феофано въ монастырь на островъ Проти.

«Не найти въ исторіи другого примѣра столь драматическаго положенія, не вообразить болѣе внезапной, болѣе полной перемѣны въ человѣческой жизни, которая [illegible] ... хронисты разсказываютъ намъ объ этихъ всѣхъ интересныхъ фактахъ чуть ли не въ десять строкахъ. Какъ они обязали бы насъ, разсказавъ

---

1. Успенскій. [illegible] стр. [illegible].
2. Бар. Розенъ. Императоръ Василій Болгаробойца. С.-Петербургъ 1883, стр. [illegible].

намъ объ этомъ подробнѣе! Можно-ли постигнуть ужасное изумленіе невыразимую ярость государыни? Она была императрицей Востока, правительницей за двухъ своихъ сыновей вазилевсовъ; она была все еще молода, прекрасна, обожаема, первая женщина въ то время подъ небеснымъ сводомъ. Движимая, можетъ быть, заразъ ненавистью, любовью и честолюбіемъ, а можетъ быть скорѣе болѣе благороднымъ желаніемъ охранить своихъ сыновей, которымъ угрожалъ Никифоръ, она убила съ помощью своего любовника своего стараго супруга. Она сама направляетъ шаги убійцъ, дрожащихъ въ эту страшную ночь! Обреченная жертва жалкимъ образомъ гибнетъ. Убійца-любовникъ садится на императорскій тронъ. Θеофано болѣе, чѣмъ когда-либо, считаетъ себя полновластной императрицей съ тою только разницей, что она покинула ложе мистическаго и грубаго Никифора для ложа пылкаго и хитраго, еще молодого армянина, который, какъ она воображала, былъ связанъ съ нею узами бурной страсти. Она уже въ своей обольстительной головкѣ строитъ блестящіе планы жизни вдвоемъ во всемъ величіи власти. Вдругъ священникъ, удрученный лѣтами, умирающій старецъ становится мстителемъ между нею и этою почти уже сбывшеюся мечтою. Поліевктъ уже замирающимъ голосомъ кричитъ Іоанну Цимисхію: Если ты хочешь, царь, вступить во Святое Мѣсто, чтобы я тамъ короновалъ тебя, если ты хочешь истинно царствовать надъ этой безпредѣльной имперіей, то прежде всего необходимо пожертвовать супругой, которая вооружила твою руку. Это условіе необходимо. Изгони, изгони Θеофано съ твоего ложа, изъ твоего дворца, изъ твоей столицы; иначе ты не будешь царствовать!» И любовникъ, который, какъ несчастная думала, былъ связанъ съ ней навсегда самымъ преступленіемъ ихъ, доказывая, такимъ образомъ, насколько онъ любовь къ верховному сану ставилъ выше своей страсти, сдѣлавшей его убійцей, склоняется передъ приговоромъ старца безъ слова протеста, безъ тѣни сопротивленія. Тотчасъ онъ приноситъ въ жертву ту, которую, по его утвержденію, онъ такъ любилъ. Видѣли-ли когда-нибудь болѣе горькій обманъ, болѣе неожиданное паденіе! Отчаяніе, удивленіе, ярость Θеофано доходили до крайности. Какая пытка для подобной женщины покинуть верховный санъ, роскошный «контонъ» Священнаго Дворца для голой, холодной, грязной кельи одного изъ мрачныхъ монастырей островов, съ тою утонченностью мученья, что съ каждой скалы необработаннаго Проти несчастная не могла поднять глазъ безъ того, чтобы не видѣть на первомъ планѣ садовъ и строеній того зданія, гдѣ она такъ долго царила и которое каждый вечеръ ярко освѣщалось скрывающимся за вершинами Олимпа солнцемъ! Быть почти равной божеству, видѣть ежедневно блестящую толпу патриціанокъ хранимаго Богомъ города, распростертыхъ у своихъ ногъ, которыя онѣ цѣловали, и превратиться въ одинъ часъ въ жалкую схимницу въ монастырѣ острововъ! Вынести такое оскорбленіе отъ человѣка, котораго любили и котораго только что возвели рядомъ съ собою на тронъ! Испытаніе было

жестоко, и Θеофано не была женщиной, которая могла съ достоинствомъ его перенести» (стр. 20—22).

Вторая глава (стр. 59—112) описываетъ малоазіятскія возстанія Варды Фоки, бракъ Іоанна Цимисхія на Θеодорѣ, сестрѣ Романа II, и русскую кампанію, доведенную въ этой главѣ до осады Доростола. Отвергая вполнѣ значеніе русской лѣтописи и особенно полемизируя съ русскимъ изслѣдователемъ Бѣловымъ (см. напр. стр. 116 пр.), г. Шлумбергеръ говоритъ: «однимъ словомъ изъ всѣхъ страницъ, посвященныхъ лѣтописью борьбѣ русскихъ съ Іоанномъ Цимисхіемъ въ Болгаріи, только тѣ, повидимому, представляютъ изъ себя нѣкоторый характеръ истины, которыя относятся къ окончившему борьбу договору. Я не стану скрывать, что въ этихъ очень важныхъ пунктахъ я нахожусь въ противорѣчіи съ мнѣніемъ русскихъ историковъ Черткова, Бѣлова и другихъ, которые болѣе спеціально занимались этимъ вопросомъ. Я думаю, что горячій патріотизмъ заставлялъ иногда этихъ выдающихся ученыхъ идти по ложной дорогѣ» (стр. 151). Для доказательства недостовѣрности лѣтописи г. Шлумбергеръ приводитъ дословно ея разсказъ объ этой войнѣ въ переводѣ Лежера (стр. 152—159) [1].

Красиво, хотя нѣсколько фантастично изображено г. Шлумбергеромъ положеніе осажденной Силистріи. «Немногія изъ великихъ военныхъ сценъ, говоритъ онъ, могли представить болѣе жгучій интересъ. Въ центрѣ, Селистрія со своимъ высокимъ валомъ, усѣяннымъ башнями, полными защитниковъ, со своими улицами, площадями, покрытыми гигантскими воинами съ сиплой, звонкой рѣчью, воинами странными со льдовъ Скиθіи, страшными звѣрьми въ кольчугахъ; вокругъ нихъ печенѣги, угры, плѣнные болгары, «всѣ народы орды», одѣтые въ звѣриныя шкуры. На югѣ, обширный лагерь византійской арміи, кишащій тысячами солдатъ столькихъ національностей, длинное сверканіе этой удивительной стѣны щитовъ и копій, воткнутыхъ въ землю, эволюціи всадниковъ, марши и контрмарши пѣхоты, оканчивающихъ обложеніе города, великолѣпныя одѣянія императора и военноначальниковъ, блестящее войско Безсмертныхъ. На сѣверѣ, мрачный Дунай, медленно текущій въ своей широкой долинѣ, сотни, можетъ быть тысячи русскихъ барокъ, скученныхъ на берегу какъ стадо, далѣе въ видѣ обширнаго полукруга греческій огненосный флотъ съ шелковыми флагами, съ цвѣтными парусами, костюмы тысячи матросовъ, тѣсно блокирующихъ вражескія моноксилы и непрестанно наблюдающихъ за ними, чтобы преградить имъ всякое отступленіе. За этимъ, безконечная равнина, голая и печальная, до тумановъ Скиθіи, и можетъ быть вдали какая нибудь бродячая шайка венгерскихъ всадниковъ, пришедшихъ для грабежа, привлеченныхъ какъ коршунъ запахомъ рѣзни, созерцающихъ въ удивленіи со своихъ тощихъ лошадей это неслыханное зрѣлище» (стр. 122—123).

1) **Chronique dite de Nestor, éd. Leger. Paris. 1884. (Publications de l'Ecole des Langues orientales vivantes. II série. — Vol. XIII).**

Третья глава (стр. 113—184) излагаетъ русскую войну до конца, разсказываетъ о смерти Святослава, возращеніи Іоанна Цимисхія въ столицу и отмѣнѣ налога καπνικόν.

Такимъ образомъ русская кампанія изложена авторомъ въ трехъ главахъ. Надо сознаться, что г. Шлумбергеръ съумѣлъ очень искусно воспользоваться матеріаломъ, заключающимся въ русскихъ и греческихъ источникахъ и далъ живое и образное изложеніе этой борьбы [1]). Очень жаль, что при упоминаніи объ отмѣнѣ налога καπνικόν г. Шлумбергеръ ограничивается лишь слѣдующими словами на 183-й страницѣ: «cette taxe établie sur chaque cheminée du foyer», и въ примѣчаніи на той же страницѣ: «c'était l'impôt du fouage de nos pays d'Occident»; здѣсь же имъ приводится мнѣніе проф. Васильевскаго о томъ, что это была со стороны Іоанна Цимисхія мѣра временная, только на одинъ годъ, въ память побѣды надъ Святославомъ, а не окончательная отмѣна. По нашему мнѣнію, автору нужно было бы подробнѣе остановиться на этомъ налогѣ; такъ напримѣръ, имъ даже не указаны несогласныя мнѣнія о значеніи καπνικόν такихъ двухъ ученыхъ какъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталя и В. Г. Васильевскаго [2]).

Четвертая глава (стр. 185—262) говоритъ объ отношеніяхъ Византійской имперіи къ имперіи Оттоновъ, ихъ столкновеніяхъ въ Италіи и подробно останавливается на бракѣ византійской принцессы Өеофаніи, которую г. Шлумбергеръ склоненъ считать сестрою императоровъ Василія и Константина. Обращаемъ вниманіе на прекрасное факсимиле, приложенное къ книгѣ, брачнаго акта императора Оттона II съ Өеофаніей, написаннаго на пергаментѣ, подлинникъ котораго хранится въ Вольфенбюттелѣ (стр. 202). Остальная часть главы посвящена подробному изложенію столкновеній Іоанна Цимисхія съ восточными арабами, кончая тѣмъ моментомъ, когда въ 974 году византійская армія, находясь уже недалеко отъ Багдада и будучи вполнѣ готова идти на него, вдругъ должна была отступить.

Въ пятой главѣ (стр. 263—326), разсказавъ о сверженіи патріарха Василія и возведеніи на патріаршій престолъ Антонія, г. Шлумбергеръ подробно излагаетъ второй блестящій походъ Іоанна Цимисхія въ 975 г. противъ арабовъ, когда Сирія, Финикія и Палестина признали его власть и могущество. При изложеніи этого похода авторъ изъ источниковъ ставитъ безусловно на первое мѣсто дѣйствительно въ высшей степени драгоцѣнный, точный и подробный памятникъ—письмо Іоанна Цимисхія къ армянскому царю Ашоду III, дошедшее до насъ въ хроникѣ армянскаго

1) См. Успенскій. Визант. эп. поэма. стр. 6, гдѣ авторъ рецензіи указываетъ на слишкомъ большое довѣріе, оказываемое г. Шлумбергеромъ сочиненію Черткова.

2) Zacharià von Lingenthal. Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens въ Запискахъ С.-Петерб. Акад. Наукъ за 1863 годъ. Васильевскій. Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства (Журн. Мин. Нар. Пр. 1880, іюль, стр. 369—370).

писателя Матвѣя Эдесскаго, гдѣ императоръ описываетъ своему союзнику шагъ за шагомъ свои успѣхи въ борьбѣ съ арабами. Г. Шлумбергеръ приводитъ цѣликомъ текстъ этого письма (стр. 283—290). Здѣсь же приложены авторомъ еще два письма Іоанна Цимисхія, дошедшія до насъ также благодаря Матвѣю Эдесскому. Первое письмо написано Льву, армянскому военному правителю Дорона; изъ него видно, что императоръ обращается съ Арменіей, какъ со своею вассальною страною (стр. 291). Второе письмо написано Цимисхіемъ извѣстному армянскому ученому Леонтію, котораго онъ приглашалъ къ себѣ въ Константинополь (стр. 292). Разсказавъ о неожиданной смерти Цимисхія г. Шлумбергеръ, этотъ жаркій его почитатель, говоритъ: «такъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ самый блестящій, самый храбрый, можетъ быть, самый лучшій изъ византійскихъ императоровъ (стр. 314)». «Память о немъ, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, остается запятнанной большимъ преступленіемъ. Не будь этого, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы считаться однимъ изъ великихъ императоровъ Востока. Его мужественная рука возвратила имперіи лучшіе дни римской исторіи. Побѣдивъ русовъ, болгаръ, халифовъ Багдада и Каира, покоривъ Сирію, Палестину, Месопотамію, живя въ мирѣ съ германскими Оттонами, будучи хорошимъ администраторомъ и блестящимъ вождемъ, щедрый, великодушный, рыцарскій, онъ съумѣлъ увеличить славу византійской исторіи въ тотъ самый моментъ, когда во Франціи династія Каролинговъ угасала въ безпечности долгаго и жалкаго правленія Лотаря (р. 315 — 316)». Г. Шлумбергеръ кончаетъ пятую главу изложеніемъ двухъ поэтическихъ произведеній Іоанна Геометра на смерть Іоанна Цимисхія, описаніемъ монетъ его царствованія и отношеній императора къ аѳонской лаврѣ, которой, какъ извѣстно, Цимисхій далъ хрисовуллъ, называемый типикомъ Іоанна Цимисхія, подтверждавшій льготы монастыря и оставшійся до сихъ поръ закономъ для монаховъ св. Горы (стр. 323 — 324).

Шестая глава (стр. 327—396) излагаетъ событія первыхъ лѣтъ совмѣстнаго правленія Василія и Константина, т. е. азіатское возстаніе Варды Склира, которое авторъ доводитъ до пораженіе флота мятежниковъ императорскими кораблями.

Въ VII-й главѣ (стр. 397—454) г. Шлумбергеромъ доводится до конца возстаніе Варды Склиры, окончившееся, какъ извѣстно, побѣдою надъ нимъ Варды Фоки. Недавно англійскій ученый Bury въ своей интересной статьѣ «Iveron and our Lady of the Gate» [1]), разбирая три источника, касающіеся основанія аѳонскаго иверскаго монастыря, указалъ, что г. Шлумбергеръ, слѣдуя сочиненію Броссе «Histoire de la Géorgie», ошибочно приписываетъ въ этой главѣ греческій рукописный текстъ Московской Синодальной библіотеки Евѳимію [2]).

1) Напечатана эта статья въ Hermathena. Vol. X, No. XXIII. 1897. Мы имѣемъ въ рукахъ отдѣльный оттискъ.

2) Bury. Iveron and our Lady of the Gate, p. 75.

Восьмая глава (стр. 455—538) имѣетъ своимъ содержаніемъ изложеніе итальянскихъ дѣлъ преимущественно въ южной Италіи до момента смерти германскаго императора Оттона II, супруга византійской принцессы Ѳеофаніи, 7 декабря 983 года. Надо сознаться, что этотъ темный періодъ византійско-арабско-германскихъ отношеній, о которомъ ничего не говорятъ византійскіе анналы, очень полно и живо обрисованъ г. Шлумбергеромъ, который старается пользоваться всѣми доступными ему источниками; такъ значительная часть главы посвящена житію южно-итальянскаго святого Нила, одному изъ очень немногочисленныхъ памятниковъ, бросающихъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя стороны и обстоятельства этого запутаннаго періода.

Девятая глава (стр. 539—584) излагаетъ однообразныя столкновенія византійцевъ въ пограничныхъ съ арабами областяхъ на востокѣ въ Сиріи съ владѣтельнымъ правителемъ Алеппо Саад-ад-Даулой и египетскимъ халифомъ. Въ заключеніи этой главы г. Шлумбергеръ сопоставляетъ извѣстія объ интересномъ, но плохо освѣщенномъ источниками фактѣ удаленія изъ дворца и изгнанія всемогущаго паракимомена Василія. Самый фактъ насильственнаго удаленія отъ дѣлъ паракимомена молодымъ императоромъ напоминаетъ автору эпизодъ изъ современной европейской исторіи, а именно отношенія германскаго императора Вильгельма II къ Бисмарку.

Въ десятой главѣ (стр. 585—672) г. Шлумбергеръ, слѣдуя по вопросу о существованіи самостоятельнаго западнаго болгарскаго царства Шишмана и его сыновей всецѣло по книгѣ Дринова «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ», изъ которой онъ приводитъ цѣлыя страницы (см. стр. 594—598), излагаетъ и сопоставляетъ скудныя дошедшія до насъ свѣдѣнія о счастливомъ вторженіи болгарскаго царя Самуила, проникнувшаго до самаго Пелопонниса. Надо здѣсь замѣтить, что г. Шлумбергеръ особенное вниманіе удѣляетъ трудамъ проф. Васильевскаго, какъ то «Совѣты и разсказы византійскаго боярина» и его статьѣ объ Іоаннѣ Геометрѣ [1]), изъ которыхъ онъ приводитъ довольно большія выдержки. Эта длинная глава оканчивается разсказомъ о пораженіи Василія болгарами въ Трояновыхъ Воротахъ въ 986 году.

Послѣдняя одиннадцатая глава (стр. 673—777) излагаетъ событія, слѣдующія за этимъ пораженіемъ, разсказываетъ о бѣгствѣ Варды Склира изъ багдадскаго плѣна, о возмущеніи Варды Фоки. Послѣднее даетъ поводъ г. Шлумбергеру коснуться первоначальныхъ страницъ русской исторіи, прослѣдить, на основаніи работъ проф. Васильевскаго, бар. Розена и Успенскаго, судьбу шеститысячнаго русскаго отряда среди византійскихъ войскъ и его побѣду надъ сторонниками Варды Фоки. Авторъ является сторонникомъ теоріи проф. Успенскаго, высказанной послѣднимъ въ рецензіи на книгу бар. Розена [2]), относительно участія русскихъ

1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г., томъ 216 и 217, и 1876 г. мартъ мѣс., т. 184.
2) Жур. Мин. Нар. Просв. 1884 г. апрѣль, т. 232, стр. 282—315.

въ болгарскихъ войскахъ Самуила во время его войны съ Византіей и за [illegible] пораженіи Василія у Траяновыхъ Воротъ 17 августа 986 года; но г. Шлумбергеръ все таки говоритъ, что эта теорія основывается «sur les données tellement clairsemées, sur le témoignage de quelques mots d'une interprétation si délicate, qu'on doit hésiter encore avant de leur accorder une autorité historique absolue» (стр. 713). Освобожденіе Варды Склира изъ багдадскаго плѣна и вступленіе его на византійскую территорію г. Шлумбергеръ сравниваетъ съ бѣгствомъ Наполеона съ Эльбы, а слѣдующее пораженіе Варды Склира съ Ватерлоо (стр. 47[illegible]).

Говоря о варягахъ, г. Шлумбергеръ замѣчаетъ: «русскіе варяги нашли въ Византіи особую церковь Варяжской Божьей Матери, которая возвышалась противъ западной стороны св. Софіи въ непосредственномъ ея сосѣдствѣ» (стр. 7[illegible]). Относительно этого мѣста проф. Успенскій въ своей рецензіи говоритъ: «отмѣчаемъ частный фактъ, представляющій большой интересъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній, если бы онъ подтвердился. Русскіе нашли въ Константинополѣ свою церковь Варяжской Богородицы (Панагія Варангіотисса)» [1]. Г. Шлумбергеръ, какъ мы видѣли, сообщаетъ объ этомъ какъ объ установившемся фактѣ, ссылаясь только на сочиненіе [illegible] «Histoire de l'Église Latine de Constantinople» (Paris, 18[illegible]). [illegible] въ [illegible] [illegible] работы мы [illegible], что объ этомъ не [illegible] сообщилъ извѣстный греческій ученый — [illegible] [illegible] [3], который [illegible] въ [illegible] году объ этомъ [illegible] говоритъ въ своемъ сочиненіи о «[illegible]» [illegible] свои свѣдѣнія изъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] у [illegible] и [illegible] [4]. [illegible] очень [illegible] [illegible] второй половины [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

1 [illegible] [illegible] [illegible].

2 [illegible] Hist. de l'Église Latine de Constantinople. Paris [illegible]. Въ своемъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] этой книги Histoire de l'Église Latine de Constantinople. [illegible] édition [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

3 [illegible]

4 [illegible]

тельно о храмѣ для русскихъ варяговъ, какъ это дѣлаетъ г. Шлумбергеръ, при изложеніи событій X вѣка. Приведемъ по этому поводу слова такого глубокаго знатока византійской археологіи какъ проф. Кондаковъ. «Во времена Палеологовъ, говоритъ онъ, и въ частности въ концѣ XIV вѣка появляется рядъ грамотъ, относящихся къ монастырямъ, ихъ старостамъ и игумнамъ. Переименованія становятся обычнымъ явленіемъ, и въ этомъ главная причина появленія многихъ намъ неизвѣстныхъ именъ, данныхъ однако не новымъ постройкамъ или придѣламъ, а старымъ церквамъ. Обычай этотъ идетъ рядомъ съ появленіемъ въ иконописи и въ частности въ иконографіи Богородицы той игры словъ и понятій, которыми позднѣйшіе иконописцы опредѣляли мелкія и нерѣдко случайныя изображенія Панагіи. Такъ изъ актовъ узнаемъ о церквахъ Панагіи Кастеліотиссы, Варангіотиссы (Варяжской = Русской) и пр. и пр. Усилія разобраться въ этомъ матеріалѣ врядъ ли могли бы привести къ чему либо или дать интересные результаты» [1]).

Эта XI глава останавливается на моментѣ отправленія сестры Василія и Константина Анны въ далекую Тавроскиѳію для брака съ русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ. «Какой трагическій, безконечный контрастъ, восклицаетъ г. Шлумбергеръ, между блестящимъ и пріятнымъ существованіемъ въ Константинополѣ и тѣмъ, которое она съ этихъ поръ должна была вести! Ея старшая сестра Ѳеофано, уже много лѣтъ тому назадъ, также покинула блестящіе берега Золотого Рога и удивительные своими мозаиками залы Большого Священнаго Дворца для отдаленнаго союза въ туманныхъ странахъ сѣвера; но она по крайней мѣрѣ нашла величественный и пышный императорскій дворъ, христіанскую цивилизацію, хотя и болѣе грубую, но гдѣ женщина и княгиня уже пользовались уваженіемъ; она сдѣлалась невѣсткой могущественнаго западнаго цезаря, почти равнаго кесарю румовъ; теперь къ несчастью вдова, она была всемогущей и всѣми уважаемой регентшей за своего малолѣтняго сына. Анна, наоборотъ, несчастная принцесса, приближающаяся уже къ тридцатилѣтнему возрасту, отправлялась, чтобы сдѣлаться супругой свирѣпаго, развратнаго правителя, поклоняющагося страшнымъ идоламъ, который только на словахъ обращался къ Евангелію мира. Она шла царствовать не надъ націей рыцарей, гражданъ (de bourgeois), ремесленниковъ и священниковъ, а надъ дикими народностями съ буйными нравами, исключительно съ воинскими страстями, группировавшимися въ нѣсколькихъ грязныхъ хижинахъ, пышно украшенныхъ именемъ городовъ. Она шла къ страшнымъ варварамъ, «къ самымъ грязнымъ людямъ, какихъ только создалъ Богъ», какъ восклицаетъ Ибн-Фадланъ, посѣтившій ихъ въ 922 году. Какое отчаяніе должно было сжимать сердце несчастной Порфирогенеты, когда, въ послѣдній разъ обнявъ и поцѣловавъ своихъ двухъ любимыхъ братьевъ, а, можетъ быть, также

1) Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 82 въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. III. Одесса. 1887.

и свою мать Өеофано, которая, очень вѣроятно, еще была жива въ это время, увидя среди криковъ и плача, какъ исчезали вдали всѣ эти дорогіе образы, она увидѣла съ палубы разукрашенной флагами хеландіи, которая медленно уносила ее къ ея новой мрачной отчизнѣ, какъ пропадали поочереди послѣднія очертанія любимыхъ береговъ, поэтическое устье Босфора со скалами Симплегадъ, азіатскимъ берегомъ Киліи, съ обширными лѣсными пространствами, которыя теперь представляетъ изъ себя Бѣлградскій лѣсъ (стр. 776—777)».

Оканчивая настоящій томъ фактомъ отправленія царевны Анны въ Кіевъ, г. Шлумбергеръ, къ нашему удивленію, ничего не говоритъ объ обращеніи французскаго короля Гуго Капета въ Византію за невѣстой для своего сына Роберта, что было еще въ началѣ 988 года. При склонности автора рисовать эффектныя картины, описывать душевныя состоянія, это сватовство западнаго короля, почти одновременное со сватовствомъ сѣвернаго варвара, могло дать г. Шлумбергеру обильный матеріалъ. Но во всякомъ случаѣ объ этомъ, по нашему мнѣнію, нужно было хотя бы упомянуть для полноты историческихъ свѣдѣній и именно здѣсь въ концѣ тома. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ въ немногихъ словахъ напомнить исторію этого любопытнаго сватовства.

Будучи избранъ королемъ Франціи на санлискомъ собраніи лѣтомъ 987 года, гдѣ епископомъ Адальберономъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей этой эпохи, смѣло былъ провозглашенъ принципъ избирательнаго престолонаслѣдія для Франціи, Гуго Капетъ сразу заявилъ о желаніи упрочить свою династію тѣмъ, что добился, несмотря на всѣ старанія Адальберона помѣшать этому, коронаціи своего сына Роберта на Рождествѣ 987 года. Послѣ этого Гуго, желая упрочить свое международное положеніе и видя примѣръ на исторіи своихъ сосѣдей—саксонскихъ Оттоновъ, которымъ въ лицѣ Оттона I удалось санкціонировать свою власть бракомъ своего сына Оттона II съ греческой царевной Өеофаніей, т. е. породниться съ восточнымъ императоромъ, который былъ прямымъ преемникомъ императоровъ римскихъ,—Гуго задумалъ послѣдовать примѣру германскаго императора въ той надеждѣ, что родственныя связи съ византійскимъ императоромъ, этимъ общепризнаннымъ носителемъ императорскихъ традицій, увеличатъ престижъ его рода внутри Франціи и, поставивъ робертинцевъ въ ту же близость къ первоисточнику свѣтской власти, въ какой находились Оттоны, дадутъ имъ возможность стать на одну доску съ саксонской династіей [1]).

Гуго рѣшилъ отправить въ Византію письмо, составленіе котораго было поручено Адальберону, передавшему это въ свою очередь своему обычному секретарю знаменитому Герберту.

Вотъ текстъ этого любопытнаго посланія въ русскомъ переводѣ.

---

1) Бубновъ. Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ (983—997). Часть II. Отдѣлъ II. С.-Петербургъ, 1890, стр. 493—495.

«Православнымъ императорамъ Василію и Константину Гугонъ, милостью Божіей король Франковъ.

«Знатность Вашего рода и слава великихъ дѣяній невольно внушаютъ намъ чувство пріязни къ Вамъ. Вы стоите такъ высоко, что ничто на землѣ не можетъ почитаться выше Вашей дружбы. Прося этой священной дружбы и взаимно выгоднаго союза съ Вами, мы не заримся ни на Ваши земли, ни на богатство. Напротивъ, при этихъ условіяхъ все, что принадлежитъ намъ, станетъ Вашимъ. Союзъ съ нами будетъ, если Вы того захотите, Вамъ чрезвычайно полезенъ и принесетъ Вамъ большія выгоды. Ибо противъ нашей воли ни галлъ, ни германецъ не будутъ безпокоить границъ Римской имперіи. Чтобы эти выгоды были для Васъ вѣчными, мы просимъ у Васъ руки дочери священной имперіи для нашего единственнаго сына, который тоже уже король. Вслѣдствіе нашихъ родственныхъ связей съ сосѣдними королями мы не можемъ найти ему здѣсь достойной невѣсты. Если эта просьба удостоится Вашего августѣйшаго вниманія и одобренія, то извѣстите насъ объ этомъ высочайшимъ письмомъ или просто черезъ пословъ. Тогда мы пошлемъ къ Вамъ пословъ, достойныхъ Вашихъ Величествъ, и что было на бумагѣ, совершится въ дѣйствительности» [1]).

Какъ видно изъ текста письма, Гуго говоритъ въ немъ о родственныхъ связяхъ съ сосѣдними государями, не позволявшихъ ему найти невѣсты для сына на Западѣ. Но это конечно было лишь предлогомъ, такъ какъ въ томъ же 988 году Робертъ женился на Сусаннѣ, вдовѣ Арнульфа II, графа фландрскаго. Письмо это было написано въ январѣ мѣсяцѣ 988 года [2]).

Тѣмъ не менѣе одинъ изъ новыхъ французскихъ изслѣдователей царствованія Роберта Благочестиваго Пфистеръ считаетъ главной причиной обращенія Гуго въ Византію именно основанія, изложенныя въ письмѣ. По его мнѣнію, Гуго, находясь въ родствѣ со своими сосѣдями — съ Германіей по своему дѣду Генриху I Птицелову, который былъ предкомъ Оттона III, и съ Бургундіей, правитель которой Конрадъ Мирный былъ женатъ на внучкѣ того же Генриха I, не хотѣлъ вступать въ пререканія изъ-за брака на родственницѣ съ духовенствомъ, которому онъ былъ особенно обязанъ своимъ избраніемъ. Это и было, по мнѣнію Пфистера, причиною сватовства Гуго въ Константинополѣ. «Quel triomphe, прибавляетъ авторъ, pour la maison de France, si la monarchie de Constantinople accueillait sa demande comme elle avait autrefois accueilli celle de l'Allemagne!» [3]).

1) См. Бубновъ. Ч. II. От. II, стр. 496—497. Havet. Lettres de Gerbert (983—997). Paris. 1889, p. 101—102. Французскій переводъ этого письма см. у Pfister. Études sur le règne de Robert le Pieux (996—1031). Paris 1885, p. 42—43 въ Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Fasc. 64.

2) Бубновъ. Ч. II. Отд. II. стр. 497.

3) Pfister. Études sur le règne de Robert le Pieux. Paris. 1885, p. 42.

Неопредѣленность выраженія въ письмѣ «filia sancti imperii» не позволяютъ положительно утверждать, что здѣсь нужно разумѣть непремѣнно Анну, дочь Василія и Константина, сдѣлавшуюся вскорѣ супругою русскаго князя Владиміра, хотя послѣднее и возможно. Пфистеръ прямо говоритъ, что Гуго просилъ у Василія и Константина руки одной изъ ихъ родственницъ для своего сына [1]). Съ нимъ соглашается Бубновъ [2]). Французскій ученый Havet, издавшій письма Герберта одновременно съ появленіемъ труда Бубнова, предполагаетъ Евдокію, старшую дочь Константина VIII, и сомнѣвается даже въ томъ, что это письмо было когда-нибудь послано; можетъ быть, Гуго и не зналъ о немъ [3]). Но послѣднее предположеніе не можетъ быть принято [4]).

Отмѣтимъ еще, что въ началѣ прошлаго столѣтія появилась работа M. de Camps, Abbé de Signy «Dissertation sur les cinq mariages de Robert, surnommé le Pieux, roy de France» [5]), гдѣ приведенъ, между прочимъ, и французскій переводъ письма Герберта [6]). Молчаніе объ этомъ бракѣ историковъ, которые описывали жизнь короля Роберта, говоритъ авторъ, могло возбудить сомнѣніе въ его совершеніи; однако въ источникахъ можно найти нѣкоторыя указанія, и, повидимому, бракъ принцессы, старшей дочери короля Гуго съ Романомъ, сыномъ императора Константина, былъ заключенъ въ то же время, для доказательства чего аббатъ приводитъ въ латинскомъ переводѣ мѣсто изъ хроники Зонары [7]). Но во первыхъ, здѣсь идетъ рѣчь не о сынѣ Гуго, а о дочери, а во вторыхъ, въ этомъ мѣстѣ Зонара говоритъ не о Константинѣ VIII, а о Константинѣ VII Порфирородномъ, и не о Гуго Капетѣ, а о Гуго Прованса, который былъ нѣкоторое время королемъ Италіи [8]).

Несомнѣнно, что обращеніе Гуго не имѣло никакихъ послѣдствій: изъ Византіи или не было послано отвѣта, или отвѣтъ былъ отрицательный [9]). Здѣсь нужно имѣть въ виду, въ какой затруднительный моментъ для Византіи должно было придти туда это письмо, когда съ

---

1) Pfister op. cit. p. 42.

2) Бубновъ. Ч. II. Отд. II, стр. 498—текстъ и прим. 7.

3) Havet. Lettres de Gerbert. Paris. 1889, p. 102, rem. 2.

4) Бубновъ. Ч. II. Отд. II, с. 499, пр.

5) Напечатано во французскомъ журналѣ Le Mercure. Mars. 1723, p. 446—469.

6) M. de Camps. Dissert. sur les cinq mariages, p. 457—458.

7) M. de Camps op. cit. p. 458. Вотъ греческій текстъ этого мѣста Зонары: ἐφρόντιζε δὲ ὁ αὐτοκράτωρ (Κωνσταντῖνος) ἤδη θανούσης τῆς τῷ υἱῷ αὐτοῦ Ῥωμανῷ συζυγείσης θυγατρὸς τοῦ τῶν Φράγγων ῥηγὸς Οὔγωνος, ἑτέραν ἀγαγέσθαι αὐτῷ γαμετήν. (Zonar. ed. Dind. U. IV, p. 68. Lib. XVI. Cap. XXII).

8) См. Rambaud. Constantin Porphyrogennète. Paris. 1870, p. 311. Pfister op. cit. p. 43, rem. 2.

9) Исправляемъ маленькую неточность Пфистера, который говоритъ: Certes l[a] lettre était adroite. Les éloges de Gerbert durent beaucoup flatter Basile, si fier de s[es] victoires sur les Bulgares (p. 43). Но вѣдь до 989 года Василій отъ болгаръ кромѣ п[о]раженій ничего не видѣлъ; всѣ его побѣды надъ ними, давшія ему прозваніе Болгаробойцы, относятся ко второй половинѣ его правленія.

одной стороны возстаніе Варды Фоки, съ другой побѣдоносное нашествіе болгаръ угрожали самому существованію македонской династіи. Это тяжелое, можно сказать критическое положеніе византійскаго государства и кипучая дѣятельность, выказанная Васпліемъ, прекрасно обрисованы въ книгѣ г. Шлумбергера.

Вотъ каково въ общихъ чертахъ содержаніе этого выдающагося труда.

Съ общей ученой точки зрѣнія это сочиненіе, искусно написанное на основаніи всего доступнаго обширнаго матеріала, должно занять почетное мѣсто среди трудовъ по византійской исторіи. Эту книгу будетъ читать не только ограниченный кругъ ученыхъ спеціалистовъ; написанная красивымъ языкомъ, излагая событія въ ясной, общедоступной формѣ, она должна доставить пріятное и поучительное чтеніе для всякаго интересующагося серьезнымъ чтеніемъ человѣка. Съ русской точки зрѣнія книга г. Шлумбергера тѣмъ цѣнна, что она впервые выяснила Западной Европѣ важное значеніе для той эпохи трудовъ русскихъ ученыхъ— проф. Васильевскаго, бар. Розена, Успенскаго, Дринова. Хотя въ послѣднее время на Западѣ и говорятъ, что для изученія византійской исторіи русскій языкъ необходимъ; но еще далеко до того, чтобы эта необходимость дѣйствительно сознались, и чтобы всѣ занимающіеся византійской исторіей знали порусски. Пора бы уже не писать болѣе подобныхъ строкъ, которыя мы можемъ встрѣтить и у г. Шлумбергера, не знающаго порусски, и для котораго всѣ русскіе труды должны быть переведены на французскій языкъ; говоря о трудѣ Дринова и восхваляя его, онъ прибавляетъ: je me contenterai de l'analyser rapidement, renvoyant à la lecture de ces pages, *malheureusement écrites en langue russe*, le lecteur desireux d'éclairer plus completement sa religion (p. 592).

Закончимъ наши строки, вмѣстѣ съ проф. Успенскимъ, пожеланіемъ, чтобы книга г. Шлумбергера нашла въ Россіи многихъ читателей.

А. Васильевъ.

Парижъ.
3 января 1898 года.

Μαργαρίτης Γ. Δήμιτσας. Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις ἤτοι πνευματικὴ καὶ ἀρχαιολογικὴ παράστασις τῆς Μακεδονίας ἐν συλλογῇ 1409 ἑλληνικῶν καὶ 189 λατινικῶν ἐπιγραφῶν καὶ ἐν ἀπεικονίσει τῶν σπουδαιοτέρων καλλιτεχνικῶν μνημείων. Ἀθήνησιν. 1896. 40 и 1046 стр. 8-о Ц. 20 фр.

Разбросанность эпиграфическаго матеріала, особенно греческаго, общеизвѣстна, и едва ли скоро суждено ей прекратиться, если объединеніе надписей въ корпусахъ будетъ сосредоточиваться въ рукахъ одной Берлинской академіи наукъ. Послѣдняя при томъ ограничивается пока только надписями древними, исключая христіанскія и византійскія, для которыхъ

вообще до сихъ поръ сдѣлано сравнительно очень немного относительно какъ собиранія, такъ и тщательнаго изданія и изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ или небольшихъ группъ ихъ. Очередь для этихъ надписей, какъ и для древнихъ надписей сѣверныхъ частей Балканскаго полуострова, въ берлинскихъ изданіяхъ наступитъ едва ли скоро. Можно было бы пожелать, чтобы за удовлетвореніе назрѣвающей потребности изданія всѣхъ этихъ надписей взялось другое ученое учрежденіе и скорѣе всего наша академія наукъ при содѣйствіи Константинопольскаго археологическаго института, который и по своему мѣсту и по преимущественному назначенію стоитъ ближе всего къ Ѳракіи и Македоніи съ ихъ памятниками, относящимися главнымъ образомъ къ римскому и византійскому времени. Нельзя было поэтому и не порадоваться при извѣстіи о выходѣ въ свѣтъ большой книги весьма плодовитаго греческаго писателя г. Димица подъ приведеннымъ выше широковѣщательнымъ заглавіемъ. Она, думалось мнѣ, временно восполняя чувствующійся недостатокъ объединенія надписей Македоніи, въ свою очередь будетъ служить весьма полезной работой для подготовленія настоящаго корпуса этихъ надписей, кѣмъ бы ни было предпринято изданіе послѣдняго. Имя автора было уже извѣстно, какъ издателя нѣсколькихъ объемистыхъ работъ по исторіи и географіи Македоніи: Χωρογραφία τῆς Μακεδονίας въ 1870 г., Τοπογραφία τῆς Μακεδονίας въ 1874 и др. Правда, эти работы не отличались kritische Sichtung (см. *Lolling* въ Handbuch Iw. Müller III стр. 236), тѣмъ не менѣе въ виду того, что авторъ, живя въ Греціи и будучи грекомъ, безспорно могъ быть лучше многихъ знакомъ съ описываемой страной и ея памятниками и притомъ около сорока лѣтъ относился съ особеннымъ интересомъ именно къ Македоніи, можно было ожидать, что онъ успѣлъ собрать въ своей новой книгѣ весь опубликованный уже матеріалъ со всѣми литературными справками, что онъ провѣрилъ изданія всѣхъ надписей, по крайней мѣрѣ остающихся на мѣстѣ въ Македоніи или въ Греціи, что онъ прибавилъ много новаго матеріала (1409 и 189 надписей!), что онъ сгруппировалъ этотъ матеріалъ не только географически, но и систематически, опредѣлилъ мѣсто и значеніе важнѣйшихъ памятниковъ, подвинулъ впередъ хотя немного интерпретацію ихъ и сдѣлалъ хотя бы нѣкоторые общіе выводы изъ изученія обширнаго матеріала. Надѣяться, конечно, на филологическую акривію и на внѣшнія достоинства изданія въ видѣ точно факсимилированныхъ копій и т. п. было бы рискованно, потому, что подобными качествами греческія изданія, за немногими счастливыми исключеніями (какъ Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς и нѣкоторыя другія), какъ извѣстно, вовсе не отличаются. Но нельзя было и предполагать, что новое изданіе уже слишкомъ отстаетъ отъ требованій, которыя предъявляются въ концѣ XIX столѣтія. Однако при ближайшемъ ознакомленіи съ книгой оказалось, что даже самыя умѣренныя ожиданія не оправдываются, что она отстаетъ во многихъ отношеніяхъ такъ приблизительно на три четверти столѣтія.

Въ ней есть длинное предисловіе и такое же заключеніе, которыя уже сами по себѣ производятъ непріятное впечатлѣніе и заставляютъ разочаровываться въ авторѣ. Еще можно мириться съ тѣмъ, что онъ, прославляя здѣсь философію, филологію, археологію и пр., до упоенія восторгается всей эллинской культурой. Ставя развитіе современной цивилизаціи въ прямую зависимость отъ большаго или меньшаго участія въ эллинской и вообще классической культурѣ и приводя въ примѣръ Германію, Англію и Францію съ одной стороны и Россію съ другой, превознося предковъ эллинскаго народа за предѣлы возможности, онъ призываетъ современныхъ грековъ не ограничиваться побѣдами на возстановленныхъ олимпійскихъ играхъ, но стремиться въ то же время и къ прогрессу въ наукѣ и искусствѣ, не оставаться въ этомъ отношеніи карликами въ сравненіи съ древними и новыми гигантами. Воззваніе, пожалуй, дѣйствительно не излишнее для тѣхъ, къ кому обращено, а въ постороннемъ читателѣ оно, конечно, вызываетъ мысль, что очевидно самъ взывающій такъ, если и не приблизился къ гигантамъ, всетаки оставилъ карликовъ далеко позади себя. Но онъ тутъ же разсуждаетъ о непрерывномъ развитіи «истинно-эллинской» *македонской* культуры, продолжающемся чуть ли не болѣе трехъ тысячелѣтій, — со времени піерійскихъ музъ и до конца XIX столѣтія. Ссылаясь на собранный имъ матеріалъ, онъ съ непоколебимой увѣренностью высказываетъ противъ Гомперца, что Македонія производила не «однихъ только мужиковъ и солдатъ», а также и цѣлые ряды писателей и художниковъ, — число ихъ съ Аристотелемъ во главѣ можно довести до сотни для времени съ V-го вѣка до Р. Х. до V-го по Р. Х. Дѣлая самыя общія указанія на то, что македонскіе памятники искусства или разграблены и увезены въ древнее и новое время, или разрушены, особенно въ средніе вѣка, или еще покоятся подъ землей, онъ ничтоже сумняся заявляетъ, что изъ сотни приблизительно тысячъ произведеній эллинскаго, слѣд. и македонскаго искусства, увезенныхъ въ Римъ, вѣроятно около 15 — 20 тысячъ принадлежало Македоніи, и въ доказательство богатства македонской почвы ссылается на результаты археологической миссіи Heuzey и Daumet. Онъ забываетъ, что говоритъ о той культурѣ, которая не только пришла туда съ греческой колонизаціей, но большею частью и хранилась и развивалась въ этихъ колоніяхъ, тогда какъ исконное населеніе страны было мало причастно къ ней. Уже изъ этихъ тенденціозныхъ разсужденій видно, что авторъ руководится не столько научными, сколько политическими соображеніями. Ему нужно во что бы то ни стало лишній разъ обратить вниманіе соотечественниковъ на Македонію, пробудить надежды на лучшее будущее для нея, т. е. на присоединеніе ея къ греческому королевству. Это видно ясно и изъ посвященія книги греческому наслѣдному принцу Константину ἐπ᾿ αἰσίοις οἰωνοῖς ὡς διηνεκὲς ὑπόμνημα τῆς περιαδομένης Μακεδονίας. Но особенно непріятно читать цѣлые ряды страницъ, на которыхъ г. Димица съ пѣной у рта громитъ татаръ-болгаръ, этихъ варварскихъ

нечадій Волги. Тутъ все ставится въ строку: и берлинскій конгрессъ, и отступничество болгаръ отъ греческой церкви, и вандализмъ ихъ по отношенію ко всему греческому, и неблагодарность къ освободителямъ, и обращеніе къ тройственному союзу, и нареченіе принца именемъ Кирилла и всѣ сатанинскія средства панславистовъ съ [illegible] во главѣ (ср. стр. 391 сл. и др.). На стр. 1009 онъ восклицаетъ: «O Alanach, Sarmatach, Slavianach!!!» (т. е. = о аланахъ, сарматахъ, славянахъ), и читатель чувствуетъ, что эти непонятныя слова являются для него библейскими «мани θекел фарес».

Я сказалъ объ этихъ частяхъ книги больше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы охарактеризовать автора и показать читателю книги, что въ нихъ лучше вовсе не заглядывать въ видахъ экономіи времени. Но нѣтъ худа безъ добра: не проводя никакой границы въ развитіи Македоніи, авторъ, хотя византійское его и не интересуетъ (стр. 14), не пренебрегъ и византійскимъ матеріаломъ и по возможности старался внести въ свою книгу всякое слово, написанное на старинныхъ остаткахъ греческой азбукой. Рядомъ съ этимъ, разумѣется, сквозитъ или предполагается отрицательное отношеніе къ всему славянскому,—г. Димица считаетъ высшимъ доказательствомъ своего научнаго безпристрастія то, что не отрицаетъ существованія одной славянской надписи (стр. 661).

Обратимся къ главной части книги (стр. 1—1000). Въ началѣ даются краткія извѣстія и замѣтки о древнихъ писателяхъ и новыхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ исторіи Македоніи. Они не представляютъ здѣсь интереса, потому, что имѣютъ въ виду исторію только древней Македоніи. Лишь для характеристики научнаго status автора отмѣчу, что онъ чаще всего ограничивается историко-литературными ссылками на Voss, Saint-Croix, Realencyclopädie, Westermann'a и т. п. и, повидимому, вовсе не знаетъ о множествѣ новыхъ работъ, въ томъ числѣ и о *Susemihl* Gesch. d. griech. Litter. in der Alexandrinerzeit.

Въ дальнѣйшемъ планъ, какъ и естественно, географическій — по отдѣльнымъ областямъ и городамъ. Въ каждомъ отдѣлѣ за краткими замѣтками о положеніи, имени и исторіи данной мѣстности слѣдуетъ обзоръ извѣстнаго автору археологическаго матеріала, иногда сопровождаемый рисунками, и изданіе греческихъ и латинскихъ надписей съ объясненіями.

На вопросъ, достигаетъ ли авторъ полноты собранія уже изданнаго матеріала, нужно отвѣтить отрицательно. Самъ онъ заявляетъ, что даетъ въ книгѣ всѣ извѣстныя ему македонскія надписи, собранныя имъ въ теченіе 8 лѣтъ изъ 120 разныхъ большихъ и малыхъ сборниковъ, описаній путешествій, монографій, журналовъ, газетъ и другихъ греческихъ и иностранныхъ изданій (см. перечень на стр. λε'—μ'). Главная масса, конечно, перешла къ нему изъ CIG., CIL., Heuzey et Daumet Mission archéol. de Macédoine, Duchesne Mém. sur une mission au mont Athos. Перепечатка изъ общедоступныхъ собраній, если она не только не приводитъ къ болѣе исправному изданію текстовъ, а даже ухудшаетъ преж-

нія копіи, конечно, является шагомъ назадъ. Но подборъ отдѣльныхъ публикацій изъ разныхъ журналовъ имѣетъ значеніе даже и при не особенно аккуратномъ изданіи. Само заявленіе автора о многолѣтнемъ трудѣ и перечень изданій еще говорятъ очень мало о полнотѣ его собранія. Изъ его отдѣльныхъ замѣтокъ, гдѣ онъ, напр., сожалѣетъ (стр. 597), что еще не имѣлъ возможности пользоваться нѣкоторыми періодическими изданіями за 1894 и 1895 г., еще не слѣдуетъ, что до 1894 г. имъ все исчерпано сполна. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ упомянутомъ перечнѣ исчерпанныхъ изданій имѣются такія указанія: Аѳинскія «Mittheilungen 1889, 1890, 1893», Константинопольскій «Φιλολογικὸς Σύλλογος 1865—1880», «Ἑστία 1890», «Bursian-Müller Jahresbericht 1877—1878» и т. д., всегда съ точнымъ обозначеніемъ годовъ. Можно подумать, что за другіе годы въ Mitth., Φιλ. Σύλλ. и Ἑστία нѣтъ македонскихъ надписей, а за указанные годы всѣ извлечены сполна. Что на дѣлѣ не такъ, въ томъ можно убѣдиться по эпиграфическимъ обзорамъ у Bursian-Müller, которыхъ г. Димица почему то не смотрѣлъ послѣ 1878 г. Да и въ его книгѣ есть извлеченія изъ тѣхъ же журналовъ за другіе годы, напр. на стр. 455, 460, 472, 473 и др. изъ Φιλ. Σύλλ. за 1889-й годъ, nº 697 изъ Ἑστία за 1892 г. и т. д. Съ другой стороны изъ прямо указаннаго у него 1889 г. Mittheilungen я не нашелъ въ его книгѣ ѳессалоникской надписи, изданной тамъ на стр. 195 подъ nº 4. Въ томъ же журналѣ за 1891 г. на стр. 365 есть надпись съ датой и именемъ Фл. Велисарія, которой также нѣтъ у г. Димица. Нѣтъ и византійской надписи изъ Кавалы о перестройкѣ стѣнъ 926 года, изданной въ Bull. de corr. hell. 1882 p. 268; не воспользовался г. Д. и BCH. 1893 p. 633—635. Я для справокъ ограничиваюсь здѣсь христіанскими надписями и послѣднимъ обзоромъ по греческой эпиграфикѣ Ларфельда (1897). Указаннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ подборѣ изданнаго матеріала у г. Димица нѣтъ порядка, а замѣчается или произволъ или господство случая.

Нѣтъ и полноты литературныхъ указаній для надписей, вошедшихъ въ книгу. Такъ, взятыя мною на удачу тридцать македонскихъ надписей въ сборникѣ Le Bas nº nº 1320—1350 всѣ имѣются и у г. Димица, но помѣта, что онѣ изданы и у Le Bas, сдѣлана только относительно nº 1330 (= Δημ. nº 50), 1331 (Δ. 53) и 1342 (Δ. 4). По поводу nº 364, гдѣ упомянутъ и Le Bas 1357 (изъ вторыхъ рукъ?), отмѣчено какъ новѣйшее изданіе Duchesne, но не указано изданіе въ Inscr. in British Museum II nº 171; хотя этотъ англійскій сборникъ и цитируется къ nº 497, однако онъ не указанъ къ nº 219, который также имѣется въ Brit. Mus. Ср. также къ nº 969 BCH. 1889 p. 182, къ nº 873, 1007 и др. BCH. 1893 p. 633—635.

Копіи надписей передаются обычнымъ печатнымъ эпиграфическимъ шрифтомъ, къ тому же часто однороднымъ какъ при надписяхъ до Р. Х., такъ и при византійскихъ. Эпиграфической хронологіи очевидно вовсе не существуетъ для г. Димица, — онъ гдѣ-то и самъ говоритъ, что не

причисляетъ себя къ εἰδικοῖς ἐπιγραφισταῖς. Необходимости обстоятельно обозначить размѣры надписей, описывать ихъ и т. п. онъ также не признаетъ и только случайно иногда беретъ соотвѣтствующія указанія изъ своихъ fontes. Передача печатнымъ шрифтомъ иногда еще не особенно вредитъ надписямъ македонскаго и римскаго времени, но для надписей византійскаго времени съ ихъ особымъ шрифтомъ, сокращеніями, вязью и условными знаками точныя копіи, абсолютно отсутствующія у г. Димица, безусловно необходимы. Иныя изъ такихъ надписей прямо невозможно читать по печатной передачѣ, не прибѣгая къ приложенной транскрипціи, если таковая имѣется (см. напр. n° 1183 и др.). Особенно вредна передача печатнымъ шрифтомъ при перепечаткахъ копій. Неточности первыхъ изданій тутъ, конечно, возрастаютъ, такъ что иногда тексты извращаются до неузнаваемости, особенно если издатели въ родѣ Димица перенесутъ въ свое изданіе всѣ прежнія опечатки безъ исправленія, да еще прибавятъ нѣсколько собственныхъ. Я сличилъ, напр., македонскія надписи, изданныя Perdrizet въ Bullet. de corresp. hell. 1894, съ изданіемъ Димица и нахожу, что послѣдній во многихъ случаяхъ прямо испортилъ факсимиле и сносныя печатныя передачи французскаго изданія. Ср. BCH. стр. 424 съ Δημίτσα n° 870, стр. 425 съ n° 863, стр. 428 съ n° 872 (опечатка въ датѣ 1356 г. вмѣсто 1357), стр. 436 съ n° 906 (въ транскрипціи кромѣ того повторены опечатки и пропуски Perdrizet), стр. 438 съ n° 909 (обозначеніе пробѣла въ гекзаметрѣ посредствомъ -∪∪- очевидно вовсе не понято г. Димица и потому спокойно опущено), стр. 444 съ n° 918, стр. 434 съ n° 905 (пропало χαῖρε въ копіи), стр. 440 съ n° 913; вмѣсто стр. 439 n° 843-й данъ по худшей копіи, а также n° 872, имѣющійся у Perdrizet въ копіи на стр. 427, данъ безъ копіи только minuscalis въ видѣ 6 строкъ вмѣсто 3-хъ по газетѣ Κωνσταντινούπολις. Впрочемъ въ особенно выдающихся неточностяхъ при повтореніи прежнихъ печатныхъ копій я не рѣшаюсь упрекать издателя, потому что сдѣлалъ сравнительно мало сличеній съ прежними изданіями. Но прямо непростительно, что онъ всюду только повторяетъ прежнія копіи и никогда не заботится о полученіи новыхъ. Нерѣдко онъ приводитъ еще варіанты прежнихъ изданій, притомъ безъ всякаго критическаго отношенія, выбора и осмотрительности, а мысли о необходимости новой копіи у него не является, какъ будто онъ живетъ за тысячи верстъ отъ памятниковъ. Да онъ какъ будто даже вовсе и не умѣетъ самъ копировать надписи. Даже тѣ, которыя у него появляются впервые, онъ печатаетъ по копіямъ или транскрипціямъ, полученнымъ имъ отъ «друзей» (разныхъ διδάσκαλοι и ἑλληνοδιδάσκαλοι), въ отношеніи эпиграфики очень ненадежныхъ. Иныя надписи онъ, по собственному заявленію, видитъ или находитъ самъ и впервые, но у него какъ разъ не хватаетъ времени списать ихъ какъ слѣдуетъ или соединить фрагменты (см. о n° n° 589 и 590).

Въ чтеніи надписей онъ находится въ рабской зависимости отъ преж-

нихъ издателей, повторяя всѣ ихъ иногда нелѣпыя ошибки или простые недосмотры и опечатки (ср. n° 37 и др.), не обнаруживая ни малѣйшей попытки подвинуть чтеніе надписи впередъ, а случайно двигая иногда назадъ. Если надпись была издана только maiusculis, то и у него она почти всегда остается безъ транскрипціи (см. n° n° 720—739 и др.). Очень рѣдко онъ пытается самъ читать такія надписи, но тутъ получается нѣчто такое, что можетъ привести въ ужасъ мало-мальски свѣдущаго читателя. Въ n° 56 онъ не можетъ дополнить такихъ простыхъ вещей, какъ [παῖ]δας δόλιχον или [ἄν]δρας δόλιχον и т. п. и приложенная имъ часть транскрипціи почти не похожа на копію. Въ n° 57 сокращенныя имена ΠΟ, ΦΛ, ΠΟΜ, ΚΛ, ΙΟΥ и др. оставлены безъ транскрипціи, какъ совершенно непонятныя г. Димица, только послѣднее въ четырехъ случаяхъ превратилось въ ἰου; ibid. ΟΑΛCΙΒΙΑΝΟC превратилось въ «Ο. Ἀλκιβιανός», а COCCΙΟC въ «Κόκκιος». Въ n° 60 изъ простѣйшаго ΤΟΝΔΙΛΒΙΟΥΑΡΧΙΕΡΕΑ получилось чудовищное τὸν Δίλβιον ἀρχιερέα. Въ n° 126 (bis, p. 96 сл.) изъ ἀντίγραφον ὠνῆς сдѣлано «ἀντιγραφονώνης»,— «слово впервые здѣсь встрѣчающееся» (ibid. и другіе курьезы). Въ n° 301 читается между прочимъ «Τεπιάστε | θνητῶν» и обращается вниманіе на «περίεργον ὄνομα Τεπιάστε, ἴσως παιονικόν» (читать нужно вѣроятно Τεπίας или Τερτίας τεθνηκότων,—дальше противополагается ζώντων). Такимъ большимъ и маленькимъ monstra въ книгѣ нѣтъ числа и исправлять ихъ здѣсь нѣтъ возможности, потому что пришлось бы перепечатывать и передѣлывать по прежнимъ изданіямъ почти все, къ чему приложилъ свою руку г. Димица.

Комментарій къ надписямъ чаще всего состоитъ въ указаніи только прежнихъ публикацій, притомъ въ видѣ разсказа. Многословіе вообще отличительная черта г. Димица,— оно началось у него уже давно, а теперь «погода къ осени дождливѣй» .... Читателю иногда прямо возмутительно читать подобные *разсказы* о публикаціяхъ вмѣсто общепринятой краткой и послѣдовательной схемы цитированія (см. напр. къ n° 561 и др.). Объемъ книги отъ этого возрастаетъ, и странно, что издатель не позаботился тутъ о сокращеніи расходовъ, хотя и жалуется на недостатокъ средствъ и отсутствіе матеріальнаго содѣйствія его изданію со стороны меценатовъ. Другія примѣчанія и объясненія состоятъ почти безъ исключеній въ перепечаткахъ, и нерѣдко трудно угадать, гдѣ кончается перепечатка и начинается самъ г. Димица,—провести границу помогаютъ иногда начинающіяся наивности. Иногда здѣсь онъ перепутываетъ собранныя раньше чужія замѣтки или свои, такъ сказать, соображенія съ толкованіями, которыя ему стали извѣстны позднѣе, и самъ не замѣчаетъ получающихся противорѣчій (см. къ n° 593). На стр. 393 примѣчаніе Мордтмана, относящееся къ n° 1, г. Димица отнесъ къ n° 2, и подобная путаница не составляетъ единичнаго исключенія. Собственность г. Димица въ примѣчаніяхъ состоитъ прежде всего въ щедро разсыпаемыхъ эпитетахъ въ родѣ «интересная» или «очень интересная» надпись,

даже и надпись въ одно слово «Θεσσαλονίκη» n° 564 оказывается στηλ-δαι. Блестящіе эпитеты вообще разсѣяны повсюду, потому что рѣчь о греческомъ. Не рѣдки замѣтки о неудобочитаемости надписей, конечно, съ соотвѣтствующими сожалѣніями (къ 139, 141 и многимъ др.). Любитъ также г. Димица сообщать свои, къ сожалѣнію, очень жалкія, если не выразиться сильнѣе, наблюденія объ употребительности именъ и словъ, напр. что Ἀλέξανδρος или Κύνομος обычное имя, а Δημοκράτεια или Ἀρμο-δία — рѣдкое, а Δημέας даже рѣдчайшее, а ἡρώισσα даже вовсе не существующее слово (см. къ n° n° 130, 131, 132, 133, 845, 917 и мн. др. ср. выше ἀντιγραφονώντης). Эти наблюденія свидѣтельствуютъ очень неблагопріятно объ эллинствѣ издателя. Не прочь онъ иногда высказать и собственное недоумѣніе по поводу непонятнаго (для него) мѣста, такъ, подъ n° 557 онъ недоумѣваетъ, къ чему тамъ повторяется одно и тоже имя въ одной строкѣ, — онъ не понимаетъ, что надпись нужно читать не строка за строкой, а въ видѣ четырехъ столбцовъ. Болѣе подробный и, пожалуй, небезынтересный комментарій съ полемикой противъ Іамброса и др. представляетъ къ n° 622 относительно [illegible] Іона и Александра, но подобныя попытки теряются въ массѣ [illegible] и никуда не годныхъ примѣчаній, и читатель, терпѣливо [illegible]

[illegible]

[illegible]

Ἰσιάς нужно искать и подъ ι и подъ ει, Μακεδών и производныя раздѣлены на 16 рубрикъ.

Но, можетъ быть, г. Димица далъ много новаго или малоизвѣстнаго матеріала? Общее число македонскихъ надписей, указанное въ заглавіи книги, меня очень поразило и заставило предположить въ сборникѣ очень много неизвѣстныхъ мнѣ надписей, приблизительно больше 500. Но огромное число прежде всего объясняется присоединеніемъ надписей съ острова Θасоса (n° n° 1130—1600, въ томъ числѣ на сосудахъ и ручкахъ амфоръ 1430—1581). Затѣмъ г. Димица внесъ въ сборникъ и такія надписи, которыя только упоминаютъ о Македоніи, македонянахъ или македонскихъ городахъ, хотя бы онѣ были найдены и внѣ Македоніи,— это, напр., n° n° 48, 198—203, 255, 256, 743, 791—798, 976, 977, 1111—1129 изъ Аттики, 671—673 съ Дилоса, 561 даже изъ Бонна. Десятка два n° n° заняты такъ называемыми Steinmetzzeichen (566—588, стр. 518), десятка четыре — имѣющими отношеніе къ Македоніи μολυβδόβουλλα (626—663, 707, 708, 1012—1015), взятыми изъ Schlumberger и Mordtmann. Есть порядочно надписей на иконахъ. Внесено нѣсколько надписей даже XVIII-го и начала XIX вѣка (n° n° 1109 и 1110 и вѣроятно нѣкоторыя изъ надгробныхъ). Съ точки зрѣнія стремленія къ полному объединенію всѣхъ и всякихъ Macedonica нельзя ничего возражать противъ подобнаго сбора самаго разнообразнаго матеріала, только слѣдовало бы издателю отнестись болѣе внимательно къ группировкѣ текстовъ и передачѣ ихъ, а не передавать почти всѣ общей кучей и однимъ и тѣмъ же шрифтомъ. Въ противномъ случаѣ лучше было бы ограничить коллекцію болѣе скромными предѣлами. Я готовъ не упрекать г. Димица даже въ томъ случаѣ, если онъ, увеличивая указанными путями общую цифру и сообщая о ней въ заглавіи, имѣлъ въ виду какую нибудь постороннюю цѣль, въ родѣ большаго эффекта или лучшаго сбыта книги. Но совсѣмъ непростительно вводить читателя въ заблужденіе уже совершенно искусственнымъ увеличеніемъ числа надписей, именно повтореніемъ однихъ и тѣхъ же текстовъ подъ разными нумерами въ разныхъ частяхъ книги, а это попадается у него не разъ и иногда на очень близкихъ страницахъ, такъ что нельзя даже допустить простой забывчивости, а приходится предполагать доходящую до апогея небрежность автора или «умыселъ другой тутъ былъ». Такъ, у него n° 704 = 699; 711—718 = 613—619, 878 = 861 (здѣсь съ оговоркой о повтореніи, но всетаки подъ особымъ n°), 911 = 845 (хотя въ Bull. de corr. hell. 1894 p. 439, откуда взятъ 911, сказано, что эта надпись была издана раньше и гдѣ именно), 1101 = 1063, 1586 = 1426, 1593 = 1425. Возможно, что при внимательныхъ поискахъ такихъ повтореній найдется и еще нѣсколько.

Но и по исключеніи всего болѣе или менѣе случайнаго матеріала всетаки на долю Македоніи остается болѣе 1000 надписей, впервые объединенныхъ въ книгѣ г. Димица. Разумѣется, при этомъ уменьшенномъ на цѣлую треть общемъ числѣ, надписей новыхъ, изданныхъ самимъ г. Ди-

иица впервые, или малоизвѣстныхъ, собранныхъ по рѣдкимъ, особенно греческимъ публикаціямъ, не можетъ быть особенно много, но всетаки онѣ считаются десятками. Я не буду, впрочемъ, перечислять всѣ такія надписи, — большинство ихъ относится къ ближайшимъ вѣкамъ до и по Р. Х., — а предпочту примѣнительно къ требованіямъ настоящаго журнала отмѣтить по рубрикамъ надписи христіанскія и византійскія (указывая курсивомъ n° n° новыхъ или мало извѣстныхъ). Ихъ можно насчитать около сотни, кромѣ упомянутыхъ выше свинцовыхъ печатей. По мѣсту большая часть ихъ принадлежитъ Солуни съ окрестностями, тогда какъ изъ другихъ мѣстностей имѣются только немногія единицы.

Наиболѣе обширную и во всякомъ случаѣ наиболѣе важную группу среди нихъ составляютъ надписи о сооруженіи или реставраціи храмовъ и другихъ общественныхъ построекъ или о росписи или поновленіи храмовой живописи. Здѣсь мы встрѣчаемъ почти всегда опредѣленныя даты отъ с. м. и упоминанія о современныхъ императорахъ, правителяхъ, епископахъ и о лицахъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ дѣлѣ, которое увѣковѣчивалось надписью. Чаще всего упоминаются представители изъ Комниновъ и Палеологовъ. Сюда относятся n° n° 112. 216. 219. 249. 351 при Андроникѣ Палеологѣ и Иринѣ, 12[illegible] года; 355 [illegible] Урошѣ, въ датѣ опечатка — обѣ надписи даны только курсивомъ. [illegible] — 394. [illegible] 631. [illegible] еще стр. [illegible]. Для этихъ надписей точныя факсимиле были бы особенно важны, а также и надлежащее изслѣдованіе времени происхожденія каждой изъ нихъ, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надписи могли быть только возобновлены въ болѣе позднее время, а въ другихъ могли и впервые появиться спустя много лѣтъ или даже цѣлыя столѣтія послѣ факта, на основаніи преданій или монастырскихъ хроникъ. [illegible]

[illegible]

[illegible]

блейскій отпечатокъ (37, *666*). Рѣдко попадается въ нихъ метрическая форма (670). Повидимому, только на одномъ изъ христіанскихъ надгробій умершій именемъ Троицы заклинаетъ епископію и клиръ не позволять хоронить никого другого въ его могилѣ, не сопровождая, впрочемъ, запрещенія угрозами за нарушеніе его (889). Въ другихъ христіанскихъ надгробіяхъ подобныя заклятія составляютъ довольно обычное явленіе.

Во многихъ случаяхъ при неудовлетворительности копіи и при отсутствіи надлежащихъ извѣстій о нахожденіи и положеніи надписей, а также при фрагментарности послѣднихъ трудно точно опредѣлить прямое назначеніе надписи. См. 113—118, 148, *354*, *558*, *589* (отрывокъ изъ императорскаго письма?), *590* (тоже?), 608, 610, 836, 837 (строительныя? или надгробныя?), 932 (?) и др.

Издавая надписи, г. Димица не пошелъ дальше группировки ихъ на общественно-политическія, посвятительныя, надгробныя, христіанскія и византійскія, да и въ предѣлахъ всѣхъ этихъ группъ надѣлалъ не мало промаховъ, часто перенося къ себѣ надписи въ томъ порядкѣ или скорѣе безпорядкѣ, въ какомъ находимъ ихъ въ прежнихъ случайныхъ и разбросанныхъ публикаціяхъ. Никакой попытки сравнительнаго изученія ихъ, которое всегда облегчается при объединеніи обширнаго областнаго матеріала и ведетъ къ значительнымъ исправленіямъ и надлежащему толкованію текстовъ, у него мы не встрѣчаемъ. Нѣтъ, конечно, и никакихъ прочно обоснованныхъ и интересныхъ общихъ выводовъ. Надписи и въ отдѣльности и во всей ихъ массѣ даютъ ему поводъ только къ восторженнымъ восклицаніямъ, лишеннымъ всякаго значенія. Нѣкоторые частные выводы, которые онъ пытается сдѣлать, не выходятъ за предѣлы наивности человѣка, который какъ бы впервые встрѣчается съ надписями.

Я не буду говорить объ археологическихъ частяхъ его книги, отличающихся тѣми же недостатками, какъ и эпиграфическія, пожалуй, даже въ большей степени. Почти вездѣ и тамъ онъ обходится безъ автопсіи, ходитъ на чужихъ ногахъ и о полнотѣ и тщательности заботится еще меньше, чѣмъ для надписей. Этотъ отдѣлъ очевидно въ его собственныхъ глазахъ имѣлъ меньшее значеніе,—если принять во вниманіе самое заглавіе книги, то окажется, что археологическое изслѣдованіе онъ какъ бы противополагаетъ πνευματικὴ παράστασις, видя послѣднее преимущественно въ надписяхъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь у него дается нѣкоторый подборъ извѣстій и описаній памятниковъ, при чемъ не обходятся безъ вниманія и византійскіе остатки, хотя сердце г. Димица и не лежитъ къ нимъ (см. напр. стр. 27, 367 и 380 и др.). Приложенные рисунки (около 40), большею частью перепечатанные, очень подозрительны въ разныхъ отношеніяхъ и могутъ удовлетворять только самымъ неприхотливымъ требованіямъ приблизительно конца прошлаго столѣтія. Объ имѣющихся по мѣстамъ въ Македоніи старинныхъ рукописяхъ упоминается очень рѣдко, см. стр. 367, 387 сл., гдѣ онъ пользуется случаемъ

отмѣтить, что одинъ изъ охридскихъ кодексовъ ἀργυρίῳ ὑπεξηρέθη ὑπὸ Ῥώσσου ἀρχιμανδρίτου и пр.

Но неужели эта огромная, хотя и до основанія плохая книга г. Димица совершенно безполезна? Я не рѣшился бы сказать прямо—да. Она сама по себѣ лишена всякаго научнаго значенія, но посредственно можетъ сослужить нѣкоторую службу и при всѣхъ ея недостаткахъ. Во 1-хъ, она можетъ пробудить интересъ къ мѣстнымъ памятникамъ у македонскихъ и другихъ грековъ, для которыхъ преимущественно и должна быть предназначена. Облегчая всякому образованному греку возможность справиться, издана или нѣтъ попавшаяся ему на глаза надпись, извѣстенъ или нѣтъ тотъ или другой памятникъ, книга, можетъ быть, вызоветъ сообщенія въ разные археологическіе институты или собственныя изданія и описанія надписей и другихъ памятниковъ, доселѣ еще неизвѣстныхъ вовсе. Сличеніе неудовлетворительныхъ изданій г. Димица съ оригиналами можетъ повести къ новымъ болѣе удовлетворительнымъ копіямъ или къ поправкамъ. Возможно, что откроется и мѣсто нахожденія многихъ остатковъ древности, считающихся теперь почти утраченными, что при содѣйствіи мало-мальски образованныхъ людей они будутъ объединяться и сохраняться хотя бы и въ самыхъ примитивныхъ музеяхъ. Иной подъ вліяніемъ увлеченія г. Димица, пожалуй, предприметъ и небольшія раскопки или развѣдки на свой страхъ. Хотя послѣднія и не особенно желательны въ научномъ отношеніи, но все-таки нужно помнить, что огромной массой древняго матеріала мы обязаны случайнымъ открытіямъ и что систематическихъ раскопокъ мы никогда не дождемся даже для сравнительно крупныхъ центровъ древности. Поэтому какъ ни плоха книга, слѣдуетъ пожелать ей распространенія среди образованныхъ людей, живущихъ въ Македоніи.

Во 2-хъ, [illegible] книга и для [illegible] въ Македоніи съ спеціальной цѣлью, такъ какъ она [illegible]

Въ 3-хъ, и для [illegible]

послѣднiй, но все таки предварительный черновой трудъ для новаго собирателя теперь значительно облегченъ. Особенно тутъ полезны указанiя на изданiя въ разныхъ греческихъ газеткахъ и журнальчикахъ. Затруднительно не только разыскивать что нибудь въ нихъ, но даже найти самые журналы. Въ западно-европейскихъ библiотекахъ и у насъ обыкновенно этихъ журналовъ вовсе не найдешь, да и въ собственной Грецiи иногда трудно получить полное собранiе всякаго журнала. По собственному опыту знаю, что въ Аѳинахъ въ этомъ отношенiи даже для аѳинскихъ-же старыхъ журналовъ нацiональная библiотека нерѣдко была неудовлетворительна, такъ что приходилось обращаться еще къ небольшой библiотекѣ-читальнѣ при греческомъ парламентѣ. Очень жаль, конечно, если оправдается мое предположенiе, что и въ обзорѣ этихъ изданiй г. Димица не достигъ полноты.

Наконецъ, вслѣдствiе удобнаго объединенiя областнаго матерiала несомнѣнно и теперь уже возможно сдѣлать кой-что для возстановленiя и толкованiя отдѣльныхъ текстовъ, стоявшихъ до сихъ поръ совершенно порознь (я займусь этимъ въ другомъ мѣстѣ). Возможно также предпринять изслѣдованiе особенностей македонскихъ и ѳракiйскихъ именъ, которое облегчено отдѣльными указателями для македонскихъ и для ѳасосскихъ надписей. При этомъ, конечно, всегда слѣдуетъ справляться и въ источникахъ г. Димица и должно исключить изъ его изданiя разныя monstra. Меньше теперь будетъ появляться въ журналахъ и «неизданныхъ» македонскихъ надписей, часто оказывавшихся изданными раньше и не одинъ разъ.

А. Никитскiй.

Юрьевъ.
Апрѣль 1898 г.

А. Павловъ. *Номоканонъ при большомъ требникѣ. Его исторiя и тексты греческiй и славянскiй съ объяснительными и критическими примѣчанiями.* Опытъ научнаго разрѣшенiя вопросовъ объ этомъ сборникѣ, возникавшихъ въ прошломъ столѣтiи въ св. Синодѣ. Новое отъ начала до конца переработанное изданiе. Москва 1897. 8°, XVIII+520 стр.

Подъ этимъ заглавiемъ почтенный канонистъ подарилъ насъ новымъ изслѣдованiемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннымъ вкладомъ въ науку. Именно новымъ, а не вторымъ изданiемъ его прежняго изслѣдованiя о томъ же Номоканонѣ. Первое его изслѣдованiе, вышедшее 25 лѣтъ тому назадъ (1872), въ сравненiи съ новымъ изслѣдованiемъ является лишь первымъ опытомъ начинающаго ученаго, теперь выступившаго уже во всеоружiи научной подготовки. Авторъ прежде всего разбираетъ исторiю Номоканона, какъ памятника права, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Номоканонъ, представляющiй изъ себя нечто иное, какъ канонарiй, и состоящiй изъ двухъ частей (чина исповѣди и епитимiйника), составленъ, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ XV вѣка и никакъ не раньше второй

половины XIV в. Родиною его слѣдуетъ признать Аѳонъ, какъ на основаніи показаній Берынды, такъ и по признакамъ, заключающимся въ самомъ Номоканонѣ, а равно въ виду того безспорнаго авторитета, какимъ онъ пользовался, не взирая на отсутствіе имени автора. Въ составъ первоначальной его редакціи входятъ матеріалы, заимствованные изъ разныхъ источниковъ, и весьма различнаго достоинства. Какъ-то: каноны вселенской церкви (до половины статей), монашескія правила Василія Великаго и Ѳеодора Студита, синодальныя рѣшенія и каноническія посланія іерарховъ, правила неизвѣстнаго, а подчасъ и апокрифическаго происхожденія, служебникъ, гражданскіе законы по номоканону Фотія. Съ канонами составители были знакомы не по подлинному ихъ тексту, а по указателю къ 50 тит. Схоластика, и смыслъ ихъ передаютъ не всегда точно. «Вообще говоря, составители Номоканона пользовались основными церковными правилами именно только, какъ основаніями для новыхъ каноническихъ положеній, въ которыхъ смыслъ каноновъ, то съуживался, то расширялся» (стр. 9). Но и при такомъ отношеніи къ канонамъ Номоканонъ подчасъ исправлялъ современную ему практику, тамъ гдѣ она противорѣчила канонамъ, и вообще былъ для своего времени трудомъ полезнымъ и почтеннымъ.

Какъ памятникъ канонической литературы «Номоканонъ есть не болѣе, какъ новая, для своего времени хорошо продуманная редакція Постникова номоканона». Профессоръ Павловъ относитъ время появленія Постникова номоканона къ періоду до трульскаго собора и видитъ въ немъ дѣйствительно трудъ Постника. Вопросу этому посвящено особое приложеніе № 1, гдѣ интересующіеся могутъ найти и чрезвычайно оригинальное и остроумное объясненіе весьма спорныхъ каноновъ Вас. Вел. 2 и Трул. 102. Составители нашего Номоканона пользовались, какъ старшею редакціею Постникова номоканона [illegible], на основаніи которой ими построено почти все чинопослѣдованіе исповѣди, такъ и редакціею Властаря, откуда взяты часть наставленія духовнику и тѣ правила второй канонической части Номоканона, какихъ составители не нашли въ другихъ источникахъ. Они по возможности старались согласовать ихъ съ правилами древней покаянной дисциплины. Что касается до Котельерова номоканона (подъ названіемъ Зонара или Зинарь весьма распространеннаго и авторитетнаго въ славянскихъ земляхъ), то изъ него заимствовано лишь семь статей, въ чемъ авторъ основательно усматриваетъ доказательство того, что этотъ номоканонъ не пользовался большимъ уваженіемъ въ Греціи. Практическое значеніе нашего Номоканона въ Греціи было велико, именно какъ руководства духовникамъ. Онъ сохранился во множествѣ списковъ и переработокъ. Въ числѣ послѣднихъ находимъ попытки привести статьи Номоканона въ систематическій порядокъ, при чемъ онъ и дополнялся (преимущественно изъ примыкающихъ къ нему [illegible]), [illegible] въ другихъ спискахъ онъ дополняется изъ разныхъ источниковъ

безъ всякихъ попытокъ систематизировать матеріалъ. Одна изъ подобныхъ πανὺ πλουσιώτατον редакціи почти цѣликомъ включена въ номоканонъ Мануила Малаксы (1562 г.). Значительныя извлеченія изъ нашего Номоканона находимъ и въ новогреческомъ переводѣ Синтагмы Властаря Куналиса-Критопула (конецъ XV в.). Только съ изданіемъ въ печати Екзомоногитарія, оффиціально принятаго въ настоящее время въ Греціи (1796 г.), Номоканонъ утратилъ въ Греціи прежнее значеніе. Редакторъ Екзомоногитарія, іером. Никодимъ, переработалъ Постниковъ номоканонъ, при чемъ кое что заимствовалъ и изъ нашего Номоканона. (Подобныя же заимствованія изъ этого источника сдѣланы и при изданіи имъ Пидаліона).

Исторія нашего Номоканона въ Россіи начинается съ изданія въ Кіевѣ сербскаго перевода его (сдѣланъ не позднѣе начала XVI в.). Въ первый разъ онъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ 1620 г. по славянскому экземпляру, присланному съ Аѳона. Издавая его, Памва Берында снабдилъ его собственными примѣчаніями изъ разныхъ источниковъ (въ томъ числѣ Виленскій соборъ 1509 г. и Leunclavii Jus graeco-romanum). Въ 1624 г. Захарія Копыстенскій издалъ его съ собственнымъ предисловіемъ, исправивъ текстъ, дополнивъ примѣчанія и составивъ указатель. Въ 1629 г. новое изданіе Петра Могилы съ предисловіемъ и дополненіями. Въ 1646 г. оно повторено во Львовѣ *епископомъ* Арсеніемъ Желиборскимъ. Если не считать послѣдняго изданія, то слѣдуетъ сказать, что всѣ предыдущія изданія были дѣломъ частныхъ лицъ и не имѣли формальнаго авторитета оффиціальныхъ изданій. Въ Москвѣ же тотъ же самый Номоканонъ сразу получилъ оффиціальное значеніе, благодаря тому, что онъ сталъ издаваться при Большомъ Требникѣ. Первое Московское изданіе 1639 г. отъ имени патріарха Іосифа напечатано въ качествѣ особаго приложенія къ потребникамъ мірскому и иноческому. Для этого изданія Московскіе справщики взяли текстъ Копыстенскаго, выкинули изъ него чинъ исповѣди и исправили каноническую часть по тексту источниковъ въ русскихъ ихъ редакціяхъ. Этотъ же самый текстъ изданія 1639 г. въ 1651 г. введенъ патріархомъ Іосифомъ въ самый Требникъ въ видѣ 80 главы его. Никонъ придалъ Номоканону его окончательную редакцію въ Россіи. Въ требникѣ 1658 г. чинъ исповѣди былъ включенъ въ самый текстъ, тогда какъ каноническая часть номоканона напечатана особо. При этомъ отъ нея отдѣлены были какъ предисловіе, такъ и наставленіе духовникамъ о наложеніи покаянія. Самый текстъ канонической части былъ возстановленъ по тексту Копыстенскаго и Могилы и греческому подлиннику. Такимъ образомъ чинъ исповѣди окончательно отдѣлился отъ епитимійника и затѣмъ каждая изъ этихъ нераздѣльно связанныхъ въ первоначальномъ текстѣ частей имѣла различную судьбу. Первая часть уже въ первой четверти XVIII в. утратила практическое значеніе: духовники руководятся «Послѣдованіемъ о исповѣди» издающимся съ 1723 г. отдѣльною книжкою (существуютъ и другія ру-

ководства) и «Правилами причта церковнаго», помѣщенными въ приложеніи къ Духовному Регламенту. Что же касается до епитимійника, то начиная съ 1658 г. онъ безъ измѣненій печатается во всѣхъ изданіяхъ Большого Требника (нѣтъ его только въ изданіи 1677 г.), а при Маломъ Требникѣ съ 1687 г. печатается въ сокращенномъ видѣ. Попытка Синода (1744 г.) «освидѣтельствовать» номоканонъ ни къ чему не привела, такъ какъ греческаго подлинника не нашли ни въ Москвѣ ни въ Кіевѣ. (Были и другія причины).

Такова исторія нашего памятника. По отношенію къ тексту его проф. Павловъ ставитъ себѣ задачею 1) практическое изданіе его греческаго текста, 2) сравненіе съ этимъ подлинникомъ оффиціально издаваемаго славянскаго перевода и исправленіе послѣдняго, гдѣ окажется нужнымъ и 3) опредѣленіе каноническаго достоинства отдѣльныхъ статей Номоканона (стр. 77). Для рѣшенія этихъ задачъ почтеннымъ профессоромъ сдѣлано очень много.

1) Греческій подлинникъ изданъ не по одной весьма неисправной рукописи (какъ въ изданіи 1872 г.), а по шести, изъ которыхъ четыре даютъ Номоканонъ въ первоначальной редакціи, а двѣ — въ позднѣйшихъ переработкахъ. Въ основу положена рукопись Британскаго музея XV в. (Cod. graec. Harleanus № 5548), содержащая и Номоканонъ и Κεφάλαια διάφορα καὶ ἐκλογὴ ἐξ ἑτέρου νομοκανόνου въ качествѣ приложенія къ нему.

2) Къ русскому тексту Номоканона почтенный профессоръ отнесся съ меньшею любовью. Онъ не нашелъ напр. возможнымъ воспроизвести чрезвычайно интересныя особенности Кіевскихъ изданій. «Немаловажную особенность южно-русскихъ изданій», пишетъ онъ, «составляютъ находящіяся въ нихъ противъ большей части (sic!) статей Номоканона напольныя замѣтки, въ которыхъ та или другая статья ставится въ связь или съ мѣстами св. Писанія, или съ богослужебными и другими церковными книгами, или наконецъ съ источниками мѣстнаго церковнаго права. По совѣту проф. М. Ив. Горчакова, высказанному въ его ученой рецензіи на первое наше изданіе Номоканона, мы предполагали было принять въ настоящее изданіе всѣ означенныя замѣтки, но вынуждены были отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ выполненіе его представляло большія затрудненія для типографіи. Поэтому, при описаніи южно-русскихъ изданій въ исторіи Номоканона мы ограничились только *общимъ* указаніемъ на упомянутую ихъ особенность. Впрочемъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ славянскому тексту мы дали мѣсто нѣкоторымъ *пояснительнымъ* замѣткамъ и тѣмъ цитатамъ Кіевскихъ издателей, которыя внесли они въ самый *текстъ* Номоканона» (предисловіе стр. XIII).

Нельзя не пожалѣть, что типографіи оказались неудовлетворительными для печатанія научныхъ работъ. Эти напольныя примѣчанія прямо незамѣнимы для исторіи церковнаго права въ Россіи.

3) Каноническое достоинство отдѣльныхъ статей Номоканона опре-

дѣлятся авторомъ а) по ихъ отношенію къ основнымъ церковнымъ канонамъ, б) по ихъ дѣйствительнымъ источникамъ, в) по ихъ связи со всею совокупностію положительныхъ и несомнѣнно церковныхъ правилъ, относящихся къ тому же предмету» (стр. 77). Въ этой части своего труда почтенный профессоръ развернулъ всѣ свои силы въ объяснительныхъ и критическихъ примѣчаніяхъ на отдѣльныя статьи Номоканона. «Въ этихъ примѣчаніяхъ», пишетъ онъ, «заключается центръ научной тяжести всей нашей книги. За нихъ главнымъ образомъ мы и несемъ отвѣтственность передъ ученыхъ міромъ и вообще передъ всѣми нашими читателями» (Предисловіе стр. XII—XIII).

Главное достоинство этихъ примѣчаній заключается въ необыкновенномъ обиліи каноническихъ и историческихъ данныхъ для рѣшенія вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ подлежащей статьѣ Номоканона. Собрать такой богатый матеріалъ возможно было лишь при томъ изумительномъ знакомствѣ съ источниками, какимъ обладаетъ авторъ. При этомъ онъ даетъ тщательную оцѣнку источниковъ и обстоятельное ихъ толкованіе. Эти качества дѣлаютъ книгу почтеннаго профессора незамѣнимою для лицъ, желающихъ познакомиться съ отдѣльными вопросами церковнаго права, литургики и т. д. Можно пожалѣть лишь о томъ, что авторъ не вездѣ пользуется тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой даетъ греко-римское право для историческаго освѣщенія изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ. Какъ на особенно полныя, самъ авторъ указываетъ на примѣчанія къ ст. 120, 209, 211, 212. Ст. 120 говоритъ о тайнѣ исповѣди. Въ примѣчаніи собранъ богатый каноническій и святоотеческій матеріалъ по этому вопросу и критически разобраны относящіяся сюда постановленія Духовнаго регламента. Къ ст. 209 о воспріемникахъ-отцахъ мы еще вернемся впослѣдствіи. Ст. 211 о разлученіи супруговъ совоспріемниковъ и ст. 212 о воспрещеніи брака между лицами, имѣющими общаго воспріемника, разобраны авторомъ уже въ прежнемъ его изслѣдованіи о 50-й главѣ кормчей книги. Примѣчанія къ нимъ въ разбираемомъ нами трудѣ даютъ много новаго матеріала и служатъ необходимымъ дополненіемъ къ этому изслѣдованію. Сюда слѣдуетъ отнести и двѣ грамоты патріарха Іереміи II (одна изъ нихъ издается въ первый разъ) о числѣ воспріемниковъ [1]).

1) Заговоривъ о 50 главѣ мы должны упомянуть, что приведенный на 177 стр. этого изслѣдованія казусъ едва ли есть случай совоспріемничества супруговъ. «Византійскій историкъ Прокопій», пишетъ авторъ, «разсказываетъ объ извѣстномъ полководцѣ Юстиніана Велисаріѣ, что онъ вмѣстѣ съ своею женою Антониною воспринялъ отъ крещенія одного юнаго ѳракійца, по имени Ѳеодосія и, какъ требовалъ общій христіанскій обычай, усыновилъ его». Приведенный проф. Павловымъ подлинный текстъ можетъ быть истолкованъ и въ иномъ смыслѣ (1) τοῦτον (Θεοδόσιον)... ἔλουσε μὲν ὁ Βελισάριος τὸ θεῖον λουτρὸν καὶ χερσὶν ἀνελόμενος ἐνθένδε οἰκείαις (2) εἰσποιητὸν ἐποιήσατο ξὺν τῇ γυναικὶ παῖδα (3) ᾗπερ εἰσποιεῖσθαι χριστιανοῖς νόμος, καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἡ 'Αντωνίνα τὸν Θεοδόσιον, ἅτε παῖδα ὄντα ἱερῷ λόγῳ, ἠγάπα и т. д. 1) Велисарій одинъ былъ воспріемникомъ, 2) усыновленіе было произведено имъ вмѣстѣ съ Антониной,

Центръ тяжести труда проф. Павлова по собственнымъ его словамъ заключается въ историко-канонической разработкѣ отдѣльныхъ статей Номоканона. Какое же мѣсто долженъ занимать Номоканонъ въ системѣ *дѣйствующаго* церковнаго права въ Россіи? Мнѣнія свои по этому вопросу проф. Павловъ высказываетъ лишь passim, и, повидимому, и самъ не придаетъ имъ особаго значенія. Номоканонъ въ качествѣ источника дѣйствующаго права можетъ быть разсматриваемъ или какъ цѣлое или въ отдѣльныхъ его статьяхъ. Относительно значенія Номоканона какъ цѣлаго проф. Павловъ высказывается слѣдующимъ образомъ. «Само собою понятно, что Номоканонъ какъ прежде былъ, такъ и теперь остался, однимъ изъ основаній для рѣшенія дѣлъ чисто церковныхъ. ...По Уставу духовныхъ Консисторій (стр. 196) Номоканонъ, вмѣстѣ съ Кормчею книгою долженъ служить для епархіальныхъ судовъ руководствомъ при опредѣленіи дисциплинарныхъ наказаній монахамъ» (стр. 67). Съ этимъ нельзя согласиться.

Ст. 6 Уст. Дух. Конс, перечисляющая основанія епархіальнаго суда и управленія, не содержитъ въ этомъ спискѣ Номоканона, а ст. 196 имѣетъ не то значеніе, какое придаетъ ей авторъ. «Монашествующіе, за проступки, подходящіе подъ *вышеизложенныя статьи*» (говорящая о формальномъ судѣ Консисторіи) «*наказываются* по тѣмъ же правиламъ: Іеродіаконъ какъ Священникъ и Діаконъ, а монахъ и послушникъ, какъ причетникъ. Они подвергаются и *другимъ мѣрамъ взысканія*, какія изложены въ завѣщаніяхъ для инока Василія Великаго, во второй части Кормчей книги, въ *Номоканонѣ* и въ Духовномъ Регламентѣ». Статья прямо противополагаетъ *наказаніямъ по суду* другія *мѣры взысканія* по Номоканону и монашескимъ правиламъ. Она говоритъ не о томъ, будто бы Номоканонъ примѣняется на духовномъ судѣ, а лишь о томъ, что монашествующіе подчиняются не только судебной власти *консисторіи* (какъ бѣлое духовенство), но и дисциплинарной власти *игумена*. Послѣдняя же по монашескимъ правиламъ Василія Великаго не есть власть начальника pro foro externo, а власть духовнаго отца и руководителя по образцу власти духовника. Обѣ приведенныя нами статьи исключаютъ возможность примѣненія Номоканона pro foro externo въ области церковнаго суда и управленія. Мы считаемъ такой взглядъ Устава Духовныхъ консисторій правильнымъ и по существу дѣла. Что такое нашъ Номоканонъ по своему происхожденію? Это руководство для духовника, содержавшее въ себѣ и другія полезныя для священника свѣдѣнія, не относящіяся непосредственно къ исповѣди, руководство, составленное частными лицами и принятое практикою, но въ Греціи никогда не имѣвшее оф-

---

которая сама не была воспріемницею, 3) νόμος относится не къ εἰσποιεῖσθαι, а къ χριστιανοῖς. Прокопій хочетъ сказать не то, чтобы христіанскій законъ обязывалъ усыновлять крестниковъ, а лишь что усыновленіе произведено было въ предписанной для христіанъ *формѣ*, т. е., по всей вѣроятности, въ формѣ υἱοθεσία διὰ ἱερολογίας, на что и указываютъ слова ἅτε παῖδα ὄντα ἱερῷ λόγῳ.

фиціальнаго характера. Въ самой Россіи, гдѣ онъ впервые получилъ оффиціальное значеніе, оно не было обусловлено церковно-законодательными или церковно-правительственными соображеніями. Перепечатали одно изъ частныхъ южно-русскихъ изданій Номоканона не отдѣльною книжкою, а при Требникѣ и при томъ отъ имени патріарха (иначе въ то время на Москвѣ и не печатали) — вотъ формальное основаніе оффиціальнаго характера нашего Номоканона. Но въ первыхъ московскихъ изданіяхъ было сохранено при Номоканонѣ наставленіе духовнику и было ясно, что Номоканонъ является руководствомъ для духовниковъ. Въ Никоновскомъ же изданіи 1658 г. это наставленіе было помѣщено отдѣльно отъ Номоканона по чисто редакціоннымъ соображеніямъ — и чрезъ это Номоканонъ получилъ общее значеніе не только для forum internum, но и для forum externum, сталъ источникомъ права въ собственномъ смыслѣ слова, закономъ. Неудобства, возникавшія отсюда, были ясны Синоду уже въ самомъ началѣ его дѣятельности. Въ «Правилахъ причта церковнаго» мы находимъ жалобу на священниковъ, которые «держатся за Требникъ, какъ слѣпые, и отлучая кающихся на многія лѣта, кажутъ, что написано (въ Номоканонѣ)»; но если смотрѣть на Номоканонъ, какъ на законъ, то иначе и поступить нельзя. Уставъ Дух. Конс., окончательно возстановивъ Номоканонъ въ прежнемъ значеніи руководства для духовниковъ, поступилъ вполнѣ правильно. Мы потому говоримъ «окончательно», что, насколько мы могли заключить изъ чтенія изслѣдованія профессора Павлова, *всѣ* случаи примѣненія Номоканона въ судебной практикѣ Синода относятся ко времени *до* изданія Устава духовныхъ консисторій. А какъ скоро Номоканонъ есть руководство pro foro interno, то совершенно понятно, почему изъ него не исключены ст. 211 и 212, потерявшія практическое значеніе для суда. Соблазнъ можетъ быть вызванъ и ненаказуемымъ дѣяніемъ, и на священникѣ лежитъ обязанность устранить поводъ къ соблазну; напр. отсовѣтывать супругамъ быть воспріемниками одного и того ребенка (что запрещено ст. 211 Номоканона).

Сказаннымъ относительно Номоканона въ цѣломъ рѣшается и вопросъ о значеніи отдѣльныхъ его статей: и онѣ *какъ таковыя* не имѣютъ формальной силы для суда. Въ сущности и самъ проф. Павловъ согласенъ съ тѣмъ, что формальная сила принадлежитъ отдѣльнымъ статьямъ Номоканона въ весьма недостаточной степени. «Конечная цѣль всѣхъ предлагаемыхъ нами примѣчаній», пишетъ онъ, «сводится къ рѣшенію общаго вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ и на какихъ *внутреннихъ* основаніяхъ Номоканонъ при Требникѣ долженъ быть признаваемъ источникомъ *дѣйствующаго* русскаго права» (стр. 78). Нѣтъ нужды доказывать, что однихъ внутреннихъ основаній (внѣшнихъ, формальныхъ по нашему мнѣнію у Номоканона нѣтъ) недостаточно для того, чтобы признать данную статью Номоканона за статью дѣйствующаго права. Но и по внутреннимъ основаніямъ практическое значеніе Номоканона оказывается весьма малымъ. «Номоканонъ при Требникѣ остается нужнымъ

теперь для церковной практики развѣ только потому, что содержитъ въ себѣ нѣсколько правилъ, принятыхъ во всѣхъ православныхъ автокефальныхъ церквахъ внѣ каноническаго кодекса древней вселенской церкви» (почему же, спросимъ мы, они обязательны для русской автокефальной церкви?), «но неизвѣстныхъ у насъ въ славянскомъ переводѣ изъ другого источника, кромѣ этого Номоканона. Такихъ правилъ очень немного. Кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ монахамъ и признаются дѣйствующими въ Уставѣ духовныхъ Консисторій (ст. 196), можно указать еще на правила 84, 163, 164, 166, 172, 204, 209, 213, 214» (стр. 75).

Но даже и при такомъ скромномъ числѣ правилъ основанія для признанія ихъ обязательными далеко не одинаковы. Безусловно обязательными, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать правила 163, 164, 166, говорящія о такихъ элементарныхъ истинахъ, что самая необходимость изданія особыхъ правилъ является уже свидѣтельствомъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія. 163-е воспрещаетъ совершать елеосвященіе надъ здоровыми (взамѣнъ покаянія). 164-е воспрещаетъ совершеніе елеосвященія надъ умершими. 166-е Аще умираетъ человѣкъ, аще и яде да причастится, точно да исповѣсться — все это было бы ясно и безъ особыхъ правилъ. 172-е Ниже спятъ въ женскомъ припратѣ въ церкви кромѣ нужды—само собою вытекаетъ изъ Трул. 87. 214-е воспрещаетъ діакону вынимать частицы при проскомидіи. Недопустимость подобной практики ясна уже изъ постановленій служебника, по которымъ діакону предоставлено совершать лишь опредѣленныя дѣйствія, все же остальное долженъ совершать священникъ. Вотъ и всѣ безусловно обязательныя правила.

Ст. 213-я, предписывающая употреблять на проскомидіи пять просфоръ, далеко не можетъ конкурировать съ ними по степени своей обязательности. По словамъ самого же проф. Павлова обязательность пятипросфорія возникла не ранѣе половины XIII в. (стр. 413), а въ нашей отечественной церкви единовѣрцамъ и въ настоящее время предоставлено совершать проскомидію на семи просфорахъ.

Ст. 84. въ настоящее время не примѣняется «Монахъ священникъ не вѣнчаетъ женитву, неприлично бо есть: ниже воспріеми ихъ бываетъ монахъ дѣтища». Указъ св. Синода 24 апр. 1721: «іеромонахамъ свадьбы не вѣнчать и другія мірскія требы отправлять весьма воспретить» имѣетъ въ виду не поддержаніе монашеской дисциплины и удаленіе монаха отъ міра (какъ правило Номоканона), а лишь упорядоченіе приходской организаціи. На іеромонаховъ-миссіонеровъ онъ не распространяется.

Еще болѣе сомнительно каноническое достоинство статьи 204-й, предписывающей перекрещивать крещенныхъ мірянами. Славянскій текстъ передѣланъ въ смыслѣ допустимости крещенія мірянами по нуждѣ, но въ греческомъ текстѣ и томъ рѣшеніи патр. Луки, на которомъ онъ основанъ, этого нѣтъ. Относительно русской церкви замѣтимъ одно. Она (въ отличіе отъ греческой) не перекрещиваетъ лютеранъ, не имѣющихъ свя-

щенства, и такимъ образомъ признаетъ дѣйствительность крещенія, совершеннаго во первыхъ міряниномъ, во вторыхъ неправославнымъ. Едва ли поэтому она ограничиваетъ дѣйствительность крещенія, совершеннаго міряниномъ, одними случаями крещенія по нуждѣ.

Остается ст. 209, вопросъ о примѣнимости которой въ русской церкви долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ безусловно отрицательномъ. Она гласитъ:

«Аще нѣсть имъ попъ, священникъ самъ да крещаетъ свое отроча; крещаетъ же и той со инѣмъ пріимцемъ. Аще ли будетъ пріимецъ дѣттища своего, разлучается своея жены, сирѣчь, матери дѣтища: занеже быша себѣ кумове». Это правило служитъ хорошимъ примѣромъ того, какъ подчасъ бываютъ сомнительны правила, принятыя внѣ каноническаго кодекса древней вселенной церкви. Основная мысль его та, что мужъ, если онъ сдѣлается воспріемникомъ своего ребенка, вступаетъ черезъ это въ духовное родство съ своею женою, а потому бракъ расторгается. Но возможно ли съ христіанской точки зрѣнія на бракъ возникновеніе между мужемъ и женою какого бы то ни было родства, какъ препятствія къ браку? Очевидно нѣтъ. «Все каноническое законодательство о свойствѣ, какъ препятствіи къ браку, развилось изъ библейскаго воззрѣнія на бракъ, какъ союзъ соединяющій мужа и жену *въ плоть едину*... На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и древніе каноны... Греческіе канонисты никогда не забывали, что такъ называемая степень свойства есть собственно *степень родства* одного супруга къ его данному кровному родственнику, мысленно переносимая на другого супруга по самому понятію о бракѣ, какъ соединеніи мужа и жены въ одну плоть» (Павловъ 50-я глава стр. 209, 210, 211). Если для возникновенія родства необходимы два по меньшей мѣрѣ лица, то между мужемъ и женою, единою плотью, оно возникнуть не можетъ по самому понятію о христіанскомъ бракѣ. Какъ же могло возникнуть разбираемое нами противоположное воззрѣніе, существованіе котораго въ VIII в. засвидѣтельствовано документально? Оно возникло на почвѣ языческихъ римскихъ воззрѣній на бракъ, воззрѣній, находящихся въ коренномъ несогласіи съ воззрѣніями христіанскими. Если мы возьмемъ извѣстное римское опредѣленіе брака: nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio и поймемъ consortium omnis vitae въ смыслѣ — пожизненное общеніе, то сдѣлаемъ крупную ошибку. Для римлянина бракъ былъ отношеніе правда безсрочное, но отнюдь не пожизненное. Брачный договоръ относился къ числу сдѣлокъ, не допускающихъ срока и условія (dies et conditio); этимъ уже исключалась возможность договора о бракѣ на всю жизнь, какъ заключающаго въ себѣ dies. Чуждо было понятіе пожизненности брака и законодательству; бракъ всегда могъ быть уничтоженъ путемъ развода и эта свобода развода строго сохранялась закономъ. Александръ Северъ призналъ за ничтожный всякій договоръ, клонящійся къ ограниченію этой свободы (ап. 223—1 Dig 38, 11).

Формула consortium omnis vitae для римскаго юриста была равнозначуща съ формулой individuae vitae consuetudo и выражала идею не о пожизненномъ общеніи (consortium totius vitae), а лишь о всестороннемъ общеніи (общеніе всякой жизни). Это всестороннее общеніе выражалось въ томъ, что въ силу брака женѣ сообщалась мужнина религія и мужнины права состоянія (divini et humani juris communicatio). Тамъ, гдѣ законъ не допускалъ подобнаго сообщенія правъ, возникалъ не бракъ, а concubinatus, столь же рѣдко отличающійся отъ безпорядочной половой связи какъ и бракъ. Разъ возможность общенія правъ утрачивалась однимъ изъ супруговъ (въ случаѣ лишенія его правъ состоянія), eo ipso уничтожался и бракъ. Очевидно, что подобное отношеніе ничѣмъ не напоминало христіанскаго брака: связь между супругами была въ высшей степени непрочною и эфемерною. Совершенно понятно, что въ глазахъ римлянина родственныя связи дѣйствительныя или фиктивныя были связями болѣе прочными, чѣмъ связи возникающія изъ брака, что для него не казалось странною возможность возникновенія отношеній родства между мужемъ и женою, и что въ случаѣ коллизій этихъ отношеній съ отношеніями супружескими первыя брали перевѣсъ. На практикѣ подобная коллизія послѣ возникновенія брака была возможна лишь въ случаяхъ усыновленія. И мы находимъ, что въ случаѣ усыновленія зятя тестемъ, бракъ тѣмъ самымъ расторгается, конечно, потому, что не можетъ быть брака между усыновленнымъ и дочерью усыновителя. Даже фиктивная родственная связь предпочтена связямъ супружескимъ. Понятно, какъ должно было отнестись общество съ такими представленіями о бракѣ къ Трул. 53, запретившему бракъ между воспріемникомъ и матерью воспринятаго, при чемъ въ правилѣ былъ указанъ и мотивъ *сродство* по духу *важнѣе* союза по тѣлу (т. е. *союза брачнаго*). Съ точки зрѣнія римскихъ представленій о бракѣ выводъ: если отецъ сдѣлается воспріемникомъ своего ребенка, то бракъ между супругами eo ipso расторгается — являлся выводомъ логически необходимымъ и неизбѣжнымъ. Несомнѣнно, что римскіе взгляды на бракъ еще господствовали въ византійскомъ обществѣ временъ Трульскаго собора. Церковь не успѣла добиться даже уничтоженія свободы развода, противъ которой боролась всѣми силами, какъ противъ явленія, наиболѣе несовмѣстнаго съ христіанскими. Не мудрено, что и послѣ того, какъ два вѣка спустя бракъ и государствомъ признанъ былъ за таинство, церковь оказалась не въ силахъ побороть нѣкоторые остатки прежнихъ воззрѣній; указанное нами правило о расторженіи брака чрезъ усыновленіе зятя тестемъ осталось, и въ 24 Bas. 28, 4. Признавая его (Nom. XIII, 2 Συντ. I, 278) церковь должна была по аналогіи примѣнять и разбираемое нами правило Номоканона. Но въ настоящее время несоотвѣтствіе его идеѣ христіанскаго брака такъ ясно, что о немъ предпочитаютъ умалчивать даже въ Греціи. Ралли въ своей синтагмѣ счелъ нужнымъ передѣлать текстъ новеллы Льва и Константина, признающій воспріятіе своего ребенка за основа-

тельный поводъ къ расторженію (κὰκ τούτου πρὸς θέσμιτον ἦλθον διάζευξιν) въ смыслѣ прямо противоположномъ (πρὸς ἀθέμιτον ἦλθον διάζευξιν). Есть ли внутреннія основанія удерживать это правило у насъ въ Россіи, гдѣ устранены изъ брачнаго права даже тѣ остатки римскихъ воззрѣній, какіе замѣчаются въ источникахъ, входящихъ въ кодексъ каноновъ вселенской церкви (напр. для дѣйствительности брака не требуется согласіе родителей вопреки римскому взгляду, засвидѣтельствованному въ Вас. Вел. 42)? Прибавимъ, что въ нашемъ Номоканонѣ греческое воззрѣніе выражено весьма не полно: онъ говоритъ только о священникѣ воспріемникѣ своего ребенка и только въ этомъ одномъ случаѣ предписываетъ расторженіе брака. Если считать эту статью Номоканона статьею дѣйствующаго права, то судъ не можетъ дать ей распространительнаго толкованія. Такъ слабы внутреннія основанія примѣнимости этой статьи. Мы сказали уже выше, что въ силу формальныхъ условій она прямо не примѣнима на судѣ, такъ же какъ и другія статьи Номоканона.

Профессоръ Павловъ заключаетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: «Номоканонъ при требникѣ, если не вполнѣ, то въ значительной части своего содержанія, всетаки остается пригоднымъ для современной церковной практики; во всякомъ случаѣ онъ содержитъ въ себѣ готовый, общеизвѣстный и многолѣтнимъ практическимъ употребленіемъ испытанный каноническій матеріалъ, которымъ, конечно, не приминетъ воспользоваться церковно-законодательная власть при будущей кодификаціи источниковъ русскаго каноническаго права, памятуя апостольское наставленіе: вся искушающе, добрая держите». Насъ, говоря откровенно, нѣсколько пугаетъ мысль объ оффиціальной кодификаціи каноническаго права. Намъ кажется, что православное церковное право не на столько еще успѣло выяснить себѣ свои особенности, чтобы безошибочно рѣшить вопросъ, что и какъ слѣдуетъ кодифицировать. Послѣдній опытъ такой кодификаціи, на сколько намъ извѣстно, есть Синтагма Ралли и Потли. И что же? Этотъ почтеннѣйшій сборникъ источниковъ церковнаго права способенъ вызвать не малыя недоумѣнія, разъ онъ изданъ ἐγκρίσει τῆς Ἁγίας καὶ Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας. Почему Номоканонъ Фотія поставленъ въ немъ впереди каноновъ?.. Съ перваго же взгляда очевидно, что это сборникъ выдержекъ изъ государственнаго законодательства, служащихъ подстрочными примѣчаніями къ систематическому указателю каноновъ. Послѣдніе предполагаются уже извѣстными. Въ V-мъ томѣ въ концѣ синтагмы опять наталкиваемся на законы византійскихъ императоровъ послѣ Юстиніана. Почему они не въ первомъ томѣ вмѣстѣ съ Номоканономъ? Все это по нашему мнѣнію можетъ быть объяснено только однимъ предположеніемъ: что въ глазахъ издателей Синтагмы законы Номоканона являются съ ореоломъ чего то особенно одобреннаго и освященнаго церковью, не въ примѣръ прочимъ законамъ, и рецепированнаго въ каноническій сборникъ церкви авторитетомъ церкви вселенской. По нашему крайнему разумѣнію эта католиче-

ская идея рецепціи гражданскихъ законовъ церковью должна быть признана совершенно чуждою православному церковному праву.

По куріальной теоріи никакой государственный законъ, *совершенно независимо отъ его содержанія*, не обязателенъ для церкви, которая свободно можетъ или принять его, и тѣмъ сдѣлать его обязательнымъ и въ церковной сферѣ, или отвергнуть и тѣмъ лишить его силы и въ сферѣ чисто гражданской. Въ противоположность этой формальной теоріи западнаго каноническаго права, на востокѣ мы находимъ иное воззрѣніе, которое мы назвали бы теоріею материальною. Согласно Дѣян. IV, 17—20 Рим. XIII, 1—7 законы государственной власти, хотя бы и языческой, въ принципѣ обязательны для каждаго вѣрующаго; въ томъ же случаѣ, если велѣніе власти предписываетъ нарушить волю Божію, вѣрующій долженъ предпочесть перенести послѣдствія неповиновенія закону, чѣмъ прогнѣвить Бога. Въ этомъ только случаѣ могутъ и должны отказаться отъ исполненія закона, какъ каждый вѣрующій, такъ и церковь, общество вѣрующихъ. Съ этой точки зрѣнія для рецепціи законовъ церковью не остается мѣста: одни изъ законовъ не могутъ быть ею рецепированы; прочіе же обязательны для нея и безъ рецепціи. Превосходнымъ примѣромъ примѣненія этого принципа могутъ служить правила Василія Вел. о бракѣ. Всюду, гдѣ римское право предоставляло свободу брачущимся, онъ предписываетъ имъ при осуществленіи этой свободы руководиться христіанскими идеями о бракѣ. Сюда относятся правила его о разводѣ (пр. 48, 77), степеняхъ родства (пр. 23, 87), числѣ дозволенныхъ браковъ (пр. 50). Но тамъ, гдѣ правила о бракѣ имѣли въ римскомъ правѣ безусловно прецептивный характеръ, онъ предписываетъ слѣдовать имъ, хотя съ его точки зрѣнія правила эти и не всегда удовлетворяли требованіямъ церкви (пр. 22, 42 и особенно пр. 9).

Тѣмъ менѣе могъ возникнуть вопросъ объ обязательности для церкви законовъ, изданныхъ христіанскою властію въ церковныхъ интересахъ и въ духѣ требованій церкви. Со стороны византійскаго императора изданіе подобныхъ законовъ было не вторженіемъ въ непринадлежащую ему область, а исполненіемъ его нравственной обязанности (Nov. 6 pr.). Издавая законы о церкви, онъ дѣйствовалъ jure proprio, а не jure delegato (какъ полагаетъ западная каноническая доктрина). Для восточной церкви являлось бы совершенно непонятнымъ, какъ можно не повиноваться напр. законамъ Юстиніана, вполнѣ слѣдующимъ канонамъ. Включеніе ихъ въ Собраніе 87-ти главъ и Номоканонъ являлось результатомъ ихъ обязательности, а отнюдь не свидѣтельствомъ ихъ рецепціи (Ср. напр. Вас. Вел. 22 и 42 и Nov. 143).

Между тѣмъ предвзятое мнѣніе о рецепціи со стороны церкви и по настоящее время господствуетъ у насъ по отношенію къ свѣтскимъ законамъ, включеннымъ въ Кормчую, и весьма невыгодно отражается напр. на законахъ о брачномъ совершеннолѣтіи. У насъ оказывается два совершеннолѣтія: церковное т. е. совершеннолѣтіе греко-римскихъ зако-

новъ Кормчей и гражданское совершеннолѣтіе русскихъ законовъ. Почему послѣднее не обязательно для церкви? Именно въ силу фикціи о рецепціи.

Та же фикція помѣшала правильно уяснить взаимоотношеніе между различными памятниками свѣтскаго законодательства, вошедшими въ Кормчую. Изъ нихъ Эклога опредѣляла брачное совершеннолѣтіе въ 15 и 13 лѣтъ (наступившихъ), а Прохиронъ въ 14 и 12 лѣтъ (исполнившихся). У насъ въ этихъ постановленіяхъ увидѣли противорѣчіе, но не могли правильно разрѣшить его по принципу lex posterior derogat legi priori. Эклога и Прохиронъ представлялись лишь двумя главами Кормчей книги, а не двумя разновременными законами, и брачное совершеннолѣтіе опредѣлено въ 15 и 13 лѣтъ исполнившихся (отнюдь не по Прохирону).

По греко-римскому законодательству бракъ лицъ, не достигшихъ брачнаго совершеннолѣтія, ничтоженъ и въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи. Таковъ же взглядъ и нашего Номоканона (ст. 53): «священникъ, аще въ вѣдѣніи благословитъ возбраненный бракъ отъ сродства, или кумовства, или четверобрачія, или же не имуща возраста, сирѣчь, аще нѣсть мужу 15 лѣтъ, а женѣ 13 лѣтъ, да извержется и бракъ да будетъ нетвердый (καὶ ὁ γάμος ἔστω ἄκυρος)». Но о такомъ значеніи церковнаго несовершеннолѣтія для брака наше современное законодательство не знаетъ. «Дѣло о признаніи недѣйствительности брака, заключеннаго прежде достиженія однимъ изъ супруговъ церковнаго къ браку совершеннолѣтія, *можетъ быть вчинаемо* только тѣмъ изъ супруговъ, который вступилъ въ бракъ во время сего несовершеннолѣтія. Сіе допускается лишь до времени достиженія тѣмъ лицомъ опредѣленнаго въ ст. 3-й законовъ гражданскихъ для вступленія въ бракъ совершеннолѣтія и лишь въ случаѣ, если бракъ ихъ не имѣлъ послѣдствіемъ беременности». (Уст. Д. К. ст. 209).

При *такомъ* примѣненіи греко-римскихъ законовъ Кормчей нужно ли включать ихъ въ нашъ кодексъ каноническихъ источниковъ, какъ нѣчто особо освященное церковью не въ примѣръ законамъ русскихъ государей?

Но оставимъ законы и перейдемъ къ канонамъ вселенской церкви. Мѣсто-ли имъ въ одномъ кодексѣ съ другими каноническими источниками хотя бы и во главѣ ихъ? Если слѣдовать мнѣнію митр. Филарета Московскаго, мнѣнію во всякомъ случаѣ очень авторитетному, то—нѣтъ. «Собраніе законовъ гражданскихъ», писалъ онъ, «стоитъ само собою и заключаетъ свои основанія въ самомъ себѣ; собраніе опредѣленій Св. Синода послѣдняго столѣтія не имѣетъ сего характера самостоятельности. *Основаній и повѣрки сихъ опредѣленій должно искать внѣ ихъ собранія, въ древности, въ апостольскихъ и церковноотеческихъ правилахъ*» (слѣдовательно не въ позднѣйшихъ постановленіяхъ!). «*Синодальныя постановленія суть только примѣненія сихъ правилъ къ случаямъ болѣе или менѣе частнымъ*, встрѣтившимся въ управленіи россійской церкви. Собраніе

гражданскихъ законовъ не производитъ затрудненія ихъ разнообразіемъ; ибо здѣсь господствуетъ правило, что послѣдній законъ сильнѣе прежнихъ. Такимъ образомъ собраніе говоритъ юристу: старое знай—новому слѣдуй. Но этого нельзя приложить къ законодательству церковному, въ которомъ *рѣшительную важность и силу имѣютъ древнія правила св. апостоловъ, соборовъ и отецъ*. По сему, собраніе церковныхъ постановленій одного послѣдняго вѣка [1] не можетъ быть удовлетворительно, поелику оставляло бы неразрѣшеннымъ вопросъ: согласно ли сіе съ правилами св. соборовъ и св. отецъ... Надобно начать дѣло съ корня, т. е. съ изданія точнаго перевода полныхъ *правилъ св. апостоловъ, седьми вселенскихъ соборовъ и десяти помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. Отецъ, составляющихъ кормило церковнаго управленія*». (Барсовъ. О собр. духовныхъ законовъ. Христ. Чт. 1897 г., ч. II, стр. 519).

Изъ этого мнѣнія м. Филарета (къ которому лично мы вполнѣ присоединяемся), по нашему мнѣнію, слѣдуетъ:

1) Каноны вселенской церкви суть нормы обязательныя и по существу неизмѣнныя и для церковно-законодательной власти.

2) Ей принадлежитъ лишь автентичное толкованіе ихъ въ цѣляхъ выясненія духа каноновъ и примѣненія ихъ къ измѣнившимся условіямъ и обстоятельствамъ.

3) Въ силу этого всѣ послѣдующіе законы помѣстныхъ церквей имѣютъ характеръ судебныхъ рѣшеній, постановленныхъ на основаніи каноновъ. Они могутъ служить лишь прецедентами для органовъ церковнаго законодательства, но отнюдь не обязательными нормами. Тутъ слѣдуетъ помнить заповѣдь: «Вся испытующе, добрая держите».

4) Автентичное толкованіе каноновъ со стороны Св. Синода исключаетъ возможность судебнаго толкованія ихъ со стороны подчиненныхъ ему органовъ. На практикѣ судъ церковный можетъ руководиться не сборникомъ каноновъ непосредственно, а «правилами, изъясненными въ опредѣленіяхъ Св. Синода, основанныхъ на точномъ разумѣ правилъ Св. Церкви» («Уст. Дух. Кон. 211).

Этимъ рѣшается, какъ намъ кажется, вопросъ о кодификаціи источниковъ православнаго церковнаго права. Оффиціальной кодификаціи въ современной русской церкви подлежатъ: 1) Переводъ правилъ церкви вселенской и 2) собственныя постановленія Св. Синода. Эти различные по существу дѣла источники должны быть изданы отдѣльно одинъ отъ другого. Кодексъ вселенской церкви имѣетъ назначеніе служить не столько готовымъ для примѣненія на судѣ сборникомъ нормъ, сколько элементомъ объединяющимъ законодательства помѣстныхъ церквей единствомъ духа и направленія при видимомъ разнообразіи ихъ формъ и содержанія; раз-

1) Излагаемое мнѣніе было высказано м. Филаретомъ по поводу проекта собранія законовъ по духовной части, при чемъ предполагалось начать его съ 1721 г. т. е. съ учрежденія Св. Синода, «ибо всѣ предшествовавшія узаконенія не имѣютъ силы и приноравленія въ дѣлопроизводствѣ».

нообразіи необходимомъ и законномъ, разъ «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка». Сборникъ же постановленій Св. Синода является дѣйствующимъ законодательствомъ русской церкви, въ которомъ общеканоническіе принципы принаровлены къ измѣнившимся условіямъ современной жизни. Само собою понятно, что изъ этихъ двухъ сборниковъ нельзя создать чего-нибудь похожаго на сводъ законовъ. Включить въ него каноны оказалось бы невозможнымъ. Раздѣлять ихъ на дѣйствующіе и отмѣненные (когда, кѣмъ и по какому праву?)—недопустимо теоретически; включить ихъ всѣ—значило бы или изказить ихъ смыслъ, или умалить ихъ значеніе. Что же касается до прочихъ историческихъ памятниковъ церковнаго законодательства, то мы очень сомнѣваемся въ умѣстности оффиціальной кодификаціи ихъ. При нормальномъ состояніи церковнаго законодательства они имѣютъ значеніе лишь для самой церковно-законодательной власти, какъ матеріалъ для обработки, къ которому однако нужно относиться критически. Научныя частныя изданія такихъ источниковъ, въ родѣ изслѣдованія проф. Павлова о Номоканонѣ, могутъ оказать при этомъ неоцѣнимую услугу. Отнюдь нельзя сказать того же объ изданіяхъ оффиціальныхъ. Безполезныя для самой церковно-законодательной власти, не связанной текстомъ своего изданія, они могутъ привести къ весьма нежелательной путаницѣ въ практикѣ подчиненныхъ органовъ. Прежняя практика нашихъ духовныхъ судовъ, основанная на Номоканонѣ, можетъ служить хорошимъ тому примѣромъ.

Ил. Соколовъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Иванъ Корсунскій, *профессоръ Московской духовной академіи. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности.* Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1898. Стр. II+644+LXII.

Греческій переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, извѣстный подъ именемъ семидесяти двухъ или, короче и обыкновеннѣе, LXX толковниковъ, если явленіе, по значенію своему, безпримѣрное въ исторіи не только самого же греческаго языка съ его словесностью, но и всѣхъ другихъ языковъ съ ихъ литературами. Явившись на поприщѣ исторіи въ то время, когда геній греческаго языка и словесности, выражавшійся въ творчествѣ, въ производительности духа народности греческой, по общему почти признанію историковъ и филологовъ, началъ уже явно клониться къ упадку, переводъ LXX, какъ памятникъ греческаго языка и словесности своего времени, далъ собою жизнь цѣлой эпохѣ въ исторіи того и другой, —эпохѣ продолжающейся и доселѣ, въ теченіе болѣе нежели двухъ тысячелѣтій. Будучи несамостоятельнымъ ли-

тературнымъ произведеніемъ, какъ переводъ, а не [illegible] получить и досел́ѣ удержать за собой столь великое [illegible] рокое употребленіе, какого не имѣлъ ни одинъ [illegible] генія греческой народности, не исключая и [illegible] [illegible]

[illegible]

отношеніи къ еврейскому подлиннику, объ отношеніи его къ другимъ греческимъ переводамъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта и о дальнѣйшей его судьбѣ. Во второй части (стр. 119—644) выясняется значеніе перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности греческой, при чемъ сначала дается характеристика языка перевода LXX самого въ себѣ и въ его отношеніи къ языку греческому классическому — со стороны лексикографіи, логической организаціи, грамматики и стилистическихъ свойствъ и особенностей, а затѣмъ опредѣляются слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на различнаго рода дохристіанскіе и христіанскаго времени памятники письменности греческой, а именно: неканоническія и апокрифическія книги Вехтаго Завѣта, іудейско-эллинистическую литературу, греческіе переводы Ветхаго Завѣта Акилы, Симмаха и другихъ, новозавѣтныя священныя писанія и пр.

Общія положенія разсматриваемаго изслѣдованія краткно можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Переводъ LXX, по времени своего происхожденія, относится къ III вѣку до Рождества Христова, при чемъ переведены были постепенно, въ теченіе около шестидесяти лѣтъ, всѣ каноническія книги Ветхаго Завѣта, начиная съ пятокнижія Моисеева и кончая агіографами. Производство перевода совершилось въ Александріи Египетской, хотя самый еврейскій подлинникъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта былъ палестинскаго происхожденія. Переводчиками были ученые египетскіе іудеи, дѣйствовавшіе однако не безъ того или иного участія и палестинскихъ книжниковъ. Переводъ LXX, во многихъ своихъ мѣстахъ, имѣетъ большое значеніе для возстановленія первоначальнаго вида подлиннаго еврейскаго текста Библіи. Съ другой стороны, переводъ этотъ, по разнымъ причинамъ, во многомъ отступаетъ отъ еврейскаго подлинника. Автографъ перевода не дошелъ до насъ. Древнѣйшія же рукописи списковъ его не восходятъ далѣе III—IV христіанскаго вѣка. Наиболѣе важныя изъ нихъ суть: Ватиканская, Синайская и Александрійская. Переводъ LXX написанъ на греческомъ языкѣ такъ называмаго κοινὴ διάλεκτος (общаго нарѣчія), постепенно перешедшаго изъ устнаго въ литературное употребленіе въ послѣклассическую эпоху исторіи древней Греціи, со времени Аристотеля. Κοινὴ διάλεκτος перевода LXX выдерживаетъ основной характеръ свой, состоя изъ стихій разныхъ древнегреческихъ діалектовъ съ преобладаніемъ аттическаго. Лексиконъ перевода LXX, представляя въ самой большей своей части слова, бывшія въ употребленіи и у писателей классическаго періода древней Греціи (начиная съ Гомера и кончая современникомъ Аристотеля Демосѳеномъ, умершимъ въ 323 г. до Р. Х.), съ другой стороны даетъ въ себѣ видѣть богатый запасъ новыхъ словъ, изъ коихъ весьма многія *впервые*, а нѣкоторыя даже въ извѣстномъ смыслѣ и *исключительно* употребляются только у LXX-ти. Исключительно или впервые употребляемыя въ переводѣ LXX слова имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи греческаго языка, обогащая собой лексиконъ обще-греческій, пролагая путь новой стадіи въ развитіи

[illegible]

греческій по преимуществу обязанъ своимъ сохраненіемъ (особенно чрезъ употребленіе его при богослуженіи) до настоящаго времени. Изъ свойствъ перевода LXX, какъ перевода,—которыя обыкновенно располагаются въ такомъ порядкѣ: точность, ясность и чистота, въ немъ, по особенности цѣли его, на первомъ мѣстѣ является *ясность*, на второмъ—*точность* и на послѣднемъ—*чистота*. Особенныя же достоинства его со стороны изложенія суть: простота, естественность и выразительность. Какъ достоинства, такъ и другія свойства и особенности перевода LXX, при величайшемъ разнообразіи содержанія переведенныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, при высотѣ цѣли его, придаютъ этому переводу, какъ памятнику древней письменности, весьма важное значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности среди другихъ памятниковъ этой письменности, не только переводныхъ, но и оригинальныхъ; ибо чрезъ него пролитъ былъ новый, въ высшей степени плодотворный свѣтъ въ греческій міръ мысли и жизни. Слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX неизгладимыми чертами отразились, прежде всего, на неканоническихъ и апокрифическихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, затѣмъ на іудейско-эллинистической литературѣ, на переводахъ Акилы, Симмаха и другихъ, отчасти также на позднѣйшихъ его произведеніяхъ языческой греческой письменности, особенно же на священныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта и на различныхъ произведеніяхъ церковной письменности христіанства (напримѣръ, святоотеческой и богослужебной). Изученіе перевода LXX и со стороны языка, изложенія и со стороны содержанія его, какъ перевода книги книгъ—Библіи, будучи весьма важно въ научномъ отношеніи, весьма плодотворно въ религіозно-нравственномъ отношеніи, между прочимъ для насъ, русскихъ, ибо нашъ славянскій переводъ Библіи, по большей части, есть какъ бы точный снимокъ съ греческаго перевода LXX толковниковъ (приложеніе I, стр. 1—III).

Къ изслѣдованію, представляющему обширное раскрытіе указанныхъ общихъ положеній, присоединены шесть приложеній (стр. I—LX) слѣдующаго содержанія: 1) тезисы къ сочиненію, 2) указатель мѣстъ св. Писанія, приводимыхъ и изъясняемыхъ въ книгѣ, 3) алфавитный указатель важнѣйшихъ именъ, словъ и фразъ греческихъ, встрѣчающихся въ переводѣ LXX, 4) указатель важнѣйшихъ именъ и предметовъ на иностранныхъ языкахъ и на языкѣ русскомъ, 5) дополнительный азбучный указатель именъ греческихъ писателей, анонимныхъ сочиненій и сборниковъ, не упомянутыхъ въ предшествующемъ указателѣ, и 6) таблица упоминаемыхъ въ книгѣ греческихъ писателей по вѣкамъ ихъ жизни и литературной дѣятельности.

Сочиненіе профессора Корсунскаго весьма полно и обстоятельно раскрываетъ происхожденіе перевода LXX и его значеніе въ исторіи греческаго языка и литературы. Въ русской наукѣ оно совершенно необходимо, какъ первый опытъ изученія весьма важнаго въ богословскомъ и филологическомъ отношеніяхъ памятника греческой письменности, а ли-

тературу иностранную по вопросу о переводѣ LXX оно дополняетъ многими новыми изысканіями,—исправляетъ нѣкоторыя неправильныя воззрѣнія, въ ней утвердившіяся, и освѣщаетъ такія стороны предмета, на которыя было обращено мало вниманія. За свое сочиненіе профессоръ Корсунскій удостоенъ ученой докторской степени.

А. П. Лебедевъ, *Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Съ приложеніями къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ»*. Изданіе второе. Москва. 1897. Стр. 332. Указанная книга составляетъ вторую часть «Исторіи вселенскихъ соборовъ» проф. А. П. Лебедева (Виз. Врем., т. III, в. 3 и 4, стр. 686—687) и четвертый томъ второго изданія полнаго собранія его церковно-историческихъ сочиненій.

Въ этой книгѣ почтенный ученый обозрѣваетъ исторію пятаго, шестого и седьмого вселенскихъ соборовъ. Книга состоитъ изъ введенія и трехъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ раздѣляется на главы. Во введеніи (стр. 1—9) сообщаются краткія свѣдѣнія о распространеніи монофизитства послѣ четвертаго вселенскаго собора, послужившемъ поводомъ къ созванію и пятаго вселенскаго собора. Соборъ Халкидонскій, четвертый вселенскій (451 г.), осудилъ ересь монофизитскую и восторжествовалъ надъ нею, выяснивъ отличіе истины православія отъ ереси монофизитской, но не истребилъ окончательно монофизитства на Востокѣ. Это показали безпорядки, нестроенія и даже открытыя возмущенія въ Палестинѣ, Египтѣ, Сиріи и Константинополѣ, какими были встрѣчены догматическія опредѣленія Халкидонскаго собора вскорѣ послѣ его окончанія. Монофизиты обвиняли православную церковь главнымъ образомъ въ томъ, что она не осудила Ѳеодора, епископа мопсуетскаго, Ѳеодорита, епископа кирскаго, и Иву, епископа едесскаго, которые принимали участіе въ появленіи и развитіи ереси несторіанской и въ борьбѣ этой ереси противъ православія; это дало монофизитамъ поводъ утверждать, что церковь держится ереси несторіанской. Съ другой стороны, и несторіане, которыхъ было много въ восточной римской имперіи, сохранили твердую память о Ѳеодорѣ, Ѳеодоритѣ и Ивѣ, изучали и распространяли тѣ сочиненія этихъ церковныхъ писателей, въ которыхъ высказывались несторіанскія воззрѣнія. Такимъ образомъ для того, чтобы отнять у монофизитовъ поводъ къ нападкамъ на церковь, а у несторіанъ — средства къ утвержденію въ своей ереси, церкви надлежало произнести свое осужденіе на Ѳеодора, Ѳеодорита и Иву за то, что ими написано и сдѣлано въ пользу несторіанства и противъ церковнаго ученія. Этимъ дѣломъ и занялась церковь, по внушенію императора Юстиніана. Около 544 года Юстиніанъ издалъ указъ, которымъ подвергалъ анаѳемѣ Ѳеодора Мопсуетскаго со всѣми его сочиненіями и ученіемъ, Ѳеодорита Кирскаго за его сочиненія, направленныя противъ св. Кирилла Александійскаго и третьяго вселенскаго собора, Иву Едесскаго за его посланіе къ нѣкоему Марію Персу. Но императорскій указъ, вмѣсто того, что умиротворить церковь, подалъ поводъ къ возникновенію сильнаго спора изъ-за указан-

ныхъ лицъ, такъ какъ на ряду съ порицателями нашлись и многіе защитники ихъ дѣятельности и ученія. Такъ возникъ въ церкви споръ «о трехъ главахъ», послужившій основаніемъ къ созванію пятаго вселенскаго собора. Объ этомъ соборѣ рѣчь и идетъ въ первомъ отдѣлѣ разсматриваемой книги.

Первый отдѣлъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 10—33) выясняется происхожденіе спора «о трехъ главахъ», какъ это и изложено у насъ, во второй (стр. 34 — 53) подробно разсматривается исторія этого спора, охватившаго не только Востокъ, но и Западъ и подавшаго поводъ къ написанію съ той и другой стороны нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, а въ третьей главѣ (стр. 54—72) описывается дѣятельность пятаго вселенскаго собора 553 года. Эта дѣятельность заключалась въ изслѣдованіи сочиненій Ѳеодора, Ѳеодорита и Ивы въ связи съ ихъ жизнью; на основаніи разслѣдованія, соборъ въ своемъ приговорѣ, осудивъ лицо и сочиненія Ѳеодора Мопсуетскаго, пощадилъ лицо Ѳеодорита Кирскаго и Ивы Едесскаго, а осудилъ только нѣкоторыя ихъ сочиненія.

Во второмъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о ереси моноѳелитской и шестомъ вселенскомъ соборѣ. Отдѣлъ заключаетъ двѣ главы, изъ коихъ первая (стр. 73—98) разсказываетъ о происхожденіи ереси и о дѣятельности главныхъ ея представителей—императора Ираклія, патріарховъ Сергія и Кира и папы Гонорія, а съ другой стороны — характеризуетъ поборниковъ православія—патріарха іерусалимскаго Софронія, св. Максима Исповѣдника и св. Мартина и описываетъ ихъ борьбу съ еретиками и страданія за истинную вѣру. Во второй главѣ (стр. 99 — 122) описывается дѣятельность шестого вселенскаго собора 680 года, которая состояла въ подробномъ изслѣдованіи лжеученія еретиковъ-моноѳелитовъ (антіохійскаго патріарха Макарія, мелитинскаго епископа Ѳеодора, монаха Полихронія, апамейскаго пресвитера Константина и другихъ) и въ надлежащемъ изложеніи православнаго ученія о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ. Въ заключеніи главы (стр. 122—125) обозрѣваются опредѣленія пято-шестого или труллъскаго собора 691—2 года.

Третій и самый большій отдѣлъ книги излагаетъ исторію иконоборства и седьмого вселенскаго собора. Отдѣлъ содержитъ четыре главы. Въ первой изъ нихъ (стр. 126—151) уясняется происхожденіе иконоборства и описывается иконоборческая дѣятельность императора Льва Исаврянина. Выясняя происхожденіе иконоборческой ереси, профессоръ Лебедевъ находитъ, что она составляла явленіе совершенно оригинальное въ жизни церкви и не имѣла никакой связи съ прежними еретическими заблужденіями; но въ то же время эта ересь подготовлялась вѣками и своимъ возникновеніемъ обязана стеченію благопріятныхъ для этого обстоятельствъ въ VIII вѣкѣ, хотя могла и вовсе не возникнуть. Ересь иконоборства подготовлялась въ церкви постепенно, начиная съ IV-го и V-го вѣковъ, когда на ряду съ иконоупотребленіемъ и иконопочитаніемъ воз-

никло и отрицательное отношеніе къ инокамъ. Противодѣйствіе иконопочитанію оказывалъ уже Евсевій, епископъ кесарійскій, знаменитый историкъ, другъ и наперсникъ Константина Великаго, а затѣмъ—евноміане, нѣкоторыя секты несторіанскія и монофизитскія; иконоборцы существовали и въ VI—VII вѣкахъ, какъ свидѣтельствуютъ церковные писатели (Анастасій Синаитъ, Симеонъ Столпникъ, Леонтій, епископъ никопольскій, Іоаннъ, епископъ ѳессалоникійскій); наконецъ, мусульманское владычество, начавшее распространяться на христіанскомъ Востокѣ въ VII вѣкѣ, заявило себя рѣшительнымъ иконоборствомъ, къ соблазну для почитателей иконъ. Такимъ образомъ, еще до возникновенія иконоборства въ VIII в., иконоборцевъ на Востокѣ было много и они представляли изъ себя не малую силу. Нужны были только благопріятныя условія, чтобы разрозненныя иконоборческія силы слились въ одно теченіе, нашли себѣ поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и иконоборчество должно было открыться въ грозномъ видѣ. Это и случилось при императорѣ Львѣ Исавряninѣ (717—741 г.). Описавъ иконоборческую дѣятельность этого императора и уяснивъ предметъ спора между почитателями и противниками иконъ, профессоръ Лебедевъ во второй главѣ третьяго отдѣла (стр. 152—172) изображаетъ господство иконоборческой ереси въ царствованіи императора Константина Копронима (741—775 г.), когда иконоборство достигло наибольшаго развитія и сопровождалось жестокими преслѣдованіями почитателей иконъ. Въ третьей главѣ (стр. 173—205) рѣчь идетъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.), на которомъ состоялся судъ надъ иконоборствомъ и было выработано и утверждено православное вѣроопредѣленіе объ иконахъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ (стр. 206—228) описываются послѣднія времена иконоборства—при императорахъ: Львѣ Армянинѣ (813—820 г.), Михаилѣ II Косноязычномъ (820 — 829 г.) и Ѳеофилѣ (829 — 842 г.) и изображается дѣятельность св. Ѳеодора Студита въ защиту иконопочитанія; борьба закончилась въ 842 году торжествомъ иконопочитанія.

Въ разсматриваемой книгѣ профессора Лебедева находится также приложеніе къ «Исторіи вселенскихъ соборовъ», состоящее изъ слѣдующихъ статей: 1) Первый никейскій соборъ по тексту коптскому (стр. 231—245); 2) Константинопольскій соборъ 448 года противъ Евтихія, разсказъ на основаніи актовъ четвертаго вселенскаго собора (стр. 246—265); 3) Соборъ разбойничій 449 года, руководимый Діоскоромъ, разсказъ на основаніи актовъ того же IV вселенскаго собора (стр. 266—286); 4) Соборъ разбойничій 449 года въ сирскомъ текстѣ (стр. 287—296) и 5) Халкидонскій четвертый вселенскій соборъ 451 года, разсказъ на основаніи актовъ этого собора (стр. 297—332). И эти статьи были раньше напечатаны почтеннымъ ученымъ въ различныхъ духовныхъ журналахъ.

Александръ Хахановъ, *Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ II. Древняя литература до конца XII вѣка.* Москва. 1898. Стр. 355. На страницахъ нашего журнала было сообщеніе о первомъ выпускѣ

«Очерковъ по исторіи грузинской словесности» г. Хаханова (Виз. Врем., т. II, вып. 3, стр. 476—477). Теперь предъ нами второй выпускъ этихъ очерковъ, посвященный древней грузинской литературѣ до конца XII в. Настоящій выпускъ открывается введеніемъ, въ которомъ авторъ говоритъ о грузинскомъ языкѣ и грузинскомъ алфавитѣ (стр. 1—21). По сообщенію автора, грузинскій языкъ относится къ иверійской группѣ языковъ, въ составъ коей входятъ нарѣчія: грузинское, мингрельское, лазское и сванетское, съ говорами грузинскихъ горцевъ: тушинъ, пшавовъ, хевсуровъ и ингилойцевъ. Грузинскій языкъ, въ сравненіи съ прочими родственными языками, занимаетъ самую большую территорію того пространства, на которомъ распространена иверійская группа языковъ и которое извѣстно подъ именемъ Грузіи или Иверіи (Георгіи, Гурджистанъ и пр.). При этомъ, этимологическія формы грузинскаго языка оказываются въ общемъ сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Но сложность и богатство формъ не даютъ права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ; онъ лишь ихъ братъ, можетъ быть и старшій. Въ составъ грузинскаго языка вошло не мало словъ изъ другихъ языковъ. Въ особенности много вскрывается корней персидскихъ, арабскихъ и греческихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ грузинской письменности; встрѣчаются также корни санскритскіе, манджурскіе, китайскіе, армянскіе, свидѣтельствующіе о культурныхъ сношеніяхъ Грузіи посредственно или непосредственно съ отдаленными центрами древняго просвѣщенія. Научное изученіе грамматики грузинскаго языка началась еще въ XII вѣкѣ, когда «божественный» Іоаннъ Петрицій составилъ первую грузинскую грамматику, не дошедшую до нашего времени. Дѣло Іоанна Петриція продолжали грамматики и иностранные (католическій миссіонеръ Maggio, Paolini, академикъ Броссе), и туземные (католикосъ Антоній I, ректоръ телавской семинаріи Гаіозъ, царевичъ Давидъ, архіепископъ Варлаамъ, Іасей Чубиновъ, Соломонъ Додаевъ, Пл. Іосселіани, Давидъ Чубиновъ, Дм. Кипіани, Жорданіа и др.). Но двухвѣковая разработка грузинскаго языка не выяснила законовъ его внутренняго механизма и не опредѣлила его грамматическаго строенія. Причина этой безуспѣшности заключается, по мнѣнію г. Хаханова, въ трудности предмета изслѣдованія, въ недостаточности матеріала, привлекаемаго учеными для разрѣшенія намѣченной задачи и въ неудовлетворительности самаго метода изслѣдованія. По этой же причинѣ до сихъ поръ остается открытымъ и вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи грузинскій языкъ находится къ другимъ группамъ языковъ. По этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія. Извѣстный философъ Лейбницъ поддерживалъ мнѣніе о сходствѣ грузинскаго языка съ греческимъ и латинскимъ; академикъ Броссе проводилъ мысль о сродствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими; отецъ сравнительнаго языкознанія, замѣчательный лингвистъ Боппъ, поддерживалъ мнѣніе Броссе; англійскій лингвистъ Максъ Мюллеръ отнесъ грузинскій языкъ къ туранской семьѣ

языковъ, а вѣнскій профессоръ Фридрихъ Мюллеръ признавалъ иверійскую группу языковъ изолированной, стоящей особнякомъ. Лексикографія грузинская также представляется въ неудовлетворительномъ состояніи. Что касается грузинскаго алфавита, то о происхожденіи его также нѣтъ опредѣленнаго научнаго воззрѣнія. У грузинъ существуетъ два алфавита — мхедрули (гражданскій) и хуцури (церковный). По одному мнѣнію, грузинскій алфавитъ появился еще въ III вѣкѣ до Р. Х. при царѣ Фарнавазѣ и именно въ видѣ мхедрули, т. е. круглаго письма, по другому же мнѣнію, хуцури старше мхедрули и служитъ основнымъ прототипомъ, изъ котораго постепенно развивается мхедрули, при чемъ изобрѣтеніе алфавита хуцури (письмо прямолинейное) приписывается армянину Месропу, жившему въ V вѣкѣ по Р. Х. Разсмотрѣвъ оба эти мнѣнія о происхожденіи грузинскаго алфавита, г. Хахановъ, отрицая за Месропомъ роль изобрѣтателя грузинскихъ буквъ, однако оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какой изъ двухъ алфавитовъ долженъ быть признанъ наиболѣе древнимъ. Историческія соображенія говорятъ за древность мхедрули, а палеографическія особенности памятниковъ письменности—за старшинство хуцури. Рѣшеніе этой дилеммы, по взгляду нашего автора, можетъ получить болѣе утвердительную форму тогда, когда лучше будутъ изучены характеръ и особенности первыхъ памятниковъ грузинской письменности; а пока это не сдѣлано, рѣшеніе вопроса о древности одного алфавита сравнительно съ другимъ можетъ носить субъективные оттѣнки и отраженія личнаго настроенія.

Послѣ этого введенія авторъ приступаетъ къ историческому обзору грузинской литературы, который и начинаетъ общей характеристикой и перечисленіемъ памятниковъ письменности до конца XII вѣка (стр. 22—29). Исторію грузинской словесности до конца XII вѣка онъ дѣлитъ на два періода — подготовительный съ V по X вѣкъ и классическій—съ X по XII вѣкъ. Подготовительный періодъ обнимаетъ произведенія преимущественно духовнаго содержанія: переводы священнаго писанія, творенія отцевъ и учителей церкви, назидательныя сочиненія и житія святыхъ. Второй періодъ дополняется хрониками и хронографами, юридическими, философскими и художественными произведеніями. Главными дѣятелями просвѣщенія за первый періодъ были лица духовныя и монахи, а центрами просвѣщенія — монастыри, устроенные по образцу монастырей византійскихъ. Во второй періодъ литература разрабатывалась и свѣтскими лицами.

Для удобства обозрѣнія грузинской литературы до начала XIII вѣка, г. Хахановъ распредѣляетъ подлежащій его изслѣдованію матеріалъ на слѣдующія группы: 1) памятники агіографическіе и назидательные, 2) памятники историческіе, 3) памятники собственно литературные и 4) памятники юридическіе.

Въ первомъ отдѣлѣ книги (стр. 29—119) рѣчь идетъ объ агіобіографическихъ произведеніяхъ грузинской литературы, составлявшихся по

образцу агіографіи восточно-византійской и имѣвшихъ весьма широкое распространеніе въ Грузіи. Г. Хахановъ разсматриваетъ съ историко-литературной точки зрѣнія слѣдующія житія: св. Мурваноса или Петра (V в.), св. Або (VIII в.), св. Нины, св. Георгія (XI в.), свв. Іоанна и Евфимія, св. Георгія Святогорца (1014—1065 г.); нѣкоторыя изъ этихъ житій (напр., св. Нины) обозрѣваются съ особою подробностью. Въ этомъ же отдѣлѣ г. Хахановъ говоритъ о повѣсти «Мудрость Балавара», представляющей грузинскую передѣлку извѣстной исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, и сравниваетъ ее съ житіемъ Будды (по изслѣдованію академика Веселовскаго); въ результатѣ у г. Хаханова получается, что исторія Варлаама и Іоасафа есть ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды. Въ заключеніи отдѣла сообщается о «гимницѣ» X вѣка, содержащей въ себѣ хвалебные гимны и пѣсни на главные христіанскіе праздники, а также въ честь различныхъ святыхъ мужей, и перечисляются рукописи IX—XII вѣковъ, хранящіяся въ тифлисскомъ церковномъ музеѣ.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 120—148) обозрѣваются историческіе памятники грузинской литературы. Отдѣлъ предваряется краткимъ историческимъ взглядомъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вѣковъ, гдѣ съ нѣкоторою подробностью ведется рѣчь о грузинскомъ царѣ Давидѣ III Возобновителѣ (1089—1125 г.), основавшемъ могущественное грузинское царство и извѣстномъ въ исторіи и грузинской литературѣ. Ему принадлежатъ: завѣщаніе, пѣсни покаянія и церковныя постановленія, которыя и анализируются въ книгѣ нашего автора. Къ памятникамъ собственно историческимъ у г. Хаханова отнесены: 1) лѣтопись «Картлисъ-Цховреба», извѣстная въ нѣсколькихъ варіантахъ (Румянцевскомъ, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Церковнаго музея, царицы Маріи и др.), 2) «Обращеніе Грузіи» (X в.), гдѣ повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи отъ времени Александра Македонскаго до X вѣка и о просвѣтительной дѣятельности св. Нины, 3) грузинская хроника, переведенная въ XII вѣкѣ на армянскій языкъ (Chronique Arménienne), и 4) мѣстныя хроники. Описавъ эти памятники, г. Хахановъ въ концѣ отдѣла разсуждаетъ о составѣ и источникахъ начальной грузинской лѣтописи.

Третій отдѣлъ (стр. 149—314) посвященъ собственно литературнымъ памятникамъ грузинской словесности, возникшимъ въ эпоху царицы Тамари (1184—1212 г.). Эта эпоха была блестящимъ періодомъ въ исторіи Грузіи, которая достигла въ это время высокаго развитія, политическаго и культурнаго. Побѣдоносныя войны съ персами, сарацинами, турками и византійцами расширяли территоріальныя границы Грузіи и даровали ей несмѣтныя богатства, которыя были употреблены «богоравной» царицей на постройку крѣпостей, а главнымъ образомъ — церквей, монастырей и школъ. Водворившійся за войнами миръ отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ грузинской литературы, создавшейся подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ — арабской, персидской и византій-

ской. При дворѣ царицы Тамары собирается плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства въ своихъ поэмахъ и романахъ. Къ этому времени относятся творенія Хонели, Тмогвели, Руставели, Шавтели, Чахруха и другихъ. Мосе Хонели написалъ рыцарскій романъ «Амиранъ-Дареджаніани», гдѣ изобразилъ рыцарскіе подвиги Амирана, популярнаго героя народныхъ сказаній, имѣющаго много общаго съ греческимъ Прометеемъ. Саргису Тмогвели приписывается повѣсть «Висраміани», получившая названіе по имени своихъ главныхъ героевъ Висы и Рамина; повѣсть представляетъ передѣлку персидской поэмы. Кромѣ того, Тмогвели написалъ оригинальную поэму «Диларіани», гдѣ воспѣлъ подвиги витязя Дилара. Абдулъ Мессія Шавтели сложилъ поэму «Похвала царицы Тамары и супруга ея царя Давида», гдѣ художественно изобразилъ дѣла этой царицы, которую онъ называетъ воспитательницей и учительницей грузинскаго народа, благотворительницей, главнымъ судьей надъ судьями, сосудомъ мудрости, покровительницей иностранцевъ, стержнемъ правосудія въ государствѣ, глазомъ слѣпыхъ, наставницей юношей, хлѣбомъ голодныхъ, кровомъ безпріютныхъ, матерью сиротъ, судьей вдовствующихъ, твердымъ посохомъ для старцевъ и тружениковъ, охранительницей чистоты постановленій всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Но среди грузинскихъ классиковъ первое мѣсто принадлежитъ Шота Руставели, возвышающемуся величественнымъ вѣчно-юнымъ колоссомъ въ теченіе семисотъ лѣтъ. Его поэма «Барсова кожа» или «Человѣкъ въ барсовой кожѣ», современница русскому «Слову о полку Игоревѣ», составляетъ литературную гордость всего грузинскаго населенія. Въ твердомъ сознаніи высокихъ достоинствъ этой поэмы, грузины настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ безсмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренанъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе «Барсову кожу» въ рукописи на французскомъ языкѣ, дѣйствительно, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ. Героями поэмы изображены слѣдующія лица: Таріель, индійскій царевичъ, Нестанъ-Дареджани, дочь царя Парсадана, Тинатина, дочь арабскаго царя Растевана, и вождь Автандилъ. Поэма, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ и національное значеніе, такъ какъ направлена къ прославленію царицы Тамары. Наконецъ, поэтъ Чахруха составилъ поэму изъ 115 куплетовъ въ прославленіе царицы Тамары. Изъ второстепенныхъ поэтовъ разсматриваемой эпохи извѣстны: Загнакорп и Давидъ Саатабагоели.

Въ послѣднемъ (четвертомъ) отдѣлѣ книги г. Хаханова (стр. 315—351) обозрѣваются богословскіе, философскіе и юридическіе памятники грузинской литературы. Богословско-философскіе произведенія грузинской письменности до XIII вѣка имѣютъ почти исключительно компилятивный характеръ и представляютъ большею частью переводъ и передѣлку византійскихъ и древне-греческихъ сочиненій. Изъ писателей, извѣстныхъ

своими богословско-философскими трудами, слѣдуетъ отмѣтить Іоанна Петрици, который былъ истиннымъ философомъ, поэтомъ, грамматикомъ и астрологомъ, Іоанна Таридчисдзе, Савву Сингели, Ефрема Младшаго, Арсенія Икальтоели. Въ теченіе X — XII вѣковъ въ Грузію проникли также въ переводахъ съ греческаго хронографы, апокрифы и физіологъ. Изъ юридическихъ памятниковъ г. Хахановъ отмѣчаетъ единственный монастырскій уставъ, данный въ XII вѣкѣ Сергѣемъ Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгія монастырю въ Тао-Кларджетіи, и нѣкоторые царскіе указы—гуджары и сигели, касающіеся церковныхъ и монастырскихъ имуществъ.

На стр. 352—355 предложены нѣкоторыя дополненія и поправки къ тексту изслѣдованія.

Книга г. Хаханова достаточно подробно излагаетъ исторію грузинской литературы, хорошо раскрываетъ содержаніе и значеніе многихъ ея памятниковъ и вообще весьма полезна для ознакомленія съ малоизвѣстною у насъ письменностью близкой и къ Россіи, и къ Византіи Грузіи.

Юліанъ Кулаковскій. *Къ исторіи готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898 г., февраль, стр. 173—202).—Статья написана по поводу изданнаго Де-Booромъ документа изъ серіи Notitiae episcopatuum, извлеченнаго изъ собранія рукописей Парижской библіотеки (Reg. 1555. A[2] fol. 23[r] sqq.) и напечатаннаго въ журналѣ Zeitschrift für Kirchengeschichte (т. XII и XIV). Въ этомъ документѣ содержится матеріалъ и для исторіи юга нынѣшней Россіи, новый сравнительно съ данными извѣстныхъ прежде списковъ епархій константинопольскаго престола. Именно, въ болѣе древнихъ спискахъ константинопольскихъ епархій Готія опущена вовсе и лишь въ спискѣ времени Льва Мудраго является въ рангѣ архіепископіи. Въ болѣе позднее время Готія вмѣстѣ съ другими сосѣдними епархіями была сдѣлана митрополіей, какъ это видно изъ списка, принадлежащаго времени Андроника Палеолога Старшаго, и изъ документовъ константинопольскаго патріархата отъ XIV и XV вѣковъ,—изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ (т. 1 и 2). И свѣдѣнія объ іерархахъ, занимавшихъ готскую каѳедру въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, болѣе или менѣе прочно установлены въ русской ученой литературѣ (Кёппенъ, епископы Арсеній и Гермогенъ, академикъ В. Г. Васильевскій). Что касается списка константинопольскихъ епархій, опубликованнаго Де-Booромъ, то готская епархія является въ немъ въ рангѣ митрополіи на 37 мѣстѣ общаго перечисленія, а въ перечнѣ митрополій съ зависящими отъ каждаго митрополита епископскими каѳедрами, находящемся въ томъ же документѣ, Готія является уже на 38 мѣстѣ, послѣ епархіи «Первой Мизіи». Далѣе, готскій митрополитъ имѣлъ свою каѳедру въ городѣ Δόρος, столицѣ крымскихъ готовъ; въ предѣлахъ его епархіи было семь епископовъ (ὁ Χοτζήρων, ὁ Ἀστήλ, ὁ Χουάλης, ὁ Ὀνογούρων, ὁ Ῥετέγ, ὁ Οὔννων, ὁ Τυμάταρχα), которые

были распредѣлены на обширной территоріи, [illegible] и пространство южно-русскихъ степей до [illegible] относитъ опубликованный имъ списокъ [illegible] къ VIII вѣку и притомъ, точнѣе, ко [illegible] вселенскаго собора (787 г.). Но [illegible] высказываетъ предположеніе, что [illegible] Юстиніана Великаго, такъ какъ [illegible] Юстиніана [illegible]

[illegible]

турѣ мнѣнія относительно мѣстоположенія древнихъ Фуллъ, г. Кулаковскій на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ въ спискахъ византійскихъ епархій, въ житіи св. Іоанна Готскаго и др. утверждаетъ, что городъ Фуллы лежалъ въ предгорьяхъ восточной части Крыма и тожественъ со Старымъ Крымомъ — Эски-Крымъ или Солхатъ.

А. Дмитріевскій, *Арсеній, архіепископъ елассонскій (суздальскій тожъ), и его вновь открытые историческіе мемуары* (продолженіе). Труды Кіевской духовной академіи, 1898, мартъ, стр. 345—372, апрѣль, стр. 559—613).— Продолжая знакомить съ малоизвѣстнымъ въ нашей исторической наукѣ Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ, профессоръ Дмитріевскій представляетъ здѣсь анализъ открытыхъ имъ историческихъ мемуаровъ Арсенія. Въ этихъ мемуарахъ не только излагаются историческія событія изъ русской жизни, которыя Арсеній пережилъ въ Россіи, но и данъ очеркъ событій съ самаго начала русской исторіи до царствованія Ѳеодора Ивановича, при которомъ онъ явился въ Москву. Впрочемъ, этотъ предварительный очеркъ русской исторіи въ высшей степени кратокъ. Профессоръ Дмитріевскій помѣщаетъ его въ своей статьѣ частью въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, частью въ изложеніи. Но самыми любопытными страницами мемуаровъ Арсенія нужно признать тѣ, на которыхъ описываются событія изъ временъ царствованій Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, перваго самозванца, Василія Ивановича Шуйскаго и эпохи «смутнаго времени» въ собственномъ смыслѣ этого слова, наступившей въ междуцарствіе, т. е. такія событія, которыя происходили на глазахъ автора и въ которыхъ онъ иногда принималъ живое и непосредственное участіе. Въ разсматриваемой статьѣ профессоръ Дмитріевскій пока представляетъ описаніе Арсеніемъ царствованій Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова и перваго самозванца, при чемъ часть этого описанія приводитъ въ подлинникѣ, часть въ близкомъ къ тексту переводѣ, сопровождая изложеніе своими замѣчаніями. Съ особымъ вниманіемъ профессоръ Дмитріевскій анализируетъ тѣ страницы мемуаровъ Арсенія, которыя заняты описаніемъ царствованія Лжедимитрія, или, какъ выражается Арсеній, «самодержца царя и великаго князя Димитрія *изъ монаховъ*», и которыя заключаютъ въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ подробностей, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ нашимъ историкамъ. Таковы, напримѣръ,—описаніе торжественнаго въѣзда въ Москву перваго самозванца и встрѣчи его на лобномъ мѣстѣ русскимъ духовенствомъ, свѣдѣнія о личности второго русскаго патріарха Игнатія, его избраніи и поставленіи въ московскіе патріархи, оффиціальный чинъ коронованія Лжедимитрія, разсказъ о торжественномъ въѣздѣ въ Москву будущей московской царицы Марины Мнишекъ и о браковѣнчаніи ея съ Лжедимитріемъ и другія мелкія замѣчанія.

В. Гладкій, *Ученіе святого Іоанна Златоуста о пастырскомъ служеніи по бесѣдамъ его и письмамъ* (Первый выпускъ патрологическаго отдѣла журнала «Православный Собесѣдникъ» за 1898 годъ, февраль). Казань.

1898. Стр. 60.—Ученіе излагается въ четырехъ главахъ слѣдующаго содержанія: 1) величіе, трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія; 2) основанія успѣшности пастырскаго дѣланія — пастырское настроеніе и пастырское образованіе; 3) пастырская дѣятельность и 4) пастырскія скорби, ихъ значеніе и отношеніе къ нимъ пастыря.

С. Шестаковъ, *Анонимъ cod. Paris. gr. 1712 въ предѣлахъ хронографіи Θеофана* (Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета, 1897, май—іюнь, стр. 1—38, іюль—августъ, стр. 1—32).—Въ настоящей статьѣ предложенъ анализъ анонима cod. Paris. gr. 1712 въ предѣлахъ хронографіи Θеофана. Въ краткомъ предисловіи авторъ указываетъ на существующія изданія отдѣльныхъ отрывковъ изъ этой анонимной лѣтописи и произведенныя въ западной литературѣ немногія о ней изслѣдованія, а также намѣчаетъ въ общихъ чертахъ значеніе анонима для вопроса о составѣ Кедрина и Льва Грамматика, имѣя въ виду сгруппировать выводы изъ помѣщеннаго здѣсь матеріала въ особой статьѣ.

В. Бокъ, *О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани* (Труды Восьмого Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. 1890. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой. Томъ III. Москва 1897. Стр. 218—245).—Отмѣтивъ недавно возникшій научный интересъ къ изученію коптскаго искусства и сдѣлавъ краткій обзоръ исторіи христіанства въ Египтѣ, г. Бокъ приходитъ къ мысли, что собственно коптское или христіанско-египетское искусство развивалось въ періодъ времени отъ IV-го до IX-го столѣтія, въ десятомъ же вѣкѣ оно было подавлено искусствомъ арабскимъ. Къ означенному періоду слѣдуетъ относить и коптскія ткани, коллекція коихъ (до 2000 экземпляровъ) имѣется, между прочимъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Объ этихъ тканяхъ въ статьѣ и идетъ рѣчь, при чемъ говорится объ ихъ происхожденіи, орнаментаціи, назначеніи и т. п., а затѣмъ описываются приложенныя къ статьѣ таблицы (VI) тканей и перечисляются извѣстныя автору сочиненія, касающіяся коптскаго искусства и культуры.

П. Милюковъ, *Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха* (Тамъ же, стр. 278—289).—Изложивъ исторію вопроса касательно такъ называемаго Anonymus Tauricus, напечатаннаго Газе въ комментаріяхъ къ изданію Льва Діакона, и указавъ на изслѣдованія по этому предмету русскихъ ученыхъ—академиковъ А. А. Куника, В. Г. Васильевскаго и проф. Θ. И. Успенскаго, г. Милюковъ предлагаетъ свое объясненіе анонимныхъ отрывковъ, при чемъ отчасти придерживается воззрѣній академика В. Г. Васильевскаго, отчасти примыкаетъ къ Θ. И. Успенскому. Разсказъ топарха г. Милюковъ сопоставляетъ съ слѣдующимъ событіемъ, происшедшимъ въ концѣ IX вѣка въ мѣстности между Дунаемъ и Днѣстромъ, близъ города Маврокастрона. Въ 889 году въ эту мѣстность (теперешнюю Бессарабію) явились венгры и въ томъ же году были втянуты въ только что начавшуюся борьбу между болгарами и Византіей. Поводъ къ этой войнѣ дала Византія, перенеся торговую контору болгарскихъ

купцовъ изъ Константинополя въ Солунь. Симеонъ Болгарскій, въ отвѣтъ на это, вторгнулся въ Македонію и нѣсколько разъ разбилъ посланное противъ него войско. Тогда императоръ Левъ VI Мудрый обратился къ венграмъ, которые, вѣроятно въ слѣдующемъ 860 году, напали на Болгарію, разбили Симеона и заставили его просить мира у императора. Но это торжество Византіи и достигнутый ею миръ были непродолжительны. Въ 892 году венгры ушли въ походъ противъ Моравіи; Симеонъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, прервалъ переговоры съ Византіей, вторгнулся въ занятую венграми страну, страшно опустошилъ ее и перебилъ оставшееся тамъ населеніе; когда венгры вернулись и увидѣли опустошенную страну, они не захотѣли въ ней оставаться и ушли окончательно на средній Дунай. Симеонъ же, раздѣлавшись съ союзниками Византіи, началъ войну съ самой Византіей, одержалъ побѣду при Болгарофигонѣ и заставилъ Византію платить болгарамъ ежегодную дань. По мнѣнію г. Милюкова, описанныя топархомъ событія сами собою укладываются въ рамки изложенныхъ происшествій, объясняются ими и, въ свою очередь, служатъ имъ для объясненія. Несомнѣнно, что мѣсто короткой остановки венгровъ въ Ателькузу — есть теперешняя Бессарабія. Также несомнѣнно, что она не было пуста во время прихода венгровъ, а была занята единоплеменнымъ болгарамъ славянскимъ населеніемъ уличей и тиверцевъ, которые въ это время еще не были покорены кіевской династіей, какъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись. Изъ записки топарха можно видѣть, что до прихода венгровъ они были полунезависимы отъ болгаръ. Месть Симеона, во время ухода венгровъ, конечно, могла обратиться только на это подчиненное населеніе, которое, понятно, не было виновато въ помощи, поданной венграми византійскому правительству противъ Симеона, и, естественно, сваливало вину на ἡγεμόνες. Итакъ, вотъ кто были эти господа, и вотъ почему они такъ скоро и безслѣдно исчезли въ запискѣ топарха. Самый фактъ опустошенія областей уличей и тиверцевъ не могъ пройти безслѣдно, и дѣйствительно, Константинъ упоминаетъ о покинутыхъ городахъ на Днѣстрѣ; можетъ быть и наша лѣтопись говоритъ о тѣхъ же остаткахъ разрушенныхъ городовъ уличей и тиверцевъ («суть грады ихъ и до сего дни»). И другія *частности* разсказа топарха становятся понятными при этомъ объясненіи. Симеонъ, какъ сказано, сперва опустошилъ Ателькузу, потомъ напалъ на Византію. Первое произошло лѣтомъ 892 года. Съ Византіей Симеонъ въ то же время велъ переговоръ о мирѣ. Такимъ образомъ, былъ моментъ, когда греческій военачальникъ, въ положеніи топарха Маврокастрона, не зналъ, въ войнѣ или въ мирѣ его правительство съ «варварами», опустошавшими сосѣднюю область. Только произведя это опустошеніе, Симеонъ открыто разорвалъ съ Византіей. Противъ топарха, конечно, дѣйствовалъ какой-нибудь ничтожный отрядъ, потому что главный театръ войны былъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 893 году уже заключенъ миръ, по которому Византія оказалась въ данническихъ от-

ношеніяхъ къ Болгаріи; естественно, что въ этомъ положеніи сосѣди топарха не только не захотѣли подчиниться Византіи, но и принудили топарха искать подтвержденія своей власти у Симеона. Естественно также, что въ этомъ затруднительномъ положеніи, получивъ инвеституру болгарскаго правительства на свое византійское владѣніе, онъ пересталъ даже различать, въ *чьей* землѣ онъ находится, въ *ихъ* (болгарской) или *нашей* (византійской). Самая поѣздка къ «царствующему на сѣверѣ отъ Дуная» описывается такимъ образомъ, что, по замѣчанію В. Г. Васильевскаго, «по ходу и тону разсказа нельзя предполагать труднаго и длиннаго пути». Что касается времени написанія отрывковъ топарха, то, по мнѣнію г. Милюкова, 893-й годъ составляетъ terminus a quo для опредѣленія ихъ написанія, a terminus ad quem слѣдуетъ признать 913-й годъ, когда началась новая болѣе серьезная война Симеона съ Византіей, о чемъ въ запискѣ топарха нѣтъ никакихъ упоминаній. Къ статьѣ г. Милюкова приложены и самыя записки греческаго топарха въ текстахъ греческомъ (по изданію Газе) и русскомъ (въ переводѣ В. Г. Васильевскаго).

И. К., *Святой Давидъ III Возобновитель, царь Грузіи (1084—1125).* [Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1898, № 5, стр. 16—22, отдѣлъ неоффиціальный].—Разсказывается о подвигахъ и заслугахъ Давида Возобновителя въ его борьбѣ съ турками-сельджуками и о внутреннемъ благосостояніи Грузіи въ теченіе его царствованія.

П. Цвѣтковъ. *1) Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца о Страшномъ Судѣ (на Евангелія Великаго Понедѣльника и Великаго Вторника — Матѳ. 24 и 25 гл.).* [Радость христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, 1898, кн. III, стр. 244—255]. Въ краткомъ предисловіи излагается содержаніе указанной пѣсни св. Романа Сладкопѣвца и дается ея характеристика; затѣмъ слѣдуетъ русскій переводъ пѣсни, сдѣланный съ изданія Питры (Analecta sacra, t. I). *2) Древняя составительница церковныхъ пѣсней, инокиня Кассія, — съ переводомъ ея пѣсни «Кающаяся грѣшница»* (тамъ же, кн. IV, стр. 345—348). Сообщаются немногія историческія свѣдѣнія объ инокинѣ Кассіи (IX в.), на основаніи «Исторіи византійской литературы» профессора Карла Крумбахера и его статьи «Kasia» (München. 1897), перечисляются ея сохранившіяся произведенія и кратко характеризуются; одно изъ произведеній Кассіи, подъ заглавіемъ «Кающаяся грѣшница» (Лук. 7, 37—50), предложено въ русскомъ переводѣ по тексту Криста въ Anthologia graeca carminum christianorum (Lipsiae. 1871. pag. 104). 3) *Пѣснь въ прославленіе святыхъ отцевъ Никейскаго собора, приписываемая св. Роману Сладкопѣвцу* (тамъ же, кн. V, стр. 442—450). Греческій текстъ этой пѣсни изданъ кардиналомъ Питрою (Analecta sacra, t. I, p. 493 sq.), который отнесъ ее къ разряду ἀνεπίγραφα. Но весьма вѣроятно, что пѣснь эта принадлежитъ св. Роману Сладкопѣвцу, съ произведеніями коего она сходна по нѣкоторымъ характернымъ признакамъ. Въ краткомъ предисловіи г. Цвѣтковъ указываетъ эти признаки и излагаетъ содержаніе пѣсни, а затѣмъ предлагаетъ русскій переводъ ея.

Архимандритъ Палладій, *Новооткрытыя изреченія преподобнаго Антонія Великаго. По коптскому сборнику сказаній о преподобномъ.* (Второй выпускъ патрологическаго отдѣла журнала «Православный Собесѣдникъ» за 1898 годъ, мартъ). Казань. 1898. Стр. 34.—Родина христіанскаго монашества — Египетъ, откуда оно перешло и въ другія страны. Источниками свѣдѣній о египетскомъ монашествѣ до послѣдняго времени служили преимущественно греческія и латинскія творенія различныхъ писателей, хотя въ европейскихъ библіотекахъ и въ монастыряхъ египетскихъ существуетъ не мало туземныхъ—коптскихъ документовъ по исторіи этого монашества. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія много этихъ документовъ напечатано и переведено на французскій языкъ членомъ французской археологической миссіи въ Каирѣ E. Amélineau. Въ одномъ изъ четырехъ томовъ, изданныхъ Амелино, помѣщены такъ называемыя изреченія старцевъ объ Антоніѣ Великомъ (именно въ трудѣ: Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne. Histoire des monastères de la Basse-Égypte. Paris. 1894. Annales du Musée Guimet, t. XV). Эти изреченія взяты изъ Cod. Vat. Copt., 64, fol. 39 verso — fol. 57. Часть ихъ (19) была извѣстна и раньше въ Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων въ изданіяхъ Cotelerii (Ecclesiae graecae monumenta, t. I. Paris. 1677) и Migne (Patrologia graeca, t. LXV и LXXIII), а въ русскомъ переводѣ въ сочиненіи архіепископа Евсевія «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ» и въ «Древнемъ патерикѣ, изложенномъ по главамъ» (Москва, 1892). Большая же половина изреченій (35) совершенно неизвѣстна. Въ виду безспорнаго научнаго значенія коптскихъ изреченій преподобнаго Антонія для исторіи египетскаго монашества, архимандритъ Палладій перевелъ ихъ съ подлинника на русскій языкъ и помѣстилъ въ указанной брошюрѣ, отмѣтивъ въ примѣчаніяхъ существенное сходство и различіе коптскаго текста съ греческимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ изреченій.

В. Перетцъ, *Изъ исторіи пословицы. Историко-литературныя замѣтки и матеріалы* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, май, стр. 104—117). Статья написана по поводу ученыхъ работъ послѣдняго времени, посвященныхъ разсмотрѣнію пословицъ, именно сочиненій — проф. Сумцова, проф. Владимірова, гг. Тимошенка, Ляцкаго и Довнара-Запольскаго. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о каждой изъ этихъ книгъ и въ частности о книгѣ Тимошенка («Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897»), касающейся и византійскихъ пословицъ, г. Перетцъ предлагаетъ и нѣкоторый новый матеріалъ изъ исторіи пословицъ, заимствованный изъ старыхъ рукописныхъ «апоөтегматъ» и «фацецій». Въ заключеніи высказываются слѣдующіе выводы. Изученіе пословицъ должно быть историческимъ. Результатомъ такого изученія явится возможность: 1) выдѣлить изъ массы подлежащаго анализу матеріала—не народныя, а литературныя пословицы, и 2) возсоздать, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ,

исторію эволюціи пословицы, чего нельзя сдѣлать на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Методъ такого изученія требуетъ обстоятельнаго ознакомленія не только съ древней классической и византійской пословичной литературой, а съ цѣлымъ рядомъ тѣхъ послѣдовательныхъ литературныхъ ступеней, по которымъ подвигалась и передавалась къ намъ пословица, главнѣйше—литературы пословицъ польскихъ, сохранившихся какъ въ живомъ говорѣ, такъ и въ памятникахъ старой письменности. Эти послѣдніе помогутъ установить пути традиціи пословицъ и породившихъ ихъ —разсказовъ. На ряду съ этимъ имѣютъ значеніе работы по изслѣдованію формальной стороны пословицъ; но всестороннее изученіе и теорія пословицъ возможна при изслѣдованіи ея историческихъ основъ и отношеній, связывающихъ ее съ ея источниками.

И. С., *Иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы, архіепископа ѳессалоникійскаго, бесѣда на Вознесеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Церковныя Вѣдомости, 1898, № 18—19, прибавленія, стр. 675—680).—Настоящая бесѣда впервые предложена здѣсь въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста, помѣщеннаго въ изданіи: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ Παλαμᾶ Ὁμιλίαι τεσσαράκοντα καὶ μία... Ἐν Ἱεροσολύμοις. 1857.

М. Ремезовъ, *Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже.* Москва. 1898. Стр. 151.—Настоящая брошюра не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но представляетъ передѣлку нѣкоторыхъ главъ изъ извѣстныхъ книгъ французскаго ученаго Густава Шлюмберже: «Un empereur byzantine au dixième siècle, Nicéphore Phocas» и «L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle». Брошюра раньше печаталась въ журналѣ «Русская Мысль» (1898, январь и февраль) и имѣетъ популярное назначеніе. Въ ней разсказывается о царствованіи Романа II и Никифора Фоки.

Г. Муркосъ, *О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ отливкѣ колокола въ 12000 пудовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Изъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, по арабской рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1898, мартъ, стр. 339—363).—Изъ указаннаго путешествія здѣсь предложенъ русскій переводъ описанія Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ, а также сообщаются новыя данныя къ исторіи предшественника царя-колокола, находящіяся въ томъ же произведеніи; переводъ предваряется краткимъ предисловіемъ историческаго содержанія.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὀρθοδόξου Παλαιστίνου Συλλόγου, συνταχθεῖσα δὲ ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος γ'. Ἐν Πετρουπόλει. 1897. Рецензія г. **Д. Шестакова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, апрѣль, стр. 424—438.

Schürer, Die Juden im Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον daselbst. Berlin. 1897. Рецензія г. **Ю. К.** тамъ же, стр. 494—495.

А. Павловъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями. Новое, отъ начала до конца переработанное, изданіе. Москва. 1897. Рецензіи: г. **Н. Заозерскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, мартъ, стр. 444—456, г. **И. Громогласова** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1898, № 16, прибавленія, стр. 626—632.

Н. П. Кондаковъ, Исторія и памятники византійской эмали. Изданіе А. В. Звенигородскаго. 1894. Рецензія г. **В. Стасова** въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, томъ IX, вып. 1 и 2 (новая серія), С.-Петербургъ, 1897, стр. XLIII—XLVII (протоколы).

А. Алмазовъ, Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Изслѣдованіе преимущественно по рукописямъ. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Спеціальные уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса. 1894. Рецензія профессора **И. С. Бердникова** въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета, 1897, февраль, стр. 1—21.

Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἁγίου Ὄρους ἑλληνικῶν κωδίκων ὑπὸ Σπυρίδωνος Π. Λάμπρου, καθηγητοῦ τῆς ἱστορίας ἐν τῷ Ἀθήνησι πανεπιστημίῳ. Τόμος πρῶτος. Ἐν Κανταβριγίᾳ τῆς Ἀγγλίας. 1895. Рецензія г. **Д. Шестакова** тамъ же, декабрь, стр. 1—18.

Востокъ христіанскій. Путешествіе въ Метеорскіе и Оссоолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. С.-Петербургъ, 1896. Рецензія **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, мартъ, стр. 177—216.

Памятки українсько-руськоі мови і литератури видаэ комісия археографічна наукового товариства імени Шевченка, том I. Апокріфи и легенды з українськихъ рукописів зібравъ, упорядкував і пояснив Д-ръ Ів. Франко. Томъ I, апокріфи старозавітні, у Львові, 1896. Рецензія г. **В. Истрина** въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1898, январь, стр. 112—133 въ статьѣ: «Новый сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ».

Die Byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung Dr. Alex. von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk. Archäologisch-kunstgeschichtliche Studie von Dr. Franz Bock. Als Manuskript gedruckt. Aachen. 1896. Библіографическая замѣтка тамъ же, стр. 165—166.

В. Грибовскій, Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. Рецензія г. **И. Андреева** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, февраль, стр. 310—334,

апрѣль, стр. 91—124, въ статьѣ: «Основные элементы государственнаго строя Византіи въ пониманіи русскаго ученаго».

Греческій рукописный Евангелистарій изъ собранія профессора И. Е. Троицкаго (нынѣ библіотеки С.-Петербургской духовной академіи № Б1/7). Изслѣдованіе Николая Глубоковскаго. Спб. 1898. Рецензія проф. **Г. Воскресенскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1898, февраль, стр. 301—309.

И. Тимошенко, Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. Рецензія г. **С.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, апрѣль, стр. 303—305.

И. Корсунскій, профессоръ Московской духовной академіи. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіевъ посадъ. 1898. Рецензія г. **В. Рыбинскаго** въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1898, мартъ, стр. 445—447, въ статьѣ: «Замѣтки о литературѣ по священному писанію Ветхаго Завѣта за 1897 годъ».

Часословъ эѳіопской церкви. Издалъ и перевелъ на основаніи нѣсколькихъ рукописей Б. Тураевъ. С.-Петербургъ. 1897. (Записки Императорской Академіи Наукъ, VIII серія: по Историко-филологическому отдѣленію томъ I, № 7). Рецензія г. **В. Болотова** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1898, февраль, стр. 189—198.

Actus Epistolaeque palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit prof. Aemilianus Kaluzniacki. Vindobonae. 1896. Рецензія г. **Г.** тамъ же, стр. 294—296.

Священникъ Василій Преображенскій, Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Москва. 1896. Рецензія г. **А. Доброклонскаго** въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, № 20, стр. 268—271.

K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur von Iustinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). Zweite Auflage. München. 1897. Рецензія **К. Басова**, тамъ же, № 12, стр. 163—165.

Епископъ Арсеній, Два неизданныя произведенія Николая, епископа Меѳонскаго, писателя XII вѣка. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1897. Рецензія г. **И. Византійскаго** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1898, № 8, прибавленія, стр. 337—338.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897. Рецензіи: г. **А. К.** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткамъ, 1898, № 1, стр. 35—36, г. **С.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, апрѣль, стр. 308—309.

Византійскій Временникъ, издаваемый при Имп. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля, томъ IV, вып. 3 и 4.

Библіографическая замѣтка въ Археологическихъ извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1898, № 1, стр. 38.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. II. Одесса. 1897. Рецензіи: г. **А. К.** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1898, № 1, стр. 36—38, и г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, май, стр. 645—647.

Борисъ Панченко, О Тайной Исторіи Прокопія. Спб. 1897. Рецензія г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1898, мартъ, стр. 1094—1097.

Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо, Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени. Томъ II. Феодальная Европа. Крестовые походы 1095—1270. Переводъ М. Гершензона. Москва. 1897. Рецензія г. **А. К.** тамъ же, стр. 1087—1089.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», *herausgegeben von K. Krumbacher, Band VII, Heft 2.*

Въ отдѣлѣ I-омъ (стр. 265—407) помѣщены слѣдующія изслѣдованія:

P. Batiffol, *Sozomène et Sabinos* (стр. 265—284). См. ниже «Франція», стр. 570.

J. Bidez, *Une copie de la chronique de Georges le Moine conservée à la bibliothèque de Patmos* (стр. 285—298). См. ниже «Франція», стр. 570.

P. N. Papageorgiu, *Zu Photios* (стр. 299—308). — Рядъ замѣтокъ по эмендаціи текста 45 новыхъ писемъ Фотія, изданныхъ А. Пападопуло-Керамевсомъ (Святѣйшаго патріарха Фотія XLV неизданныхъ писемъ, по аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. П.-К., Спб. 1896). См. также статью A. Heisenberg'a въ Berliner philologische Wochenschrift 1897, №№ 33/34.

Spyr. B. Lampros, *Tavia, eine verkannte mittelgriechische Stadt* (стр. 309—315).—Опредѣляется правильное начертаніе названія и мѣстоположеніе пелопоннисскаго города Тавіи, упомянутаго въ Chronicon breve (ed. Bonn. послѣ Дуки стр. 315 и слѣд.). Изъ письма Мануила Рауля Метохиты къ художнику Гастрею видно, что городъ былъ богатъ произведеніями христіанской живописи (см. ркп. Monac. gr. 145, f. 150ᵛ и 199, f. 317ʳ, оба XVI в.); а изъ Лаоника Халкокондила (ed. Bonn. стр. 238 — 239), что онъ былъ укрѣпленъ. Теперь это деревня Давія (Δαβιά, въ народномъ говорѣ Νταβjά) въ димѣ Фаланѳѣ въ Аркадіи; ученикъ автора статьи А. Арванитопуло посѣтилъ деревню и описалъ ее въ письмѣ къ автору; описаніе вполнѣ отвѣчаетъ даннымъ Chron. breve и др. По Chron. br. Турахань взялъ по пути изъ Мистры Леонтаріонъ, потомъ Гардиконъ и наконецъ Тавію; къ сѣверу отъ Леондари по дорогѣ изъ Спарты въ Давью и теперь лежитъ мѣстечко Гардики; авторъ приводитъ имѣющіяся о послѣднемъ историческія данныя.

O. Wulff, *Die sieben Wunder von Byzanz u. die Apostelkirche nach Konstantinos Rhodios* (стр. 316—331).—Авторъ сообщаетъ здѣсь сущность своихъ изслѣдованій о Константинѣ Родіѣ и имъ описанныхъ памятникахъ, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, т. I, стр. 35—78 и 173—175, чтобы сдѣлать болѣе доступными западно-европейской публикѣ свои исправленія къ изданію Родія Леграна и Рейнака.

Ἰ. Μηλιόπουλος, Ἐξέλεγξις βυζαντινῶν τινων ἐπιγραφῶν καὶ προσθῆκαι (стр. 332—335).—Замѣтка по объясненію и исправленію пяти надписей близъ семибашеннаго замка въ Константинополѣ (№№ 37, 38, 39, 41 у Паспати и одной, не отмѣченной у названнаго ученаго).

P. N. Papageorgiu, *Die Inschrift aus der Terra d'Otranto* (стр. 336).—Исправляется текстъ надписи изъ castello di Carpignano отъ 1378 года, помѣщенной въ Byz. Zeitschr. т. VII, стр. 30—31. П. Н. Папагеоргіу читаетъ: ἀνοικοδομήθη ἡ πυροαποψία (каланча) αὕτη διὰ προστάξεως Παύλου Σουλλιανοῦ καὶ Φηλίκου τῆς χώρας ταύτης ,ϛωπϛʹ ἰνδικτιῶνος αʹ.

I. Hilberg, *Ein Accentgesetz der byzantinischen Jambographen* (стр. 337—365).—Открытый авторомъ законъ состоитъ въ слѣдующемъ: слова съ акцентомъ на послѣднемъ слогѣ не могутъ стоять въ византійскомъ ямбическомъ триметрѣ въ цезурѣ четвертой стопы (ἑφθημιμερής), если не предшествуетъ цезура въ третьей стопѣ, за исключеніемъ 1) словъ, гдѣ акцентъ на послѣднемъ слогѣ вызванъ послѣдующей энклитикой, 2) словъ неудобныхъ для стиха и негреческихъ собственныхъ именъ. Закона этого не знаетъ еще Бабрій; у Григорія Богослова на 1949 стиховъ есть только 6 исключеній; у Георгія Писида въ «Шестодневѣ» (1894 стиха по Герхеру) есть 2 исключенія, объясняемые Гильбергомъ какъ интерполяціи; въ прочихъ произведеніяхъ (3217 стиховъ) ни одного. У Игнатія Діакона есть одно, тоже въ стихѣ подозрительной подлинности (44, 1), вѣроятно до-византійскаго происхожденія. У Өеодосія Діакона и Іоанна Геометра исключеній нѣтъ; въ драмѣ «Страждущій Христосъ» всѣ исключенія падаютъ на стихи взятые у Еврипида; у Продрома исключенія (2) кажущіяся; у Мануила Филита (20,000 стиховъ) есть дѣйствительно *два* исключенія. У Пселла de re medica (1373 стиха) есть 4 исключенія, изъ нихъ 3 объясняются техническими выраженіями, наполняющими эти стихи. У Өеофраста, Іероөея и Архелая ошибки есть, но это произведенія во *всѣхъ* отношеніяхъ ниже посредственности.

Единственно серьезнымъ возраженіемъ должны считаться пять стиховъ Өеодора Студита, нарушающихъ его законъ. По автору, этотъ знаменитый писатель дѣйствительно не признавалъ этого закона, что находится въ связи съ тѣмъ, что онъ вообще былъ новаторомъ въ метрикѣ (онъ ввелъ обязательность 12-ти слоговъ въ триметрѣ и исключилъ изъ окончанія триметра προπαροξύτονα), и притомъ новаторомъ оппозиціоннымъ по отношенію къ Георгію Писидѣ. Игнатій Діаконъ занялъ между

этими поэтами среднее положеніе, которое окончательно было выработано въ X-мъ вѣкѣ Ѳеодосіемъ Діакономъ.

Чаще всего передъ цезурой въ четвертой стопѣ стоятъ προπαροξύτονα, но и προπερισπώμενα и παροξύτονα встрѣчаются почти у всѣхъ поэтовъ, хотя у нѣкоторыхъ, напр. у Никифора Каллиста, лишь какъ исключеніе. Односложныя слова съ акцентомъ передъ цезурой допускаются; передъ таковыми у поэтовъ послѣ Игнатія Діакона не допускаются προπαροξύτονα, у всѣхъ вообще рѣдко допускаются περισπώμενα и ὀξύτονα.

У Мануила Филита есть зачатки еще новаго правила версификаціи: у него въ πενθημιμερής лишь неохотно (10 разъ въ 1000 стиховъ) допускаются προπαροξύτονα.

Въ объясненіе своего закона авторъ сравниваетъ правило Тидке для ноннова гекзаметра,—допускающее передъ πενθημιμερής лишь παροξύτονα и προπερισπώμενα, чтобы ослабить эту нелюбимую Нонномъ цезуру; зачинавшееся правило Мануила Филы тоже находитъ аналогію въ Ноннѣ, почти не допускающемъ передъ своей любимой цезурой κατὰ τρίτον τροχαῖον двусложныхъ ὀξύτονα.

H. Christensen, *Die Sprache des byzantinischen Alexandergedichtes* (стр. 366—397).—Тему этой статьи составляетъ разборъ языка стихотворенія объ Александрѣ Великомъ (6118 политическихъ стиховъ), возникшаго между 1200 и 1350 годами и изданнаго Викелой изъ посмертныхъ бумагъ В. Вагнера въ Trois poèmes grecs du moyen-âge inédits, стр. 56—241, по венеціанской рукописи 1388 года. Авторъ разбираетъ, по порядку, по этимологіи: ударенія, склоненія, спряженія, нарѣчія; по синтаксису: подлежащее и сказуемое, приложеніе, употребленіе падежей, предлоговъ, члена, глагольныхъ залоговъ, временъ, наклоненій; всюду обращается вниманіе на вліяніе народнаго языка. Общій приговоръ автора тотъ, что сочинитель поэмы человѣкъ школьно-образованный, но съ одной стороны въ его книгѣ есть элементы разговорной рѣчи, съ другой его ученость повела къ нѣкоторымъ странностямъ слога, мѣстами затрудняющимъ самое пониманіе.

P. Kretschmer, *Lateinische u. romanische Lehnwörter im Neugriechischen* (398—405).—Рядъ дополненій къ третьей и четвертой части Neugriechische Studien Густава Мейера. Новыхъ съ латинскаго заимствованныхъ словъ указывается 13, романскихъ 58; въ примѣчаніи добавлено еще нѣсколько романскихъ словъ по вышедшему въ 1897 г. словарю Ангела Влаха.

W. Schmid, *Vulgärgriechisch-Romanisches aus einer spanischen Handschrift* (стр. 406—407).—Въ латино-арабской рукописи лейденскаго университета № CXXXI написаны латинскими буквами греческія названія знаковъ алфавита, чиселъ до 100 и дней недѣли; нѣкоторыя изъ начертаній показываютъ, по мнѣнію автора, вліяніе какого-то живого греко-испанскаго діалекта, а не суть простыя орѳографическія неправильности.

II-ой отдѣлъ (стр. 408—455) состоитъ изъ рецензій на книги:

Recueil des Historiens des croisades publié par les soins de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Historiens occidentaux, tome V. Paris, Imprimerie nationale 1895. CLVI + 923 pp. fol. Рец. *H. Hagenmeyer*, стр. 408—442.

Carl Neumann, *Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen.* Habilitationsschrift. Heidelberg 1894. 121 стр. 8°. Рец. *Aug. Heisenberg* (стр. 442—445).

A. Elter, *De gnomologiorum graecorum historia atque origine.* Neun Bonner Universitätsschriften 1893—1896. 254 ст. Сюда же: *Corollarium Eusebianum* въ Index des W.-S. 1894/5, 15 ст. и *De gnomologiorum graecorum historia atque origine commentationis ramenta.* Festschrift zum 27. Januar 1897. 39 ст. Рец. *Paul Wendland* (стр. 445—449).

Heinrich Moritz, *Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern u. Chronisten.* I. Teil. Programm des K. Humanistischen Gymnasiums Landshut (Niederbayern) für das Schuljahr 1896/7. 55 стр. 8°. Рец. *A. Fick* (стр. 449—552).

P. J. B. Baur, Ord. Capuc. a Sterzinga, Ἀνασκευὴ τῆς διδασκαλίας τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας δι' ἑαυτῆς τῆς ἰδίας. *Argumenta contra orientalem ecclesiam eiusque synodicam encyclicam anni MDCCCXCV, fere unice hausta ex libris eius confessionalibus aliisque ipsius scriptoribus atque auctoribus.* Innsbruck. Fel. Rauch 1897. 4 л., 100 стр. 8°. Рец. *Albert Ehrhard* (стр. 452—455).

Μιχαὴλ Γ. Θεοτόκας, Νομολογία τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου, ἤτοι τῆς ἱ. συνόδου καὶ τοῦ δ. ἐ. μ. συμβουλίου ἐπὶ τοῦ αττικοῦ, κανονικοῦ καὶ δικονομικοῦ δικαίου ἀπὸ τοῦ ἔτους 1800 μέχρι τοῦ 1896 μετὰ σημειώσεων. Κατ' ἔγκρισιν τῆς ἁγ. καὶ μεγ. τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, ἐκ τοῦ τυπογραφείου «Νεολόγου». 1897. 4 л. 520 стр. 8°. Рец. *William Fischer* (стр. 455).

Изъ отдѣла III-го (стр. 556—510) заимствуемъ указанія на слѣдующія книги и статьи по византиновѣдѣнію:

По исторіи литературы:

J. Gg. Brambs, *Studien zu den Werken Julians des Apostaten.* 1. Teil. Eichstätt 1897, 58 стр. Gymnasialprogramm.— Важны замѣчанія о языкѣ Юліана и о цитатахъ его изъ поэтовъ. См. рец. J. R. Asmus'а въ Wochenschrift für klassische Philol. 1898, № 7, стр. 175—181.

Spyr. P. Lambros, *Ein neuer codex des Paeanius.* The Classical Review 11 (1897), стр. 382—390.—Ламбросъ даетъ описаніе рукописи Иверскаго Аѳонскаго монастыря, содержащей м. пр. всю 6-ую книгу и заключеніе пэаніева греческаго перевода Евтропія, которыхъ недостаетъ въ Мюнхенской № 101 рукописи Пэанія, указываетъ разночтенія Athous'а сравни-

тельно съ Monac. 101 и наконецъ сообщаетъ и самые дополнительные тексты.

Flavii Josephi *opera ex versione latina antiqua edidit etc.* **Carolus Boysen.** *Pars VI. De Iudaeorum vetustate sive contra Apionem libri duo.* Vindobonae, Tempsky 1898. 8°. (Corp. script. eccles. lat. vol. XXXVII) p. XXXV—XL. — Доказывается, что греческіе оригинальные тексты Іосифа латинскаго перевода VI-го вѣка и excerptorum Peirescianorum были весьма близки, и что послѣдній текстъ занимаетъ среднее мѣсто между текстомъ отрывковъ Евсевія и ркп. Laurent. LXIX, 22, XI в.

G. Nordmeyer, *Der Tod Neros in der Legende.* Festschrift des Kgl. Gymn. Adolphinum zu Mörs 1896, стр. 27—36.—Говорится м. пр. объ извѣстіяхъ о Неронѣ у Малалы, Іоанна Никійскаго, Георгія Монаха и др. византійцевъ.

Babrii *fabulae Aesopeae. Recognovit etc.* **Otto Crusius.** *Accedunt fabularum dactylicarum et iambicarum reliquiae.* **Ignatii** *et aliorum iambica recensita a* **Carolo Friderico Mueller.** Editio maior. Leipzig, Teubner 1897. XCVI+440 стр. 8°, съ 3 табл. — Сообщаются византійскія версіи басенъ псевдо-Синтипы и Игнатія Діакона.

Karl Prächter, Quellenkritische Studien zu Kedrenos (Cod. Paris. gr. 1712). Sitzungsberichte der philos.-philol. u. d. hist. Classe d. Kgl.-bayerschen Akademie der Wissenschaften, 1897, т. II, стр. 3—107. — Обѣщана рецензія.

Cassii Dionis Cocceiani *historiarum Romanarum quae supersunt.* Edidit **Ursulus Philippus Boissevain.** Vol. II. Berolini, apud Weidmannos 1898.—Въ предисловіи подробно разбирается вопросъ о преданіи Кассія Діона у византійцевъ, при чемъ доказывается, что мнѣніе, будто Ксифилинъ эксцерпировалъ не всего Діона, а его сокращеніе, лишено основанія.

Io. Katrarii *Hermodotus et Musocles dialogi ab* **Antonio Eltero** *primum editi.* Bonnae 1898. 54 ст. 4°.—Тутъ изданы діалоги «Гермодотъ» и «Мусоклъ» по ркп. Taur. C. VI. 26, XV/XVI вѣка и Taur. B. III. 12, XVI/XVII в., гдѣ за ними слѣдуетъ «Гермиппъ» изданный недавно Кроллемъ и Фирекомъ. Объ авторѣ, по ркп. Іоаннѣ Катраріѣ (не Котронѣ), и пр. А. Ельтеръ обѣщаетъ высказаться на стр. Byz. Ztschr. См. Byz. Ztschr. т. VI, стр. 164; Виз. Врем. т. IV, стр. 272.

Carl Cohn, *Zur litterarischen Geschichte des Einhorns.* Berlin, Gärtner 1896 и 1897. 4°. 2 части по 30 стр. Wissenschaftliche Beilagen zum Jahresbericht der 11. Städtischen Realschule zu Berlin. — Говорится о античномъ воззрѣніи на единорога, о разсказахъ «Физіолога», и библейско-богословской традиціи и символическомъ толкованіи его: «Физіологъ» учитъ, что единорогъ преклоняется предъ дѣвственностью, и какъ символъ обозначаетъ воплотившееся отъ дѣвы Слово.

Philipp Meyer. *Die Anfänge der kirchlichen Volkslitteratur bei den Griechen nach dem Untergange des byzantinischen Reichs.* Theol. Studien u. Kritiken 1898, стр. 315—343.—Говорится главнымъ образомъ о Θησαυρός'ѣ Дамаскина Студита.

По библіологіи и исторіи науки:

Ludwig Voltz u. Wilhelm Crönert, *Der Codex 2773 miscellaneus graecus der Grossherzoglichen Hofbibliothek zu Darmstadt.* Centralblatt für Bibliothekswesen 14 (1897), стр. 537—571. — Очень подробное и тщательное описаніе сборника XIV/XV вѣка, содержанія по преимуществу грамматико-лексическаго, со многими разъясненіями касательно средствъ и хода преподаванія въ высшей византійской школѣ.

По языку и метрикѣ:

Eduard Norden, *Die antike Kunstprosa vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance.* 2 тома. Leipzig, Teubner 1898. XVIII + 969 стр. 8°.—Хотя исторія греческой прозы доведена здѣсь только до великихъ каппадокійскихъ отцовъ, а второй томъ говоритъ только о прозѣ латинской, К. К(румбахеръ) считаетъ эту книгу весьма полезной и для византиниста по множеству важныхъ указаній на связь византійской прозаической рѣчи съ античной; непосредственно важенъ отдѣлъ о риѳмѣ (кн. 2, стр. 810—908), гдѣ доказывается, что риѳма въ европейскихъ литературахъ идетъ изъ латинской гимнографіи, и есть развитіе ὁμοιοτέλευτον'а, бывшаго признакомъ античной изящной прозы съ начала и до конца; что слѣдовательно нѣтъ нужды выводить византійское ритмическое стихосложеніе изъ семитическихъ литературъ.

По богословію:

H. Lietzmann, *Catenen.* Mitteilungen über ihre Geschichte u. handschriftliche Überlieferung. Mit einem Beitrag von Prof. Dr. Hermann Usener. Freiburg i. Br. Mohr (Siebeck) 1897. VII + 85 стр. 8°.— Обѣщана рецензія; см. также рецензію H. Achelis въ Theologische Literaturzeitung 1898, № 1, стр. 17—19, и статью Sickenberger'а, Aus römischen Handschriften über die Lukaskatene des Niketas, въ Römische Quartalschrift 1898, Heft 1 и 2, стр. 55—84.

Fr. Diekamp, *Die dem hlg. Hippolytos von Rom zugeschriebene Erklärung von Apok. 20, 1—3 im griechischen Texte.* Theol. Quartalschrift 79 (1897) 604—616. — Текстъ спорнаго толкованія изданъ (со славянскаго) по нѣмецки Bonwetsch'емъ; Bratke нашелъ, что хронологическія данныя его совпадаютъ съ хронографіей Ипполита ѳивскаго; Diekamp нашелъ греческій текстъ всего отрывка, съ именемъ Ипполита Римскаго въ Paris. 1232 (1131 года). По его мнѣнію, онъ не принадлежитъ ни тому ни другому Ипполиту, а какому-то византійцу VIII—X вѣка.

Funk, *Die Gregorius Thaumaturgus zugeschriebenen 12 Capitel über den Glauben.* Theol. Quartalschrift 80 (1898), стр. 81—93. — Дрэзеке приписалъ эти 12 главъ аполлинаристу Виталію антіохійскому; Функъ показываетъ, что онѣ направлены противъ Аполлинарія и, кажется, имѣютъ въ виду даже и несторіанство.

Erwin Preuschen, *Palladius u. Rufinus.* Ein Beitrag zur Quellenkunde des ältesten Mönchtums. Texte u. Untersuchungen. Giessen, J. Ricker 1897. — Обѣщана рецензія.

A. Ehrhard, *Symeon Metaphrastes u. die griechische Hagiographie.* Eine Entgegnung. Römische Quartalschrift 1897, стр. 531—553. — Возраженіе Delehaye (см. о послѣднемъ Виз. Врем. т. IV, стр. 323—324).

P. Ildephons Veith O. S. B., *Die Martyrologien der Griechen.* Studien u. Mitteilungen aus dem Benediktiner u. Cisterzienser.-Orden 18 (1897), стр. 379—385. — Сопоставленіе рукописныхъ и печатныхъ Миней XVIII—XIX столѣтія и рефератъ работы А. Эргарда о Метафрастѣ.

Aug. Nuth, *De Marci Diaconi vita Porphyrii episcopi Gazensis quaestiones historicae et grammaticae.* Diss. Bonnae 1897. 64 стр. — Обѣщана рецензія.

По исторіи внѣшней, внутренней и церковной:

Otto Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt.* Anhang zum ersten Bande. 2-te vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, Siemenroth & Troschel 1898.—Это рядъ обширныхъ (весь «Anhang» содержитъ страницы 429—607) примѣчаній къ первому тому, о которомъ мы реферировали въ Виз. Врем. т. V, вып. 1—2, стр. 318.

Karl Hampe, *Reise nach Frankreich u. Belgien im Frühjahr 1897. I.* Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde 23 (1898), стр. 375—411. — Напечатанъ неизданный доселѣ текстъ изъ брюссельской ркп. II, 1403, XII вѣка, содержащій разсказъ объ адріанопольскомъ договорѣ между Фридрихомъ I и Исаакомъ Ангеломъ.

August Knecht, *Die Religionspolitik Kaiser Justinians I.* Eine kirchengeschichtliche Studie. Würzburg, Göbel 1896. VI+148 стр. 8°. — Очеркъ состоитъ изъ введенія о положеніи дѣлъ политическихъ и церковныхъ въ Византіи въ началѣ VI вѣка и о дѣятельности Юстиніана вообще и изъ изображенія отношеній императора къ нехристіанамъ, къ папѣ, соборамъ, священному Писанію и свв. отцамъ, и къ богословскимъ спорамъ и ересямъ его времени.

W. Vondrak, *Einige Bedenken gegen die Echtheit des Briefes v. P. Hadrian II in der Vita S. Methodii c. VIII.* Arch. f. slav. Philologie 20 (1898) стр. 141—147. — Авторъ склоненъ считать извѣстное письмо за фикцію, но отрицаетъ (противъ Гётца) намѣренность и опредѣленность цѣли этого подлога.

Joh. Ev. Heller S. I., *Das Nestorianische Denkmal in Singan-Fu.* Separatabdruck aus dem II. Bande des Werkes: «Wissenschaftliche Ergebnisse der Reise des Grafen B. Széchenу in Ostasien (1877—1880)». Budapest 1897. 62 стр. 4° (съ 2-мя табл.). — Обѣщана рецензія.

По географіи:

Richard Kraetzschmar, *Die neugefundene Mosaikkarte von Madeba nach dem Originalbericht des Entdeckers.* Mitteilungen и Nachrichten des deut-

schen Palästinavereins 1897 стр. 49—56. — Коротенькое описаніе открытой карты.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Joseph Führer, *Forschungen zur Sicilia sotterranea*. Abhandlungen der kgl. bayer. Akad. der Wissenschaften, I Cl. XX Band, III Abtheil., стр. 671—862, München 1897. Съ 14-ю планами и др. таблицами. — Дается детальное и весьма старательное описаніе сиракузскихъ катакомбъ: S. Giovanni, Cassia и coemeterium S. Maria di Gesù. Двѣ послѣднія, кажется, существовали уже въ доконстантиновское время; S. Giovanni начатъ въ послѣдней четверти IV-го вѣка. Въ V столѣтіи правильное расширеніе катакомбъ окончилось, но употреблялись онѣ до VII вѣка; съ 878 года онѣ были совершенно заброшены. См. рецензію d. W(aal)'я въ Römische Quartalschrift, 12 (1898), H. 1—2, стр. 94—95.

R. Förster, *Antiochia am Orontes*. Jahrbuch des kais. deutschen archäol. Instituts 12 (1897) стр. 103—149. — Рядъ сдѣланныхъ на мѣстѣ поправокъ и дополненій къ Antiquitates Antiochenae Отфрида Мюллера.

Wladimir Milkowicz, *Zwei Frescokalender in den Bukowiner Klosterkirchen Woronetz u Sucsawitza aus dem XVI. Jahrhundert*. Mittheilungen der k. k. Centralkommission 24 (1898) стр. 1—45 (съ 5 табл.). — По сужденію J. S. (Стржиговскаго) тутъ имѣютъ научное значеніе главы II и III, содержащія описаніе самыхъ фресковыхъ календарныхъ круговъ въ притворахъ названныхъ буковинскихъ монастырей; остальныя части работы исполнены по дилеттантски.

Arthur Haseloff, *Eine thüringisch-sächsische Malerschule des 13. Jahrh.* Studien zur deutschen Kunstgeschichte, 9 Heft. Strassburg, J. H. E. Heitz 1897, 379 стр. съ 49-ю таблицами. — Описаніе ряда лицевыхъ рукописей, возникшихъ при дворѣ ландграфа Германна тюрингенскаго († 1217), показывающихъ сильнѣйшее вліяніе на ихъ мастеровъ византійскаго искусства. Толчокъ къ распространенію этого вліянія дали, по автору, крестовые походы, а центромъ византійскаго вліянія онъ считаетъ Вестфалію.

По исторіи права и медицины:

Dem. D. Desminis, *Die Eheschenkung nach römischem u. insbesondere nach byzantinischem Recht*. Athen, Barth u. v. Hirst. 1897. 6+52 стр. 8°.— Обѣщана рецензія.

W. Kroll, *Astrologisches*. Philologus 57 (1898) стр. 123—133. — Описывается Cod. Laur. 28, 34, XI-го вѣка, и даются сообщенія о нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ астрологическаго содержанія.

Robert Fuchs, *Anatomische Tafeln aus dem griechischen Altertum nach einer Pariser Handschrift zum 1-ten Male herausgegeben*. Deutsche Medic. Wochenschrift 1898, № 1. — Рукопись, о которой идетъ рѣчь,— Paris. suppl. graec. 636, XVII вѣка,—содержитъ рядъ медицинскихъ сочиненій антич-

наго и византійскаго времени и три анатомическія таблицы; Р. Фуксъ считаетъ ихъ античнаго происхожденія.

Далѣе на стр. 504 — 507 находимъ статью г. Стржиговскаго объ уставѣ императорскаго археологическаго института въ Вѣнѣ, появившемся въ печати въ концѣ 1897 года; на стр. 509 объявленіе королевской баварской Академіей темы на соисканіе преміи Зографа по 31 декабря 1900 года (предлагается составить словарь византійскихъ фамильныхъ именъ и изслѣдовать историческое развитіе ихъ формъ и значенія); на послѣдней, 510-ой, страницѣ помѣщенъ некрологъ *Эрвина Роде* († 11 января 1898 г. по новому стилю).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, 2-te Auflage, München 1896. Рец.: **J. Jung,** Mitteilungen des Instituts f. österreichische Geschichtsforschung, 1898, стр. 199—203; **D. Wilkens,** Theologisches Litteraturblatt, 1898, №№ 2 и 4; **Aug. Heisenberg,** Wochenschrift für classische Philologie 1898, № 5, стр. 124—137; **F. X. v. Funk,** Theologische Quartalschrift 80 (1898) 138—141; **S. M(erkle),** Römische Quartalschrift 12 (1898) Heft 1—2, стр. 98—99; Γεώργιος Σωτηριάδης, Ἀθηνᾶ I, 122—131.

F. Blass, *Grammatik des neutestamentlichen Griechisch.* Рец. **A. Deissmann,** Göttinger gelehrte Anzeigen 1898, № 2, стр. 120—124.

A. Ludwich, *Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae* (recensuit A. L.). Рец. **W. Kroll,** Berliner philologische Wochenschrift, 1897, № 47, стр. 1443—1445.

K. Krumbacher, *Kasia.* Рец. **Joh. Dräseke,** Wochenschrift für classische Philologie 1897, № 46.

Richard Raabe, Ἱστορία Ἀλεξάνδρου. Die armenische Übersetzung der sagenhaften Alexanderbiographie (Pseudokallisthenes) auf ihre mutmassliche Grundlage zurückgeführt. Leipzig 1896. Рец. **Ad. Ansfeld,** Blätter für das bayer. Schulwesen, 1898, стр. 130—134.

D. S. Hesseling, *Charos.* Ein Beitrag zur Kenntniss des neugriechischen Volksglaubens. Leiden und Leipzig, Harrassowitz, 1897. Рец. **Albert Thumb,** Deutsche Litteraturzeitung, 1898, № 22, стр. 881—882.

Ν. Γ. Πολίτης, Δημώσεις παροιμίαι ἐν μεσαιωνικοῖς ἑλληνικοῖς ποιήμασιν. Athènes, Perré 1896. Рец. **G. Wartenberg,** Deutsche Litteraturzeitung, 1898, № 18, стр. 703—704.

O. Stählin, *Untersuchungen zu den Scholien zum Clemens Alexandrinus.* Рец. **P. Wendland,** Berliner philologische Wochenschrift 1897, № 51, стр. 1576—1578.

W. Vollert, *Die Lehre Gregors von Nyssa vom Guten und Bösen und von der schliesslichen Ueberwindung des Bösen.* Leipzig 1897. Рец.: **G. Krüger,** Theologische Literaturzeitung, 1898, № 3, стр. 86—87.

Hippolyte Dehelaye, *Eusebii Caesariensis de martyribus Palaestinae lon-*

gioris libelli fragmenta. Bruxelles 1897. Рец.: **Bruno Violet**, Theol. Literaturzeitung 1898, № 9, стр. 243—244.

Paul Bedjan, *Eusèbe de Césarée, histoire ecclésiastique éditée en syriaque pour la première fois* и

Wright and Mac-Lean, *The ecclesiastical History of Eusebius in Syriac* edited by etc. Рец.: **V. Ryssel**, Theol. Literaturzeit., 1898, № 11, ст. 296—304.

Hippolytos' Werke, herausgeg. von **Nathanael Bonwetsch** u. **Hans Achelis**, Band I, и

Hans Achelis, *Hippolytstudien.* Рец. **Gerhart Ficker**, Deutsche Litteraturzeitung, 1898, № 14, ст. 537—542.

Philonis Alexandrini opera quae supersunt, vol. II, edidit **P. Wendland.** Berlin 1897. Рец. **C. Siegfried**, Deutsche Litteraturzeitung, 1898, № 15, ст. 577—579.

C. Holl, *Die Sacra Parallela des Johannes Damascenus* (Texte u. Untersuchungen, herausgeg. von O. Gebhardt и A. Harnack, XVI, H. 1, N. F. 1). Leipzig 1896. Рец. **Loofs**, Theologische Studien und Kritiken 1898, H. 3, стр. 366—372.

K. Krumbacher, *Ein Dithyrambus auf den Chronisten Theophanes.* Рец.: **A. Heisenberg**, Berliner philol. Wochenschrift, 1897, № 49, стр. 1510—1514; **J. Sitzler**, Neue philol. Rundschau, 1898, № 4, стр. 75—77.

N. Nilles, *Kalendarium manuale utriusque ecclesiae*, tomus II, Innsbruck 1897. Рец. **A. Harnack**, Theol. Literaturzeitung 1898, № 4, ст. 112—113.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας т. 3 и 4, и **Онъ же**, Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη, т. 3, и Γεδεών, Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1897. Рец. **Ph. Meyer**, Theol. Literaturzeit., 1898, № 10, ст. 272—276.

A. Ehrhard, *Die Legendensammlung des Symeon Metaphrastes und ihr ursprünglicher Bestand.* Freiburg 1897 и

Hipp. Delehaye *Les ménologes grecs.* Bruxelles 1897 (*Analecta Bollandiana*, extrait du tome XVI fasc. III). Рец. **Ph. Meyer**, Theol. Literaturzeit., 1898, № 11, ст. 308—310.

Hipp. Delehaye, *Synaxarium Sirmondianum* (extrait des Analecta Bollandiana XIV), Bruxelles 1895. Рец. **Ph. Meyer**, Theol. Literaturzeit., 1898, № 11, ст. 308.

Otto Zöckler, *Askese und Mönchtum*, Band I. Рец. **Alb. Ehrhard**, Historische Jahrbücher der Görresgesellschaft 18 (1897), стр. 867—870.

E. Preuschen, *Palladius und Rufinus.* Giessen 1897. Рец. **Grützmacher**, Theol. Literaturzeit., 1898, № 4, ст. 105—108.

Ludwig Eisenhofer, *Procopios von Gaza.* Freiburg 1897. Рец.: **J. S.** въ Römische Quartalschrift 12 (1898) стр. 98 и **Philipp Meyer** въ Deutsche Litteraturzeitung 1898, № 9, ст. 339.

S. K. Götz, *Geschichte der Slavenapostel Konstantinos u. Methodios.* Gotha 1897. Рец. **R. Nachtigall**, Archiv für slavische Philologie 20 (1898), стр. 124—140.

Gerh. Rauschen, *Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosios dem Grossen.* Freiburg 1897. Рец. **S. M(erkle), R**ömische Quartalschrift 1898, H. 1—2, стр. 97—98.

W. Lenel, *Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria.* Strassburg 1897. Рец. **K. Brunner,** Deutsche Litteraturzeitung, 1898, № 7, ст. 279—281.

Johannis Zonarae epitomae historiarum libri XVIII. Vol. III, libri XIII—XVIII. Ed. **Theodorus Büttner-Wobst.** Bonn, Weber 1897. Рец. **A. Heisenberg,** Deutsche Litteraturzeitung 1898, № 13, ст. 506—508.

Κυριακίδης, Ἐπαμ. Θ., Βιογραφίαι τῶν ἐκ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ αὐτὴν χώρας ἀπὸ τῆς ἁλώσεως μέχρις ἡμῶν ἀκμασάντων λογίων. Ἐν Ἀθήναις 1897. Рец. **Ph. Meyer,** Theol. Lit.-Ztg., 1898, № 11, ст. 310—311.

E. Legrand, *Bibliographie hellénique, т. IV.* Paris 1896. Рец. **Ph. Meyer,** тамъ же, ст. 311—312.

H. Omont, *Catalogue des manuscrits grecs, latins, français et espagnols, recueillis par feu Emmanuel Miller.* Paris 1897. Рец. **O. v. Gebhardt, тамъ** же, № 13, ст. 357.

Franz Xaver Kraus, *Geschichte der christlichen Kunst,* II Band, 1 Abt. Freiburg 1897. Рец. **de Waal.** Römische Quartalschrift 1898, H. 1—2, стр. 85—87.

Dr. Franz Bock, *Die byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung Dr. Alex. v. Swenigorodskoi u. das. darüber veröffentlichte Prachtwerk.* Archaeologisch-kunsthistorische Studie. Aachen 1896. Рец. **d. W(aal), тамъ** же, стр. 95—96.

Franz Xaver Kraus, *Geschichte der christlichen Kunst,* Band I, Freiburg 1896 и

Е. Рѣдинъ, *Мозаики равеннскихъ церквей.* Спб. 1896. — Обширная (въ 44 стр.) рецензія **E. Dobbert'a** подъ заглавіемъ: «Zur Geschichte der altchristlichen u. der frühbyzantinischen Kunst», въ Repertorium für Kunstwissenschaft, XXI Band, 1 и 2 Heft (счетъ страницъ по журналу въ доставленномъ редакціи авторомъ оттискѣ не указанъ).

Charles Diehl, *L'art byzantin dans l'Italie méridionale.* Рец. **E. Dobbert,** Rep. f. Kunstwiss. t. XIX, Heft. 1 (12 страницъ).

J. J. Tikkanen, *Die Psalterillustration im Mittelalter. B. I, H. 1. Byzantinische Psalterillustration. Mönchisch-theologische Redaction.* Helsingfors 1896. Рец. **E. Dobbert,** тамъ же, B. XIX, H. 6 (8 стр.).

Hermann Schöne, *Apollonios von Kitium illustrierter Kommentar zu der hippocrateischen Schrift* περὶ ἄρθρων. Leipzig 1896. Рец. **E. Dobbert,** тамъ же, B. XX, Heft 1, стр. 55—67.

Б. Меліоранскій.

ФРАНЦІЯ.

Albert Harrent. *Les écoles d'Antioche. Essai sur le savoir au IV siècle après J.-C.* Paris, Fontemoing 1898. 288 стр. 8°.—Авторъ, повидимому, не спеціалистъ по избранной имъ для изслѣдованія темы, во введеніи говоритъ объ Антіохіи и вообще о четвертомъ вѣкѣ; главная же часть его сочиненія занимается интереснымъ, но слишкомъ труднымъ для автора вопросомъ о 1) школьномъ режимѣ, 2) программахъ, 3) о спеціальныхъ занятіяхъ, 4) о семьѣ, педагогѣ и ученикѣ (La famille. Le Pédagogue. L'étudiant), 5) объ учителяхъ и 6) о высшей риторикѣ (la rhétorique supérieure). — См. Byzantinische Zeitschrift. B. VII (1898). H. II, S. 456.

F. de Mély. *Le «De Monstris» chinois.* Напечатано въ Revue archéologique, troisième série, t. 31 (1897) стр. 353—373—Авторъ говоритъ о китайской Книгѣ Чудесъ, которая содержитъ въ себѣ интересныя аналогіи съ текстомъ Физіолога. Къ тексту приложены многочисленные рисунки.— См. Byz. Zeitschrift. B. VII (1898), H. II, S. 462.

H<enri> O<mont>. *Complément du catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque royale de Madrid.* Напечатано въ Revue des bibliothèques 7 (1896), p. 149—154. — Эти дополненія извлечены изъ бумагъ Иріарта и одного изъ служащихъ при Королевской Мадридской Библіотекѣ въ концѣ прошлаго столѣтія Raphael Casalbon. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 464.

Léon Dorez. *Manuscrits de la bibliothèque capitulaire de Viterbe.* Напечатано въ Revue des bibliothèques, 5 (1895), p. 241—260. — Описанныя здѣсь рукописи заключаютъ въ себѣ только три греческихъ: Физіологъ и нѣкоторые отрывки богословскаго содержанія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 464.

Alfred Jacob. *Notes sur les manuscrits grecs palimpsestes de la bibliothèque nationale.* Напечатано въ Mélanges Jules Havet, Paris, E. Leroux 1895, p. 759—770. — Эта работа представляетъ изъ себя продолженіе изданной въ 1887 году въ «Mélanges Renier» первой части (Paris, p. 347—358). Во второй части авторъ описываетъ двадцать греческихъ палимпсестовъ парижской національной библіотеки. Насколько могъ онъ судить, нижній текстъ рукописей имѣетъ своимъ содержаніемъ богословскія темы. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 464—465.

Léon Dorez. *«Joannes» Lascaris, frère de Janus «Lascaris».* Напечатано въ Revue des bibliothèques 5 (1895) p. 325—329. — Авторъ этой статьи даетъ на основаніи ускользнувшихъ отъ вниманія біографовъ Яна Ласкариса источниковъ, изданныхъ въ Archivio Storico Italiano, III serie, t. 3, 1866, p. 166 sq., сообщенія о до сихъ поръ еще неизвѣстномъ младшемъ братѣ Яна Ласкариса Іоаннѣ Ласкарисѣ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 465—466.

D. C. Hesseling. *Les cinq livres de la loi.*—Рецензія Lazare Belléli появилась въ Revue des études juives 35 (1897) p. 132—155. Возраженія на нее Гесселинга въ Revue des études juives Nr. 70 (1897) p. 314—318.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 470.

Th. Reinach. *Fragments musicologiques inédits.* Напечатано въ Revue des études grecques, 10 (1897) p. 313—327.—Сообщаемые здѣсь отрывки заимствованы авторомъ изъ послѣднихъ листовъ Cod. Vatic. gr. 192 S. XIV, который заключаетъ въ себѣ различныя сочиненія о музыкѣ, напр. Псевдо-Пселла, Аристида, Квинтиліана, Клавдія Птолемея и т. д. Авторъ въ своей работѣ даетъ трудный для чтенія текстъ, снабжая его ученымъ комментаріемъ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 470.

E. Michaud. *Le dogme et la spéculation théologique dans la question trinitaire. IV.* Les pères. Напечатано въ Revue internationale de théologie. 6 (1898) p. 57—85.—Авторъ на стр. 58—77 своей работы приводитъ относящіяся къ его темѣ мѣста греческихъ отцевъ церкви, отъ Юстина до Іоанна Дамаскина, въ латинскомъ переводѣ, исключая св. Аѳанасія, извлеченія изъ котораго приведены въ нѣмецкомъ переводѣ Лаухерта (См. *Lauchert.* Die Lehre des hl. Athanasius des Grossen. Leipzig, 1895).—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 470.

T. J. Lamy. *Les commentaires de S. Éphreme sur le prophète Zacharie.* Напечатано въ Revue biblique, 6 (1897) p. 535—546; 7 (1898) p. 89—97.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 472.

A. Durand S. I. *L'origine du Magnificat.* Напечатано въ Revue biblique. 7 (1898) p. 74—77.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 486.

Joseph Viteau. *Passions des Saints Écaterine et Pierre d'Alexandrie, Barbara et Anysia.* Publiées d'après les manuscrits grecs de Paris et de Rome avec un choix de variantes et une traduction latine par l'Abbé J. V. Paris, Ém. Bouillon 1897. II + 125 стр. 8°. 7 Frcs.—Во всѣхъ отношеніяхъ совершенно слабая работа, которая могла бы смѣло не появляться.—См. безпощадный, но справедливый отзывъ проф. Крумбахера въ Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 480—483.

André Lefèvre. *L'histoire. Entretiens sur l'évolution historique.* Paris, Schleicher frères, 1897, VIII + 693 стр. 8°. Напечатано въ Bibliothèque des sciences contemporaines, II. Série I.—На стр. 361—378 авторъ говоритъ о византійскомъ Востокѣ отъ Аркадія до Ираклія съ антропологической точки зрѣнія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 487.

E. Blochet. *L'histoire d'Alep de Kamal-Ad-Din. Version française d'après le texte arabe.* Напечатано въ Revue de l'Orient latin 5 (1897) p. 37—107.—Продолженіе уже ранѣе нами указаннаго перевода, гдѣ встрѣчаются мѣста, касающіяся византійской исторіи.—См. Виз. Временникъ, т. IV (1897) стр. 719.

N. Jorga. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle.* Напечатано въ Revue de l'Orient latin 5 (1897) p. 108—212.—Въ этомъ продолженіи указанной уже ранѣе нами работы (см. Виз. Врем.

Т. V, вып. 1—2, с. 326) можно также найти много данныхъ и для византійской исторіи, напр. объ Іоаннѣ Кастріотѣ, объ императорѣ Іоаннѣ VIII и т. д.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 488.

L. Duchesne. *Les premiers temps de l'état pontifical.* Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses, 3 (1898) p. 25—30. — Общіе заключительные выводы изъ всей работы.

Eug. Marin. *Les moines de Constantinople depuis la fondation de la ville jusqu'à la mort de Photius* (330—898). Paris, V. Lecoffre, 1897, XX + 546 стр. 8°.—Будетъ рецензія.

Jules Gay. Etude sur la décadence du rite grec dans l'Italie méridionale à la fin du XVI siècle. Напечатано въ Revue d'histoire et littérature religieuses, 2 (1897), p. 481—495.—Авторъ, уже извѣстный своимъ трудомъ по исторіи греческаго церковнаго ритуала въ Калабріи и Terra d'Otranto въ XIV вѣкѣ, въ настоящей статьѣ изучаетъ на основаніи сохранившейся въ Неаполѣ рукописи «Miscellanea de' riti specialmente greci» и литературныхъ источниковъ состояніе албанскихъ и греческихъ церковныхъ общинъ въ Южной Италіи въ XVI вѣкѣ и ихъ подчиненіе латинскому ритуалу. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 491.

P. Perdrizet et Ch. Fossey. *Voyage dans la Syrie du Nord.* Напечатано въ Bulletin de correspondance hellénique 21 (1897) p. 66—91.—Въ этомъ описаніи путешествія, въ которомъ, по большей части, заключается эпиграфическій матеріалъ, для насъ интересенъ параграфъ «Sculptures rupestres dans une des nécropoles d'Antioche» (стр. 79 — 85), гдѣ рѣчь идетъ о высѣченной въ скалѣ близъ Антіохіи большой головѣ. На основаніи свидѣтельства византійскаго хрониста Малалы, который разсказываетъ, что при Антіохѣ Эпифанѣ одинъ чародѣй приказалъ, какъ талисманъ противъ чумы, вырубить въ скалѣ передъ городомъ маску, которая у антіохійцевъ еще во время Малалы называлась Χαρώνιον, Ренанъ видѣлъ въ ней Харона. Французскіе путешественники на основаніи того, что сохранившаяся голова не имѣетъ бороды и носитъ на себѣ родъ фригійской шапки, предполагаютъ въ этомъ изображеніи не Харона, а какое нибудь фригійское божество въ родѣ Аттисъ или Митры.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 494.

Hans Semper. *Ivoires du X-e et du XI-e siècle au musée national de Buda-Pesth.* Напечатано въ Revue de l'art chrétien 8 (1897), 5 et 6 livraisons, со многими изображеніями. — Авторъ задался цѣлью прослѣдить вліяніе византійскихъ типовъ ivoires на Западъ. Главная заслуга работы заключается въ прекрасномъ изслѣдованіи о развитіи типа тѣхъ изображеній, которыя обыкновенно называются «Женщины у Гроба Господня.»— См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 494—495.

P. Saccardo. *Les mosaïques de Saint-Marc à Venise.* Venise, Ferd. Ongania, 1897. Рецензія появилась въ Civiltà cattolica, serie XVII, vol. I, quaderno 1142, p. 195—205.

Emile Molinier. *La coiffure des femmes dans quelques monuments by-*

zantins. Напечатано въ Etudes d'histoire du Moyen Age dédiées à G. Monod, Paris, 1896, p. 61—70.

G. Millet. *Inscriptions byzantines de Trébizonde.* Напечатано въ Bulletin de correspondance hellénique. 20 (1896) p. 496—501. — Millet издалъ и подробно объяснилъ пять надписей изъ Трапезунта: одну изъ небольшой посвященной Іоанну Крестителю церкви отъ 1306 года и четыре надписи на колодцахъ, написанныя ямбическими стихами, отъ 1487, 1506, 1509 и 1713 годовъ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 499.

E. Blochet. *Note sur quatre inscriptions arabes d'Asie Mineure et sur quatre inscriptions du sultan mamlouk Kaitbay.* Напечтвано въ Revue sémitique, 6 (1898), p. 75—83.—Для насъ имѣетъ интересъ изданная здѣсь двуязычная арабо-греческая надпись (p. 75 — 79). Греческій текстъ невѣрно понятъ авторомъ. Надпись относится къ первой четверти XIII в. и говоритъ о Синопѣ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 499.

Caron. *Trouvailles de monnaies du Moyen Age à Delphes.* Напечатано въ Bulletin de corresp. hellén. 21 (1897) p. 26—39. — Эта публикація имѣетъ важное значеніе для нумизматики латинскаго Востока. При французскихъ раскопкахъ въ Дельфахъ въ 1894 году было найдено четыре клада средневѣковыхъ монетъ, часть которыхъ авторъ въ сотрудничествѣ съ греческимъ нумизматомъ I. Svoronos и изслѣдовалъ въ настоящей работѣ. По большей части, эти монеты относятся къ эпохѣ ахейскихъ князей, аѳинскихъ герцоговъ, властителей Хіоса и венеціанскихъ дожей XIII и XIV вѣковъ. Три изъ упомянутыхъ клада были зарыты около 1340 года. Въ заключеніе авторъ даетъ обзоръ ранѣе уже найденныхъ монетъ изъ времени латинскаго господства въ Греціи. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 499—500.

P. Batiffol. *Sozomène et Sabinos.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift, B. VII (1898), H. II, S. 265—284. — Авторъ этого изслѣдованія касается вопроса объ источникахъ церковнаго историка Созомена. Извѣстно, что главнымъ источникомъ послѣдняго былъ Сократъ. Но Созоменъ, пользуясь имъ, дополнялъ его и провѣрялъ по своему лучшему источнику, который, по мнѣнію Батиффоля, есть Сабинъ. Сабинъ, трудъ котораго состоялъ въ собраніи актовъ различныхъ соборовъ начиная съ никейскаго, извѣстенъ намъ единственно черезъ Сократа, который неоднократно о немъ упоминаетъ. Батиффоль, на основаніи разбора свѣдѣній, сообщаемыхъ Созоменомъ, предполагаетъ, что послѣдній не зависитъ отъ Сабина черезъ посредство Сократа, но что Созоменъ, придерживаясь вообще Сократа какъ своего главнаго источника, дополнялъ его Сабиномъ. Авторъ считаетъ вопросъ о прямой зависимости Созомена отъ Сабина весьма деликатнымъ, такъ какъ самъ Созоменъ ни разу не назвалъ въ своей исторіи имени Сабина, а текстъ послѣдняго до насъ не дошелъ.

J. Bidez. Une copie de la chronique de Georges le Moine conservée à la bibliothèque de Patmos. Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. B. VII (1898), H. II, S. 285—298. — Сопоставляя текстъ патмосской рукописи

Георгія Монаха съ другими извѣстными кодексами, авторъ говоритъ, что текстъ ея принадлежитъ къ Coislinianus 310.

Albert Ballu. *Le monastère byzantin de Tébessa.* Paris, Ernest Leroux., 1897 in fol. (avec dessins, phototypie et planches en couleur). Prix 50 frs.— Будетъ рецензія.

G. Schlumberger. *Renaud de Chatillon, prince d'Antioche, seigneur de la Terre d'Outre-Jourdain.* Ouvrage orné de gravures. Paris. Librairie Plon. 1898. VIII+407 стр. 8°.—Надо положительно удивляться плодовитости и неутомимому трудолюбію французскаго академика Густава Шлумбергера, который выпустилъ только-что въ свѣтъ новый томъ въ четыреста страницъ, заглавіе котораго приведено выше. На этотъ разъ онъ перенесъ область своихъ изслѣдованій отъ исторіи X вѣка Византіи въ эпоху французской исторіи на Востокѣ въ періодъ крестовыхъ походовъ XII вѣка. Вниманіе г. Шлумбергера остановилось на личности одного дѣйствительно очень интереснаго дѣятеля той эпохи — Рено Шатильонскаго, князя Антіохіи, позднѣйшаго властителя Заіорданской области, такъ называемой Каракъ-де-Монреаль (Karak-de-Montréal). Во введеніи авторъ говоритъ: перечитывая со страстью древнія франкскія и арабскія хроники, которыя сохранили до нашего времени славу заморскихъ христіанскихъ воиновъ, ихъ удаль, ихъ славу, ихъ страданія и приключенія въ эпоху крестовыхъ походовъ, я особенно остановилъ свое вниманіе на смѣлой и трагической личности одного изъ самыхъ необыкновенныхъ героевъ этой длинной эпопеи, Рено Шатильонскаго. Цѣль автора на основаніи доступныхъ источниковъ, которые въ данномъ случаѣ не даютъ много матеріала, разсказать жизнь своего героя. Рено отправился изъ Франціи на востокъ въ свитѣ Людовика VII, когда послѣдній въ 1147 году съ Конрадомъ германскимъ предпринялъ крестовый походъ. Въ первый разъ имя Рено упоминается при осадѣ Аскалона въ 1153 году. Женившись на молодой вдовѣ умершаго князя антіохійскаго Констанціи, Рено сдѣлался самъ княземъ Антіохіи. Вступивъ въ соглашеніе съ византійскимъ императоромъ Мануиломъ, Рено сражался противъ армянскаго князя Тора, но сейчасъ же, порвавъ сношенія съ императоромъ, вступилъ въ союзъ съ Торомъ и во время полнаго мира сдѣлалъ опустошительное нашествіе на Кипръ. Разсерженный Мануилъ двинулся въ Малую Азію и побѣдилъ Тора. Рено, явившись въ лагерь императора въ Массисѣ, подвергся всевозможнымъ униженіямъ и согласился признать суверенитетъ византійскаго императора, который послѣ этого провелъ восемь дней въ Антіохіи. Взятый въ 1160 году въ плѣнъ братомъ Нурредина, Рено шестнадцать лѣтъ провелъ въ заключеніи въ Алеппо, и только въ 1176 году ему удалось выкупиться и вернуться въ Антіохію, а оттуда въ Іерусалимъ ко двору короля Балдуина IV, отъ котораго онъ получилъ въ управленіе земли Каракъ-де-Монреаль, составляющія рядъ пограничныхъ крѣпостей далеко на востокѣ, за Мертвымъ моремъ и Іорданомъ. Здѣсь онъ заставилъ говорить о себѣ своею борь-

бою съ Саладиномъ и, наконецъ, фантастической экспедиціей для завоеванія Мекки и Медины, когда франки, отправившись на корабляхъ изъ Айлы (Акаба), самой сѣверной гавани Краснаго моря, были избиты мусульманами въ Аравіи въ 1183 году сравнительно уже не далеко отъ Медины. Послѣдующая борьба Рено съ Саладиномъ, который неоднократно осаждалъ Каракъ, окончилась знаменитой битвой 4 іюля 1187 года при Тиверіадскомъ озерѣ или при Хиттинѣ, когда все франкское войско во главѣ съ послѣднимъ іерусалимскимъ королемъ Гвидо Лузиньяномъ сдѣлалось добычей мусульманъ. Рено былъ убитъ собственною рукою Саладина. Такъ кончилась жизнь «одного изъ самыхъ смѣлыхъ, одного изъ самыхъ необыкновенныхъ воиновъ крестовыхъ походовъ, одного изъ тѣхъ желѣзныхъ людей XII вѣка, судьба которыхъ была, можетъ быть, самая фантастическая, которые фигурировали бы на ряду съ полубогами, если бы жили въ древности» (p. 2—3). Автору удалось на основаніи хроникъ, изданныхъ въ Recueil des Historiens des Croisades, довольно живо нарисовать типъ Рено и дать вообще интересную книгу для чтенія. Въ способѣ изложенія г. Шлумбергеръ остался вѣренъ самому себѣ; его страсть рисовать картины на основаніи своего воображенія выразилась въ этомъ трудѣ, кажется, даже въ большей степени, чѣмъ въ предыдущихъ болѣе серьезныхъ трудахъ; см. напр. описаніе уличной жизни въ Антіохіи (p. 36—42). Книга, благодаря своему сюжету и популярному изложенію, должна найти многочисленныхъ читателей, особенно во Франціи.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

Bessarione. *Pubblicazione periodica di studi orientali.* Roma-Siena, Tipografia S. Bernardino in Siena 1897. Anno II (1897) Nr. 15—16 и 17—18.— Въ этихъ двухъ двойныхъ книжкахъ изданія Виссаріона для насъ могутъ быть интересны: 1) *Umb. Benigni.* Una formola magica bizantina (p. 374—388), гдѣ даются объясненія къ одной изъ формулъ, изданныхъ *А. Васильевымъ* въ Anecdota byzantina (p. 336); 2) Rome et le 28 canon de Chalcédoine (p. 215—224); 3) L'iscrizione di Abercio (p. 245—259 и 357—373) и 4) Intorno ai SS. Giasone e Sosipatro, apostoli di Corfu (p. 331—337). — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 463; см. также S. 461, 480, 489.

Dom Bassi. *Notizie di codici greci nelle biblioteche italiane.* Напечатано въ Rivista di filologia e d'istruzione classica. 26 (1898), p. 1—7. — Въ этомъ продолженіи своей уже отмѣченной на страницахъ Византійскаго Временника работы (См. т. V, вып. 1 и 2 стр. 330) Басси говоритъ объ изданіяхъ и рукописяхъ трактата Пселла о Халдейскихъ Оракулахъ и даетъ на основаніи Cod. Ambros. B. 136 sup. исправленный текстъ изданной еще въ XVI вѣкѣ Franc. Patrizi (Zoroaster et ejus CCCXX oracula chaldaica, Ferrara 1591 и Венеція 1593) работы: Ἔκθεσις κεφαλαιώδης καὶ

σύντομος τοῦ Ψελλοῦ τῶν παρ' Ἀσσυρίοις δογμάτων.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, (1898), H. II, S. 465.

Augusto Mancini. *Della composizione della historia ecclesiastica di Eusebio Cesariense.* Напечатано въ Studi storici 6 (1897), p. 321—331. — Продолженіе отмѣченной въ Византійскомъ Временникѣ работы (Т. V, вып. 1 и 2, с. 331). Отрывокъ церковной исторіи Евсевія за восьмой книгой написанъ подъ вліяніемъ de mortibus persecutorum и былъ назначенъ для второй редакціи Церковной Исторіи; но впослѣдствіи онъ былъ выпущенъ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 471.

Augusto Mancini. *La storia ecclesiastica di Eusebio e il de mortibus persecutorum.* Напечатано въ Studi storici, 5 (1896), p. 555—571. 6 (1897) p. 125—135. — Евсевій въ трехъ послѣднихъ книгахъ своей церковной исторіи критически относился къ сочиненію de mortibus persecutorum, которымъ пользовался какъ источникомъ; Евсевій очевидно не зналъ о принадлежности этого сочиненія Лактанцію. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H II, S. 471—472.

Giovanni Markovic. *Gli Slavi ed i Papi.* Parte I. Zagabria, officina della Società tipografica 1897. XLIV + 412 стр. 8°.—Подробныя рецензіи появились *N. Nilles* въ Zeitschrift für katholische Theologie 22 (1898) S. 127—134 и *Anonymus* въ La civiltà cattolica anno 48 (1897) ser. XVI vol. XII quad. 1138, p. 436—472.

<H. Grisar>. 77. *Il musaico di S. Pudenziana a Roma cogli edifici dei luoghi santi.* 78. *Altri monumenti di Palaestina in altre antiche opere di arte. L'altare di Abramo e la pietra della Presentazione.* 79. *Il sacro Sepolcro nell'arte antica cristiana.* 80. *Il tempio sul musaico di S. Maria Maggiore.* 81. *Nuove scoperte e nuovi studii.* Напечатано въ Civiltà cattolica, 1897, t. IV p. 473—483. — Работа, основанная на статьѣ Лефорта въ Nuovo Bullettino di archeologia cristiana 1896 и трудѣ Айналова.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 495.

<H. Grisar>. 73—75. *Le reliquie dei sette fratelli Maccabei.* 76. *La pianta di Gerusalemme in un musaico palestinense del secolo* VI. Напечатано въ Civiltà cattolica 3 (1897) p. 719—729. — Рѣчь идетъ о найденномъ въ 1876 году въ R. Pietro in vincoli саркофагѣ съ реликвіями «septem fratrum machabeorum et amborum parentium eorum ac innumerabilium aliorum sanctorum», которыя были перевезены изъ Антіохіи въ Римъ. Послѣдняя замѣтка касается извѣстной найденной недавно въ Мадабѣ географической мозаики. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 495.

Giulio Carotti. *Relazione sulle antichità entrate nel museo patrio di Archeologia in Milano nel 1896.* Напечатано въ Bollettino della consulta del Museo archeologico in Milano (Brera). Milano 1897.—На 23 стр. находится слѣдующая греческая надпись съ интереснымъ орнаментомъ: ΑΓΗΩϹ ΤΟΥΜ ΒΡΩ ϹΗΟΥϹ ΠΑΠΑ ΑΙΛΑΙ ΜΑΙΔΗΛΑ ΝΕ ΝϹΗϹ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 495.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

Spyr. P. Lambros. *Greek Manuscripts in Cephalonia.* Напечатано въ The Athenaeum 1896. Nr. 3595 p. 389. — Къ греческимъ монастырскимъ библіотекамъ, рукописи которыхъ еще не вошли въ національную аѳинскую библіотеку, принадлежатъ двѣ библіотеки на Кефалоніи, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями изъ частныхъ библіотекъ были описаны Іоанномъ Цецесъ. Ламбросъ говоритъ о публикаціи Цеца. Среди описанныхъ рукописей находится пергаментъ IX вѣка, содержащій въ себѣ Lexika; другая рукопись заключаетъ въ себѣ Типикъ Исаака, сына императора Алексія Комнина, одному изъ возобновленныхъ имъ монастырей. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898) H. II, p. 464.

J. B. Bury. Ἀμφότεροι *in Later Greek.* Напечатано въ The Classical Review, 11 (1897) p. 393—395. — Англійскій ученый, исходя изъ утвержденія Рейске въ одномъ изъ его примѣчаній къ De ceremoniis Константина Порфиророднаго (ed. Bonn. II p. 500), что ἀμφότεροι въ языкѣ позднѣйшихъ грековъ равнялось по значенію πάντες, доказываетъ, что это такъ дѣйствительно и было. Но для этого употребленія ἀμφότεροι Bury не могъ привести болѣе ранняго примѣра, какъ одно мѣсто изъ Дигениса Акрита по гроттаферратской рукописи (ed. Legrand, II 244): καὶ ἀμφότεροι παρευθὺς εἰς τὸν γαμβρὸν εἰσῆλθον, гдѣ ἀμφότεροι относится къ пяти лицамъ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 469.

Anonymus. *Eucharistic doctrin in the eastern church.* Напечатано въ The Dublin Review, 122 (1898), p. 174—179. — Анонимный авторъ переводитъ и критикуетъ замѣчанія Мальцева (Maltzeff) въ предисловіи къ его книгѣ «Bitt-Dank-und Weihegottesdienste der orthodox-katholischen Kirche des Morgenlandes». Berlin, 1897. — См. Byz. Zeitschr. B.VII (1898), H. II, S. 470.

John Parker. *The works of Dionysius the Areopagite, now first translated into English from the original Greek.* London-Oxford, James Parker and Co. 1897. XVI + 208 стр. 8°.—Подробная рецензія появилась въ Zeitschrift für katholische Theologie (I. Stiglmayr), 22 (1898) p. 135—139.

John Parker. *Are the writtings of Dionysius the Areopagite genuine?* London, James Parker and Co. 1897, 20 стр. 8°. — Авторъ приходитъ къ убѣжденію, что сочиненія Ареопагита подлинны.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 472—473.

Horwad Osgood. *The archaeology of baptism.* Напечатано въ The Bibliotheca sacra, 55 (1898) Nr. 217, S. 1—28.—Объ этой статьѣ можно упомянуть, потому что въ ней разсказывается о практикѣ греческой церкви и приводятся свидѣтельства греческихъ отцевъ церкви.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 486.

Eduard Gibbon. *The history of the decline and fall of the Roman empire*, edited in seven volumes with introduction, notes, appendices and index

by *J. B. Bury*, M. A. Vol. II, XIV+570 c. (съ тремя картами). Vol. III, XIII+508 стр. (съ одной картой). Vol. IV, XIV+546 стр. 8°. London, Methuen and Co. 1896. 1897. 1898. — Эти три тома новаго превосходнаго изданія классическаго произведенія Гиббона содержатъ XV — XLIV главы, т. е. время отъ Константина Великаго до смерти Юстиніана. Какъ и въ первомъ томѣ, Bury сопровождаетъ текстъ Гиббона своими примѣчаніями, которыя отъ примѣчаній автора отдѣляются скобками. Въ концѣ каждаго тома Bury на основаніи новой, прекрасно знакомой ему литературы сообщаетъ о важнѣйшихъ результатахъ новѣйшихъ изслѣдованій объ источникахъ и отдѣльныхъ болѣе важныхъ событіяхъ и явленіяхъ. Въ концѣ второго тома Bury говоритъ о Секстѣ Юліѣ Африканѣ и Евсевіѣ, Анонимѣ Валезія, Либаніѣ, Амміанѣ Марцеллинѣ, Евнапіѣ, Зосимѣ, о церковныхъ историкахъ IV и V столѣтій, о происхожденіи гностицизма, объ эрахъ отъ Сотворенія міра, древнѣйшемъ устройствѣ христіанской церкви, о гоненіяхъ на христіанъ, объ Августеумѣ въ Константинополѣ, о раздѣленіи имперіи, объ арміи, о Константинѣ и христіанствѣ и т. д. Въ концѣ третьяго тома разбираются вопросы о Синесіи, происхожденіи Гунновъ (p. 493 sq.), о библіотекахъ въ Александріи, о нѣкоторыхъ извѣстіяхъ Прокопія (p. 504 sq.). Въ концѣ четвертаго тома издатель говоритъ о Кандидѣ, Малхѣ, Гезихіѣ Милетскомъ, Θеодорѣ Анагностѣ, Іоаннѣ Лидѣ, Прокопіѣ (p. 513 sq. и 536 sq.), Агаѳіи, Малалѣ, Іоаннѣ Антіохійскомъ, о происхожденіи монастырской жизни, о цирковыхъ партіяхъ въ Константинополѣ, торговлѣ Византіи съ Китаемъ, происхожденіи турокъ (p. 539 sq.), объ аксумитахъ и химъяритахъ и т. д. Рецензію на третій томъ см. *G. Mc N. Rushforth* въ The English Historical Review. 13 (1898), p. 131 sq.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 486—487.

W. H. Hutton. *The church of the sixth century.* London, Longmans 1897. Рецензія появилась въ The English Historical Review (H. M. Gwatkin), 13 (1898), p. 135 sq.

J. G. C. Anderson. *The road-system of eastern Asia Minor with evidence of byzantine campaigns.* Напечатано въ Journal of Hellenic Studies, 17 (1897), p. 22—44 (съ картой). — Центральнымъ пунктомъ, гдѣ соединялись дороги восточной Малой Азіи, была Кесарія, вторымъ и менѣе важнымъ Севастія (Сивасъ). Въ этой области авторъ и производитъ изысканія, описывая съ начала дороги отъ Кесаріи на востокъ и югъ вмѣстѣ съ дорогою изъ Мелитины къ Комагену, а затѣмъ дороги, выходящія изъ Севастіи. Далѣе авторъ слѣдитъ за исторіей византійскихъ походовъ въ выше отмѣченной области. Эта работа важна для малоазіятской географіи и военной исторіи.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 491.

Edwin A. Grosvenor. *Constantinople.* With an introduction by *Lew. Wallace.* 2 voll. London. 1895.—Содержаніе намъ неизвѣстно.

Cecil Torr. *On portraits of Christ in the British Museum.* London, C. J. Clay and Sons. 1898. 14 стр. 8°.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 498.

Federico Halbherr. *Report on the expedition of the institute to Crete. Inscriptions from various Cretan cities. Christian inscriptions.* Напечатано въ American Journal of Archaeology, 11 (1896) p. 525—613. — Для насъ изъ этой интересной и содержательной публикаціи имѣетъ значеніе третій отдѣлъ (p. 602—613), гдѣ авторъ издаетъ христіанскія надписи съ Крита съ ихъ факсимиле и снабжаетъ ихъ изданіе богатымъ комментаріемъ.—См. Byz. Zeitschr. B. VII (1898), H. II, S. 498.

E. W. Brooks. *A Syriac Chronicle of the year 846.* Напечатано въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. B. 51 (1897) S. 569 — 588. — Давно уже признано, что восточныя хроники имѣютъ очень важное значеніе для византійской исторіи; поэтому нельзя пройти молчаніемъ новую работу Брукса, гдѣ рѣчь идетъ и о византійскихъ событіяхъ. Въ Британскомъ Музеѣ (Add. MS. 14, 642) имѣются отрывки двухъ сирійскихъ хроникъ, написанныхъ рукою X вѣка и принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ произведеніямъ. Болѣе длинная изъ хроникъ (fols. 1—36 a, 40, 41) въ своемъ настоящемъ видѣ начинается со времени Іакова и доходитъ до 846 года, вскорѣ послѣ чего она должна быть и написана. Бруксъ въ настоящей работѣ, оставивъ въ сторонѣ болѣе раннюю часть хроники, какъ не имѣющую исторической цѣнности, занимается ея второю частью, которая заключаетъ въ себѣ два короткихъ отрывка съ годами 574—582 и 601—610 и дальнѣйшій краткій разсказъ о событіяхъ отъ 679 до 846 года. Бруксъ замѣчаетъ, что источники этой части хроники были тѣ же самые, какъ у Ѳеофана, какъ въ хроникѣ, приписываемой Діонисію Теллъмахрійскому, какъ у Михаила Сирійца, которому позднѣе слѣдовалъ Григорій Абулъ-Фараджъ (Бар-Эбрей). Хотя разсказъ хроники очень близко сходится съ данными трехъ упомянутыхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе она сообщаетъ много интересныхъ подробностей, которыхъ не даютъ другіе источники. Она сообщаетъ, напримѣръ, свѣдѣнія о вымогательствахъ арабскихъ правителей въ Месопотаміи, даетъ имя неизвѣстнаго до сихъ поръ эдесскаго епископа Аѳанасія, котораго нужно помѣстить между Константиномъ и Тимоѳеемъ. Послѣдняя часть хроники сама собою распадается на три отдѣла: 1) общій разсказъ о византійской, арабской и церковной исторіи отъ 679 до 728 года, 2) церковная исторія съ краткими замѣчаніями о калифахъ отъ 734 до 784 года и 3) простой перечень калифовъ и патріарховъ отъ 784 по 846 годъ. Послѣдній отдѣлъ, вѣроятно, является простой прибавкой кописта; поэтому происхожденіе самой хроники должно относиться ко времени немного болѣе позднему, чѣмъ 784 годъ. Составлена хроника была, вѣроятно, въ городѣ Karrhai.

Рукопись второй болѣе краткой хроники, разсказывающей преимущественно о церковныхъ событіяхъ съ 755 по 813 годъ, очень испорчена, и Бруксъ ее не издаетъ. Сирійскій текстъ первой хроники напечатанъ на стр. 571—579; за этимъ слѣдуетъ англійскій переводъ, снабженный при-

мѣчаніями (стр. 579—588). Для византійской исторіи интересны сообщенія хроники объ арабо-византійскихъ столкновеніяхъ въ М. Азіи до 728 года.

Guy le Strange. *A Greek Embassy to Bagdad in 917 A. D.* Translated from the Arabic MS. of Al-Khatib, in the British Museum Library. Напечатано въ The Journal of the Royal Asiatic Society, 1897, p. 35—45.—На основаніи рукописи Британскаго Музея, заключающей въ себѣ «Исторію Багдада» Ал-Хатиба, которая была имъ составлена въ 451 году хиджры (17 февр. 1059—5 февр. 1060 г.), Guy le Strange даетъ переводъ его разсказа о посольствѣ патриція Іоанна Радина и Михаила Токсара въ 917 году въ Багдадъ къ халифу Муктадиру, современнику Константина Порфиророднаго. Арабскій текстъ даетъ очень подробный и интересный разсказъ о пріемѣ посольства при дворѣ халифа, описываетъ роскошь дворцовъ, блескъ обстановки и торжественность самаго пріема. Полное имя этого писателя — Абу-Бекр-Ахмед-ибн-Али-ибн-Табит-ал-Хатиб-ал-Багдади (392 — 463 хиджры = 1002 — 1071 г. нашей эры); онъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ багдадскихъ историковъ и проповѣдниковъ своего времени, откуда и произошло его прозваніе хатибъ-проповѣдникъ. См. *Wüstenfeld.* Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen. 1882, S. 69 № 208.

А. Васильевъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Н. И. Тиктинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса 1898. 8°. 278 стр.

Н. Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. Ярославль 1898. 8°. XIII + 597 + VI стр.

Н. Суворовъ. Вопросъ о Номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. По поводу статьи проф. А. С. Павлова: «Номоканонъ при большомъ требникѣ» изд. 1897 г. Ярославль 1898. 8°. V + 112 стр.

А. Ѳ. Семеновъ. Житіе преподобнаго Симеона Дивногорца, по мюнхенской греческой рукописи XI в. (Cod. graecus 3). Кіевъ 1898. 8°. 23 стр.

Ю. А. Кулаковскій. Новыя данныя для исторіи стараго Крыма. Спб. 1898. 8° 14 стр. Отд. отт. изъ «Записокъ Имп. Русск. Арх. Общ. Труды. Отд. археол. древне-класс., визант. и зап.-европ.» X, кн. 3.

Н. Каптеревъ. Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Православный Палест. Сборникъ. Томъ XV., вып. 1 (продолженіе). Спб. 1898.

Augustin Nuth. De Marci Diaconi vita Porphyrii episcopi Gazensis quaestiones historicae et grammaticae. Diss. philol. Bonnae 1897. 8°. 62 стр.

Karl Buresch. Aus Lydien. Epigraphisch-geographische Reisefrüchte. Herausgegeben von Otto Ribbeck. Mit einer von H. Kiepert gezeichneten Karte. Leipzig, B. G. Teubner 1898. 8°. XV + 227 стр. Цѣна 14 марокъ.

Theodorus Preger. Anonymi Byzantini Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί. Programm des Kgl. Maximilians-Gymnasiums. München 1898. 8°. IV + 50 стр.

Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt. Edidit Ursulus Philippus Boissevain. Vol. II. Berolini, Weidmann. 1898. 8°.

Erwin Preuschen. Palladius und Rufinus. Ein Beitrag zur Quellenkunde des ältesten Mönchtums. Texte und Untersuchungen. Giessen, J. Ricker. 1897. 8° VI + 268 стр. Цѣна 12 марокъ.

Otto Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Anhang zum ersten Bande. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, Siemenroth et Troschel 1898. 8°. стр. 429—807.

Dem. D. Desminis. Die Eheschenkung nach römischem und insbesondere nach byzantinischem Recht. Athen, Barth & v. Hirst. 1897. 8°. VI + 52 стр.

Karl Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchthum. Eine Studie zu Symeon dem neuen Theologen. Leipzig, J. C. Hinrichs. 1898. 8°. VI + 332 стр. Цѣна 10 марокъ.

The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac, edited from the manuscripts by the late William Wright and Norman Mc Lean, with a collation of the ancient armenian version by Adalbert Merx. Cambridge, University press. 1898. 8°. XVII + 418 стр. Цѣна 25 шилл.

Gustave Schlumberger. Renaud de Chatillon, prince d'Antisoche, seigneur de la Terre d'Outre-Jourdain. Ouvrage orné de gravures. Paris, Plon 1898. 8°. VIII + 407 стр.

L'abbé Marin. Les moines de Constantinople depuis la fondation de la ville jusqu'à la mort de Photius (330—398). Paris, Victor Lecoffre 1897. 8°. XX + 546 стр.

Ernest Chantre. Mission scientifique en Cappadoce (1893—1894). Recherches archéologiques dans l'Asie centrale. Illustré de 30 planches en noir et en couleur, une carte et 200 dessins dans le texte. Paris, Ernest Leroux 1898. 8°. Цѣна 50 фр.

Eugenius Marin. De Studio, cenobio Constantinopolitano. Parisiis, V. Lecoffre 1897. X + 130 стр.

Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCVII. Nunc primum edidit Nicolaus Festa. Accedunt appendices IV. Firenze 1898. 8°. XII + 414 + 3 стр. Цѣна 22 фр.

Σπ. Π. Λάμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Τεῦχος 79.

ОТДѢЛЪ III.

Къ вопросу о Мономаховой шапкѣ. Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, происходившихъ въ минувшемъ году, почетнымъ членомъ Общества, г. Филимоновымъ, было сдѣлано сообщеніе «О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха». Референтъ доказывалъ, что, вопреки существующему мнѣнію ученыхъ, шапка Мономаха не носитъ на себѣ признаковъ ни византійскаго происхожденія, ни XII вѣка, а должна быть отнесена къ произведеніямъ арабскаго искусства начала XIV вѣка. Доказательства свои г. Филимоновъ подтвердилъ представленными имъ многочисленными рисунками, изображающими собою точныя копіи съ работъ извѣстныхъ арабскихъ мастеровъ не только въ металлическихъ издѣліяхъ, но и въ миніатюрахъ рукописей, въ цвѣтныхъ поливныхъ издѣліяхъ и въ коврахъ. Растительный и геометрическій орнаментъ на этихъ работахъ оказался по стилю тожественнымъ съ филигранною работой, украшающею шапку Мономаха. Референтъ доказывалъ, что шапка эта сработана въ Каирѣ въ XIV вѣкѣ и прислана египетскимъ султаномъ Эль-Меликъ-Энъ-Насиръ-Ибнъ-Калауномъ въ 1317 году родственнику своему, золотоордынскому хану Узбеку, а этимъ послѣднимъ передана собирателю русской земли, великому князю Іоанну Калитѣ. Всѣ свои положенія, относящіяся къ происхожденію знаменитой шапки, г. Филимоновъ доказывалъ документальными данными, относящимися къ изслѣдуемой эпохи. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ справедливости своего мнѣнія относительно происхожденія Мономаховой шапки референтъ считаетъ то, что рисунокъ цвѣтка лотоса, служащій главнымъ украшеніемъ шапки, почти точная копія съ того же цвѣтка, который украшаетъ извѣстный мѣдный столъ съ серебряной насѣчкой султана Калауна изъ арабскаго музея въ Каирѣ. Выяснивши происхожденіе шапки Мономаха, г. Филимоновъ перешелъ къ изложенію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, доселѣ не принимавшихся въ разсчетъ нашими историками и археологами. Шапка эта впервые появилась при Іоаннѣ Калитѣ подъ названіемъ «золотой» и подъ тѣмъ же названіемъ передавалась по завѣщанію первому въ родѣ, при чемъ о про-

исхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминалось. Послѣ коронованія внука Ивана III князя Димитрія Ивановича (1489 г.) эта самая «золотая шапка» является подъ именемъ Мономаховой во время коронованія царя Іоанна IV. Тожество послѣдней съ «золотой шапкой» вполнѣ доказывается сличеніемъ текста ея описанія, сдѣланнаго Герберштейномъ, съ шапкой нынѣ существующей. Въ заключеніе г. Филимоновымъ была высказана мысль, что археологія и на этотъ разъ идетъ рука объ руку съ послѣдними изслѣдованіями исторической критики, и если Мономахова шапка носитъ на себѣ несомнѣнные признаки происхожденія арабскаго искусства, а не византійскаго, она останется всегда высокочтимою святыней для русскаго народа и памятникомъ начала объединенія Россіи, а равно и того, что ею короновались всѣ цари, начиная съ Іоанна Васильевича и до принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула (Протоколы Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1897 г., стр. 61—62).

Къ вопросу о вліяніи византійской литературы на славяно-русскую. Въ томъ же Обществѣ членомъ-соревнователемъ г. Истринымъ было сдѣлано сообщеніе «Объ откровеніи Меѳодія Патарскаго въ византійской и славяно-русской литературахъ». Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійской литературѣ наблюдается въ четырехъ редакціяхъ. Первая редакція, воспользовавшаяся уже старыми матеріалами, распространила картину ужасовъ отъ измаильтянъ. Списки ея распадаются на двѣ группы, различіе между которыми отразилось въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и въ славянскихъ переводахъ. Вторая редакція отличается отъ первой выпускомъ исторической части и вставками изъ «Видѣній Даніила». Особенность второй группы первой редакціи — сказаніе объ осадѣ Византіи — перешла и въ нее. Третья и четвертая редакціи возникли независимо другъ отъ друга и отъ второй редакціи изъ первой. Онѣ также отличаются отъ первой своими сокращеніями, распространеніемъ картины второго пришествія Христа и носятъ на себѣ слѣды вліяній со стороны особыхъ редакцій «Видѣнія Даніила». Временемъ возникновенія II—IV редакцій можно считать приблизительно IX—XII вѣка, время особеннаго развитія прорицательной литературы. Послѣ этого интересъ къ Откровенію пропадаетъ и оживляется вновь съ половины XV вѣка, со времени паденія Византіи, когда въ Откровеніи стали находить утѣшеніе въ скорби о потерѣ самостоятельности. На латинскій языкъ Откровеніе было переведено не позднѣе VIII вѣка и оно распространилось тамъ въ особой краткой редакціи, представляющей собою передѣлку полной. Тамъ интересъ къ Откровенію, наоборотъ, проявляется въ XI—XIV вѣкахъ. На славянскомъ языкѣ существуютъ два перевода, извѣстныхъ и въ славянскихъ и русскихъ спискахъ. Славянскіе списки въ большинствѣ случаевъ—списки древніе, а русскіе—новые. Хотя Откровеніе у насъ на Руси было извѣстно еще въ XII вѣкѣ, но особенное распространеніе оно стало получать съ XVII вѣка, со времени появленія раскола. Въ XV вѣкѣ ожиданіе приближающагося конца міра вызвало появленіе особой

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Николая II Грамматика, окончаніе [illegible] [illegible] митрополитъ халкидонскій [illegible] [illegible] Николая Грамматика; краткая характеристика этого патріарха. Евстратій митрополитъ никейскій и его заблужденіе. По отзыву профессора [illegible] представляетъ зрѣлый и хорошо продуманный опытъ ученаго [illegible] историческаго и критическаго [illegible] историко-критическаго изслѣдованія, потребовавшаго отъ автора большой затраты силъ и времени на предварительное изученіе обширной литературы предмета, иностранной (на

греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ) и русской. И авторъ не только изучилъ ее, но и вполнѣ овладѣлъ ею, такъ что могъ совершенно самостоятельно отнестись къ предмету изслѣдованія, который притомъ, очевидно, горячо полюбилъ и ясно представлялъ себѣ, не смотря на обширность его объема. Изслѣдуя свой предметъ вполнѣ самостоятельно, безъ рабскаго подчиненія стороннимъ мнѣніямъ и ученымъ авторитетамъ, г. Брянцевъ всюду вводитъ въ область изслѣдованія собственное и при томъ глубокое, основательное размышленіе и разсужденіе, при чемъ обнаруживаетъ замѣчательную по силѣ и зрѣлости сужденій критическую способность (напр., въ разборѣ мнѣнія Ѳ. И. Успенскаго объ Іоаннѣ Италѣ и сужденій о немъ Анны Комниной и Акомината), а по мѣстамъ высказываетъ даже и особые, не безъинтересные для ученой любознательности, взгляды (напримѣръ, о культурномъ вліяніи востока на западъ). Особенно много труда положено авторомъ и много имъ сдѣлано въ научномъ отношеніи для выясненія довольно темной въ исторіи личности Іоанна Итала. Ясность представленія авторомъ предмета изслѣдованія имѣла своимъ послѣдствіемъ и ясность изложенія, а потому трудъ его читается легко. Не смотря на незаконченность сочиненія г. Брянцева, на неравномѣрное распредѣленіе по главамъ церковно-историческаго матеріала, крайности и преувеличенія въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, г. профессоръ Корсунскій нашелъ его однако заслуживающимъ не только степени кандидата богословія, но и особенной похвалы (Протоколы совѣта московской духовной академіи за 1895 годъ, стр. 189—193).

2. Николай Ивановскій, *Церковный судъ въ Византіи въ эпоху Юстиніана и до раздѣленія церквей*. Названное сочиненіе, по отзыву профессора Н. Заозерскаго, разсматриваетъ дѣйствованіе суда въ византійской имперіи въ предѣлахъ времени отъ VI по XI вѣкъ, изображая раздѣльно: 1) предметъ вѣрованія, 2) судоустройство и 3) судопроизводство. Авторомъ положено много усерднаго и успѣшнаго труда въ изученіе законодательства какъ церковно-каноническаго, заключающагося въ правилахъ соборовъ и Отцевъ церкви съ толкованіями ихъ, такъ и церковно-государственнаго византійскаго, заключающагося въ кодексахъ Юстиніана, отдѣльныхъ узаконеніяхъ позднѣйшаго времени до законодательства императоровъ Македонской династіи включительно. Въ облегченіе изученія этого обширнаго матеріала авторъ благоразумно воспользовался имѣющимися въ русской литературѣ пособіями, какъ по исторіи византійскаго права, такъ и по церковной исторіи. Сочиненіе представляетъ собою вполнѣ законченное, тщательно обработанное цѣлое. Изложеніе послѣдовательное, сжатое, ясное. Сужденія автора отличаются основательностью: свои положенія онъ утверждаетъ на данныхъ законодательства, приводя или выдержки изъ онаго, или точно цитируя его,—и на авторитетныхъ его толкованіяхъ. Направленіе автора серьезное и объективное: всюду онъ желаетъ быть точнымъ выразителемъ ра-

зума закона, воздерживаясь отъ своихъ сужденій, какъ о достоинствѣ, такъ и о недостаткахъ изображаемаго имъ церковнаго судоустройства и судопроизводства. Отсюда проистекаетъ нѣкоторая сухость и отвлеченность въ изложеніи автора, дающія себя знать еще и вслѣдствіе того, что авторъ мало воспользовался *самою практикою* церковнаго суда, памятниковъ которой можно было бы въ изобиліи найти въ изданіи Mansi. Привнесеніе въ сочиненіе этого матеріала въ значительной мѣрѣ способствовало бы наглядности и живости изображенія изслѣдуемаго предмета (Протоколы той же академіи за 1896 годъ, стр. 125—126).

3. Василій Рыбинскій, *Церковно-правительственное отношеніе константинопольскаго патріарха къ древне-русской церкви*. Сочиненіе г. Рыбинскаго, по отзыву того же профессора Заозерскаго, имѣетъ своимъ предметомъ весьма важный и сложный вопросъ о каноническомъ характерѣ тѣхъ отношеній, въ которыхъ нѣкогда стоялъ константинопольскій патріархъ къ цѣлой русской церкви (т. е. къ сѣверо- и южно-русскимъ ея половинамъ). Не смотря на то, что этотъ вопросъ разсматривался нашими церковными историками, не смотря на то, что ему посвящена спеціальная монографія профессора Т. В. Барсова («Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію. Спб. 1878»), должно сказать, что до сего времени онъ не освѣщенъ съ надлежащею основательностью. Собрано много фактовъ, доказывающихъ, что константинопольскій патріархъ долгое время стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ іерархіи русской церкви, оказывалъ дѣятельное и сильное вліяніе на церковное управленіе, что зависимость отъ него русской церкви была весьма ощутительна; но — на чемъ основывалось это отношеніе зависимости? въ какой мѣрѣ были законны попытки освободиться отъ этой зависимости? что въ этой зависимости опиралось на твердомъ каноническомъ основаніи и что обусловливалось, такъ сказать, случайными, временными обстоятельствами?—эти вопросы доселѣ въ нашей литературѣ не были удовлетворительно раскрыты. Раскрытіе ихъ и ставитъ своею задачею сочиненіе г. Рыбинскаго. Авторъ предположилъ разрѣшить свою задачу по слѣдующему плану. Прежде всего онъ разсматриваетъ со всею обстоятельностью общій вопросъ о каноническихъ основаніяхъ власти константинопольскаго патріарха надъ русскою церковью. Важность этого вопроса обусловливается господствующею разноголосицею мнѣній въ наукѣ на этотъ предметъ: указываются, во первыхъ, различныя основанія для власти константинопольскаго патріарха; во-вторыхъ, существуетъ даже взглядъ, что константинопольскій патріархъ не имѣлъ никакого права на подчиненіе себѣ русской церкви. Въ частности проявленія патріаршей власти авторъ предполагаетъ разсмотрѣть 1) въ области *административной:* а) право поставленія митрополитовъ; б) право верховнаго надзора; в) право ставропигіи; г) право требованія ежегодной дани; 2) въ области *судебной:* высшій судъ по дѣламъ митрополитовъ и епископовъ (каноническія основанія этого права и случаи его приложенія);

3) въ области *законодательной:* общее начало — не вводить новыхъ постановленій, а ограничиваться разъясненіемъ уже данныхъ въ каноническомъ законодательствѣ вселенской церкви (примѣненіе этого начала въ грамотахъ патріарховъ о непоставленіи рабовъ въ священный санъ, о неприкосновенности имуществъ церковныхъ и проч.). Наконецъ, такъ какъ по издавна установившемуся въ Византіи порядку патріархъ даже въ дѣлахъ чисто церковныхъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ императоромъ, то представляется необходимымъ разсмотрѣть вопросъ о значеніи власти византійскихъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ древней Руси. Таковъ планъ автора. Насколько полно и вѣрно обозначены здѣсь всѣ частности вопроса, ведущія къ правильному, обстоятельному и методически безукоризненному его разрѣшенію,—ясно само собою. Но въ представленномъ г. Рыбинскимъ сочиненіи этотъ планъ выполненъ только на половину. Въ законченномъ видѣ представлены: введеніе, глава первая (право константинопольскаго патріарха на подчиненіе себѣ русской церкви, взглядъ средневѣковыхъ греческихъ канонистовъ и за ними — западно-русскихъ православныхъ полемистовъ XVII вѣка, теорія пентархіи патріарховъ, мнѣнія по данному вопросу профессоровъ: Голубинскаго, Барсова, Павлова и его разрѣшеніе) и вторая (патріаршее право рукоположенія русскихъ митрополитовъ, каноническое основаніе этого права, сопоставленіе практики съ ея канонической нормой). Дальнѣйшіе отдѣлы представлены только въ видѣ краткаго конспекта. Но законченные отдѣлы сочиненія, по рецензіи г. профессора Заозерскаго, обнаруживаютъ въ авторѣ основательное знаніе литературы предмета, вѣрное пониманіе его, тонкость анализа каноническаго и историческаго матеріала и глубокое уваженіе къ каноническимъ опредѣленіямъ святой православной церкви (тамъ же, стр. 169—171).

4. Димитрій Судницынъ, *Царствованіе византійскаго императора Мануила I Комнина въ церковно-историческомъ отношеніи.* Сочиненіе состоитъ изъ введенія и четырехъ очерковъ. Во введеніи авторъ высказываетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о политической программѣ династіи Комниновъ и о просвѣтительномъ движеніи въ правленіе этой династіи. Царствованіе Мануила I представляетъ собою время разцвѣта и политическихъ замысловъ, и духовнаго оживленія въ эпоху Комниновъ. И первые, и послѣдніе оказали прямое и существенное вліяніе на ходъ церковной жизни этого времени. Мануилъ сильно занятъ планами о расширеніи территоріи имперіи, и попытка осуществить эти планы сказывается между прочимъ въ переговорахъ съ латинянами и армянами о соединеніи церквей. Духовное оживленіе общества послужило почвою для появленія разнаго рода богословскихъ споровъ и цѣлой плеяды видныхъ церковныхъ писателей. Итакъ, переговоры о соединеніи церквей, богословскіе споры и церковное просвѣщеніе — вотъ предметы, на которыхъ прежде всего останавливается вниманіе церковнаго историка при изученіи царствованія Мануила I. Этими предметами и занимается г. Судни-

цынъ въ своихъ трехъ очеркахъ. Такъ какъ на ходъ переговоровъ о соединеніи церквей и богословскихъ споровъ должны были сильно вліять императоръ и современные ему константинопольскіе патріархи, то авторъ названнымъ очеркамъ предпосылаетъ главу, которая даетъ прекрасную характеристику перваго и излагаетъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности послѣднихъ. Въ первомъ очеркѣ авторъ говоритъ о борьбѣ церкви съ богомильскими мнѣніями (дѣло Климента, Леонтія и Нифонта) и излагаетъ тщательно исторію споровъ: 1) о догматѣ *приносяй и приносимый;* 2) «о славѣ Христовой» и 3) «о Богѣ Магометовомъ». Второй очеркъ изображаетъ подробно ходъ сношеній съ латинянами и армянами по вопросу о соединеніи церквей. Въ послѣднемъ очеркѣ авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о состояніи просвѣщенія при Мануилѣ и даетъ обозрѣніе произведеній слѣдующихъ писателей: Николая Меѳонскаго, Іоанна Зонары, Василія Охридскаго, Михаила Глики, Андроника Каматира и Георгія Керкирскаго, при чемъ нѣкоторыя сочиненія этихъ писателей излагаются, нѣкоторымъ дается краткая оцѣнка (напр., толкованіямъ Зонары), а нѣкоторыя только перечисляются. Обслѣдованіе г. Судницынымъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ имѣетъ, по отзыву г. доцента Андреева, много достоинствъ. Авторъ внимательно изучилъ доступную ему литературу пособій и источниковъ. Хорошее знакомство съ послѣдними не разъ приводитъ его къ выводамъ и догадкамъ, существенно отличнымъ отъ прежнихъ мнѣній. Таково, напримѣръ, мнѣніе автора по вопросу о зависимости богословской борьбы времени Мануила отъ факта увлеченія византійскаго общества этого времени системами Платона и Аристотеля,—мнѣніе, развитое въ противоположность взглядамъ Ѳ. И. Успенскаго. Въ подобныхъ поправкахъ и заключается главная цѣнность сочиненія г. Судницына, которое вообще знакомитъ съ царствованіемъ Мануила I въ церковно-историческомъ отношеніи такъ хорошо, какъ не знакомитъ съ нимъ никакое другое сочиненіе ни въ нашей, ни въ иностранной литературѣ (тамъ же, стр. 182—185).

5. Александръ Смирновъ, *Отношеніе византійскихъ императоровъ къ церкви отъ Ѳеодосія Великаго до Юстиніана.* Авторъ обозрѣваетъ въ своемъ сочиненіи отношеніе византійскихъ императоровъ отъ Ѳеодосія Старшаго до Юстиніана лишь къ ересямъ и язычеству, основываясь главнымъ образомъ на извѣстномъ кодексѣ императора Ѳеодосія Младшаго. Этотъ кодексъ въ отдѣлахъ de haereticis и de paganis изученъ авторомъ блестящимъ образомъ. Извѣстно, какъ трудно дается правильное пониманіе и переводъ помѣщенныхъ здѣсь узаконеній, но г. Смирновъ такъ хорошо ознакомился съ нѣкоторыми отдѣлами своего источника, что исправляетъ и пополняетъ даже знаменитые комментаріи Готофреда (Протоколы той же академіи за 1897 годъ, стр. 174—175).

II. Въ *Кіевской* духовной академіи въ теченіе того же времени были представлены слѣдующія сочиненія византологическаго содержанія.

1. Ириней Пантелеимоновъ, *Никифоръ I, патріархъ константино-*

польскій (*806—815 г.*). Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ частей. Во введеніи довольно подробно перечисляются источники и главнѣйшія пособія, которыми авторъ пользовался при составленіи сочиненія. Въ первой части обозрѣвается жизнь и дѣятельность св. Никифора въ связи съ политическими событіями византійскаго государства со времени VII вселенскаго собора до новаго появленія иконоборства при императорѣ Львѣ Армянинѣ. Въ частности здѣсь, прежде всего, говорится о великомъ значеніи патріарха Никифора въ исторіи византійской церкви и государства, о невниманіи историковъ къ этой достойной личности и доказывается необходимость изученія жизни и дѣятельности патріарха въ связи съ современными церковными и политическими событіями, затѣмъ изображается положеніе дѣлъ въ Византіи предъ патріаршествомъ св. Никифора, излагается біографія его до избранія на патріаршество, говорится о расколѣ, вызванномъ избраніемъ св. Никифора въ патріархи, о борьбѣ его съ ересями, изображаются заботы его о чистотѣ монашества, излагается обличительная грамота п. Никифора къ папѣ Льву III и дается краткая характеристика патріарха. Во второй части излагается жизнь и дѣятельность патріарха Никифора со времени появленія иконоборства при Львѣ Армянинѣ до его кончины. Здѣсь въ частности говорится о вступленіи на престолъ императора Льва Армянина и его дѣятельности до открытой борьбы съ патріархомъ Никифоромъ, о борьбѣ ихъ изъ-за догмата иконопочитанія, удаленіи патріарха Никифора, избраніи въ патріархи Ѳеодота Касситера, иконоборческомъ соборѣ 815 года, о жизни п. Никифора послѣ низложенія и до смерти императора Льва Армянина, обращеніи императора Льва и патріарха Никифора къ папѣ, о смерти императора Льва, обращеніи патріарха къ новому императору Михаилу Косноязычному, переходѣ императора Михаила на сторону иконоборцевъ, обращеніи его къ Людовику Франкскому и перенесеніи мощей св. Никифора. Въ третьей части сочиненія изображается литературная дѣятельность патріарха Никифора. Здѣсь сначала идетъ общая характеристика сочиненій патріарха Никифора, потомъ весьма подробно разсматриваются всѣ его сочиненія по группамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: историческія, догматическія, апологетическія, полемическія и каноническія; въ заключеніе всего авторъ кратко говоритъ о сомнительныхъ и подложныхъ сочиненіяхъ п. Никифора. Разсматриваемое сочиненіе, по отзыву читавшаго его профессора Ковальницкаго, производитъ хорошее впечатлѣніе (Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной академіи за 1894—5 учебный годъ, стр. 219—224).

2. Кириллъ Рыльскій, *Кругъ вѣдомства и суда епископскаго по законамъ императора Юстиніана Великаго*. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ главъ, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на два отдѣла. Во введеніи авторъ, послѣ общихъ понятій объ отношеніи между церковью и государствомъ, характеризуетъ воззрѣнія по этому предмету императора Юстиніана, указываетъ главные мотивы, которыми онъ ру-

ководился въ изданіи законовъ по дѣламъ, касающимся церкви, и представляетъ общій очеркъ церковнаго устройства и управленія въ вѣкъ этого государя. Первая глава говоритъ — почти исключительно словами законовъ Юстиніана — о кругѣ предметовъ, подвѣдомыхъ власти епископа, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о лицахъ, предметахъ и учрежденіяхъ церковныхъ, а во второмъ — о дѣлахъ и отношеніяхъ гражданскихъ. Вторая глава представляетъ изложеніе такихъ же законовъ о кругѣ суда епископскаго, по церковнымъ дѣламъ — въ первомъ отдѣлѣ и по гражданскимъ—во второмъ. Въ концѣ сочиненія помѣщена, въ видѣ заключенія, краткая характеристика законодательства Юстиніана. Авторъ, по отзыву г. профессора Лошкарева, основательно ознакомился и съ общимъ духомъ юстиніановскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ, и съ частными его сторонами, подлежащими изслѣдованію. Работа его ведена послѣдовательно и отчетливо, изложеніе просто, ясно и логично (тамъ же, стр. 227—230).

3. Константинъ Лоцосъ, *Полемика грековъ противъ латинянъ въ XI вѣкѣ.* Сочиненіе состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Въ предисловіи авторъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ разсужденій о причинахъ разногласія между восточною и западными половинами христіанскаго міра, перечисляетъ и характеризуетъ тѣ ученые труды, которыми онъ пользовался, въ качествѣ пособій, при составленіи своего сочиненія. Въ этотъ обзоръ вошли сочиненія какъ православныхъ ученыхъ, такъ и католическихъ и протестантскихъ. Первая часть изслѣдованія можетъ быть названа біографическою и библіографическою. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ византійскихъ писателяхъ: Львѣ архіепископѣ Ахридскомъ, Никитѣ Стиѳатѣ, патріархѣ Михаилѣ Керулларіи, патріархѣ Петрѣ Антіохійскомъ, Никитѣ Никейскомъ, Ѳеофилактѣ архіепископѣ Болгарскомъ, и наконецъ объ Іоаннѣ, митрополитѣ Русскомъ. Къ краткимъ біографическимъ и довольно подробнымъ библіографическимъ свѣдѣніямъ въ этой части сочиненія присоединена еще характеристика полемическихъ сочиненій (до 13) этихъ писателей съ формальной и внѣшней стороны. Вторая часть изслѣдованія посвящена внутренней, матеріальной сторонѣ полемическихъ произведеній грековъ противъ латинянъ въ XI вѣкѣ. Матеріалъ, добытый при изслѣдованіи полемическихъ произведеній, авторъ распредѣляетъ по предметамъ, которыхъ касалась полемика, и слѣдитъ за развитіемъ того или другаго доказательства, того или другаго опроверженія въ различныхъ сочиненіяхъ. Правда, при такомъ планѣ сочиненія читатель не получаетъ цѣльнаго представленія о томъ или другомъ полемическомъ произведеніи греческой литературы XI вѣка и его авторѣ, но за то получается ясное представленіе о предметахъ полемики грековъ съ латинянами и о характерѣ самой полемики, какъ съ внѣшней, формальной ея стороны, такъ и съ внутренней, матеріальной. Въ общемъ сочиненіе написано старательно и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ содержитъ свѣдѣнія новыя, коихъ нѣтъ въ аналогич-

ныхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы (тамъ же, стр. 243—245).

4. Евграфъ Овсянниковъ, *Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его борьба съ римско-католическою пропагандою на востокѣ.* Во введеніи къ сочиненію авторъ ставитъ на видъ значеніе Кирилла Лукариса въ исторіи греко-восточной церкви послѣ паденія Византіи и особенную важность нѣкоторыхъ споровъ о немъ въ исторической наукѣ, оправдывая этимъ интересъ новаго о немъ изслѣдованія, затѣмъ перечисляетъ источники и пособія, коими пользовался въ настоящемъ сочиненіи, какъ опытѣ такого изслѣдованія, и устанавливаетъ планъ сочиненія, опредѣлившійся въ составѣ трехъ частей его. Въ первой, вступительной части описывается современное Кириллу Лукарису состояніе восточной церкви съ частнѣйшей характеристикой отношеній къ ней турокъ, латинянъ и протестантовъ, представленное въ трехъ главахъ этой части. Вторая часть обозрѣваетъ въ трехъ главахъ жизнь и дѣятельность Кирилла Лукириса, — до патріаршества, въ званіи патріарха александрійскаго, а потомъ—константинопольскаго. Третья часть сочиненія сосредоточивается на вопросѣ объ исповѣданіи вѣры, изданномъ подъ именемъ Кирилла Лукариса. Здѣсь, въ первой главѣ, приводится въ подлинникѣ и въ переводѣ текстъ исповѣданія съ параллельными членамъ и отвѣтамъ его извлеченіями изъ обличенія на него, представляется обзоръ и разборъ мнѣній объ этомъ исповѣданіи и посильный выводъ о немъ самого автора; а затѣмъ, во второй главѣ, излагаются сужденія объ исповѣданіи восточной церкви, высказанныя на соборахъ константинопольскомъ, ясскомъ и іерусалимскомъ. По отзыву покойнаго профессора И. И. Малышевскаго, сочиненіе г. Овсянникова отличается обиліемъ собраннаго и изученнаго авторомъ матеріала, извлеченнаго изъ источниковъ и пособій на языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и отчасти англійскомъ; перечень такихъ источниковъ и ссылки на нихъ въ сочиненіи почти вездѣ сопровождаются библіографическими и критическими поясненіями и замѣчаніями, большею частію вѣрными. Затѣмъ, обработка сочиненія въ предѣлахъ бывшихъ у автора источниковъ и пособій отличается обдуманностью и сообразительностью. Наконецъ, изложеніе ясно, отчетливо и правильно. Въ виду этихъ достоинствъ, покойный почтенный ученый призналъ разсматриваемое сочиненіе весьма удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія (тамъ же, стр. 263—266).

5. Василій Филадельфинъ, *Патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ (1608—1645) и его участіе въ дѣлахъ русской церкви.* Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, озаглавленной: «Ѳеофанъ, какъ дѣятель православнаго Востока», авторъ изображаетъ состояніе іерусалимскаго патріархата и вообще православнаго Востока во время Ѳеофана и заслуги этого патріарха для церкви восточной. Во второй части, озаглавленной: «Участіе Ѳеофана въ дѣлахъ русской церкви», говорится объ

участія этого патріарха въ дѣлахъ а) московской патріархіи, б) кіевской митрополіи. Такимъ образомъ, авторъ одновременно работалъ въ двухъ особыхъ областяхъ церковно-историческаго вѣдѣнія и дѣлилъ свое вниманіе между двумя особыми кругами памятниковъ историческихъ и изслѣдованій научныхъ. Такое осложненіе задачи и раздвоеніе вниманія отразилась на самостоятельности разсматриваемаго сочиненія, которое въ первой своей части представляетъ усвоеніе и изложеніе того, что предлагаетъ наличная научная литература о патріархѣ Θеофанѣ; вторая часть сочиненія отличается бо́льшею самостоятельностью и въ научномъ отношеніи много выше первой. Въ концѣ сочиненія приложено семь документовъ, два изъ коихъ заимствованы изъ газеты Σωτήρ за 1889 годъ (тамъ же, стр. 311—315).

6. Агапитъ Вишневскій, *Нравственно-акетическое ученіе преподобнаго Нила, подвижника Синайскаго.* Сочиненіе состоитъ изъ обширнаго введенія, гдѣ авторъ выясняетъ мѣсто Нила Синайскаго въ аскетической литературѣ IV и V вѣковъ, — изложенія системы нравственно-аскетическаго ученія преподобнаго Нила и, въ нѣкоторомъ родѣ, критической оцѣнки ея (Протоколы засѣданій Совѣта кіевской духовной академіи за 1895—96 учебный годъ, стр. 191—193).

7. Димитрій Болховитиновъ, Ὁδηγός *св. Анастасія Синаита.* Трудъ состоитъ изъ двухъ частей. Первую его часть составляетъ собственно изслѣдованіе творенія св. Анастасія Синаита Ὁδηγός, а вторую его часть образуетъ приложеніе, заключающее въ себѣ русскій переводъ Ὁδηγός'а. Въ частности, въ краткомъ введеніи авторъ намѣчаетъ и мотивируетъ вопросы, подлежащіе его изслѣдованію. Въ первой главѣ сочиненія изслѣдуется вопросъ объ авторѣ Ὁδηγός; во второй — о подлинности и времени происхожденія его, въ третьей—о составѣ и въ четвертой—о церковно-историческомъ и богословскомъ значеніи его. Главнымъ источникомъ при изслѣдованіи означенныхъ вопросовъ для автора служили творенія Анастасія Синаита. Въ числѣ немногихъ (не болѣе четырехъ) пособій были и двѣ статьи объ Анастасіѣ, принадлежащія русскимъ ученымъ («Историческое ученіе объ Отцахъ и учителяхъ церкви» архіепископа Филарета Черниговскаго, часть III; Прибавленія къ твореніямъ святыхъ Отцевъ, 1857 годъ, часть XVI). Сравнительно съ этими статьями сочиненіе г. Болховитинова имѣетъ безспорныя преимущества по своему содержанію и научнымъ качествамъ. Такъ, рѣшая вопросъ о времени жизни Анастасія, г. Болховитиновъ, на основаніи твореній Синаита, доказываетъ, что онъ родился около 610 года и еще живъ былъ въ 700 г., между тѣмъ какъ авторы упомянутыхъ статей высказываютъ противорѣчащее Ὁδηγός'у предположеніе, что Анастасій родился въ VI вѣкѣ и умеръ во второй половинѣ VII-го. Большая часть положеній автора достаточно твердо аргументирована. Цѣнность сочиненію придаетъ и русскій переводъ Ὁδηγός'а, потребовавшій не мало времени и занятій (тамъ же, стр. 209—211).

8. Владиміръ Ковалевскій, *Каноническія воззрѣнія патріарха Фотія.* Сочиненію своему г. Ковалевскій предпосылаетъ краткое введеніе, въ которомъ указываетъ важное научное значеніе избраннаго имъ предмета, отсутствіе въ канонической литературѣ спеціальныхъ трудовъ по этому вопросу, называетъ главнѣйшія сочиненія Фотія, трактующія о различныхъ вопросахъ каноническаго права, и даетъ въ нѣсколькихъ словахъ краткую характеристику тѣхъ пособій, коими онъ пользовался Первая глава сочиненія представляетъ краткую систему церковнаго права по твореніямъ патріарха Фотія и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) введеніе въ право церковное, — а) право вообще, въ его основѣ, сущности и внѣшнихъ формахъ, б) основные источники права церковнаго (священное писаніе и св. преданіе), в) законодательная власть въ церкви и памятники церковнаго законодательства, г) виды церковнаго права (право естественное и божественное, писанное и неписанное, общее и частное); II) краткая система права церковнаго; частнѣе—а) церковь, ея составъ и управленіе, б) отношеніе между церковію и государствомъ, в) отношеніе церкви къ еретикамъ и раскольникамъ, г) таинства (крещеніе, миропомазаніе, причащеніе, покаяніе, священство, бракъ), д) судъ церковный и анаѳема. Во второй главѣ говорится о главенствѣ римской церкви и ея епископа, по воззрѣніямъ патріарха Фотія. Въ третьей главѣ излагается исторія патріаршества Фотія, а именно: а) обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія патріаршее поставленіе Фотія, б) дѣятельность Фотія въ санѣ патріарха, его отношеніе къ Игнатію и его партіи, непризнаніе Фотія Римомъ и восточными патріархами, возвращеніе Фотія на патріаршій престолъ. Въ четвертой главѣ раскрываются мысли и сужденія Фотія по вопросу о подчиненіи Болгаріи власти константинопольскаго патріарха и о правѣ императоровъ распредѣлять границы церковныхъ округовъ. Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ попытку указать въ общихъ чертахъ значеніе личности патріарха Фотія въ исторіи вообще и въ исторіи церковно-каноническаго права въ частности. Къ сочиненію приложены въ русскомъ переводѣ а) каноническіе отвѣты патріарха Фотія, б) его каноническія письма къ епископамъ и в) его сочиненіе «О франкахъ и о прочихъ латинянахъ». Сочиненіе написано самостоятельно, на основаніи каноническихъ твореній знаменитаго патріарха и при небольшомъ пособіи со стороны западной литературы (тамъ же, стр. 250 — 256).

9. Александръ Пимоненко, *Ѳеодотъ, епископъ анкирскій, его творенія и ученіе.* Въ первой главѣ настоящаго сочиненія предлагается историческій очеркъ жизни и церковно-практической дѣятельности анкирскаго епископа Ѳеодота, присутствовавшаго на третьемъ вселенскомъ соборѣ. Во второй главѣ авторъ говоритъ о твореніяхъ Ѳеодота,—ихъ числѣ и времени происхожденія и излагаетъ ихъ содержаніе. Въ третьей главѣ представлено догматическое ученіе Ѳеодота. Въ приложеніи къ

сочиненію помѣщенъ переводъ твореній анкирскаго епископа. Въ общемъ сочиненіе написано удовлетворительно (тамъ же, стр. 273—276).

10. Григорій Чепуръ, *Типиконъ великой константинопольской церкви (историческій очеркъ)*. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ большихъ главъ. Во введеніи авторъ дѣлаетъ общую характеристику литургическо-богослужебнаго строя великой церкви и пытается указать его происхожденіе изъ практики древне-іерусалимскаго богослуженія, сложившагося въ святогробскомъ храмѣ. Въ первой части онъ описываетъ кругъ суточныхъ службъ въ великой константинопольской церкви, получившихъ въ наукѣ общее наименованіе «ᾀσματικὴ ἀκολουθία»; во второй дѣлаетъ характеристику важнѣйшихъ службъ круга годичнаго по синаксарю, останавливаясь главнымъ образомъ на службахъ двунадесятыхъ праздниковъ и мѣстныхъ византійскихъ торжествъ, установленныхъ по разнаго рода обстоятельствамъ радостнымъ и печальнымъ въ судьбѣ новаго Рима, такъ какъ въ нихъ принималъ непосредственное и весьма живое участіе византійскій императоръ съ своею блестящею свитою и многочисленнымъ штатомъ придворныхъ чиновъ; въ третьей, наконецъ, обозрѣваетъ характеристическія особенности главнѣйшихъ службъ постовыхъ и пятидесятницы. Заключеніемъ служитъ небольшой трактатъ о вліяніи устава великой церкви на уставы другихъ патріархатовъ и о судьбѣ этого типикона въ древне-русской богослужебной практикѣ.—Надъ изученіемъ богослуженія и его важнѣйшихъ особенностей въ великой константинопольской церкви въ послѣднее время, какъ извѣстно, трудились такіе выдающіеся представители нашей науки, какъ проф. И. Д. Мансветовъ, Д. Ѳ. Бѣляевъ, Н. Ѳ. Красносельцевъ и др., но г. Чепуръ, по отзыву проф. А. А. Дмитріевскаго, имѣлъ полное право говорить о своей темѣ, какъ совершенно «новой». Во первыхъ, въ такомъ полномъ объемѣ это богослуженіе еще не изслѣдовалось ни однимъ изъ вышеуказанныхъ ученыхъ. Во вторыхъ, г. Чепуръ, съ рѣдкою любовію и замѣчательною добросовѣстностью изучившій всѣ наличные источники византійскаго богослуженія и, главнымъ образомъ, патмосскую рукопись IX—X в. № 266 (издана проф. Дмитріевскимъ въ первой части перваго тома его «Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока»), по многимъ вопросамъ работалъ самостоятельно и независимо и высказываетъ сужденія болѣе правильныя и оригинальныя, чѣмъ его названные предшественники. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнною нужно признать его первую главу, въ которой онъ о «пѣсненныхъ службахъ» повседневнаго круга великой церкви сдѣлалъ весьма много важныхъ въ научномъ отношеніи поправокъ и дополненій къ спеціальному изслѣдованію по тому же вопросу покойнаго профессора И. Д. Мансветова. Есть не мало новыхъ и свѣжихъ мыслей и во второй главѣ разсматриваемаго сочиненія, гдѣ разсматриваются службы двунадесятыхъ праздниковъ и мѣстныхъ константинопольскихъ торжествъ. Здѣсь автору удалось въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣлать поправки въ трудѣ

профессора Н. Ѳ. Красносельцева «Типикъ св. Софіи въ Константинополѣ IX в. Одесса. 1892». Но не обошлось дѣло и безъ увлеченій, недосмотровъ и ошибокъ въ сочиненіи г. Чепура. Такъ, совершенно напрасно авторъ отнесъ ко второй главѣ разсмотрѣніе особенностей чина полной литургіи патріаршаго служенія при участіи императора, а—чина литургіи преждеосвященныхъ даровъ даже къ третьей. Болѣе подходящее мѣсто этимъ трактатамъ было-бы въ первой главѣ, при обозрѣніи службъ круга суточнаго. Совершенно неправильно авторъ толкуетъ о службѣ поклоненію св. копью въ великую пятницу, считая почему-то синайскій канонарь памятникомъ богослуженія не византійской константинопольской церкви, а «другихъ мѣстъ востока», и т. п. Но въ общемъ сочиненіе признано вполнѣ удовлетворительнымъ (тамъ же, стр. 294—297).

11. Борисъ Емельяновъ, *Леонтія Византійскаго* Σχόλια *sive Liber de sectis*. Изслѣдованію творенія Леонтія Византійскаго, извѣстнаго подъ именемъ Σχόλια, авторъ предпосылаетъ краткія библіографическія свѣдѣнія объ этомъ твореніи и краткія біографическія свѣдѣнія о Леонтіи Византійскомъ. Самое изслѣдованіе творенія Леонтія распадается на три отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ авторъ доказываетъ подлинность этого произведенія и устанавливаетъ время его написанія, во второмъ—излагаетъ содержаніе «схолій», а въ третьемъ представляетъ оцѣнку этого произведенія съ внутренней и внѣшней стороны. Авторъ при написаніи своего сочиненія пользовался немногими нѣмецкими пособіями, а главнымъ образомъ сосредоточился на изученіи текста «схолій» и представилъ въ своей работѣ удовлетворительное рѣшеніе трудныхъ вопросовъ касательно Леонтія и его Σχόλια (Протоколы Совѣта кіевской духовной академіи за 1896—97 учебный годъ, стр. 202—206).

12. Михаилъ Лисицынъ, *Церковный уставъ въ русской церкви съ принятія христіанства по XIV вѣкъ включительно* (*критико-библіографическій очеркъ*). Авторъ расширилъ задачу своего сочиненія и предлагаетъ въ немъ, кромѣ критическаго обзора литературы предмета, самостоятельное и всестороннее разсмотрѣніе исторической судьбы церковнаго устава въ Россіи за указанный періодъ. Въ результатѣ изслѣдованія получились слѣдующіе выводы: 1) За указанный періодъ времени въ нашей богослужебной практикѣ дѣйствовали два типика: *уставъ великой церкви*, введенный у насъ съ принятіемъ христіанства изъ Византіи, и *ктиторскій уставъ* константинопольскаго патріарха Алексѣя, принимавшійся доселѣ русскими изслѣдователями за уставъ студійскій, который около 1062 года преподобный игуменъ Ѳеодосій ввелъ въ практику Кіево-Печерской обители, снабдившей потомъ этимъ уставомъ и всѣ другіе русскіе монастыри. 2) Оба названные устава дѣйствовали въ нашей богослужебной практикѣ нѣкоторое время совмѣстно, подчиняя своему вліянію — первый, т. е. уставъ великой церкви, богослужебную практику главнымъ образомъ епископскихъ каѳедральныхъ храмовъ и зависимыхъ отъ нихъ мірскихъ церквей вообще, а второй уставъ—ктиторскій патрі-

арха Алексѣя—главнымъ образомъ богослужебную практику нашихъ монастырей, пока, наконецъ, обѣ эти практики не объединились въ одномъ общемъ регуляторѣ—въ іерусалимскомъ уставѣ, утвердившемся въ нашемъ богослуженіи въ XV вѣкѣ. 3) Слѣды, и весьма замѣтные, существованія въ нашей древней богослужебной практикѣ двухъ названныхъ уставовъ не только продолжали сохранять свою силу по прекращеніи господства устава великой церкви и ктиторскаго алексѣевскаго, но даже замѣтны и въ современной намъ богослужебной практикѣ. Означенныя положенія раскрыты въ сочиненіи основательно, такъ что его вполнѣ можно признать оригинальнымъ и новымъ въ рѣшеніи запутаннаго вопроса о нашемъ церковномъ уставѣ. Между прочимъ, авторъ пользовался однимъ изъ любопытнѣйшихъ списковъ типика алексѣевской редакціи, принадлежащимъ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи (бывшей Новгородской Софійской № 1136) и доселѣ еще въ наукѣ недостаточно обслѣдованнымъ (тамъ же, стр. 212—216).

13. Михаилъ Любичъ, *Греческіе источники поученій преподобнаго Θеодосія Печерскаго.* Подъ греческими источниками разумѣются собственно греческія переводныя сочиненія, извѣстныя въ древней Руси, подъ вліяніемъ которыхъ началась и подражательная, компилятивная древне-русская духовная письменность. Къ древнѣйшимъ представителямъ ея относится и преподобный Θеодосій Печерскій. Авторъ сочиненія поставилъ задачею своею указать, по возможности, греческіе источники поученій преп. Θеодосія, а для сего предварительно опредѣлить самый кругъ его поученій. Соотвѣтственно этой задачѣ, сочиненіе дѣлится на три главы: 1) историко-критическое обозрѣніе вопроса о числѣ подлинныхъ поученій преп. Θеодосія, коихъ авторъ насчитываетъ 14,—два поученія къ народу и двѣнадцать поученій и отрывковъ изъ поученій къ инокамъ; 2) греческіе источники поученій препод. Θеодосія къ народу о питіи и чашахъ тропарныхъ и о казняхъ Божіихъ; 3) греческіе источники двѣнадцати поученій преп. Θеодосія къ инокамъ. Въ заключеніи авторъ перечисляетъ всѣ греческіе переводные источники, которыми пользовался преп. Θеодосій, и помѣщаетъ восемь приложеній, гдѣ приводятся параллели къ разнымъ мѣстамъ поученій препод. Θеодосія и два поученія препод. Θеодора Студита (тамъ же, стр. 216—219).

14. Θеодоръ Маккавей, *Христіанство у румынъ до образованія румынской церкви (до XIII вѣка).* Въ русской литературѣ (проф. Е. Е. Голубинскій) существуетъ мнѣніе, что христіанство у румынъ появилось только въ IX или даже въ началѣ X вѣка. Въ румынской литературѣ, наоборотъ, господствуютъ взгляды, пріурочивающіе появленіе христіанства на территоріи, занимаемой нынѣшними румынами, къ болѣе раннему времени, даже ко временамъ апостольскимъ. Авторъ настоящаго сочиненія, родомъ румынъ, всецѣло примыкаетъ ко взглядамъ своихъ соотечественниковъ и, соотвѣтственно этому, раздѣляетъ свое сочиненіе на двѣ части, въ первой изъ коихъ обозрѣваетъ исторію христіанства въ Румыніи отъ

36 года по Р. Х. до 700-го, называя этотъ періодъ «эпохою латинскаго христіанства», а во второй — годы съ 700-го по 1290-й, называя этотъ періодъ «эпохою славянскаго христіанства». Не смотря на патріотическую окраску, сочиненіе признано рецензентами очень хорошимъ, такъ какъ содержитъ богатый матеріалъ, извлеченный изъ твореній многихъ отцевъ и учителей церкви греческихъ и латинскихъ, изъ сочиненій греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ, изъ житій святыхъ и изъ новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи Румыніи (тамъ же, стр. 219—223).

15. Митрофанъ Краснопольскій, *Аскетика св. Василія Великаго.* Сочиненіе представляетъ собою опытъ систематическаго изложенія аскетическихъ воззрѣній св. Василія, заключающихся въ его многочисленныхъ твореніяхъ. Этотъ опытъ состоитъ изъ введенія, трехъ главъ и заключенія. Во вступленіи дѣлаются общія замѣчанія объ аскетикѣ св. Василія. Въ первой главѣ излагается ученіе Василія Великаго о цѣли нравственной дѣятельности человѣка до и послѣ грѣхопаденія. Во второй главѣ описывается внѣшняя сторона подвижничества: безбрачіе, отреченіе отъ міра (ἀποταγή) и устройство монастырской общины. Въ третьей главѣ изображаются внутреннія стороны подвижничества—отрицательная и положительная. Въ заключеніи опредѣляется значеніе аскетики Василія Великаго. По отзыву рецензентовъ, авторъ вообще правильно уразумѣлъ основныя начала и духъ аскетики св. Василія и написалъ трудъ серьезный и основательный (тамъ же, стр. 223—227).

16. Николай Пальмовъ, *Чинопослѣдованія постриженій въ монашество (историко-археологическое изслѣдованіе).* Поставивъ своею задачею дать опытъ историко-археологическаго очерка чинопослѣдованій постриженій въ монашество съ особеннымъ вниманіемъ къ общераспространенной редакціи этихъ чинопослѣдованій, дѣйствующихъ въ современной богослужебной практикѣ востока и нашей русской церкви, авторъ съ замѣчательною кропотливостью и добросовѣстностью изучилъ всѣ ему извѣстные и доступные списки данныхъ чинопослѣдованій на пространствѣ времени съ IX-го по XVII-й вѣкъ, какъ византійскіе, такъ и славяно-русскіе. Въ частности онъ изслѣдовалъ слѣдующія три чинопослѣдованія: а) чинопослѣдованіе надъ новоначальнымъ или послѣдованіе во одѣяніе рясы и камилавки; б) послѣдованіе малыя схимы, сирѣчь мантіи и в) послѣдованіе великаго и ангельскаго образа. Стремясь уяснить время происхожденія главнѣйшихъ особенностей и элементовъ чиновъ постриженій въ монашество, которые въ болѣе опредѣленномъ видѣ сложились не ранѣе IX столѣтія, авторъ весьма основательно обратился для этой цѣли къ изученію древнѣйшихъ монашескихъ уставовъ и къ житіямъ знаменитѣйшихъ иноковъ Египта, Понта, Палестины и другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, авторъ собралъ много историческаго матеріала и изложилъ его довольно основательно. Но археологическая сторона предмета мало изслѣдована. Вопросы о мѣстѣ постриженій, о предметахъ, употребляемыхъ при совершеніи чиновъ, объ одеждахъ, въ которыя облекаются

иноки, разсмотрѣны въ сочиненіи мимоходомъ. Профессоръ Дмитріевскій, рекомендуя автору продолжать свою работу, предлагаетъ ему обратить вниманіе и на слѣдующіе вопросы: подъ какимъ вліяніемъ ближайшимъ образомъ сложились наши чины постриженій въ монашество? не оказывали-ли они въ свою очередь вліянія на другіе извѣстные богослужебные чины? какой изъ трехъ чиновъ постриженій въ монашество, нынѣ дѣйствующихъ въ богослужебной практикѣ у насъ, нужно признать древнѣйшимъ и основнымъ? Однимъ словомъ, автору нужно обратить вниманіе на ученіе древнѣйшихъ византійскихъ богослововъ о великой схимѣ, какъ о таинствѣ или второмъ крещеніи (τὸ μέγα σχῆμα ἤτοι δεύτερον βάπτισμα), слѣды котораго со всею ясностью отражаются въ молитвахъ даже и современныхъ чиновъ (тамъ же, стр. 230—232).

17. Викторъ Сенаторскій, *Св. Дороѳея творенія и аскетическое ученіе.* Сочиненіе состоитъ изъ небольшого предисловія, трехъ главъ изслѣдованія и заключенія. Въ предисловіи выясненъ предметъ, опредѣлена задача, намѣченъ планъ и указаны источники сочиненія. Въ первой главѣ, на основаніи твореній св. Дороѳея, предложено его жизнеописаніе. Во второй главѣ говорится о времени и поводѣ написанія, назначеніи и подлинности твореній св. Дороѳея, о внутреннихъ особенностяхъ и внѣшней формѣ ихъ. Третья глава представляетъ собою опытъ систематическаго изложенія догматическаго ученія и нравственно-аскетическихъ воззрѣній св. Дороѳея. Эта глава служитъ основною въ сочиненіи и обработана старательно. Въ заключеніи опредѣляется родъ аскетизма св. Дороѳея (тамъ же, стр. 244—247).

18. Иванъ Синеоковъ-Андріевскій, *Монахъ Антіохъ и его* Πανδέκτης τῆς ἁγίας γραφῆς. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой сообщаются біографическія свѣдѣнія о монахѣ Антіохѣ, писателѣ VII вѣка; эта глава не богата содержаніемъ, такъ какъ въ источникахъ сохранилось мало біографическихъ данныхъ о личности Антіоха. Вторая глава разсматриваетъ пандекты, какъ литературный памятникъ VII-го вѣка; здѣсь говорится о времени, поводѣ и обстоятельствахъ написанія этого сочиненія, о внѣшнемъ его составѣ, о планѣ и методѣ, объ источникахъ и общемъ (компилятивномъ) его характерѣ, а въ заключеніи представляется довольно подробный списокъ переводовъ, манускриптовъ и изданій этого творенія. Въ третьей главѣ содержится краткое изложеніе подвижническаго ученія монаха Антіоха и предлагается характеристика его, какъ аскетическаго писателя. Въ качествѣ приложенія къ сочиненію помѣщенъ русскій переводъ Пандектъ (тамъ же, стр. 247—249).

19. Александръ Смирновъ, *Исаакъ Ниневійскій (Сиріянинъ), его творенія* (ἀσκητικά) *и ученіе.* Св. Исаака Сиріянина должно считать однимъ изъ лучшихъ представителей практики и истолкователей теоріи чистаго безмолвничества конца V-го и первой половины VI-го вѣка; его творенія во многихъ отношеніяхъ служатъ прекраснымъ комментаріемъ къ тонкимъ ученіямъ египетскихъ, особенно скитскихъ, подвижниковъ

IV—V вѣковъ о безмолвіи. У послѣдующихъ аскетическихъ писателей его творенія пользовались великимъ авторитетомъ. Отсюда видно, что изученіе жизни Исаака и его твореній съ внѣшней стороны и внутренней, выясненіе отношенія его теоріи безмолвія къ ученію о немъ прежнихъ безмолвниковъ и опредѣленіе его значенія для позднѣйшихъ аскетическихъ писателей должны представлять не малый интересъ для исторіи византійско-восточнаго монашества. Эту задачу и взялъ на себя г. Смирновъ. Въ первой части его сочиненія разработанъ вопросъ о жизни св. Исаака (глава первая) и его твореніяхъ (глава вторая). По вопросу о времени жизни Исаака существуютъ два мнѣнія: по одному—онъ умеръ въ самомъ концѣ VI-го вѣка, а по другому—онъ въ преклонныхъ лѣтахъ былъ уже въ концѣ V-го вѣка и умеръ послѣ 521 года, такъ какъ Іаковъ Саругскій, котораго цитируетъ Исаакъ, умеръ въ означенномъ году. Представители перваго мнѣнія утверждаются на посланіи Исаака къ нѣкоему Симеону, въ которомъ усматриваютъ знаменитаго дивногорскаго столпника Симеона младшаго, скончавшагося въ 593 году. Защитники второго мнѣнія утверждаютъ, что упомянутый Симеонъ не можетъ быть отожествляемъ съ Симеономъ Столпникомъ, ибо первый въ рукописяхъ называется только аввою или аввою кесарійскимъ; онъ, какъ видно изъ посланія, жилъ въ городскомъ монастырѣ и былъ столь несовершенъ въ подвижничествѣ и въ пониманіи безмолвія, что Исаакъ называетъ его невѣждою и хулителемъ заповѣди о любви къ ближнимъ. Авторъ разсматриваемаго сочиненія становится на сторону перваго мнѣнія, измѣняя его въ томъ отношеніи, что смерть Исаака полагаетъ между 550 и 575 годами, такъ какъ посланіе Исаака къ Симеону Столпнику написано въ то время, когда послѣдній «только что начиналъ свою подвижническую жизнь». Но авторъ не назвалъ бы Симеона, получившаго посланіе отъ Исаака, юнымъ и не отодвинулъ-бы такъ далеко года смерти епископа Ниневійскаго, если бы принялъ во вниманіе слѣдующее: а) получившій отъ Исаака посланіе Симеонъ называется аввою; но аввами назывались старцы, а не новоначальные и юные подвижники; исключенія были рѣдки; б) автору извѣстно, что Исаакъ называетъ демоновъ ἑξακισχίλιοι; здѣсь онъ имѣетъ въ виду опредѣленное лѣтосчисленіе, какъ это видно изъ его другого выраженія, что отъ сотворенія міра до Рождества Христова протекли πεντακισχίλιοι χρόνοι, ἢ μικρὸν ἔλαττον, ἢ ὑπὲρ τοῦτο; въ этихъ словахъ обозначены два лѣточисленія: по одному изъ нихъ до Р. Х. протекло менѣе 5000 лѣтъ, а по другому болѣе, т. е. 5500 и 5508 лѣтъ; слѣдовательно, сочиненіе, въ которомъ Исаакъ называетъ демоновъ ἑξακισχίλιοι, написано въ 492 или 500 году. Сказаннымь исправляется другое мнѣніе автора, находящееся во второй главѣ, что «творенія Исаака не могли быть написаны раньше двадцатыхъ годовъ VI столѣтія». Напротивъ, къ этому времени онъ заканчивалъ свою литературную дѣятельность. Мѣстомъ отшельническихъ подвиговъ Исаака авторъ считаетъ Скитскую пустыню и основательно при этомъ опровергаетъ

мнѣніе, по которому св. Исаакъ жилъ въ Италіи. Характеристическими чертами въ личности св. отца онъ признаетъ искреннее религіозное чувство, граничащее съ постояннымъ религіознымъ воодушевленіемъ, любовь къ созерцательному образу жизни и глубокое знаніе человѣческой природы. Сдѣлавъ затѣмъ общую характеристику твореній св. Исаака, авторъ переходитъ къ изложенію его ученія, которое опредѣляетъ какъ «науку о самопознаніи и самовниманіи съ цѣлью самоисправленія и нравственнаго усовершенія». Идеею о самовниманіи и самоуглубленіи, какъ основною во всемъ ученіи св. Исаака, опредѣляется планъ второй части разсматриваемой работы. Св. Исаакъ указываетъ три степени состоянія человѣка, которыя онъ переживаетъ на пути духовно-нравственнаго своего развитія и усовершенія. Первая степень—состояніе грѣховное, въ которомъ преобладаетъ тѣло надъ духомъ, вторая—утвержденіе въ добродѣтельной жизни путемъ борьбы со грѣхомъ, когда тѣлесная и духовная природа человѣка начинаютъ приходить въ равновѣсіе, и третья—та, когда духъ человѣческій беретъ перевѣсъ надъ тѣломъ. Отсюда, въ первой главѣ второй части излагается ученіе св. Исаака о грѣховномъ состояніи человѣка, во второй — говорится объ условіяхъ и средствахъ, ведущихъ къ нравственному совершенству, именно: чтеніи св. писанія, покаяніи и страхѣ за свою будущую жизнь, бѣгствѣ отъ міра, исполненіи заповѣдей, молитвѣ и милосердіи. Но нравственному совершенству человѣка особенно содѣйствуетъ жизнь монашеская, частнѣе — отшельничество. Объ этой жизни, какъ заключающей въ себѣ наиболѣе условій къ самовниманію и самоуглубенію, рѣчь идетъ въ третьей главѣ. Въ четвертой главѣ излагается ученіе св. Исаака объ участіи божественной благодати въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія человѣка, при содѣйствіи коей человѣкъ только и можетъ получить полное господство надъ плотью и погрузиться въ созерцаніе міра духовнаго и божественнаго міропорядка: эта высшая (третья) степень духовно-нравственнаго порядка изображается въ пятой главѣ. Въ заключеніи рѣчь идетъ о гармоническомъ единствѣ созерцательной жизни съ жизнью по закону дѣятельной любви къ ближнему, по ученію св. Исаака (тамъ же, стр. 249—255).

20. **Рафаилъ Тарази**, *Арабскій переводъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, его исторія и характеристическія особенности.* Важнѣйшіе результаты изслѣдованія формулируются въ заключеніи слѣдующимъ образомъ. Священныя книги ветхаго завѣта (въ количествѣ 24-хъ) были переведены съ еврейскаго языка на арабскій рабби Саадіею-Гаономъ-аль-Фаюми. Временемъ происхожденія этого перевода было начало X-го столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія,—время высшаго процвѣтанія сирской талмудической академіи. Саадіевскій переводъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта не сохранился до нашего времени въ первоначальномъ своемъ видѣ и полномъ объемѣ. Мы имѣемъ различныя редакціи Саадіевскаго перевода, исправленнаго восточными христіанами на основаніи древнихъ переводовъ: сирскаго и греческаго LXX. На основаніи перваго были

исправлены или, лучше сказать, редактированы ливанскими маронитами слѣдующія священныя книги ветхаго завѣта: Царствъ, Паралипоменомъ и Іова. Мельхиты же редактировали, на основаніи греческаго перевода LXX, слѣдующія священныя книги: Руѳь, Псалтырь, Ездры и Нееміи, Притчи Соломона, Екклезіастъ и Пѣснь пѣсней его же и книги пророческія. Мѣстами Саадіевскій переводъ священнаго писанія носитъ слѣды вліянія магометанскихъ переписчиковъ. Не смотря однако на различіе редакцій, арабскій переводъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, вошедшій въ изданіе парижской полиглотты, сохраняетъ въ большей или меньшей степени характеристическія особенности перевода Саадіи. Главнѣйшая особенность этого перевода состоитъ въ свободномъ и произвольномъ отношеніи аль-Фаюми къ священному тексту, обусловленное стремленіемъ его согласить арабскій переводъ священнаго писанія съ талмудическимъ преданіемъ и своими религіозно-философскими воззрѣніями. Отсюда въ переводѣ встрѣчаются всевозможныя сокращенія, добавленія и измѣненія библейскихъ выраженій и оборотовъ рѣчи. Существенному измѣненію подверглись въ особенности иносказательныя выраженія, обусловленныя образнымъ языкомъ священнаго писанія. Саадія подчинилъ экзегетику преданію и современной философіи и внесъ въ текстъ больше, чѣмъ допускалъ смыслъ словъ. Въ силу этихъ особенностей трудъ Саадія не можетъ высоко цѣниться, но нельзя его считать и простымъ систематическимъ перифразомъ священнаго текста. Настоящее сочиненіе, по отзыву рецензентовъ, несвободно отъ недостатковъ, но въ немъ вопросъ разсмотрѣнъ лучше, чѣмъ въ другихъ, весьма немногихъ, научныхъ попыткахъ рѣшенія его (тамъ же, стр. 257—261).

21. Николай Успенскій, *Преподобный Іоанникій Великій.* Задача сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы изобразить жизнь и дѣятельность Іоанникія Великаго въ связи съ обстоятельствами гражданской и церковной жизни его времени. Эту задачу авторъ выполняетъ въ пяти главахъ. Въ первой главѣ онъ изслѣдуетъ жизнь преподобнаго Іоанникія до монашества; во второй предлагаетъ краткій очеркъ монашества на малоазійско-виѳинской горѣ Олимпѣ, въ монастыряхъ которой главнымъ образомъ проходила монашеская жизнь преподобнаго Іоанникія; въ третьей главѣ обозрѣваетъ начальный періодъ аскетической жизни препод. Іоанникія, — время личнаго его духовнаго усовершенія; въ четвертой главѣ обстоятельно изслѣдуетъ второй періодъ жизни преп. Іоанникія, когда онъ, созрѣвши нравственно, развилъ благотворную дѣятельность на пользу современнаго ему монашества и церкви вообще, оказывая выдающееся вліяніе на ходъ событій своего времени (въ иконоборческихъ смутахъ); въ пятой главѣ авторъ ведетъ рѣчь о послѣднихъ дняхъ жизни преп. Іоанникія, о его кончинѣ, погребеніи и церковномъ прославленіи; въ заключеніи предлагаетъ общее сужденіе о значеніи препод. Іоанникія въ исторіи монашества и вообще церкви православной. Въ основу изслѣдованія жизни и дѣятельности препод. Іоанникія авторъ

положилъ изученіе двухъ житій этого великаго подвижника: одно — монаха Саввы, а другое — монаха Петра, современниковъ Іоанникія, лично съ нимъ обращавшихся, — которыя въ 1894 г. и были изданы въ Acta Sanctorum, November, t. II. Авторъ воспользовался и научнымъ матеріаломъ во вступительномъ трактатѣ къ этимъ житіямъ, а также слѣдующими за каждой главой житій учеными Annotata, составленными издателями житій. Но этимъ онъ не ограничился и привлекъ въ своемъ изслѣдованіи и другіе древніе памятники, которые помогли ему освѣтить многія частности изъ жизни преподобнаго Іоанникія и византійскаго монашества. Достаточно познакомился авторъ и съ относящимися къ дѣлу новыми учеными трудами, которые помогли ему установить правильный взглядъ на теченіе общей жизни церкви и государства византійскаго въ VIII—IX вѣкахъ, а это помогло ему выставить въ надлежащемъ свѣтѣ и участіе преподобнаго Іоанникія въ общемъ ходѣ исторіи. Вообще сочиненіе написано по плану естественному и стройному, отличается научнымъ методомъ и изложено правильно и просто (тамъ же, стр. 269—272).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

И. С.

Βιβλιοθήκη Μαρασλῆ. Съ прошлаго 1897 года началось изданіе обширной серіи историческихъ книгъ въ переводѣ на новогреческій языкъ извѣстнѣйшими греческими учеными. Расходы по этому предпріятію принялъ на себя извѣстный одесскій благотворитель Григорій Г. Маразли, имя котораго и будетъ носить вся серія этихъ переводовъ. Греческія газеты основательно сравниваютъ это обширное предпріятіе съ просвѣтительной дѣятельностью братьевъ Зосимадовъ въ прошломъ вѣкѣ. Изданіемъ этимъ руководитъ А. Г. Х. Κωνστα, а выходитъ оно въ Аѳинахъ у книгопродавца К. Бека. Ежемѣсячно должно выходить по выпуску въ 10 печатныхъ листовъ каждый, стоимостью въ 1.50 драхмы, а впослѣдствіи и по два выпуска въ мѣсяцъ. Въ первый годъ предполагается изданіе переводовъ извѣстныхъ руководствъ Курціуса, Дройзена, Крумбахера, Христа, Гильберта, Риббека, Хеда и др. (Νέα Ἡμέρα 1897 1 янв. № 1151). Въ началѣ сентября вышла первая часть (11-ый вып. «Библіотеки») Исторіи Византійской Литературы Крумбахера въ переводѣ Г. Сотиріади: весь переводъ займетъ около 100 печатныхъ листовъ (10 выпусковъ) и будетъ стоить, слѣдовательно, всего около 15 драхмъ, т. е. значительно дешевле нѣмецкаго оригинала. Слѣдующій выпускъ ожидается въ январѣ 1898 г. (Ἑστία 1897 г. № 195, Сент. 11).

С.

Работы по реставраціи Дафни. Въ началѣ апрѣля 1897 г. покинулъ Грецію венеціанскій мозаичистъ Ново, окончивъ работы по реставраціи мозаикъ въ церкви мон. Дафни. Эти долголѣтнія работы стоили Археологическому Обществу около 65,000 драхмъ (Κωνσταντινούπολις 1897 г.,

№ 79. Апрѣля 8] и состояли въ укрѣпленіи и реставраціи извѣстныхъ мозаикъ этой церкви. Мозаики были наклеены лицевою стороной на холстъ, сняты вмѣстѣ со штукатуркою со стѣнъ, которыя нуждались въ укрѣпленіи мѣстами, какъ, напримѣръ, весь куполъ, и въ совершенной перекладкѣ заново; старый цементъ былъ удаленъ съ обратной стороны мозаикъ; выкрошившіеся кубики мозаики тамъ, гдѣ цвѣтъ ихъ не подлежалъ сомнѣнію, какъ напр. въ золотомъ фонѣ или въ небольшихъ дефектахъ одеждъ, замѣнены были новыми, и затѣмъ мозаики вновь помѣщены на прежнія мѣста, но на новомъ уже цементѣ, и вновь отшлифованы съ лицевой стороны. Такимъ образомъ мозаикамъ возвращенъ прежній видъ ихъ безъ всякаго измѣненія и порчи ихъ стиля. Кропотливые пріемы г. Ново могутъ, повидимому, считаться образцовыми для реставраціи древнихъ мозаикъ и надо надѣяться, что со временемъ они будутъ приложены и для реставраціи — или точнѣе укрѣпленія, какъ назывались работы эти (καταστήριξις τῶν ψηφιδωτῶν), — мозаикъ церкви монастыря Луки Стирійскаго въ Віотіи. **С.**

Сообщенія въ Обществѣ «Парнассосъ». Въ засѣданіи литературнаго и археологическаго отдѣленія аѳинскаго научнаго общества «Παρνασσός» 24 ноября 1897 года N. Г. Πολίτης сдѣлалъ сообщеніе *о византійскихъ пословицахъ* (περὶ βυζαντινῶν παροιμιῶν) и особенно объ изданныхъ Крумбахеромъ, возражая на его мнѣніе о независимости византійскихъ пословицъ отъ древнихъ и доказывая, что основаніемъ ихъ были народныя эллинскія. Политисъ приготовляетъ къ печати сборникъ, заключающій болѣе 25000 пословицъ.—Въ томъ же засѣданіи Сп. Ламбросъ сообщилъ о *рукописяхъ монастыря* τῆς Ἁγίας *на о. Андросѣ*: всего тамъ 102 ркк., изъ нихъ 17 пергаменныхъ и 2 бомбицинныхъ. Важнѣйшая—номоканонъ, въ которомъ находятся неизвѣстныя доселѣ Νεαραὶ Алексѣя Комнина. Въ художественномъ отношеніи интересенъ шитый серебромъ (ἀργυρόπλεκτον) покровъ (κάλυμμα) одного пергаменнаго Евангелія конца XVI вѣка, въ историческомъ—запись, свидѣтельствующая о посѣщеніи монастыря Михаиломъ Либономъ (Μιχαὴλ Λίμπονα), пострадавшимъ въ 1676 г. отстаивая привилегіи Аѳинъ [Ἑστία. № 270. 25 ноября 1897 г.]. См. выше стр. 353 и Byz. Zeit. 1898, S. 464. Тамъ же изданъ рефератъ Политиса: см. выше стр. 353; Byz. Zeit. 1898, S. 462.

Каталогъ, составленный Сп. Ламбросомъ, будетъ изданъ въ годичномъ изданіи (ἐπετηρίς) Общества. **С.**

Музей Изящныхъ Искусствъ въ Аѳинахъ. Въ сентябрѣ 1897 года опубликовано королевское повелѣніе объ учрежденіи въ Аѳинахъ новаго музея, Музея Изящныхъ Искусствъ. Временнымъ помѣщеніемъ его будетъ Академія, выстроенная на пожертвованія Сина; коммиссія, завѣдующая имъ, состоитъ изъ директора Школы Изящныхъ Искусствъ, генеральнаго эфора древностей и еще четырехъ членовъ, изъ коихъ двое

должны быть избраны изъ извѣстныхъ художниковъ. Музей будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій: 1) произведеній христіанскаго искусства, начиная отъ первыхъ временъ христіанства, особенно же византійской стѣнописи (очевидно въ копіяхъ), 2) копій всякаго рода съ произведеній знаменитѣйшихъ западныхъ художниковъ и 3) картинъ греческихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ Музеѣ будутъ собраны и произведенія скульптуры древне-христіанской, византійской и новой. (Ἑστία 21 сент. 1897 г. № 205; Νέα Ἡμέρα (26) 8 окт. 1897 г. № 1191). Судя по этой программѣ надо думать, что въ новый Музей перенесены будутъ и скульптуры христіанскихъ временъ и пестрое собраніе Общества Христіанской Археологіи, находящіяся теперь въ Центральномъ Музеѣ, а также и тѣ орнаментальные по большей части христіанскіе рельефы, которые свалены въ подвалахъ Академіи и разбросаны въ Центральномъ Музеѣ и на Акрополѣ. Можно надѣяться, что постепенно будутъ перевозимы сюда и важнѣйшіе изъ христіанскихъ рельефовъ изъ различныхъ провинціальныхъ музеевъ и церквей Греціи, а также, что здѣсь же найдутъ себѣ мѣсто и множество христіанскихъ надписей, изъ подваловъ Академіи.

С.

Землетрясенія на о. Ѳирѣ 1650 г. Μιχ. Ἰακ. Μαρκόπολις напечаталъ въ аѳинской газетѣ Ἑστία № 291 (16 декабря 1897) разсказъ *о землетрясеніяхъ и изверженіи на о. Ѳирѣ* (Санторинѣ) *въ 1650 г.*, дополняющій извѣстія о немъ [1]) и представляющій для филологовъ примѣръ мѣстнаго языка того времени, переполненнаго итальянскими словами.

С.

Халепскій женскій монастырь на о. Критѣ. *Спир. Ламбросъ* помѣстилъ въ календарѣ Скока (Ἡμερολόγιον τοῦ Σκόκου. 1898) *«исторію женскаго монастыря въ Халеппѣ»* (на о. Критѣ), одного изъ трехъ монастырей, находящихся близъ Ханіи [2]). Этотъ монастырь во имя Іоанна Крестителя основанъ «при византійскихъ императорахъ», но когда именно не извѣстно. Исторію его Сп. Ламбросъ излагаетъ со словъ критянина П. Золиндаки лишь за текущее столѣтіе, но издаетъ открытое имъ въ 1876 г. въ Оксфордѣ (Cod. Baroccianus 216, fol. 59—60. XVI в.) оправдательное письмо десяти старицъ монастыря этого къ патріарху (τῷ ἄκρῳ ἀρχιερεῖ): по жа-

1) Издатель указываетъ на книгу Fouqué, Santorin et ses éruptions, Paris, 1879, на статью Сп. Ламброса (Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τόμ. Β. σ. 108) и свое изданіе другого извѣстія въ Εἰκονογραφημένη Ἑστία 1891 г. τ. Β. σ. 373.

2) Два другихъ «ἡ ἁγία Τριὰς τῶν Τσαγγαρόλων» и «Γουβερνέτο ἢ Κυρία τῶν Ἀγγέλων» (мон. Благовѣщенья) нарисованы были въ 1745 году В. Н. Барскимъ: см. рис. въ IV томѣ хожденій его, издан. Правосл. Палест. Общества; описанія же путешествія его по Греціи и Криту, какъ извѣстно, не сохранилось.

лобѣ настоятельницы патріархъ отлучилъ ихъ, ὡς σκανδαλοποιούσας καὶ σχισματοποιούσας. Оправдываясь онѣ объясняютъ, что новая καθηγουμένη Ὑπομονή, наполнивъ монастырь своими родственницами, ἱερομόναχόν τινα ἔπηλον ὃν οὐκ ἴσμεν πόθεν ἐστὶν πνευματικὸν ἐφ' ἁπάσας κατέστησε; исповѣдываться у него десять старицъ не желали и, участвуя во всѣхъ церковныхъ службахъ и принимая ἀντίδωρον отъ новаго духовника, уходили однако исповѣдываться къ своему прежнему духовнику Іоакиму: ὁ γὰρ ἡμᾶς ἐνδύσας τὸ τῆς μοναδικῆς πολιτείας σχῆμα Σαββάτιος ἦν ὁ ἀσκητικώτατος, ὃς θρῆσκος παρέδωκε ἡμᾶς Νεοφύτῳ τῷ μακαρίτῃ. Οὗτος δ' αὖ πληρῶν τὸ τῆς θνητῆς φύσεως κοινὸν χρέος παρέδωκε ἡμᾶς Ἰωακεὶμ ἰδίῳ μαθητῇ ἀνδρὶ πράῳ καὶ σώφρονι. Настоятельница же оклеветала жалобщицъ патріарху, μὴ γράψασα τὴν ἀληθῆν αἰτίαν, ἀλλὰ ψευδολογησαμένη ἔλεξε τὰ μὴ ἀληθῆ, ὅτι αἱ δέκα τῶν ἄλλων διαχωρισθεῖσαι πνευματικοὺς ἔχουσι τέσσαρας. Изложивъ всѣ эти обстоятельства отлученныя утверждаютъ, что τούτου μόνου ἕνεκα κεκίνηκεν ἡ καλὴ καθηγουμένη καὶ ἔτι κινεῖ πάντα λίθον κατὰ τὴν παροιμίαν, и рѣшительно отказываются ей повиноваться: ἀλλὰ ταῦτα καὶ τοιαῦτα ποιοῦσα οὐδέποτε παρακινήσεται ἡμᾶς παραβῆναι ὃν ἐξ ἀρχῆς ἐλάβομεν ἐπαινουμένης τάξεως κάνονα, καὶ ταῦτα γραῦς οὔσας καὶ τὴν ἐσχάτην ἡλικίαν φθάσασας.

Посланіе не имѣетъ ни подписей жалобщицъ, ни имени патріарха, а потому время его точно не опредѣляется; Сп. Ламбросъ полагаетъ, что оно, вѣроятно, того же времени, какъ и сама рукопись, т. е. XVI вѣка.

[Ἑστία. 1897 № 270. Ноября 25, гдѣ перепечатана эта статья].

С.

Первыя школы въ Византіи. Живущій въ Іерусалимѣ Χρυσόστομος Ἀ. Παπαδόπουλος напечаталъ въ тріестской греческой газетѣ Νέα Ἡμέρα (№ 1174. (30) 11 іюня 1897 г.) статью «Αἱ πρῶται σχολαὶ τοῦ Βυζαντίου», въ которой сопоставляетъ извѣстія о константинопольской основанной Константиномъ В. высшей школѣ «auditorium», со времени ея основанія до времени имп. Зинона. Свѣдѣній о школѣ этой собрано авторомъ менѣе, чѣмъ у J. P. Richter'a (Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte 1897, стр. 405 сл.), но послѣдній. пропустилъ свидѣтельство Павла Діакона съ котораго начинается статья Пападопуло. Сперва авторъ даетъ краткую характеристику языческихъ школъ, а затѣмъ указываетъ выдержками изъ Василія В. и Григорія Богослова отличія отъ нихъ школъ христіанскихъ. Послѣ краткаго разсказа о воспрещеніи Юліаномъ посѣщенія школъ христіанами слѣдуетъ изложеніе исторіи Константинопольской школы до времени имп. Зинона и сообщаются свѣдѣнія о библіотекѣ, къ которой авторъ относитъ эпиграмму «о піерійскихъ домахъ» (Anth. Anon. 139 = Richter, № 1118).

С.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ $12^1/_2$ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Inselstrasse 20, Leipzig.

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἑξῆς βιβλιοπώλαις·

Κωνσταντινούπολις: **Keil, librairie internationale, Péra.**
Α. Δεπάστας, βιβλιοπώλης-ἐκδότης, Γαλατᾶς.
Ἀθῆναι: **Charles Beck, librairie internationale.**
Σμύρνη: **Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης-ἐκδότης.**
Ἀλεξάνδρεια: **Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.**

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = $12^1/_2$ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль, 1898 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΕΜΠΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Δ'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ V.

ВЫП. 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig. K. L. Ricker, Inselstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΕΜΠΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

издаваемый

при

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

подъ редакціею

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1898.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig. K. L. Ricker, Inselstr. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1898 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Ἐκδίδοται τύποις ἐγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρουπόλει, μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἔτους 1898-ου.

Ὁ ἰσόβιος γραμματεύς, ἀκαδημεικὸς Ν. Δουμπρόβιν.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΠΕΜΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α'.

Изслѣдованія и матеріалы.

Μελέται καὶ ὕλαι.

Стр.

Отдѣлъ II.

ΜΕΡΟΣ Β'.

1. 2. Критика и Библіографія.

Α'. Β'. Βιβλίων ἐπικρίσεις καὶ βιβλιογραφία.

Стр.

Стр.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Γ'. Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν. 352, 577, 802

Отдѣлъ III.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

Мелкія замѣтки и извѣстія.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

ОТДѢЛЪ I.

Старинная Чепинская крѣпость у с. Доркова и два византійскіе рельефа изъ Чепина (въ Болгаріи).

Въ 1879 г., во время путешествія по Болгаріи, я посѣтилъ между прочимъ и Чипино. Чипино или Цепина (Цѣпина), у византійцевъ Τζέπαινα (* Цѣпѣна), есть небольшая котловина, образуемая сѣверозападнымъ угломъ Родопскихъ горъ, при соединеніи послѣднихъ съ Рильскою планиною; чрезъ нее проходитъ дорога изъ Татаръ-Пазарджика или, иначе, изъ Ѳракіи (Южной Болгаріи) въ Македонію (чрезъ Баню на Якуруду и Мехомію и затѣмъ на Разлогъ) [1]). Мѣстность почти со всѣхъ сторонъ закрыта, тѣмъ не менѣе въ XIII и XIV вв. Чипино играло довольно важную роль въ исторіи войнъ византійцевъ съ болгарами. Предполагаютъ, что въ средніе вѣка Чепино именовалось не вся котловина, какъ нынѣ, но только крѣпость, которая называлась Τζέπαινα, т. е. Цѣпѣна или Цепена или Чепина, и находилась на горѣ Каркаріи, въ сѣверозападной сторонѣ Чепина, на дорогѣ или недалеко отъ дороги, ведущей отсюда во Ѳракію по теченію Елидере. Такъ нѣкоторые ученые заключаютъ изъ словъ византійскихъ авторовъ.

---

1) Свѣдѣнія о Чепинѣ см. у попа Константина Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως. Ἐν Βιέννῃ τῆς Αὐστρίας, 1819, стр. 31; Τζουχάλας, Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφὴ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως. Ἐν Βιέννῃ. 1851, стр. 75; Wien. Jahrbücher der Literatur. 42 B. 1828, стр. 60 (комментаріи Шафарика на Ансберта); Захаревъ Географико-историко-статистическое описаніе на Татаръ-Пазарджикскѫ-тѫ каазѫ. Виена. 1870; Иречекъ, Исторія Болгаръ. Одесса 1878, стр. 354, 355, 397, 488, 578, 583, 684; Jireček, Cesty po Bulharsku. V Praze, 1888, стр. 283, 296, 299, 331, 339; Иречекъ въ Периодическо Списание, VIII, стр. 76—77, X, стр. 29—31; Константиновъ, въ Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина, III, стр. 335—380, IV, стр 586—595. Другія указанія см. у Константинова въ Сборникѣ, III, стр. 355, примѣч. 2.

Здѣсь я укажу въ краткихъ словахъ на то, что говорятъ византійцы о Чепинѣ.

Насколько извѣстно до сего времени, о Чепинѣ впервые упоминаетъ Георгій Акрополита въ своей исторіи, гдѣ онъ между прочимъ разсказываетъ о войнахъ болгаръ и грековъ. Въ 1246 г. Іоаннъ Дука Ватаци (1222—1254 гг.) послѣ смерти болгарскаго царя Калимана (1241—1246 гг.) рѣшилъ возвратить себѣ крѣпости, отнятыя болгарами отъ византійцевъ, а именно: Станимакъ (Στενίμαχος), Перуштицу (Περιστίτζα), Кричимъ (Κρυτζιμός) и Чепину (Τζέπαινα)[1]. Но по смерти Іоанна Ватаци въ 1254 г. болгарскій царь Михаилъ Асѣнъ (1246—1257 гг.) рѣшился возвратить себѣ города, отнятые у болгаръ Іоанномъ въ 1246 г. Перешедши Марицу, онъ съ помощью славянскаго сельскаго населенія взялъ обратно замки на сѣверномъ склонѣ Родопы: Станимакъ, Перуштицу, Кричимъ, Чепину и находящіяся въ Охридѣ мѣстности, за исключеніемъ Моніака, который остался во власти византійцевъ[2]). Зимою императоръ предпринялъ походъ противъ болгаръ; вступивъ во Θракію, онъ взялъ нѣкоторые тамошніе города. Затѣмъ подступилъ къ Родопамъ, гдѣ онъ взялъ города Перуштицу, Станимакъ и Кричимъ и потомъ направился на Чепину, но по причинѣ трудности пути и зимняго времени[3]) долженъ былъ отступить отъ этого города, хотя византійскія войска были недалеко[4]). Но недолго спустя послѣ этого, именно весною императоръ приказалъ Алексѣю Стратигопулу и великому примикирію Константину Торникію отправиться изъ Сѣра на Чепину и взять ее. Они отправились. Но когда войско вступило въ горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, тамъ послышались чьи-то крики и звуки трубъ; войско охвачено было ужаснымъ страхомъ и пустилось бѣжать внизъ, потерпѣвъ немало отъ древесныхъ вѣтвей; весь византійскій обозъ и лошади доста-

1) Acropolitae historia edit. Allatii. Paris. 1651, стр. 58.

2) Тамъ же: .... κατεσχέσθη μὲν οὖν ἐκ τοῦ παραυτίκα ὁ Στενίμαχος, Περιστίτζα, Κρυτζιμός, Τζέπαινα, καὶ τὰ ἐν τῇ Ἀχριδῷ ξύμπαντα, πλὴν Μνειάκου. τοῦτο γὰρ καὶ μόνον ὑπὸ Ῥωμαίων πεφύλακται. Χρονικόν, стр. 138. Подробнѣе объ этомъ см. Исторію, стр. 58. Иречекъ, Исторія болгаръ. Одесса. 1878, стр. 354.

3) Εἰς Τζέπαιναν ἐν ἀκμῇ χειμῶνος. ἡ δὲ τοῦ τόπου δυσχωρία, καὶ τὸ ψυχρὸν τοῦ καιροῦ, οὐδὲ μικρόν τι εἴασεν ἐν ταύτῃ προσκαρτερῆσαι .... Тамъ же, стр. 61. Въ своемъ Χρονικόν Акрополита говоритъ: ἐκράτησε δὲ ὁ βασιλεύς, καὶ Στενιμάχου, καὶ Τζεπαίνης, καὶ τῶν τῆς Ῥοδόπης πολιχνίων, καὶ κωμοπόλεων, καὶ ὅρον τὸν Εὗρον πεποίητο. Тамъ же, стр. 132.

4) ...... ἵνα τὴν στρατιὰν πᾶσαν συναγαγόντες κατὰ τῆς Τζεπαίνης ἀφίκοιντο. Тамъ же, стр. 61; Χρονικόν, тамъ же, стр. 139. Ср. Jireček, Cesty po Bulharsku. V Praze. 1888, стр. 283.

лись, говоритъ Акрополита, болгарскимъ пастухамъ и свинопасамъ (τοῖς ποιμέσι καὶ συβάταις τῶν Βουλγάρων) [1]). Проф. К. Иречекъ предполагаетъ, что «родопцы собрались напасть на византійское войско, но не имѣли возможности встрѣтиться, потому что оно бѣжало къ Сѣру, какъ только замѣтило непріятеля по горамъ, вдоль дороги» [2]). Едва ли возможно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Акрополита называетъ болгаръ пастухами и свинопасами изъ презрѣнія къ послѣднимъ. По всей вѣроятности, это было болгарское войско, быть можетъ, наскоро составленное изъ мѣстныхъ жителей, бывшихъ пастуховъ и свиноводовъ. Въ слѣдующую зиму императоръ предпринялъ походъ въ Македонію, гдѣ онъ завоевалъ много городовъ и селъ; оттуда повернулъ въ Родопы и завоевалъ тамъ всѣ принадлежавшія прежде византійцамъ крѣпости и города (φρούρια καὶ ἄστεα) за исключеніемъ двухъ Патма (Πάτμος) около Охрида и Чепины [3]), твердыни, расположенной при соединеніи двухъ большихъ горъ Эма и Родопы, между которыми течетъ рѣка Марица. Чепина не сдалась и византійцы должны возвратиться назадъ ни съ чѣмъ. Императору было чрезвычайно непріятно, что Чепина остается непокоренной. Поэтому, не смотря на осень и зиму, онъ рѣшился отправиться походомъ на Чепину. Войска вышли изъ Адріанополя съ большимъ обозомъ и множествомъ возовъ, нагруженныхъ припасами и разными машинами (μηχανήματα καὶ ἑλεπόλεις) для взятія крѣпостныхъ стѣнъ. Въ византійскомъ войскѣ были латины и татары и особенно много стрѣльцовъ изъ лука и оруженосцы съ булавами (κορυνοφόροι). Императоръ дошелъ до Макроливады, стоящей на полпути между Адріанополемъ и Станимакомъ, и здѣсь, т. е. въ Макроливадѣ, остановился. Тутъ застигла его ужасная зима, — тогда въ этомъ мѣстѣ выпалъ первый снѣгъ; мѣсто было пустынное и непріятель находился близко [4]). Но всѣ эти обстоятельства не оста-

---

1) Тамъ же, стр. 61—62; Иречекъ, Исторія болгаръ. Одесса 1878, стр. 354; Периодическое Списание, XI, стр. 29.

2) Периодич. Списание, XI, стр 29.

3) . . . . . . καὶ ἄστεως ἄλλου Τζεπαίνης ὠνομασμένου λίαν τυγχάνοντος ἐχυροῦ, καὶ περὶ τὴν ξυμβολὴν τελοῦντος τῶν δύο μεγίστων ὀρῶν, τοῦ τε Αἵμου καὶ τῆς Ῥοδόπης, καθ' ὧν μέσον ὁ Εὖρος ῥεῖ ποταμός, ἐν δεινῷ μὲν ἐποιεῖτο ὁ αὐτοκράτωρ, ὅτι μὴ καὶ αὐτῶν ὡς τῶν ἑτέρων ἐκράτησεν, ἀλλ' ἔτι τῆς χειρὸς αὐτοῦ κρείττω φανέντα ἔξω τυγχάνουσιν. μάλιστα δὲ ὑπὲρ τῆς Τζεπαίνης ἐδυσφόρει τὰ μέγιστα. Acropolitae historiae, стр. 64—65. Иречекъ въ Периодич. Списание, XI, стр. 29.

4) Acropolitae historia, стр. 65: . . . . . ἐπεὶ πάντα καλῶς αὐτῷ, καὶ ὡς ἔδοξε κατηρτίσατο, τῆς Ἀδριανοῦ ἀπάρας κατὰ τῆς Τζεπαίνης ἐχώρει. τέτταρας δὲ σταθμοὺς παρήμειψεν ὁ στρατός, καὶ κατὰ τὸν τόπον, ὃν Μακρολιβάδα κατονομάζουσιν ἐτητύμως πρὸς τὸ σχῆμα

новили похода. Отсюда императоръ отправился на Станимакъ, гдѣ войско запаслось свѣжими припасами и нѣсколько отдохнуло. Послѣ этого онъ отправился далѣе,—по направленію къ Чепинѣ, и остановился въ Баткунѣ, откуда онъ послалъ людей рекогносцировать мѣстность. Возвратившись, послѣдніе сообщили, что дорога трудная. Тогда императоръ послалъ своего дядю Мануила Ласкари, въ монашествѣ Максима, и Константина Маргарита найти лучшія дороги для того, чтобы подступить къ Чепинѣ. Послѣдніе, возвратившись, сообщили и особенно К. Маргаритъ, что подступъ къ крѣпости возможенъ, хотя другіе изъ военныхъ совѣтниковъ императора, которые были знакомы хорошо съ мѣстностью, утверждали совершенно противное. Отправились дальше изъ Баткуна и стали подниматься уже въ горы. Дорога шла по такой крутой мѣстности, что нельзя было ѣхать верхомъ, а къ этому прибавились еще гололедица, а выше начинались густые непроходимые лѣса (συνερηφῆ τε καὶ λασία δένδρα περὶ τὴν ἀκρώρειαν). Войско должно было ночевать на пути, подъ открытымъ небомъ, и всю ночь разводило огни и грѣлось. Но вслѣдствіе густоты листьевъ деревьевъ (ὑπὲρ τῆς τῶν δένδρων πυκνότητος) дымъ не могъ подниматься вверхъ, а останавливался въ лѣсу и рѣзалъ глаза солдатъ. На разсвѣтѣ другого дня императоръ убѣдился, что крѣпость нельзя взять осаднымъ способомъ и приказалъ войскамъ сойтись внизу, на полѣ. Войска, ограбивъ Баткунъ, возвратились въ Адріанополь. Наконецъ по миру 1257 г. болгары должны были уступить эти крѣпости византійцамъ [1]).

Послѣ Акрополиты упоминаетъ о Чепинѣ Іоаннъ Кантакузинъ; онъ передаетъ, что въ Родопѣ были двѣ провинціи: первая была Морра въ самыхъ горахъ; другая же провинція называлась Станимакскою и Чепинскою [2]). Въ эту провинцію посланъ былъ молодымъ царемъ великій стратопедархъ Андроникъ Палеологъ [3]). Надъ этою провинціею Кантакузинъ назначилъ стратегомъ Георгія Вріенія [4]).

τὴν κλῆσιν οἱ πρώτως ἰδόντες θέμενοι, δεινὸς συμπίπτει σφίσι χειμών ..... Χρονικόν тамъ же, стр. 140.

1) Acropolitae historia, стр. 69: ..... ὁ δε βασιλεὺς διεκαρτέρει ἐν τῷ τῆς Ῥηγίνης τόπῳ, τὴν τῆς Τζεπαίνης περιμένων ἀπόλυσιν.

2) Cantacuzeni historia III, 66, T. II, Edit. Paris. 1645, стр. 575: .... ἔτι δὲ ἐν Ῥοδόπῃ ἑτέρας οὔσης ἐπαρχίας Ῥωμαίοις ὑπηκόου Στενιμάχου καὶ Τζεπαίνης προσαγορευομένης, αἷς ἦσαν ἱππεῖς χιλίων οὐκ ἐλάσσους μαχιμώτατοι καὶ πλῆθος πεζῶν, ἐδόκει δεῖν στρατεύειν ἐπ' αὐτούς. Jireček, Cesty po Bulharsku. V Praze. 1888, стр. 283.

3) Тамъ же, I, 27, T. I, стр. 84.

4) Cantacuz. hist. I, 36, T. I, стр. 109 .... βασιλεὺς δὲ Στενιμάχου καὶ Τζεπαίνης Βρυέννιον τὸν Γεώργιον στρατηγὸν καταστήσας.

Наконецъ въ 1344 г. болгарскій царь Іоаннъ Александръ получилъ въ видѣ вознагражденія за ту помощь, которую онъ якобы оказалъ императрицѣ Аннѣ противъ Іоанна Кантакузина, девять городовъ, и въ числѣ ихъ и Чепину[1]). Кажется, больше византійцы ничего не говорятъ объ этой провинціи.

Изъ словъ Кантакузина, кажется, слѣдуетъ, что подъ Чепиною у византійцевъ можно разумѣть не только крѣпость, но и округъ этого города. По видимому, такъ понялъ слова византійскаго вѣнценоснаго историка и парижскій издатель его исторіи. Въ примѣчаніи къ послѣднему изъ приведенныхъ мною выдержекъ изъ исторіи Кантакузина о родопскихъ городахъ Станимакѣ и Чепинѣ, онъ говоритъ, что Родопская провинція раздѣляется въ свою очередь на двѣ префектуры, носящія свои названія отъ городовъ Станимака и Чепины[2]). Какъ далеко простирался округъ Чепины въ византійское время, трудно сказать въ настоящее время.

Объ образованіи Чепинской котловины существуетъ два или три преданія[3]); одно изъ этихъ записалъ и я. Въ этомъ преданіи разсказывается, что Чепино было большимъ озеромъ, въ которомъ водилось огромная ламья Гаргара или Каркарія; она съѣдала людей и вообще творила много пакостей окрестному населенію; она же наконецъ пробила то отверстіе изъ котловины, чрезъ которое проходитъ рѣка Елидерè въ Пазарджикскую долину или поле. Вся вода вытекла изъ озера, изъ котораго выскочило и само чудовище въ поле, гдѣ оно, по однимъ разсказамъ, было убито и собаки ее ѣли три мѣсяца, а по другимъ, само издохло и, разложившись, заразило воздухъ своею вонью, отчего

---

1) Тамъ же, III, 66. Т. II, стр. 576: . . . ὁ δὲ ὑπέσχετο, ἂν μισθὸν αὐτῷ παρέχωσι τῆς συμμαχίας τὰς κατὰ Στενίμαχον καὶ Τζέπαιναν πόλεις καὶ μείζους καὶ ἐλάττους καὶ τὴν ταύταις ἐγκαθιδρυμένην στρατιάν. ἦσαν δὲ ἐννέα, ἡ Τζέπαινα καὶ ὁ Κροτζιμός, ἡ Περιστίτζα, ἡ Ἁγία Ἰουστίνα, ἡ Φιλιππούπολις, πόλις θαυμασία καὶ μεγάλη, ὁ Στενίμαχος, ὁ Ἀετός, ὁ Μπέαδνος, ὁ Κόσνικος. Флоринскій, Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. Спб. 1882, стр. 71; Иречекъ, Исторія болгаръ, стр. 379; Jireček, Cesty po Bulharsku, стр. 383—284. О мѣстоположеніи этихъ городовъ см. Jireček, Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel. Prag. 1877, стр. 96, и Период. Спис. X, стр. 43—51, XI, стр. 1—4.

2) Cantacuzeni histor. T. III, стр. 983, примѣчаніе: *Stenimachi et Zepaene urbium Rhodopes.* — Thracia in certas regiones, provincias, praefecturas distributa fuit, ex quibus a monte Rhodope nomen una sortita est, quae novem complexa urbes in duas rursum praefecturas divisa fuit, eae Stenimachi, et Zepaenes, a duabus vidilicet urbibus de illo numero appellantur saepius. Ср. Иречка въ Период. Спис. XI, стр. 19.

3) См. у Захарнева Опис. стр. 64; Иречекъ въ Периодич. Спис. XI, стр. 20; Константиновъ, въ Сборникѣ, III, стр. 355, примѣч. 1.

появились многія болѣзни. Это сказаніе довольно похоже на то, что записалъ проф. К. Иречекъ[1]), и нѣсколько походитъ на сказаніе о чудовищномъ зміѣ въ легендахъ о свв. Георгіи и Димитріи. Дорковскіе старики мнѣ сказали, что эта крѣпость подчинилась туркамъ позже всѣхъ окружныхъ болгарскихъ мѣстъ и притомъ на условіяхъ, для нея весьма выгодныхъ.

Другихъ сказаній о Чепинѣ я не знаю.

Въ настоящее время въ Чепинѣ расположены семь селъ: Корово, Каменица, Лъжене (или Ложене), Боня, Ракитово или Ракитовецъ, Костандово и Дорково. Иногда, впрочемъ, названіе Чепино придается и селу Ракитову; пять съ половиною изъ этихъ селъ, когда я былъ тамъ, были помацкія и около полутора христіанскія (Каменица вся и часть Ракитова). Въ настоящее время только въ 3-хъ селахъ нѣтъ христіанскаго населенія, а именно въ Дорковѣ и Констандовѣ[2]). Всего населенія по статистикѣ 1 января 1888 г. 8621 жителей, изъ нихъ 6060 помаковъ, 2360 православныхъ болгаръ и 209 цыганъ-мусульманъ и 12 евреевъ[3]). О времени принятія мусульманства здѣшними болгарами существуютъ довольно свѣжія преданія; — съ того времени прошло не болѣе 250 лѣтъ. Отдѣльныя обращенія бывали и въ болѣе позднее время. У нѣкоторыхъ помаковъ держатся еще и теперь старыя христіанскія фамильныя имена[4]), а также и названія мѣстностей[5]), а въ Ракитовѣ есть еще родственники, иногда довольно близкіе, между христіанами и магометанами. Все населеніе, какъ помацкое, такъ и христіанское, употребляетъ только одинъ болгарскій языкъ; одни только ходжи и муллы, а также и бывшіе въ солдатчинѣ знаютъ, хотя довольно плохо, и турецкій языкъ, но говорятъ въ семействахъ также почти только по-болгарски, потому что женщины турецкаго языка совершенно не знаютъ, за исключеніемъ развѣ только учительницъ-мусульманокъ, которыхъ во всемъ Чепинѣ было во время моего путешествія одна или двѣ.

Я интересовался главнымъ образомъ языкомъ и произведеніями

---

1) См. въ Период. Спис. XI, стр. 20.

2) Константиново въ въ Сборникѣ, III, стр. 365; IV, стр. 591 и 592.

3) Тамъ же, III, стр. 367. Во время моего посѣщенія Чепина тамъ совсѣмъ не было евреевъ.

4) Поповци (и Папазларъ), Вранчовци, Манчовци. Иречекъ, въ Периодич. Спис. VIII, стр. 77.

5) Церквище св. Илия у с. Бани (тамъ же), Света Петка, — колибы с. Лѣджене, Черква-та на кладбищѣ с. Лѣджене.

народной словесности этихъ болгаръ, но не оставлялъ безъ вниманія и все интересное изъ того, что касается исторіи, археологіи, этнографіи и статистики. Въ особенности меня интересовали городища. Изъ такихъ остатковъ старины мое вниманіе было занято, предпочтительно предъ другими, остатками крѣпости у села Доркова, извѣстными у мѣстнаго помацкаго населенія подъ названіемъ града-тъ и каля-та (крѣпость). Эти остатки находятся въ 2 или $2^1/_2$ верстахъ отъ села, съ западной его стороны, въ глубинѣ небольшой котловины, служащей въ настоящее время сельскимъ лугомъ, на скалистомъ, плоскомъ, довольно широкомъ холмѣ. Вся котловина, окаймленная со всѣхъ сторонъ зелеными холмами и лѣсистыми горами, а по сѣверозападной сторонѣ пересѣкаемая небольшою Лабачкою или Алабачкою рѣчкою, по берегамъ которой значительная часть года пасется сельскій скотъ и преимущественно лошади, представляетъ съ крѣпости очень живописный видъ. Съ сѣверовостока ее ограничиваютъ холмы или отроги Каркаріи, а съ сѣвера, по направленію къ Татаръ-Пазарджику, Гулецъ. Другія ея границы составляютъ: холмы юв. Броеница, ю. Метоя, юз. Еловъ-долъ, чрезъ который идетъ дорога изъ села въ котловинку и слѣдовательно и къ граду, Лештарево,—сѣверная скала, сз. Сукблица и юв. въ лѣсу, подъ холмами Мулійва-та чучуръ. Холмъ крѣпости возвышается сажень на пять отъ поверхности котловины.

Площадь крѣпости раздѣляется на двѣ части: одна сѣверная выше, доминирующая надъ всею котловиною и отчасти надъ окрестностями, а другая — южная, ниже, или, иначе, на верхнюю и нижнюю, которыя при существованіи крѣпости отдѣлялись стѣною, почти въ $2^1/_2$ аршина толщиною. Пространство, занимаемое крѣпостью, не вездѣ одинаковой величины,—но въ однихъ мѣстахъ съуживается, а въ другихъ расширяется. Въ сѣверной стѣнѣ крѣпости, вѣроятно, стояла башня. Площадь крѣпости можно опредѣлить приблизительно длиною крѣпостныхъ стѣнъ, которыя еще довольно хорошо замѣтны. Длина ихъ такова: восточная имѣетъ около $86^1/_2$ сажень; южная—около 99, западная—около 60, сѣверная до башни—75, а отъ башни до стѣны—11.

Верхняя часть крѣпости до воротъ съ сѣв. занимаетъ пространство приблизительно въ $15^1/_2$ сажень. Толщина стѣнъ у воротъ внизу доходитъ до $2^1/_2$ арш., а вверху до $2^1/_4$ арш. Высота воротъ доходитъ до 3 слишкомъ арш., а ширина у косяковъ до $2^1/_2$ арш. Ворота представляли, по всей вѣроятности, продолговатый четвероугольникъ, какъ можно судить до нѣкоторой степени по разстоянію между торчащими

концами дубовыхъ, несгнившихъ брусьевъ, закрѣпленныхъ въ стѣну, числомъ 4 въ верхней части, а въ нижней видны только два. Отъ нижней части стѣны они, видно, вырублены; два крайніе бруса съ внѣшней стороны стѣны торчатъ на 1 арш., а съ внутренней почти на 2 арш. Верхняя часть стѣны разбита въ одномъ мѣстѣ почти отъ начала ея болѣе чѣмъ на половину, — такъ что обвалилась почти половина толщины ея. У самыхъ дверей стѣна тоже разбита почти отъ земли во всю почти толщину, до самаго верха, въ стѣнѣ остался только одинъ камень. Обвалина, если такъ можно выразиться, идетъ полуаркой, захвативъ часть и другой стѣны до бревенъ у воротъ.

Нижняя часть крѣпости захватываетъ пространство въ $5^1/_2$ саженъ; и тутъ стѣна съ внутренней стороны обвалилась. Здѣсь наибольшая высота стѣнъ доходитъ до 2 саженъ. Стѣна спускается внизъ въ долину, до воротъ неправильно, но всетаки террасообразно, а отъ воротъ спускъ болѣе отлогъ, словно слѣдуетъ формѣ мѣстности.

Въ стѣнѣ, отдѣляющей верхнюю крѣпость отъ южной, существовали, по видимому, ворота, соединяющія обѣ эти части.

Съ юговосточной стороны — скала, на ней бѣлѣется большой камень, углы котораго потрескались. Съ сѣверной стороны холмъ спускается внизъ довольно обрывисто; съ западной и частью съ восточной обрывистость холма уменьшается; только съ юговосточной стороны спускъ съ него довольно отлогъ. Отсюда вела въ крѣпость дорога, такъ какъ ворота находились именно на этой сторонѣ.

Это почти все, что было во время моего посѣщенія этой мѣстности замѣтно на поверхности земли. Все, бывшее внутри крѣпости, было покрыто землей, на которой росли кустарники и даже деревья, не говоря уже о травѣ, которая росла тамъ всюду въ изобиліи и служила хорошимъ кормомъ для сельскаго скота, посѣщавшаго нерѣдко и самый крѣпостной холмъ. Чтобы узнать, что находится подъ землею на холмѣ, я производилъ въ продолженіи четырехъ дней раскопки на значительномъ пространствѣ, заключенномъ въ стѣнахъ крѣпости. Работы производились подъ моимъ руководствомъ добродушными дорковскими помаками, въ числѣ 15—20 человѣкъ съ ходжею во главѣ, частью изъ любопытства, частью же побуждаемые моимъ необильнымъ золотомъ. Вся кавалькада, вооруженная лопатами, мотыками, засту-

пами и т. п. орудіями, отправлялась на работу раннимъ утромъ и возвращалась вечеромъ около 6 часовъ подъ моимъ предводительствомъ; и туда и назадъ я гарцовалъ на конѣ хаджи-Имама, лучшемъ въ селѣ. Тѣ помаки, которые незадолго передъ тѣмъ производили ужасныя звѣрства въ родопскихъ и ѳракійскихъ христіанскихъ селахъ, теперь съ примѣрною покорностію и послушаніемъ усердно и даже съ нѣкоторымъ соревнованіемъ работали по моему указанію, даже и въ то время, когда нужно было быть въ джаміи на молитвѣ наканунѣ пятницы. Когда я имъ замѣтилъ, что имъ пора остановить работы и возвратиться въ село на молитву, нѣсколько изъ нихъ отвѣтило мнѣ: «Если, челеби, прикажешь и нужно, то мы и завтра (т. е. въ пятницу) прійдемъ сюда работать».

Не глубоко пришлось копать, какъ я наткнулся на разнаго рода остатки отъ внутренняго убранства строенія, а потомъ и на самое строеніе, которое оказалось церковью, а къ сѣверу отъ церкви, въ нижней части крѣпости, оказалось помѣщеніе для жилья. Кромѣ остатковъ отъ церкви сохранились нижнія части стѣнъ вышиною болѣе, чѣмъ на три четверти аршина. Обращусь сперва къ описанію остатковъ церкви.

Церковь была расположена недалеко отъ крѣпостныхъ воротъ, близъ восточной стѣны, занимая сѣверно-южное положеніе. Алтарь заканчивался съ сѣверной стороны апсидой. Церковь раздѣлялась на три части: алтарь, среднюю часть или собственно церковь и притворъ. Длина всей церкви 30 саж. слишкомъ, а ширина 7 саж.; длина 7 слишкомъ сажень, а ширина около 7 саж. у апсиды, а самой апсиды неизвѣстно, потому что ни стѣна, ни мѣсто ея ясно не замѣтны. Зато довольно хорошо видно мѣсто алтарной преграды, длина которой доходила почти до 3-хъ сажень, а ширина до полутора аршина. Длина средней части церкви до алтаря 9 слишкомъ сажень. Притворъ довольно узкій; онъ занимаетъ пространство въ 2 сажени слишкомъ; длина стѣны притвора съ в. на з. 4 сажени. Какъ велико было пространство у входныхъ дверей, трудно сказать; стѣна у дверей разломана и образуетъ болѣе 3 сажень. Сохранилась часть съ южной стороны до двери въ 2 безъ малаго сажени. Толщина стѣны $1^1/_2$ арш. Бокъ церкви былъ устланъ нѣсколько продолговатыми мраморными квадратами (длиною около $^2/_3$ арш., шириною нѣсколько больше $^1/_2$ арш.), мраморными продолговатыми, но неширокими пластинками, продолговатыми мраморными и каменными плитами. Весь этотъ матеріалъ съ

лицевой стороны отшлифованъ очень хорошо и чисто. Камни въ стѣнахъ мѣстной породы, они въ стѣнѣ смѣшаны съ кирпичами и цементомъ. На одной части сѣверной (сѣверо-западной) стѣны сохранились заваленныя мусоромъ нижнія части стѣнныхъ изображеній (фресокъ), по видимому, Трехъ Святителей. Подризники у нихъ желтаго и зеленаго цвѣтовъ, фелони краснаго, а епитрахили бѣлые съ темнокоричневыми краями и мозаическими бѣло-коричневыми нижними концами. Изображенія шли не до самаго пола; подъ ними оставалось еще пространство на $1/_2$ аршина выше пола. На этомъ пространствѣ помѣщались орнаменты въ видѣ звѣздъ немного менѣе $1/_2$ арш. въ діаметрѣ; радіусы звѣздъ разноцвѣтны,—красные, бѣлые, желтые и голубые; фонъ круговъ звѣздъ также разноцвѣтный. Вообще орнаментъ церкви, кажется, былъ небѣденъ, судя по видѣннымъ мною остаткамъ. Кромѣ того, кое-гдѣ сохранились остатки штукатурки, раскрашенные разноцвѣтными красками.

На южной перегородкѣ храма, въ притворѣ, сохранилась подпоясная половина портрета, вѣроятно, ктитора церкви, а быть можетъ и владѣтеля Чепины. Весь портретъ былъ нарисованъ на нѣсколькихъ камняхъ стѣны. Сохранившаяся часть изображенія находится на большомъ квадратномъ камнѣ и длинной пластинкѣ. На немъ видна длинная одежда до земли, насколько мнѣ помнится, темносиняго цвѣта, подбитая собольимъ мѣхомъ, какъ видно, по бортамъ ея.

Въ средней части храма, на полу сохранилось много мраморныхъ остатковъ и обломковъ, изъ которыхъ одни въ видѣ разбитыхъ или полуразбитыхъ плитъ, другіе въ видѣ нетолстыхъ витыхъ колоннъ и т. п. На одной не вполнѣ цѣлой мраморной плитѣ такъ прекрасно изображенъ или представленъ въ рельефѣ виноградъ, что издали можно принять его за дѣйствительный; на другихъ обломкахъ сохранились птицы и разные другіе предметы видимой природы,—голуби, потомъ звѣзды, цвѣты, листья, и все это сдѣлано также въ рельефѣ и весьма искусно и чисто.

У алтарной части церкви найдено въ мусорѣ много мраморныхъ и каменныхъ кусковъ и между ними двѣ плиты съ рельефными изображеніями свв. апостоловъ Петра и Павла, каждый въ отдѣльности. Обѣ плиты изображены на прилагаемой таблицѣ III. Плиты сохранились не вполнѣ цѣльными; у обѣихъ нижніе края или, вѣрнѣе, углы, отбиты, такъ что помѣщенныя подъ изображеніями подписи вязью сохранились только въ серединахъ. Мѣста на плитахъ,

свободныя отъ изображеній, выдолблены такъ, что изображенія помѣщаются въ продолговатыхъ рамахъ, верхнія части которыхъ представлены въ видѣ полукруговъ съ расходящимися по сторонамъ основаніями у плечъ апостоловъ, въ видѣ буквы Ω. Рамы составлены какъ бы изъ листьевъ въ видѣ полуовала снизу до верху. Лица изображеній византійскія, довольно суровыя, продолговатыя, съ одеждами по иконописному подлиннику. Апостолъ Петръ сохранился довольно хорошо; онъ держитъ въ правой рукѣ ключи, а въ лѣвой свитокъ. Апостолъ Павелъ сохранился нѣсколько хуже; у него отбитъ носъ и нѣсколько затерто лицо. Онъ въ правой рукѣ держитъ книгу. У каждаго изображенія находятся надписи греческія, вырѣзанныя въ глубь, по обѣимъ сторонамъ изображеній, начиная съ уровня головъ и доходя ниже плечъ.

ο	π	ο	π
α	α	α	ε
γ	υ	γ	τ
ι	λ	ι	ρ
ο	ο	ο	ο
ς	ς	ς	ς

Надписи сдѣланы правильно и довольно красиво. Кромѣ этого, подъ рамами, на пространствѣ въ 10 см., находились по двѣ строчныхъ вязныхъ греческихъ надписи, сохранившихся, какъ я сказалъ, не въ цѣлости, а только въ среднихъ частяхъ. Надписи сдѣланы довольно хорошо; онѣ представляютъ тексты изъ апостольскихъ посланій. На заднихъ сторонахъ плиты не отшлифованы. Въ общемъ вся отдѣлка плитъ и работа средняго достоинства, но все-таки довольно акуратна. Самыя изображенія исполнены, несомнѣнно, грекомъ, по моему разумѣнію, въ XII—XIII в., но во всякомъ случаѣ не раньше XI в. Эти плиты находились въ иконостасѣ.

Можно предполагать, что весь иконостасъ былъ мраморный. По крайней мѣрѣ, во время раскопокъ я не замѣтилъ никакихъ деревянныхъ иконныхъ издѣлій или изображеній и никакихъ такихъ же иконныхъ слѣдовъ; ихъ отсутствіе не могло быть причинено гніеніемъ; ибо почти всѣ остатки были изъ хорошо консервирующагося матеріала,—кусковъ мрамора, сухого цемента, иногда сухой извести и т. п. остатковъ, среди которыхъ я находилъ куски штукатурки съ частями изображеній, хорошо сохранившихся, свѣжіе обломки деревяннаго строительнаго матеріала. Дождевая вода не могла проникнуть

сверху, потому что верхній слой земли былъ довольно толстъ и твердъ. Кромѣ этихъ обломковъ, тамъ находилось не малое количество колонныхъ кусковъ, кусковъ карнизовъ и другихъ разнаго рода мраморныхъ издѣлій. И такъ, судя по указаннымъ обломкамъ и найденнымъ мною частямъ стѣнныхъ изображеній и орнаментовъ, а также и по изображеніямъ на сохранившихся нижнихъ частяхъ стѣнъ, можно думать, что церковь была вся расписана, что въ ней было очень мало деревянныхъ иконныхъ изображеній и что, какъ я замѣтилъ выше, весь иконостасъ былъ мраморный и изображенія на немъ были вырѣзаны въ рельефѣ, а можетъ быть были и мраморныя изображенія въ видѣ статуй. Кромѣ указанныхъ выше надписей, никакихъ другихъ я не нашелъ; но и эти, мнѣ кажется, служатъ достаточнымъ основаніемъ предположить, что вся живописная работа въ храмѣ принадлежитъ греку-византійцу-провинціалу, нѣсколько, можетъ быть, оварварившемуся. Слѣдуетъ замѣтить, что найденный мною здѣсь мраморъ былъ довольно мягкаго сорта, — ломкій. Встрѣчающіяся на полу церкви каменныя плиты довольно толсты и большею частію продолговаты.

По серединѣ церкви выросли двѣ бурики (пихты), которымъ нынѣ болѣе ста лѣтъ и въ корняхъ которыхъ твердо зацѣпились камни. Такія же деревья выросли и по сторонамъ церкви и вдоль ея, а также и вдоль крѣпости.

Церковь занимаетъ не самое высокое мѣсто крѣпости. Съ сѣверовосточной стороны алтарнаго полукруга была, по всей вѣроятности, лѣстница, по стальба-та (ступенямъ) [1]) которой можно было сходить въ нижнюю часть крѣпости или, вѣрнѣе, въ нижнюю крѣпость, къ дому, находившемуся сейчасъ подъ скалой, т. е. подъ верхнею частію крѣпости, гдѣ находилась церковь; ступени крѣпости не сохранились, но мѣста ихъ хорошо замѣтны. Домъ мною не изслѣдованъ, потому что онъ заваленъ огромнымъ количествомъ мусора, падавшаго, по всей вѣроятности, и съ верхней части крѣпости; на его раскопку потребовалось бы гораздо больше времени, чѣмъ на раскопку церкви. Восточная часть стѣны дома сохранилась меньше, чѣмъ южная и сѣверная, а западная совсѣмъ изъ мусора. Судя по мѣстоположенію, восточная стѣна была выше и выдавалась больше изъ земли, чѣмъ остальныя. Домъ обросъ кустарниками, которыхъ на восточной

1) Мѣстное выраженіе.

сторонѣ больше, чѣмъ на остальныхъ. Стѣны изъ камня мѣстной породы; кирпичей видно очень мало. Другихъ строеній въ этой части крѣпости не видно; но, несомнѣнно, были, судя по кучамъ камней, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Кое-гдѣ здѣсь торчатъ природныя каменныя скалы; но кое-гдѣ замѣтны и бугорки, какъ слѣды бывшихъ зданій.

Въ верхней крѣпости видны ясные слѣды башни, которая находилась въ южной части крѣпости; она была четыреугольной формы и имѣла въ длинѣ и ширинѣ по четыре слишкомъ квадратныхъ сажень. Это измѣреніе сдѣлано внутри крѣпости; съ внѣшней стороны она будетъ больше. Нижній остатокъ ея возвышается надъ землею не больше полуаршина. Только съ южной стороны возвышается надъ землею стѣна, которая продолжается на восточную сторону, гдѣ она возвышается около 2-хъ аршинъ. Толщина стѣны почти не сохранилась, потому что почти половина ея широкой стороны обрушилась; все-таки, по видимому, она доходила до двухъ аршинъ. Кругомъ башня обросла черноцами (тутовыми деревьями) или бурикам, изъ-за которыхъ едва виднѣется груда камней на большой возвышенности или холмѣ, поднимающейся надъ всею крѣпостію, съ большимъ или широкимъ круглымъ основаніемъ. Башня находится на самой высокой части крѣпости и такимъ образомъ доминируетъ надъ всею мѣстностью.

На томъ же возвышеніи, около башни, съ восточной ея стороны, находился колодецъ, который нынѣ заваленъ мусоромъ. Колодецъ четыреугольный; онъ отдѣланъ хорошо и чисто выточенными камнями мѣстной породы. Въ немъ видны нѣкоторыя части карниза. Надъ южною стѣною, надъ карнизомъ, возвышается около аршина начало свода. Камни въ стѣнахъ укрѣплены цементомъ, смѣшаннымъ съ кусками кирпича. Съ восточной стороны колодца стѣна развалилась. Колодецъ довольно объемистый.

Никакихъ другихъ строеній я въ крѣпости не нашелъ. Но несомнѣнно, что дальнѣйшія раскопки дадутъ новые результаты. Когда была построена эта крѣпость, а также и церковь въ ней, и кѣмъ, трудно сказать въ настоящее время. Я склопенъ думать, что и крѣпость и церковь византійскаго времени, судя по найденнымъ мною тамъ рельефнымъ изображеніямъ свв. ап. Петра и Павла. Кромѣ того и изображенія винограда, птицъ и листьевъ, мнѣ кажется, сдѣланы также византійцемъ, судя по ихъ отдѣлкѣ. Трудно допустить, чтобы

въ такомъ мѣстѣ, какъ Чепино, болгарское искусство стояло такъ высоко во время перваго или второго болгарскаго царства. Наконецъ мы знаемъ, что Чепино находилось далеко не всегда подъ властью болгаръ, а переходило то въ руки византійцевъ, то въ руки болгаръ. Такъ или иначе, но все-таки я больше склоненъ думать, что, если крѣпость и церковь болгарской постройки, то мраморныя изображенія, несомнѣнно, византійскаго издѣлія, хотя бы нѣсколько и оварвареннаго.

Если трудно сказать, когда была построена крѣпость, то, мнѣ кажется, можно сказать съ нѣкоторою увѣренностью, когда она была разрушена. Судя по свѣжести остатковъ, а также и по тому, что между этими остатками нашлись вышеуказанныя рельефныя изображенія, я думаю, что церковь разрушена и крѣпость уничтожена не пожаромъ, а отъ бомбардировки или вообще во время войны и сравнительно не такъ давно; можно предположить, не раньше того времени, когда турки въ послѣдній разъ напали на Чепино и послѣ этого тамошнее болгарское поселеніе стало принимать мусульманство [1]), т. е. въ половинѣ XVII столѣтія; до того времени условія, на которыхъ было подчинено Чепино туркамъ, соблюдались строго [2]).

Была ли здѣсь крѣпость или только укрѣпленный замокъ, въ настоящее время сказать трудно. По всей вѣроятности, это былъ укрѣпленный замокъ въ родѣ тѣхъ, какихъ было не мало въ Родопахъ въ византійское и болгарское время; можно полагать, что онъ принадлежалъ какому-нибудь чепинскому вельможѣ. Есть основаніе думать, что вельможи были въ Чепинѣ. Существуетъ и нынѣ еще преданіе у тамошнихъ помаковъ о послѣднемъ чепинскомъ банѣ Велю, имя котораго связано съ банями или банею у села Лѣжене [3]).

Рельефныя изображенія свв. ап. Петра и Павла подарены мною Императорскому Русскому Археологическому Обществу (въ С.-Петербургѣ), въ музеѣ котораго они въ настоящее время хранятся. Первоначально я хотѣлъ ихъ принести въ даръ будущему болгарскому музею и съ этою цѣлью я перевезъ ихъ изъ Чепина въ Татаръ-Пазарджикъ вмѣстѣ съ другими мраморными плитами, на которыхъ были вырѣзаны виноградъ и птицы. За неимѣніемъ другого мѣста въ Та-

1) Объ этомъ подробно см. у Захарнева, стр. 67; Иречекъ, Исторія болгаръ, стр. 583—584; Jireček, Cesty po Bulharsku, стр. 296.

2) Иречекъ, Исторія, стр. 583.

3) Захарневъ, стр. 28; Jireček, Cesty, стр. 345; Константиновъ въ Сборникѣ, III, стр. 378. Вельова баня называется еще Вельовица, какъ мнѣ сообщили помаки с. Лѣжене.

таръ-Пазарджикѣ я помѣстилъ ихъ во дворѣ церкви св. Константина и Елены, гдѣ они долгое время оставались безъ всякаго призора и вниманія подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всевозможнымъ вліяніямъ воздуха и погоды. Видя, что они могутъ быть уничтожены, я распорядился перевести ихъ въ Филиппополь, и тамъ передалъ ихъ генералу Арк. Дм. Столыпину съ просьбою отправить въ Петербургъ, въ Археологическое общество; генералъ Столыпинъ передалъ ихъ въ распоряженіе генерала Скобелева, который распорядился доставить ихъ по назначенію. Остальные вывезенные мною изъ Чепина камни остались въ указанномъ мѣстѣ въ Татаръ-Пазарджикѣ, такъ какъ у меня не было возможности перевозить ихъ въ Филиппополь, — перевозка ихъ мнѣ стоила бы слишкомъ дорого. Въ 1887 г., когда я находился въ Константинополѣ, знакомый мнѣ татаръ-пазарджикскій болгаринъ, человѣкъ очень интеллигентный, игравшій довольно видную роль въ свое время въ Татаръ-Пазарджикѣ, сообщилъ мнѣ, что перевезенныя мною изъ Чепина мраморныя плиты валяются въ церковномъ дворѣ, т. е. въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ онѣ были мною оставлены; но теперь, прибавилъ онъ, онѣ почернѣли отъ дождя и отъ другихъ вліяній погоды. Вѣроятно, онѣ и нынѣ находятся тамъ, если только уже не уничтожены.

П. Сырку.

Замѣтки по топографіи Константинополя.

Десять лѣтъ тому назадъ я случайно узналъ, что переселенцы изъ мусульманъ Босніи и Добруджи получили отъ Турецкаго правительства для поселенія два холмика надъ предмѣстьемъ Константинополя Космидіемъ (нынѣ Эйюбъ) близъ Влахернскихъ стѣнъ. Означенные переселенцы для своихъ построекъ стали добывать весь нужный матеріалъ на мѣстѣ и изъ прилегающихъ къ этимъ холмикамъ полей, при чемъ безпрепятственно раскапывали землю на 5, 6 и 7 саженной глубинѣ и добывали не только камень, но и куски мрамора, колонны и капители, между которыми попадались предметы весьма тонкой работы.

Хорошо зная, что до сихъ поръ не существуетъ никакого описанія тѣхъ мѣстностей, и имѣя убѣжденіе, что окрестности Константинополя близъ Влахернскихъ стѣнъ, и въ особенности вся сторона къ сѣверозападу отъ города представляютъ не малое значеніе въ исторіи Византіи, я отправился къ мѣстонахожденію помянутыхъ колоній, и въ видѣ прогулки, верхомъ, объѣздилъ всѣ эти мѣста. Убѣдившись въ важности этихъ раскопокъ для археологическихъ цѣлей, я пристроился на цѣлое лѣто въ христіанской деревушкѣ Кучукъ-кіей, находящейся въ разстояніи 15 минутъ отъ упомянутыхъ колоній, и терпѣливо, не подавая никакого подозрѣнія, сталъ слѣдить за всѣми раскопками, которыя производились, конечно, безъ всякаго умѣнія и системы.

Я завелъ сначала знакомство съ нѣкоторыми болѣе понятливыми поселенцами, оказавшимися мусульманами изъ Босніи, которые, при непривычкѣ видѣть въ тѣхъ мѣстахъ франковъ, недоумѣвали на первое время о причинѣ моего нахожденія между ними, но когда узнали, что я, по предписанію докторовъ, помѣстился и живу по сосѣдству съ ними, то мы стали друзьями и они у меня просили то табаку, то чаю,

то какого либо заработка мѣста въ городѣ. Мало по малу они ужъ сами пожелали заинтересовать меня въ своихъ находкахъ въ видѣ монетъ, а также разныхъ бронзовыхъ издѣлій и проч., высказывая подчасъ удивленіе и предположеніе, что все это должно представлять остатки временъ основателя этого города, Константина Великаго (константинъ вакитинда). Они говорили мнѣ, даже съ нѣкоторою радостью, что чѣмъ больше они копаютъ въ землѣ, тѣмъ чаще находятъ то куски мрамора, то колонны и прочіе предметы, и даже жаловались на непоборимость византійстой аммоконіи (цементной извести), которая тверже всякаго мрамора и камня. Здѣсь я, конечно, воспользовался случаемъ и обѣщалъ сообщать имъ свѣдѣнія о стоимости всѣхъ находимыхъ монетъ, не упоминая ничего о болѣе для меня интересномъ — о надписяхъ и объ архитектурномъ искусствѣ. Тѣмъ не менѣе я ихъ предупредилъ, что и надписи могутъ имѣть значеніе, и что и за нихъ они могутъ что нибудь получить, если только онѣ будутъ сняты въ цѣлости, а не поломанными.

Обрадовавшись этому, они очень охотно согласились на мои предложенія производить раскопки по моему указанію и по произведенному предварительно испытанію буравами. Работа началась и за извѣстную плату они стали отдѣлять кирпичи, камни съ надписями и разные бронзовые и желѣзные предметы, на что конечно и было преимущественно обращено вниманіе. Работа однако оставалась затруднительной въ виду несовершенства инструментовъ и стремленія обойтись безъ помощи пороха. Какъ бы то ни было, она продолжалась при этихъ условіяхъ непрерывно года три и болѣе. За это время мнѣ посчастливилось отыскать въ разныхъ пунктахъ слѣдующіе предметы: семь основаній *св. Трапезъ*—всѣ восьмиугольныя, доказывающія символическое значеніе *ставросъ-Христосъ**, съ рельефными крестами и даже именами святыхъ; одинъ кирпичный заложенный въ землѣ, превосходной работы, крестообразный *баптистерій*; множество колоннъ разнороднаго стиля; остатки поломанныхъ, а отчасти полуобгорѣвшихъ капителей превосходной работы византійской и античной эпохи; разные языческіе памятники, превращенные въ христіанскіе — явное доказательство того, что въ этихъ мѣстахъ существовали еще до Константина Великаго языческіе храмы, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательные, какъ извѣстно изъ исторіи, были превращены въ христіанскія церкви.

Мои раскопки обнаружили также множество кирпичей съ надпи-

сями, монограммами и цвѣтами; одну мраморную гробницу съ надписью; слѣды существованія большихъ зданій, можетъ быть, дворцовъ или цитаделей подобныхъ башнѣ въ Галатѣ, каковыя строились для защиты имущества загородныхъ жителей во время нашествія враговъ, или тѣхъ и другихъ; множество монетъ и разныхъ бронзовыхъ крестовъ, кадилъ и другихъ издѣлій византійской эпохи (см. мою коллекцію, пожертвованную Русскому Археол. Инстит. въ Константинополѣ), и много фундаментовъ. На глубинѣ двухъ и болѣе метровъ въ руслахъ засохшихъ рѣкъ были найдены основанія старинныхъ мостовъ. По этимъ рѣкамъ еще 150—200 лѣтъ тому назадъ плавали свободно на каикахъ и доходили черезъ рѣку Барбисъ до мѣстности Кучукъ-кіей, о чемъ свидѣтельствуютъ тяжебныя дѣла окрестныхъ мѣстностей, сохранившіяся въ турецкихъ архивахъ деревни Макри-кіей.

Не вдаваясь въ настоящее время въ подробное описаніе всего археологическаго матеріала, отчасти сохранившагося, отчасти же и уничтоженнаго пришельцами мусульманами, я долженъ тѣмъ не менѣе вкратцѣ указать, для разъясненія будущихъ нашихъ работъ, на важность этого района на сѣверо-западѣ отъ Константинополя, т. е. мѣстности прилегающей справа къ дорогѣ, идущей въ Андріанополь и извѣстной у византійцевъ подъ общимъ названіемъ «Πολυάνδριος».

Въ этомъ районѣ сосчитано нами десять византійскихъ резервуаровъ для воды (ὑδραγωγεῖα), изъ которыхъ одинъ близъ Кучукъ-кіей не упоминается и у извѣстнаго писателя и инженера Андреоси. Черезъ этотъ районъ проходили главные водопроводы Константинополя, построенные императорами Аркадіемъ и Валентомъ и представлявшіе настоящіе каналы. Водопроводы эти видны и теперь и удивляютъ своей обширностью и глубиною, вмѣщая безъ всякаго затрудненія цѣлаго всадника. Эти каналы въ настоящее время остаются сухими; вода шедшая нѣкогда по нимъ была позднѣе, во время турецкаго владычества, направлена къ Константинополю другимъ путемъ. Константинопольское водопроводное общество, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предпочло собственно эту дорогу и провела рядомъ свои водопроводныя трубы, въ виду того, что Турецкое правительство не дозволяло воспользоваться древними каналами. Эти каналы занесены на составленной водопроводнымъ обществомъ картѣ водопроводовъ Константинополя, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

Изъ всего изложеннаго можно заключить, какое важное значеніе имѣлъ весь этотъ районъ у византійцевъ, и я не затруднюсь сказать,

что въ сосѣдствѣ всѣхъ этихъ водопроводовъ и водопроводныхъ каналовъ слѣдуетъ отискивать большую часть, если не всѣ многолюдные монастыри или святыни (σεμνεῖα); они намъ извѣстны въ большинствѣ случаевъ лишь по имени, и при томъ безъ всякаго яснаго и опредѣленнаго указанія на ихъ мѣстонахожденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны гоненія иконоборцовъ, а съ другой ясное пониманіе византійцами того, что именно требовалось для процвѣтанія и благоустройства монастырей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и разныя законодательныя о нихъ постановленія, были причиной того, что монастыри строились за очень малыми исключеніями *внѣ всякой мірской суеты* и мірскихъ треволненій, въ мѣстахъ способныхъ всегда давать тихое убѣжище отъ житейскихъ смутъ. Такія мѣста находились *за городомъ*, въ окрестностяхъ Константинополя, ἐπὶ τῶν πολυτίμων προαστείων, какъ ихъ называли византійцы (см. Ecloga Legum, у Zachariae v. Lingenthal Jus Graeco-Romanum), и воздвигнутые здѣсь монастыри служили всегда центрами и разсадниками всякаго благочестія, а равно и пристанищемъ не только бывшихъ благочестивыхъ патріарховъ, но и множества коронованныхъ знатныхъ лицъ и сановниковъ.

Укажемъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что всѣ почти Константинопольскіе патріархи и многіе византійскіе императоры имѣли свои монастыри внѣ города, гдѣ ихъ и хоронили. Такъ напр. императоръ Константинъ Мономахъ, умершій въ 1055 г., былъ похороненъ въ загородномъ монастырѣ, построенномъ имъ же самимъ въ честь имени Св. Георгія въ Манганѣ, мѣстности близъ Эйюба; императоръ Константинъ Дука, умершій въ 1067 г., былъ похороненъ въ загородномъ монастырѣ Св. Николая, называемомъ Моливотонъ, мѣстоположеніе котораго намъ неизвѣстно, но который во всякомъ случаѣ находился близъ города; императоръ Михаилъ III былъ похороненъ въ монастырѣ Св. Филиппика въ Хрисополѣ (Скутари) [1]), патріархъ Стефанъ въ монастырѣ τῶν Συκεῶν [2]) и т. п.

Къ сожалѣнію, всѣ безъ исключенія занимавшіеся до сихъ поръ топографіею Константинополя, по видимому, мало обращали вниманія на этотъ фактъ, какъ не обращали вниманія и на опредѣленіе времени построенія самыхъ монастырей и на ихъ многократное переименова-

1) Leo. Gramm. p. 470. Zonaras col. 37, 65 (Migne t. CXXXV). Hamart. p. 752.
2) Theoph. Contin. p. 354. Simeon M. p. 700.

ніе. Не обратили вниманія и на тотъ фактъ, что въ одномъ и томъ же монастырѣ, очутившемся по построеніи Ѳеодосіевскихъ и другихъ стѣнъ внутри города, могли свободно находиться 5, 10 и 15 церквей, евктиріи и мартиріи (μαρτυρεῖα), отдѣльно построенные на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, но все же находящіеся внутри пространной ограды монастырской (περιβολή), на подобіе св. Аѳонской Горы, этого неподдѣльно сохранившагося у насъ *византійскаго типа*. Упускалось изъ виду неясность и неопредѣленность терминовъ, употреблявшихся безразлично у многихъ византійскихъ писателей примѣнительно къ монастырямъ и церквамъ, евктиріямъ и мартиріямъ, а также къ разнымъ богоугоднымъ заведеніямъ подъ общимъ названіемъ εὐαγεῖς οἶκοι или μοναί, которыхъ у византійцевъ было не мало. Не принималось также въ соображеніе и тождественность именъ святыхъ, въ честь которыхъ строились у византійцевъ десятками безъ всякаго сомнѣнія и церкви, и евктиріи, и мартиріи, и монастыри.

Отсюда возникла, какъ и слѣдовало ожидать, масса недоразумѣній и разногласій, какъ по отношенію мѣстонахожденія множества святынь, такъ и по отношенію распредѣленія разныхъ кварталовъ и пунктовъ города лишь на основаніи простыхъ предположеній каждаго. Эти предположенія мало по малу перешли въ область псевдодѣйствительности, и въ концѣ концовъ всѣ церкви оказались превращенными въ монастыри и евктиріи и какъ бы загромоздили весь Константинополь. Эти недоразумѣнія начались, по моему мнѣнію, со времени Дюканжа и Бандури; они первые подали тому примѣръ, на что можетъ быть и были причины. Съ той поры я не знаю ни одного критическаго труда по части топографіи Константинополя, за исключеніемъ развѣ весьма краткаго и мало извѣстнаго или внѣ Россіи совсѣмъ неизвѣстнаго труда нашего покойнаго профессора Гав. Дестуниса и книги Н. П. Кондакова, Византійскія церкви и памятники Константинополя. Не имѣется ни одного труда, въ которомъ изслѣдователь, не ограничиваясь только извѣстными источниками, сгруппировалъ бы всѣ топографическія указанія, существующія до сихъ поръ относительно византійскихъ памятниковъ, подвергъ бы ихъ строгой критикѣ и осторожно подвелъ итоги.

Разсматривая означенныя недоразумѣнія относительно топографіи Константинополя, я иду еще далѣе. Многіе изслѣдователи топографіи этого города отмѣчали на картѣ Константинополя указанія путешествій и описаній ея святынь XII, XIII и XIV вв., нисколько не сооб-

разуясь, какъ мы ранѣе говорили, ни съ тождественностью именъ многихъ цареградскихъ святынь, ни съ переименованіемъ многихъ его монастырей и его кварталовъ. Изслѣдователи упустили еще изъ виду, что у этихъ путешественниковъ главною цѣлью служило не мѣсто нахожденія святынь, а ихъ внутреннее устройство. Укажемъ для примѣра на извѣстнаго путешественника XII — XIII в. Антонія Новгородскаго, который, упоминая въ своемъ трудѣ о посѣщеніи многихъ *болѣе знаменитыхъ* цареградскихъ церквей и монастырей, не придерживается никакого опредѣленнаго плана и послѣдовательнаго маршрута. По сему я считаю неосновательными всѣ попытки убѣдить въ томъ, что Антоній Новгородскій и многіе подобные путешественники имѣютъ большое значеніе для топографіи Константинополя [1]).

Всѣ эти путешественники обозрѣвали храмы города Константинополя не сообразуясь съ расположеніемъ ихъ, они обращали вниманіе преимущественно на внутреннее содержаніе храмовъ и останавливались болѣе на описаніи того, что было предметомъ благоговѣйнаго почитанія; нѣтъ сомнѣнія, что многіе монастыри, упоминаемые у этихъ путешественниковъ, находились на самомъ дѣлѣ не внутри, а внѣ города. Антоній напр. зачастую описываетъ то одну, то другую церковь по разнымъ пунктамъ города и внѣ его, безъ всякаго топографическаго указанія. Описывая посѣщаемые имъ въ самомъ городѣ храмы, онъ тутъ-же рядомъ упоминаетъ о монастыряхъ, которые будто-бы находились также внутри города, тогда какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ болѣе достовѣрныхъ, что они находились за городомъ, какъ это случилось съ монастыремъ Св. Маманта и другими.

За то, что изслѣдованная мною мѣстность дѣйствительно вмѣщала въ себѣ εὐαγεῖς οἴκους, говоритъ и тотъ фактъ, что при раскопкахъ я наткнулся на подземные храмы и, конечно, обратилъ на нихъ особенное вниманіе. Первоначально мнѣ показалось, что я нахожусь передъ водопроводами, но, познакомившись съ ними тщательнѣе, все болѣе склонялся къ мысли, что это ни что иное какъ византійскіе подземные храмы, въ чемъ я вполнѣ убѣдился, когда наткнулся на эмболы, на колонны и основанія двухъ святыхъ трапезъ.

У византійцевъ дѣйствительно были въ употребленіи такіе подземные храмы, *и можетъ быть* ихъ нужно разумѣть подъ названіемъ

---

1) Относительно Антонія Новгородскаго возможно, что несообразности въ послѣдовательности его разсказа объясняются спутанностью листовъ въ дошедшихъ до насъ очень немногихъ спискахъ его сочиненія. *Ред.*

ναοὶ ἐγχώρηγοι и слѣдуетъ полагать, что всѣ они строились кирпичемъ. Не знаю, почему до сихъ поръ никто изъ изслѣдователей не обратилъ вниманія на эти часто встрѣчающіеся у византійцевъ подземные храмы, ἰσόγειοι καὶ ὑπόγειοι ἐκκλησίαι — евктиріи и мартиріи. Мы вѣдь и въ настоящее время имѣемъ образецъ такого евктирія въ Евктиріи Живоноснаго Источника въ Балукли, въ которомъ помѣщается и самый животворящій источникъ. Въ Топчиларѣ, мѣстности внѣ городскихъ стѣнъ Константинополя, и понынѣ виденъ оставшійся послѣ раскопокъ евктирій въ уровень съ землею. Въ самомъ городѣ мы знаемъ храмъ, который отчасти сохранилъ свои эмболы и колонны и находится подъ самымъ флигелемъ Оттоманскаго Музея, куда никого не допускаютъ. Такой-же храмъ имѣется по близости святой Софіи въ частномъ домѣ, другой около мѣстности Фанаръ на Золотомъ Рогѣ, иной около Адріанопольскихъ воротъ, еще одинъ въ Контоскалѣ на Пропонтидѣ и многіе другіе. Въ Терапіи существовалъ въ уровень съ землею евктирій Св. Іоанна Богослова до построенія зданія Германскаго Посольства въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 г., въ мѣстности, называвшейся въ древности Линосъ.

Подземныя работы вообще у византійцевъ были въ большомъ ходу и ими они пользовались широко для различныхъ цѣлей; копались напр. изъ одного пункта города до другого подземные ходы, составлявшіе безъ сомнѣнія государственную тайну, слѣды ихъ встрѣчаются и понынѣ. Къ сожалѣнію, мы пока не можемъ опредѣлить, съ какой именно эпохи эти подземные ходы сдѣлались не годными и перестали употреблятся. Напримѣръ, какой это былъ μακρὸς ἔμβολος, или какъ его называли μακρέμβολος, который первоначально назывался στοὰ φανίωνος, куда по Свидѣ бросались нечистоты и гдѣ жили одно время не имѣющіе крова нищіе. Смирніонъ, τὸ Σμύρνιον, упоминаемый у Анонима Banduri[1]) и Кодина[2]), доказываетъ, что византійцы имѣли особенную слабость къ этимъ подземнымъ работамъ: τὸ καλούμενον Σμύρνιον πλησίον τοῦ Τετραδισιόυ ἐμβόλου, σύνεγγυς τοῦ ἁγίου Θεοδώρου τοῦ Σφωρακίου ἔχει ὑποκάτω τῆς γῆς τοῦ πρὸς βορρὰν μέρους ὀργυίας δέκα στήλας 9 и т. д. Укажемъ еще на Никиту Акомината[3]), который говоритъ: ἵνα δὲ καὶ τὰ κατ' ἐμὲ συνείρω τῇ ἱστορίᾳ, πολλοὶ τῶν συνήθων εἰς τοὐμὸν συνέδραμον οἴκημα τῆς στυγνῆς ἐκείνης καὶ δυσωνύμου ὄντως ἐπιφαυσάσης ἡμέ-

1) Banduri Anonymi T. I, p. 60.
2) Cod. p. 62 ed. Bon.
3) Nic. p. 776.

ρας, ὑπόστωον οὖσαν καὶ χαλεπὴν προσπελάσαι καὶ ζοφώδη τὴν εἴσοδον. . . . . ἦν δὲ καὶ ἄλλος εὐμαρῶς ἐκεῖθεν εἰς τὸν μέγιστον εἰσδῦναι ναὸν, ἐπὶ καὶ τῷ τεμένει συνέκειτο· ἀλλ' ἦν ἀνεξερεύνητον οὐδὲν τοῖς στρατεύμασιν.

И такъ, высказавъ вкратцѣ свой взглядъ относительно всего того, что мы встрѣтили при нашихъ случайныхъ загородныхъ раскопкахъ, мы въ то же время воспользовались случаемъ обратить вниманіе на нѣкоторые спорные и неясные вопросы по топографіи Константинополя.

Г. Беглери.

Славяне въ Греціи.

II [1]).

Фалльмерайеръ и его теорія.

Яковъ Филиппъ Фалльмерайеръ родился 10 декабря 1790 года въ мѣстечкѣ Baytdorf недалеко отъ Бриксена въ Тиролѣ [2]). Романтически расположенное мѣсто съ далекимъ видомъ на Bergcastell южнаго Тироля рано пробудило въ мальчикѣ то чувство глубокаго пониманія природы, которое мы такъ часто встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ. Эти родныя картины, эти впечатлѣнія тихаго дѣтства никогда не покидали Фалльмерайера и сопровождали его впослѣдствіи повсюду во время самыхъ отдаленныхъ поѣздокъ. Такъ въ февралѣ 1832 года въ дневникѣ его египетскаго путешествія можно найти слѣдуюшія строки. «Мягкій дневной свѣтъ и прекрасное голубое небо, потокъ, скалы и горы, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ островъ Филе, вызвали въ моей душѣ въ теченіе этихъ двухъ чудныхъ дней воспоминаніе о лѣтнихъ вечерахъ, которыми я наслаждался въ 1799 году въ горахъ моей родины. Хотя тогда я былъ еще ребенкомъ, однако уже зналъ ту неизъяснимую тоску, чувствовалъ ея сладкую боль. Садъ, покрытый кустарникомъ склонъ горы, колодезь, грушевое дерево и шумъ вечерняго вѣтерка въ зеленой листвѣ, длинныя тѣни при закатѣ солнца, звонъ вечерняго праздничнаго колокола наканунѣ Іоанна Крестителя, незабвенныя картины того благословеннаго, навсегда прошедшаго времени! Безъ горъ, безъ скалъ и безъ солнеч-

1) См. Виз. Врем. V (1898), 3, стр. 404 сл.

2) Для библіографическаго очерка Фалльмерайера мы пользовались слѣдующими пособіями: Thomas. Gesammelte Werke von Fallmerayer. B. I Leipzig. 1861, гдѣ издателемъ приложенъ очеркъ жизни ученаго. Steub. Fallmerayer въ Allgemeine deutsche Biographie. B. VI (1877) S. 558—566. Höfler. Erinnerungen an Fallmerayer. Ein Licht— und Schattenbild въ Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. B. XXVI (1888) S. 395—416. Mitterrutzner. Fragmente aus dem Leben des Fragmentisten. Brixen (1887).

наго блеска нѣтъ для меня свѣтлаго часа! О Филе! О уединенный, мирный островъ съ твоими развалинами, съ твоимъ вѣчно свѣтлымъ, мягкимъ голубымъ небомъ! Какъ можно мнѣ забыть твои пальмы, твой потокъ, твои тропинки, тишину твоихъ колоннадъ и храмовъ!» [1]).

Фалльмерайеръ [2]), отданный сначала «на будущую пользу церкви» въ соборную школу Бриксена, гдѣ онъ познакомился съ греческой грамматикой, во время Тирольскаго возстанія въ 1809 году тайно ушелъ въ Зальцбургъ въ надеждѣ найти больше простора для своихъ занятій. Здѣсь патеръ Альбертъ Nagnzaun ввелъ его въ изученіе семитическихъ языковъ и зажегъ въ немъ уже врожденную любовь къ историческимъ занятіямъ. Только случайныя обстоятельства воспрепятствовали молодому человѣку поступить въ бенедиктинское аббатство. Сдѣлавшись королевскимъ стипендіатомъ и найдя поддержку у одного частнаго лица, Фалльмерайеръ переселился въ небольшой университетъ города Ландсгута. Время занятій въ Зальцбургѣ и Ландсгутѣ не прошло для него безслѣдно: сдѣлавшись жаркимъ почитателемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, охваченный появившимся въ то время чувствомъ нѣмецко-національнаго одушевленія, Фалльмерайеръ сталъ отдаляться отъ изученія церковной догматики и катехизиса. Когда въ 1813 году Баварія вступила въ коалицію противъ Наполеона, онъ также всталъ подъ знамена, въ чинѣ подлейтенанта, храбро сражался въ извѣстной битвѣ при Ганау, совершилъ зимній походъ 1814 года и оставался послѣ перваго Парижскаго мира въ оккупаціонномъ корпусѣ на лѣвомъ берегу Рейна въ окрестностяхъ Ландау и Шпейера. «Мы жили тогда великолѣпно», пишетъ онъ, «повсюду и всегда все шло у меня хорошо». Возвратившись послѣ второго Парижскаго мира въ ноябрѣ 1815 года со своимъ батальономъ въ Ландау, Фалльмерайеръ въ свободное отъ службы время предавался своимъ любимымъ занятіямъ; съ упорнымъ прилежаніемъ онъ изучалъ новогреческій, турецкій, персидскій языки. «Начавъ какъ дилетантъ», пишетъ онъ въ то время, «я теперь основательно изучаю греческій языкъ и послѣ карауловъ читаю Гомера или Тацита». «Я работаю», пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «какъ если бы былъ въ уни-

1) Gesammelte Werke von Fallmerayer, herausgeg. von Thomas. B. I S. XIV. Mitterrutzner, op. cit. S. 5.

2) Фамилія историка происходитъ отъ названія прежняго римскаго поселка Valmarei, Val Maria. Это мѣстечко лежитъ на горѣ Tschötsch; прежде оно принадлежало фамиліи Фалльмерайера, но уже давно перешло въ чужія руки. См. Steub. Allgem. deutsche Biogr. B. VI. S. 558.

верситетѣ». Въ 1818 году Фалльмерайеръ вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто преподавателя латинскаго языка въ одной изъ аугсбургскихъ гимназій. Въ 1821 году онъ былъ переведенъ въ прогимназію въ Ландсгутъ, гдѣ черезъ три года получилъ мѣсто преподавателя старшаго класса; но съ переводомъ университета изъ Ландсгута въ Мюнхенъ Фалльмерайеръ былъ назначенъ профессоромъ всеобщей исторіи и филологіи въ новый только-что открытый лицей въ Ландсгутѣ. Интересны въ это время отношенія учениковъ къ своему профессору. Одни изъ нихъ считали его декламаторомъ, фразеромъ,—другіе были противъ такого неблагопріятнаго мнѣнія; но обѣ партіи сходились въ томъ, что субъективное чувство, субъективное настроеніе профессора давало тонъ его лекціямъ и ярко выступало при оцѣнкѣ имъ различныхъ историческихъ явленій. По мнѣнію одного изъ любимыхъ учениковъ Фалльмерайера, послѣдній въ своихъ лекціяхъ былъ болѣе одушевленъ жаждою пропаганды, чѣмъ строгаго знанія; его призваніе было вселять разладъ всѣми чувствами и мыслями молодежи, которая обращалась къ нему, какъ своему руководителю, и, когда послѣдняя, увидѣвъ всѣ свои идеалы разбитыми, останавливалась въ недоумѣніи передъ полною неизвѣстностью, передъ полнымъ «ничто», Фалльмерайеръ въ этотъ моментъ ее покидалъ и оставлялъ на произволъ судьбы [1]). Этотъ же ученикъ упрекаетъ своего учителя въ совершенномъ недостаткѣ этическаго содержанія, въ грубости выраженій, въ погонѣ за эффектами, въ любви къ парадоксамъ и въ недостаткѣ серьезной подготовки, котораго не могла прикрыть импровизація [2]). Лѣтомъ 1831 года Фалльмерайеръ долженъ былъ прекратить на время свои лекціи, чтобы отправиться на Востокъ съ русскимъ графомъ Остерманомъ-Толстымъ, который, предпринявъ путешествіе, желалъ имѣть съ собою живого и ученаго спутника. Фалльмерайеръ долженъ былъ оставить лицей, куда его одушевленное саркастическое изложеніе привлекало весь образованный Ландсгутъ. Слушатели того времени еще въ позднѣйшіе дни говорили съ одушевленіемъ о поразительномъ, неизгладимомъ впечатлѣніи тѣхъ лекцій [3]).

Фалльмерайеръ отъ природы былъ страстнымъ путешественни-

1) Höfler. Erinnerungen an Fallmerayer въ Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. B. XXVI (1888) S. 398. Гефлеръ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Фалльмерайера.

2) Höfler, op. c. S. 399.

3) Steub. Allgem. deutsche Biographie, B. VI. S. 560. Ср. вышеприведенныя слова Гефлера.

комъ. «Mein Talisman ist der Wanderstab» часто говорилъ онъ. Особенно Востокъ давно уже манилъ его къ себѣ. «Для меня», пишетъ онъ, «вѣчно зеленыя горы Колхиды кажутся потеряннымъ раемъ, страною моего несмолкающаго стремленія, блаженнымъ островомъ, баснословной Панхеей съ тучными пастбищами, родиной тишины и мира. Требизондъ и вѣчно зеленая Колхида—это страна моихъ мечтаній съ самыхъ юныхъ лѣтъ; я долженъ былъ дышать ея воздухомъ» [1]).

Еще до своего отъѣзда на Востокъ Фалльмерайеръ положилъ прочное основаніе своей ученой репутаціи. Въ бытность еще преподавателемъ прогимназіи онъ въ 1824 году получилъ отъ Копенгагенской Академіи Наукъ золотую медаль за сочиненіе на предложенную ею тему «Das Kaiserthum Trapezunt». Плодомъ его дальнѣйшихъ изысканій и счастливыхъ открытій въ Вѣнѣ и въ Венеціи было замѣчательное появившееся въ 1827 году сочиненіе «Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt», которое заслужило полное одобреніе многихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени [2]) и не утратило своего значенія еще и до сихъ поръ. Въ 1830 году вышелъ первый томъ его «Geschichte der Halbinsel Morea» со смѣлой и неожиданной теоріей исчезновенія эллинской расы, о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Первое путешествіе Фалльмерайера продолжалось три года: онъ посѣтилъ Египетъ и Нубію, Палестину и Сирію, Кипръ, Родосъ и другіе Спорады съ іонійскимъ побережьемъ, Константинополь, Циклады, Грецію, Іонійскіе острова и Неаполь.

По возвращеніи на родину Фалльмерайеръ нашелъ многое измѣнившимся. Его историческая профессура была передана другому; про него говорили, что среди преподавателей ему теперь уже нечего будетъ дѣлать, такъ какъ онъ много путешествовалъ и много написалъ. Надо замѣтить, что уже въ предисловіи къ его «Исторіи Трапезунтской имперіи» и въ самомъ текстѣ этой книги многія мѣста считались въ Баваріи написанными въ вольномъ, рѣзкомъ тонѣ; такъ напр. сильно осуждали въ то время слѣдующія строки: иго турокъ-магометанъ казалось греческой церкви менѣе гнетущимъ, менѣе безчестнымъ и менѣе опаснымъ для временнаго и вѣчнаго спасенія, чѣмъ страсть

---

1) Thomas. Gesammelte Werke v. Fallmerayer. B. I, S. XXI—XXII. Mitterrutzner, op. c. S, 21.

2) См. одобрительные отзывы Газе, Сильвестра-де-Саси, Нибура и нѣкоторыхъ другихъ, приведенные Thomas въ Gesammelte Werke v. Fallm. B. I, S. XXII—XXIII, Anm. См. также Mitterrutzner, op. cit. S. 25.

ко власти, жадность и ruchlose Satzungen римской церкви[1]). Фалльмерайера стали считать опаснымъ вольнодумцемъ. Поэтому его отсутствіемъ воспользовались и постарались удалить талантливаго профессора отъ общественной дѣятельности. Фалльмерайеръ сразу понялъ, что его профессура въ Баваріи, по крайней мѣрѣ въ данное время, была невозможна. Вотъ что пишетъ онъ своему покровителю графу Остерману: quant au sort qui attend ma personne, il est facile à prévoir. Un grand personnage, muni d'un portefeuille et de la confiance illimitée de son maître, a déclaré hautement, que le professeur Fallmerayer est un homme distingué par ses talents et son savoir, mais qu'il ne doit pas être professeur . . . . Ma carrière professorale en Bavière est à jamais terminée[2]).

Будучи избранъ въ 1835 году членомъ Академіи Наукъ, Фалльмерайеръ получилъ разрѣшеніе, которымъ впрочемъ онъ не воспользовался, читать лекціи, доступъ на которыя былъ открытъ лишь для «высшей публики», студентамъ же былъ строго запрещенъ.

Въ 1836 году появился второй томъ «Исторіи полуострова Мореи». Время до 1840 года было проведено Фалльмерайеромъ въ путешествіи по Италіи, Франціи, Швейцаріи и въ непрерывныхъ работахъ. Въ это время онъ въ Тюбингенѣ познакомился и подружился съ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ греческаго средневѣковья — Фридрихомъ Тафелемъ.

Во второе свое большое путешествіе (съ 1840 по лѣто 1842 года) Фалльмерайеръ, спустившись по Дунаю, черезъ Константинополь посѣтилъ впервые Трапезунтъ, исторіей котораго онъ такъ много занимался. Наконецъ, передъ нимъ открылся этотъ «давно желанный городъ Комниновъ съ его именемъ, полнымъ нѣжности и мелодичности»[3]). Затѣмъ онъ провелъ цѣлый годъ въ Константинополѣ, изучая турецкій языкъ и современное ему положеніе Турціи. Посѣтивъ Аѳонъ, македонскую Халкидику, Ѳессалонику и проѣхавъ черезъ Ѳессалію и Эвбею въ Аѳины, Фалльмерайеръ лѣтомъ 1842 года благополучно вернулся въ Мюнхенъ. Это путешествіе послужило содержаніемъ его знаменитыхъ «Fragmente aus dem Orient», которыя появились въ свѣтъ въ 1845 году и возвели автора на высшую ступень его славы.

1) Fallmerayer. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München. 1827. S. 350.
2) Gesammelte Werke. B. I. S. XXVIII.
3) Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient. 2 Auflage. Durchgesehen und eingeleitet von Dr. Thomas. Stuttgart. 1877. S. 26.

Время до третьяго своего путешествія на Востокъ провелъ Фалльмерайеръ въ поѣздкахъ по Европѣ; онъ посѣтилъ сѣверъ — Амстердамъ, Гамбургъ, Берлинъ. Особенно почетный пріемъ въ ученомъ кругу нашелъ Фалльмерайеръ въ Берлинѣ; такъ въ домѣ Шеллинга ему пришлось выслушать слѣдующее: авторъ аѳонскихъ и другихъ отрывковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которыя умѣютъ теперь писать понѣмецки сильно и элегантно; его труды послужатъ образцомъ in omne aevum [1]).

Въ 1847 году Фалльмерайеръ снова посѣтилъ Анатолію, Палестину, Константинополь. Извѣстіе о революціи 1848 года онъ получилъ въ Малой Азіи. Этотъ-же годъ принесъ ему и другое важное для него извѣстіе, которое онъ получилъ въ Смирнѣ, а именно: назначеніе его профессоромъ исторіи въ Мюнхенскій университетъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Фалльмерайеръ покинулъ Смирну и встрѣтилъ въ Мюнхенѣ сердечный, даже блестящій пріемъ.

Но недолго пришлось неутомимому ученому и путешественнику наслаждаться спокойною жизнью, которая, впрочемъ, и не подходила къ его характеру. Выбранный депутатомъ во Франкфуртскій парламентъ, онъ былъ ярымъ противникомъ перенесенія его засѣданій въ Штутттгартъ; но это была партія меньшинства. Извѣстно, что 18 іюня 1849 года этотъ румпфъ-парламентъ былъ разогнанъ вюртенбергской кавалеріей. Фалльмерайеру грозила тюрьма; но онъ, своевременно узнавъ объ этомъ, нашелъ убѣжище въ Швейцаріи въ либеральномъ Санъ-Галленѣ. Профессура, конечно, была потеряна и теперь уже навсегда.

Когда былъ объявленъ родъ амнистіи для членовъ румпфъ-парламента, Фалльмерайеръ возвратился въ Мюнхенъ, но не на долго. «Я хочу», пишетъ онъ въ то время, «провести остатокъ моихъ дней, какъ странникъ и бедуинъ; я хочу промѣнять бурную жизнь Германіи на тишину Востока». Но отчасти пошатнувшееся здоровье, отчасти угрожавшій въ то время кризисъ на Востокѣ не позволили ему осуществить этого плана новаго путешествія, такъ что послѣдніе пятнадцать лѣтъ своей жизни Фалльмерайеръ провелъ въ недалекихъ поѣздкахъ по Евронѣ и въ занятіяхъ. Въ послѣдніе годы онъ просматривалъ и подготовлялъ къ печати свои небольшія работы [2]). Въ апрѣлѣ 1861

1) Thomas. Ges. Werke v. Fallmerayer. B. I. S. XXXII.

2) Thomas, по желанію и плану самого Фалльмерайера, издалъ его сочиненія, напечатанныя въ разныхъ журналахъ, въ трехъ томахъ; въ первый томъ, который

года ученый сталъ чувствовать нѣкоторую слабость, а 26-го числа этого же мѣсяца утромъ послѣ весело проведеннаго въ небольшомъ обществѣ друзей вечера онъ былъ найденъ въ постели уже мертвымъ.

Такова была жизнь этого выдающагося, неутомимаго и своеобразнаго ученаго. Свою жизнь удачно охарактеризовалъ самъ Фалльмерайеръ, написавъ подъ своимъ портретомъ, находящимся теперь въ Мюнхенѣ въ одной изъ Weinstübchen на Augustinergässchen, гдѣ онъ любилъ иногда отдохнуть:

Disce, puer, virtutem ex me verumque laborem,
Fortunam ex aliis [1]).

Впервые свои мысли объ исчезновеніи греческаго элемента въ Греціи и замѣнѣ его славянскимъ Фалльмерайеръ изложилъ въ предисловіи къ первому тому своей «Исторіи полуострова Мореи въ Средніе Вѣка» [2]).

«Эллинское племя въ Европѣ, такъ начинаетъ Фалльмерайеръ свое предисловіе, совершенно истреблено (ausgerottet). Красота тѣла, полетъ духа, простота обычаевъ, искусство, ристалище, городъ, деревня, роскошь колоннъ и храмовъ, даже имя его исчезли съ поверхности греческаго континента. Двойной слой изъ обломковъ и типы двухъ новыхъ, различныхъ человѣческихъ расъ покрываетъ могилы этого древняго народа. Безсмертныя творенія его духа и нѣкоторыя развалины на родной почвѣ являются теперь единственными свидѣтелями того, что когда-то былъ народъ Эллины. И если бы не эти развалины, не эти могильные холмы и мавзолеи, если бы не земля и не злополучная участь ея обитателей, на которыхъ европейцы нашего времени въ порывѣ человѣческаго умиленія изливали всю свою нѣжность, свое восхищеніе, свои слезы и краснорѣчіе, — то (пришлось бы сказать, что) одинъ пустой призракъ, бездушный образъ, существо, находящееся внѣ природы вещей, возволновало глубину ихъ сердецъ. Вѣдь ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течетъ въ жилахъ христіанскаго населенія современной Греціи. Страшный ураганъ разбросалъ на всемъ пространствѣ между Истромъ и самымъ отдаленнымъ закоулкомъ Пелопонниса новое, род-

---

появился въ годъ смерти автора, вошли «Neue Fragmente aus dem Orient», во второй «Politische und kulturhistorische Aufsätze» и въ третій «Kritische Versuche».

1) Höfler, op. c. S. 416. Mitterrutzner, op. cit. S. 3.

2) Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. B. I, Stuttgart. 1830. Vorrede, S. III—XIV.

ственное съ великимъ славянскимъ народомъ племя. Скиѳскіе славяне, иллирійскіе арнауты, дѣти полунощныхъ странъ, кровные родственники сербовъ и болгаръ, далматинцевъ и московитовъ, — вотъ тѣ народы, которые мы называемъ теперь греками и генеалогію которыхъ мы, къ ихъ собственному удивленію, возводимъ къ Периклу и Филопемену. Архонтъ и монахъ, земледѣлецъ и ремесленникъ новой Греціи суть чуждые пришельцы; они въ два исторически различныхъ періода времени спустились съ полунощныхъ горъ въ Грецію. И самое слово грекъ теперь уже болѣе не обозначаетъ поселившихся между Темпейской долиной и теченіемъ Эврота дѣтей Девкаліона, но всѣ тѣ народности, которыя, въ противоположность ученію Магомета и Римской церкви, заимствовали законъ и вѣру отъ патріаршаго трона Византіи. Арнаутъ изъ Сули и Аргоса, славянинъ изъ Кіева и Велигости въ Аркадіи, болгаринъ изъ Тріадицы и христіанскій разбойникъ изъ Монтенегро имѣютъ вмѣстѣ со Скандербегомъ и Колокотрони одинаковое право на имя и достоинство грека. Связь, которая ихъ соединяетъ вмѣстѣ, крѣпче, чѣмъ узы крови: она религіознаго характера и является въ то же время стѣною между Каабой и Латераномъ.

Что природа въ теченіе многихъ вѣковъ незамѣтно для человѣческаго любопытства смѣшала и создала въ томъ климатѣ, то теперь во всей полнотѣ выступаетъ передъ глазами изумленнаго міра. И великій народъ славяно-арнаутскихъ христіанъ Византіи вдругъ поднимается изъ разсѣявшагося тумана иллирійскаго континента отъ Мессиніи до Архангельска, какъ одна родственная, плотная масса, какъ вновь созданное и однимъ духомъ оживленное гигантское тѣло. Славяне, оттѣсненные съ востока и запада, оставили уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ всякую надежду на избавленіе съ помощью своихъ христіанскихъ западныхъ братьевъ, и ихъ взоры напряженно были направлены къ сѣверу, къ своей старой, имъ самимъ сдѣлавшейся чуждой отчизнѣ, къ великому владыкѣ Турана. Это былъ крикъ природы, котораго западные христіане не поняли. Заря возмездія, свободы и славы блеснула, наконецъ, на небесахъ для этихъ несчастныхъ, и воздвигнутая дѣтьми Магомета на Балканскихъ вершинахъ стѣна рушилась до основанія. Христіанскій грекъ изъ Мистры въ Лаконіи подаетъ послѣ долгой разлуки руку своему брату, греческому христіанину изъ Мистры въ Московіи [1]).

1) Мы не знаемъ, что это долженъ быть за городъ въ Московіи.

Ipsae te, Tityre, pinus,
Ipsi te fontes, ipsa haec arbusta vocabant.

Внутри всей Греціи теперь нѣтъ ни одной фамиліи, предки которой не были бы или скиѳами или арнаутами, альмугаварами или франками, или грецизированными азіатами изъ Фригіи, Киликіи, Каппадокіи или Лидіи. И если греческіе друзья желаютъ еще утѣшить себя тѣмъ, что, пусть древнія племена эллиновъ совершенно исчезли, зато ихъ языкъ и акцентъ перешли ко вторгнувшимся народностямъ и непрерывно удержали свое господство надъ ними, то мы, къ сожалѣнію, должны лишить ихъ и этой надежды и эту послѣднюю надежду объяснить заблужденіемъ, такъ какъ оказывается, что въ открытыхъ мѣстностяхъ Аркадіи, Элиды, Мессиніи, Лаконіи, Беотіи, Фокиды и Акарнаніи много поколѣній подрядъ говорили по славянски, какъ теперь еще говорятъ въ Сербіи и Далмаціи и какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ говорили въ Помераніи и на островѣ Рюгенѣ.

Населеніе со славянскими чертами лица или съ дугообразными бровями и рѣзкими чертами албанскихъ горныхъ пастуховъ, конечно, не произошло отъ крови Нарцисса, Алкивіада и Антиноя; и только романтически пылкая фантазія въ наши дни еще можетъ грезить о возрожденіи древнихъ эллиновъ съ ихъ Софоклами и Платонами».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти страницы на современное общество, какъ должно было встрѣтить новую теорію только что освободившееся отъ турецкаго ига населеніе Греціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что аѳинскія газеты были полны въ то время оскорбительныхъ выходокъ противъ Фалльмерайера, а самъ онъ въ бытность свою въ Аѳинахъ подвергался неоднократнымъ личнымъ оскорбленіямъ. Недовольны были и не русскіе дипломаты, для которыхъ открытое Фалльмерайеромъ родство грековъ съ московитами не могло казаться особенно пріятнымъ [1]).

Интересно прослѣдить взглядъ Фалльмерайера на греческую исторію до VI вѣка, во второй половинѣ котораго, какъ мы увидимъ ниже, онъ признаетъ уже полное уничтоженіе эллинскаго элемента въ Пелопоннисѣ аваро-славянскимъ нашествіемъ.

Фалльмерайеръ, разсматривая болѣе раннія многочисленныя нашествія, которымъ подвергалась Греція, и признавая страшныя при-

1) См. Hopf. Griechische Geschichte. S. 101 (85—86 томы энциклопедіи Эрша и Грубера). Hertzberg. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. Gotha. 1876, B. I, S. 122—123.

чиняемыя ими опустошенія и убыль народоселенія, утверждаетъ, что, не смотря на это, всѣ прежнія нашествія не вліяли на этнографическій составъ населенія; чуждые поселенцы въ Греціи временъ Помпея, Цезаря и Августа черезъ смѣшеніе съ туземцами быстро превращались въ грековъ, говорили погречески и одѣвались по обычаямъ своего новаго отечества [1]). Во все время римскаго владычества можно безспорно признать, что Мессинія, Элида, Лаконія, Арголида и Аркадія оставались жить какъ несмѣшанное греческое населеніе до тѣхъ поръ, пока потокъ скиѳскихъ нашествій, прорвавшись черезъ Истмъ, своимъ двухвѣковымъ волненіемъ до основанія не измѣнилъ полуострова [2]). Разразившаяся во второй половинѣ II вѣка послѣ Р. Хр. въ Греціи и во всей Римской имперіи чума, происшедшая затѣмъ колонизація изъ Греціи въ Римъ, готскія нашествія въ III вѣкѣ, нашествіе Алариха въ концѣ IV вѣка, — все это опустошило Грецію до самаго юга. «Страна превратилась въ одну развалину, и населеніе страшно уменьшилось». [3]). Но всѣ эти чужеземцы, по мнѣнію Фалльмерайера, оставляли въ Греціи только такіе слѣды своего пребыванія, которые время и людская дѣятельность вновь могли изгладить. Снова строились сожженныя хижины, а мѣсто убитыхъ занимали новые отпрыски изъ все еще сохранившейся въ чистотѣ крови древнихъ дѣтей полуострова [4]).

Гораздо большее значеніе придаетъ Фалльмерайеръ походамъ Аттилы, которые показали сѣвернымъ варварамъ дорогу въ Грецію. Хотя толпы гунновъ Аттилы не заходили дальше Ѳермопилъ, но они разрушили укрѣпленія, передъ лицомъ всего міра выяснили безсиліе византійскихъ легіоновъ и показали сѣвернымъ народамъ дорогу въ самое сердце великаго иллирійскаго полуострова. Разсказы о благословенномъ небѣ Эллады, о плодородіи земли, покрытой самыми разнообразными, прекрасными плодами, о богатствахъ и трусости людей въ мраморныхъ дворцахъ — черезъ Аттилу проникли къ тѣмъ народностямъ, которыя тогда, какъ и теперь, жили подъ общимъ именемъ славянъ въ безпредѣльной лѣсной странѣ между Карпатами и границами Сибири [5]).

1) Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea. B. I. S. 90—91.
2) Fallmerayer, op. cit. S. 92.
3) Fallmerayer, op. cit. S. 130.
4) Fallmerayer, op. cit. S. 142.
5) Fallmerayer, op. c. S. 146—147.

Большое значеніе имѣли въ процессѣ этнографическаго преобразованія Греціи начавшіяся въ концѣ V вѣка нашествія болгаръ, перваго, по мнѣнію Фалльмерайера, народа, которой, говоря на славянскомъ языкѣ, вторгнулся въ предѣлы византійскаго государства [1]).

Все VI столѣтіе наполнено славянскими нашествіями. Въ это время Византія, не потерявъ собственно ни одной провинціи, могла считать своими подданными только населеніе прибрежныхъ странъ и укрѣпленныхъ городовъ. На самомъ дѣлѣ скиѳская страна протянулась до воротъ Эллады [2]).

Появленіе аваровъ въ Европѣ образуетъ настоящую эпоху въ исторіи Греціи: они привели съ собою славянъ; они дали имъ толчекъ къ покоренію священной почвы Эллады и Пелопонниса.

Съ этого времени, говоритъ Фалльмерайеръ, надъ всею древнею Греціей отъ Ѳермопилъ до Тенара лежитъ кровавое облако, и, когда послѣднее разсѣялось, мы находимъ совершенно измѣнившимися жителей этой страны, ихъ обычаи, языкъ, религію, названія ихъ городовъ, деревень, горъ, источниковъ и ручьевъ. Какимъ образомъ греческая почва могла дать ростки, а человѣческій родъ сохранить еще силу обновленія при столь ужасномъ бѣдствіи! Нужно остерегаться сравненія военныхъ сценъ той славянской революціи въ Греціи съ гуманными формами нашихъ войнъ. Скиѳскія племена тогда поступали съ Греціей такъ, какъ испанцы XVI столѣтія поступали съ островами Вестъ-Индіи и континентомъ Америки [3]).

Главное основаніе, на которомъ Фалльмерайеръ построилъ свою теорію объ уничтоженіи эллинской расы, находится въ свидѣтельствѣ церковнаго историка конца VI вѣка Евагрія; послѣдній говоритъ слѣдующее:

Οἱ Ἄβαρες δὶς μέχρι τοῦ καλουμένου μακροῦ τείχους διελάσαντες Σιγγιδόνα, Ἀγχίαλόν τε καὶ τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν καὶ ἑτέρας πόλεις τε καὶ φρούρια ἐξεπολιόρκησαν καὶ ἠνδραποδίσαντο, ἀπολλύντες ἅπαντα καὶ πυρπολοῦντες, τῶν πολλῶν στρατευμάτων κατὰ τὴν Ἑῴαν ἐνδιατριβόντων [4]).

Фалльмерайеръ такъ переводитъ это мѣсто: Авары, пройдя два

1) Fallmerayer, op. c. S. 151.
2) Fallmerayer, op. c. S. 161.
3) Fallmerayer, op. c. S. 170—172.
4) Evagrii Scholastici Historia Ecclesiastica. Lib. VI, c. 10 (Migne. Patrologia graeca. T. 86_2 p. 2860).

раза до такъ называемой длинной стѣны, овладѣли Сингидономъ, Анхіаломъ и всей Греціей съ другими городами и крѣпостями, все уничтожили и сожгли, въ то время какъ большая часть войскъ находилась на Востокѣ.

При чтеніи этого замѣчательнаго мѣста, говоритъ Фалльмерайеръ, слышится бѣшеный крикъ нападающихъ, трескъ искръ и пламени, грохотъ падающихъ храмовъ, плачъ умирающихъ эллиновъ и затихающее въ пустынныхъ стѣнахъ эхо [1]).

Главное въ этомъ текстѣ Евагрія, на что Фалльмерайеръ опирался въ своей теоріи, были, конечно, слова: *καὶ τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν*. Онъ относитъ это событіе, не датированное, какъ мы видѣли, Евагріемъ, къ 589 году на слѣдующемъ основаніи.

Существуетъ соборное посланіе XI вѣка патріарха Николая къ императору Алексѣю Комнину, гдѣ, между прочимъ, говорится, что епископъ патрасскій былъ возведенъ въ санъ митрополита императоромъ Никифоромъ Геникомъ (802—811 г.) въ память чудеснаго освобожденія города Патръ святымъ Андреемъ Первозваннымъ отъ осады аварами, которые до тѣхъ поръ, въ теченіе 218 лѣтъ, владѣли Пелопоннисомъ, такъ что ни одинъ римлянинъ не смѣлъ и ногой ступить туда; между тѣмъ съ появленіемъ св. Андрея авары въ одинъ часъ были уничтожены, и вся страна вновь подчинилась римлянамъ [2]).

Осада Патръ была въ 807 или 805 году [3]). Фалльмерайеръ, вы-

1) Fallmerayer, op. c. S. 186—187.

2) Ioannis Leunclavii Iuris graeco-romani tam canonici quam civilis tomi duo. Francofurti. 1596. T. I. Въ напечатанномъ здѣсь (p. 271—281) «συνοδικὸν γράμμα τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, κυρίου Νικολάου πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα κῦρον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνὸν παριστῶν ἐκ τῶν ἁγίων κανόνων καὶ νόμων ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἀφαιρεῖσθαι τὰς ἐπισκοπὰς ἀπὸ τῶν μητροπόλεων» читается слѣдующее мѣсто: ὁ θεοφιλέστατος μητροπολίτης Πατρῶν, πολλοῖς καὶ διαφόροις τετείχισται δικαιώμασιν, εἰς τὸ συμφυεῖς καὶ ἀτμήτους καὶ ἀναποσπάστους ἔχειν τὰς τῇ κατ'αὐτὸν ἐκκλησίᾳ δωρηθείσας ἐπισκοπὰς παρὰ Νικηφόρου βασιλέως τοῦ ἀπὸ γενικῶν, διὰ τὸ ἐν τῇ καταστροφῇ τῶν Ἀβάρων παρὰ τοῦ κορυφαίου τῶν ἀποστόλων καὶ πρωτοκλήτου Ἀνδρέου ὀφθαλμοφανῶς γενόμενον θαῦμα, ἐπὶ διακοσίοις δεκαοκτὼ χρόνοις ὅλοις κατασχόντων τὴν Πελοπόννησον, καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἀποτεμομένων, ὡς μὴ δὲ πόδα βαλεῖν ὅλως δύνασθαι ἐν αὐτῇ Ῥωμαῖον ἄνδρα· ἐν μιᾷ δὲ ὥρᾳ τούτων μὲν ἀφανισθέντων ἐκ μόνης ἐπιφανείας τοῦ πρωτοκλήτου, τῆς δὲ χώρας ἁπάσης τοῖς Ῥωμαϊκοῖς σκήπτροις ἐπανελθούσης (p. 278—279); тоже см. у Ῥάλλη καὶ Πότλη. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. T. V, 1855, p. 72. См. Le-Quien. Oriens Christianus. T. II. Parisiis. p. 1740, p. 179, гдѣ приведенъ отрывокъ этого текста на латинскомъ языкѣ. Самый разсказъ объ осадѣ Патръ см. у Const. Porphyr. De administrando imperio. C. 49, p. 217—220.

3) См. Hopf. Griechische Geschichte. S. 99 и 104, который, ставя осаду Патръ въ связь съ нападеніемъ арабовъ на Родосъ, относитъ ее къ 807 году. О нападеніи на Родосъ см. Muralt. Essai de Chronographie Byzantine. S.-Pétersbourg. 1855, p. 391.

читая 218 изъ 807, получилъ свой 589 годъ, который, по его мнѣнію, нужно безспорно разсматривать какъ моментъ, когда Пелопоннисъ, за исключеніемъ небольшихъ пространствъ на морскомъ берегу, былъ покоренъ и занятъ сѣверными народностями [1]).

Хотя въ только что указанныхъ двухъ свидѣтельствахъ и не упоминается имени славянъ, а называются одни лишь авары, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили выше, Фалльмерайеръ имѣлъ основаніе видѣть среди этихъ аваровъ и славянъ, такъ какъ источники очень часто называютъ славянъ союзниками аваровъ; кромѣ того, существуютъ извѣстія о славянскихъ нападеніяхъ на сѣверъ Балканскаго полуострова (Прокопій), а Менандръ говоритъ въ томъ же VI вѣкѣ объ опустошеніи славянами и Греціи [2]).

Такимъ образомъ, показанія Прокопія, Менандра и особенно Евагрія и посланія патріарха Николая привели Фалльмерайера къ его теоріи истребленія греческой народности въ Пелопоннисѣ.

Но онъ всетаки признавалъ, что кое-что уцѣлѣло и осталось въ рукахъ прежняго населенія. Какъ въ Беотіи, Локридѣ, Ѳессаліи, Македоніи, Акарнаніи и Далмаціи, такъ и въ Пелопоннисѣ—укрѣпленные прибрежные пункты, особенно въ восточной части полуострова, и языческіе кантоны у подножія Тайгетскихъ горъ ушли отъ славянскаго погрома. Къ такимъ же мѣстностямъ можно отнести Акрокоринѳъ, Патрасъ, Коронъ и Медонъ въ Мессиніи, долину Аргоса съ городомъ и крѣпостью того же имени, аргивскую укрѣпленную гавань Навплію, нѣсколько пунктовъ на западномъ склонѣ Тайгета и нѣкоторыя другія мѣста. Остальное все было занято пришлыми дикарями [3]), которые настолько завладѣли страной, что «не были даже подданными имперіи, и ни одинъ грекъ не смѣлъ въ эту страну даже показаться» [4]). Тамъ древнее греческое племя было вполнѣ уничтожено, и то населеніе, которое въ наши дни живетъ уже 1200 лѣтъ въ городахъ, деревняхъ и хижинахъ этихъ странъ, исповѣдуетъ христіанскую религію и говоритъ на византійско-греческомъ языкѣ, выросло изъ дѣтей и потом-

---

Гутшмидъ въ своей рецензіи на книгу Гопфа высказывается за 805 годъ (Literarisches Centralblatt. 1868, S. 641 = Gutschmid. Kleine Schriften. B. V, Leipzig. 1894, S. 432).

1) Fallmerayer, op. c. S. 185.

2) Menandri Fragm. Bonn. p. 404. Historici Gr. Min. II p. 98.

3) Fallmerayer. Gesch. d. Halbins. Morea. B. I, S. 187—188.

4) Leunclavii Iuris gr. rom. tomi duo. T. I, p. 278—279. Ῥάλλη καὶ Πότλη, op. c. V, p. 72.

ковъ той teuflische Unholde, которое съ VI вѣка подъ именемъ скиѳовъ, славянъ, славесіановъ, болгаръ, гунновъ, аваровъ, печенѣговъ, кумановъ и алановъ, все покоряя и уничтожая, проникли въ Грецію[1]).

Во время жестокаго правленія императора Фоки уничтоженіе греческихъ племенъ славянами и аварами было окончено[2]). Во время Ираклія авары, какъ извѣстно, осаждали самый Константинополь; но за то съ этихъ поръ болѣе уже не слышно объ ихъ походахъ въ страны къ югу отъ Дуная.

Этимъ кончился первый періодъ той ужасной бури, которая со времени Юстиніана Великаго въ теченіе ста лѣтъ непрерывно свирѣпствовала на полуостровѣ. Истребительная война скиѳовъ противъ грековъ затихла, потому что эта нація исчезла за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ остатковъ[3]). Ко времени смерти императора Ираклія въ 641 году вся страна отъ Истра до альпійскихъ долинъ Аркадіи и Мессеніи не была уже болѣе византійской.

Окончательный же ударъ нанесла Пелопоннису занесенная туда изъ Италіи въ 746 году чума. Кто изъ пелопоннисскихъ грековъ уцѣлѣлъ отъ прежнихъ потрясеній, кто избѣжалъ меча гунновъ, аваровъ и славянъ, — тотъ теперь при этой неслыханной катастрофѣ вмѣстѣ съ недавно поселившимися пришельцами нашелъ гибель, такъ что въ 747 году Пелопоннисъ можно было сравнить скорѣе съ оставленнымъ притономъ разбойниковъ или наполненнымъ трупами кладбищемъ, чѣмъ съ обитаемымъ и обработаннымъ полуостровомъ. Новые потоки славянъ проникли черезъ Истмъ, заняли пустыя мѣста, заполнили всю страну. Если въ долинахъ тайгетскихъ горъ и жили еще остатки лакедемонскихъ грековъ, то они навѣрное были истреблены этою ужасною эпидеміей и послѣдующей за этимъ иммиграціей чужеземцевъ. Поэтому годъ смерти императора Константина Копронима (775 г.) можно считать гранью, когда опустошенная страна снова, и на этотъ разъ уже совершенно, заполнилась славянами и мало по малу начала покрываться новыми городами, деревнями и поселками[4]).

Изложивъ исторію Мореи до XII вѣка, Фалльмерайеръ замѣчаетъ, что къ концу послѣдняго въ Пелопоннисѣ мѣстъ съ древне-греческимъ названіемъ осталось всего около двадцати пяти: двадцать одно на бе-

---

1) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 189.
2) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 194.
3) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 199—200.
4) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 208—210.

регу моря, четыре въ нѣкоторомъ отдаленіи[1]). И если бы кто нибудь захотѣлъ изъ любопытства предложить вопросъ, изъ какой мѣстности сѣверныхъ странъ вышли славянскіе поселенцы Пелопонниса, то мы, говоритъ Фалльмерайеръ, не задумываясь назвали бы мѣста на Москвѣ, на Верхней Волгѣ, около Владиміра, Костромы и Ярославля, или вообще древнія Суздальскія земли внутри Русскаго государства, отечествомъ пелопоннисцевъ XII вѣка, по крайней мѣрѣ — тѣхъ скопищъ, которыя во время правленія Константина Копронима довершили варваризацію полуострова и заняли преимущественно его южную половину, включая сюда Тайгетскія горы [2]).

Въ первомъ томѣ своей Исторіи Полуострова Мореи Фалльмерайеръ излагаетъ событія до половины XIII вѣка, когда Морея уже находилась подъ управленіемъ династіи Вилльгардуэновъ.

Такимъ образомъ, до сихъ поръ всѣ усилія ландсгутскаго профессора были направлены преимущественно къ тому, чтобы доказать исчезновеніе греческаго элемента въ Пелопоннисѣ.

Но въ 1835 году Фалльмерайеръ выпустилъ въ свѣтъ работу «Welchen Einfluss hatte die Besetzung Griechenlands durch die Slawen auf das Schicksal der Stadt Athen und der Landschaft Attika?» (Stuttgart und Tübingen)[3]), гдѣ онъ уже пошелъ дальше въ развитіи своей любимой теоріи; здѣсь Фалльмерайеръ уже не ограничивался Пелопоннисомъ, а распространялъ свои выводы и на Аттику.

Главнымъ основаніемъ для этого новаго утвержденія послужили ему рукописная городская хроника Аттики, приписываемая какому то Аноиму, и прежде всего отрывки изъ монастыря святыхъ Безсребренниковъ Козьмы и Демьяна. Изъ хроники Аноима, гдѣ собственно приводится сухой перечень турецкихъ воеводъ въ Аѳинахъ съ 1754 по 1800 годъ, Фалльмерайеръ заимствовалъ только свѣдѣнія о выдающихся фамиліяхъ въ Аѳинахъ въ 1675 году. Самымъ же главнымъ основаніемъ его теоріи послужили монастырскія записи, изъ которыхъ мы узнаемъ слѣдующее.

Монастырь, основанный, по мнѣнію Фалльмерайера, въ X вѣкѣ, имѣлъ своихъ собственныхъ исторіографовъ: философа Самуила, пла-

---

1) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 339.

2) Fallmerayer, op. cit. B. I, S. 340—341.

3) Или «Nähere Begründung der im ersten Bande der Geschichte von Morea während des Mittelalters aufgestellten Lehre über die Entstehung der heutigen Griechen». Эта работа была прочитана Фалльмерайеромъ въ засѣданіи Баварской Академіи Наукъ.

тоника Меѳодія, настоятелей Никифора и Іосифа и монаха Каллиника. Послѣдній, продолжая начатую тѣми исторію, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія.

Въ томъ же столѣтіи, по Фалльмерайеру—во время Юстиніана I, т. е. въ VI вѣкѣ, Эллада была ареною опустошеній. Аттика оставалась пустынной на протяженіи почти четырехсотъ лѣтъ [1]). Аѳиняне удалились со своими семьями на Саламинъ; они построили тамъ дома и церкви въ мѣстности Амбелакія, которые еще и теперь туземными жителями называются аѳинскими. Изъ жителей Аттики только немногіе остались въ Акрополѣ или въ различныхъ городскихъ башняхъ. Каждое мгновеніе приходили разбойники, которыхъ жители называли φούστας, нападали на оставшихся, грабили, сколько могли, и затѣмъ удалялись въ горы. Большинство домовъ рушилось; улицы были завалены деревьями, и весь городъ представлялъ изъ себя жалкій, заглохшій лѣсъ [2]). Разбойники поджигали деревья, а вмѣстѣ съ послѣдними сгорали и древности; гимназія Птолемея почернѣла отъ дыма и частью обрушилась; храмъ панэллинскаго Зевса также почернѣлъ отъ дыма, и многое другое рушилось. Но аѳиняне, которые не могли слишкомъ долго переносить удаленія отъ своей родины, отправили, наконецъ, пословъ въ Константинополь и просили разрѣшенія вернуться на родину и имѣть возможность жить тамъ безопасно. Послѣ того какъ позволеніе имъ было дано, они возвратились домой и начали всѣ сообща очищать городъ и возстановлять дома. Тогда отправился также священникъ Калокинъ изъ Аѳинъ къ патріарху Іоанникію въ Константинополь и просилъ у него разрѣшенія построить въ Аѳинахъ монастырь въ честь Святыхъ Безсребренниковъ, въ который онъ самъ сдѣлалъ богатые вклады, какъ это явствуетъ изъ патріаршей грамоты.

Въ этой краткой замѣткѣ объ Аѳинахъ и Аттикѣ, замѣчаетъ Фалльмерайеръ, заключается исторія всей Греціи между VI и X вѣками нашей эры [3]).

Надо замѣтить, что Фалльмерайеръ пользовался какъ хроникой Анѳима, такъ и монастырскими отрывками въ рукописи, найденной

1) ἡ Ἀττικὴ ἐκαντήντησεν ἔρημος διὰ τετρακοσίους σχεδὸν χρόνους. См. Fallmerayer. Welchen Einfluss и пр. S. 22—23.

2) ἕνα δάσος ἐλεινόν. Фалльмерайеръ невѣрно переводитъ эти слова черезъ «ein Dickicht von Oelbäumen» (Welchen Einfluss, S. 22—24). См. Hopf, op. cit. B. 85, S. 108—109.

3) Fallmerayer. Welchen Einfluss etc. S. 24.

имъ въ Греціи, и ее не издалъ. Къ этимъ документамъ, которымъ ученый придавалъ такое первостепенное значеніе, намъ еще придется вернуться, и тогда мы постараемся выяснить вопросъ, насколько ихъ показанія заслуживаютъ довѣрія.

Къ исторіи выселенія аѳинянъ на Саламинъ Фалльмерайеромъ приводится еще «Ἐπιστολὴ Ἀθηναίων πρὸς τὸν πατριάρχην» изъ одной древней рукописи библіотеки дома Неріо Аччіайоли въ Аѳинахъ [1]).

Городъ былъ пустъ, начинаетъ онъ; слѣдствіемъ выселеній объясняется, почему острова, какъ напр. Саламинъ, сдѣлались настолько могущественными, что могли выставить противъ императора-иконоборца Льва III флотъ. Не смотря на то, что патріархъ, сторонникъ императора, посылалъ церковныя отлученія аѳинянамъ въ Амбелакіи, послѣдніе упорно стояли на своемъ, пока, наконецъ, само небо не наказало ихъ и не излило на головы преступныхъ островитянъ всю чашу своего гнѣва: пламя славянскихъ пожаровъ, эпидемія при Константинѣ Копронимѣ, неурожай, голодъ и мечъ варварскихъ пиратовъ—одно за другимъ свирѣпствовали въ аѳинской колоніи на Саламинѣ. Чума 746 года, пожары и падавшіе храмы возвѣстили жителямъ Амбелакіи о прибытіи новыхъ обитателей Греціи, т. е. славянъ. Аттика, по мнѣнію Фалльмерайера, перестаетъ быть пустыней только въ X вѣкѣ: во все время изгнанія жителей Аѳины были оставленнымъ пожарищемъ, пустыремъ.

На основаніи этого Фалльмерайеръ приходитъ къ тому результату, что окончательное исчезновеніе древне-греческой народности на почвѣ Эллады можетъ быть оспариваемо только тѣми учеными, которые придаютъ болѣе значенія предразсудкамъ своей юности, чѣмъ ходу міровыхъ событій. Что касается до меня, говоритъ Фалльмерайеръ, я все болѣе и болѣе прихожу къ тому мнѣнію, что Богъ избралъ греческій народъ особымъ предметомъ своего гнѣва, чтобы на немъ выполнить всѣ свои приговоры и показать человѣческому роду, что для него одинаково ничтожно и высокое и низкое [2]).

Въ слѣдующемъ 1836 году Фалльмерайеръ выпустилъ второй томъ своей «Исторіи полуострова Мореи въ Средніе Вѣка», обнимающей событія съ XIII по конецъ XV вѣка. Здѣсь онъ уже выступаетъ съ новой, такъ сказать, албанской теоріей. Со второй четверти XIV в. населявшіе Грецію греко-славяне были оттѣснены и подавлены албан-

1) Fallmerayer, ibidem. S. 29.
2) Fallmerayer Welchen Einfluss, S. 35—36.

скими поселенцами, такъ что, по мнѣнію Фалльмерайера, возстаніе Греціи въ XIX вѣкѣ было дѣломъ рукъ шкиператовъ-албанцевъ. Аттика, Беотія, большая часть Пелопонниса въ XIX вѣкѣ, во время путешествія по Греціи самого автора, представляли изъ себя цѣлые ряды албанскихъ поселенцевъ, иногда даже не понимающихъ по гречески [1]). Если кто-нибудь назоветъ всю страну отъ мыса Сунія до Геликона и отъ Коринѳскаго перешейка до Оропо и современной эпархіи Таланти Новой Албаніей, тотъ назоветъ вещь ея настоящимъ именемъ. Эти провинціи греческаго королевства имѣютъ съ эллинизмомъ такое же близкое родство, какъ горная Шотландія съ афганскими областями Кандагара и Кабула [2]).

Въ 1845 году появились знаменитые Fragmente aus dem Orient, гдѣ удѣлена цѣлая отдѣльная глава вопросу о славянскомъ элементѣ въ Греціи [3]).

Здѣсь Фалльмерайеръ, повторивъ еще разъ свои доказательства въ пользу уничтоженія греческаго элемента въ Пелопоннисѣ, изложенныя въ первомъ томѣ его Исторіи, вновь подтверждаетъ ихъ показаніями уже извѣстной намъ Монемвасійской хроники [4]). Вотъ что извлекъ изъ этой хроники Фалльмерайеръ для подтвержденія своей теоріи.

Въ 6075 (= 567) году каганъ, выставивъ чрезмѣрныя требованія, нарушилъ перемиріе и покорилъ Ѳессалію, Элладу, Аттику, Эвбею и Пелопоннисъ. Истребивъ населеніе, авары сами тамъ поселились; тѣ, которые могли убѣжать, разсѣялись... Такимъ образомъ авары, завладѣвъ Пелопоннисомъ, жили тамъ, не повинуясь ни римскому императору, ни кому другому, въ продолженіе 218 лѣтъ, т. е. съ 6096 (= 588) г. отъ сотворенія міра, который былъ шестымъ годомъ правленія Маврикія, до 6313 (= 805) года, который былъ четвертымъ правленія Никифора Старшаго.

Такимъ образомъ, это свидѣтельство еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе подтверждало теорію Фалльмерайера: оно относило нашествіе варваровъ на полуостровъ къ 588 году, а ихъ пораженіе подъ Пат-

1) Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea. B. II. 1836. Vorrede, S. XXIV sq.

2) Fallmerayer, op. cit. B. II, S. XXVII.

3) Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient. 2 Auflage von Thomas. Stuttgart. 1877. Das Slavische Element in Griechenland. S. 478—539.

4) Изъ рукописей, содержащихъ въ себѣ эту хронику, во время Фалльмерайера была извѣстна только одна туринская, изданная, какъ мы видѣли выше, очень неудовлетворительно Пасини. См. выше стр.

расомъ къ 805-му; слова же объ истребленіи жителей Эллады были какъ бы собственными словами Фалльмерайера [1]).

Вотъ въ общихъ чертахъ теорія фрагментиста, теорія, которую онъ въ теченіе всей своей жизни проводилъ съ такимъ упорствомъ и постоянствомъ, — теорія, вызвавшая горячую полемику, давшая начало дѣйствительно строго научной разработкѣ вопроса о славянскомъ вліяніи въ Греціи.

Но былъ ли самъ Фалльмерайеръ, по крайней мѣрѣ при появленіи перваго тома Исторіи полуострова Мореи, увѣренъ въ своей теоріи? Оказывается возможнымъ, что онъ, какъ человѣкъ, любящій неожиданные, сильные эффекты, выступая въ предисловіи къ своему первому тому исторіи съ теоріей полнаго исчезновенія греческаго элемента въ Пелопоннисѣ, самъ не былъ въ этомъ серьезно убѣжденъ. Одинъ изъ его учениковъ Гефлеръ (Höfler) сообщаетъ, напримѣръ, слѣдующій интересный фактъ.

На одной изъ прогулокъ въ Мюнхенѣ Фалльмерайеръ признался Гефлеру, что онъ говорилъ о существованіи эллиновъ въ греческихъ приморскихъ городахъ въ своемъ предисловіи къ первому тому до его третьей корректуры и только въ послѣдней онъ это мѣсто уничтожилъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Гефлеръ, эллинское населеніе было уничтожено не столько славянами, сколько самимъ Фалльмерайеромъ, ради большаго эффекта, какъ онъ лично тогда сказалъ [2]).

Впрочемъ, эта сторона дѣла, на которую, кажется, до сихъ поръ не обращали вниманія, является въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, второстепенною. Для насъ теорія Фалльмерайера, какъ мы уже не разъ говорили выше, важна по тѣмъ слѣдствіямъ, которыя она повлекла за собою послѣ своего появленія въ научной разработкѣ вопроса о вліяніи славянскаго элемента въ Греціи.

Въ этой главѣ мы изложили теорію Фалльмерайера, не подвергая ея никакой ученой критикѣ, такъ сказать—въ ея чистомъ видѣ, какъ она была развита въ трудахъ ея автора. Теперь мы перейдемъ къ ея разбору, т. е. къ той критической обильной литературѣ, которая появилась послѣ изданія перваго тома Исторіи полуострова Мореи и продолжалась до послѣдняго времени.

---

1) Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient. S. 509. См. Pasini Codices I p. 417. Λάμβρος. Ἱστορικὰ Μελετήματα, p. 99—105.

2) Höfler, Erinnerungen an Fallmerayer. Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen. B. 26 (1887), S. 400.

III.

Исторія вопроса о славянахъ въ Греціи послѣ появленія трудовъ Фалльмерайера.

Теорія Фалльмерайера собственно не была вполнѣ его дѣтищемъ. Мысли о большомъ вліяніи славянскаго элемента въ Греціи можно встрѣтить и у болѣе раннихъ писателей и ученыхъ. Конечно, Фалльмерайеръ первый развилъ эту мысль, обосновалъ ее данными многочисленныхъ источниковъ и первый рѣшительно высказался за полное исчезновеніе въ Греціи древне-эллинской народности.

Еще въ 1814 году англичанинъ Ликъ (Leake), много путешествовавшій по Греціи и интересовавшійся самъ вопросомъ о славянахъ, говоритъ: можно легко предположить, что славянскія поселенія въ Греціи были болѣе обширны, чѣмъ это отмѣтила исторія; объ этомъ можно говорить, даже если бы для подтвержденія самаго факта и не было достаточныхъ свидѣтельствъ въ случайныхъ замѣчаніяхъ византійскихъ историковъ: долговременное пребываніе славянъ въ этихъ странахъ, повидимому, можетъ быть доказано съ не меньшей вѣроятностью многочисленными именами мѣстностей славянскаго происхожденія; послѣднія можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ Греціи, хотя большинство изъ нихъ придется на Грецію сѣверную [1]).

Гораздо ближе къ воззрѣніямъ Фалльмерайера были взгляды извѣстнаго ученаго Газе, который еще въ то время, когда первый сообщалъ ему планъ своего сочиненія о Трапезунтѣ для Копенгагенской Академіи Наукъ, говорилъ молодому ученому: «Это есть исторія гибели эллинской народности въ странахъ, хорошо защищенныхъ природою, на южномъ берегу Понта; гдѣ кончается ваша работа, тамъ начинается вторая эпоха: постепенное уничтоженіе того же племени на сѣверѣ европейской Греціи; дастъ Богъ, мы не доживемъ до третьей эпохи,—до полнаго уничтоженія послѣднихъ остатковъ этого племени въ собственной Элладѣ» [2]).

1) Leake. Researches in Greece. London. 1814, p. 379 — 380. Позднѣе, уже послѣ появленія труда Фалльмерайера, Ликъ однако считаетъ большою ошибкой со стороны нѣмецкаго ученаго его утвержденіе, что современный Пелопоннисъ всецѣло принадлежитъ славянскому племени. См. Leake. Peloponnesiaca: a supplement to travels in the Morea. London. 1846, p. 326.

2) Парижъ, 15 мая 1825 г. Fallmerayer's Gesammelte Werke. B. I, S. XXV—XXVI, Anm.

Позднѣе, когда Газе узналъ, что Фалльмерайеръ работаетъ надъ исторіей Мореи, онъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года писалъ послѣднему: «Съ удовольствіемъ вижу, что вы работаете надъ исторіей пелопоннисскихъ революцій въ Средніе Вѣка. Это удачно выбранный предметъ въ то время, когда взоры всей Европы устремлены на освобожденный полуостровъ. Я убѣжденъ въ правильности вашего взгляда. Конечно, слѣдуя обычнымъ идеямъ, удобнѣе не признавать какого-либо перерыва между Перикломъ и Канарисомъ и въ разбойничьихъ шайкахъ Майнотовъ сново узнавать настоящихъ спартанцевъ. Но при ближайшемъ безпристрастномъ изслѣдованіи вещи представляются въ иномъ свѣтѣ, и простыхъ выраженій Константина Багрянороднаго, какъ мнѣ кажется, достаточно, чтобы доказать, что въ VII и VIII вѣкахъ эллинское населеніе Пелопонниса почти совершенно исчезло и замѣнилось славянскими поселенцами [1]).

По всей вѣроятности, вышеприведенныя сужденія Газе сильно вліяли на Фалльмерайера и, можетъ быть, послужили даже первымъ основаніемъ его знаменитой теоріи.

Послѣ появленія перваго тома «Исторіи полуострова Мореи» поднялась цѣлая буря негодованія противъ ея ученаго автора. Но надо сознаться, что всѣ эти нападки въ началѣ не могли имѣть большого значенія: для опроверженія теоріи Фалльмерайера нужны были новые факты, строго научный пересмотръ историческаго матеріала, собраннаго имъ въ своей Исторіи; нужна была обширная эрудиція, чего не было у тѣхъ лицъ, которыя голословно упрекали Фалльмерайера въ еретичествѣ, въ недостаткѣ благоговѣнія передъ воспоминаніями древности, повергаемыми имъ въ прахъ и т. д. Не легко было сравняться съ Фалльмерайеромъ и въ его лингвистическихъ познаніяхъ, особенно въ языкахъ славянскихъ [2]).

Кромѣ Копитара (Kopitar), который въ своей рецензіи на первый томъ Исторіи Фалльмерайера доказалъ, что познанія его въ славянскихъ языкахъ недостаточны и что у него возможно найти значительное количество этимологическихъ недоразумѣній и ошибокъ [3]), въ пер-

1) Gesammelte Werke von Fallmerayer. B. I. S. XXVI.

2) См. Hopf, op. cit. B. 85, S. 101.

3) *Wiener Jahrbücher der Litteratur*. B. 51 (1830), S. 111—120. См. также рецензію въ *Berliner Jahrbücher*. 1840. S. 31—48. См. J. Bar. Ow. Die Abstammung der Griechen und die Irrthümer und Täuschungen des D. Fallmerayer. München, 1849, гдѣ можно найти указанія на болѣе мелкія греческія работы, появившіяся по поводу книги Фалльмерайера; см. напр. 89—90.

вое время одинъ Цинкейзенъ въ своей исторіи Греціи выставилъ серьезныя возраженія на теорію Фалльмерайера [1]).

Признавая возможнымъ относить первыя славянскія поселенія на древне-эллинской почвѣ къ концу VI вѣка, хотя для этого утвержденія источники недостаточны, и полагая, что исторія первыхъ славянскихъ поселеній прослѣдить нельзя, тѣмъ болѣе, что они происходили мало-по-малу, незамѣтно, Цинкейзенъ упрекаетъ Фалльмерайера въ произвольномъ толкованіи источниковъ, считаетъ ошибочнымъ взглядъ тѣхъ лицъ, которыя хотятъ видѣть въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ Евагрія вторженіе аваровъ дѣйствительно въ самую Грецію. По мнѣнію Цинкейзена, Евагрій подразумѣвалъ въ этомъ мѣстѣ походы хана Баяна и его союзниковъ славянъ въ первые годы правленія императора Маврикія, а слово Ἑλλάς онъ употребилъ въ значеніи европейско-византійскаго государства [2]).

Греція, конечно, также не осталась равнодушной къ теоріи Фалльмерайера. Слабая работа Икономоса (Οἰκονόμος) «Ἀνατροπὴ τῶν γραψάντων ὅτι οὐδεὶς τῶν νῦν Ἑλλήνων ἀπόγονος τῶν ἀρχαίων», за нею написанная въ духѣ Цинкейзена книга Папарригопуло «Περὶ τῆς ἐποικήσεως Σλαβικῶν τινων φυλῶν εἰς τὴν Πελοπόννησον» [3]) и аѳинская исторія Сурмелиса [4]) указали на отдѣльныя историческія противорѣчія работъ Фалльмерайера и особенно на неточность и недостовѣрность его академическаго изданія о судьбѣ Аѳинъ въ средніе вѣка.

Надо замѣтить, что существуетъ извѣстіе о трехсотлѣтнемъ запустѣніи Аѳинъ, находящееся въ письмѣ навпліота Ѳеодора Зигомала къ тюбингенскому филэллину Мартину Крузію отъ 1581 года [5]), гдѣ онъ говоритъ о порчѣ аттическаго нарѣчія благодаря вошедшимъ въ него албанскимъ элементамъ и прибавляетъ: Аѳины оставались пустыми въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ; новое населеніе явилось туда изъ различныхъ городовъ, такъ что теперь пріятнѣе слышать объ аѳинянѣ, чѣмъ его видѣть [6]). Говоря о трехсотлѣтнемъ запустѣніи

---

1) Zinkeisen. Geschichte Griechenlands. Leipzig. 1832. B. I.

2) Zinkeisen, op. cit. B. I, S. 689 — 690, 699 — 700, 702 — 703, 848 — 859.

3) Этотъ трудъ, переработанный впослѣдствіи авторомъ, напечатанъ подъ заглавіемъ: Σλαυϊκαὶ ἐν ταῖς Ἑλληνικαῖς χώραις ἐποικήσεις въ его Ἱστορικαὶ πραγματεῖαι ὑπὸ Κ. Παπαῤῥηγοπούλου. Μέρος I. Ἀθῆναι. 1858, p. 226—370.

4) Surmelis. Κατάστασις συνοπτικὴ τῆς πόλεως Ἀθηνῶν ἀπὸ τῆς κτίσεως αὐτῆς ὑπὸ τῶν Ῥωμαίων μέχρι τέλους τῆς Τουρκοκρατίας. Ἀθῆναι. 1846, p. 59 α (это 3-е изданіе).

5) M. Crusius. Turcograeciae libri VIII. Basileae, 1584. Lib. II p. 99.

6) ἔρημοι ἔμειναν Ἀθῆναι χρόνους περίπου τριακοσίους· οὗτοι δὲ ἐκ διαφόρων εἰσὶ πόλεων συνηγμένοι· κρεῖττον δὲ ἀκούειν ἀθηναίου ἢ νῦν ὁρᾶν (Crusius, op. cit. p. 99).

Аѳинъ, Зигомалъ имѣлъ въ виду проникшіе въ Аттику во время крестовыхъ походовъ западные элементы и албанцевъ, которые нѣсколько позднѣе разселились по Греціи; Аѳины же фактически оставались покинутыми, потому что герцоги до Аччіайоли жили большею частью въ Ѳивахъ и лишь изрѣдка имѣли своимъ мѣстопребываніемъ акрополь [1]).

Но, какъ мы видѣли выше, Фалльмерайеръ не свидѣтельство Зигомала положилъ въ основаніе своей теоріи запустѣнія Аттики, а отрывки записей аѳинскаго монастыря Козьмы и Демьяна.

Вышеназванный Папарригопуло въ своемъ изслѣдованіи даетъ довольно обстоятельное описаніе этихъ таинственныхъ отрывковъ [2]), которые, будучи написаны на четырехъ листахъ венеціанской бумаги, имѣютъ своимъ содержаніемъ слѣдующее:

Листъ 1. Нападенія албанцевъ и турокъ.

Листъ 2. Опустошенія Аѳинъ; грабежи фуста.

Листъ 3. Аѳинскіе костюмы; появленіе чужихъ кораблей; смерть монаха Арсенія.

Листъ 4. Нашествіе готовъ при императорѣ Галліенѣ.

Интересно отмѣтить, что на самомъ важномъ для нашего вопроса второмъ листѣ вмѣсто *τετρακοσίους σχεδὸν χρόνους* совершенно ясно написано *διὰ τρεῖς σχεδὸν χρόνους*, хотя Фалльмерайеръ увѣрялъ, что въ той рукописи, которую онъ видѣлъ въ 1833 году, было написано четыреста лѣтъ [3]). Уже это одно разоблаченіе Папарригопуло должно было страшно поколебать теорію фрагментиста.

Между тѣмъ отрывки появились въ печати. Ихъ владѣлецъ, главный хранитель аѳинскихъ древностей Питтакисъ, познакомившій съ ними Фалльмерайера, когда увидѣлъ въ послѣднемъ врага эллиновъ, напечаталъ въ редактируемомъ имъ журналѣ Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς за 1853 годъ рядъ матеріаловъ для опроверженія новой теоріи подъ заглавіемъ «Ὕλη ἵνα χρησιμεύσῃ πρὸς ἀπόδειξιν ὅτι οἱ νῦν κατοικοῦντες τὴν Ἑλλάδα εἰσὶν ἀπόγονοι τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων»; отрывки записей монастыря Козьмы и Демьяна были напечатаны подъ заглавіемъ «Ἀπόσπασμα ἐκ τοῦ χειρογράφου τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηνῶν».

Другой грекъ Сурмелисъ въ третьемъ изданіи своей Исторіи Аѳинъ высказалъ смѣлое предположеніе о томъ, что извѣстіе о четы-

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 108.
2) Παπαῤῥηγοπούλου Ἱστορικαὶ πραγματεῖαι. Μέρος I, p. 230 sq.
3) Hopf, op. cit. B. 85, S. 111.

рехсотлѣтнемъ запустѣніи Аѳинъ имѣетъ своимъ основаніемъ просто произвольное предположеніе Зигомала, подкрѣпленное ложными документами, на которыхъ Фалльмерайеръ такъ же попался, какъ легковѣрный собиратель драгоцѣнныхъ камней на поддѣльные алмазы [1]).

Поэтому выводы Фалльмерайера относительно Аттики и Аѳинъ давно уже потеряли свою силу и признавались тенденціозными и слишкомъ преувеличенными [2]).

Въ самое послѣднее время изданъ одинъ памятникъ, изъ котораго можно заключить, что въ Аѳинахъ въ концѣ VI и началѣ VII вѣка, т. е. тогда, когда по Фалльмерайеру тамъ должно было царить полное запустѣніе, процвѣтала наука, и Аѳины имѣли видныхъ ея представителей. Подобныя указанія должны считаться особенно цѣнными, такъ какъ они касаются такого времени исторіи Аѳинъ, о которомъ нѣтъ никакихъ данныхъ [3]).

Мы имѣемъ въ виду изданную оріенталистомъ Conybeare въ англійскомъ переводѣ интересную автобіографію армянскаго ученаго первой половины VII вѣка Ананія [4]).

Ананія Шираквантци (Ananias Shirakvantzi), съ раннихъ лѣтъ объятый жаждою знанія, особенно въ области математики, и не находя въ Арменіи ни ученыхъ, ни книгъ, направился въ византійскіе предѣлы. Въ городѣ Ѳеодуполѣ онъ встрѣтилъ человѣка, хорошо знающаго Священное Писаніе, по имени Эліазара, который указалъ ему на математика Христодота въ странѣ четвертой Арменіи. Проведя у послѣдняго шесть мѣсяцевъ, Ананій убѣдился, что Христодотъ обладаетъ лишь поверхностными свѣдѣніями; поэтому для пополненія своихъ знаній онъ отправился въ Константинополь, гдѣ его знакомые высказали ему свое удивленіе по поводу такого длиннаго и труднаго путешествія въ столицу византійской имперіи, когда въ Трапезунтѣ, т. е. по близости отъ Арменіи, живетъ извѣстный византійскій учитель Тихикъ (Tychicus), который знакомъ даже съ армянской литературой. Ананій отправился въ Трапезунтъ. Встрѣченный радушно Тихикомъ, онъ провелъ у него восемь лѣтъ въ успѣшныхъ занятіяхъ наукой. Тихикъ владѣлъ богатой библіотекой изъ духов-

1) Surmelis. Κατάστασις συνοπτικὴ τῆς πόλεως Ἀθηνῶν. Ἀθῆναι. [illegible]

2) См. Krause. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzei[illegible] клопедіи Эрша и Грубера. B. 83.

3) См. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen, B. I, S. 86.

4) Fred. C. Conybeare. Ananias of Shirak (A. D. 600—65[illegible] *Zeitschrift*. B. VI, H. 3—4 (1897), S. 572—584.

ныхъ и свѣтскихъ книгъ, переводилъ ихъ на армянскій языкъ, которому онъ научился, проведя долгое время при дворѣ Іоанна Воина (John the Warrior) до времени царствованія византійскаго императора Маврикія (582 — 602). Далѣе онъ сообщаетъ Ананію свѣдѣнія о своемъ прошломъ.

Будучи раненъ во время персидскаго нашествія, Тихикъ бѣжалъ въ Антіохію и далъ обѣтъ въ случаѣ выздоровленія посвятить себя наукѣ. Выздоровѣвъ онъ отправился въ Іерусалимъ, Александрію, Римъ и оттуда въ Константинополь.

«И я нашелъ, продолжаетъ Тихикъ, въ Аѳинахъ, городѣ философіи, учителя, извѣстнаго человѣка, съ которымъ я провелъ въ занятіяхъ не мало времени. И усовершенствовавшись самъ въ философіи, я возвратился въ это мѣсто, т. е. въ Трапезунтъ, и началъ учить какъ докторъ. Но спустя немного лѣтъ мой аѳинскій учитель умеръ, и, такъ какъ ни одинъ изъ его учениковъ не оказался достаточно способнымъ, то, по приказанію императора и принцевъ, прислали мнѣ приглашеніе отправиться въ Аѳины и занять каѳедру умершаго ученаго. Но я отклонилъ это предложеніе, говоря, что далъ обѣтъ Небесному Царю не удаляться изъ этого мѣста». И послѣ этого многіе отовсюду приходили учиться къ Тихику.

Не входя въ подробный разборъ извѣстій, сообщаемыхъ этою біографіей, мы считаемъ возможнымъ поставить въ связь путешествіе Тихика въ Антіохію, Іерусалимъ и Александрію съ успѣхами персидскаго оружія послѣ смерти императора Маврикія, когда персы послѣдовательно завоевали Антіохію, Іерусалимъ и Александрію [1]). Тихикъ, надо полагать, былъ вынужденъ бѣжать передъ персидскимъ нашествіемъ.

Такимъ образомъ, судя по автобіографіи Ананія, въ VII вѣкѣ Аѳины могли выставить хорошихъ ученыхъ, а о судьбѣ дальнѣйшихъ научныхъ успѣховъ города заботился самъ императоръ.

Жаль, что мы въ данное время не можемъ сказать, насколько достовѣрны показанія автобіографіи, тѣмъ болѣе что они противорѣчатъ извѣстному факту закрытія при Юстиніанѣ аѳинской академіи и выселенія профессоровъ.

Между тѣмъ панслависты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ безъ всякихъ изслѣдованій торжествовали свою побѣду и дошли до того,

1) См. Saint-Martin. Mémoires sur l'Arménie. Vol. I, Paris, 1818, p. 334. Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte, Leipzig, 1887, S. 126.

что, въ то время, когда Фалльмерайеръ еще писалъ свое предисловіе въ Ландсгутѣ, одинъ изъ нихъ Данковскій выпустилъ книгу, гдѣ доказывалъ, что Гомеръ писалъ на родственномъ славянскомъ нарѣчіи. Загадочные этрусскіе тексты разсматривались какъ праславянскіе, и въ Зендавестѣ видѣли древнѣйшій памятникъ славянскаго языка [1]).

Фалльмерайеръ долженъ былъ считать для себя крупной побѣдой, что первый славистъ своего времени Шафарикъ не выступилъ съ опроверженіемъ его теоріи.

Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ», предполагая вѣроятнымъ, что появленіе славянъ въ Мезіи могло быть и раньше конца VI вѣка, задаетъ вопросъ: кто знаетъ, не были ли авары, которые въ 589 году поселились въ сѣверномъ Пелопоннисѣ и оставались тамъ въ теченіе 218 лѣтъ, всецѣло или по крайней мѣрѣ частью славянами, упоминаемыми нерѣдко въ числѣ союзниковъ аваровъ [2]); распространеніе же славянъ далѣе по Пелопоннису и прочей Греціи Шафарикъ относитъ къ VIII вѣку, ко времени между 746 и 799 годами [3]).

Кто былъ, повидимому, предназначенъ для того, чтобы освѣтить славянскую теорію, такъ это французскій ученый Бюшонъ, работавшій всю свою жизнь надъ исторіей Греціи и издавшій Морейскую хронику, гдѣ разбросано такъ много свѣдѣній о славянствѣ въ Пелопоннисѣ. Но онъ отмежевалъ себѣ область, касающуюся лишь французскаго владычества въ Греціи и, имѣя, по ѣдкому замѣчанію Гопфа, все время передъ глазами gloire française и кресло въ Академіи, не вдавался въ изученіе сложнаго славянскаго вопроса [4]).

Извѣстный классикъ Курціусъ вѣритъ въ независимое, недоступное для греческихъ христіанъ аварское государство въ Греціи, которое существовало съ 589 по 807 годъ; варварской же славянской страной полуостровъ сталъ къ концу VIII вѣка [5]).

Шоттландскій филэллинъ Финлей, придерживаясь воззрѣній Фалль-

---

1) Homerus slavicis dialectis cognata lingua scripsit. Vindobonae. 1829—1831 Его же Die Griechen als Stamm- und Sprachverwandte der Slaven. Pressburg 1828 См. Hopf, op. cit. S. 102.

2) Schafarik. Slavische Alterthümer. Deutsch von Mosig von Aehrenfeld, herausgegeben von H. Wuttke. 2 Bände. 1843—44. Leipzig. B. II, S. 159—160, 191; S. 227—228.

3) Schafarik, op. cit. B. II, 192.

4) Hopf, op. cit. B. 85, S. 102.

5) Curtius. Peloponnesos. Eine historisch-geographische Beschreib. insel Gotha. 1851. B. I, S. 86—87.

мерайера, говоритъ, что тотъ народъ, который выслалъ сотни колоній и сражался при Саламинѣ и Платеѣ, былъ предками тѣхъ людей, которые бѣжали передъ римлянами и уступили свою собственную страну для поселенія славянамъ и албанцамъ [1]). Половину VIII вѣка Финлей считаетъ тѣмъ моментомъ, когда славянскія поселенія раскинулись по пространству большей части открытой мѣстности полуострова, такъ что въ это время славянскія колоніи, постепенно увеличивающіяся уже со времени Ираклія, достигли своего наибольшаго распространенія [2]).

Если Курціусъ и Финлей и придерживались воззрѣній Фалльмерайера, то они, какъ видно изъ вышесказаннаго, сильно ограничивали его многія преувеличенныя утвержденія.

Не смотря на то, что противъ нѣкоторыхъ сторонъ теоріи Фалльмерайера продолжали появляться возраженія ученыхъ, какъ напр. Тафеля, Элиссена [3]), Людвига Росса, мнѣніе образованнаго общества начало все болѣе и болѣе склоняться на сторону теоріи фрагментиста, и предположеніе, что «всѣ греки—славяне», превращалось въ неоспоримый фактъ. Особенно тяжело было соглашаться нѣмцамъ, которые считали себя особенными филэллинами и, какъ извѣстно, дали новой Элладѣ ея перваго короля. Въ одномъ изъ популярныхъ журналовъ «Westermann's Illustrirte Monatshefte» за 1859 годъ (№ 29) появилась статья, гдѣ проводилась мысль, что вопросъ о происхожденіи современныхъ грековъ, благодаря смѣлой гипотезѣ Фалльмерайера, долженъ считаться окончательно рѣшеннымъ, и что славянство представляетъ изъ себя безспорно зерно новогреческой жизни.

Такимъ образомъ, мало по малу воззрѣніе Фалльмерайера пріобрѣтало все большее вліяніе; повсюду говорили о смѣшанномъ народѣ эллинскихъ славянъ; воодушевленіе, сочувствіе къ новой Греціи стало казаться какимъ то дѣланнымъ, искусственнымъ [4]).

Въ это время одинъ нѣмецкій ученый съ громадной эрудиціей, поразительной начитанностью взялъ на себя трудъ еще разъ всесторонне изучить вопросъ о славянахъ въ Греціи и выяснить слабыя стороны теоріи Фалльмерайера. Это былъ Карлъ Гопфъ, который

1) Finlay. History of Greece. Ed. by Tozer. Oxford. 1877. Vol. I. Author's preface, p. XVI. У насъ въ рукахъ было это позднѣйшее изданіе.

2) Finlay, op. cit. Vol. II, p. 67 — 68.

3) Ellissen. Michael Akominatos von Chonä, Erzbischof von Athen. Göttingen, 1846, S. 3—4.

4) Hopf, op. cit. B. 85, S. 102.

славянскому вопросу посвятилъ часть своего неоднократно упоминаемаго нами капитальнаго труда по Исторіи Греціи, изданнаго, къ сожалѣнію, въ катакомбахъ громоздкой энциклопедіи Эрша и Грубера[1]).

Гопфъ, разбирая извѣстное мѣсто Евагрія, послужившее главнымъ основаніемъ теоріи Фалльмерайера, задаетъ прежде всего вопросъ, что нужно въ этихъ словахъ церковнаго историка понимать подъ Ἑλλάς? Θессалію или, какъ хочетъ Фалльмерайеръ, Среднюю Грецію? Другіе современные историки, писавшіе въ Европѣ, нигдѣ не сообщаютъ, чтобы авары или славяне тогда проникали такъ далеко на югъ; большею частью послѣдніе ограничивали свои опустошительные набѣги одной Θракіей. Только незнаніе географіи могло заставить сирійца Евагрія вмѣстѣ съ извѣстными городами Сингидономъ и Анхіаломъ говорить еще о всей Элладѣ и другихъ городахъ и крѣпостяхъ; или онъ подъ Греціей представлялъ себѣ городъ или крѣпость, что, по мнѣнію Гопфа, всего вѣроятнѣе, или перенесъ античное названіе собственной Греціи и на θракійско-македонскія провинціи римскаго государства. Одинаково изъ словъ *ἀπολλύντες ἅπαντα καὶ πυρπολοῦντες* нельзя выводить заключенія относительно того, что тогда вся греческая народность была уничтожена этими «teuflischen Unholden», такъ что и никакого слѣда грековъ не осталось. Гопфъ понимаетъ это мѣсто: авары «überall mit Feuer und Schwert hausten»,— выраженіе общее всѣмъ языкамъ, изъ котораго отнюдь нельзя дѣлать вывода о полномъ уничтоженіи цѣлаго народа[2]).

Далѣе, разобравъ показанія извѣстныхъ намъ источниковъ относительно вторженій аваровъ, славянъ, болгаръ въ предѣлы византійскаго государства до конца VII вѣка, Гопфъ приходитъ къ такому результату, что эти варварскія нашествія касались исключительно почти сѣверныхъ провинцій; даже свидѣтельства Менандра и Іоанна Эфесскаго не представляютъ изъ себя прочнаго доказательства того, что Греція съ тѣхъ поръ была занята славянами; эти источники только утверждаютъ, что части государства и то на сѣверѣ были ими за-

1) Hopf. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit. Leipzig. 1867 въ 85 и 86 томахъ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber. Мы видѣли упоминаніе объ отдѣльномъ изданіи Исторіи Гопфа въ 1870 году, но въ рукахъ его не имѣли. Часть сочиненія Гопфа гдѣ онъ говоритъ о славянахъ, переведена на греческій языкъ. Καρόλου Χόπφ Οἱ Σλάβοι ἐν Ἑλλάδι. Ἀνασκευὴ τῶν θεωριῶν Φαλλμεράϋρ, μεταφρασθεῖσα ἐκ τοῦ γερμανικοῦ ὑπὸ Φ. Ζαμβάλδη. Ἐν Βενετίᾳ 1872.

2) Hopf, op. cit. B. 85, S. 191.

няты. Такія славянскія поселенія въ концѣ VII вѣка простирались на югъ до Воницы въ Эпирѣ и Велестино въ Өессаліи; нигдѣ не сказано, чтобы славяне захватывали Среднюю Грецію и Пелопоннисъ, который случайно могъ быть опустошаемъ съ моря. Самыя значительныя славянскія колоніи находились около Солуня, и потребовались неоднократные походы императоровъ, чтобы заставить эти племена платить извѣстную дань. То обстоятельство, что славяне, которые грабили Грецію въ 577 году, тожественны со славянами, которые подъ предводительствомъ Ардагаста опустошали императорскія провинціи въ 584—597 годахъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; гдѣ они поселились, это ясно изъ сказаннаго, именно въ сѣверныхъ провинціяхъ, преимущественно на Дунаѣ [1]).

Но утверждая, что авары или славяне не проникали въ концѣ VI вѣка на юго-западъ отъ Өракіи, Гопфъ этимъ самымъ отрицаетъ значеніе всѣхъ современныхъ источниковъ — Іоанна Эфесскаго, Менандра, Евагрія, Іоанна Бикларійскаго, которые ясно и опредѣленно говорятъ, что славяне-авары были въ Греціи. На основаніи невѣрнаго нѣмецкаго перевода Іоанна Эфесскаго, о которомъ мы уже упоминали выше, «bis Gott sie hinauswarf», Гопфъ утверждаетъ, что нашествіе славянъ на Грецію въ 577 году въ послѣдней слѣдовъ не оставило [2]). Англійскій переводъ болѣе вѣрный говоритъ «as far as God permits them». Это обстоятельство дало случай рецензенту Гопфа Гутшмиду остроумно замѣтить, что не Богъ изгналъ славянъ, а нѣмецкій переводчикъ Іоанна Эфесскаго [3]). Гопфу не было извѣстно свидѣтельство сирійскаго писателя Өомы Пресвитера о нападеніи славянъ въ 623 году на Критъ и другіе острова; уничтожить значеніе этого извѣстія нѣмецкому ученому было бы не легко.

Разобравъ дальнѣйшія показанія источниковъ до начала IX вѣка, Гопфъ указываетъ на то, что во время Льва III Греція могла выставить значительное войско, а Циклады — флотъ; а это обстоятельство совершенно не даетъ права думать объ уничтоженіи греческаго племени въ смыслѣ Фалльмерайера. Даже послѣ эпидеміи 746—747 года отдѣльные греческіе города имѣли довольно значительное населеніе. Между тѣмъ Пелопоннисъ въ половинѣ VIII вѣка былъ на большомъ

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 104.
2) Hopf, op. cit. B. 85, S. 103.
3) Gutschmid. Kleine Schriften. B. V. Leipzig, 1894, S. 433 = Literarisches Centralblatt, 1868, S. 641.

протяженіи занятъ славянскими племенами, которыя болѣе ста лѣтъ передъ тѣмъ поселились во Ѳракіи и части Ѳессаліи. Гопфъ признаетъ, что пелопоннисскіе славяне въ теченіе 60 лѣтъ, отъ 747 года и до ихъ пораженія подъ Патрасомъ въ 807 году, дѣйствительно были совершенно независимы, такъ что въ этомъ случаѣ нѣмецкій ученый идетъ противъ показанія синодальнаго посланія патріарха Николая, которое, какъ мы видѣли выше, говоритъ, что авары (славяне) въ теченіе 218 лѣтъ владѣли Пелопоннисомъ, т. е. съ 589 по 807 годъ.

Разбирая уже извѣстное намъ мѣсто изъ житія св. Виллибальда, паломника въ Святую Землю въ 723 — 728 годахъ, о городѣ Монофасіи въ славянской землѣ (Monofasiam in Slavinica terra), Гопфъ упрекаетъ составительницу житія въ полномъ незнаніи географіи; она могла подъ Slavinica terra разумѣть весь Балканскій полуостровъ; такимъ образомъ, это одиночное указаніе плохо знакомой съ географіей монахини на то, что около Монемвасіи, которая оставалась греческой, вся страна тогда была уже славянской, не можетъ быть принимаемо въ расчетъ [1]).

Но эти разсужденія Гопфа тѣмъ не менѣе не могутъ лишить свидѣтельства житія Виллибальда его значенія [2]).

Послѣ этого Гопфъ приступаетъ къ разбору Монемвасійской хроники, которою, какъ мы видѣли выше, пользовался Фалльмерайеръ въ своихъ Fragmente aus dem Orient. Но послѣдній, имѣя подъ руками эту хронику, извлекъ изъ нея весьма немного,—другими словами, только то, что подходило и подтверждало его теорію. Между тѣмъ интересно познакомиться съ содержаніемъ хроники въ ея цѣломъ; вотъ что она сообщаетъ [3]).

Авары, гунно-болгарскій народъ, тѣснимые турками, пришли съ Кавказа къ берегамъ Дуная и просили Юстиніана принять ихъ въ его предѣлы. Императоръ согласился и поселилъ ихъ въ Мизіи въ г. Доростолѣ, теперь Дристрѣ (τὴν νῦν καλουμένην Δρίστρα). Авары же, забывъ о благодѣяніи, начали грабить Ѳракію, Македонію и даже до-

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 106.

2) См. Gutschmid. Kleine Schriften. B. V, S. 433 = Literarisches Centralblatt 1868, S. 641.

3) Pasini. Codices. P. I p. 417—418. Λάμπρος. Ἱστορικὰ Μελετήματα, p. 98—109. Мы въ данномъ случаѣ будемъ излагать содержаніе хроники по старому тексту Пасини, такъ какъ его имѣлъ въ виду Гопфъ; дополненія же изъ иверскаго списка будемъ приводить въ примѣчаніяхъ.

ходили до столицы [1]). Въ правленіе Маврикія въ 6075 (=567) году каганъ, выставивъ чрезмѣрныя требованія, нарушилъ перемиріе и покорилъ Ѳессалію, Элладу, Аттику, Эвбею и Пелопоннисъ. Уничтоживъ (καταφθείραντες) населеніе, авары сами тамъ поселились; тѣ изъ грековъ, которые могли убѣжать, разсѣялись [2]). Населеніе города Патръ переселилось въ Реджіо въ Калабрію, аргосцы въ Орову, коринѳяне на Эгину; тогда же лаконяне, покинувъ отеческую землю, отплыли въ Сицилію и, поселившись въ мѣстѣ Демена (Δέμενα), стали сами называться вмѣсто лакедемонянъ деменитами. Остальная часть жителей, найдя недоступное мѣсто у морского берега, построила укрѣпленный городъ, назвала его Монемвасіей, потому что онъ имѣлъ только одинъ входъ (μόνην ἔμβασιν), и жила въ немъ, имѣя собственнаго епископа. Прочіе же жители со своими стадами и земледѣльческими орудіями жили въ окрестныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ у границъ Чаконіи [3]); поэтому сами лаконцы стали называться чаконцами. Такимъ образомъ авары, овладѣвъ Пелопоннисомъ, жили въ немъ 218 лѣтъ, не повинуясь ни римскому императору, ни кому другому, отъ 6096 года отъ сотворенія міра (=588), который былъ шестымъ годомъ пра-

---

1) Иверскій текстъ даетъ здѣсь кое-что новое. Онъ указываетъ на Евагрія, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній объ аварахъ, и, говоря объ ихъ подступленіи къ столицѣ, упоминаетъ о взятіи города Сирміума, который, находясь въ Болгаріи, носитъ названіе Στρίωμος (παρέλαβον δὲ καὶ τὸ Σίρμιον, πόλιν τῆς Εὐρώπης ἐπίσημον, ἥτις ἐν Βουλγαρίᾳ οὖσα νῦν καλεῖται Στρίωμος). Юстиніанъ долженъ былъ согласиться платить аварамъ ежегодно крупную дань. Λάμπρος. p. 98, 100.

2) Здѣсь Иверскій текстъ даетъ очень много новыхъ свѣдѣній сравнительно съ туринскимъ и кутлумушскимъ. Во время Маврикія въ 567 году авары потребовали увеличенія дани, на что императоръ согласился. Но черезъ два года каганъ неожиданно взялъ ѳракійскій городъ Сингидонъ, Αὐγούστας, большой островъ на Дунаѣ Βιμανάκιον, македонскій Анхіалъ, который теперь (т. е. во времена автора) называется Μεσσήνη, и многіе другіе города, подчиненные Иллирійской ѳемѣ (ὑπὸ τὸ Ἰλλυρικὸν τελούσας); мало того, онъ подошелъ къ самой столицѣ и грозилъ захватить Длинную Стѣну. Часть аваровъ, перейдя проливъ у Абидоса, опустошала мѣстности Малой Азіи. Императоръ для заключенія перемирія отправилъ къ кагану патриція Эльпидія и Коммеnтіола (σὺν Κομμεντιόλῳ). Но спустя немного времени каганъ снова нарушилъ перемиріе, опустошилъ Скиѳію, Мизію и завоевалъ много крѣпостей. Въ одно изъ этихъ вторженій (ἐν ἑτέρᾳ δὲ εἰσβολῇ) онъ покорилъ всю Ѳессалію, всю Грецію, древній Эпиръ, Аттику, Эвбею; другая же часть аваровъ вторгнулась въ Пелопоннисъ и, изгнавъ и уничтоживъ благородныя греческія племена, поселилась тамъ (ἐκβαλόντες τὰ εὐγενῆ καὶ ἑλληνικὰ ἔθνη καὶ καταφθείραντες κατῴκησαν αὐτοὶ ἐν αὐτῇ).—Λάμπρος, op, cit. p. 100—103.

3) См. Hopf, op. cit. B. 85, S. 106: die an den äussersten Grenzen Tschakoniens lagen. Въ текстѣ Пасини: οἱ καὶ ἐπεσχάτων Τζακωνίας ἐπονομάσθησαν (Pasinus. Codices, p. 417). Кутлумушскій и Иверскій кодексы болѣе правильно: οἳ καὶ ἐπ' ἐσχάτων Τζακωνίαι ἐπωνομάσθησαν (Λάμπρος, op. cit. p. 101, 104.

вленія Маврикія, до 6313 (=805) г., который былъ четвертымъ годомъ правленія Никифора Старшаго, имѣвшаго сына Ставракія. Только восточная часть Пелопонниса отъ Коринѳа до Малеи была свободна отъ славянскаго племени благодаря своей скалистой, недоступной мѣстности. Въ эту самую часть и былъ посылаемъ римскимъ императоромъ пелопоннисскій стратегъ. Одинъ изъ послѣднихъ, происходившій изъ Малой Арменіи, изъ рода такъ называемыхъ Склировъ, сразившись со славянами, побѣдилъ ихъ, окончательно уничтожилъ (ἠφάνισεν εἰς τέλος) и далъ возможность прежнему населенію возвратиться на родину. Узнавъ объ этомъ, обрадованный императоръ Никифоръ позаботился о возстановленіи городовъ. Разрушенныя варварами церкви были вновь выстроены, и сами варвары приняли христіанство. Патрасцы, по приказанію императора, также возвратились на свое прежнее мѣсто [1]). Патрасское архіепископство, во главѣ котораго стоялъ Аѳанасій, было возведено въ митрополію тѣмъ же Никифоромъ и патріархомъ Тарасіемъ; ей были подчинены святѣйшія епископства Лакедемона [2]), Меѳоны и Короны [3]). Далѣе идутъ свѣдѣнія о епископствахъ Монемвасіи и Лакедемона, которыя къ славянской теоріи отношенія не имѣютъ.

Повидимому, говоритъ Гопфъ, приведенное только что свидѣтельство хроники можетъ служить однимъ изъ доказательстъ въ пользу славянства грековъ; но жаль, что Фалльмерайеръ въ своей работѣ имѣлъ въ виду и напечаталъ только тѣ мѣста хроники, которыя говорятъ о покореніи Пелопонниса славянами, и какъ бы намѣренно не упомянулъ, что въ концѣ ея упоминается о совершенномъ ихъ истребленіи (ἠφάνισεν εἰς τέλος).

На основаніи разбора свѣдѣній хроники о монемвасійскихъ митрополитахъ и сравненія перечня послѣдней съ данными Oriens Christi-

---

1) Это мѣсто совершенно непонятно въ текстѣ Пасини (Pasinus. p. 418); оно пропущено Гопфомъ (Hopf. S. 106). Правильный текстъ см. у Λάμπρος, op. cit. p. 103, 106.

2) Иверскій текстъ сообщаетъ, что императоръ, отстроивъ заново Лакедемонъ, заселилъ его Кафирами, Ѳракійцами, Армянами и другими чуждыми народностями — ἐνοικίσας ἐν αὐτῇ λαὸν σύμμικτον Καφήρους τε καὶ Θρακησίους καὶ Ἀρμενίους καὶ λοιποὺς ἀπὸ διαφόρων τόπων τε καὶ πόλεων ἐπισυναχθέντας (Λάμπρος. p. 107). Кто та[illegible] фиры,—въ точности неизвѣстно; можетъ быть, это Κάβαροι у Const. Porph. [illegible] Imp. p. 171—172) или Καβείρους у Кедрина (Cedr. II, p. 569). См. Λάμπρο[illegible] p. 113.

3) См. Hopf. op. cit. B. 85, S. 106. На этомъ извѣстіи кончается иверск[illegible] Монемвасійской хроники.

anus Лекьена, Гопфъ приходитъ къ убѣжденію, что вся сборная книга, часть которой и составляетъ Монемвасійская хроника, представляетъ изъ себя компиляцію начала XVI столѣтія; поэтому и рѣчи быть не можетъ ни о какихъ свидѣтельствахъ современнаго писателя: это — совершенно лишенная критики пачкотня (Sudelei) XVI вѣка. Гопфъ находитъ, что хроника пользовалась и показаніями историка XV вѣка Франдзи, и синодальнымъ посланіемъ патріарха Николая, и Константиномъ Порфиророднымъ. 567-й годъ нападенія кагана не вѣренъ: вмѣсто ἑβδομηκοστὸν надо читать ἐνενηκοστόν; тогда получится извѣстный уже 587 годъ. Всѣ свѣдѣнія о переселеніи грековъ въ другія страны Гопфъ считаетъ чистѣйшею баснею. Одинъ только пунктъ изъ всей этой хроники онъ считаетъ достойнымъ вниманія— это упоминаніе имени стратега, который побѣдилъ и истребилъ славянъ; имя въ текстѣ Пасини Σεληρός очевидно есть испорченное Σκληρός, что оказалось вѣрнымъ послѣ изданія хроники Ламбросомъ. И такъ, этотъ новый документъ, привлеченный Фалльмерайеромъ для подтвержденія своей теоріи двухсотлѣтняго господства славянъ въ Греціи, не заслуживаетъ никакого довѣрія [1]).

Однимъ словомъ, Гопфъ, во что бы то ни стало, старается доказать, что славянскія поселенія въ собственной Греціи существовали только съ 750 года до осады Патръ въ 807 году; до 750 года такихъ поселеній не было.

Такимъ образомъ, ни Фалльмерайеръ, ни Гопфъ — особенно, конечно, первый—не могутъ быть названы объективными судьями въ изслѣдованіи вопроса о первоначальныхъ славянскихъ вторженіяхъ и поселеніяхъ въ Греціи. Свидѣтельство Евагрія должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что въ 588—589 году дѣйствительно было вторженіе аваровъ-славянъ въ Грецію и настолько сильное, что память о немъ сохранилась въ записяхъ патрской церкви, откуда, вѣроятно, и черпали свои свѣдѣнія какъ Монемвасійская хроника, такъ и синодальное посланіе патріарха Николая [2]). Трудно также согласиться съ предположеніемъ Гопфа относительно того, что Евагрій понималъ подъ Ἑλλάς какой-нибудь городъ [3]).

Послѣ этого Гопфъ приступаетъ къ разбору аѳинскихъ отрывковъ,

---

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 107—108.
2) См. Gutschmid. Kleine Schriften. B. V, S. 432.
3) См. напр. Bury. A History of the later Roman Empire. London. 1889, V. II, p. 143—144.

о которыхъ, какъ мы видѣли выше, нѣсколькими учеными были даны уже весьма суровые отзывы. Разоблаченія нѣмецкаго ученаго въ этомъ отношеніи превосходятъ всякія ожиданія.

Оказывается, что эти отрывки Питтакиса заимствованы изъ книги, принадлежавшей ему же «*Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον διαφόρους ἱστορίας ἐσυγγράφθη ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ Ἀνθύμου Ἀθηναίου.* 1614. Νοεμβρ. 20». Имя Анѳима, какъ явствуетъ изъ подскобленнаго здѣсь мѣста, вставлено; одинаково поддѣланъ и 1614 годъ, такъ какъ книга эта излагаетъ событія до 1800 года, т. е., другими словами, время ея составленія должно относиться къ концу XVIII столѣтія. Источниками для этой хроники служили нѣкоторыя хорошо извѣстныя произведенія того времени [1]); только для періода отъ 1754 до 1800 года она является оригинальной. На протяженіи семисотлѣтняго періода отъ 500 до 1200-го года хроника объ Аѳинахъ не говоритъ ни слова; но причина этого отнюдь не приписывается славянскимъ опустошеніямъ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ хроника, въ теченіе семисотъ лѣтъ ничего не сообщается объ Аѳинахъ или вслѣдствіе недостатка въ историкахъ, или потому, что все было спокойно» [2]). Это заявленіе представляетъ сильный контрастъ съ тѣми разсказами о славянскихъ и арабскихъ опустошеніяхъ за то время, которые мы находимъ у Фалльмерайера. Интересно, что всѣ свѣдѣнія объ опустошеніяхъ, относимыхъ фрагментистомъ ко времени до X вѣка, находятся въ этой *Βιβλίον ἱστορικὸν*, но относятся уже къ турецкому времени. Даже авторъ этихъ свѣдѣній извѣстенъ: это нѣкто Димитрій Аргиръ Венальдисъ (Benaldes), ученый аѳинянинъ, который писалъ на чистомъ византійскомъ языкѣ въ 1690 году. Вмѣсто имени патріарха Іоанникія нужно читать Іакова, который дѣйствительно былъ въ это время (1686—1690) патріархомъ. Извѣстіе о трехлѣтнемъ запустѣніи Аѳинъ должно относиться къ выселенію жителей въ 1687 или 1688 году; хроника даетъ даже точную дату выселенія — мартъ 1688 года.

«*Ἡ ἐπάνοδος αὔτη ἀναχώρησις τῶν Ἀθηναίων ἀπο τῆς φίλης πατρίδο- ἐγένετο ἐν μηνὶ μαρτίου τοῦ αὐτοῦ ἔτους* (1688)· *ἐγκατελείφθη οὖν Ἀθήνα παντέρημος ἐπὶ τρεῖς ὅλους χρόνους*».

---

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 111.

2) Ἀπ' αὐτὸν τὸν χαιρὸν ἕως εἰς διάστημα ἑπταχοσίων ἐτῶν δὲν ἀναγινώσχεταί τι π- Ἀθηνῶν, ἢ διὰ ἔλλειψιν ἱστοριογράφων ἢ διὰ τὰ πράγματα ἦσαν ἐν ἡσυχίᾳ. См. H... cit. S. 111.

Далѣе хроника разсказываетъ о томъ, какъ жители находили убѣжище отъ преслѣдованія турокъ не только на Саламинѣ, но также на Эгинѣ, Кефалоніи и въ венеціанскихъ владѣніяхъ Пелопонниса, именно въ Коринѳѣ и Навпліи,—какъ турки поджигали города и т. д. Наконецъ, султанъ разрѣшилъ имъ возвратиться въ ихъ жилища и даже освободилъ на три года отъ податей. Димитрій Калокинѳъ съ разрѣшенія патріарха въ 1691 году сдѣлалъ вкладъ въ монастырь Козьмы и Демьяна.

Такимъ образомъ, главный источникъ, главное основаніе аѳинскихъ фрагментовъ передъ нами: послѣдніе безъ всякаго сомнѣнія являются совершенно фабрикатомъ нашего столѣтія, а не произведеніемъ X вѣка, какъ того хотѣлъ Фалльмерайеръ. Вопросъ о томъ, кто же былъ авторомъ этой фальсификаціи, Гопфъ рѣшаетъ такъ: авторомъ ея былъ не кто иной, какъ самъ владѣлецъ грекъ Питтакисъ. «Ученый аѳинянинъ» на нѣсколькихъ листахъ венеціанской бумаги скомпилировалъ для Фалльмерайера изъ хроники «Анѳима» свои баснословные фрагменты и продалъ ихъ за чистую монету. Гопфъ впослѣдствіи видѣлъ самый оригиналъ этихъ отрывковъ и на мѣстѣ убѣдился, что ихъ письмо не только относится вообще къ XIX вѣку, но принадлежитъ собственной рукѣ ихъ «ученаго» владѣльца.

Непонятнымъ остается то обстоятельство, какъ могъ этотъ грубый обманъ укрыться отъ Фалльмерайера. Можетъ быть, ложный стыдъ признаться въ своей ошибкѣ и тѣмъ самымъ обратить въ ничто свою академическую работу заставляли Фалльмерайера хранить по этому вопросу упорное молчаніе [1]).

Итакъ, Гопфъ разрушаетъ вполнѣ теорію фрагментиста, которая говорила объ уничтоженіи греческаго племени въ Греціи въ VI вѣкѣ. Славянскаго элемента въ Пелопоннисѣ, какъ и вообще въ Греціи, отрицать нельзя, говоритъ Гопфъ; но хронологически этотъ вопросъ долженъ быть ограниченъ, и 746-й годъ даетъ намъ въ этомъ отношеніе единственно надежную точку опоры. Въ этомъ году славяне заняли дѣйствительно многія, особенно открытыя, доступныя мѣстности Греціи; они селились по склонамъ горъ, по берегамъ рѣкъ; и, если даже допустить, что нѣкоторыя отдѣльныя племена и останавливались на опустѣлыхъ плоскогорьяхъ, то все таки большая часть ихъ держалась вдали отъ укрѣпленныхъ греческихъ городовъ. Только

1) Hopf, op. cit. B. 85, S. 112.

тамъ, гдѣ какая нибудь древняя расположенная на горѣ крѣпость ромеевъ разрушалась, селились славяне на равнинѣ подъ горой замка, основывали деревни и поселенія, которыя вскорѣ получали имя или разрушенной крѣпости или новое славянское. Съ неудачнымъ нападеніемъ на Патры окончилось владычество славянъ въ Элидѣ; свободные славяне сдѣлались крѣпостными ромеевъ, данниками греческой церкви. Въ другихъ частяхъ Пелопонниса они еще довольно долго сохраняли со своею національностью свою религію и самостоятельность. И, если нѣсколько капель скиѳской крови отъ этихъ славянскихъ поселеній и течетъ въ жилахъ тѣхъ, которые считали себя прямыми потомками древнихъ эллиновъ, то само собою разумѣется, что эта примѣсь весьма незначительна. Славянскій элементъ въ Греціи уже спустя нѣсколько поколѣній былъ совершенно смытъ и въ численномъ и духовномъ отношеніи превосходящимъ его элементомъ греческимъ; только имена селеній, современное населеніе которыхъ съ трудомъ можетъ довести свою родословную къ славянамъ IX вѣка, и случайно попадающіеся намъ славянскіе типы, напоминаютъ о смѣшеніи греческой крови со славянской, которая единственно только у чаконцевъ (Ur-Hellenen или Пелазговъ Фалльмерайера и другихъ!!) до сихъ поръ сохранилась во всей чистотѣ [1]).

На основаніи всего сказаннаго теорія Фалльмерайера можетъ быть теперь направлена на настоящій путь: славянскія поселенія въ Греціи не имѣли своимъ результатомъ ни панславизаціи, ни полнаго уничтоженія эллинизма [2]).

Въ томъ же 1867 году, когда появился въ свѣтъ трудъ Гопфа, греческій ученый, уже не разъ упоминаемый нами раньше, Папарригопуло въ своей большой «Исторіи Греческаго Народа» выступилъ въ качествѣ яраго противника Фалльмерайера и его теоріи; Фалльмерайеръ—это *ἀρχηγὸς τῆς ἱστορικῆς ταύτης αἱρέσεως* [3]).

Опровергая толкованіе Фалльмерайеромъ извѣстій Менандра и Евагрія, гдѣ Папарригопуло совершенно соглашается съ мнѣніемъ Цинкейзена, онъ вполнѣ отрицаетъ значеніе грамоты патріарха Николая къ Алексѣю Комнину, такъ какъ всѣ источники противорѣчатъ тому, будто-бы въ теченіе 218 лѣтъ византійцы не смѣли показы-

1) О спорномъ вопросѣ происхожденія чаконцевъ см. выше въ первой главѣ.

2) Hopf, op. cit. B. 85, S. 119.

3) Παπαρρηγοπούλου Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Τ. III. Ἀθῆναι 1867. О славянахъ въ Греціи см. стр. 214—2[illegible].

ваться въ Пелопоннисѣ. Самъ Фалльмерайеръ ограничивалъ это, говоря, что многія мѣста оставались въ рукахъ грековъ. Свидѣтельство Константина Багрянороднаго уничтожаетъ почти каждое слово патріарха Николая. Въ концѣ VI вѣка въ Греціи славянскихъ поселеній не было; они появились въ Пелопоннисѣ только въ половинѣ VIII вѣка. Патріархъ Николай, желая возвести епископа Патръ въ санъ митрополита, старался выставить въ глазахъ императора городъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, почему и пораженіе враговъ онъ изобразилъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ [1]).

Монемвасійская хроника, какъ историческій источникъ, по мнѣнію ученаго грека, не имѣетъ почти никакой цѣны. Сообщая свѣдѣнія, которыхъ мы не находимъ въ большинствѣ источниковъ и особенно у Ѳеофилакта, хроника черпала ихъ изъ церковной исторіи Евагрія и грамоты патріарха Николая и прибавила къ послѣднимъ различныя мѣстныя подробности, сохранившіяся въ преданіи и черезъ девятьсотъ лѣтъ измѣнившіяся до неузнаваемости [2]).

Заключеніе Папарригопуло таково, что, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, въ VI вѣкѣ къ югу отъ Дуная не было ни одного большого славянскаго поселенія. Конечно, нельзя отрицать, что позднѣе славянскія поселенія были многочисленны во многихъ греческихъ областяхъ. Но славяне никогда не покоряли древнегреческаго народа; наоборотъ, они сами въ немъ распустились настолько, что не оставили среди грековъ никакого другого слѣда кромѣ нѣкоторыхъ названій горъ, рѣкъ и поселеній [3]).

Если со стороны толкованія и критики источниковъ Гопфъ и Папарригопуло, особенно первый, разрушали основаніе теоріи Фалльмерайера, то этою же цѣлью задался, но со стороны изученія современнаго греческаго языка, извѣстный филологъ Миклошичъ [4]).

Онъ поставилъ себѣ вопросъ, возможно-ли на основаніи новогреческаго языка утверждать славянское происхожденіе современныхъ грековъ [5]). И по его мнѣнію оказывается, что ни въ склоненіи, ни въ спряженіи, ни въ синтаксисѣ, ни въ словообразованіи славянскаго

---

1) Παπαῤῥηγοπούλου op. cit. T. III p. 226—230.

2) Παπαῤῥηγοπούλου op. cit. T. III p. 230—231.

3) Παπαῤῥηγοπούλου op. cit. T. III, p. 232.

4) Miklosich. Die slavischen Elemente im Neugriechischen (Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philos.-hist. Classe. B. 63 (1869) S. 529—566).

5) Miklosich, op. cit. S. 531.

вліянія нѣтъ; что несомнѣнно новогреческій языкъ заимствовалъ изъ славянскаго, такъ это незначительное количество словъ [1]). Поэтому на основаніи одного новогреческаго языка, не принимая во вниманіе историческихъ свидѣтельствъ и мѣстныхъ именъ, нельзя доказывать славянской національности современныхъ грековъ [2]).

Этотъ выводъ Миклошича, какъ нельзя болѣе, подкрѣплялъ результаты изслѣдованій Гопфа.

Противникомъ теоріи Фалльмерайера выступилъ въ 1871 году и нѣмецкій ученый Бернгардъ Шмидтъ, который, разбирая современныя религіозныя вѣрованія грековъ и суевѣрія и находя въ нихъ черты древне-греческой миѳологіи, а также основываясь на работахъ современныхъ грековъ объ ихъ діалектѣ, пришелъ къ заключенію, что нигдѣ въ греческой странѣ не было полнаго перерыва греческаго населенія; оно жило въ ней постоянно [3]).

Послѣдующіе ученые не рѣдко касались этого вопроса, иногда соглашаясь съ Гопфомъ, иногда въ частностяхъ оспаривая его.

Нельзя искать одного какого-нибудь опредѣленнаго событія, одного нашествія, послѣ котораго можно было бы сказать, что Греція занята славянами; славянская имиграція въ Грецію происходила медленно, незамѣтно [4]).

Большинство позднѣйшихъ ученыхъ основательно находитъ, что нельзя отрицать нашествія славянъ-аваровъ на Грецію въ концѣ VI вѣка, такъ какъ это утверждается данными Евагрія, Іоанна Эфесскаго, Менандра.

Дриновъ говоритъ, что противники Фалльмерайера безсильны противъ самаго вторженія, равно какъ и противъ заключенія, что нашествіе это сопровождалось заселеніемъ славянами нѣкоторыхъ уголковъ Греціи [5]). Тоже думаетъ Иречекъ [6]); въ возможность этого вѣритъ Мюлленгофъ [7]). Гертцбергъ говоритъ, что первое на долгое

1) Miklosich, op. cit. S. 533—536.

2) Miklosich, op. cit. S. 537.

3) B. Schmidt. Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum. Erster Theil. Leipzig. 1871, S. 5—6.

4) Rambaud. L' Empire Grec au dixième siècle. Paris. 1870, p. 220. Hertzberg. Die Entstehung der neugriechischen Nationalität въ Mittheilungen des Vereins für Erdkunde zu Halle. 1877, S. 71—72.

5) Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Москва. 1873, стр. 110.

6) Иречекъ. Исторія Болгаръ въ переводѣ Бруна и Палаузова. Одесса. 1878, стр. 151—152. Ireček. Geschichte der Bulgaren. Prag. 1876, S. 123.

7) Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde. B. II. Berlin. 1887. S. 100—101; ср. S. 375 — 376.

время оставшееся совершенно изолированнымъ поселеніе аваро-славянскихъ пришельцевъ, именно въ сѣверо-западныхъ частяхъ Пелопонниса, недалеко отъ Патръ, повидимому, было дѣйствительно основано въ 589 году [1]). Гораздо рѣшительнѣе это утверждаетъ Крекъ, говоря: всетаки остается главное, что въ то время, когда въ 584 году Іоаннъ Эфесскій писалъ свою церковную исторію, славянскія племена въ Греціи уже жили (waren sesshaft) [2]). Англійскій ученый Bury думаетъ, что самое естественное пониманіе извѣстнаго отрывка Іоанна Эфесскаго таково, что славяне поселились въ Греціи, хотя бы въ сѣверныхъ провинціяхъ; но, вѣроятно, эти славянскія поселенія до 600 года были только на открытыхъ мѣстахъ, а не въ городахъ [3]). Также признаетъ опустошеніе въ концѣ VI вѣка славянами Греціи и Филиппсонъ. Славяне и авары, по его словамъ, проникли на этотъ разъ въ громадномъ количествѣ и опустошали въ продолженіе многихъ лѣтъ всю страну за исключеніемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. При этомъ вторженіи впервые часть славянъ и аваровъ осталась въ Пелопоннисѣ въ качествѣ колонистовъ; они заняли элидо-аркадійскія пограничныя области къ югу отъ Патръ [4]).

Гельцеръ, признавая, что славянская кровь уже проникла въ греческое населеніе въ V и VI вѣкахъ, считаетъ это счастьемъ для грековъ, такъ какъ древнія вполнѣ изолированныя народности становятся отсталыми и какъ бы замираютъ, напр. Исландцы [5]).

Между тѣмъ, другая часть позднѣйшихъ ученыхъ, преимущественно грековъ, отдаетъ предпочтеніе тому мнѣнію, что заселеніе Пелопонниса славянами должно относиться къ половинѣ VIII вѣка, т. е. ко времени эпидеміи. Такъ извѣстный уже намъ Папарригопуло въ своемъ болѣе новомъ трудѣ, который излагаетъ результаты его большой «Исторіи Греческаго Народа», остается вѣренъ своему прежнему взгляду и, упоминая о походѣ Ставракія на Пелопоннисъ въ 783 году, говоритъ, что византійскій начальникъ покорилъ славянъ, которые тамъ недавно

1) Hertzberg. Die Entstehung и т. д. въ Mittheilungen des Vereins für Erdkunde zu Halle. 1877, S. 72. Его-же. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. B. I. Gotha. 1876, S. 138 — 140.

2) Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz. 1887, S. 304.

3) Bury. A History of the later Roman Empire. London. 1889. Vol. II, p. 144.

4) Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes въ Petermann's Mitteilungen. B. 36 (1890). S. 3.

5) Gelzer. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte; см. Krumbacher. Geschichte der byz. Litteratur. 2 Auflage. München. 1897, S. 944 — 945.

поселились [1]). Другой ученый грекъ Ламбросъ думаетъ, что нашествіе славянъ или аваровъ въ 589 году ограничилось только одной Ѳракіей и окрестными съ нею мѣстностями, и славянскія поселенія въ Пелопоннисѣ относитъ ко времени чумы [2]).

Болѣе другихъ полемизируетъ съ Гопфомъ Bury, который во многихъ пунктахъ не соглашается съ нѣмецкимъ ученымъ и его критикой теоріи Фалльмерайера. Bury прямо говоритъ, что извѣстное мѣсто шестой книги Евагрія не можетъ подтверждать теорію Фалльмерайера уже по одному тому, что у Евагрія говорится не о славянахъ, а объ аварахъ. Одинаково англійскій ученый не соглашается съ толкованіемъ Гопфа слова Ἑλλάς въ смыслѣ города и извѣстнаго мѣста изъ Іоанна Эфесскаго; весьма вѣроятно, что въ одинъ изъ этихъ годовъ аварскія нашествія простирались къ югу отъ Олимпа, и славяне на основаніи словъ Іоанна Эфесскаго поселились хотя бы въ сѣверной Греціи [3]). Есть основаніе предполагать, что въ царствованіе Маврикія славяне начали селиться въ странахъ къ югу отъ горы Олимпа. Почти навѣрное, славянскій элементъ въ Греціи увеличился въ продолженіе правленія Ираклія, въ то время когда все вниманіе правительства было занято борьбою съ Персіей, что подтверждается приведенными выше словами Исидора Севильскаго. Но надо оговориться, что большіе города не сдѣлались добычей славянъ, и Аѳины, напримѣръ, оставались греческимъ городомъ [4]). Славяне, поселившіеся въ Греціи между 570 и 640 годами, были постепенно и легко обращены въ христіанство; по крайней мѣрѣ, замѣчательно то обстоятельство, что не слышно ни о внутреннихъ столкновеніяхъ въ Греціи за это время, ни о какой миссіи для обращенія славянскихъ поселенцевъ. Можно сравнить сліяніе славянъ съ греками съ быстрымъ сліяніемъ дановъ, напавшихъ на Англію въ IX вѣкѣ, съ англами. Датчане Одо, Oskytel и Освальдъ были архіепископами спустя менѣе ста лѣтъ послѣ раздѣла Нортумбріи; такимъ же образомъ славянинъ Никита сдѣлался патріархомъ Новаго Рима въ царствованіе Константина V [5]).

Грегоровіусъ, авторъ увлекательно написанной «Исторіи Аѳинъ въ Средніе Вѣка», сомнѣвается въ томъ, что въ Греціи могли осно-

1) Paparrigopoulo. Histoire de la civilisation hellénique. Paris. 1878. p. 262.
2) Λάμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. T. II. Ἀθῆναι. 1892, p. 642, 826.
3) Bury. A History of the later Roman Empire. V. II, p. 143 — 144.
4) Bury op. cit. V. II, p. 280.
5) Bury, op. cit. V. II, p. 456.

ваться славянскія поселенія въ VI вѣкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что славянскія колоніи въ нѣкоторой части греческихъ мѣстностей основались незамѣтно еще далеко до чумы 746—747 года [1]).

Если съ одной стороны ученые ограничивали очень произвольные выводы Фалльмерайера, исправляли его теорію и старались дать ей правильное направленіе, то съ другой стороны были и такіе, которые вопросъ о славянствѣ въ Греціи сводили къ нулю,—которые утверждали, что о славянахъ въ Греціи не можетъ быть и вопроса.

Такимъ ученымъ является неутомимый собиратель матеріаловъ по исторіи Греціи, оказавшій уже своими изданіями много весьма цѣнныхъ услугъ византійской наукѣ, грекъ Саѳа, выступившій въ 1880 г. со своей новой албанской теоріей [2]).

На основаніи произвольнаго толкованія изданныхъ имъ документовъ Саѳа приходитъ къ заключенію, что только въ нихъ славяне, поселившіеся въ Греціи, носятъ настоящее имя своей національности, имя албанцевъ; ихъ фамиліи всѣ албанскаго происхожденія; извѣстное слово Константина Багрянороднаго ἐσθλαβωμένος Саѳа объясняетъ изъ албанскаго языка и придаетъ ему значеніе прилагательнаго «тяжелый = βαρύς»; если разсмотрѣть имена прежнихъ владѣльцевъ до эпохи крестовыхъ походовъ, то и тамъ оказывается то же албанское происхожденіе [3]). Увлекаясь своей бездоказательной теоріей, съ которой не соглашается даже такой почитатель Саѳы какъ авторъ его хвалебной біографіи Г. Мейеръ [4]), ученый грекъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1) Исторически славянскаго вопроса не существуетъ; славяне, насколько ихъ знаетъ современная этнографія, никогда не проникали въ Пелопоннисъ.

2) Византійцы, или по своему невѣжеству, или изъ желанія уни-

---

1) Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. B. I. Stuttgart. 1889, S. 83, 113.

2) Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen-Age. T. I. Paris. 1880. Préface. См. также Sathas. La tradition hellénique et la legende de Phidias, de Praxitèle et de la fille d'Hippocrate au Moyen-Age въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France. 16 année. 1882. Paris. p. 126. Взглядъ Саѳы разобранъ, между прочимъ, въ русской статьѣ Созоновича. Славяне въ Мореѣ. Варшавскія университ. извѣстія. 1887, стр. 1—27.

3) Sathas, op. cit. T. I, p. XXI—XXII.

4) G. Meyer. Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin. 1885. Constantin Sathas und die Slavenfrage in Griechenland. S. 117—142. См. S. 134. См. также Д. Матовъ. Гръцко-български студии. София. 1893. стр. 27—30.

зить пелопоннисцевъ, которые дѣйствовали заодно съ албанцами, дали послѣднимъ имя славянъ.

3) Пелопоннисцы, опровергая словами Георга Плеѳона клеветниковъ ихъ греческаго происхожденія, не думали отрицать рѣшительно всякое иностранное вторженіе въ ихъ страну; такимъ пришлымъ народомъ были албанцы; но только пелопоннисцы никогда не смотрѣли на нихъ, какъ на иностранный, чужой народъ, а какъ на народъ греческаго племени [1]).

Эта произвольная теорія, конечно, не можетъ имѣть никакого серьезнаго, научнаго значенія.

Цѣлый рядъ славянскихъ названій мѣстностей и до сихъ поръ можетъ быть указанъ въ Мореѣ, напр. Bilova, Selitza, Polovitza въ Лаконикѣ, горы Chelmo, Malevo въ Аркадіи [2]). По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ на десять греческихъ названій въ Пелопоннисѣ приходится одно славянское [3]).

Не смотря на то, что теперь уже разобраны и доказаны многія слабыя стороны теоріи Фалльмерайера, тѣмъ не менѣе даже въ послѣднее время можно еще замѣтить слѣды увлеченія ею, какъ напр. въ болгарскомъ трудѣ Шопова [4]).

Въ исторіи тенденціозной теоріи Фалльмерайера, съ момента ея появленія въ свѣтъ и до настоящаго времени, нужно различать два главныхъ періода, отдѣленныхъ другъ отъ друга изслѣдованіемъ Гопфа. Первый періодъ до 1867 года — это періодъ, когда новая, смѣлая теорія начала мало по малу распространяться, вліять и во мнѣніи европейской образованной публики того времени чуть не получила значенія доказанной исторической истины; слабыхъ сторонъ ея почти не замѣчали; разоблаченія грековъ Сурмелиса, Папарригопуло относительно аѳинскихъ отрывковъ, очевидно, не доходили до свѣдѣнія интересующагося судьбами Грецiи европейскаго населенія. Трудъ Гопфа создалъ въ этомъ отношеніи эпоху: не будучи самъ безпри-

1) Sathas, op. cit. T. I, p. XXVIII.

2) Leake. Travels in the Morea. Vol. I, London, 1830, p. 136. Curtius. Peloponnesos, B. I, S. 90.

3) Leake. Peloponnesiaca, p. 326.

4) Шоповъ. Материали за българското възраждание въ Македония. См. Матовъ. Грьц.-бълг. студии, стр. 18. Николовъ. Нѣсколько думи върху теорията на Фалмерайера (Трудъ. 1887. I стр. 1068—76). Нѣкоторыя дополненія къ этой статьѣ см. въ «Задачитѣ на съврѣменното славяновѣдѣние (Трудъ. 1890. III, стр. 52 — 56, 200 — 214, 307 — 317).

страстнымъ судьею въ исторіи первоначальныхъ славянскихъ поселеній въ Греціи, онъ наглядно показалъ, насколько мѣстами были произвольны выводы Фалльмерайера, какъ ненадежны были иногда полагаемые имъ въ основаніе своей теоріи источники; особенно должны были поразить развѣнчанные окончательно Гопфомъ монастырскіе отрывки, на основаніи которыхъ Фалльмерайеръ утверждалъ, что въ Аѳинахъ и Аттикѣ греческое населеніе было уничтожено.

Теорія Фалльмерайера послѣ этого вступила во второй періодъ своего существованія; въ своемъ полномъ объемѣ она стала немыслимой; ученые ее исправили, дополнили и дали соотвѣтствующее направленіе. Она выполнила свое назначеніе, т. е. привела, насколько это возможно для современныхъ научныхъ данныхъ, къ детальному выясненію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ византійской исторіи,— вопроса о славянскомъ вліяніи въ Греціи. Съ этой стороны никто не можетъ отрицать значенія работъ Фалльмерайера.

Но теперь открывается новая сторона въ ученой дѣятельности фрагментиста, сторона, которая должна нѣсколько уменьшить ореолъ его научной славы. Фалльмерайеръ являлся ученымъ, который ставилъ эффектъ, парадоксъ выше исторической истины; онъ не былъ убѣжденъ въ своей теоріи, что мы теперь видимъ изъ воспоминаній одного изъ его самыхъ близкихъ учениковъ—Гефлера. Фалльмерайеръ утверждалъ полное истребленіе греческой націи въ Пелопоннисѣ въ предисловіи къ первому тому своей Исторіи ради большаго эффекта, о чемъ онъ самъ говорилъ Гефлеру.

По нашему мнѣнію, Фалльмерайеръ хотѣлъ, во что бы то ни стало, возвести въ неоспоримый фактъ мысли, навѣянныя ему ученымъ Газе, и мы видимъ, какъ съ каждымъ новымъ трудомъ его доказательства становятся болѣе категорическими, но за то все болѣе произвольными.

Исторія разоблаченія аѳинскихъ отрывковъ должна была сильно задѣть Фалльмерайера: его чуть не обвиняли въ намѣренномъ обманѣ; съ насмѣшкой указывали на чрезмѣрную простоту и неопытность, которая позволила ему столь грубо поддѣланные документы принять за подлинные. И онъ, понимая, что, если лично не выступитъ въ качествѣ защитника своей теоріи, послѣдняя погибнетъ, не сдѣлалъ этого; онъ продолжалъ хранить глубокое молчаніе и до конца своей жизни ни словомъ не обмолвился въ печати въ защиту своей академической работы о судьбѣ Аѳинъ и Аттики въ средніе вѣка.

Мы это говоримъ, отнюдь не желая унизить ученую репутацію Фалльмерайера. Его обширныя историко-филологическія познанія признаются всѣми; его кипучая дѣятельность, разносторонняя, трудовая жизнь должны служить примѣромъ ученой работы. Но нельзя не сознаться, что, если бы послѣдующіе ученые не положили столько труда на разработку славянскаго вопроса въ Греціи, если бы они не выяснили съ надлежащей полнотою недостатки и произволъ теоріи Фалльмерайера, послѣдняя, будучи результатомъ не глубокаго убѣжденія, явившагося послѣ всесторонняго изученія источниковъ, а мыслей, навѣянныхъ другимъ лицомъ и завѣдомо тенденціозно обоснованныхъ подборомъ источниковъ, могла бы принести не малый вредъ историческому знанію.

Въ данномъ случаѣ заслуга Гопфа выступаетъ въ яркомъ свѣтѣ, и мы, хотя въ частностяхъ и не соглашаемся съ его сужденіями, особенно относительно оцѣнки источниковъ до VIII вѣка, тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что Гопфу, а не кому другому, принадлежитъ слава современной постановки вопроса о славянскихъ поселеніяхъ въ Греціи.

Славяне въ Греціи начали селиться съ конца VI вѣка, и свидѣтельство Іоанна Эфесскаго должно служить въ этомъ случаѣ основаніемъ. Отрывочныя свѣдѣнія, разбросанныя въ различныхъ источникахъ, о славянахъ въ Греціи до половины VIII вѣка безусловно указываютъ на постепенное увеличеніе этихъ поселеній. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ источникахъ, вообще очень скудныхъ за это время, не сохранилось болѣе подробныхъ свѣдѣній о славянахъ въ Греціи до половины VIII столѣтія. Все вниманіе историковъ было отвлечено къ столицѣ, которая въ концѣ VI-го и въ продолженіи первой половины VII вѣковъ переживала опасные, трудные моменты въ виду грозныхъ нападеній аваровъ и персовъ; въ половинѣ VII вѣка появились арабы, и главный интересъ сосредоточился на еще болѣе дальнемъ Востокѣ—въ Азіи. Своихъ собственныхъ мѣстныхъ хронистовъ Греція не имѣла; но, если бы таковые и были, то и они могли бы легко не замѣтить этой постепенной, незамѣтной, мирной славянской иммиграціи, которая началась послѣ нашествій конца VI вѣка. Чума 746—747 года раскрыла правительству глаза: она заставила его обратить вниманіе на опустошенную Грецію, и правительство увидѣло, что тамъ уже далеко не прежнее населеніе; этихъ новыхъ поселен-

цевъ стали называть Ἑλλαδικοί, а къ концу VIII вѣка и прямо славянами. Послѣ 747 года новыя толпы славянъ заселили Грецію. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, довольно крупныя славянскія поселенія начались въ Греціи съ конца VI вѣка и къ 746 году они уже простирались до самаго юга.

А. Васильевъ.

Ῥητορικὸν γύμνασμα τοῦ Μανασσῆ.

Καταχωρίζω νῦν τὸ πρῶτον ἐνταῦθα ἓν ῥητορικὸν ὑπομνημάτιον Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ, ὅπερ δὲν εἶναι σημειωμένον οὔτε ἐν τῇ Bibliotheca graeca τοῦ Φαβρικίου καὶ τοῦ Harles, οὔτε ἐν τῇ Geschichte τοῦ Krumbacher. Ὁ Μανασσῆς διὰ τοῦ ὑπομνηματίου τούτου ἐγκωμιάζει θανοῦσαν τὴν δέσποιναν Θεοδώραν Κοντοστεφανίνην, ἥτις εἶχε τῇ 12-ῃ ἑκατ. τὸ ἀξίωμα σεβαστῆς ἐν τῇ αὐλῇ τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ. Η Θεοδώρα ἦτο ὕπανδρος, σύζυγος δὲ αὐτῆς, κατ' αὐτὸ τοῦτο τὸ ὑπομνημάτιον, ὑπῆρξεν ἀνὴρ «κλεινός, μάχαις πολλαῖς ἐναθλήσας, καὶ τὸν ἀριστέα παραγυμνώσας, καὶ τὸ ἀκατάληπτον ἔργοις παραδηλώσας». Ἐκ τῶν κενῶν τούτων λέξεων δύσκολον ὁμολογουμένως εἶναι νὰ προσδιορισθῇ ὀνομαστὶ ὁ τῆς Θεοδώρας σύζυγος· ἀλλ' οὐχ ἧττον εἶναι βέβαιον ἐκ τοῦ τίτλοῦ τῆς Θεοδώρας, ὅτι καὶ ὁ σύζυγος αὐτῆς εἶχεν ὡσαύτως τὸ ἀξίωμα σεβαστοῦ. Ἰωάννης ὁ Κοντοστέφανος μετὰ τοῦ ἀδελφοῦ Δημητρίου καὶ τοῦ Προσοὺχ ἡγεῖτο στρατοῦ, νικηφόρου ἀναδειχθέντος ἐν Ἀντιοχείᾳ κατὰ τοῦ πρίγκιπος αὐτῆς Ῥαϊμούνδου ἔτει 1144-ῳ (ὅρα Κίνναμον καὶ Νικήταν Χωνιάτην ἐν τῷ Recueil des historiens des Croisades; historiens grecs, τ. 1, σ. 228—230). Οὗτος ὁ Ἰωάννης ἔτει 1158-ῳ μετὰ τῆς ἐκ Παλαιστίνης ἱππικῆς δυνάμεως κατέστρεψε περσικὸν στρατὸν ἀξιόμαχον ἐν τῇ Μικρᾷ Ἀσίᾳ. Ἡ νίκη αὕτη, δι' ἧς ὁ σουλτάνος τῶν Περσῶν ταπεινωθεὶς ὑπετάγη εἰς τὰς θελήσεις τοῦ αὐτοκράτορος Μανουήλ, προὐξένησε τῷ Ἰωάννῃ τῷ Κοντοστεφάνῳ «δήλωσιν ἀρετῆς» ἀξιοσημειώτου ἐν τῇ βυζαντινῇ ἱστορίᾳ (ὅρα Κίνναμον σ. 116—117 ἐκδ. Παρισίων καὶ Muralt, Essai de chronographie Byzantine, σ. 175). Ὁ αὐτὸς Ἰωάννης ἔτει 1161-ῳ ἀναφέρεται ῥητῶς ἔχων τὸ ἀξίωμα τοῦ σεβαστοῦ (Κινν. σ. 121. Recueil des hist. des Croisades; hist. Grecs 1, σ. 286)· ἀνεφάνη δὲ καὶ πάλιν νικητὴς ἔτει 1168-ῳ ἐν τῷ κατὰ τῶν Οὔγκρων (Οὔννων) πολέμῳ (Κινν. σ. 160. Muralt σ. 193).

Ἕτερος Κοντοστέφανος, ὁ Θεόδωρος, εἶχεν ὡσαύτως τὸ ἀξίωμα σεβαστοῦ· ἀλλ' οὗτος, κατ' οὐδὲν ἀνδραγαθήσας, οἰκτρῶς ἐφονεύθη ἔτει 1152-ῳ ἐν Μοψουεστίᾳ, μαχόμενος κατὰ τῶν Ἀρμενίων (Κινν. σ. 71). Τρίτος ἐκ τῶν Κοντοστεφάνων σεβαστὸς ὑπῆρξεν ἔτει 1191-ῳ ὁ Ἀλέξιος, ὁ παρουσιάσας ἐν τῇ κατὰ τοῦ πατριάρχου Δοσιθέου συνόδῳ (ὅρα τῶν ἡμετέρων Ἀναλέκτων τ. 2, σ. 362)· εἶχε δὲ οὗτος καὶ τὸ ἀξίωμα χαρτουλαρίου. Ἐπειδὴ δὲ ὁ τῆς Θεοδώρας ἀνὴρ ἦτο «κλεινός», κατὰ τὸν ἡμέτερον Μανασσῆν, «μάχαις πολλαῖς ἐναθλήσας, καὶ τὸν ἀριστέα παραγυμνώσας, καὶ τὸ ἀκατάληπτον ἔργοις παραδηλώσας», εὔδηλον ὅτι τοιοῦτος ἐκ τῶν Κοντοστεφάνων ὑπῆρξε μόνος ὁ Ἰωάννης, ἑπομένως δὲ σύζυγος αὐτοῦ καὶ μόνου θὰ ἦτο ἡ ἡμετέρα Θεοδώρα. Τούτου λοιπὸν οὕτως ἔχοντος ἐκ συμπερασμοῦ λίαν ᾐτιολογημένου, ἑπόμενον ὅτι δυνατὸν εἶναι καὶ κατὰ προσέγγισιν νὰ ὁρισθῇ καὶ ὁ χρόνος τῆς συντάξεως τοῦ εἰς αὐτὴν ἐπικηδείου λόγου τοῦ Μανασσῆ ἢ μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1158 καὶ 1168, ἢ μετὰ τὸ 1168-ον ἔτος. Τὸν Ἰωάννην Κοντοστέφανον ἀποκαλεῖ καὶ ἕτερος παλαιὸς ἱστορικός, Γουλλιέλμος ὁ Τύριος, ἄνδρα κλεινόν, ἀλλὰ καὶ συγγενῆ τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ (Willermi Tyrii historia, lib. XVIII, cap. 30. Ὅρα Gesta Dei per Francos. Hanoviae 1611, σ. 952· «vir illustris Gundostephanus eiusdem imperatoris consaguineus»).

Τὸ εἰς Θεοδώραν τὴν Κοντοστεφανίνην ὑπομνημάτιον τοῦ Μανασσῆ εὗρον ἔτει 1888-ῳ ἔν τινι μεμβρανίνῳ κώδικι, γεγραμμένῳ περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς 13-ης ἑκατονταετηρίδος καὶ κατακειμένῳ ἐν Καΐρῳ, ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριάρχου τῆς Ἀλεξανδρείας (παλαιὸς ἀριθ. $\frac{362}{586}$)· αὕτη δὲ ἡ βιβλιοθήκη (ἧς ἐκτενῆ κατάλογον ἐπὶ νέᾳ τῶν ἐν αὐτῇ κωδίκων ἀριθμήσει ἠρξάμην ἐγὼ τότε νὰ συντάττω) εὑρίσκεται ἐν τῷ περιβόλῳ τοῦ πατριαρχικοῦ ναοῦ τοῦ ἁγίου Νικολάου. Ὁ κῶδιξ, ἐν ᾧ τὸ πονημάτιον τοῦ Μανασσῆ, εἶναι μεγάλου τετάρτου σχήματος, καὶ σύγκειται ἐκ φύλλων 278, ὧν τὰ τέσσαρα τελευταῖα, μικροτέρου ὄντα σχήματος, ἀνήκουσιν εἰς ἄλλον τινὰ κώδικα· τούτων δὲ τὸ πρῶτον φύλλον (τανῦν φ. 275) εἶναι παλίμψηστον· ὅλος δὲ ὁ κῶδιξ, ὡς ἔχει σήμερον, περιλαμβάνει ἐν ἑαυτῷ τὰ ἑπόμενα κείμενα·

1. Ἰωάννου τοῦ Ζωναρᾶ «ἐξήγησις τῶν ἀναστασίμων κανόνων, τῶν τοῦ Δαμασκηνοῦ». Ἀρχ. «Ἐπεὶ κανόνων ἑρμηνεία» κτλ., φ. 1—67. Κείμενον μονόστηλον. Πρβλ. Migne τ. 135, σ. 421.

2. [Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου] ἀνεπίγραφος ἀλληγορικὴ ἑρμηνεία τῆς Ἰλιάδος ἄχρι τοῦ Κ στοιχείου. Ἀρχ. «Ὅμηρος ὁ πάνσοφος, ἡ θάλασσα τῶν λόγων» κτλ., φ. 68—84ª. Κείμενον δίστηλον. P. Matranga Anecdota graeca, τ. 1, σ. 3 κέ.

3. «Περὶ τοῦ πῶς συνέστη ὁ ἀλφάβητος». Ἀρχ. «Πρὸ μὲν τῶν παρὰ τοῖς Ἕλλησι στοιχείων» κτλ., φ. 84 b. Κείμενον μονόστηλον.

4. «Ἐκ τῆς μετρικῆς χρονικῆς βίβλου Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου ἀλληγορίαι» μετὰ σχολίων ἐρυθροβαφῶν ἐν ταῖς ᾤαις. Ἀρχ. «Ἀλ(λ)ηγορεῖν, εὕρημα τῶν Αἰγυπτίων», φ. 85 b—88 a. Τέλος· «ἔστω· δοκείτω· τοιαδὶ κριταὶ λόγων». Ἐν φ. 88 a σημείωμα· « — — — κη' ὁ ἅγιος Ἱλαρίων ἡγούμενος τῆς μονῆς τῆς Πελεκητῆς ἐν εἰρήνῃ τελειοῦται. Νῦν εὗρες ὄντως ἐν Θεῷ μονήν, μάκαρ» κτλ. Αὐτόθι σημειώματα μυθολογικὰ καὶ ἐτυμολογικά.

5. Ἀνώνυμα κεφάλαια «περὶ τῆς τοῦ ἀνθρώπου ἡλικίας», περὶ τοῦ ἀλφαβήτου, καὶ «Ἀρχὴ σὺν Θεῷ τῶν σημαινομένων τοῦ Ὁμήρου κατὰ στοιχεῖον», ὧν ἡ ἀρχή· «α' Ἀνὴρ σημαίνει τέσσαρα, τὸν φύσει» κτλ. Εἶτα τεμάχη ἐκ συγγραφῶν διαφόρων πατέρων περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος. Φύλλ. 89—100. Ἡ προσθία σελὶς τοῦ 101-ου φύλλου ἀφέθη ἄγραφος.

6. «Εὐσταθίου τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης προοίμιον εἰς τὸν ἐξηγηθησόμενον ἰαμβικὸν κανόνα τὸν ἐπὶ τῇ ἑορτῇ τοῦ ἁγίου πνεύματος· οὗ προοιμίου πρὸς τῷ τέλει κεῖται ἡ κατ' ἐκεῖνον ἀκροστιχίς». Ἀρχ. «Ἔοικας, ὦ ἀδελφέ, ἣν πρὸ μακροῦ» κτλ., φ. 101 b—260. A. Mai, Spicilegium Romanum, τ. 5, μέρος 2, σ. 161—383. Migne τ. 136, σ. 504 κέ.

7. «Τοῦ φιλοσόφου κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ μονῳδία ἐπὶ τῇ σεβαστῇ κυρᾷ Θεοδώρᾳ τῇ Κοντοστεφανίνῃ», φ. 261 a—261 b.

8. «Πόσαι εἰσὶ θεῖαι Γραφαὶ ἐκκλησιαζόμεναι καὶ κανονιζόμεναι· καὶ ἡ τούτων στιχομετρία, ὡς ὑποτέτακται». Ἀρχ. «Γένεσις, στίχοι ͵δτ'. Ἔξοδος, στίχοι ͵βω'» κτλ., φ. 262 b.

9. Ἀμφιλοχίου ἐπισκόπου Ἰκονίου λόγος εἰς τὴν Ὑπαπαντήν, οὗ ἡ ἀρχή· «Πολλοὶ τῶν μεγάλων» κτλ., φ. 262 b. Migne τ. 39, σ. 44 κέ.

10. Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὸν εὐαγγελισμὸν τῆς Θεοτόκου, οὗ ἡ ἀρχή· «Πάλιν χαρᾶς εὐαγγέλια», φ. 266 b—267 a. Κείμενον δίστηλον. Migne τ. 49, σ. 791.

11. Ἰωάννου Θεσσαλονίκης «ὅτι οὐδεμία διαφωνία οὐδὲ ἐναντίωσις τοῖς εὐαγγελισταῖς περὶ τῆς ἀναστάσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ». Ἀρχ. «Καθὼς ἐνεχώρει, διεσαφήσαμεν» κτλ., φ. 267 a—270 a. Κείμενον δίστηλον.

12. Γερμανοῦ α' Κωνσταντινουπόλεως λόγος «εἰς τὴν κοίμησιν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου». Ἀρχ. «Φήμη καλὴ καὶ ἀγαθή», φ. 270 b—274 b. Κείμενον δίστηλον. Migne. τ. 98, σ. 360 κέ.

13. «Τοῦ ἁγιωτάτου μητροπολίτου Κορίνθου Γρηγορίου. Τῇ Κυριακῇ

τοῦ Ἀντιπάσχα. Ὠδὴ α'. Ἦχος α'. Ἰωάννου πρεσβυτέρου τοῦ Δαμασκηνοῦ ὁ εἱρμός. Ἄσωμεν πάντες λαοί» κτλ. Ἑρμηνεία, ἧς ἡ ἀρχή· «Ὁ παρὼν κανὼν ὀλίγα τινὰ» κτλ., φ. 275—278.

Καὶ ταῦτα μὲν ὁ ἐν Καΐρῳ κῶδιξ περιέχει ἐν ἑαυτῷ, τὸ δ' ἐν αὐτῷ τούτῳ ῥητορικὸν γύμνασμα τοῦ Μανασσῆ ἔχει κατὰ λέξιν οὕτως·

Τοῦ φιλοσόφου κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ
μονῳδία ἐπὶ τῇ σεβαστῇ κυρᾷ Θεοδώρᾳ τῇ Κοντοστεφανίνῃ.

Οἴμοι! ἐγὼ πάλιν πενθίμην λύραν ἁρμόζομαι· πάλιν μέλος παράμουσον ἀναβάλλομαι. Οὐκ ἐπὶ καλλιχόροις χορείαις ὁ θίασος, οὐκ ἐν ὑμεναίοις, οὐκ ἐν ᾠδαῖς· ἡ γὰρ νὺξ τῶν ἀμφίων καὶ τὸ ἀλαμπὲς τῆς ἀναβολῆς ἐν ὀλοφυρμοῖς, ἐν ὀλολυγμοῖς· οὐκ ἐπὶ πανηγύρεσιν οὐδ' ἐπὶ κώμοις ὁ σύλλογος, ἀλλ' ἐπὶ δάκρυσιν, ἀλλ' ἐπ' οἰμωγαῖς· βοᾷ γὰρ ἀνυμέναια καὶ μέλος ἀνέορτον ᾄδει καὶ ἄναυλον (πῦρ σκυθρωπὸν καὶ ἄχρι τούτου καὶ πῦρ), οὐκ ἐπιθαλάμιον, οὐ γαμήλιον. Τὰ πρόσωπα συννεφῆ, τῶν ὀφθαλμῶν οἱ κύκλοι διάβροχοι δάκρυσιν, καὶ θέλει μέν τις τὴν συμφορὰν ἀποκλαύσασθαι καὶ τὴν κειμένην ἀνακαλέσασθαι, ἀλλὰ σβέννυται ἡ φωνή, ἀλλ' ἐπιλείπει τὸ φθέγμα καὶ προπηδᾷ τοῦ λόγου πένθος, νοτίς· τὸ δὲ τῆς ὀδύνης βάρος καὶ τὸ τοῦ πάθους τραχὺ τὰς μὲν τοῦ στόματος θύρας ἐπιπωμάζει, τὰ σπλάγχνα δὲ συμπιέζει, κἀντεῦθεν φλέβες δακρύων ἀπὸ καρδίας λακτίζουσιν. Ὦ βαρυδαίμων ῥήτωρ ἐγὼ καὶ βαρύποτμος, ὅτι κακοῦ τοσοῦδε καθίσταμαι πενθητὴρ καὶ τοῖς παροῦσι πίνω κρατῆρα γόου περιχειλῆ, ὃν ᾅδης ἐληνοβάτησεν, ὃν ἐκέρασε θάνατος! Τοῖς μὲν οὖν ἄλλοις, ὅσοι σκηνῆς κατάρχουσι τραγικῆς, τοσούτῳ μετριώτερον τὸ δεινόν, ὅσῳ καὶ τὰ τῶν θρηνούντων πολλάκις οὐκ ἔγνωσται· ἐμοὶ δὲ ὅσῳ τὰ τῆς κειμένης καλὰ γνωριμώτερα, τοσούτῳ τὸ ἄλγος καὶ γλῶτταν ἐπαφεῖναι τοῖς προτερήμασι, καὶ ἐνεαρίσαι τοῖς ἀγαθοῖς, καὶ περιλαλεῖν καὶ παράδεισον, σωφρονικοῖς κατάφυτον κάλλεσι. Νῦν ἀλλ' εἰς ἑτέραν, φεῦ, ᾠδὴν τὴν τοῦ λόγου κιθάραν μετασκευάζω, καὶ μέλος θρηνητήριον συνιστῶ, καὶ νεκρὰν—οἴμοι—κατολοφύρομαι ἥνπερ ζῶσαν ὑμνεῖν οὐκ ἐπῆλθέ μοι. Ὦ βαρυσύμφορον ἄκουσμα, βαρυάλγητον λάλημα, λόγος φευκτός, δυσέορτον μέλος, πανόδυρτον! Ἡ ζῶσα στήλη τῆς σωφροσύνης, ὁ τῆς κοσμιότητος λαλῶν ἀνδριάς, τὸ τῆς σεμνότητος ἔμπνουν εἰκόνισμα, φεῦ κατεῤῥάγη καὶ κεῖται καὶ ἀπηγλαΐσθη καὶ ᾤχετο! Ἡ πλάτανος ἡ χρυσέα τῶν ἀρετῶν, ὁ κῆπος ὁ περιλάλητος, ὁ πᾶσι κατάδενδρος ἀγαθοῖς

12 κῶδ. ἐπιλοίπει.

πεφυλλοβόληται καὶ ἀπέψυκται! Ὁ κόσμος τοῦ θήλεος, τὸ ῥόδον τῆς γαληνότητος, ἀπεμαράνθη καὶ ἔρρευσε, καὶ νῦν ἐν τύμβῳ, φεῦ, καὶ σποδῷ τὸ τέμενος τὸ κατάχρυσον, ἐν ᾧ τῶν καλῶν ὁ κύκλος ἐχόρευε! «Γυναῖκα ἀνδρείαν τίς εὑρήσει»; τοῦτο μὲν ἡ Σολομῶντος γλῶσσα καὶ τὸ ἐκείνου στόμα τὸ θεοφόρητον ὥς τι τεράστιον ἀνακέκραγεν, ἐν ὀλβίοις μὲν τὸ πρᾶγμα τιθέντος, ἀποθαυμάζοντος δὲ τὸν ηὐτυχηκότα καὶ μακαρίοις ἐγγράφοντος· ἐγὼ δ' ἂν οὐδὲν ἐνδοιάσας ἀντιβοήσομαι: τοιαύτη καὶ εὑρέθη καὶ ἔγνωσται, ὡς ἡ νῦν θρηνουμένη τοιαύτη, καὶ ἐθάρσησεν ἐπ' αὐτήν, κατὰ τὴν Γραφήν, καὶ ἐγαθύνθη ἀνδρὸς αὐτῆς καρδία, καὶ ἐμακαρίσθη ἐν πύλαις ὁ ταύτην εὑρών· ἀλλ' οὖν, φεῦ, ἐξ ἀνθρώπων πέφευγε θᾶττον καὶ πρὸς τοῦ χρόνου καὶ ταχὺ οἴχεται, καὶ τὸν ζοφώδη τοῦτον καὶ ἀείφρουρον ᾤκησε θάλαμον. Ὦ θάνατος ἄδικος καὶ βάσκανος θεριστής, οἷον εἰς γῆν στάχυν κατήνεγκεν! ὢ σκότους ᾅδου καὶ ἀνήμερος νύξ, οἷον ἄστρον ἀπέκρυψεν, οἷον κάλλος ἠμαύρωσε! Τοιαύτην ἔδει γυναῖκα πρὸ ὥρας ἀποκρυβῆναι, οὕτως συντόμως τὸν βίον ἀφεῖναι, οὕτως ὀξέως τὸν κόσμον ἀπολιπεῖν, ᾗ καὶ σώματος κάλλος ἐπήνθει καὶ χάριτες ἀρετῶν, ἣν ἠγαλλεν εὐαρμοστία χαριτοπρόσωπος, ἣν ἐκόσμει λειμὼν σωφροσύνης ὁ θεοκήπευτος; Ηὔγει μὲν αὐτῇ καὶ συμμετρία μορφῆς, καὶ ὄψις ἐπέραστος, ἀλλ' ἕτεραι πάλιν τῆς κατὰ Θεὸν εὐπρεπείας ἀνέτελλον ὡραιότητες, καὶ ἦν κατάστερος καλλοναῖς, ὅσαι τε ὀφθαλμοῖς ὑποπίπτουσι καὶ ὅσαι περὶ τὰ ἔνδον αὐλίζονται. Ταύτην τὴν πενθουμένην — ἀλλά μοι μηδεὶς νεμεσάτω τῆς τόλμης—ὁ καλλιτέχνης Θεὸς καθῆκεν εἰς γῆν, περιήγαγεν εἰς ἀνθρώπους εὐκοσμίαν, ὑπόδειγμα βίου σώφρονος, νόμον, σεμνότητος ἄγαλμα, φιλησυχίας εἰκόνα, στήλην αἰδοῦς, ἀνδρείας λαμπάδα, δικαιοσύνης πυρσόν, φρονήσεως ἥλιον. Αὕτη τύπος ἐδόθη καὶ χρηστοεργίας ἁπάσης κανών, ὡς πᾶν γένος τὸ θῆλυ πρὸς αὐτὴν ἀπευθύνοιτο, καὶ τἄλλα ὑπὸ τοῦ δόντος ἀνήρπασται καὶ ἀνθυπονόστησε τὴν ἐκδημίαν τὴν ἀνυπόστροφον. «Τίς δώσει τῇ κεφαλῇ μου ὕδωρ καὶ πηγὰς δακρύων τοῖς ὀφθαλμοῖς μου, καὶ κλαύσομαί σε» καὶ κόψομαι, ἀργυροπτέρυξ τρυγών, περιστερὰ χρυσόπαστε τὰ μετάφρενα; τίς Ἱερεμίου γλῶσσαν δανείσει μοι καὶ τὴν συμφορὰν ὀλοφύρομαι καὶ ἀποιμώξομαι τὸ κακόν; Στυγνάζει μὲν ὁ περιιστάμενος ὄχλος, παθαίνεται δὲ ὡς ἐπὶ κοινῇ δυσπραγήματος, καὶ ὡς ὑπὸ πρη-

35 Παροιμ. λα', 10. 38 κῶδ. ἐγγράφον. 40 Παροιμ. λα', 11. 41 ἐν πύλαις] Παροιμ. λα', 23. 50 κῶδ. αὐτή. 58 κῶδ. φρονίσεως. 60 κῶδ. τ' ἄλλα ‖ κῶδ. ἀνθυπενόστησάι. 61/62 Ἱερεμ. θ', 1. 65) κῶδ. περιΐστάμενος.

στῆρος ἄνωθεν ἀποδισκευθέντος τὴν περιβολὴν μεμελάνωται· ὕδωρ δὲ θρηνῳδίας ἐπιβρέχει τὰ πρόσωπα καὶ στεναγμὸς ὡς ἑλέπολις τὰ στέρνα καταχτυπεῖ, κάρα δὲ ξυρῆκες καὶ πέπλοι μελάγχιμοι τὴν ἔνδον ζάλην μηνύουσι· τοῖς γὰρ πολλοῖς καὶ χάρις βοστρύχων ἀποτεθέρισται καὶ οἱ τῆς κεφαλῆς ἀνθέρικες ὑποῤῥέουσιν, ὁ δὲ σύζυγος αὐτῆς ὁ κλεινός, ὅσου πλείονος τοῦ κέντρου πεπείραται, τοσούτου καὶ πλέον διαπρέπει τοῖς ἄλγεσι· καὶ τοῖς ἄλλοις στεῤῥὸς εὑρισκόμενος καὶ ἀπερικλόνητος ὑπὸ τούτου καὶ μόνου τοῦ πολέμου κατεστρατήγηται· καὶ μάχαις πολλαῖς ἐναθλήσας, καὶ τὸν ἀριστέα παραγυμνώσας, καὶ τὸ ἀκατάληπτον ἔργοις παραδηλώσας, ἐνταῦθα καὶ μόνον κατεπαλαίσθη, καὶ τυραννεῖται τὸ καρτερόψυχον, καὶ νενίκηται τὸ ἀκαταγώνιστον· ὁ γὰρ πολέμιος ἔνδον ἐγκάθηται, καὶ τὴν καρδίαν πολιορκεῖ, καὶ τὰ σπλάγχνα κρεοκοπεῖ, κἀντεῦθεν ὁ χαλκεοκάρδιος, ὁ βριάρεως, καθάπερ λιπαροστέλεχος δρῦς ὑπὸ πυρὸς οὐρανίου τὰ ἔνδον ἐγκέκαυται καὶ τὰ ἐκτὸς ἀπηνθράκωται. Ψωμίζεται μὲν ἄρτον, ὃν φυρᾷ κοπετός, ποτίζεται δὲ πόσιν πικρὰν καὶ ἀθόλωτον, ἣν γεωργοῦσι μὲν ὀφθαλμοί, βλέφαρα δὲ ἀποθλίβουσι· καὶ κατὰ τὸν ἐν Ἄσμασι Σολομῶντος νυμφίον ἀνακαλεῖται τὴν περιστερὰν τὴν καλλιπτέρυγα, τὴν χιονώδη, τὴν πάλλευκον, ἣν κατημαργάρωσαν καλλοναί, ἣν ἐχιόνωσαν ἀρεταί, καὶ γοᾶται καὶ ἀναστένει· «Ἀνάστα καὶ ἐλθέ, καλή μου περιστερά· δεῖξόν μοι ὄψιν τὴν σὴν καὶ ἀκούτισόν μοι φωνήν σου»!

Τὸ κείμενον τοῦτο, ἐκτὸς τῆς ἱστορικῆς σημασίας του, ἔχει καί τι φιλολογικὸν ἐνδιαφέρον ἐν τῇ λεκτικῇ του συνθέσει. Ὑπάρχουσι δηλαδὴ πρῶτον ἐν αὐτῷ λέξεις τινὲς ἀθησαύριστοι ἐν τοῖς λεξικοῖς, οἷον δυσέορτον μέλος (27), θεοκήπευτος (50), χρηστοεργία (59), ἀργυροπτέρυξ (63), καλλιπτέρυξ (85) καὶ καταμαργαρόω (85). Ἄλλαι δὲ πολλαὶ λέξεις ἐξελέγησαν ὑπὸ τοῦ Μανασσῆ, πιθανῶς βοηθείᾳ τῶν εἰς Ἰλιάδα παρεκβολῶν τοῦ Εὐσταθίου καὶ τῶν ἐπὶ τῆς ἐποχῆς του λεξικῶν, ἐκ διαφόρων συγγραφέων· οἷον τὸ μέλος παράμουσον (4) ἐσχηματίσθη κατὰ τὸ παρ' Αἰσχύλῳ (Χοηφ. 467) «πόνος παράμουσος»· πρὸς τὸ βοᾷ ἀνυμέναια (8) παραβλητέον τὸ εὐριπίδειον (Φοιν. 347) «ἀνυμέναια δ' Ἰσμηνὸς ἐκηδεύθη»· τὸ βαρυδαίμων (16) εἶναι λέξις εὐριπίδειος ἅμα καὶ ἀριστοφάνειος, τὸ βαρύποτμος (16) καὶ σοφόκλειος καὶ εὐριπίδειος· πανόδυρτον μέλος (28)

66 κῶδ. ἐπιχοινῆ. 67 κῶδ. ἀποδυσκευθέντος. 68 κῶδ. θρηνοδίας. || κῶδ. ἐλέπολις. 69 κῶδ. ξυρηκὲς. || κῶδ. μελόγχιμνοι. 75 κῶδ. ἐνάθλήσας. 77 κῶδ. κατεπαλέσθη. 79 κῶδ. χρυοκοπεῖ || κῶδ. χαλκεωκάρδιος. 81 κῶδ. ἐγκέκαιται. 82 κῶδ. φυρὰ || κῶδ. ἀθόλητον. 84/88 Ἄσμα β', 13, 14.

ἐλήφθη ἐκ τῆς βίβλου τῶν Μακκαβαίων (3, ϛ', 32)· τὸ χάρα ξυρῆκες (69) ἐκ τῆς Ἠλέκτρας τοῦ Εὐριπίδου (στίχ. 335)· πρὸς δὲ τὸ πέπλοι μελάγχιμοι (69) παραβλητέον τὸ παρὰ τῷ Εὐσταθίῳ (εἰς Ἰλιάδα σ. 1254, 25) αἰσχύλειον καὶ ἀδέσποτον «πέπλους μελαγχίμους» (πρβλ. Nauck, Tragic. fragmenta², ἀριθ. 116. Καὶ ἑτέρας οὐκ ὀλίγας λέξεις ἐκ ποιητῶν καὶ πεζογράφων ἀρχαίων ὁ Μανασσῆς ἐν τῇ πρὸς Θεοδώραν μονῳδίᾳ του κατεχώρισε τεχνηέντως, ἀποτελέσας οὕτω πολυποίκιλτον μουσεῖον· ὅπερ δὲ παράδοξον, ὅτι ἐζήλωσε καὶ τὴν λεκτικὴν τοῦ συγχρόνου του Εὐσταθίου δεινότητα. Οὕτως ὁ Εὐστάθιος ἐν ταῖς εἰς Ἰλιάδα παρεκβολαῖς του (σ. 1372, 26) ἔγραψε τὸ «ᾠδαὶ θρηνητήριοι»· ὁ Μανασσῆς ἐντεῦθεν ἐμόρφωσε τὸ μέλος θρηνητήριον (25). Σημειωτέον ἔτι τὸ χαριτοπρόσωπος (49) καὶ τὸ λιπαροστέλεχος (80)· τῶν δύο τούτων λέξεων ὁ Μανασσῆς ἔκαμε χρῆσιν καὶ ἐν τῷ χρονιαῷ του (στίχ. 92 καὶ 522)· τὸ πρωτότυπον τοῦ καταμαργαρόω (85 κατημαργάρωσαν), τουτέστι τὸ καταμάργαρος, εἶναι σύνηθες τῷ Μανασσῇ (χρον. 71, 2209, 4787, 6490)· κατὰ δὲ τὸ ἀργυροπτέρυξ (63) ἔπλασεν ὁ Μανασσῆς ἐν τῷ χρονικῷ του τὸ ἀργυροσάλπιγξ καὶ τὸ ἀργυροχεύμων (2334, 6257).

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Τραπεζουντιακά.

Τὰ ἑπόμενα δέκα καὶ τρία χρονικὰ σημειώματα, συμπληροῦντα κατά τι τὸ χρονικὸν τοῦ Παναρέτου, συνέλεξα ἐκ τριῶν διαφόρων παλαιῶν χειρογράφων.

Τὸ 1-ον σημείωμα ἐλήφθη ἐκ τοῦ 4-ου κώδικος τῆς λαυρεντιακῆς βιβλιοθήκης (**Conventi soppressi**)· προεξεδόθη δὲ ὑπὸ **G. Vitelli, Studi italiani. Firenze 1893**, τ. 1, σ. 133—134.

Τὰ κατόπι σημειώματα 2—12 εὗρον ἐν ταῖς ᾤαις τοῦ 12-ου κώδικος τῆς περὶ τὴν Τραπεζοῦντα μονῆς τοῦ ἁγίου Γεωργίου τοῦ Περιστεριώτου. Ὁ κῶδιξ οὗτος ἐγράφη τῇ 13-ῃ ἑκατονταετηρίδι· περιέχει δὲ ἐν ἑαυτῷ τὸ δεύτερον ἑξάμηνον τοῦ συνήθους ἐπιτόμου Συναξαριστοῦ. Κάτοχός τις αὐτοῦ τῇ 14-ῃ ἑκατ. ἔγραψεν ἐν ταῖς ᾤαις πολυάριθμα χρονολογικὰ σημειώματα περὶ τῶν ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτοῦ γενομένων ἐν Τραπεζοῦντι· τούτων ὅμως τῶν σημειωμάτων μέρη τινὰ κατέκοψεν ὕστερον ἡ τοῦ βιβλιοδέτου κοπίς. Τὰ ἐνταῦθα καταχωριζόμενα σημειώματα, καίτοι ὀλίγα ἐκ τῶν πολλῶν, εἶναι τὰ σημαντικώτερα τῶν ἐν τῷ κώδικι· δημοσιεύονται δὲ ἀκριβῶς, ὡς ἐν αὐτῷ τῷ κώδικι εὑρίσκονται. Τὸ ὑπ' ἀριθ. 2 εἶναι γεγραμμένον ἐν τῷ 4-ῳ φύλλῳ τοῦ κώδικος, ἐγγὺς τοῦ συναξαρίου τῆς 20-ῆς τοῦ Μαρτίου. Τὰ λοιπὰ σημειώματα κεῖνται κατὰ σειρὰν ἐν τοῖς ἑξῆς φύλλοις· 34^b (= 3), 80^b (= 4), 84^b (= 5), 93^b (= 6), 97^a (= 7), 143^b (= 8), 146^b (= 9), 178^a (= 10), 200^b (= 11), 208^b (= 12). Ὁ ἔτει 1390-ῷ θάνατος τοῦ αὐτοκράτορος Ἀλεξίου τοῦ τρίτου (2) βεβαιοῦται ὑπὸ τοῦ Παναρέτου (§ 54)· τὰ κατὰ τὸν Τραπεζοῦντος μητροπολίτην Ἀντώνιον (3) ἀγνοοῦνται ἀλλαχόθεν· ὡσαύτως τὰ κατὰ τὸν ἕτερον μητροπολίτων Συμεὼν (11) ἔτει 1402-ῳ.

Τὸ 13-ον σημείωμα εὗρον γεγραμμένον ἔν τινι μεμβρανίνῳ Εὐαγγελίῳ, διατηρουμένῳ νῦν ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ τῆς ἐν Χάλκῃ μονῆς τῆς Θεοτόκου (φύλλ. 233^b). Διὰ τοῦ σημειώματος τούτου καθορίζεται πλέον ἀκρι-

βῶς ὁ χρόνος τῆς ἀποτομῆς τοῦ τελευταίου τῆς Τραπεζοῦντος αὐτοκράτορος Δαβὶδ ἔτει 1463-ῳ[1]), ἐξελέγχεται δὲ καὶ Θεόδωρος ὁ Σπανδουνῖνος, ὁ πρῶτος διαδοὺς ἡμαρτημένως, ὅτι ὁ Δαβὶδ εἶχεν ἑπτὰ υἱοὺς ἀντὶ τῶν πραγματικῶν τριῶν (T. Spandugnino, De la origine deli imperatori Ottomani, σ. 159, ἐκδ. Σάθα, Μνημεῖα ἑλληνικῆς ἱστορίας, τ. 9)· τοῦ θ' ὅπερ ἐπαναλαμβάνεται μέχρι σήμερον ὑπὸ πολλῶν συγγραφέων. Ὅρα J. de Hammer, Histoire de l'empire Ottoman. Paris 1836, τ. 3, σ. 81—82. Σ. Ἰωαννίδου, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος. Ἐν Κ/πόλει 1870, σ. 114—115. Τρ. Εὐαγγελίδου, Ἱστορία τῆς Τραπεζοῦντος. Ἐν Ὀδησσῷ 1898, σ. 163—164.

---

1. Παρεγενόμεθα εἰς τὴν Τραπεζοῦντα κατὰ τὸ ͵ςωϞγ' ἔτος, μηνὶ ὀκτωβρίῳ τοῦ ἁγίου Δημητρίου [= 1384]· ὁ δὲ μακαρίτης φιλόσοφος ὁ πάσης σοφίας ἔμπλεως, ὁ τὰς ἡμετέρας φωτίσας διανοίας τῇ καθ' ἑκάστην αὐτοῦ χρυσῇ διδαχῇ, ἐτελεύτησε κατὰ τὸ ͵ςωϞς', μηνὶ φευρουαρίῳ κε' [= 1388]· ἡμεῖς δὲ ἐξήλθομεν τῆς Τραπεζοῦντος, πρότερον ἐπὶ τὸν μακαρίτου ἐκείνου τάφον τὰ συνήθη χριστιανοῖς ἐκτελέσαντες, κατὰ τὴν ε' τοῦ ἀπριλλίου μηνός, ἡμέρᾳ α', ἐν ᾗ τότε ἐπετελεῖτο ἡ τοῦ ἀποστόλου Θωμᾶ ψηλάφησις.

2. (Μαρτ. 20). Τῇ αὐτὴ ημέρα εκημήθη ο δούλος τοῦ Θεοῦ καὶ ευσεβέστατος βασιλεῦς ἡμῶν κυρῶ Ἀλλέξιος ο μέγας Κομνηνὸς καὶ μνήσθητι αὐτῶν Κύριε ἐν τη βασιλεία σου ετους ͵ςωϞη' [= 1390].

3. (Μαΐῳ 9). Τῇ αὐτῇ ἡμερα εξῆλθεν ἐκ τῆς μονῆς τοῦ Στύλ(ου) ὁ παναγιώτατος ὑποψήφιος κὺρ Ἀντώνιος καὶ κληθεὶς εἰς τὴν μονὴν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἤγουν εἰς τὴν Ἁγίαν Σοφίαν· καὶ ἤλθασιν ἡ βασιλεῖς, ἄρχοντες· ἡ ἐπίσκοποι· ἡ κληρικὶ· ἡγοῦμενοι· οἱ ἱερεῖς· ἱερομονάχοι τε καὶ μοναχοὶ καὶ τὸ κἶνον όλον· και ἐχεροτώνισεν τον ὁ ἐπίσκοπος Χαλδίας, ὀνόματι Καλλίστρατος· καὶ ἤλθασιν ὁ λαὸς όλος μετὰ ἵπηγεν αὐτῶν εἰς τὰ παλάτια — — —

4. (Μαΐῳ 11). — — — μονῆς τοῦ Στύλου ἔτους ͵ςωϞβ' [= 1384] καὶ μνήσθητι Κύριε ἐν τῇ βασιλεία σου.

5. (Μαΐῳ 13). ✝ Τῇ αὐτῇ ἡμέρα ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος ὁ ἐκκλησιάρχης τοῦ Μυθρίου καὶ πνευματικὸς Κύριλλος ἱερο(μόν)αχ(ος) ἰνδικτιῶνος ιβης τοῦ ςϠωμβω, ἡμέρα ε' ὥρα ςη [= 1434].

1) Ὑπετίθετο πρότερον, ὅτι ὁ οἰκτρὸς τοῦ Δαβὶδ θάνατος ἐγένετο μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1466—1472, ἂν καὶ ἔγγραφόν τι πατριαρχικὸν (Σάθα, Μεσ. βιβλιοθ. τ. 8, σ. ρα') ἐξήλεγχε τὴν ὑπόθεσιν ταύτην ὡς ἀστήρικτον. Ὅρα G. Finlay, A history of Greece. Oxford 1877, τ. 4, σ. 425.

6. (Μαΐῳ 20). + Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκημήθη ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Σάβας ὁ Τζηλίτης καὶ μνήσθητι αὐτοῦ, Κύριε· ἔτους ,ϛϡιδ' [=1406].

7. (Μαΐῳ 23). — — — Μελετίου ἀρχιερέως τῆς Ἀλάγιας ἡμέρα γ', ὥρα η' τῆς ἡμέρας καὶ μνήσθητι — — — ἔτους ,ϛϡνε', ἰνδ. ι' [=1447].

8. (Ἰουνίῳ 24). + Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Θεοφάνης μοναχὸς ὁ Σηρμενίτης — — — ἰνδ. ιγ^{ης} τοῦ ,ϛϡ^{ω}μγ' ἔτους [=1435].

9. (Ἰουνίῳ 25). Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐκημοίθει ο δούλος τοῦ Θεοῦ Γερμανὸς ἱερομονάχος ὁ Σχουταρὰς — — — ἔτους ,ϛϡα' [=1393].

10. (Αὐγ. 1). — — — το Καλαμιώνην ὑπὸ τῶν Ἀγαρινῶν — — — — Συμ(εὼν) Κομνινού. ἔτους ,ϛωοη' ἰνδ. η' ἡμέρα τρίτη [=1370].

11. (Αὐγ. 2). Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἦλθεν ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὁ μητροπολίτης Τραπεζοῦντος κὺρ Συμεὼν ἰνδ. ι' ἔτους ,ϛϡι' [1402].

12. (Αὔγουστος). — — — καὶ εἰς δέκα τοῦ αὐτοῦ μηνὸς ἦλθεν ἐδῶ εἰς Τραπεζοῦντα, καὶ ἐτάφοι — — — ἔτους ,ϛ^{ου}ϡ^{ου}με' [=1437].

13. Κατὰ τὴν κς' τοῦ μαρτίου μηνὸς τῆς ια' ἰνδικτιῶνος τοῦ ,ϛ^{ου}ϡ οα^{ου} ἔτους [=1463], ἡμέρᾳ Σαββάτῳ, πικροτ(ά)τ(ῃ) ὥρᾳ γ', ἐκρατήθη ὁ ἅγιος ἡμῶν αὐθέντ(ης) καὶ βασιλεὺς Τραπεζοῦντος κύριος Δαβὶδ ὁ Μέγας Κομνηνὸς ἐν Ἀνδριανουπόλ(ει) καθειρχθεὶς σὺν ἁλύσεσι ἐν τῷ πύργῳ· ἐν δὲ τῇ πρώτῃ νοευρ(ίου) ἡμέρᾳ Κυριακῇ ἐν ὥρᾳ τετάρτῃ τῆς νυκτὸς ἐτελειώθη τῷ ξίφει ὁ αὐτὸς σὺν ἅμα τοῖς τρισὶν αὐτῷ υἱοῖς καὶ τῷ ἀνεψιῷ, τῷ ,ϛ^{ω}ϡ^{ω}οβ' [=1463], ἰνδικτιῶνος ιβ' ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Ρωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ Κοντάκια εἰς τὰ ἅγια φῶτα.

Πλεῖστα ἐγράφησαν περὶ τοῦ περιφήμου Ρωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ, ὃς ὑπό τε τῶν βυζαντινῶν καὶ τῶν νεωτέρων εὐρωπαίων ἐκδοτῶν τῶν ποιημάτων αὐτοῦ ὁ μέγιστος λέγεται τῶν λυρικῶν ποιητῶν τῶν βυζαντινῶν χρόνων ἀποτυπώσας τῷ θρησκευτικῷ ὕμνῳ τὸν λαμπρότατον καὶ ὑψηλότατον αὐτοῦ χαρακτῆρα. Καὶ οἱ μὲν βυζαντινοὶ λίαν τιμῶντες τήν τε ποίησιν καὶ τὴν πολιτείαν αὐτοῦ οὐ μόνον ἀπέδωκαν αὐτὴν εἰς ὑψηλοτέραν ἔμπνευσιν τῆς Θεομήτορος, ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ χορῷ τῶν Ἁγίων κατέταξαν αὐτόν [1]. Τῶν δὲ νεωτέρων ὁ ἐλλόγιμος Ρῶσσος πρῴην μὲν Ἀρχιμανδρίτης, νῦν δὲ Σεβασμιώτατος Ἐπίσκοπος Ροστόβου Ἀμφιλόχιος, ὁ Γάλλος Καρδινάλις Pitra, ὁ Bouvy, ὁ Stevenson, ὁ Christ, ὁ Jacobi, πάντων δὲ μάλιστα ὁ ἐν Μονάχῳ καθηγητὴς Κάρολος Krumbacher εἰκότως ἐξαίρουσι τὴν ποίησιν αὐτοῦ, αὐτὸν δὲ Πίνδαρον τῆς χριστιανικῆς ποιήσεως ὑπολαμβάνοντες [2].

Παραλείποντες τὰς περὶ τοῦ περιφήμου μελῳδοῦ εἰκοτολογίας δεχόμεθα, ὅτι ὁ Ρωμανὸς ἤκμασεν ἐπὶ τοῦ αὐτοκράτορος Ἀναστασίου καὶ δὴ τοῦ α', ὃς ἐβασίλευσεν ἀπὸ τοῦ 491—518, ἰδίᾳ δὲ κατὰ τὸ ἔτος υϟϛ' (496) κατὰ Νικόδημον τὸν ἁγιορείτην ἐν τῇ παραφράσει τοῦ Συναξαριστοῦ αὐτοῦ οὐκ εἰδότες τό γε νῦν πόθεν παραλαβόντα.

Τῶν πολλῶν καὶ ποικίλων τοῦ Ρωμανοῦ ποιημάτων ὀλίγ' ἄττα ἐξέδωκε καὶ ὁ ἐλλόγιμος μοναχὸς τῆς ἐν Ἄθῳ ἁγίας Λαύρας Κ. Ἀλέξανδρος Εὐμορφόπουλος ἐκ χειρογράφων τῆς Μονῆς ταύτης, ὧν ἕν ἐστι καὶ τὸ προκείμενον ἐν τῇ Ἐκκλησιαστικῇ Ἀληθείᾳ ἐκδοθέν [3], φέρον τὴν ἐπιγραφὴν τήνδε. «Ρωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ κοντάκια εἰς τὰ ἅγια φῶτα· ἡ ἀκροστιχὶς «τοῦ ταπεινοῦ Ρωμανοῦ». Τὸ ποίημα τοῦτο σύγκειται ἐκ στροφῶν ἢ οἴκων

1) Ὅρα Συναξαριστὴν τῇ α' Ὀκτωβρίου.

2) K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur², S. 663—670.

3) Τομ. Θ', 383—6, 404.

ὀκτωκαίδεκα κατὰ τὰ γράμματα τῆς ἀκροστιχίδος. Ἐπειδὴ δὲ ἔν τισι τῶν στίχων, τῶν κατὰ τὸ μέσον τῶν στροφῶν μάλιστα, ἱκανὴ παρατηρεῖται σύγχυσις, τῶν δὲ στροφῶν αἱ μέν εἰσι δεκάστιχοι, αἱ δὲ ἐνδεκάστιχοι, ἡ δὲ στιχομετρία ἐκ τούτου ταράττεται, καλὸν ἡγησάμεθα ἐπαναγαγεῖν τὸ κείμενον εἰς στροφὰς δεκαστίχους, τοὺς δὲ στίχους ἑκάστους κατατάξαι ἀντιστοιχοῦντας, τῇ δὲ βοηθείᾳ τοῦ μέτρου ἐνιαχοῦ διορθώσασθαι καὶ οὕτω παρασχεῖν κείμενον τὸ ἐφ' ἡμῖν ὀρθότερον. Ἵνα δὲ καταφανὲς τὸ ἔργον ποιήσωμεν, παρατιθέμεθα ἰδίᾳ μὲν τὸ ὑφ' ἡμῶν παρασκευασθὲν κείμενον, ἰδίᾳ δὲ τὴν μετρικὴν αὐτοῦ ἀνάλυσιν καὶ τῶν στίχων ἑκάστων, ἐξ ὧν ὅ, τι εἰς διόρθωσιν αὐτοῦ συνεβαλόμεθα γενήσεται φανερόν.

Α'. Κείμενον. Ἡ ἀκροστιχὶς «τοῦ ταπεινοῦ Ῥωμανοῦ».

Τῇ Γαλιλαίᾳ τῶν ἐθνῶν, τῇ τοῦ Ζαβουλὼν χώρᾳ
καὶ τοῦ Νεφθαλεὶμ γέᾳ, ὡς εἶπεν ὁ προφήτης[1]),
φῶς μέγα ἔλαμψε Χριστὸς τοῖς ἐσκοτισμένοις.
φαεινὴ ὤφθη αὐγὴ ἐκ Βηθλεὲμ ἀστράπτουσα[2]),
μᾶλλον δὲ ἐκ Μαρίας ὁ Κύριος πάσῃ οἰκουμένῃ[3])
ἀνατέλλει τὰς ἀκτῖνας ἥλιος δικαιοσύνης[4])·
διὸ οἱ ἐξ Ἀδὰμ γυμνοὶ δεῦτε πάντες
ὑποδύωμεν αὐτῷ, ἵνα θαλφθῶμεν·
σκέπει γὰρ γυμνοὺς καὶ αἴγλῃ ἐσκοτισμένους,
ἦλθεν, ἐφάνη[5]) τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Οὐχ ὑπερεῖδεν ὁ Θεὸς τὸν δοῦλον συληθέντα
ἐντὸς τοῦ Παραδείσου καὶ ἀπολωλεκότα[6])
τὴν θεοῦφαντον στολήν· ἦλθε γὰρ πρὸς τοῦτον
ἱερᾷ πάλιν φωνῇ[7]) καλῶν τὸν παρακούσαντα,
ποῦ εἶ Ἀδάμ; ἀπάρτι μὴ κρύπτου μοι· θέλω καθορᾶν σε·
κἂν γυμνὸς ᾖς[8]), μὴ αἰσχυνθῇς· σοὶ γὰρ [ἤδη][9]) ὡμοιώθην.
αὐτὸς ἐπιθυμῶν θεὸς οὐκ ἐγένου,
ἀλλ' ἐγὼ νῦν βουληθεὶς σὰρξ ἐγενόμην·
ἔγγισόν μοι οὖν καὶ γνώρισον, ἵνα λέξῃς,
ἦλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ὑπὸ τῶν σπλάγχνων τῶν ἐμῶν ἐκάμφθην ὡς οἰκτίρμων
καὶ ἦλθον πρὸς τὸ πλάσμα προτείνων τὰς παλάμας,

---

1) Ἡσαΐ. Θ', 1. 2) Μιχαί. Ε', 1. 3) Ἐκ. Ἀλ. ἔ. ἁ. τῇ οἰκ. ὑπὲρ τὸ μέτρον. 4) αὐτόθ., ὁ ἥλ. τῆς δικ. ὑπὲρ τὸ μέτρον. 5) αὐτόθι, ἦλθες ἐφάνης. 6) Γεν. ς', 5. Η', 21. Θ', 6. 7) Ἐκ. Ἀλ. ἱερὰ πάλιν φωνή. 8) Ἐκ. Ἀλ. κἂν πτωχὸς εἶ, ὑπὲρ τὸ μέτρον, διὸ παραλείπεται. Γεν. Γ', 9—10. 9) ἐξ ἐμῆς προσθήκης διὰ τὸ μέτρον.

ἵνα περιπτύξωμαί σε· μὴ οὖν αἰδεσθῇς με·
διὰ σὲ γὰρ τὸν γυμνὸν γυμνοῦμαι καὶ βαπτίζομαι.
ἤδη μοι Ἰορδάνης ἀνοίγεται καὶ ὁ Ἰωάννης
εὐτρεπίζει τὰς ὁδούς μου ὕδασι καὶ διανοίαις[1]).
τοιαῦτα ὁ Σωτὴρ οὐ λόγοις, ἀλλ' ἔργοις
πρὸς τὸν ἄνθρωπον εἰπὼν ἦλθεν, ὡς εἶπεν,
τοῦ μὲν ποταμοῦ τοῖς κύμασι[2]) προσεγγίζων,
τῷ δὲ Προδρόμῳ τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Τὸν ἐν ἐρήμῳ ποταμὸν καὶ δρόσον ἐν καμίνῳ[3])
καὶ ὄμβρον ἐν παρθένῳ[4]) ἰδὼν ὁ Ἰωάννης
ἐν Ἰορδάνῃ τὸν Χριστὸν φόβῳ ἐταράχθη[5]),
ὡς ὁ γεννήτωρ αὐτοῦ τὸν Γαβριὴλ ἐτρόμαξε·[6])
μείζονα δ' ἦν τῶν πάντοτε· τότε γὰρ πρὸς δοῦλον δεσπότης[7])
τῶν Ἀγγέλων ἐλήλυθε [αὐτὸς][8]) θέλων βαπτισθῆναι·
διὸ ὁ βαπτιστὴς γνωρίσας τὸν πλάστην
καὶ μετρήσας ἑαυτὸν ἔφησε φρίττων·
στεῖλον, λυτρωτά, ἀρκέσθητι μέχρι τούτου·
οἶδά σε τίς εἶ, τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ἃ ἐπιτάσσεις μοι, Σωτήρ, ἐὰν ἐπιτελέσω,
τὸ κέρας μου ὑψώσω, ἀλλ' ὅμως οὐχ ἁρπάσω
ὑπὲρ τὰ τὴν δύναμίν μου· οἶδα τίς ὑπάρχεις
καὶ ὃ ἧς οὐκ ἀγνοῶ· ἐκ μήτρας γὰρ γινώσκω σε.
πῶς νῦν ἀγνοήσω φαινόμενον, ὅνπερ κεκρυμμένον
ἐν τῇ μήτρᾳ θεωρήσας ἐσκίρτησ' ἐν ἀγαλλιάσει[9]);
ἐπίσχες οὖν, Σωτήρ, καὶ μή με βαρύνῃς·
ἱκανόν, ὅτι ἰδεῖν σε ἠξιώθην·
ἔστι μοι καλῶς, ἂν[10]) εἴπῃς με[11]) πρόδρομόν σου·
σὺ γὰρ ὑπάρχεις τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Παραχωρῆσαί σοι ζητῶ τὴν τοῦ βαπτιστοῦ τάξιν[12]).
καὶ αὕτη γάρ σοι πρέπει· διὸ χρείαν νῦν ἔχω
τοῦ βαπτισθῆναι ὑπὸ σοῦ· σὺ οὖν ἔρχῃ πρός με
καὶ προλαμβάνων αἰτεῖς ὃ βούλομαι αἰτῆσαί σε;
τί ζητεῖς παρ' ἀνθρώπου, φιλάνθρωπε; τί τὴν κεφαλήν σου [illegible]

1) Ἐκ. Ἀλ. ἐν ὕδ. καὶ ἐν διαν. [illegible] τὸ μέτρον. Μαλαχ. Γ', 1. Ματθ. ΙΑ', 10.
2) Ἐκ. Ἀλ. κύμασι. 3) Δαν. Γ', 22—3. 4) Κριτ. [illegible], 37—8. 5) Ματθ. Γ', 14.
6) Λουκ. Α', 5—12. 7) Ἐκ. Ἀλ. μείζονα δὲ ἦν τὰ τότε τῶν πάντοτε· τότε γὰρ πρὸς τὸν δοῦλον ὁ δεσπότης, [illegible] τὸ μέτρον. 8) Ἐκ. Ἀλ. [illegible] διὰ τὸ μέτρον. 9) Λουκ. Α', 41. 10) Ἐκ. Ἀλ. ἐάν, διὰ τὸ μέτρον. 11) Ἐκ. Ἀλ. [illegible] 12) Ματθ. Γ', 13. Μαρκ. Α', 9. Λουκ. Γ', 21.

ὑποκλίνεις τῇ χειρί μου; οὐ γὰρ ἔθος πῦρ κατέχειν[1]·
οὐκ οἴδασι[2]) πτωχοὶ πλουσίῳ δανείζειν,
ἰσχυρῷ οἱ ἀσθενεῖς οὐκ ἀντερίζειν,
τοῖς ἁμαρτωλοῖς ὡς χρήζουσι χρησιμεύει·
ἦλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ἐπέστης ρείθροις διὰ τί; τί θέλων ἀποπλῦναι,
ἢ ποίας ἁμαρτίας ὁ δίχα ἀνομίας
καὶ συλληφθεὶς καὶ γεννηθείς; σὺ μὲν ἔρχῃ πρός με,
οὐρανὸς δὲ καὶ ἡ γῆ ὁρᾷ προπετευόμενον·
λέγεις μοι· βάπτισόν με, ἀλλ' ἄνωθεν Ἄγγελοι σκοποῦσιν,
ἵνα τότε λέξωσί μοι· γνῶθι σαυτόν, ποῖ παρέρχῃ;
ὡς εἶπεν οὖν Μωσῆς[3]), προχείρισον ἄλλον
εἰς αὐτὸ τοῦτο, Σωτὴρ, ὃ ἀπαιτεῖς με·
μείζων μου εἶ σὺ[4]) καὶ δέδοικα, δέομαί σου·
πῶς γὰρ βαπτίσω τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον;
Ἰδὼν ὁ πάντα προορῶν τὸν φόβον τοῦ Προδρόμου
πρὸς τοῦτον ἀπεκρίθη· καλῶς [φῄς][5]), Ἰωάννη,
δικαίως ἔφριξάς με· ὅμως ἄφες ἄρτι.
οὕτω γὰρ πρέπον ἐστὶ πληρῶσαι ἃ προώρισα·
ἄφες ἄρτι καὶ δεῦρο ἀπώσεις τε ταύτην τὴν δειλίαν·
λειτουργίαν χρεωστεῖς μοι, δέδοικας δὲ ἐκτελέσαι[6]);
ἐγὼ τὸν Γαβριὴλ ἀπέστειλα τότε
καὶ ὑπούργησε καλῶς τῇ σῇ γεννήσει[7])·
πέμψον οὖν καὶ σὺ ὡς Ἄγγελον τὴν παλάμην,
ἵνα βαπτίσῃς τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Νῦν ἐπτοήθης, βαπτιστά, καὶ ἔφριξας τὸ δρᾶμα
ὡς μέγα· καὶ γὰρ μέγα· μειζότερον δὲ τούτου
κατεῖδον οἱ σοὶ συγγενεῖς· βλέψον πρὸς Μαρίαν
καὶ ἐνθυμήθητι τὸ πῶς ἐκείνη μὲ ἐβάστασε[8]).
πάντως ἐρεῖς μοι, τότε ἠθέλησας· οὕτω καὶ νῦν θέλω·
μὴ διστάσῃς, βάπτισόν με, δεξιάν σου δάνεισόν μοι[9]),
τὸ πνεῦμά σου οἰκῶ καὶ ἔχω σε ὅλον·
τὴν παλάμην οὖν τὴν σὴν πῶς οὐ κιχρᾷς μοι;

---

1) Ἐκ. Ἀλ. οὐκ ἔχει γὰρ ἔθος πῦρ κατέχειν, ὑπὲρ τὸ μέτρον. 2) Ἐκ. Ἀλ. οὐκ οἶδα οἱ πτωχοί. 3) Δευτερον. ΙΗ', 15—9. 4) Ἐκ. Ἀλ. ἐστὶ. 5) Ἐκ. Ἀλ. καλῶς Ἰωάννη, φῄς ἐξ ἐμῆς προσθήκης διὰ τὸ μέτρον. 6) Ἐκ. Ἀλ. καὶ δεῖσαι νῦν ταύτην ἐκτελέσαι, ὑπὲρ τὸ μέτρον. 7) Λουκ. Α', 11—20. 8) Λουκ. Α', 31—6. 9) Ἐκ. Ἀλ. τὴν δεξιὰν μόνον δάνεισόν μοι, παρὰ τὸ μέτρον.

ἐκδον σου εἰμὶ καὶ ἔξωθεν τί με φεύγεις;
στῆθι καὶ κράτει τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Οὐκ ἀπαιτῶ σε, βαπτιστὰ, τοὺς ὅρους ὑπερβῆναι,
οὐ λέγω σοι, εἰπέ μοι ἃ λέγεις τοῖς ἀνόμοις
καὶ παραινεῖς ἁμαρτωλοῖς· μόνον βάπτισόν με
σιωπῶν καὶ προσδοκῶν τὸ ἀπὸ τοῦ βαπτίσματος·
ἕξεις γὰρ διὰ τούτου ἀξίωμα, ὅπερ οὐχ ὑπῆρξε
τοῖς Ἀγγέλοις· καὶ γὰρ πάντων προφητῶν μείζω ποιήσω[1])·
ἐκείνων μὲν σαφῶς οὐδείς με κατεῖδεν,
ἀλλ' ἐν τύποις καὶ σκιαῖς καὶ ἐνυπνίοις,
σὺ δὲ βαπτιστὰ, χαρίσματος ἠξιώθης,
ὅπως βαπτίσῃς τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ὑπέρθου τοῦτο ὃ λαλεῖς καὶ δρᾶσον ὃ ἀκούεις,
μηδενὶ[2]) μαρτυρήσεις· ἐμοὶ γὰρ ἀεὶ μάρτυς
ἐν οὐρανῷ ἐστι πιστὸς[3]), σοῦ τὴν μαρτυρίαν
ὁ ἑστὼς οὗτος λαὸς εἰ καὶ οὐ παραδέχεται·
ἄφες οὖν οὐρανόθεν διδάσκοντι τίς[4]) καὶ τίνος γόνος
πέλω[5]), τί δὲ μέλλω χαρίζεσθαι τοῖς ἀγαπητοῖς μου·
ἀνοίγω οὐρανοὺς, κατάγω τὸ πνεῦμα,
χορηγῶ τοῦτο αὐτοῖς εἰς ἀρραβῶνα[6]).
δεῦρο οὖν λοιπὸν, προσέγγισον, ἵνα μάθῃς
πόθεν ἀστράπτει τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ρητῶν ἀρρήτων καὶ φρικτῶν ἀκούσας ὁ ἐκ στείρας
φησὶ τῷ ἐκ παρθένου· ἐὰν ἀντιλαλήσω,
μὴ ὀργισθῇς μοι, λυτρωτά· πᾶσα γὰρ ἀνάγκη
παρασκευάζει με νῦν πολλὰ παρρησιάζεσθαι.
τί οὖν, σῶτερ, ἂν οὗτοί σε μάθωσι; κίνδυνον ἐπάξω
τῇ χειρί μου τῇ ἀθλίᾳ εἰς κλίβανον ἐπιρρίπτων[7])·
καὶ πάλαι μὲν Δαθὰν[8]) ἐξέτεινε τὴν χεῖρα
ἐπισχεῖν τὴν κιβωτὸν καὶ διεκόπη,
νῦν δὲ κεφαλὴν κρατοῦντά με τοῦ θεοῦ μου
πῶς οὐχὶ φλέξει τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον;
Ὦ βαπτιστὰ καὶ ἐριστά, μὴ πρὸς ἀντιλογίαν,
ἀλλὰ πρὸς λειτουργίαν συντόμως εὐτρεπίζου·

1) Ἐκ. Ἀλ. τῶν προφ. μείζω σε ποιήσω, ὑπὲρ τὸ μέτρον. 2) Ἐκ. Ἀλ. μηδέν μοι μάρτυρ. 3) Ἐκ. Ἀλ. πιστῶς. 4) Ἐκ. Ἀλ. τίς εἰμι, ὑπὲρ τὸ μέτρον. 5) Ματθ. Γ', 17. Μάρκ. Α', 11. Λουκ. Δ', 22. 6) Ἰωάν. ΙΑ', 26. ΙΕ', 26 ις', 7, 13—4. ΙΖ', 6—26. Πράξ. ἀποστολ. Β', 1—3. 7) Ἐκ. Ἀλ. εἰς κλίβ. ταύτην ἐπιρ. 8) Ἐκ. Ἀλ. ὁ Δὰν. Ἀριθ. ις', 12, 27, 32.

ἰδοὺ γάρ, ὅτι ἃ τελῶ ὧδε ζωγραφῶ σοι
τὴν τερπνὴν καὶ φαεινὴν μορφὴν τῆς Ἐκκλησίας μου·
νέμω τῇ δεξιᾷ σου τὴν δύναμιν, ὥςπερ μετὰ ταῦτα
χορηγήσω ταῖς παλάμαις τῶν φίλων[1]) καὶ ἱερέων
δεικνύων σοι σαφῶς τὸ ἅγιον πνεῦμα
καὶ φωνὴν τὴν τοῦ πατρὸς ἀκουτιῶ σοι
γνήσιον υἱόν δηλοῦσάν με καὶ βοῶσαν·
οὗτος ὑπάρχει τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Μετὰ δὲ ταῦτα τὰ φρικτὰ ὁ γόνος Ζαχαρίου
φησὶ πρὸς τὸν δεσπότην· ἐγὼ οὐκ ἀντερίζω,
ἀλλ' ὃ κελεύεις με ποιῶ· ταῦτα λέξας τότε
τὸ μυστήριον ἡμῶν δουλοπρεπῶς ἠτένιζε
βλέπων εὐλαβῶς μέλη γυμνούμενα τοῦ ἐντελλομένου
ταῖς νεφέλαις περιβάλλειν [πόλον][2]) δίκην ἱματίου,
καὶ πάλιν θεωρῶν ἐν μέσῳ τῶν ρείθρων
τὸν ἐν μέσῳ τῶν τριῶν παίδων φανέντα,
δρόσον ἐν πυρὶ καὶ πῦρ ἐν τῷ Ἰορδάνῃ,
ὅθεν βαπτίζει τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ἀλλὰ τὰ θαύματα ὁρῶν ὁ ἐκ τοῦ ἱερέως
ἐν τάξει ἱερέως προτείνει τὴν παλάμην
καὶ τὸν Χριστὸν χειροθετεῖ κράζων τοῖς ὁρῶσι·
τὴν ἑκούσιον βροχὴν ἐν Ἰορδάνῃ βλέπετε,
τῆς τρυφῆς τὸν χειμάρρουν, ὡς γέγραπται, ἐν ταῖς διεξόδοις
τῶν ὑδάτων θεωρεῖτε [ἅμα][3]) θάλασσαν μεγάλην·
μηδεὶς οὖν τολμηρὸν νομίσῃ με εἶναι·
οὐ τελῶ ὡς προπέτης, ἀλλ' ὡς ἱκέτης·
κύριός ἐστι καὶ εἶπέ μοι τοῦτο δρᾶσαι·
ὅθεν βαπτίζω[4]) τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Νωθρὸν μὲν ὄντα ὡς βροτὸν αὐτὸς ὡς θεὸς πάντων
ἐνεύρωσε βοήσας· ἐπίθες μοι τὴν χεῖρα
κἀγὼ ἐνισχύσω αὐτήν· πῶς γὰρ ἠδυνάμην,
εἰ μὴ σὺν τούτῳ; αὐτὸς δ εἶπε καὶ ἐγένετο·
πῶς ηὐτόνουν βαπτίσαι τὴν ἄβυσσον πήλινος ὑπάρχων,

1) Ἐκ. Ἀλ. φίλων μου καὶ ἱερέων.

2) Ἐκ. Ἀλ. περιβάλλειν δίκην ἱμ., τοῦ μέτρου χάριν προςεθέμεθα «πόλον» δηλοῦντα οὐρανόν, κατὰ τὸ «ὁ περιβάλλων τὸν οὐρανὸν ἐν νεφέλαις».

3) Ἐκ. Ἀλ. ἐν ποταμῷ θάλ. μεγ. παρὰ τὸ μέτρον· ἅμα ἢ οἷα ἐξ ἐμῆς εἰκασίας.

4) Ἐκ. Ἀλ. βαπτίζει.

εἰ μὴ πρῶτον ἐδεξάμην λαβὼν δύναμιν ἐξ ὕψους;
αἰσθάνομαι γὰρ νῦν αὐτοῦ μοι παρόντος,
ὅτι ὃ ἤμην τὸ πρίν, πλέον ὑπάρχω,
ἀλλ' ὅ, τι εἰμί, ἠλλοίωμαι, ἐδοξάσθην·
βλέπων κατέχω τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Οὐκέτι λέγω ὡς τὸ πρίν· οὐ λύω τὸν ἱμάντα
τῶν σῶν ὑποδημάτων· ἰδοὺ γὰρ ἐκ κυμάτων
ἐπὶ τὴν χάραν προχωρῶ, γῆν πατῶ οὐκέτι,
ἀλλ' αὐτὸν τὸν οὐρανόν· ἃ γὰρ τελῶ οὐράνια,
μᾶλλον δὲ καὶ τὰ ἄνω παρέδραμον· ταῦτα γὰρ βαστάζει·
[οὗτος μὲν τοιοῦτος][1]), ἐγὼ δὲ νῦν βλέπω καὶ βαπτίζω.
εὐφραίνου οὐρανέ, ἡ γῆ[2]) ἐπαγάλλου,
ἁγιάσθητε πηγαὶ αἱ τῶν ὑδάτων·
πάντα γὰρ φανεὶς ἐπλήρωσεν εὐλογίας
πᾶσι παρέχων τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.
Ὑπερεπῆρε δὲ τὸν νοῦν τῇ θείᾳ διατάξει
ὁ γόνος Ζαχαρίου καὶ τείνας τὴν παλάμην
ἐπετίθη τῷ βασιλεῖ, λούει τοῦτον ῥείθροις
καὶ λοιπὸν ἄγει εἰς γῆν τὸν γῆς καὶ πόντου κύριον,
ὅντινα οὐρανόθεν ὑπέδειξε φθόγγῳ ὡς δακτύλῳ
ὁ βοήσας· οὗτος ἔστ'[3]) ἐμὸς υἱὸς ἀγαπητός μοι[4])·
αὐτῷ οὖν τῷ πατρὶ καὶ τῷ βαπτισθέντι
καὶ τῷ αὐτοῦ πνεύματι [συνάμα][5]) κράζω·
θραῦσον, λυτρωτά, τοὺς θλίβοντας τὴν ψυχήν μου,
παῦσον τοὺς πόνους, τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.—

Παραθέμενοι ἀνωτέρω τὸ κείμενον τοῦ ποιήματος τοῦ Ρωμανοῦ προβαίνομεν ἤδη εἰς τὴν ποιητικὴν καὶ μετρικὴν αὐτοῦ ἀνάλυσιν.

Β'. Ἑνότης τοῦ προκειμένου ποιήματός ἐστιν ἡ βάπτισις τοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ ὑπὸ Ἰωάννου ἐν τῷ Ἰορδάνῃ κατὰ τὰ ἐν Εὐαγγελίοις φερόμενα. Ματθ. Γ', 13—17. Μάρκ. Α', 9—11. Λουκ. Γ', 21—22. Ἐπὶ τῷ γεγονότι τούτῳ ἑορταζομένῳ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ τῇ ς' Ἰανουαρίου πλὴν ἄλλων ᾄδεται ἄχρι τοῦ νῦν καὶ τὸ ἐν τῷ Μηνολογίῳ ἀρχαῖον Κοντάκιον τοῦ Ρωμανοῦ ἔχον ὧδε.

Ἐπεφάνης σήμερον τῇ οἰκουμένῃ
καὶ τὸ φῶς σου, κύριε, ἐσημειώθη

1) Ἐκ. Ἀλ. ἐλλείπει, κατ' εἰκασίαν παρενεβάλομεν. 2) Ἐ[illegible]
3) Ἐκ. Ἀλ. ἔστιν. 4) Ἐκ. Ἀλ. ὁ ἀγαπητός μου. 5) Ἐ[illegible]
βάλομεν χάριν τοῦ μέτρου.

ἐφ' ἡμᾶς ἐν ἐπιγνώσει ὑμνοῦντάς σε·
ἦλθες, ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.

Οὐδεμία δ' ἀμφιβολία, ὅτι ἐπὶ τῇ αὐτῇ ἑορτῇ ᾔδοντο καὶ τὰ ἀνωτέρω κοντάκια, ὧν τὸ μὲν κείμενον διετηρήθη, τὸ δὲ μέλος διὰ παντὸς ἀπώλετο. Ἀφ' οὗ δὲ βραδύτερον ἡ ἀρχαΐζουσα τοῦ Ρωμανοῦ ποίησις ἤρξατο παραγκωνίζεσθαι ὑπὸ τῆς νεωτέρας τῶν Κανόνων λεγομένων, διετηρήθη μόνον εἰς ἀνάμνησιν τοῦ τε ποιητοῦ καὶ τῆς ποιήσεως αὐτοῦ μόνον τὸ «Ἐπεφάνης σήμερον» τῶν λοιπῶν ἐγκαταλειφθέντων ἐν τοῖς χειρογράφοις τῶν βιβλιοθηκῶν, ὧν ἕν ἐστι καὶ τὸ ἀνωτέρω παρατεθέν. Τούτου λοιπὸν ἡ ὑπόθεσίς ἐστιν ἥδε.

Ἐν τῇ α' στροφῇ ὁ ποιητὴς λέγει· μέγα φῶς ἔλαμψεν εἰς τὴν Γαλιλαίαν τῶν ἐθνῶν, εἰς τὴν χώραν τοῦ Ζαβουλὼν καὶ τὴν γῆν τοῦ Νεφθαλείμ, ὡς προεῖπεν ὁ Ἡσαΐας· μέγα φῶς ἔλαμψεν ὁ Χριστὸς εἰς τοὺς ἐν σκότει διακειμένους. Λάμψις φαεινὴ ἐφάνη ἐκ Βηθλεέμ, μᾶλλον δ' ἐκ Μαρίας εἰς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἀνέτειλεν ὁ ἥλιος τῆς δικαιοσύνης· διὸ ἔλθετε ἄνθρωποι, ἀπόγονοι τοῦ Ἀδάμ, ἵνα φωτισθῆτε, διότι ἦλθεν, ἐφάνη τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.

Ὁ θεὸς δὲν παρεῖδε, λέγει ἐν τῇ β' στροφῇ, τὸν πεσόντα ἄνθρωπον ἐν τῷ Παραδείσῳ· ἰδοὺ ὁ Χριστὸς ἦλθε προσκαλῶν εἰς σωτηρίαν τὸν παρακούσαντα διὰ τοῦ βαπτίσματος αὐτοῦ. Διὰ σὲ, ἄνθρωπε, διὰ σὲ τὸν γυμνὸν γυμνοῦμαι καὶ βαπτίζομαι. Ἤδη ὁ Ἰορδάνης ἀνοίγεται καὶ ὁ Ἰωάννης εὐτρεπίζει τὴν ὁδόν μου ὕδατι καὶ διανοίᾳ.

Ἔρχεται ὁ Ἰησοῦς πρὸς τὸν Ἰωάννην, ἵνα βαπτισθῇ, λέγει ἐν τῇ γ', δ', ε', ς', ζ', στροφῇ. Ὁ Ἰωάννης ἰδὼν αὐτὸν φόβῳ ἐταράχθη, ὡς ὁ πατὴρ αὐτοῦ Ζαχαρίας ἰδὼν τὸν ἀρχάγγελον Γαβριήλ· ἀλλὰ τοῦτο ἦν μεῖζον ἐκείνου· διότι νῦν ἔρχεται οὐχὶ ἄγγελος, ἀλλ' ὁ κύριος τῶν ἀγγέλων πρὸς τὸν δοῦλον Ἰωάννην θέλων βαπτισθῆναι· διὸ ὁ βαπτιστὴς γνοὺς αὐτὸν λέγει· ἐγὼ χρείαν ἔχω ὑπὸ σοῦ βαπτισθῆναι καὶ σὺ ἔρχῃ πρός με; τίνας ἁμαρτίας θέλων ἀποπλῦναι ἦλθες πρός με σὺ ὁ ἀναμάρτητος;

Ἀλλ' ὁ Ἰησοῦς προορῶν τὰ πάντα λέγει τῷ Ἰωάννῃ ἐν τῇ η', θ', ι', ια' στροφῇ. Δικαίως ἔφριξάς με, ἀλλ' ἄφες ἄρτι· οὕτω γὰρ πρέπον ἐστὶ πληρῶσαι πᾶσαν οἰκονομίαν. Μὴ διστάσῃς βαπτίσαι με· διὰ τούτου ἕξεις ἀξίωμα μεῖζον τῶν ἄλλων προφητῶν· περὶ τούτου μαρτυρήσει καὶ ὁ πατήρ μου ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς.

Ὁ Ἰωάννης μετὰ δισταγμούς τινας, φοβούμενος μὴ πάθῃ τὸ τοῦ Δαθάν, δέχεται τέλος βαπτίσαι τὸν Ἰησοῦν, λέγων ἐν τῇ ιε' στροφῇ· μηδείς με νομίσῃ τολμηρόν, διότι αὐτὸς ὁ Κύριος ἐκέλευσέ με τοῦτο ποιῆσαι. Καὶ βαπτίσας αὐτὸν λέγει ἐν τῇ ιζ' στροφῇ. «Εὐφραίνου οὐρανὲ, γῆ ἐπα-

γάλλου· ἁγιάσθητε πηγαὶ αἱ τῶν ὑδάτων· πάντα γὰρ φανεὶς ἐπλήρωσεν εὐλογίας πᾶσι παρέχων τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον».

Τότε ἀναβάντα ἐκ τοῦ ὕδατος τὸν Ἰησοῦν ὁ Πατὴρ ἄνωθεν ὑπέδειξεν αὐτὸν τῇ φωνῇ ὡς τῷ δακτύλῳ. «Οὗτός ἐστιν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός». Τότε ὁ ποιητὴς ἀναφωνεῖ ἐν τῇ ιη′ στροφῇ. «Αὐτῷ οὖν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ τῷ βαπτισθέντι καὶ τῷ αὐτοῦ Πνεύματι κράζω· θραῦσον, λυτρωτά, τοὺς θλίβοντας τὴν ψυχήν μου, παῦσον τοὺς πόνους, φῶς ἀπρόσιτον».

Τοιαύτη ἐστὶν ἡ ὑπόθεσις τοῦ ποιήματος· ἡ ἐπιφάνεια τοῦ Σωτῆρος, ὁ διάλογος αὐτοῦ μετὰ τοῦ Ἰωάννου καὶ ἡ βάπτισις αὐτοῦ. Γλῶσσα νευρώδης καὶ σαφής, ἀφθονία εἰκόνων, παραστάσεων καὶ λόγων τοῦ θεανθρώπου Λόγου πρὸς τὸν πρόδρομον αὐτοῦ, ἀποφαίνουσι τὸ ὅλον πράγματι ὑψηλὸν καὶ σεβάσμιον· διότι διὰ τοῦ γεγονότος τούτου τοῦ βαπτίσματος ἐγκαινίζεται ἐν τῇ ἀνθρωπότητι εἰς αἰῶνας αἰώνων τὸ πρῶτον μυστήριον τοῦ Χριστιανισμοῦ, τὸ πρῶτον σύμβολον τῶν εἰς Χριστὸν πιστευόντων, ἡ πρώτη διαταγὴ τοῦ Ἰησοῦ πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ μετὰ τὴν ἀνάστασιν· «Πορευθέντες οὖν μαθητεύσατε πάντα τὰ ἔθνη βαπτίζοντες αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, διδάσκοντες αὐτοὺς τηρεῖν πάντα, ὅσα ἐνετειλάμην ὑμῖν». Ματθ. κη.′, 19—20.

Γ′. Μετὰ τὴν ὑπόθεσιν τοῦ ποιήματος μεταβαίνομεν εἰς τὴν μετρικὴν αὐτοῦ ἀνάλυσιν, ἥτις ἀποτελεῖ τὸ σπουδαιότερον τῆς ἡμετέρας πραγματείας μέρος.

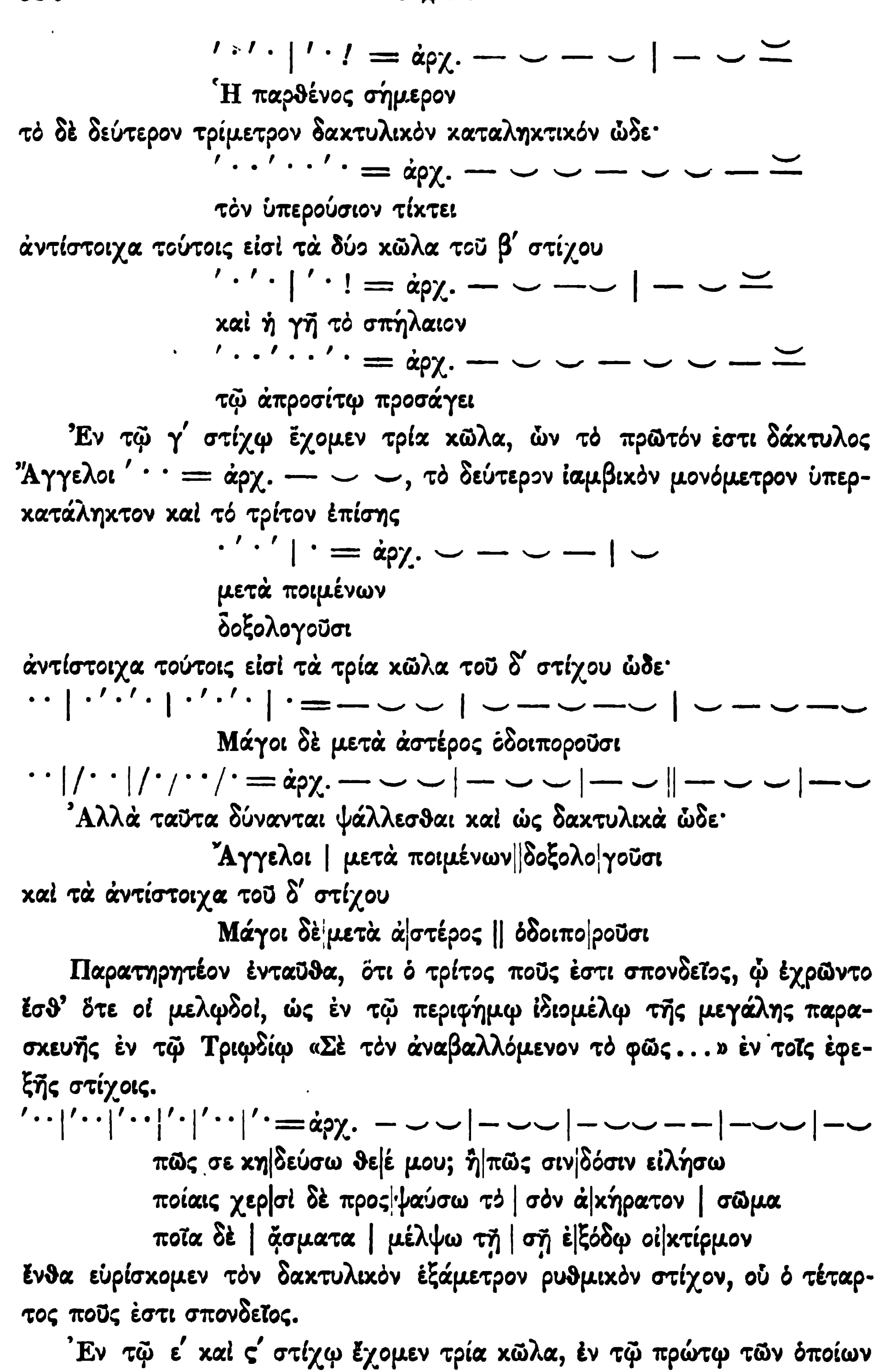
Οἱ Βυζαντινοί, μὴ ὀλιγωρήσαντες τῆς ποσότητος ἢ τοῦ χρόνου τῶν συλλαβῶν, ἰδίᾳ δὲ τῷ τονικῷ μέτρῳ ἢ ῥυθμῷ χρώμενοι ἐν τοῖς ποιήμασιν αὐτῶν, τοσαύτην ποικιλίαν περὶ τὴν φιλοτέχνησιν τῶν στίχων, κώλων, περιόδων καὶ στροφῶν τῶν ᾠδῶν ἀπέδειξαν, ὥστε δυνάμεθα εἰπεῖν οὔ τοι πολὺ τῶν ἀρχαίων ἀποδέουσιν.

Εἰς τοῦτο δὲ πρὸ πάντων διακρίνεται ὁ ἡμέτερος Ρωμανὸς ἀφειδῶς χρησάμενος τοῖς ἀρχαίοις σχήμασι τῶν μέτρων ἐπὶ τῇ βάσει τοῦ ῥυθμοῦ. Ἐν τῷ περιφήμῳ αὐτοῦ καὶ πρώτῳ κοντακίῳ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως

Ἡ παρθένος σήμερον | τὸν ὑπερούσιον τίκτει
Καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον | τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει.
Ἄγγελοι | μετὰ ποιμένων | δοξολογοῦσι,
Μάγοι δὲ | μετὰ ἀστέρος | ὁδοιποροῦσι·
δι' ἡμᾶς γὰρ ἐγεννήθη | παιδίον νέον
ὁ πρὸ αἰώνων θεός.

ἀνακαλύπτομεν τὰ ἑξῆς σχήματα τῶν μέτρων.

Ἐν τῷ α′ στίχῳ ἔχομεν δύο κῶλα, ὧν τὸ πρῶτόν ἐστι
τρον καταληκτικὸν ὧδε·



′ ˃′ · | ′ · ! = ἀρχ. — ⌣ — ⌣ | — ⌣ ⏓

Ἡ παρθένος σήμερον

τὸ δὲ δεύτερον τρίμετρον δακτυλικὸν καταληκτικὸν ὧδε·

′ · · ′ · · ′ · = ἀρχ. — ⌣ ⌣ — ⌣ ⌣ — ⏓

τὸν ὑπερούσιον τίκτει

ἀντίστοιχα τούτοις εἰσὶ τὰ δύο κῶλα τοῦ β′ στίχου

′ · ′ · | ′ · ! = ἀρχ. — ⌣ —⌣ | — ⌣ ⏓

καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον

′ · · ′ · · ′ · = ἀρχ. — ⌣ ⌣ — ⌣ ⌣ — ⏓

τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει

Ἐν τῷ γ′ στίχῳ ἔχομεν τρία κῶλα, ὧν τὸ πρῶτόν ἐστι δάκτυλος Ἄγγελοι ′ · · = ἀρχ. — ⌣ ⌣, τὸ δεύτερον ἰαμβικὸν μονόμετρον ὑπερκατάληκτον καὶ τὸ τρίτον ἐπίσης

· ′ · ′ | · = ἀρχ. ⌣ — ⌣ — | ⌣

μετὰ ποιμένων

δοξολογοῦσι

ἀντίστοιχα τούτοις εἰσὶ τὰ τρία κῶλα τοῦ δ′ στίχου ὧδε·

· · | · ′ · ′ · | · ′ · ′ · | · = — ⌣ ⌣ | ⌣ — ⌣ —⌣ | ⌣ — ⌣ —⌣

Μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος ὁδοιποροῦσι

· · | / · · | / · / · · / · = ἀρχ. — ⌣ ⌣ | — ⌣ ⌣ | — ⌣ || — ⌣ ⌣ | —⌣

Ἀλλὰ ταῦτα δύνανται ψάλλεσθαι καὶ ὡς δακτυλικὰ ὧδε·

Ἄγγελοι | μετὰ ποιμένων||δοξολο|γοῦσι

καὶ τὰ ἀντίστοιχα τοῦ δ′ στίχου

Μάγοι δὲ|μετὰ ἀ|στέρος || ὁδοιπο|ροῦσι

Παρατηρητέον ἐνταῦθα, ὅτι ὁ τρίτος ποῦς ἐστι σπονδεῖος, ᾧ ἐχρῶντο ἔσθ' ὅτε οἱ μελῳδοί, ὡς ἐν τῷ περιφήμῳ ἰδιομέλῳ τῆς μεγάλης παρασκευῆς ἐν τῷ Τριῳδίῳ «Σὲ τὸν ἀναβαλλόμενον τὸ φῶς...» ἐν τοῖς ἐφεξῆς στίχοις.

′ · · | ′ · · | ′ · · | ′ · | ′ · · | ′ · = ἀρχ. — ⌣ ⌣ | — ⌣⌣ | — ⌣⌣ — — | —⌣⌣ | —⌣

πῶς σε κη|δεύσω θε|έ μου; ἢ|πῶς σιν|δόσιν εἰλήσω

ποίαις χερ|σὶ δὲ προς|ψαύσω τὸ | σὸν ἀ|κήρατον | σῶμα

ποῖα δὲ | ᾄσματα | μέλψω τῇ | σῇ ἐ|ξόδῳ οἰ|κτίρμον

ἔνθα εὑρίσκομεν τὸν δακτυλικὸν ἑξάμετρον ῥυθμικὸν στίχον, οὗ ὁ τέταρτος ποῦς ἐστι σπονδεῖος.

Ἐν τῷ ε′ καὶ ϛ′ στίχῳ ἔχομεν τρία κῶλα, ἐν τῷ πρώτῳ τῶν ὁποίων εὑρίσκομεν τὸν παίωνα γ′ δὶς ἐπαναλαμβανόμενον ὧδε·

· · ′ · | · · ′ · = ἀρχ. ⌣ ⌣ — ⌣ | ⌣ ⌣ — ⌣

δι' ἡμᾶς γὰρ | ἐγεννήθη

ἐν τῷ δευτέρῳ ἰαμβικὸν μονόμετρον ὑπερκατάληκτον ὧδε·

· ′ · ′ | · = ἀρχ. ⏑ — ⏑ — | ⏑

παιδίον νέον

καὶ ἐν τῷ τρίτῳ δακτυλικὸν δίμετρον ὑπερκατάληκτον ὧδε

′ · · | ′ · · | ′ = ἀρχ. — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | —

ὁ πρὸ αἰώνων θεός

Ἐν τῷ ποιήματι αὐτοῦ τῷ γενεθλιακῷ πρὸς τοὺς μοναχοὺς ὁ Ῥωμανὸς ἐχρήσατο ταῖς ἀναπαίσταις διαφόροις τρόποις τούτων παρατίθεμεν ὧδε παραδείγματά τινα

Τὰς τοῦ βίου τερπνὰς ἐκτρέπουσα
λογισμοῖς θεωρῶν τὰ γινόμενα,
καὶ μετρήσας αὐτῶν τὰ ἐπώδυνα
τὴν ζωὴν τῶν βροτῶν ἐταλάνισα,
ὑμᾶς δὲ μόνους ἐμακάρισα
τὴν μερίδα τὴν καλὴν ἐκλεξαμένους,
τὸ παθεῖν τῷ Χριστῷ καὶ μένειν σὺν αὐτῷ
καὶ συμψάλλειν ἀεὶ τῷ προφήτῃ Δαυὶδ
Ἀλληλούϊα[1].

Ἐν τοῖς στίχοις τῆς στροφῆς ταύτης ὡς καὶ τῶν ἐφεξῆς ἔχομεν τὰ ἑξῆς ἀναπαιστικὰ μετρικὰ σχήματα

ἀρχ. ⏑⏑–⏑⏑– ⏑⏑––– = ἀναπαιστ. δίμετρος ἐνδεκασύλλαβος

· · ′ · · ′ | · · ′ · · » » »
· · · · · · · · » » »
· · · · · · · · » » »
⏑–⏑– ⏑⏑⏑–– » » »
⏑⏑–⏑⏑– ⏑⏑–⏑–⏑ » » ἐνδεκασύλλαβος
⏑⏑–⏑⏑– ⏑–⏑⏑⏑– » » »
⏑⏑–⏑⏑– ⏑⏑–⏑⏑– » » »
⏑⏑–⏑– ἀναπαιστ. μονόμετρος πεντασύλλαβος

[illegible]

1) [illegible]

' · ' · | ' · / · | / · / · = ἀρχ. — ⏑ — ⏑ | — ⏑ — ⏑ | — ⏑ — ⏑

Ἐπεφάνης σήμερον τῇ οἰκουμένῃ
καὶ τὸ φῶς σου, κύριε, ἐσημειώθη
ἐφ' ἡμᾶς ἐν ἐπιγνώσει ὑμνοῦντάς σε·

ὁ δὲ τέταρτός ἐστι δακτυλικὸς τετράμετρος ὧδε·

/ · · | / · · | / · · | / · · = ἀρχ. — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑

ἦλθες ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον.

Καὶ τοῦ κονταχίου τούτου τὸ ἐφύμνιον «ἦλθες ἐφάνης» ἄγει ἡμᾶς εἰς τὸ κύριον θέμα, εἰς τὴν ἀνάλυσιν τῶν ἀνωτέρω κονταχίων τοῦ Ρωμανοῦ εἰς τὰ ἅγια Φῶτα.

Εἴπομεν ἤδη ἐν ἀρχῇ, ὅτι ἑκάστη τῶν ὀκτωκαίδεκα στροφῶν τοῦ ποιήματος περιέχει στίχους δέκα ἅπαντας ἀντιστοίχους ἀλλήλοις ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τέλους, ὡς ἐν τοῖς ἐφεξῆς δειχθήσεται. Ὁ πρῶτος στίχος τῆς πρώτης στροφῆς

Τῇ Γαλιλαίᾳ τῶν ἐθνῶν τῇ τοῦ Ζαβουλὼν χώρᾳ

ἐστὶ ρυθμικὸς τετράμετρος ἰαμβικὸς καταληκτικός, δεκαπεντασύλλαβος, ὁ περίφημος πολιτικὸς στίχος τῶν Βυζαντινῶν. Οὗτος δ' ἀντιστοιχεῖ ἅπασι τοῖς πρώτοις στίχοις ἁπασῶν τῶν στροφῶν ὧδε·

· / · / | · / · / | · / · / | · / · = ἀρχ. ⏑̇ ɪ ⏑ ɪ | ⏑ ɪ ⏑ ɪ || ⏑ ɪ ⏑ ɪ | ⏑ ɪ ⏑

Οὐχ ὑπερεῖδεν ὁ θεὸς τὸν δοῦλον συληθέντα β' στρ.
Ὑπὸ τῶν σπλάγχνων τῶν ἐμῶν ἐκάμφθην ὡς οἰκτίρμων γ' »
Τὸν ἐν ἐρήμῳ ποταμὸν καὶ δρόσον ἐν καμίνῳ δ' »
Ἃ ἐπιτάσσεις μοι Σωτὴρ ἐὰν ἐπιτελέσω ε' »

Καὶ οὕτω καθ' ἑξῆς μέχρι τῶν δέκα ὀκτώ. Ἰδίᾳ περὶ τοῦ πολιτικοῦ στίχου, περὶ οὗ ἐπίσης τόσα ἐγράφησαν, ἀρκούμεθα λέγοντες, ὅτι πολὺ ἀρχαιότερός ἐστι ἢ ὅσον πιστεύεται[1]). Τό γε νῦν εὑρίσκομεν αὐτὸν παρὰ τῷ Ρωμανῷ, περὶ τὰς ἀρχὰς τῆς ς' ἑκαντονταετηρίδος· ἀλλὰ τὰ περὶ τούτου πραγματευσόμεθα ἐκτενέστερον ἄλλοτε[2]).

Ἀλλ' ὁ Ρωμανὸς καινοτομῶν ἐν τῷ δευτέρῳ στίχῳ ἐτροποποίησε τὸν δεκαπεντασύλλαβον εἰς δεκατετρασύλλαβον ἀφελὼν ἀπὸ τοῦ α' ἡμιστιχίου τὴν τελευταίαν συλλαβὴν ὧδε . / . / | . / . ʌ = ἀρχ. ⏑ — ⏑ — / ⏑ — ⏑ ʌ ἀφεὶς τὸ β' ἡμιστίχιον πλῆρες ὧδε . / . / | . / . = ἀρχ. ⏑ — ⏑ — / ⏑ — ⏑ οὕτω δὲ τὰ δύο ἡμιστίχια γίνονται ἴσα . / . / | . / . ʌ || . / . / | . / .

1) Krumbacher, Gesch. der Byz. Litt. S. 650—2.

2) Ὅρα περὶ τούτου ἐν τῷ β' τόμῳ τοῦ συγγράμματος τοῦ ἐν ΚΠ. Ρωσσικοῦ ἀρχαιολογικοῦ Ἰνστιτούτου: Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, стр. 185 — 190.

καὶ τοῦ Νεφθαλεὶμ γέᾳ ὡς εἶπεν ὁ προφήτης   α' στρ. β' στίχ.
ἐντὸς τοῦ παραδείσου καὶ ἀπολωλεκότα   β' » » »
καὶ ἦλθον πρὸς τὸ πλάσμα προτείνων τὰς παλάμας γ' » » »
καὶ ὄμβρον ἐν παρθένῳ ἰδὼν ὁ Ἰωάννης   δ' » » »
τὸ κέρας μου ὑψώσω ἀλλ' ὅμως οὐχ ἁρπάσω   ε' » » »

Τὴν τοιαύτην ἀποκοπὴν τῆς τελευταίας συλλαβῆς ἐν τῷ α' ἡμιστιχίῳ τοῦ τροχαϊκοῦ τετραμέτρου βλέπομεν παρὰ τοῖς βυζαντινοῖς ἐν τῷ Ἀκαθίστῳ·

/./.|/./∧ || /./.|/./ = ἀρχ. —⌣—⌣|—⌣—∧ || —⌣—⌣|—⌣—
ὕψος δυσανάβατον ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς | ἐν Οἴκῳ α', συζ. γ'
βάθος δυσθεώρητον καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς
κλίμαξ ἐπουράνιε ᾗ κατέβη ὁ θεός   » γ', » »
γέφυρα μετάγουσα τοὺς ἐκ γῆς εἰς οὐρανόν
ἄρουρα βλαστάνουσα εὐφορίαν οἰκτιρμῶν   » ε', » »
τράπεζα βαστάζουσα εὐθηνίαν ἱλασμῶν

καὶ οὕτως ἐφεξῆς μέχρι τέλους.

Τἀνάπαλιν ποιεῖ ὁ Ρωμανὸς ἐν τῷ γ' στίχῳ· ἀπὸ τούτου ἀφεῖλε τὴν πρώτην συλλαβὴν τοῦ β' ἡμιστιχίου ὧδε·

∧/./|./. = ἀρχ. ∧ — ⌣ — | ⌣ — ⌣
ἦλθε γὰρ πρὸς τοῦτον

οὕτω δὲ τὸ μὲν α' ἡμιστίχιόν ἐστι δίμετρον ἰαμβικόν, τὸ β' φαίνεται δίμετρον τροχαϊκὸν βραχυκατάληκτον ὧδε·

./././|./././ || ∧/./.|/. = ⌣—⌣— | ⌣—⌣— || ∧—⌣—⌣ | —⌣

Ἐν ᾧ δὲ τὸ α' ἡμιστίχιον ἔχει ὀκτὼ συλλαβάς, τὸ β' ἔχει ἕξ, οὕτω δὲ πάλιν ὁ στίχος γίνεται δεκατετρασύλλαβος ὧδε·

φῶς μέγα ἔλαμψε Χριστὸς τοῖς ἐσκοτισμένοις | στρ. α', στίχ. γ'
τὴν θεοὔφαντον στολὴν ἦλθε γὰρ πρὸς τοῦτον » β', » »
ἵνα περιπτύξωμαί σε μὴ οὖν αἰδεσθῇς με   » γ', » »
ἐν Ἰορδάνῃ τὸν Χριστὸν φόβῳ ἐταράχθη.   » δ', » »
ὑπὲρ τὰ τὴν δύναμίν μου οἶδα τίς ὑπάρχεις   » ε', » »
τοῦ βαπτισθῆναι ὑπὸ σοῦ σὺ οὖν ἔρχῃ πρός με » ζ', » »

καὶ οὕτω μέχρι τέλους.

Ὁ δ' στίχος ἐστὶ τετράμετρος τροχαϊκὸς καταληκτικός, τὸ ἀντίθετον τοῦ πολιτικοῦ στίχου, ἐπίσης δεκαπεντασύλλαβος ὧδε·

/./.|/./. || /./.|/./ = ἀρχ. —⌣—⌣|—⌣—⌣ || —⌣—⌣|—⌣—
φαεινὴ ὤφθη αὐγὴ ἐκ Βηθλεὲμ ἀστράπτουσα | στρ. α' στίχ. δ'
ἱερᾷ πάλιν φωνῇ καλῶν τὸν παρακούσαντα   » β' » »
διὰ σὲ γὰρ τὸν γυμνὸν γυμνοῦμαι καὶ βαπτίζομαι » γ' » »

ὡς ὁ γεννήτωρ αὐτοῦ τὸν Γαβριὴλ ἐτρόμαξε   στρ. δ′ στίχ. δ′
καὶ ὃ ἧς οὐκ ἀγνοῶ ἐκ μήτρας γὰρ γινώσκω σε   » ε′ » »
καὶ καθ᾽ ἑξῆς μέχρι τέλους.

Ὁ πέμπτος στίχος διαιρεῖται εἰς δύο ἡμιστίχια, ὧν τὸ μὲν πρῶτον περιέχει τέσσαρας δακτύλους, τὸ δὲ δεύτερον τρεῖς τροχαίους· τοῦ πρώτου πάλιν ἡμιστιχίου οἱ δύο πρῶτοι πόδες συναλλάσσονται ὄντες ὁτὲ μὲν δάκτυλοι, ὁτὲ δὲ σπονδεῖοι, οἱ δὲ δύο τελευταῖοι πάντοτε δάκτυλοι ὧδε·

/∸̤ |/∸̤ |/../|/.. || /./. |/.=ἀρχ.— ⏕|— ⏕|—⏑⏑|—⏑⏑ || —⏑—⏑|—⏑

μᾶλλον δὲ | ἐκ Μα|ρίας ὁ | κύριος || πάσῃ οἰκου|μένῃ   στρ. α′ στίχ. ε′
ποῦ εἶ Ἀ|δάμ ἀ|πάρτι μὴ | κρύττου μοι || θέλω καθο|ρᾶν σε   » β′ » »
ἤδη μοι | Ἰορ|δάνης ἀ|νοίγεται || καὶ ὁ Ἰω|άννης   » γ′ » »
πῶς οὖν | ἀγνο|ήσω φαι|νόμενον || ὅνπερ κεχρυ|μμένον   » δ′ » »
τί ζη|τεῖς παρ᾽ ἀν|θρώπου φι|λάνθρωπε || τί τὴν κεφα|λήν σου   » ε′ » »
λέγεις μοι | βάπτι|σόν με ἀλλ᾽|ἄνωθεν || ἄγγελοι σκο|ποῦσι   » ϛ′ » »
καὶ οὕτως ἐφεξῆς.

Ὁ ἕκτος στίχος ἐστὶ τροχαϊκὸς τετράμετρος ἑκκαιδεκασύλλαβος ὧδε·

/.(.|/./. || /./.|/./.=ἀρχ. —⏑—⏑|—⏑—⏑ || —⏑—⏑|—⏑—⏑

ἀνατέλλει τὰς ἀκτῖνας ἥλιος δικαιοσύνης   στρ. α′ στίχ. ϛ′
κἂν γυμνὸς ᾖς μὴ αἰσχυνθῇς σοὶ γὰρ [ἤδη] ὡμοιώθην   » β′ » »
εὐτρεπίζει τὰς ὁδούς μου ὕδασι καὶ διανοίαις   » γ′ » »
τῶν ἀγγέλων ἐλήλυθε αὐτὸς θέλων βαπτισθῆναι   » δ′ » »
ἐν τῇ μήτρᾳ θεωρήσας σκίρτησεν ἀγαλλιάσει   » ε′ » »
καὶ οὕτω μέχρι τέλους.

Ὁ ἕβδομος στίχος διαιρεῖται εἰς δύο ἡμιστίχια, ὧν τὸ μὲν πρῶτον περιέχει τρεῖς ἰάμβους, τὸ δὲ δεύτερον δύο ἀναπαίστους μετὰ καταλήξεως ὧδε·

/./.|| (/../.=ἀρχ. ⏑—⏑— | ⏑— || —⏑́⏑⏑⏑́|⏑

διὸ οἱ ἐξ Ἀδὰμ γυμνοὶ δεῦτε πάντες   στρ. α′ στίχ. ζ′
αὐτὸς ἐπιθυμῶν θεὸς οὐκ ἐγένου   » β′ » »
τοιαῦτα ὁ Σωτὴρ οὐ λόγοις ἀλλ᾽ ἔργοις   » γ′ » »
διὸ ὁ βαπτιστὴς γνωρίσας τὸν πλάστην   » δ′ » »
ἐπίσχες οὖν σωτὴρ καὶ μὴ μὲ βαρύνῃς   » ε′ » »
καὶ οὕτω μέχρι τέλους.

Ὁ ὄγδοος στίχος πάλιν διαιρεῖται εἰς δύο ἡμιστίχια, ὧν τὸ μὲν πρῶτον περιέχει δίμετρον τροχαϊκὸν καταληκτικὸν ἐλλείψει μιᾶς συλλαβῆς, τὸ δὲ δεύτερον δύο δακτύλους, ὧν ὁ δεύτερος καταληκτικὸς ἢ τροχαῖος ὧδε·

/./. | /./∧ || /../.=ἀρχ. —⏑—⏑ | —⏑—∧ || —⏑⏑—⏑

ὑποδύωμεν αὐτῷ ἵνα θαλφθῶμεν   στρ. α′ στίχ. η′

ἀλλ' ἐγὼ οὖν βουληθεὶς σὰρξ ἐγενόμην στρ. β' στίχ. η'
πρὸς τὸν ἄνθρωπον εἰπὼν ἦλθεν ὡς εἶπε » γ' » »
καὶ μετρήσας ἑαυτὸν ἔφησε φρίττων » δ' » »
ἱκανὸν ὅτι ἰδεῖν σὲ ἠξιώθην » ε' » »

καὶ οὕτω μέχρι τέλους.

Ὁ ἔννατος στίχος διαιρεῖται εἰς δύο ἡμιστίχια, ὧν τὸ μὲν πρῶτον περιέχει τροχαϊκὸν μονόμετρον μετὰ καταλήξεως, τὸ δὲ δεύτερον τρεῖς ἀναπαίστους μετὰ καταλήξεως, ὧν ὁ μὲν πρῶτος τρισύλλαβος, τονιζόμενος εἰς τὴν β' συλλαβὴν (ὅπερ σύνηθες παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς καὶ τῷ Ρωμανῷ αὐτῷ καὶ ἐν τῷ Ἀκαθίστῳ), οἱ δὲ λοιποὶ δύο δισύλλαβοι, οἷς ἕπεται μία συλλαβὴ ὡς κατάληξις, οὕτω δὲ ἀποτελεῖται ὁ παροιμιακὸς τῶν ἀρχαίων ὧδε·

/ · / · | / ‖ · / · | // | // | · = ἀρχ. — ⏑ - ⏑ | — ‖ ⏑ — ⏑ | — — ¦ — — | ⏑

σκέπει γάρ γυμνοὺς καὶ αἴγλη ἐσκοτισμένους | στρ. α' στίχ. ϑ'
ἔγγισόν μοι οὖν καὶ γνώρισον ἵνα λέξῃς » β' » »
τοῦ μὲν ποταμοῦ τοῖς κύμασι προσεγγίζων » γ' » »
στεῖλον λυτρωτὰ ἀρκέσθητι μέχρι τούτου » δ' » »
ἔστι μοι καλῶς ἂν εἴπῃς με πρόδρομόν σου » ε' » »

καὶ οὕτω μέχρι τέλους.

Ὁ δὲ δέκατος στίχος ἀποτελῶν τὸ ἐφύμνιον περιέχει τέσσαρας δακτύλους ὧδε·

/ . . | / . . | / . . | / . . = ἀρχ. — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑

ἦλθεν ἐφάνη τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον στρ. α' στίχ. ι'
τῷ δὲ προδρόμῳ τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον » γ' » »
οἶδά σε τίς εἶ τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον » δ' » »
σὺ γὰρ ὑπάρχεις τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον » ε' » »
πῶς γὰρ βαπτίσω τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον » ς' » »

καὶ οὕτως ἐφεξῆς μέχρι τέλους.

Καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ μετρικὴ ἀνάλυσις τοῦ ποιήματος τοῦ Ρωμανοῦ· τί δὲ ἐξάγομεν ἐξ αὐτῆς;

Ἐξάγομεν, ὅτι ὁ Ρωμανὸς ἐν τοῖς ἀνωτέρω ἀναλυθεῖσι ποιήμασιν αὐτοῦ ἐχρήσατο πᾶσι σχεδὸν τοῖς τῶν ἀρχαίων μέτροις κατὰ ρυθμόν, ἁπλοῖς τε καὶ μικτοῖς· ὅτι παρ' αὐτῷ φαίνεται τὸ πρῶτον, ἐφ' ὅσον γινώσκομεν, ὁ δεκαπεντασύλλαβος πολιτικὸς λεγόμενος στίχος, εὔχρηστος καὶ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ, ψαλλόμενος καὶ μέχρι τῆς σήμερον, ὡς καὶ ἐξ ἄλλων ἄλλοτε ἐδείξαμεν· ὅτι ἐκ τοῦ πολιτικοῦ τούτου στίχου παρήγαγεν ἔτι δύο ἕτερα σχήματα αὐτοῦ κατ' ἀποκοπὴν μιᾶς συλλαβῆς ἐν τέλει τοῦ α' ἡμιστιχίου ἢ ἐν ἀρχῇ τοῦ β'· ὅτι κατὰ τὸν ἰαμβικὸν τοῦτον πολιτικὸν στίχον ἐσχημά-

τισε τροχαϊκὸν τοιοῦτον δεκαπεντασύλλαβον· ὅτι ἐχρήσατο τροχαίοις καὶ ἀναπαίστοις ἁπλοῖς, ἀνέμιξε δὲ ποικιλοτρόπως δακτύλους τροχαίοις, ἰάμβοις καὶ ἀναπαίστοις, οὕτω δὲ ἀπέφηνε ρυθμικὰ σχήματα μέτρων ποικίλα, ἐξ ὧν καταδείκνυται, ὅτι οἱ Βυζαντινοὶ ἦσαν κάτοχοι τῶν ἀρχαίων γραμμάτων, δικαίως δὲ ὁ ἡμέτερος Ρωμανὸς καλεῖται ὑπὸ τῶν νεωτέρων ὁ Πίνδαρος τῆς Χριστιανικῆς ποιήσεως.

Ματθαῖος Παρανίκας.

Ἐν Κωνσταντινουπόλει.

Къ хроникѣ Іоанна Малалы.

Въ числѣ рукописей, писанныхъ рукою Клавдія Сомеза (Salmasius) [1]), въ Парижской Національной библіотекѣ находится рукопись, содержащая, между прочимъ, извлеченія изъ хроники Іоанна Малалы Константинова сборника περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας. Кромѣ отрывковъ изъ хроники, въ этой тетради (cod. Parisin. graec. № 2550, по каталогу Омона) находятся и отрывки изъ Діодора Сицилійскаго, списанные Сомезомъ изъ той же рукописи. На 120 л. тетради имѣется и общее описаніе сборника: Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας. Βιβλίον πρῶτον (слѣдуютъ стихи въ честь Константина Порфиророднаго) «Primum illud volumen compilatur ex Iosepho, Georgii Monachi χρονικῆς ἱστορίας, Ἰωάννου τοῦ ἐπίκλην Μαλέλα χρονικῆς ἱστορίας, Διοδώρου Σικελιώτου καθολικῆς ἱστορίας, Herodoto Halicarnasseo, Thucydide, Xenophonte, Arriano, Dionysio Halicarn., Polybio, Appiani ἱστορίας ῥωμαϊκῆς ἐπίκλην βασιλικῆς, Dionis Κοκκειανοῦ . . . . .» Названіе послѣдняго автора написано неразборчиво.

Интересующіе насъ фрагменты изъ хроники Іоанна Малалы находятся здѣсь на лл. 17—21 (указаніе въ каталогѣ Омона неточно). На л. 17 на полѣ сдѣлана при этомъ позднѣйшею рукою помѣтка: «haec non edidit H. Valesius cum aliis excerptis ex Constantino. Cuius rei rationem reddit in Praefat.», а на л. 22, гдѣ начинаются отрывки Діодора, той же рукой отмѣчено: «Edita e Ms. cod. Nic. Peirescii Anno 1634». Дѣйствительно, Сомезъ, очевидно, пользовался тѣмъ же сборникомъ, если не тою же рукописью, какою пользовался Valesius для своихъ Excerpta Peiresciana.

1) По списку Сомеза (cod. Paris. graec. 1763) уже изданы были Крамеромъ (и затѣмъ C. Müller'омъ) отрывки изъ Іоанна Антіохійскаго.

Принадлежность нашихъ отрывковъ антіохійскому лѣтописцу ясно засвидѣтельствована авторомъ сборника въ началѣ (Ἐκ τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Μαλέλα) и въ концѣ (Τέλος τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Μαλέλα περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας) извлеченій изъ хроники.

Отрывки начинаются съ Ноя, такъ: Ὅτι μετὰ τὴν τῶν γιγάντων ἀπωλείαν ἐγένετο ἄνθρωπος Νῶε ὄνομα, ἀγαπώμενος ὑπὸ Θεοῦ. καὶ ἦν ἐτῶν φ' καὶ ἐγέννησε τρεῖς υἱούς· τὸν Σήμ, τὸν Χάμ, τὸν Ἰάφεθ. καὶ ἐκέλευσεν ὁ θεὸς τῷ Νῶε ποιῆσαι κιβωτὸν καὶ ἐποίησε, καθὼς προσέταξεν αὐτῷ ὁ θεός. Cf. Fr. H. Gr. Vol. IV Io. Antioch. fr. 2, 14 (ex cod. Paris. 1630 = Malal.): Τότε ἐγένετο Νῶε, ἄνθρωπος ἀγαπώμενος ὑπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἐγένετο ὁ κατακλυσμός, καθὼς ἐν τοῖς βιβλίοις φέρεται[1]). Срв. также слав. перев. въ арх. сп. (л. 21—22), гдѣ среди текста, сильно распространеннаго вставками изъ другихъ источниковъ, сохраняется и текстъ Малалы.

Далѣе слѣдуютъ отрывки, представляющіе иногда значительно сокращенный, но вообще вполнѣ сходный съ оксфордскимъ текстъ Малалы: объ Антіопѣ (cf. p. 45, 11 — 48, 22 ed. Bonn.), о Сѳенебоѣ (cf. p. 83, 11—84, 17), о Миносѣ (p. 85) и о Ѳесеѣ (p. 87, 2—89, 20), о Парідѣ, любимцѣ императора Домиціана (p. 262, 20—263, 10), о возвращеніи императоромъ Нервою изъ изгнанія св. Іоанна Евангелиста (p. 268, 12—14).

До сихъ поръ мы всюду видимъ содержаніе хронографіи Малалы, безъ малѣйшихъ постороннихъ вставокъ. Но слѣдующій отрывокъ читается (f. 19ᵛ): Ὅτι Δέκιος ὁ βασιλεὺς Ῥωμαίων μισόχριστος ἦν· ἐν τοῖς χρόνοις γὰρ αὐτοῦ διωγμὸς ἐγένετο χριστιανῶν μέγας καὶ ἐξεφώνησεν αὐτοῦ ἄθεον τύπον· ὥστε τοὺς εὑρισκομένους ὁπουδήποτε τοὺς λεγομένους χριστιανοὺς καὶ αὐθεντοῦντας καὶ φονεύοντας αὐτοὺς καὶ τὰ αὐτῶν πάντα ἁρπάζοντας ἀκινδύνους εἶναι, καὶ πολλοὶ χριστιανοὶ ἐφονεύθησαν ὑπὸ τῶν κατὰ πόλιν ὄχλων, ὧν ἔτυχε, καὶ ἐπραιδεύθησαν.

Всѣ остальные фрагменты сборника Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας: о свободѣ, дарованной христіанамъ Максимомъ Ликиніаномъ (p. 314, 12—13 Bonn.), объ епархѣ Саллюстіѣ (p. 337, 14—16, p. 338, 2—6), о препоситѣ Роданѣ и проч. (p. 339, 20—341, 11), объ аріанствѣ императора Валента (p. 342, 8—13), о магистрѣ Паулинѣ (p. 356—358), о любви императора Ѳеодосія Младшаго къ Хрисаѳію и гибели

1) Срв. также В. Истринъ, Первая книга хрон. Іо. Мал. въ Зап. Имп. Акад. Наукъ (Mémoires) 1897 г., стр. 9.

послѣдняго при преемникѣ Θеодосія (p. 363, 3—8, p. 368, 5—8) и о шарлатанѣ Іоаннѣ Исѳмеѣ при Анастасіѣ (p. 395), такъ же несомнѣнно происходятъ изъ Малалы, какъ и всѣ отрывки сборника, предшествующіе фрагменту о Декіѣ. Спрашивается, слѣдуетъ ли видѣть въ послѣднемъ интерполяцію автора компиляціи, вставку въ содержаніе Малалы отрывка изъ Іоанна Антіохійскаго[1]) или другого источника, или же предположить, что въ хронографіи Малалы, въ томъ ея видѣ, какъ ею пользовался авторъ Константинова сборника, еще не было того значительнаго пробѣла въ серіи римскихъ императоровъ, который оказывается въ оксфордской рукописи Малалы и который казался страннымъ еще Чильмиду (Adnotat. ad Malal. p. 589, ad p. 295, 17 ed. Bonn. Μετὰ δὲ τὴν βασιλείαν Ἀντωνίνου Καρακάλλου ἐβασίλευσε Βαλεριανός)?

Намъ кажется, гораздо вѣроятнѣе послѣднее, уже въ виду всего состава извлеченій сборника, гдѣ ни разу не замѣчается какихъ нибудь вставокъ въ Малалу изъ постороннихъ источниковъ. Глаголъ πραιδεύω свойственъ языку Малалы.

1) Мы имѣемъ слѣдующій фрагментъ Іоанна Антіох. о Декіѣ: fr. 149 C. Müller Exc. de Virt., т. е. того же сборника): Ὅτι Δέκιος ὁ Ῥωμαίων βασιλεύς, Φιλίππου διάδοχος, βασιλικῷ θεσπίσματι τοὺς τὰ χριστιανῶν δοξάζοντας ἐθανάτου καὶ τοὺς οὐ θεοὺς προσκυνεῖν θέλοντας ἠνάγκαζεν.

С. Шестаковъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit Aug. Heisenberg. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae, Teubner, 1896. CX и 136 стр.

Интересъ къ Никифору Влеммиду появился у Гейзенберга при работахъ, посвященныхъ ученику его Георгію Акрополиту, и усилился, когда ему удалось наткнуться на неизданную еще автобіографію Влеммида, о которой, впрочемъ, упоминалъ уже въ 1866 г. пользовавшійся ею Димитракопуло ('Εκκλησιαστ. Βιβλιοθ. I p. λα'). Въ результатѣ появилось обстоятельное изслѣдованіе о Влеммидѣ и цѣлый рядъ произведеній послѣдняго, среди которыхъ важнѣе всего упомянутая автобіографія—περὶ τῶν κατ'αὐτὸν διήγησις μερική, написанная имъ въ послѣдніе годы жизни (1264 и 1265) въ видѣ двухъ самостоятельныхъ частей (λόγοι). Изданіе сдѣлано по cod. Monac. gr. 225 (M) XIV вѣка, гдѣ διήγησις имѣется въ полномъ видѣ, и по Laur. gr. plut. VI 12 (L) и Marc. gr. 154 (V), гдѣ есть только извлеченія изъ нея о преніяхъ съ латинянами (у Гейзенберга p. 63,6—70, 19 и p. 74, 19 — 80, 20). Подобными же извлеченіями въ греческихъ рукописяхъ Московской синодальной библіотеки 240 и 315 издатель не пользовался, хотя первая изъ нихъ мало уступаетъ по времени мюнхенской. Рукописью 315 (Matthaei 208) воспользовался уже Димитракопуло при своемъ изданіи извлеченій ('Εκκλ. Βιβλ. I p. 380—395, см. p. β'), и Гейзенбергъ, ошибочно думая, что Димитракопуло издавалъ по той же Мюнхенской (p. XXXI), напрасно не обратилъ вниманія на чтенія Димитракопуло (я отчасти приведу ихъ ниже); при надлежащемъ вниманіи онъ увидѣлъ бы, что извлеченіе въ Mosqu. 315 кончается не ὅλως εἶναι τοῦ πνεύματος (p. 80, 20), какъ въ L и V, а продолжается еще на три страницы до προαναιροῦντες ὑπόνοιαν (p. 83, 28). Мои, правда, не особенно настойчивыя хлопоты о доставкѣ Mosq. 240 въ Юрьевъ успѣхомъ не увѣнчались, и приходится ждать сличенія отъ лицъ, стоящихъ ближе къ Московской библіотекѣ.

Послѣ автобіографіи Г. издаетъ три главы изъ типика Влеммида для его монастыря въ Имаѳіяхъ: 9-ю — о приступающихъ къ монашеству, 11-ю — о пищѣ монаховъ и 13-ю — о совершеніи богослуженія безъ пѣнія и о благочиніи въ храмѣ. Глава 4-я — о приношеніяхъ хлѣба, вина и ѳиміама не вошла въ настоящее изданіе, какъ стоящая отрывочно, и за это справедливо упрекаютъ издателя. Только эти четыре главы съ указаннымъ обозначеніемъ ихъ порядка и даетъ мюнхенская рукопись. Онѣ же находятся еще въ cod. Matrit. gr. 59, которымъ Г. опять не пользуется, ограничиваясь указаніемъ по каталогу.

Затѣмъ по cod. Lugd. Bon. Vulc. gr. 56 изданы: а) напыщенная благодарственная ода царю Іоанну Дукѣ Ватаци въ 272 политическихъ стихахъ, б) 70 гекзаметровъ и в) 120 ямбическихъ триметровъ, посвященныхъ монастырю Сосандрскому, г) 70 ямбическихъ стиховъ въ честь св. Димитрія Солунскаго и д) «послѣдованіе» св. Григорію *Богослову*, состоящее изъ κάθισμα, девяти стихиръ, канона и ексапостиларія.

Кромѣ того въ книжку вошло стихотворное поздравленіе Ѳеодору II Ласкарису съ рожденіемъ сына Іоанна по cod. Vindob. Phil. gr. 321 и вѣроятно для заполненія пустой страницы перепечатано небольшое стихотвореніе въ честь Николая Меѳонскаго. За исключеніемъ послѣдняго и упомянутыхъ выше извлеченій изъ автобіографіи о спорахъ съ латинянами, все остальное состоитъ изъ anecdota.

I. *De vita auctoris*. Въ своемъ изслѣдованіи о Влеммидѣ Гейзенбергъ прежде всего даетъ весьма тщательный подборъ и группировку и нѣкоторое освѣщеніе фактовъ изъ жизни Влеммида, главнымъ образомъ на основаніи упомянутой автобіографіи, а также и по другимъ источникамъ. Передавать содержаніе этой довольно сжато изложенной лучшей части работы Гейзенберга я не буду. Всякій, кто интересуется личностью Влеммида, самъ прочтетъ ее; знакомство съ ней значительно облегчаетъ и чтеніе самой автобіографіи, даетъ возможность легче оріентироваться въ разсказѣ самого Влеммида, который о нѣкоторыхъ фактахъ современной и собственной жизни говоритъ иногда не вполнѣ ясно, намеками, не называя прямо именъ или обозначая ихъ описательно, притомъ не всегда въ частностяхъ выдерживаетъ хронологическую послѣдовательность разсказа и, наконецъ, пишетъ стилемъ не особенно легкимъ для не вчитавшагося еще читателя. Благодаря изданнымъ у Гейзенберга произведеніямъ и его изслѣдованію личность одного изъ наиболѣе выдающихся представителей византійской учености обрисовывается съ большой ясностью, мы узнаемъ цѣлый рядъ весьма точныхъ датъ изъ жизни Влеммида и можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за его развитіемъ и дѣятельностью до послѣднихъ лѣтъ жизни.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ изслѣдованія Гейзенбергъ говоритъ [illegible] чиненіяхъ Влеммида и прежде всего, II, *de autobiographia*. Онъ отно[illegible] ее къ разряду такихъ житій, которыя составлялись монахами пр[illegible] щественно изъ числа знавшихъ лично основателя ихъ обители и ж[illegible]

шихъ оставить послѣдующимъ поколѣніямъ память о его дѣятельности. Разница только въ томъ, что Влеммидъ, не надѣясь на продолжительное самостоятельное существованіе своей обители и потому не разсчитывая, что его жизнь будетъ разсказана другими, предпочелъ самъ разсказать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своей жизни и этимъ στήλην ὁμολογίας ἐς τὸν βοηθὸν καὶ σώστην ἐγεῖραι. Этимъ характеромъ автобіографіи Гейзенбергъ объясняетъ обильныя упоминанія о чудесныхъ спасеніяхъ самого автора и такихъ же наказаніяхъ его враговъ. Въ отношеніи достовѣрности разсказа онъ полагаетъ, что необходимо вполнѣ довѣрять Влеммиду тамъ, гдѣ онъ говоритъ о политическихъ и другихъ дѣлахъ, въ которыхъ лично не былъ заинтересованъ, но что въ извѣстіяхъ о личныхъ его отношеніяхъ, хотя вѣроятно и нѣтъ намѣренныхъ крупныхъ извращеній, всетаки сказывается субъективная окраска, ira et studium. На вторую часть онъ, слѣдуя отчасти словамъ самого Влеммида, смотритъ какъ на восполненіе случайныхъ пропусковъ первой. Мнѣ однако кажется, что обѣ части значительно различаются и по преобладающему характеру содержанія. Въ первой Влеммидъ ограничивается преимущественно разсказомъ о событіяхъ его жизни, а во второй повѣствовательному элементу отводится лишь немного мѣста (около 14 стран.) и преобладаетъ изложеніе діалектическихъ состязаній съ Карикомъ и религіозныхъ преній съ латинянами и др. (26 стр.). Это различіе особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, какъ кратко и разомъ говоритъ Влеммидъ о религіозныхъ преніяхъ въ первой части (p. 40—41, всего девять строкъ). О чудесныхъ обстоятельствахъ жизни рѣчь идетъ въ обѣихъ частяхъ, но тутъ какъ разъ наоборотъ, разсказы о нихъ во 2-й части рѣже и короче, чѣмъ въ 1-й, если даже онъ разсказываетъ въ первый разъ. Наконецъ, только во 2-й части встрѣчается болѣе обстоятельное упоминаніе о его учено-литературной дѣятельности (p. 87—88). Едва-ли такое различіе случайно, едва-ли въ первой части случайно опущено и недостаточно развито то, что подробно излагается во 2-й. Не правильнѣе ли будетъ думать, что Влеммидъ имѣлъ въ виду особый кругъ читателей для той и другой части (ср. къ V), именно первую предназначалъ для болѣе простыхъ и вѣрующихъ читателей, во второй старался выставить себя въ хорошемъ освѣщеніи особенно предъ болѣе образованными и скептическими читателями? Едва-ли также можно вмѣстѣ съ Гейзенбергомъ отнести автобіографію Влеммида къ одному разряду съ vitae sanctorum, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой это высказываетъ Гейзенбергъ. Если въ пользу этого и говоритъ обиліе чудеснаго въ разсказѣ, за то въ разсказѣ есть не мало и элементовъ, не соотвѣтствующихъ подобнымъ vitae, да и самый тонъ и стиль разсказа не напоминаетъ ихъ, да наконецъ, если бы Влеммидъ писалъ здѣсь для будущаго времени изъ честолюбія и подражанія житіямъ, то онъ могъ бы и самъ укрыться за третьимъ лицомъ, а у него постоянно выступаетъ на видъ его я. Неуживчивый, упорный, гордый въ сознаніи своего пре-

восходства и въ душѣ вѣроятно глубоко оскорбленный тѣмъ, что ему не пришлось стать патріархомъ, Влеммидъ хочетъ такъ или иначе оправдать каждый свой шагъ и пишетъ, повидимому, скорѣе для окружающихъ современниковъ, чѣмъ для послѣдующихъ поколѣній. Сообразно съ этимъ должно цѣнить и достовѣрность его извѣстій, касающихся его лично и его отношеній. Можетъ быть, самъ онъ и пишетъ вполнѣ добросовѣстно, какъ и всякій большею частью считаетъ себя правымъ и особенно въ борьбѣ начинаетъ вѣрить въ свою правоту, но все-таки, если бы даже намъ не говорили, что, напр., царь Θеодоръ II не особенно настаивалъ на принятіи патріаршества Влеммидомъ, что для него былъ даже болѣе желателенъ отказъ со стороны послѣдняго (Georg. Acrop. y Migne 140 p. 1124), мы уже подъ тѣмъ нѣсколько чрезмѣрнымъ паѳосомъ, съ которымъ говоритъ Влеммидъ объ этомъ эпизодѣ, могли бы усмотрѣть не мало горечи въ его тонѣ и убѣдиться, что дѣйствительность не вполнѣ соотвѣтствовала разсказу и что, повидимому, весьма настойчивыя предложенія и просьбы дѣлались въ такой формѣ и съ такими условіями, что Влеммиду должно было отказываться отъ почета и власти. Но, если мы по возможности счистимъ субъективную окраску съ разсказовъ особенно о личныхъ столкновеніяхъ Влеммида, у насъ все-таки останется цѣлый рядъ фактовъ изъ его жизни, въ которыхъ нѣтъ причины сомнѣваться. а также, конечно, не подлежатъ сомнѣнію и тѣ разнообразныя и интересныя подробности, которыя онъ сообщаетъ между прочимъ, по ходу разсказа, именно, напр., о современныхъ политическихъ и церковныхъ отношеніяхъ, о представителяхъ свѣтской и духовной власти, о придворной жизни и поведеніи духовенства, о различныхъ учрежденіяхъ и обрядностяхъ, о современныхъ воззрѣніяхъ, о разныхъ суевѣріяхъ, о ходѣ и кругѣ тогдашняго образованія, объ интересахъ образованнаго общества, діалектическихъ состязаніяхъ, библіотекахъ и т. п. Если эти подробности большею частью и не оказываются новыми, все-таки онѣ содѣйствуютъ составленію болѣе полной картины его времени.

III. *De testamento.* Говоря здѣсь о типикѣ Влеммида, Г. [illegible] кромѣ свѣдѣній о рукописяхъ дѣлаетъ только общія замѣчанія о монастырскихъ уставахъ его времени и обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя характерныя для Влеммида правила въ излагаемыхъ трехъ главахъ типика. Такимъ образомъ и здѣсь онъ не сообщаетъ, къ сожалѣнію, ни слова изъ содержанія [illegible] главы. Крумбахеръ [illegible] влiянiемъ [illegible] Гейзенберга даже говоритъ, что это типика leider nur [illegible] L[2] p. 446. [illegible] не [illegible] [illegible] Влеммида [illegible] [illegible] только [illegible] [illegible] о [illegible]

требленія вина, которое также отмѣчаетъ Крумбахеръ, какъ humane Liberalität, то Влеммидъ разрѣшаетъ его, какъ и вареную пищу (однако безъ масла), по отношенію лишь къ нѣкоторымъ средамъ и пятницамъ въ отличіе отъ постящихся тогда еретиковъ и въ предотвращеніе противоположной крайности, т. е. превращенія этихъ дней какъ бы въ «господскіе» праздники. Въ главѣ о пищѣ въ Влеммидѣ сказывается врачъ. Онъ прямо совѣтуетъ монахамъ, особенно съ слабымъ желудкомъ, питье горячей воды и притомъ съ отваромъ тмина или укропа; указывая на дѣйствіе такого питья (πνευμάτων κωλυτικόν,—согласно и съ современной практической медициной), онъ безъ всякаго сомнѣнія имѣетъ въ виду преобладающее въ монашеской жизни *сухоядение*.

Въ главѣ IV «*о письмахъ*» Гейзенбергъ только перечисляетъ такъ или иначе извѣстныя ему письма къ Влеммиду и отъ Влеммида. Первыхъ насчитывается 42 (одно отъ нѣкоего Савы, котораго Г. не читалъ, и 41 отъ Ѳедора II Ласкариса), вторыхъ — 30 (одно къ деспоту [Солунскому] Михаилу, котораго Г. не видѣлъ и которое теперь издалъ Bury въ Byz. Zeitschr. 1897 p. 528—531 по cod. Barocc. 131; 27 къ Ѳеодору II Ласкарису, одно къ патріарху Мануилу и одно стихотворное, издаваемое въ книжкѣ Гейзенберга). О большинствѣ писемъ Г. знаетъ только по каталогамъ, да по сообщеніямъ N. Festa, готовящаго изданіе переписки Влеммида. Тѣмъ не менѣе онъ пытается опредѣлять время этихъ писемъ. При неизвѣстности содержанія, конечно, полезнѣе въ данномъ случаѣ осторожность. Обширность переписки между Ѳеодоромъ и Влеммидомъ говоритъ, конечно, о хорошихъ отношеніяхъ, но тутъ именно важны вполнѣ опредѣленныя даты переписки. Въ настоящей главѣ Гейзенбергу слѣдовало еще упомянуть объ «ἐπιστολὴ καθολικωτέρα καὶ πρὸς πολλούς», которое Влеммидъ разослалъ послѣ случая съ маркизой Фриггой для объясненія мотивовъ, вызвавшихъ его поведеніе въ этомъ случаѣ. Гейзенбергъ упоминаетъ объ этомъ письмѣ, изданномъ уже въ Patr. gr. 142 p. 605—610, только между прочимъ на стр. XXII въ разсказѣ объ упомянутомъ случаѣ. Въ этой энцикликѣ сказываются тѣ же черты характера Влеммида и тѣ же стремленія, какія и въ автобіографіи, такъ что она могла бы прямо найти себѣ мѣсто въ послѣдней подобно другимъ оправдательнымъ рѣчамъ.

V. *De libris* περὶ ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος. Отмѣтивъ пристрастное отношеніе грековъ и латинянъ къ обсужденію вопроса объ исхожденіи Св. Духа, Г. обстоятельно опредѣляетъ положеніе Влеммида въ этомъ вопросѣ. По автобіографіи, онъ въ преніяхъ 1234 и 1250 г. рѣзко выступалъ противъ латинянъ, не допуская вовсе даже формулы ἐκ πατρὸς δι'υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι. Только позднѣе, изучивши свято-отеческій матеріалъ и выступая противъ крайняго направленія грековъ, онъ принялъ указанную формулу въ сочиненіяхъ, посланныхъ болгарскому архіепископу Іакову и царю Ѳеодору II. Это вѣроятно и дало впослѣдствіи поводъ выставлять его сторонникомъ латинства, хотя онъ и здѣсь нигдѣ

не защищалъ послѣдняго и его формула никогда не была принята латинянами. Въ сочиненіи «о вѣрѣ», предназначенномъ для болѣе широкаго круга читателей, онъ по прежнему избѣгаетъ данной формулы. Ср. Gesch. der Byz. Litt.[2] p. 93 Ehrhard и p. 446 Krumbacher. Для всѣхъ упомянутыхъ изданныхъ уже сочиненій Г. указываетъ рукописный матеріалъ.

VI. *De libro* περὶ ἀρετῆς καὶ ἀσκήσεως. По поводу этого также изданнаго уже сочиненія, предназначеннаго Влеммидомъ для его монаховъ, какъ и περὶ πίστεως, Г. ограничивается обзоромъ содержанія и указаніемъ двухъ рукописей.

VII. *De encomio in S. Ioannem Evangelistam scripto.* Это еще неизданное сочиненіе Влеммида, упоминаемое и въ его автобіографіи и вызвавшее на него нареканія, противъ которыхъ онъ защищался письменно (p. 83 ss.), Г. относитъ къ vitae sanctorum, отъ которыхъ оно отличается лишь тѣмъ, что жизнь разсказана кратко, а большее вниманіе посвящено догматическому элементу, именно развитію положенія πάντα παρὰ τοῦ πατρὸς διὰ τοῦ λόγου = διὰ τοῦ υἱοῦ γίγνεσθαι. Къ тому же разряду Г. относитъ и «краткое повѣствованіе о св. Павлѣ и другихъ отцахъ, жившихъ въ Латрѣ», упоминаемое Алляціемъ по Ватиканской рукописи. Существованіемъ такого сочиненія Влеммида, по мнѣнію Гейзенберга, объясняется ошибочное появленіе имени его предъ Vita S. Pauli Junioris in monte Latro въ cod. Paris. Graec. 1195 (изданъ Delehaye, Bruxelles 1892). Отрывокъ этого сочиненія Г. предполагалъ въ cod. Barocc. 133 fol. 112—113 на основаніи помѣты въ каталогѣ Coxe: «notitia brevis de vita S. Pauli». Какъ опасно полагаться на такія помѣты и дѣлать изъ нихъ выводы, не видя рукописей, показалъ теперь Bury (Byz. Zeitschr. 1897 p. 537), отмѣтивши не точность Coxe: оказывается, что въ cod. Barocc. 133 fol. 112^{r} оставшая пустой страница была занята notitia brevis de S. Paulo Apostolo.

VIII. *De libris geographicis.* На извѣстныя давно два географическихъ сочиненія Влеммида: ἱστορία περὶ τῆς γῆς и γεωγραφία συνοπτική (Geogr. Graeci Minores II p. 459 ss.), лишенныя значенія для научной характеристики автора, Г. смотритъ какъ на учебники младшаго и старшаго возраста, предназначенные Влеммидомъ первоначально для его царственнаго ученика Θеодора.

IX. *De libro qui inscribitur* βασιλικὸς ἀνδριάς. Три послѣднія главы этого сочиненія, напечатаннаго и въ Patrolog. Gr. 142 вмѣстѣ съ болѣе удобопонятнымъ переложеніемъ двухъ Георгіевъ (Gesch. der byz. Litt.[2] p. 448), остаются до сихъ поръ неизданными. Указавъ содержаніе и значеніе «царской статуи», Г. не признаетъ выставляемой Крумбахеромъ необходимости искать источники Влеммида для этого сочиненія; едва ли однако можно съ этимъ согласиться. Подлинное «краткое и отчетливое» изложеніе Г. рѣшительно предпочитаетъ переложенію.

X. *De libris philosophicis.* Сочиненія Влеммида ἐπιτομὴ λογικῆς (около 1251 г.) и ἐπιτομὴ φυσικῆς (около 1252 г.) пользовались обширной и про-

должительной распространенностью и на востокѣ и на западѣ. Это видно изъ массы рукописей, въ которыхъ онѣ сохранились: не ручаясь за полноту, Г. пересчитываетъ для перваго 62 рукописи (а считая и отдѣльныя извлеченія, даже 71), для второго—42 (47). Послѣднее сочиненіе въ латинскомъ переводѣ прямо вошло въ «Физіологію» Георгія Валлы, безъ всякаго упоминанія о Влеммидѣ. Справедливо указывая, что византійцы болѣе западниковъ вращались въ философіи и что сочиненія первыхъ были распространены между послѣдними, Г. полагаетъ, что тщательное изученіе византійской литературы можетъ повести къ обнаруженію и другихъ случаевъ нарушенія права литературной собственности въ родѣ указаннаго. Съ другой стороны выпущенное тѣмъ же Валлой подъ именемъ Влеммида въ латинскомъ переводѣ ratio de compendiaria arte disserendi, оригиналъ котораго имѣется въ Γρηγορίου τοῦ ἀνεπωνύμου συνοπτικὸν τῆς φιλοσοφίας σύνταγμα (изд. Wegelin 1600), нужно приписывать не Влеммиду, а, какъ полагаетъ Г., вѣроятно Никифору Григорѣ.

XI. *De libris* περὶ ψυχῆς *et* περὶ σώματος. По указаніямъ cod. Monac. 225 первое написано въ 1263 г., второе—въ 1267. Имѣются, кромѣ упомянутой рукописи, и въ другихъ. Напечатаны въ крайне рѣдкомъ лейпцигскомъ изданіи 1784 (Heisenberg p. LI, Δημητρακόπουλος Ἐκκλησιαστ. Βιβλιοθ. I p. κθ').

XII. *De libris medicis.* Влеммидъ писалъ по медицинѣ и прозой и стихами, притомъ въ формѣ канона. По рукописнымъ даннымъ и историко-литературнымъ соображеніямъ Г. доказываетъ, что Влеммиду дѣйствительно принадлежатъ четыре медицинскихъ сочиненія, которыя остаются еще неизданными.

XIII. *De explicatione psalterii.* Σχόλια εἰς τὴς δαβιτικὴν βίβλον или ἐξηγημένον ψαλτήριον съ предисловіемъ о происхожденіи псалтири, древнѣйшемъ способѣ пѣнія, греческихъ переводахъ и пр. написано Влеммидомъ вѣроятно около 1224—1233 г. Позднѣе, уже живя въ своемъ монастырѣ, около 1252 онъ написалъ ἐξήγησις εἰς τινας τῶν ψαλμῶν (псалмы 1—10, 14, 50, 83). Изъ того и другого толкованія изданы только части. Кромѣ того Г. на основаніи показанія автобіографіи: ψαλμούς τινας οὐχ ὡς ἐξ ἑτέρου λεγομένους, ἀλλ' ὡς ἐκ τῶν ᾀδόντων αὐτοὺς ἐξηγούμεθα (p. 88) допускаетъ еще третій трудъ того же рода и полагаетъ, что онъ имѣется въ 13 рукописяхъ (Hierosol., Athen., Athoi) подъ заглавіемъ ἐκλογὴ ἐκ τῆς βίβλου τῶν ψαλμῶν, иногда съ ближайшими опредѣленіями, указывающими на выборъ и распредѣленіе примѣнительно къ праздникамъ всего года. До ознакомленія съ рукописями предположеніе Г. остается открытымъ вопросомъ. Не совсѣмъ ясное для Г. выраженіе Влеммида, кажется, нужно понимать въ смыслѣ толкованія или переложенія псалмовъ примѣнительно къ положенію поющихъ ихъ теперь, въ отличіе отъ толкованія, такъ сказать, историческаго, т. е. съ точки зрѣнія авторовъ. Если это пониманіе правильно, то упомянутое ἐκλογὴ, повидимому, предназначен-

ное для церковнаго употребленія, едва ли совпадаетъ съ упомянутымъ у самого Влеммида трудомъ.

XIV. *De carminibus.* Кромѣ упомянутыхъ выше семи стихотворныхъ произведеній Влеммида, вошедшихъ въ изданіе Гейзенберга, здѣсь указано еще нѣсколько такихъ, которыхъ не удалось видѣть издателю. Это, во 1-хъ, гимнъ Σὺ κύριε μόνος ἀγαθός по образцу Δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ (древнѣйшая рукопись Mosqu. Gracc. 305, saec. XIV), во 2-хъ, гимнъ εἰς τὸν ἄναρχον θεὸν καὶ πατέρα, нач. Δέσποτα παντοκράτωρ ὁ ὑπεράναρχος, въ 3-хъ, нѣсколько другихъ, для которыхъ каталоги не даютъ даже и подобныхъ обозначеній, и въ 4-хъ, «другой канонъ св. Григорію въ cod. Barocc. 131 fol. 360ʳ—360ᵛ, изданію котораго помѣшали nimiae difficultates». Послѣднее произведеніе теперь издалъ **Bury** (Byz. Zeitschr. 1897, p. 531—537). Гейзенбергъ, по неосмотрительности, принялъ изданный у него самого канонъ за канонъ Григорію Чудотворцу (Неокесарійскому), тогда какъ на дѣлѣ это канонъ «Григорію Богослову» (Назіанзену), — ошибка указана уже рецензентами, но ею заразился Bury, который также говоритъ о *двухъ* канонахъ одному и тому же Григорію Чудотворцу. Въ дѣйствительности мы имѣемъ «послѣдованіе» Григорію Богослову у Гейзенберга и «послѣдованіе» Григорію Чудотворцу у Bury. Въ зависимости отъ собственной ошибки Г., конечно, неправильно заподозрилъ на стр. CIX надлежащую помѣту **Labbe** Biblioth. nova mss. p. 111. Не вполнѣ также правильно, повидиму, Г. считаетъ эти «послѣдованія» предназначенными для пѣнія послѣ прочтенія житія святого. Скорѣе это обычная служба святымъ по образцу вошедшихъ въ минеи мѣсячныя. Разборъ стихотвореній Влеммида приводитъ къ заключенію, что новыхъ размѣровъ онъ не создалъ, что онъ большею частію подражалъ, даже заимствовалъ и форму и содержаніе и заботился больше о первой, чѣмъ о послѣднемъ.

XV. *Supplementa varia.* Здѣсь указываются (не всегда удачно, какъ мы видѣли выше) нѣкоторыя ошибки и оговариваются сомнительныя или неточныя указанія предшествующихъ изслѣдователей и составителей рукописныхъ каталоговъ.

Таково содержаніе изданія и изслѣдованія Гейзенберга, встрѣченнаго вообще съ большимъ сочувствіемъ, выразившимся не только въ характерѣ большинства рецензій, но и въ ихъ количествѣ. Теперь ихъ появилось уже не менѣе девяти, именно:

1) **С. П. Шестакова** въ Ж. М. Н. П. 1897, мартъ, 245—253.

2) **Ed. Kurtz** въ Byzant. Zeitschrift 1897, p. 394—410.

3) **W. Kroll** въ Berlin. Philol. Wochenschrift 1897, n° 23, p. 707—709.

4) **Ph. Meyer** въ Theologische Litteraturzeitung 1896, n° 20, p. 527.

5) **Joh. Dr(äseke)** въ Litt. Centralblatt 1897, n° 5, p. 169 sq.

6) **C. W(achsmuth)** въ Historisches Jahrbuch XVII, 1896, p. 198.

7) **T. R(einach?)** въ Revue des études grecques X, 1897, p. 118 s.

8) **F. Hirsch** въ Mittheilungen aus der historischen Litteratur II, 1897, p. 158 s.

9) C. O. Zuretti въ Bollet. di filolog. classica III, p. 198—200.

Кромѣ того книгой Гейзенберга уже воспользовался Крумбахеръ во 2-мъ изданіи Gesch. d. byz. Litt. и ею же вызваны упомянутыя мною выше дополнительныя публикаціи изъ Влеммида J. B. Bury въ Byz. Zeitschr. 1897 p. 527—537. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что по извѣщенію въ одномъ библіографическомъ журналѣ нѣсколько недѣль тому назадъ въ Лейпцигѣ ожидалась, теперь, можетъ быть, уже вышла и при появленіи въ печати настоящихъ строкъ навѣрно будетъ въ обращеніи новая книга Ἀ. Μηλιαράκη, Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204—1261), посвященная именно тому періоду, для котораго важна автобіографія Влеммида, такъ-что трудно допустить, чтобы авторъ ею не воспользовался. Нѣкоторыя рецензіи, именно 1-я, 2-я и отчасти 3-й (8-я и 9-я мнѣ не были доступны), весьма обстоятельны, и теперь въ настоящей рецензіи, сильно запоздавшей отчасти и по моей винѣ, мнѣ было бы трудно сказать отъ себя еще нѣчто новое о книгѣ Гейзенберга. Я позволю себѣ только подвести итоги сказанному другими.

С. П. Шестаковъ, не касаясь ближе филологической стороны, обращаетъ главное вниманіе на значеніе вновь изданныхъ произведеній Влеммида со стороны содержанія (поэтому я могъ говорить объ этомъ слишкомъ кратко), на цѣнность свода рукописнаго матеріала, составленнаго Гейзенбергомъ, и на фактическіе результаты, достигнутые имъ на основаніи новаго матеріала и изученія рукописей. Онъ сопоставляетъ новыя данныя съ извѣстными прежде и въ немногихъ случаяхъ дополняетъ интерпретацію Гейзенберга (о Музалонѣ къ p. 18, 12 ss., объ отказѣ Влеммида отъ патріаршества къ p. 43, 10 ss. и др.). Эд. Курцъ также только въ семи мѣстахъ отмѣчаетъ фактическія ошибки интерпретаціи, отразившіяся на изслѣдованіи Гейзенберга: къ p. XIV и p. 16, 16 ss. о порученіи Влеммиду завѣдыванія епархіей, а не борьбы съ манихеями, къ p. XVI и p. 71—72 о смерти родителей Влеммида, а не о принятіи монашества, p. XVI и p. 27, 18 ss. о переселеніи въ монастырь Чудотворца слуги Влеммида, а не его самого, p. XVIII и p. 30 s. о смѣшеніи Льва Адралеста, діакона, съ правителемъ Никеи Иканатомъ, p. XCV о смѣшеніи Григорія Богослова съ Чудотворцемъ, p. 134 (въ указателѣ) о смѣшеніи Авторіана и Ханты, p. XIX и p. 39, 12 о порученіи Влеммиду руководительства новымъ патріархомъ, Меѳодіемъ II, а не воспитанія сына Ѳеодора II, — Кролль думалъ здѣсь даже о παιδαγωγία самого Ѳеодора. Сводъ множества рукописей, составляющій, конечно, большею частью только изслѣдованіе каталоговъ рукописей, не только облегчаетъ трудъ для послѣдующихъ изслѣдователей Влеммида, но и самъ по себѣ свидѣтельствуетъ то о большей, то о меньшей распространенности произведеній Влеммида и кромѣ того даетъ возможность уже Гейзенбергу прійти къ интереснымъ историко-литературнымъ выводамъ. Словомъ, всѣ эти стороны труда представляютъ несомнѣнную заслугу Гейзенберга для византологіи и ими объясняются большею частью безусловно лест-

ные отзывы о его книгѣ. Желательно было бы, конечно, и тутъ, напр., болѣе краткое и удобообозримое сопоставленіе рукописнаго матеріала, — такъ, физика Влеммида имѣется большею частью въ однихъ сборникахъ съ логикой, и Гейзенбергъ на стр. LXXIX—LXXI называетъ вторично тридцать три рукописи, уже названныя восемью страницами выше, и т. п. (объ изданіяхъ также удобнѣе было бы сказать короче и сразу, а не въ видѣ разсказа по поводу каждаго произведенія отдѣльно). Но Гейзенбергъ вѣроятно имѣлъ въ виду, что рѣдко кто будетъ интересоваться *всѣми* сочиненіями Влеммида («цѣликомъ его прочитаютъ только немногіе», Kroll), а для интересующихся отдѣльными планъ, принятый Гейзенбергомъ, пожалуй, даже удобнѣе.

Не такое благопріятное впечатлѣніе получается при внимательномъ взглядѣ на самое отношеніе Гейзенберга къ изданію текстовъ и мелкія частности его работы. Я не упрекаю его въ томъ, что онъ не пользовался рукописями московскими, хотя ради автобіографіи, давшей такой цѣнный матеріалъ и вызвавшей и все изданіе и изслѣдованіе, можно было похлопотать объ этомъ. Болѣе странно то, что онъ видитъ у Димитракопуло изданіе по мюнхенской рукописи. Я не знаю, на сколько послѣдній былъ точенъ въ работѣ, но онъ указываетъ всетаки не разъ свои и небольшія уклоненія отъ рукописи, слѣдовательно можно думать, что вообще онъ слѣдуетъ рукописи довольно точно. Между тѣмъ, если даже не брать всѣхъ извлеченій, а только ту часть (p. 80, 21—p. 83, 28), которой Гейзенбергъ вовсе не отмѣчаетъ въ Mosqu. 315, мы встрѣчаемъ на трехъ страницахъ слѣдующія различія отъ мюнхенской: p. 80, 23 φύσιν (Дим. исправилъ φύσεως), M. φύσεως; p. 81, 8 βασιλεύς, M. βασιλικός; p. 81, 17 τῆς πλάνης, M. πλάνης; p. 81, 25 [τῇ] τριάδι, M. τῇ τριάδι; p. 81, 26 ἀνεπίληπτος, M. ἀνεπίκλητος; p. 82, 10 οὐθέν, M. οὐδέν; p. 82, 15 χρησιμώτερα (Дим. χρησιμωτέρα), M. χρησιμωτέρα; p. 82, 23 χυλοποιηθείς, M. χιλοποιηθείς, при чемъ Гейзенбергъ говоритъ о χυλοποιηθείς какъ объ *emendatio* Димитракопуло, хотя тотъ не отмѣчаетъ здѣсь никакой поправки; p. 82, 25 συνεργήματα, M. ἐνεργήματα; p. 83, 1 εὐδόκησε, M. εὐδοκίμησε; p. 83, ἐστί, παρέχειν, Дим. исправляетъ παρέχων, а въ M. ἐστί παρέσχεν, при чемъ Гейзенбергъ прибавляетъ ν ἐφελκ. и ставитъ послѣ ἐστίν точку; p. 83, 16 ἱεροτελετῶν, M. ἱεροτελεστῶν. Ихъ, кажется, слишкомъ много для того, чтобы признать у Димитрокопуло M, и совершенно достаточно, чтобы даже безъ прямого заявленія послѣдняго видѣть у него одну изъ московскихъ рукописей. Но сама M на столько хороша, что одна можетъ служить надлежащей основой изданія. Посмотримъ, что съ ней дѣлаетъ Гейзенбергъ на тѣхъ 85 страницахъ, гдѣ онъ пользуется ею одной (въ предѣлахъ извлеченій о латинянахъ поправки къ ней даются пр[illegible] ніями L и V). Онъ здѣсь прилагаетъ къ ней свою руку разъ 13[illegible] случаяхъ вставляя новыя слова, якобы опущенныя въ текстѣ [illegible] въ 35 (приблизительно) вводя болѣе или менѣе существенн[illegible] измѣненія отдѣльныхъ словъ, т. е. превращая ихъ или въ друг[illegible]

или въ другія слова, и, кажется, въ 84 исправляя ударенія и придыханія, ошибки отъ итацизма, слитное письмо словъ въ раздѣльное и наоборотъ, вставляя опущенныя отдѣльныя буквы и iota subscriptum и рѣже выбрасывая излишнія. Словомъ, двѣ трети его поправокъ чисто ороографическія, часто такія, что въ неполныхъ критическихъ аппаратахъ ихъ даже не оговариваютъ. Но, если бы даже во всѣхъ этихъ случаяхъ M нуждалась дѣйствительно въ исправленіи, всетаки ихъ приходится всего на все по три на двѣ тейбнеровскихъ страницы, и уже это одно заставляло быть возможно консервативнымъ, а Гейзенбергъ исправлялъ нерѣдко только изъ желанія исправлять. Особенно не кстати онъ увлекся собственными вставками. Шесть такихъ вставокъ теперь удалилъ уже Кролль (уже одно то, что въ пяти случаяхъ Г—у пришлось вставлять личныя мѣстоименія, должно бы было броситься въ глаза), еще шесть—Курцъ; я не считаю необходимыми союзовъ γάρ и δέ p. 6, 21 и p. 21, 5, да можно, кажется, обойтись и безъ κακομήχανοι p. 12, 20 и безъ σαφηνίζοντες p. 87, 29; интересно и то, что p. 81, 18 <τοῦ δὲ υἱοῦ ἐνεργήσανσος> отсутствуетъ также и въ рукописи Димитракопуло: можетъ быть, понятіе τοῦ υἱοῦ заключается уже въ εἰργάσατο, хотя, конечно, при немъ по контексту субъектомъ является ἡ τριάς. Остается только одинъ 18-й случай p. 18, 1 <τὴν> ψυχήν. Словомъ, почти всѣ вставки подозрительны, а онѣ прямо введены въ текстъ. Замѣчу здѣсь же, что неудачны въ свою очередь и вставки, предложенныя Кроллемъ: p. 21, 19 его <μεθ'> ἡσυχίας излишне и извращаетъ смыслъ мѣста, а p. 26, 26 οὐδὲν ἄλλο — — φθεγξάμενος <πλὴν ἧς> ἐμνήσθημεν τῆς τοῦ δαιμονῶντος διαπειλήσεως съ ссылкой на p. 25, 2 явилось вслѣдствіе неправильной интерпретаціи: нужно было сослаться на p. 18, 4 ss. и φθεγξάμενος должно связывать только съ ἀπολυθῆναι αἰτησάμενος, а слѣдовательно текстъ нужно оставить въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у Гейзенберга.

Среди ороографическихъ поправокъ дѣло обстоитъ не много лучше. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, самыя простыя описки переписчика исправлены Гейзенбергомъ удачно, если можно считать это заслугой emendatoris, но съ другой стороны lusus emendandi заходитъ иногда опять такъ далеко, что вмѣсто правильной ороографіи рукописи издатель вводитъ неправильную собственную (см. Kurz и Kroll къ p. 2, 15, p. 18, 10, p. 20, 6 и др.). Кой гдѣ правильную ороографію онъ могъ найти уже у Димитракопуло (напр. p. 81, 2, ср. выше о p. 82, 23). Кромѣ того многія изъ ороографическихъ и болѣе существенныхъ поправокъ при правильной интерпретаціи оказываются вовсе не нужными, портящими рукописный текстъ, — по Курцу (и отчасти совпадающему съ нимъ Кроллю) это p. 2, 29; 8, 2; *12, 26*; 21, 24; 33, 3; 38, 3; 44, 7; 45, 29; 50, 13; 51, 24; 56, 27; 74, 7; 78, 9 и еще въ стихотвореніяхъ p. 104, 119; p. 116, 46; p. *118, 91*; p. 118, 100; p. 127, 15; кромѣ того можно было бы, кажется мнѣ, оставить на мѣстѣ рукописныя чтенія и p. 6, 15; p. 49, 16. Такимъ образомъ и здѣсь около 20 случаевъ исправленій ненужныхъ. Есть

кромѣ того нѣсколько исправленій неудачныхъ, хотя порча текста дѣйствительно имѣется (Kurtz къ р. 13, 22; 34, 6; 129, 4; 130, 81; 132, VI). Къ этому часто присоединяется еще затемняющая чтеніе текста и иногда свидѣтельствующая о неправильномъ пониманіи его издателемъ интерпункція (Курцъ указываетъ ее въ 32 мѣстахъ, Кролль, кромѣ нѣкоторыхъ совпаденій, еще въ четырехъ). Словомъ, если текстъ Влеммида у Гейзенберга представляется довольно sauber, то это зависитъ скорѣе отъ достоинства рукописей, а къ критической дѣятельности издателя нужно относиться съ принципіальнымъ сомнѣніемъ. Его произвольныя подозрѣнія еще удивительнѣе потому, что рядомъ съ ними онъ обходитъ молчаніемъ мѣста, дѣйствительно нуждающіяся въ исправленіи. Такъ, Курцъ предлагаетъ несомнѣнныя или весьма вѣроятныя поправки къ 20 мѣстамъ: р. 12, 11 ἐθαμίζο⟨με⟩ν, 16, 18 αὐτῷ, 27, 11 δημιουργουμένοις, 30, 21 αὐτοῖς (съ иной интерпункціей), 34, 26 ἐκτόπου (также), 51, 21 ὅ, 54, 28 ᾗ, 59, 21 παραφέρονται, 66, 26 προσηνές, 91, 23 ἐκλικμᾷ, 107, 193 ἐκλικμήσοι, 107, 194 σοί, 113, 23 παντευτυχέος (съ иной интерп.), 115, 19 ὑπερφυῆ, 116, 150 ἄλλος (? ἄλλον Кролля правильнѣе), 118, 106 κολοβοῖσι (?) κἀπορουμένοις, 124, 68 σαυτῷ, 127, 6 λιπών, 130, 68 λιθολευστεῖς, 131, 86 πῶυ, πάτερ. Въ р. 87, 16 можно было бы сохранить τῇ ἀρχῇ, тѣснѣе связывая его съ δεδεγμένοις и не измѣняя въ τῆς ἀρχῆς съ Курцемъ. Рукописное ἀετιδῆ р. 105, 142 Курцъ измѣняетъ въ ἀετιδεῖς отъ ἀετιδεύς, потому что нѣтъ прилагательнаго ἀετιδής и конечное ς легко могло отпасть предъ слѣдующимъ; съ этими мотивами нельзя не согласиться, но въ изданномъ позднѣе письмѣ Влеммида къ деспоту Михаилу опять встрѣчается «ἀετϊδέσι» (Byz. Zeitschr. 1897, p. 528, Bury предполагаетъ ἀετοειδέσι или ἀετιδεῦσι), и съ этимъ теперь нужно считаться. Менѣе удачны конъектуры Кролля: къ р. 15, 26 κατετάζων онъ думаетъ объ κατεξετάζων, однако и р. 30, 26 стоитъ κατετάσας; къ р. 19, 13 онъ неувѣренно предлагаетъ [γνῶσιν] и р. 19, 15 настойчиво τέλειον, но я думаю, что рукописное τελείων можетъ и даже должно быть сохранено, а γνῶσιν дѣйствительно можно оставить подъ сомнѣніемъ; нельзя также настаивать на его ⟨ἐν⟩αναστραφέντες р. 55, 13. Защищая вообще рукописныя чтенія, я однако и самъ сомнѣваюсь въ нѣкоторыхъ, напр. р. 56, 19 (βαβαῖ πόσον ἡμῖν εἰσάγεις μακαρίων ἀνδρῶν· τῶν μὲν ἀλόγων, τῶν δὲ καὶ ἀφώνων, τῶν δὲ καὶ ἀναισθήτων καὶ ἀκινήτων ἐσμέν); не лучше ли, связывая тѣснѣе всѣ приведенныя слова, читать ἐσμόν вмѣсто ἐσμέν? Ср. въ ἐπιστολὴ καθολικωτέρα Влеммида (Patr. gr. 142 p. 607 B): μεγίστων ἀντιφιλοτιμησάμενον καὶ ἀκαταλύτων ἐπάθλων ἐσμόν. О другихъ сомнѣніяхъ я не буду говорить безъ предварительнаго изученія языка Влеммида. Гейзенбергъ отлагаетъ послѣднее на будущее время, хотя оно должно было бы предшествовать изданію произведеній Влеммида. Онъ ограничивается общимъ указаніемъ на довольно частыя реминисценціи изъ Гомера (р. XXXI) и вовсе не касается библейскихъ мѣстъ, цитированныхъ у Влеммида или вліявшихъ на его выраженіе. Изъ послѣднихъ онъ приводитъ у себя только тѣ, которыя нашелъ у

Димитракопуло. Курцъ потрудился сдѣлать дополнительныя указанія еще для 32 мѣстъ, но еще не исчерпалъ всего матеріала. Вліяніе библіи и церковнаго языка во всякомъ случаѣ сказывается у Влеммида сильнѣе, чѣмъ вліяніе литературы свѣтской, и было бы желательно, чтобы знатоки библіи и церковной письменности помогли въ этомъ отношеніи изученію Влеммида. Къ указаннымъ у Гейзенберга и Курца параллелямъ изъ библіи прибавлю еще нѣсколько отмѣченныхъ мною при чтеніи, не ручаясь нисколько за полноту: p. 16, 10 s. cf. Матө. 8, 26, Марк. 4, 39; p. 38, 3 cf. Пс. 50, 19; p. 44, 16 s. (гдѣ καὶ, можетъ быть, нужно поставить предъ τῆς или добавить τῶν ζώντων) cf. Пс. 68, 29; p. 61, 29 cf. Матө. 10, 42; p. 67, 8 cf. Быт. 2, 10; p. 75, 23 и p. 84, 2 cf. Іоан. 1, 3; p. 102, 71 cf. Притч. 22, 1; p. 104, 133 s. cf. Матө. 7, 19 и др.; p. 106, 181 s. cf. Пс. 136, 8 s.; p. 108, 237 s. cf. I Кор. 12, 26; p. 109, 262 cf. I Петр. 1, 17.

Судя о языкѣ Влеммида по общему впечатлѣнію, я отмѣчу только, что онъ пишетъ различнымъ слогомъ, смотря по характеру и назначенію произведенія. Такъ, если ограничиваться только содержаніемъ книжки Гейзенберга, слогъ въ типикѣ значительно проще, чѣмъ въ автобіографіи, которую Крумбахеръ прямо относитъ къ риторическимъ сочиненіямъ, тогда какъ типикъ очевидно предназначался для практическаго примѣненія; съ совершенно другимъ стилемъ и притомъ не одинаковымъ встрѣчаемся мы въ разныхъ стихотвореніяхъ Влеммида. Отличается слогъ упомянутыхъ прозаическихъ произведеній, повидимому, и отъ слога сочиненій, посвященныхъ архіепископу Іакову и Θеодору II (выше въ V). Изслѣдованіе языка будетъ имѣть значеніе для сужденія о подлинности медицинскихъ сочиненій, еще не изданныхъ. О своихъ риторическихъ пріемахъ самъ Влеммидъ говоритъ въ XIII письмѣ къ Θеодору II, — см. въ извлеченіи у Гейзенберга p. LXIV: ἱστορίαι, ἀναγωγαί, οἰκονομία καὶ μέθοδος τῆς συνθήκης, σχῆμα, ῥυθμός и другія μορφώσεις καὶ διαπλάσεις. На страсть Влеммида употреблять особенно въ стихотвореніяхъ многосоставныя аристофановскія слова указалъ уже Курцъ. Въ видѣ параллели къ описательнымъ обозначеніямъ собственныхъ именъ (p. 18, 12 ss. Музалонъ, p. 40, 26 маркиза Фригга, см. p. XXI и у С. П. Шестакова p. 250, ср. πεφρίκασι о присутствовавшихъ въ церкви при появленіи Фригги въ ἐπιστολὴ καθολικ. l. l. p. 607 A) нельзя ли допустить, что и διακηρυκεύομεν p. 55, 29 употреблено у Влеммида потому, что рѣчь идетъ о разбитіи *Карика?* Впрочемъ, все это дѣло будущаго изслѣдователя. Возвращаясь къ Гейзенбергу, прибавлю, что и въ типографскомъ отношеніи онъ не позаботился о надлежащей опрятности (къ 22 опечаткамъ, указаннымъ у Курца, прибавь еще p. 90, 8).

Что касается изслѣдованія Гейзенберга относительно изданныхъ уже раньше и остающихся еще неизданными произведеній Влеммида, то мы уже выше видѣли, въ какой сильной степени трудъ его здѣсь ограничивается изслѣдованіемъ показаній каталоговъ и какъ иногда бываютъ непрочны выводы, исходящіе изъ такого изслѣдованія. Трудъ вышелъ

бы гораздо основательнѣе и цѣннѣе, если бы Гейзенбергъ нашелъ время и возможность предварительно ознакомиться со *всѣми* произведеніями Влеммида хотя бы по нѣкоторымъ рукописямъ (см. выше о письмахъ, медицинскихъ сочиненіяхъ, стихотвореніяхъ).

Конечно, если судить по тому, что дано, а не потому, что и какъ могло быть дано, мы всетаки должны благодарить Гейзенберга за трудъ изданія и изслѣдованія. Неудовлетворительна главнымъ образомъ только филологическая обработка текста, такъ что онъ уже теперь могъ бы быть переизданъ въ болѣе исправномъ видѣ при помощи указаній, сдѣланныхъ съ обычной тщательностью г. Курцемъ. Но второго изданія онъ дождется не скоро, и я думаю, что русскій читатель Влеммида не посѣтуетъ на меня, что я сдѣлалъ выше сводъ тѣхъ указаній рецензентовъ, которыя нужно имѣть въ виду при чтеніи книги Гейзенберга, чтобы не увлечься ошибками послѣдняго

А. Никитскій.

Юрьевъ. Апрѣль 1898.

Heinrich Moritz, *Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern und Chronisten.* I Theil. Programm des K. Humanistischen Gymnasiums in Landshut, Schuljahr 1896/97.

Τὸ θέμα, τὸ ὁποῖον ὁ Moritz ἐκλέγει πρὸς μελέτην, εἶναι ἀρκετὰ ἐνδιαφέρον καὶ προτίθεται νὰ ἀναπληρώσῃ ἓν ἀπὸ τὰ μᾶλλον αἰσθητὰ κενὰ ἐν τῇ βυζαν. τινῇ γραμματείᾳ· τὴν ἔλλειψιν ἰδιαιτέρου λεξικοῦ κυρίων ὀνομάτων κατὰ Pape-Benseler ἀπὸ πολλοῦ ἤδη ὑπέδειξεν ὁ Σπ. Λάμπρος (Byz. Zeit. I, σ. 198), αἰσθάνεται δὲ καθημερινῶς πᾶς τις περὶ τὰς βυζαντινὰς ἀσχολούμενος μελέτας. Τὴν ἀρχὴν πρὸς ἄρσιν τοῦ κενοῦ τούτου κάμνει ὁ Μ. ἐκδίδων μὲν πρὸς τὸ παρὸν τὴν βραχεῖαν πραγματείαν περὶ τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων, προτιθέμενος δὲ νὰ συνεχίσῃ προσεχῶς τὸ ἔργον.

Ἐλλειπούσης πάσης προκαταρκτικῆς ἐργασίας ἀναφορικῶς τοῦ θέματος τούτου ἐννοεῖται, ὅτι ὁ κατὰ πρῶτον ἀναλαμβάνων τὸ ἔργον ἔχει νὰ ἀντιπαλαίσῃ πρὸς πολλὰς δυσκολίας καὶ τῶν δυσκολιῶν τούτων πλήρη συνείδησιν, φαίνεται, ἔχει ὁ Μ. (σελ. 4), ἂν καὶ παραλείπει νὰ ὑποδείξῃ τινὰς τούτων. Ἂν ἡ ἑρμηνεία λέξεως ἀνηκούσης εἰς τὴν δημώδη βυζαντινὴν γλῶσσαν συνοδεύεται συχνάκις ὑπὸ δυσκολιῶν, φυσικὸν εἶναι τὰς αὐτὰς ἢ καὶ μείζονας δυσκολίας νὰ μᾶς παρέχῃ πολλάκις ἡ ἑρμηνεία ἑνὸς βυζαντινοῦ ἐπωνύμου. Ἡ αἰτία ἡ συντελέσασα εἰς τὴν παραγωγὴν τοῦ ἐπωνύμου πολλάκις μὲν εἶναι φανερά, ἐνίοτε ὅμως εἶναι καὶ λανθάνουσα· μία περίστασις τυχαία, ἓν συμβεβηκός, μία λέξις ἴσως κακῶς προφερομένη, μία φράσις κατὰ κατάχρησιν λεγομένη, μία ἰδιαιτέρα χειρονομία, μία ἀποτυχία, μία συνήθεια ἰδιαιτέρα δύναται νὰ δώσῃ ἀφορμὴν εἰς παραγωγὴν νέου τινος ἐπωνύμου· εἰς τοὺς συγχρόνους ἡ αἰτία εἶναι γνωστὴ καὶ διὰ τοῦτο πολλάκις οὐδ' ἀναφέρεται, σὺν τῷ χρόνῳ ὅμως λησμονεῖται μὲν αὐτή, τὸ δὲ ἐπώνυμον μένει· συχνάκις τὸ πρόσωπον, τὸ ὁποῖον λαμβάνει τὸ ἐπώνυμον, ἀνήκει εἰς τὴν τάξιν τοῦ λαοῦ καὶ κατ' ἀρχὰς οὐδεὶς φροντίζει περὶ αὐτοῦ δυνατὸν μάλιστα νὰ εἶναι σκωπτικὸν καὶ προσβλητικόν, μένει ὅμως ἐν τῇ οἰκογενείᾳ καὶ ὅταν σὺν τῷ χρόνῳ μέλος τι τῆς τοιαύτης οἰκογενείας ἐπιτύχῃ νὰ ἀνέλθῃ

εἰς τὴν ἐπιφάνειαν τῆς κοινωνίας, τότε ἢ ἐξακολουθεῖ νὰ φέρῃ τὸ ἐπώνυμον, ὅπως ἔχει, ἢ φροντίζει νὰ ἐξευγενίσῃ κἄπως αὐτὸ μεταβάλλων ἐπὶ τὸ ἀρχαϊκώτερον. Καὶ ἄλλως ὅμως πολλὰ τῶν ἐπωνύμων ἔχουσι σχέσιν οὐχὶ πρὸς τὴν γραφομένην γλῶσσαν, τὴν γλῶσσαν τῶν λογίων, ἀλλὰ πρὸς τὴν ἑκάστοτε λαλουμένην βυζαντινὴν ὡς προερχόμενα ἀμέσως ἀπὸ τὸ στόμα τοῦ λαοῦ. Τούτου δὲ οὕτως ἔχοντος ἐν τῇ χρήσει τῶν ὀνομάτων ἐν γένει παρατηρεῖται συχνάκις καὶ ἀντίφασίς τις πρὸς τὰς γραμματικὰς θεωρίας, τὰς ὁποίας ἐν τῷ λοιπῷ ὑλικῷ τῆς γλώσσης παραδέχεται ὁ συγγραφεύς, ὥστε ἔχει πληρέστατα δίκαιον ὁ Μ. (σελ. 10) σημειῶν, ὅτι ἡ ἀκριβεστέρα μελέτη τῶν καταλήξεων, ὧν χρῆσις γίνεται εἰς τὰ ὀνόματα, ἔχει μεγάλην σημασίαν διὰ τὴν ἱστορικὴν γραμματικὴν τῆς δημώδους βυζαντινῆς γλώσσης. Ἡ Κομνηνὴ Ἄννα π. χ. ἔχει, ὡς γνωστόν, ἀρχαϊστικὴν τάσιν ἐν τῇ γλώσσῃ· καὶ ὅμως ἐν τῇ κλίσει τῶν ὀνομάτων ἄκουσα ἀναγκάζεται συχνὰ νὰ ἀπομακρύνηται ἀπὸ τὰς γραμματικὰς ἀρχάς, τὰς ὁποίας ἄλλως πρεσβεύει, καὶ νὰ μεταχειρίζηται τύπους γραμματικοὺς ἀσυνήθεις αὐτῇ, τύπους εἰλημμένους ἐκ τῆς γραμματικῆς τῆς δημώδους γλώσσης, τὴν ὁποίαν περιφρονεῖ· πρὸς πίστωσιν τῶν λεγομένων φέρομεν παραδείγματά τινα (ἔκδ. Reifferscb.): I σελ. 90 ἀμφὶ τὸν οἶκον τοῦ Ἰβηρίτζη. — σ. 251 ἑάλων παρὰ τοῦ Καβαλίκα ἐκείνου Ἀλεξάνδρου. — II σ. 33 μεμαθηκὼς ὁ αὐτοκράτωρ τὴν τοῦ Καρύκη ἀποστασίαν. — σ. 42 εἰς τὴν μονὴν τοῦ Κυπερούδη καταψηφίζεται. — σ. 65 διὰ τοῦ μέρους τῶν Καλαθάδων (ἐν· ὁ Καλαθᾶς) εἰσελθεῖν. — σ. 108 εἶτα δὴ τὴν ἀκρολοφίαν τοῦ Ἀζαλᾶ κατειληφότες. — σ. 118 παρὰ τοῦ Ταγγιπερμῆ καὶ τοῦ Μαράκη τῶν σατραπῶν κατεχομένην. — σ. 119 Γελίελμος ὁ Γραντεμανῆ... Πέτρος ὁ τοῦ Ἀλίφα. — σ. 158 τέσσαρες μὲν ἦσαν... Ἀνεμάδες τὴν ἐπωνυμίαν... ὑπὸ τούτων τῶν Ἀνεμάδων. — 159 Μιχαὴλ ὁ Ἀνεμᾶς. — 163 ἡ τοῦ Ἀνεμᾶ εἶχεν εἱρκτή... ὁ τοῦ Ἀνεμᾶ καλούμενος. Διδακτικὰ πρὸς τὸν σκοπὸν τοῦτον εἶναι ἐπίσης καὶ τὰ ἑξῆς χωρία ἐξ ἄλλων συγγραφέων εἰλημμένα: Μαλαλ. σ. 434 ἐν αὐτῷ δὲ τῷ χρόνῳ συνέβη ἔχθραν γενέσθαι τοῦ δουκὸς τῆς Παλαιστίνης Διομήδου, σιλεντιαρίου μετὰ τοῦ φυλάρχου Ἀρέθα. — Νικήτ. Χων. σ. 110 μάλιστα δὲ πρὸ αὐτῶν τοῦ Πουπάκη, ἀλλὰ σ. 112 ἤδη γὰρ τοῦ Πουπάκου τῆς κλίμακος ἀποβάντος. — σ. 306 σὺν οἷς καὶ τὸ τοῦ Παντεχνῆ Θεοδώρου περικαλλὲς οἴκημα. — Νικηφ. Βρυεν. σ. 106 εἰς τοὺς Κοντοστεφάνους καὶ τοὺς Ἀβαλλάντας (!) καὶ τοὺς Φωκάδας.

Δυσκολίαν ἀρκετὰ σπουδαίαν παρουσιάζουσιν εἰς τὸν ἐρευνητὴν καὶ τὰ ξένα ὀνόματα καὶ ἐπώνυμα· εἶναι γνωστὴ ἡ πρὸς τοὺς ξένους ἀνεκτικότης τῶν βυζαντινῶν· ἄνδρες ἀνήκοντες εἰς οἱονδήποτε τῶν περικυκλούντων τὸ Βυζάντιον ξένων ἐθνῶν μηδ' αὐτοῦ τοῦ δυσμενεστάτου αὐτοῖς τουρκικοῦ ἐξαιρουμένου ἠδύναντο κατερχόμενοι εἰς τὸ Βυζάντιον νὰ εὕρωσι τὰς πύλας ἀνοικτὰς πρὸς ὅλα τὰ ἀξιώματα καὶ πρὸς ὅλας τὰς τιμάς· ἂν δὲ οἱ τοιοῦτοι καὶ εὐγενείας τινὸς μετεῖχον, οὐχὶ σπανίως καὶ διὰ γάμου συνεδέοντο πρὸς τὴν αὐτοκρατορικὴν οἰκογένειαν. Ἐκτὸς δὲ τούτου καὶ ἐκ τῆς διαρκοῦς σχέσεως, εἰς ἣν εὑρίσκοντο οἱ Βυζαντινοὶ πρὸς τὰ πέριξ ἔθνη, ἀναγκάζονται οἱ συγγραφεῖς συχνάκις νὰ κάμωσι χρῆσιν ξένων ὀνομάτων. Κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον εἰς τὸ ὀνοματολόγιον τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων ἀπαντῶμεν ὀνόματα σλαβικά, περσικά, τουρκικά, ἀραβικά, ἑβραϊκά, ἀρμενικά, γαλατικά, ἰταλικά, γερμανικά, οὐγγρικὰ κ. ἄ. Καὶ ἐφ' ὅσον

μὲν οἱ συγγραφεῖς παραλαμβάνουσιν αὐτά, ὅπως ἔχουσιν ἐν τῇ οἰκείᾳ γλώσσῃ, ἢ ἀρκοῦνται μόνον νὰ προσθέσωσι κατάληξιν ἑλληνικήν, τὸ κακὸν δὲν εἶναι μέγα· ὅταν ὅμως ἀφομοιῶσι ρίζαν καὶ κατάληξιν αὐτῶν πρὸς τὰς ἀπαιτήσεις τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης, τότε γίνονται δυσδιάκριτα καὶ ἡ ἑρμηνεία αὐτῶν φυσικῷ τῷ λόγῳ θὰ εἶναι δυσκολωτάτη καὶ ἐλλιπής, ἐφ' ὅσον δὲν γνωρίζομεν ἄλλοθεν, ποῖον ὄνομα ξενικὸν ἀποδίδει ὡρισμένον βυζαντινὸν ὄνομα· ὁ ἀπαντῶν π. χ. τὸ ἐπώνυμον Ἀπόχαψ θὰ δοκιμάσῃ ἴσως νὰ ἑρμηνεύσῃ αὐτὸ συσχετίζων πρὸς τὸ ρῆμα ἀποχάπτω· καὶ ὅμως τὸ Ἀπόχαψ οὐδὲν ἄλλο εἶναι ἢ τὸ ξενικὸν Abu-Hafs· ὅμοιόν τι συμβαίνει καὶ μὲ τὸ Μελίας, ὅπερ προῆλθεν ἐκ τοῦ ἀρμενικοῦ Meleh. Τούτου οὕτως ἔχοντος οὐδεμία ἀμφιβολία, ὅτι ματαίως θὰ ζητῶμεν νὰ ἀνεύρωμεν τὴν ἑρμηνείαν πολλῶν ἐκ τῶν ἐπωνύμων. Παρομοία τάσις ἐξελληνίσεως τῶν ξένων ἐπωνύμων παρατηρεῖται καὶ σήμερον ἐν τῇ ἑλληνικῇ γλώσσῃ, συχνάκις δὲ ὁ ἐξελληνισμὸς εἶναι ἀποτέλεσμα παρετυμολογίας· τὸ ὄνομα Φιντικλῆς π. χ. κατ' οὐδένα τρόπον δὲν δύναται νὰ ἑρμηνευθῇ ἐπὶ τῇ βάσει τῆς ἀρχαίας γραμματικῆς, ἂν καὶ κλίνεται σήμερον κατὰ τὸ Ἡρακλῆς (Φιντικλῆς, έος, εἶ κ. λ. π.)· τὸ ὄνομα εἶναι ξενικὸν καὶ κατὰ τὴν ρίζαν καὶ κατὰ τὴν κατάληξιν· ἐκ τοῦ φουντοῦκι (τουρκ· φουντούκ = ποντικὸν κάρυον) σχηματίζεται μὲ τουρκικὴν κατάληξιν τὸ funduklì, ἑλλην· φουντουκλῆς, ὅπερ φυσικῶς πρέπει νὰ ἔχῃ γενικήν: τοῦ φουντουκλῆ· ἀλλ' ἡ ἀρχαϊστικὴ τάσις συνετέλεσεν, ὥστε νὰ μεταποιηθῇ τὸ ὄνομα εἰς Φιντικλῆς καὶ νὰ κλίνηται κατὰ τὸ Ἡρακλῆς.

Ἄλλη δυσκολία εἰς τὴν ἑρμηνείαν τῶν ἐπωνύμων προκύπτει ἐκ τῆς ἐσφαλμένης ὀρθογραφίας τῶν συγγραφέων· ἐπειδὴ τὰ κείμενα δὲν ἔλαβον ἀκόμη τὴν προσήκουσαν μορφήν, ὁ παραλαμβάνων τὸ ὑλικὸν ἀμέσως ἐκ τῶν συγγραφέων θὰ εἶναι ἠναγκασμένος ἐνίοτε νὰ ἀφίσταται τῆς ὀρθογραφίας αὐτῶν· πρὸς διασάφησιν τῆς γνώμης μας θὰ ἀρκέσῃ ἓν παράδειγμα. Παρὰ Γεωργ. Κεδρην. II, 159, 16 κ. ἑ. ἀναγινώσκεται, «Ἱμέριος οὗτος ἐκαλεῖτο διὰ τὴν τοῦ προσώπου αὐτοῦ οὕτω καλούμενος κατὰ ἀντίφρασιν ἀγριότητα», ἔνθα ρητῶς λέγεται, ὅτι τὸ περὶ οὗ ὁ λόγος πρόσωπον ὠνομάζετο κατὰ ἀντίφρασιν (τουτέστιν κατ' ἀντίθεσιν, εἰρωνικῶς) Ἱμέριος! καὶ ὅμως ἡ ἀντίφρασις αὕτη δὲν εἶναι φανερὰ ἐφ' ὅσον γράφομεν Ἱμέριος ἀντὶ Ἡμέριος (ἐκ τοῦ ἥμερος ἀντιθέτου τοῦ ἄγριος). Τὴν ἐσφαλμένην γραφὴν Ἱμέριος δίδει τὸ κείμενον καὶ παρὰ Συμ. Μαγίστρ. 659, 9 κ. ἑ. «Ἱμέριος οὗτος ἐκαλεῖτο ὁ Χοῖρος διὰ τὴν τοῦ προσώπου ἀγριότητα οὕτως ὀνομαζόμενος», ἐνῷ ἐν Συνεχ. Θεοφ. 253, 17 ἀπαντῶμεν τὴν ὀρθὴν γραφὴν «ἀλλὰ καὶ τῷ πατρικίῳ Ἡμερίῳ, ὃν χοῖρον αὐτὸς μὲν ὁ βασιλεὺς διὰ τὴν τῆς ὄψεως ὠνόμαζεν ἀγριότητα, διὰ δὲ τὸ Χοιρῶδες τοῦ βίου μᾶλλον καὶ ρυπαρὸν ἄξιος ἦν τῆς τοιαύτης προσρήσεως». Ταῦτα θεωρήσαντες ἀναγκαῖον νὰ προτάξωμεν γενικῶς περὶ τῶν δυσκολιῶν τοῦ θέματος· μεταβαίνομεν ἤδη εἰς τὰς παρατηρήσεις, τὰς ὁποίας ἔχομεν νὰ κάμωμεν ἐπὶ τοῦ ἔργου τοῦ Μ.

Τὸ ὑλικὸν πρὸς ἐπεξεργασίαν τοῦ θέματος ἀρύεται ὁ Μ. ἀποκλειστικῶς ἐκ τῶν ἱστοριογράφων καὶ χρονογράφων, οὕτως ὥστε ὀνόματα γνωστὰ μὲν ἄλλοθεν μὴ ἀπαντῶντα δὲ παρὰ τοῖς ἱστορικοῖς δὲν λαμβάνονται οὐδόλως ὑπ' ὄψιν (σελ. 8). Ὁ ἀποκλεισμὸς οὗτος, δὲν ἐννοοῦμεν, εἰς τί δύναται νὰ ὠφελήσῃ, ἢ μᾶλλον τί θὰ ἔβλαπτε, ἂν πρὸς τοῖς ἐπωνύμοις τὰ ὁποῖα συλλέγει ἐκ τῶν ἱστορικῶν συγκατέλεγε καὶ ἄλλα τινὰ ἐπώνυμα, τὰ ὁποῖα ἴσως θὰ συνετέλουν εἰς

τὸν πλουτισμὸν τάξεώς τινος ἐπωνύμων, ἢ θὰ ἀπήρτιζον νέαν τινὰ τάξιν, ἢ θὰ παρεῖχον νέαν τινὰ κατάληξιν, διάφορον τῶν ἐν τῷ λοιπῷ ὑλικῷ ἀπαντωσῶν· δὲν δύναται δὲ νὰ ἰσχυρισθῇ τις, ὅτι τὰ ἐπώνυμα παρὰ τοῖς ἱστορικοῖς παρουσιάζουσιν ἰδιορρυθμίαν τινὰ ἢ κατὰ τὸν σχηματισμὸν ἢ κατὰ τὴν κλίσιν. Ὁ μόνος λόγος, τὸν ὁποῖον θὰ ἔχῃ ἴσως νὰ προβάλῃ ὁ M., εἶναι ἡ μεγάλη ἔκτασις, τὴν ὁποίαν θὰ ἠναγκάζετο νὰ δώσῃ εἰς τὰς μελέτας του. Ἀλλ' ἂν τοῦτο μόνον εἶναι, τότε ὀρθότερον θὰ ἦτο νὰ λάβῃ ὑπ' ὄψιν μίαν μικροτέραν ἐποχήν, π. χ. μέχρι τῶν Κομνηνῶν (1080 μ. χ.) φροντίζων νὰ δώσῃ περισσότερον πλάτος εἰς τὰς ἐρεύνας του. εἰς τοιαύτην περίστασιν τὰ ἐξαγόμενά του θὰ ἦσαν περισσότερον βάσιμα, διότι τότε θὰ ἐδικαιοῦτο νὰ λέγῃ: τοῦτο λέγεται, ἐκεῖνο δὲν λέγεται.

Τὸ ἔργον του διαιρεῖ ὁ M. εἰς τρία κύρια μέρη, 1) τὸ γενικὸν (allgemeine Vorerörterungen), 2) τὸ γραμματικὸν (Behandlung der Namen nach ihrer grammatischen Bildung—Sprachlicher Theil) καὶ 3) τὸ ἐτυμολογικὸν μέρος (Etymologische Erläuterung einer Reihe von Namen—Kulturhistorischer Theil). Ἡ ἐκδοθεῖσα σύντομος πραγματεία περιλαμβάνει μόνον τὰ δύο πρῶτα μέρη, ἤτοι τὸ γενικὸν καὶ γραμματικόν, τὸ δὲ τρίτον (ἐτυμολογικὸν) ἐπιφυλάσσεται ὁ M. νὰ ἀνακοινώσῃ ἡμῖν προσεχῶς, θεωρῶν ἴσως αὐτὸ τὸ κυριώτερον μέρος τοῦ ὅλου ἔργου καὶ οὐσιωδέστερον.

Ἂν καὶ δὲν σκοποῦμεν νὰ ἀποθαρρύνωμεν τὸν M. ἀναλαβόντα τόσον δύσκολον θέμα, οὐχ ἧττον ἐπειδὴ καὶ ἐν τοῖς καθ' ἕκαστον καὶ ἐν τῷ συστήματι αὐτοῦ ἐν γένει ἔχομεν νὰ ἐπιφέρωμεν παρατηρήσεις τινὰς ἢ νὰ ἐκφράσωμεν διάφορον γνώμην, ἀρχίζομεν πρῶτον ἀπὸ τοῦ πρώτου.

Ἐν σελ. 11 κ. ἑ. ὁ M. ἀκολουθῶν τὸ παράδειγμα Beihtel-Fick (Die griechischen Personennamen, 2-te Aufl. bearbeitet von Fritz Beihtel und August Fick. Göttingen, 1894) φροντίζει νὰ χωρίσῃ τὰ ἐπώνυμά του ἁπλᾶ ἢ σύνθετα, ἑλληνικὰ ἢ ξένα, ἐπὶ τῇ βάσει τῆς ῥίζης τοῦ πρώτου συνθετικοῦ ἢ τῆς ῥίζης ἁπλῶς. Οὐδεμία ὅμως ὑπάρχει σχέσις μεταξὺ τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων καὶ τῶν ἀρχαίων ἑλληνικῶν ὀνομάτων ἐπιτρέπουσα τὴν τοιούτων ἀπομίμησιν· ἐν τοῖς ὀνόμασι τῶν ἀρχαίων ἑλλήνων ἡ σύνθεσις εἶναι τὸ κυριώτατον μέσον, δι' οὗ ἀποκτῶμεν τὸ ὑλικὸν τῶν κυρίων ὀνομάτων· τὰ περισσότερα τούτων εἶναι σύνθετα ἢ παράγωγα ἐξ ὡρισμένου ἀριθμοῦ ῥιζῶν (πρβ. Beihtel-Fick σελ. 37—295), αἱ δὲ διὰ συνθέσεως οὕτω μορφούμεναι λέξεις ἐν τῇ γλώσσῃ οὐδένα ἄλλον σκοπὸν ἐκτελοῦσι ἢ τὴν ὑπηρεσίαν τῶν κυρίων ὀνομάτων, ἐν ᾧ εἰς τὸν σχηματισμὸν τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων ἡ σύνθεσις κατέχει ὅλως δευτερεῦον μέρος· αἱ λέξεις ἀγέλαστος, ἀκίνδυνος, ἄοινος, ἄσμικτος, ἄγγελος, ἀπότομος, ἀργυρός, βαρύς, βωβός, γλυκύς, γραπτός, διάβολος, ἐλαδᾶς, ἐξαμιλίτης, ἐξαπτέρυγος, εὐδαίμων, ἰατρός, Ἴβηρ, καβαλλάριος, κακόρριζος, κακός κ. λ. δὲν πλάττονται μόνον καὶ μόνον διὰ νὰ ἐκφράσωσι βυζαντινὰ ἐπώνυμα, ἀλλ' ὑπῆρχον μὲν ἐν τῇ γλώσσῃ καὶ ἐξακολουθοῦσι νὰ ὑπάρχωσι ἐκπληροῦσαι ἄλλον σκοπόν, λαμβάνονται δὲ ἐκεῖθεν ἕτοιμοι ἤδη, ἀναδεχόμεναι μίαν ἀκόμη ὑπηρεσίαν ἔκτακτον, τ. ἔ. νὰ ἀντιπροσωπεύσωσι τὰ ἐπώνυμα. Τούτου οὕτως ἔχοντος δὲν δικαιοῦταί τις ὡς βάσιν τῆς περὶ τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων πραγματείας νὰ λαμβάνῃ τὴν σύνθεσιν. Ἀφοῦ ὅμως ἅπαξ ὁ M. παρεδέχθη τὴν σύνθεσιν ὡς κύριον συστατικὸν

ἀποροῦμεν, διατί δὲν ἀπετέλεσε πληρέστερον τὸν κατάλογόν του, διατί π. χ. ἀφέθησαν ἀπαρατήρητα ὀνόματα σύνθετα, ὁποῖα τά: Ἀτζυπο-θεόδωρος [1]), Ἀντι-χριστοφορίτης, Βουκο-λέων, Ἔμ-μαλλος, Κουκού-πετρος, Σαλο-φακίολος, Σκυλο-ιωάννης, Ψευδ-αλέξιος, κ. λ. π. Διο-γένης, Διο-γενειανός, Διο-μήδης, Ἀντίοχος, Ἀντί-γονος, Δοσί-θεος, Ἀσκληπιό-δοτος (Ἀσκληπιάδης), Ἀθηνό-δωρος, Ἑρμο-γένης, Μητρο-φάνης κ. λ. π. Ἐκτὸς δὲ τούτου, ἀφοῦ εἰς τὸν κατάλογόν του περιλαμβάνει τὰ Ἀργυρόπουλος, Θεοφιλόπουλος κ. ἑ., διατί νὰ μὴ περιλάβῃ καὶ τὰ Οὐμπερτό-πουλος, Γαβριηλό-πουλος, Ἑψητό-πουλος, Κομιτό-πουλος, Νόμος καὶ Νομικό-πουλος, Ξανθό-πουλος, Σπανό-πουλος, Σπανέας, καὶ Σπανός, Σεργό-πουλος, Σαπωνό-πουλος, Μιχάλ-ογλης, Πορφυρο-γέννητος, Τζιντζιφίτζης καὶ μυρία ἄλλα; Ἀνεξαρτήτως ὅμως τῶν παραλείψεων τούτων ὁ πίναξ ἐγκλείει καὶ σειρὰν ἄλλων σφαλμάτων, ὧν ἀναφέρομεν τὰ κυριώτερα. 1) Τὰ εἰς τὴν ῥίζαν ἁγιο- ὑπαγόμενα παραδείγματα πρέπει νὰ ἐκληφθῶσι μᾶλλον, ὅπως ἐν τῇ ὑποσημειώσει κλίνει νὰ ἐκλάβῃ αὐτὰ ὁ Μ. — Ἁγιοζαχαριτός = ὁ ἐκ τοῦ ἁγίου Ζαχαρίου (καὶ ὄχι: **der Mann aus Hagiozacharion!**), Ἁγιοθεοδωρίτης = ὁ ἐξ ἁγίων Θεοδώρων, Ἁγιοπολίτης = ὁ ἐκ τῆς ἁγίας πόλεως (Ἱερουσαλήμ), Ἁγιοχριστοφορίτης = ὁ ἐκ τοῦ ἁγίου Χριστοφόρου κ. λ. π. 2) Τὴν ῥίζαν Βασιλε ἀποδίδει εἰς τὸ βαπτιστικὸν Βασίλειος (**auf den Taufnamen Βασίλειος zu beziehen**)· οὐδεμία ὅμως ἀμφιβολία, ὅτι τὰ Βασιλικός καὶ Βασιλικῖνος οὐδεμίαν σχέσιν δύνανται νὰ ἔχωσι πρὸς τὸ ὄνομα Βασίλειος. 3) Εἶναι ζήτημα, ἂν δύνανται νὰ ἔχωσι σχέσιν πρὸς τὴν ῥίζαν Βου-τὰ ξενικὰ Βαδίτζης, Βοΐλας, Βοϊτάχος, Βουδελός καὶ πολὺ ὀλιγώτερον τὸ ἐπώνυμον Βωβός· ἐπίσης δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ ὑπαχθῇ εἰς τὴν ῥίζαν ταύτην τὸ Βουτουμίτης, διότι διάλυσις Βου-τουμίτης εἶναι ὀλίγον πιθανή· πιθανωτέρα θὰ ἦτο ἴσως ἡ γραφὴ Βουτο-μύτης (ἐκ τοῦ βουτῶ + μύτη). 4) Κατὰ πᾶσαν πιθανότητα τὰ Γλαβᾶς, Γλαβᾶτος εἶναι σλαβικῆς προελεύσεως καὶ ἔχουσι βάσιν τὴν ῥίζαν глава = κεφαλή. 5) Εἶναι ζήτημα, ἂν πρέπει νὰ ὑπαχθῇ τὸ ἐλαδικός εἰς τὴν ῥίζαν ἐλαδ- (= ἔλαιον), πολὺ πιθανώτερον φαίνεται νὰ παραδεχθῇ τις γραφὴν Ἑλλαδικός· ὅτι ὁ ἐρευνητὴς τῶν βυζαντινῶν ὀνομάτων θὰ ἀναγκασθῇ πολλαχοῦ νὰ ἀφίσταται καὶ τῆς ὑπὸ τῶν συγγραφέων παραδιδομένης ὀρθογραφίας, ἐδηλώσαμεν ἀνωτέρω. 6) Ὅτι τὸ Καβάσιλας οὐδεμίαν ἔχει σχέσιν πρὸς τὴν ῥίζαν καβαλλο-, ἐκτὸς πάσης ἀμφιβολίας. 7) Περίεργος μᾶς φαίνεται ἡ ἐκ παραλλήλου ἐκφορὰ τῶν δύο ῥιζῶν καμπανο- (τῶν λέξεων καμπάνα καὶ Καμπανός). 8) Εἰς οὐδὲν τῶν ὑπὸ τὴν ῥίζαν καρα- ὑπαγομένων ὀνομάτων βλέπομεν τὸ κάρα (= Kopf)· τὰ Καρά-μαλλος, Καρᾶς καὶ Καρατζᾶς ἔχουσι βάσιν τὸ τουρκικὸν cará = μέλας. 9) Ἀμφιβάλλομεν ἂν τὸ Καρβέας δύναται νὰ ὑπαχθῇ εἰς τὴν ῥίζαν κάρβουνον. 10) Ἀμφίβολον, ἂν εἰς τὸ Καρτερότζης καὶ Καρτερούκας ὑπάρχει ἡ ῥίζα τοῦ καρτερός, διότι τὸ μὲν Καρτερότζης φαίνεται ἰταλικῆς προελεύσεως, τὸ δὲ Καρτεροῦκας, ἂν δὲν εἶναι ξενικόν, θὰ ἔχῃ μᾶλλον τὴν ἀρχήν του εἰς τὸ ῥῆμα καρτερῶ. 11) Τὸ Κατατούριος καὶ Χατατούριος λεγόμενον καὶ

1) Τὰ παραδείγματα τῶν ὁποίων κάμνομεν χρῆσιν ἐνταῦθα καὶ ἐν τοῖς ἑξῆς λαμβάνονται ἢ ἐκ τοῦ ὑλικοῦ τοῦ Μ. ἢ ἐξ ἰδιαιτέρας μελέτης ἐπὶ τῶν συγγραφέων Μαλαλᾶ, Νικήτα Χωνιάτου, Νικηφόρου Βρυεννίου, Ἄννης Κομνηνῆς καὶ Κιννάμου, τοὺς ὁποίους εἴχομεν ὑπ' ὄψιν· ἐκτὸς δὲ τούτων ἐστρέψαμεν τὴν προσοχὴν καὶ εἰς τὰ ἐπώνυμα τὰ ἀπαντῶντα ἐν τῇ τοῦ **Krumbacher Byzant. Litteraturgeschichte.**

ἀρμενικῆς προελεύσεως ὄν, οὐδεμίαν ἔχει σχέσιν πρὸς τὴν πρόθεσιν κατά. 12) Εἰς τὴν ῥίζαν Κατζα-Κατζί ὑπάγονται ἴσως μόνα τὰ Κατζᾶς καὶ Κατζιλάκιος, τὸ Κατζαμούντης εἶναι ἰταλικόν, τὸ Κατουδάρης καὶ Κατούδης ἔχουσι βάσιν τὸν τύπον κάτα-κατούδιν, τὸ δὲ Χατζίκης (γρ. Κατζίκης) εἶναι ἐθνικόν (πρβ. Κίνν. 249, 5 «τὸ Κατζικίων ἔθνος»). 13) Τὰ Κριτόπλης, Κριτόπουλος μᾶλλον πρὸς τὸ κριτής (= δικαστής) ἀναφέρονται ἢ εἰς τὸ κριτός (= auserlesen). 14) Εἰς τὴν πόλιν Κυδωνία ἀναφέρεται μόνον τὸ Κυδωνιάτης, τὰ δὲ Κυδώνης καὶ Κυδωνίδης ἀποδοτέα εἰς τὸ κυδώνιον (= Quittenapfel). 15) Εἰς τὸ ὄνομα Λέων ἀναφέρεται μόνον τὸ Λεοντάκιος, τὸ δὲ Λεοντάρις δέον νὰ ἀναφερθῇ μᾶλλον εἰς τὸ προσηγορικὸν λέων. 16) Τὸ Μανιάκης εἶναι ἀδύνατον νὰ ὑπαχθῇ εἰς τὸ manica, μανίκιον, ἀλλὰ μᾶλλον εἰς τὸ προσηγορικὸν μανιάκης (πρβ. Λεξ. Sophocl. s. v. — bracelet, collar, necklace), ὥστε νὰ θεωρηθῇ τρόπον τινὰ ἀνταποκρινόμενον πρὸς τὸ λατινικὸν Torquatus· ἀκριβέστερον ὅμως εἰπεῖν καὶ τὸ Μανιάκης εἶναι ξενικῆς προελεύσεως, διότι ἀπαντῶμεν καὶ τύπον Μανιάκ, πρβ. Ἀνν. Κομν. II, 9, 22: τοῦ δὲ Κομανικοῦ στρατεύματος πολλοὶ μὲν καὶ ἄλλοι ἡγεμόνες κατέστησαν, προαγοὶ δὲ πάντων ὁ Τογορτάκ, ὁ Μανιὰκ καὶ ἕτεροι ἄνδρες μαχιμώτατοι. 17) Τὰ Μουρῖνος, Μουρίσκος, Μωρόπαυλος δὲν ὑπάγονται εἰς τὴν ῥίζαν Μαῦρος· τὰ δύο πρῶτα φαίνονται ξενικά, τὸ δὲ Μωρόπαυλος ἀποδοτέον μόνον εἰς τὴν ῥίζαν μωρο-, ὅπως ὑποσημειοῖ καὶ ὁ Μ. 18) Πρὸς τὰς ῥίζας μέλι, μέλισσα οὐδεμίαν σχέσιν ἔχουν τὰ ὀνόματα Μελέτιος, Μέλης καὶ Μελίας, ὧν τὸ μὲν πρῶτον ἀναφέρεται εἰς τὸ μελέτη, τὸ Μέλης εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ ἀπροσώπου μέλει, τὸ δὲ Μελίας μᾶλλον εἰς τὸ προσηγορικὸν μελίη (Esche), πρβλ. Pape-Benseler ἐν λ. Μέλης καὶ Μελίας. πολὺ δὲ ὀλιγώτερον ἔχει σχέσιν πρὸς τὸ μέλι ἢ μέλισσα τὸ ἐπώνυμον Μελιτηνιώτης (Μελιτηνή = ἐπαρχία). 19) Τῶν Μωσηλέ καὶ Μωσιλίκης ἡ ῥίζα δὲν πρέπει νὰ ζητῆται ἐν τῇ ἑλληνικῇ, καθ' ὅσον εἶναι ξενικά· 20) Εἰς τὴν ῥίζαν παν- δὲν ὑπάγονται τὰ Παντόγλης καὶ Πανουκωμίτης, ὧν τὸ μὲν πρῶτον ξενικόν, τὸ δὲ δεύτερον ἐθνικὸν ὄν ἔχει τὴν ἀρχήν του ἴσως ἐκ τοῦ: ἐπάνω κώμη, διότι ἄλλως δὲν ἐξηγεῖται τὸ δεύτερον συστατικόν — ουκωμίτης. 21) Τὸ Πατρηνὸς θεωρητέον ἐθνικὸν ἐκ τοῦ Πάτραι. 22) Οὐδὲν τῶν εἰς τὴν ῥίζαν πηγη- Quelle ὑπαγομένων ὀνομάτων ἔχει τινα σχέσιν πρὸς αὐτήν, ἀλλὰ τὸ μὲν Πηγάνης, ἂν δὲν εἶναι ξενικόν, ἀποδοτέον μᾶλλον εἰς τὴν ῥίζαν πήγαν-ον (die Raute), ἀναφορικῶς δὲ τοῦ Πηγονίτης δέν μοι φαίνεται ἀπίθανον τὸ παρὰ Ducange I, σ. 1164 ἀναγινωσκόμενον: Πηγονίτης apud Scylitzem pag. 732 occurrit Nicetas ὁ Πηγονίτης Patricius, ubi Goarus hanc vocem ita explicat, cujus mentum latius», ὥστε ἐκ τοῦ πηγούνιον. 23) Τὰ Πουλάδης καὶ Πωλάρις δὲν δύνανται νὰ ὑπαχθῶσιν εἰς μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ῥίζαν πουλο-Vogel πουλίον, ἀλλὰ μόνον τὸ πρῶτον, τὸ δὲ δεύτερον ὑπακτέον εἰς τὸ πῶλος-πωλάριν. 24) Τὸ Σαλιβᾶς δυσκόλως ὑπάγεται εἰς τὴν ῥίζαν σαλιβάρι. 25) Τὸ Στράτης δὲν γίνεται ἀμέσως ἀπὸ τοῦ στρατός, ἀλλὰ μᾶλλον θεωρητέον αὐτὸ ὡς κατὰ συγκοπὴν προερχόμενον ἐκ τοῦ Εὐστράτιος. 26) Τὸ Syrer ἑλληνιστὶ δὲν λέγεται Συρός ἀλλὰ Σύρος· ἓν βλέμμα εἰς τὸ λεξικὸν Pape-Benseler θὰ ἤρκει νὰ ὁδηγήσῃ τὸν συγγραφέα· ἀλλὰ καὶ ἄλλως πρέπει νὰ προσθέσωμεν ἐνταῦθα ὅτι ὁ Μ. ὀλίγον προσέχει εἰς τὸ λεξικὸν τοῦτο, ἂν καὶ εἰς πολλά, οὐχὶ βεβαίως εἰς ὅλα, θὰ ἠδύνατο νὰ τὸν ἀπαλλάξῃ ἀπὸ πολλὰς πλάνας.

Ἀφοῦ δὲ ἅπαξ ἀτελῶς κατήρτισε τὸν πίνακα τῶν συνθέτων ὁ Μ., καθ' ἃ εἴπομεν, ἕπεται ὅτι καὶ τὰ συμπεράσματα αὐτοῦ δὲν δύνανται νὰ εἶναι ἀκριβῆ. Ἐν σελ. 17 π. χ. ἀπαριθμῶν τὰ πρῶτα συνθετικά, τὰ ὁποῖα διεσώθησαν ἐκ τῆς ἀρχαίας καὶ ἐν τῇ βυζαντινῇ, παραλείπει τὰ Ἀντι- Ἀθηνο- Ἀσκληπιο- Διο- Δοσι- Ἑρμο- Μητρο-, ἐν ᾧ καθὼς καὶ ἀνωτέρω ἐσημειώσαμεν σώζονται ἂν καὶ σπάνια, τὰ Ἀντί-οχος, Ἀντί-γονος, Ἀθηνό-δωρος, Ἀσκληπιάδης καὶ Ἀσκληπιό-δοτος, Διο-γένης, Διο-γενειανός, Διο-μήδης, Δοσί-θεος, Ἑρμο-γένης, Μητρο-φάνης, καὶ ἴσως σὺν τῷ χρόνῳ κατόπιν ἀκριβεστέρας ἐρεύνης εὑρεθῶσι καὶ ἄλλα ἀκόμη διαψεύδοντα τὴν γνώμην τοῦ Μ. Ἄλλως τε δὲ τὸ λάθος τοῦ Μ. κεῖται ἐν αὐτῇ τῇ βάσει· ὁ μὴ συλλέξας τὸ ὑλικόν του ἐξ ὅλων τῶν συγγραφέων, διὰ νὰ γνωρίζῃ τί ὑπάρχει ἐν γένει καὶ τί ὄχι, δὲν δικαιοῦται νὰ ἐξάγῃ γενικὰ συμπεράσματα, οἷα π. χ. σελ. 17 **von den zahlreichen—ca. 600—Anfangsgruppen des Altertums haben sich nur sehr wenige erhalten.** Καθ' ὅμοιον τρόπον καὶ ἐν σελ. 18 ἀπαριθμῶν τὰς κυριωτέρας τῶν ἐν τῇ ἀρχαίᾳ λίαν εὐχρήστων ῥιζῶν, αἵτινες ὅλως ἐξηφανίσθησαν ἐν τῇ βυζαντινῇ, σημειώνει μεταξὺ ἄλλων τὰς ῥίζας Ἀλεξι- Ἀνδρο- Ἀντι- Διο-· ἀλλὰ ἐκ μὲν τῶν ῥιζῶν Ἀντι- καὶ Διο- ἐμνημονεύσαμεν ἀνωτέρω παραδείγματα ἀπαντῶντα παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς, προσθέτομεν μόνον ἐνταῦθα τὰ Ἀλεξιάδης (Ἀλέξιος) καὶ Ἀνδρόνικος, ὧν τὸ μὲν πρῶτον ἀπαντῶμεν συχνάκις εἰς τὰ ποιήματα τοῦ Προδρόμου, τὸ δὲ Ἀνδρόνικος ἀπαντᾷ καὶ εἰς τοὺς συγγραφεῖς, τοὺς ὁποίους εἶχεν ὑπ' ὄψει ὁ Μ.

Ἐν σελ. 21—31 παρατίθενται χωρία συγγραφέων, ἐν οἷς γίνεται ἀπόπειρα ἑρμηνείας τινῶν ὀνομάτων. Καὶ ἐνταῦθα ἔχομεν νὰ κάμωμεν παρατηρήσεις τινάς. Προκειμένου περὶ τοῦ ἐκ τοῦ Κεδρηνοῦ II, 159, 16 ff. ἀναφερομένου χωρίου (σ. 23), εἴπομεν ἤδη ἀνωτέρω ὅτι ἀνάγκη νὰ παραδεχθῶμεν γραφὴν Ἡμέριος ἀντὶ Ἱμέριος. Τὸ ἐκ τῆς Συνόψεως Σάθα 445, 3 (σ. 23) «Καναβῷ, ἀνδρὶ μειλίχῳ τὸ εἶδος» οὐδεμίαν, νομίζομεν, δίδει νύξιν πρὸς ἑρμηνείαν τοῦ ἐπωνύμου Καναβός. Ἐπίσης οὐδόλως συντείνει εἰς τὴν ἑρμηνείαν τοῦ ὀνόματος (**Namenerklärung**) Κοντομύτης τὸ ἐκ τῆς Συνεχ. Θεοφ. 175, 9 ff (σ. 24) παρατιθέμενον χωρίον «Βάρδαν... τὸν τοῦ Κοντομύτου γαμβρόν· ἐκεῖθεν γὰρ αὐτῷ ἡ τοῦ Κοντομύτου ἐκληρώθη προσηγορία», λέγεται μόνον ἁπλῶς ὅτι ἡ ἐπωνυμία ἐκ τοῦ πενθεροῦ μετεδόθη καὶ εἰς τὸν γαμβρόν.— Ἐπίσης οὐδεμίαν ἑρμηνείαν τοῦ ὀνόματος παρατηροῦμεν καὶ ἐν τῷ χωρίῳ Γεωργ. Φραντζῆ 133, 15 ff. (σελ. 25) «Ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστόν τινας ἐκ τούτου τοῦ γένους τῶν Μελισσηνῶν καὶ Στρατηγοπούλους ἐπωνόμαζον... δι' αἰτίαν τοιαύτην· τὸν γὰρ Ἀλέξιον Καίσαρα τὸν Μελισσηνόν,... Στρατηγόπουλον ἐπωνόμαζον διὰ τὴν μάμμην αὐτοῦ»· καὶ ἐνταῦθα λέγεται ἁπλῶς, ὅτι τὸ ἐπώνυμον Στρατηγόπουλος ἐκ τῆς μάμμης μετεδόθη εἰς τὸν ἔγγονόν.— Τὸ δὲ ἐν σελ. 30 ἐκ Συνεχ. Θεοφ. 172, 16 παρατιθέμενον χωρίον «... Ἱμέριος οὗτος ἐκαλεῖτο ὁ Χοῖρος, διὰ τὴν τοῦ προσώπου οὕτω κατονομαζόμενος ἀγριότητα» οὐδεμίαν δίδει ἀφορμὴν νὰ παραδεχθῶμεν τὴν ὕπαρξιν ἐπωνύμου Χοῖρος, ἂν καὶ αἱ ἐκδόσεις ὄχι μόνον ἐνταῦθα ἀλλὰ καὶ παρὰ Συμ. Μαγ. 659, 9 καὶ Συν. Θεοφ. 253, 17 γράφουσι τὴν λέξιν χοῖρος διὰ κεφαλαίου γράμματος· ἐνταῦθα δὲν πρόκειται περὶ ἑρμηνείας τῆς λέξεως χοῖρος, ἀλλὰ μόνον τῆς λέξεως Ἱμέριος (Ἡμέριος)— οὗτος ὁ χοῖρος ἐκαλεῖτο Ἱμέριος — ὥστε τὸ χοῖρος εἶναι κοσμητικὴ προσηγορία, τὴν ὁποίαν ὁ συγγραφεὺς ἀποδίδει

αὐτῷ, καὶ ἥτις ἴσως ἐξηγεῖται ἐκ τούτου ὅτι καὶ ὁ βασιλεὺς συνήθιζε νὰ ἀποδίδῃ αὐτῷ τοιαύτην φιλόφρονα προσηγορίαν (πρβλ. Συνέχ. Θεοφ. 253, 17).

Ἀνεξαρτήτως ὅμως τῶν προηγουμένων ἀτελειῶν καὶ πάλιν ὁ Μ. δὲν ἀποδεικνύεται ἀκριβολογῶν· ἀποφασίσας νὰ παραθέσῃ τὰ ἐκ τῶν συγγραφέων χωρία ἐν οἷς γίνεται ἀπόπειρα ἑρμηνείας τοῦ ἐπωνύμου, παραλείπει ἄλλα πολλά· εἰς συμπλήρωσιν τῶν ὑπὸ τοῦ Μ. παρατιθεμένων παραδειγμάτων θὰ ἠδυνάμεθα νὰ προσθέσωμέν τινα ἐκ τῶν συγγραφέων, εἰς οὓς ἐστρέψαμεν τὴν προσοχήν, τὰ ἑξῆς: Μαλαλ. 395, 12 «ᾧ τινι παρωνύμην ἔθηκαν οἱ Ἀντιοχεῖς Βαγουλάν, ὅ ἐστι γοργὸς ἐπιθέτης». — Νικητ. Χων. 410, 7 «ἦν δὲ ὁ Ζιντζιφίτζης ἀνδράριον εἰδεχθέστατον... καὶ τὰ πλείω μὲν τῶν μελῶν ἀνάρμοστον καὶ βραχὺ τὸ δέμας καὶ εὔσαρκον», ὅπερ πείθει ἡμᾶς, ὅτι διὰ τὰς ἰδιότητάς του ταύτας ἔλαβε τὴν ὀνομασίαν ἐκ τοῦ καρποῦ ζίντζιφον (γαλλ. jujube).—Κίνν. 216, 3 «Κωνσταντίνῳ τῷ τῆς Κιλικίας δουκί... ὃν Καλαμάνον ἐπεκάλουν νεανίαν, τήν τε ὄψιν ἀγαθῷ καὶ δραστηρίῳ τὰ ἐς μάχας».—Νικήτ. Χων. 160, 3 κ. ἑ. «αὐτίκα γὰρ αἱ χεῖρες τούτῳ (τῷ Κιλιτζασθλάνῃ) ἐξήρθρωντο καὶ τὼ πόδε ὑποσκάζοντε ἦσαν... ὅθεν καὶ τὰς ἀρχὰς τῶν κατ' αὐτοῦ σκωμμάτων ἐξ αὐτοῦ δὴ Ἀνδρόνικος ἐσέπειταποριζόμενος Κουτζασθλάνην τοῦτον ὠνόμαζε, φιλολοίδορος ὢν εἴπερ τις ἄλλος καὶ καθάψασθαι ἀνθρώπων δεινότατος». — Ἀνν. Κομνην. I, 175, 29 «Οὐζᾶς δὲ τὴν κλῆσιν φερώνυμον ἐκ τοῦ γένους λαχών», πρὸς ὃ πρέπει νὰ παραβληθῶσι καὶ τὰ ἐκ τῆς αὐτῆς Ἄννης χωρία II, 71, 12 «τόν τε Οὐζᾶν (ἐκ Σαυροματῶν δὲ οὗτος) καὶ Καρατζᾶν τὸν Σκύθην» καὶ I, 242, 28 «τούτους δὲ τοὺς Οὔννους Οὔζους ἡ ἰδιῶτις ἀπεκάλεσε γλῶττα».

Ἐν σελ. 31—35 ἀναλαμβάνει ὁ Μ. νὰ διακρίνῃ καὶ ταξινομήσῃ τοὺς ὅρους, δι' ὧν διακρίνουσιν οἱ διάφοροι συγγραφεῖς τὸ ὄνομα ἀπὸ τοῦ ἐπωνύμου· καὶ ἡ ἐργασία αὕτη κατὰ τὴν ταπεινήν μας γνώμην εἶναι ὅλως ἄσκοπος καὶ ἄγονος· ὁ ἀσχολούμενος εἰς τὴν μελέτην ἀποκλειστικῶς ἑνὸς συγγραφέως θὰ ἐδικαιοῦτο νὰ στρέψῃ τὴν προσοχήν του καὶ εἰς τοιαῦτά τινα συντείνοντα εἰς τὸν καθορισμὸν τοῦ ὕφους αὐτοῦ τοῦ συγγραφέως, ἀλλ' ὁ ἔχων ὑπ' ὄψιν 52 ὅλους συγγραφεῖς διαφόρου πνευματικῆς μορφώσεως, διαφόρων τάσεων καὶ τὸ κυριώτερον διαφόρου ἐποχῆς (πολλοὺς ἐξ αὐτῶν χωρίζει ἀπ' ἀλλήλων χρονικὸν διάστημα χιλίων ἐτῶν) ματαιοπονεῖ, νομίζομεν, ἀποπειρώμενος νὰ ἀνεύρῃ κοινόν τι ἐν τῷ τρόπῳ τῆς ἐκφράσεως αὐτῶν (Μαλαλᾶς καὶ Προκόπιος, Ἀγαθίας καὶ Θεοφάνης, Ἄννα Κομνηνὴ καὶ Chronicon Pascale κ. λ. π. κ. λ. π.). Καὶ τὸ ἀποτέλεσμα τοῦ Μ. κατὰ φυσικὸν λόγον ἀποδεικνύει τὸ ἄσκοπον τῆς ἐπιχειρήσεως· ἂν παραβάλῃ τις τὰ ἐν σελ. 34 καὶ 35 λεγόμενα, πείθεται, ὅτι σχεδὸν αἱ αὐταὶ λέξεις, οἱ αὐτοὶ ὅροι, οἱ λαμβανόμενοι πρὸς δήλωσιν ἢ πρὸς προσδιορισμὸν τοῦ κυρίου ὀνόματος, λαμβάνονται καὶ πρὸς δήλωσιν τοῦ ἐπωνύμου. Τὰ ῥήματα καλῶ, λέγω καὶ ὀνομάζω π. χ. τὰ ὁποῖα φαίνονται ὅτι ἁρμόζουσι μόνον εἰς τὸ κύριον ὄνομα, ἀπαντῶσι συχνότατα καὶ εἰς τὸ ἐπώνυμον, ὡς δεικνύουσι τὰ ἑπόμενα παραδείγματα Συνεχ. Θεοφ. 172, 16: Ἱμέριος οὗτος ἐκαλεῖτο. — Λέων Γραμμ. 179, 20 Ἰωάννην δὲ τὸν Δαμασκηνόν, ὃν Χρυσορρόαν ἐκάλουν.—Γεώργ. Κεδρ. II, 231, 5 κ. ἑ. Λέων πατρίκιος ὁ Θρᾳκῶν καὶ Μακεδόνων ἀρχηγέτης, ὃν ἀπὸ Στυπείου ἐκάλουν.—Λέων Γραμμ. 159, 12 οὗτος ἐκλήθη Πωγωνᾶτος.—Μιχ. Γλυκ. 517, 5 κ. ἑ. Πωγωνᾶτος δὲ ἐλέγετο δι' αἰτίαν τοιαύτην. — Ἰωάν. Ζων. IV, 72, 6 κ. ἑ.

ὁ δὲ υἱὸς αὐτοῦ Ρωμανός, ὃς καὶ παιδίον ἐλέγετο. — πρβ. καὶ Γεώργ. Κεδρ. II, 453, 20 κ. ἑ. Ζωναρ. IV, 119, 1.—219, 17. — Νικηφ. Βρυένν. 56, 12. — Ἰωάν. Σκυλ. 706, 1 κ. ἑ. — Γεώργ. Κεδρην. II, 302, 23. — 482, 21. — I, 607, 14. — Γεώργ. Παχυμ. I, 430, 18.—Νικηφ. Γρηγορ. III, 80, 1.—Συμ. Μάγ. 652, 22.— Σύνοψ. Σαθ. 400, 8. — Νικηφ. Γρηγ. 293, 7 κ. ἑ. καὶ ἄλλα πολλά. Ἐπίσης δὲ εἰς τὰ ὀνόματα καὶ οὐχὶ εἰς τὰ ἐπώνυμα ἀποδίδεται συνήθως ὁ ὅρος κλῆσις, ὁ δὲ Μ. ἐν σελ. 36 θεωρεῖ ὡς περίεργον φαινόμενον, ὅτι εὑρίσκει ἓν παράδειγμα ἐκ τοῦ Νικήτα Χων. (381, 7), ἐν ᾧ λαμβάνεται τὸ κλῆσις ἐπὶ ἐπωνύμου· καὶ ὅμως ἂν ἀκριβέστερον παρετήρει, θὰ εἶχε νὰ ἀπαριθμήσῃ περισσότερα παραδείγματα τούτου τοῦ φαινομένου· ἡμεῖς οὐ μόνον ἐξ αὐτοῦ τοῦ ὑλικοῦ, τὸ ὁποῖον μᾶς δίδει ὁ Μ., ἔχομεν νὰ παραθέσωμεν καὶ δεύτερον παράδειγμα (σ. 28) Συνοψ. Σαθ. 460, 5 κ. ἑ. «Οὐδέποτε δὲ Ρωμαῖοι παρ' οὐδέ τινος τοιαῦτα, οἷα παρ' αὐτοῦ κακὰ ἔπαθον, διὸ καὶ κλῆσιν τῆς ἀπηνείας ἀξίαν ἔσχηκε Σκυλοιωάννης ὄνομα ἐπίσημον κληρωσάμενος», ἀλλὰ καὶ ἄλλα χωρία νὰ ἀναφέρωμεν ἐκ τοῦ στενοτέρου κύκλου τῶν συγγραφέων, οὓς ἰδιαιτέρως ἐπεθεωρήσαμεν πρὸς τὸν σκοπὸν τοῦτον Νικητ. Χων. 818, 8 Ἐτζυισμένον τὴν κλῆσιν. —Ἀνν. Κομν, I, 71, 5 καί τινα Εὐφημιανὸν τὴν κλῆσιν.—220, 6 Κλιτζιασθλᾶν τὴν κλῆσιν.—II, 276, 27 Βάρδαν τὴν κλῆσιν.

Χάριν ἀκριβείας, πρὶν ἐγκαταλίπωμεν τὸ κεφάλαιον τοῦτο, ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ προσθέσωμεν, ὅτι ἐκ τῆς ἀπαριθμήσεως τῶν μετοχικῶν ἐκφράσεων πρὸς δήλωσιν τοῦ ἐπωνύμου (σελ. 35 6 α) δὲν εὑρίσκομεν τὴν παρ' Ἀνν. Κομνην. I 35 ἐν χρήσει φράσιν «τοῦ τότε κρατοῦντος Μιχαὴλ τοῦ τὰς τοῦ γένους σειρὰς πρὸς τοὺς Δούκας ἀνάπτοντος».

Ἐν δὲ σελ. 36 (ad 2) τὸν λόγον ποιούμενος περὶ τῆς ἐκ παραλλήλου ἐκφορᾶς τοῦ ὀνόματος καὶ ἐπωνύμου σημειοῖ, ὅτι καὶ ἡ θέσις τοῦ ἐπωνύμου καὶ ἡ χρῆσις τοῦ ἄρθρου ἐξαρτᾶται ὅλως ἐκ τῆς ἀρεσκείας τοῦ συγγραφέως καὶ ἐπιφέρει ὡς παράδειγμα τὸ Ἰωάννης (ὁ) Δούκας ἢ Δούκας (ὁ) Ἰωάννης, λησμονῶν ὅτι τό: Δούκας ὁ Ἰωάννης εἶναι ὅλως ἀδύνατον διὰ τὴν ἑλληνικὴν σύνταξιν οὐ μόνον τὴν ἀρχαίαν ἀλλὰ καὶ τὴν βυζαντινὴν καὶ τὴν σημερινὴν ἀκόμη. Παρὰ Νικήτᾳ Χωνιάτῃ π. χ. ὅστις κατὰ προτίμησιν προτάσσει τὸ ἐπώνυμον τοῦ ὀνόματος ἔχομεν μὲν παραδείγματα, οἷα: τὸν Ταρωνίτην Γρηγόριον (13).—ὁ Ἀξοῦχος Ἰωάννης (14).—ὁ Κομνηνὸς δηλονότι Ἀνδρόνικος.—ὁ Δασιώτης Θεόδωρος (68).—ὁ Στυπῆς Λέων (70).—τὸν Ἁγιοθεοδωρίτην Ἰωάννην.—τῷ Στυππειώτῃ Θεοδώρῳ (74).—τοῦ Παλαιολόγου Μιχαὴλ καὶ τοῦ Βαλσαμὼν Ἰωσὴφ (77).—ὁ Χαλούφης Νικηφόρος (101).—τὸν Κοντοστέφανον Στέφανον (103) κ. τ. λ., ἀλλ' εἰς οὐδὲν τούτων ἐπαναλαμβάνεται τὸ ἄρθρον πρὸ τοῦ ὀνόματος, ἐν ᾧ προηγουμένου τοῦ ὀνόματος τὸ ἄρθρον δυνατὸν νὰ τίθηται ἢ ὄχι πρὸ τοῦ ἐπωνύμου π. χ. Ρωμανὸν τὸν Διογένην (41).—Κωνσταντῖνον τὸν Γαβρᾶν (45).—Δημήτριος ὁ Βρανᾶς (71).—Ἰωάννῃ τῷ Ἀξούχῳ 103.—Βασίλειος ὁ Τζιντζιλούκης (133).—διὰ τοῦ Γουδελίου Τζυκανδήλη (163). Διδακτικὰ ἀναφορικῶς τῆς χρήσεως τοῦ ἄρθρου εἶναι τοιαῦτα χωρία, ἐν οἷς ὁ συγγραφεὺς ἔχων νὰ ἀπαριθμήσῃ πολλὰ ζεύγη ὀνομάτων καὶ ἐπωνύμων, εἰς ἄλλα μὲν προτάσσει τὸ ἐπώνυμον, εἰς ἄλλα δὲ τὸ ὄνομα π. χ. 251, 13 κ. ἑ. «στέλλει δὲ τὸν ἀνεψιὸν Ἰωάννην τὸν Βατάτζην... καὶ τὸν Δούκαν Κωνσταντῖνον... ἔτι δὲ τὸν Ἀσπιέτην Μιχαήλ».—344, 14 «τὸν

Τορνίκην Δημήτριον, τὸν Μοναστηριώτην Λέοντα καὶ Κωνσταντῖνον τὸν Πατρηνόν».—377, 2 κ. ἑ. «ἐνῆγον δὲ τὸν Ἀνδρόνικον.... ὁ Μακροδούκας Κωνσταντῖνος... καὶ Ἀνδρόνικος ὁ Δούκας».—407, 18 κ. ἑ. «τοῦ βίου ἐξήγαγε τὸν Μακροδούκαν Κωνσταντῖνον καὶ τὸν Δούκαν Ἀνδρόνικον».—562, 11 κ. ἑ. «ὁ πρωτοστράτωρ Μανουὴλ ὁ Καμύτζης καὶ ὁ Κομνηνὸς Ἰσαάκιος».

Ἐν σελ. 37—39 περιέχεται σπουδαία ἀνακάλυψις τοῦ **Moritz**, ὅστις κατώρθωσε νὰ ἀνιχνεύσῃ, ὅτι ἐν τῷ συνδυασμῷ ἐπωνύμου καὶ ὀνόματος ἢ ἐπωνύμου καὶ τῶν παρατιθεμένων προσδιορισμῶν τηρεῖται αὐστηρῶς ὁ νόμος τοῦ **Wilhelm Meyer**, καὶ ἐν σελ. 38—39 ἐπιφέρει παραδείγματα, ἐν οἷς πράγματι ἐφαρμόζεται ὁ ῥηθεὶς νόμος. Τί ἡμεῖς φρονοῦμεν ἐν γένει περὶ τοῦ φανταστικοῦ νόμου τοῦ **W. Meyer** θὰ δημοσιεύσωμεν ἐν προσεχεῖ μέλλοντι, πρὸς τὸ παρὸν ἀρκούμεθα νὰ δηλώσωμεν κατηγορηματικώτατα, ὅτι τοῦ λόγου ὄντος περὶ συνδυασμοῦ ἐπωνύμου καὶ ὀνόματος δὲν τηρεῖται ὁ νόμος τοῦ **Meyer**· τὰ παραδείγματά μας συνελέξαμεν ἐξ ἐπιπολαίας ἀναγνώσεως ὡρισμένων μόνον συγγραφέων, ὡς ἐδηλώσαμεν καὶ ἀνωτέρω, διότι μᾶς ἦτο φυσικῆς ἀδύνατον νὰ διέλθωμεν πάντας τοὺς συγγραφεῖς, τοὺς ὁποίους ἔχει ὑπ' ὄψιν ὁ **Moritz**· οὐχ ἧττον ἔχομεν τὴν βεβαιότητα, ὅτι ἀκριβὴς ἐξέτασις καὶ τῶν ἄλλων συγγραφέων θὰ φέρῃ εἰς τὸ αὐτὸ ἀποτέλεσμα. Ἰδοὺ τὰ παραδείγματα: Κίνν. 48 Πέρσην μὲν τὸ γένος Πουπάκην ὄνομα.—73 ἐπί τινα χῶρον, ᾧ Λόγγοι ὄνομα.—81 Μαμπλάνης ὄνομα.—82 ᾧ τὸ ἐπώνυμον Βρανᾶς ἔκειτο.—104 ἐφ' ἕτερον ἐκεῖθεν κατῆλθε ποταμὸν Δρυνᾶν ὄνομα.—127, 23 περί τινα χῶρον, ᾧ Μεταβολὴ ὄνομα.—152, 12 κ. ἑ. ἔνθα τῶν περὶ Γιλίελμον συνέβαινεν εἶναί τινα Φλαμίγγον ὄνομα.—161, 23 κ. ἑ. ὅτε δὴ καὶ ἄνδρα τῶν μάλιστα ἐν Ἰταλιώταις δοκίμων Συχέρην ὄνομα ἁλῶναι τετύχηκεν.—167, 6 καὶ Παιράμην Πέρσην γένος.—242, 14 καὶ τῶν τις Οὔννων τύχης ἐπιφανοῦς Βασάκης ὄνομα.—293, 9 Μιχαὴλ μέν, ᾧ ἐπίκλησις Γαβρᾶς ἦν.

Ἄνν. Κομνην. I 9 καὶ 16 Μιχαὴλ τοῦ Δούκα.—69 ἡ Δαλασσηνὴ Ἄννα.—71 καί τινα Εὐφημιανὸν τὴν κλῆσιν.—173 τὸν καλούμενον Πυρρὸν Γεώργιον.—220 Κλιτζιασθλὰν τὴν κλῆσιν... τὸν Εὐφορβηνὸν Ἀλέξανδρον.—227 ὁ Μαυροκατακαλὼν Νικόλαος.—II 31 Εὐφορβηνὸν Ἀλέξανδρον.—71 Καρατζᾶν τὸν Σκύθην.—121 Γαβρᾶς Θεόδωρος.—124 Βαρδαλῆν καλούμενον.—134 ὁ δὲ λεγόμενος Ἐλεήμων κόμης.—190 καὶ κόμητά τινα Σαρακηνὸν καλούμενον.—193 ὁ δέ γε Ἀλανὸς Ῥωσμίκης.—221 ὁ Ἀμάλφης Μαῦρος... Ἰοσφρὲ Μαλή... Ζουπάνος ὁ Περῆς καὶ Σίμων.—299 Ζιγαβηνὸν καλούμενον.—305 ὁ δὲ γε Καλλικλῆς Νικόλαος.

Νικήτ. Χων. 70 ὁ Στυπῆς Λέων.—125 ὁ Κομνηνὸς Ἀλέξιος.—133 ὁ Κομνηνὸς Ἀνδρόνικος.—192 κατὰ τοῦ Σκληροῦ Σήθ.—207 τὸν Πεδιάτην Θεόδωρον.—233 καὶ ὁ Λαπαρδᾶς Ἀνδρόνικος.—345 ὁ Καματηρὸς Βασίλειος.—381 ὁ Ἁγιοχριστοφορίτης Στέφανος.—403 τοὐπίκλην Μάμαλος.—406 καὶ 488 ὁ Μοναστηριώτης Λέων.—408 τὸν Ἁγιοχριστοφορίτην Στέφανον.—484 τὸν Ρεντακηνὸν Βασίλειον.—491 ὁ Βρανᾶς Ἀλέξιος.—530 τὸν Καματηρὸν Βασίλειον.—535 τὸν τοῦ Ἀλεξίου Βρανᾶ υἱὸν Θεόδωρον.—549 καὶ ὁ Λυδὸς Θεόδωρος.—553 ὁ Χοτζᾶς Βασίλειος.—564 Λιτοβόης τοὔνομα.—593 ὁ Βρανᾶς Θεόδωρος.—625 ὁ Καταχαλὼν Ἀνδρόνι-

κος.—636 Γενουίτης γάρ τις Καφούρης τοὔνομα.—799 καὶ 841 ὁ Σγουρὸς Λέων.

Μαλαλ. 385 Ἰλλοῦς ὁ Ἴσαυρος.—403 Βιταλιανὸς ὁ Θρᾷξ.—424 Ζαχαρίαν, ὅστις ὑπῆρχε Τύριος.—449 ὁ ἀπὸ ὑπάτων Πρίσκος.—483 Ἰωάννης ὁ ἐπίκλην Δάνδαξ.—492 υἱὸς ὢν Ἰωάννου Κομενταρισίου τοῦ ἐπίκλην Γύλου.

Νικηφ. Βρυέν. 6 ὁ Κομνηνὸς Ἀλέξιος πρβ. καὶ σελ. 106, 107, 119, 122, 123, 124, 130, 136, 139, 140, 141, 145, 149 καὶ 155.—19 τῇ πρεσβυτέρᾳ τῶν βασιλέως Βουλγάρων Σαμουὴλ θυγατέρων, Αἰκατερίνα ὄνομα.—82 πρὸς τῇ κεφαλῇ τοῦ ὄρους γενόμενος, ὃ Μαροξὸς καλεῖται.—107 ἦν γὰρ αὐτῷ ἀδελφὴ πρεσβυτέρα, Ζωὴ τὸ ὄνομα.—127 τὸν ἔκγονον αὐτοῦ Μιχαὴλ τὸν Δούκα ἐνατενίσας.—153 καί τις ἀνὴρ Μακεδὼν Πέτρος τοὔνομα, Τορνίκιος τὸ ἐπώνυμον.

Ἴσως ὅμως θὰ εἴπῃ τις, ὅτι οἱ συγγραφεῖς, τοὺς ὁποίους ἡμεῖς τυχαίως ἐλάβομεν ὑπ' ὄψιν, δὲν τηροῦσιν αὐστηρῶς τὸν νόμον τοῦ **Meyer** (πρβ **K. Krumbacher, Ein Dithyrambus des Theophanes. Sitzungsber. d. philos-philol. Classe der K. B. Akademie der Wissenschaften. 1896. Heft IV** σ. 583 κ. ἑ.—σελ. 598) καὶ τοῦτο ἴσως θὰ φανῇ ἀρκετὴ δικαιολογία· οὐχ ἧττον καὶ ὁποιοσδήποτε ἄλλος συγγραφεὺς λάβῃ ἀνάγκην νὰ συνδυάσῃ τὸ ἐπώνυμον Βρανᾶς, Γαβρᾶς ἢ Κεδρηνὸς καὶ τὸ ὄνομα π. χ. Γεώργιος, Ἀλέξιος, Πέτρος, Νικόλαος, ἢ Χρῖστος προτάσσων τὸ ἐπώνυμον, κατ' ἀνάγκην θὰ παράσχῃ ἡμῖν παράδειγμα ἀντιβαῖνον εἰς τὸν ὑποθετικὸν νόμον: ὁ Βρανᾶς Γεώργιος, ὁ Βρανᾶς Ἀλέξιος, ὁ Βρανᾶς Πέτρος, ὁ Βρανᾶς Νικόλαος, ὁ Βρανᾶς Χρῖστος, καθ' ὅμοιον τρόπον ὁ Γαβρᾶς Γεώργιος, ὁ Γαβρᾶς Ἀλέξιος κ. τ. λ., ὁ Κεδρηνὸς Γεώργιος κ. τ. λ., διότι βεβαίως δὲν θὰ ἀποφασίσῃ ὁ συγγραφεὺς χάριν ἀνυπάρκτου νόμου νὰ ἀναβαπτίσῃ τὰ δρῶντα πρόσωπα ἢ νὰ παραβῇ τοὺς γραμματικοὺς κανόνας παρενείρων τὸ ἄρθρον ἐκεῖ, ὅπου οὐδόλως χωρεῖ. Ἐκτὸς δὲ τούτου καὶ εἰς αὐτὸ τὸ ὑλικὸν τὸ ὁποῖον μᾶς παρέχει ὁ **M.** δὲν εἶναι δύσκολον νὰ ἀνεύρῃ τις πληθώραν παραδειγμάτων, ἅτινα ἀντικρούουσι τὴν γνώμην αὐτοῦ. ἰδοὺ τοιαῦτα.

σελ. 23. Γεώργ. Κεδρ. 189, 21 κ. ἑ. ὁ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ καὶ τοῦ Βάρδα τοῦ Καίσαρος συγγενὴς Θεόφιλος.—Ἰωανν. Κανταχουζ. I 14, 21 κ. ἑ. Μιχαήλ,... ὃς δὴ καὶ Καθαρὸς ὠνόμαστο, μητρόθεν λαχὼν τὴν κλῆσιν.—Νικηφ. Γρηγορ. III 80, 1 κ. ἑ. τηνικαῦτα ἀπῆν ὁ τῆς πόλεως ἐπισκοπῶς (γρ. ἐπισκοπῆς) προΐστασθαι λαχὼν Κόκκινος.

σελ. 26. Ἰωάν. Σκυλίτσ. 706, 1: ἦν γάρ τις εὐνοῦχος Νικηφόρος ὄνομα.

σελ. 28. Μιχ. Γλυκ. 517, 5. κ. ἑ.... ἐφ' ᾧ καὶ Πωγωνᾶτος λέγεται.

σελ. 29. Γεώργ. Παχυμ. I 442, 4: καί τις νεανίας τὸ γένος Βούλγαρος, Χοιροβοσκὸς τοὐπίκλην.

σελ. 32. Νικηφ. Πατρ. 49, 6: Γεωργός τις ὄνομα, τὸ ἐπίκλην Βούραφος.

σελ. 41. Γεώργ. Ἀκροπολ. 35, 9: ὁ Εἰρηνικὸς Θεόδωρος.—Γεώργ. Φραντζ. 205, 8 Ἀλέξιος Φιλανθρωπινὸς ὁ Λάσκαρις.—426, 2 Ραοὺλ Μιχαὴλ ὁ Ἴσης.

Πρὶν μεταβῶμεν εἰς τὸ δεύτερον μέρος ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ κάμωμεν λόγον καὶ περὶ μιᾶς ὅλως ἄλλης φύσεως πλάνης τοῦ **Moritz**, ἐπιδοκιμάζοντος ἐν σελ. 29 μίαν διόρθωσιν τοῦ **Du Cange** ἐπὶ ἑνὸς χωρίου Λέοντος τοῦ Διακόνου (92, 2 κ. ἑ. «περὶ τῶν τῷ Ἰωάννῃ πραχθέντων, ὃς κατ' ἐπίκλησιν Τζιμισκῆς

ἐκαλεῖτο· τοῦτο δὲ τὸ τῆς Ἀρμενίων διαλέκτου πρόσρημα ὄν, εἰς τὴν Ἑλλάδα μεθερμηνευόμενον μουζακίτζην δηλοῖ· βραχύτατος γὰρ τὴν ἡλικίαν τελῶν ἐπωνυμίαν ταύτην ἐκτήσατο). Τοῦ λόγου προκειμένου περὶ τῆς λέξεως μουζακίτζην, ἀρκεῖται ὁ Μ. νὰ προσθέσῃ ἐν ὑποσημειώσει «**auf Parallelstellen gestützt emendiert Du Cange (Gloss. s. v. Τζιμισκῆς) mit Recht** μοιροκατίτζην, **welche Emendation aber C. B. Haase in seiner Ausgabe des Leon Diaconus nicht beachtete**». Τὴν ὑποσημείωσιν ταύτην ἀναγνόντες δὲν ἠδυνάμεθα νὰ ἐννοήσωμεν, εἰς τί κυρίως συνίσταται ἡ ὀρθὴ διόρθωσις καὶ τίνα ἔννοιαν ἔχει ἡ λέξις μοιροκατίτζην, ἐδέησε δὲ νὰ παραβάλωμεν τὸ χωρίον τοῦ **Du Cange** διὰ νὰ πεισθῶμεν ὅτι ὁ μὲν **Du Cange** λογικὴν προτείνει διόρθωσιν, ὁ δὲ **M.** οὐδόλως αὐτὸν ἐννοεῖ. Ὁ **Du Cauge** σελ. ἐν λ. Τζιμισκῆς παραθέτων τὸ ἀνωτέρω χωρίον τοῦ Λέοντος Διακόνου ἐπιφέρει «**Sed legendum** μοιρακίτζην **docent Excerpta historica MSS. ex Cod. Reg. 1334, ubi de eodem Ioanne:** τὸ Τζιμισκῆ πρόσρημα τῇ τῶν Ἀρμενίων διαλέκτῳ μεθερμηνευόμενον μοιρακίτζην δηλοῖ· ἐπεκλήθη δὲ οὗτος (γρ. οὕτως) διὰ τὸ βραχὺ τῆς ἡλικίας. **Constantinus Manasses.** Τῷ Τζιμισκῇ δὲ κλῆσις ἦν βρεφόθεν Ἰωάννης».

Ὁ μετὰ προσοχῆς ἀναγινώσκων τὰ ὑπὸ Δ. γραφόμενα βλέπει, ὅτι οὗτος οὐχὶ τὸ μοιροκατίτζην ἀλλὰ τὸ μοιρακίτζην θεωρεῖ ὡς δυνάμενον νὰ ἀντικαταστήσῃ τὸ παρὰ Λέοντι Διακόνῳ γραφόμενον μουζακίτζην· τί δὲ εἶναι τὸ μοιρακίτζην τοῦ Δ. ἐννοεῖ πᾶς τις, ὅταν παραδεχθῇ τὴν ὀρθὴν γραφὴν τῆς λέξεως (μειρακίτζιν ἐκ τοῦ μειράκιον).

Ὁ ἐκδότης τοῦ Λέοντος Διακόνου **Haase** εἶχεν ὑπ' ὄψει τὴν γνώμην τοῦ **Du Cange** καὶ ὀρθῶς ἐξέλαβεν αὐτήν, διότι ἐν σελ. 454 (ἔκδ. **Bonn.**) σημειοῖ ἀναφορικῶς τῆς λέξεως μουζακίτζην, «**h. e. pusillum. vid. Duc. glossar. II 1570**», καὶ ὅμως δυσκολεύεται νὰ παραδεχθῇ τὴν γνώμην τοῦ Δ., διότι ἀποταθεὶς εἰς ἄνδρα ἔμπειρον τῆς ἀρμενικῆς γλώσσης (**Cirbied**) ἔλαβεν τοιαύτην πληροφορίαν περὶ τῆς παραγωγῆς τῆς λέξεως Τζιμισκῆς «**Tschemischgaizag, qui signifie sandale étincelante ou rouge, que portent les femmes Orientales à leurs pieds, est le nom d'une ville de la grande Arménie, qui s'appellait aussi anciennement Hierapolis; elle fut la patrie de Jean Zimiscés. Ce dernier nom, qu'on écrit en arménien Tshemeschghigh, n'est que le diminutif du premier, et il signifie petite sandale étincelante. Telle est la signification où l' étymologie du mot Zimiscés**». Κατόπιν τοιαύτης κατηγορηματικῆς γνώμης ὁ **Haase** ἀφήνει εἰς τοὺς περὶ τοὺς ἀνατολικὰς γλώσσας ἀσχολουμένους νὰ συμβιβάσωσι τὰ ἀνωτέρω περὶ τῆς ἐν τῇ ἀρμενικῇ σημασίας τῆς λέξεως Τζιμισκῆς πρὸς τὰ ὑπὸ τοῦ Λέοντος Διακόνου γραφόμενα. Καὶ ὅμως δὲν εἶναι ἀδύνατον, νομίζομεν, νὰ συμβιβάσῃ τις ταῦτα. Κατὰ τὴν ἀνωτέρω ἐξενεχθεῖσαν γνώμην ἡ λέξις **Tschemeschghigh** (= Τσιμισκῆς) εἶναι ὑποκοριστικὴ μορφὴ τῆς λέξεως **Tschemischgaizag**; τῆς δὲ τελευταίας ταύτης ἐχούσης διπλῆν σημασίαν 1) πόλις τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ἑλληνιστὶ λεγομένη Ἱεράπολις, 2) εἶδος κοκκίνου ὑποδήματος, πιθανῶς λαβόντος τὸ ὄνομα ἐκ τῆς πόλεως, ἂν οὐχὶ τἀνάπαλιν), ἡ πρώτη (δηλ. **Tschemeschghigh**) σημαίνει μικρὸν κόκκινον ὑπόδημα. ἂν συγχρόνως ἡ λέξις αὕτη ἐσήμαινεν ἐν τῇ ἀρμενικῇ καὶ τὸν καταγόμενον ἐκ τῆς Ἱεραπόλεως ἢ ὄχι εἶναι ζήτημα, τὸ ὁποῖον δὲν εἴμεθα κατάλ-

ληλοι νὰ λύσωμεν ἡμεῖς, ὁ δὲ παρὰ τῷ Haase Ἀρμενολόγος ἀφήνει ὅλως ἄθικτον. Ὅπως καὶ ἂν ἔχει ὅμως τὸ πρᾶγμα, ὁ Τσιμισκῆς ἔλαβε τὸ ὄνομα ὡς καταγόμενος ἐκ τῆς μνημονευθείσης ἀρμενικῆς πόλεως, ἐξ ἧς ἐγίνετο ἐξαγωγὴ κοκκίνων ὑποδημάτων, καὶ ἐπειδὴ ἦτο βραχύτατος τὴν ἡλικίαν κατὰ τὸν Διάκονον ὠνομάζετο μὲ τὴν ὑποκοριστικὴν μορφὴν τῆς λέξεως. Ἐννοεῖται ὅτι ἡ σημασία τῆς ἀρμενικῆς λέξεως ἦτο ἄγνωστος εἰς τοὺς βυζαντινοὺς καὶ οἱ ἀνερευνήσαντες τὴν παραγωγὴν τοῦ ὀνόματος τοῦ αὐτοκράτορός των ἐφρόντισαν νὰ μάθωσι, τίνα σημασίαν ἔχει ἡ λέξις ἐν τῇ ἀρμενικῇ· τὴν σημασίαν δὲ ταύτην ἀποδίδει Λέων ὁ Διάκονος διὰ τῆς βυζαντινῆς λέξεως μουζακίτζην, τὰ δὲ παρὰ **Du Cange Excerpta historica** διὰ τῆς λέξεως μοιρακίτζην, τ. ἔ. μειρακίτζιν. Ποία τῶν δύο τούτων λέξεων εἶναι ὀρθοτέρα; Ἡμεῖς δὲν διστάζομεν νὰ ἀποφανθῶμεν ὑπὲρ τῆς λέξεως μουζακίτζην, τὴν ὁποίαν δίδει ἡμῖν ὁ πλησιέστερος τῷ αὐτοκράτορι ἱστορικὸς Λέων ὁ Διάκονος, καὶ τοῦτο διότι αὕτη εἶναι πλησιεστέρα εἰς τὴν ἀρμενικὴν **Tschemeschghigh**. Παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς ὑπῆρχε λέξις μουζάκιν, σημαίνουσα τὸ ὑπόδημα καὶ ἴσως κατ' ἐξοχὴν τὸ ἀρμενικὸν ὑπόδημα, περὶ οὗ εἴδομεν ἀνωτέρω, ὁ **Du Cange** ἐν σ. 959 παραθέτει ἡμῖν χωρίον ἐκ τοῦ Κωδινοῦ «**de offic. cap. 3 num. 6**». τὰ δὲ ὑποδήματα αὐτοῦ διβολέα, χρώματος ὀξέος καὶ λευκοῦ, ἔχοντα ἀετοὺς μαργαριταρείνους ἐκ πλαγίων τε καὶ ἐπὶ τῶν ταρσῶν, ἤτοι ἐπάνω τῶν ὑποδημάτων τῶν μ ο υ ζ α κ ί ω ν». Τούτου δὲ τοῦ μουζάκιν ὑποκοριστικὸν θὰ ὑπῆρχε μουζακίτζιν, ὅπερ φυσικῷ τῷ λόγῳ θὰ ἐσήμαινε μικρὸν ὑπόδημα, καὶ τοῦτο κυρίως ἔχει ὡς βάσιν τῆς ἑρμηνείας τῆς λέξεως Τζιμισκῆς ὁ Διάκονος γράφων, τοῦτο δὲ (τὸ Τζιμισκῆς) τῆς Ἀρμενίων διαλέκτου πρόσρημα ὄν, εἰς τὴν Ἑλλάδα μεθερμηνευόμενον μουζακίτζην δηλοῖ· βραχύτατος γὰρ τὴν ἡλικίαν τελῶν ἐπωνυμίαν ταύτην ἐκτήσατο.

Καὶ τὸ δεύτερον μέρος τῆς πραγματείας τοῦ **Moritz** (**Sprachlicher Theil.**— σελ. 43—55) ἔχει πολλὰ τὰ τρωτά· Οὔτε ἡ ταξινόμησις τῆς ὕλης, τὴν ὁποίαν ὁ Μ. παραδέχεται, φαίνεται ἡμῖν ὀρθή, οὔτε ἡ καθ' ἕκαστον κατάταξις τοῦ ὑλικοῦ εἶναι ἀπηλλαγμένη σφαλμάτων. Καὶ ὅσον μὲν ἀφορᾷ τὴν κατάταξιν τοῦ ὑλικοῦ ἂν καὶ δὲν ἐπιθυμοῦμεν νὰ ἐνδιατρίψωμεν ἐπὶ πολύ, οὐχ ἧττον ἀνάγκη νὰ ἀπανορθώσωμέν τινα τῶν σφαλμάτων τοῦ Μ. Σχεδὸν εἰς ὅλας τὰς τάξεις τῶν ἐπωνύμων, τὰς ὁποίας παραδέχεται, συγκαταλέγει ἐπώνυμα μηδεμίαν ἔχοντα σχέσιν πρὸς τὴν τάξιν ταύτην. θὰ ἀρκεσθῶμεν νὰ ὑποδείξωμεν μόνον τινὰ τῶν τοιούτων σφαλμάτων. Ἐν τῇ I π. χ. τάξει (**antike—heidnische Reste**— σελ. 43) βλέπει τις μεταξὺ ἄλλων ἀπαριθμούμενα τὰ Ἀγαθάγγελος, Ἀγαπητός, Γογγύλης (διάφορον τοῦ ἀρχαίου Γογγύλος), Δεξιός, Δριμύς, Κατάνης, Κορώνης, Κουλέων, Κυδωνίδης, Λαπίθης, Λουκάνης (ἀρχ. Λουκανὸς καὶ Λουκάνιος), Μαρούλης, Πυρρός, Ράβις, Σιγηρός, Χλωρός, τὰ ὁποῖα κατὰ τὴν γνώμην μας δύνανται νὰ θεωρηθοῦν καθαρῶς βυζαντινά, ὅσον καὶ τὰ ἄλλα τὰ ἐν τῇ ὑποδιαιρέσει II ὑπαγόμενα.

Ἐν τῇ αὐτῇ σελίδι ἀπαριθμῶν τὰ ἐκ συγκεκριμένων οὐσιαστικῶν (**Substantiva concreta**) προερχόμενα συγκαταλέγει τὰ Ἀργυρός (ἐπίθ.), Μοναχός, Πατρίκης, Ὑποψήφιος, κατωτέρω δὲ ἐπιφέρει τὰ Ἀμορραῖος, Ἀρμένης, [illegible] Βούλγαρος, Γερμανός κ. λ. π.

Ἐν σελ. 44 μεταξὺ τῶν ἁπλῶν ἐπιθέτων συγκαταλέγει τά: Ἀνδρα[illegible]

Ἀλωπός, Πουσαῖος παραλέιπει δὲ π. χ. τὸ Μακρύς, καὶ Λαρδύς, τὸ ὁποῖον ἀναφέρει ἐν σελ. 47 θεωρῶν αὐτὸ ὡς ὄνομα δι' ἰδιαιτέρας καταλήξεως σχηματιζόμενον.

Ἐν σελ. 45 μεταξὺ τῶν μετοχῶν καὶ ρηματικῶν ἐπιθέτων συγκαταλέγει τά: Βουκολέων (!) καὶ Μυστάκων.

Ἐν σελ. 52 κατατάσσει τὸ Μονώτης μεταξὺ τῶν λαμβανόντων κατάληξιν -ώτης, ἀγνοῶν, ὅτι τὸ Μονώτης γίνεται οὐχὶ ἀμέσως ἐκ τοῦ μόνος προσθήκῃ τῆς καταλήξεως -ώτης, ἀλλὰ εἶναι σύνθετον ἐκ τοῦ μόνος + ὠτ-(οὖς), ὥστε κατάληξιν λαμβάνει μόνον-ης. Ἀμφίβολον δὲ μᾶς φαίνεται καὶ τὸ ἐν τῇ αὐτῇ τάξει ἀναφερόμενον Οἰαινώτης, ἐκτὸς ἂν κατὰ λάθος ἐγράφη ἀντὶ τοῦ Οἰναιώτης.

Ἐν σελ. 53 ἀπαριθμῶν τὰ ἐξ ἐπιθέτου καὶ οὐσιαστικοῦ σύνθετα παραλείπει ἐπώνυμα οἷα τὰ Ἀσπροφρύδης, Καράμαλλος (ἴδε καὶ ἀνωτέρω περὶ τούτου), Μονόλυκος, Ψευδομόναχος, Ψευδαλέξιος, κακῶς δὲ παραλαμβάνει τὰ Κοψο-μύτης (= κόπτω + μύτη), Μούρτζουφλος (!), Ραψομμάτης, Ἁγιοθεοδωρίτης κ. λ. π.

Ἐν σελ. 54 εἰς τὴν τάξιν τῶν συνθέτων ἐξ οὐσιαστικοῦ καὶ ρήματος συγκαταλέγει τά: Διογένης, Καπνογένης (καπνὸς + γένειον), Καρβονόψις (Κάρβουνον + ὄψις), Σκοτίοψις (σκότος + ὄψις), Χρυσάφιος (ἐκ τοῦ χρυσάφιν).

Ὅσον δ' ἀφορᾷ τὴν ταξινόμησιν τῆς ὕλης ἐν γένει νομίζομεν, ὅτι οὐχὶ ὀρθῶς ἀντιλαμβάνεται τοῦ πράγματος ὁ Μ. θεωρῶν τὰ ἐπώνυμα ὥς τι ἀνεξάρτητον ὑλικόν, ἀποκεχωρισμένον τοῦ λοιποῦ γλωσσικοῦ ὑλικοῦ καὶ διὰ τοῦτο ἐπιχειρεῖ νὰ ἀπαριθμήσῃ τὰς διαφόρους καταλήξεις (ὑπὲρ τὰς πεντήκοντα!) αὐτῶν. Τὰ ἐπώνυμα κυρίως λαμβάνονται ἐκ τοῦ λοιποῦ ὑλικοῦ τῆς γλώσσης, ἕτοιμα ἤδη καὶ κατεσκευασμένα, ὡς τοιαῦτα δὲ παρουσιάζουσι τὰς καταλήξεις τῶν λέξεων, ἅς τινας αὐται ἔχουσιν ἤδη ἐν τῇ γλώσσῃ, καὶ νὰ ἐπιχειρῇ τις νὰ ἀπαριθμήσῃ τὰς καταλήξεις τῶν ἐπωνύμων εἶναι τὸ αὐτό, ὡς νὰ ἐπεχείρει νὰ ἐπαναλάβῃ νὰ ἀντιγράψῃ ὁλόκληρα κεφάλαια τῆς γραμματικῆς, ἰδίως ἐκεῖνα, τὰ ὁποῖα ἐπὶ μᾶλλον παρέχουσι τὸ ὑλικόν των εἰς τὰ ἐπώνυμα. Ἐπειδὴ λοιπὸν θεωροῦμεν τὴν ταξινόμησιν ἐν γένει ἐσφαλμένην, ἀναγκαῖον νομίζομεν νὰ ἐπιφέρωμεν τὴν καθ' ἡμᾶς ὀρθοτέραν ταξινόμησιν ἀπαριθμοῦντες κατὰ τὸ δυνατὸν μείζονα ἀριθμὸν παραδειγμάτων.

Τὸ ἐπώνυμον (παρὰ τοῖς ἀρχαίοις ἐπωνυμία, προσωνυμία, παρωνυμία— παρὰ τοῖς νεωτέροις Ἕλλησι παραόνομα, παράνομα, παρανόμι, παρασοῦμι, παρατσοῦκλι) χρησιμεύει ἐν γένει εἰς τὸ νὰ ὁρίσῃ σαφέστερον ἓν ὄνομα κύριον (ἢ βαπτιστικόν) καὶ νὰ διακρίνῃ αὐτὸ τῶν ἄλλων ὁμωνύμων. Τοῦ λόγου δὲ προκειμένου περὶ τοῦ βυζαντινοῦ ἐπωνύμου πρέπει νὰ ἐξετάσωμεν, πόθεν ἡ βυζαντινὴ γλῶσσα λαμβάνει καὶ πῶς ἐκφράζει τὸ ἐπώνυμον· τοῦτο κυρίως λαμβάνοντες ὡς βάσιν διακρίνομεν τὰς ἑπομένας τάξεις ἐπωνύμων.

I. Ὁ ἁπλούστερος τρόπος πρὸς καθορισμὸν τοῦ ὀνόματος ὁ δι' ὅλων τῶν ἐποχῶν καὶ φάσεων τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης ἀπὸ τῆς κλασικῆς ἐποχῆς μέχρι σήμερον διασωθεὶς εἶναι ὁ διὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ πατρὸς κατὰ γενικὴν ἐκφερόμενος· ὅπως ἔλεγον οἱ ἀρχαῖοι Δημοσθένης Δημοσθένους, οὕτω λέγεται καὶ σήμερον Βασίλειος Γεωργίου, Νικόλαος Ἰωάννου κ. τ. λ.· οὕτως ἔλεγον καὶ οἱ Βυζαντινοί:

Ἀδόλιον τὸν Ἀκακίου, Ἀκάκιον Ἀρχεχάου, Θεόδωρος ὁ Βάκχου, Ἰωάννην τὸν Βασιλείου παῖδα, ὁ Κωνσταντίνου, ὁ τοῦ Δεκανοῦ, ὁ Πέτρος τοῦ Ἀλίφα, Ἰωάννῃ τῷ Βιταλιανοῦ, Λεόντιος ὁ Δαβραγέζου, Γερμανὸς ὁ Θεοδώρου, Ἰωάννης ὄνομα Θωμᾶ υἱός, Ἰωάννης τοῦ Νικήτου παῖς, Μαυρίκιος ὁ Παύλου, Ἰωάννην τὸν Τιμοστράτου, Γρηγόριον τὸν Φιλήμονος, ὁ Φλωρεντίου κ. τ. λ.

Σπανιώτερον ἀντὶ τοῦ ὀνόματος τοῦ πατρὸς τίθεται τὸ ὄνομα τῆς μητρὸς ἢ καὶ τῆς συζύγου ὡς μᾶλλον γνωστῶν· π. χ. Λεόντιος ὁ Παυλίνης (Μαλαλ. 388), Ἰωάννης ὁ Βαλεριανῆς (Μαλαλ. 404), Ἀρεόβινδον τὸν ἄνδρα Ἰουλιάνας (Μαλαλ. 348). Ἀνάλογα ἐν τῇ νέᾳ ἑλληνικῇ εἶναι ὁ Κώστας τῆς χήρας, ὁ Δημήτρης τῆς παπαδιᾶς, ὁ Νῖκος τῆς Κώσταινας κ. τ. τ.

II. Ὡς ἐπώνυμον χρησιμεύει κύριόν τι ὄνομα προγενεστέρας ἐποχῆς. Δὲν πρέπει νὰ μᾶς φαίνηται περίεργον ἂν μεταξὺ τῶν βυζαντινῶν ἐπωνύμων ἀπαντῶσι καὶ ὀνόματα εἰλημμένα ἐκ τοῦ ἀρχαίου βίου· ὁ βυζαντινισμὸς εἶναι ἀπόρροια τοῦ ἑλληνικοῦ καὶ λατινικοῦ πολιτισμοῦ, κατ' ἀκολουθίαν παντοῦ θὰ εὑρίσκωμεν ἴχνη ἑλληνισμοῦ καὶ λατινισμοῦ. Ἐξ ἑτέρου δὲν πρέπει τὰ λησμονῶμεν, ὅτι οἱ Βυζαντινοὶ ἦσαν καὶ Χριστιανοὶ καὶ μάλιστα φανατικοί, ὥστε καὶ ἐν τοῖς ἐπωνύμοις αὐτῶν βλέπομεν συχνὰ ἴχνη ἐπιρροῆς τῆς παλαιᾶς καὶ νέας διαθήκης. Κατὰ ταῦτα τὰ ἀρχαϊκὰ στοιχεῖα, τὰ παρατηρούμενα μεταξὺ τῶν ἐπωνύμων ἀνάγονται εἰς τρεῖς κατηγορίας, τὰς ἑξῆς:

α′) ἑλληνικὰ ὀνόματα: Ἀθηνόδωρος, Ἀλυάττης, Ἀντίγονος, Ἀντίοχος, Ἀσκληπιάδης, Ἀσκληπιόδοτος, Βασιλίσκος, Γαληνός, Γρύλλος, Διογενειανός, Διογένης, Διομήδης, Δοσίθεος, Ἑρμογένης, Ἑρμωνιακός, Ἑρμώνυμος, Θεόδοτος, Θέοκλητος, Θέοκριτος, Καλλίας, Καλλίνικος, Καλλίστρατος, Καλλικλῆς, Κάστωρ, Κότυς, Κριτόβουλος, Λυγγεύς, Μέλης, Μελίας, Μητροφάνης, Νέστωρ, Πάχης, Πηγάσιος, Πελάγιος, Στρατοκλῆς, Συνέσιος, Τρύφων, Φιλάρετος, Φιλόξενος, Φιλόστρατος, Χάρων.

β′) λατινικά: Ἀδριανός, Ἀρμάτιος καὶ Ἀρμᾶτος, Ἀρκάδιος, Καλανδίων, Κασιανός, Κέλερ, Λιβέλλιος, Λογγῖνος, Λόγγος, Μαξέντιος, Μαριανός, Μαρκιανός, Μαυριανός, Τριβωνιανός, Φαβωρῖνος κ. τ. λ.

γ′) ἐκ τῆς παλαιᾶς ἢ νέας διαθήκης: Ἀρὼν καὶ Ἀρώνιοι, Γενέσιος (?), Καϊάφας, Μαμωνᾶς, Μωαβίτης, Πιλάτος, Σαββάτιος, Σαμαρείτης, Σήθ, Σίμων, Σολομὼν κ. τ. λ.

Πῶς τὰ τοιαῦτα ἀρχικῶς ὀνόματα ὄντα μετέπεσαν εἰς ἐπώνυμα εἶναι ζήτημα δεόμενον ἐξηγήσεως· ἴσως τὰ τοιαύτης τάξεως ἐπώνυμα παρήχθησαν ἐκ τῆς πρώτως τάξεως (I)· ἂν στρέψωμεν τὴν προσοχὴν εἰς τὰ ἐν τῇ νεωτέρᾳ ἑλληνικῇ συμβαίνοντα, θὰ ἴδωμεν ὅτι συχνὰ ἐκ τοῦ: Γεώργιος Χουρμούζη (γενικὴ ὀνόματος) εὐκόλως προκύπτει Γεώργιος Χουρμούζης (ἐπώνυμον), ἐκ τοῦ Γεώργιος Τριανταφύλλου—Γεώργιος Τριαντάφυλλος, ἐκ τοῦ Νικόλαος Λάμπρου—Νικόλαος Λάμπρος, ἐκ τοῦ Ἰωάννης Φωκᾶ—Ἰωάννης Φωκᾶς, Δ. Παπαγιάννη—Δ. Παπαγιάννης κ. τ. λ.· κατ' αὐτὸν τὸν τρόπον ἔχομεν πληθὺν λέξεων, αἵτινες χρησιμεύουσι συγχρόνως καὶ ὡς ὀνόματα κύρια καὶ ὡς ἐπώνυμα. Ὅτι καὶ παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς πολλὰ κύρια ὀνόματα μετέπεσαν εἰς ἐπώνυμα κατὰ τὸν προϋποδειχθέντα τρόπον, δὲν φαίνεται ἀπίθανον· τὴν προϋπόθεσιν ταύτην δυνάμεθα

νὰ ὑποστηρίξωμεν καὶ δι' ἑνὸς παραδείγματος: παρὰ τοῖς ἱστορικοῖς π. χ. παρατηρεῖται ἡ ἐκ τοῦ: Πέτρος τοῦ Ἀλίφα ἀνάπτυξις τοῦ ἐπωνύμου Πετραλίφας (Πετραλείφας)· ἴσως δὲ ἀκριβεστέρα μελέτη θὰ ἔχῃ νὰ ὑποδείξῃ περισσότερα τοιαῦτα παραδείγματα. Ἐκτὸς τούτου ὅμως ἀπαντῶμεν καὶ μεταξὺ τῶν νεωτέρων ὀνομάτων παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς πολλὰ διφυῆ, παρουσιαζόμενα ὁτὲ μὲν ὡς ἐπώνυμα ὁτὲ δὲ ὡς κύρια ὀνόματα· τοιαῦτα π. χ. εἶναι τά: Ἄγγελος, Ἀρσένιος, Ἰωαννίκιος, Λάσκαρις, Μαρκιανός, Νέοφυτος, Προκόπιος, Ραούλ, Συνέσιος, Φωκᾶς.

III. Σπουδαιοτέραν θέσιν λόγῳ πλήθους θὰ ἐπερίμενέ τις νὰ κατέχωσι καὶ παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς τὰ καθαρῶς πατρωνυμικά (Gentilia), καὶ ὅμως ἀποδεικνύεται ὅτι κατὰ τὴν Βυζαντινὴν ἐποχὴν ταῦτα ἀντιπροσωπεύουσι τὴν μειονότητα, ἐν ᾧ κατὰ τὴν ἡμετέραν ἑκατονταετηρίδα τὰ τοιαῦτα ὑπερπλεονάζουσιν. Ἐκ τῶν ἀρχαίων πατρωνυμικῶν καταλήξεων ἀπαντῶμεν παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς τὴν -ίδης καὶ -άδης, νεωτέρα δὲ κατάληξις ἀναπτύσσεται ἐπὶ βυζαντινοῦ ἐδάφους ἡ -πουλος καὶ ἐκ τῆς τουρκικῆς παραλαμβάνεται ἡ -ογλης.

α') Ἀλεξιάδης, Ἀρσακίδης, Βασιλίδης Βλεμμύδης (?), Γεωργίδης, Ἡρακλείδης, Κατίδης, Κυδωνίδης, Μαλιτίδης, Πεδιατίδης, Χιονιάδης.

β') Ἀνδριτζόπουλος, Ἀρμενόπουλος, Ἀργυρόπουλος, Γαβριηλόπουλος, Ἑψητόπουλος, Θεοφιλόπουλος, Καβαλλαρόπουλος, Κομιτόπουλος, Κριτόπουλος (Κριτόπλος καὶ Κριτόπλης), Μαυρόπουλος, Μοσχόπουλος, Νομικόπουλος, Ξανθόπουλος, Οὐμπερτόπουλος, Σαπωνόπουλος Σγουρόπουλος, Σεργόπουλος, Στρατηγόπουλος, Σεβαστόπουλος, Σπανόπουλος, Συρόπουλος, Τερνικόπουλος, Φραγγόπουλος, Χαλκεόπουλος, Χρυσοχοόπουλος, Ψαλτόπουλος.

γ') Δουκακινόγλης, Μιχάλογλης, Παντόγλης.

IV. Πολυαριθμοτέρα τάξις εἶναι ἐκείνη, καθ' ἣν ὡς ἐπώνυμον λαμβάνεται τὸ ἐθνικὸν ἢ τοπικὸν ὄνομα· ἐκ τοῦ ὀνόματος τῆς ἰδιαιτέρας πόλεως, χώρας, κώμης, ἐκ τοῦ τόπου τῶς διαμονῆς, ἐκ τῆς ἐνορίας κ. λ. π. δίδεται συνηθέστατα τὸ ὄνομα εἰς ὡρισμένα πρόσωπα. Τὴν ἀρχὴν τῶν τοιούτων ἐπωνύμων εὑρίσκομεν ἤδη εἰς τὴν ἀρχαιότητα (Σιμωνίδης ὁ Κεῖος, Ἱππίας ὁ Ἠλεῖος, Θαλῆς ὁ Μιλήσιος, Ἀριστοφάνης ὁ Βυζάντιος, Ἀπολλώνιος ὁ Ρόδιος), τὴν δὲ ἐξακολούθησιν βλέπομεν μέχρι τῶν ἡμετέρων χρόνων (ὁ Τζάκωνας, ὁ Σμυρναῖος, ὁ Τριπολίτης, ὁ Ὀλύμπιος κ. τ. λ.). Παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς ὅμως ἡ πατρὶς χρησιμεύει, εἰς τὸ νὰ μᾶς παρέχῃ πληθὺν ἐπωνύμων. Καὶ εἰς τὴν κατηγορίαν ταύτην εἶναι ἐν χρήσει ἢ αὐταὶ αἱ ἀρχαῖαι καταλήξεις τῶν ἐθνικῶν (α'), ὧν τινες μετὰ ἰδιαιτέρας προτιμήσεως λαμβανόμεναι δύνανται νὰ θεωρηθῶσιν μᾶλλον ὡς βυζαντιναι (β'), ἢ παραλαμβάνονται ξέναι καταλήξεις, ἰδίως λατινικαί (γ').

α') Δυτικός, Θρᾷξ, Ἴβηρ, Καππαδόκης (καὶ Καππάδοξ), Κίλιξ, Λίψ.—Ἀρμένιος, Δαμάσκιος, Ἑλλαδικός, Ἴσαυρος, Ἰταλικός, Λυδός, Μυσός, Σύρος, Παφλαγών, Πέρσης, Ποντικός, Σελινούντιος, Σκύθης, Τριφύλλιος, Τύριος, Φράγγος, Χάλδος.—Ἀλακασεύς, Δυρραχεύς, Λαοδικεύς, Νικομηδεύς, Ταρσεύς.—Τζάκων (κατὰ τὸ Λάκων).—

β') Ἁγιοηλίτης, Ἁγιοθεοδωρίτης, Ἁγιοπολίτης, Ἁγιοσυμεωνίτης, Ἁγιοχριστοφορίτης, Ἀκροπολίτης, Ἀντιγονίτης, Ἀρσιλαίτης, Βαλιανίτης, Βαστραλίτης, Βλαχερνίτης, Γενουίτης, Δεκαπολίτης, Ἐξαμιλίτης, Εὐχαίτης, Ἰασίτης, Ἱεροσολυμίτης, Καλυβίτης, Καλλικρηνήτης (ίτης?), Κασταμονίτης, Λυκίτης,

Μαυρομβολίτης, Μανωλιμίτης, Μεγαρείτης, Μ[illegible]ίτης, Μετοχίτης, Ναξείτης, Οἰκοπολίτης, Ὀξείτης, Παλαιοκαστρίτης, Πα[illegible]ίτης, Παρεμβολίτης, Σαλίτης, Σοτίτης, Σ[illegible]ίτης, Στυλίτης, Τραχίτης, Τυπολίτης, Χαρσείτης, Ψυχίτης—Ἀναστασιώτης, Βασιώτης, [illegible]ιώτης, Βερροιώτης, Διπιώτης, Καμαριώτης, Καταφυγιώτης, Κονιώτης (?), Λαμιώτης, Λεπιδιώτης, Μεστανιώτης, Μοναστηριώτης, Ο[illegible]ιώτης, Παραπελιώτης, Πατραιώτης ?, Πετριώτης, Σαντιώτης, Στ[illegible]ιώτης, Στ[illegible]ιώτης, Σκαιώτης, Τραγανιώτης, Τεριώτης—Ἀ[illegible]ατης, [illegible]ατης, Καρεκατης, Καλονατης, Παδάτης, Πελάτης, Χωνάτης—[illegible], [illegible]τζής, Ρωμαΐας, Σερβίας, Συριζίας—Ἰσηαίας (Ἰσηαΐας)—Αυλωνίας, [illegible], Ζα[illegible]νίας, Ζε[illegible]νίας, Κ[illegible]νίας, Κα[illegible]νίας, Κα[illegible]νίας, Κελ[illegible]νίας, Λ[illegible]νίας, Μ[illegible]νίας, Μ[illegible]νίας, Μ[illegible]νίας, Μ[illegible]νίας, Π[illegible]νίας, Ρ[illegible]νίας ?, Ρ[illegible]νίας κα. Ρ[illegible]νίας, Σ[illegible]νίας, Σ[illegible]νίας, Σ[illegible]νίας, Υ[illegible]νίας.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Σπανός, Στραβός, Στρυφνός, Τραυλός, Φαλακρός, Φιλόπονος, Χλωρός, Χοιρινός, Χωλός, Ψελλός.

2) ξέναι λέξεις· π. χ. Βαγουλᾶς, Δραγούλιος, Καλέκας, Καρᾶς, Καρατζᾶς, Τσιμισκῆς, Ὑλιλᾶς.

3) ἰδιαίτεραι φράσεις, οἷον: ὁ ἄνθρωπος τοῦ Θεοῦ, ὁ ἐν μονοτρόποις.

Β'. Συνάπτεται εἰς μίαν λέξιν τὸ ὄνομα τὸ σημαῖνον τὴν ἰδιότητα μετὰ τοῦ βαπτιστικοῦ ὀνόματος (1), ἢ μετὰ τοῦ ἐπωνύμου (2), σπανίως δὲ τὸ βαπτιστικὸν μετὰ τοῦ ἐπωνύμου (3):

1) Ἀτζυποθεόδωρος, Βαρυμιχαήλ, Βοϊωάννης, Βουκολέων, Καλοϊωάννης, Καλόπετρος, Κοκκοβασίλειος, Κουκούπετρος, Κοντολέων, Κοντοστέφανος, Μακροϊωάννης, Μαυροθεόδωρος, Μαυροϊωάννης, Μαυροκώστας, Μοσχολέος, Μωρογεώργιος, Μωροθωμᾶς, Μωρολέων, Μωρόπουλος, Μωροχαρσάμιος (-χαρζάνιος), Πανταλέων (?), Πτωχολέων, Πυρρογεώργιος, Σκυλοϊωάννης, Στραβοβασίλειος, Στραβορωμανός, Χαμαιλέων, Ψευδαλέξιος. (Πρβλ. τὰ νεοελληνικά: Γεροδῆμος, Δεληγεώργης, Δεληγιάννης, Καλογιάννης, Καραγιάννης, Καραμήτσας, Κουτσογιάννης, Μακρυγιάννης, Μακρυκώστας, Μαυρογιάννης, Μαυροδῆμος, Μαυροκώστας, Ψαροδῆμος).

2) Καλοδούκας, Κοντογμῆς (?), Κοντοπαγᾶνος, Μαυροδούκας, Μαυροκατακαλών, Πτωχομάγιστρος, Πτωχοπρόδρομος, Σαλοφακίολος, Ψευδομόναχος.

3) Πετραλίφας.

Γ'. Εἰς τὴν τῆς ἰδιότητος τάξιν ἀνήκει καὶ ἐκείνη ἡ κατηγορία, καθ' ἣν ἀφορμὴν εἰς τὴν γένεσιν τοῦ ἐπωνύμου ἔδωκεν ὡρισμένον τι συμβεβηκός· ὡς χαρακτηριστικὸν γνώρισμα ἑνὸς προσώπου χρησιμεύει συχνὰ ὡρισμένον τι γεγονὸς τοῦ βίου του, ὡρισμένον τι ἐλάττωμα ἠθικὸν ἢ φυσικόν, τυχαῖόν τι σύμβαμα. Ὅτι καὶ ἐν τῇ ἀρχαιότητι ὑπάρχουσι τοιαύτης φύσεως ἐπώνυμα, βεβαιώνουσι παραδείγματα, οἷα: Ἀγησίλαος ὁ χωλός, Καλλίας ὁ λακκόπλουτος (πρβλ. Πλουτ. Ἀριστ. V, 4), Ἀντίγονος ὁ Δώσων, Ἀντίγονος ὁ Γονατᾶς, Δημήτριος ὁ Πολιορκητής κ. τ. τ. Ἐκφράζεται δὲ καὶ ἡ κατηγορία αὕτη 1) δι' ἐπιθέτου ἢ συνήθους ἢ δημιουργουμένου ἐπίτηδες διὰ συνθέσεως πρὸς δήλωσιν ἰδιαιτέρου τινὸς ἐλαττώματος ἢ συμβάματος, 2) διὰ λέξεως ἐπίσης ἐπίτηδες δημιουργουμένης ἐξ ὁλοκλήρου φράσεως π. χ. Δοξαπατρῆς, ἴσως ὁ συχνὴν χρῆσιν τῆς προσευχῆς Δόξα πατρὶ ποιούμενος, 3) διὰ λέξεως συναπτούσης εἰς ἓν ἐμπρόθετόν τινα ἔκφρασιν, καὶ 4) διὰ μετοχῶν:

1) Ἀβάστακτος, Ἀλωπός, Ἀ(ν)δράλεστος (ἴσως γραπτέον Ἀδράλεστος—ὁ ἀδρὰ ἀλεσμένος, ἢ ὁ ἀδρὰ ἀλέθων), Ἀπλούχειρ, Ἀσπροφρύδης, Αὐλικάλαμως, Βασιλικός, Γραπτός, Δαφνομήλης (ἴσως ὀρθότ. Δαφνομίλης = ὁ ὁμιλῶν μὲ δάφνην), Δαφνοπάτης, Διγενής, Ἐκτομίας, Ἔμμαλλος, Ἐξαπτέρυγος, Ζαγαρομμάτης, Ζυγομαλᾶς Θεόληπτος, Κακόρριζος, Καλλιπάριος, Καλοθέτης, Καλομόδιος, Καπνογένης, Καρβονόψις, Κλαυσύς (ής ?), Κοκκινόβαφος, Κολυμβᾶς, Κοντομύτης, Κοντοχέρης, Κοπρώνυμος, Κουτζοδάκτυλος, Κουτζομύτης, Κοψομύτης, Κτενᾶτος, Κωδωνᾶτος, Λαρδότυρος, Λαχανοδράκων, Μακρογόνης, Μάμαλος, Μανικοφάνης, Μαυροζούμης, Μαυρομμάτης, Μαυρωπός, Μεγαλομύτης, Μεσήμαρ, Μεσονύκτης, Μονερημίτης,

Μονομαχᾶτος, Μονοχεράριος, Μονώτης, Ὀλώβολος, Παλαιολόγος, Παμπρέπιος, Πανάρετος, Παρασπόνδυλος, Παχώμιος, Περιχύτης, Πηγονίτης, Πλατυπόδης, Πορφυρογέννητος, Πρωτόθρονος, Πτωχομάχος, Πωγωνᾶτος, Ραδίπορος, Ρακενδύτης, Ρινότμητος, Σγουρομάλλης, Σκοτίοψις, Σκουτελόπτης, Στηθᾶτος, Στραβομύτης, Στραβοσπόνδυλος, Στραβοτριχάριος, Στρατήγιος, Στυλίτης, Τρίπτυχος, Τηγανιστής, Τριθύριος, Τρίψυχος, Ὑψηλάντης, Φακιωλᾶτος, Φιλομμάτης, Χαλκοκονδύλης, Χαλκοτούβης, Χαμάρετος, Χειρότμητος, Χριστώνυμος, Χρυσήλιος, Χρυσόμαλλος, Χρυσοβέργης, Χρυσοκέφαλος, Χρυσοκόκκης, Χρυσολωρᾶς, Χρυσόσκουλλος, Χρυσόχειρ, Φιλανθρωπινός, Φιλόπτερος.

2) Δοξαπατρῆς, Θερίζης, Καλοχαιρέτης, Καβαλλίκας, Κατάκυλας, Καυσαλώνης, Νυκτωπᾶς (Νυκτοπᾶς?), Πασαγνάθης, Πλεύσης.

3) Ἀποστύππης, Ἀπόκαυκος, Κατακαλών, Κατανάγκης, Κατασκέπης (ὄνομα τόπου), Παραπινάκης, Παράστρων.

4) Γράψων, Ἐξάρχων, Νήφων, Πρωτεύων.—Ἐσκαμματισμένος, Διακρινόμενος, Κεκουμένος, Κεκοχλημένος, Κουτσοκεφαλισμένος, Κουτσοχερισμένος, ἡ Κεχαριτωμένη, Παιδευόμενος, Πεπαγωμένος, Παρακοιμώμενος, Προδρωμένος, Χορτασμένος.

Σημείωσ. Καὶ ἐν τῇ νέᾳ ἑλληνικῇ πολλὰ τὰ τῶν κατηγοριῶν τούτων ὀνόματα, μάλιστα τῆς 1) π. χ. Κατάκαλος, Καλόγνωμος, Μαυροσκούφης, Μαυρομμάτης, Μελαγχροινός κ. τ. λ.

Εἰς τὰς ἀνωτέρω κατηγορίας ὑπάγονται καί τινα ἄλλα ἐπώνυμα καθαρῶς σκωπτικά: Ἀντιχροστοφορίτης, Διαβολάγγελος, Διαβολῖνος, Διάβολος, Ἡμέριος, Καυλέας (?), Κουκουβέλης, Κουτζασθλάνης, Μυξιάρης, Μωρόπαυλος (ἴσως σκωπτικῶς ἀντὶ Μαυρόπουλος), Ὀνομάγουλος, Παγκρατούκας, Ποδοπάγουρος, Σκορδύλιος.

Δ'. Ἐκ τῆς ἰδιότητος λαμβάνει τὴν ἀρχὴν καὶ ἡ παροῦσα κατηγορία, καθ' ἣν ἀντὶ νὰ μεταχειριζώμεθα ἐπίθετον εἰς δήλωσιν τῆς ἰδιότητος λαμβάνομεν συγκεκριμένον τι οὐσιαστικόν μετωνυμικῶς, μεταξὺ τοῦ ὁποίου καὶ τοῦ προσδιοριζομένου ὀνόματος ἀνευρίσκομεν προσέγγισίν τινα. Οὐδεὶς ἀγνοεῖ, ὅτι ἐπιτρέπεται νὰ ὀνομάζωμεν πρόσωπόν τι ἀλώπεκα, χοῖρον, ἀετόν κ. τ. λ. ἀντί: πανοῦργον, ἀκάθαρτον, ταχύν, κ. τ. λ. Ἤδη ἐν τῇ ἀρχαιότητι λαμβάνουσι τὴν ἀρχὴν τοιαῦται προσωνυμίαι (Πρβλ. Fick-Beichtel. σελ. 329 κ. ἑ.), π. χ. Ἀλέξανδρος ὁ Λύχνος, Ἀντίοχος ὁ Ἱέραξ, Πύρρος ὁ ἀετός κ. τ. ἑ. Ἐν τῇ κατηγορίᾳ ταύτῃ λαμβάνονται ὡς ἐπώνυμα αὐτὰ τὰ συγκεκριμένα

1) ἄνευ μεταβολῆς καταλήξεως: Αἴλουρος, Ἄνθραξ, Βέκκος, Βλαστός, Δρόσος(ὁ), Ἱέραξ, Κλίμαξ(ὁ), Κόραξ, Κροκόδειλος (Κροκόντηλος), Λαγώς, Μαγνήτης, Μαμή, Μονόλυκος, Μόσχος, Νεῖλος, Νόμος, Ξιφίας, Οὐρανός, Παιδίον, Πάρδος, Πελεκᾶνος (τόπ.), Πετεινός, Πετρογούργουρος, Πλευρίτης, Πόθος, Σεισμός, Σίδηρος, Σκόμβρος, Τζίβος, Τζίρος, Τοῖχος, Χαμαιδράκων, Χάραξ, Ψύλλος.—Ἐγχέλυς, Ζάγανος, Καναβός, Στροῦθος, Σκορπίος, Χρυσός.

2) ἢ ὁσάκις ἡ κατάληξις δὲν συμβιβάζεται (θηλυκ. ἢ οὐδέτ.) λαμβάνουσι συνήθως κατάληξιν ἀρσενικὴν -ιος, -ις, -ης, ᾶς, ων, ούλης, ῖνος, άκης, ῆς:

Ἀλκυόνιος, Ἀνεμᾶς, Βαλσαμών, Βλάσταρις, Γογγύλης (γογγύλιν), Γονάτης (ὄνομα πύργου), Δρακούλης, Καναβούριος, Καρυοφύλλης, Κατράνης, Κίνναμος, Κλάδων, Κοκκορόβιος, Κορώνης, Κουλούκης, Κουτάλης, Κυδώνης, Λουλούδης, Μελέτιος, Μαγγάνης, Μακέλλης, Μαρούλης, Ματζούκης, Ξιφιλῖνος, Περδίκης, Περιστέρης, Πετεινάκης, Πιθηκᾶς, Πηγάνης (πήγανον), Πουλάδης, Πωλάρις, Σκωλήκης, Σπονδύλης, Στυππῆς, Τριακονταφύλλης, Φαρμάκης, Φιλοκάλης, Χρυσάφιος (χρυσάφιν). (Πρβλ. καὶ τὰ νεοελληνικά: Δρόσος, Μόσχος, Πετεινάκης καὶ Πετεινᾶτος, Ψύλλος καὶ Ψύλλας, Βλάσταρης, Δρακούλης καὶ Δράκος, Καρυοφύλλης, Γαρύφαλλος, Μαρούλης, Περιστερίδης, Τριαντάφυλλος, Φαρμάκης, Χρυσάφης, Κονδύλης, Κυδώνης, Κοσσύφης, Ἀλεπούδης κ. τ. λ.).

VI. Πρὸς προσδιορισμὸν τοῦ κυρίου ὀνόματος χρησιμεύει συχνὰ ἡ λέξις ἡ σημαίνουσα τὸ ἐπάγγελμα, ἀξίωμα, ἢ τὴν ἀσχολίαν ἐν γένει, ἥτις γίνεται σὺν τῷ χρόνῳ σταθερὸν ἐπώνυμον καὶ λαμβάνει τόπον οἰκογενειακοῦ ὀνόματος. Ὅτι καὶ οἱ ἀρχαῖοι ἔκαμνον χρῆσιν τοιούτων προσδιορισμῶν, εἶναι πασίδηλον (Ἀλέξανδρος ὁ πολυΐστωρ, Ἀριστοφάνης ὁ κωμικός, Διονύσιος ὁ τύραννος, Ζήνων ὁ στωϊκός, Διογένης ὁ φυσικός κ. τ. λ.); εἰς τοὺς Βυζαντινοὺς ὅμως τὸ πρᾶγμα γίνεται πλέον σύνηθες καὶ τρόπον τινὰ ἀναγκαῖον συμπλήρωμα, ὁ δὲ διὰ τοῦ ἐπαγγέλματος προσδιορισμὸς ἀποτελεῖ μίαν ἀπὸ τὰς κυρίας καὶ εὐρείας τάξεις τοῦ ἐπωνύμου. Αἱ καταλήξεις τῆς τάξεως ταύτης εἶναι πολλαὶ καὶ ποικίλαι, εἶναι δὲ περιττὸν νὰ ἀπαριθμήσωμεν ταύτας· δυνατὸν ὅμως νὰ διακρίνωμεν τρεῖς κατηγορίας καταλήξεων:

1) τὰς συνήθεις καὶ ἐν τῇ ἀρχαίᾳ ἑλληνικῇ καταλήξεις: Ἀκόλουθος, Ἀναγνώστης, Ἀναχωρητής, Ἀρχιοινοχόος, Γεωμέτρης, Γραμματικός, Δισύπατος, Ἔκδικος, Ἔπαρχος, Ἔφορος, Ἡσυχαστής, Θεολόγος, Ἰατρός, Κεραμεύς, Κναφεύς, Κοινοβιάρχης, Κυνηγός, Λεκανόμαντις, Μελισσουργός, Μεταφραστής, Μυρεψός, Νηστευτής, Οἰνοχόος, Ὁμολογητής, Ὀρφανοτρόφος, Περιηγητής, Ποιητής, Πρεσβύτερος, Ραβδοῦχος, Στρατηγός, Στρατιωτικός, Τρικλίνιος, Ὑποψήφιος, Φιλόσοφος, Φύλαξ, Χαρτοφύλαξ, Χαράκτης, Χοιροβοσκός.

2) τὰς ἀναπτυσσομένας καταλήξεις καὶ ὀνομασίας ἐπὶ βυζαντινοῦ ἐδάφους: Ἀβδελλᾶς, Ἀκρίτας, Ἀμπελᾶς, Ἀπελάτης, Ἀροτρᾶς, Ἀσβεστᾶς, Βελωνᾶς, Γαριδᾶς, Γλυκᾶς, Δελφηνᾶς (ινᾶς?), Δοξαρᾶς, Δραγάσης, Ἐλαδᾶς, Ζωναρᾶς, Ἰνδικοπλεύστης, Καλαθᾶς, Καλαφάτης, Καμινᾶς, Καμπανάρης, Κασσιτηρᾶς, Κατζᾶς, Κλειδᾶς, Κρασᾶς, Κωκαλᾶς, Κωπᾶς, Λαχανᾶς, Λεοντάρις, Μαχαιρᾶς, Μελιτᾶς, Μεταξᾶς, Μολυβᾶς, Ξαντᾶς, Ὀψαρᾶς (καὶ Ψαρᾶς), Πασπαλᾶς, Παστιλᾶς, Πετζέας, Προβατᾶς, Πρωτοστράτωρ, Ραβδᾶς, Ρουχᾶς, Σαλιβαρᾶς, Σαλιβᾶς (?), Σιδηρᾶς, Τοξαρᾶς, Ὑαλίας, Ὑαλινᾶς, Χοιρέας, Χοιρινᾶς, Χοιροσφάκτης. Πρβ. τὰ νεοελληνικά: Ἀναγνώστης (Ἀναγνωστάκης καὶ Ἀναγνωστόπουλος), Γραμματικός (καὶ Γραμματικόπουλος), Θεολόγος, Ἰατρός (Ἰατρίδης καὶ Ἰατρόπουλος), Κεραμεύς, Μελισσουργός (καὶ Μελισσηνός), Στρατήγης (καὶ Στρατηγάκης). — Ἀμπελᾶς, Γλυκᾶς, Δραγάτσης, Κρασᾶς, Κουβαρᾶς, Λαχανᾶς, Μεταξᾶς, Ψαρᾶς κ. τ. λ.

3) λατινικὰς καταλήξεις καὶ λατινικοὺς ὅρους, τὰ ὁποῖα ὅμως θεωρητέα ὡς στοιχεῖα καθαρῶς βυζαντινά: Ἀκτουάριος, Ἀποκρισιάριος, Δομέστικος, Δούκας, Δρουγγάριος, Ἰλλούστριος, Καβαλλάριος, Καστελλᾶνος, Κεντηρίων, Κηρουλάριος, Κοιαίστωρ, Κουβικουλάριος, Κουράτωρ, Κουροπαλάτης, Λαμπαδάριος, Μάγιστρος, Πακτιάριος, Πατρίκιος (καὶ Πατρίκης), Πραιπόσιτος, Πρίγκιψ, Πρωτασηκρῆτις, Σιλεντιάριος, Σπαθάριος, Σύγκελλος, Συνοδικάριος, Σχολάριος.

VII. Ἰδιαιτέραν τάξιν ἀποτελοῦσι τὰ ὑποκοριστικά. Καὶ ἐνταῦθα ἔχομεν καταλήξεις

1) τὰς καθαρῶς βυζαντινὰς—άκιος, άκης, ούδης: Ἀπλάκης, Βασιλάκιος καὶ Βασιλάκης, Θεοδοτάκης, Ἰωαννάκιος καὶ Ἰωαννάκης, Κατζιλάκιος, Κωνσταντινιάκης, Πετεινάκης, Συμωνάκης, Σπυράκιος, Σπυριδωνάκης, Σταυράκιος, Σταφιδάκης, Στεφανάκιος. — Κυπερούδης, Λειχούδης, Πλανούδης, Τηλικούδης.
2) τὴν λατινικῆς προελεύσεως—ίολος: Δομετίολος, Κομμεντίολος, Κωνσταντίολος, Πατρικίολος.
3) τὰς ἐκ Σλαβικῆς ἐπιρροῆς προελθούσας -ίτζης- ούτζης, ούτζικος: Ἀγγελίτζης, Βασιλίτζης, Βουδίτζης, Δημητρίτζης, Διακονίτζης, Θεοφιλίτζης, Ἰακωβίτζης, Ἰβηρίτζης, Καμύτζης (?), Μελίτζης, Μιχαηλίτζης, Νικηφορίτζης, Νικολίτζης, Σγουρίτζης (ὄνομα ἵππου), Σκυλίτζης, Τζιντζιφίτζης, Φαγίτζης.—Ἀμιρούτζης, Καναβούτζης, Χαλκούτζης.—Νεούτζικος (ὀνομασία τόπου).

Σημείωσ. Εἰς τὴν τάξιν ταύτην ὑπάγονται φυσικῶς καὶ τὰ διὰ συγκοπῆς τοῦ ὀνόματος σχηματιζόμενα θωπευτικὰ ὀνόματα, τῶν ὁποίων ὅμως ὁ ἀριθμὸς εἶναι πολὺ μικρός: Στράτης, Φουρνῆς, Φιλῆς, Φραντζῆς, Ἀχιλλᾶς.

VIII. Τὴν ἀντίθετον τῆς προηγουμένης ἀποτελεῖ ἡ τάξις τῶν μεγεθυντικῶν. Κατάληξις ἐν χρήσει ἀρχαία εἶναι ἡ -ων, ἐξ ἧς ἀνεπτύχθη ἡ βυζαντινή—ωνᾶς, νεώτεραι δὲ αἱ -ᾶς, αρᾶς:

Μυστάκων.—Γρηγορᾶς, Δακνᾶς, Δοξαρᾶς, Δουκαρᾶς, Ἡρακλεωνᾶς, Καλλωνᾶς, Καλοειδᾶς, Καλοσυνᾶς, Κεφαλᾶς, Κομητᾶς, Κουφαρᾶς (?), Μιχαηλᾶς, Μυτᾶς, Μαγκαφᾶς, Νοταρᾶς, Νικολιτζᾶς, Ὀφρυδᾶς, Παλαμᾶς, Πετρωνᾶς, Τριχᾶς, Φαγᾶς, Χειλᾶς.

Ἐδῶ ἀνήκουσι καὶ τά: Θεοδωροκάνος, Σαραντάπηχος.—

Σημείωσ. Καὶ ἐν τῇ νέᾳ ἑλληνικῇ ἐν μεγάλῃ χρήσει τὰ ἐπώνυμα τῆς VII καὶ VIII τάξεως.

Τελευταίαν ἴσως τάξιν ἐπωνύμων θὰ ἐδικαιοῦντο νὰ ἀποτελέουσι τὰ ξενικὰ ὀνόματα· ἡ ἐξερεύνησις τῶν ὀνομάτων τῆς τάξεως ταύτης θὰ ἔχῃ μεγάλην σπουδαιότητα διὰ τὴν συγκριτικὴν φιλολογίαν καὶ ἰδίως διὰ τὴν φθογγολογίαν τῆς Βυζαντινῆς γλώσσης. Ὑλικὸν ὑπάρχει ἀρκετὰ ἄφθονον· οὐχ ἧττον ἵνα κατατάξῃ τις αὐτὸ καὶ ταξινομήσῃ, προαπαιτεῖται γνῶσις περισσοτέρων γλωσσῶν καὶ ἀκριβεστέρα μελέτη, δι' ἧς θὰ ἐπιτευχθῇ ἡ φωνητικὴ ἀπόδοσις ἑκάστου ἐπωνύμου, θὰ δειχθῇ ποῖα γράμματα διαθέτουσιν οἱ Βυζαντινοὶ πρὸς παράστασιν τούτου ἢ ἐκείνου τοῦ ἀρμενικοῦ ἢ τουρκικοῦ ἢ σλαβικοῦ φθόγγου. Εἰς τοιαύ-

την τινὰ μελέτην τῶν ξένων ἐπωνύμων νὰ εἰσέλθωμεν ἀδυνατοῦμεν, καθ' ὅσον δὲν εἴμεθα οἱ πρὸς τοῦτο κατάλληλοι. θὰ ἀρκεσθῶμεν μόνον ἀναφορικῶς τῆς τάξεως ταύτης νὰ προσθέσωμεν τὴν γενομένην παρατήρησιν, ὅτι οἱ Βυζαντινοὶ κατὰ τριπλοῦν μεταχειρίζονται τρόπον τὰ ξένα ὀνόματα καὶ ἐπώνυμα:

1) παραλαμβάνουσιν αὐτὰ ἀμετάβλητα εἰς τὴν ἑλληνικήν, φροντίζοντες νὰ ἀποδώσωσι τὴν φωνητικὴν μόνον ἀξίαν αὐτῶν καθ' ὅσον τὸ ἑλληνικὸν ἀλφάβητον ἦτο κατάλληλον πρὸς τοῦτο: Ἀλπιχαράν, Ἀξούχ, Ἰαγουπασάν, Καντζούς, Κλιτζιασθλάν, Μανιάκ, Μανσούρ, Μωσηλέ, Πιτικάν, Προσούχ, Τογορτάκ.
2) Τὴν μὲν ρίζαν ἀφήνουσιν ἀμετάβλητον, ἀρκοῦνται ὅμως νὰ δώσωσιν εἰς αὐτὰ ἑλληνικὴν κατάληξιν καὶ κλίσιν: Ἀμικέτης, Ἀξοῦχος, Ἀριέβης, Ἀσάνης, Ἀσπιέτης, Ἀτάπακος, Βαρηνός, Βοδῖνος, Βολκᾶνος, Βορίλας, Βούρτζης, Βρίγγας, Γαλαβάτζης, Γίδος, Γλαβᾶς, Γλαβᾶτος, Γουλῆς, Δαδούνης (Δαντόνης παρὰ Θεοδ. Πτωχοπρ. πρβλ. Legr. Bibl. Gr. Vulg. I. σελ. 108 στ. 36), Ἐλπούμης, Ἐτζυϊσμένος, Ἰαγουπασάνης, Ἰουστασάς, Καζάνος, Καμύρης, Καρύκης, Κατζαμούντης, Κατζάμυς (?), Κιτζῆς, Κλιτζιασθλάνης, Κοππατῖνος, Κοτέρτζης, Κοτζᾶς, Κουρτίκης, Κουτατούριος (καὶ Χουτατούριος), Κρισπῖνος, Λεβούνης, Λιτοβόης, Μαλατέστας, Μαλεΐνος, Μανιάκης (ἴδ. ἀνωτ.), Μαράκης, Μαρῖνος, Μασκαβέλης, Μουντάνης, Μπαλίκας, Μωσιλίκης, Νεάντζης, Οὖβος, Πακουριανός, Πενταδιαστής, Πογδάνος, Πουδίλος, Πουπάκης, Πουχέας, Σκαλιάριος, Σκαράνος, Στειριόνης, Ταγγιπερμῆς, Ταράγγης, Τατίκιος, Τατράνης, Τζαχᾶς, Τζιπουρέλλης, Τζίτας, Τορνίκιος, Τουτούσης, Φουντάνας, Χαλίντζης, Χαλούφης, Χαρατικῆς, Χασίσιος, Χοτζᾶς, Χοῦμνος.
3) μεταβάλλουσιν αὐτὰ ἐπὶ τὸ ἑλληνικώτερον οὕτως, ὥστε νὰ γίνηται δύσκολος ἡ προέλευσις αὐτῶν, καθ' ὅσον συμπίπτουσι πρὸς ρίζας ἑλληνικὰς ἢ ὀνόματα καθαρῶς ἑλληνικά: Ἀπόχαψ (Ἀπόκαψ), Ἀποκάπης, Ἰσαγγέλης, Ἰσῆς, Μελίας, Ροδομηρός. Ἡ ἀκριβεστέρα μελέτη θὰ προσθέσῃ εἰς τὴν κατηγορίαν ταύτην πολλὰ ἀκόμη ὀνόματα, τὰ ὁποῖα ἀρχικῶς ξενικὰ ὄντα σὺν τῷ χρόνῳ ἐξελληνίσθησαν.

Ὑπολείπεται νὰ κάμωμεν σύντομον λόγον περὶ τῶν θηλυκῶν ἐπωνύμων. Τὸ ὑλικὸν τὸ διδόμενον ἡμῖν ὑπὸ τοῦ Moritz εἶναι ὄχι ἄφθονον· ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς συγγραφεῦσι δὲν εἶναι ἄφθονον. Ἐννοεῖται, ὅτι ἑκάστη τάξις τῶν ἄνω μνημονευθεισῶν διαφοροτρόπως σχηματίζει καὶ τὸ θηλυκόν· εἶναι δὲ περιττὸν ὅλως νὰ ἀπαριθμήσῃ τις τὰς καταλήξεις θηλυκῶν. Τὸ μόνον τὸ ὁποῖον δυνάται νὰ διακρίνῃ καὶ ἐνταῦθα ὅτι ὁ σχηματισμὸς τῶν θηλυκῶν γίνεται ἢ κατὰ τὰς ἀπαιτήσεις τῆς ἀρχαίας γραμματικῆς (1), ἢ τῇ προσθήκῃ καταλήξεων κατὰ προτίμησιν παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς ἐν χρήσει καὶ ὅλως νέων (2):

1) Δανηλίς, Ἰουστινιάς, Μαδιανῖτις, Κομνηνή,
2) Παλαιολογίνα, Φλωρίνα, Φαρκασίνα.—Δούκαινα, Σκλήραινα.—Σεβαστοκρατόρισσα, Αὐτοκρατόρισσα.

Εἰς τὰς παρατηρήσεις ταύτας ἀφορμὴν μᾶς ἔδωκεν ἡ προμνημονευθεῖσα πραγματεία τοῦ Moritz. Ἐπειδή, ὡς καὶ ἀνωτέρω εἴπομεν, τὸ θέμα εἶναι ὅλως

νέον, συζήτησις ἐπιτρέπεται ἀκόμη πολλή, οὐδὲ ἔχομεν τὴν ἀξίωσιν, ὅτι πᾶσαι αἱ γνῶμαι ἡμῶν περὶ τοῦ ζητήματος εἶναι αἱ μόναι ὀρθαί· πολλὰ κατ᾽ ἀνάγκην θὰ μεταβληθῶσιν, ἄλλα δὲ περισσότερα δὰ προστεθῶσιν. Σκοπὸς δι᾽ ὃν ἐγράψαμεν τὰ ἀνωτέρω δὲν ἦτο διὰ νὰ κλείσωμεν τὴν συζήτησιν, ἀλλὰ μᾶλλον νὰ ἀνοίξωμεν αὐτήν, οὐδὲ νὰ ἀποτρέψωμεν τὸν Moritz νὰ ἐξακολουθήσῃ τὴν περαιτέρω μελέτην ἐπὶ τοῦ ὑλικοῦ, τὸ ὁποῖον μετὰ τόσης φιλοπονίας συνέλεξεν, ἀλλὰ νὰ ὑποδείξωμεν μόνον αὐτῷ τὴν ἡμετέραν γνώμην, ἥτις ἴσως ἐν τῇ ἐπεξεργασίᾳ τοῦ δευτέρου μέρους θὰ φανῇ αὐτῷ χρήσιμος.

Ἐν Ὀδησσῷ κατὰ Φεβρουάριον 1898.

Συνόδης Παπαδημητρίου.

Dr. Waldemar Nissen. *Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9. Jahrhunderts.* (Programm des Johanneums). Hamburg 1897. 30 стр. 4°.

«Ни одна изъ отраслей исторической науки не обнаружила столь могущественнаго роста въ послѣднее десятилѣтіе, какъ византистика». Такъ начинаетъ Ниссенъ свою брошюру, посвященную изученію восточнаго монашества въ періодъ времени до IX в. Таковое сужденіе повторяется нынѣ очень часто, и не безъ основанія. Въ послѣднее время дѣйствительно замѣчается весьма сильное оживленіе въ этой области, такъ что обнаружилась даже надобность въ особыхъ спеціальныхъ литературныхъ органахъ, посвященныхъ разработкѣ вопросовъ, относящихся къ византологіи. Конечная причина этого явленія? Намъ кажется, что независимо отъ общаго прогресса наукъ есть здѣсь и особая причина, состоящая въ томъ, что нынѣ въ работахъ по византологіи весьма дѣятельное участіе начали принимать восточные ученые, греческіе и русскіе. И тѣ и другіе имѣютъ возможность понимать всѣ явленія византійской культуры многосторонне, судить о нихъ вѣрнѣе и основательнѣе, чѣмъ ученые западные, связанные многовѣковыми предубѣжденіями. Восточнымъ ученымъ доступны такіе источники, которые мало доступны ученымъ западнымъ; имъ хорошо понятны многія формы и явленія древне-византійскаго церковнаго и гражданскаго быта, въ значительной мѣрѣ наблюдаемыя и нынѣ, тогда какъ западнымъ ученымъ онѣ мало понятны или даже вовсе непонятны. Въ частности, что касается русскихъ ученыхъ, то имъ доступна богатая переводная древне-славянская литература, сохранившая многіе византійскіе памятники въ болѣе полномъ или исправномъ видѣ сравнительно съ тѣми списками, которые встрѣчаются въ рукописяхъ въ настоящее время, или далѣе такіе пам[illegible] ники, подлинный текстъ которыхъ считается нынѣ потеряннымъ ([illegible] Уставъ патріарха Алексѣя, тактиконъ Никона черногорца и др.). [illegible] того русскимъ ученымъ гораздо болѣе доступны и гораздо болѣ[illegible] нятны факты древне-русскаго быта, прекрасно поясняющіе многія [illegible] ныя стороны быта византійскаго. Это между прочимъ особенно зам[illegible] въ исторіи монашества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно [illegible]

тѣ главы въ Исторіи русской церкви проф. Голубинскаго, которыя посвящены исторіи древне-русскаго монашества и которыя къ сожалѣнію не были, повидимому, извѣстны автору поименованной выше брошюры Ниссену. Эти преимущества русскихъ ученыхъ не безъизвѣстны ученымъ западнымъ и не удивительно, что въ послѣднее время русскія изслѣдованія встрѣчаютъ на западѣ весьма радушный пріемъ и тщательно изучаются. Такъ и г. Ниссенъ, приступая къ своему изслѣдованію, счелъ нужнымъ ознакомиться съ нѣкоторыми русскими изслѣдованіями и изданіями, относящимися къ исторіи восточнаго монашества. Ему извѣстны: изданія А. А. Дмитріевскаго «Описаніе литургическихъ рукописей библіотекъ православнаго востока, т. I Τυπικά», Ф. Олтаржевскаго «Палестинское монашество отъ IV до VI в.» (Спб. 1896 г.) и В. Соколова «Состояніе монашества въ византійской имперіи отъ средины IX до начала XIII ст. (842—1204) Казань 1894 г. Особенно подробно г. Ниссенъ знакомъ съ послѣднимъ сочиненіемъ и это, повидимому, послужило даже косвеннымъ мотивомъ къ точнѣйшему опредѣленію темы его сочиненія. По крайней мѣрѣ, обративъ вниманіе на упрекъ, сдѣланный мною г. Соколову въ рецензіи на его сочиненіе, упрекъ, состоящій въ томъ, что авторъ начинаетъ слишкомъ ex abrupto, не обращая никакого вниманія на предшествующій періодъ исторіи византійскаго монашества, г. Ниссенъ усиливаетъ этотъ упрекъ и говоритъ, что безъ основательнаго изученія этого предшествующаго до IX в. періода невозможно надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить исторію позднѣйшаго византійскаго монашества. Исторію монашества въ этотъ предшествующій періодъ онъ и избираетъ предметомъ своего изслѣдованія. Однакожъ и этотъ періодъ не есть первый и основной въ исторіи восточнаго монашества. Авторъ имѣетъ въ виду исторію его только со временъ Юстиніана и не касается болѣе ранняго періода—т. е. исторіи древняго Египетскаго и Палестинскаго монашества; между тѣмъ этотъ древнѣйшій періодъ имѣетъ такое же значеніе для періода, разсматриваемаго авторомъ, какъ этотъ послѣдній для дальнѣйшаго. Слѣдовательно упрекъ, адресованный имъ къ Соколову, можетъ быть адресованъ и къ нему самому. Впрочемъ г. Ниссенъ не оставляетъ читателя безъ предварительныхъ и вводныхъ свѣдѣній. Онъ говоритъ кратко о происхожденіи монашества вообще и о различіи въ характерѣ между восточнымъ и западнымъ монашествомъ, указывая при этомъ на сочиненія, по которымъ можно подробнѣе ознакомиться съ этими вещами.

Изслѣдованіе дѣлится на двѣ главы. Первая называется «Основаніе монастыря». Здѣсь говорится: 1) о различныхъ видахъ византійскихъ монастырей, мужскихъ, женскихъ, двойныхъ, 2) объ обезпеченіи существованія монастырей государственными, общественными и частными средствами чрезъ пожертвованія, пожалованья, завѣщанія и т. п. и 3) о построеніи монастырей, объ освященіи мѣстъ, назначенныхъ подъ постройку, о распредѣленіи пространства, назначеннаго подъ монастырь,

о планѣ построекъ и проч. Вторая глава подъ названіемъ: «Принятіе въ монастырскую общину» говоритъ: 1) о предварительныхъ условіяхъ принятія, т. е. объ отсутствіи препятствій къ принятію со стороны государства, общества, семейства и о другихъ условіяхъ, вытекающихъ изъ разныхъ обстоятельствъ жизни желающаго принять монашество и 2) о самомъ принятіи въ монастырь: здѣсь авторъ касается вопросовъ о различныхъ степеняхъ монашества, объ обрядахъ принятія и постриженія, и т. п. По плану этимъ изслѣдованіе не должно кончаться. Далѣе должны слѣдовать главы, касающіяся выхода изъ монастыря, имущественныхъ и правовыхъ отношеній монастырей, ихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и т. д. Но главы эти еще не написаны, или не вышли еще въ свѣтъ. Весьма желательно, чтобы онѣ явились въ ближайшее время, ибо несомнѣнно, что изслѣдованіе г. Ниссена должно занять весьма видное мѣсто въ литературѣ по исторіи византійскаго монашества. Оно имѣетъ ту особенность, что обосновано главнымъ образомъ на каноническихъ источникахъ, т. е. на документахъ, входящихъ въ составъ византійскаго церковнаго и гражданскаго законодательства. Онъ пользуется постановленіями соборовъ, кодексами Юстиніана и Өеодосія, новеллами разныхъ императоровъ, монастырскими типиками, изъ которыхъ впрочемъ только весьма не многіе могутъ быть полезны для избраннаго имъ періода времени. Исторія, написанная на основаніи такихъ документовъ, есть безъ сомнѣнія самая достовѣрная, но главнымъ образомъ только оффиціальная, внѣшняя и потому односторонняя: — это скорѣе только канва, схема для исторіи. Оффиціальные документы констатируютъ разныя перемѣны въ порядкѣ монастырской жизни, иногда злоупотребленія, и вообще показываютъ, какимъ должно было быть монашество по закону въ то или иное время; но какимъ оно было въ дѣйствительности — это не всегда ясно изъ ихъ свидѣтельства. И это весьма естественно. Законодательныя мѣропріятія, особенно противъ давнихъ вкоренившихся обычаевъ, не вдругъ обнаруживаютъ свое дѣйствіе, а иногда и вовсе остаются невыполняемыми весьма долгое время. Такъ напр., еще Юстиніанъ (123 новел.) запретилъ такъ называемые двойные монастыри (διπλᾶ μοναστήρια), въ которыхъ было два отдѣленія: мужское и женское, но это не значитъ, что они немедленно прекратили свое существованіе; спустя болѣе двухъ вѣковъ они еще существовали, какъ это видно изъ 20-го правила VII вселенскаго собора; они существовали и позднѣе и даже въ Россіи, куда византійская монастырская практика была перенесена цѣликомъ. Поэтому показанія оффиціальныхъ источниковъ необходимо должны быть пополняемы свидѣтельствами другихъ источниковъ: хронографовъ, житій, монашескихъ писаній и проч. Г. Ниссенъ, впрочемъ, не имѣлъ въ виду писать полной исторіи. Его изслѣдованіе есть, собственно говоря, каноническій очеркъ, а не историческій; но очеркъ этотъ можетъ сослужить большую службу и для историковъ.

Н. Красносельцев

Д. Ѳ. Кобеко. *Опытъ исправленія текста «Бесѣды о святыняхъ Царяграда».* Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словестности Императорской Академіи Наукъ. 1897 г. Томъ второй, книжка 3, стр. 611—626.

Его-же. *Дополнительная замѣтка къ статьѣ: «Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда».* Тамъ же книжка 4-я, стр. 1037—1042 [1]).

«Бесѣда о святыняхъ Царяграда», изданная акад. Л. Н. Майковымъ въ 1890 г., представляетъ собою крупный памятникъ, способный дать толчекъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ въ этой области. Въ настоящее время взялся за этотъ вопросъ Д. Ѳ. Кобеко. Прежде всего, конечно, надо было остановиться на общихъ вопросахъ и, главное, на вопросѣ о времени посѣщенія К-ля авторомъ того описанія, которое включено въ «Бесѣду». Изслѣдователь пришелъ къ выводу, что это было вскорѣ послѣ 1296 г. и именно въ 1321—1323 гг. (Доп. зам. стр. 5 и 8; ср. Опытъ, стр. 3 и 4). Выводъ этотъ вполнѣ основателенъ. То же надо сказать и о соображеніяхъ въ пользу новгородскаго происхожденія автора повѣсти (Опытъ, стр. 6—10). У новгородцевъ, дѣйствительно, была какъ будто своя особенная симпатія къ К—лю. Не совсѣмъ некстати будетъ вспомнить остроумную догадку Гедеонова о томъ, что Константинъ Багрянородный писалъ 9-ю главу «De adm. imperio» со словъ новгородца [2]). Затѣмъ г. Кобеко совершенно основательно постарался возстановить порядокъ въ описаніи святынь К—ля по *четыремъ путямъ* (Опытъ, стр. 11). Только онъ немного ошибся: третій отрывокъ надо начинать не со словъ: «и отъ Перивлепта», а немного ранѣе, отъ словъ: «и рука Іванна Предтечи, беспальцы» (Бесѣда, стр. 19). Свв. Аверкій и Анна, о которыхъ въ Бесѣдѣ идетъ рѣчь выше этихъ словъ, дѣйствительно были у агіазмы Спаса-Филантропа, а правая рука св. Іоанна Предтечи находилась, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, въ мон. Перивлептъ (который далѣе и названъ) [3]).

Надо однако замѣтить, что догадка г. Кобеко—даже въ такомъ исправленномъ видѣ—всетаки не рѣшаетъ еще неяснаго вопроса о томъ, почему «Бесѣда» преисполнена такихъ *смѣшеній церквей съ одинаковымъ названіемъ*, какъ это мы будемъ встрѣчать ниже. Нельзя сомнѣваться,

---

1) Мы имѣли въ рукахъ отдѣльные оттиски съ самостоятельною пагитаціей, по которой и дѣлаемъ цитаты.

2) Подробности въ моемъ переводѣ сочиненій Константина Багрянороднаго (De themat. и De adm. imp.), который теперь печатаетъ Московское Общество Исторіи и Древностей. И до сихъ поръ, кажется, новгородская традиція сохранила это расположеніе.

3) Съ 1484 г. на о. Родосѣ, потомъ на о. Мальтѣ, а нынѣ—въ Гатчинѣ. Вѣроятно и Крестъ изъ частицъ Животворящаго Креста, привезенный въ Гатчину вмѣстѣ съ этими мощами,—тотъ самый, который видѣлъ въ монастырѣ «Перивлептъ» тотъ же Клавихо (Конд. стр. 69; Арсеній, Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 578 и 757).

что авторъ черпалъ изъ одного источника (иначе землетрясеніе не лишило бы его возможности описать храмъ свв. Апостоловъ), но поневолѣ приходится предположить, что авторъ иногда прибѣгалъ по крайней мѣрѣ къ памяти, и вносилъ въ произведеніе и то, что когда либо ранѣе читалъ и запомнилъ. Мѣсто «Бесѣды» о *сокрытіи чаши* (стр. 24) несомнѣнно прототипъ преданія *о сокрытомъ въ стѣнѣ священникѣ*.

Позволю себѣ теперь выяснить нѣсколько спеціальныхъ вопросовъ. Относительно св. Софіи «Крестъ, на коемъ распята Жидове Господа», бывшій «во олтари»—извѣстный Крестъ въ ростъ Христа, стоявшій въ ризницѣ [1]). Авторъ «Бесѣды» смѣшалъ его съ кускомъ *подлиннаго* Креста, хранившимся въ «Маломъ Секретѣ» [2]). «Замурованъ святыи Георьгіи и святыи Богословъ» (Бесѣда, стр. 14)—столпъ *св. Григорія Чудотворца* (а не Богослова). Онъ дѣйствительно *на лѣвой сторонѣ*, и указаніе Антонія, что онъ былъ *обитъ мѣдью*, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что это извѣстная «*потѣющая колонна*» [3]). «Гробъ св. Іоанна Златоуста»—ошибка. Надо читать, вѣроятно: «св. Анны» (которая пожертвовала кусокъ земли, необходимый для расширенія храма) [4]). Церковь св. Спаса (Бесѣда, стр. 16), что была влѣво отъ выхода изъ св. Софіи (если стоять лицомъ къ югу), очевидно,—«царскій евктирій», приходившійся, дѣйствительно, къ востоку отъ Малой Крещальни [5]). Въ этомъ евктиріи былъ крестъ изъ орудій казни (Церем. стр. 15 и 16; ср. Бѣляевъ II, стр. 127) [6]). Но авторъ «Бесѣды» смѣшалъ этотъ крестъ съ образомъ Спаса «Елеонъ-гора» въ евктиріи св. Николая (см. выше) и съ образомъ «Спаса-Поручника» (см. ниже) [7]).

Теперь перехожу къ *первому пути*, т. е. къ окрестностямъ св. Софіи и Средней улицѣ. Монастырь Богородицы «Одигитріи» и св. Лазарь (Бесѣда, стр. 17)—слишкомъ извѣстны. Далѣе, къ сѣверу отъ «спуска къ св. Лазарю» монастырь «Богородицы» (женскій; Бесѣда, стр. 18) еще патріархъ Константій отождествилъ съ церковью Богородицы

---

1) Круглое зданіе у сѣверо-восточнаго угла св. Софіи (Бѣляевъ, Byzantina, т. II, стр. 147).

2) Надо думать, что это придѣлъ въ южной части западныхъ хоръ (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 27 и 28; ср. Кондаковъ, стр. 117).

3) Тамъ сохранилось и мозаичное изображеніе св. Григорія Чудотворца, а у противоположной (южной)—св. Василія Великаго (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 19).

4) «Мощи» патр. Арсенія лежали, вѣроятно, не влѣво отъ алтаря, а въ лѣвой сторонѣ юго-восточнаго квадрата св. Софіи. По крайней мѣрѣ такъ выходитъ изъ того, что я говорилъ выше. Младенцы (стр. 13) попали изъ церкви Богородицы «Халкопратійской».

5) Я не сомнѣваюсь, что эта же Малая Крещальня называлась и «Св. Кладезь». Къ св. Кладезю шелъ ходъ изъ дворца черезъ «Хитъ» Халки, а, по Кодину (стр. 135), Юстиніанъ соединилъ съ дворцомъ переходами именно М. Баптистерій.

6) «Цѣпи Павла» не могу объяснить (Бесѣда, стр. 13). Не Петра-ли? По храмъ св. Петра былъ у сѣверо-восточнаго угла св. Софіи (Бѣляевъ II, 147).

7) У Стефана Новгородца это отнесено къ иконѣ Спасителя надъ входомъ (Леонидъ, стр. 10).

«Патрикіи» близъ св. Софіи и Ирины. Это вполнѣ правдоподобно, только тогда вѣрнѣе читать: *«налѣво»* (а не направо)[1]). Монастырь «св. Василія» (Бесѣда, стр. 18)—монастырь Богородицы «Панахранты». Указаніе «Бесѣды», что онъ былъ на подолѣ или вообще *восточнѣе* св. Софіи, весьма важно для топографіи К—ля. «Бесѣда» называетъ его «монастыремъ св. Василія» потому, что въ немъ хранилась глава св. Василія Великаго[2]). Положеніе Манганъ, т. е. св. Георгія въ Манганахъ, и агіазма Спаса-Филантропа подъ Инджиль-Кіоскомъ извѣстно точно. Важно указаніе о церкви св. Андрея, на западъ отъ Манганъ, къ Василькамъ (Бесѣда, стр. 22); только это была церковь св. Андрея *Юродиваго* (а не Критскаго; Кондаковъ, стр. 105; Леонидъ, стр. 25). Къ югу отъ св. Софіи и «спуска къ св. Лазарю», «Бесѣда» упоминаетъ: церковь св. Евѳиміи, «дворъ Константина» и «мовницу» на послѣднемъ (стр. 22—24). Это, пожалуй, самая интересная (съ топографической точки зрѣнія) часть «Бесѣды». Церковь св. Евфиміи была *къ западу* (а не къ востоку отъ Ипподрома) и здѣсь не у мѣста[3]); да и соборъ происходилъ не въ этомъ храмѣ, а въ храмѣ св. Евѳиміи въ Халкидонѣ. Но это неважно. Напротивъ, важной заслугой г. Кобеко надо назвать то, что онъ поставилъ «дворъ Константина» къ востоку отъ Ипподрома (Опытъ стр. 13), т. е. рѣшительно высказался въ томъ-же духѣ какъ архим. Леонидъ[4]). Только Леонидъ немного ошибся, принявъ «дворъ Константина» за Вуколеонъ[5]); нѣтъ сомнѣнія, что «дворъ Константина» — *триклинъ Юстиніана*, возвышавшійся, по словамъ Бондельмонти (ср. Кондаковъ, стр. 95), надъ приморскими стѣнами между Ипподромомъ и Новой базиликой[6]). Мнѣ уже приходилось указывать, что «Новая базилика» находилась близъ восточной стѣны триклина Юстиніана (Замѣтки по древн. К—ля, Виз.

---

1) Извѣстно, что глава св. Іоанна Златоуста, хранившаяся въ этомъ «монастырѣ» (Леонидъ, стр. 20—22), нынѣ находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. «Монастыремъ» эту церковь называли, вѣроятно, потому, что около было жилище дѣвъ, прислуживавшихъ въ св. Софіи.

2) Теперь глава св. Василія Великаго въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. I, стр. 314). Дестунисъ упустилъ изъ виду, что былъ другой монастырь св. Василія въ Петріонѣ или Влахернахъ.

3) Она была «въ кварт. Антіоха близъ Лавза».

4) Леонидъ, стр. 24 и 25. Кондаковъ ошибочно относилъ свидѣтельства о «дворѣ К—на» къ Текфуръ-сераю (стр. 70); но это не удивительно; и Текфуръ-серай назывался «дворцомъ Константина» (Порфиророднаго; Mordtmann, Esquisse, p. 29; ср. Кондаковъ, стр. 100).

5) Я доказалъ, что не было отдѣльнаго дворца Вуколеона, а что это было лишь другое названіе царскихъ китоновъ (статья объ этомъ—въ редакціи «Виз. Врем.»).

6) Г. Кобеко сдѣлалъ бы большую услугу наукѣ, если бы теперь принялся за разработку вопроса о томъ, какіе тексты нашихъ паломниковъ относятся къ «Новой базиликѣ», а какіе къ церкви «Безплотныхъ» во Влахернахъ. На этотъ случай обращаю его вниманіе на то, что у Кодина (стр. 78) упоминается *бронзовая статуя Христа*, вѣроятно, та, которую проф. Кондаковъ помѣстилъ у церкви «Безплотныхъ» (стр. 70).

Врем. т. IV, стр 529)[1]). За «Новой базиликой», какъ извѣстно, тянулся садъ «Месокипій», а за «Месокипіемъ» находился «Цикаnистерій» (дворцовый манежъ). *Этотъ-то «Цикаnистерій» и описанъ въ «Бесѣдѣ» на стр. 23.* А «мовница»—«большая баня Константина», находившаяся, по Кодину (стр. 19, 59), дѣйствительно, *близъ Цикаnистерія.* Такъ какъ мѣстоположеніе Цикаnистерія приблизительно извѣстно—къ югу отъ агіазмы Спаса-Филантропа (Кондаковъ, стр. 105), то и баню эту надо искать гдѣ-то близъ «Пріемнаго Кіоска», на берегу моря.

Въ описаніи Ипподрома, дѣйствительно, какъ указалъ Дестуnисъ, важно указаніе на *столпы* въ юго-западной части. Существованіе водоема въ этомъ мѣстѣ внѣ сомнѣнія[2]). Что касается того, въ какомъ именно направленіи авторъ описанія обходилъ Ипподромъ, то, по моему, Дестуnисъ (тамъ же, стр. 263 и 264) не правъ. Если Дельфійскій треножникъ и обелискъ Θеодосія были у него *влѣво* (Бесѣда, стр. 25), то, значитъ, онъ, войдя въ Ипподромъ («воротами Мертвыхъ»?), шелъ сначала въ сѣверо-восточномъ направленіи (отъ музея янычаръ къ нынѣшней мечети Ахмедіе), а потомъ назадъ по другую сторону «ступени» къ воротамъ въ сторону св. Анастасіи («Мѣдныя ворота Ипподрома», [3]), т. е. къ тому мѣсту, гдѣ и теперь выходятъ отъ обелиска Константина Багрянороднаго на улицу, ведущую къ Влангѣ. Въ такомъ случаѣ «глубокій колодезь», приходившійся *направо* (Бесѣда, стр. 26), врядъ-ли будетъ «фіалой Ипподрома». Вѣрнѣе—это была цистерна 1001 колонны. Я потому готовъ скорѣе считать этотъ колодезь за цистерну 1001 колонны, чѣмъ за такъ называемую цистерну «40 мучениковъ», что цистерна 1001 колонны больше и ближе къ [illegible] Константина.

Итакъ, если авторъ [illegible] вышелъ изъ Ипподрома къ [illegible] Константина «западными воротами» (Бесѣда, стр. 2[illegible]) [illegible] «Мѣдныя ворота Ипподрома» къ св. Анастасіи [illegible] гнулся Велизарій [illegible] и «Замѣтки» [illegible] стр. 327, [illegible] Дестуnисъ [illegible].

---

1) [illegible]

2) [illegible]

3) [illegible]

4) [illegible]

Г. Кабеко благоразумно обошелъ этотъ темный вопросъ. Колонна Константина—извѣстна. Церковь Богородицы «мирской» несомнѣнно церковь Богородицы *на форумѣ Константина*. Она была, какъ извѣстно, построена для купцовъ и окружена портиками, подъ которыми прятался народъ (Кондаковъ, стр. 58). «Правосуды», находившіеся далѣе *направо*, очевидно,—Капиталій (нын. Эски-Сераль). Церковь, гдѣ была икона Спаса, «иже проглаголалъ Маврикѣеви царю» (Бесѣда, стр. 19), надо думать,—церковь Сорока мучениковъ Севастійскихъ (гдѣ нынѣ мечеть Лалели). Перивлептъ [1]) и Студій—извѣстны точно. «Калуяновъ городокъ»—несомнѣнно Семибашенный замокъ (ср. Мордтманъ, стр. 13).

Второй путь, вдоль стѣнъ Θеодосія, не представляетъ особенныхъ затрудненій. Отъ золотыхъ воротъ путникъ шелъ къ св. Андрею «въ Крисѣ», нынѣшней мечети Ходжа-Мустафа. Только эта церковь была посвящена не св. Андрею Юродивому, а *св. ап. Андрею Первозванному*, а потомъ при ней былъ выстроенъ придѣлъ *св. Андрея Критскаго* (Кондадовъ, стр. 160—162). Въ «Бесѣдѣ» этотъ придѣлъ обратился въ храмъ св. Андрея Стратилата (стр. 19 и 20) [2]). Монастырь, гдѣ лежалъ св. Евдокимъ, находился тоже близъ золотыхъ воротъ. По Мордтману, онъ тождественъ съ церковью Богородицы «въ Ексокіоніи» [3]) (стр. 78), но мнѣ кажется, что скорѣе онъ стоялъ на мѣстѣ церкви Богородицы «Бѣлградской». О положеніи церкви св. Евфиміи нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Что касается церкви, гдѣ «лежитъ св. Елизавета» [4]), то, сколько извѣстно, это церковь Богородицы «въ Сигмѣ» (Кондаковъ, стр. 142; ср. Леонидъ, стр. 36), отъ которой сохранилась цистерна къ сѣверу отъ монастыря «Перивлептъ» [5]). Вмѣсто «Діомида» (Опытъ, стр. 14), думаю, лучше читать: «Дія», чѣмъ «Даніила», какъ г. Кобеко. Монастырь свв. Романа и Даніила находился, какъ извѣстно, у воротъ св. Романа (Пушечныхъ), а монастырь св. Іоанна Предтечи «Богомъ богатъ» былъ, какъ извѣстно, близъ Текфуръ-серая [6]). Положеніе храма Божіей Матери «Влахернской» из-

(нын. Катерга-лимани) по направленію къ восточному концу форума Константина и далѣе на сѣверъ портикъ «Мавръ» (Черный). Слово «дворъ» есть буквальный переводъ греч. αὐλή и лат. aula. Это слово значитъ и «дворъ» и «дворецъ» О значеніи въ смыслѣ «дворца» см. у меня въ примѣчаніяхъ къ 29 главѣ Константина Багрянороднаго (De adm. imp). Зосима же называетъ «дворомъ» форумъ Константина (ср. Кодинъ, стр. 128): «ἐξέδρα», собственно: «балконъ».

1) Я уже указалъ выше, что здѣсь путаница въ текстѣ, именно о рукѣ св. Іоанна Предтечи сказано ранѣе, чѣмъ о Перивлептѣ (и 40 муч.).

2) Церковь св. Андрея *Стратилата* находилась въ Триконхѣ, близъ Капитолія (Виз. Врем. III, 449).

3) Церковь Богородицы «въ Ексокіоніи» (Шестистолпіи), нынѣ существующая, называлась еще «Горгоепикоосъ» ἐν τῷ Παραδεισίῳ (Виз. Врем. III, 448), а по Мордтману, и «Евергетиды»; послѣднее сомнительно.

4) Преп. Елизавета (пам. 24 апр.) жила въ К—лѣ въ VI—IX в.

5) Близъ св. Георгія въ Кипарисѣ была церковь св. муч. Елизаветы, коей память 22 октября (Виз. Врем. т. III, стр. 443).

6) Нынѣ мечеть Бейрамъ-паши близъ Богданъ-серая (Дестуиисъ, Ж. М. Н. Пр. 1890, сент. стр. 248; ср. Мордтманъ, стр. 27). Кондаковъ не обратилъ вниманія на то,

вѣстно точно. Монастырь свв. Козьмы и Даміана находился за Влахернской стѣной, гдѣ нынѣ Эюбъ. Но въ «Бесѣдѣ» онъ смѣшанъ съ церковью тѣхъ же свв. Козьмы и Даміана въ кв. Василиска (Церем. стр. 562). По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ главы святыхъ находились въ монастырѣ св. Романа (Леонидъ, стр. 37 и 38). Здѣсь уже начинается *третій путь* (вдоль Золотого рога). Послѣ Козьмы и Даміана упоминается на этомъ пути церковь св. Өеодосіи, т. е. нын. меч. Гюль-джами [1]). Далѣе слѣдуетъ мѣстность «Васильки», т. е. кварталъ Василиска. Дестунисъ (тамъ же, стр. 253) вѣрно помѣстилъ ее близъ нын. Балыкъ-базара. Это подтверждается и упущеннымъ имъ изъ виду мѣстомъ «Обрядника» (Церем. стр. 562). Далѣе къ востоку—церковь *фряжская*, т. е. Богородицы «Варяжской». Въ «Бесѣдѣ» мѣсто ея указано такъ точно (стр. 21), что не можетъ быть сомнѣнія въ тождествѣ ея съ извѣстной *латинской* церковью (обращенной потомъ въ монастырь) Богородицы «Психосостры» (Душеспасительницы, потомъ св. Даніила). Этотъ храмъ находился въ кварталѣ «Геллъ» или Pulchra. Проф. Кондаковъ (стр. 79) задумался надъ этими названіями, а въ сущности дѣло простое. Эта мѣстность прилегала къ *мраморнымъ* воротамъ (Евгенія, Pulchra; Мордт. стр. 42), и въ этой же мѣстности былъ домъ *Галлы*-Плакидіи [2]). Церковь св. Николая г. Кобеко совершенно вѣрно отождествляетъ съ извѣстнымъ храмомъ св. Николая «въ Варварѣ» близъ нын. Сераль-бурну (Опытъ, стр. 14). Дестунисъ не рѣшился на это ради «портика Venetorum», упомянутаго въ одномъ западномъ памятникѣ (тамъ-же, стр. 253). Но нѣтъ ничего удивительнаго, что портикъ (уболъ), тянувшійся вдоль Золотого рога до Манганъ и Циканистерія, сталъ со времени устройства итальянскихъ поселеній называться (если не весь, то въ восточной части) портикомъ Венеціанъ [3]). «Поручный Спасъ», какъ думаютъ, бывшая церковъ Богородицы «Халкопратійской» (Кондаковъ, стр. 71). Теперь, когда восторжествовало мнѣніе Мордтмана о тождествѣ ея съ меч. Зенебъ-султанъ (Мордтманъ, стр. 4; ср. Красносельцева: «Замѣтка по вопросу о мѣстоположеніи Халкопратійскаго храма въ К—лѣ», Лѣт. ист.-фил. общ. при Новоросс. унив. IV), это не будетъ далеко отъ Балыкъ-базара.

что «неизвѣстная церковь Аэція» (стр. 205) и такъ назыв. «евктирій св. Николая» въ Богданъ-сераѣ (стр. 165)—одно и то же.

1) Св. Өеодосія (пам. 29 мая) главная защитница иконы «Спаса въ Халкѣ», отъ исполнителей воли Льва III. Она была заклана «козьимъ рогомъ». Въ день ея памяти въ 1453 г., какъ извѣстно, палъ Царьградъ.

2) Кондаковъ, стр. 108; Тьерри, св. Іоаннъ Златоустъ стр. 147. У Мордтмана (стр. 8) ошибочно «дворцомъ Плакидіи» названъ дворецъ Флакиллы (Прокопій, Перс. война I, 24). Ближайшей церковью къ воротамъ Евгенія была церковь Богородицы «Урвикія», построенная Юстиніаномъ (Конд. стр. 33). У Кодина (стр. 77) говорится собственно не о церкви Богородицы «Урвикія», а о церкви Богородицы *въ Стратиіи*.

3) Я разумѣю такъ называемый «Кератемволъ» (Кодинъ, стр. 119; ср. Акрополитъ, стр. 204 русс. перев.).

Остается *четвертый путь*. Но какъ онъ шелъ? Г. Кобеко не рѣшился высказаться по этому поводу; да и понятно: надъ этимъ задумался и проф. Кондаковъ. Однако проф. Кондаковъ сдѣлалъ нѣкоторые намеки. По справедливому замѣчанію этого ученаго путь этотъ начинался гдѣ-то у юго-западнаго угла Ипподрома, у портика св. Георгія (Конд. стр. 93 и 132), а потомъ выходилъ къ Пантократору. А въ другомъ мѣстѣ проф. Кондаковъ обращаетъ вниманіе на широкую поперечную улицу, которая идетъ отъ Стараго моста (черезъ Золотой рогъ) мимо Пантократора и Акъ-серая и Лалели на восточный край Вланги (Конд. стр. 210 и 211). Послѣ такихъ намековъ я уже не могу приписывать себѣ честь открытія, если скажу, что четвертый путь шелъ сначала *портикомъ св. Георгія* (*тождественнымъ съ портикомъ Дафны*; Конд. стр. 136), получившимъ свое названіе отъ церкви св. Георгія *въ Кипарисѣ*, до Вланги, а у Вланги поворачивалъ *портикомъ Филадельфомъ*, тождественнымъ съ упомянутой выше поперечной улицей, и выходилъ, дѣйствительно, къ Пантократору [1]). Авторъ «Бесѣды» идетъ обратнымъ путемъ, т. е. не отъ Ипподрома къ Пантократору, а отъ Пантократора къ Влангѣ и Ипподрому (стр. 22). Но это еще не бѣда. Важнѣе то, что этотъ путь менѣе всего ему извѣстенъ. О Пантократорѣ и Паммакаристѣ говорить нечего. «Царицынъ монастырь», очевидно, уже разъ упомянутая церковь св. Θеодосіи [2]). «Царевъ монастырь» Дестунисъ (стр. 258 и 259) отождествляетъ съ мон. Богородицы «Лива». Дѣйствительно, у Зосимы сказано, что въ монастырѣ «Лива» лежатъ св. Стефанъ и царица Ирина [3]). На этого мало. Зосима прежде всего не Антоній. Наконецъ, какъ указываетъ акад. Л. Н. Майковъ, Зосима самъ списывалъ съ сказанія, вошедшаго въ составъ «Бесѣды» (Бесѣда, стр. 37). Затѣмъ Стефанъ Новгородецъ называетъ «Царевымъ монастыремъ» и монастыремъ св. Дмитрія въ Акрополѣ (Леонидъ, стр. 27). Кромѣ того, по другимъ свѣдѣніямъ мощи св. Стефана Новаго были вовсе не въ какомъ-то «Царевомъ монастырѣ», а въ мона-

---

1) Начинался «портикъ Георгія» у упомянутыхъ выше «Мѣдныхъ воротъ Ипподрома». Горельефъ «Филадельфъ» (что нынѣ въ Венеціи) стоялъ, вѣроятно, около Шахъ-заде (Конд. стр. 218; ср. Мордт. стр. 71).

2) Кондаковъ, стр. 209; Леонидъ, стр. 39. По Кондакову (стр. 82)—и это несомнѣнно—тотъ же монастырь назывался еще «Киръ-Марты», а также «св. Іоанна Милостиваго». Желательно объяснить причину такого повторенія одной и той же церкви въ «Бесѣдѣ».

3) Леонидъ, стр. 32. Мон. «Лива» находился гдѣ то на 4-мъ холмѣ близъ свв. Апостоловъ. Но точно его положеніе еще не опредѣлено. Патр. Константій отождествлялъ ее съ меч. Темирджиларъ въ кварт. «Чирчиръ» (Воробьиномъ). Кондаковъ готовъ скорѣе видѣть ее въ меч. Килиссе въ кв. Мефа (обыкновенно принимаемой за св. Θедора Тирона, хотя *совершенно неправильно*), если эта церковь не окажется болѣе древней (Конд. стр. 4, 216 и 217), а Мордтманъ—съ меч. Фенеръ-іесса на Атмейданѣ дальнемъ (стр. 71, 72). Я же позволю себѣ обратить вниманіе изслѣдователей К—ля на остатки мечети посреди базара къ югу отъ меч. Султанъ—Мехмедъ (А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. II, стр. 337). А мечеть Фенеръ-іесса скорѣе всего церковь Богородицы «въ Вигленціяхъ», гдѣ творилась память свв. Мины и Миная.

стырѣ Дія у *Золотыхъ воротъ* (Конд. стр. 91), а «лобъ» св. Стефана Новаго былъ въ Перивлептѣ (Леонидъ, стр. 35). Напоминаю также, что не очень далеко отъ св. Өеодосіи находилась церковь *св. первомуч. Стефана*, гдѣ Антоній видѣлъ его лобъ, «избитъ каменіемъ» (Конд. стр. 93; въ Константіанахъ, близъ Кызъ-ташъ).

Темно указаніе и о св. Иринѣ. Мнѣ извѣстны лишь мученицы этого имени [1]). Далѣе упомянутая при «Царевомъ монастырѣ» агіазма Спаса [2]) находится, какъ извѣстно, совсѣмъ не на *4-мъ пути*, а подъ Инджилъ-Кіоскомъ. Однако эта послѣдняя несообразность, пожалуй, рѣшаетъ дѣло. Подъ «Царевымъ монастыремъ» подразумѣвается въ «Бесѣдѣ» вѣрнѣе всего монастырь Христа Евергета въ Петріонѣ (гдѣ нынѣ меч. султана Селима). Только авторъ описанія Константинополя смѣшалъ этотъ монастырь съ монастыремъ Спаса-Филантропа, потому что, кажется, оба они построены Алексѣемъ Комниномъ [3]). Одно бѣда: по «Бесѣдѣ» монастырь «Царевъ»—женскій, а Христа Евергета былъ *мужской*. Но этимъ и кончается въ сущности *четвертый путь* въ «Бесѣдѣ». Онъ могъ не упомянуть Сорока мучениковъ Севастійскихъ, ибо видѣлъ ихъ ранѣе по пути къ Семибашенному замку; но почему же у него ничего нѣтъ о св. Анастасьи (на портикѣ Мавра), о церкви Маккавеевъ у Ипподрома? Не вѣрится, чтобы русскій человѣкъ не посѣтилъ церкви Маккавеевъ [4]). Пострадала эта часть особенно сильно отъ землетрясенія? дошла до насъ «Бесѣда» не въ полномъ видѣ?—вотъ вопросы, на которые теперь долженъ постараться дать отвѣты г. Кобеко. Я оставилъ наконецъ вопросъ о «монастырѣ Апостоловъ» (Бесѣда, стр. 22). Что это въ самомъ дѣлѣ за монастырь? Опять надо поставить въ заслугу г. Кобеко, что онъ не пошелъ за авторитетами, а поставилъ на видъ, что въ «Бесѣдѣ» идетъ рѣчь *о какомъ—«монастырѣ 70 апостоловъ»* (Доп. зам. стр. 4). До появленія труда г. Кобеко не возникало сомнѣнія относительно положенія монастыря, *гдѣ были мощи свв. Карпа и Папилы.*

На основаніи указанія Синаксаря «[illegible]» этотъ монастырь предполагался *близъ форума Елевѳ*, т. е. гдѣ-то въ [illegible] [5]). Почтенный г. Саввантовъ призналъ за вставку мѣсто Антонія, гдѣ рядомъ съ Карпомъ и Папилой говорится о монастырѣ св. Мамаита [illegible]

1) 16 апр., 5 мая и 13 сент. Извѣстна еще св. Ирина [illegible] монастырѣ Хризобаланта, онъ же Богородицы въ [illegible] стр. [illegible] тель эта она еще Богородицы «Кехаритоменыя» и св. [illegible] нынѣшняя мечеть [illegible] стр. [illegible]

2) О которой говорилось и ранѣе на стр. [illegible]
св. Өеодосіей.

3) Кондаковъ, стр. [illegible] родицы «Кехаритоменыя» [illegible] часть мощей св. Стефана Новаго.

4) Напоминаю [illegible]

5) Мордтманъ [illegible] руемаго Мордтманомъ [illegible]

и объяснилъ дѣло простымъ смѣшеніемъ воротъ Χαρσία съ Χρυσῆ (прим. 142). Проф. Кондаковъ тоже всецѣло положился на указаніе Синаксаря, но всетаки призналъ вставку о Мамантѣ странной (стр. 141 и 91). Между тѣмъ въ новѣйшее время проф. Успенскій окончательно утвердилъ догадку Византія о томъ, что въ Константинополѣ были *два монастыря св. Маманта*: одинъ за Влахернами, а другой гдѣ-то въ нын. Галатѣ или около (Лѣтоп. ист.-фил. общ. при Имп. Новор. унив. т. II, стр. 79 и слѣд.).

Въ такомъ случаѣ дѣло принимаетъ иной оборотъ. Многіе удивятся, но я смѣло ставлю гипотезу, что авторъ «Бесѣды» по ошибкѣ выписалъ изъ своего источника (авторъ котораго не былъ въ храмѣ свв. Апостоловъ) цитату о той церкви «7 (70?) апостоловъ—Урванова чадь», о которой (въ нын. Фундукли) упоминаетъ Антоній [1]). Что же касается указанія Синаксаря «Πλησίον τῶν Ἑλενιανῶν», то тутъ или надо читать: «близъ *Елеи*» (Оливъ, нын. Сали-базаръ) или вмѣсто дворца Елены надо подразумѣвать мѣстность у церкви св. Елены за Золотымъ рогомъ (Кондаковъ, стр. 94). Въ «Оливахъ» были церкви: Маккавеевъ, Архипа и *Филимона* (Виз. Врем. III, 443) и другія [2]). А св. Мамантъ окажется тогда тѣмъ монастыремъ св. Маманта, который былъ гдѣ-то въ нын. Галатѣ и около котораго «жила Русь».

И такъ, нельзя не признать, что трудъ г. Кобеко, не смотря на нѣкоторые недостатки (главнымъ образомъ не зависящіе отъ автора), представляетъ довольно крупный вкладъ въ литературу по древностямъ Царьграда.

Гавріилъ Ласкинъ.

Е. Н. Ружичић. *Именик (каталог) цариградских патриара, римских папа, српских прво-јустинијанско-оридских архиепископа и жичко-пећских архиепископа и патриара.* Саставио по разним каталозима и историјама... *Београд 1897 г.* 8°, стр. 88.

Сербская церковно-историческая литература вообще не богата и особенно нуждается въ дѣльныхъ вспомогательныхъ и справочныхъ пособіяхъ по исторіи сербской церкви и ея отношеній къ Востоку и Западу; таковы хронологія, каталоги іерарховъ и т. п. За выполненіе этого пробѣла взялся г. Ружичић. Но напрасно *думалъ* онъ, что составленіе ката-

1) Кондаковъ, стр. 6 и 94; ср. А. Н. Муравьевъ, Письма съ Востока, ч. II, стр. 368. Эта церковь, вѣроятно, тождественна съ мон. св. ап. Андрея близъ мон. Стила (Стилита, т. е. Даніила Столпника въ нын. Бешикташѣ. Кондаковъ, стр. 35).

2) Не скрою, что въ одинъ день съ свв. Каллиникомъ, Фирсомъ и Левкіемъ (14 дек.) стоитъ и *св. Филимонъ* (церковь близъ дворца Елены; Мордтманъ, стр. 77). Но въ «Бесѣдѣ» идетъ рѣчь объ *апостолѣ* (изъ 70) *Филимонѣ*, къ которому писалъ св. Павелъ; а этого ап. Филимона память, вмѣстѣ съ Архипомъ, *19 февраля* (странное совпаденіе!). Слѣдовательно, это храмъ въ «Елеѣ», а не въ Псаматіи.

лога *легкая вещь*; въ противномъ онъ самъ убѣдился бы окончивши свой работы?!—Г. Ружичичъ вообще много писалъ по исторіи сербской церкви, но всѣ его труды страдаютъ общимъ и основнымъ недостаткомъ, отсутствіемъ всякой исторической критики. [illegible] этого недостатка. Онъ задался цѣлью, не только дать перечень лицъ въ хронологическомъ порядкѣ, но и указать причины, которыми обусловливалось вступленіе ихъ на каѳедру или оставленіе ея. Кромѣ того, иногда онъ дѣлаетъ подробныя историческія справки относительно той или другой личности или каѳедры, [illegible]

[illegible]

[illegible]

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Профессоръ А. П. Лебедевъ, *Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка по XX.* Москва. 1898. Стр. 579.—Настоящая книга представляетъ первый томъ новаго изданія церковно-историческихъ сочиненій извѣстнаго Московскаго профессора А. П. Лебедева, и вмѣстѣ—первый томъ первой серіи означенныхъ сочиненій, посвященной исторіи древней христіанской церкви и заключающей въ себѣ четыре тома, которые уже всѣ напечатаны (т. 2-й: «Эпоха гоненій на христіанъ»; т. 3-й: «Вселенскіе соборы IV-го и V-го вѣковъ» и т. 4-й: «Вселенскіе соборы VI—VIII вѣковъ»). Предметомъ ея служитъ исторіографія древней христіанской церкви и послѣдующая церковная исторіографія вплоть до нашихъ дней. Книга состоитъ изъ трехъ обширныхъ отдѣловъ изслѣдованія и приложеній.

Въ *первомъ* отдѣлѣ книги обозрѣвается греческая церковная исторіографія древнихъ временъ. Отдѣлъ состоитъ изъ введенія и девяти главъ. Во *введеніи* (стр. 3—6) даются общія свѣдѣнія о древне-греческихъ церковныхъ историкахъ IV—VI вѣковъ. Въ частности здѣсь указывается на недостаточное научное изученіе этихъ историковъ у насъ и заграницей, хотя труды ихъ имѣютъ весьма важное значеніе и всякій представитель богословской науки въ большей или меньшей степени нуждается въ ихъ свидѣтельствахъ и пользуется ими. Въ виду этого необходимо внимательно изучить древне-греческіе церковно-историческіе труды, дабы установить опредѣленный взглядъ на авторитетность, безпристрастность и правдивость каждаго изъ нихъ,—тѣмъ болѣе, что труды эти были первыми по времени своего появленія на поприщѣ церковно-историческаго знанія, отличаются пріемами и методами, не утратившими важности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и теперь, и въ достаточной степени изображаютъ современную историческую эпоху съ ея міровоззрѣніемъ, интересами и стремленіями. Въ ряду древне-греческихъ церковныхъ историковъ первое мѣсто занимаетъ Евсевій, епископъ кесарійскій (въ Палестинѣ), который за свои труды пользуется славой отца церковной исторіи; въ книгѣ профессора Лебедева ему посвящены первыя три главы перваго отдѣла. Въ главѣ *первой* (стр. 7—52) сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Евсевія и указываются источники его «Церковной исторіи». Евсевій жилъ между 260 и 340 годами и, слѣдовательно, былъ свидѣтелемъ гоненія Діоклетіана и его преемниковъ, одного изъ самыхъ продолжительныхъ и сильныхъ гоненій; во время этого гоненія онъ и самъ перенесъ темничное заключеніе въ Палестинѣ, а другъ его, кесарійскій пресвитеръ Памфилъ, и погибъ на его глазахъ. Послѣ смерти Памфила онъ оставилъ свое обычное мѣсто жительства—Кесарію, гдѣ

онъ былъ епископомъ, и для собственной безопасности сталъ странствовать по разнымъ странамъ и городамъ; такая жизнь обогатила Евсевія множествомъ свѣдѣній изъ исторіи гоненія Діоклетіана и его преемниковъ. Но Евсевій былъ свидѣтелемъ и окончательной внѣшней побѣды христіанства надъ язычествомъ въ римской имперіи при Константинѣ Великомъ, — когда личное положеніе Евсевія значительно измѣнилось къ лучшему и онъ изъ человѣка гонимаго сдѣлался однимъ изъ первыхъ по значенію епископовъ, дружественнымъ съ царемъ, съ которымъ имѣлъ даже переписку, — участникомъ и ораторомъ при всѣхъ торжественныхъ событіяхъ въ жизни Константина, вліятельнѣйшимъ лицомъ въ отношеніи къ положенію христіанской церкви въ имперіи. Эти двѣ фазы въ личной жизни Евсевія самымъ очевиднымъ образомъ отразились и на его историческихъ трудахъ. Его «Церковная исторія» описываетъ эпоху гоненія при Діоклетіанѣ и преимущественно рисуетъ мученія и мучениковъ, а «Жизнь Константина» изображаетъ свѣтлыя картины изъ временъ перваго христіанскаго императора. Евсевій отличался широкою ученостію. Учителемъ его можно считать Дороѳея, антіохійскаго пресвитера и извѣстнаго представителя антіохійской школы, человѣка весьма ученаго и свѣдущаго въ наукахъ богословскихъ и свѣтскихъ. Кромѣ того на образованіе Евсевія имѣлъ весьма большое вліяніе ученый пресвитеръ кесарійскій Памфилъ, который основалъ прекрасную и богатую церковную библіотеку въ Кесаріи, весьма любилъ и цѣнилъ христіанское просвѣщеніе. Евсевій находился съ Памфиломъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и въ память этой дружбы присоединялъ къ своему имени имя этого лица и [illegible] въ исторіи съ названіемъ Евсевія-Памфила [illegible]. Благодаря такому [illegible] Евсевій получилъ образованіе, [illegible] тѣйшимъ церковнымъ [illegible] похвальные отзывы [illegible] новѣйшіе ученые [illegible] разбору [illegible] сообщаетъ, что его [illegible] стоитъ [illegible] заглавіями [illegible] первыхъ [illegible] ви [illegible] источни[illegible] до [illegible] Евсев[illegible] ски[illegible] [illegible] книг[illegible] клад[illegible] [illegible]

тистическимъ описаніемъ церкви времени Игизиппа или даже описаніемъ путешествія автора изъ Палестины въ Римъ, а иные признаютъ его полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ гностицизма. Профессоръ Лебедевъ болѣе вѣроятнымъ считаетъ послѣднее воззрѣніе, при чемъ добавляетъ, что въ сочинении Игизиппа полемическій элементъ опирается на историческія воспоминанія и факты, почему его справедливо отнести къ разряду историко-полемическихъ произведеній древне-греческой литературы. Относительно духа и внутренняго характера произведенія Игизиппа проф. Лебедевъ, на основаніи анализа нѣкоторыхъ его мѣстъ, приходитъ къ выводу, что оно свободно отъ евіонитскаго направленія въ пониманіи христіанства (что допускаютъ нѣкоторые ученые) и носитъ православный характеръ, написано для истинно вѣрующихъ II-го вѣка и въ пользу правой вѣры. Что касается отношенія къ Игизиппу Евсевія, какъ автора «Церковной исторіи», то послѣдній высоко его цѣнитъ и неоднократно выражаетъ ему похвалы, прямо заявляя, что пользуется трудомъ Игизиппа, какъ источникомъ. Евсевій не только считалъ Игизиппа свидѣтелемъ, заслуживающимъ довѣрія въ извѣстіяхъ о судьбѣ христіанской церкви, но и въ нѣкоторой степени пользовался методомъ Игизиппа и его литературными пріемами. Вторымъ источникомъ для Евсевія при написаніи его «Церковной исторіи» служила хронографія Юлія Африкана, обнимающая время отъ Адама до царствованія Геліогабала (до 221 года). Африканъ жилъ во второй половинѣ II и первой половинѣ III вѣка. Онъ былъ родомъ римлянинъ, но жилъ въ Палестинѣ, именно въ Эммаусѣ, и писалъ по гречески. Африканъ много видѣлъ на своемъ вѣку и много зналъ, былъ близокъ къ едесскому царю Авгарю и къ римскому императору Александру Северу, былъ другомъ знаменитаго Оригена. Въ умственномъ отношеніи Африканъ, по словамъ проф. Лебедева, представляетъ собою какой-то феноменъ. Одни изъ его сочиненій (письмо къ Оригену и письмо къ Аристиду) отличаются высокими ученолитературными достоинствами и ставятъ автора много выше обыкновеннаго уровня, а сочиненіе подъ заглавіемъ «Κεστοί» не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Что касается хронографіи Африкана, которою пользовался Евсевій, то она — среднихъ научныхъ достоинствъ. Этотъ трудъ христіанскаго хрониста не сохранился до нашего времени, но по своему содержанію возстановленъ нѣмецкимъ историкомъ Гельцеромъ. Въ развитіи церковной исторіографіи трудъ Африкана имѣетъ важное значеніе, какъ первый въ этой области, и Гельцеръ справедливо именуетъ этого писателя «отцомъ христіанской хронографической литературы». Однако Евсевій находился въ незначительной литературной зависимости отъ Африкана. Кромѣ трудовъ Игизиппа и Африкана, Евсевій пользовался обширною литературою св. отцевъ, учителей и писателей церковныхъ, въ произведеніяхъ коихъ разсѣяно множество церковноисторическихъ матеріаловъ, а также произведеніями писателей не христіанскихъ. Тѣ и другія сочиненія Евсевій въ изобиліи нашелъ въ би-

бліотекахъ Элійской, т. е. Іерусалимской, устроенной епископомъ Александромъ (212—250 г.), и Кесарійской; но сомнительно, чтобы онъ былъ знакомъ и съ Едесскимъ архивомъ, а съ другой стороны—безъ достаточнаго основанія высказывается мнѣніе, будто по волѣ Константина Великаго Евсевію были доставлены документы изъ судебныхъ архивовъ римской имперіи касательно всѣхъ мучениковъ, осужденныхъ на смерть въ эпоху гоненій. При всемъ томъ Евсевій, составляя свою исторію, располагалъ замѣчательнымъ богатствомъ матеріаловъ. Къ своимъ источникамъ Евсевій относился съ большимъ вниманіемъ и свое повѣствованіе часто подтверждаетъ свидѣтельствами источниковъ. Отсюда его исторія отличается документальностью. Но историческая критика у Евсевія не высока и въ этомъ отношеніи у него встрѣчаются лишь задатки и первыя попытки, показывающія, что дѣло исторіографіи въ его время только-что начиналось. Наконецъ, Евсевій, кромѣ письменныхъ источниковъ, имѣлъ еще одинъ важный источникъ свѣдѣній—свои личныя наблюденія и изустныя показанія современниковъ, на основаніи коихъ онъ написалъ VIII—X книги своей исторіи. Ученый Гунцикеръ находитъ, что эта часть труда Евсевія написана запутанно и безпорядочно, а ученый Эли ставитъ эту часть выше первой. Проф. Лебедевъ не соглашается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ и говоритъ, что Евсевій, какъ человѣкъ книжный, лучше могъ писать исторію по документамъ, чѣмъ по своимъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ, поэтому не удивительно, что вторая часть его исторіи не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ.

Во *второй* главѣ разсматриваемой книги (стр. 52—83) рѣчь идетъ объ Евсевіѣ, какъ отцѣ церковной исторіи, и дается подробная характеристика его церковно-историческаго труда. Евсевій именуется отцемъ церковной исторіи въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ Геродотъ называется отцемъ исторіи свѣтской (Бауръ). Право на такое наименованіе по всей справедливости принадлежитъ Евсевію, такъ какъ онъ дѣйствительно *первый* написалъ исторію, обнимающую жизнь христіанства со всѣхъ сторонъ и за періодъ времени довольно значительный, а затѣмъ онъ отличается универсальностью, широтою историческихъ воззрѣній, исходя изъ которыхъ онъ сводитъ какъ бы къ одному фокусу жизнь іудейства, язычества и христіанства, поставляя центромъ для этихъ формъ человѣческаго и откровеннаго богосознанія — Христа, около котораго онъ и сосредоточиваетъ всю исторію человѣчества. Подробно уяснивъ каждое изъ указанныхъ достоинствъ Евсевія, дающихъ ему право на эпитетъ отца церковной исторіи, проф. Лебедевъ обращается затѣмъ къ изученію основныхъ воззрѣній Евсевія, какъ историка, насколько они выразились въ его исторіи церкви, и къ опредѣленію ихъ научнаго достоинства, а также результатовъ, къ коимъ приводятъ Евсевія его воззрѣнія. Точка отправленія у Евсевія въ его исторіи возвышенно догматическая. Исторію христіанства онъ понимаетъ, какъ исторію благодѣтельныхъ для человѣчества дѣйствій Божества, которое неусыпно блюдетъ надъ судь-

бою избраннаго народа христіанскаго, покровительствуетъ ему, борется съ врагами церкви христіанской и явно торжествуетъ надъ ними. Исполнителемъ воли Божества является Сынъ Божій, Христосъ, началовождь силъ небесныхъ, владыка всяческихъ отъ вѣчности, воспитатель человѣчества въ истинѣ и добрѣ до земного Своего явленія въ мірѣ; послѣ же воплощенія Своего, Сынъ Божій поставилъ Себя въ особенную близость къ человѣчеству и сталъ наибольшимъ его благодѣтелемъ. Исторія служитъ комментаріемъ этой истины. Церковь, въ лицѣ истинныхъ христіанъ, живетъ подъ непосредственной охраной и руководствомъ Сына Божія. Такимъ образомъ, въ Сынѣ Божіемъ исторія церкви имѣетъ важнѣйшій движущій принципъ. Но если церковь имѣетъ постоянное покровительство и охраненіе, то, значитъ, у нея существуютъ и враги. Врагами церкви Евсевій считаетъ, прежде всего, ветхаго человѣка со всѣми его пороками и неустаннымъ противоборствомъ божественной истинѣ, а затѣмъ и главнымъ образомъ — діавола, который неустанно работаетъ въ мірѣ христіанскомъ ради зла. Противоборство діавола составляетъ въ исторіи Евсевія второй движущій принципъ. Такимъ образомъ, прагматизмъ исторіи Евсевія заключается въ борьбѣ неба съ адомъ на сценѣ человѣческой, и все содержаніе исторіи опредѣляется въ зависимости отъ указанныхъ основныхъ принциповъ. Такъ какъ существуютъ два начала, движущихъ исторіей, благое—Богъ и злое—діаволъ, то главнѣйшія стороны церковно-исторической жизни и являются выраженіемъ дѣйствій того или другого начала. То, что составляетъ результатъ дѣятельности благого принципа, можно назвать *положительнымъ* содержаніемъ исторіи, а то, что является результатомъ дѣятельности злого принципа, можно назвать *отрицательнымъ* ея содержаніемъ. Первое выражаетъ правильный и истинный ходъ церковныхъ дѣлъ и при томъ характера неизмѣннаго, а второе служитъ выраженіемъ ненормальныхъ церковно-историческихъ явленій и при томъ характера преходящаго. Въ составъ положительнаго содержанія исторіи Евсевія входятъ слѣдующіе предметы: исторія канона новозавѣтныхъ книгъ, преемство епископовъ и изслѣдованія объ отцахъ и учителяхъ церкви и объ ихъ писаніяхъ, а отрицательную сторону ея содержанія составляютъ ереси и гоненія на христіанъ. Подробно описавъ и оцѣнивъ каждый изъ указанныхъ элементовъ въ содержаніи исторіи Евсевія, проф. Лебедевъ даетъ въ заключеніи и общую оцѣнку его историческихъ воззрѣній, при чемъ находитъ, что воззрѣнія Евсевія придаютъ его исторіи библейскую грандіозность, возвышенность и назидательность; въ то же время Евсевій несправедливо, по мнѣнію проф. Лебедева, ослабляетъ значеніе человѣческаго элемента въ исторіи и изгоняетъ участіе человѣческой воли въ историческомъ движеніи; кромѣ того, такая точка зрѣнія вызываетъ крайнее однообразіе историческихъ изображеній и устраняетъ индивидуальность въ характеристикѣ историческихъ лицъ. Поэтому основные взгляды Евсевія

[illegible] у древне-греческихъ историковъ [illegible].

Въ [illegible] главѣ (стр. [illegible]) [illegible] сочиненіе Евсевія — «Жизнь Константина». Въ этомъ сочиненіи Евсевій описываетъ царствованіе императора Константина Великаго, когда въ его [illegible] и [illegible] и для христіанства наступили самыя благопріятныя условія существованія въ [illegible] время, [illegible] достигла высшихъ своихъ стремленій и даже — [illegible] того, къ чему оно было предназначено. [illegible] сочиненія Евсевія въ [illegible] красокъ [illegible] благочестія и [illegible] церкви при Константинѣ. Въ Евсевіи доходитъ крайность въ описаніи царствованія Константина такъ, какъ [illegible] церкви этого времени не соотвѣтствуетъ ни представленію о христіанствѣ, задача котораго не исключительно [illegible] состоитъ въ уничтоженіи на землѣ зла и водвореніи царства [illegible], ни представленію о человѣкѣ, который ни въ какой моментъ своего историческаго существованія не можетъ исчерпать абсолютнаго содержанія христіанства. Это [illegible] Евсевія неблагопріятно отразилось на характерѣ его труда «Жизнь Константина», въ которомъ описывается лишь внѣшнее [illegible] христіанства подъ покровительствомъ законовъ, выразившееся въ возникновеніи новыхъ храмовъ и въ [illegible] отношеніяхъ Константина къ епископамъ, а затѣмъ — [illegible] Константина и положеніе при немъ церкви не вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности. Поэтому «Жизнь Константина» у большинства современныхъ ученыхъ не встрѣчаетъ одобренія. Неодобрительно отзываются объ этомъ сочиненіи Евсевія ученые — Буркгардтъ, Бернгарди, Зеекъ и даже [illegible]. Но знаменитый Ранке находитъ въ немъ и достоинства, имѣя въ виду, что «Жизнь Константина» представляетъ не біографію въ точномъ смыслѣ этого слова, но лишь похвальную рѣчь въ честь императора, написанную притомъ его другомъ; особую цѣнность этому похвальному слову придаютъ, по его воззрѣнію, помѣщенные въ немъ документы съ именемъ Константина. По слѣдамъ Ранке идетъ и Шульце, а проф. Лебедевъ находитъ, что «Жизнь Константина» еще недостаточно изученъ, и въ этомъ заключается причина противорѣчивыхъ отзывовъ ученыхъ объ этомъ церковно-историческомъ трудѣ.

Слѣдующія пять главъ (IV—VIII) книги проф. Лебедева посвящены продолжателямъ Евсевія V-го вѣка — Сократу, Созомену и Ѳеодориту. Въ частности въ главѣ четвертой (стр. [illegible]—154) сообщаются общія свѣдѣнія объ этихъ писателяхъ-историкахъ. Всѣ они описываютъ одни и тѣ же времена, именно исторію церкви отъ [illegible] до 42[illegible] года, т. е. въ царствованіе императоровъ Константина Великаго, его сыновей, Юліана Отступника, Іовіана, Валентиніана съ Валентомъ, Ѳеодосія Великаго, его сыновей — Аркадія и Гонорія и отчасти Ѳеодосія Младшаго. Затѣмъ,

ихъ труды имѣютъ отрывочный характеръ, не отличаются высотою міровоззрѣнія, и, въ сравненіи съ исторіей Евсевія, монотонны и возбуждаютъ лишь относительный интересъ, хотя эти писатели держались тѣхъ же церковно-историческихъ точекъ зрѣнія, какія намѣчены были Евсевіемъ, и стремились сдѣлаться его подражателями и въ духѣ, и въ направленіи. Кромѣ того, въ ихъ трудахъ матеріалъ церковно-историческій переплетается съ политической исторіей государства, и въ области перваго особое вниманіе удѣляется исторіи монашества. Наконецъ, всѣ продолжатели Евсевія V-го вѣка, при составленіи своихъ трудовъ, пользовались одними и тѣми источниками. Къ числу этихъ источниковъ относятся: «Жизнь Константина» Евсевія, «Церковная исторія» латинскаго писателя V вѣка Руфина, «Церковная исторія» греческаго писателя Филосторгія, написанная въ духѣ аріанскомъ, святоотеческія творенія, «Собраніе дѣяній соборныхъ» епископа ираклійскаго Савина, указы императоровъ, письма разныхъ лицъ, акты православныхъ соборовъ и т. п. Проф. Лебедевъ ведетъ подробную рѣчь о каждомъ изъ указанныхъ источниковъ и выясняетъ отношеніе къ нимъ со стороны продолжателей Евсевія. Въ заключеніи онъ приходитъ къ выводу, что Сократъ, Созоменъ и отчасти Ѳеодоритъ по своей эрудиціи стояли ниже Евсевія, который былъ настоящимъ ученымъ историкомъ, а его продолжатели лишь историками-дилеттантами.

Въ главѣ *пятой* (стр. 135—168) обозрѣвается церковно-историческій трудъ Сократа Схоластика. Сократъ родился и жилъ въ Константинополѣ, образованіе получилъ у языческихъ грамматиковъ Аммонія и Элладія и по профессіи былъ адвокатъ. Къ православной церкви онъ относился съ полнѣйшею преданностью и по религіозно-духовному направленію былъ сторонникомъ Александрійской богословской школы. Свою «Церковную исторію» Сократъ написалъ въ 440—441 годахъ при содѣйствіи вышеуказанныхъ источниковъ, а также церковной исторіи пресвитера Филиппа Сидита, разнаго рода современныхъ документовъ, личныхъ наблюденій и свидѣтельствъ современниковъ. Ко всѣмъ источникамъ Сократъ относился критически. Въ своей исторіи онъ имѣлъ въ виду представить безпристрастное повѣствованіе о лицахъ и событіяхъ, и новѣйшіе историки (Гарнакъ, Бауръ, Валуа и др.) единогласно признаютъ, что онъ вполнѣ осуществилъ указанное свое желаніе, какъ это и видно, напримѣръ, изъ отзывовъ Сократа объ императорахъ Юліанѣ Отступникѣ и Ѳеодосіѣ Младшемъ, изъ его сужденій касательно ересей, ихъ происхожденіи и отношеніи къ нимъ церкви, изъ его взгляда на догматическіе споры IV и V вѣковъ, на споры о времени и характерѣ празднованія Пасхи и о постахъ. Вообще исторія Сократа отличается рѣдкою объективностью. Изъ главныхъ недостатковъ этого труда нужно отмѣтить—отсутствіе систематичности въ изложеніи и хронологическія неточности.

Въ *шестой* главѣ (стр. 168—192) рѣчь идетъ о Созоменѣ Схоластикѣ

и его единственномъ литературномъ произведеніи «Церковная исторія». Этотъ трудъ написанъ Созоменомъ между іюнемъ 443 года и второй половиной 444 года. Въ немъ мало интереснаго, потому что Созоменъ, по отзыву Валуа, былъ plagiarius и широко пользовался исторіей Сократа, откуда, по словамъ Гарнака, онъ заимствовалъ три четверти своего труда. По мнѣнію проф. Лебедева, Созоменъ написалъ свою контрафакцію частью потому, что чувствовалъ себя въ состояніи разсказать нѣчто такое, чего не бывало въ исторіи Сократа, частью потому, что находилъ нужнымъ передѣлать нѣкоторыя воззрѣнія Сократа и изложить языкомъ риторическимъ, витіеватымъ, который тогда сталъ распространяться. При своей компилятивности, исторія Созомена отличается утрировкою въ изображеніи историческихъ событій (особенно исторіи монашества) и лицъ и явною тенденціозностью, хотя имѣетъ и нѣкоторыя достоинства, обязывающія современнаго историка не пренебрегать всецѣло этимъ древне-греческимъ церковно-историческимъ трудомъ.

Въ *седьмой* главѣ (стр. 192—213) говорится о «Церковной исторіи» Θеодорита, епископа Кирскаго († 457), одного изъ образованнѣйшихъ пастырей греко-восточной церкви. Исторія Θеодорита написана въ концѣ сороковыхъ годовъ V-го столѣтія, значитъ позже, чѣмъ написаны церковно-историческіе труды Сократа и Созомена. Θеодоритъ былъ знакомъ съ этими трудами и не могъ оставаться внѣ вліянія ихъ, какъ это доказывается проф. Лебедевымъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ. Однако, зависимость Θеодорита отъ Сократа и Созомена ни мало не отнимаетъ чести у Θеодорита, ибо долгъ каждаго историка знакомиться съ болѣе ранними историческими произведеніями. Причиною появленія «Церковной исторіи» Θеодорита проф. Лебедевъ считаетъ глубокія симпатіи писателя къ церкви антіохійской и его желаніе уравнять въ глазахъ читателя историческое значеніе антіохійской церкви съ знаменитою александрійскою и даже показать преимущества первой предъ послѣдней въ указанномъ отношеніи; свой взглядъ проф. Лебедевъ подтверждаетъ вѣскими доказательствами. Къ характеристическимъ чертамъ «Церковной исторіи» Θеодорита относятся: обиліе религіозно-нравственныхъ сентенцій, наклонность къ пышнымъ эпитетамъ въ повѣствованіи о представителяхъ церкви и къ умолчанію ихъ погрѣшностей, суровые приговоры о врагахъ церкви и еретикахъ, кромѣ несторіанъ. Научное значеніе исторіи Θеодорита въ разсматриваемой книгѣ опредѣляется такъ: «историкъ, имѣя Сократа, легче можетъ обойтись безъ Созомена, чѣмъ безъ Θеодорита: послѣ Сократа Θеодоритъ самый нужный изъ продолжателей Евсевія».

Въ главѣ *восьмой* (стр. 213—221) сообщаются свѣдѣнія о компиляторахъ Сократа, Созомена и Θеодорита — Θеодорѣ Чтецѣ и Магнѣ Авреліѣ Кассіодорѣ. Θеодоръ былъ родомъ изъ Пафлагоніи и проходилъ должность чтеца при знаменитомъ Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ. Свою компиляцію онъ составилъ въ первой четверти VI вѣка, но до настоящаго времени она не издана и остается въ рукописи, такъ [illegible]

имѣетъ почти никакого научнаго значенія. Второй компиляторъ, Магнъ Аврелій Кассіодоръ, жившій въ VI вѣкѣ, былъ канцлеромъ и первымъ министромъ при готскомъ королѣ Θеодорихѣ въ Римѣ, а въ концѣ жизни сдѣлался аббатомъ основаннаго имъ въ Бруттіи монастыря Vivarium, для монаховъ коего и написалъ свою церковную исторію (Historia tripartita), воспользовавшись трудами греческихъ историковъ. Но сочиненіе Кассіодора неудовлетворительно и какъ переводъ греческихъ произведеній, и какъ компиляція ихъ.

Въ главѣ *девятой* (стр. 222—233) предлагается характеристика церковно-историческихъ трудовъ Θеодора Чтеца и Евагрія, продолжателей Евсевія VI-го вѣка. Церковная исторія Θеодора обнимала событія отъ конца царствованія Θеодосія Младшаго до начала царствованія Юстина I, но изъ нея сохранились лишь извлеченія, которыя были извѣстны еще хронографу Θеофану и церковному историку XIV вѣка Никифору Каллисту. Можно пожалѣть, что исторія Θеодора не сохранилась въ полномъ видѣ, такъ какъ она была богата интересными и новыми данными касательно первоначальнаго монофизитства и отношеній монофизитовъ къ Халкидонскому собору. Что касается Евагрія, то онъ происходилъ изъ города Епифаніи въ Сиріи, гдѣ родился въ 536 или 537 году, получилъ основательное образованіе и занимался адвокатурой; потомъ переселился въ Антіохію, гдѣ вступилъ въ особенно близкія отношенія къ патріарху Григорію (573—593) и благодаря этому имѣлъ возможность ознакомиться съ церковными дѣлами. Его исторія обнимаетъ эпоху отъ 431 года до 594-го, состоитъ изъ шести книгъ и написана на основаніи свѣтскихъ писателей (Евстаθія Епифанійскаго, Прокопія и Менандра) и церковныхъ. Къ характеристическимъ ея особенностямъ относятся: стремленіе автора опредѣленнѣе и точнѣе формулировать вопросъ о значеніи ересей въ исторіи церкви,—хотя оно и не выполнено, типичность изображеній историческихъ лицъ и стремленіе охарактеризовать ихъ на основаніи внутреннихъ качествъ, повѣствованіе о событіяхъ гражданскихъ на ряду съ церковными и другія. Исторія Евагрія несвободна и отъ недостатковъ (излишняя довѣрчивость автора, его суевѣріе), тѣмъ не менѣе имѣетъ большую научную цѣнность, такъ какъ полно и послѣдовательно описываетъ эпоху третьяго, четвертаго и пятаго вселенскихъ соборовъ, даетъ новыя свѣдѣнія о монофизитствѣ послѣ Халкидонскаго собора, изъ актовъ коего въ ней помѣщены извлеченія, и о положеніи антіохійской церкви въ VI вѣкѣ.

Въ *заключеніи* перваго отдѣла (стр. 234—236) помѣщено нѣсколько замѣчаній о византійскихъ историкахъ VI-го и дальнѣйшихъ вѣковъ, при чемъ проф. Лебедевъ указываетъ слѣдующія ихъ характеристическія черты. Вопервыхъ, всѣ они въ существѣ дѣла не историки въ современномъ смыслѣ слова, а хронисты, лѣтописцы, такъ какъ большею частію описываютъ свое время; еще точнѣе ихъ можно назвать составителями мемуаровъ, потому что они не ограничиваются сообщеніемъ извѣстій о

современныхъ имъ историческихъ фактахъ, но передаютъ множество историческихъ подробностей, анекдотовъ, любятъ заглядывать въ закулисную жизнь описываемыхъ лицъ, вскрывать мелкія, сокровенныя пружины дѣйствій и событій, при чемъ впадаютъ въ субъективизмъ и судятъ пристрастно. Во вторыхъ, большинство византійскихъ историковъ принадлежитъ къ свѣтскому званію и интересуется больше политическимъ состояніемъ византійскаго государства, чѣмъ исторіей церкви, и смѣшеніе политическаго и церковнаго элемента составляетъ общую особенность трудовъ византійскихъ историковъ. Въ третьихъ, почти всѣ они съ особеннымъ вниманіемъ описываютъ ходъ дѣла и событій именнно въ Византіи, а на другія государства обращаютъ мало вниманія. Труды византійскихъ историковъ, по мнѣнію проф. Лебедева, не отличаются высокими достоинствами, такъ что древняя греческая церковная исторіографія представляетъ явленіе сравнительно болѣе отрадное, чѣмъ исторіографія византійская.

Во *второмъ* отдѣлѣ книги проф. Лебедева обозрѣвается исторія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи. Отдѣлъ состоитъ изъ семи главъ, въ которыхъ разсматриваются слѣдующіе вопросы: какими путями шла протестантская церковно-историческая наука въ Германіи, что новаго она дала богословской наукѣ, какія задачи поставляла и какъ рѣшала ихъ, какъ и какимъ методомъ вела свое дѣло. Въ частности, послѣ предварительныхъ замѣчаній (стр. 237 — 242), проф. Лебедевъ въ главѣ *первой* этого отдѣла (стр. 243 — 278) разсматриваетъ Магдебургскія центуріи и «Безпристрастную исторію церкви и ересей» Готтфрида Арнольда (XVI и XVII в.), во *второй* главѣ (стр. 278—298) говоритъ о трудахъ Вейсманна и Мосгейма (первая половина XVIII вѣка), въ *третьей* (стр. 298—318) — о сочиненіяхъ Землера, Планка и Генке (вторая половина XVIII в.); *четвертая* глава (стр. 318 — 355) обозрѣваетъ церковно-историческіе труды Августа Неандера (+ 1850 г.), *пятая* (стр. 355—404) посвящена Фердинанду Христіану Бауру (+1860 г.), въ *шестой* главѣ (стр. 404—437) обозрѣваются учебники и руководства по церковной исторіи — Гезелера, Газе, Ниднера, Гассе, Герцога и другихъ, наконецъ, въ главѣ *седьмой* (стр. 437—489) рѣчь идетъ о трудахъ нашего современника, профессора Берлинскаго университета Адольфа Гарнака.

Отдѣлъ *третій* разсматриваемой книги содержитъ нѣсколько свѣдѣній, замѣчаній и наблюденій касательно хода развитія церковно-исторической науки въ Россіи. Здѣсь въ *первой* главѣ (стр. 490 — 520) описывается развитіе русской церковно-исторической науки отъ XVIII вѣка до настоящаго времени, а во *второй* (стр. 520—538) опредѣляется ея отношеніе къ протестантской церковно-исторической наукѣ.

Наконецъ, въ *приложеніи* помѣщены слѣдующія статьи: 1) Древнелатинскій церковный историкъ Сульпицій Северъ (стр. 539 — 541), 2) Римско - католическіе церковные историки — Флери и Тильмонъ

(стр. 541 — 555) и 3) Церковный историкъ Александръ Васильевичъ Горскій, ректоръ и профессоръ Московской духовной академіи (стр. 555 — 579).

Книга профессора А. П. Лебедева содержитъ въ одномъ компактномъ изданіи очерки и статьи касательно церковной исторіографіи, написанныя этимъ ученымъ въ разное время и разсѣянныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Соединеніе ихъ въ одну книгу представлялось совершенно необходимымъ и, безспорно, принесетъ немалую пользу русской публикѣ.

Н. Суворовъ, *Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. По поводу книги профессора А. С. Павлова: „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ“ (1897).* Ярославль. 1898. Стр. 112. — Профессоръ С. А. Павловъ въ своемъ новѣйшемъ (1897 г.) изслѣдованіи «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ» относительно происхожденія номоканона Іоанна Постника держится того взгляда, что времени Іоанна Постника (если не ему самому) нужно приписывать лишь окончательное установленіе системы смягченныхъ церковныхъ епитимій, принятой въ усвоенномъ ему номоканонѣ, а что касается основныхъ началъ покаяннаго номоканона съ именемъ Постника, то они восходятъ ко временамъ Василія Великаго. Съ цѣлью доказать справедливость своего воззрѣнія, проф. Павловъ представилъ въ своемъ изслѣдованіи обширное объясненіе 3-го правила Василія Великаго и 102-го правила труллъскаго собора, снабженное обильнымъ ученымъ аппаратомъ. Проф. Суворовъ находитъ это объясненіе неправильнымъ, а въ связи съ нимъ признаетъ неправильнымъ и освѣщеніе многихъ фактовъ, имѣющихъ исторически-научную важность. Въ отмѣченной брошюрѣ проф. Суворовъ прежде всего критически разсматриваетъ толкованія указанныхъ каноническихъ правилъ въ книгѣ проф. Павлова и представляетъ свои собственныя объясненія съ цѣлью поколебать мнѣніе проф. Павлова о томъ, что номоканонъ Постника существовалъ раньше труллъскаго собора и что этотъ соборъ смотрѣлъ на него, какъ на «преданный уставъ». Затѣмъ проф. Суворовъ разсматриваетъ вопросъ, въ какой средѣ—монашеской или приходской — возникъ номоканонъ, и въ результатѣ находитъ несостоятельною гипотезу проф. Павлова о приходскихъ священникахъ, какъ непосредственныхъ преемникахъ покаяннаго пресвитера, и со своей стороны утверждаетъ, что до труллъскаго собора духовническая практика находилась въ рукахъ монаховъ, представляя обычное церковно-бытовое явленіе. Въ заключеніи проф. Суворовъ обращаетъ вниманіе ученыхъ на изданное проф. Гельцеромъ похвальное слово (ἐγκώμιον) константинопольскаго патріарха Каллиста въ честь преподобнаго отца нашего Іоанна Постника и монастыря св. Камня (въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», 29 Jahrgang, Heft 1, Leipzig, 1886). Изъ предисловія издателя видно, что составитель этого энкоміона есть патріархъ Каллистъ (1350—1354 и 1355—1363), и что здѣсь рѣчь идетъ не объ извѣстномъ вселенскомъ патріархѣ Іоаннѣ

Постникѣ, а соименномъ монахѣ-аскетѣ, процвѣтавшемъ при императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ и патріархѣ Николаѣ Грамматикѣ. Рукопись извлечена изъ парижскаго кодекса № 767 національной библіотеки. Предметъ рѣчи патріарха — прославленіе монастыря Петры (τῆς Ἁγίας Πέτρας) въ Константинополѣ и его святыхъ. Монастырь былъ построенъ въ честь Іоанна Крестителя. Основателемъ его былъ каппадокійскій монахъ Іоаннъ Постникъ (Ἰωάννης ὁ νηστευτής), принадлежавшій къ знатной фамиліи византійскаго сенаторскаго рода. Монастырь Петра, какъ видно изъ энкоміона, сдѣлался притягательнымъ пунктомъ для множества монаховъ, и отсюда исходила грандіозная реформа восточнаго монашества, которую Гельцеръ сопоставляетъ съ западнымъ движеніемъ, вызвавшимъ нищенствующіе ордена. Монашество Постника основано на нестяжательности и на единственномъ Камнѣ — Христѣ; по свидѣтельству Каллиста, монахи монастыря Петра дѣйствительно соблюдали практическую нищету, заповѣданную Іоанномъ, который называется вторымъ, послѣ Іоанна Крестителя, ктиторомъ (δεύτερος κτήτωρ) монастыря. Проф. Суворовъ полагаетъ, что въ разнообразныхъ надписаніяхъ позднѣйшихъ покаянныхъ номоканоновъ и кононаріевъ имя этого Іоанна Постника имѣло немаловажное значеніе.

Н. Каптеревъ, *Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815 — 1844 г.).* С.-Петербургъ. 1898. Стр. 511 — 830. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Настоящая книга составляетъ продолженіе очерка о сношеніи іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, изданнаго г. Каптеревымъ въ 1895 году (см. «Византійскій Временникъ», т. III, вып. 2, стр. 395 — 399). Здѣсь рѣчь идетъ о сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ патріарховъ Поликарпа (1815 — 1827 г.) и Аѳанасія (1827—1844 г.). Очеркъ составленъ на основаніи дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода и раздѣляющихся на два отдѣла: на дѣла архива Св. Синода и на дѣла канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. Кромѣ того, авторъ пользовался нѣкоторыми бумагами знаменитаго епископа Порфирія Успенскаго († 1884 г.), находящимися въ архивѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Характеръ и значеніе второго очерка г. Каптерева по вопросу о сношеніяхъ іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ тѣ же, что и перваго очерка.

Л. Писаревъ, *Св. Ипполитъ, епископъ римскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности.* Казань. 1898. Стр. 32.—На основаніи новѣйшей литературы отчетливо изображается жизнь и литературная дѣятельность Ипполита, епископа римскаго, одного изъ видныхъ христіанскихъ писателей III вѣкѣ. Очеркъ изданъ отдѣльно, а также помѣщенъ въ первомъ выпускѣ твореній св. Ипполита въ русскомъ переводѣ, изданномъ Казанскою духовною академіей (1898 г.); въ этомъ выпускѣ находится толкованіе св. Ипполита на книгу пророка Даніила.

Александръ Петровскій, *Апостольскія литургіи Восточной церкви. Литургіи ап. Іакова, Ѳаддея, Марія и евангелиста Марка.* С.-Петербургъ. 1897. Стр. 251+93. — Первый въ русской литературѣ опытъ рѣшенія вопроса о томъ, въ какой степени къ указаннымъ литургіямъ восточной церкви приложимъ терминъ «апостольскія». Книга имѣетъ спеціальный характеръ.

Поль Алларъ, *Христіанство и римская имперія отъ Нерода до Ѳеодосія. Переводъ съ французскаго.* С.-Петербургъ. 1898. Стр. VI+291.—Настоящая книга представляетъ русскій переводъ французскаго сочиненія извѣстнаго церковнаго историка Аллара, — посвященнаго исторіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, т. е. съ того дня, когда христіанство въ первый разъ появилось въ римской имперіи, и до того времени, когда оно сдѣлалось въ ней единственною, признаваемою закономъ, религіею. Въ теченіе первыхъ трехсотъ лѣтъ христіанство защищаетъ себя противъ язычества, поддерживаемаго императорскою властью; въ продолженіе четвертаго столѣтія оно пользуется тою же силою для ниспроверженія идолопоклонства. Здѣсь, за два неравные періода времени, происходитъ полная перемѣна положенія, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что христіанство было преслѣдуемо до пролитія крови включительно, а язычество исчезло частью вслѣдствіе убѣжденія, частью по силѣ законовъ, при чемъ его приверженцы не подвергались гоненіямъ. Впрочемъ, сочиненіе Аллара, при ограниченныхъ размѣрахъ, не пытается изложить въ соотвѣтствующемъ объемѣ столь пространную исторію, для чего понадобилось бы нѣсколько томовъ, но имѣетъ цѣлью представить возможно точно тѣ результаты, которые считаются окончательно добытыми исторической наукою относительно этихъ обоихъ предметовъ. Свою задачу книга Аллара выполняетъ въ восьми главахъ слѣдующаго содержанія: 1) Христіане и императоры перваго вѣка (стр. 1—26); 2) Христіанство и имперія во времена Антониновъ (стр. 27—64); 3) Церковь и государство въ третьемъ вѣкѣ (стр. 65—116); 4) Послѣднее гоненіе. Миланскій эдиктъ (стр. 117—150); 5) Религіозная политика Константина и его сыновей (стр. 151—190); 6) Языческая реакція. Юліанъ (стр. 191—232); 7) Переходная эпоха. Валентиніанъ, Валентъ, Граціанъ (стр. 233—256); 8) Христіанское государство. Ѳеодосій (стр. 257—284). Въ заключеніи книги (стр. 285—291) помѣщенъ обширный библіографическій указатель источниковъ и пособій, на основаніи коихъ написано сочиненіе.

Книга Аллара написана въ популярной, доступной для всего образованнаго общества формѣ и представляетъ собою первый выпускъ широко задуманнаго на Западѣ, по мысли папы Льва XIII, изданія—«Библіотека по изученію церковной исторіи». Слѣдуетъ сказать, что первый выпускъ этого изданія оказался вполнѣ удачнымъ. Авторъ его извѣстенъ своими спеціальными изслѣдованіями первыхъ вѣковъ христіанства и въ частности своимъ пятитомнымъ сочиненіемъ о гоненіяхъ противъ христіанъ. Онъ вполнѣ владѣетъ научнымъ матеріаломъ, относящимся къ трактуе-

мому имъ въ разсматриваемой книгѣ предмету, какъ это видно и изъ приложеннаго къ ней библіографическаго указателя, и, находясь на высотѣ современнаго научнаго знанія, высказываетъ свои положенія съ полнымъ авторитетомъ основательнаго и знающаго ученаго, подтверждая ихъ соотвѣтствующими научными ссылками. При этомъ авторъ свободенъ отъ вѣроисповѣдныхъ тенденцій и въ своихъ воззрѣніяхъ стоитъ на почвѣ полнаго научнаго безпристрастія; онъ владѣетъ и прекраснымъ стилемъ и въ краткой формѣ даетъ блестящія характеристики событій и лицъ. Отсюда видно, что русскій переводъ означеннаго сочиненія далеко не излишенъ. Онъ сдѣланъ весьма тщательно, правильнымъ литературнымъ языкомъ, близкимъ къ оригиналу. Переводъ изданъ Синодальной типографіей, въ память Андрея Николаевича Муравьева.

Г. Муркосъ, *Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.* Выпускъ третій. Москва. 1898. Стр. IV+207.—Въ указанномъ изданіи помѣщены въ русскомъ переводѣ седьмая, восьмая и девятая книги замѣчательнаго арабскаго произведенія, описывающаго путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Здѣсь содержится разсказъ о пребываніи патріарха Макарія въ Москвѣ со 2-го февраля по 15 апрѣля 1655 года, при чемъ авторъ сочиненія, любознательный и неутомимый Павелъ Алеппскій, подробно описываетъ все видѣнное и слышанное имъ изъ области жизни и быта русскаго царскаго двора, духовенства и народа.

И. С., *Бесѣда на совершившееся въ день Пятидесятницы явленіе и раздѣленіе Божественнаго Духа. Иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы, архіепископа Өессалоникійскаго.* (Церковныя Вѣдомости, 1897, № 20, прибавленія, стр. 711—717). Русскій переводъ бесѣды, впервые сдѣланный съ греческаго текста бесѣдъ Св. Григорія Паламы, изданныхъ въ Іерусалимѣ (1857 г.).

Блаженнаго Өеофилакта, *архіепископа болгарскаго, толкованіе на посланія Св. Апостола Павла къ Титу и Филимону* (Православный Собесѣдникъ, 1898, іюнь, приложеніе: «Пятый выпускъ патрологическаго отдѣла», стр. 1—42). Предложенъ русскій переводъ указаннаго труда знаменитаго болгарскаго архіепископа Өеофилакта.

Н. Леонтьевъ, *Аскетическія творенія святыхъ отцевъ. Каллиста Катафигіота о божественномъ единеніи и созерцательной жизни. Іоанна Карпаѳійскаго слово подвижническое.* Переводъ съ греческаго. Казань. 1898. Стр. 1—110 (Православный Собесѣдникъ, 1898, іюль — августъ, приложеніе). Въ предисловіи къ переводу «Уцѣлѣвшихъ главъ Каллиста Катафигіота, обдуманныхъ и весьма высокихъ, о божественномъ единеніи и созерцательной жизни» помѣщено краткое свѣдѣніе о жизни сего писателя, гдѣ, между прочимъ, съ убѣжденіемъ высказывается мысль, что Каллистъ Катафигіотъ тождественъ съ константинопольскимъ патріар-

хомъ Каллистомъ Ксанѳопуломъ (1350 — 1354 и 1355 — 1363 г.), написавшимъ аналогичное сочиненіе. Но профессоръ К. Крумбахеръ въ своей «Исторіи византійской литературы» рѣшительно заявляетъ, что Каллиста Катафигіота никакъ нельзя смѣшивать съ Каллистомъ Ксанѳопуломъ и что объ этомъ писателѣ не сохранилось никакихъ историческихъ свѣдѣній (S. 160, 2-e Auflage, München, 1897). Его 92 Κεφάλαια περὶ θείας ἑνώσεως καὶ βίου θεωρητικοῦ имѣютъ значеніе для характеристики византійской аскетики и мистики позднѣйшаго времени. Въ разсматриваемомъ трудѣ (стр. 5—102) переводъ ихъ сдѣланъ по греческому изданію Добротолюбія: Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν . . . , ἐκδιδομένη ὑπὸ Παναγιώτου Ἀθ. Τζελάτη. Ἐν Ἀθήναις. 1893. (См. также Migne, Patrologiae cursus completus, ser. gr., t. 147). — Второе, переведенное г. Леонтьевымъ (стр. 103—110), твореніе принадлежитъ Іоанну, епископу острова Карпаѳа, и озаглавливается такъ: «Слово подвижническое и очень утѣшительное къ обратившимся къ нему (Іоанну) монахамъ изъ Индіи, восполняющее число ста главъ». Переводъ сдѣланъ по тексту греческаго Добротолюбія. По предположенію профессора К. Крумбахера, помѣстившаго въ своей «Исторіи византійской литературы» Іоанна Карпаѳскаго въ числѣ византійскихъ аскетовъ и мистиковъ, этотъ писатель жилъ въ VII—VIII вѣкѣ (тамъ же, стр. 147).

Анатолій Спасскій, *Сиро-халдейскіе несторіане и присоединеніе ихъ къ православной церкви* (Богословскій Вѣстникъ, 1898, май, стр. 202—243). Статья написана по поводу состоявшагося въ текущемъ году присоединенія сиро-халдеевъ къ православной церкви и содержитъ нѣсколько общихъ свѣдѣній по исторіи и современному ихъ быту. Въ частности здѣсь раскрывается древнѣйшая исторія христіанства у сиро-халдеевъ, возникновеніе коего соединяется съ именами апостоловъ Ѳомы и Ѳаддея, описывается эпоха гоненій на христіанъ въ Персіи въ IV и V вѣкахъ, разсказывается о несторіанскихъ спорахъ въ Сиріи, распространеніи несторіанства въ Персіи, приведшемъ въ концѣ V-го вѣка къ окончательному отпаденію халдейскихъ христіанъ отъ союза съ церковью вселенской, и о процвѣтаніи несторіанской церкви при персидскомъ правительствѣ, а потомъ (съ VII вѣка) при арабскихъ халифахъ; съ XIII-го вѣка начался упадокъ несторіанской церкви, подъ вліяніемъ нашествія монголовъ, особенно же погрома Тимура, а въ XV и XVI вѣкахъ часть несторіанъ подчинилась римской церкви и образовала католическую халдейскую церковь, въ отличіе отъ церкви несторіанской сиро-халдейской; въ заключеніи статьи описывается современный бытъ несторіанъ сиро-халдеевъ, іерархическій и богослужебно-обрядовый строй ихъ церкви.

П. Цвѣтковъ, *Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи.* 1) *Пѣснь на рождество св. Іоанна Предтечи (24 іюня). Переводъ съ греческаго подлинника* (Радость христіанина, 1898, кн. VI, стр. 526 — 534). Помѣщена въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста, изданнаго Питрою (Analecta Sacra, t. I, p. 320 squ.), пѣснь на рождество св. Іоанна Предтечи, напи-

[illegible]

надлежитъ св. Іосифу Пѣснописцу. Часть ея сохранилась въ рукописи № 437 (л. 21—22) Московской Синодальной библіотеки, съ текста которой и сдѣланъ г. Цвѣтковымъ русскій переводъ, а другая часть издана Питрою въ Analecta Sacra (t. I, p. 663) по рукописи библіотеки Корсини. Въ краткомъ предисловіи къ переводу изложено содержаніе пѣсни и отмѣчены нѣкоторыя характерныя ея черты.

Д. Гусевъ, *Чтенія по патрологіи. Св. Іустинъ Мученикъ и Философъ.* Казань. 1898. Стр. 1—63 (Четвертый выпускъ патрологическаго отдѣла журнала «Православный Собесѣдникъ» за 1898 годъ, май).— Въ статьѣ содержатся: очеркъ жизни св. Іустина Мученика, общій обзоръ его литературной дѣятельности, характеристика его апологій, анализъ первой апологіи и «Разговора» съ Трифономъ іудеемъ.

Н. Поповъ, *Блаженнаго Діадоха (V-го вѣка), епископа Фотики древняго Эпира, ученіе о разсудкѣ, совѣсти и помыслахъ* (Труды Кіевской духовной академіи, 1898, іюль, стр. 449—467, августъ, стр. 608—631). — Статья представляетъ одну изъ главъ приготовленнаго авторомъ къ печати сочиненія о блаженномъ Діадохѣ и его твореніяхъ. Въ статьѣ предлагаются три схоліи автора къ XXII, XXIII и XXIV главамъ аскетическаго трактата (Λόγος ἀσκητικός) блаж. Діадоха, изъясняющія ученіе епископа Фотики о разсудкѣ, совѣсти и помыслахъ. Означенный трактатъ блаж. Діадоха представляетъ немалыя затрудненія для правильнаго пониманія всѣхъ его частностей, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей его литературнаго изложенія. Такъ, нѣкоторые пункты аскетики блаж. Діадоха, какъ наиболѣе извѣстные его современникамъ, подробно не раскрываются, но только обозначаются словами и выраженіями, имѣвшими въ то время терминологическое значеніе; подобнаго рода слова, выраженія и предметы, ими обозначаемые, можно изъяснять на основаніи твореній предшествовавшихъ и современныхъ блаж. Діадоху церковныхъ писателей. Далѣе, многія аскетическія положенія, касающіяся душевной жизни подвижника, обсуждаются блаж. Діадохомъ при помощи той христіанской психологіи, обработка которой закончилась къ началу V-го вѣка и въ составъ которой вошли въ переработанномъ видѣ психологическія воззрѣнія Платона, Аристотеля и Плотина; значитъ, для уразумѣнія аскетики блаж. Діадоха необходимо знакомство и съ этой психологіей. Наконецъ, блаж. Діадохъ иногда привноситъ въ свой аскетическій трактатъ буквальныя извлеченія изъ сочиненій разныхъ церковныхъ писателей, не указывая своего источника, а иногда воспроизводитъ ихъ въ собственномъ изложеніи; отсюда, ключъ для уразумѣнія нѣкоторыхъ темныхъ сужденій блаж. Діадоха нужно искать въ тѣхъ сочиненіяхъ, откуда сдѣланы заимствованія. Такимъ образомъ Λόγος ἀσκητικὸς блаж. Діадоха нуждается въ комментаріяхъ. Проф. Поповъ и приготовилъ къ изданію греческій текстъ аскетическаго трактата блаж. Діадоха именно съ такими примѣчаніями. Разсматриваемая статья знакомитъ читателя лишь съ тремя схоліями нашего автора къ аскетическому труду блаж. Діадоха.

Прежде всего уясняется смыслъ τῆς διακρίσεως (разсудка) по воззрѣнію блаж. Діадоха. Для сего авторъ сопоставляетъ этотъ терминъ въ пониманіи блаж. Діадоха съ его значеніемъ въ психологіи Платона и Плотина, а также у церковныхъ писателей (Григорія Нисскаго и епископа Немесія) и этимъ путемъ устанавливаетъ, что ἡ διάκρισις у бл. Діадоха понимается, какъ движеніе и энергія ума (νοῦ κίνησις ἐστι καὶ ἐνέργεια) [Г. Н.; = νοῦς ἐν ἐνεργείᾳ, διακριτικὸς καὶ θεωρητικὸς (бл. Д.)]. Болѣе подробно изъясняется терминъ ἡ συνείδησις или τὸ συνειδός (совѣсть), часто встрѣчающійся въ аскетическомъ трактатѣ блаж. Діадоха. Авторъ и здѣсь приводитъ святоотеческое ученіе о совѣсти Макарія Египетскаго, Іоанна Златоуста, аввы Доровея, Василія Великаго, Григорія Богослова и другихъ и путемъ сравненія его съ воззрѣніемъ на совѣсть блаж. Діадоха уясняетъ смыслъ и значеніе послѣдняго. У блаж. Діадоха нѣтъ полнаго ученія о совѣсти, а затронуты лишь нѣкоторые его пункты въ приложеніи къ частнымъ случаямъ подвижнической жизни. Совѣсть по воззрѣнію блаж. Діадоха есть способность души, имѣющая свойства судить, обличать, карать и вообще свидѣтельствовать о внутренней чистотѣ или грѣховности человѣка; она богоносна но и подвержена въ силу ограниченности человѣческой природы средствами, исправляющими совѣсть, служатъ: молитва, покаяніе, вниманіе (ἡ προσοχὴ), находящееся въ ближайшемъ отношеніи къ τῇ ἐννοίᾳ. Наконецъ въ аскетическомъ воззрѣніи блаж. Діадоха довольно подробно раскрыто ученіе о помыслахъ (οἱ λογισμοί). Это ученіе весьма тѣсно примыкаетъ къ аскетическимъ воззрѣніямъ прежнихъ писателей-подвижниковъ и можетъ быть понято лишь въ связи съ предшествующимъ ученіемъ. [illegible] и разсматриваетъ. Прежде всего онъ даетъ логическое опредѣленіе помысла на основаніи твореній церковныхъ писателей [illegible]

[illegible]

Подвижника, Нила Синайскаго, Василія Великаго, аввы Исаіи, Іоанна Златоуста, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника и другихъ), а затѣмъ — воззрѣнія блаженнаго Діадоха. Въ результатѣ г. Поповъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ касательно ученія блаж. Діадоха о помыслахъ. Блаж. Діадоху была извѣстна теорія помысловъ, разработанная его предшественниками, но въ своемъ Λόγος ἀσκητικός онъ касается лишь нѣкоторыхъ пунктовъ этой теоріи и говоритъ по поводу ихъ не съ одинаковой подробностью. Такъ, онъ не опредѣляетъ существа приражeній, но говоритъ только объ условіяхъ ихъ возникновенія,—въ числѣ виновниковъ приражeнія не упоминаетъ ангеловъ, — процессъ образованія помысла обозначаетъ лишь въ общихъ чертахъ, а изъ названій помысловъ употребляетъ наиболѣе извѣстныя; главы о божественномъ утѣшеніи (приражeніи) и демонскомъ призываніи обработаны блаж. Діадохомъ превосходно. Вообщее же въ ученіи о помыслахъ блаж. Діадохъ слѣдовалъ своимъ предшественникамъ, воззрѣнія коихъ онъ обобщилъ, исправилъ и дополнилъ на основаніи личнаго опыта.

Архіепископъ Владимірскій Сергій, *Святый Андрей Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы* (Странникъ, 1898, сентябрь, стр. 3—33).—Въ помѣщенной здѣсь части статьи рѣшается вопросъ о времени явленія Богоматери св. Андрею Христа ради юродивому. Сначала въ краткомъ видѣ излагается житіе этого святого по тексту, изданному Яннингомъ въ Acta Sanctorum (editio Bollandistarum, Majus, t. VI), а затѣмъ предлагается историко-критическій анализъ его содержанія. Авторъ доказываетъ путемъ анализа житія, что Андрей юродивый подвизался въ концѣ IX и началѣ X вѣка († 936 г.), при императорѣ Львѣ Мудромъ и Константинѣ Порфирогенетѣ. Ученикъ св. Андрея Епифаній характеризуется въ житіи такими чертами, которыя наводятъ архіепископа Сергія на мысль о тожествѣ его съ константинопольскимъ патріархомъ Поліевктомъ (956—970 г.), или даже съ патріархомъ Антоніемъ III Студитомъ (974—980). Житіе св. Андрея написано въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка священникомъ Великой константинопольской церкви (св. Софіи) Никифоромъ, на основаніи личныхъ наблюденій и свидѣтельства современниковъ; въ послѣдующее время это житіе было восполнено неизвѣстнымъ лицемъ.

А. А. Дмитріевскій, *Арсеній, архіепископъ елассонскій (суздальскій тожъ) и его вновь открытые историческіе мемуары* (Продолженіе. Труды Кіевской духовной академіи, 1898, май, стр. 88 — 129). — Анализируя вновь открытые историческіе мемуары елассонскаго архіепископа Арсенія, проф. А. А. Дмитріевскій излагаетъ здѣсь разсказъ о царствованіи Василія Шуйскаго, о разореніи поляками Москвы въ 1611 году, смерти Прокопія Ляпунова и Яна Сапѣги и другихъ событіяхъ 1611—1612 годовъ, объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова и прочее. Разсказъ приводится въ видѣ буквальнаго перевода греческаго текста мемуаровъ

и сопровождается краткою оцѣнкою его значенія для русской исторической науки.

В. Истринъ, *Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, іюль, стр. 42—48). — Сообщается греческая запись на рукописи XVII вѣка изъ библіотеки аѳонскаго Иверскаго монастыря № 167 (л. 580), разсказывающая о набѣгѣ казаковъ на Константинополь 9-го іюля 1623 года, при патріархѣ Кириллѣ и султанѣ Мурадѣ. По мнѣнію г. Истрина, открытая имъ запись указываетъ на фактъ неизвѣстной изъ другихъ источниковъ исторіи запорожскаго казачества.

Б. Меліоранскій, *Вопросъ о древности каноническихъ евангелій* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, сентябрь, стр. 73—136) Въ статьѣ, на основаніи христіанской литературы до VII вѣка, дается положительный отвѣтъ на вопросъ о древности и подлинности каноническаго четвероевангелія; кромѣ того, все наше четвероевангеліе признается источникомъ высочайшей достовѣрности для изученія исконнѣйшаго представленія о Христѣ и Его ученіи въ средѣ основаннаго имъ религіознаго общества.

Архимандритъ Палладій. *Новооткрытыя сказанія о преподобномъ Макаріи Великомъ. По коптскому сборнику.* Казань. 1898. Стр. 1—33 (Приложеніе къ «Православному Собесѣднику» за м. сентябрь текущаго года).— Въ XXV-мъ томѣ «Annales du Musée Guimet (Paris. 1894)» были обнародованы новые коптскіе документы о препод. Макаріи Великомъ, отличающіеся живостью и ясностью изложенія, точностью въ географическихъ названіяхъ и въ собственныхъ именахъ лицъ и отчасти новымъ содержаніемъ, — сравнительно съ греческими и латинскими памятниками объ этомъ подвижникѣ. Здѣсь помѣщены слѣдующіе коптскіе документы: 1) жизнеописаніе препод. Макарія, составленное Серапіономъ, епископомъ Тмуи (р. 46—117), 2) сказаніе подъ заглавіемъ: «Изъ добродѣтелей отца нашего праведнаго, великаго аввы Макарія» (стр. 118—202) и 3) сказаніе — «Объ аввѣ Макаріи Великомъ» (стр. 203—234). Послѣдній документъ напечатанъ ученымъ Амелино по двумъ рукописямъ Ватиканской библіотеки (Cod. LIX и LXIV). Двѣ трети находящихся здѣсь сказаній о св. Макаріи уже извѣстны по греческому и латинскому тексту въ изданіяхъ Котелерія (Ecclesiae graecae monumenta t. I, p. 524—549: Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων γερόντων. Parisiis. 1677) и Миня (Patrologiae cursus completus, series graeca, t. XXXIV), а также по русскому переводу («Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ» и «Древній патерикъ, изложенный по главамъ». Москва. 1892). Но подлиннымъ текстомъ этихъ сказаній нужно считать, несомнѣнно, текстъ коптскій, изданный Амелино. Въ этомъ документѣ помѣщены тридцать четыре краткихъ сказанія о препод. Макаріи Великомъ, имѣющія немалое значеніе для характеристики аскетики сего подвижника. Архимандритъ Палладій сполностью перевелъ ихъ и снабдилъ краткимъ предисловіемъ,

а также примѣчаніями, въ которыхъ отмѣтилъ греческій и латинскій источники (переводные) нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній.

*** *Куфическая надпись, открытая въ Іерусалимѣ* (Сообщеніе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1898, февраль, стр. 39—47).—Рѣчь идетъ о надписи на камнѣ, найденномъ 19 іюля 1897 года въ такъ называемомъ Русскомъ переулкѣ (харет-ел-Москобія) въ Іерусалимѣ. Надпись читается такъ: «Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосердаго! Вышло Высочайшее повелѣніе отъ Чистаго Величества, чтобы эта мечеть охранялась и содержалась въ хорошемъ состояніи и дабы не впускали въ нее ни одного зиммія (т. е. христіанина или еврея) ни подъ предлогомъ клятвенно отвергнуть показаніе свидѣтеля, ни ради чего другого. Пусть остерегаются противнаго этому и пусть поступаютъ согласно установленному приказанію. Такъ хочетъ Богъ». Палеографическіе признаки надписи даютъ основаніе относить ее къ послѣдней четверти X вѣка, а ея содержаніе, разсматриваемое въ связи съ разсказомъ лѣтописца Евтихія († 940) о завоеваніи Іерусалима Омаромъ, приводитъ къ мысли, что здѣсь рѣчь идетъ о мечети Омара, построенной около 940 года «на лѣстницѣ, которая находилась при церкви св. Константина, съ восточной стороны»; вѣроятно, въ первое время послѣ сооруженія мечети проходъ по ней дозволялся христіанамъ, а потомъ былъ запрещенъ со всею строгостью. Церковь св. Константина, по предположенію автора статьи, есть нынѣшній подземный придѣлъ Царицы Елены, но никакъ не Константиновская базилика.

*** *Святого Софронія, патріарха іерусалимскаго, стихи на взятіе Іерусалима* (тамъ же, стр. 90—94). Въ началѣ статьи помѣщены краткія біографическія свѣдѣнія о св. Софроніи, патріархѣ іерусалимскомъ († 638 г.), а затѣмъ предложенъ русскій переводъ его «анакреонтовскихъ стиховъ» на взятіе Іерусалима арабами въ 636 году. Переводъ сдѣланъ профессоромъ И. В. Помяловскимъ по греческому оригиналу, найденному Эрхардомъ въ рукописи XVI вѣка № 3282 (латинскаго отдѣла) Парижской національной библіотеки (S. Sophronii Anacreonticorum carmen XIV primum edidit Leo Ehrhard. Strassburg. 1887).

*** *Новое археологическое открытіе въ Мадебѣ* (тамъ же, стр. 95—97). Описываются мозаическія надписи, найденныя во вновь открытой въ Мадебѣ древней базиликѣ съ подземною церковью. Въ надписяхъ говорится о постройкѣ храма св. пророка Иліи въ 608 году христіанской эры.

*** *Христіанское воспитаніе въ первые вѣка церкви* (Христіанское Чтеніе, 1898, сентябрь, стр. 297—323). Статья представляетъ историческій очеркъ христіанскаго обученія и воспитанія въ періодъ времени отъ 33 до 476 года и заимствована изъ журнала: The Amer. Cath. Quart. Review за 1898 г. (апрѣль).

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Поль Алларъ, Христіанство и римская имперія отъ Нерона до Ѳеодосія. С.-Петербургъ. 1898. Рецензія: **П. С.** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ,

1896. № 25, прибавленія, стр. [illegible]—1029, г. А. Л. въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, іюль, стр. 142—144 и г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1896, августъ, стр. [illegible].

Über den Ursprung der Georgischen Schrift. Von Dr Friedrich Müller. Wien. Mittheilungen der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1897. Рецензія г. А. [illegible] въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ. 1895. № 7 и 8, стр. 2[illegible]—299.

Al-Machriq, revue catholique orientale bimensuelle. Sciences, lettres, arts. Beyrouth. 1898. № 1—6. Рецензія г. Атая, тамъ же, стр. 209—2[illegible].

П. Лашкаревъ. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Кіевъ. 1886. Рецензія профессора И. С. Бердникова въ Православномъ Собесѣдникѣ. 1898, май, протоколы, стр. 218—262.

А. Дмитріевскій. Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока. Томъ I. Typika. Часть I. Памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы. Кіевъ. 1895. Рецензія доцента В. Нарбекова и Архимандрита Антонія въ Православномъ Собесѣдникѣ. 1896, іюнь, протоколы, стр. 263—300.

М. Ремезовъ. Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. Москва. 1896. Рецензія г. Σ. въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1895, іюнь, стр. 1040—1042.

Ив. Корсунскій, профессоръ Московской духовной академіи. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Сергіева лавра. 1898. Рецензіи: въ Русскомъ Обозрѣніи, 1898, май, стр. 2[illegible]—2[illegible] и гг. Воскресенскаго и [illegible] въ Богословскомъ Вѣстникѣ. 1898, іюль, приложеніе, стр. 443—478.

Александръ Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности. Древняя литература до конца XII вѣка. Москва. 1895. Рецензія г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1895, сентябрь, стр. 1085—1088.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса, по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ третій. Москва. 1898. Рецензія г. С. тамъ же, стр. 1095—1099.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift», *herausgegeben von K. Krumbacher. Band VII. Heft 3—4.*

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 511—605) помѣщены изслѣдованія:

W. Sickel. *Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert* (стр. 511—557). — Авторъ стремится уяснить вопросъ, отъ какихъ условій зависѣла по византійскому воззрѣнію законность власти императора. Византійцы вѣровали, что царей имъ даруетъ Богъ; провозглашались же

они безъ всякихъ опредѣленныхъ закономъ формъ, всякій разъ самими подданными, именно сенатомъ и войскомъ. Можно ли по этому считать византійскую имперію теократіей? Возникли ли, иначе говоря, въ ней учрежденія, которыя бы формально обращали предполагаемое помазаніе царя отъ Бога въ государственно-правовой актъ? Отвѣтъ авторъ даетъ, разбирая исторію и смыслъ византійскаго коронаціоннаго обряда, въ которомъ естественно предполагать такой актъ. Знакъ самодержавной власти, введенный Константиномъ В., была діадима; но Константинъ не далъ никакой нормы для ея возложенія, такъ какъ созданіе для этого особаго чина отзывалось-бы умаленіемъ самостоятельности и избирателей и избираемаго; Константинъ возложилъ ее самъ на себя. Далѣе, до начала V-го вѣка не выработалось еще никакого правила; императорамъ возлагаютъ діадиму или ихъ предшественники, или, если избраніе совершается противъ воли, или послѣ смерти послѣднихъ, они сами; нѣкоторые же императоры вовсе ея не носятъ, и главнымъ знакомъ власти служитъ по прежнему пурпуръ. Въ 450-мъ году, по мысли императрицы-вдовы Пульхеріи и Аспара, Маркіана, перваго изъ императоровъ, коронуетъ Константинопольскій архіепископъ, — не въ знакъ освященія его власти свыше, а просто — какъ единственное высокое лицо, могшее совершить этотъ актъ, не задѣвая ничьихъ претензій; потомъ вѣнчаніе архіепископомъ столицы вошло въ обычай особенно потому, что было на руку столичнымъ избирателямъ, желавшимъ затруднить избраніе императоровъ въ провинціи. Обычай утвердился настолько, что Ѳеодоръ II Ласкарисъ въ 1254 году медлилъ съ вѣнчаніемъ на царство, пока патріаршая каѳедра пустовала. Обычаю слѣдовали императоры избранные, и старались слѣдовать императоры, свергавшіе предшественниковъ: такъ узурпаторъ Ѳома коронованъ былъ антіохійскимъ патріархомъ. Назначая себѣ соправителя, императоры часто возложеніе діадимы поручали патріарху; но при этомъ всѣ сознавали, что патріархъ только исполняетъ волю императора.

Мѣстомъ вѣнчанія на царство стала церковь лишь съ Ѳеодосія II-го; построенная послѣднимъ съ этой цѣлью церковь св. Стефана при большомъ дворцѣ скоро уступила мѣсто св. Софіи. Но и вѣнчаніе въ храмѣ былъ лишь обычай: законность вѣнчанія не зависѣла отъ мѣста его совершенія. Но за то съ перенесенія вѣнчанія въ Софію началъ вырабатываться и усложняться его церемоніалъ. Съ Анастасія I патріархъ потребовалъ обѣта — хранить халкидонскій догматъ; подобныя же обѣщанія давали Фока (въ 602 году), Левъ III, Михаилъ I, Левъ V; а затѣмъ письменный обѣтъ вѣрности православному символу вѣры становится постояннымъ обычаемъ. Но и это значитъ не то, что церковь даетъ царю власть, а только то, что избиратели, сенатъ и войска, изъ всѣхъ качествъ избираемаго болѣе всего заботятся о его православіи, какъ лучшемъ залогѣ счастливаго правленія. Мvропомазаніе императора — первое намъ извѣстное совершено Фотіемъ надъ Василіемъ I-мъ—имѣло смыслъ омытія совершенныхъ до того грѣховъ, то есть, для законности самой

власти оно опять-таки не было необходимо. Что вообще участіе патріарха и вся церковная церемонія были и остались дѣломъ въ государственномъ отношеніи несущественнымъ, видно изъ того, что чисто свѣтскій чинъ вѣнчанія на царство сохранилъ всегда свою силу и по временамъ употреблялся, какъ вполнѣ достаточный и законный: патріархъ никогда не «избираетъ» императора, и византійцамъ даже въ голову не приходитъ возможность такого взгляда. Самое принятіе императоромъ діадимы и императорской обуви не сообщало ему новой власти, а лишь служило торжественнымъ знакомъ его согласія принять императорскую власть; такъ что весь чинъ вѣнчанія остался, строго говоря, въ восточной имперіи просто обычаемъ, безъ вліянія на государственное право. Западная имперія переняла почти весь византійскій чинъ, но право государства самому опредѣлять своего главу было на западѣ утрачено; а востокомъ оно сохранено до конца.

C. Ferrini, *Edizione critica del* νόμος γεωργικός. *Prefazione* (стр. 558—571). См. ниже Франція.

E. Patzig, *Über die Quelle des Anonymus Valesii* (стр. 572—585).— Послѣ краткаго изложенія прежнихъ работъ объ источникѣ Валезіева анонима, Патцигъ находитъ, что лишь два результата покамѣстъ могутъ считаться твердыми: 1) что отдѣлъ анонима о Константинѣ Великомъ рѣзко выдѣляется своимъ источникомъ изъ общей массы, и 2) что этотъ отдѣлъ интерполированъ изъ Орозія. Этотъ источникъ отдѣла о Константинѣ по его мнѣнію есть Амміанъ Марцеллинъ; доказывается это рядомъ (6) совпадающихъ извѣстій анонима и салмазіева Іоанна антіохійскаго, который-де несомнѣнно пользовался Амміаномъ, и изъ котораго эти извѣстія перешли въ Leosippe. Особенно подробно разсматривается извѣстіе о послѣдней борьбѣ Константина съ Лициніемъ и смерти послѣдняго; при этомъ конъектура Валезія 27/8: apud Chrysopolim Licinius *pugnavit* maxime auxiliantibus Gothis замѣняется: Licinium *superavit* (Constantinus), и это извѣстіе, какъ и извѣстіе Іордана, что убійцы Лицинія были готы (Getica c. 21), возводится къ Амміану; а также о бѣгствѣ Константина передъ Галеріемъ, гдѣ Аврелій Викторъ, Зосимъ и Зонара сохранили-де слѣды изложенія, сходнаго съ De mortibus persecutorum гл. 24, но болѣе объективнаго, то есть—амміанова. Особо доказывается, что характеристики императоровъ отъ Констанція до Валента взяты были Іоанномъ антіохійскимъ изъ Амміана и черезъ него перешли въ византійскую хронографію; поэтому возможно, что и сообщеніе анонима Валезія о Константинѣ В.,—что онъ былъ litteris minus instructus—находящееся изъ христіанскихъ писателей только еще у Льва Грамматика и Кедрина, взято изъ Амміана.

Spyr. P. Lambros, *Zu einigen Stellen des Michael Glykas* (стр. 586—587).—Указывается на Athous Iwireticus 175, какъ на рукопись, важную для текста Михаила Глики, и въ видѣ примѣра сообщается нѣсколько ея варіантовъ.

Kubitschek, Κεφαλικός (стр. 587). — Указывается, что въ надписи о постройкѣ въ 1378 г. πυργοποΐα въ Castello di Carpignano слѣдуетъ читать не Παύλου Σουλλιανοῦ κὲ Φηλίκου, а П. Σ. κεφαλικοῦ (=capitanei civitatis).

K. Prächter, *Zur vulgären Paraphrase des Konstantinos Manasses* (стр. 587—593). — Авторъ сличилъ доставленный ему Крумбахеромъ образчикъ текста ркп. Моск. Син. библ. 263 съ Bern. 596 и отчасти Vind. suppl. gr. 77 и нашелъ, что, какъ и полагалъ Крумбахеръ, московская рукопись даетъ извѣстную народную парафразу Манасси, но текстъ ея вообще даже лучше, чѣмъ текстъ Bernensis. Хроника императоровъ ркп. № 462 метохія Св. Гроба въ К-лѣ, о которой трактовалъ проф. Кирпичниковъ (Byz. Zeitschr. I, стр. 303 и слѣд.), мѣстами пользуется этой парафразой, именно—въ отдѣлѣ о Константинѣ Великомъ; въ разсказѣ-же о перенесеніи тѣла св. Іоанна Златоуста эта связь остается сомнительной.

L. Petit, *Notes d'histoire littéraire.* I. *A propos des pièces liturgiques de Cassia.* II. *Deux pièces inédites de Constantin Manassès* (594—598). См. ниже Франція.

F. Boll, *Psellos und das «grosse Jahr»* (стр. 599—602). — Авторъ доказываетъ, что 125-я глава διδασκαλίας παντοδαπῆς Пселла, гдѣ говорится о сочетаніяхъ планетъ, указывающихъ на міровыя катастрофы, и въ связи съ этимъ — о годѣ кончины міра, а также письмо Пселла Cod. Escur. Y. III 12 fol. 71 основаны на эксцерптахъ изъ астролога Антіоха (Laurent. XXVIII, 34, fol. 84^r — 93^v и Monac. graec. 287, fol. 114^v).

Dr. Mordtmann, *Byzantinische Glasstempel* (стр. 603—608). — Авторъ, отчасти на основаніи данныхъ собственной коллекціи, примыкаетъ къ мнѣнію Шлюмберже, видящему въ «стеклянныхъ печатяхъ» разновѣски для взвѣшиванія монеты, и даетъ описаніе нѣсколькихъ экземпляровъ этого рода; употреблялись они, сколько можно судить, отъ имп. Зинона до Ираклія, но не для одной только египетской торговли, какъ думалъ Шлюмберже; они носятъ изображеніе или императора или городского префекта. Мордтманнъ даетъ размѣры и вѣсъ этихъ стеклянныхъ гирекъ и старается опредѣлить, для какихъ именно монетъ онѣ служили (вѣсъ гирьки указанъ, сколько пока извѣстно, лишь на двухъ экземплярахъ коллекціи самого Мордтманна).

II-ой отдѣлъ (стр. 609—619) состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

Θεοδωρήτου ἐπισκόπου πόλεως Κύρρου πρὸς τὰς ἐπενεχθείσας αὐτῷ ἐρωτήσεις παρά τινος τῶν ἐξ Αἰγύπτου ἐπισκόπων ἀποκρίσεις, ἐκδιδόμεναι κατὰ κώδικα τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως (Ὑπομνημάτων τοῦ ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικοῦ

Πανεπιστημίου τόμος τριακοστὸς ἕκτος). Ἐν Πετρουπόλει 1895. XIII, 175 стр. 8°. Рец. **A. Ehrhard** (стр. 609—611).

1. *Sanctissimi patriarchae Photii, archiepiscopi Constantinopoleos epistulae XLV* e codicibus montis Atho nunc primum edidit **A. Papadopulos-Kerameus**, Petropoli 1896. XVI, 130 стр. 8°. — 2. Φωτιακά [illegible] Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Ἐν Πετρουπόλει 1897. 16 стр. 8°. Рец. **A. Ehrhard** (стр. 612—614).

В. В. Латышевъ, *Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи*. Изд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 1896. III, 143 стр. 8° (съ 13-ю таблицами). Рец. **А. [illegible]** (стр. 614—617).

Eduard Glaser, *Zwei Inschriften über den Dammbruch von Mârib. Ein* Beitrag zur Geschichte Arabiens im 5. u. 6. Jahrh. nach Chr. Mitteilungen der vorderasiatischen Gesellschaft 1897 Heft 6, [illegible] 4° Рец. **H. Zimmerer** стр. 617—61[illegible].

Страницы 61[illegible]—6[illegible] заняты замѣткой **W. Pecz'a**, [illegible] работы самого автора. **Gyomlay**'я и **Tóbi**'я [illegible] нія Σχέδη [illegible] прилагаемаго у Константина [illegible] admin. imp. [illegible] въ [illegible] какъ [illegible] замѣтки [illegible] теперь къ тому [illegible] какъ [illegible] нія [illegible] [illegible] же [illegible]

[illegible]

Wilhelm Schmid. [illegible]

Wentzel [illegible]

[illegible]

Sternbach [illegible]

45 (1898) 1—23.—Почему византійскій флотъ, бывшій еще въ XI вѣкѣ сильнѣйшимъ въ мірѣ, оказался къ эпохѣ латинскаго завоеванія совершенно безсильнымъ? По автору, главную силу этого флота составляли всегда находившіяся въ боевой готовности провинціальныя эскадры ѳемъ: эгейской, самосской и кивирреотской; а эти то эскадры и ихъ снаряжавшіе верфи и арсеналы совершенно упали въ XI—XII вѣкѣ, во первыхъ потому, что правительство систематически обезоруживало провинціи, во-вторыхъ благодаря турецкимъ завоеваніямъ. Главныя свои доказательства авторъ беретъ изъ житія св. Христодула Патмосскаго.

F. Hirsch, *Byzantinisches Reich.* Berliner Jahresberichte der Geschichtswissenschaft 19 (1896), III, стр. 247—258.—Тщательный обзоръ работъ по византійской исторіи и ея источникамъ за 1896 годъ.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Josef Strzygowski, *Die christlichen Denkmäler Aegyptens.* Römische Quartalschrift, 12 (1898), стр. 1—41.—Авторъ описываетъ на основаніи произведеннаго имъ на мѣстѣ, зимою 1894—95 года, изученія нѣсколько памятниковъ египетскаго искусства христіанской эпохи. Настоящая, первая, статья обнимаетъ скульптурные памятники, по большей части изъ эпохи отъ Ѳеодосія Великаго до 1000 года. Нѣкоторые изъ нихъ должны быть, по автору, признаны за ввезенные. Такъ называемую монзскую школу авторъ считаетъ сиро-египетскою, отчасти на основаніи имъ теперь описываемыхъ памятниковъ.

Ernst Kalinka *u.* **J. Strzygowski,** *Die Kathedrale von Herakleia.* Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts 1 (1898) Beiblatt, Spalte 3—28.—Гераклейскій соборъ, по заключенію описателей, древнѣе 1000 года и примыкаетъ по стилю къ церкви въ Скрипу (873—74 года); но возможно, что онъ восходитъ и выше, ко временамъ Ираклія (610—641).

H. Graeven. *Die Vorlage des Utrechtpsalters.* Repertorium für Kunstwissenschaft 21 (1898), 1—8. Грэвенъ считаетъ миніатюры утрехтской псалтыри не только подражаніемъ византійскимъ или позднеримскимъ произведеніямъ, но прямо копіями, можетъ быть даже сдѣланными греками; общій его доводъ тотъ, что многочисленныя олицетворенія, представляемыя этими миніатюрами, отвѣчаютъ духу греческой церкви гораздо больше, чѣмъ духу латинской; въ частности г. Грэвенъ указываетъ на аѳонскія изображенія «всякаго дыханія», также на рѣзьбу нѣсколькихъ ковчежцевъ слоновой кости и пр.

H. Graeven, *Frühchristliche u. mittelalterliche Elfenbeinwerke in photographischer Nachbildung.* Serie 1. 1898: Aus Sammlungen in England. Rom. 1896. 71 снимокъ и 36 стр. текста.—Обѣщана особая рецензія.

Siegfried Weber, *Die Entwickelung des Putto in der Plastik der Frührenaissance.* Heidelberg 1898. 129 стр. 8°, 8 таблицъ.—Авторъ показываетъ, какъ античные типы Ники и Эрота видоизмѣнялись до эпохи древняго христіанства (саркофаги), и въ византійское время дали типъ ангела.

Julius Kurth, *Die Mosaikinschriften von Salonik.* Mitteilungen des k. deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung 22 (1897), 463—472. — Куртъ и Мордтманнъ скопировали надписи св. Софіи Солунской, независимо другъ отъ друга, въ 1897 году; настоящее изданіе основано на сличеніи этихъ копій. Куполъ съ мозаикой относится къ 650-му году, надпись къ 720—730, а вся апсида ко второй половинѣ VIII вѣка. При реставраціи въ 1889 г. мозаикъ церкви св. Георгія въ Солуни открыты двѣ новыя надписи.

Otto Seeck, *Zu den Festmünzen Constantins und seiner Familie.* Zeitschrift für Numismatik 21 (1898), стр. 17—65. Большая часть дошедшихъ до насъ золотыхъ и серебряныхъ медальоновъ по Зееку суть sportulae, то есть императорскіе денежные подарки. Статья даетъ описаніе и снимки ряда такихъ sportulae изъ династіи Константина Великаго.

J. W. Kubitschek, *Beiträge zur frühbyzantinischen Numismatik.* Wiener numismatische Zeitschrift 29 (1898), 163—196. — О мѣстной египетской монетной чеканкѣ временъ имперіи, о художественныхъ попыткахъ надъ египетскимъ солидомъ, начинающихся въ VI-го вѣка, о счетѣ по follis'амъ и т. д., и въ концѣ — о вѣсѣ золотыхъ монетъ отъ Анастасія до Константа II-го, хранящихся въ вѣнскомъ придворномъ Музеѣ.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Ioannis Laurentii Lydi liber de ostentis, ed. **C. Wachsmuth.** Рец.: **Rich. Wünsch,** Wochenschrift für classische Philologie, 1898, № 13, стр. 337—345; **W. Kroll,** Berliner philologische Wochenschrift 1898, № 24, стр. 739—744.

Ioannis Philoponi de opificio mundi libri VII, rec. **G. Reichardt.** Рец. **W. Kroll,** Berliner philologische Wochenschrift 1898, № 21, стр. 645 и сл.

В. Истринъ, *Первая книга хроники Іоанна Малалы.* Рец. **C. Frick.** Berl. philol. Wochenschrift, 1898, 19, стр. 588 и сл.

Ed. Norden, *Die antike Kunstprosa vom VI-ten Jahrhundert bis in die Zeit der Renaissance.* Leipzig 1898. Рец. **L. Radermacher,** Deutsche Litteraturzeitung 1898, № 25, стр. 996—999.

K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, 2-te Auflage. München 1896. Рец.: **Lundström,** Eranos 1898, Appendix critica 28—32; **F. Hirsch,** Berliner Jahresberichte der Geschichtswissenschaften 1896, III, стр. 247 и сл.

Erwin Preuschen, *Palladius und Rufinus.* Рец. **Zöckler,** Theol. Litteraturblatt, 1898, № 9, стр. 97—100.

P. Bedjan, *Acta martyrum et sanctorum*, tomus VII (Paradisus patrum). Paris u. Leipzig 1897, XII+1020 стр. Рец. **R.,** Litterar. Centralblatt 1898, № 14, стр. 449—551; **E. Preuschen,** Theol. Litteraturzeitung 1898, № 19, стр. 511—514.

L. Caelii Firmiani Lactantii opera omnia, partis II fascic. II: L. Caecilii qui inscriptus est de mortibus persecutorum liber, vulgo Lactantio tributus, rec. **S. Brandt** *et* **S. Laubmann.** Wien u. Leipzig 1897. Рец. **K. Wendland,** Deutsche Litteraturzeitung 1898, № 32, стр. 1267—1269.

Sancti Gregorii Theologi liber carminum iambicorum, versio syriaca antiquissima, pars altera ed. **Henr. Gismondi.** Beirut 1896. Рец. **Fr. Bäthgen,** D. L. Z., 1898, № 28, стр. 1113—1114.

Hans Lietzmann, *Catenen.* Mitteilungen über ihre Geschichte und handschriftliche Überlieferung. Freiburg im Br., 1897. Рец. **G. Heinrici,** D. L. Z., 1898, № 23, стр. 905—909.

E. Peters, *Der griechische Physiologus und seine orientalischen Übersetzungen.* Berlin 1898. Рец. **E. Nestle,** Theol. Lit.-Zt., 1898, № 16, стр. 444.

K. Krumbacher, *Ein Dithyrambus auf Theophanes Confessor* и *Eine neue Vita des Theophanes Confessor.* Рец. **Wilkens,** Theol. Lit.-Blatt, 1898, № 18.

Pierling, S. I., *La Russie et le Saint Siège.* Études diplomatiques, 2 vol. Paris 1896—97. Рец. **L. Pastor,** Zeitschrift für katholische Theologie 1898, стр. 374—376.

Б. Меліоранскій.

ФРАНЦІЯ.

Edouard Bruston. *Ignace d'Antioche, ses épitres, sa vie, sa théologie. Etude critique suivie d'une traduction annotée par E. B. Pasteur.* Paris. Librairie G. Fischbacher, 1897. 283 стр. 8°. — **Игнатій Антіохійскій, родившійся около 50 года нашей эры и бывшій сначала язычникомъ, обратился въ христіанство, былъ осужденъ римскимъ правительствомъ и, вѣроятно, потерпѣлъ мученическій вѣнецъ въ Римѣ при императорѣ Траянѣ. Авторъ новой книги не задается написать сложную исторію посланій Игнатія; онъ имѣетъ своею цѣлью представить документы и обозначить главныя произведенія, которыя должны служить основаніемъ для серьезнаго изученія этого труднаго вопроса. Въ первой части труда авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію посланія Игнатія къ малоазіатскимъ церквамъ и Поликарпу, посланіе къ римлянамъ и акты о мученичествѣ Игнатія. На основаніи этихъ посланій во второй части книги авторъ дѣлаетъ попытку дать очеркъ жизни Игнатія Антіохійскаго, которая такъ мало извѣстна, и описать состояніе христіанства на Востокѣ въ его эпоху. Третья часть книги посвящена выясненію теологіи Игнатія, его религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ идей. Въ заключеніи книги авторъ, считая Игнатія вполнѣ достойнымъ носить имя апостольскаго отца (Père apostolique) и Отца церкви, даетъ во французскомъ переводѣ текстъ шести посланій Игнатія — къ жителямъ Магнезіи, Тралла, Эфеса, Филадельфіи, Смирны и къ Поликарпу.**

Vidal de la Blache, *Sous-directeur à l'école normale. Les voies de commerce dans la Géographie de Ptolémée.* Напечатано въ Comptes rendus des séances de l'année 1896 de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, p. 456—483; см. также p. 421—422. Съ тремя картами. — Авторъ этой интересной публикаціи, послѣ разбора вопроса о томъ, какими матеріалами пользовался Птолемей для своихъ свѣдѣній о торговлѣ различныхъ странъ, останавливается подробнѣе на разъясненіи его извѣстій о торговлѣ слоновой костью въ Африкѣ и о торговлѣ шелкомъ въ Азіи. Всѣ эти данныя II вѣка христіанской эры полезны и для послѣдующаго времени.

E. Fournier de Flaix. *L'Impôt dans les diverses civilisations.* Première série. Paris, 1897. Два тома. 817 стр. 8°. — Книга даетъ рядъ очерковъ о состояніи податной системы и ея исторіи у различныхъ народностей, начиная съ самаго древняго времени, со времени Халдеи, Ассиріи, Вавилоніи и т. д. и кончая средними вѣками. Слѣдующая серія будетъ, вѣроятно, заключать налоги въ новое время. Среди прочихъ очерковъ находится обозрѣніе реформъ времени Діоклетіана и Константина Великаго, особенно реформъ фискальныхъ, и дѣлается попытка выяснить ихъ значеніе (p. 194—248). Во второмъ томѣ первой серіи помѣщенъ чрезвычайно блѣдный очеркъ о налогѣ во время византійской имперіи (p. 482—487), составленный премущественно на основаніи трудовъ Finlay (History of Greece) и Lavisse et Rambaud (Histoire générale). Авторъ очевидно не имѣлъ въ виду самостоятельнаго изслѣдованія, а пользовался не совсѣмъ умѣло готовыми трудами другихъ.

Comte Goblet d'Alviella. *Les Grecs dans l'Inde. Essai de restitution historique.* Напечатано въ Bulletin de l'Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique. 67-me année, 3-me Série, Tome 33 (1897), № 5, p. 653—690. — Въ этомъ интересномъ сообщеніи о судьбѣ древнихъ грековъ въ Индіи встрѣчаются мѣста, касающіяся и христіанскаго времени. Отмѣтимъ слѣдующее мѣсто. Индійскіе анналы Ориссы сообщаютъ, что въ началѣ IV вѣка христіанской эры одинъ грекъ, или Yavana, какъ грековъ называли индійскіе анналы, высадился на восточномъ берегу Индіи во главѣ многочисленной арміи, разграбилъ знаменитое святилище Jaggernauth въ Пури и основалъ династію, которая царствовала надъ Ориссой въ теченіе 146 лѣтъ. Его предки были изгнаны только въ 473 году основателемъ царскаго дома, который носилъ имя Kesari и который сохранилъ власть на протяженіи болѣе пяти столѣтій (p. 667).

M. Paul Allard. *Saint Basile avant son épiscopat.* Напечатано въ Revue des questions historiques. 1-er Juillet 1898, p. 5—52. — Эта интересная статья разсказываетъ жизнь Василія Великаго съ года его рожденія въ Кесаріи въ 129 году, говоритъ о его первоначальномъ образованіи на родинѣ, потомъ въ Константинополѣ и Аѳинахъ, гдѣ онъ встрѣтилъ своего будущаго друга Григорія Назіанзина. Интересны страницы, посвященныя описанію студенческой жизни въ Аѳинахъ въ IV вѣкѣ

(p. 11—13). По возвращеніи на родину Василій рѣшилъ сдѣлаться аскетомъ; для изученія на мѣстѣ монашеской жизни Василій предпринялъ путешествіе въ Египетъ, Палестину, Келесирію и Месопотамію. Возвратившись на родину, онъ поселился недалеко отъ Кесаріи; въ своихъ сочиненіяхъ онъ даетъ прекрасное, точное описаніе мѣстности, гдѣ жилъ отшельникомъ (p. 26—27). Далѣе излагается его отшельническая жизнь, отношенія къ Кесаріи, его все возрастающее вліяніе, въ то время когда онъ былъ еще простымъ священникомъ. Авторъ кончаетъ статью очеркомъ отношеній Василія Великаго, на основаніи его переписки, къ Кесарію, брату Григорія Назіанзина.

Ernest Chantre. *Rapport sur une Mission Scientifique en Asie Mineure spécialement en Cappadoce* (1893—1894). Напечатано въ Nouvelles Archives des Missions scientifiques et littéraires. T. VII, (1897), Paris, p. 329—365.—Цѣлью этой ученой экспедиціи было преимущественно изученіе въ Каппадокіи древнѣйшихъ памятниковъ эпохи такъ называемыхъ хеттитовъ. Въ этомъ отчетѣ сообщаются ученые результаты миссіи, которые касаются антропологіи народовъ передней Азіи, археологіи, ботаники и топографіи. Для насъ интересно открытіе около Фрактена въ современной деревнѣ Terzili-hammam, богатой теплыми минеральными водами, развалинъ царскихъ термъ, мраморный сохранившійся фасадъ которыхъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой роскоши. Нѣкогда, очевидно, здѣсь существовалъ городъ или селеніе, такъ какъ видны остатки крѣпкой стѣны, открыты греческія надгробныя надписи. Монеты, найденныя въ землѣ, носятъ изображеніе Юстиніана. Отмѣтимъ также великолѣпныя развалины храма Коммана, вокругъ котораго находится значительное число греческихъ надписей (p. 359—360).

Ernest Chantre. *Mission scientifique en Cappadoce* (1893—1894). Recherches archéologiques dans l'Asie centrale. Illustré de 30 planches en noir et en couleur, une carte et 200 dessins dans le texte. Paris, Ernest Leroux, 1898. 8⁰. Цѣна 50 фр.

J. B. Chabot. *Le Livre de la Chasteté, composé par Jésusdenah, évêque de Baçrah.* Publié et traduit. Напечатано въ Mélanges d'Archéologie et d'Histoire d'Ecole francaise de Rome. XVI année. Fasc. III—IV. Mai—Juillet 1896, p. 225—291.—Авторъ издаваемой г. Шабо книги жилъ въ VIII в.; изъ его произведеній извѣстны гомиліи, метрическія разсужденія, не дошедшая къ сожалѣнію до насъ Церковная Исторія и, наконецъ, Книга Святости, о которой теперь идетъ рѣчь; въ послѣднемъ сочиненіи сирійскій епископъ даетъ цѣлый рядъ жизнеописаній святыхъ, основателей монастырей на Востокѣ. Главное достоинство книги заключается въ томъ, что она точно опредѣляетъ положеніе различныхъ географическихъ пунктовъ, настоящее положеніе которыхъ было до сихъ поръ неизвѣстно или неточно. Она заключаетъ также много агіографическихъ важныхъ данныхъ и даетъ нѣсколько новыхъ именъ, съ помощью которыхъ можно пополнить списки епископовъ различныхъ престоловъ.

Здѣсь Шабо издалъ французскій переводъ этого любопытнаго, неизвѣстнаго до сихъ поръ сочиненія.

Ch. Kohler. *Histoire anonyme des rois de Jérusalem.* Напечатано въ Revue de l'Orient Latin, V. V, 1897, p. 213—253.

A. Boissier. *En Cappadoce. Notes de voyage.* Genève, Rey et Malavallon 1897. 51 стр. 8° съ иллюстраціями.

J. B. Deshayes. *Les lieux saints d'Orient et d'Occident, décrits et appréciés.* T. I: Lieux saints de Palestine et autres principaux, visités par les pélerins congressistes en 1893. Liège, Godenne 1896. 394 стр. 8° (съ иллюстраціями и картой).

Fontane Marius. *Histoire universelle* (T. VIII—IX): Le Christianisme (De 67 av. J.-C. à 117 ap. J.-C.). Les Barbares (De 117 à 395 ap. J.-C.). Paris, Lemerre 1894; 1897. 552 стр. съ двумя картами и 517 стр. съ пятью картами.

Échos d'Orient. Paris, E. Petithenry. 8°.— Подъ такимъ заглавіемъ сталъ выходить съ перваго октября 1897 года ежемѣсячный полунаучный, полупопулярный журналъ подъ редакціей августинца V. de P. Bailly; этотъ журналъ является какъ бы продолженіемъ «Echos de Notre-Dame de France». Въ девяти появившихся до сихъ поръ номерахъ можно отмѣтить слѣдующія касающіяся византійскихъ интересовъ статьи. *Romuald Souarn*, Le 28e Canon de Chalcédoine, p. 19—22; 55—58 (объ этомъ предметѣ была уже статья его въ изданіи Виссаріона; см. Византійскій Временникъ, T. V, вып. 3, 1898, стр. 572). *Louis Petit*, Le Syllogue littéraire grec de Constantinople. p. 59—62. *Germer-Durand*, L'Epigraphie en Palestine, p. 79—82. *J. Pargoire*, Environs de Chalcédoine, p. 145—147 (о важномъ въ отношеніи топографіи отрывкѣ одной надписи). *J. Pargoire*, Inscriptions inédites de Dorylée, p. 82—85. *Romuald Souarn*, La Liste des Patriarches de Constantinople d'après Ephrem (1313), p. 113—116. *Edmond Bouvy*, S. Léon le Grand dans l'église grecque, p. 173. *Edm. Bouvy*, S. Jean Chrysostome et S. Isidore de Péluse, p. 196—201. C. B., Justinien en terre sainte, p. 209—214. (Разбирается вопросъ объ извѣстіяхъ Прокопія о постройкахъ Юстиніана въ Палестинѣ). *E(dm.) B(ouvy)*, Le Pentecostarion des Grecs 10 avril—5 Juin, p. 225. *Anonymus*, Les Saints Kozibites, p. 228—233 (рѣчь идетъ о лаврѣ Козиба, которая находится между Іерусалимомъ и Іерихономъ). *Anonymus*, Les saintes veilles dans la liturgie grecque, p. 239—240. *J. Germer-Durand*, Antiquités de Pétra, p. 260—262 (греческія надписи). *E. Bouvy*, Le cantique funèbre d'Anastase, p. 262—264 (авторъ этой пѣсни, можетъ быть, Анастасій Синаитъ). *J. Germer-Durand*, Epigraphie chrétienne. Inscriptions grecques du Mont Carmel, p. 272—274. *A. H.*, Monastères de Bithynie. Saint Jean le Théologue de Pélécète; p. 274—280 (основанъ въ началѣ VIII столѣтія).— См. Byz. Zeitschr. B. VII, 3—4, H. 1898, S. 624.

Mgr. de Groutars. *Les Italo-Grecs. Leur langue et leur origine.* Напечатано въ Le Musée Belge, 2 (1898), p. 32—48.— Продолженіе уже отмѣ-

ченной нами раньше работы (см. Визант. Временн. T. IV, 1897, стр. 716—717 и T. V, 1898, стр. 322).

M. Schwab. *Transcription de mots grecs et latins en hébreu aux premiers siècles de J.-C.* Напечатано въ Journal Asiatique, neuvième série, tome 10 (1897), p. 414—444. — Авторъ этой статьи занимается очень интереснымъ вопросомъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергались греческія слова при ихъ переходѣ въ еврейскій и арамейскій языки, о томъ, какимъ образомъ отдѣльныя греческія буквы транскрибировались, что дѣлалось съ окончаніями и т. д. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, 3—4 H., 1898, S. 629.

Pierre Batiffol. *Notes d'ancienne littérature chrétienne. L'enchiridion d'Origène.* Напечатано въ Revue biblique, 7 (1898), p. 265—269. — Энхиридій Оригена (къ псалмамъ; у Іеронима, comment. in ps.) тождественен съ его σχόλια (Hier. prol. ad Ezech.); его «opus latissimum» (Hier. comment in ps.) покрывается «excerpta in totum psalterium».—См. Byz. Zeitschr. B. VII, 3—4 H., 1898, S. 630.

E. Michaud. *S. Basile de Césarée et S. Cyrille d'Alexandrie sur la question trinitaire.* Напечатано въ Revue internationale de théologie, 6 (1898) p. 354—371.—Односторонне подобранныя мѣста въ латинскомъ переводѣ разбираются со старокатолической точки зрѣнія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 631 — 632.

D. G. Morin. *Constantius évêque de Constantinople et les origines du Comes romain.* Напечатано въ Revue Bénédictine, 15 (1898), p. 241—246.— Обыкновенно Констанцій въ южной Италіи считается константинопольскимъ епископомъ, что на самомъ дѣлѣ является совершенно невозможнымъ; онъ былъ епископомъ города Козенцы (Cosenza, Constantia, Κωνστατεία). Такъ какъ существуетъ письмо къ нему псевдо-Іеронима, относящееся ко времени папы Льва Великаго, то, можетъ быть, этого Констанція можно видѣть въ епископѣ Констанціѣ, къ которому Пелагій написалъ письмо въ первые годы пятаго столѣтія. Останки этого Констанція были перенесены изъ Козенцы, на которую часто нападали арабы, на Капри или въ Massa Lubrense около Сорренто, и въ этой части Италіи, столь долго находившейся подъ владычествомъ Византіи, могли легко съ теченіемъ времени сдѣлать изъ епископа Констанціи епископа Константинополя.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 632.

Fr. van Ortroy, S. I. *Les vies grecques de S. Ambroise et leurs sources.* Milano, Cogliati, 1897. 37 стр. 4°. Ambrosiana. Scritti varii pubblicati nel XV Centenario dalla morte di S. Ambrogio.—Рѣчь идетъ о двухъ сохранившихся въ менологіяхъ греческихъ жизнеописаніяхъ Амвросія, изъ которыхъ одно, болѣе древнее, представляетъ изъ себя компиляцію изъ Θеодорита, — болѣе позднее (метафрастовское) есть только стилистическая переработка перваго жизнеописанія. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 637.

F. Nau. *La version syriaque inédite des martyres de S. Pierre, S. Paul et*

S. Luc d'après un ms. du X siècle. Напечатано въ Revue de l'Orient Chrétien, 3 (1898), p. 39—57. — Авторъ на основаніи cod. mus. Brit. Addit. 12172 издаетъ сирійскіе мартирологи Петра и Павла, которые очень часто совпадаютъ съ греческимъ текстомъ, изданнымъ у Lipsius-Bonnet, Acta apost. apocr. I p. 84 — 118. Мартирологъ Луки кромѣ издаваемаго теперь сирійскаго текста сохранился только на коптскомъ и эѳіопскомъ языкахъ. — См. Byz. Zeitschr., B. VII, H. 3—4, 1898, S. 638.

Anonymus. *Les premiers monastères de la Palestine.* Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 3 (1898), p. 39—58.—Рѣчь идетъ объ основаніи монастырей св. Харитономъ (IV вѣкъ), который отъ своей «Старой Лавры» вблизи Іерусалима получилъ прозваніе παλαιολαυρίτης.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 641.

P. Siméon Vailhé. *Le Monastère de Saint Théoctiste (411) et l'évêché de Paremboles* (452). Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 3 (1898), p. 58—76. — Авторъ разсказываетъ о двухъ друзьяхъ аскетахъ Евѳиміѣ Мелитинскомъ (+ 473), который большую часть своей жизни провелъ анахоретомъ вблизи Іерусалима, и о Ѳеоктистѣ (+ 467).—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 641.

A. d'Avril. *Les Grecs Melkites. Étude historique.* Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien, 3 (1898), p. 1—30. — Первая часть популярно изложеннаго обзора исторіи мелхитовъ, т. е. тѣхъ грековъ, которые присоединились къ антимонофизитскимъ распоряженіямъ императора Маркіана (450—457).—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 641.

L. Duchesne. *Les premiers temps de l'état pontifical (754—1073).* Paris, Fontemoing 1898. 3 таблицы, 224 стр. 8°. — Изданіе отдѣльной книгою появившихся раньше статей въ Revue d'histoire et de littérature religieuses, отмѣчаемыхъ нами на страницахъ Византійскаго Временника (см. послѣднюю замѣтку въ V томѣ, вып. 3, 1898, стр. 569), съ приложеніемъ краткаго предисловія и указателя содержанія.—См. Byz. Zeitschr. B. VII. H. 3—4, 1898, S. 641.

R. Forrer. *Les imprimeurs de tissus dans leur relations historiques et artistiques avec les corporations.* Strasbourg, 1898. 59 стр. 8° съ 24 изображеніями.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 648—649.

A. G. Costomiris. *Études sur les écrits inedits des anciens médecins grecs.* Напечатано въ Revue des études grecques, 10 (1897) p. 405—445. — Эта работа, служа продолженіемъ появившихся въ II—V томахъ вышеназванной Revue статей, говоритъ о медикахъ XII — XIV столѣтій (Іоаннъ Цецъ, Николай Мирепсъ (Myrepsos) и Іоаннъ Актуарій) и о рукописяхъ, содержащихъ ихъ сочиненія. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 652.

L. Petit. *Notes d'histoire littéraire.* I. A propos des pièces liturgiques de Cassia. II. Deux pièces inédites de Constantin Manassès. Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 594—598. — Статья представляетъ изъ себя нѣкоторыя замѣчанія къ монографіи проф.

К. Крумбахера о византійской поэтессѣ Икасіи или Кассіи (въ Sitzungsber. d. bayer. Ak., philos.-philol.-hist. Cl. 1897, S. 309—370) и къ упоминанію тѣмъ же проф. Крумбахеромъ въ его Исторіи Византійской Литературы (2 изд. p. 378) о двухъ неизданныхъ произведеніяхъ Константина Манасси.

V. Guérin. *La terre Sainte.* I. Jérusalem et le nord de la Judée. Paris, Nourris et co. 1897, 343 стр. 4°, со 147 изображеніями. — Содержаніе намъ не извѣстно.

Ch. Laroche. *La Crète ancienne et moderne.* Paris, H. May, 1898, съ 70 изображеніями.

Ladeuze. P. *Les diverses recensions de la vie de S. Pakhome et leur dépendance mutuelle.* Напечатано въ Muséon, XVI, p. 148—171.

Berry, L. C. *Pélerinage en Terre Sainte* (année 1896). Autun, impr. Dejussieu. 1897, 114 стр. 8°.

Pisani l'abbé. *Études d'histoire religieuse. A travers l'Orient.* Paris, Bloud et Barral, 1897 (?), XIII + 341 стр. 8°. — Книга эта составилась изъ лекцій, читанныхъ аббатомъ Пизани на богословскомъ факультетѣ Католическаго Института въ Парижѣ, и представляетъ изъ себя рядъ популярныхъ очерковъ въ строго-католическомъ духѣ изъ исторіи восточныхъ церквей до Флорентійскаго собора, а во второй части изъ исторіи ихъ по настоящее время, съ напоминаніемъ о томъ, что Франція есть покровительница церкви на Востокѣ, первенствующее положеніе которой теперь поколеблено. Въ первую часть книги входятъ очерки о несторіанахъ, происхожденіи монофизизма, о монофизитахъ Сиріи, Египта и Арменіи, о греческой схизмѣ, о введеніи и распространеніи христіанства у сербовъ, болгаръ и русскихъ. Ученаго значенія книга эта не имѣетъ.

Max van Berchem. *Les châteaux des croisés en Syrie.* Union syndicale des architectes français. Bulletin et compte rendu des travaux de l'association. T. IV, № 7 (juillet, 1897), p. 260—276. — Авторъ лично посѣтилъ эти замки и въ своемъ сообщеніи даетъ ихъ краткое описаніе, сопровождаемое превосходными фототипіями. Онъ очень рельефно выдѣляетъ существенныя черты военной архитектуры крестоносцевъ и, между прочимъ, указываетъ на заимствованія, сдѣланныя этой архитектурой у арабскаго искусства. Особеннаго вниманія заслуживаетъ описаніе горнаго замка Кракъ, между Триполи и Алеппо, который представляетъ благодаря своимъ колоссальнымъ размѣрамъ глубокій интересъ для исторіи военныхъ построекъ въ средніе вѣка. — См. Revue de l'Orient latin, T. V, 1897, p. 283.

Eusèbe de Césarée. *Histoire ecclésiastique, éditée en syriaque pour la première fois par P. Bedjan.* Leipzig, Harrassowitz in Komm. 1897. VIII + 598 стр. 8°. — Это изданіе сирійскаго перевода исторіи Евсевія появилось почти одновременно съ изданіемъ его въ Англіи по копіямъ, списаннымъ

и сличеннымъ покойнымъ оріенталистомъ В. Райтомъ (W. Wright). См. отдѣлъ библіографіи Англіи.

G. Schlumberger. *Sceaux des feudataires et du clergé de l'empire latin de Constantinople.* Caen. 1898.

Изъ рецензій укажемъ:

J. Viteau. *Passions des Saints Écaterine et Pierre d'Alexandrie etc.* (См. Виз. Врем. Т. V, вып. 3, 1898, стр. 568). — Рецензія *B. Haussoullier* въ Revue de philologie, 22 (1898). p. 106 sq. Violet въ Theolog. Literaturzeitung 1898, № 17, S. 463.

F. Nau. *Analyse des parties inédites de la chronique attribuée à Denys de Tellmahré.* Extrait de l'Orient chrétien, 1897. — Рецензія Нольдеке въ Literarisches Centralblatt, 1898, Nr. 6.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

Bessarione. *Pubblicazione periodica di studi orientali.* Roma-Siena, Tipografia S. Bernardino in Siena, 1897. Anno II (1897), vol. 3, Nr. 19—20. — Въ этой двойной книжкѣ изданія Виссаріона для насъ могутъ быть интересны слѣдующія статьи: Del Simbolo Atanasiano (стр. 18—33); Intorno ai SS. Giasone e Sosipatro, apostoli di Corfu, II (стр. 34—38); Les premiers monastères de la Palestine (стр. 39—58); L'iscrizione di Abercio (стр. 77—97; прод.). — См. Byz. Zeitschr. B. VII, 3—4 H., 1898, S. 624.

F. Savio. *La leggenda dei Santi Nazario e Celso.* Milano, Cogliati, 1897. 58 стр. 4°. Ambrosiana. VII. — Авторъ разсматриваетъ, какъ древнѣйшее свидѣтельство о вышеназванныхъ святыхъ, изданный Момбриціемъ латинскій текстъ, который, по его мнѣнію, относится къ V вѣку. Съ латинскаго переведенъ греческій (дометофрастовскій) текстъ, который по парижскимъ рукописямъ 1540 и 1468 XI в. сообщается авторомъ съ приложеніемъ латинскаго перевода Enrico Rosa. Историческое значеніе легенды незначительно.—См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 637.

Arrigo Solmi. *Le associazioni in Italia avanti le origini del comune.* In Modena, coi tipi della società tipografica, 1898, IX + 141 стр. 8°. Цѣна 4 лиры.

G. Fregni. *Sulla celebre colonna al nome dell' imperator Foca in Roma.* Modena. Namias, 1898. 78 стр. 8°.

J. M. Palmarini. *Barisano da Trani e le sue porte in bronzo.* Напечатано въ L'Arte, I (1898), p. 14—26, съ пятью иллюстраціями въ текстѣ и одной таблицей. — Статья показываетъ полное незнакомство автора съ византійскимъ искусствомъ. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 645.

Adolfo Venturi. *Un cofano civile bizantino.* Le gallerie nazionali italiane, 3 (1897), p. 261—270: XIV. Museo archeologico di Cividale. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, p. 647.

гара «Gesta Dei per Francos», ни разу не упомянулъ о существованіи Recueil des Historiens des Croisades. Очень желательна была бы обстоятельная рецензія этого слабаго произведенія.

W. M. Ramsay. *Two Massacres in Asia Minor.* Напечатано въ The Contemporary Review. Vol. LXX (1896), p. 435—448.—Въ этой статьѣ извѣстный англійскій путешественникъ и ученый проводитъ параллель между избіеніемъ христіанъ въ 303 году при Діоклетіанѣ и современными избіеніями армянъ турками.

J. G. C. Anderson. *A summer in Phrygia.* Напечатано въ The Journal of Hellenic Studies, vol. XVII (1897), p. 396—424.—Сообщая о результатахъ своего лѣтняго пребыванія въ 1897 году во Фригіи, Андерсонъ дѣлаетъ довольно цѣнныя дополненія къ превосходнымъ трудамъ Рамзая относительно исторіи и топографіи фригійскихъ городовъ и издаетъ рядъ найденныхъ имъ греческихъ надписей.

James M. Ludlow, D. D. *The Age of the Crusades.* Edinburgh, 1897, XV+389 стр. 8°. — На основаніи сочиненій по эпохѣ крестовыхъ походовъ авторъ этого труда въ популярной формѣ даетъ очеркъ состоянія средневѣковой Европы передъ крестовыми походами, выясняетъ условія, способствующія къ ихъ совершенію, и излагаетъ исторію всѣхъ крестовыхъ походовъ и ихъ разнообразныя послѣдствія. Книга, не давая ничего новаго, довольно удачно сводитъ уже извѣстныя данныя.

George Adam Smith, D. D. *The Historical Geography of the Holy Land especially in relation to the history of Israel and of the early church.* With six maps. Seventh Thousand with additions, corrections and new index of scripture references. London, 1897. XXVII+713 стр. 8°. — Это сочиненіе представляя изъ себя новое изданіе появившагося въ 1894 году перваго изданія, которое въ свое время подвергалось критикѣ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя дополненія относительно наиболѣе важныхъ розысканій и открытій въ Палестинѣ въ послѣдніе два года, относительно измѣненій въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ страны; въ этомъ изданіи приводится также новѣйшая литература предмета. Въ самомъ текстѣ книги сдѣланы небольшія измѣненія согласно указаніямъ ученыхъ, подвергшихъ критикѣ первое изданіе «Исторической Географіи Святой Земли».

Salahuddin Khuda Bukhsh. *The Eve of the Crusades.* Напечатано въ The Westminster Review. Vol. 147 (1897), March, p. 317—323. — Авторъ этой небольшой статьи имѣетъ своей цѣлью прослѣдить тѣ условія, которыя такъ быстро заставили въ концѣ XI вѣка Европу отозваться на призывъ Урбана II; для этого авторъ вспоминаетъ проекты крестовыхъ походовъ Герберта или папы Сильвестра II, Сергія IV въ 1010 году и Григорія VII въ 1074 году и даетъ краткій очеркъ развитія мусульманскаго господства на востокѣ съ VII вѣка до конца XI-го.

F. J. Bliss, Ph. D. *Eleventh report on the excavations at Jerusalem.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. January, 1897, London, p. 11—26. — Въ этомъ отчетѣ авторъ даетъ свѣдѣнія о

вновь открытой древней церкви на мѣстѣ силоамскаго пруда. Найдена мозаика. По словамъ автора, строительницей этой церкви была императрица Евдокія, которая умерла въ 460 году, проведя свои послѣдніе годы въ Іерусалимѣ послѣ изгнанія супругомъ императоромъ Θеодосіемъ II изъ Константинополя. Къ отчету приложено три плана. Раскопки продолжаются.

F. I. Bliss, Rh. D. *Twelfth report on the excavations at Jerusalem.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. 1897, p. 91—102. — Продолженіе отчета о раскопкахъ въ византійской церкви (см. выше) съ приложеніемъ двухъ плановъ и рисунка, найденнаго при раскопкахъ византійскаго капителя.

F. J. Bliss, Ph. D. *Thirteenth report on the excavations at Jerusalem.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. July, 1897, p. 173—181.—Продолженіе отчета о выше отмѣченныхъ раскопкахъ въ Іерусалимѣ.

F. J. Bliss, Ph. D. *Fourteenth report on the excavations at Jerusalem.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. October, 1897, p. 260—268 съ планами. — Продолженіе предыдущаго.

Archibald C. Dickie, A. R. I. B. A. *Architectural notes on remains of ancient church at Pool of Siloam.* Напечатано въ Palest. Expl. Fund. Quarterly Statement, 1897, p. 26—29.

Lieut.-Colonel Conder. *Mediaeval Topography of Palestine.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement, 1897, p. 70—71.— Авторъ этой замѣтки, приготовляющій къ изданію новую карту латинскихъ фьефовъ въ западной Палестинѣ, даетъ имена и по мѣрѣ возможности опредѣляетъ географическое положеніе нѣкоторыхъ до сихъ поръ еще не опредѣленныхъ точно мѣстностей.

W. R. Lethaby. *The Temple, the Church of the Ascension and the Finding of the Cross.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement, 1897, p. 75—77.—Нѣсколько замѣтокъ по топографіи ветхозавѣтнаго храма у горы Морія, храма Вознесенія и нѣсколько словъ объ извѣстномъ обрѣтеніи Животворящаго Креста.

Gray Hill. Esq. *A Journey to Petra 1896.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. 1897, p. 35—44 и 134—144.—Описаніе путешествія изъ Іерусалима въ Петру, гдѣ даются немногочисленныя свѣдѣнія объ остаткахъ византійскихъ церквей и построекъ, которыя встрѣчались автору на пути. Его фотографіи не удались.

Ch. Clermont-Ganneau. *The Mâdeba Mosaic.* Напечатано въ Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement. July, 1897, p. 213—225.—Это переводъ на англійскій языкъ французской работы парижскаго профессора Clermont-Ganneau объ извѣстной географической мозаикѣ, найденной въ Мадебѣ. Эта работа была помѣщена въ его «Recueil d'Archéologie Orientale». T. II p. 161 sq. 1897.

Gould, F. J. *A concise history of religion.* Vol. III. Christian origins. London. 1897. 292 стр. 8°.

Nevell, W. W. *The legend of Holy Grail.* Напечатано въ Journal of American Folk-Lore. X, p. 117—134.— Въ этой статьѣ легенда о св. Граалѣ сопровождается сравнительными указаніями на извѣстный романъ о Варлаамѣ и Іосафатѣ.

Camplell, H. E. S. M. *Holy Land memories.* London, Marshall Bros., 1897, 8°.

Thos. Hodgkin. *The chronology of Theophanes in the eighth century.* Напечатано въ The English Historical Review, 13 (1898), p. 283—289.—Авторъ извѣстнаго сочиненія «Italy and her invaders» на основаніи хроники Өеофана и нѣкоторыхъ приписокъ въ письмахъ папъ того времени говоритъ о хронологіи событій за 740—743 годы; отмѣтимъ, что онъ относитъ смерть императора Льва III Исаврянина къ 740 году вмѣсто обычнаго 741 и провозглашеніе Артавазда къ іюлю 741 года. — См. Byzantinische Zeitschrift, B. VII, 3 und 4 Heft, 1898, S. 621.

Ernst von Dobschütz. *A hitherto unpublished prologue to the acts of the apostles* (probably by Theodore of Mopsuestia). Напечатано въ The American Journal of Theology, 2 (1898), p. 353—387.—Авторъ на основаніи одной неаполитанской рукописи (II Aa 7, XII в.), на значеніе которой для вопроса о Евѳаліѣ (Euthalios) было уже указано Эрхардомъ (*Ehrhard*), издалъ находящійся за прологомъ къ Евѳалію прологъ къ исторіи апостоловъ и считаетъ вѣроятнымъ, что авторомъ его былъ Өеодоръ Мопсуестскій. *Blass* и *Koetschau* приложили свои поправки къ тексту. — См. Byz. Zeitschr. B. VII, H. 3—4, 1898, S. 632.

Fred. C. Conybeare, M. A. *The Key of Truth.* A manuel of the Paulician church of Armenia. The Armenian text edited and translated with illustrative documents and introduction. Oxford, Clarendon Press, 1898. CXCVI+201 стр. 8°. Цѣна 15 шиллинговъ.

James Ward. *Historic ornament.* Treatise on decorative art and architectural ornament. Treats of prehistoric art; ancient art and architecture; eastern, early christian, *byzantine*, saracenic, romanesque, gothic, and renaissance architecture and ornament. Съ 436 иллюстраціями. London, Chapman and Hall, 1897, XX + 409 стр. 8°.

James Ward. *Historic ornament.* Treatise on decorative art and architectural ornament. Pottery; enamels; ivories; metal-work; furniture; textile fabrics; mosaics; glass; and book decoration. Съ 317 иллюстраціями въ текстѣ, London, Shapman and Hall, 1897, XVI + 411 стр. — Эта книга, представляя изъ себя продолженіе только что отмѣченнаго труда того же автора, сообщаетъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія о византійской мебели (furniture; см. p. 249—250) и о мозаикахъ св. Софіи (p. 252—254).

The Ecclesiastical History of Eusebius in Syriac, *edited from the manuscripts by the late William Wright, LL. D. and Norman M^c. Lean, M. A., with a collation of the ancient. armenian version by Dr. Adalbert Merx.* Cambridge, at the University press, 1898. XVIII+418 стр. Цѣна 25 шилл.—

[illegible] оріенталистъ [illegible] Wright [illegible] сирійскій переводъ Церковной Исторіи Евсевія, [illegible] одной петербургской рукописи и другой, принадлежащей Британскому Музею; еще въ 18[illegible] году онъ для этой цѣли списалъ первую рукопись [illegible] и сличилъ ее съ второю. Но изданіе при жизни Райта не состоялось, только въ 189[illegible] оно было поручено Norman M'Lean, который [illegible] сирійскаго текста [illegible] въ [illegible] также армянскій переводъ Евсевія, въ чемъ издателю помогалъ профессоръ Гейдельбергскаго университета Ад. Мерксъ. Надо замѣтить, что въ сирійскій текстъ, который [illegible] прошелъ черезъ руки нѣсколькихъ переписчиковъ, вкрались нѣкоторыя ошибки сравнительно съ греческимъ оригиналомъ. Настоящее [illegible] заключаетъ въ себѣ сирійскій текстъ съ приложенными [illegible]. Когда уже были [illegible] этотъ текстъ, [illegible] тотъ же сирійскій переводъ въ Парижѣ P. Bedjan. — Рецензію [illegible] (Kyser) [illegible] въ Theologische Literaturzeitung 189[illegible] № [illegible] S. 29[illegible]—30[illegible]; см. также E. Nestle въ Theolog. Literaturblatt 189[illegible] № [illegible] S. 26[illegible]—2[illegible]. См. объ изданіи P. Bedjan въ отдѣлѣ библіографіи. [illegible]

J. C. [illegible]. Chronology and calendars. London, 18[illegible]. [illegible] стр. 8°. — Считаемъ возможнымъ упомянуть объ этой книжкѣ, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь и объ установленномъ Константиномъ Великимъ счетѣ по индиктіонамъ (с. [illegible]—[illegible]).

J. Ewing Ritchie. Christopher Crayon. The cities of the Dawn: Nantes—Athens—Pompeii—Constantinople—Smyrna—Jaffa—Jerusalem—Alexandria—Cairo—Marseilles—Avignon—Lyon—Dijon. London, 18[illegible]. [illegible] стр. 8°. — Безъ претензіи на ученое значеніе эта книжка даетъ рядъ описаній и путевыхъ впечатлѣній, при чемъ иногда сообщаетъ тѣ или другія историческія свѣдѣнія. Книжка полна раздраженія противъ Франціи и Россіи (см. напр. р. [illegible]—[illegible]).

Clive Bigham. A ride through Western Asia. With illustrations. Second edition. London, 18[illegible]. 2[illegible] стр. 8°. — Книга Бигама представляетъ изъ себя рядъ интересныхъ путевыхъ очерковъ по Малой Азіи, Персіи, Месопотаміи и Центральной Азіи. Въ виду сравнительно малаго числа путешественниковъ въ этихъ мѣстахъ, сообщаемыя въ книгѣ данныя по географіи этихъ странъ безусловно полезны. Очень интересны впечатлѣнія автора отъ русскихъ владѣній въ Азіи — Туркестана, Закаспійской области, Ферганы. Текстъ книги сопровождается цѣлымъ рядомъ прекрасно выполненныхъ рисунковъ.

H. F. Tozer. A History of ancient Geography. By H. F. T[illegible], M. A., F. [illegible] With maps. Cambridge at the University Press, 1898. 8°. [illegible] стр. — Цѣль этой, безусловно въ высшей степени полезной и ясно написанной книги дать очеркъ непрерывнаго прогресса географическихъ знаній, начиная отъ гомеровскихъ временъ и кончая началомъ среднихъ вѣковъ, въ видахъ дать хорошее руководство студентамъ (см. Preface, p. V). Для насъ представляетъ интересъ послѣдняя глава книги, гдѣ посвя[illegible]

разбора сочиненій Птолемея авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о трудахъ Стефана Византійскаго, Солина и Орозія и выясняетъ на основаніи новыхъ изслѣдованій ихъ значеніе.

J. B. Crozier. *History of Intellectual Development: on the lines of modern evolution.* Vol. I. Greek and Hindoo Thoughts; Graeco-Roman Paganism; Judaism; and Christianity down to the closing of the schools of Athens by Justinian. Longmans, Green and Co., London, New-York and Bombay, 1897, 8°. 538 стр. — Задавшись цѣлью, въ этомъ и слѣдующихъ томахъ прослѣдить общіе принципы, по которымъ происходила эволюція одного изъ крупныхъ факторовъ въ цивилизаціи, именно интеллектуальнаго развитія, авторъ включаетъ подъ понятіе послѣдняго религію, науку (science) и философію. Для насъ интересна послѣдняя часть книги, которая посвящена первоначальному христіанству, апостольскому христіанству, гностицизму, Новозавѣтному канону, языческимъ преслѣдованіямъ христіанства, апологетамъ, Иринею, Тертулліану, Оригену, спорамъ о св. Троицѣ и первымъ четыремъ Вселенскимъ Соборамъ. Этотъ томъ оканчивается очеркомъ развитія неоплатонизма и закрытіемъ аѳинскихъ школъ Юстиніаномъ Великимъ въ 529 году. Слѣдующій томъ этого интереснаго сочиненія будетъ посвященъ Магометанизму, Средневѣковому Католицизму и т. д.

W. Metcalfe. *Modern Greek Folk-Lore.* Напечатано въ The Scottish Review, April, 1897 (vol. XXIX), p. 276—295. — Эта статья представляетъ изъ себя разборъ книги Lucy M. J. Garnett. New Folklore Researches. Greek Folk-Poesy: annotated Translations from the whole Cycle of Romaic Folk-Verse and Folk-Prose. Two volumes. London, 1896.

C. R. Conder. *Greek Art in Asia.* Напечатано въ The Scottish Review, October, 1897 (vol. XXX), p. 340—361. — Статья Кондера составлена на основаніи трехъ книгъ: 1) Sassanian Architecture. By *R. Phene' Spiers.* Transactions of Royal Institute of British Architects. 1891. 2) The Great Mosque of the Omeiyades, Damascus. By *R. Phene' Spiers.* Transactions of Royal Institute of British Architects. 1896. 3) The Holy Places of Jerusalem. By *T. Hayter Lewis.* London, 1888. Авторъ статьи говоритъ о византійскомъ искусствѣ.

J. B. Bury. *The History of the Roumanians.* Напечатано въ The Scottish Review, January, 1897 (Vol. XXIX), p. 30—55. — Bury излагаетъ въ этой статьѣ книгу Histoire des Roumains de la Dacie Trajane depuis les origines jusqu'à l'union des principautés en 1859. Par *A. D. Xenopol.* Avec une préface par *A. Rambaud.* 2 тома Paris, Leroux. 1896. См. замѣтку объ этой книгѣ въ Византійскомъ Временникѣ. Т. IV (1897), стр. 720.

Elizabeth S. Lidgett. *An Ancient People. A short sketch of Armenian History.* London, 1897, 64 стр. — На основаніи извѣстныхъ общихъ сочиненій Масперо, Финлея, Гиббона, Мильмана и другихъ, составительница этой небольшой книжки даетъ очень краткій очеркъ исторіи армянъ съ древняго времени по настоящіе дни армянскихъ избіеній тур-

ками. Въ очеркѣ имѣются главы, разсказывающія объ отношеніяхъ Арменіи къ Византіи и ея церкви, о времени арабскаго господства и періодѣ крестовыхъ походовъ.

Wm. F. Peirce and Louise Fagan Peirce. *The Armenian church.* Напечатано въ американскомъ журналѣ The New World, vol. VI, March 1897 (Boston), p. 50—[illegible].— Въ этой популярной статьѣ дается довольно ясный очеркъ исторіи церковныхъ отношеній Арменіи къ греческой церкви съ времени введенія тамъ христіанства и сообщаются свѣдѣнія о современномъ устройствѣ армянской церкви, а также о правахъ и объ отношеніяхъ армянскаго католикоса къ русскому императору.

Изъ рецензій укажемъ:

A. N. Jannaris. *An historical Greek grammar.* London. 1897 (см. Византійскій Временникъ. Т. V, вып. 1 и 2, 1898, с. 330—334). Рецензія *A. Thumb* въ Lit. Centralblatt. 1898, № 11.

W. Hutton. *The Church of the Sixth Century. Six Chapters of Ecclesiastical History.* London. Longmans, 1897. XX + 314 стр. 12°.— Рецензія *A. Zimmermann*, въ Zeitschrift für katholische Theologie. 22 (1898) S. 300 sq.

J. Bury. *Early Christian Miniatures.* Напечатано въ The Scottish Review. July, 1897 (vol. XXX), p. 95—117.— Статья извѣстнаго византиниста Bury излагаетъ главнѣйшіе результаты пяти работъ по византійскому искусству: 1) Byzantinische Denkmäler. I. Das Etschmiadzin-Evangeliar. *J. Strzygowski*. 1891. II. Die byzantinischen Wasserbehälter von Constantinopel. *P. Forchheimer* и *J. Strzygowski*. 1893. 2) Die byzantinische Kunst. *J. Strzygowski* въ Byzantinische Zeitschrift. vol. I, S. 61—73, 1892. 3) Histoire de l'Art byzantin. *N. Kondakoff*. Translated by *M. Trawinski*. 1886. 4) Die Wiener Genesis. *W. von Hartel* и *F. Wickhoff*. 1895. 5) Geschichte der christlichen Kunst. *F. X. Kraus*. Vol. I. 1896.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ

Μανουὴλ Γεδεών. Γνώσεις ἐκ τοῦ Τυπικοῦ τῶν μονῶν τοῦ Γαλησίου ὄρους (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1898. № 6. σελ. 27—31. № 9 σελ. 61—67).— Сообщаемыя въ указанной статьѣ свѣдѣнія изъ исторіи монашества на горѣ Галисійской заимствованы г. Гедеономъ изъ двухъ рукописей библіотеки Лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ. Одна изъ этихъ рукописей хранится здѣсь подъ № 127. I и относится къ XIV вѣку. На листахъ 65 r.—80 v. этой рукописи находится слѣдующая статья: «Ἀκολουθία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Λαζάρου τοῦ ἐν τῷ Γαλησίῳ ὄρει ἀσκήσαντος εἰς τὸν μικρὸν ἑσπερινὸν στιχηρὰ ἦχος Α'. Τῶν οὐρανίων τα-

μάτων». Листы 81 r.—293 v. той же рукописи заняты статьей «Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἄσκησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Λαζάρου τοῦ ἐν τῷ Γαλησίῳ»; житіе начинается словами: «Ὁ πλάσας κατὰ μόνας τὰς καρδίας ἡμῶν...», дѣлится на пять главъ и содержитъ краткія житія и другихъ подвижниковъ, находившихся при жизни въ общеніи съ основателемъ монашества на Галисійской горѣ, св. Лазаремъ. На листахъ 296 r.—341 v. той же рукописи помѣщено другое житіе св. Лазаря, озаглавленное такъ: «Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Λαζάρου τοῦ ἐν τῷ Γαλησίῳ ὄρει ἀσκήσαντος· συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ Γρηγορίου». Эта статья написана позднѣйшею рукою, вѣроятно въ началѣ XVIII столѣтія. На листѣ 294 содержится приписка отъ XV вѣка, касающаяся судьбы рукописи. Приписка сообщаетъ, что рукопись написана въ Константинополѣ, въ монастырѣ въ честь Воскресенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,— послѣ завоеванія Византіи турками была въ ихъ рукахъ, потомъ въ рукахъ нѣкоего мνровара (μυρεψός) и, наконецъ, поступила въ пользу Лавры св. Аѳанасія. Изъ находящихся въ рукописи двухъ житій св. Лазаря — пространнаго и краткаго — г. Гедеонъ и даетъ въ своей статьѣ нѣкоторыя извлеченія касательно жизни и дѣятельности основателя галисійскаго монашества и судьбы этого послѣдняго. Предварительно онъ указываетъ на весьма немногій, имѣющійся въ печати, матеріалъ относительно галисійскаго монашества, встрѣчающійся у Пахимера, Ефремія, въ Νέον Ἐκλόγιον'ѣ, а также въ трудахъ архимандрита Андроника Димитракопула («Ἱστορία τοῦ σχίσματος» и «Ὀρθόδοξος Ἑλλάς»), Joseph'a Van Den Gheyn'a, издавшаго житіе Лазаря, Мелетія Аѳинскаго и самого Гедеона; изъ русскихъ авторовъ г. Гедеонъ называетъ только Х. М. Лопарева, который въ своемъ «Описаніи нѣкоторыхъ греческихъ житій святыхъ», напечатанномъ въ «Византійскомъ Временникѣ» (т. IV, вып. 3 и 4), помѣстилъ и житіе св. Лазаря Галисійскаго (стр. 364—378). Г. Лопаревъ для своей статьи о св. Лазарѣ пользовался тою же рукописью библіотеки аѳонской Лавры св. Аѳанасія, которая была въ распоряженіи и г. Гедеона, и оба автора въ своихъ извлеченіяхъ о галисійскомъ подвижникѣ взаимно дополняютъ другъ друга. Въ частности, въ статьѣ г. Гедеона содержатся слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія. Въ ней ведется болѣе обстоятельная рѣчь о воспитаніи и обученіи св. Лазаря въ дѣтствѣ, при чемъ авторъ кратко говоритъ и вообще о воспитаніи у византійцевъ; затѣмъ — излагается завѣщаніе (διατύπωσις) св. Лазаря, извлеченное изъ сокращеннаго его житія (л. 282—285), описываются нѣкоторыя обычаи галисійскаго монастыря, указывается взглядъ св. Лазаря на почитаніе и прославленіе Богородицы въ священныхъ пѣсняхъ, описываются нѣкоторыя новыя чудеса св. Лазаря и пр.

Вторая рукопись, описываемая г. Гедеономъ, содержитъ уставъ галисійскихъ монастырей. Она хранится въ библіотекѣ Лавры св. Аѳанасія подъ № Λ 99, написана на пергаменѣ, относится къ срединѣ XIII сто-

лѣтія и состоитъ изъ 198 листовъ прекраснаго письма. О происхожденіи ея свидѣтельствуетъ слѣдующее замѣчаніе, находящееся въ уставѣ подъ 7 числомъ ноября мѣсяца: «Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ, [illegible] καὶ [illegible] Ἀ[illegible] τοῦ [illegible] ἐν τῇ Γαλησίῳ ὄρει [illegible] καὶ [illegible] τούτῳ [illegible] μετ[illegible] μονῆς [illegible] Θεοῦ ἡμῶν [illegible] ἐν [illegible] καὶ [illegible] γεγραμμένα. [illegible]». Въ уставѣ имѣются данныя и объ источникахъ, на основаніи коихъ составленъ уставъ галисійскихъ монастырей. На листѣ 195 r. рукописи настоятелю монастыря внушается, [illegible] μη τῶν τοῦ [illegible] μ[illegible] μετὰ [illegible] ἀλλὰ [illegible] ἀκολουθίαις [illegible] καὶ [illegible] καὶ [illegible] τῶν [illegible] ἡμῶν [illegible] ἡμῖν καὶ ἐν [illegible] καὶ [illegible] Εὐθυμίου τοῦ μεγάλου, Σάβα τοῦ [illegible] Θεοδοσίου τοῦ κοινοβιάρχου, Γερασίμου τοῦ ἐν τῷ Ἰορδάνῃ καὶ [illegible] τοῦ ἀναχωρητοῦ. Καὶ [illegible] καὶ ὁ μέγας ἐν [illegible] Σωφρόνιος [illegible] τῆς [illegible] ὡς [illegible] Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς ὡς [illegible] τοῖς [illegible] μέχρι καὶ νῦν [illegible]. Второе сообщеніе объ источникахъ галисійскаго устава содержится на листѣ 107 v. рукописи. Здѣсь рѣчь идетъ о богослуженіи въ праздникъ Благовѣщенія, при чемъ составитель устава пишетъ, что въ установленіи особенностей богослуженія въ этотъ день онъ руководился не личными соображеніями, но — τῷ Τυπικῷ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας ἀκολουθήσαντες καὶ [illegible] Συναξαρίοις ἐντυχόντες, τῆς τε [illegible] μονῆς τῶν Στουδίου καὶ τῆς [illegible], οἱ [illegible] δὲ ἄλλα καὶ τῆς Ἱεροσολύμων [illegible]; а въ заключеніи онъ пишетъ о семъ предметѣ (л. 108 r.): «Εἰ [illegible] οἱ κανόνες ἄλλως [illegible], ἀλλ᾽ οὖν [illegible] ἐν τῷ Συναξαρίῳ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας εἰς τοὺς [illegible] οἴκους τῆς Θεοτόκου [illegible] καὶ [illegible] λειτουργίαν». Уставъ галисійскій раздѣляется на четыре части. Первая часть (л. 1—10) описываетъ порядокъ совершенія [illegible] нѣкоторыхъ церковныхъ службъ (малаго и большого повечерія и всенощнаго бдѣнія на цѣлый годъ) іерусалимской лавры св. Саввы, которыя употреблялись и въ остальныхъ іерусалимскихъ монастыряхъ. Вторая часть (л. 10—23) составляетъ краткое изложеніе церковнаго устава ([illegible]) святыхъ іерусалимскихъ монастырей. Въ третей части (л. 23—136) находится синаксарь на весь годъ, отъ сентября до конца августа. Наконецъ, въ четвертой (л. 136—198) помѣщенъ синаксарь Великой Четыредесятницы, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая недѣлею всѣхъ святыхъ. Далѣе г. Гедеонъ даетъ въ статьѣ нѣкоторыя любопытныя извлеченія изъ галисійскаго устава, характеризующія его въ сравненіи съ другими аналогичными византійскими памятниками. Такъ, онъ отмѣчаетъ иную редакцію нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній (на 27 декабря, 6 января, 21 мая, 27 октября) сравнительно съ ихъ редакціей въ употребляемыхъ нынѣ греческихъ минеяхъ,—указываетъ на одну особенность приготовленія

св. Креста для народнаго поклоненія въ день 14 сентября (выносъ Его изъ скевофилакіи въ храмѣ и положеніе на св. престолѣ) и на новыя празднованія памяти святыхъ,—сообщаетъ нѣкоторыя подробности изъ церковно-богослужебнаго быта галисійскихъ монаховъ. Именно: 1) съ 13-го мая въ монастырѣ начиналось чтеніе житія св. Пахомія и продолжалось до 15 мая—дня памяти сего подвижника; 2) съ недѣли всѣхъ святыхъ приступали къ чтенію семи соборныхъ посланій свв. Апостоловъ и четырнадцати посланій Апостола Павла съ Апокалипсисомъ Іоанна Богослова, которое и продолжалось до дня св. Пасхи; въ теченіе Пятидесятницы читали Дѣянія свв. Апостоловъ, а потомъ начинали читать и толкованіе св. Іоанна Златоуста на Евангеліе Матѳея (съ 13-го слова I-й книги); 3) съ 1-го сентября предписывалось читать переложенія Логоѳета (μεταφράσεις τοῦ Λογοθέτου) и Маргаритъ Златоуста, или толкованія посланій св. апостола Павла; 4) 6-го августа происходило освященіе винограда и другихъ плодовъ, согласно преданію святыхъ отцевъ,—послѣ чего только и разрѣшалось монахамъ вкушать эти плоды. Кромѣ того, въ уставѣ имѣются указанія о времени совершенія заупокойныхъ богослуженій объ иконахъ, если они умирали на первой недѣлѣ Великаго Поста,—содержится обстоятельное описаніе порядка и способа кажденія ѳиміама въ храмѣ, отмѣчаются особенности богослуженія 14-го сентября и 25-го марта и указывается общее число всенощныхъ бдѣній въ теченіе года (68), кромѣ необязательныхъ, устраиваемыхъ по желанію игумена. Наконецъ, г. Гедеонъ отмѣчаетъ одну характерную особенность галисійскаго устава, свидѣтельствующую о вліяніи на него типика константинопольской церкви. 14-го сентября, въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, воспоминается и кончина св. Іоанна Златоуста, но службы св. отцу, по уставу константинопольской церкви, въ этотъ день не полагается, такъ какъ она перенесена на 13-е ноября; и уставъ Іерусалимскій въ данномъ случаѣ тождественъ съ уставомъ константинопольскимъ; галисійскій же уставъ, допуская практику обоихъ сихъ уставовъ, однако предоставляетъ личному желанію настоятеля монастыря совершать службу въ честь св. Іоанна Златоуста и 14-го сентября, вмѣстѣ со службой св. Кресту.

Μανουὴλ Γεδεών, Τὸ τυπικὸν τῆς μονῆς τῆς Θεοτόκου Κοσμοσωτείρας (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1898, № 13, стр. 112—115, № 17, стр. 144—148, № 23, стр. 188—191). Опубликованный здѣсь уставъ монастыря Богородицы Спасительницы міра (τῆς Κοσμοσωτείρας) заимствованъ г. Гедеономъ изъ рукописи середины XII вѣка, принадлежащей бѣдной библіотекѣ одного монастыря. Г. Гедеонъ пока не называетъ по имени этотъ монастырь, обѣщая сдѣлать это впослѣдствіи, такъ какъ въ его библіотекѣ онъ надѣется найти и другіе интересные памятники византійской литературы. Упомянутая рукопись дѣлится на двѣ части, одна изъ коихъ носитъ надписаніе — «Περὶ τοῦ λαμπρῶς τὴν Κοίμησιν ἑορτάζειν», а другая — «Περὶ τῆς ἐλευθερίας τῆς σεβασμίας μονῆς». Рукопись по содержанію

представляетъ одно цѣлое, и г. Гедеонъ, для удобства читателей, раздѣлилъ ее на 54 главы. Помѣщенный здѣсь уставъ монастыря Богородицы τῆς Κοσμοσωτείρας озаглавливается (вмѣстѣ и начинается) такъ: «Τυπικὸν ἐμοῦ τοῦ Ἰσαακίου καὶ υἱοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, ἐπὶ τῷ καινισθέντι παρ' ἡμῶν νεοσυστάτῳ μοναστηρίῳ, κατὰ τὴν πεντεκαιδεκάτην ἰνδικτιῶνα τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ ἑξακοσιοστοῦ ἑξηκοστοῦ ἔτους, ἐν ᾧ καὶ καθίδρυται τὸ τῆς Κοσμοσωτείρας μου καὶ Θεομήτορος καὶ ἐν πολλοῖς εὐεργέτιδος διὰ μουσείου εἰκόνισμα» κτλ. Такимъ образомъ, уставъ данъ въ 6660=1152 году Исаакомъ, сыномъ Алексѣя Комнина, вновь построенному имъ монастырю Богородицы — Спасительницы міра. Этотъ монастырь воздвигнутъ, какъ сообщаетъ далѣе уставъ, въ уединенномъ мѣстечкѣ Βηρῶν, полномъ змѣй и скорпіоновъ (τόπος ὄφεων καὶ σκορπίων κατάμεστος). На основаніи данныхъ устава, г. Гедеонъ опредѣляетъ, что это мѣстечко находится въ устьяхъ рѣки Евроса (τοῦ Ἕβρου), то-есть въ предѣлахъ церковной области Эноса (τοῦ Αἴνου), и нынѣ называется Βουλιαγμένη. Близъ стѣнъ монастыря Исаакъ Комнинъ построилъ для потребностей поселившихся около обители мірянъ цистерну, изъ коей они пользовались водою, а также храмъ во имя св. Прокопія и больницу. Въ больницѣ было 36 кроватей, при 8 служителяхъ. При ней состоялъ постоянный врачъ, который обязанъ былъ старательно лечить поступающихъ въ больницу монаховъ и мірянъ. Уставъ (гл. 25) даетъ игумену монастыря многія руководственныя указанія относительно ухода за больными и леченія ихъ и вмѣняетъ ему въ обязанность прилагать къ этому дѣлу возможно больше вниманія. При монастырѣ были построены также мельница и двѣ бани, одна внутри монастырскихъ стѣнъ, для ктитора, а другая — внѣ, для монаховъ и окрестныхъ жителей—мірянъ; о пользованіи банями въ уставѣ (гл. 37 и 51) также содержатся подробныя распоряженія. На одной изъ башенъ монастыря ктиторъ распорядился повѣсить два колокола. Для монастыря ктиторомъ была учреждена и библіотека, каталогъ коей сохранился въ анализируемой рукописи. Особеннаго въ этомъ нѣтъ ничего, такъ какъ византійскіе монастыри обычно снабжались со стороны своихъ ктиторовъ и книгами, но уставъ монастыря τῆς Κοσμοσωτείρας сохранилъ имя одного доселѣ неизвѣстнаго византійскаго автора: составитель устава, Исаакъ Комнинъ, пишетъ здѣсь (гл. 44) о себѣ, что и онъ составилъ книгу, содержащую въ себѣ героическіе, ямбическіе и политическіе стихи, письма и разсказы (συνέταξε βίβλον περιέχουσαν ἡρωϊκούς, ἰαμβικοὺς καὶ πολιτικοὺς στίχους, ἐπιστολάς τε καὶ ἐκφράσεις). Монастырь имѣлъ и школу, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ устава (гл. 16): «νέοι τῆς μονῆς ἐντὸς ἔλαττον τῶν εἰκοσιτεσσάρων ἐτῶν μὴ ἀναστρεφέσθωσαν... προφάσει ὑπηρεσίας, ἢ διδασκαλίας, ἢ ἐπιστήμης τινός, ἢ τέχνης λογικῆς τε καὶ πρακτικῆς, ἢ ἀναγωγῆς καὶ παιδεύσεως». Въ уставѣ имѣется указаніе (гл. 34) и на монастырь τῆς Χώρας въ Константинополѣ, гдѣ находились гробницы родителей ктитора; и гробница Исаака Комнина сначала была устроена въэ томъ монастырѣ,

а затѣмъ была перенесена въ учрежденный имъ монастырь τῆς Κοσμοσωτείρας, гдѣ находилась на лѣвой сторонѣ нарөикса монастырскаго храма, посвященнаго въ честь Успенія Богоматери; въ храмѣ монастыря, надъ гробницей ктитора, находились чудотворная икона Богородицы—Спасительницы міра, отъ Бога посланная ему изъ Редесто («ἀπὸ Ῥαιδεστοῦ Θεόθεν αὐτῷ καταπεμπφθεῖσα»), и равная ей по величинѣ икона Христа Спасителя. Въ уставѣ перечисляются и метохи, данные монастырю ктиторомъ Исаакомъ Комниномъ, напримѣръ: Δραγάβαστα, Βράνιστα, Τζεχοβᾶ, Δελβοτζιάνοι, Ῥαυνιάνοι, Τζερνίκο, Σωτὴρ τῶν Βλάχων и др.; кромѣ того, ктиторъ монастыря подарилъ ему десять судовъ и далъ право на рыбную ловлю въ рѣкахъ τῆς Σαμίας и τῆς Μαρίτζης или τοῦ Ἕβρου. Монастырскія имущества неотчуждаемы; игуменъ монастыря долженъ предпринять и всевозможныя мѣры противъ пожара; если монастырскія зданія погибали отъ поджога, то жители того села, къ которому принадлежалъ неизвѣстный поджигатель, обязаны были выстроить для монастыря новыя постройки на общественный счетъ; если же виновный былъ извѣстенъ, то онъ, помимо наказанія по закону, подвергался лишенію всего имущества въ пользу монастыря, если у него не было семьи, или же только половины его, если у него были дѣти. Должностныя лица монастыря обязаны были вести точную запись всѣхъ доходовъ и расходовъ и добросовѣстно завѣдывать всѣми отраслями монастырскаго хозяйства. Въ часности, врачъ монастыря долженъ былъ постоянно жить въ его зданіи, внимательно слѣдить за больными и стариками, помѣщающимися въ богадѣльнѣ (ἐν τῷ γηροκομείῳ) и, при участіи игумена, пріобрѣтать различныя медицинскія средства, въ родѣ миндаля, сахара и прочее («πρός καὶ ἀμυγδάλων καὶ σάκχαρος καὶ ἑτέρων τῶν συντελούντων τοῖς κάμνουσι»); врачъ избирался изъ лицъ опытныхъ и свѣдущихъ во врачебномъ искусствѣ и получалъ отъ монастыря опредѣленное жалованье. Умершіе монахи погребались на особомъ кладбищѣ, внѣ монастыря; въ стѣнахъ же монастыря, по распоряженію ктитора, должно было похоронить только его и четырехъ изъ его сановниковъ; впрочемъ, и лица, оказавшія монастырю большую матеріальную помощь и подарившія ему свои владѣнія, пріобрѣтали право на погребеніе въ его стѣнахъ.

Въ уставѣ находятся данныя и относительно жизни монаховъ и управленія монастыремъ. Общее число монаховъ уставомъ опредѣлялось до 50 съ 24 слугами; впрочемъ, это число могло быть и увеличено, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы монахи были люди благочестивые и добродѣтельные; уставъ неоднократно замѣчаетъ, что въ жизни монаховъ важнѣе всего искренняя религіозность и нравственность, и если бы въ монастырѣ оказался и неполный штатъ монаховъ, но украшенныхъ богоугодною жизнью, то это было бы гораздо лучше, чѣмъ многочисленное братство иноковъ безпорядочныхъ и не искренныхъ. Монастырь управлялся игуменомъ при участіи цѣлаго штата должностныхъ лицъ, въ составъ котораго входили: ὁ οἰκονόμος, ὁ σκευοφύλαξ, ὁ ταμίας, ο ἱμα-

τιοφύλαξ, ὁ τραπεζάριος, ὁ κελλαρίτης, οἱ ἀρτοποιοί, οἱ ὀψοποιοί, οἱ ἐπιμεληταὶ τῶν ἡμιόνων, οἱ μετοχιάριοι, οἱ τῶν κτημάτων τῆς μονῆς ἐπιμελούμενοι. Уставъ подробно говоритъ объ избраніи игумена, коего утверждалъ митрополитъ Траянополя, его обязанностяхъ, объ избраніи и служеніи другихъ должностныхъ лицъ. Онъ запрещаетъ входъ въ монастырь женщинамъ и повелѣваетъ кормить приходящихъ къ воротамъ монастыря нищихъ. Въ уставѣ содержатся подробныя указанія и относительно совершенія поминовенія ктитора и разныхъ праздничныхъ богослуженій, особенно въ день Успенія Богоматери. Далѣе, споры, возникавшіе между монахами, разрѣшались игуменомъ; разногласія между игуменомъ и монахами доводились до свѣдѣнія митрополита траянопольскаго, который и разсматривалъ ихъ, и въ случаяхъ затруднительныхъ обращался къ константинопольскому патріарху, который судилъ о дѣлѣ по докладу митрополита и не имѣлъ права посылать въ монастырь экзарха для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, такъ какъ монастырь получилъ отъ ктитора право свободы. Уставъ содержитъ предписанія и о пищѣ монаховъ. Наконецъ, Исаакъ предписалъ, чтобы его уставъ читался въ монастырѣ въ началѣ каждаго мѣсяца для всеобщаго свѣдѣнія, добавивъ, что при составленіи его онъ въ качествѣ образца имѣлъ типикъ константинопольскаго монастыря τῆς Εὐεργέτιδος [1]).

Въ уставѣ монастыря Богородицы τῆς Κοσμοσωτείρας содержатся любопытныя данныя и иного характера. Выше уже отмѣчено было упоминаніе о монастырѣ τῆς Χώρας, гдѣ находились гробницы родителей ктитора Исаака; здѣсь же находились списки (τὰ ἔγγραφα) владѣній, принадлежащихъ Исааку. Когда Исаакъ распорядился перенести отсюда свою гробницу въ монастырь τῆς Κοσμοσωτείρας, то игумену послѣдняго онъ приказалъ взять и означенные документы и хранить ихъ въ монастырѣ. Въ уставѣ упоминается и храмъ святого Стефана, именуемый обычно храмомъ Αὐρηλιανοῦ и находившійся, по указанію устава, близъ монастыря Перивлепта (Σουλοὺ-μοναστήρ). Храмъ этотъ былъ въ развалинахъ, но Исаакъ съ благословенія патріарха возстановилъ его, истративъ на это много денегъ, и превратилъ въ монастырь. Присоединивъ его къ обители Богородицы—Спасительницы міра, онъ сдѣлалъ его метохомъ этого послѣдняго и мѣстомъ пребыванія его монаховъ, когда они пріѣзжали по своимъ дѣламъ въ Константинополь. Здѣсь постоянно жили три монаха изъ братіи монастыря τῆς Κοσμοσωτείρας, игумену коего предписывалось заботится объ ихъ благополучіи и о благосостояніи обители св. Стефана. Свидѣтельство разсматриваемаго устава о мѣстоположеніи монастыря τοῦ Αὐρηλιανοῦ согласно съ мнѣніемъ о семъ нѣкоторыхъ ученыхъ (Скарлата Византія и А. Mordtmann'а).

1) Изданъ проф. А. А. Дмитріевскимъ въ его «Описаніи литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока». Томъ I, часть 1, стр. 256—656. Кіевъ. 1895.

Въ уставѣ имѣются упоминія объ отцѣ и матери ктитора Исаака, а также о нѣкоторыхъ его сподвижникахъ. Такъ, есть замѣчаніе, что отецъ Исаака Комнина скончался 15 августа, а мать 19 февраля и что оба они, по упованію сына, были приняты въ небесныя обители... Въ устройствѣ монастыря τῆς Κοσμοσωτείρας Исааку много помогалъ Михаилъ грамматикъ, коему за его заслуги ктиторъ велѣлъ построить въ предѣлахъ обители домъ, а въ уставѣ сдѣлалъ распоряженіе и похоронить его въ той же обители; упоминаются также въ уставѣ Левъ Кастамонитъ, сверстникъ Исаака, протовестіарій Константинъ, священникъ, и воспитанникъ Исаака Κωνστίτζης, племянникъ (ἀνεψιός) вестіарія Никиты Романита.

Представивъ въ краткомъ изложеніи уставъ монастыря τῆς Κοσμοσωτείρας, г. Гедеонъ сообщаетъ и немногія свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, встрѣчающіяся у византійскихъ писателей—Никиты Хоніата (стр. 324 и 595 по боннскому изданію) и Кантакузина (т. III, стр. 310). Оказывается, что монастырь τῆς Κοσμοσωτείρας просуществовалъ недолго — около полстолѣтія и въ началѣ XIII вѣка былъ обращенъ въ крѣпость.

Во второй половинѣ разсматриваемой статьи г. Гедеона полностію напечатаны въ оригинальномъ текстѣ нѣкоторыя главы устава обители τῆς Κοσμοσωτείρας, а именно: пятая, шестая и десятая. Въ главѣ пятой дается наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ совершать въ храмѣ и въ трапезѣ поминовеніе ктитора монастыря, Исаака Комнина, въ день монастырскаго храмового праздника—15 августа. Глава шестая говоритъ о свободѣ и независимости монастыря и содержитъ предписанія касательно ежедневнаго будничнаго богослуженія въ монастырѣ. Въ главѣ десятой рѣчь идетъ объ исполненіи монахами постовъ и о богослуженіи въ теченіе ихъ. И дальше г. Гедеонъ намѣренъ печатать буквальныя извлеченія изъ любопытнаго монастырскаго устава. — Статья не окончена.

Ξ. Σιδερίδης, Παροραθέντα ὀνόματα ποιητῶν ἐν ἀκροστιχίδι (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1898, № 33, σελ. 278—279). Въ статьѣ указывается на обыкновеніе византійскихъ поэтовъ писать акростихи какъ въ области церковно-богослужебной поэзіи, такъ и свѣтской. Въ томъ и другомъ случаѣ акростихъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ даетъ возможность узнать имя поэта или того святого, въ честь котораго составлено то или иное церковно-богослужебное пѣснопѣніе. Для примѣра авторъ указываетъ на изданное у Миллера (Manuelis Philae carmina, II, 380) въ числѣ произведеній Мануила Филы стихотвореніе съ акростихомъ, изъ котораго однако видно, что стихотвореніе принадлежитъ константинопольскому патріарху Геннадію Схоларію, на что и указалъ Th. Reinach (Byz. Zeitschr. VI, 151—154. Срав. Виз. Врем., т. IV, в. 1 и 2, стр. 271). Или: извѣстное описаніе храма святыхъ апостоловъ въ Константинополѣ, составленное Константиномъ Родіемъ, также имѣетъ въ первыхъ своихъ строфахъ акростихъ, заключающій имя поэта. Иногда акростихъ имѣлъ

цѣлью по тѣмъ или инымъ основаніямъ скрыть отъ читателей имя поэта, что вполнѣ и достигалось. Такова, напримѣръ, эпиграмма константинопольскаго патріарха Григорія V, составленная въ 1797 году и изданная г. Гедеономъ (Χρονικὰ τοῦ πατριαρχικοῦ οἴκου καὶ τοῦ ναοῦ. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1884, σελ. 111), который однако не съумѣлъ прочитать акростихъ.

Ἀρχιμανδρίτης Ἰάκωβος Βατοπεδινός, Βραχεῖα ἱστορικὴ μελέτη περὶ τῆς ἑορτῆς τῆς Γεννήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1898, № 6, σελ. 23—26).—Въ настоящей статьѣ предложена краткая историческая справка о праздникѣ Рождества Господа нашего Іисуса Христа въ церкви греко-восточной и западной. Авторъ сообщаетъ, что этотъ праздникъ въ первые вѣка христіанства соединился на Востокѣ съ праздникомъ Крещенія и Богоявленія Господня и праздновался 6-го января. Такая практика существовала въ церквахъ Константинопольской, Александрійской, Антіохійской, Іерусалимской и Кипрской до конца IV-го вѣка и даже позднѣе, а въ церкви Армянской наблюдается и доселѣ. Въ Константинополѣ перенесеніе этого праздника на 25-ое декабря произошло въ началѣ V-го вѣка, при императорѣ Θеодосіѣ; въ Александріи первая проповѣдь въ день Рождества Христова 25-го декабря была произнесена въ 432 году, а въ Палестинѣ отдѣленіе этого праздника отъ дня Крещенія состоялась при патріархѣ Ювеналіѣ; въ VI вѣкѣ празднованіе Рождества Христова 25-го декабря сдѣлалось на Востокѣ повсемѣстнымъ. Въ статьѣ указаны и догматическія основанія одновременнаго празднованія въ церкви восточной Рождества и Крещенія Господня.

Ἀ. Κοπάσης, Οἱ ἅγιοι δέκα μάρτυρες οἱ ἐν Κρήτῃ ἐπὶ Ῥωμαίων μαρτυρήσαντες, καὶ αἱ περὶ αὐτῶν σωζόμεναι ἐπὶ τόπου παραδόσεις (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1898, № 23, стр. 180—183.)—Сообщены мѣстныя преданія о десяти мученикахъ, пострадавшихъ на островѣ Критѣ въ царствованіе императора Декія. Имена ихъ слѣдующія: Θεόδουλος, Εὔπορος, Σατορνῖνος, Γελάσιος, Εὐνικιανός, Ζωτικός, Ἀγαθόπους, Βασιλείδης, Εὐάρεστος, Πόμπιος (память—23 декабря). Въ статьѣ сначала приводится разсказъ объ ихъ мученичествѣ на основаніи книги — «Creta Sacra sive de episcopis utriusque ritus graeci et latini in insula Creta, Authore Flaminio Cornelio senatore Veneto (Venetiis. MDCCLV)», а затѣмъ сообщаются преданія, собранныя авторомъ въ селѣ Ἅγιοι Δέκα, въ епархіи Кенурійской. На этомъ именно мѣстѣ, по народному преданію, послѣ жестокихъ мученій были усѣчены мечемъ упомянутые св. мученики. Въ селѣ существуетъ храмъ, построенный въ честь ихъ. Настоящій храмъ—позднѣйшаго происхожденія и воздвигнутъ близъ развалинъ древняго храма, построеннаго въ византійскую эпоху. Въ храмѣ сохраняется священная драгоцѣнность — плита бѣлаго мрамора съ десятью углубленіями различной формы. По преданію, на этой именно плитѣ каждый изъ десяти мучениниковъ былъ усѣченъ мечемъ, склонивъ колѣна, знаки коихъ и сохрани-

лись на этомъ кускѣ мрамора. На мѣстѣ храма, по разсказамъ жителей села, почиваютъ и мощи святыхъ мучениковъ. Ежегодно, 23-го декабря, въ храмѣ бываетъ торжественное богослуженіе, привлекающее многочисленныхъ богомольцевъ изъ сосѣднихъ селъ. Въ честь св. мучениковъ составлена и особая служба, нѣкоторыя пѣснопѣнія коей и приводятся въ разсматриваемой статьѣ.

Ἐλευθέριος Ταπεινός, Σύστημα Ῥωμαϊκοῦ δικαίου τὸ παρὰ ταῖς ἐν Τουρκίᾳ ὀρθοδόξοις ἐκκλησίαις ἰσχύον (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, № 9, σελ. 72—73, № 13, σελ. 108—110, № 28, σελ. 236—237). Подъ такимъ заглавіемъ печатается обширное изслѣдованіе о дѣйствующемъ нынѣ въ православныхъ церквахъ Турціи римскомъ правѣ; пока опубликовано лишь введеніе, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи и источникахъ римскаго права.

Χρῆστος Ῥήγας, Ἡ ἱερὰ μονὴ ἁγίου Νικολάου ἡ Γαλατακή (Ἱερὸς Σύνδεσμος, 1898, № 39, σελ. 45—46, № 34, σελ. 7).—Сообщаются краткія историческія свѣдѣнія объ элладскомъ монастырѣ св. Николая, именуемомъ Γαλατακή и находящемся въ Халкидикійской епархіи, на сѣверномъ склонѣ Кандилійской горы, близъ Евбейскаго залива; основаніе монастыря относится къ византійской эпохѣ. См. «Церковныя Вѣдомости», 1898, № 27, прибавленія, стр. 1030—1031.

Γεώργιος Δέρβος, Λόγος εἰσιτήριος εἰς τὸ μάθημα τῆς χριστιανικῆς γραμματολογίας (Ἱερὸς Σύνδεσμος, 1898, № 40, σελ. 52—53, № 41, σελ. 57—59).—Г. Дервосъ, вновь назначенный профессоръ богословскаго факультета при аѳинскомъ университетѣ, помѣстилъ здѣсь свою вступительную лекцію по исторіи христіанской литературы вообще и патрологіи въ частности. Въ лекціи рѣчь идетъ о значеніи термина «патрологія» и его происхожденіи, о границахъ и періодахъ исторіи христіанской литературы и ея важности въ системѣ образованія. Лекторъ коснулся и возникшаго недавно оживленія въ области византологіи, выразившагося и въ изученіи византійской литературы, и заявилъ о своемъ намѣреніи знакомить слушателей съ этою интересною отраслью греческой письменности.

И. Соколовъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Сергѣй Бѣлокуровъ. О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва 1899. 8°. XVI + 336 + DXXVIII стр.

В. М. Истринъ. Апокрифъ объ Іосифѣ и Асенеѳѣ. Москва 1898. 4°. 64 стр. Изъ II тома Трудовъ Славянской Коммиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Н. Ѳ. Красносельцевъ. Addenda къ изданію [illegible] Anecdota graeco-byzantina» (Москва 1893). Одесса [illegible] 108 стр.

Otto Kern. Bei den Mönchen auf dem Athos. Hamburg [illegible] mals I. F. Richter). 1898. 8°. 27 стр. Sammlung [illegible] wissenschaftlicher Vorträge, herausg. von Rud. Virchow [illegible] Serie. Heft 293. Цѣна 50 пф.

Constantin Litzica. Das Meyersche Satzschlussgesetz in der byzantinischen Prosa mit einem Anhang über Prokop [illegible] München. A. Buchholz. 1898. 8° 52 стр.

Dr. Walter Norden. Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin [illegible]

Heinrich Moritz. Die Zunamen bei den byzantinischen [illegible] und Chronisten. II Theil. Landshut [illegible]

Edwin Hatch. D. D. The influence of Greek ideas and usages [illegible] the Christian church. Edited [illegible] Williams and Norgate [illegible]

[illegible]

ОТДѢЛЪ III.

Аѳинское Филологическое Общество «Парнассъ». Въ нашей даже спеціально-филологической литературѣ мало извѣстно о дѣятельности Аѳинскаго Филологическаго Общества «Παρνασσός». Вообще для русской читающей публики ближе и важнѣе общественные и научные интересы западной Европы, чѣмъ такого незначительнаго и отдаленнаго пункта, какъ Аѳины. Въ числѣ 795 членовъ названнаго Общества, разсѣянныхъ по городамъ Стараго и Новаго Свѣта, встрѣчается не болѣе *двухъ* съ русскими фамиліями: Οὐσπένσκης (разумѣется Ѳ. И. Успенскій, директоръ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ) и Τρόϊτσκε (профессоръ И. Е. Троицкій въ Петербургѣ). Правда, въ Россіи проживаетъ еще 17 лицъ, носящихъ званіе почетныхъ членовъ, или членовъ корреспондентовъ Общества «Παρνασσός» [1]), но всѣ они природные греки, и большинство ихъ, безъ сомнѣнія, не знаетъ даже русскаго языка. Между тѣмъ, въ одномъ Парижѣ насчитывается 15 почетныхъ и 22 члена корреспондента, итого 37 членовъ, изъ которыхъ большинство французы (напр. Φουκάρ, Κλαρετύ, Δεζαρδέν, Βρεάλ, Δεσάρμ, Περρό, Πασσύ, Λεγράνδ, Λαμβέρτ, Σουλιέ, Γιράρδ и многіе другіе); въ одномъ Лондонѣ 25+7, итого 32 члена съ покойнымъ Гладстономъ во главѣ; есть представители «Парнасса» въ маленькихъ городахъ Германіи, Австріи, Италіи, Испаніи, также въ Сербіи, Болгаріи, Румыніи, даже въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Бомбеѣ, Калькуттѣ и *ни одного нѣтъ въ Москвѣ...*

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ обществѣ «Παρνασσός», заимствованныя нами изъ краткаго отчета за 1896—97 годъ, помѣщеннаго во 2 томѣ изданнаго Обществомъ «Ежегодника» — Φιλολογικὸς Σύλλογος Παρνασσός. Ἐπετηρίς. Ἔτος Β'. Ἐν Ἀθήναις. 1898.

---

1) Именно, въ Одессѣ 8+2, въ Петербургѣ 1+2, въ Ростовѣ 1+1, въ Екатеринославѣ и Кіевѣ по 1 члену-корреспонденту, итого вмѣстѣ съ двумя упомянутыми нашими соотечественниками въ Россіи находятся всего 19 членовъ аѳинскаго Общества.

Въ 1896—97 отчетномъ году Общество вступило въ 32-й годъ своего существованія подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Г. Политиса при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: война повергла страну въ страшныя бѣдствія и почти прекратила нормальную дѣятельность всѣхъ подобныхъ учрежденій; многіе члены Общества служили въ войскѣ, или отбывали службу на караулахъ, когда весь столичный гарнизонъ былъ отправленъ въ лагерь, а въ самомъ помѣщеніи Общества устроена была мастерская, гдѣ жены и сестры членовъ занимались изготовленіемъ солдатскихъ одеждъ. Тѣмъ не менѣе, обычныя функціи и научная дѣятельность Общества не прекратились. Въ личномъ составѣ произошли нѣкоторыя перемѣны: поступило новыхъ 55 членовъ, въ томъ числѣ встрѣчаются фамиліи ученыхъ, живущихъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Оксфордѣ и другихъ городахъ; умерло 14 (нѣкоторые убиты на войнѣ), и по отношенію къ нимъ Общество исполнило свой долгъ, пославъ ихъ домашнимъ выраженія своего сожалѣнія и сочувствія и принявъ участіе въ похоронахъ тѣхъ, которые умерли на родинѣ.

Общихъ собраній въ теченіе года было 9. Въ началѣ года утверждена смѣта доходовъ 33.450 и расходовъ въ 32.815 драхмъ. Далѣе опредѣлено поставить въ подвѣдомственной Обществу школѣ бюстъ поэта Спиридона Василіада, оказавшаго услуги Обществу въ дѣлѣ учрежденія школъ для бѣдныхъ дѣтей, и въ томъ же году мраморный бюстъ поэта, исполненный лучшимъ скульпторомъ, былъ переданъ въ экстренномъ собраніи секретарю школы, при чемъ одинъ изъ членовъ въ краснорѣчивой рѣчи представилъ очеркъ жизни и характера поэта. Мы не будемъ распространяться о засѣданіяхъ Правленія Общества, о сношеніяхъ его съ разными учрежденіями и корпораціями, какъ отечественными, такъ и заграничными, и съ частными лицами, напр. съ Вильгельмомъ Ромеромъ, посвятившимъ Обществу 2-й томъ своего сочиненія —«Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie».

Не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, Общество не прекратило научной дѣятельности; въ немъ происходили чтенія и бесѣды (всего 19), между которыми слѣдуетъ упомянуть тѣ, которыя посвящены были народной поэзіи средневѣковой и современной Греціи и изящнымъ искусствамъ; два чтенія предложены были иностранными учеными на французскомъ языкѣ, одно о Греціи и Арменіи, а другое о Критскомъ вопросѣ.

Кромѣ того, сдѣланы были сообщенія и прочитаны рефераты по отдѣльнымъ секціямъ, на которыя распадаются члены Общества; извѣстны отдѣленія: филологическое, археологическое, юридическое, изящныхъ искусствъ и, такъ называемое, физіогностическое; каждое изъ нихъ избираетъ своего Президента, Вице-Президента и Секретаря. Упомянемъ нѣкоторыя изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ археологической секціи подъ предсѣдательствомъ профессора Сп. П. Лампра. Г. Политисъ читалъ: 1) о найденныхъ въ Панаѳенейскомъ Стадіѣ двухголовыхъ Гермахъ и

2) объ укрѣпленіи или земляныхъ валахъ (περὶ τοῦ—ἐρύματος) при храмѣ Олимпійскаго Зевса. Г. Артуръ Мильхгоферъ: О древнемъ подземномъ каналѣ подъ улицей Св. Филиппа. Другіе рефераты были посвящены топографіи Аттики и Македоніи, или описанію вновь найденныхъ статуй. Въ одномъ изъ засѣданій секціи изящныхъ искусствъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ г. Коккидиса, проф. Θ. Поликратисъ сообщилъ о музыкальныхъ знакахъ на древнемъ сосудѣ, находящемся въ Берлинскомъ Музеѣ; другія засѣданія были посвящены Парѳенону, при чемъ сообщено было о новыхъ наблюденіяхъ относительно архитектоники этого памятника, сдѣланныхъ на основаніи болѣе точныхъ изслѣдованій.

Нужно замѣтить, что въ завѣдываніи Общества находится и на его средства содержится школа, въ которой въ отчетномъ году обучалось до 1.300 дѣтей недостаточныхъ родителей, въ возрастѣ отъ 5 до 20 лѣтъ, преимущественно ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ; кромѣ того, пособія отъ Общества получали школы въ Каламахъ и Патрахъ.

Денежныя средства Общества составлялись главнымъ образомъ изъ членскихъ взносовъ и изъ найма принадлежащихъ ему помѣщеній. Въ числѣ экстраординарныхъ доходовъ Общества интересно отмѣтить слѣдующіе: отъ благотворительнаго хора, состоящаго подъ покровительствомъ Е. К. В. Принцессы Софьи, поступило на содержаніе школы бѣдныхъ дѣтей 10.260, отъ Е. В. Короля 500 и Е. К. В. Наслѣдника 300 драхмъ. Значительный даръ (1.687 драхмъ) на нужды Общества поступилъ отъ Кіевскаго члена-корреспондента, Архимандрита Мелетія Валіанела. Нужно замѣтить, что въ выпискѣ благотворителей Общества (εὐεργέται) во главѣ стоитъ Е. В. Король Георгъ, за нимъ подъ № 1 слѣдуетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія (Ὑπουργεῖον Παιδείας), подъ № 15 Министерство Внутреннихъ Дѣлъ (Ὑπουργεῖον Ἐσωτερικῶν), подъ № 20 весь народъ аѳинскій (Δῆμος Ἀθηναίων), а въ числѣ ординарныхъ членовъ Общества значатся Ихъ Королевскія Высочества Наслѣдникъ Константинъ и Принцы Георгій и Николай. Неудивительно, поэтому, что Общество располагаетъ сравнительно значительнымъ активомъ, который въ истекшемъ году, за вычетомъ всѣхъ расходовъ и долговъ, простирался до 185.000 драхмъ. Кромѣ того, онъ имѣетъ библіотеку (къ сожалѣнію, въ отчетѣ не показано число томовъ) и читальню.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ аѳинскомъ «Парнассѣ».

Остается еще сказать нѣсколько словъ о статьѣ проф. Сп. Ламброса, Каталогъ кодексовъ, находящихся въ монастырѣ Агіи (τῆς Ἁγίας) на о. Андросѣ. Въ этой обширной статьѣ дается подробное описаніе болѣе чѣмъ ста рукописей, хранящихся въ библіотекѣ названнаго монастыря на о. Андросѣ. Насъ заинтересовало содержаніе одной изъ этихъ рукописей, имѣющей отношеніе къ византійской паремiографіи. Проф. *К. Крумбахеръ*, открывшій цѣлый рядъ рукописныхъ сборниковъ византійскихъ пословицъ, въ книгѣ своей—«Mittelgriechische Sprichwörter»

(München 1893, S. 47) выразилъ надежду на открытіе новыхъ подобныхъ сборниковъ въ библіотекахъ Востока (особ. аѳонскихъ). Надеждамъ почтеннаго византолога, повидимому, суждено оправдаться, какъ можно думать по тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ упомянутой рукописи. Подъ № 51 составленнаго г. Ламиромъ каталога значится рукопись XVIII вѣка, правда, совсѣмъ не того типа, къ какому принадлежатъ открытые Крумбахеромъ кодексы, но все таки представляющая большой интересъ для пареміологовъ; въ ней содержатся:

1) Γνῶμαι μονόστιχοι κατὰ στοιχεῖον ἐκ διαφόρων ποιητῶν.

2) Πυθαγόρου Χρυσᾶ ἔπη.

3) Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου Γνωμικὰ δίστιχα.

4) Τοῦ αὐτοῦ Τετράστιχα.

и 5) Κάτωνος Ῥωμαίου Γνῶμαι παραινετικαὶ δίστιχοι κατὰ μετάφρασιν Μαξίμου Πλανούδη.

Въ томъ же каталогѣ можно найти и другіе кодексы, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ византійской пареміографіи; такъ, подъ №№ 81 и 82 помѣщены двѣ рукописи XVIII вѣка, въ которыхъ, между прочимъ, содержится: Νικολάου τοῦ Ἀρμάγου Γνῶμαι, далѣе—Ἀρσενίου διδασκάλου... ἐξήγησις τῶν μονοστίχων τῶν κατὰ στοιχεῖον ἐκ διαφόρων ποιητῶν εἰς ἀγαθοὺς ἄνδρας и Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου Γνωμικῶν διστίχων ἐξήγησις.

Этотъ рукописный матеріалъ ожидаетъ своего издателя, чтобы сдѣлаться достояніемъ науки.

Ив. Тимошенко.

Эллинскій Филологическій Силлогъ въ Константинополѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года Эллинскій Филологическій Силлогъ въ Константинополѣ праздновалъ 38-ми лѣтнюю годовщину своего существованія. Торжество почтили своимъ присутствіемъ вселенскій патріархъ Константинъ V, члены священнаго синода константинопольской церкви, греческій посланникъ въ Константинополѣ Н. Маврокордатъ, представители греческой науки, члены Силлога и многочисленная публика. Предсѣдатель Силлога А. Христидисъ прочелъ передъ собраніемъ отчетъ о дѣятельности общества за послѣдніе два года. Лекторъ сообщилъ прежде всего, что въ маѣ 1896 года исполнилось десять лѣтъ дѣятельности Силлога по уставу 1886 года; десятилѣтній періодъ показалъ нѣкоторыя опущенія и недочеты въ этомъ уставѣ, поэтому еще въ 1896 году организована была коммиссія изъ членовъ общества для дополненія и исправленія устава. Коммиссія въ своей работѣ приняла во вниманіе доклады по этому предмету предшествующихъ коммиссій (1872 и 1873 годовъ), отчеты предсѣдателей Силлога за прежніе годы и желанія наличныхъ членовъ. Вновь выработанный уставъ дѣйствуетъ уже 18 мѣсяцевъ. Въ существѣ своемъ онъ оставленъ безъ измѣненія, и — Эллинскій Филологическій Силлогъ попрежнему имѣетъ своей цѣлью изслѣдованіе и изученіе всякаго рода научно-литературныхъ памятниковъ касательно исторіи древнихъ наро-

довъ и въ частности грековъ, особенно же средневѣковой и новѣйшей исторіи греческаго народа — церковной, гражданской и школьно-педагогической. Въ теченіе отчетнаго времени въ Силлогѣ было около 50 собраній, которыя, по новому уставу, дѣлятся на общія, частныя и чрезвычайныя. На нѣкоторыхъ изъ этихъ собраній вырабатывался новый уставъ, избирались новыя должностныя лица Силлога и члены, а на иныхъ—были обсужденія экономическихъ дѣлъ, или же разсматривался вопросъ касательно новаго изданія классическихъ писателей — Эсхила, Еврипида, Ксенофонта, Софокла и другихъ; наконецъ, во время нѣкоторыхъ засѣданій были сообщены членами Силлога ученые доклады по различнымъ вопросамъ. Въ частности, М. Гедеонъ сдѣлалъ сообщеніе «О типикѣ монастыря Богородицы τῆς Κοσμοσωτείρας», М. Параника — «О положеніи Иліона по Гомеру и Страбону», Іаковъ Діонисіатъ (съ горы Аѳонской) — «О письмахъ Фотія, патріарха константинопольскаго», Леонидъ Зоисъ (съ острова Закинѳа) — «О Шекспирѣ и сценѣ его времени», Іаковъ Діонисіатъ сообщилъ второй докладъ на тему: «Семь неизданныхъ писемъ Фотія, патріарха константинопольскаго», М. Гедеонъ — «О женскомъ воспитаніи въ средніе вѣка», К. Кокколатъ— «Объ Еврипидѣ и врачебномъ искусствѣ по его произведеніямъ», Мерцидисъ—«О древности больницъ», Миліопулъ — на тему: «Гдѣ на Босфорѣ былъ переходъ Дарія изъ Азіи въ Европу», Хрисостомъ Лавріотъ (съ горы Аѳона)—«О святомъ отцѣ нашемъ Саввѣ Ватопедскомъ», Каролидисъ—«Краткія разсужденія о красотѣ и о словѣ (περὶ τοῦ καλοῦ καὶ τοῦ ἔπους)», Д. Панагіотидисъ — «О кодексѣ прошлаго столѣтія противъ подарковъ (κατὰ προικοδοσιῶν), хранящемся въ святой митрополіи парамиѳійской», Леонидъ Зоисъ—«О монастыряхъ на Закинѳѣ», М. Параника — «Патріаршая школа въ Константинополѣ», Е. Киріакидисъ— «Переписка Филарета Угровлахійскаго», Д. Панагіотидъ — Πολυζώης ὁ Λαμπανιτσιώτης и его изданія» и П. Николопулъ — «О литературной и художественной собственности въ Россіи».

Дѣятельность Силлога выражалась и въ занятіяхъ спеціальныхъ его епитроній или отдѣленій. Изъ нихъ *филологическое* отдѣленіе находилось подъ руководствомъ предсѣдателя Хр. Хаджихриста и секретаря Петракидиса. Въ теченіе отчетнаго времени отдѣленіе издало въ свѣтъ второй томъ произведеній Эсхила и приступило къ изданію сочиненій Ксенофонта и Еврипида, занималось разработкою программы для изданія т. н. «Зографской Эллинской Библіотеки» и разсматривало представленныя въ отдѣленіе на соисканіе премій Зографа и Карапана сочиненія. На соисканіе преміи Зографа было прислано 18 сочиненій, касающихся языка, обычаевъ и нравовъ, мѣстныхъ говоровъ, музыки и пѣсенъ народныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Турціи съ греческимъ населеніемъ и Греціи. Одни изъ этихъ произведеній были удостоены премій—въ десять турецкихъ лиръ каждая, а другія — похвальнаго отзыва. На премію Карапана были представлены лишь три сочиненія, одно изъ коихъ содержало грам-

матику современнаго греческаго языка, а два другія заключали свѣдѣнія изъ физики и имѣли характеръ школьныхъ учебниковъ. Сужденіе о первой рукописи было отложено отдѣленіемъ до слѣдующаго года, а изъ остальныхъ лишь одна рукопись удовлетворяла требованіямъ конкурса, именно сочиненіе преподавателя Евстаѳіана, который и былъ удостоенъ преміи. *Біологическое* отдѣленіе имѣло своимъ предсѣдателемъ Г. Икономидиса, а секретарями Е. Іоанну и А. Транта и въ лицѣ своихъ членовъ особенно много потрудилось въ разработкѣ медицинской науки. Кромѣ того, при Силлогѣ существовали отдѣленія: *физико-математическое* подъ предсѣдательствомъ Врахамиса, *археологическое* подъ предсѣдательствомъ Пердикидиса и *соціологическое* подъ предсѣдательствомъ Николопула; каждое изъ нихъ дѣятельно работало въ своей области.

Силлогъ въ теченіе отчетнаго времени устроилъ болѣе 30 народныхъ чтеній по литературѣ, гигіенѣ, исторіи и теоріи искусства, соціологіи и другимъ отраслямъ знанія. Силлогъ имѣетъ прекрасную читальню для своихъ членовъ и посторонней публики, снабженную многими періодическими изданіями. Есть у него также библіотека, которая за послѣднее время обогатилась многими новыми книжными пріобрѣтеніями, пожертвованными разными лицами. Такъ, королевская академія наукъ въ Берлинѣ пожертвовала въ пользу библіотеки Силлога до 67 томовъ своихъ изданій; А. и Е. Маврокордаты подарили свыше 600 томовъ разнаго содержанія; митрополитъ амассійскій Анѳимъ принесъ въ даръ библіотекѣ до 80 древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, собранныхъ въ Синопѣ, Амиссѣ, Амасіи, Лаодикіи и другихъ мѣстностяхъ, и кромѣ того— пять фотографически воспроизведенныхъ кодексовъ отъ IV—VII вѣковъ изъ библіотекъ Петербурга, Рима, Парижа, Лондона и Оксфорда; М. Гедеонъ подарилъ нѣсколько рукописей XVII—XIX вѣковъ. Силлогу принадлежатъ коллекціи: *естественонаучная*, *археологическая*, которая обогатилась въ теченіе отчетнаго времени болѣе 20 новыми предметами, и *нумизматическая*, куда въ послѣднее время поступили: 149 мѣдныхъ греческихъ, римскихъ и византійскихъ монетъ, 10 серебряныхъ, 2 золотыхъ— одна времени Лизимаха, а другая—Веспасіана и одна печать.

По прочтеніи отчета о состояніи Силлога въ 1896—98 годахъ, одинъ изъ товарищей предсѣдателя А. Николопулъ доложилъ собранію свою рѣчь «Περὶ ἐργασίας ὑπὸ πλουτολογικὴν ἔποψιν», послѣ коей обратился къ собранію съ словомъ патріархъ Константинъ, который, выразивъ свою радость по поводу плодотворной и полезной дѣятельности Силлога, благодарилъ за усердную работу всѣхъ его членовъ-сотрудниковъ и выразилъ желаніе, чтобы и впредь эта дѣятельность шла по правильному пути и чтобы въ задачу Силлога попрежнему входило изученіе не только прошлой исторіи греческаго народа, но и современныхъ его «живыхъ памятниковъ», представляющихъ истинное сокровище для науки (Κωνσταντινούπολις, 1898 г., №№ 120, 129—132; Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1898, № 24). И. С.

Кандидатскія сочиненія на темы изъ области византиновѣдѣнія въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. (Окончаніе. См. Виз. Врем., т. V, вып. 3, стр. 581—599).

III. Въ *С.-Петербургской* духовной академіи въ теченіе 1896—97 учебнаго года были представлены для полученія ученой степени кандидата богословія слѣдующія рукописныя сочиненія, по своему содержанію имѣющія отношеніе къ византологіи.

I. Александръ Дьяконовъ, *Исторія патріархата антіохійскаго въ VI вѣкѣ.* Сочиненіе состоитъ изъ введенія и одиннадцати главъ. Введеніе содержитъ подробныя свѣдѣнія лишь объ одномъ изъ источниковъ, которые авторъ имѣлъ подъ руками, именно—объ историческихъ трудахъ Іоанна ефесскаго,—такъ какъ въ рѣшеніи предварительныхъ вопросовъ о другихъ источникахъ автору не удалось сдѣлать шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими учеными, а спеціальное изслѣдованіе Ланда объ Іоаннѣ ефесскомъ онъ восполнилъ и отчасти исправилъ на основаніи данныхъ въ Anecdota Syriaca Land'а (t. II). Глава первая сочиненія трактуетъ объ объемѣ антіохійскаго патріархата въ VI вѣкѣ Отстранивъ вопросъ о зависимости въ VI в. Иверіи (Грузіи), Арменіи, католиката селевкійскаго (христіанъ персидскихъ) и Индіи отъ антіохійской каѳедры, авторъ старается опредѣлить историческія границы патріархата антіохійскаго, пользуясь при этомъ спеціальными работами Гельцера. Глава заканчивается спискомъ каѳедръ, входившихъ въ составъ антіохійскаго патріархата въ VI вѣкѣ. Въ главѣ второй рѣчь идетъ о внѣшнихъ (политическихъ и физическихъ) бѣдствіяхъ, которымъ подвергался антіохійскій патріархатъ въ VI вѣкѣ. Авторъ ввелъ эту главу въ составъ своего изслѣдованія въ виду того, что всѣ эти несчастія отзывались на умахъ христіанскаго народа извѣстнымъ духовнымъ возбужденіемъ, которымъ фанатики монофизитства, напримѣръ, пользовались въ своихъ интересахъ; съ другой стороны, эти бѣдствія и предстоятелей церкви вызывали на широкую общественную дѣятельность. Въ третьей главѣ авторъ говоритъ объ обстоятельствахъ, подготовившихъ торжество монофизитства въ Сиріи, и главнымъ образомъ—о дѣятельности Севира до возведенія его на каѳедру антіохійскую,—дѣятельности, завершившейся низложеніемъ Флавіана II антіохійскаго. Но все это, по мнѣнію академическаго рецензента, составляетъ симптомъ наступающаго торжества, а не объясненіе причинъ этого успѣха,—предвѣстникъ побѣды, а не ея подготовка. Авторъ пытается уяснить это торжество тѣмъ, что патріархатъ антіохійскій оказался «между строго православнымъ западомъ и строго монофизитскимъ Египтомъ» и что монофизитскіе дѣятели въ Сиріи, быть можетъ сами того не сознавая, опирались на сепаративныя стремленія этой области, по составу населенія столь отличной отъ Византіи. Но говорить это значитъ констатировать наличный фактъ, а не объяснять его. Объясненіе этого неразгаданнаго факта представилъ бы тотъ, кто съумѣлъ бы показать, почему духовное настроеніе, предста-

вляемое именами Діодора—Θеодорита, такъ быстро уступило мѣсто энергическому монофизитству Петра Гнафея. Въ главѣ четвертой рѣчь идетъ о патріаршествѣ Севира. Этотъ корифей монофизитства успѣлъ надѣлать достаточно много ошибокъ и вызвалъ противъ себя сильное недовольство многихъ. Поэтому за внѣшнимъ торжествомъ монофизитовъ быстро послѣдовало ихъ пораженіе, лишь только императоромъ сдѣлался Юстинъ I. Въ главѣ пятой, имѣющей заглавіе — «монофизиты въ Сиріи въ царствованіе Юстина I», авторъ говоритъ о возстановленіи православнаго іерархическаго преемства на антіохійской каѳедрѣ и о дѣятельности противъ монофизитовъ первыхъ двухъ патріарховъ этого времени, Павла и Евфрасія. Въ шестой главѣ говорится о положеніи сирскихъ монофизитовъ при Юстиніанѣ I. Исторія патріархата антіохійскаго въ это время какъ бы перемѣщается въ Константинополь, потому что монофизиты антіохійскаго округа, для которыхъ былъ очень неудобенъ энергичный патріархъ «великаго града Божія» (Антіохіи) Ефремій, съ высокими талантами администратора въ своемъ лицѣ совмѣстившій далеко незаурядныя познанія въ богословіи, — бѣгутъ въ Константинополь и здѣсь подъ покровительствомъ императрицы Θеодоры находятъ себѣ — на глазахъ у столичнаго населенія—пріютъ и ласку. Добросовѣстныя, прямолинейныя противомонофизитскія усилія провинціи парализуются тонкими дипломатическими разсчетами столицы, гдѣ надѣются на возможность какого то соглашенія именно съ монофизитскими епископами изъ патріархата антіохійскаго. Но зоркому патріарху Ефремію удалось возбудить Агапита римскаго къ поѣздкѣ въ Константинополь, и въ результатѣ получился константинопольскій соборъ 536 года, прекратившій почти всѣ достигнутые монофизитами успѣхи. Въ главѣ седьмой идетъ рѣчь о борьбѣ съ монофизитствомъ въ Сиріи послѣ собора 536 года до Юстина II. Соборъ 536 года для Ефремія антіохійскаго являлся поощреніемъ къ неослабной борьбѣ противъ монофизитовъ. Но, въ свою очередь, и Θеодора продолжаетъ имъ усердно покровительствовать. И самъ императоръ твердо стоялъ на своемъ планѣ, успѣшное выполненіе котораго готовило монофизитству горькую участь безпоповщинской секты: поселенные въ окрестностяхъ Константинополя монофизитскіе епископы не дерзали нарушить категорическаго приказа Юстиніана — не совершать хиротоній. Начинаетъ уже чувствоваться оскудѣніе монофизитскаго священства. Дѣятельность обоихъ Іоанновъ — телльскаго и ифестскаго — была только палліативною. Но съ начала 543 года выступаетъ на свое историческое поприще самъ Яковъ Baradaeus, епископъ едесскій, и началъ рукополагать не только діаконовъ и пресвитеровъ, но и епископовъ. Эта послѣдняя подробность и составляетъ эпоху въ исторіи монофизитства: одушевлявшая прежде генераціи монофизитовъ надежда — свою догму, въ качествѣ «каѳолическаго» ученія, утвердить во всемъ христіанскомъ мірѣ, была eo facto признана несбыточною мечтою; яковиты рѣшались стать сектою, зажить подлѣ каѳолической церкви въ качествѣ отдѣльнаго христіанскаго общества, имѣю-

щаго свою собственную іерархію. Слѣдствіе этой перемѣны, доказываетъ авторъ, было довольно своеобразное: отношенія между православными и монофизитами стали болѣе мирными; это объясняется тѣмъ, что формально отдѣлившіеся отъ церкви монофизиты сдѣлались менѣе вредны или опасны для нея (глава восьмая) и къ тому же взаимно ослабили себя начавшимся въ это время въ ихъ собственной средѣ спорами по вопросамъ каноническимъ и догматическимъ (глава девятая). Въ главѣ десятой авторъ говоритъ о томъ участіи, которое принимали антіохійскіе патріархи въ трехъ спорныхъ вопросахъ, не имѣвшихъ (по крайней мѣрѣ, по наружности) непосредственнаго отношенія къ монофизитству, — въ спорахъ объ оригенизмѣ, о «трехъ главахъ» и по поводу эдикта Юстиніана о нетлѣнности тѣла Христова. Въ послѣдней (XI) главѣ описывается патріаршество Григорія въ связи съ отношеніями патріаршихъ каѳедръ; здѣсь авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на лицѣ патріарха Анастасія, который былъ и предшественникомъ, и преемникомъ Григорія. Своей каѳедры Анастасій лишился за свой протестъ противъ образа дѣйствій патріарха константинопольскаго. Григорій римскій впослѣдствіи пытался привлечь Анастасія на свою сторону въ поднятой имъ борьбѣ противъ титула οἰκουμενικός, но безуспѣшно. — Сочиненіе г. Дьяконова отличается полнотою содержанія, тщательностью и научностью изслѣдованія (Протоколы засѣданій совѣта С.-Петербургской духовной академіи за 1896—7 учебный годъ, стр. 246—253).

2. Георгій Гамрекеловъ, *Древнѣйшая исторія церкви въ Грузіи (отъ IV вѣка до прибытія сирскихъ святыхъ).* Въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія авторъ приводитъ грузинскій текстъ и русскій переводъ «хроники обращенія Грузіи» («Картлисъ—Мокцева»), — «новаго памятника, проливающаго совершенно новый свѣтъ на исторію Грузіи», а также даетъ и примѣчанія къ этой хроникѣ, аналогичныя съ подстрочными примѣчаніями академика Броссе въ Histoire de la Géorgie, т. е. къ французскому переводу грузинской хроники, извѣстной подъ названіемъ «Картлисъ - Цховреба» («Житіе = [Βίος] Грузіи»). Значительная часть этихъ примѣчаній сличаетъ чтенія «Картлисъ-Мокцева» съ варіантами изъ «Картлисъ-Цховреба» и другихъ ранѣе изданныхъ памятниковъ. Въ главѣ второй данъ переводъ на русскій языкъ «новаго варіанта житія св. Нины», къ коему также сдѣланы примѣчанія. Представивъ важнѣйшіе изъ своихъ источниковъ, авторъ приступаетъ къ изложенію исторіи христіанства въ Грузіи. Въ главѣ третьей онъ говоритъ о просвѣтительномъ подвигѣ св. Нины. Изслѣдованіе имѣетъ характеръ въ высшей степени детальный. Авторъ полагаетъ, что собственное имя просвѣтительницы Иверіи осталось неизвѣстно исторіи, а «Нина» есть имя нарицательное = лат. nonna = монахиня. Плѣнницею ее считаютъ историки лишь по недоразумѣнію. Авторъ отмѣчаетъ распространенное между грузинскими учеными (основанное на грузинскихъ источникахъ, каковы житіе св. Нины и Картлисъ-Цховреба) мнѣніе, что св. Нина была родомъ «си-

рійка изъ Каппадокіи», но самъ не рѣшается твердо его отстаивать и во всякомъ случаѣ справедливо отклоняетъ то предположеніе, что еще до прибытія въ Иверію св. Нина уже знала грузинскій языкъ. Авторъ подробно разъясняетъ, что позднее грузинское извѣстіе, будто Константинъ Великій для проповѣди христіанства прислалъ въ Иверію св. Евстаѳія антіохійскаго,—не имѣетъ для себя опоры въ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ, и потому склоняется къ той мысли, что первымъ епископомъ Иверіи былъ Іоаннъ. Послѣ свода мнѣній различныхъ ученыхъ и замѣчаній относительно нѣкоторыхъ подробностей грузинской хронологической техники, авторъ устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты: 327 г. по Р. Хр.—св. Нина приходитъ въ Иверію; 334 г.—обращеніе царя Миріана; 335 г.—крещеніе ивировъ; 341 или 342 г.—кончина св. Нины; 345 или 346 г.—смерть царя Миріана. Въ главѣ четвертой разсматриваемаго сочиненія излагается дѣятельность царя Миріана, въ главѣ пятой авторъ обозрѣваетъ судьбы христіанства въ Грузіи при послѣдующихъ царяхъ до прибытія (въ VI вѣкѣ) сирскихъ отцевъ (тамъ же, стр. 253—255).

3. Милованъ Петровичъ, *Устройство церковнаго управленія въ королевствѣ сербскомъ*. Въ предисловіи къ своему труду авторъ заявляетъ что его сочиненіе представляетъ первую попытку историко-каноническаго изслѣдованія жизни сербскаго народа отъ поселенія его на Балканскомъ полуостровѣ въ VI вѣкѣ и до нашихъ дней. Свой предметъ авторъ изслѣдуетъ историческимъ методомъ и указанную эпоху, а вмѣстѣ и свой трудъ, дѣлитъ на четыре періода, въ каждомъ изъ коихъ излагаетъ церковныя событія въ жизни сербскаго народа наряду съ политической его исторіей. Въ періодѣ первомъ (600—1219 г.) въ отношеніи къ церковной жизни сербскаго народа—авторъ знакомитъ съ началомъ насажденія христіанской вѣры въ сербскомъ народѣ и утвержденія Христовой церкви, отмѣчая установленіе первыхъ сербскихъ епископій и архіепископій. Во второмъ періодѣ (1219—1346 г.), въ связи съ началомъ политическаго объединенія сербскаго народа, раскрывается и развитіе устройства сербской церкви, получившей автокефальность при св. Саввѣ, первомъ архіепископѣ сербскомъ, описанію трудовъ и подвиговъ котораго главнымъ образомъ и посвящено содержаніе этого періода. Третій періодъ (1346—1766 г.) изображаетъ судьбу сербскаго (ипекскаго) патріарха, со времени его утвержденія до момента уничтоженія. Четвертый періодъ обнимаетъ судьбу сербской церкви въ королевствѣ Сербіи. Все сочиненіе проникнуто одною общею мыслію постепеннаго уясненія церковнаго устройства у сербовъ въ связи съ послѣдовательнымъ ростомъ и политическою судьбою сербскаго государства (тамъ же, стран. 244—245).

4. Николай Любишъ, *Церковно-историческое значеніе св. Саввы, перваго архіепископа сербскаго*. Въ первой главѣ сочиненія авторъ предлагаетъ краткій очеркъ исторіи сербской церкви до св. Саввы, во второй—

даетъ біографическія свѣдѣнія о св. Саввѣ, въ третьей—разсматриваетъ дѣятельность св. Саввы со стороны церковно-административной и церковно-просвѣтительной и указываетъ при этомъ церковно-историческое значеніе св. Саввы; въ четвертой главѣ авторъ даетъ общій, не лишенный и художественныхъ чертъ, образъ личности и характера великаго святителя сербскаго, при чемъ касается нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ случаевъ изъ жизни св. Саввы, которые, повидимому, набрасываютъ тѣнь на его свѣтлый образъ (напримѣръ, сношеніе съ Римомъ по вопросу о королевскомъ вѣнцѣ для его первовѣнчаннаго брата Стефана). Пятая глава составляетъ важное прибавленіе къ сочиненію и говоритъ о памяти св. Саввы въ сербскомъ народѣ послѣ его кончины — въ теченіе всей послѣдующей исторіи сербства и въ настоящее время. Православная церковь признала св. Савву святымъ и православные сербы благоговѣйно чтили и чтутъ его святое имя, торжественно прославляя его не только при богослуженіи, но и въ общественно-государственной жизни, въ литературѣ, поэзіи и пр. Авторъ означеннаго сочиненія въ достаточной степени воспользовался немалою литературою предмета и представилъ довольно содержательный трудъ (тамъ же, стр. 281—283).

5. Иванъ Спасовъ, *Послѣдній болгарскій терновскій патріархъ Евѳимій, его архипастырская и церковно-литературная дѣятельность.* Во введеніи авторъ описываетъ состояніе Болгаріи въ ту эпоху, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Евѳимій, и опредѣляетъ свою задачу. Въ первой главѣ авторъ приступаетъ къ спеціальному изслѣдованію жизни и дѣятельности патріарха Евѳимія. Здѣсь авторъ говоритъ о мѣстѣ и времени рожденія Евѳимія, о происхожденіи и состояніи родителей и предковъ его, воспитаніи и обученіи, о монастырѣ, въ которомъ постригся Евѳимій, и о монастырской его жизни, имѣвшей то или другое вліяніе на его умственное образованіе и нравственное воспитаніе. Во второй главѣ авторъ характеризуетъ литературу и просвѣщеніе въ Болгаріи до вступленія на патріаршій престолъ Евѳимія, говоритъ затѣмъ о религіозно-нравственномъ состояніи Болгаріи при царѣ Александрѣ и въ частности объ еретическихъ движеніяхъ этого времени, объ исторической роли и заслугахъ Евѳимія въ ослабленіи ересей. Третья и четвертая главы содержатъ въ себѣ подробности касательно церковно-административной, государственной и литературной дѣятельности Евѳимія, въ частности говорятъ и о реформахъ, введенныхъ имъ въ области церковно-административной и литературной. Въ заключеніе послѣдней главы авторъ предлагаетъ общій выводъ о значеніи патріарха Евѳимія въ ряду другихъ церковныхъ и литературныхъ дѣятелей Болгаріи той эпохи, при чемъ выдвигаетъ личность и заслуги Евѳимія въ ряду современниковъ и съ одушевленіемъ рисуетъ его идеальный образъ. Авторъ довольно полно обозрѣлъ предметъ, но допустилъ въ подробностяхъ изслѣдованія нѣкоторыя крайности и неточности (тамъ же, стр. 383—385).

IV. Въ *Казанской* духовной академіи, для полученія кандидатской бо-

гословской степени, также пишутся сочиненія византологическаго содержанія. Но, къ сожалѣнію, въ протоколахъ этой академіи не печатаются рецензіи гг. профессоровъ на сочиненія, представляемыя съ указанной цѣлью, и поэтому нѣтъ возможности отмѣтить труды въ этой области студентовъ названной академіи, за исключеніемъ лишь слѣдующаго сочиненія, написаннаго въ 1895—96 учебномъ году:

Лаврентій Кастровскій, *Византійская церковная архитектура, ея происхожденіе, характеръ и значеніе*. Сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ разбираются существующіе въ русской и иностранной литературѣ по церковной археологіи взгляды (Шуази, Вогюэ, Кондаковъ и др.) на происхожденіе византійской архитектуры и выясняется постепенное образованіе этой архитектуры изъ архитектуръ предшествующихъ. Авторъ, на основаніи анализа основныхъ элементовъ византійской конструкціи — купола на пандативахъ и креста въ планѣ, приходитъ къ выводу, что византійская архитектура имѣла восточное происхожденіе и именно — изъ сѣверной Сиріи вынесена была система ея конструкціи; планъ же ея выработался подъ вліяніемъ потребностей христіанскаго богослуженія, а окончательно эта архитектура сформировалась при Юстиніанѣ, съ построеніемъ имъ Св. Софіи въ Константинополѣ. Дальнѣйшія главы сочиненія посвящены характеристикѣ византійской церковной архитектуры за разные періоды ея исторіи и обозрѣнію наиболѣе замѣчательныхъ ея памятниковъ. Всю исторію византійской архитектуры авторъ дѣлитъ на три періода, различающіеся между собою извѣстными характерными особенностями. Первый періодъ начинается съ построенія Юстиніаномъ Св. Софіи и продолжается до IX вѣка. Отличительными особенностями византійскаго храма этого времени являются: четыреугольникъ, съ идеею креста въ планѣ, ограниченный со стороны алтаря полукруглымъ выступомъ, а съ противоположной — притворомъ, и куполъ на парусахъ (символъ идеи Вознесенія), вѣнчающій зданіе. Обозрѣнію византійской архитектуры за этотъ періодъ посвящена вторая глава сочиненія. Въ слѣдующій періодъ куполъ, высоко приподнявшись надъ своимъ основаніемъ, получилъ форму цилиндра, крытаго полусферой и на фасадахъ церквей, представлявшихъ прежде одни горизонтальные карнизы, начали выказываться главные своды внутренности церкви. Эти двѣ черты характеризуютъ памятники византійской архитектуры преимущественно съ IX по XII в.; эти памятники и разсматриваются авторомъ въ третьей главѣ. Послѣдній періодъ исторіи византійской архитектуры, періодъ упадка, состоитъ въ возвращеніи искусства къ формамъ латинскимъ, характеризуемымъ удлиненіемъ плана, допущеніемъ въ декораціи фасадовъ фронтона и появленіемъ готической или мавританской арки, чуждой чистому византійскому стилю. Этотъ періодъ простирается съ XIII вѣка и до взятія Константинополя турками (1453 г.). Онъ служитъ предметомъ четвертой главы сочиненія. Характеристикѣ византійской архитектуры за каждый изъ указанныхъ періодовъ, помѣщенной

во второй, третьей и четвертой главахъ, авторъ предпосылаетъ краткое обозрѣніе внѣшняго и внутренняго состоянія византійской имперіи, поскольку это состояніе отражалось на характерѣ и развитіи искусства. Наконецъ, въ пятой и послѣдней главѣ сочиненія, авторъ говоритъ о значеніи византійской архитектуры, о ея вліяніи на архитектуру западную и восточную и особенно на нашу русскую. — Сочиненіе г. Кастровскаго написано при пособіи лучшихъ русскихъ и иностранныхъ изслѣдованій по исторіи византійской архитектуры и довольно полно и обстоятельно разсматриваетъ свой интересный предметъ.

С.

Ученыя экспедиціи на Аѳонъ. Монастыри Аѳона съ ихъ библіотеками, содержащими многочисленныя рукописи, которыя даютъ богатый матеріалъ и для исторіи литературы, и для исторіи церкви, и для гражданской исторіи, а по своимъ миніатюрамъ и для исторіи искусства, съ ихъ храмами, украшенными древней живописью и иконами, съ ихъ ризницами, владѣющими богатыми собраніями различныхъ предметовъ церковной утвари и мелкихъ древнихъ памятниковъ искусства, — давно уже интересовали русскихъ ученыхъ и служили предметомъ изученія и спеціальныхъ миссій въ нихъ, по спеціальному отношенію указанныхъ разнообразныхъ памятниковъ византійской литературы и искусства къ русскимъ памятникамъ въ тѣхъ-же областяхъ. Среди этихъ миссій выдѣляется, по широтѣ задачъ, средствамъ затраченнымъ на нее и тѣмъ результатамъ, которые можно было ожидать отъ нея, — миссія П. И. Севастьянова. Аѳонскіе памятники искусства составили спеціальный предметъ изученія этой миссіи. Она дѣйствительно всѣ доступные для нея (въ 60-хъ годахъ) памятники искусства изслѣдовала: были сняты русскими и иностранными художниками копіи, кальки съ древней живописи, съ иконъ, съ различныхъ предметовъ церковной утвари, приготовлены многочисленные планы съ мельчайшими деталями, сняты копіи въ краскахъ съ миніатюръ греческихъ рукописей и многочисленныя фотографіи съ нихъ и другихъ памятниковъ искусства.

Весь этотъ богатый матеріалъ по изученію памятниковъ искусства самихъ Аѳонскихъ монастырей и ихъ сокровищницъ, къ сожалѣнію, не былъ изданъ и обслѣдованъ ни при жизни Севастьянова, ни по смерти его; и этотъ матеріалъ, можно сказать, въ значительной своей части пропалъ нынѣ для русской науки. Академія Наукъ, для которой интересы изученія византійскихъ памятниковъ также дороги, какъ и для отдѣльныхъ ученыхъ русскихъ, принимая во вниманіе то несомнѣнно важное значеніе, какое имѣютъ для русской науки византійскіе памятники искусства Аѳона и вообще его христіанскіе памятники, получившіе происхожденіе на самой св. горѣ и въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ, особенно утварь ризницъ его монастырей, остававшуюся недоступной большинству изслѣдователей аѳонскихъ древностей, ассигновала особыя средства на устрой-

ство ученой миссіи, которая изслѣдовала бы эти древности, принявъ во вниманіе и тѣ матеріалы, которые были оставлены въ наслѣдіе П. И. Севастьяновымъ и которые хранятся отчасти въ Академіи Художествъ, отчасти въ Публичномъ Румянцевскомъ Музеѣ. Но главную и спеціальную задачу этой миссіи Академіи Наукъ поставила — изученіе ризницъ аѳонскихъ монастырей, тѣхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ искусства, что хранятся въ нихъ.

Исполненіе задачъ этой миссіи Академія поручила нашему ученому, заслуженному профессору С.-Петербургскаго Университета и нынѣ члену Академіи — Н. П. Кондакову.

Въ качествѣ сотрудниковъ, послѣднимъ были приглашены архитекторъ Ѳ. Г. Беренштамъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго Университета Н. Я. Марръ и приватъ-доцентъ Харьковскаго Университета Е. К. Рѣдинъ. Кромѣ того, при миссіи былъ спеціальный фотографъ (Е. Н. Германъ). Миссія работала на Аѳонѣ въ теченіе мая и іюня сего года. О результатахъ ея работъ до отчета проф. Н. П. Кондакова, который будетъ представленъ Академіи Наукъ, можемъ сообщить лишь нѣсколько нижеслѣдующихъ данныхъ.

Миссія посѣтила монастыри: св. Пантелеймона, Лавру св. Аѳанасія, Иверскій, Ставроникиту, Ватопедъ, Эсфигменъ, Хиландарь, Зографъ, Ксиртотамъ, Ксенофъ, Дохіаръ, Андреевскій скитъ, протатъ (въ Кареѣ), Діонисіатъ. Вездѣ она встрѣчала сочувствіе своимъ задачамъ; ей, лишь за немногими исключеніями, были доступны даже ризницы, обыкновенно показываемыя съ большими затрудненіями, или даже вовсе не показываемыя. Богатый матеріалъ для изученія доставили иконы греческія, молдо-влахійскія, оклады, ризы, плащаницы, кресты, памятники изъ слоновой кости, мозаика, эмали и друг.; были изучаемы отчасти и миніатюры рукописей, и стѣнныя росписи. Всѣ наиболѣе драгоцѣнные и наиболѣе важные памятники, на сколько позволяли ихъ сохранность и удобство помѣщенія, были сфотографированы и детально обслѣдованы; съ нѣкоторыхъ были сдѣланы копіи въ краскахъ; провѣрены архитектурные чертежи работъ миссіи П. И. Севастьянова и копіи въ краскахъ съ миніатюръ рукописей. Матеріалъ для изслѣдованія и изученія его, предложенный на Аѳонѣ церквами, ризницами, библіотеками, посѣщенными миссіей,—весьма обширенъ и среди него многое становится извѣстнымъ впервые, а многое извѣстное становится извѣстнымъ также впервые во всѣхъ деталяхъ, при научной оцѣнкѣ историка византійскаго искусства и знатока византійскихъ древностей вообще. Пожелаемъ скорѣйшаго появленія въ свѣтъ отчета проф. Н. П. Кондакова и изданія всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, что вывезены миссіею, изданія также матеріала оставленнаго миссіею П. И. Севастьянова, какой имѣетъ цѣнность и значеніе. Это изданіе несомнѣнно внесетъ много новаго и важнаго въ сокровищницу христіанской археологіи, явится цѣннымъ вкладомъ въ науку

русской археологіи, освѣтитъ въ настоящемъ свѣтѣ древности аѳонскихъ монастырей.

Одновременно съ русской миссіей на Аѳонѣ работала французская подъ руководствомъ Millet. Она занималась только стѣнною живописью; живописецъ миссіи снималъ кальки, дѣлалъ акварели съ живописи въ Иверѣ, Каракалѣ, Кареѣ и особенно въ Лаврѣ.

Е. Р.

Темы на соисканіе премій. На основаніи § 7 Высочайше утвержденнаго Положенія о преміи имени стат. сов. Д. Г. Кананова, Совѣтъ Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ на засѣданіи своемъ отъ 7-го февраля 1898 г. постановилъ объявить къ свѣдѣнію спеціалистовъ слѣдующія двѣ темы на соисканіе двухъ премій, по 600 рублей каждая:

1) «*Сводъ и классификація свѣдѣній, сообщаемыхъ Арабскими писателями объ Арменіи и Армянахъ до конца XVI вѣка, съ критическимъ комментаріемъ представляемаго матеріала*».

2) «*Матеріалы по обычному праву современныхъ Армянъ*».

Сочиненія могутъ быть представлены на одномъ изъ языковъ — армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

За лучшее сочиненіе по каждой изъ указанныхъ темъ будетъ присуждена Совѣтомъ премія въ размѣрѣ *шестисотъ* (600) рублей.

Если изъ числа поданныхъ сочиненій на первую или вторую тему два окажутся одинаковаго достоинства, то Совѣтъ можетъ раздѣлить премію между ихъ авторами.

Срокъ представленія сочиненій не позднѣе 7-го Августа 1900 года.

Перемѣны въ личномъ составѣ. На мѣсто Ученаго Секретаря Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ опредѣленъ магистрантъ Новороссійскаго Университета Б. В. Фармаковскій.

Нашъ сотрудникъ Я. И. Смирновъ поступилъ въ приватъ-доценты С.-Петербургскаго Университета и 11 сентября прочелъ вступительную лекцію къ курсу исторіи искусства средневѣкового Востока.

Нашъ сотрудникъ Г. П. Беглери въ Константинополѣ получилъ назначеніе въ Яффу.

Н. П. Кондаковъ назначенъ сверхштатнымъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ.

Византійскій архивъ. Въ видѣ приложенія къ «Byzantinische Zeitschrift» подъ редакціей проф. К. Крумбахера будетъ издаваться «Византійскій архивъ». Архивъ будетъ издаваться также извѣстной фирмой Б. Г. Тейбнера въ Лейпцигѣ и въ составъ его будутъ входить работы по византиновѣдѣнію, которыя по объему своему не могутъ быть помѣщены въ «Byzantinische Zeitschrift».

† Николай Ѳомичъ Красносельцевъ.

11-го сентября текущаго года въ Константинополѣ скончался профессоръ церковной исторіи въ Новороссійскомъ университетѣ Николай Ѳомичъ Красносельцевъ. Покойный принадлежалъ къ числу самыхъ талантливыхъ, дѣятельныхъ и почтенныхъ представителей русской богословской науки и кончина его является весьма крупною и не скоро замѣнимою потерею для ученаго міра. Николай Ѳомичъ родился въ 1845 году въ семьѣ священника уфимской губерніи, среднее образованіе получилъ въ уфимской духовной семинаріи, а высшее — въ Казанской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 году однимъ изъ первыхъ магистрантовъ. По окончаніи курса, онъ 21 іюня 1870 года былъ назначенъ преподавателемъ св. Писанія въ самарскую духовную семинарію, но состоялъ въ этой должности менѣе года. 18 марта 1871 года, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій («О символическомъ элементѣ въ христіанскомъ православномъ богослуженіи» и «О мозаикѣ и ея употребленіи при украшеніи христіанскихъ храмовъ и гробницъ»), Н. Ѳ., согласно избранію Совѣта казанской академіи, былъ допущенъ къ исправленію должности доцента по каѳедрѣ литургики и церковной археологіи въ этомъ учебномъ заведеніи. 31 мая 1871 года онъ былъ утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ степени магистра богословія за свое сочиненіе: «Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мухаммеданъ», а вскорѣ послѣ того былъ утвержденъ и въ званіи доцента академіи. Молодой доцентъ скоро привлекъ къ себѣ особыя симпатіи со стороны своихъ слушателей-студентовъ, такъ какъ его лекціи отличались интереснымъ содержаніемъ и строго-научнымъ методомъ изслѣдованія. Въ 1881 году по ходатайству Совѣта академіи Красносельцевъ былъ командированъ на годъ, съ 1-го сентября 1881 года по 1-е сентября 1882 года, въ тѣ города западной Европы, гдѣ преимущественно сохранились памятники христіанскихъ древностей, каковы: Римъ, Миланъ, Венеція и Равенна, а также въ тѣ мѣста, гдѣ находятся болѣе замѣчательные музеи этихъ древностей. Въ теченіе годичнаго пребыванія за границей Н. Ѳ. прислалъ въ Совѣтъ два краткихъ отчета о своихъ занятіяхъ, которые напечатаны въ академическихъ протоколахъ за 1882 годъ. Въ первомъ отчетѣ сообщены результаты обозрѣнія римскихъ катакомбъ, древнихъ римскихъ церквей, памятниковъ классической древности, римскихъ музеевъ и библіотекъ, а во второмъ — результаты обозрѣнія катакомбъ, церквей и памятниковъ, находящихся въ окрестностяхъ Рима и въ другихъ городахъ Италіи, а также свѣдѣнія о парижскихъ и берлинскихъ музеяхъ, содержащихъ предметы христіанской древности. Въ 1884 году Н. Ѳ. въ качествѣ полнаго отчета о своихъ занятіяхъ за границей представилъ въ Совѣтъ академіи рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о литургическихъ рукописяхъ Вати-

канской библіотеки», удостоенное Совѣтомъ академіи преміи митрополита московскаго Макарія въ 585 рублей. Въ концѣ 1884 года Н. Ѳ. былъ удостоенъ званія экстраординарнаго профессора.

Въ 1889 году Н. Ѳ. оставилъ службу при казанской академіи и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ церковной исторіи въ Императорскій новороссійскій университетъ. Въ 1892 году Красносельцевъ былъ избранъ въ званіе почетнаго члена Академіи, а въ 1893 году онъ былъ удостоенъ ученой степени доктора церковной исторіи за совокупность его ученыхъ трудовъ. Въ новороссійскомъ университетѣ Н. Ѳ. послѣ полученія докторской степени былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ.

Учено-литературные труды Н. Ѳ. относятся къ тѣмъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ въ казанской академіи и въ новороссійскомъ университетѣ, т. е. къ церковной археологіи, исторіи православнаго богослуженія и исторіи церкви.

Первою ученою работою Н. Ѳ. была его диссертація на степень магистра богословія подъ заглавіемъ: *Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мухаммеданъ* (Казань. 1872. Стр. 242). Въ этомъ сочиненіи авторъ обозрѣваетъ дѣятельность западныхъ миссіонеровъ среди татаръ въ періодъ средневѣковый — до реформаціи и въ періодъ новый—съ реформаціи до нашихъ дней, при чемъ собралъ въ одно цѣлое разрозненные и дотолѣ еще необъединенные факты этой дѣятельности, оцѣнилъ ихъ по достоинству и показалъ ихъ истиное значеніе, въ связи и зависимости отъ общей исторіи западнаго миссіонерства. Настоящее сочиненіе написано Н. Ѳ. преимущественно по первоисточникамъ и хотя оно написано болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, но не потеряло значенія и до настоящаго времени, въ виду того, что трактуетъ предметъ, совершенно не разработанный въ русской наукѣ, и составленъ на основаніи подлинныхъ документовъ изучаемой эпохи. — Въ тѣсной связи съ магистерской диссертаціей по содержанію и характеру изслѣдованія находится статья *Христіанство и христіанскія миссіи въ Персіи*, помѣщенная въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» (1872, III, 142 и д.).

Дальнѣйшія ученыя работы Н. Ѳ. относятся къ области *церковной археологіи* и касаются церковной архитектуры и устройства христіанскаго храма въ первенствующей церкви. По этому вопросу проф. Красносельцевъ помѣстилъ рядъ статей въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (1874—1880 г.), которыя потомъ были изданы отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Очерки изъ исторіи христіанскаго храма. Выпускъ первый. Архитектура и внутреннее расположеніе христіанскихъ храмовъ до Юстиніана* (Казань. 1881. Стр. 344). Въ настоящемъ сочиненіи проф. Красносельцевъ раскрылъ и научно обосновалъ оригинальный взглядъ на происхожденіе христіанской церковной архитектуры. Въ противоположность нѣкоторымъ западнымъ ученымъ, считавшимъ христіанское зодчество заимствован-

нымъ отъ языческихъ базиличныхъ или храмовыхъ построекъ, проф. Красносельцевъ держится того взгляда, что христіанское зодчество не есть безразличная форма, могущая служить выразительницею и христіанскихъ, и языческихъ идей, но есть форма оригинально-христіанская, имѣющая ближайшее отношеніе къ духу и характеру христіанства, какъ религіи новой и совершенной, есть прямое произведеніе христіанства. Устройство христіанскихъ храмовъ образовалось въ зависимости отъ потребностей христіанскаго храма и отъ характера христіанской богослужебной дисциплины Въ основныхъ чертахъ оно опредѣлилось еще въ періодъ гоненій на церковь и упрочилось при христіанскихъ императорахъ, когда въ христіанское зодчество были привнесены—въ формѣ техническихъ пріемовъ — элементы и древней классической архитектуры. «Такъ христіане постепенно достигли въ области зодчества полной самостоятельности и изобрѣли форму вполнѣ оригинальную и новую. Принявъ первоначально для своихъ храмовъ простой планъ продолговатаго четыреугольника, они создали на его основѣ простое и стройное зданіе, вполнѣ принаровленное къ потребностямъ общественнаго богослуженія — христіанскую базилику. Но недовольствуясь величавою простотою базиликъ и стремясь къ созданію вполнѣ монументальныхъ произведеній, они начали потомъ обработывать для цѣлей своего культа также и зданія круглокупольнаго типа, не смотря на ихъ неудобства. Чтобы устранить эти неудобства, они начали примѣнять къ нимъ конструкцію базиликъ и обнаружили стремленіе соединить обѣ формы, и базиличную, и центрическую, въ одну для образованія новой. Стремленіе это увѣнчалось успѣхомъ и явился новый стиль зодчества, извѣстный подъ именемъ византійскаго» (стр. 208). — Изложенныя воззрѣнія Н. О. на происхожденіе христіанской церковной архитектуры съ нѣкоторыми добавленіями (выяснено значеніе іерусалимскаго храма и еврейскихъ синагогъ въ устройствѣ храма христіанскаго) были вторично имъ раскрыты и обоснованы въ монографіи *О происхожденіи христіанскаго храма* (Казань. 1880. Стр. 151), написанной по поводу изслѣдованія проф. Н. В. Покровскаго «Происхожденіе древне-христіанской базилики» (СПБ. 1880) и сочиненія Рихтера «Der Ursprung der abendländischen Kirchengebäude» (Wien. 1878). Здѣсь содержатся критическія замѣтки на упомянутое изслѣдованіе г. Покровскаго, который, вмѣстѣ съ ученымъ Мессмеромъ, производитъ христіанскую базилику отъ частныхъ римскихъ базиликъ съ нѣкоторымъ вліяніемъ базиликъ общественныхъ, а также на сочиненіе Рихтера, гдѣ выясняется происхожденіе абсида и транзепта въ христіанскихъ базиликахъ въ зависимости отъ христіанскихъ надгробныхъораторій и гробовъ-аркосоліевъ.

Въ 1879 году профессоръ Красносельцевъ издалъ *Очерки древняго христіанскаго искусства по памятникамъ подземнаго Рима* (Православный Собесѣдникъ, 1879, I, 64, 150; II, 192; III, 299, 394). Очерки написаны по книгѣ: «Rome sauterraine. Resumé des découvertes de M. de Rossi dans

les catacombes romaines par Northcote et Brownlow, traduit de l'anglais par Allard (Paris. 1872). Книга эта заключаетъ въ себѣ подробное и общедоступное изложеніе изслѣдованій римскаго археолога де Росси, обнародованныхъ имъ въ сочиненіи «Roma sotterranea»; она одобрена была самимъ Росси, который снабдилъ ее своимъ предисловіемъ.—По поводу сочиненія Ле-Блана—«Étude sur les sarcophages chrétiens antiques de la ville d'Arles» (Paris. 1878) Н. Ѳ. написалъ статью подъ заглавіемъ: *Барельефы древне-христіанскихъ саркофаговъ и ихъ литургическое значеніе* (Православный Собесѣдникъ, 1881, II, стр. 47—71). Здѣсь говорится о происхожденіи христіанскихъ саркофаговъ, ихъ археологическомъ и литургическомъ значеніи и излагаются новыя соображенія Ле-Блана относительно правилъ толкованія древнихъ иконографическихъ памятниковъ вообще и въ частности скульптуръ саркофаговъ, именно — посредствомъ сравненія послѣднихъ съ текстомъ погребальнаго богослуженія, а затѣмъ представляются образцы такого толкованія и дѣлается критическая оцѣнка воззрѣній французскаго автора.—Поѣздка Н. Ѳ. за границу, совершенная въ 1881—82 учебномъ году, обогатила его многими археологическими, литургическими и историческими познаніями и вызвала нѣсколько литературныхъ работъ, матеріалъ для коихъ былъ пріобрѣтенъ во время этого путешествія. Изъ сочиненій церковно-археологическаго содержанія, написанныхъ послѣ этой поѣздки, отмѣтимъ рѣчь Н. Ѳ., произнесенную на торжественномъ собраніи казанской духовной академіи 8 ноября 1883 года, подъ заглавіемъ: *Древне-христіанскія усыпальницы въ Римѣ и значеніе сдѣланныхъ въ нихъ открытій для богословской науки* (Православный Собесѣдникъ, 1883, III, стр. 231—270). Въ этой рѣчи Н. Ѳ., на основаніи не книгъ только, но и личныхъ впечатлѣній, прежде всего сдѣлалъ краткій очеркъ конструктивныхъ особенностей римскихъ катакомбъ, а затѣмъ очень обстоятельно выяснилъ ихъ значеніе для богословской науки, въ частности — для характеристики древне-христіанскаго богословія, насколько оно выразилось въ памятникахъ подземнаго Рима,—для доказательства многихъ богословскихъ положеній и т. п. Въ 1885 году, по случаю празднованія тысячелѣтія блаженной кончины первосвятителя славянъ Меѳодія, архіепископа Моравіи и Панноніи, Н. Ѳ. напечаталъ (также на основаніи личныхъ наблюденій) статью: *Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ* (Православный Собесѣдникъ, 1885, I, стр. 461—488). Статья имѣетъ историко-археологическій характеръ и содержитъ описаніе устройства церкви св. Климента съ указаніемъ ея археологическихъ памятниковъ и — воспоминаніе историческихъ событій, касающихся этой церкви и свв. первоучителей славянъ. На основаніи открытаго въ 1890 году типика церкви св. Софіи въ Константинополѣ Н. Ѳ. написалъ *Замѣтку по вопросу о мѣстонахожденіи халкопратійскаго храма въ Константинополѣ* (Лѣтопись историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе, II. Одесса. 1894, стр. 309—316), гдѣ высказываетъ свое мнѣніе по

этому трудному вопросу, нѣсколько отличающееся отъ предположенія проф. Д. Θ. Бѣляева (Виз. Врем., т. II, в. 1 и 2, стр. 249). Наконецъ, нужно отмѣтить статью подъ заглавіемъ: *Церковная археологія на русскихъ археологическихъ съѣздахъ* (Православный Собесѣдникъ, 1887, III, стр. 59—81), написанную Н. Θ. по поводу VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ. Здѣсь содержится критико-библіографическій обзоръ рефератовъ по церковной археологіи, читанныхъ на археологическихъ съѣздахъ въ Ярославлѣ и предшествующихъ.

Многочисленны литературные труды профессора Красносельцева и въ области *науки о православномъ богослуженіи.* Относительно этой науки Н. Θ. былъ того мнѣнія, что она у насъ разработана весьма мало и по этой причинѣ нуждается не столько въ теоретическихъ обобщеніяхъ, сколько въ изученіи ея источниковъ, т. е. рукописей богослужебнаго содержанія, хранящихся въ библіотекахъ Востока и Запада. Дѣло изслѣдованія источниковъ этой науки въ настоящее время должно, по его заявленію, составлять первую обязанность всякаго археолога-литургиста и вообще есть дѣло важное, требующее многихъ ученыхъ силъ. Въ частности для исторіи литургіи, важнѣйшей части христіанскаго богослуженія, изслѣдованіе ея списковъ должно составлять необходимую подготовительную работу. На эту сторону въ области литургики Н. Θ. и обратилъ наибольшее вниманіе въ своихъ литературныхъ работахъ. Первымъ и главнымъ его изслѣдованіемъ въ указанной области нужно считать ученое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки съ замѣчаніями о составѣ и особенностяхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, въ нихъ содержащихся, и съ приложеніями* (Казань 1885. Стр. 375). Это сочиненіе есть результатъ его занятій въ Ватиканской библіотекѣ въ 1882 году. Здѣсь содержится прежде всего описаніе 22 греческихъ и 3 славянскихъ рукописей литургическаго содержанія, сдѣланное вполнѣ научно, — съ указаніемъ общаго состава каждой рукописи, особыхъ статей, въ ней заключающихся, и наиболѣе важныхъ подробностей въ томъ или иномъ богослужебномъ чинѣ; въ потребныхъ случаяхъ авторъ входитъ въ археологическія и историческія изысканія по поводу открытаго имъ литургическаго матеріала. Не ограничиваясь описаніемъ рукописей, Н. Θ. многія изъ находящихся въ нихъ литургическихъ статей списалъ и въ полномъ текстѣ помѣстилъ въ своей книгѣ. Здѣсь опубликованы въ подлинномъ текстѣ слѣдующія статьи: чинъ крещенія и мѵропомазанія, послѣдованіе обрученія и вѣнчанія, послѣдованіе елеосвященія и освященія воды и чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста—изъ евхологія XVI вѣка; чинопослѣдованіе литургіи св. Іоанна Златоуста изъ списка, подареннаго папѣ Григорію XIII; чинопослѣдованіе литургій свв. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ и уставъ божественныя службы константинопольскаго патріарха Филоѳея — изъ славянскаго служебника конца XIV или начала XV вѣка. Въ концѣ «Описанія» Н. Θ. помѣстилъ два обширныхъ

приложенія, имѣющихъ весьма важное научное значеніе. Въ приложеніи первомъ разсматриваются греческіе списки литургіи св. Іоанна Златоуста въ западныхъ и русскихъ библіотекахъ. Красносельцевъ помѣстилъ здѣсь и полный текстъ литургіи св. Іоанна Златоуста по Севастьяновскому списку въ Румянцовскомъ музеѣ, а также въ сокращеніи издалъ литургію преждеосвященныхъ даровъ по тому же списку и литургію св. Златоуста по спискамъ Порфиріевскому въ Имп. Публичной библіотекѣ и Синодальному въ Московской Синодальной Библіотекѣ. На основаніи сравнительнаго значенія древнѣйшихъ списковъ литургіи св. Іоанна Златоуста, проф. Красносельцевъ въ разсматриваемомъ приложеніи весьма удачно возстановляетъ подлинную и первоначальную редакцію этой литургіи, усматривая ее въ Севастьяновскомъ спискѣ съ дополненіемъ недостающихъ молитвъ и возгласовъ изъ литургіи Василія Великаго по тому же списку. Въ приложеніи второмъ разсматриваются древнія толкованія литургіи, какъ источники ея исторіи, а именно толкованія: Іоанна Постника († 595), Максима Исповѣдника († 662), Софронія Іерусалимскаго († 641) и Германа Константинопольскаго († 740). Проф. Красносельцевъ не только критически обозрѣваетъ здѣсь извѣстныя ихъ редакціи и оцѣниваетъ ихъ въ научномъ отношеніи, но и опубликовалъ толкованіе на литургію св. Германа въ славянскомъ переводѣ по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 163 и подлинникъ его по греческому списку Ватиканской библіотеки № 790, провѣривъ послѣдній по рукописи Синодальной библіотеки № 327.

Прямымъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ о литургіи св. Іоанна Златоуста, которыя сообщены Н. Ѳ. въ «Свѣдѣніяхъ о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки», служатъ его *Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоуста, выпуски первый* (Православный Собесѣдникъ, 1889, приложеніе) *и второй* (Прав. Собесѣдникъ, 1895, приложеніе). Здѣсь опубликованы сравнительно позднѣйшіе памятники литургіи Златоуста, относящіеся къ тому времени, когда стали составляться подробные уставы литургіи и когда, наконецъ, явился тотъ уставъ чинопослѣдованія литургіи, который получилъ всеобщее распространеніе и употребляется донынѣ въ греческомъ и славянскомъ богослуженіи. Этотъ уставъ приписывается константинопольскому патріарху Филоѳею (1354—1355, 1364—1376 г.). Н. Ѳ. издалъ этотъ уставъ въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ» по рукописямъ аѳонскихъ монастырей Ватопедскаго и Пантелеймоновскаго въ редакціи, современной Филоѳею, дополнивъ ее параллельною славяно-русскою редакціей по Служебнику митрополита Кипріана изъ Московской Синодальной библіотеки № 344; а во второмъ выпускѣ тотъ же уставъ изданъ по первоначальному тексту, составленному Филоѳеемъ въ бытность его игуменомъ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ; рукопись (XIV в.) отрыта въ Аѳонскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ (см. Виз. Врем., т. III, вып. 2, стр. 407). Кромѣ устава Филоѳея, въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ» изданы: 1) уставъ облаченія и проскомидіи XIII в. по рукописямъ библіотекъ монастырей Ефигме-

нова и Пантелеймонова на Аѳонѣ; 2) уставъ литургіи конца XIII или начала XIV в. по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 381; 3) уставъ литургіи XV в. по рукописямъ Іерусалимской патріаршей и С.-Петербургской публичной библіотекъ и 4) уставъ литургіи XV в. по рукописи Ватиканской библіотеки № 573. Во второмъ выпускѣ предположено было издать также уставъ XIV в. протонотарія Великой церкви Димитрія Гемиста. При помощи указанныхъ уставовъ почтенный ученый имѣлъ въ виду представить генеалогію употребляющагося теперь въ православной церкви чина литургіи св. Іоанна Златоуста.

Къ «Свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки», именно по второму, помѣщенному здѣсь, приложенію тѣсно примыкаетъ статья Н. Ѳ. подъ заглавіемъ: *Объясненіе литургіи, составленное Ѳеодоромъ, епископомъ андидскимъ. Памятникъ византійской духовной литературы XII вѣка* (Православный Собесѣдникъ, 1884, I, стр. 370—415). Ѳеодоръ составилъ *первый* опытъ истолкованія литургіи въ смыслѣ цѣлостнаго символическаго представленія событій всей земной жизни Спасителя и всего домостроительства нашего спасенія. Н. Ѳ. сдѣлалъ полный его переводъ съ греческаго текста въ патрологіи Миня (т. 140) и издалъ въ упомянутой статьѣ съ краткимъ предисловіемъ о характерѣ и значеніи памятника. Подобнаго же характера и статья *О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ* (Лѣтопись историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ. IV. Византійское отдѣленіе. II, стр. 178—257), гдѣ анализируются толкованія на литургію патріарха іерусалимскаго Софронія и Ѳеодора андидскаго (см. Виз. Врем., т. II, вып. 1 и 2, стр. 247—248). Наконецъ, въ статьѣ—*Славянскія рукописи патріаршей библіотеки въ Іерусалимѣ* (Православный Собесѣдникъ, 1888, приложеніе и отдѣльно. Казань. 1889. Стр. 32) помѣщено описаніе 22-хъ славянскихъ рукописей литургическаго содержанія, изслѣдованныхъ Н. Ѳ. въ означенной библіотекѣ лѣтомъ 1888 года.

Въ своихъ литературныхъ трудахъ Н. Ѳ. занимался изслѣдованіемъ и многотруднаго, но весьма интереснаго вопроса о церковномъ типикѣ. Первою его ученою работою въ этой области была статья подъ заглавіемъ: *Богослуженіе іерусалимской церкви въ концѣ IV вѣка* (Православный Собесѣдникъ, 1888, III стр. 350—384). Статья написана по поводу вновь открытаго «Путешествія по св. мѣстамъ св. Сильвіи Аквитанки», опубликованнаго итальянскимъ ученымъ Гамуррини (S. Hilarii tractatus de mysteriis et S. Silviae Aquitanae peregrinatio ad loca sancta etc. Romae 1887). Путешествіе было совершено Сильвіей въ промежутокъ времени отъ 385 года по 388 годъ, а описаніе его замѣчательно тѣмъ, что здѣсь систематически и съ знаніемъ дѣла изложенъ полный уставъ современнаго іерусалимскаго богослуженія. Въ виду важнаго значенія находящагося въ «Путешествіи» описанія іерусалимскаго богослуженія, Н. Ѳ. обстоятельно познакомилъ публику съ содержаніемъ этого памятника. Тому же важному вопросу о церковномъ уставѣ посвящена и мо-

нографія Н. Ѳ. подъ заглавіемъ: *Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ IX в.* (Лѣтопись историко-филологическаго общества при новоросс. университетѣ. II. Византійское отдѣленіе. I. Одесса. 1892. Стр. 156—254). Здѣсь рѣчь идетъ о патмосской рукописи Фотіева вѣка (№ 266 по каталогу Саккеліона), содержащей описаніе обычныхъ и праздничныхъ богослуженій Великой Церкви, составленное въ теченіе почти всего IX вѣка. Въ своемъ изслѣдованіи объ этой рукописи Н. Ѳ. даетъ общія свѣдѣнія о составѣ ея и содержаніи, анализируетъ нѣкоторыя ея составныя части и указываетъ значеніе этого памятника въ исторіи церковнаго типика и для характеристики православнаго богослуженія въ IX вѣкѣ (см. Виз. Врем., т. I, в. 2, стр. 438—439). Въ 1896 году эта монографія была дополнена новою статьей подъ заглавіемъ: *Къ изученію «Типика Великой Церкви»* (тамъ же, вып. III, стр. 329—344. Одесса. 1896). Здѣсь къ тексту типика, изданнаго проф. Дмитріевскимъ, предложены нѣкоторыя добавленія и поправки на основаніи іерусалимской рукописи того же устава, относящейся къ X вѣку и принадлежавшей Крестному монастырю (См. Виз. Врем., т. IV, в. 1 и 2, стр. 254—255).

Изъ другихъ литературныхъ работъ Н. Ѳ. литургическаго характера особенно примѣчательно сочиненіе подъ заглавіемъ: *О нѣкоторыхъ церковныхъ службахъ и обрядахъ, нынѣ не употребляющихся* (Православный Собесѣдникъ, 1887, I—III и отдѣльно. Казань. 1889). Въ этомъ сочиненіи Н. Ѳ. напечаталъ очень много новаго рукописнаго матеріала, заимствованнаго изъ Соловецкой библіотеки при казанской академіи и касающагося нѣкоторыхъ, теперь не употребляющихся, богослужебныхъ чиновъ.

Подобнымъ же научнымъ характеромъ отличаются и слѣдующія статьи Н. Ѳ—ча: *Памятникъ древне-русской письменности, относящійся къ исторіи нашего богослуженія въ XVI вѣкѣ* (Православный Собесѣдникъ, 1884, I, стр. 93—108) и *Толковая служба» и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XVIII вѣка. Библіографическій обзоръ* (тамъ же, 1878, II, стр. 3—43). Въ первой статьѣ рѣчь идетъ о памятникѣ изъ сборника конца XVI или начала XVII вѣка Соловецкой библіотеки № 872 (л. 65—72), заключающаго въ себѣ: Василія Великаго «слово учительно и предъоустроительно же о крещеніи», толковую литургію и нѣсколько каноническихъ, литургическихъ и иныхъ посланій и отрывковъ, — въ томъ числѣ и публикуемый Н. Ѳ. отрывокъ изъ обличительнаго посланія эпохи Стоглава касательно современной богослужебной практики. Къ памятнику сдѣланы пояснитесьныя замѣчанія. Во второй статьѣ разсматриваются различныя древне-русскія сочиненія, въ коихъ заключаются объясненія литургіи, и въ частности такъ называемый «Толкъ божественныя службы», и аналогичное съ нимъ—«Святаго Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія». Какъ эти памятники, такъ и другіе, здѣсь анализируемые, заимствованы авторомъ изъ рукописнаго матеріала Соловецкой библіотеки. Изданіе ихъ сопровождается историко-археологическими объясненіями. — Къ разсматриваемой группѣ

сочиненій Н. Ѳ. относится и статья — *Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ «Дѣйствъ» XVI—XVII вѣка* (Труды VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. II, стр. 34—37. Москва. 1895), гдѣ описывается рукопись «Дѣйствъ» отъ XVI в. въ Софійской, нынѣ С.-Петербургской духовной академіи, библіотекѣ за № 1100 (см. Виз. Врем., т. III, вып. 1, стр. 169—170). — Укажемъ наконецъ еще на трудъ Н. Ѳ. Красносельцева: *Addenda къ изданію А. Васильева «Anecdota graeco byzantina» (Москва 1893)*. Одесса 1898. 107 стр. Лѣтопись историко-филологическаго общества при новоросс. университетѣ. Византійское отдѣленіе IV).

Изъ литературныхъ трудовъ Н. Ѳ., относящихся къ церковной исторіи, кромѣ отмѣченной выше его магистерской диссертаціи, особый интересъ представляетъ вступительная лекція, прочитанная имъ въ новороссійскомъ университетѣ въ 1889 году. Она составлена на тему *О значеніи археологическихъ открытій для обработки древней церковной исторіи* (Одесса. 1889. Стр. 22). Въ началѣ этого чтенія лекторъ заявилъ, что, приступая къ преподаванію церковной исторіи, онъ намѣренъ слѣдовать лучшему пути, выработанному исторіей церковно-исторической науки и опредѣляемому современнымъ состояніемъ источниковъ этой науки и матеріала, подлежащаго ея обработкѣ. Западная церковно-историческая наука — и протестантская, и католическая — отличается крайнимъ конфессіонализмомъ и есть въ сущности историческая теологія, а не исторія. Но въ недавнее время, подъ вліяніемъ односторонности церковной исторіи и нарожденія особой науки — церковной археологіи, возникла реакція въ характерѣ церковно-историческаго изслѣдованія—направленіе археологическое, особенности котораго опредѣляются тѣснымъ сближеніемъ между церковной исторіей и археологіей, введеніемъ археологическихъ открытій въ церковно-историческое изложеніе. Слѣды такого направленія наблюдаются въ сочиненіяхъ Allard'a и Roller. При содѣйствіи церковной археологіи, съ небывалою широтой и основательностью можетъ быть обработана исторія внѣшнихъ проявленій христіанской религіозной жизни въ культѣ, обычаяхъ, нравахъ, искусствѣ и т. п.; значительно увеличится матеріалъ мартирологическій и агіологическій, получатъ новую постановку и рѣшеніе нѣкоторые юридическіе вопросы, напримѣръ, о правахъ церкви по имуществу въ первые вѣка; церковная исторія освободится отъ конфессіонализма и преобладанія теорій надъ фактами и станетъ на почву строго фактическую, какова и есть почва археологическая. — Въ другой статьѣ церковно-историческаго содержанія: *Патріархъ Фотій и византійское богослуженіе его времени* (Одесса. 1892. Стр. 20) уясняется, какую постановку имѣли въ византійскомъ богослуженіи элементы дидактическій, или богослужебное проповѣдничество, и поэтическій, или богослужебное пѣснопѣніе, до времени константинопольскаго патріарха Фотія и при немъ и какое участіе принималъ въ ихъ развитіи и упорядоченіи этотъ знаменитый патріархъ. Статья представляетъ рѣчь, произнесенную Н. Ѳ. на публичномъ собраніи историко-филологическаго

общества при новороссійскомъ университетѣ 6-го февраля 1891 года, въ день тысячелѣтія кончины патріарха Фотія.

Нѣкоторыя произведенія Н. Ѳ. относятся къ *исторіи русской литературы*. Такова, прежде всего, брошюра подъ заглавіемъ: *Къ вопросу о греческихъ источникахъ «Бесѣды трехъ святителей»* (Одесса. 1890. Стр. 43). Она написана по поводу открытыхъ Н. Ѳ. въ библіотекахъ Пантелеимонова монастыря и Андреевскаго скита на Аѳонѣ двухъ греческихъ статей XIV и XVIII в., относящихся къ «Бесѣдѣ трехъ святителей». Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о происхожденіи, содержаніи и составѣ этихъ статей, объ отношеніи ихъ къ русской «Бесѣдѣ трехъ святителей» и о значеніи, какое онѣ имѣютъ сами по себѣ. Въ дополнительной брошюрѣ — *Еще по вопросу объ источникахъ «Бесѣды трехъ святителей»* (Одесса. 1891. Стр. 14) рѣчь идетъ о новомъ греческомъ документѣ, относящемся къ указанному предмету и заимствованномъ изъ рукописи Парижской національной библіотеки № 395 по каталогу Омона. Въ статьѣ: *«Преніе Панагіота съ Азимитомъ» по новымъ греческимъ спискамъ* (Лѣтопись историко-филологическаго общества при И. новороссійскомъ университетѣ. VI. Византійское отдѣленіе. III. Одесса. 1896, стр. 295—328) разсматриваются аѳонскій и аѳинскій списки этого любопытнаго историко-литературнаго памятника (см. Виз. Врем., т. IV, вып. 1 и 2, стр. 254).

Н. Ѳ—чу принадлежатъ также и слѣдующія статьи: *Къ исторіи «Православнаго Собесѣдника». По поводу тридцатилѣтія журнала* (Православный Собѣсѣдникъ, 1885, III, стр. 459—507) и — *Памяти покойнаго профессора казанской духовной академіи Ивана Яковлевича Порфирьева* (Записки новороссійскаго университета. Одесса 1890).

Наконецъ, Н. Ѳ—чу принадлежитъ цѣлый рядъ рецензій и критико-библіографическихъ статей, написанныхъ по поводу наиболѣе выдающихся произведеній русской литературы, относящихся къ его спеціальнымъ занятіямъ. Этого рода литературные труды Н. Ѳ., иногда довольно большіе и снабженные весьма серьезнымъ и солиднымъ ученымъ аппаратомъ, разсѣяны по различнымъ изданіямъ. Въ «Протоколахъ засѣданій Совѣта казанской духовной академіи» помѣщены рецензіи Н. Ѳ. на слѣдующія сочиненія: проф. И. С. Бердникова «Государственное положеніе религіи въ римскомъ государствѣ» (1881 г., стр. 120—133), Озерецкаго, «Объ истинахъ христіанской вѣры на основаніи христіанскихъ археологическихъ памятниковъ первыхъ шести вѣковъ по Р. Хр.» (1873, стр. 65—70), А. А. Дмитріевскаго «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ» (1883, стр. 334—338), А. И. Алмазова «Исторія чинопослѣдованій таинствъ крещенія и мѵропомазанія» (1884, стр. 193—198) и Снегирева «О богослужебной поэзіи древне-греческой церкви до конца VI вѣка (1874, стр. 193—195). Въ «Лѣтописи историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ — византійское отдѣленіе» находимъ рецензіи Н. Ѳ. на слѣдующія сочиненія: Н. В. Покровскаго «Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ» и «Евангеліе въ памятникахъ иконо-

графіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ» (выпускъ I, Одесса. 1892), Н. Глубоковскаго «Блаженный Θеодоритъ, епископъ киррскій», Strzygowski «Byzantinische Denkmäler (тамъ же), Παπαδόπουλος-Κεραμεύς «Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη» и «Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας» (выпускъ II. Одесса. 1892), Meyer'a «Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster» и А. А. Дмитріевскаго «Евхологіонъ Серапіона Тмуитскаго IV вѣка» (тамъ же). Наконецъ, въ «Византійскомъ Временникѣ» Н. Θ—чу принадлежатъ ученыя рецензіи на слѣдующія книги: А. А. Дмитріевскаго «Патмосскіе очерки» (т. I, стр. 723—732), «Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в.» (т. II, стр. 632—655) и «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ Востока, т. I, Τυπικά» (т. IV, стр. 587—615), И. Соколова «Состояніе монашества въ византійской церкви въ IX—XII в.» (т. II, стр. 205—213), Alb. Jahnius'a «Anecdota graeca theologica cum prolegomenis» (тамъ же стр. 214—220), И. Андреева «Константинопольскіе патріархи» (т. IV, стр. 192—208) и Dr. Waldemar Nissen «Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts» (т. V, стр. 735—737).

Изъ представленнаго краткаго обзора учено-литературной дѣятельности Н. Θ. Красносельцева видно, что дѣятельность эта была очень почтенна. Н. Θ. оставилъ послѣ себя многочисленное и разнообразное учено-литературное наслѣдіе, обогатившее русскую науку весьма цѣнными пріобрѣтеніями. Въ своихъ литературныхъ трудахъ покойный профессоръ разсматривалъ преимущественно основные и существенные вопросы изъ области изучаемыхъ имъ наукъ. Въ церковной археологіи таковымъ былъ вопросъ о происхожденіи и устройствѣ христіанскаго храма въ первенствующей церкви, а въ наукѣ о православномъ богосуженіи — исторія чинопослѣдованія литургіи. Тотъ и другой вопросы изслѣдованы въ трудахъ Н. Θ. весьма основательно и разносторонне. Особую цѣнность его изысканіямъ въ указанной сферѣ придавало то обстоятельство, что Н. Θ. дополнилъ воззрѣнія, выработанныя на основаніи книжныхъ источниковъ, личнымъ и непосредственнымъ изученіемъ какъ археологическихъ памятниковъ христіанской древности на мѣстѣ ихъ нахожденія, такъ и рукописныхъ литургическихъ матеріаловъ — въ различныхъ библіотекахъ и архивахъ Востока и Запада. Его ученые труды, хотя написаны въ разное время, однако имѣютъ тѣсную внутреннюю связь между собою, преслѣдуютъ опредѣленную научную задачу и ведутся по опредѣленному научному плану. Въ этомъ большая заслуга Н. Θ. для русской науки. Обладая обширными и разносторонними познаніями въ области литургики, церковной археологіи и исторіи и будучи весьма компетентнымъ представителемъ этихъ отраслей богословскаго знанія, Н. Θ. имѣлъ весьма большое и благотворное вліяніе на учащуюся молодежь. И онъ, дѣйствительно, немало молодыхъ людей заинтересовалъ наукой и приготовилъ ихъ для серьезныхъ ученыхъ работъ. Достаточно указать на из-

вѣстныхъ профессоровъ А. А. Дмитріевскаго и А. И. Алмазова, которые были учениками Н. Ѳ. въ казанской академіи и подъ его руководствомъ написали свои первыя ученыя сочиненія. Въ послѣдніе годы, во время лѣтнихъ каникулъ Н. Ѳ. неоднократно совершалъ ученыя поѣздки въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Палестину и другія мѣстности Востока, занимался въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ и каждый разъ привозилъ въ Россію новыя открытія изъ области своихъ спеціальныхъ наукъ. Смерть и застигла его, въ одну изъ такихъ ученыхъ поѣздокъ, на далекой чужбинѣ — въ Константинополѣ, бывшей столицѣ нѣкогда славной и мощной византійской имперіи, изученію исторіи и культуры коей онъ посвятилъ почти всю свою жизнь. Миръ душѣ твоей, талантливый профессоръ и благородный человѣкъ. Память о тебѣ никогда не изгладится въ благодарныхъ сердцахъ твоихъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей, а имя твое на всегда сохранится въ лѣтописяхъ русской богословской науки въ числѣ именъ наиболѣе славныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ отечественнаго знанія и просвѣщенія.

И. Соколовъ.

† Памяти А. С. Павлова.

Въ августѣ не стало Алексѣя Степановича Павлова, украшавшаго послѣдовательно каѳедру каноническаго права въ казанскомъ, новороссійскомъ и, наиболѣе продолжительное время, въ московскомъ университетѣ. Смерть унесла его, не давъ ему осуществить всѣ его планы, намѣренія и желанія въ той научной области, въ которой онъ работалъ, въ которой чувствовалъ себя хозяиномъ, въ которой, можно сказать, священнодѣйствовалъ. Это былъ жрецъ науки, который трудился, не выпуская пера изъ рукъ и не разгибая спины, какъ бы давъ обѣтъ, по слову Псалмопѣвца, «не дать сна очамъ своимъ и вѣждать своимъ дреманія» (псал. 131), который приносилъ на жертвенникъ науки и свой богатый запасъ духовныхъ силъ, и свое здоровье, и житейскія удобства. Область, въ которой работалъ покойный, есть исторія византійско-славянскаго права. Какъ канонистъ, обладавшій къ тому же прекраснымъ знаніемъ церковной исторіи востока, онъ, разумѣется, болѣе всего работалъ надъ памятниками церковнаго права; но по самому свойству исторической эпохи, подлежавшей его изученію, и по характеру сборниковъ, обнимавшихъ какъ на византійскомъ востокѣ, такъ и у насъ на Руси, и памятники церковнаго, и памятники свѣтскаго права, работы почившаго ученаго выходили иногда изъ предѣловъ собственно церковнаго права. Назадъ тому четыре года, Алексѣй Степановичъ, совершая, какъ самъ онъ выразился тогда, «русскія поминки по Цахаріе фонъ Лингенталь» на страницахъ Византійскаго Временника, находилъ, что ученая дѣятельность знаменитаго нѣмецкаго византолога въ избранной имъ области историко-юридическихъ знаній состояла: во первыхъ—въ критическомъ изданіи громадной массы источниковъ византійскаго права, или вовсе до него неизвѣст-

ныхъ, или извѣстныхъ только въ неудовлетворительныхъ изданіяхъ,—во вторыхъ, въ тщательной разработкѣ исторіи этихъ источниковъ,—въ третьихъ, въ созданіи изъ нихъ строго-научной системы византійскаго права въ его историческомъ развитіи. Нашему ученому, поминки по которомъ приходится теперь такъ неожиданно совершать, и который дѣйствовалъ по той же программѣ, какъ и германскій византологъ, не удалось выполнить при жизни свое намѣреніе относительно созданія системы каноническаго права, и лишь по превосходной монографической разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ можно судить, насколько капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для русской науки была бы цѣлая система каноническаго права. Но въ первыхъ двухъ отношеніяхъ, т. е. въ отношеніи критическаго изданія памятниковъ и въ отношеніи разработки ихъ исторіи покойнымъ сдѣлано чрезвычайно много. Его большія библіографическія знанія и обширное знакомство съ рукописями греческими и славянскими дѣлали для него возможнымъ то, что другимъ было не подъ силу, открывать древніе памятники или лучшіе списки изданныхъ ранѣе памятниковъ, устанавливать наиболѣе правильный текстъ ихъ и слѣдить за ихъ исторической судьбой. Онъ прекрасно зналъ, какія рукописныя сокровища находятся въ разныхъ книгохранилищахъ, не считая отечественныхъ, каковы: московская синодальная (бывшая патріаршая) библіотека, С.-Петербургская публичная библіотека, библіотека Казанской духовной академіи (бывшая соловецкая) и др. Слѣдя по каталогамъ, онъ получалъ необходимыя справки, извлеченія и копіи изъ британскаго музея въ Лондонѣ, изъ Оксфордской бодлеянской библіотеки, изъ Мюнхена, Вѣны и Тюбингена, изъ венеціанской библіотеки св. Марка. Его зоркій глазъ проникалъ въ книгохранилища іерусалимской патріархіи, Аѳона и Патмоса, въ бѣлградскія, румынскія и чешскія книгохранилища. Человѣкъ яснаго и точнаго ума, покойный русскій ученый хорошо сознавалъ, что нельзя работать ощупью и въ потемкахъ, на непрочной колеблющейся почвѣ, на которой каждый шагъ сопряженъ бы былъ съ рискомъ погрязнуть или безнадежно запутаться въ мало обоснованныхъ или ни на чемъ не основанныхъ сужденіяхъ. И вотъ онъ сильною и умѣлою рукою укрѣплялъ эту колеблющуюся почву, внося камень за камнемъ въ прочный фундаментъ науки, давая тѣмъ самымъ возможность другимъ работать на почвѣ достаточно утвержденной, именно на почвѣ исторически-документальной, и въ этомъ смыслѣ можно назвать его основоположателемъ въ обширной научной области. Не дѣлая подробнаго библіографическаго перечня всѣмъ отдѣльнымъ, мелкимъ и крупнымъ, работамъ покойнаго А. С. Павлова и не придерживаясь строго хронологіи, припомнимъ важнѣйшіе его труды:

1) *Первоначальный славяно-русскій номоканонъ*. Казань, 1869. Изслѣдованіемъ этимъ положенъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и спорамъ на счетъ того, существовалъ ли у насъ греческій номоканонъ на славянскомъ языкѣ до 1262 г. (наиболѣе вѣроятный годъ полученія кіевскимъ митро-

политомъ Кирилломъ II сербской кормчей изъ Болгаріи), и не только этотъ вопросъ разъяснился въ положительномъ смыслѣ, но и пролитъ обильный свѣтъ на первоначальный составъ славяно-русскаго номоканона по сохранившимся древнѣйшимъ кормчимъ, выяснены основанія и характеристическія черты различія между кормчими рязанской и софійской фамилій. Значеніе этой своей работы самъ профессоръ Павловъ совершенно ясно и вѣрно опредѣлялъ, говоря, что невозможно и приступиться къ капитальному вопросу о вліяніи греко-римскаго права на русское въ періодъ русской правды и первыхъ нашихъ церковно-уставныхъ грамотъ, не заручившись напередъ точными свѣдѣніями о томъ, какія именно греко-римскія статьи, *уже переведенныя по славянски,* могли быть тогда у насъ прямыми проводниками новыхъ юридическихъ воззрѣній, представительницею которыхъ являлась церковная іерархія.

2) *Номоканонъ при большомъ требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя.* Одесса, 1872.—*Номоканонъ при большомъ требникѣ, его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными критическими примѣчаніями. Опытъ научнаго разрѣшенія вопросовъ объ этомъ сборникѣ, возникшихъ въ прошломъ столѣтіи въ Св. прав. Синодѣ. Новое отъ начала до конца переработанное изданіе.* Москва, 1897.—Покойному удалось разрѣшить задачу, которую тщетно старался разрѣшить оффиціальными путями св. синодъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ 1639 г. впервые былъ изданъ московскимъ церковнымъ правительствомъ при большомъ требникѣ номоканонъ, нѣсколько разъ передъ тѣмъ издававшійся въ юго-западной Руси, наша церковная практика должна была руководиться этимъ номоканономъ (покаяннымъ) въ такомъ же смыслѣ, какъ и кормчею книгою, оффиціально же изданною церковнымъ правительствомъ, а между тѣмъ нѣкоторыя правила, содержавшіяся въ номоканонѣ, настолько возбуждали сомнѣнія и недоумѣнія, что еще въ 1744 г. возникло въ св. синодѣ формальное дѣло объ освидѣтельствованіи и исправленіи номоканона и въ 1745 г. состоялось распоряженіе отыскать греческій подлинникъ и тотъ письменный славянскій оригиналъ, съ котораго сдѣлано было въ XVII в. печатное изданіе. Поиски оставались безуспѣшными до профессора Павлова, который нашелъ греческій подлинникъ и разъяснилъ, когда и гдѣ онъ появился. Это было сдѣлано въ 1872 г., а не задолго передъ смертію покойный вновь отъ начала до конца переработалъ прежнее изданіе, какъ въ отношеніи исторіи номоканона, такъ и въ отношеніи текстовъ греческаго и славянскаго. Въ исторію внесено не малое число фактовъ, остававшихся прежде неизвѣстными, греческій же текстъ изданъ не по одному списку, какъ въ первый разъ, а по шести спискамъ, полученнымъ покойнымъ изъ разныхъ мѣстъ. Можно съ нимъ не соглашаться относительно древней исторіи покаянія и покаяннаго номоканона, въ частности на счетъ авторства патріарха константинопольскаго Іоанна Постника въ надписываемомъ его именемъ номоканонѣ, можно находить далѣе про-

блематическимъ современное практическое значеніе номоканона; но все, что относится къ тексту и исторіи этого памятника со времени появленія его греческаго оригинала на Аѳонѣ въ XV в., всѣ данныя относительно его практическаго значенія въ предшествовавшее время, всѣ примѣчанія и объясненія къ отдѣльнымъ статьямъ номоканона, — все это носитъ на себѣ печать истинной учености. Покойный справедливо говорилъ въ своемъ новомъ, переработанномъ, изданіи номоканона: «Какъ бы ни относилась къ нашему номоканону современная церковная практика, несомнѣнно, что для *науки* русскаго церковнаго права онъ представляетъ такой матеріалъ, надъ которымъ она, съ честью для себя и не безъ пользы для самой практики, можетъ испробовать свои силы. Какъ памятникъ историческій, номоканонъ важенъ для науки по содержащимся въ немъ многочисленнымъ и любопытнымъ указаніямъ на обычаи, церковную практику и каноническія воззрѣнія той среды, въ которой образовался его подлинникъ, и тѣхъ временъ, въ продолженіе которыхъ онъ пользовался у греческаго духовенства всеобщимъ уваженіемъ. Принятый затѣмъ въ русской церкви съ такимъ же уваженіемъ... сборникъ этотъ за все время своего полнаго дѣйствія, безъ сомнѣнія, долженъ былъ оказать извѣстную долю вліянія на развитіе собственно русскаго церковнаго права, и не только церковнаго, но отчасти гражданскаго и уголовнаго. Освѣтить все содержаніе номоканона съ этой исторической точки зрѣнія — вотъ первая по отношенію къ нему задача науки русскаго права». И покойный дѣйствительно *освѣтилъ* темную до него область. Даже и въ тѣхъ его положеніяхъ, которыя относятся не къ этому номоканону, а къ номоканону съ именемъ Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго, есть много такого, съ чѣмъ приходится и еще придется серьезно считаться. Въ послѣднее время, въ нѣмецкой литературѣ Карломъ Голлемъ (Holl, Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum. 1898) высказанъ съ самою категорическою рѣшимостью взглядъ, что до монаха-каппадокійца Іоанна Постника второй половины XI в. на востокѣ не существовало никакого покаяннаго номоканона, кромѣ устава Ѳеодора Студита, историческое значеніе котораго не велико, да и подлинность не застрахована отъ сомнѣній. Взглядъ этотъ, не считая другихъ возможныхъ возраженій противъ него, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, встрѣчаетъ себѣ отпоръ прежде всего въ выдвинутыхъ профессоромъ Павловымъ двухъ спискахъ номоканона: въ спискѣ, находящемся въ рукописи Мюнхенской королевской библіотеки № 498, на листахъ 209—217, въ томъ грузинскомъ переводѣ съ именемъ Евѳимія, аѳонскаго монаха, родомъ грузинскаго царевича († 1028), свѣдѣнія о которомъ сообщены были въ бюллетеняхъ Императорской Академіи Наукъ покойнымъ академикомъ Броссе. Нужно сначала доказать, что названные списки принадлежатъ не десятому и не началу одиннадцатаго вѣка, а позднѣйшимъ временамъ, для того, чтобы съ большею или меньшею увѣренностью отрицать существованіе на востокѣ покаяннаго устава до второй половины XI в.

3) *Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ.* Спб. 1878. Свойственное или обычное покойному А. С. Павлову обширное знакомство съ рукописями дало ему возможность, при исполненіи порученія Императорской Академіи Наукъ — дать отзывъ о книгѣ А. Н. Попова: «Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, Москва, 1875», составить подъ выписаннымъ выше заглавіемъ, вмѣсто обыкновеннаго отзыва-рецензіи, цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, въ которомъ нѣкоторые греческіе и славянскіе документы въ первый разъ извлечены были изъ подъ спуда архивнаго на столбцы печати. Когда позднѣе, въ 1891 г. появился седьмой томъ изданія кардинала Питры: «Analecta sacra et classica, Spicilegio Solesmensi parata», проф. Павловъ въ состояніи былъ указать нѣкоторыя ошибки, допущенныя этимъ первоклассным ученымъ мастеромъ по части изданія греческихъ церковныхъ памятниковъ, и между прочимъ ту ошибку, что Питра издалъ, какъ неизданное раньше и притомъ подъ именемъ Дмитрія Хоматина, полемическое посланіе противъ латинянъ, въ дѣйствительности принадлежащее извѣстному современнику Керуларія Льву Охридскому или Болгарскому и изданное уже раньше проф. Павловымъ въ «Критическихъ опытахъ», притомъ съ именемъ настоящаго автора.

4) *Памятники древне-русскаго каноническаго права* (Русская Историческая Библіотека, т. VI, Спб. 1880, изд. Археограф. Коммиссіи). Сборникъ этотъ обнимаетъ время до XV в. включительно. Сюда вошли: а) каноническіе обѣты, постановленія, посланія и поученія русскихъ митрополитовъ, епископовъ и другихъ лицъ духовной іерархіи, б) постановленія и посланія соборовъ (владимірскаго, московскихъ и литовскихъ), в) грамоты патріарховъ константинопольскихъ, г) посланія князей русскихъ и литовскихъ и польскихъ королей къ константинопольскому патріарху, императору византійскому и русскимъ епископамъ, д) разныя чинопослѣдованія и формы актовъ (чинъ избранія и поставленія въ епископы, чинъ избранія и поставленія въ священники и діаконы, грамоты настольныя, благословенныя, прощальныя или разрѣшительныя, повинныя, отреченныя и проч.). Въ видѣ приложеній къ русскимъ памятникамъ, помѣщены 46 греческихъ документовъ по дѣламъ русской церкви за періодъ времени до XIV в. включительно. Это большею частію правительственные акты по дѣламъ русской церкви, находившейся въ зависимости отъ Константинополя (грамоты императорскія и патріаршія, постановленія константинопольскаго синода, наказы уполномоченнымъ, отправлявшимся изъ Константинополя въ русскую землю); но тутъ же изданы сохранившіяся на греческомъ языкѣ двѣ грамоты польскаго короля Казиміра и литовскаго князя Ольгерда къ патріарху Филоѳею. Слѣдуетъ пожалѣть, что покойный профессоръ не включилъ въ свой сборникъ и тѣхъ отрывковъ греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ митрополита Іоанна II, которые раньше были изданы имъ же самимъ въ XXII томѣ

Записокъ Императорской Академіи Наукъ. Большая часть памятниковъ, вошедшихъ въ VI томъ Русской Исторической библіотеки, была раньше разсѣяна по разнымъ изданіямъ, сдѣлавшимся библіографическою рѣдкостію и притомъ въ текстѣ не всегда полномъ и подлинномъ, а многіе документы и вовсе были неизвѣстны до тѣхъ поръ. Изданіе славянскихъ памятниковъ сдѣлано по лучшимъ спискамъ съ объясненіями и примѣчаніями, въ которыхъ или сообщаются новыя данныя для исторіи памятника или разъясняются отдѣльныя въ нихъ мѣста. Греческіе документы, извлеченные большею частію, или, точнѣе говоря, почти всѣ, за исключеніемъ одного (отвѣтовъ константинопольскаго синода на вопросы сарайскаго епископа Θеогноста 1276 г.), изъ извѣстнаго изданія Миклошича и Миллера: «Acta patriarchatus Constantinopolitani», давно уже не существующаго въ продажѣ, снабжены русскимъ переводомъ, кромѣ двухъ, напечатанныхъ безъ параллельнаго перевода по той причинѣ, что сохранившійся старинный славянскій переводъ ихъ нашелъ себѣ мѣсто въ ряду русскихъ памятниковъ. — Для работающаго въ области не только русскаго церковнаго права, но и въ области исторіи русскаго права вообще, шестой томъ Русской Исторической библіотеки, на который много труда положено было покойнымъ А. С. Павловымъ, есть безусловно — необходимая, можно сказать, настольная книга. Само собою разумѣется, что въ это изданіе вошло далеко не все, что относится къ исторіи русскаго церковнаго права (не говоря уже о княжескихъ уставахъ и грамотахъ, которыя вообще, по плану составителя, должны были остаться въ сторонѣ отъ этого изданія), — покойный хорошо это сознавалъ и при случаѣ восполнялъ пробѣлы. Такова его интересная находка — памятникъ русскаго церковнаго права XII в., изданный имъ въ журн. Мин. Нар. Просв. 1890, окт.; это есть поученіе новгородскаго владыки Иліи — Іоанна, которое издатель искусно и убѣдительно поставилъ въ связь съ такими, первостепенной важности, каноническими документами древней Руси, какъ отвѣты Нифонта и постановленія владимірскаго собора 1274 г., или, что тоже, правило митрополита Кирилла II.

5) *«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные, вмѣстѣ съ греческими подлинниками и съ историко-юридическимъ введеніемъ.* Спб. 1885. Благодаря покойному А. С. Павлову, мы имѣемъ образцовое ученое изданіе тѣхъ отрывковъ изъ византійскаго законодательства, которые у нашихъ предковъ объединялись въ одно цѣлое подъ названіемъ «книгъ законныхъ, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ». Въ составъ этого компилятивнаго цѣлаго вошли именно, кромѣ предисловія, которое есть собственно послѣдняя часть предисловія къ эклогѣ императоровъ-иконоборцевъ Льва Исавра и Константина Копронима: а) законы земледѣльнія отъ Оустиніановыхъ книгъ (νόμος γεωργικός) — сельско полицейскій уставъ, изданный не Юстиніаномъ, именемъ котораго надписывается въ рукописяхъ этотъ уставъ, а,

какъ принято думать, названными императорами-иконоборцами; б) законъ о казнѣхъ (περὶ ποινῶν) — титулъ XXXIX прохирона императора Василія Македонянина, съ присоединеніемъ слѣдующаго XL титула о раздѣленіи военной добычи (περὶ διαμερισμοῦ σκύλων) и второй главы XXVI титула объ освобожденіи дѣтей преступника отъ власти отца съ момента осужденія этого послѣдняго; в) законъ о раздѣленіи бракомъ (περὶ διαλύσεως γάμου), т. е. о причинахъ развода — XI титулъ прохирона съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника, а съ другой стороны съ нѣкоторыми вставками изъ другихъ титуловъ, касающихся брака; г) главы ѳ послусѣхъ (περὶ μαρτύρων), т. е. о свидѣтеляхъ и свидѣтельскихъ показаніяхъ — титулъ XXVII тогоже прохирона. Покойный оказалъ важную услугу исторіи русскаго права, издавъ эту компиляцію, которая до него сполна была издана только одинъ разъ еще въ стародавнія времена, именно въ 1768 г., Башиловымъ, въ видѣ приложенія къ Царскому Судебнику, подъ заглавіемъ: «Древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ», и издана такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, безъ помощи греческаго подлинника, трудно добраться не только до правильнаго, но и до какого нибудь смысла, а объ изданіи греческаго подлинника Башиловъ, разумѣется, и не помышлялъ. Справедливо говорилъ покойный профессоръ Павловъ въ своемъ историко-юридическомъ введеніи къ издаваемымъ имъ «книгамъ законнымъ», что отсутствіе удовлетворительныхъ изданій существующихъ въ славянскомъ переводѣ источниковъ греко-римскаго права, т. е. изданій по лучшимъ спискамъ и съ параллельнымъ греческимъ подлинникомъ, не благопріятствуетъ успѣхамъ нашей историко-юридической науки, такъ какъ безъ подобныхъ изданій невозможно не только разрѣшеніе, но даже и самое возникновеніе вопросовъ о томъ, въ какомъ видѣ нормы византійскаго права дѣлались достояніемъ славянскихъ народовъ, и какіе могли быть дѣйствительные или вѣроятные мотивы открывающихся при сравненіи отступленій даннаго перевода отъ подлинника.

6) *Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. I.* Одесса, 1871. Въ первой (оставшейся единственною) части этого очерка авторъ, такъ сказать, отступилъ отъ обычнаго типа своихъ ученыхъ работъ. Очеркъ составленъ по печатнымъ матеріаламъ и лишь отчасти по рукописямъ и не снабженъ приложеніями какихъ либо новыхъ документовъ, ранѣе не изданныхъ. Но очеркъ составленъ рукою мастера и читается съ величайшихъ интересомъ. Авторъ начинаетъ съ эпизодическихъ и частныхъ, мѣстныхъ и случайныхъ, нарушеній имущественныхъ правъ того или другого церковнаго учрежденія, но собственно изслѣдуемый имъ періодъ времени есть XVI-е столѣтіе, т. е. та эпоха, когда опасность стала грозить уже не отдѣльному церковному учрежденію, а всей церкви, въ виду того, что правительство и общество дошли до сознанія, какъ выразился авторъ, нравственныхъ народно-экономическихъ и государственныхъ невзгодъ, происходящихъ отъ излишняго обогащенія мо-

настырей и церквей вотчинами, а съ другой стороны и сами московскіе государи не только не дошли еще до учрежденія монастырскаго приказа и до позднѣйшихъ секуляризаціонныхъ мѣропріятій, но не находили въ себѣ силы и твердости держаться даже и послѣдовательно-прямолинейной амортизаціонной политики. Шестнадцатое столѣтіе характеризуется любопытною, не повторявшеюся въ дальнѣйшей исторіи, борьбою и литературною полемикою двухъ партій: іосифлянъ и нестяжателей. Историческій интересъ эпохи въ глазахъ ученаго изслѣдователя долженъ былъ состоять именно въ томъ, что церковь боролась за неприкосновенность своихъ имуществъ не съ государствомъ въ первую голову, чего можно бы было, повидимому, ожидать, а съ представителями ея собственнаго духа и жизни — съ новымъ направленіемъ въ средѣ самого духовенства (именно монашества), государство же встрѣчало нежданныя помѣхи осуществленію своихъ желаній не столько во внѣшней силѣ и общественномъ значеніи духовной іерархіи, сколько въ силѣ вѣковыхъ обычаевъ и преданій, продолжавшихъ господствовать и надъ нимъ самимъ. Отсюда объясняется поразительное на первый взглядъ противорѣчіе въ дѣятельности всѣхъ московскихъ государей XVI вѣка, съ большимъ искусствомъ очерченное покойнымъ изслѣдователемъ: государи одною рукою отбирали у церквей и монастырей ихъ вотчины, или по крайней мѣрѣ пресѣкали способы къ пріобрѣтенію новыхъ вотчинъ, а другою рукою продолжали раздавать по прежнему, какъ повелось, жалованныя грамоты монастырямъ и церквамъ на земли и угодья.

7) *50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права.* Москва, 1887. Во первыхъ здѣсь окончательно выяснены и установлены источники, изъ которыхъ составилась 50-я (въ первыхъ изданіяхъ 51-я) глава печатной Кормчей. Таковыми источниками оказались: а) часть римско-католическаго ритуала, изданнаго отъ лица папы Павла V въ 1615 г., носившая въ подлинникѣ заголовокъ: «De sacramento matrimonii» и подъ соотвѣтственнымъ заглавіемъ: «о тайнѣ супружества», принятая кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой въ его требникъ, съ значительною при этомъ передѣлкою всего того, что носило на себѣ явные слѣды католицизма; б) трактатъ или изложеніе (ἔκθεσις) о разныхъ видахъ родства и о препятствіяхъ къ браку по родству, составленный во второй четверти XVI в. хартофилаксомъ константинопольской великой церкви Мануиломъ Ксанѳяниномъ, изданный потомъ, съ нѣкоторыми дополненіями, въ Венеціи въ 1564 г. греческимъ священникомъ Захаріей Скордиліемъ и принятый опять таки сначала въ кіевскій требникъ, при чемъ большая часть дополненій Скордилія опущена, но за то сдѣланы нѣкоторыя другія добавленія въ видахъ удобства мѣстной практики, наконецъ изъ требника перенесенный въ московскую Кормчую книгу при ея напечатаніи. Во вторыхъ, разсматриваемое изданіе А. С. Павлова не есть только изданіе памятниковъ съ учеными prolegomena и учеными примѣчаніями: это есть превосходная ученая моно-

графія по брачному праву, въ которой выяснено, какія нормы брачнаго права почерпнуты у насъ изъ 50-й главы Кормчей книги, или подъ ея вліяніемъ установились (о необходимости взаимнаго согласія жениха и невѣсты на бракъ, о невѣнчаніи супруговъ-нехристіанъ, принявшихъ крещеніе, о троекратномъ оглашеніи предстоящаго брака, о вѣнчаніи браковъ въ приходской церкви приходскими священниками и при свидѣтеляхъ и проч.), разъяснены затѣмъ очень важныя положенія о счисленіи степеней въ свойствѣ, о предѣлахъ вліянія духовнаго родства на бракъ, а главное—предложена и развита конструкція формы брака, какъ таинства, съ обильнымъ историко-литературнымъ освѣщеніемъ этого вопроса. Попутно, такъ сказать, изданы въ изслѣдованіи о 50-й главѣ Кормчей книги, въ видѣ приложеній къ нему, нѣкоторые цѣнные документы изъ сравнительно новаго времени, каковы: составленный отъ лица св. Синода трактатъ архіепископа С.-Петербургскаго Гавріила (Кременецкаго) о порядкѣ и условіяхъ заключенія брака,—этимъ трактатомъ пользовался св. Синодъ при составленіи наказа своему депутату въ Екатерининскую коммиссію о сочиненіи новаго уложенія, — и сводъ рѣшеній св. прав. Синода, послѣдовавшихъ по дѣламъ о бракахъ, совершившихся въ разныхъ сродствахъ,—трудъ извѣстнаго ученаго кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова (изъ рукописей кіево-софійскаго каѳедральнаго собора).

8) Изъ сравнительно-мелкихъ работъ покойнаго Алексѣя Степановича заслуживаютъ особеннаго вниманія:

Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву (въ Ученыхъ Запискахъ Казанск. унив. за 1865 г.).

Объ участіи міряпъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права (въ Учен. Зап. Казан. унив. за 1866 г.).

Есть ли твердое каноническое основаніе для содержащагося въ 253 ст. уст. дух. конс. правила объ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лица, бракъ котораго расторгнутъ по нарушенію имъ супружеской вѣрности? Это, собственно говоря,— краткій очеркъ восточнаго бракоразводнаго права, вошедшій въ изданныя по распоряженію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода «Мнѣнія и отзывы по вопросу о правѣ лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ нарушенія ими супружеской вѣрности, на вступленіе въ другой бракъ».

О началѣ галицкой и литовской митрополіи (Русское Обозрѣніе, 1894, май).

По поводу полемики противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ (Русск. Обозр., 1894, декабрь).

На страницахъ «Византійскаго Временника» изданы профессоромъ Павловымъ нѣкоторыя синодальныя постановленія, каноническіе отвѣты и другіе цѣнные документы, остававшіеся доселѣ неизвѣстными и не нашедшіе себѣ мѣста въ аѳинской «Синтагмѣ» Ралли и Потли. Изъ нихъ мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя вещи, напр. о несуществованіи до

синодальнаго акта патріарха Михаила Анхіала 1171 г. присяги архіереевъ на вѣрность императору,—о примѣненіи въ практикѣ новеллъ Константина Порфиророднаго и Мануила Комнина объ убійцахъ, — о томъ, что при вступленіи въ бракъ первобрачнаго съ вдовымъ вѣнчанія удостоивался только вступающій въ первый бракъ,—о томъ, что copula carnalis и въ византійскомъ каноническомъ правѣ не была моментомъ безразличнымъ при разрѣшеніи вопросовъ брачнаго права (такъ какъ, при послѣдовательномъ вступленіи въ нѣсколько браковъ, бракъ съ малолѣтнею, умершею прежде чѣмъ мужъ могъ вступить въ сожитіе съ нею, не шелъ въ счетъ, какъ оставшійся неконсумированнымъ). Что же касается подложной дарственной грамоты Константина Великаго папѣ Сильвестру, то статью о ней въ III томѣ «Византійскаго Временника» нужно прямо отнести къ числу лучшихъ работъ Алексѣя Степановича. Онъ прослѣдилъ судьбу этого латинскаго документа на греческомъ востокѣ и у насъ на Руси, въ добавокъ еще остроумно связавъ съ нимъ возникновеніе знаменитой и излюбленной нашими раскольниками новгородской «повѣсти о бѣломъ клобукѣ».

Въ заключеніе мнѣ, пишущему эти строки, остается добавить еще нѣсколько словъ, такъ сказать, лично-субъективнаго характера. На мнѣ, можетъ быть, болѣе чѣмъ на комъ нибудь, лежитъ священная обязанность воздать покойному Алексѣю Степановичу Павлову посмертную хвалу, въ которой онъ теперь не нуждается, но которая для меня самого составляетъ внутреннюю потребность. Говорю это потому, что обстоятельства вызвали меня вступить въ полемику съ покойнымъ, а въ полемикѣ, къ сожалѣнію, не всякое слово и не всегда достаточно взвѣшивается. Самъ покойный очень хорошо зналъ, что я отношусь къ его ученымъ заслугамъ съ величайшимъ почтеніемъ, которое выражалось съ моей стороны и при личныхъ свиданіяхъ, и въ перепискѣ, и въ печати. Въ «Курсѣ церковнаго права» т. I, стр. 305 было сказано мною, что спорный и неясный для прежнихъ изслѣдователей вопросъ о первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ *разъясненъ* профессоромъ Павловымъ, результаты изслѣдованія котораго и изложены на стр. 305 и сл. Въ томъ же I томѣ «Курса» на стр. 341 было сказано: «Въ XVIII столѣтіи, въ виду того, что, нѣкоторыя статьи номоканона (при большомъ требникѣ) вызвали въ практикѣ недоумѣніе, оффиціально былъ возбужденъ Святѣйшимъ Синодомъ вопросъ о происхожденіи и каноническомъ достоинствѣ этого сборника. Въ недавнее время этотъ вопросъ *разъясненъ*, при чемъ найденъ былъ и греческій подлинникъ номоканона— это сдѣлано профессоромъ московскаго университета А. С. Павловымъ». Послѣ появленія на свѣтъ изслѣдованія Алексѣя Степановича о 50-й главѣ Кормчей книги, мнѣ и въ «Курсѣ» приходилось называть его *превосходнымъ* изслѣдованіемъ (т. II, стр. 260 прим. 20), и въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (1888, февр.) съ восторгомъ отозваться о немъ, какъ о выдающемся ученомъ произведеніи. Мои личныя отношенія съ покойнымъ,

завязавшіяся со времени представленія мною въ юридическій факультетъ Московскаго университета докторской диссертаціи: «Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, 1884», никогда не прерывались, не смотря на возникшую между нами полемику. Въ 1888 г. появилась моя работа «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права» и вызвала со стороны покойнаго критику, помѣщавшуюся сначала на страницахъ «Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», потомъ вышедшую отдѣльной книгой: «Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права. Москва, 1892 г.». Въ отвѣтъ на эту критику была издана мною книжка: «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право, 1893». Въ послѣднемъ своемъ трудѣ, которымъ покойный Алексѣй Степановичъ подарилъ русскую науку,—въ новомъ, отъ начала до конца переработанномъ изданіи номоканона при большомъ требникѣ, онъ отдѣлилъ довольно много мѣста (приложеніе № 1, стр. 455—481) одному изъ спорныхъ между нами вопросовъ—о хронологическомъ и матеріальномъ отношеніи между номоканономъ Постника и 102-мъ правиломъ трулльскаго собора, въ связи съ вопросомъ объ авторствѣ патріарха Константинопольскаго Іоанна Постника. Мнѣ пришлось отвѣтить брошюрой: «Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ». Но полемизируя съ А. С. Павловымъ, я никогда не только самъ не сомнѣвался, но и другого не желалъ ввести въ сомнѣніе на счетъ того, что имѣю дѣло съ большимъ ученымъ, и что самая полемика моя вызвана была именно его непоколебимою репутаціей крупной и авторитетной научной величины, всякое слово которой могло бы быть принимаемо читающимъ на вѣру, а между тѣмъ вопросы, на мой взглядъ, были довольно важнаго свойства и притомъ, какъ мнѣ казалось, допускали возможность разныхъ мнѣній. Скажу болѣе. Расходясь съ взглядами А. С. Павлова и отстаивая свои мнѣнія, я никогда не терялъ изъ памяти не только того, что имѣю дѣло съ достойнымъ всякаго уваженія русскимъ ученымъ, но и того, что именно этотъ ученый своей критикой двигалъ спорные вопросы впередъ. Въ предисловіи къ моей полемической работѣ: «Къ вопросу о западномъ вліяніи» и проч., вызванной «Мнимыми слѣдами», была выражена *моя глубокая благодарность почтенному А. С. Павлову* за то, что «онъ своимъ разборомъ вывелъ мое сочиненіе («Слѣды» и проч.) изъ забвенія и далъ толчокъ къ дальнѣйшей разработкѣ темы о западномъ вліяніи на древне-русское право». Закончена была моя работа тѣмъ же, чѣмъ и начата—«повтореніемъ выраженной уже въ предисловіи благодарности моей почтенному А. С. Павлову за принятый имъ на себя трудъ разбора моего сочиненія, который послужилъ толчкомъ къ дальнѣйшей разработкѣ темы о западномъ вліяніи на древне-русское право». Эта двойная благодарность—въ началѣ и въ концѣ книги—не могла быть и не была одною только фразою, а какъ разъ выражала самое существо дѣла, въ

чемъ безъ труда убѣдится всякій, кому вздумалось бы прослѣдить нашу полемику. Не скажи покойный ни слова, мнѣ не было бы не только повода, но и возможности пополнить, исправить, лучше обосновать то, что было неполнаго, неяснаго, неточнаго, неправильнаго, недостаточно или совсѣмъ слабо обоснованнаго въ «Слѣдахъ», такъ какъ именно покойный умѣлъ выдвинуть и освѣтить слабые пункты. И если въ моей съ нимъ полемикѣ сказано нѣчто такое, что впослѣдствіи будетъ признано имѣющимъ нѣкоторую цѣнность, то я кругомъ обязанъ этимъ Алексѣю Степановичу, который какъ бы намѣренно заставлялъ меня высказаться полнѣе, точнѣе, яснѣе и правильнѣе. Словъ нѣтъ, рука покойнаго бывала иногда тяжеленька для его литературныхъ противниковъ, и при случаѣ онъ могъ задать порядочную баню; но въ концѣ концовъ каждое его замѣчаніе и возраженіе заставляло думать, работать и искать.

Съ сердечнымъ удовлетвореніемъ прочелъ я тѣ строки въ статьяхъ, посвященныхъ памяти А. С. Павлова, на страницахъ октябрской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ достопочтенный Василій Григорьевичъ Васильевскій коснулся полемики между А. С. Павловымъ и мною: «со стороны можно было подумать, что борются два врага, а послѣ кончины Алексѣя Степановича сдѣлались извѣстны совершенно недвусмысленные факты, свидѣтельствующіе объ искреннемъ и глубокомъ уваженіи противниковъ другъ къ другу». Не смѣю говорить о чувствахъ покойнаго ко мнѣ, потому что я годился скорѣе въ ученики, чѣмъ въ ровни ему. Скажу только, что его отношенія ко мнѣ всегда были не только чужды вражды и непріязни, но положительно исполнены доброжелательности, и разныя детали нашей полемики нисколько не мѣшали этой доброжелательности, а что касается меня лично, то какъ при жизни Алексѣя Степановича я всегда относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, такъ и по смерти его останусь навсегда съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ и съ благодарнымъ воспоминаніемъ о неутомимомъ работникѣ на мало разработанной почвѣ, о служителѣ науки, въ трудахъ котораго есть много такого, что имѣетъ *перманентное значеніе*. Употребляя это выраженіе, которое мнѣ привелось слышать отъ самого же покойнаго Алексѣя Степановича во время одной изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ, я позволяю себѣ выразить увѣренность, что память о немъ дѣйствительно и не умретъ въ исторіи русской науки.

Н. Суворовъ.

Дополненіе къ статьѣ: Старинная Чепинская крѣпость и пр. Помѣщенная въ этой книгѣ моя статья печаталась во время моего отсутствія изъ Петербурга, и вслѣдствіе этого я не могъ привести въ ней измѣренія камней рельефовъ. Дополняю недостающее теперь, по возвращеніи своемъ.

Рельефное изображеніе св. Петра.

Длина камня 66 см., ширина 34 см.; длина по рамѣ 63 см., ширина 32 см.; длина сохранившейся части образа $47^{1}/_{2}$ см., ширина у рукъ 21 см.; толщина камня 7 см.

Рельефное изображенie св. Павла.

Длина мрамора по сохранившейся части 83 см., ширина 34 см.; толщина камня 7 см.; длина камня по рамѣ $74^{1}/_{2}$ см., ширина $30^{1}/_{2}$ см.; длина образа съ головы до ногъ 63 см., ширина у рукъ 21 см.

На нижней части камня въ $11^{1}/_{2}$ см. въ горизонтальномъ положенiи и $13^{1}/_{2}$ см. въ перпендикулярѣ сохранилась часть бывшей здѣсь греческой надписи крупными буквами въ $3^{1}/_{2}$ см.:

ΔΕ ΜῊ ΠΑΡΈΡ$\overset{\text{ȣ}}{\text{Χ}}$ $\overset{\text{τ}}{\text{ὃ}}$

ΙC ΕἸΛΗΦΕ

П. Сырку.

28 октября 1898 г.

…ая мраморныя изображенія св. апостоловъ Петра и Павла, найденныя въ Чепинѣ.

Ῥ
Γε
Γα
Ἰτ
Ἀγ
Ἑλ
Νέ

Ὁ ἐν
Ὁ ἐν
Ἀπο
Ἀχ
Ῥωσικ
Ἡμ
Ιστο
Βυζαντιν
Ν. Θ.
Δ. Σ.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

σελ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ $12^1/_2$ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Inselstrasse 20, Leipzig.

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἑξῆς βιβλιοπώλαις·

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶς.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = $12^1/_2$ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь, 1898 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).